

История мира от историков в двадцати пяти томах,
том 06. Ранняя Римская империя

Генри Смит Уильямс

THE HISTORIANS' HISTORY OF THE WORLD

A comprehensive narrative of the rise and development of nations
as recorded by over two thousand of the great writers of
all ages: edited, with the assistance of a distinguished
board of advisers and contributors,
by

HENRY SMITH WILLIAMS, LL.D.

IN TWENTY-FIVE VOLUMES
VOLUME VI—THE EARLY ROMAN EMPIRE

The Outlook Company
New York

The History Association
London

1904

Содержание

ИСТОРИЯ МИРА ОТ ИСТОРИКОВ

Авторы и редакторы.

СОДЕРЖАНИЕ

РАННЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ: КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ

БОГАТСТВО РИМСКИХ НАДПИСЕЙ

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ ИМПЕРСКОГО РИМА

РИМСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЗАПАДЕ

КОНСТРУКТИВНЫЕ СИЛЫ ИМПЕРИИ

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

РЕФОРМЫ АВГУСТА

Налоговые реформы

ИМПЕРИЯ И ЯЗЫЧЕСКОЕ ВЕРОВАНИЕ

ИМПЕРИЯ И ХРИСТИАНСТВО

НЕВЫБЕЖНОЕ УПАДОК

СНОСКИ

КНИГА II РАННЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВВЕДЕНИЕ ОБЪЕМ, ИСТОЧНИКИ И ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИИ РИМА ПОД ВЛАСТЬЮ ИМПЕРАТОРОВ

ИСТОЧНИКИ ИМПЕРСКОЙ ИСТОРИИ

ПЕРВЫЙ ВЕК ИМПЕРИИ: ОТ АВГУСТА ДО НЕРОНА (30 ГОД ДО Н. Э. – 68 ГОД Н. Э.)

ВТОРОЙ ВЕК ИМПЕРИИ: ОТ ГАЛБЫ ДО МАРКА АВРЕЛИЯ (68-180 гг. н. э.)

ТРЕТИЙ ВЕК ИМПЕРИИ: ОТ КОММОДА ДО КЛАВДИЯ II (180-270 гг. н. э.)

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕК ИМПЕРИИ: ОРЕЛИАН — ФЕОДОСИЙ (270-395 гг. н. э.)

ЗАПАДНЫЕ ВЛАДЕНИЯ В ПЯТОМ ВЕКЕ ИМПЕРИИ (395-476 гг. н. э.)

СНОСКИ

ГЛАВА XXIX. ИМПЕРИЯ И ПРОВИНЦИИ

АВГУСТ СДЕЛАЛ ЕГИПЕТ СВОЕЙ ЧАСТНОЙ ПРОВИНЦИЕЙ

УПРАВЛЕНИЕ ПРОВИНЦИЯМИ

АРМИЯ И ФЛОТ ПОД ВЕДЕНИЕМ АВГУСТА

ГЛАВА XXX. НЕМЕЦКИЙ НАРОД И ИМПЕРИЯ

ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ ОТ РИМА

БИТВА В ТЕУТОБУРГСКОМ ЛЕСУ

ПОХОДЫ ГЕРМАНИКА[3]

ГЕРМАНИК ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РИМ

[КОНЕЦ МАРБОДУСА И АРМИНИЯ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXXI. ЭПОХА АВГУСТА — АСПЕКТЫ ЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ](#)

[ИМПЕРИЯ — ЭТО МИР](#)

[СРАВНЕНИЕ АВГУСТА И НАПОЛЕОНА III](#)

[РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В СРАВНЕНИИ С СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЕЙ](#)

[РИМСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ](#)

[АВГУСТ НАЗВАН ИМПЕРАТОРОМ НА ВСЮ ЖИЗНЬ](#)

[ИМПЕРАТОР НАЗВАН ПРИНЦЕПС СЕНАТУС И ПОНТИФЕКС МАКСИМУС](#)

[УЖЕСТОЧЕНИЕ ВЛАСТИ](#)

[ХЛЕБ И ЗРЕЛИЩА — ПИЩА И ИГРЫ](#)

[NOVUM SECLUM — НОВОЕ РОЖДЕНИЕ РИМА](#)

[ЛИТЕРАТУРА ЗОЛОТОГО ВЕКА](#)

[ОЦЕНКА МЕРИВАЛА ЛИВИ](#)

[ЛИВИЙ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИМНЕР РИМСКОГО НАРОДА](#)

[ДУХ ВРЕМЕНИ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXXII. ПОСЛЕДНИЕ ГОДА АВГУСТА](#)

[ЛИЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АВГУСТА](#)

[КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ ХАРАКТЕРА И ВЛИЯНИЯ АВГУСТА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXXIII. БЛИЖАЙШИЕ ПРЕЕМНИКИ АВГУСТА: ТИБЕРИЙ, КАЛИГУЛА И КЛАУДИЙ](#)

[Тиберий \(Тиберий Клавдий Нерон Цезарь\), 14-37 гг. н. э.](#)

[Калигула \(Гай Юлий Цезарь Калигула\), 37-41 гг. н. э.](#)

[Клавдий \(Тиберий Клавдий Друз Цезарь\), 41-54 гг. н. э.](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXXIV. НЕРОН: ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР ДИНАСТИИ ЦЕЗАРЕЙ](#)

[Нерон Клавдий Цезарь Друз Германик: 54-68 гг. н. э.](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXXV. ГАЛБА, ОТОН, ВИТЕЛЛИЙ И ТРИ ФЛАВИИ \(68-96 гг. н. э.\)](#)

[Гальба \(Сервий Сульпиций Гальба\), 68-69 гг. н. э.](#)

[Отон \(М. Сальвий Отон\), 69 г. н. э.](#)

[Вителлий \(Авл Вителлий\), 69 г. н. э.](#)

[Веспасиан \(Т. Флавий Сабин Веспасиан\), 69-70 гг. н. э.](#)

[Тит \(Т. Флавий Сабин Веспасиан II\) 79-81 гг.](#)

[Домициан \(Тит Флавий Домициан\), 81-96 гг. н. э.](#)

СНОСКИ

ГЛАВА XXXVI. ПЯТЬ ХОРОШИХ ИМПЕРАТОРОВ: ОТ НЕРВЫ ДО МАРКА АВРЕЛИЯ (96-180 гг. н. э.)

Нерва (М. Коккей Нерва), 96-98 гг. н. э.

Траян (М. Ульпий Траян Крестин), 98-117 гг.

Адриан (П. Элий Адриан), 117-138 гг. н. э.

Антонин (Тит Аврелий Антонин Пий), 138-161 гг.

Марк Аврелий (М. Элий Аврелий Антонин), 161-180 гг. н. э.

СНОСКИ

ГЛАВА XXXVII. ЯЗЫЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

СТОИЦИЗМ И ИМПЕРИЯ

ХРИСТИАНЕ И ИМПЕРИЯ

ХРИСТИАНИН И ИУДЕЙ

РЕЛИГИОЗНЫЕ СОБРАНИЯ ХРИСТИАН

ХРИСТИАНСТВО И ЗАКОН

ДЕТСТВО ЦЕРКВИ

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРИ НЕРОНЕ

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРИ ТРАЯНЕ И АНТОНИНАХ

СНОСКИ

ГЛАВА XXXVIII. АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЕРВЫХ ДВУХ ВЕКОВ ИМПЕРИИ

ДУХ ВРЕМЕНИ

МАНЕРЫ И ОБЫЧАИ

УЖИНЫ И БАНКЕТЫ

КРУЖКИ

ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

БИБЛИОТЕКИ И ИЗГОТОВЛЕНИЕ КНИГ

ЦЕРЕМОНИЯ РИМСКОГО БРАКА

СТАТУС ЖЕНЩИН

ОТЦОВСКАЯ ВЛАСТЬ И УСЫНОВЛЕНИЕ: РАБСТВО ДЕТЕЙ

ИНСТИТУТ РАБСТВА

ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

ОЦЕНКА ШЕПАРДОМ ГЛАДИАТОРСКИХ СОСТЯЗАНИЙ

СНОСКИ

ГЛАВА XXXIX. ПОЛОВИНА ВЕКА УПАДКА: ОТ КОМОДА ДО АЛЕКСАНДРА СЕВЕРА

Коммод (180-192 гг. н. э.)

Пертинакс (П. Гельвий Пертинакс), 193 г.

[Юлиан \(М. Дидий Север Юлиан\), 193 г.](#)

[Север \(Л. Септимий Север\), 193-211 гг.](#)

[Каракалла \(М. Аврелий Антонин Каракалла\), 211-217 гг.](#)

[Макрин \(М. Опилий Макрин\), 217-218 гг.](#)

[Элагабал \(Нарий Авибус Бассиан\), 218-222 гг.](#)

[Александр Север \(М. Аврелий Александр Север\), 222-235 гг. н. э.](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XL. СМУТА УСУГУБЛЯЕТСЯ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА III ВЕКА ИМПЕРИИ \(235-285 гг. н. э.\)](#)

[Максимин \(К. Юлий Вер Максимин\), 235-238 гг.](#)

[Соперничающие императоры и смерть Максимиана](#)

[Пупиен \(М. Клодий Пупиен Максим\), Бальбин \(Д. Целий Бальбин\) и Гордиан \(М. Антоний Гордиан\), 238-244 гг.](#)

[Филипп \(М. Юлий Филипп\), 244-249 гг.](#)

[Деций \(К. Мессиус Квинт Траян Деций\), 249-251 гг.](#)

[Галл \(С. Vibius Trebonianus Gallus\), 251-253 гг.](#)

[Эмилиан \(С. Юлий Эмилиан\), 253 г. н. э.](#)

[Валериан \(П. Лициний Валериан\) и Галлиен \(П. Лициний Галлиен\), 253-260 гг.](#)

[Галлиен \(П. Лициний Галлиен\), 260-268 гг.](#)

[Клавдий \(М. Аврелий Клавдий\), 268-270 гг.](#)

[Аврелиан \(L. Domitius Aurelianus\), 270-275 гг.](#)

[Тацит \(М. Клавдий Тацит\), 275-276 гг.](#)

[Проб \(М. Аврелий Проб\), 276-282 гг.](#)

[Карус, Нумериан и Карин \(282-285 гг. н. э.\)](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XLI. НОВАЯ НАДЕЖДА ДЛЯ ИМПЕРИИ: ЭПОХА ДИОКЛЕТИАНА И КОНСТАНТИНА](#)

[ДИОКЛЕТИАН НАЗНАЧАЕТ МАКСИМИАНА СОВМЕСТНЫМ ПРАВИТЕЛЕМ](#)

[ЧЕТВЕРНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ](#)

[ДИОКЛЕТИАН ПРЕСЛЕДУЕТ ХРИСТИАН](#)

[ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ВЛАСТИ ДИОКЛЕТИАНА И МАКСИМИАНА; ДВА НОВЫХ ЦЕЗАРЯ](#)

[РАЗДОР СРЕДИ ПРАВИТЕЛЕЙ](#)

[КОНСТАНТИН ВОЮЕТ С МАКСЕНТИЕМ](#)

[БОРЬБА МЕЖДУ КОНСТАНТИНОМ И ЛИЦИНИЕМ](#)

[ДОЛГОЕ ПЕРЕМИРИЕ МЕЖДУ ИМПЕРАТОРАМИ; РЕФОРМЫ КОНСТАНТИНА](#)

[КОНСТАНТИН И ЛИЦИНИЙ СНОВА ВОЙНУЮТ](#)

[КОНСТАНТИН, ЕДИНСТВЕННЫЙ ПРАВИТЕЛЬ, ОСНОВЫВАЕТ КОНСТАНТИНОПОЛЬ](#)

[СТАРЫЙ МЕТРОПОЛИС И НОВЫЙ: РИМ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ](#)

[ХАРАКТЕР КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО](#)

[КОНСТАНТИН И КРИСП](#)

[НАСЛЕДНИКИ КОНСТАНТИНА](#)

[СТАРЫЙ КОНСТАНТИН И САРМАТЫ](#)

[ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КОНСТАНТИНА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XLII. ПРЕЕМНИКИ КОНСТАНТИНА ДО СМЕРТИ ЮЛИАНА \(337-363 гг. н. э.\)](#)

[ВОЙНА БРАТЬЕВ-ИМПЕРАТОРОВ](#)

[КОНСТАНТИЙ И МАГНЕНТИЙ](#)

[КОНСТАНТИЙ ЕДИНСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТОР](#)

[СУДЬБА ГАЛЛА](#)

[КОНСТАНТИЙ И ЮЛИАН](#)

[КВАДИЙСКИЕ И САРМАТСКИЕ ВОЙНЫ](#)

[ВТОРЖЕНИЕ САПОРА В МЕСОПОТАМИЮ](#)

[ЮЛИАН В ГАЛЛИИ](#)

[ЮЛИАН ОТБИВАЕТ АЛАМАННОВ И ФРАНКОВ](#)

[ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА РЕЙН](#)

[ЮЛИАН КАК ГРАЖДАНСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ](#)

[РЕВНОСТЬ КОНСТАНТИЯ](#)

[ЮЛИАН ПРОвозглашен АВГУСТОМ](#)

[КОНСТАНТИЙ ПРОТИВ ЮЛИАНА](#)

[СМЕРТЬ КОНСТАНТИЯ; ЮЛИАН — ЕДИНСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТОР](#)

[РЕЛИГИЯ ЮЛИАНА](#)

[ЮЛИАН ВТОРГАЕТСЯ НА ВОСТОК](#)

[БИТВА У ТИГРИСА](#)

[ПРЕСЛЕДОВАНИЕ САПОРА](#)

[СМЕРТЬ ЮЛИАНА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XLIII. ЮВИАН К ТЕОДОСИЮ \(363-395 гг. н. э.\)](#)

[ИЗБРАНИЕ ЮВИАНА \(ФЛАВИЯ КЛАУДИЯ ЮВИАНА\)](#)

[САПОР НАПАДАЕТ НА РИМЛЯН](#)

[УНИЖЕНИЕ РИМЛЯН](#)

[ВАЛЕНТИНИАН И ВАЛЕНС](#)

[ВТОРЖЕНИЕ ГОТОВ НА ВОСТОКЕ \(375\); БИТВА ПРИ АДРИАНОПОЛИИ И СМЕРТЬ ВАЛЕНСА \(378\)](#)

[ВАЛЕНС ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ ГОТОВ](#)

[ТЕОДОСИЙ НАЗВАН АВГУСТОМ](#)

[ДОБРОДЕТЕЛИ ФЕОДОСИЯ](#)

[БЕСПОРЯДКИ В АНТИОХИИ](#)

[МЯТЕЖ В СОЛУНИ](#)

[ФЕОДОСИЙ И АМВРОСИЙ](#)

[ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ТЕОДОСИЯ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XLIV. РАЗДЕЛЕНИЕ ИМПЕРИИ \(395\)](#)

[АРКАДИЙ И ГОНОРИЙ НАСЛЕДУЮТ ФЕОДОСИЯ](#)

[АЛАРИК ВТОРГАЕТСЯ В ГРЕЦИЮ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XLV. ГОТЫ В ИТАЛИИ](#)

[Аларик вторгается в Италию](#)

[ГОНОРИЙ УХОДИТ В РАВЕННУ; АТТАЛ НАЗНАЧЕН ИМПЕРАТОРОМ](#)

[АТТАЛ СНИМАН С ТРОНА; АЛАРИК РАЗГРАБИВАЕТ РИМ](#)

[СМЕРТЬ АЛАРИКА; ПРЕЕМСТВО АТАВУЛЬФА](#)

[КОНСТАНТИНА И ГЕРОНТИЯ; КОНСТАНТИЯ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XLVI. ГУННЫ И ВАНДАЛЫ](#)

[ГОТСКИЙ ИСТОРИК ЙОРДАНЕС О БИТВЕ ПРИ ШАЛОНЕ](#)

[ВТОРЖЕНИЕ В ИТАЛИЮ: ОСНОВАНИЕ ВЕНЕЦИИ](#)

[ОТСТУПЛЕНИЕ АТТИЛЫ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XLVII. ПАДЕНИЕ РИМА](#)

[ВАРВАРЫ-СОЗДАТЕЛИ ИМПЕРАТОРОВ](#)

[ОБЗОР НАСТУПЛЕНИЯ ВАРВАРОВ](#)

[СБЫВШЕЕСЯ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ](#)

[ЗАМЕЧАНИЯ БРЕЙЗИГА О ПАДЕНИИ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ](#)

[СНОСКИ](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ А. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ НЕКОТОРЫХ МЕНЬШИХ НАРОДОВ МАЛОЙ АЗИИ](#)

[ЦАРСТВО ПЕРГАМ \(283-133 гг. до н. э.\)](#)

[ЦАРСТВО БИТИНИЯ \(278-74 гг. до н.э.\)](#)

[ЦАРСТВО ПОНТ \(337 г. до н. э. – 63 г. н. э.\)](#)

[ЦАРСТВО КАППАДОКИЯ \(ок. 333 г. до н. э. – 17 г. н. э.\)](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ В. РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ И РАННЯЯ ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ](#)

[I](#)

[II](#)

[III](#)

[IV](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[Глава XXIX.](#)

[Глава XXX.](#)

[Глава XXXI.](#)

[Глава XXXII.](#)

[Глава XXXIII.](#)

[Глава XXXIV.](#)

[Глава XXXV.](#)

[Глава XXXVI.](#)

[Глава XXXVII.](#)

[Глава XXXVIII.](#)

[Глава XXXIX.](#)

[Глава XL.](#)

[Глава XLI.](#)

[Глава XLII.](#)

[Глава XLIII.](#)

[Глава XLIV.](#)

[Глава XLV.](#)

[Глава XLVI.](#)

[Глава XLVII.](#)

[ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО РИМСКОЙ ИСТОРИИ, ОСНОВАННАЯ ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ НА РАБОТАХ, ЦИТИРУЕМЫХ, УПОМЯНУТЫХ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ; С КРИТИЧЕСКИМИ И БИОГРАФИЧЕСКИМИ ПРИМЕЧАНИЯМИ](#)

[A. Классические и позднее латинские работы](#)

[B. Византийские или более поздние греческие истории](#)

[C. Современные произведения](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга Project Gutenberg «История мира в двадцати пяти томах», том 06

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и большинства других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История мира в двадцати пяти томах, том 06

Ранняя Римская империя

Редактор: Генри Смит Уильямс

Дата выпуска: 17 октября 2018 г. [электронная книга № 58124]

Язык: английский

Благодарности: Произведено Дэвидом Эдвардсом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, любезно предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ МИРА В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ», ТОМ 06 ***

Примечание транскрибатора: в результате редакционных недочетов в оригинале некоторые ссылки в тексте не имеют соответствующих записей в списках ссылок и наоборот.

ИСТОРИЯ МИРА ОТ ИСТОРИКОВ

МОММСЕН

ИСТОРИЯ МИРА ИСТОРИКАМИ

Всеобъемлющее повествование о возникновении и развитии наций, записанное более чем
двумя тысячами великих писателей всех веков: под редакцией, при содействии
выдающегося совета консультантов и авторов,
by

ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМСОМ, доктором юридических наук.

В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ
ТОМ VI — РАННЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

The Outlook Company
Нью-Йорк

The Историческая ассоциация
Лондон
1904

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904,
АВТОР: ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

Издательство J. J. Little & Co.
Astor Place, Нью-Йорк

Авторы и редакторы.

Проф. Адольф Эрман, Берлинский университет.
Проф. Жозеф Алеви, Коллеж де Франс.
Проф. Томас К. Чейн, Оксфордский университет.
Проф. Эндрю К. МакЛафлин, Мичиганский университет.
Проф. Давид Х. Мюллер, Венский университет.
Проф. Альфред Рамбо, Парижский университет.
Проф. Эдуард Мейер, Берлинский университет.
Д-р Джеймс Т. Шотвелл, Колумбийский университет.
Проф. Теодор Нёльдеке, Страсбургский университет.
Проф. Альберт Б. Харт, Гарвардский университет.
Д-р Пол Броннле, Королевское азиатское общество.
Д-р Джеймс Гэрднер, С.В., Лондон.
Проф. Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, Берлинский университет.
Проф. Х. Марнали, Будапештский университет.
Д-р Г. В. Ботсфорд, Колумбийский университет.
Проф. Юлиус Веллхаузен, Гёттингенский университет.
Проф. Франц Р. фон Кронес, Университет Граца.
Проф. Вильгельм Солтау, Университет Заберна.
Проф. Р. В. Роджерс, Теологическая семинария Дрю.
Проф. А. Вамбери, Будапештский университет.
Профессор Отто Хиршфельд, Берлинский университет.
Барон Бернардо ди Сан Северино Кваранта, Лондон.
Проф. Ф. Йорк Пауэлл, Оксфордский университет.
Д-р Джон П. Петерс, Нью-Йорк.
Д-р С. Раппопорт, Школа восточных языков, Париж.
Проф. Герман Дильс, Берлинский университет.
Проф. К. В. К. Оман, Оксфордский университет.
Проф. И. Гольдзихер, Венский университет.
Проф. Э. К. Флеминг, Университет Западной Вирджинии.
Проф. Р. Козер, Берлинский университет.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ VI

РАННЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

СТРАНИЦА

РАННЕЕ РИМСКОЕ ЦАРСТВО: НАБРОСОК доктор Отто Хиршфельд	1
--	-------------------

ВВЕДЕНИЕ

ОБЪЕМ, ИСТОЧНИКИ И ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИИ ИМПЕРСКОГО РИМА	15
---	--------------------

ГЛАВА XXIX

ИМПЕРИЯ И ПРОВИНЦИИ (15 г. до н. э. – 14 г. н. э.)	25
--	--------------------

(Август делает Египет своей частной провинцией.) [43](#). Управление провинциями, [47](#). Армия и флот при Августе, [49](#).

ГЛАВА XXX

ГЕРМАНСКИЕ НАРОДЫ И ИМПЕРИЯ (16 г. до н. э. — 19 г. н. э.)	56
--	--------------------

Немецкая война за независимость против Рима, [59](#). Битва в Тевтобургском лесу, [64](#). Походы Германика, [69](#). Победы Германика, [71](#). Жуткие реликвии в Тевтобургском лесу, [72](#) (. Возвращение.) [72](#).
Сражение с Арминием, [74](#). Германик отозван в Рим, [76](#). Конец Марбодуса и Арминия, [76](#).

ГЛАВА XXXI

ЭПОХА АВГУСТА: АСПЕКТЫ ЕГО ЦИВИЛИЗАЦИИ (30 г. до н. э. — 14 г. н. э.)	78
---	--------------------

Империя — это мир, [78](#). Сравнение Августа и Наполеона III, [80](#). Римская империя по сравнению с современной Англией, [84](#). Римская конституция, [86](#). Август назначен пожизненным императором, [87](#). Император назначен Princeps Senatus и Pontifex Maximus, [88](#). Ужесточение власти, [90](#). Panem et Circenses: Еда и игры, [91](#). Обнищание масс, [92](#). Игры: Гладиаторские бои, [94](#). Гонки и театральные представления, [96](#). Novum seculum: Новое рождение Рима, [97](#) (. Литература Золотого века.) [101](#). Оценка Ливия Меривейлом, [107](#). Ливий как художественный портретист римского народа, [109](#). Дух времени, [112](#).

ГЛАВА XXXII

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ АВГУСТА (21 г. до н. э. — 14 г. н. э.)	116
---	---------------------

(Личные качества Августа,) [120](#). Краткое резюме характера и влияния Августа, [129](#).

ГЛАВА XXXIII

[НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРЕЕМНИКИ АВГУСТА: ТИБЕРИЙ, КАЛИГУЛА И КЛАВДИЙ \(14-54 гг. н. э.\)](#)

[133](#)

Тиберий (Тиберий Клавдий Нерон Цезарь), [133](#). Походы Германика; победа при Идистависе, [134](#). Первые годы успешного правления Тиберия, [134](#). Смерть Германика; внешняя политика, [136](#). Внутреннее управление, [142](#). Веллей Патеркул восхваляет Тиберия, [148](#). Падение Сеяна, [151](#). Тацит описывает последние дни Тиберия, [154](#). Светоний характеризует Тиберия, [156](#). Оценка Тиберия Меривейлом, [157](#). Характер эпохи, [159](#). Калигула (Гай Юлий Цезарь Калигула), [160](#). Светоний описывает Калигулу, [163](#). Клавдий (Тиберий Клавдий Друз Цезарь), [168](#). Злодеяния Мессаллины, описанные Тацитом, [171](#). Интриги Агриппины, [176](#). Тацит описывает убийство Клавдия, [178](#). Характер Клавдия, [179](#). Живой Клавдий, восхваляемый Сенекой, [180](#). Мертвый Клавдий, высмеиваемый Сенекой, [181](#).

ГЛАВА XXXIV

[НЕРОН: ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР ИЗ РОДА ЦЕЗАРЕЙ \(54-68 гг. н. э.\)](#)

[184](#)

Нерон (Клавдий Цезарь Друз Германик), [184](#). Корбул и Восток, [186](#). Римская провинция Британия, [188](#). Война с Боудикой, королевой иценов, [190](#). Британия снова становится мирной провинцией, [193](#). Бурр и Сенека, [194](#). Октавия казнена, [196](#). Великий пожар в Риме; преследование христиан, [199](#). Заговор встречен жестокостью и преследованиями, [202](#). Личные качества Нерона, по Светонию, [206](#). Оценка Мерривелом Нерона и его времени, [208](#). Нерон в Греции, [215](#). Возвращение Нерона в Италию и триумфальное вступление в Рим, [218](#). Недовольство в провинциях, [219](#). Гальба провозглашен императором своими солдатами, [220](#). Смерть Нерона, [223](#).

ГЛАВА XXXV

[ГАЛЬБА, ОТОН, ВИТЕЛЛИЙ И ТРИ ФЛАВИЯ \(68-96 гг. н. э.\)](#)

[225](#)

Гальба (Сервий Сульпиций Гальба), [225](#). Отон (М. Сальвий Отон), [226](#). Вителлий (Авл Вителлий), [228](#). Веспасиан (Т. Флавий Сабин Веспасиан), [231](#). Веспасиан совершает чудеса и видит видение, согласно Тациту, [232](#). Веспасиан возвращается в Рим, [233](#). Тит продолжает войну с евреями, [234](#). Иосиф Флавий описывает возвращение (Титуса и триумф), [236](#). Империя в мире, [240](#). Изгнание и смерть Гельвидия, [241](#). Сабин и Эппонина, [242](#). Характер и конец Веспасиана, [243](#). Классическая оценка Веспасиана, [244](#). Личность Веспасиана, [246](#). Тит (Т. Флавий Сабин Веспасиан II), [247](#). Разрушение Помпей и Геркуланума, [250](#). Описание извержения Плинием, [253](#). Агрикола в Британии, [255](#). Смерть Тита, [255](#). Домициан (Тит Флавий Домициан), [257](#). Светоний о смерти и характере Домициана, [261](#). Ретроспективный взгляд на правление в первом веке Империи, [262](#).

ГЛАВА XXXVI

[ПЯТЬ ХОРОШИХ ИМПЕРАТОРОВ: ОТ НЕРВЫ ДО МАРКА АВРЕЛИЯ \(96-180 гг. н. э.\)](#)

[267](#)

Нерва (М. Коккей Нерва), [267](#). Траян (М. Ульпий Траян Кринит), [268](#). Первая дакийская война, [269](#). Траян диктует условия Децебалу, [271](#). Вторая дакийская война, [273](#). Восточные походы и смерть Траяна, [274](#). Переписка Плиния и Траяна, [276](#). Колонна Траяна, [277](#). Адриан (П. Элий Адриан), [280](#). Разнообразные дары Адриана, [281](#). Путешествия Адриана, [282](#). Адриан как строитель и реформатор административного управления, [284](#). Личные качества и последние дни Адриана, [286](#). Оценка Адриана Ренаном, [288](#). Адриан как покровитель искусств, [289](#). Антонин (Тит Аврелий Антонин Пий), [290](#). Характеристика Антонина Ренаном, [292](#). Марк Аврелий (М. Элий Аврелий Антонин), [294](#). Чума и смерть Вера, [296](#). Пограничные войны, [296](#). Восстание Авидия, [299](#). Императорское турне и триумф, [300](#). Последние кампании и смерть Аврелия, [303](#). Меривейл сравнивает Аврелия и Альфреда Великого, [305](#). Оценка Гиббона Марка Аврелия и эпохи Антонинов, [305](#).

ГЛАВА XXXVII

[ЯЗЫЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ И ПОДЪЕМ ХРИСТИАНСТВА](#)

[307](#)

Стоицизм и империя, [308](#). Христиане и империя, [313](#). Христианин и иудей, [315](#). Религиозные собрания христиан, [317](#). Христианство и закон, [318](#). The infancy of the Church, [320](#). Persecutions under Nero, [321](#). Persecution under Trajan and the Antonines, [324](#).

ГЛАВА XXXVIII

[АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЕРВЫХ ДВУХ ВЕКОВ ИМПЕРИИ](#)

[329](#)

Дух времени, [329](#). Нравы и обычаи, [335](#). Ужины и банкеты, [339](#). Кружки, [342](#). Публичные чтения, [345](#). Библиотеки и книгопечатание, [346](#). Церемония римского бракосочетания, [349](#). (Статус женщин,) [352](#). Отцовская власть и усыновление: рабство детей, [356](#). Институт рабства, [359](#). Игры и развлечения, [367](#). Римский театр и амфитеатр, [370](#). Оценка Шеппарда гладиаторских боев, [375](#).

ГЛАВА XXXIX

[ПОЛВЕКА УПАДКА: ОТ КОММОДА ДО АЛЕКСАНДРА СЕВЕРА \(161-235 гг. н. э.\)](#)

[377](#)

Коммод, [378](#). Жестокость и смерть Коммода, [379](#). Пертинакс (П. Гельвий Пертинакс), [382](#). Юлиан (М. Дидий Север Юлиан), [383](#). Север (Л. Септимий Север), [385](#). Завоевания Севера, [387](#). Каракалла (М. Аврелий Антонин Каракалла), [391](#). Макрин (М. Опилий Макрин), [393](#). (Элагабал (Нариус Авибус Бассиан),) [395](#). Дион Кассий о вступлении на престол и правлении Элагабала, [396](#). Александр Север (М. Аврелий Александр Север), [400](#). Характеристика этого периода Ренаном, [403](#).

ГЛАВА XL

[ПУТАНИЦА УСУГУБЛЯЕТСЯ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА III ВЕКА ИМПЕРИИ \(235-285 гг. н. э.\)](#)

[406](#)

Максимиан (К. Юлий Вер Максимин), [408](#). Соперничающие императоры и смерть Максимиана, [409](#). Пупиен (М. Клодий Пупиен Максим), Бальбин (Д. Целий Бальбин) и Гордиан (М. Антоний Гордиан), [411](#). Филипп (М. Юлий Филипп), [412](#). Деций (К. Мессийс Квинт Траян Деций), [413](#). Галл (К. Вивий Требониан Галл), [414](#). Эмилиан (К. Юлий Эмилиан), [414](#). Валериан (П. Лициний Валериан) и Галлиен (П. Лициний Галлиен), [415](#). Галлиен (П. Лициний Галлиен), [417](#). Тридцать тиранов, [418](#). Клавдий (М. Аврелий Клавдий), [420](#). Аврелиан (Л. Домиций Аврелиан), [421](#). Аврелиан укрепляет Рим и вторгается на Восток, [422](#). Зосим описывает поражение Зенобии, [423](#). Падение Пальмиры, [424](#). Аврелиан подавляет восстания; предпринимает попытки реформ; убит, [426](#). Тацит (М. Клавдий Тацит), [427](#). Проб (М. Аврелий Проб), [428](#). Исаврийские разбойники, [430](#). Кар, Нумериан и Карин, [431](#).

ГЛАВА XLI

[НОВАЯ НАДЕЖДА ДЛЯ ИМПЕРИИ: ЭПОХА ДИОКЛЕТИАНА И КОНСТАНТИНА \(286-337 гг. н. э.\)](#)

[433](#)

Диоклетиан назначает Максимиана соправителем, [433](#). Четырехкратное разделение власти, [434](#). Диоклетиан преследует христиан, [436](#). Отречение Диоклетиана и Максимиана; два новых цезаря, [437](#). Раздор между правителями, [438](#). Константин воюет с Максенцием, [439](#). Борьба между Константином и Лицинием, [442](#). Долгое перемирие между императорами: реформы Константина, [445](#). Константин и Лициний снова воюют, [447](#). Константин осаждает Византий, [448](#). Константин, единственный правитель, основывает Константинополь, [450](#). (Старая метрополия и новая: Рим и Константинополь,) [453](#). Характер Константина Великого, [454](#). Константин и Крисп, [457](#). Наследники Константина, [460](#). Пожилой Константин и самаритяне, [462](#). Последние дни Константина, [465](#).

ГЛАВА XLII

[ПРЕЕМНИКИ КОНСТАНТИНА ДО СМЕРТИ ЮЛИАНА \(337-363 гг. н. э.\)](#)

466

Война братьев-императоров, [469](#). Констанций и Магненций, [470](#). Констанцийединственный император, [472](#). Судьба Галла, [476](#). Констанций и Юлиан, [477](#). Войны с квадами и сарматами, [478](#). Вторжение Сапора в Месопотамию, [479](#). Юлиан в Галлии, [481](#). Юлиан отбивает аламаннов и франков, [483](#). Поход за Рейн, [485](#). Юлиан как гражданский правитель, [486](#). Ревность Констанция, [488](#). Юлиан провозглашен Августом, [491](#). Констанций против Юлиана, [493](#). Смерть Констанция; Юлиан единственный император, [497](#). Религия Юлиана, [498](#). Юлиан вторгается на Восток, [499](#). Битва у Тигра, [503](#)ПреследованиеСапора, [505](#). Смерть Юлиана, [508](#).

ГЛАВА XLIII

[ЙОВИАН — ФЕОДОСИЙ \(363-395 гг. н. э.\)](#)

510

Избрание Ювиана (Флавия Клавдия Ювиана), [510](#). Сапор нападает на римлян, [511](#). Унижение римлян, [512](#). Валентиниан и Валент, [516](#). Вторжение готов на Восток; битва при Адрианополе и смерть Валента, [520](#). Валент выдвигается против готов, [523](#). Феодосий провозглашен Августом, [525](#). Добродетели Феодосия, [528](#). Беспорядки в Антиохии, [529](#)(. Междоусобица в Фессалониках,) [531](#). Феодосий и Амвросий, [532](#). Последние дни Феодосия, [534](#).

ГЛАВА XLIV

[РАЗДЕЛЕНИЕ ИМПЕРИИ \(395-408 гг. н. э.\)](#)

535

Аркадий и Гонорий наследуют Феодосия, [535](#). Аларик вторгается в Грецию, [543](#).

ГЛАВА XLV

[ГОТЫ В ИТАЛИИ \(408-423 гг. н. э.\)](#)

550

(Аларик вторгается в Италию,) [550](#). Гонорий уходит в Равенну; Аттал провозглашается императором, [556](#). Аттал свергнут; Рим разграблен Алариком, [559](#). Смерть Аларика; преемник Атавульф, [564](#). Константин и Геронтий; Констанций, [566](#).

ГЛАВА XLVI

[ГУННЫ И ВАНДАЛЫ \(423-455 гг. н. э.\)](#)

572

(Готский историк Иорданес о битве при Шалоне,) [587](#). Вторжение в Италию; основание Венеции, [591](#). Отступление Аттилы, [592](#).

ГЛАВА XLVII

[ПАДЕНИЕ РИМА \(430-476 гг. н. э.\)](#)

598

(The Barbarian Emperor-makers,) [610](#). A review of the Barbarian advance, [618](#). A fulfilled augury, [623](#). Breysig’s observations on the fall of the Roman Empirein the West, [623](#).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ НЕКОТОРЫХ НЕБОЛЬШИХ НАРОДОВ МАЛОЙ АЗИИ (283 г. до н. э. — 17 г. н. э.)	626
--	---------------------

ПРИЛОЖЕНИЕ В

РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РАННЯЯ ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ	629
---	---------------------

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ	643
---	---------------------

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ РИМА	645
--	---------------------

РИМСКИЕ ТРОФЕИ

РАННЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ: ОЧЕРК

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

ДОКТОРОМ ОТТО ХИРШФЕЛЬДОМ

Профессор древней истории Берлинского университета

Слова «Эпоха Римской империи — это период, который лучше злоупотреблять, чем знать», написанные Теодором Моммсеном полвека назад, больше не содержат в себе правды. В первую очередь, благодаря его просветительским и эпохальным работам этот период, столь долгое время неоправданно игнорируемый и недооцениваемый, в последние десять-двадцать лет вышел на передний план научных исследований и привлек интерес образованного мира далеко за пределами узкого круга профессиональных ученых. Эдвард Гиббон, единственный великий историк, который ранее обратил свое внимание на эту конкретную область и чей гений создал блестящую *работу «Упадок и падение Римской империи»* на прочном фундаменте, заложенном для него огромным трудом французского ученого Ле Нана де Тильмона, решил ограничиться, как гласит название его работы, описанием периода ее упадка. Тем самым он во многом подтвердил, хотя и не был первооткрывателем, идею о том, что вся эпоха Римской империи должна рассматриваться как период упадка и что самое большее, на что она может претендовать, — это интерес несколько патологического характера, как связующее звено между античностью и средневековьем, между языческим и христианским миром. И когда мы смотрим на картину, нарисованную этим несравненным художником ранних дней империи, Тацитом, где едва ли какой-то луч света освещает мрачную сцену, мы вполне можем считать оправданным мнение, что единственная роль этого периода заключается в том, чтобы показать нам агонию классической античности и что из этого процесса разложения не могли прорасти никакие новые плодотворные семена.

И, по сути, нельзя отрицать, что даже лучшие дни империи вряд ли можно по праву назвать расцветом Рима. Здесь нет великих имен, которых так много в истории Греции и ранней истории Рима. Юлий Цезарь, последняя по-настоящему внушительная фигура среди римлян, не принадлежит к этому периоду; он заложил основы нового мира, но ему не суждено было завершить свое дело, и ни один из его преемников не достиг уровня этого великого прототипа. Индивидуальный характер отходит на второй план в империи, даже индивидуальность римского народа; ее история становится историей античного мира, и рассказ о периоде между правлениями Августа и Константина по сути своей не может быть ничем иным, как историей мира в первые три века после Рождества Христова.

БОГАТСТВО РИМСКИХ НАДПИСЕЙ

Легко понять, почему Нибур, чьи энтузиазм и труды всей жизни были посвящены истории Древнего Рима, холодно отвернулся от периода имперского правления и не питал никакого желания продолжать свою историю после падения республики. Конечно, было бы несправедливо судить о его отношении к первому из названных периодов по краткой лекции, которой он завершил свои лекции по римской истории, но мы все же не будем несправедливы по отношению к его бессмертным заслугам, утверждая, что в глубине души он не испытывал к нему никакой симпатии. Ведь невозможно составить в уме картину цивилизации и состояния империи на основе скудных и несовершенных записей литературной традиции, традиции, которая недостаточна даже для первого века и почти полностью отсутствует в отношении второго, а тем более третьего. Ничто не может

восполнить этот пробел, кроме как исчерпывающее изучение памятников и, в особенности, надписей, но эта литература *Dis Manibus*, как он любил ее называть, была тем, чем Нибур, несмотря на свои многолетние проживания в Риме, ни интересовался, ни понимал. В этом мы вряд ли можем его винить, потому что, в то время как тема монет получила замечательное освещение в работах Йозефа Экхеля, надписи были практически недоступны для научных целей еще долгое время после смерти Нибура.

Позднейшему поколению трудно представить себе состояние эпиграфических исследований до того, как критическая компиляция *Corpus inscriptionum Latinarum* положила конец ужасающему положению дел, которое царило в этой области, дискредитированной всевозможными подделками. Но когда мы видим непреодолимые трудности, с которыми пришлось столкнуться ученому первого ранга, такому как Бартоломео Боргези, при сборе и отборе безграничного количества материалов для исследований по истории империи, которые он планировал в столь широком масштабе и проводил с такой замечательной проницательностью; когда мы видим, как главная работа его жизни оказалась напрасной из-за отсутствия какой-либо твердой почвы под ногами, мы легко понимаем, почему Нибур предпочел не рисковать, вступая на столь опасную почву.

Из всех уголков земли, где ступала нога римлянина, эти прямые свидетели прошлого поднимаются из могил в почти тревожном изобилии: неисчерпаемая почва Рима и его ближайших окрестностей уже дала более тридцати пяти тысяч камней; мы обладаем более чем тридцатью тысячами из других частей Италии; и число тех, что были подарены нам Африкой, которая была открыта для исследований только в прошлом веке, едва ли меньше. Опять же, иллирийские провинции, в первую очередь Далмация, но также Румыния, Болгария и Сербия, все в той или иной степени, и даже Босния, почти неизвестная территория до недавнего времени, стали богатыми источниками открытий в наши дни благодаря улучшению коммуникаций и цивилизации, которая проникла в эти страны.

Без сомнения, в этих каменных архивах есть много сорняков, которые недослужили свое долголетие, многое из того, что мы с удовольствием бы выбросили. Но одно можно сказать наверняка: только на основе этих материалов — к которым в последнее время были добавлены огромные массивы папирусов, обнаруженных в Египте — можно составить историю Римской империи; и любой, кто берется за решение подобной задачи, не обладая точным знанием этих материалов, даже если он такой великий человек, как Леопольд фон Ранке, не сможет достичь поставленной цели. Что можно сделать с такими материалами, показал Моммзен в мастерском описании провинций со времен Цезаря до правления Диоклетиана, приведенном в пятом томе его «*Истории Рима*», томе, который не только является достойным продолжением предыдущих томов, но и во многих отношениях превосходит их, и заставляет нас еще более болезненно осознавать пробел, который мы едва сме надеяться увидеть заполненным его мастерской рукой.

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

В чем секрет живого интереса, который Римская империя вызывает даже у тех, кто мало интересуется изучением древности? Во-первых, это, несомненно, потому, что этот период во многих отношениях более современен по своему характеру, чем любой другой период древности, гораздо более, чем Византийская империя или Средневековье. Это период перехода, в котором произошли огромные революции в политике и религии и было заложено начало новой цивилизации. Его истинное значение заключается не в создании всемирной империи. Республиканский Рим уже подчинил Восток в своем неумолимом продвижении; Македония и Греция, Сирия, Азия, Африка и, наконец, Египет попали в его руки еще до установления императорского престола.

На Западе Испания и юг Галлии уже давно были римскими, когда Юлий Цезарь начал кампанию, которая решила будущее Европы и продвинула римскую границу от Роны до Рейна. Власть Рима уже распространялась на все побережья Средиземного моря, и присоединения к его владениям в период имперского правления были сравнительно незначительными. Дунайские и альпийские провинции были завоеваны для Римской империи Августом, Британия была завоевана Клавдием, Дакия и Аравия — Траяном, помимо завоеваний, от которых его преемник сразу же отказался. Германия и царство Парфии постоянно сопротивлялись римскому натиску, и строительство Верхнего германского и ретийского *лимеса* Домицианом было официальным признанием непобедимости германских варваров. Совет о сдержанности, данный Августом своим преемникам из полноты своего горького опыта, предупреждая их о необходимости удерживать империю в пределах ее естественных границ, т. е. Рейна, Дуная и Евфрата, был практически выполнен ими, и Адриан, несомненно, поступил правильно, полностью порвав с политикой экспансии своего предшественника и отказавшись подвергать угасающую мощь империи непрерывной борьбе, которой она уже не могла противостоять.

Таким образом, великое дело империи заключалось не в завоевании мира, а в объединении его в единое целое, в развитии цивилизации там, где она существовала, и в продвижении греко-римской цивилизации среди почти абсолютно нецивилизованных народов, принятых в *Orbis Romanus*: и до определенной степени она действительно выполнила эту мирную миссию, которая продолжалась практически без перерыва даже при самых жестоких тиранах. Однако ее задачи значительно различались в разных частях ее всемирного пространства.

На Востоке, пронизанном греческой культурой, хотя и ни в коей мере не денационализированном, римляне едва ли пытались вступить в конкуренцию с этим превосходным цивилизационным агентом, и, за исключением использования в качестве средства выражения римских магистратов, римский язык играл там весьма подчиненную роль.

Искусство и литература, процветавшие на этой земле в дни империи, за незначительными исключениями, по форме и содержанию остались такими же греческими, как и в предыдущие века. В великих центрах культуры на Востоке, в Антиохии и Александрии, римское правительство и римская армия оставили заметные следы, но нет ничего, что позволяло бы предположить, что они глубоко повлияли, а тем более изменили греко-восточный характер этих городов. Эфес, столица Азии и резиденция римского правительства, был не более романизирован, чем Анкира или Пергам. Единственным исключением является Беритус, «латинский остров в море восточного эллинизма»; там, в Колонии Юлия Августа Феликс, где колонистами были римские легионеры, выросла знаменитая школа юриспруденции, где, возможно, обучался Ульпиан, великий юрист сирийского происхождения; школа, которая предоставила богатый материал редакторам Кодекса Феодосиана и откуда Юстиниан пригласил профессоров для сотрудничества с ним в составлении кодекса, который придал римскому праву его окончательную форму. В целом, Римская империя получила от Востока многое, как хорошее, так и плохое, но практически не дала ему никаких новых интеллектуальных импульсов; ее главным вкладом в греко-восточную цивилизацию было установление порядка, гарантия личной безопасности и продвижение материального процветания.

РИМСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЗАПАДЕ

В Западной Европе ситуация была совсем иной: Рим был призван выполнить великую цивилизационную миссию, и в очень немногих местах почва для этого была подготовлена

местной цивилизацией. На юге Галлии греческая колония Массилия на протяжении шести веков распространяла греческий язык и характер, греческую монету и обычаи с помощью своих фабрик, которые простирались до Испании, и таким образом эллинизм обрел пристанище на этом благоприятном побережье, как и на юге Италии. Цезарь, с его дальновидной политикой, не допускавшей никаких сентиментальных соображений, был первым, кто сломал господство греческого города, который так долго был в тесном союзе с Римом, и таким образом указал путь к систематической романизации южной Галлии.

Финикийская и иберийская цивилизации Африки и Испании были еще менее способны противостоять неуклонному продвижению Рима. Названия городов и имена людей действительно сохранились там как свидетели прошлого, и финикийский язык удерживал свои позиции в частной жизни на протяжении веков, но римский язык и римские обычаи завоевали как Африку, так и Испанию в период имперского правления. То же самое в той же степени относится к Далмации и Норику, в меньшей степени — к Ретии и альпийским провинциям. В Мезии, где энергичная греческая цивилизация обосновалась в торговых постах на Черном море, процесс романизации не был полностью успешным, а в северо-восточных частях Паннонии он так и не был серьезно начат. Но даже Дакия, хотя и была оккупирована так поздно, и хотя колонисты, поселившиеся там после истребления или изгнания ее прежних жителей, были не итальянцами, а переселенцами из самых разных частей Римской империи, была проникнута римской цивилизацией в степени, которая в данных обстоятельствах вызывает удивление.

Только в Британии процесс романизации оказался совершенно бесполезным, несмотря на усилия Агриколы, и страна осталась навсегда большим военным лагерем, в котором развитие городской жизни никогда не выходило за рамки зачаточной стадии. Даже в Галлии, завоеванной Цезарем, он продвигался с разным успехом в разных частях страны, достигнув наибольшего прогресса в Аквитании, хотя и довольно поздно, и еще меньшего — в средней Галлии, где только римская колония Лугдунум, метрополия трех галльских провинций, отражала образ Рима на севере. Но даже в Августодунуме (Отене), который был центром образования в ранние дни империи не меньше, чем в переходный период от III до IV века, римская цивилизация проникла в низшие слои населения так же мало, как и в других частях Галлии. Кроме того, в галльских провинциях, завоеванных Цезарем, но не организованных его дальновидным политическим гением, старые *civitates* и *pagi* не были заменены, как в Нарбонской провинции, итальянской муниципальной системой, и кельтский язык полностью не исчез в средней Галлии до времени франков.

Цивилизация западной Бельгии была еще более скудной; в то время как в восточных частях страны, в плодородных долинах Мозеля и Саара, густо усеянных вилами, мы сталкиваемся с любопытной смешанной галло-римской цивилизацией, о которой нам дают живое представление изящные описания Авсония, реалистичные скульптуры колонны Игеля и барельеф Неумага.

Трез, прежде всего, свидетельствует о силе римской цивилизации в этих краях, хотя она достигла своего полного развития только в IV веке. Романизация Галлии, несомненно, прошла бы гораздо более энергично, если бы страна не была опустошена римскими войсками со времени ее завоевания. Огромная эффективность римских легионов как носителей цивилизации проявилась — даже более явно, чем на Дунае — на берегах Рейна, где римская цивилизация, сосредоточенная вокруг больших лагерных городов, пустила глубокие корни, хотя и не имела сил пережить жестокие бури кочевых народов, которые с тех пор бушевали в этом регионе.

Ценность римского цивилизационного наследия наиболее глубоко осознавали те, кто был его свидетелем в своей стране, и ни один писатель не выразил это чувство более красноречиво, чем покойный галльский поэт в стихах, в которых он восхваляет блага римского правления:

«Fecisti patriam diversis gentibus unam:

Profuit invitis, te dominante, capi;

Cumque offers victis propria consortia juris,

Urbem fecisti, quod prius Orbis erat.»

Но то, что Рим сделал для этих стран, было ему воздано сторицей. Ни одна страна не сыграла столь заметной роли в литературе империи, как Испания. Она дала миру двух Сенок, Лукана, Марциала и Квинтилиана (не говоря уже о менее известных писателях), то есть родоначальника современной прозы и поборника цicerоновского классицизма. Из Африки родом многогранный Апулей и педантичный Фронтон, а также красноречивые апологеты христианства Тертуллиан, Киприан и Августин. Галлия рано оказала сильное влияние на развитие риторики, а в последние дни империи стала центром римского поэтического искусства и науки. Еще более поразительным является тот факт, что Испания и Африка дали миру Траяна, Адриана и Септимия Севера, людей, которые, несмотря на свои различия в характере и целях, были главными факторами в эволюции империи.

КОНСТРУКТИВНЫЕ СИЛЫ ИМПЕРИИ

Если бы эпоха империи была лишь периодом упадка, она, безусловно, не имела бы сил для осуществления цивилизационного проекта, который практически действует в латинских странах по сей день. И на самом деле, ничто не может быть менее верным, чем такое утверждение, свидетельствующее о весьма слабом знании рассматриваемого периода. Скорее следует сказать, что республиканский Рим не был бы в состоянии справиться с этой задачей; для выполнения этой мирной миссии необходимо было создать новую империю на новой основе, стабильную внутри страны и сильную за ее пределами, обеспечивающую и гарантирующую правовую защиту и безопасность во всем мире. Римское государство находилось в агонии; за полвека мирного правления Август создал его заново, и если его работа не носит отпечатка гениальности, если мы не можем оправдать ее от обвинения в некоторой незавершенности, то, тем не менее, с небольшими изменениями она удерживала Римскую империю в течение трех веков и выдержала испытание практической работой. Если бы Юлий Цезарь прожил дольше, если бы ему было суждено увидеть реализацию своих великих проектов, он, без сомнения, создал бы более гениальное и более однородное по характеру произведение, но остается открытым вопросом, оказалось ли бы оно столь же долговечным после смерти своего создателя. Великие люди создают историю мира и определяют ход событий, но сильная и произвольная личность, которая хотела бы подчинить настоящее и будущее своей воле, накладывает оковы на ход последующего развития, которые последующие поколения не могут и не будут терпеть.

Август дал Риму новую систему правления — имперскую систему. Старая римская конституция, изначально предназначенная для города, каким бы замечательным она ни была, больше не могла служить основой для государства, ставшего всемирной империей; кроме того, она была полностью разрушена в конфликтах последнего века республики. Восстановить республику было невозможно, ее похороны были отпразднованы на полях Фарсалы и Филипп. После битвы при Актиуме, которая лишь решила, как будет называться

император — Антоний или Октавиан, и, возможно, где будет находиться центр новой империи — на востоке или на западе (), единственным вопросом, который мог возникнуть, был вопрос о форме, а не о сущности нового творения.

Нет сомнений, что Юлий Цезарь взошел бы на престол Рима как абсолютный император после своего возвращения из парфянского похода, и Октавиан также имел право претендовать на суверенитет без каких-либо ограничений, поскольку вся армия и флот находились под его командованием; но он довольствовался более скромным титулом и взял бразды правления не как император, а как принцепс. Он основал не монархию, а диархию, как ее метко назвали, в которой власть должна была быть постоянно разделена между императором и сенатом. Это был компромисс со старой республикой, добровольное конституционное ограничение суверенных прерогатив, в соответствии с которым все права, принадлежащие народу и сенату — законодательная власть не меньше, чем судебная, право чеканки монет не меньше, чем взимание налогов, распоряжение доходами и расходами государства и, наконец (после вступления на престол Тиберия и якобы в соответствии с положениями завещания Августа), назначение магистратов — должны были принадлежать, в соответствии с четко определенными правилами, частично принцепсу, а частично сенату. Империя должна была быть выборной, как и старая римская монархия; назначение на престол должно было происходить от сената, но, с другой стороны, верховная власть над армией и флотом принадлежала императору в силу его проконсульской власти, которая распространялась на все части империи за пределами города Рима. Легионы были расквартированы в провинциях, находившихся под его юрисдикцией, в то время как в провинциях, управляемых сенатом, за несколькими исключениями, которые вскоре перестали существовать, все, что было в распоряжении губернаторов, — это очень умеренные силы вспомогательных войск.

РИМСКИЕ ТРОФЕИ

У нас нет оснований сомневаться в честности намерений Августа, но очевидно, что все прерогативы сената обеспечивали ему справедливую долю в правительстве только до тех пор, пока правитель решал их уважать. Царство террора при его преемниках достаточно ярко продемонстрировало абсолютную беспомощность сената перед лицом деспота и разрушило тщательно сбалансированную систему Августа. Мы не можем не признать, что легче обвинить создателя этой системы и доказать ее несостоятельность, чем предложить ей замену. Ведь можно ли предположить, что если бы Август установил абсолютную монархию, как того хотел Цезарь, римляне были бы избавлены от тирании Калигулы или Нерона? Или, если бы Август передал сенату хотя бы часть власти над армией, была бы империя столь же могущественной, или же он немедленно вызвал бы демона гражданской войны? Сотрудничество сената в правительстве не было полностью неудачным; оно оказалось благотворным при таких императорах, как Нерва и его преемники. История всех веков доказывает, что закрепленные права бесполезны против деспотов, и какая гарантия в современных монархиях для поддержания конституции, подтвержденной клятвой, кроме совести монарха и, более того, непоколебимой воли нации, которая не потерпит ущемления своих прав?

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Но римской нации больше не существовало, и в сенате империи Кинеас теперь видел бы не совет королей, а, как и император Тиберий, собрание людей, готовых терпеть любую форму рабства. Если бы было возможно предоставить юридическое представительство римским гражданам в Италии и романизированных провинциях, система, разработанная Августом, могла бы просуществовать дольше. Император Клавдий, который помимо своих глупостей имел и некоторые разумные идеи, допустил бы в сенат галлов благородного происхождения, как это сделал Юлий Цезарь. У Тацита мы можем прочесть о яростном сопротивлении, с которым это предложение было встречено сенаторами, не желавшими слышать ни о каком ущемлении своих исключительных классовых привилегий; и даже испанец Сенека испытывает только гневную презрительность к покойному императору, который хотел подарить всему миру права римского гражданства и «увидеть всех греков, галлов, испанцев и бриттов в тогах».

И все же это был бы единственный способ вдохнуть свежую кровь в умирающий организм, сохранить жизненные силы сената, поставить правительство империи на более широкую основу и связать с империей нерушимыми узами народы, покоренные мечом. Правда, в соответствии с так называемым *jus Latii*, которое Веспасиан даровал всей Испании в знак романизации страны, магистраты, а после II века и городские советники тех городов, которые не пользовались полными правами гражданства, были приняты в ряды римских граждан, что было очень разумной мерой, хотя и приносило пользу лишь ограниченному кругу лиц, благодаря чему лучшие элементы провинциального общества становились римскими гражданами.

Полные права гражданства также предоставлялись солдатам-перегринам, когда они вступали в восточные легионы, а также вигилам в Риме и солдатам флота и вспомогательных войск после их увольнения. Но со времени правления Антонина Пия эта важная привилегия не предоставлялась, как раньше, детям этих солдат, а с редкими исключениями грубо ограничивалась самими мужчинами; в результате предоставление гражданства утратило свое значение как средство ассимиляции населения империи; и когда, через двести лет после смерти Августа, сын императора Септимия Севера, который сам порвал со всеми национальными традициями Рима, предоставил римское гражданство всем подданным империи, как нам сообщают (хотя и источники, которые сильно преувеличивают масштабы этой меры), оно уже не воспринималось как политическая привилегия, а как результат жадной финансовой политики.

РЕФОРМЫ АВГУСТА

Реорганизация правительства Августом, открытая для критики во многих отношениях, была благом для Римской империи. Мнение, которое преобладало в республике, что провинции были завоеваны только для того, чтобы быть опустошенными сенаторами и рыцарями, губернаторами и сборщиками налогов, объединившимися или соперничающими из-за жадности (у нас есть один пример из сотен в Верресе, осужденном на бессмертие красноречием Цицерона), это мнение было отброшено с приходом империи, и даже если вымогательство не прекратилось полностью в сенаторских провинциях, тем не менее провинциальное управление первых двух веков НАШЕЙ ЭРЫ бесконечно превосходило систематическое ограбление республики. Губернаторы больше не являются владельцами,

наделенными абсолютной властью, вынужденными как можно быстрее вымогать деньги у провинциалов, находящихся под их управлением, чтобы погасить долги, взятые на себя из-за своей расточительности () и, в особенности, из-за подкупа населения, который был необходим для их продвижения по службе. Они являются чиновниками, находящимися под строгим контролем, получающими от правительства зарплату, вполне достаточную для их нужд. Создание, как это сделал Август, класса имперских чиновников, получающих зарплату, и окончательный разрыв с благородным, но ошибочным принципом республики, согласно которому высшие должности присваивались в качестве почетных званий, а зарплату получали только подчиненные чиновники, тем самым клеймя их клеймом рабства, было мерой, настоятельно требуемой изменившимися обстоятельствами времени и имевшей важнейшие последствия.

Правда, осторожный реформатор принял в свою новую систему правления старые названия и должности, унаследованные от республиканских времен, за исключением цензуры и диктатуры, которые давно вышли из употребления. Но с самого начала они были призваны вести лишь призрачное существование и не принимать участия в великой задаче имперского управления. Август набрал свой собственный корпус чиновников из рыцарского сословия () и под скромными названиями прокуратор (*procurator*) и префект (*praefectus*) практически передал им всю администрацию империи, оставив за сенаторами, помимо некоторых почетных синекур в Риме и Италии, префектуру города, все крупные губернаторства, за исключением Египта, и высшие командования в армии. Высокие зарплаты — в поздние дни империи они варьировались от 600 до 3600 фунтов стерлингов (от 3000 до 18 000 долларов) — и большое влияние, связанное с карьерой прокурора, которая открывала путь к высоким должностям префекта Египта и командующего преторианской гвардией в Риме, делали эту службу очень желанной и высоко ценимой.

В то время как высокородные магистраты республики вступали в должность на один год без какой-либо подготовки и, конечно же, были вынуждены полагаться на знания и надежность постоянного персонала клерков, секретарей и кассиров в своем ведомстве, в империи сформировался профессиональный класс государственных чиновников, которые, обученные многолетним опытом и непрерывной работой на должности и поддерживаемые многочисленным персоналом, набранным из императорских вольноотпущенников и рабов, были в состоянии справиться с требованиями всемирной империи. Эти прокураторы, некоторые из которых были главными правителями небольших имперских провинций, а другие — помощниками правителей более крупных провинций, следили за интересами государственной казны и частной собственности императора, или же заботились об имперских зданиях и акведуках, имперских играх, монетном дворе, снабжении Рима зерном и продовольственными учреждениями, наследством, оставленным императорам, их замками и поместьями в Италии и за рубежом — короче говоря, всем, что входило в обширную и постоянно расширяющуюся сферу имперского правительства. Между тем казна сената таяла и таяла, пока в конце концов не стала просто казной города Рима.

Налоговые реформы

Наиболее важные изменения произошли в сфере налогообложения. И здесь Август в сотрудничестве со своим верным коллегой и другом Агриппой провел решительную реформу, которая выдержала испытание временем по крайней мере до середины II века, несмотря на неэффективное управление и притеснения деспотов, и обеспечила процветание империи в тот период. В то время как косвенные налоги, *vectigalia*, по-прежнему в основном взимались по простой, но (для государства и еще больше для его подданных) невыгодной схеме передачи их в управление компаниям публиканов, которая сохранилась со времен

республики, — хотя публиканы теперь находились под строгим надзором имперских прокураторов, — *tributa*, которые начислялись по фиксированной шкале частично в денежной, частично в натуральной форме, подушная подать и земельный налог, отныне взимались непосредственно государственными чиновниками (), а грабительские сборщики налогов были окончательно изгнаны из этой важнейшей отрасли государственной службы.

Необходимым условием такой реформы было точное знание империи и ее налогооблагаемой способности. Перепись всего мира не проводилась одновременно, как предполагал апостол Лука, но перепись Палестины, о которой он сообщает, безусловно, была частью обследования Римской империи, которое постепенно проводилось в первые дни имперского правления и с помощью которого были установлены размеры страны, характер почвы, а также число и социальное положение ее жителей, что послужило основой для налогообложения и набора рекрутов. В надписи, найденной в Берите, офицер империи () сообщает, что по приказу Квирина, который как правитель Сирии проводил перепись населения Палестины, упомянутую святым Лукой, он установил число граждан в Апамее в Сирии; и многие его товарищи, должно быть, были заняты этим хлопотным делом во всех частях империи.

В соответствии с этими статистическими данными начислялись земельный налог и подушная подать, которые были основными источниками дохода империи. Последний касался только тех, кто не обладал полными правами гражданства, и вследствие этого всегда считался признаком подчинения; бремя первого ложилось на всю землю в провинциях, за исключением тех случаев, когда по *jus Italicum*, которое предоставлялось крайне редко, она ставилась наравне с землей Италии, которая была освобождена от налога. Но даже итальянская земля в конечном итоге утратила свою неприкосновенность от налогообложения; и введение земельного налога в Италии, которое было частью реформы Диоклетиана в этой области, ознаменовало снижение статуса этой страны, привилегированной по сравнению со всеми другими в конституции Августа, до уровня провинций.

К сожалению, налогообложение в первые дни империи является одной из самых неясных тем, поскольку наши источники информации не дают ничего существенного до правления Диоклетиана. Однако недавние крупные находки папирусов и большого количества осколков квитанций (так называемых *остракон*) в Египте уже пролили некоторый свет на широко распространенную и сложную систему управления страной, и мы можем надеяться на получение дальнейших сведений из страны Птолемеев, которая оказала более сильное влияние на управление Римской империей, чем любая другая.

Мы могли бы сказать гораздо больше о реформах, с помощью которых Август и его преемники преобразовали характер всей империи; об организации постоянной армии, практически созданной Цезарем, которая в многообразных формированиях объединяла разнородное население всемирной империи Рима прочной связью; об имперской монетной системе, которая сделала денарий и римскую золотую монету законным платежным средством во всем римском мире и либо упразднила местные монеты, либо ограничила их частным обращением в том месте, где они были отчеканены (за единственным исключением Египта, который занимал особое положение в этом, как и в других отношениях); о создании имперской почты, которая, хотя и служила почти исключительно целям магистратов и долгое время была тяжелым бременем для провинциалов, тем не менее является вехой в истории международной связи; об открытии отдаленных провинций благодаря разветвленной сети дорог, на мильных столбах которых почти все императоры со времен Августа высекали свои имена, особенно Траян, Адриан, Севера и Каракаллы; о продовольственных учреждениях, созданных Нервой (одном из немногих государственных

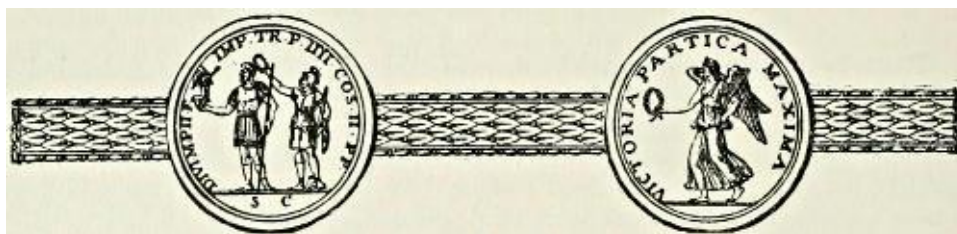
учреждений по обеспечению общественного благосостояния в древности), которые были призваны служить как поддержанию гражданского класса, так и развитию сельского хозяйства в Италии. Мы с удовольствием остановимся на дальнейшем развитии римского права государственным советом, организованным Адрианом, после Августа величайшего реформатора на императорском престоле, и на редактировании *edictum perpetuum*, выполненном по его приказу Сальвием Юлианом, чье полное имя и карьеру мы узнали совсем недавно из надписи, найденной в Африке, которая проложила путь к общему праву для всей империи и подготовила великую эпоху юриспруденции в начале III века, когда источники творческой силы в искусстве и литературе почти полностью иссякли. Но в узких рамках этого краткого обзора мы должны воздержаться от этого, как и от описания процветания и упадка высокоразвитой муниципальной жизни того периода, а также от обзора истории империи внутри страны и за рубежом и ее интеллектуальной жизни. Однако один вопрос нельзя оставить без ответа — вопрос об отношении имперского правительства к чужеземным религиям и, прежде всего, к христианству. Подробное исследование положения христианства в Римской империи, проведенное наиболее авторитетным специалистом в этой области,^[1] можно найти в другой части этой работы, поэтому я могу ограничиться здесь кратким замечанием.

ИМПЕРИЯ И ЯЗЫЧЕСКОЕ ВЕРОВАНИЕ

Язычество по своей сути терпимо, и римляне всегда проявляли полную терпимость к религиям завоеванных ими народов. Древний обычай переносить в Рим покровительствующее божество любого завоеванного города в окрестностях является практическим выражением взгляда, что любое пополнение римского пантеона (который начал превращаться в греко-римский пантеон с включением в него Аполлона и сивилл и фактически был таковым со времени войны с Ганнибалом) должно рассматриваться просто как пополнение божественных покровителей Рима. В основном эта точка зрения сохранялась и в эпоху империи, хотя Август более четко сформулировал идею римской государственной религии и закрыл круг богов, которым государство должно было поклоняться. Но мы имеем свидетельства духа терпимости и способности к ассимиляции, характерных для той эпохи, в широком распространении египетских культов Исиды и Сераписа, особенно в высших слоях общества, и еще больше в поклонении — глубоко укоренившемся среди масс и распространившемся по большей части земли — персидскому Митре, которого Диоклетиан и его соправители прославляли в великом дунайском лагере Карунт как покровителя своего владения. Даже финикийские боги Африки и кельтские боги Галлии и дунайских провинций были допущены к существованию путем отождествления с римскими божествами, имеющими несколько схожий характер, и путем присвоения последним экзотических прозвищ; хотя имена великих кельтских божеств исчезают с памятников — в чем, несомненно, была задействована власть. Столько варваров, говорит насмешник Лукиан, проникло на Олимп, что они вытеснили старых богов с их мест, а амброзия и нектар стали скудными из-за толпы пьяниц; и он заставляет Зевса принять решение о тщательной чистке, чтобы безжалостно изгнать с Олимпа всех, кто не может доказать свое право на пребывание в этом божественном обители, даже если у них есть великий храм на земле и они пользуются божественными почестями.

Учитывая, до каких пределов римляне довели принцип предоставления свободы всем религиям в империи, пока их последователи не вступали в конфликт с правительственными чиновниками и не создавали очаги политических интриг, какими были школы друидов, как же случилось, что христианская религия, а в меньшей степени и иудейская религия, подверглись нападкам как враждебные и опасные для государства?

Это столкновение между монотеизмом и политеизмом, между поклонением Богу и — с еврейской и христианской точки зрения — поклонением идолам. Великое преступление, в котором Тацит обвиняет евреев, то, что привело к обвинению христиан в атеизме, было презрение к богам, *то есть* к богам римского государства. И это отрицание было направлено не только против богов римского пантеона; оно в равной мере применялось к императору-богу (), которому все подданные империи, независимо от того, какую религию они исповедовали (), были обязаны воздвигать алтари и храмы в столицах провинций и повсюду приносить жертвы; который, совместно со всеми другими богами и превыше всех них, как на Востоке, так и на Западе, требовал того высшего почитания, которое составляло пробный камень лояльности. Отказ от этого обязательно рассматривался как государственная измена, как *crimen læsæ majestatis*, и преследовался как таковой. Правда, монотеистическим евреям после уничтожения их национальной независимости было по закону разрешено исповедовать свою религию при условии уплаты в будущем храмовых сборов Капитолийскому Юпитеру, а наказания налагались только за обращение в иудейскую религию, особенно в случае римских граждан. Но очевидно, что они очень искусно ухитрились избежать открытого разрыва как с поклонением императору, так и с национальной религией Рима, поскольку в истории нет упоминаний о еврейских мучениках, которые пострадали за свою веру во времена империи.

РИМСКИЕ ТРОФЕИ

ИМПЕРИЯ И ХРИСТИАНСТВО

С христианством дело обстояло иначе; с самого начала, и особенно после служения Павла, великого апостола язычников, которое определило весь ход его последующего развития, оно выступило как универсальная религия, не ограниченная национальностью и приобретающая прозелитов по всему миру, *ecclesia militans*, решившая сломать все барьеры, воздвигнутые человеческой властью и правителями этого мира, чтобы привести новую веру к победе. Здесь не было возможности для долгосрочного компромисса. После правления Траяна тот, кто не отрекался от веры и не поклонялся языческим богам и изображению императора, должен был понести наказание за непонятное римским магистратам упорство — смерть как изменник. Как ни странно, именно этот император, столь не склонный к преследованиям и самообожествлению, объявил христианство вне закона в Римской империи, постановив, что христиан не следует преследовать, но, когда о них сообщают и их осуждают, они должны быть наказаны, если не отрекутся от своей веры; и большинство его преемников — хотя и не без исключений, среди которых следует назвать Адриана, Севера Александра и Филиппа — приняли ту же линию поведения. Возможно, даже тогда они предчувствовали опасность для римского государства, которая могла возникнуть из-за этой международной религии, зародившейся на Востоке, провозглашавшей равенство всех людей, даже рабов, перед Богом и по своей сути социалистической; по крайней мере, трудно объяснить какими-либо другими причинами ту глубокую ненависть, которую Тацит, величайший ум своего времени, дает волю в своем описании преследования христиан при Нероне.

На самом деле, к тому времени распространение христианства в Азии достигло значительных масштабов, о чем свидетельствует доклад, направленный Плинием Траяну, а также другие записи; и уже во времена правления Домициана оно проникло в Рим даже до ступеней трона. Но в то время, безусловно, не было ни одного человека, который считал бы возможным, что эта презируемая религия бедняков была предназначена покорить всемирную империю, и это презрение является единственным объяснением того факта, что первое общее преследование христиан — поскольку местные вспышки преследований при Марке Аврелии, Севера и Максимиана, ограниченные узким кругом, не могут быть названы таковыми — произошло только примерно в середине III века. Тертуллиан, возможно, слишком пафосно описал огромный прогресс христианства по всей империи; тем не менее, не вызывает сомнений, что к началу III века оно стало силой, которую серьезные правители, заботящиеся о сохранении национальной империи, вполне могли считать своим долгом перед страной истребить огнем и мечом. В этом духе Деций вел войну против христианства, как и Диоклетиан, который принял фамилию Ювий, в честь верховного божества Рима, покровителя национального язычества. Но это была безнадежная борьба; всего десять лет спустя Константин заключил мир с христианской церковью, издав Миланский эдикт о веротерпимости, а незадолго до своей смерти принял крещение.

С Константином история Древнего Рима подходит к концу; перенос столицы в Византию стал внешним видимым признаком того, что Римской империи больше не существует. Процесс распада длился уже давно; его симптомы проявились еще в первом веке и стали ужасающе очевидными при слабом императоре Марке, чьи меланхоличные *«Размышления»* дышат полной безнадежностью мира, пораженного войной и мором. Однако реальное распад римского мира произошел только в середине III века. Империя, подвергавшаяся набегам варваров и раздираемая внутренними распрями, стала игрушкой в руках амбициозных полководцев, которые в Галлии, Мезии и Паннонии возглавили свои варварские войска; время так называемых Тридцати тиранов свидетельствует о быстром распаде недавно объединенного Запада.

НЕВЕРОЯТНЫЙ УПАДОК

Даже сильные императоры из дунайских провинций не смогли остановить процесс упадка. Бедность обрушилась на города Италии и провинции, материальное процветание и патриотическая преданность которых были самыми приятными картинами, которые предлагали хорошие времена Римской империи; места в городском совете и муниципальных учреждениях, которые когда-то страстно стремились получить как цель гражданской амбиции, о чем свидетельствуют предвыборные плакаты в Помпеях, теперь не находили кандидатов, потому что на их занимающих лежала ответственность за повышение налогов, которые было невозможно уплатить; был проложен путь к обязательному наследственному занятию должностей и профессий, необходимых для управления. Сельское хозяйство было разрушено, и документы III века и конца II века, недавно обнаруженные в отдаленных друг от друга частях империи, с трогательной скорбью описывают нужду и лишения, которые переживали колонисты и мелкие землевладельцы в обширных имперских владениях. Валюта обесценилась, серебряные монеты превратились в простые жетоны, зарплаты приходилось выплачивать в основном натурой, государственный кредит был разрушен.

Опустошение земель, которые больше не возделывались из-за неопределенности владения в условиях беспорядков внутри и снаружи; постоянное сокращение населения Италии и провинций с конца II века и далее; голод и огромный рост цен на все предметы первой необходимости, которые было безнадежно пытаться сдерживать с помощью имперского регулирования цен, являются характерными признаками того времени. Армия,

из которой итальянцы давно исчезли, щедро перемешанная с варварскими элементами и больше не удерживаемая никаким интересом к империи и к императору, который никогда не оставался одним и тем же в течение длительного времени, больше не была способна противостоять готам и аламанам, которые разоряли римские провинции во всех направлениях; правый берег Рейна, а также Лимес Германик и Лимес Раэтик, с трудом возведенные и укрепленные валами и кастеллами, в середине III века стали добычей германцев. Римский император встретил позорную смерть в плену у парфян; Дакия, с трудом завоеванная Траяном (), была вынуждена отказаться от своих владений, а ее жители, которых пощадил враг, были переселены на южный берег Дуная.

К концу III века города в Галлии были окружены мощными стенами, сам Рим пришлось укреплять от нападений варваров, и один из самых энергичных его правителей вновь снабдил его оборонительными сооружениями, как в дни древней античности. Диоклетиан перестал делать Вечный город своей столицей и на практике реализовал идею разделения на восточный и западный мир, которая волновала умы людей три века назад. Его преемник положил конец Римской империи, но все, что ему оставалось сделать, — это похоронить мертвых.

СНОСКИ

[\[1\]](#) [См. статью профессора Харнака «Церковь и государство» на стр. 629.]

РИМСКИЕ ТРОФЕИ

КНИГА II

РАННЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

ВВЕДЕНИЕ

ОБЪЕМ, ИСТОЧНИКИ И ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИИ РИМА ПРИ ИМПЕРАТОРАХ

Профессор Хиршфельд указал на то, что существует общее заблуждение относительно истинного значения поздней римской истории и что время Римской империи в действительности ни в коем случае не является исключительно периодом упадка. На самом деле, в имперской истории были длительные периоды, когда слава Рима, измеряемая его кажущимся материальным процветанием, великолепием его завоеваний и широтой его господства, была на пике. Но два важных фактора, среди прочих, затуманили взгляд на этот период. Во-первых, тот факт, что форма правления, как считается, изменилась с республиканской на монархическую с приходом к власти Августа, привел к предвзятому отношению к этой эпохе со стороны значительной части писателей, которые рассматривали эту тему. Во-вторых, вторжение христианства во время упадка империи внесло еще более предвзятый элемент в объективное обсуждение.

Однако, в целом, ни один из этих факторов не должен был иметь большого значения для историка. В современном понимании этого слова Римская республика никогда не была демократией. С самого начала и до конца большую часть ее населения составляли рабы и жители подчиненных государств. Конечно, существовало подобие представительного правительства, но следует помнить, что оно сохранилось и при империи. Действительно, нельзя не отметить, что приход к власти Августа и его непосредственных преемников номинально не означал заметного изменения формы правления. Мы будем неоднократно указывать на то, что «император» не был монархом в современном смысле этого слова. Сам факт того, что право наследования никогда не признавалось — такое наследование осуществлялось скорее путем уловок, чем в соответствии с законными нормами — сам по себе показывает резкую границу между предполагаемыми королевскими домами Римской империи и правителями реальных монархий. Одним словом, Римская империя занимала совершенно аномальное положение, и власть, которую император постепенно узурпировал, благодаря чему он в конечном итоге обрел все влияние королевского деспота, была достигнута посредством таких постепенных и тонких шагов, что современные наблюдатели едва ли осознавали переход, через который они проходили. Мы увидим, что сенат по-прежнему обладает номинальной властью и что год за годом на протяжении веков консулы избираются в качестве номинальных лидеров правительства.

Тем не менее, общепринято считать, что потомки не ошиблись, определив дату вступления Августа на престол как поворотный момент в истории Римской республики. Как бы ни сохранялись старые формы, только теперь народ фактически подчиняется постоянному диктатору. Должность диктатора как таковая была действительно упразднена по предложению Марка Антония, но цезари сумели под прикрытием старых названий и при видимом соблюдении старых законов узурпировать диктаторскую власть. Произошла фактическая, хотя и не номинальная, смена правительства. Однако эта смена правительства не совпала с каким-либо внезапным упадком римской власти. Напротив, как только что было сказано, под властью ранних цезарей римское влияние достигло своего максимального размаха и приобрело наибольшее значение. Безусловно, эпохи, которые по общему мнению известны как золотой и серебряный век римской литературы, то есть время Августа и его непосредственных преемников (), нельзя считать периодами великого

национального упадка. И снова время пяти хороших императоров по общему мнению историков считается одним из самых счастливых периодов римской истории. Одним словом, первые два века истории Римской империи ни в коем случае не могут рассматриваться как эпоха неуклонного упадка. Однако то, что после смерти Марка Аврелия начался упадок, некоторые причины которого действовали гораздо раньше, также не вызывает сомнений. Оглядываясь на всю позднюю римскую историю, трудно избежать вывода, что империя была обречена почти с самого дня своего основания, несмотря на ранний период могущества. Но когда пытаешься указать на факторы, которые послужили причинами этого, казалось бы, предопределенного падения, сразу попадаешь на опасную и спорную почву. Как уже было сказано, с самого начала предвзятость историка *проявляется* в вопросе о влиянии христианства как фактора, ускорившего или замедлившего упадок величия Рима.

Критики не устают обрушивать на Гиббона язвительные нападки, потому что его исследования привели его к выводу, что христианство оказало пагубное влияние на Римскую империю. Однако многие более поздние авторитетные исследователи пришли к тому же выводу, и трудно сказать, почему эта оценка должна вызывать возмущение у кого-либо, какими бы ни были его религиозные предубеждения. Римская республика была политическим образованием, которое, следуя курсу всех человеческих институтов, рано или поздно должно было быть свергнуто. В более широком плане не имеет большого значения, способствовало ли христианство этому результату или нет. То, что христиане были дисгармоничным элементом в государстве, вряд ли может быть предметом спора. Как таковые, они вряд ли могли способствовать общественному прогрессу. Но были и другие, гораздо более важные источники разлада, и поэтому вполне оправданно усомниться в том, что влияние ранних христиан в этом отношении было более чем ничтожным, как в хорошем, так и в плохом смысле. Не пытаясь дать исчерпывающий обзор этого вопроса — что, по сути, было бы совершенно невозможно в рамках нынешних пространственных ограничений — достаточно указать на такие всепроникающие влияния, как распространенность рабства, растущее богатство немногих и почти повсеместная нищета многих, поощряемая патерналистским правительством, а также сокращение населения, особенно среди лучших классов, как аномальные элементы в политическом организме, влияние которых рано или поздно должно было проявиться катастрофически.

Возможно, столь же важным, как и любой из этих внутренних факторов распада, было постоянное и постоянно растущее внешнее угроза — растущая мощь варварских народов. Положение любой нации в историческом масштабе всегда в значительной степени зависит от относительного положения соседних государств. Рим рано подчинил себе другие итальянские государства, а затем Сицилию, Карфаген и Грецию. Он оказывал доминирующее влияние на народы Востока; или, по крайней мере, если они удерживали свои позиции на своей территории, он делал для них невозможным даже думать о вторжении в Европу. Между тем, на севере и западе не было цивилизованных народов, которые могли бы вступить с ним в конкуренцию, а тем более оспаривать его господство. На протяжении нескольких столетий народы Северной Европы могли рассматриваться Римом лишь как более или менее продуктивные варвары, интересные исключительно в той мере, в какой они были достаточно продуктивны, чтобы их стоило грабить. Но со временем эти северные народы быстро учились через контакты с римской цивилизацией. На самом деле, они были народами, далекими от варварства в современном понимании этого термина. Возможно (этот вопрос до сих пор остается открытым), что они были родственны римлянам; и если их проживание в относительно негостеприимном климате и задержало их прогресс к развитой цивилизации, то это не лишило их расового потенциала быстрого развития под более благоприятными влияниями; в то же время, суровость их окружающей

среды развила в них крепость телосложения, целеустремленность и бесстрашную смелость ума, которые вскоре сделали их самыми опасными соперниками. Именно в последние дни республики и первые дни империи эти суровые северные народы получали уроки римской цивилизации, то есть искусства войны с сопутствующими ему грабежами и разбоями.^[2] Это были суровые уроки, которые легионы цезарей преподавали народам севера, но их ученики оказались способными. Еще во времена Августа германское войско в Тевтобургском лесу отомстило войскам Варуса таким образом, что Рим, должно быть, с ужасом осознал доселе не подозреваемые возможности катастрофы.

Было отмечено, что единственная надежда на возрождение Рима в этих условиях заключалась в возможности объединить различные этнические элементы его обширных территорий в одно гармоничное целое. Другими словами, если бы Рим в ранние времена осознал целесообразность — как, возможно, осознавали это некоторые дальновидные государственные деятели — предоставления римского гражданства крупнотелым и плодovitым народам севера, устранив тем самым серьезное препятствие для смешения рас, результат мог бы быть совсем иным. Мы снова и снова отмечаем, что именно смешанные расы создают великие цивилизации и продвигаются вперед по пути человеческого прогресса. Римляне раннего периода имели в своих венах кровь многих рас, но двадцать пять или тридцать поколений довольно тесного кровосмешения породили расу, которая явно нуждалась в новой крови извне. Однако вся теория римского гражданства была направлена против введения этого оживляющего элемента. Новая кровь, конечно, вскоре дала о себе знать, и армии стали набираться из провинций. Со временем случилось так, что лидеры — даже императоры — перестали быть римлянами в старом смысле этого слова. Они были родом из Испании, Иллирии и Малой Азии. В конце концов, влияние Иллирии стало настолько сильным, что центр римского влияния переместился на Восток, и Римская империя вступила в новую фазу своего существования. Возрождение () в некоторой степени было осуществлено цивилизацией нового Рима на Востоке, но это было скорее развитие дочернего государства, чем возрождение старого содружества. Затем на Западе северные варвары, ставшие все сильнее и сильнее, наконец спустились последовательными ордами и стали хозяевами Италии, включая сам Рим. С их приходом и окончательными завоеваниями история старого Рима как мировой империи заканчивается.

В настоящем томе мы будем следить за ходом событий пятисотлетнего периода от вступления на престол Августа, первого императора, до свержения Ромула Августула, последнего императора. Давайте вкратце рассмотрим источники, в которых сохранились записи об этой чрезвычайно интересной череде событий.

ИСТОЧНИКИ ИМПЕРСКОЙ ИСТОРИИ

Уже упоминалось о важности монументальных надписей. Для имперской истории они приобрели значение, которое не имело аналогов в более ранние периоды. Императоры обычно издавали указы, которые широко копировались по всем провинциям, и благодаря относительной свежести этих надписей большое их количество сохранилось.

Как правило, эти надписи имеют лишь второстепенное значение для установления дат или деталей экономической истории. С другой стороны, такая табличка, как Monumentum Apsuganum, дает важную информацию о жизни Августа, а такие изображения, как на колоннах Траяна и Марка Аврелия, имеют огромное значение для воссоздания истории жизни того периода. Для простой хронологии — которая иногда имеет и более широкие последствия — огромное значение имеет обширная серия монет и медалей. Без этих различных надписей, как уже было сказано, многие детали имперской истории, которые сейчас совершенно точно установлены, остались бы неразрешимыми.

Тем не менее, даже если полностью доверять надписям как источникам истории, остается фактом, что для большинства важных событий, составляющих историю, и практически для всех живописных деталей политической истории, рукописи по-прежнему остаются нашими основными источниками. Авторов, чьи произведения дошли до нас, относительно немного, и их можно кратко перечислить здесь в нескольких словах. Для самого раннего имперского периода у нас есть великий историк Тацит, биограф Светоний, придворный Веллелий Патеркул и государственный деятель Дион Кассий. В качестве вспомогательных источников следует упомянуть сочинения Марциала, Валерия Максима, Плиния и «Иудейскую войну» Иосифа Флавия. Для среднего периода имперской истории нашими основными источниками являются Дион Кассий и Геродиан, дополненные Аврелием Виктором и другими эпитоматорами, а также так называемыми августовскими историями или биографиями. После них практически остаются только Зосим и Аммиан Марцеллин, пробелы в их работах, как и раньше, восполняются обзорными историями. Подробная информация об этих авторах будет представлена, как обычно, в нашей общей библиографии.

ПЕРВЫЙ ВЕК ИМПЕРИИ: ОТ АВГУСТА ДО НЕРОНА (30 г. до н. э. — 68 г. н. э.)

29. Храм Януса закрыт в третий раз. 28. Сенат сокращен в численности. 27. Октавиан отказывается от своих полномочий; получает проконсульскую власть на десять лет и становится главнокомандующим всех войск с правом набирать войска, вести войну и заключать мир. Он получает титул Августа. Провинции делятся на сенаторские (где не требовалась армия) и имперские, где содержались войска. 23. Августу присваивается проконсульская власть с правом трибунской власти. 20. Война против парфянского царя Фраата. Тигран восстановлен в своем царстве Армении. 19. Покорены кантабры и астуры (в Испании). 15. Ретия и Норикум покорены Друзом и Тиберием и включены в состав римских провинций. 12-9. Походы Друза в Германию и покорение Паннонии Тиберием. 4 г. до н. э. Рождение Иисуса. 4 г. н. э. Август усыновляет своего пасынка Тиберия. 9. Иллирик, поднявший восстание, покорен Тиберием. Арминий, вождь германского племени херусков, уничтожает римскую армию под командованием Квинтилия Варуса. 14 г. **Тиберий** становится императором. Германик, племянник Тиберия, подавляет восстание легионов на Рейне и ведет войну с германским племенем марсов. 15 г. Германик вторично вторгается в Германию и захватывает жену Арминия (Германа). 16. Битва при Кампус-Идистависус. Арминий потерпел поражение от Германика. 17. Отзыв и смерть Германика. 23. Преторианские когорты собраны в один лагерь за пределами Рима по предложению Сеяна,

который теперь оказывает большое влияние на Тиберия. 31. Сеян казнен вместе со многими своими друзьями. 37. **Калигула** наследует Тиберия. 41. Убийство Калигулы. На престол вступает **Клавдий**. 42. Мавритания становится римской провинцией. 43-47. Британия покорена Плавтием и Веспасианом. 43. Ликия становится провинцией. 44. Иудея становится провинцией. 54. Клавдий отравлен своей женой Агриппиной, и его преемником становится ее сын **Нерон**. 55. Нерон отравляет своего сводного брата Британика. 58. Домиций Корбулон отправлен против парфян и армян. 59. Агриппина убита по приказу Нерона. 61. Светоний Паулин подавляет восстание Боудики в Британии. 62. Нерон убивает свою жену Октавию. 63. Парфяне и армяне возобновляют войну. Парфяне наконец просят о мире. Царь Армении признает свою вассальную зависимость от Рима. 64. Большая часть Рима уничтожена пожаром, который, как говорят, был устроен по приказу Нерона, но который он приписывает евреям и христианам. Первое преследование христиан. 65. Пизон замышляет заговор против Нерона. Заговор раскрыт. 66. Первая Иудейская война. Веспасиан отправлен для ее ведения. 68. Галлия и Испания восстают против Нерона, который кончает жизнь самоубийством.

ВТОРОЕ СОТНЯЛЕТИЕ ИМПЕРИИ: ОТ ГАЛБЫ ДО МАРКА АВРЕЛИЯ (68-180 гг. н. э.)

68. **Гальба**, **Отон** и **Вителлий** сменяют друг друга на императорском престоле. 69. **Веспасиан**, первый император из династии Флавиев, провозглашен солдатами. Вителлий казнен. Аристократический корпус очищен и пополнен. Восстановлено официальное поклонение. Выполнены общественные работы. Реформы в армии, финансах и администрации в целом. Батавское восстание под руководством Клавдия Цивилиса. 70. Падение Иерусалима. Батавское восстание подавлено Цереалисом. 71. Цереалис становится правителем Британии. 78. Агрикола начинает свои кампании в Британии. 79. **Тит**, второй император из династии Флавиев. Помпеи и Геркуланум разрушены извержением Везувия. 80. Агрикола достигает залива Солвей. 81. **Домициан**, третий император из династии Флавиев. 83. Война с хаттами. 84. Каледоны под предводительством Галгака потерпели поражение от Агриколы, который завершил завоевание Британии. 86. Вторжение даков в Мезию. 87. Даки наносят поражение римской армии. 90. Мир с даками. 93. Антоний Сатурнин, правитель Верхней Германии, поднимает восстание. Восстание подавлено, его документы уничтожены. Домициан казнит предполагаемых сообщников Сатурнина и начинает серию жестокостей. Философы изгнаны из Рима. Преследования евреев и христиан. 96. **Нерва** наследует престол после убийства Домициана и вводит политику мягкости. 98. **Траян**, император. 101-102. Даки подвергаются нападению и разгромлены Траяном. 106. Даки окончательно покорены Траяном. Их страна становится римской провинцией. 114. Начинается Парфянская война, чтобы не дать парфянскому царю закрепить армянскую корону за своей семьей. 116. Парфянская война заканчивается включением Армении, Месопотамии и Ассирии в состав римских провинций. Траян умирает по возвращении. В это время было выполнено много общественных работ. 117. **Адриан**, император. Он отказывается от недавних завоеваний Траяна. 118. Мезия подвергается

вторжению сарматов и роксоланов. Адриан заключает мир с роксоланами. Сарматская война продолжается в течение длительного времени. 120-127. Адриан совершает поездку по провинциям. 121. Строительство вала Адриана в Британии. 132. *Edictum perpetuum*, или сборник эдиктов преторов. 132-135. Вторая иудейская война, начавшаяся с восстания Симона Бар-Косибы. Во время правления Адриана было построено много зданий. 138. **Антонин Пий**, император. Он способствует внутреннему процветанию империи и защищает ее от иностранных нападений. 139. Британское восстание подавлено Лоллием Урбикусом. Построена стена Антонина (Грэмс-Дайк). 161. **Марк Аврелий** и **Луций Вер**, совместные императоры. 162-165. Парфянская война. Она заканчивается восстановлением законного суверенитета Армении и уступкой Месопотамии Риму. 163. Преследование христиан. 166. Варварская коалиция маркоманнов и других племен угрожает империи. Оба императора выходят против них на поле боя. 169. Умирает Луций Вер. 174. Победа над квадами. Чудо Громогов легиона. 175 год. Авидий Кассий провозглашает себя императором и становится повелителем всей Азии в пределах Таврских гор. Он убит. 178 год. Возобновление войны с маркоманнами.

ТРЕТЬЕ СОТНЯ ЛЕТ ИМПЕРИИ: ОТ КОМОДА ДО КЛАВДИЯ II (180-270 гг. н. э.)

180. **Коммод**. Заключение мира с варварами. 183. Луцилла, сестра Коммода, замышляет заговор против него. Наказывая заговорщиков, он начинает свою жестокую карьеру. 193. **Пертинакс** становится императором после убийства Коммода. Он пытается восстановить дисциплину и в свою очередь убит. **Дидий Юлиан** покупает империю у преторианцев. Легионы в Сирии, Иллирии и Британии провозглашают своих соперничающих императоров. **Л. Септимий Север** направляется на Рим. Убийство Юлиана. Север признан в Риме. 194. Битва при Иссе. Север побеждает своего соперника Песценния Нигера. 196. Север захватывает Византий. Клодий Альбин провозглашен императором армией в Галлии. 197. Битва при Лугдунуме. Клодий потерпел поражение. 198. Парфянская война. 202. Преследование христиан. 208. Каледония захвачена Севером, который теряет многих своих людей. 210. Завершение строительства вала Севера в Британии. 211. **Каракалла**, император. Резня александрийцев. 212. **Гета**, соправитель и брат Каракаллы, убит им. Войны в Дакии и на Рейне. 217. **Макрин**, император. 218. **Элагабал (Гелиогабал)** провозглашен императором солдатами. Поражение и казнь Макрина. Юлия Меса и Юлия Созмия, бабушка и мать Элагабала, правят. 222. **Север Александр**, император. 231. Персидская война. 235. **Максимиан Фракс**, император. 236. Вторжение в Германию. 237. **Гордиан I и II** провозглашены императорами в Африке. Поражение и смерть Гордианов. 238. **Пупиен Максим, Целий Бальбин и Гордиан III**. Максимиан Фракс, Пупиен и Бальбин убиты. 242. Сапор, царь Персии, побежден Гордианом III. 244. **Филипп Арабец** убивает Гордиана и становится его преемником. 249. **Деций** провозглашен императором мозийскими и паннонскими легионами. Битва при Вероне. Филипп побежден и убит. 250. Преследование христиан. Епископы Рима, Антиохии и Иерусалима приняли мученическую смерть. Битва при Абриции. Деций потерпел поражение и был убит готами. 251. **Галл и Гостилиан**,

императоры. 252. Чума охватила большую часть империи. Она длилась пятнадцать лет. 253. **Эмилиан**, император. 254. **Валериан**, император. Готы и бургунды вторгаются в Мезию и Паннонию. Франки появляются в Галлии. 259. Шапур вторгается в Сирию и захватывает Антиохию. Валериан отбивает его, но попадает в плен и становится рабом. 260. **Галлиен**, сын Валериана и соправитель, становится единоличным императором. Ингений и Регалиан провозглашены императорами. Оденат из Пальмиры отбивает персов. 261. Макриан, Валент и Кальпурний Пизон провозглашены императорами. 262. Ауреол провозглашен императором. Персы захватывают Антиохию. 264. Оденат провозглашен Августом. 265. Постум отбивает галлов. 267. Смерть Оденатуса, преемником становится его жена Зенобия. Смерть Постума. Тетрик захватывает власть в Галлии. Эпоха тридцати тиранов. 268 год. Галлиен убит в результате интриг Ауреола. **Клавдий II** становится императором. 269 год. Битва при Наиссе в Дардании. Клавдий наносит готам сокрушительное поражение. Зенобия вторгается в Египет.

ЧЕТВЕРТЫЙ ВЕК ИМПЕРИИ: ОРЕЛИАН — ФЕОДОСИЙ (270-395 гг. н. э.)

270. **Аврелиан**, прозванный *Restitutor Orbis*, становится императором. Он побеждает готов и заключает с ними мир. Аламанны вторгаются в Умбрию и терпят поражение от Аврелиана в трех сражениях. 273. Аврелиан захватывает Пальмиру и ее царицу Зенобию. Египет поднимает восстание и подчиняется. 274. **Тетрик**, который удерживал власть в Галлии, Британии и Испании, потерпел поражение при Шалоне. 275. **Тацит**, император. 276. **Проб** и **Флориан**, императоры. Они избавляют Галлию от германских захватчиков и преследуют их через Рейн. 282. **Кар**, император. Сарматы потерпели поражение. Персидская экспедиция. 284. **Диоклетиан**, император. Он делает Никомедию в Вифинии своей столицей. 285. **Максимиан**, соправитель, ответственный за управление Западом. 293. **Констанций Хлор** и **Галерий** названы цезарями. 296. Констанций отвоевывает Британию. Диоклетиан подавляет восстание в Египте. Битва при Каррах. Галерий потерпел поражение от персов. 297. **Галерий** наносит поражение персам и заключает договор, обеспечивающий римлянам власть над Месопотамией. 298. Констанций наносит поражение аламанам при Лангре. 303. Преследование христиан. 305. Отречение Диоклетиана и Максимиана. **Констанций** и **Галерий** становятся императорами. 306. **Константин Великий** наследует своему отцу Констанцию власть над Испанией, Галлией и Британией. **Максенций** становится императором в Риме. **Максимиан** возвращается на престол. **Лициний** становится императором. 310. Максимиан казнен Константином. 312. Поражение и смерть Максенция. 313. Лициний и Константин издают Миланский эдикт, вводящий религиозную терпимость. 314. Война между Лицинием и Константином. 323. Сражения при Адрианополе и Халкидоне. Поражение Лициния. 324. Казнь Лициния. Константин становится единоличным правителем. 325. Первый вселенский собор в Никее. 330. Византий, или Константинополь, становится столицей империи. 337. **Константин II**, **Констант** и **Констанций II** делят империю. 340. Битва при Аквилее между Константином II и Констансом. Смерть Константина II. Его владения переходят к Констансу. 350. Смерть Констанса. Восстание

Магненция. 353. Констанций II становится единоличным императором. 357. Битва при Аргенторатуме (Страсбурге); Юлиан наносит поражение аламанам. 361. **Юлиан, «Отступник»**, становится императором. 362. Эдикт, предоставляющий всеобщую терпимость. 363. Персидская война. Юлиан одерживает победу при Ктесифоне и в других сражениях, но в конце концов вынужден отступить и погибает. **Иовиан** становится императором. Он заключает мир с персами, уступая пять районов за Тигром. Он ставит христианство наравне с другими религиями. 364. **Валентиниан I** и **Валенс ()** становятся императорами. 367. **Грациан** — император Запада. 374. Война с квадами. 375. **Валентиниан II** правит совместно с Грацианом после смерти Валентиниана I. 376. Гунны и аланы нападают на восточных готов. Валент разрешает готам поселиться во Фракии. 378. Готы угрожают Константинополю. Битва при Адрианополе. Готы наносят римлянам сокрушительное поражение. Смерть Валента. 379. **Феодосий Великий**, император Востока. 380. Феодосий принимает христианство. Он успешно продолжает войну против готов и заключает с ними договор (), после чего они поселяются во Фракии, Фригии и Лидии, а многие из них вступают в армию Восточной империи. 383. **Клеменс Максим** восстает против Грациана, который был схвачен и казнен. 387. Максим провозглашает себя правителем Италии. Феодосий восстанавливает Валентиниана II и казнит Максима. 390. Резня жителей Фессалоник по приказу Феодосия в отместку за убийство чиновников. 392. Убийство Валентиниана II. **Евгений** становится императором Запада. 394. Феодосий побеждает Евгения и становится последним императором всего римского мира. 395. Смерть Феодосия. **Аркадий** становится императором Востока, а **Гонорий** — Запада.

ЗАПАДНЫЕ ВЛАДЕНИЯ В ПЯТОМ ВЕКЕ ИМПЕРИИ (395-476 гг. н. э.)

395. После смерти Феодосия разделение империи становится окончательным. Одиннадцатилетний **Гонорий** правит западной частью империи, а Стилихон является регентом. Аларик разоряет Фракию. Стилихон выдвигается против него. 396. Вторая экспедиция Стилихона. Аларик бежит в Эпир, а Стилихон возвращается в Италию. 397. Восстание Гилдо в Африке, вызвавшее нехватку продовольствия в Риме. Он потерпел поражение и покончил с собой в следующем году. 403. Битва при Поленции положила конец вторжению Алариха в Италию, начатому в предыдущем году. Отступление Алариха. 405. Радагаиз с армией в 200 000 человек, состоящей из кельтов, германцев, сарматов и галлов, вторгся в Италию. Успешно противостоит ему Стилихон. Пленение и смерть Радагаиса. Его армия уничтожена. 406. Вандалы входят в Галлию. 407. Восстание армии в Британии. Константин провозглашен императором; становится властелином всей Галлии вплоть до Альп. 408. Убийство Стилихона. Аларик осаждает Рим, но отступает после получения выкупа. 409. Аларик, осаждая Рим, провозглашает Аттала императором. Восстание Геронтия в Испании; он провозглашает Максима императором. Вандалы вторгаются в Испанию. 410. Аларик захватывает Рим и грабит его. Смерть Аларика. Его преемником становится Атавульф. 411. Война между узурпаторами Константином и Геронтием. Констанций возглавляет императорские войска против двух мятежников. Смерть Константина и Геронтия. 412. Йовин провозглашен императором в Галлии. Мир между Гонорием и

Атавульфом. 413. Атавульф убивает Йовина. Гераклиан вторгается в Италию, но убит. 415. Смерть Атавульфа в Испании. Его преемником становится Валлия, который в следующем году заключает мир с Гонорием. 418. Покорение Испании готами после двухлетней войны. Смерть Валлия. Его преемником становится Теодорих I. Аквитания уступается готам. 419. Война свевов и вандалов в Испании. 421. Констанций провозглашается августом, но не признается. 423. Смерть Гонория. 424. Иоанн или Йоанн захватывает западную часть империи. 425. **Валентиниан III**, племянник Гонория, провозглашен августом. Поражение и смерть узурпатора Иоанна. Нападение на готов в Галлии. 428. Война в Галлии продолжается. Умирает король вандалов Гундерик, его преемником становится Гензерик. 429. Гензерик переправляется в Африку (), по приглашению Бонифация, который несколько лет находился в состоянии восстания. 431. Война Бонифация с вандалами закончилась захватом Гиппона. Вандалы стали хозяевами большей части Африки. 432. Война между Бонифацием и Аэтием. Смерть Бонифация. 434. Атила становится королем гуннов. Говорят, что Онория, сестра Валентиниана, попавшая в немилость при дворе, приглашает его напасть на Италию. 435. Мир с Гензерихом. Война с бургундами и готами в Галлии. 436. Теодорих осаждает Нарбо. 437. Война в Галлии продолжается. Валентиниан женится на дочери Феодосия II. 439. Теодорих побеждает Лорио в Толозе. Мир с готами. 440. Гензерик вторгается в Сицилию. 444. Атила убивает своего брата Бледу и наследует всю власть. 446. Вандалы опустошают римские владения в Испании. Британцы просят помощи против саксов. 448. Сवेфы опустошают римские владения в Испании. 451. Атила вторгается в Галлию. Он терпит поражение в Шалоне от Аэция и Теодориха. Смерть Теодориха, которого наследует его сын Торисмонд. 452. Атила вторгается в Италию. Осада и захват Аквилеи. Атила отступает в Галлию. Смерть Торисмонда, которого наследует Теодорих II. Лео, епископ Рима, отправляется в качестве посла к Аттиле. 453. Смерть Аттилы. Его армия рассеяна. 455. Убийство Валентиниана Петронием Максимом. **Максим** провозглашает себя императором. Он женится на вдове Валентиниана, которая призывает на помощь Гензериха. Убийство Максима, когда он готовится бежать от вандалов. **Авит** провозглашается императором в Галлии Теодорихом II. Он признается Марцианом в Константинополе. 457. **Майориан** провозглашен императором Рицимером, который в предыдущем году сверг Авита. 458. Майориан выступает против вандалов и галлов. 459. Мир между Майорианом и Теодорихом II, который потерпел поражение. 460. Римский флот уничтожен Гензерихом у Карфагена. Мир между Майорианом и Гензерихом. 461. Свержение и убийство Майориана Рицимером. Возвышение **Севера**. 462. Вандалы разоряют Италию. 463. Теодорих II пытается захватить Галлию. Потерпел поражение, но правит большей частью Испании. 465. Смерть Севера. Император не назначается, Рицимер удерживает власть в своих руках. 466. Убийство Теодориха II его братом Эвриком, который наследует его. 467. **Антемий** назначен императором Леоном Константинопольским по просьбе Рицимера. 470. Эврик захватывает Арелат и Массилию и наносит поражение бриттам. Казнь патриция Романа, претендовавшего на императорский трон. 472. Война между Рицимером и Антемием. Рицимер провозглашает императором **Олибрия** и казнит Антемия. Смерть Рицимера. Смерть Олибрия. 473. **Глицерий** провозглашен императором. Остготы готовятся к вторжению в империю. 474. Лев посылает **Юлия Непоса** править на Западе. Глицерий свергнут. Эврик занимает Арверну. Мир между Эвриком и Непосом. 475. Орест изгоняет Непоса и провозглашает императором своего сына **Ромула Августа**. 476. Одоакр вторгается в Италию. Ромул Августул свергнут, Одоакр признан королем Италии.

Византийский император Зенон присваивает Одоакру титул патриция, который правит номинальным наместником. «Таким образом, — говорит Брайс, — с юридической точки зрения Западная империя вовсе не исчезла, а произошло лишь воссоединение Востока и Запада».

СНОСКИ

[2] Это не следует толковать как подразумевающее, что это были единственные уроки римской цивилизации. См. стр. 4 и далее.

ГЛАВА XXIX. ИМПЕРИЯ И ПРОВИНЦИИ

Когда Август вступил в обладание абсолютной властью, Римская империя включала в себя самые красивые и известные земли на земном шаре, и все цивилизованные народы древнего мира нашли место в ее просторных пределах. Она простиралась от океана на западе до Евфрата, от Дуная и Рейна до водопадов Нила и пустынь Африки и Аравии. И хотя в первые десятилетия имперского правления некоторые племена в пределах ее огромной территории не полностью ассимилировали систему римской цивилизации и права, хотя в Альпах и Пиренеях, на нижнем Дунае и в недоступных ущельях Тавра некоторые воинственные народы сохранили свою дикую свободу и не склонили головы перед жезлами и топорами Рима, могущественной повелительницы мира, — они оказывали лишь тщетное сопротивление, которое скорее служило для утверждения и проявления воинственной силы легионов, чем для внушения страха хозяевам мира или установления границ их владычества.

Войны, которые Август или его легаты вели в Кантабрийских горах на северо-западе Испании, в Альпах и на лесистых холмах Далмации, служили лишь для укрепления империи и ее границ и давали императорскому правителю возможность возобновить военные подвиги и триумфы республики. Испанские горцы были переселены на равнины и вынуждены вести мирную жизнь. Лишенные своей дикой свободы, они привыкли к земледелию и общественной жизни, а испанские города, наделенные привилегиями и соединенные между собой магистралями, вскоре стали центрами римской культуры и сферами активного влияния в торговле и коммерции. Продукты земли, дары моря, плоды труда — масло и вино, мед и воск, шерсть и соленая рыба — в больших количествах экспортировались из портов Испании и наполняли приморские города богатством. Свирепые и грабительские племена Альп, от Савойи и Пьемонта до Истрии, снова и снова подвергались ударам меча и были вынуждены подчиниться; недавно основанная военная колония Аугуста Претория (Аоста) в стране салассов, на стыке Грайских и Пеннинских Альп, с тех пор служила оплотом римских владений в северо-западной Италии, после того как упорство выносливых горцев было сломлено, а способных носить оружие мужчин увезли на работоторговый рынок в Эпоредию (Иврею).

В 15 году до н. э. были завоеваны свободные племена Ретии, Винделиции и Норикума, от Боденского озера и долины Инна до Адриатического моря; и Тиберий повел свои легионы из Галлии к истокам Рейна, чтобы там соединиться с Друзом, энергичным юношей, которому была уготована честь «посвятить последний час свободы гор» и который в то время наступал с юга. Одной кампании было достаточно, чтобы навсегда уничтожить свободу этих разрозненных племен, которые не имели национальных связей, объединяющих их в политическое образование. Трофей на южном склоне горного вала провозглашал потомкам, что под руководством и покровительством Августа сорок четыре народа, все упомянутые по имени, были побеждены и подчинены мечом Рима. Переселение наиболее энергичных элементов населения в чужие края, строительство альпийских дорог, возведение крепостей и кастелл, а также основание военных колоний (среди которых Augusta Vindelicorum, нынешний Аугсбург, и Regina Castra, современный Ратисбон, быстро заняли первое место) обеспечили эти завоевания и принесли новые территории под власть Рима; так что в короткие сроки все земли между Дунаем и Альпами вошли в состав провинций Римской империи.

В то же время для империи была завоевана обширная территория от Истрии до Македонии и от Адриатики до Савы; то, что до сих пор было морской провинцией Иллирик, не только увеличилось за счет присоединения территорий япидов (яподов) и далматинцев, но и было создано укрепление и склад на нижнем Дунае благодаря завоеванию паннонского города Сисция у слияния Колаписа (Кульпа) и Савы. Яподы тщетно защищали свою столицу с отчаянным мужеством; сам император, хотя и был ранен в бедро и обе руки, продолжал атаку, пока все мужчины, способные носить оружие, не пали в бою, а женщины, старики и дети не погибли либо в пламени горящего города, либо от своих собственных рук. В очень короткое время через Паннонию и Мезию до южного берега реки были проложены прочные укрепленные линии, и вскоре непрерывная цепь крепостей под управлением шести легионов подготовила путь для завоевания новых провинций и отразила набеги северных варваров.

Фракийские княжества к югу от Эмуса погрузились в все более зависимое положение. Во время правления Тиберия Котис, мягкий и любезный князь, был убит своим жестоким дядей Рескупорисом. Вдова обратилась с просьбой о помощи в Рим, после чего преступник был свергнут декретом сената, а страна была разделена между сыновьями двух королей. В этих условиях власть Рима укоренилась еще глубже, пока, наконец, не исчезла последняя тень свободы и независимости, и вся Фракия не вошла в состав мировой империи.

Попытки восстания, предпринятые паннонами и далматинами в 12 и 11 годах до н. э., были жестоко подавлены Агриппой, а после его смерти — его преемником Тиберием. Депортация мужчин, способных носить оружие, в рабство и разоружение остальных надолго восстановили спокойствие и покорность. Но любовь к свободе не была подавлена в этом воинственном народе. Разъяренные грабежами Рима, который, по словам одного из их вождей, посылал «не пастухов и собак, а волков, чтобы пасти стада», и призывом их доблестных сыновей на службу в чужие края, далматинцы и паннонцы в 6 году н. э. вновь взяли в руки мечи, чтобы освободиться от бремени налогов и военной службы.

Восстание быстро распространилось по всей стране; предприимчивые вожди, двое из которых носили имя Бато, двинулись на римские крепости Сирмий и Салона, опустошая землю на своем пути, в то время как другие с большой армией терроризировали Македонию. Смелая группа вооруженных людей угрожала вторгнуться в Италию через Тергесте (Триест); беспокойство царило среди свирепых далматинских и сарматских всадников из

степей за Дунаем (); римские торговцы подвергались грабежам и убийствам. Тревога, охватившая столицу после этих печальных известий, и военная активность, пробудившаяся по всей Италии, достаточно доказывают, что Рим не недооценивал опасность, угрожавшую ему с востока. Уволенные ветераны были вновь зачислены в легионы, был введен налог на рабов для покрытия расходов на войну, был заключен мир с Марбодусом, князем маркоманнов, на которого римляне собирались напасть.

Эта разрушительная война, по словам Светония, самая страшная со времен Пунических войн, длилась три года [7-9 гг. н. э.]. Тиберий и его племянник Германик, сын Друза, прошли по всей Далмации и Паннонии, то испытывая удачу в войне, то идя по пути предательства и сея раздор с помощью переговоров. После многих кровопролитных сражений Бато договорился с римлянами о сдаче неприступной горной крепости Андриум, недалеко от Салоны, и уехал с семьей в Равенну, где Тиберий предоставил ему щедрую пенсию до конца его дней в качестве вознаграждения за измену делу своей страны.

Крепость Ардуба, построенная на крутом холме и защищенная бурной рекой, продержалась дольше; самые решительные из повстанцев укрылись в ней вместе с большим количеством дезертиров. Но ее час наконец приблизился. После того как лучшие бойцы гарнизона, совершив вылазку, пали в кровопролитной схватке в ближнем бою, выжившие подожгли свои дома и вместе с женами и детьми искали смерти в пламени или в бурлящем потоке. Остальные города сдались на произвол судьбы, и на всей территории между Адриатическим морем и нижним течением Дуная вновь воцарилось безмолвное повиновение. Но страна была опустошена, и на залитых кровью полях осталось мало жителей. Великая река от истока до устья вскоре стала северной границей империи. Фракийские княжества были включены в провинцию Мезия.

[30 г. до н. э. — 14 г. н. э.]

В азиатских странах также пришлось пережить много конфликтов и разрешить много сложных вопросов, прежде чем государства и народы к западу от Евфрата склонились в благоговейном повиновении перед верховенством Рима. Порядок, установленный Помпеем, действительно оставался в силе до дней Августа, но в результате гражданских войн в различных государствах произошли большие изменения. Республиканцы Брут и Кассий, не меньше, чем триумвиры Антоний и Октавиан, вознаграждали дружественные или враждебные чувства князей, городов и провинций наградами или наказаниями, давали или отнимали привилегии и власть, оказывали или отзывали свою поддержку в зависимости от заслуг или симпатий. Когда Август появился на Востоке, через десять лет после битвы при Акциуме, местные царства, светские княжества и иерархии, свободные города и другие территориальные образования, занимавшие более или менее зависимое положение по отношению к Риму и обязанные нести ему военную службу, по-прежнему существовали, как и в прежние времена, бок о бок с четырьмя римскими провинциями Азия, Вифиния, Киликия и Сирия. Многие из них были лишены своего прежнего статуса под различными предлогами и поглощены совокупностью римских провинций.

Так, после смерти способного политика Аминтаса, генерала и преемника Дейотара, Август создал провинцию Галатия из большей части его владений, добавив к ней сначала Ликаонию, а позже, после смерти Дейотара Филадельфа, внука знаменитого галатийского царя, внутреннюю область Пафлагонию. Понтийское царство вместе с Малой Арменией, Колхидой и приморскими городами Фарнакией и Трапезуном управлялись по милости Антония и Октавиана храбрым и благоразумным Полемоном как «другом и союзником римского народа», и к этим владениям он присоединил царство Босфор, наследие своей жены Динамиды. После его смерти его вдова Питодорис вышла замуж за царя Каппадокии

Архелая, который также обязан был своим царством благосклонности Антония и Октавиана и своей преданности Риму.

Таким образом, два царства были объединены и образовали отличный барьер против восточных варваров. Но это новое создание не было предназначено для долгого существования. Малая Армения и Каппадокия были объединены в провинцию Каппадокия еще во время правления Тиберия (), после того как Архелай умер в Риме от страха перед обвинениями, выдвинутыми против него в сенате императором, чье недовольство он вызвал, а иератическое княжество Комана было присоединено к той же провинции. Под властью Рима древние города достигли большого богатства и великолепия, особенно Никомедия в Вифинии и Кесария в Каппадокии. Диоскурия и овеянный мифами регион вокруг Фазиса стали центром далеко идущей торговой деятельности, рынком всего мира. Там римские купцы покупали шерсть и меха из северных земель, а также драгоценные камни, шелковые одежды и предметы роскоши из Дальнего Востока.

Август и его преемники стремились таким же образом объединить разрозненные провинции южной Малой Азии и подчинить их римской провинциальной системе. Конфедерация Ликии сохраняла свое существование и свободу еще несколько десятилетий как «руины древних времен», и Антоний и Октавиан приложили все усилия, чтобы залечить раны, нанесенные Брутом. Но конфедерация, лишенная процветания и ослабленная внутренними разногласиями, была настолько далека от восстановления, что ее преобразование в римскую провинцию во время правления Клавдия казалось благом. Провинция Киликия была увеличена за счет присоединения Писидии и острова Кипр. Римский гарнизон был поставлен на стражу «Киликийских ворот», ведущих в Сирию, а Август поручил некоторым местным зависимым князьям задачу покорить племена разбойников, которые жили в дикой свободе в горах и ущельях Тавра и Амануса. Они были включены в фактические владения Рима только во время правления Веспасиана.

После битвы при Актиуме Сирия с подчиненными ей провинциями вернулась к своему прежнему положению, которое было временно нарушено вторжениями парфян и дарами Антония Клеопатре и ее детям. Четыре легиона обеспечивали внутренний покой и безопасность от соседних народов на юге и востоке. Северный горный регион Коммагена с городом Самосата, последним пережитком империи Селевкидов, еще некоторое время оставался во владении независимого князя, а после его смерти был присоединен к провинции Сирия. Подобная судьба постигла и Иудею, к которой римляне долгое время относились с особым благосклонностью, поскольку семья Юлиев всегда была хорошо настроена по отношению к евреям. После смерти царя Ирода, который сумел завоевать и сохранить благосклонность и доверие императора и Агриппы, своего зятя и генерала, с помощью лести, подарков и услуг, царство Иудея, потрясенное междоусобными распрями и разногласиями, также было включено, как мы уже видели, в состав Римской империи. Как римская провинция, она была поставлена под управление прокуратора, который, хотя и находился номинально под контролем правителя Сирии в Антиохии, обладал большинством прерогатив, принадлежавших проконсулам и пропреторам в других странах, в частности, правом назначать смертную казнь. Тем не менее Иудея долгое время оставалась «избалованной любимицей Рима»; народ Божий сохранил свою веру, свои законы и свою национальность; он был освобожден от военной службы и пользовался многими правами и привилегиями во всех странах.

Прокурор (агент) Иудеи проживал в Кесарии, новом порту, основанном Иродом, который быстро достиг коммерческого процветания под властью Рима. Многие иностранцы поселились там под защитой римского гарнизона, штаб-квартира которого находилась в резиденции правительства. Губернатор подчинялся во всех военных вопросах проконсулу

Сирии, в той мере, в какой последний был обязан прийти ему на помощь в случае войны, если он обратился к нему с просьбой. Незначительный гарнизон в Кесарии и небольшие войска, расквартированные в Иерусалиме, были едва достаточны для поддержания спокойствия и порядка в мирное время. Во время праздников, когда в Иерусалиме собирались большие толпы людей, правитель сам отправлялся в Святой город с армией и «вероятно, решал много дел в высшей судебной инстанции и других вопросов, которые были отложены до этого момента». Тогда он проживал в претории, недалеко от Антонии. Он выносил приговоры с высокого судейского кресла, установленного в портике, украшенном красивым мрамором. Судебные процессы проходили во внутреннем дворе. Армия имела еще один лагерь в Самарии.

АВГУСТ

(Из камеи)

Хотя под властью Рима еврейский народ имел больше свободы в управлении своими внутренними делами, чем при Иродах, он не почувствовал значительного облегчения от бремени налогов и пошлин. Римляне взимали налог на имущество (подушную подать и земельный налог), пошлину на дома, рыночную продукцию и многие другие сборы. С другой стороны, храмовый налог (в размере двух драхм) считался добровольным и взимался священниками, а римляне не занимались этим. Общая перепись населения, которую Август поручил провести П. Сульпицию Квинину, рыцарю и проконсулу, после того как он захватил страну (около 10 г. н. э.), с целью выяснить, сколько страна может ежегодно приносить дохода в соотношении с ее населением, площадью возделываемых земель и другими обстоятельствами, была первой вещью, которая глубоко обидела ортодоксальных евреев.

Небольшие владения, которые Август и его семья оставили для управления в качестве вассальных государств семье Ирода, — такие как северо-восточный район со старым городом Панаеас, сначала управляемый честным и способным Иродом Филиппом, который превратил Панаеас в великий город Кесария (Филиппы); а также Галилея и Перейя, наследие коварного и жадного тетрарха Антипы (обычно называемого Иродом), льстивого поклонника римлян и основателя городов Сепфорис (Диокесарея) и Тивериада — были включены в состав Римской империи () несколько десятилетий спустя в связи с отсутствием наследников династии. Во время путешествия в Иерусалим последний из названных князей, Антипа, Ирод из Евангелий, влюбился в Иродиаду, прекрасную жену своего сводного брата Филиппа, которая сама была членом семьи Ирода, и убедил ее оставить мужа и выйти за него замуж.

Этот преступный брак принес тетрарху злые плоды. Его бывшая жена бежала к своему отцу, арабскому князю Петры, и убедила его начать войну против своего неверного мужа, который позволял Иродиаде руководить собой во всем и не обращал внимания ни на мрачное недовольство своего народа, ни на открытые упреки проповедника покаяния Иоанна Крестителя. Во время правления Калигулы Антипас был лишен своего царства по обвинению своего двоюродного брата и зятя Ирода Агриппы и сослан вместе со своей женой Иродиадой в Галлию, где они оба умерли. Однако при императоре Клавдии Ирод Агриппа,

внук Ирода Великого (), который был воспитан в Риме, вновь обрел власть над Иудеей и Самарией и сохранял свою власть в течение трех лет (41-44). Авантюрист и солдат удачи, поочередно любимец и льстец цезарей, он был поражен ужасной болезнью, когда смотрел игры в цирке, вскоре после гонения на христиан, и скончался от нее через несколько дней.

Пустыни на юго-востоке провинции Сирия были заселены свободными арабскими племенами, которые с древнейших времен вели кочевой и грабительский образ жизни. Август поступил так же, как и Помпей до него: он заключил договор и союз с Мальхом из Петры, набатейским принцем и преемником Ареты, а также с вождем Ямблихом из Эмесы, чей отец, другой Ямблих, был казнен Антонием, гарантировав им владение отцовским наследством при условии, что они будут отражать грабительские набеги сынов пустыни. Попытка Элия Галла, правителя Египта, подчинить Аравию Феликс в 24 году закончилась плачевно. Яркий солнечный свет и опасности климата вскоре отпугнули захватчиков и защитили местных жителей от римских мечей. Генерал набатейского принца, который проводил кампанию в пустыне, поплатился жизнью за предполагаемую измену, но нелояльность слуги не была вменена его господину.

Рим все еще имел дело чести с парфянами; день Карр еще не был отомщен, и кровь Красса и его товарищей взывала о мести. Август, однако, не желал подвергать себя и свои легионы стрелам железных всадников. В этом случае удача снова оказалась его союзником. Парфия и Армения, которые в то время поддерживали тесные отношения друг с другом, были озабочены спорами о престолонаследии. Тигран, сын несчастного Артавазда, обратился за помощью к Риму против Артакшиаса, кандидата на престол от имени парфянского царя. Тиберий вторгся в Армению с армией и возвел на престол протеже Рима, поскольку Артакшиас был убит местными жителями при прибытии генерала (20 г. до н. э.). Эта катастрофа наполнила парфянского царя опасениями, что римляне могут поддержать претендента Тиридата и уготовить ему такую же судьбу, как и Артакшиасу. Поэтому он согласился с требованиями Августа и вернул римские знамена и пленников, которые с момента катастрофы при Каррах удерживались на Дальнем Востоке. Император отпраздновал возвращение орлов жертвенным пиром, как будто это была победа, и посвятил храм Марсу-Мстителю.

Но Армения не обрела прочного мира: то она находилась под влиянием Рима, то верх брали парфяне; короли назначались и изгонялись, споры за трон и междоусобные распри наполняли страну. При Нероне парфянский царь Вологес I посадил своего брата Тиридата на армянский трон, раздув таким образом тлеющие угли войны между римлянами и парфянами до пылающего пламени.

Сами вероломные армяне создавали поводы для конфликтов, с одной стороны, призывая на помощь Рим, чтобы спастись от полного порабощения восточным соседом, а с другой — благоприятствуя парфянам, чтобы не подвергнуться угнетению со стороны Рима. По своему местному положению и сходству нравов они, как отмечает Тацит, были более близки к парфянам, с которыми свободно вступали в браки, и были склонны к рабству из-за своего незнания свободы. В это время Домиций Корбулон завоевал большую славу и возродил ужас римского оружия даже при самом гнусном из императоров. Восстановив дисциплину в легионах, он победоносно вторгся в горную страну, захватил ее главные города, Артаксату и Тиграноцрту, и поставил некоего Тиграна в качестве римского претендента на трон и соперника парфянского претендента (58 г. до н. э.). Тигран и его преемник, потомок семьи Ирода, удерживали свои позиции в течение пяти лет при помощи Рима; затем парфяне вновь обрели превосходство и снова возвели на трон своего кандидата Тиридата, а Цессенний Пэт, преемник Корбулона, был бессилен предотвратить эту революцию. Но когда Корбулон вновь вторгся в Армению со своей армией, парфяне потеряли надежду удержать

свои позиции, бросив вызов Риму. Поэтому они пошли на компромисс. В беседе с Корбулоном Тиридат согласился сложить королевскую корону перед изображением императора и получить ее обратно из его рук в Риме. С того времени мир в восточных провинциях долгое время оставался ненарушенным.

В провинции Азия существующее положение вещей практически не изменилось, привилегии некоторых городов были расширены или ограничены в зависимости от позиции, которую они заняли во время гражданских войн, а право убежища Эфесской Дианы, которое сделало город пристанищем для преступников, было ограничено. Новая энергия, которую Август влил в беспорядочное государство, принесла великолепные плоды процветания в древних центрах цивилизации. Под властью порядка, этой «щедрой дочерью неба», мирные искусства поднялись на новую высоту славы, и в первом веке империи провинция Азия насчитывала пятьсот густонаселенных городов. С греческих островов римляне ввозили предметы роскоши и чувственных удовольствий; мрамор из Парос и Фригии для своих роскошных зданий; вино из Хиоса, морскую рыбу из Родоса и дичь из Малой Азии для своих эпикурейских банкетов. Эфес и Апамея были рынками и торговыми центрами для продуктов и художественных изделий Востока. Оттуда римские купцы привозили свои прекрасные вавилонские ткани, арабские и персидские благовония и мази, свои одежды из тирского пурпура. На острове Кос изготавливали изысканные женские одежды, которые скорее демонстрировали, чем скрывали тело, — «коанские одежды», против которых так яростно выступал Сенека.

Провинции Ахайя и Македония не претерпели больших изменений; обе они давно привыкли к римскому правлению, и хотя первая (которая охватывала территорию древней Греции до гор Камбуниан и Керауниан и островов Эгейского моря) не отказалась, как вторая, от всякого интереса к политической жизни, а присоединилась к той или иной стороне в войнах римских деспотов, римляне тех дней были слишком горячими поклонниками греческой культуры, чтобы наказывать отдельных лиц за преступления против матери гуманитарных наук, как это сделал Сулла. Цезарь, Антоний и Август с одинаковой великодушием забыли о поддержке, которую Помпей и Брут нашли среди непостоянных эллинов (), и вознаградили их злодеяния благодеяниями. Однако Август смягчил полный поток благосклонности, который Антоний излил на Афины, освободив остров Самос, где он несколько раз длительно останавливался. Но, несмотря на большое внимание, уделяемое Элладе, ее жизненная сила была сломлена; она утратила способность подняться к здоровой политической жизни.

Август уделял пристальное внимание кельтским завоеваниям своего приемного отца и своим собственным приобретениям на Ниле. Обширная область Галлии, расположенная за Альпами, получила под его руководством свою первую стабильную провинциальную организацию. Цезарь, ее завоеватель, не успел закрепить и упрочить то, что завоевал своим мечом, с помощью постоянной организации; старая система местных подразделений все еще действовала, налогообложение было неравным и произвольным. Август положил конец этому небрежному положению дел; на собрании самых выдающихся вождей и старейшин в Нарбоне он заново определил разделение страны и одновременно провел перепись жителей и их земельной собственности с целью более справедливого распределения общественных благ.

К старой провинциальной территории, которая с тех пор носила название Нарбонская Галлия, были добавлены три новые провинции. Это были Аквитания, простиравшаяся от Пиренеев и Севенн до Луары; Галлия Лугдуненсис, расположенная между Луарой, Сеной и Марной, и Галлия Марсика (), простиравшаяся до Лугдунума на востоке; и Бельгика, обширная северная территория, в которую также входили секваны и гельветы. Новые

города на Роне — Виенна, Лугдунум, Августодунум (Отен) и Бурдигала (Бордо) — вскоре стали соперничать со старой провинцией по богатству, торговой активности и культуре с Массилией, Немаусусом, Арелатом и Нарбо. Лугдунум (Лион), куда со всех сторон вели военные дороги, приобрел большое значение. В месте слияния Арариса (Сона) с Роданом галльские племена воздвигли величественный мемориал и храм императору Августу, и день его освящения с тех пор отмечался как национальный праздник с музыкальными и гимнастическими представлениями.

На севере Августа Тревирорум (Трейс) стала центром римской цивилизации; под благословением мира повсюду процветали сельское хозяйство, промышленность и процветание. Страна на левом берегу Рейна, населенная в основном германскими племенами, была поставлена под отдельное военное управление под названием Верхняя и Нижняя Германия. Для защиты рейнской границы от воинственных германцев вдоль реки были построены крепкие постоянные лагеря и укрепления, а оккупационная армия постепенно была увеличена до восьми легионов. Затем началось строительство городов на берегах красивой пограничной реки. Кельн был особо облагодетельствован освобождением от налогов и другими привилегиями.

Август уделял такое же внимание и осторожность упорядочению своих владений за пределами Средиземноморья. Территория Карфагена и королевство Нумидия, ранее разделенные на два проконсульства, теперь были объединены в провинцию «Африка». На западе она граничила с независимым королевством Мавритания, которое Август после некоторого колебания передал Юбе, верному и преданному подданному, до тех пор, пока не настало время для его включения в мировую империю во время правления Клавдия. К востоку от великой Сиртиды плодородная область Кирена простиралась до границ Египта и была объединена с Критом, образовав вторую провинцию.

Если Август оставил эти две провинции под управлением сената, то провинцию Египет, которая простиралась от оазиса в пустыне до Аравийского залива и от дельты реки до скалистых гор Сиены (), он держал под своим жестким контролем. Военный аванпост в Эфиопии был позже снят, поскольку Август не планировал расширять границы империи. Император считал Египет своей личной собственностью и ревностно следил за ним. Ни один сенатор не имел права путешествовать по стране без его специального разрешения; управление и верховное командование значительной оккупационной армией находились в руках надежного человека, пользовавшегося его полным доверием. Забота, которую Август уделял сельскому хозяйству, ирригации и торговле, была вознаграждена плодородием страны и ее выгодным положением. В первый период римского господства Египет достиг такого процветания, что затмил годы правления фараонов и Птолемеев.

Египет не только стал житницей для голодающего населения столицы, но и его изысканная одежда из льна и хлопка была высоко ценимой товаром, как и в далеком прошлом; в то время как страсть римлян к письму сделала листья папируса важным экспортным товаром. Кроме того, Александрия была торговым центром и рынком как индийских, так и арабских товаров, тонких хлопчатобумажных тканей, от обычного ситца до самых ценных тканей, из которых шились самые дорогие платья римских женщин и которые даже предпочитали носить изнеженные мужчины. Последние назывались шелковыми одеждами и изготавливались из продукта шелкопряда, происхождение и место обитания которого на протяжении всей античности были окутаны таинственной неизвестностью.

Более ста римских торговых судов ежегодно отправлялись из Красного моря к западному побережью Индии и Персидскому заливу, чтобы приобрести в своих родных местах сокровища тропиков и дорогие товары восточных земель и морей — специи и лекарства, ладан и мирру, ароматные мази и красители, слоновая кость, драгоценные камни, жемчуг и другие предметы роскоши, — чтобы с большой прибылью продавать их в Риме, Байях и великолепных резиденциях знати. Стоимость китайских, индийских и арабских товаров, которые ежегодно поступали через Александрию в Италию, по некоторым данным, превышала 1 440 000 фунтов стерлингов или 7 200 000 долларов. Но это великое процветание приносило меньше выгоды коренному населению, чем правящей расе.

Угнетательная система налогообложения, введенная Птолемеями, по-прежнему действовала и со временем стала настолько невыносимой, что народ неоднократно прибегал к отчаянным насильственным мерам, что только усугубляло его страдания и вело провинцию к нищете, упадку и опустошению. Следующие императоры были вынуждены постоянно проводить военные кампании в районе Нила из-за беспорядков, устраиваемых буколами, или скотоводами, — многочисленными бандами грабителей, которые жили в непроходимых тростниковых болотах на среднем рукаве Нила, держа своих женщин и детей в безопасности на небольших баржах, а самих себя отправляя на враждебные набеги на соседние районы, пренебрегая всеми формами гражданского порядка.

Во всех этих мерах регулирования и организации мы можем ясно проследить план мудрого правителя, который намеревался положить конец слабому контролю, царившему при республике, с ее поборами и произволом, пресечь преступления против собственности и сформировать государство в виде прочной монархической формы. То, что Цезарь начал в период бурных волнений и межпартийных распрей, его более удачливый преемник осуществил в грандиозных масштабах в более мирных условиях. Защищенные от угнетения и жестокого обращения законами и постановлениями, провинции вновь обрели процветание; многие из них, такие как Галлия, Испания и альпийские племена, теперь впервые вступили в политическую и цивилизованную жизнь, достойную этого имени.

Эллинистические государства не могли бороться за возвращение к былой величии под железной рукой Рима, но вина за это лежала главным образом на их слабости, которую они сами на себя навлекли еще до наступления римского господства своей самоубийственной яростью. Их роль в истории была сыграна, и они медленно погибали от ран, нанесенных своими же руками. «Рим не мог вернуть молодость и творческую энергию интеллекта греческим народам, — говорит Хёк, — но он дал все, что мог. Он уберег Антархию от худшей участи — стать добычей восточных варваров; он спас остатки эллинской культуры и обеспечил этому народу, как и другим, приятную частную жизнь на закате его древней исторической жизни».

Благодаря разумному регулированию и замечательному управлению монархия залечила раны, нанесенные свободным содружеством подчиненным странам. «Прошло время, когда право победителя приводило в столицу бесконечный поток побежденных и когда Рим присваивал себе самые славные произведения иностранного искусства, творения более благородной эпохи и расы». Реквизиции и налоги были немалыми: земельный налог и налог на имущество, подушная подать и другие субсидии взимались с провинциалов в сенаторских провинциях квесторами для *aerarium*, или государственной казны, а в цезарьских провинциях — прокураторами для императорской казны и военной казны. При империи, как и при республике, правительство взимало налоги с рудников, портов и пограничных пошлин. А обязанность военной службы иногда была обременительной. Однако все эти недостатки с лихвой компенсировались порядком и справедливостью, которые Август стремился установить во всех частях империи. Проконсулы и прокураторы

назначались либо абсолютной властью императора, либо с согласия сената, несли ответственность перед императором за свое поведение на должности и имели фиксированные оклады и надбавки на оборудование и командировочные расходы.

Упорядоченные административные ведомства противостояли посягательствам и произволу со стороны губернаторов, их легатов и младших чиновников и обеспечивали возможность обращения в императорский трибунал в качестве защитной меры. Гражданское и военное превосходство императора сдерживало провинциальных чиновников. Стало обычным делом заменять платежи натурой (десятую часть урожая зерна, пятую часть урожая винограда и масла) платежами деньгами на основе средних цен и умеренной оценки; бремя военной службы и налогообложения смягчалось за счет освобождения от них отдельных районов и общин, безопасности от разрушительных войн и враждебных вторжений, а также того факта, что руководящие должности и военные почести были открыты для всех.

Август заложил основу великой системы дорог, которые соединяли провинции друг с другом и с имперским Римом. Военные дороги, строительство и протяженность которых до сих пор вызывают у нас восхищение, обеспечивали удобство передвижения во всех направлениях. Они были украшены вехами, все из которых начинались от золотой вехи, установленной самим Августом посреди Форума, и снабжены станциями (*mutationes*) и гостиницами (*mansiones*), первые — для смены курьеров, лошадей и транспортных средств, поскольку военные дороги также использовались для государственной почты, организованной императором, а вторые — для ночлега. Были также расширены возможности перевозки по воде, и расстояния перестали быть препятствием. Армии могли очень быстро перемещаться из любой части империи в любую точку, а приказы императора могли доходить до самых отдаленных регионов. Ежедневные газеты в кратчайшие сроки доносили новости о том, что происходило в Риме, во все уголки мира; Рим был центром империи и сердцем государственного устройства.

Тщательно продуманная схема колонизации, которую Август предпринял по примеру Цезаря и осуществил в огромных масштабах, и которая также была продолжена последующими императорами, способствовала прежде всего распространению римской культуры, языка и юриспруденции, а также приданию единого характера всей великой империи. Результаты имперской колонизации были в высшей степени благотворными. Поскольку в варварских землях они сеяли на девственной почве семена благородной цивилизации и работоспособной системы права и политической организации, они придавали новую силу старым и умирающим цивилизациям и снабжали их стабильными политическими и судебными институтами, тем самым предоставляя людям в тогах, рассеянным по всей империи, центр и опору для их коммерческой и промышленной деятельности. В то же время они предлагали императору наиболее удовлетворительные средства для обеспечения его уволенных легионеров и создания поселений для обедневших римлян и итальянцев.

Чтобы сделать эту эмиграцию за море еще более привлекательной, колонии, как правило, наделялись полными правами римского гражданства и получали возможность вести свободное и достойное политическое существование (). Они были освобождены от юрисдикции местного губернатора, избирали свой городской совет и магистратов на общем собрании, их иски решались в соответствии с римским правом, и, короче говоря, колония была миниатюрным Римом, дочерней плантацией, где язык, религия, обычаи и социальные привычки материнского города развивались на благодатной почве, а различные элементы населения объединялись под эгидой равенства политических и гражданских прав, чтобы сформировать единое муниципальное сообщество.

Если в каком-либо провинциальном городе преобладал иностранный элемент или если по другим причинам было нежелательно или нецелесообразно отнести его к римским колониальным городам, ему присваивался статус *муниципалитета*. Последние обладали правами римского гражданства и, как и колонии, были отнесены к *трибунам*, но отличались от них своей муниципальной и магистратской системой и искали справедливости в соответствии со своими местными законами и правовыми формулами, а не в соответствии с римскими институтами. Это были свободные города, в которых проживало мало римлян, если они вообще проживали. Как правило, их конституция основывалась на конституции итальянской муниципальной организации. В каждой провинции были муниципалитеты такого характера, и при их организации местные традиции учитывались с максимальным вниманием. Они способствовали цивилизации коренного населения, располагали его к римским институтам и знакомили с римской жизнью.

Везде имперский Рим старался передать провинциям организацию, конституцию и правовую систему, которые были усовершенствованы в Италии на протяжении веков, и завоевать различные общины, предоставив им привилегированное положение перед законом, освободив их от юрисдикции местного правителя или облегчив налоговое бремя. В Испании, Галлии и других менее цивилизованных странах он стремился укрепить верность нескольких общин Риму, включив их в число муниципалитетов, освободив от земельного налога путем предоставления *jus Italicum* или приняв их под «латинским правом», которое гарантировало общинным магистратам почетную свободу доминирующего города и предоставляло таким общинам права собственности на землю, свободу торговли и автономное муниципальное управление. С другой стороны, греческие города в Элладе, которые высоко ценили славные названия свободы и автономии даже после того, как они давно стали пустыми словами, были завоеваны путем возведения в ранг «свободных городов», что льстило их национальному самолюбию и давало им право управлять своими муниципальными делами, избирать своих магистратов и сохранять свои национальные законы и судебные процедуры, одновременно освобождая их от бремени содержания гарнизонов и размещения солдат, а также обеспечивая им право чеканки монет и владения землей.

Таким образом, провинции были окружены сетью разнообразных условий, которые связывали их с Римом всевозможными узами. Даже если в основе этого разнообразия правового статуса лежала старая политика «разделяй и властвуй», когда лучшие условия предлагались в качестве награды за лояльность, преданность и службу верховной власти, как средство привязки влиятельных и амбициозных людей к римским интересам, тем не менее эта провинциальная организация была логическим результатом политической и юридической системы, развитой в условиях республики.

Римское правительство не стремилось к унификации или централизации. Август и его непосредственные преемники просто перенесли на свои провинциальные владения типичную организацию, разработанную сенатом для народов и общин Италии, а отношения различных общин с Римом были упорядочены в соответствии с их поведением и лояльностью посредством договоров и концессий. Были представлены все уровни политического ранга, от полных прав римского гражданства в колониях и муниципалитетах до итальянского и латинского права освобожденных коммун и статуса подданных городов, которые находились под юрисдикцией местного губернатора () во всех публичных делах, будь то административных или судебных. Даже эти города сохраняли тень самоуправления и независимости в праве избирать своих гражданских магистратов, с некоторыми ограничениями, в беспрепятственном продолжении религиозных и общинных объединений и владении муниципальной собственностью.

Таким образом, во всех частях провинций мы встречаем свидетельства возрожденного процветания, упорядоченного состояния дел в правовых вопросах и общества, оживленного интересами торговли, промышленности и искусства. Там, где молчат писатели, великолепные памятники архитектуры, остатки храмов и общественных залов, театров и амфитеатров, бань и акведуков, свидетельствуют об этом недвусмысленно.

Иначе обстояло дело в столице и в Италии. Здесь монархия также унаследовала республику, но обнаружила безнадежное состояние социального беспорядка. Аграрные бедствия и конфликты, которые имели место со времен Гракхов, поглотили энергию, процветание и жизненный дух народов средней и южной Италии. Гражданские войны с их проскрипциями и конфискациями, поселение озверевших солдат, непригодных для сельского хозяйства и мирного труда, в самых красивых и плодородных регионах, возделывание полей ордами рабов и поглощение больших районов частными поместьями или *латифундиями* почти уничтожили свободный крестьянский класс прежних времен и наполнили полуостров чужеземным населением, не связанным с землей никакими узами привязанности или общности, не связанным никакой естественной преданностью отцовскому дому или унаследованным землям. Честное, трудолюбивое и бережливое крестьянство первобытных времен исчезло, владение землей частично перешло в руки богачей- , которые превратили пахотные земли в парки и сады, рощи и рыбные пруды для украшения своих загородных резиденций, или которые из жадности к наживе использовали их как пастбища для своих стад и стад, или как виноградники и оливковые сады с целью торговли шерстью, вином или маслом; частично они были переданы ветеранам в качестве вознаграждения за военную службу. В местах, где свободные крестьянские семьи вели спокойную жизнь в многочисленных деревнях и усадьбах и усердно возделывали свои поля, теперь можно было увидеть подвальные жилища купленных рабов или полуразрушенные жилища иностранных легионеров, которые неохотно и угрюмо занимались незнакомыми им трудами и заботами.

К общей нищете добавлялось то, что страну опустошали многочисленные банды разбойников, представлявшие угрозу свободе, жизни и собственности. Только в плодородной долине реки По, недавно вошедшей в состав Римской империи, царили процветание и безопасность, а в густонаселенных городах процветали торговля и промышленность. Патавиум, Кремона, Плацентия и Парма снабжали Италию шерстяными тканями и коврами, а армию — соленым мясом.

Положение дел в столице было не более удовлетворительным. Более половины жителей — по оценкам того времени около двух миллионов — принадлежали к классу рабов и были рассеяны по домам и виллам богатых, где выполняли различные обязанности, необходимые в большом домохозяйстве. К ним относились не только задачи и услуги, которые у нас выполняют домашняя прислуга и слуги, но и такие функции, которые в наше время выполняют ремесленники, например, пошив одежды, приготовление пищи, строительство и изготовление домашней утвари. Эта многочисленная рабская масса обслуживала роскошь и удобства сенаторских и рыцарских семей. Число последних в любое время не могло превышать десяти тысяч, и многие из них, по всей вероятности, не обладали состоянием, превышающим требуемое законом — 1 200 000 сестерциев [6912 фунтов стерлингов или 34 560 долларов] для сенатора и треть этой суммы для члена рыцарского сословия.

Статуя Августа в Ватикане

Все остальное население (около 1 200 000 душ) состояло из свободных жителей метрополии, большинство из которых жили от руки в рот, не имея определенных средств к существованию. Большую часть из них составляли иностранцы и вольноотпущенники. Практически единственными доступными для них занятиями были розничная торговля и оборот предметами первой необходимости, а также должности подчиненных клерков и чиновников; ведь большинство ремесел и производств осуществлялось рабами в интересах своих хозяев, а оптовая торговля и финансовые дела почти полностью находились в руках рыцарей и сборщиков налогов, которые часто селились в крупных провинциальных городах именно с этой целью. Следовательно, несмотря на огромные богатства, которые ежегодно стекались в столицу со всех концов света, не было зажиточного среднего класса, являющегося основой любого здорового политического общества; приток богатства только увеличивал роскошь и удовольствия аристократического класса, пропасть между сенаторской и рыцарской знатью и населением столицы нигде не была преодолена, не было никакого перехода или компромисса между дворцами, полными показной роскоши и обжорства, и лачугами, где жили бедные и голодающие массы.

Умирающая республика страдала от этой несообразности, и какие бы усилия ни предпринимал Август, чтобы смягчить это зло, оно было слишком глубоко укоренившимся, чтобы его можно было радикально исправить. Число граждан, которых приходилось содержать за счет регулярных пожертвований продовольствия из государственных складов и благотворительных подарков, достигало полумиллиона, и все же эта помощь была лишь неадекватной временной мерой; многие из тех, кто не имел права на ее получение, находились в не лучшем положении. Были тысячи свободных римлян, у которых не было другого пристанища, кроме общественных залов и колоннад храмов, чьи надежды были связаны с удачей следующей минуты, чьи заботы не простирались дальше грядущего завтрашнего дня.

Это бедствие было тем более трудноизлечимым, что, несмотря на самые тяжелые обстоятельства, свободный римлянин лелеял гордое сознание того, что он является членом

правлящей расы, и его врожденная гордость за свою национальность и наследственные предрассудки удерживали его от скромных занятий, которые обеспечивали иностранцам, освобожденным рабам и рабам сносную жизнь, а иногда и богатство. Он считал менее постыдным голодать или жить на подачки и подарки, чем трудиться своими руками; он презирал физический труд в сельском хозяйстве и ремеслах, а также хлопоты по обслуживанию других; но он не испытывал угрызений совести, прося милостыню, и считал раздачу зерна и народные развлечения не более чем своим долгом. Свободный нищий свысока смотрел на наряженного раба, чью милостыню он принимал так же, как плоды лесного дерева или воду из родника. Легкая жизнь столицы привлекала в Рим нуждающихся и ленивых людей со всех концов Италии, город кишел нищими и бродягами, бездельниками и пролетариями, которые все требовали от государства обеспечения их существования.

Август, как и Цезарь до него, стремился исправить эти злоупотребления в меру своих сил. Чтобы уменьшить количество голодной толпы в столице, он разработал методы эмиграции в колонии и основал поселения на землях, купленных за счет государственных средств; он ограничил количество получателей зерна, тщательно проверяя материальное положение заявителей и исключая всех иностранцев, неграждан и злоупотребляющих государственной щедростью. Но все эти ограничения были лишь паллиативами; источники бедствий не были устранены. Снабжение столицы дешевым зерном было одной из самых обременительных обязанностей правительства. Чтобы более непосредственно контролировать регулярные поставки из «зерновых провинций» Сицилии, Африки и Египта, Август присвоил себе должность «префекта по зерну», которую когда-то занимал Помпей, а затем назначил постоянное бюро для управления и надзора за импортом зерна, рынками и государственными складами, из которых бедные слои населения ежемесячно получали фиксированное пособие по предъявлении талона. В периоды нехватки и нужды, которые случались нередко, распределение производилось в более крупных масштабах, и каждое радостное или благоприятное событие было для императора желанной возможностью завоевать расположение населения подарками и денежными пожертвованиями.

Август уделял такое же внимание и другим частям Итальянского полуострова. Он стремился восстановить заброшенные районы для сельского хозяйства и промышленности (), создавая поселения, и использовал награды и привилегии в качестве стимулов и поощрений для энергичной работы. Он очистил страну от банд грабителей с помощью отрядов и вооруженных стражников, защитил прибрежные города от пиратов и, тщательно проверив рабские жилища (*ergastula*), освободил всех свободнорожденных людей, которые были похищены и проданы в рабство этими бродячими бандами. С установлением монархии Италия, как и провинции, вступила в новую жизнь, и там также восстановление безопасности и порядка принесло энергию и процветание. Двадцать восемь колоний, которые Август заселил частично ветеранами, а частично римскими и итальянскими поселенцами из бедных слоев населения, были наделены соответствующим правовым и политическим статусом. Их муниципальный устав был построен по образцу римского и, в свою очередь, послужил образцом для других муниципалитетов и префектур полуострова. Помимо своих местных прав гражданства, все они обладали *civitas*, или свободой Рима; все они имели право избирать своих должностных лиц и главных магистратов (*decuriones*) на народном собрании, самостоятельно управлять общинной собственностью, свободно исповедовать свою религию в соответствии с унаследованными ритуалами и обрядами, а также имели собственное судопроизводство в соответствии с римским правом; любой горожанин, переезжавший в Рим, во всех отношениях равнялся старым вольным гражданам столицы. Различия в правовом статусе, которые сначала преобладали, постепенно исчезли в период империи; все провинциальные города занимали одинаковое относительное

положение по отношению к столице и постепенно сближались друг с другом в своей индивидуальной организации и управлении.

Везде мы встречаем коллегия декурионов или гражданских магистратов, состоящую из большего или меньшего числа членов, избираемых из числа самых богатых граждан или дополняемых представителями правительственных ведомств города, которая постепенно поглощала всю власть и составляла высший руководящий орган муниципалитета под председательством двух или четырех главных магистратов (*duumviri* или *quatuorviri*). В префектурных городах контроль над администрацией и судебной властью принадлежал префекту, ежегодно назначаемому Римом, под руководством которого ряд выборных муниципальных чиновников управлял текущими делами города. Магистраты всех провинциальных городов были построены по образцу столицы, как по названиям, так и по ведомствам. Главы декурионов совместно исполняли функции консулов и преторов и сопровождалась на публике ликторами с фасциями; государственные доходы и расходы контролировались квесторами, эдилы надзирали за рынками и розничной торговлей и отвечали за городскую полицию; цензоры вели списки горожан и переписи населения. Однако в вопросах уголовного права решающий приговор обычно выносился в Риме. Императорский апелляционный суд был судом высшей инстанции для всей империи. В верхней Италии, которую Цезарь первым перевел из положения провинции в составную часть римского государства и юрисдикции, отправление правосудия в гражданских делах, оставленное в старых муниципалитетах муниципальным судам, подвергалось значительным ограничениям.

Жесткое правление монархии, точная организация и строгий надзор муниципальных властей устраняли опасность восстаний и серьезных беспорядков среди населения, и Италия (за исключением столицы и ее окрестностей) была свободна от гарнизонов. Военно-морские силы, дислоцированные в Равенне и Мисене, служили для защиты побережья и приморских городов, а в случае опасности всегда можно было вызвать достаточную армию из Далмации и Паннонии. Императорская гвардия преторианцев (три когорты по тысяче человек каждая были расквартированы в Риме, а шесть других — в соседних городах) состояла в основном из итальянцев. Она делила с германским и батавским конным отрядом обязанности по охране дворца и священной личности монарха.

В природе любой монархической системы правления лежит стремление к выравниванию всех условий, сглаживанию различий между подданными и наложению печати единообразия на все государство. Так было и в организации провинций и муниципалитетов, которые, несмотря на различия в правовом статусе, были построены по одному образцу и организованы по четким классам. То же самое происходило в финансовых делах и налогообложении. В период республики Рим и Италия пользовались привилегированным положением, а иностранные страны эксплуатировались в интересах господствующей расы. Принцепсат, напротив, стремился к уравниванию обязанностей и взносов, а также привилегий. Таможенные пошлины, которые ранее применялись только к подчиненным странам, были распространены на Италию в условиях монархии, причем часть поступлений от них направлялась в государственный бюджет, а часть — итальянским муниципалитетам; налог на имущество, от которого Италия была освобождена в поздние дни республики, был также введен по всей империи на основе переписи или оценки имущества; акцизный сбор взимался для фиска (императорской казны) со всех товаров, ввозимых в Италию для продажи, в размере одного процента от цены и двух или даже четырех процентов в случае рабов; двадцатая часть каждого наследства, которое по праву не переходило к ближайшим родственникам, должна была выплачиваться в военную казну, а на освобождение рабов налагался налог.

Если доходы государства были увеличены этими средствами в период империи, то улучшение было в основном связано с более разумным финансовым управлением, отменой сбора доходов за регулярный земельный налог и налог на имущество в подчиненных странах, а также строгим контролем над сборщиками налогов; и, по оценке Гиббона, годовой доход должен был составлять не менее пятнадцати-двадцати миллионов фунтов стерлингов [75 000 000–100 000 000 долларов]. Даже если пять миллионов фунтов тратилось на армию и флот, если распределение зерна среди бедных города поглощало еще несколько миллионов, а зарплаты имперских чиновников в Риме и провинциях и расходы на полицию составляли немалую сумму, излишек все равно был достаточен для возведения великолепных зданий, покрытия империи сетью магистралей, удовлетворения любви народа к зрелищам роскошными развлечениями и радования сердец граждан и солдат подарками и пирами.

Общественные здания и места развлечений, великолепные частные дома и виллы, которыми республика начала украшать столицу и ее окрестности, росли из года в год и становились все более обширными и изысканными. Форум Августа с храмом Марса Мстителя, святилище Юпитера Тонана на нижнем склоне Капитолийского холма, белый мраморный храм Аполлона на Палатине, храм Квирина на Квиринальском холме и другие сооружения того же характера были одними из самых великолепных зданий в городе. Великолепные колоннады увековечили имена жены, сестры и внуков Августа; число храмов, восстановленных им, оценивается в восемьдесят два.

Пример императора подражали его богатые и влиятельные друзья; Агриппа, чьи заслуги перед здоровьем и чистотой города в строительстве огромных сводчатых канализационных коллекторов (клоака) уже были упомянуты, увековечил свое имя, создав ряд великолепных садов для использования и украшения Рима. Он построил два новых акведука () и отремонтировал старые, которые пришли в упадок, так что ни один город в мире не имел такого обильного запаса чистой родниковой воды, как древний Рим, и это преимущество город сохраняет до сих пор. Он завершил и украсил Септу Юлию, которую Цезарь начал строить на Марсовом поле для публичных собраний и развлечений, и окружил это пространство тремя колоссальными и великолепными зданиями — портиком Нептуна, термами и Пантеоном, великолепным круглым зданием в честь Юпитера-Мстителя, Венеры и Марса, предков семьи Юлиев. Бронзовые балки поддерживали куполообразную крышу с позолоченной черепицей, стены и пол были облицованы мрамором. Даже сейчас церковь С. Мария Ротонда остается одним из самых замечательных зданий города. Дирибиториум — самое просторное здание, когда-либо построенное под одной крышей, — где население получало свои пайки зерна и голосующие таблички, а солдаты — жалованье, было построено Агриппой.

Такова была конституция всемирной империи, которой Август правил как абсолютный монарх с неограниченной властью в течение сорока четырех лет после дня Актиума. Пограничные провинции защищались постоянными армиями, члены которых, собранные со всех стран и национальностей, отреклись от своей родины и национального духа и подчинялись только приказам своего военного господина; побережья охранялись хорошо укомплектованным флотом. На Рейне восемь легионов (каждый из которых состоял из 6100 пехотинцев и 726 всадников), расквартированных в постоянных лагерях, составляли мощный бастион против германцев и держали Галлию под контролем; Испания была укреплена тремя легионами; два были расквартированы в Африке, и столько же следили за безопасностью Египта. Четыре легиона поддерживали верховенство Рима в Сирии и на Евфрате; провинции на Дунае охранялись шестью легионами, распределенными по Мезии, Паннонии и Далмации. Таким образом, восточная граница была достаточно защищена оккупационной армией численностью 50 000 человек, берега Дуная — аналогичной силой

численностью 70 000 человек, а район Рейна — 100 000 человек; флоты, базировавшиеся в гаванях Мисена, Равенны, Форума Юлия (Фрежус) и других местах, контролировали острова и морские государства и обеспечивали защиту и безопасность торговли и транспорта.

РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР В ОДЕЖДЕ ГЕНЕРАЛА

(По мотивам Де Монфокона)

Регулярная система сборов и налогов привела государственные доходы в хорошее состояние и наполнила казну и фиска; бдительная полиция и пожарная бригада, которые Август распределил по четырнадцати районам столицы, поддерживали спокойствие и порядок, защищали жизнь и имущество от злонамеренных и злобных людей и сдерживали вспышки диких страстей. Огромные акведуки, прочные дороги, величественные здания, храмы и залы () вызывали восхищение как современников, так и потомков. На Марсовом поле возник новый великолепный город, состоящий из храмов и залов, общественных зданий для нужд правительства и развлечений народа, который превосходил славу Города семи холмов, «уникального по своему характеру, непревзойденного ни в древности, ни в современности», так что Август мог похвастаться тем, что он нашел город из кирпича и оставит город из мрамора. В провинциях улучшение управления и отправления правосудия породило условия богатства и внешнего процветания.

Но, несмотря на все эти преимущества, имперский Рим страдал от серьезных моральных недостатков. Любовь к свободе, общее патриотическое чувство, энергия и воинская доблесть республиканского периода исчезли; в комфорте, спокойствии и изнеживающих удовольствиях руки граждан ослабели, а самоуважение и мужественная гордость прежних дней выродились в раболепие и униженное льстецство. Город кишел иностранными солдатами удачи и обогатившимися вольноотпущенниками. Старые центры культуры на Востоке посылали сюда не только ученых и художников, но и слуг роскоши,

обжорства и сладострастия. Вместе с несколькими здоровыми элементами, все злы и недостатки человеческого общества стекались сюда и пожирали скудные остатки старой римской морали и добродетели. Рим стал местом встречи всех народов земли. Интерес к общественным делам неуклонно ослабевал, поскольку должности и титулы стали пустыми почестями, лишенными власти. Сенаторов-ов часто приходилось принуждать штрафами посещать заседания сената, хотя последние были сокращены до двух основных собраний в месяц; должность эдила избегали как бремя, пока государство не взяло на себя расходы на общественные развлечения; кандидатов в трибуны часто приходилось выдвигать императору. Граждане не стеснялись вносить себя в список нищих и участвовать в публичном раздаче зерна и милостыни; более того, вместо того чтобы заниматься честным трудом, многие римляне, особенно из рыцарского сословия, предпочитали поступать на службу за пропитание и жалованье к организаторам гладиаторских боев и рисковать жизнью в жестоком народном развлечении, которое с тех пор неуклонно набирало популярность, оказывая тем более деморализующее воздействие на умы людей и тем более возбуждая и стимулируя их развратные инстинкты, что вердикт о жизни или смерти выносился по настроению толпы, по сигналу которой победитель щадил или пронзал своего поверженного противника; право апелляции было еще более бесчеловечным, чем старый обычай, согласно которому дуэль должна была заканчиваться смертью одного из соперников.

Деградация нравов и упадок семейных ценностей шли рука об руку со страстью к жестоким зрелищам. Несмотря на то, что император энергично стремился поднять уровень семейной жизни и ограничить чрезмерные расходы на одежду и еду, а также растущую распущенность женщин с помощью роскошных и моральных указов, обеспечить законность брака и рождение законных детей как долг и честь с помощью законодательных постановлений и ограничения привилегий, затруднить развод и пресечь распространенный порок прелюбодеяния, состояние ленивого безбрачия и связанные с ним излишества обоих полов распространялись все больше и больше: в высших слоях общества из-за любви к разгульной жизни и запретным удовольствиям, в низших — из-за бедности и лени. Разложение нравов, сдерживаемое Августом, но безрезультатно, после его смерти быстро прогрессировало, особенно когда сами правители сняли завесу, которая еще прикрывала постыдную жизнь при первом принцепате. Но даже Август не мог отрицать свое происхождение от Венеры Афродиты, прародительницы рода Юлиев.^{[1](#)}

АВГУСТ СДЕЛАЛ ЕГИПЕТ СВОЕЙ ЧАСТНОЙ ПРОВИНЦИЕЙ

Дни независимости Египта, естественно, сошли на нет. Цезарю нужна была эта страна с ее зерном и богатствами для его планов реорганизации.

Город Рим капитулировал перед зерновым флотом Нила и продал свою древнюю свободу за поставки хлеба насущного, и цена, по крайней мере, была уплачена. Египет был завоеван Цезарем и оставался под его властью, как и все страны, которые Цезарь первым объединил с Римской империей.

Очевидно, что завоеванная провинция не может сразу быть поставлена на одну ступень со старыми частями империи; почти всегда необходим переходный период, но Египет никогда не занимал такого же положения, как другие подчиненные страны. До того, как империя была разделена на сенаторские и императорские провинции, Египет занял уникальное положение по отношению к императору, а после разделения связи, которые его связывали с императором, стали еще более тесными. Среди императорских провинций не было ни одной, которая была бы так тесно связана с императором, как эта, превосходящая все другие по своей важности. Египет имел для Римской империи такое же значение, как Индия для современной Англии.

Мудрое, но строгое правление иностранной державы может быть благом для любой страны по сравнению с тиранией и расточительством ее собственных султанов; но иностранные правители извлекают из этого еще большую выгоду и поэтому всегда стремятся удерживать богатую страну с населением, не знакомым ни с войной, ни с политикой, в состоянии политической опеки, чтобы увековечить пропасть между доминирующими и подчиненными расами и сделать невозможным любое вмешательство со стороны соперников. Одним словом, они берегут свою важнейшую провинцию как зеницу ока.

Природа и история, несомненно, сговорились, чтобы дать этой стране исключительное положение. Не будучи островом, она обладала преимуществами островного положения, поскольку с двух сторон была ограничена морем, а с двух других — пустыней или варварскими племенами, набеги и грабежи которых могли доставлять неудобства провинции, но никогда не могли стать угрозой для существования империи. Таким образом, египтяне вряд ли могли быть втянуты в политические смуты континента, пока они ограничивались своими естественными границами; и по этой причине третий Птолемей Эвергет поступил мудро, когда по собственной воле вернул свои завоевания Селевку, царю Сирии. Его военное положение не пострадало от такого шага, поскольку сам Египет был легко защищаемым и труднодоступным для нападения, а сухопутные войска могли проникнуть в него только через Пелузий. С другой стороны, любая держава, утвердившаяся в этой стране, находила там такое изобилие ресурсов, какое едва ли могла предложить какая-либо другая страна древности.

Плодородие Египта стало пословицей; даже в год умеренного урожая ежегодно можно было экспортировать большие количества зерна, а после завоевания страны римлянами зерновая дань Египта была абсолютно необходима для пропитания столицы. Тот, кто владел Египтом, мог по своему усмотрению вызвать голод в Риме и Италии; по этой причине претенденты на престол в более поздние времена всегда сначала захватывали Египет, а затем Италию. Богатство страны увеличивалось за счет торговли и коммерции, поэтому она была густонаселенной, даже более, чем в настоящее время.

Обильные ресурсы плодородной долины Нила были объединены и почти удвоены благодаря однородной и строго централизованной административной системе; Египтом управляла бюрократическая элита, до того времени неизвестная в древнем мире; и его

жители, хотя и совершенно не привыкшие к оружию из-за долгого бездействия, тем не менее были трудноуправляемы. Большая часть плодородных земель была частной собственностью принца, как и в наши дни, но именно эта собственность в сочетании с возбудимым характером населения такого большого города, как Александрия, создавала большие препятствия на пути регулярного правительства и сделала бы его абсолютно невозможным, если бы в стране не было размещено достаточное количество военных для поддержания порядка. Само по себе присутствие нескольких легионов в Египте было достаточным основанием для Цезаря, чтобы исключить сенаторское правление; и Цезари всегда с ревнивой заботой стремились держать людей сенаторского сословия подальше от Египта, потому что последствия попытки восстания там могли быть весьма серьезными.

Диктатор Цезарь в свое время столкнулся с вопросом, следует ли ему разрешить сохранение независимости Египта, которая уже была фактически утрачена, и мотивом, который в конечном итоге заставил его принять положительное решение (помимо его любви к Клеопатре), было то, что самым грозным соперником Рима там был бы ее собственный представитель. Причины, которые побудили диктатора сохранить политическое существование Египта, также побудили его сына сохранить прежнее положение вещей с некоторыми ограничениями. Как правитель и организатор, последний отличается своим уважением к исторической преемственности.

[30 г. до н. э. — 14 г. н. э.]

В Египте, с его плодородной почвой и плотным населением, сильное монархическое правительство в некотором роде продиктовано характером и историей страны, о чем свидетельствует весь ход ее развития от самых ранних начал человеческой цивилизации до наших дней. Поэтому Цезарь не хотел вносить в особые и сложные условия Египта больше изменений, чем это было абсолютно необходимо, и оставить все остальное как есть. Цезарь просто занял место царей династии Птолемеев и таким образом связал Египет с Римом своего рода личной унией.

Самым важным изменением было то, что правитель больше не проживал в Александрии, а в Риме, и что высокие должности египетского двора — главный церемониймейстер, великий магистр двора и главный лесничий — не заполнялись новыми назначениями, хотя ученые знаменитого Александрийского музея по-прежнему пользовались той же поддержкой и поощрением, что и раньше. Во главе этого богатого учреждения стоял священник, ранее назначаемый царем, а в будущем — цезарем. Последний считал себя во всех отношениях преемником Птолемеев и заставлял египетских священников оказывать ему почести с помощью тех же церемоний, которые сложились при его предшественниках. Правда, римские императоры обычно не проживали в Александрии, но их наместники должны были присутствовать на всех религиозных обрядах, в которых ранее участвовали Птолеми, поскольку новый правитель был достаточно мудр, чтобы не вносить никаких изменений в вопросы религии. Древние боги Египта, пережившие господство греков, продолжали существовать, как и прежде, в мирном сосуществовании с богами Греции. Египетские боги, естественно, были разгневаны падением монархии; их статуи мрачно смотрели на своих поклонников, Апис ужасно ревел и даже проливал слезы. Но Цезарь не был сбит с толку; он действительно отказался лично посетить Аписа в Мемфисе во время своего путешествия по Египту, но не создавал ни малейших препятствий для его почитания египтянами и тем более не думал начинать в Египте пропаганду государственной религии Рима.

Положение различных классов населения также оставалось таким, каким оно стало в ходе исторического развития. Коренные египтяне, первоначальные хозяева земли, оставались в подчинении, в которое они были приведены завоеваниями персов и македонцев; они составляли население сельских районов и провинциальных городов и не имели ни политической организации, ни политических прав. Иностранный завоеватель, естественно, не имел никаких оснований давать побежденным права, которые были им отказаны их собственными царями. Египет должен был стать провинцией, абсолютно зависимой от него самого, и это было бы невозможно, если бы римский элемент в Египте стал настолько сильным и настолько смешался с коренным населением, что правитель был бы вынужден принимать его во внимание. Поэтому египтяне по принципу были лишены возможности приобрести права римского гражданства. Например, египтянин в древности не мог быть членом римского жюри, так же как бедуин в наши дни не может быть избран в английский парламент. В более поздние времена этот запрет иногда обходили, сначала предоставляя коренному жителю свободу Александрии, а затем принимая его в римское гражданство как александрийца. С другой стороны, материальное положение египетского населения улучшилось под мудрым правлением цезарей.

Механизм правительства, администрации и налогообложения был прекрасно организован благодаря многовековой практике; он естественным образом выполнял свои функции как при новом правителе, так и при старом, и в результате стал образцом техники имперского управления. В этом отношении республика оставила империи многое, что нужно было сделать. Римляне были первыми, кто назначил чиновников на провинциальном уровне, которые занимались не только сбором налогов. Их эпистратеги Верхнего, Нижнего и Среднего Египта, их номархи и этнархи, конечно, имели лишь ограниченную сферу действия, но они следили за поддержанием правопорядка и, вероятно, решали простые судебные споры между коренными жителями.

У египтян, в отличие от эллинов, мы видим простое деление на номы вместо муниципальной организации; и, как и многие провинциальные города под властью Римской империи, эти номы имели право чеканить свои собственные монеты, хотя и только с греческой надписью. Однако коренному населению было отказано в коллективной организации. В последние дни правления Августа различные провинции Римской империи имели свои собственные сеймы, наделенные весьма скромными политическими правами; только Египет никогда не имел провинциального сейма, что свидетельствовало о том, что он на самом деле не был провинцией, а считался великим владением суверена.

Следующими после египтян были греко-македонские жители, которые практически, если не полностью, были сосредоточены в Александрии и были отделены от коренных жителей большой пропастью. Как представители той же расы, что и египетские цари, греки Александрии пользовались политическими правами и коммунальной автономией, которые они в основном сохранили и при римлянах. Точно так же их язык оставался официальным языком Египта при империи, римские чиновники обращались к грекам и египтянам на греческом языке; только в латинском гарнизоне Александрии, естественно, преобладал латинский язык.

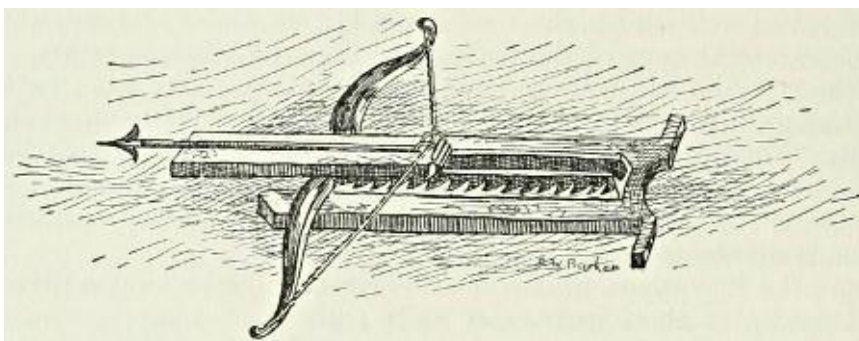
Греки Александрии имели своих муниципальных чиновников, своего первосвященника, главного магистрата, городского секретаря и начальника полиции, но, с другой стороны, им было отказано в создании настоящего городского совета. Несколько других греческих городов в Египте были организованы аналогичным образом.

Вся провинция с ее населением из египтян, греков и римлян была передана Цезарем на попечение наместника, который, хотя и принадлежал только к рыцарскому сословию, по своему положению как доверенного лица и представителя императора равнялся с

сенаторскими проконсулами и превосходил их по власти благодаря своему командованию легионами, хотя и не имел знаков этой власти. К. Корнелий Галл, известный как поэт и доказавший себя как полководец и личный враг Антония, был первым, кто стал наместником новой провинции; и в целом он оправдал доверие, оказанное ему его господином, поскольку ему удалось с большой энергией подавить некоторые местные попытки восстания среди жителей Герополиса и Фиваиды.

Его подчиненные, как и он сам, были людьми, не имевшими звания выше рыцарского, и были личными слугами Цезаря; механизм управления остался таким же, как и при Птолемах, только с этого времени греков сменили римляне (). Среди высших должностей были должности главного магистрата, администратора казны Египта, префекта Александрии или некоторых районов столицы; и один *procurator fari Alexandriæ*, безусловно, выбирался из числа вольноотпущенников.

Налоги были не менее высокими, чем раньше, но Цезарь позаботился о том, чтобы Египет был в состоянии платить свои налоги каждый год. Он велел своим солдатам тщательно очистить и отремонтировать все каналы Нила, которые были забиты или высохли при предыдущих правителях; он достроил систему каналов там, где это было необходимо; и благотворные результаты этих необходимых мер очень скоро стали очевидны. Знаменитая статуя Нила окружена шестнадцатью *путти*, символизирующими, что река должна подняться на шестнадцать локтей, чтобы Египет мог надеяться на обильный урожай; если она поднимется только на половину этой высоты, это означает нехватку продовольствия и голод в стране. Но после восстановления системы каналов при Августе подъем на двенадцать локтей означал хороший урожай уже при губернаторе Петронии, а если подъем был только на восемь, это не обязательно означало плохой урожай. В один из последних лет правления Августа Нил, судя по неполным записям нилометра в Элефантине, поднялся, вероятно, на двадцать четыре локтя.

РИМСКАЯ КАТАПУЛЬТА

Солдаты Августа также были заняты прокладкой дорог и строительством цистерн в различных местах. Коптос — это точка, в которой сходятся большинство дорог, соединяющих долину Нила с Красным морем. Здесь недавно была обнаружена интересная надпись, датируемая, вероятно, последними годами правления Августа, с длинным списком имен солдат, которые построили цистерны в различных точках вдоль этих дорог и разбили укрепленный лагерь в месте их слияния.

Под правлением Августа индийская торговля быстро процветала. Еще в то время, когда Страбон путешествовал по Египту, он видел в самых разных местах () признаки того, что страна начинает оправляться от разрушительных последствий системы правления, проводимой последними Птолемахими. В последние годы правления Клеопатры едва ли двадцать кораблей осмеливались выходить из Красного моря; при Августе существовал величественный флот индийских кораблей, которые с большим успехом занимались

торговлей с Африкой и Индией и приносили значительную прибыль египетскому правительству, которое не только взимало импортные пошлины, но и впоследствии ввело значительную экспортную пошлину на индийские товары. Но практически невозможно даже приблизительно оценить доходы, которые Август получал от своей новоприобретенной провинции.⁶

УПРАВЛЕНИЕ ПРОВИНЦИЯМИ

Следует дать объяснение общих принципов, которых придерживались римляне в управлении подчиненными землями. Последовательное следование этим принципам привело к тому, что провинции, изначально разные во всех отношениях, под влиянием римской администрации превратились в единое целое, которое было не только внешне симметричным, но и внутренне гармоничным — целое, в котором различные национальности с их политическими, гражданскими и социальными особенностями более или менее исчезли.

Слово «*provincia*» гораздо старше тех завоеваний за пределами Италии, которые мы до сих пор обозначали названием «провинции»; оно требует особого объяснения. До тех пор, пока в Риме существовало королевство, король был единственным исполнителем *imperium*, то есть неограниченной военной и судебной власти. Но с началом республики она была передана двум консулам, с 367 г. до н. э. она находилась в руках одного претора, с 247 г. до н. э. — в руках второго претора; поэтому возникла необходимость определить пределы практически неограниченной власти, принадлежавшей каждому из этих должностных лиц, установить для каждого из них определенную сферу деятельности, официальное название которой — «*provincia*». Под *provincia* мы понимаем область деятельности, специально назначенную законом или *senatus consultum*, а также по жребию или соглашению консулу или претору, область, в пределах которой он осуществляет свою *imperium*. В этом смысле мы говорим *consulibus Ligures provincia decernitur*, и в этом смысле мы называем должность претора *urbanus provincia urbana*, а должность претора *peregrinus provincia peregrina*. Никакая *provincia* не присваивается должностям, не обладающим *imperium*, поскольку там, где упоминаются провинции квесторов, имеются в виду провинции консула или претора, которым квестор подчиняется в качестве подчиненного чиновника.

После оккупации Сицилии и Сардинии в 227 г. до н. э. вместо двух преторов было назначено четыре, и империи было также географически обозначено таким образом, что в новых районах два претора получали одновременно военные и судебные полномочия, то есть старое консульское империи, которое, кроме того, делилось между остальными преторами, а позднее — проконсулами и пропреторами. С этого момента *provincia* становится обозначением губернаторства за морем и означает, во-первых, в абстрактном смысле, командование в стране за пределами Италии, во-вторых, в конкретном смысле, саму страну, подчиненную губернатору.

Однако все провинциальные земли отличаются от итальянских тем, что они подлежат уплате дани, то есть вектигала или трибута (), поскольку, во всяком случае, со времен Гракхов признанной политической максимой является то, что собственность в провинциальной зависимости перешла к римскому народу, а первоначальные владельцы сохранили только право пользования; таким образом, провинция является *предулом народа римского* (*praedium populi Romani*), доходы от которого поступают в государственную казну. Соответственно, провинцию можно определить как управляемый район Римской империи, географически обозначенный, находящийся под контролем постоянного высшего должностного лица и подлежащий налогообложению. Обязанность платить налоги является настолько важной чертой концепции провинции, что историки, рассматривая

каждую страну, фактически подчиненную римлянам и облагаемую налогами, включают ее в число провинций, даже если она еще не была включена в римскую систему управления; а династии в Киликии и Сирии, хотя и не подчинялись непосредственно губернаторам, считались неотъемлемой частью империи в силу их обязанности платить пошлины.

Организация провинции во времена республики осуществлялась по указанию сената самым победоносным полководцем при дополнительной помощи комиссии из десяти сенаторов, назначенных сенатом для этой цели. Таким образом, установленный основной закон провинции (*lex provinciae*) определял характер управления с того момента и впредь, а законы, затрагивающие частные отношения, принимались частично через римские законы, а частично через эдикты губернатора. Обязанности комиссии касались следующих вопросов: во-первых, было проведено новое разделение всей провинции на определенные административные округа с одним из крупных городов, где таковые имелись, в качестве центра; таких городских епархий было около шестидесяти восьми в Сицилии, шестидесяти четырех в трех Галлиях, сорока четырех в Азии, одиннадцати в Ора Понтика, части Вифинии, которая стала провинцией в 63 г. до н. э., шести в Понте Полемониякусе, двадцати трех в Ликий, семнадцати в Сирии, пяти в Кирене. Магистраты и сенат этих городов, хотя и назначаются для ведения дел своей коммуны, в то же время полезны правительству в сборе налогов в закрепленном за ними округе.

Для целей юрисдикции территориальные подразделения по городам объединяются в более крупные приходы юрисдикции *conventus*, διοικήσεις, в главных местах которых губернатор проводит регулярные дни юрисдикции (судебные заседания). Наконец, религиозные праздники, объединения, в которых время от времени объединяются жители провинций, проходят в благоприятных городах, о которых мы упоминаем. В провинциях, бедных городами, вместо городских епархий у нас есть сельские округа. Здесь проводилась политика разрыва первоначальных связей одного народа с другим, насколько это было необходимо, путем роспуска существующих государственных единиц и произвольного разделения и группирования соседних районов; в некоторых случаях даже считалось целесообразным отменить торговые связи между отдельными государствами, что затрудняло провинциалам отчуждение своей недвижимости и вызывало эмиграцию римских землевладельцев в провинцию и концентрацию в их руках крупных земельных владений. Территория благоприятствуемых городов была расширена за счет присоединения городов и населенных пунктов, которые тем самым утратили свое отдельное существование; таким образом, коммуны, переданные римлянам, были подняты и расширены, а восстания полностью подавлены. Горные и пустынные земли, которые не приносили ничего ценного и были трудноуправляемыми, оставались в центре провинции под властью местных деспотов до тех пор, пока, часто после долгого времени, не было признано безопасным поместить и эти части непосредственно под управление губернатора.

После установления границ территорий следующим шагом было регулирование их политического и финансового положения. Города, завоеванные силой оружия, были разрушены, их земли включены в римские владения и сданы в аренду частным предпринимателям цензорами в Риме в обмен на часть выращенной продукции. Там, где находились королевские владения, как в Сиракузах, Македонии, Пергаме, Вифинии и Кирене, они были захвачены в качестве *ager publicus Romani* таким же образом, а их рабочее население было объединено в сельские общины по образцу, использованному для района Капуи после 211 г. до н. э. С другой стороны, такие коммуны, которые сдались без особого сопротивления, безусловно, подчинились безграничной власти победителя (как это было закреплено в условиях капитуляции): города и деревни, мужчины, женщины и дети, реки,

порты и их священные владения; но, как правило, гражданам и их семьям разрешалось сохранить свою свободу и частное имущество, а городу оставляли его территорию и городские права. Взамен на это на все сельскохозяйственные земли, принадлежащие частным лицам или городу, налагался натуральный налог (*vectigal*) или же фиксированный налог (*tributum, stipendium*), а в выгодных случаях — также римская пошлина (*portorium*).

Таким образом, это класс *civitates vectigales* или *stipendiariae*, к которому относится большинство провинциальных городов и который следует противопоставлять небольшому числу особо привилегированных общин, например, тем, которым была гарантирована свобода в силу ранее заключенных союзов или хорошо подтвержденной верности, и, во-вторых, тем, которые сами римляне учредили как римские колонии или муниципалитеты. Таким образом, в провинциях можно выделить три основных типа общин: города со свободными местными конституциями (), города, подчиненные в значительной степени, и города с римскими конституциями.^d

АРМИЯ И ФЛОТ ПРИ АВГУСТЕ

Высшая карьера офицера (*militia equestris*) была открыта для каждого римского гражданина, обладающего званием и состоянием рыцаря или сенатора. Не все молодые рыцари были обязаны служить, но каждый человек, стремившийся к публичной карьере, должен был выполнять обязанности военной службы в течение пяти лет; после чего ему давали командование когортой или он служил военным трибуном. До этого времени для представителей высших классов не существовало разграничения между военной и гражданской службой, и император намеревался сохранить это положение и в дальнейшем, иначе аристократия практически перестала бы поступать на военную службу. Мы не можем с уверенностью сказать, как эти молодые аристократы, поступившие на военную службу в качестве офицеров, приобретали необходимые технические знания и проходили ли они какую-либо стажировку.

Сенатор был исключен из армии по принципу; рыцарь, напротив, был обязан нести военную службу, если он надеялся служить государству в мирное или военное время. Его продвижение по службе, конечно, находилось в руках императора. Во времена республики народ не производил все назначения, но у него было двадцать четыре поста, которыми он мог распоряжаться; во время правления Августа эти *tribuni militum a populo* по-прежнему избирались народом, но этот император, лишивший сенат всех средств влияния на армию, также лишил народ его практически устаревшей привилегии избирать офицеров, и примерно к моменту его смерти титул *tribunus militum a populo* перестает появляться в надписях.

В республиканскую эпоху верховное командование в войне было одной из официальных обязанностей выборных магистратов, но в империи оно стало обязанностью и привилегией императора, которого представляли его легаты в различных подразделениях армии. При Августе у каждого легиона был *legatus legionis*, названный так, чтобы отличать его от правителей имперских провинций (*legati provinciae*). Офицеры императорской армии делились в соответствии с их социальным положением на сенаторский и рыцарский классы.

Многие особенности армейской системы Августа теряют большую часть своей уникальности в глазах современного наблюдателя при сравнении с соответствующими условиями в настоящее время. Английская армия — единственная современная сила, которую можно сравнить с римской армией при империи.

В обеих странах главной обязанностью армии является не защита страны, которая защищена от опасности вторжения благодаря своему изолированному положению, а поддержание контроля над провинциями. Соответственно, страна правящей расы, Италия в одном случае, Англия и Шотландия в другом, имеет лишь незначительные гарнизоны профессиональных солдат, которых едва хватает для подкрепления полиции в случае необходимости; в то время как основная часть армии разбросана по всему миру, везде, где интересы правящей расы кажутся угрожаемыми. Нигде войска не размещаются в количестве, превышающем абсолютно необходимое, потому что на самом деле их численность совершенно недостаточна, и каждый серьезный инцидент показывает, что цели государства не соразмерны его военным ресурсам.

Параллель особенно уместна в случае невыполнения всеобщей воинской повинности и, как следствие, отсутствия достаточного резерва. Последнее было бы слишком тяжелым финансовым бременем для государства, поскольку оно должно с уважением относиться к своим наемным войскам и предоставлять им крупные денежные пожертвования. Современная Англия выплачивает денежное вознаграждение при поступлении на службу; имперский Рим выделял значительные суммы денег своим солдатам при увольнении.

Римские солдаты были заняты мирными задачами, которые были лишь отдаленно связаны с военным использованием армии, так же как и английские солдаты в наши дни. Уже упоминалось, что Август поручал своим легионам строить дороги, каналы, цистерны и общественные здания. Требования, предъявляемые к английской армии в этом отношении, не идут так далеко, но на острове Корфу любой, кто едет из столицы в Палеокастрицу, может увидеть бронзовую табличку, вставленную в скалу, чтобы увековечить память об английском полку, который построил этот сложный участок дороги.

Во главе с молодыми аристократами, более или менее незнакомыми со службой, когда они вступают в нее, как римская, так и английская армии, как правило, достигали поставленных перед ними целей и компенсировали недостаток организации энергией и способностями своих членов.

Как римляне побуждали подчиненные общины и государства поставлять им вспомогательные войска, так и Англия набирала индийские полки, в которых офицерами были англичане, а солдатами — только представители воинственных народов, таких как отважные горцы Гималаев, поскольку изнеженные жители Бенгалии почти не были представлены среди сепоев. Это в точности соответствует принципам, которыми руководствовался Август при формировании своих вспомогательных войск. Конечно, военные ресурсы тех князей, которые все еще сохраняли видимость независимости, также находились в распоряжении правящей власти, если имперские войска должны были быть сбережены или были недостаточны для подавления местных беспорядков.^c

Постоянное учреждение проконсульской власти императора естественным образом привело к увековечению военной организации, или, говоря современным языком, постоянной армии империи. Первоначально легионы создавались для выполнения особых задач и распускались по окончании каждой кампании. Когда войны республики стали вестись на большем расстоянии от города и против регулярных армий греческих или азиатских правителей, проконсульские войска набирались на весь период ведения боевых действий. В древности Рим обеспечивал каждое мелкое завоевание, создавая в центре каждой завоеванной территории колонию из своих граждан; но когда его враги стали более многочисленными, а границы более обширными, возникла необходимость поддерживать связь во всех районах с помощью военных постов и создания постоянных гарнизонов. Войска, однажды набранные для войны, больше не могли быть уволены после

восстановления мира. Возвращение императора, чтобы насладиться своими лаврами в городе, приводило к тому, что на место императора, чьи лавры еще предстояло завоевать, приходил другой император в легионы Роны и Евфрата. Великие армии провинций переходили от каждого проконсула к его преемнику вместе с посудой и мебелью претория, багажом и материалами лагеря.

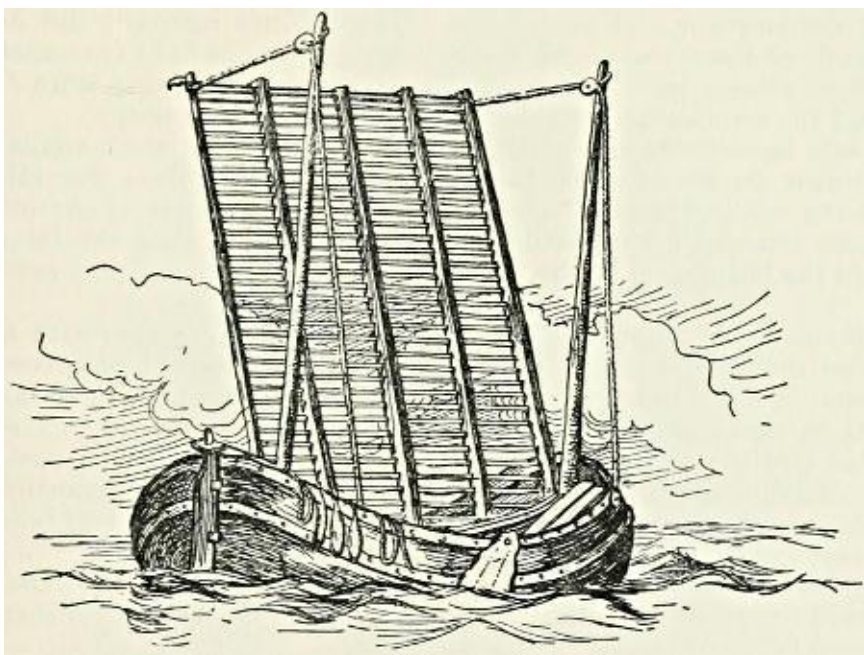
Легионы стали различаться по номерам, указывающим порядок зачисления в восточную или западную часть империи, или по специальным почетным названиям, таким как *martia* или *victrix*. Вместе с их именами или номерами должным образом записывалась история каждого из них, и некоторые из них стали известны, возможно, благодаря своему своеобразному характеру и физиономии. Установив таким образом принцип постоянства, Август систематически его осуществлял и распространил от провинций на сам Рим. Он учредил специальную службу для защиты своей личности, по образцу отборного батальона, который охранял палатку императора. Эти преторианские гвардейцы получали двойную плату, составлявшую два денария в день, и перспективу увольнения по истечении двенадцати лет, в то время как срок службы легионеров был установлен в шестнадцать лет. Они набирались исключительно из Лация, Этрурии, Умбрии и старых римских колоний в центральной Италии. Соответственно, они считались особо национальной силой, и, когда им напоминали об этом отличии, они не оставались равнодушными к этому комплименту. Но император не доверял свою безопасность только этим итальянским войскам. Помимо преторианских когорт, он держал при себе отборных ветеранов из легионов, насчитывавших несколько сотен человек, а также батальон германских пехотинцев и эскадрон батавских всадников. Цезарь использовал этих варваров, отличавшихся личной силой и мужеством, на флангах своих армий, и его преемник, возможно, доверял им из-за их проверенной верности. Однако в дополнение к этим личным войскам, общее число которых не превышало пяти или шести тысяч человек, Август впервые ввел в город регулярный гарнизон, состоящий из четырех когорт по тысяче пятьсот человек каждая, которые также набирались исключительно в Италии. Он не создавал постоянных лагерей или крепостей, чтобы устрашать столицу. Солдаты размещались у жителей или в общественных зданиях; они всегда были под рукой, чтобы подавлять беспорядки и поддерживать мир в городе, когда запасы зерна подходили к концу, а частые штормы на побережье угрожали длительным голодом. Но обычная охрана улиц обеспечивалась городской стражей, называемой *vigiles* или «сторожами», семьсот человек которой было достаточно для этой службы. Все вооруженные силы всех видов, задействованные в городе, могли насчитывать от двенадцати до пятнадцати тысяч человек.

Август распустил неуправляемые толпы, которые стекались на службу к великим военачальникам гражданских войн. Он приложил все усилия, чтобы насытить их щедрыми подарками, за которые они были готовы отказаться от периодических грабежей мирных городов, которым их лидеры были вынуждены потакать. Но пока они отдыхали на своих поместьях или разгулялись на щедрые подарки, он быстро реорганизовал свою военную структуру и сформировал армию из двадцати пяти легионов для защиты империи. Он установил разумную шкалу оплаты для каждого вооруженного человека на его службе, от рядовых когорты до «лейтенанта императора с проконсульским званием». Проконсульские армии содержались и оплачивались механизмом проконсульского правительства в провинциях, так что император, не будучи явно казначеем легионов, фактически через своих лейтенантов держал в своих руках кошельки, от которого они зависели. Мы видели, насколько мы неспособны указать зарплату провинциального губернатора; мы также не можем оценить жалование офицеров разных званий. Мы знаем только, что простой легионер получал один денарий в день, сумму, которая может равняться восьми пенсам и

половине пенса по английской валюте. Часть этой суммы удерживалась на его оружие, снаряжение и экипировку, но он сохранял, возможно, большую часть этой суммы, чем карманные деньги британского рядового, а простые роскоши винного магазина были дешевыми и доступными. Брак строго не поощрялся и, как правило, был запрещен в римских рядах, и жалование солдата, возможно, в основном тратилось на то, чтобы избежать ударов погребной палки центуриона и время от времени покупать освобождение от утомительных учений и лагерной службы. Если мы вправе делать вывод из соотношения, наблюдавшегося в военных выплатах во времена Цезаря, то можно предположить, что центурион получал вдвое больше, а трибуны — в четыре раза больше жалования легионера.

Полный состав каждой из двадцати пяти легионов составлял 6100 пехотинцев и 726 всадников; и это, с некоторыми колебаниями, оставалось силой легиона в течение четырехсот лет. Кохорт было десять, и первая, которой была поручена защита орла и изображения императора, была почти вдвое больше других. Эти бригады были постоянно прикреплены к своим отдаленным казармам: в более позднее время те же три легиона занимали провинцию Британия в течение двух или более веков. Они обычно набирались из стран за пределами Италии, в первую очередь из числа римских граждан в провинциях (). Но даже после расширения прав гражданства это ограничение постепенно ослаблялось, и вместо того, чтобы быть обязательным условием для приема в ряды, свобода города часто даровалась ветеранам после их увольнения. Многочисленные батальоны вспомогательных войск, отличавшиеся по форме и вооружению от самих легионеров, продолжали набираться во всех наиболее воинственных колониях империи и прикрепляться к каждой легионерской дивизии. Обычно считается, что эта сила равнялась по численности самим легионам, и таким образом мы получаем в общей сложности 340 000 человек для всей армии Римской империи, не считая батальонов, содержавшихся в самом Риме.

Август может считаться основателем морской мощи великой военной республики. Она действительно не раз проявляла свою привычную энергию, оснащая мощные флоты, транспортируя военное вооружение и избавляя моря от разбойников, но создание постоянных морских сил, как одного из орудий имперского правительства, было отведено той же руке, которой суждено было закрепить мир в империи на прочной и долговечной основе. Хотя влияние Рима распространялось на все бухты и гавани Средиземного моря, у него не было соперников, которых стоило бы опасаться на более отдаленных побережьях Атлантического или Индийского океанов. Но опыт показывал, что зародыш великой морской державы по-прежнему существовал в укоренившихся привычках пиратства, поощряемых веками политических волнений во всех внутренних морях. Киликийские корсары наносили ущерб торговле и оскорбляли должностных лиц республики; флот Секста предпринял более смелый поход и угрожал даже городу голодом; могла наступить ситуация, когда командир этих грабительских флотилий будет оспаривать саму империю у императора римских войск. Август предусмотрел меры на случай такой встречи, оснастив три мощных флота. Один из них он разместил в Равенне на верхнем море, второй — в Мисене на нижнем море, третий — в Форуме Юлии (Фрежюс) на побережье Галлии. Два первых эскадрона насчитывали по 250 галер каждый, третий — примерно в два раза меньше. Помимо этого вооружения, он разместил небольшую флотилию на Эвксинском море и основал военно-морские базы на великих пограничных реках — Евфрате, Дунае и Рейне.^e

Римский корабль с лестницей для штурма морской дамбы

Было вполне ожидаемо, что победитель при Актиуме не станет пренебрегать флотом, которому он обязан всем, в той же степени, как это делала республика; и на самом деле он создал постоянный флот, аналогичный своей постоянной армии. До этого времени Рим только оснащал флот или заставлял своих союзников оснащать его для каких-то определенных целей, а по окончании войны распускал его. Август понял, что теперь, когда все побережье Средиземного моря принадлежало Риму, а море стало центром империи, в этом отношении необходимо внести изменения.

Его первоочередной задачей было построить необходимые военно-морские порты. Адриатическое побережье Италии не богато гаванями, даже если не брать во внимание военно-морские порты. Брундизиум был слишком крупным торговым центром, чтобы рассматриваться в качестве возможной военно-морской базы империи, а Равенна, расположенная дальше на север, недалеко от дельты По, казалась подходящей для целей, которые преследовал император. Это место было легко защитить благодаря окружающим его болотам; гавань, хотя и не самая лучшая, могла быть улучшена; а с помощью императорского канала (Fossa Augusta) Август обеспечил связь между своей новой военно-морской базой и южным устьем По. Это было преимуществом с точки зрения снабжения войск, поскольку продукты плодородной долины По могли таким образом доставляться прямо в Равенну; с другой стороны, это, вероятно, ускорило заиление гавани. Весь проект, по-видимому, был реализован вскоре после битвы при Актиуме, поскольку мы встречаем то, что похоже на упоминание об этих работах в писаниях Вальгия Руфа в первые годы империи.

Во время гражданских войн флот использовал гавань Юлиана на западном побережье Италии, но ее неудобный вход и плохая якорная стоянка делали ее непригодной для регулярной военно-морской базы. Поэтому она была заброшена в пользу соседней гавани Мисена, которая по значимости превосходила даже Равенну.

Из обеих баз небольшие отряды солдат отправлялись в Рим для защиты императора и столицы. Морские пехотинцы, естественно, не находили себе занятия в Риме; когда император устраивал морские бои (наумахии), он, конечно, рассчитывал на их помощь, в

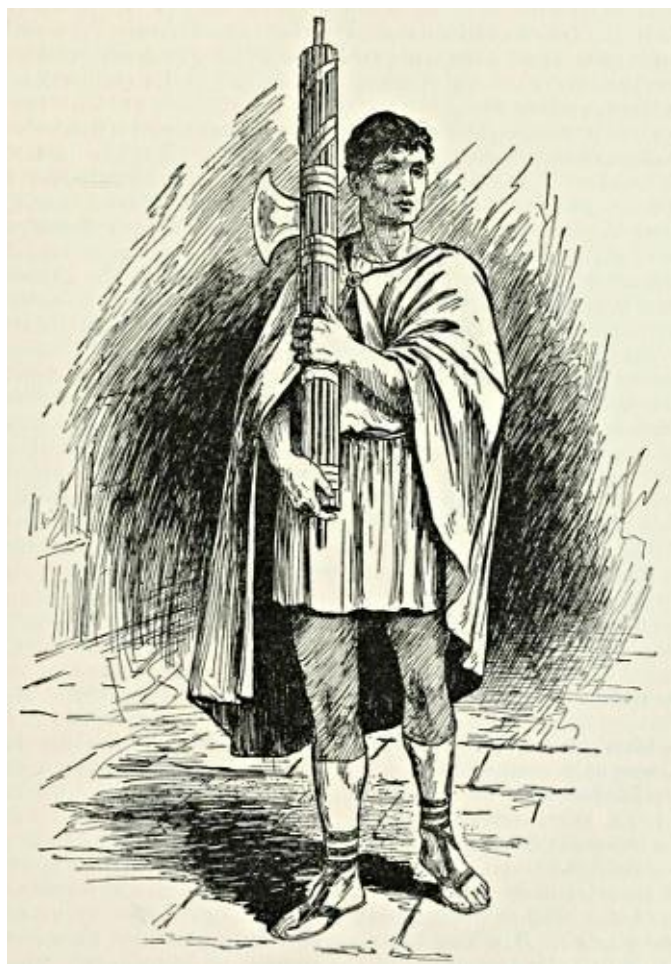
остальное время они были заняты развешиванием тентов на зрелищах, устраиваемых для народа.

Менее важным и, вероятно, более кратковременным было аналогичное предприятие Августа на побережье Галлии. Форум Юлий (Фрежюс) был им возведен в ранг военно-морской базы вскоре после битвы при Актиуме и, возможно, приобрел определенное значение во время Кантабрийской войны; в поздние дни империи мы не находим упоминаний о каком-либо подобном военно-морском порту.

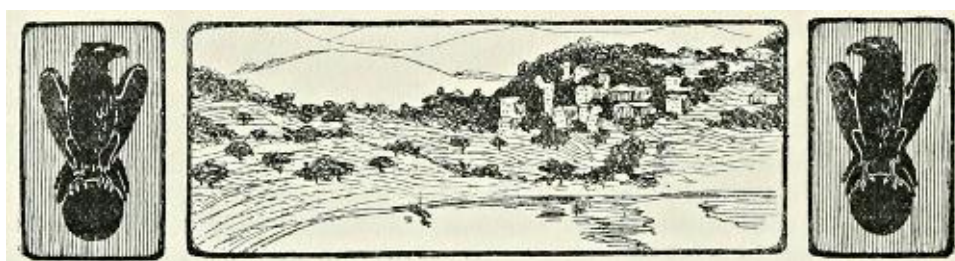
В самой Испании Август считал, что он может обойтись без военно-морской базы на побережье Средиземного моря, и он никогда не мечтал о господстве на океане. Военно-морская база в окрестностях Лиссабона могла бы существенно способствовать завоеванию астурийцев и кантабров, но только при условии, что римские военные корабли были приспособлены для океанского плавания. Гребные галеры древних времен вряд ли были бы пригодны для плавания по Атлантическому океану. В Испанской войне римский флот иногда появлялся в Бискайском заливе, но, вероятно, он состоял из транспортных судов из соседних галльских портов. При Друзе и Германике рейнская флотилия иногда выходила в Северное море, но постоянные неудачи вскоре отбили у нее желание рисковать дальше.

Император уделял некоторое внимание своему средиземноморскому флоту, но гораздо меньше, чем армии. В своем резюме Август часто упоминает свои легионы, в то время как он редко упоминает флот, которому он обязан победой при Актиуме. Армия находилась в совершенно иных отношениях с принцепсом, чем флот. В *Monumentum Ancyranum* император неизменно говорит о своем флоте: он никогда не называется флотом римского народа. Легионы, напротив, принадлежали, по крайней мере теоретически, государству (). Экипажи флота и их офицеры были личными слугами принцепса. Моряки до звания капитана триеры были рабами или вольноотпущенниками и по закону считались принадлежащими к дому императора; даже префекты флота, хотя и были свободными людьми, не были родом из Рима. Такими были А. Кастриций Мирион и Секст Аулиен, который прошел путь от рядового до центуриона, а затем был повышен до звания рыцаря. Адмирал императорского флота (*præfectus classis*) имел тот же ранг, что и императорские сборщики налогов; этот факт, упомянутый в « », красноречиво свидетельствует о положении флота, который сделал Августа абсолютным монархом.

Похоже, что Август пренебрегал флотом, особенно в последние годы своего правления, из соображений экономии. В войне с далматинскими мятежниками мы не слышим ничего о вмешательстве флота Равенны, когда Бато терроризировал побережье Адриатики вплоть до Аполлонии. Тот факт, что флот в Мисене находился в столь же удручающем состоянии, подтверждается небезопасностью вод Сардинии, которая была настолько велика, что ни один сенатор не осмеливался высадиться на острове; и он должен был управляться офицерами императора, а не регулярным губернатором.^c

Ликтор

ГЛАВА XXX. НЕМЕЦКИЙ НАРОД И ИМПЕРИЯ

После греков и римлян германцы являются самой важной ветвью индогерманской расы, поскольку в средневековье и в новое время они оказали на человечество и его цивилизацию такое же влияние, как греко-латинская ветвь в древности.

Название «германцы», под которым они обозначены в писаниях римлян, не может быть удовлетворительно объяснено с точки зрения его происхождения и значения. Раньше считалось, что оно происходит частично от старого германского слова *ger*, то есть «копье»,

частично от *wehre* («защита») и частично от слова *wirre* («беспорядок»), которое перешло во французский язык в форме *guerre*, так что в целом оно имело почти то же значение, что и «воин»; но все эти этимологии настолько противоречат законам этимологии языка, что больше не признаются ни одним немецким филологом. Некоторые ученые пытались связать название «германцы» со старым немецким словом *erman*, *hermann*, *irman*, *irmin*, истинное значение которого уже невозможно установить; другие были того мнения, что это вовсе не было родным названием, а было дано германцам римлянами; ведь в латинском языке есть слово *germanus*, которое означает брат или соотечественник, которое, как полагали, могло быть так искажено и извращено, что получило значение римского обозначения германского народа. Еще считалось, что оно происходит от кельтского слова, обозначавшего германцев как «крикунов» из-за их ужасающего боевого клича, с которым они вступали в сражение. Ученые не пришли к единому мнению относительно происхождения названия *Deutsch*, которое впервые появилось в X веке нашей эры, хотя его германское происхождение не вызывает сомнений. Согласно одной из гипотез, оно происходит от старогерманского слова *diutan*, то есть «указывать» или «объяснять», и обозначает тех, кто говорит на одном языке; согласно другой, готское слово *thiuda*, то есть «народ», является истинным корнем слова *Deutsch*, и первоначально оно имело значение «народ одной нации».

Термин *Teuton*, который часто используется в поэзии вместо слова *Deutsch*, был лишь названием отдельного племени, и эта практика берет свое начало в том, что древние римляне иногда применяли название *Teuton* к другим германским народам.

С самых ранних времен, которые доступны для исследования, германские народы уже состояли из двух основных рас — скандинавов или северян и истинных германцев в строгом смысле этого слова. С самых ранних времен первые жили за Балтикой, а вторые — на материке Центральной Европы. Эти две расы до сих пор отличаются друг от друга своими различными диалектами, причем диалекты народов каждой ветви более близки друг к другу, чем к диалектам другой ветви.

Каждая раса была разделена на множество различных племен, которые римляне обозначали специальными названиями; различие между ними не сохранялось, но в результате миграций, предпринятых ими во время существования Римской империи (), отдельные народы разделились и, объединившись, образовали новые нации.

Таким образом возникли аламаны, франки, гессенцы, тюринги, баварцы и другие. Одна из трех рас, готы, полностью исчезла в результате этих национальных движений; к концу античности они в основном переселились в Испанию и верхнюю Италию, смешались там с негерманскими расами и в результате приобрели римские черты.

Лишь очень немногие германские народы, такие как фризы, остались на своих первоначальных местах. Поэтому будет более целесообразно описывать местонахождение упомянутых народов по мере их появления в повествовании. В древние времена границами германских земель были Висла, Дунай, Северное море и Балтийское море. Подробные сведения о внешних условиях, характере и нравах германских народов содержатся в трудах римских историков, из которых наиболее заслуживают внимания следующие. Что касается их физического облика, то германцы особенно удивляли римлян тем, что были очень высокими, имели голубые глаза и рыжевато-золотистые волосы. Они также славились своей большой физической силой и выносливостью, с которой могли переносить все тяготы и лишения, голод и сильный холод, хотя плохо переносили жару.

Земля возделывалась только в отдельных местах, большая часть территории была покрыта лесами и болотами. Жилища были изолированы, так что не было ни деревень, ни городов, а каждый человек жил в центре своих полей. Занятиями германцев были земледелие, скотоводство, охота и война. Первые два вида деятельности выполнялись рабами или крепостными, которые либо выполняли работу в качестве прислуги, либо получали в распоряжение определенные поля, которые они обрабатывали и за которые платили своим хозяевам фиксированную ежегодную дань в виде зерна, скота и льна. Когда воин не был занят войной или охотой, он проводил время в праздности, ел, пил и играл; как и все воинственные и в то же время нецивилизованные народы, они любили перемену от напряженной борьбы и охоты к полной бездеятельности. Банкеты и оргии были их любимыми развлечениями, но, тем не менее, их еда и питье были очень простыми. Как правило, первая состояла из диких фруктов, мяса и молока, вторая — из своего рода ячменного пива; только некоторые народы, жившие на границе, имели вино, которое они покупали у своих соседей.

Германцы любили пить до бесчувствия. Римский историк Тацит говорит: «Пить ночью и днем без перерыва для них не постыдно, и если бы кто-то пошел на поводу у их желаний, их было бы легче покорить этим пороком, чем оружием». Говорят, что они были настолько увлечены игрой в кости, что часто, когда все было проиграно, германцы ставили на кон свою личную свободу. Их одежда была очень простой и грубой — единственным покрытием тела в большинстве случаев служил своего рода плащ, состоящий просто из меха какого-нибудь животного, убитого на охоте.

Их оружие было главным украшением мужчин и поэтому носилось на всех собраниях. Молодым людям не разрешалось носить его, пока национальное собрание не объявляло их достойными этого. Щит и копье были основным оружием для ближнего и дальнего боя; с другой стороны, кольчуга и шлем очень редко надевались германцами. Для мужчины оставить свой щит на поле боя было для них, как и для спартанцев, страшным позором, и « » приводило к тому, что воин, с которым это произошло, исключался из национального собрания и публичных жертвоприношений; многие избегали этого унижения, совершая самоубийство. На войне некоторые германцы были конными, хотя их главная сила заключалась в пехоте.

Римляне хвалят древних германцев за все те моральные качества, которые характерны для каждого храброго народа в получивилизованном состоянии, такие как отвага и гостеприимство. Германцы, по-видимому, рано отличились от других народов тремя достоинствами: полигамия никогда не была одним из их обычаев; они высоко ценили добродетель целомудрия; они отличались верностью и преданностью тем, кого они выбрали своими вождями.

Характерным было также высокое положение, которое женщины занимали среди них по сравнению с другими варварами. Жена не рассматривалась как рабыня; и среди всех германских народов девушки считались лучшими заложниками для заключения договора, чем мужчины, поскольку в первом случае они считали себя более обязанными сдержать свое слово. Женский пол пользовался очень большим уважением; многие женщины, как, например, Веледа, жившая во времена Веспасиана, играли роль алрун, то есть всеведущих или пророчиц, что было важной ролью, и эти пророчицы оказывали большое влияние на советы и решения своего народа.

Администрация не была полностью демократической, за исключением фризов; даже в те времена, когда народ и каждый отдельный человек еще участвовали в управлении, мы часто находим следы более поздней свободной монархии. Германцы избирали вождей на время войны и назначали пожизненного вождя, который в мирное время должен был управлять их делами с ограниченными полномочиями. Все свободные люди составляли национальное собрание, которое обсуждало и решало все общие вопросы, определяло жизнь или смерть преступника и выбирало председателей трибуналов отдельных кантонов.

Национальные собрания проводились в определенные дни либо в новолуние, либо в полнолуние; у франков, как правило, только один раз в год, в марте, а позднее — в мае. Были определенные дворяне, которые, как правило, хотя и не всегда, выбирались в предпочтение другим и которые обсуждали и решали между собой менее важные дела; остается неясным, получали ли они это положение благодаря своему рождению или личным заслугам.

Король избирался из их числа и не был повелителем, как это обычно бывает у воинственных полуварварских народов, а представителем своего племени, и поэтому избирался не только за свою храбрость, но и за свои заслуги. Армия состояла из всех свободных людей. Помимо этой так называемой *heerbann* (милиции), в периоды, когда все племя не вело войны, формировались отдельные отряды войск, которые присоединялись к храброму вождю для выполнения каких-либо особых задач. Они составляли его свиту и сражались под его руководством за славу и добычу. Чем больше была свита дворянина, тем большее влияние он имел в национальном собрании.

Правосудие осуществлялось избранным судьей, которого называли «граф» (граф), от слова *grau* — серый, т. е. старейший, и у которого было несколько домовладельцев в качестве помощников. Наказания считались компенсацией и определялись в соответствии с этим принципом; даже убийство искупалось судьей, который определял размер ущерба, подлежащего выплате родственникам убитого.

Римляне дают нам лишь очень поверхностную информацию о религии древних германцев. Единственное, что мы можем определить с уверенностью, — это то, что они поклонялись многим богам. Если, как это обычно делается, к римским отчетам добавить легенды древних скандинавов, записанные в средние века (), то получаются два подробных описания богов и мифов германцев; но весьма сомнительно, что древние жители собственно Германии, о которых говорится в римских историях, имели одну и ту же веру и поклонение, что и скандинавы.

Согласно общепринятой теории, главным богом германцев был Воден или Один; как бог, правящий всем, «Всеотец»; а как основатель германской расы он назывался Туиско. За ним следовали его старшие сыновья, бог грома, Тонар или Тор, память о котором до сих пор сохранилась в слове «четверг», и бог войны, Тир или Тир, от имени которого происходит слово «вторник». Женой Водена и богиней брака была Фрейя, которой был посвящен день пятницы. Другой женой Водена была Герта, или богиня земли. Помимо них, скандинавы почитали бога поэзии Браги, Болдера, героя богов, отличавшегося своей красотой, богиню молодости Идуну, Норн, или богинь судьбы, и других божеств.

У скандинавов было столько же поэтических мифов о жизни и судьбе богов, сколько у древних греков. Помимо богов, они верили в два невидимых мира гигантов и карликов. Они также верили в бессмертие и изображали жизнь после смерти по-своему. Например, они считали, что те, кто пал в бою, жили во дворце Вальгаллы с Воданом и проводили время в сражениях, охоте и пирах, а на их банкетах присутствовали валькирии, или богини битвы, которые плели паутину битвы своими страшными песнями.

Римляне рассказывают нам больше о поклонении и жрецах германцев, живших в Германии, чем об их богах. Германские жрецы пользовались большим уважением, но они не составляли особого сословия, как друиды или жрецы галлов. Их певцы, как и у галлов, были не жрецами, а поэтами и исполнителями боевых песен. У германцев не было изображений своих богов, и они почитали их не в храмах, а в священных рощах, где жрецы приносили жертвы за народ. Среди жертв были пленные враги. Воля богов и будущее интерпретировались по-разному, предпочтительно по ржанию священных белых лошадей, которых держали в рощах богов.

Если мы вернемся от этого общего наблюдения о германских народах к их войнам с Августом, то увидим, что римляне вступали с ними в враждебные столкновения на Рейне и Дунае. Со времен Цезаря некоторые германские племена — из которых наиболее важными были убыи в районе Кельна и вангионы, трибоки и неметы между Шлетштадтом и Оппенхаймом — поселились на левом берегу Рейна и начали принимать римские обычаи.^b

германская война за независимость от Рима

Август не любил войны; он обычно говорил, что лавровые венки красивы, но бесплодны, и его славой и гордостью было то, что во время его правления храм Януса в Риме неоднократно закрывался, а парфяне добровольно возвращали знамена и пленных, захваченных у армии Красса. Его ум был сосредоточен не на расширении и укреплении империи, а на создании и консолидации монархических институтов. Его войны в Испании и альпийских регионах были предприняты с целью защиты и охраны границ империи, а война в Далмации и Паннонии была чисто оборонительного характера. Только на Рейне он позволил себе замыслы завоевания; там должны были быть продолжены галльские походы Цезаря и укреплены военные почести рода Юлиев и их имени.

До тех пор, пока Галлия не была полностью умиротворена, а упрямые племена защищали свои наследственные свободы в альпийских долинах, к германцам относились с уважением. Император Август даже доверил безопасность своей личности и Капитолия германскому конному отряду, как это сделал перед ним божественный Юлий, а Випсаний Агриппа поселил убиев, которые подвергались сильному давлению со стороны свевов, на левом берегу Рейна и основал «колонию Агриппину», прародительницу города Кельна. Даже нападение восточных жителей нижнего Рейна на лагерь М. Лоллия, который вторгся на их территорию, потому что они схватили и распяли нескольких римских шпионов, осталось безнаказанным. Но когда было завершено новое деление Галлии на провинции, а альпийские районы были подчинены власти Рима, Друз, отважный и смелый пасынок Августа, задумал проект расширения границ империи за пределы Рейна и продвижения дальше по пути, по которому шел великий Цезарь.

Обеспечив защиту реки путем укрепления древних городов-союзников от Базеля (Augusta Raucorum) до Кельна (Colonia Agrippina), а именно Страсбурга (Argentoratum), Шпайера, Вормса, Майнца, Бонна и т. д., и создав новые укрепления и *опорные пункты* как для обороны, так и для нападения, основав «Старый лагерь» (Castra Vetera) на месте нынешнего Ксанта и других кастелл, он затем попытался обеспечить безопасность северных районов. Он убедил батавов, населявших болотистые низменности от Рейна и Ваала до Северного моря, и их соседей на востоке, фризов, занимавших побережье до Эмса, заключить дружбу и союз с римлянами; затем, построив судоходный канал, который до сих пор носит название «Друзус-Фурт», он соединил нижнее течение Рейна через Иссел с внутренним озером Флево, которое в то время сообщалось с морем через судоходную реку с тем же названием, но которое с тех пор было расширено наводнениями до открытой бухты Зейдерзее. Затем он отплыл в Германский океан на флоте, построенном на Рейне, и, огибая фризское побережье, прибыл к устью Эмса, где легионы вступили в несколько стычек с бруктерами и хауками. Здесь флот подвергся большой опасности, поскольку отлив оттянул воды канала от кораблей и оставил их на мели. Их спасла от гибели помощь фризов, которые сопровождали римлян по суше с армией. Когда прилив снова поднял корабли, Друз вернулся в Батавию.

Смелость этого предприятия, хотя оно и не увенчалось успехом, по-видимому, встревожила германцев. Поэтому племена, проживавшие между Рейном и Везером, заключили союз для защиты своей страны от угрожавшего ей врага. Хатты отказались присоединиться к этому союзу, и их соседи, сугамбры, в результате вступили с ними в войну, как раз в тот момент, когда Друз, прошедший зиму в Риме, вновь появился на Рейне и пересек границу у «Старого постоянного лагеря» (в Ксантене). Он подчинил себе узипетов, построил мост через Лупию (Липпе) и беспрепятственно пересек страну сигамбров, лишенную боеспособных воинов, и напал на херусков на левом берегу Везера. Однако нехватка провианта и приближение зимы вынудили его отступить. На обратном пути германцы напали на него со всех сторон с яростной яростью (). Зажатый в узком ущелье и окруженный с всех сторон, он и его армия были бы безвозвратно потеряны, если бы германцы, полагая, что враг уже побежден, не рискнули с диким рвением и без всякого порядка и метода приступить к окончательной резне. Победа, которую они считали своей, перешла к римлянам благодаря их стратегии. Германцы были разгромлены и вынуждены смотреть, как римляне строили кастеллум Алисо, который они укрепили и использовали в качестве *опорного пункта* для последующих предприятий. Император отказался от титула императора, которым армия приветствовала своего генерала, но предоставил своему победоносному сыну ование и триумфальные почести.

Друз

(С бронзовой скульптуры в Луврском музее)

[11-9 гг. до н. э.]

Чтобы обеспечить прочную основу для своих завоевательных походов, Друз, после личной беседы со своим императорским отцом, в следующем году построил мощные укрепления на германской реке. Берега Рейна были укреплены более чем пятьюдесятью кастеллами, из которых самый важный, расположенный напротив постоянного лагеря Могонтиакум (Майнц), со временем превратился в город; Бонн был соединен мостом с правым берегом королевской реки, а высокий угол между Рейном, Майн и Ланом охранялся серией линий на Таунусе, которые до сих пор прославляют своего первого создателя в своем названии «Drususgraben». Они составляли основу того великого пограничного вала, который впоследствии разделял римскую территорию и свободную Германию.

После этих приготовлений Друз предпринял свою третью кампанию против средней Германии. При поддержке воинственных нервиев и других галльских вспомогательных войск и в союзе с фризами, которые снабжали его всем необходимым, смелый полководец продвинулся на северо-восток вдоль правого берега Майна, разгромил хаттов в кровопролитной битве, проник через Верру и Герцинский лес (Тюрингервальд) в страну херусков и достиг западного берега Эльбы, пройдя через земли, по которым никогда не ступала нога римлянина, к племенам, которые никогда не слышали о Риме. Дион повторяет легенду о том, как, когда Друз готовился пересечь эту далекую реку, ему встретила женщина сверхчеловеческого роста, которая обратилась к нему на латыни, говоря: «Куда, о Друз, ты, ненасытный? Судьба не судила тебе увидеть все это; поверни назад, ты уже стоишь на пороге своей жизни и своих деяний!» Он поспешил вернуться из-за приближения зимы, но больше никогда не увидел Рейн. Он умер на обратном пути; по мнению одних, от болезни, по мнению других, от перелома ноги, полученного в результате падения с лошади. Он умер в тридцатилетнем возрасте на руках своего брата Тиберия, который поспешил ему навстречу.

Его тело с большой помпой и трауром () пронесли через Галлию и Италию в Рим, где оно было предано кремации на Марсовом поле, а прах захоронен в императорском склепе. Алтарь в окрестностях Липпе, статуя в военной форме, а также пустой надгробный памятник в Майнце (остатки которого, как говорят, до сих пор хранятся в «Эйхельштайне»), вокруг которого легионы ежегодно отмечали годовщину его смерти траурными играми, и триумфальная арка на Аппиевой дороге были предназначены для того, чтобы навечно сохранить память о храбром и любимом принце, который первым из всех римлян продвинулся к Эльбе. Титул «Германик» — завоеватель германцев, который Август присвоил ему, перешел к его сыну.

[9 г. до н.э. — 5 г. н.э.]

Место героического Друза занял его брат Тиберий. Последний, в соответствии со своим характером, выбрал путь хитрости, вероломства и осторожных переговоров и с помощью этих средств добился большего, чем его рыцарственный брат, завоевавший силой оружия. Именно благодаря его посредничеству германские племена, включая даже сугамбров, которые сначала отказывались, отправили нескольких выдающихся вождей с предложениями о мире к императору, когда тот находился в Галлии. В нарушение чести и справедливости они были арестованы и доставлены под стражей в галльские города, где покончили с собой. Этим вероломным поступком римляне достигли своей цели. Тиберий воспользовался смятением германцев, чтобы провести свои легионы прямо через Рейн. Разделенные между собой и лишенные своих вождей и лидеров, германские племена не могли оказать постоянного сопротивления захватчику. Победоносный полководец прошел по опустошенным районам и благодаря силе своих легионов и страху перед римским именем сумел заставить жителей с изумлением и отчаянием склониться перед превосходящей силой (хотя и только после того, как сорок тысяч из них, в основном сугамбры, были увезены и поселены на левом берегу прекрасной реки). Затем между Рейном и Везером было установлено римское управление.

События следующих нескольких лет окутаны тайной. Триумф, который Тиберий праздновал в честь своей победы над германцами, стал также началом императорского недовольства, из-за которого он прожил семь лет на Родосе. В этот период слухи о германских делах умолкли; упоминается только одна кампания, проведенная Домицием Агенобарбом, высокомерным, надменным и властным человеком. Он пересек Эльбу, восточный берег которой украсил алтарем Августу; выделил места для проживания в южной Германии, между Майн и Дунаем, германскому племени гермундуров; и начал строительство «длинных мостов», тех набережных из свай между Рейном и Везером, которые должны были облегчить соединение легионов через болота и топи, которые были в изобилии на этой небезопасной местности. И Домиций, и его преемник Виниций завоевали триумфальные почести своими подвигами, но у нас нет информации о подробностях их достижений. Тот факт, что Август прямо запретил переход через Эльбу, по-видимому, указывает на то, что до того времени такие предприятия были неудачными.

В Риме было решено прибегнуть к старым и проверенным методам хитрости, подкупа и предательства вместо силы оружия; и мастер коварства Тиберий, соответственно, отправился на Рейн в сопровождении раболепного льстеца Веллея Патеркула, в то время главнокомандующего кавалерией. В помпезных речах последний хвастается подвигами своего героя, чтобы одновременно собрать часть лучей этой славы на свою голову. В ходе двух кампаний были покорены племена между Везером и Эльбой, гигантские хауки и лангобарды, «дикие с более чем германской жестокостью», а флот тем временем плыл вдоль побережья Северного моря и присоединился к сухопутным войскам.

Но, несмотря на эти хваленые достижения, римское господство не пустило корней в тех краях; их древняя свобода пострадала лишь временным затмением и быстро вернулась, как только легионы были выведены. Искусный принц был еще более успешен в привязывании племен между Рейном и Везером к Риму. Сила армии, имевшей постоянные базы в Ксантене и Алисо, а также искусство подкупа, хитрости и вероломства, которые Тиберий применял с мастерским умением, не остались без эффекта на раздробленных и склонных к спорам германцев. Римское влияние укреплялось все сильнее, особенно когда Сентиус Сатурнин, честный и способный человек, сочетававший в себе строгость сурового полководца с любезными манерами опытного государственного деятеля, занял пост римского наместника. Он сумел привлечь простой и примитивный народ на свою сторону, показав ему в привлекательной форме «превосходство римских обычаев и искусств» и заставив его оценить манеры и преимущества цивилизованной жизни. Германцы начали «осознавать свою собственную грубость» и получать удовольствие от «мира строгого порядка, жестких законов и многообразных искусств и удовольствий». Постоянные лагеря армии превратились в рынки, где иностранные купцы предлагали на продажу товары юга, где дети природы познавали очарование и прелесть богатой цивилизации. Оживленный торговый оборот приучил местных жителей к римской речи и манерам, римское право пользовалось все большим признанием и уважением, германская молодежь уже сражалась в рядах римлян и гордилась своим иностранным оружием и правами римских граждан. Характеристики германской национальности были бы серьезно ущемлены, если бы римлянам удалось распространить свое господство за Рейн и Дунай, если бы германские князья, такие как Арминий и Марбодус, которых они привлекли на свою службу, остались верными и преданными им. Но теперь им пришлось узнать, что любовь к свободе и отечеству еще не угасла.

Марбодус, вождь маркоманнов, могущественного племени, входившего в союз свевов, которому было поручено охранять границу к югу от Майна, происходил из знатного рода и обладал крепким телом и смелым духом. В молодости он завоевал расположение Августа во время двухлетнего пребывания в Риме и настолько глубоко усвоил иностранную культуру, «что римляне едва могли узнать в нем варвара». Примерно в то время, когда Друз донес римские орлы до Эльбы, Марбодус вернулся на родину, хорошо разбираясь в римской стратегии и политике.

Во главе своего народа он разработал смелый план по выводу маркоманнов из их поселений на Рейне, расположенных в опасной близости от Рима, и обретению для них безопасного пристанища дальше на восток. Силой или договором он завладел окруженной горами землей боев (Богенхайм или Богемия) и сделал эту «могучую крепость природы» центром племенного союза, который должен был простираться до северного берега Дуная и ограничить экспансию мировой империи Рима. Имея в своем распоряжении доблестную армию, обученную римской тактике, и окруженный, как император, телохранителями, Марбодус за несколько лет смог сделать Маркоманнский союз силой в этой стране и внушить римлянам обоснованные опасения. Однако, несмотря на то, что осторожный и благоразумный князь сначала демонстрировал в своем поведении дружбу и преданность Риму, предоставляя римским купцам и торговцам всевозможные удобства для доступа в свою страну и торговли с его народом, его уверенность в себе росла вместе с осознанием своей власти, и по его поведению и решительному тону было очевидно, что он осознавал свое положение. Его королевство вскоре стало убежищем для всех преследуемых и недовольных.

В Риме считали невозможным пассивно наблюдать за растущей мощью государства маркоманнов на Дунае. Одновременное нападение с востока и запада должно было привести к его уничтожению. Пока Тиберий собирал большие силы в Карнунтуме, чтобы продвигаться вверх по течению, Сентиус Сатурнин должен был выдвигаться из страны хаттов через Герцинский лес. Однако этот хорошо согласованный план был обречен на то, чтобы никогда не быть осуществленным. Восстание паннонских племен вынудило Тиберия вести свои легионы к нижнему течению Дуная, а Август поспешил удержать вождя маркоманнов в его горах, заключив с ним мир на выгодных условиях, чтобы тот не усугубил надвигающуюся опасность на Адриатике, присоединившись к врагу. Мы уже говорили о страшной войне, в результате которой земли вдоль нижнего течения Дуная были одновременно завоеваны и превращены в пустыню. Когда Германик привез в Рим известие о победоносном исходе трехлетнего конфликта, столицу охватило безграничное ликование. Люди соревновались друг с другом в праздновании этих триумфальных достижений праздничными банкетами и памятниками. Но праздник быстро превратился в день траура, а благодарственные молитвы — в тревожные молитвы, когда ужасная весть о бедствиях в Германии обрушилась на суету города как гром среди ясного неба.^с

БИТВА В ТЕУТОБУРГСКОМ ЛЕСУ

[9 г. н. э.]

Уже упоминалось, что в 4 и 5 годах н. э. Тиберий добился некоторых успехов на северо-западе Германии. Согласно Веллею, эти успехи заключались в подчинении канинефатов, хаттуариев и бруктеров, а также в добровольном подчинении хауков и, в особенности, херусков. Также было отмечено, что из слов Веллея невозможно составить четкое представление об отношениях между этими племенами и Римом, хотя из разных терминов, которые он использует при упоминании этих двух групп, можно сделать вывод, что херуски и часть племени хауков занимали положение союзников и обязались действовать в качестве вспомогательных войск. Страбон также говорит: τὰ τρία τάγματα παραστονδεθέντα ἀπώετο ἐξ ἐνέδρας.

РАННЕЕ ГЕРМАНСКОЕ ОРУЖИЕ

Воинственные наклонности германцев, возможно, способствовали их согласию на такое положение, поскольку большие группы из них часто поступали на службу к воюющим народам в свите молодых и воинственных вождей благородного происхождения. Возможно, эти отношения были схожи с теми, которые существовали между швейцарцами и французами в конце средневековья. Несомненно, что Арминий служил в римской армии во главе своих соотечественников и, как и его брат, отличился в нескольких кампаниях. Бруктери, с другой стороны, должны были в определенной степени подчиняться и, таким образом, испытали на себе все тяготы римского искусства управления, как в системе налогообложения, так и в судебном процессе и вербовке. В частности, Вар (как явствует из всего описания его правления, данного Веллеем () и Дионом) был слишком поспешен в своих попытках «романизировать» германцев в течение лета, которое он провел на их территории во главе своей армии. Если (как говорит Дион, и мы вполне можем предположить) сильная партия, в которой знатные люди составляли заметную часть, сначала неохотно подчинилась римскому господству, то теперь их раздражение распространилось на более широкий круг, и последствия недальновидных мер Варуса вышли за пределы их границ и затронули херусков, их соседей на востоке.

Римляне, вероятно, также в большом количестве проникли на территорию последнего племени и практически относились к своим союзникам как к подданным, принимая по отношению к ним властный тон и, возможно, даже позволяя себе акты насилия. Возможно также, что они установили там передовые посты еще до 9 года. Свой собственный опыт и судьба бруктеров, должно быть, научили херусков, особенно тех, кто занимал высокое положение, какой судьбе им грозит, и побудили их принять решение уничтожить римское господство в Германии. Поэтому представляется, что знатные бруктеры и черуски пришли к соглашению о том, что Варуса следует склонить к этому дружеским приемом, оказанным ему главами черускской знати, когда он прибыл к бруктерам, чтобы разбить свой летний лагерь среди черусков, дальше вглубь Германии, чем обычно, и ближе к Везеру. Когда он был усыплен чувством абсолютной безопасности благодаря мирному поведению жителей и дружеским отношениям с знатными людьми, должно было начаться восстание против Рима и уничтожение римской армии. Неизвестно, планировали ли они одновременно позволить отдаленному племени начать восстание, чтобы заставить Варуса отправиться в определенном направлении для его подавления, но Арминий, который был хорошо знаком со стратегией римлян, наверняка понимал — как показывает тактика, которую он применил в 15 году — что их нельзя успешно атаковать в лагере, а только во время марша по труднопроходимой местности. Возможно также, что первоначальный план состоял в том, чтобы выбрать обратный марш римлян к Рейну, но заговорщики сочли невозможным ждать так долго после того, как римская партия во главе с Сегестом получила некоторую неопределенную информацию об их намерениях; поэтому они были вынуждены прибегнуть к другим средствам, чтобы побудить Варуса разбить свой летний лагерь раньше, чем он намечался. Но этот вопрос не имеет большого значения.

РАННЕЕ ГЕРМАНСКОЕ ОРУЖИЕ

В любом случае, план удался, поскольку Вар перестал проявлять осторожность, обманутый не столько мирным поведением народа и общением с вельможами, которых он часто принимал за своим столом, сколько тем фактом, что к нему стекались просители, требующие справедливости. Вероятно, существует некоторая связь между попытками князей убедить его в том, что германцы добровольно подчиняются римскому порядку, и тем фактом, что они просили у него войска для поддержания общего спокойствия. Так случилось, что он грубо отверг тех, кто, подозревая измену за немецкой демонстрацией дружбы, советовал ему быть начеку, и что, несмотря на частые предупреждения со стороны Сегеста, он отделил небольшие подразделения своих войск для сопровождения транспорта. Вскоре пришла весть, что отдаленное племя или провинция восстали против римлян. Это было сделано по наущению заговорщиков, чтобы Вар из своего лагеря двинулся в определенном направлении.

Было бы чрезвычайно важно, если бы мы могли из наших источников получить примерное представление о том, кто были эти мятежники и где они жили; а так нам остается только строить догадки. Мы видели, какие племена, помимо херусков, были покорены Тиберием: канинефаты, хаттуарии, бруктеры и хауки. Первые два не нужно принимать во внимание, так как они жили слишком близко к Рейну и, таким образом, полностью находились в сфере римского господства. Остаются только бруктеры и хауки; и поскольку последнее племя впоследствии завладело орлом, принадлежавшим одному из легионов Варуса, и, следовательно, должно было принимать участие в сражении, ἄπωθεν οἰκοῦντες Диона, по-видимому, больше подходит к ним, чем к бруктерам.

Но не имеет большого значения, в пользу кого мы примем решение. Одно из двух племен, проживавших к юго-западу от херусков (марсы и хатты), можно с уверенностью исключить из рассмотрения, поскольку последние, как уже было объяснено, никоим образом не зависели от Рима. О марсах можно сделать вывод, что они принимали участие в борьбе, поскольку они тоже захватили орла, но мы не слышим, чтобы они подчинялись Риму, и если бы они ушли вглубь Германии, чтобы сохранить свою свободу, они не подверглись бы нападению Тиберия в 4 и 5 годах, поскольку в то время его внимание было явно

сосредоточено на северо-западе. И очевидно, что Вар не предпринимал попыток более широкого расширения римского господства. Вполне возможно, что это было племя херусков на северо-западе или юго-западе, но в целом более вероятно, что восстание было начато народом, который занимал зависимое положение по отношению к Риму. Поэтому в интересах Арминия было продемонстрировать лояльность своего племени. Но каким бы ни был народ, поднявший восстание, день отправления из лагеря был назначен.

Арминий

Чтобы не вызвать подозрений у Варуса, князья предложили ему помощь и пообещали присоединиться к нему со своими войсками на пути его следования, который был точно определен положением мятежной провинции и согласован между ним и князьями херусков. Таким образом, заговорщики получили повод для призыва к оружию, не вызывая недовольства римлян, разбросанных по всей стране в военных постах, и вполне возможно, что они побудили Варуса отправить приказ во все кварталы « ». Сами они остались с ним, не только чтобы поддержать его в его беспечности, но и чтобы следить за ним и быть под рукой, если заговор будет раскрыт римской партией. Ведь это была не мнимая опасность.

Вечером перед отправлением, когда Вар устраивал банкет для князей херусков, Сегест выступил вперед и открыто обвинил Арминия и его сторонников в заговоре, потребовав ареста Арминия и зачинщиков заговора и предложив себя в качестве доказательства правдивости своего обвинения. Варус не обратил внимания на эти разоблачения, вероятно потому, что известная вражда между Сегестом и Арминием заставила его усомниться в добросовестности обвинителя, и на следующее утро начало состоялось.

Заговорщики попрощались с Варом под предлогом того, что им нужно встать во главе своих войск и привести их к нему, но на самом деле эти войска уже были готовы к бою вдоль маршрута, по которому должен был пройти Вар. Кроме того, вероятно, было отправлено сообщение даже марсам и хаукам, чтобы они поспешили со своими войсками в определенную точку. Затем был отдан приказ о всеобщей резне изолированных римских гарнизонов.

Часто отмечается, что Варусу не могли представить восстание как очень серьезное; иначе его небрежность в распоряжениях во время марша абсолютно непонятна. Толпа женщин и детей, которые находились в лагере и сопровождали армию, доказывает либо то, что он намеревался разбить свой летний лагерь на более или менее длительный срок в мятежной провинции после ее подавления, либо то, что, если он собирался отправить их обратно на Рейн, их возвращение не потребовало бы очень обходного пути.

Между тем длинная колонна, маршировавшая в несовершенном порядке и затрудненная огромным количеством багажа, запуталась в трудных тропах, ведущих вверх и вниз по густому лесу, и пока они занимались утомительным улучшением дороги, валя деревья, строя мосты и т. д., наступила очень влажная погода с такой сильной бурей, что ветви отрывались от огромных деревьев и падали на марширующих людей внизу. Земля стала скользкой, и трудность передвижения среди корней и стволов деревьев удвоилась; и в этом опасном положении армия внезапно оказалась атакованной со всех сторон германцами. В этот момент, когда он осознал вероломство немцев, Варус едва ли мог принять иное решение, кроме как бежать из столь опасной местности, выбрав кратчайший путь к Рейну, где он смог бы развернуть свои силы и поставить врага в безвыходное положение.

Утверждается, что он мог бы легче всего достичь этой цели, вернувшись в свой летний лагерь, откуда, несомненно, вела хорошо построенная военная дорога к его зимним кварталам на Рейне. Но кто может сказать, не подумал ли Варус, что возвращение по тому же пути, по которому он пришел, повлечет за собой слишком большие трудности и потери, в то время как отклонение от маршрута к реке может быть осуществлено без особой опасности и даже обеспечить его армии более легкую безопасность? Не следует также упускать из виду возможность того, что он принял неверное решение.

Таким образом, поход продолжался с большими потерями, а растянутый порядок местился тем, что делал организованное сопротивление невозможным. Тем не менее, вечером армия разбила лагерь, как могла, хотя, должно быть, было трудно найти подходящее место в лесистой холмистой местности. Здесь они решили сжечь или бросить бесполезный багаж и не нести с собой ничего, кроме самого необходимого, и на следующий день продолжили поход в более упорядоченном порядке.

Они вышли на поляну, где, как было очевидно, могли держать врага на почтительном расстоянии, но вскоре дорога снова вела в лес, и германцы сразу же окружили их, нанеся кровопролитные потери. Римляне защищались, но из-за узости ущелья армия оказалась в таком стесненном положении, что не могла развернуться, а с другой стороны, атака смешанных конных и пеших войск провалилась из-за скученности обеих частей в густом лесу. К их бедствию добавилась новая буря и дождь; они едва могли удержаться на ногах, не говоря уже о продвижении вперед, а промокшее оружие римлян не могло быть эффективно использовано против легко вооруженного врага, столь же быстрого в отступлении, как и в атаке. Кроме того, число врагов увеличилось, поскольку те, кто до сих пор осторожно сдерживался, теперь устремились вперед, чтобы получить долю добычи; и если марсы еще не были включены в союз, то можно предположить, что они появились в этот момент и захватили орла, который впоследствии был найден в их владении.

Ситуация была безнадежной, и Вар не имел мужества умереть в бою, а предпочел покончить с собой. Весть о его смерти сломила последние остатки энергичного сопротивления в его армии, хотя они не забыли сразу похоронить его тело. Неизвестно, пыталась ли кавалерия под командованием Нумония Валы бежать или уже бежала; неизвестно также, были ли легаты еще живы или уже пали. В конце концов, командование, по-видимому, взяли на себя два префекта лагеря: сначала Л. Эггий, а затем, когда он пал в

последней отчаянной попытке прорваться, Цеоний. Именно последний вступил в переговоры с германцами о сдаче того, что осталось от армии.

Веллей () утверждает, что Цеониус вступил в переговоры после того, как большая часть армии погибла в бою. Когда он сдался, последовали сцены мести, о которых сообщает Флор (f . Они нас здесь не интересуют, но гораздо более интересен тот факт, что в Германии была только одна римская крепость, которую германцы не смогли взять. Это была Алисо, куда удалось бежать некоторым беженцам. Здесь главнокомандование принял на себя примипиляр К. Цедит, который защищал крепость в надежде на подкрепление, пока голод не заставил гарнизон попытаться бежать, что удалось, по крайней мере, самым сильным.⁴

Ужасной была месть, которую германцы взяли за ущемление своих свобод. Многие выдающиеся римляне, полковники и капитаны, пролили кровь на алтарях богов; адвокаты и судьи были казнены с помощью пыток; головы многих павших были прикреплены в качестве трофеев к деревьям вокруг поля битвы; а те, кто спасся живым, были осуждены на позорное рабство. «Многие римляне рыцарского или сенаторского происхождения состарились в качестве слуг или пастухов у какого-нибудь германского крестьянина».

Мсть не щадила даже мертвых. Тело Варуса, которое его солдаты благочестиво похоронили, было вытащено из могилы, а отрубленная голова отправлена в качестве трофея Марбоду, который впоследствии передал ее императору в Риме. Так погибла эта великолепная армия из почти пятидесяти тысяч человек. Август вполне мог оплакивать себя, узнав о катастрофе в Тевтобургском лесу, и в отчаянии воскликнуть: «Варус, верни мне мои легионы!» Многие семьи с давними традициями должны были оплакивать потерю родственников или знакомых. Праздники и игры прекратились, германская телохранительная стража была отправлена на острова, обычно шумный Рим замер и онемел. Ночью по улицам патрулировали часовые, клятвы богам и массовая вербовка свидетельствовали о страхе, царившем в сердцах людей. Они боялись, что ужасные дни кимбров и тевтонов могут повториться.

[9-14 гг. н. э.]

Завоевание римских кастелл между Рейном и Висургисом последовало сразу за поражением Варуса. Алисо продержался дольше всех; туда римляне увезли своих женщин и детей, и там укрылись разрозненные и бежавшие остатки армии. Когда их запасы продовольствия иссякли, осажденные попытались проскользнуть мимо часовых осаждающих под покровом бурной ночи. Но только вооруженные люди смогли пробиться к Рейну, большинство беспомощных попали в руки победителей и разделили судьбу других пленников, а крепость Алисо была разрушена. Аспренас, который охранял берег Рейна двумя легионами, опасаясь, что восстание распространится на возбудимых галлов, был бессилён унять бурю. Так было сломано римское господство на правом берегу Рейна.

Только жители северного побережья, хауки, фризы и некоторые другие племена, остались верны союзу с Римом. Тиберий, который поспешил на помощь со своими свежезачисленными войсками, ограничил свои усилия укреплением и охраной рейнской границы и наблюдением за Галлией, отложив на будущее месть за запятнанную славу римского оружия. В следующем году он действительно переправился через Рейн, чтобы показать германцам, что могущество Рима по-прежнему незыблемо, но он не удалялся далеко от берега реки, а строгая дисциплина, которую он соблюдал, и суровая лагерная жизнь, которую он навязывал легионам и соблюдал сам, свидетельствовали о том, что римляне осознавали опасность, угрожавшую их господству со стороны германцев, и извлекли урок из горького опыта.

Как бы ни хвалил Веллей () своего героя, когда в 12 году полководец покинул Рейн, чтобы отпраздновать в Риме свой триумф над умиротворенной Германией, он не мог похвастаться никакими достижениями, которые бы затмили позор, нанесенный ему в Тевтобургском лесу. Это было оставлено его племяннику Германику, доблестному сыну Друза, которому после ухода Тиберия было поручено управление Галлией и верховное командование всеми вооруженными силами на Рейне. [Тем не менее, Тиберий проявил себя как способный полководец].

ВОЕННЫЕ ПОХОДЫ ГЕРМАНИКА^[3]

Примерно в то время, когда Август скончался в Ноле, Германик был потрясен известием о том, что среди солдат в «Старом лагере» (Ветере) вспыхнул мятеж. Смена монархов и последовавшие за этим траурные торжества прервали военные учения, дисциплина ослабла, а умы солдат были переполнены и разгорячены всевозможными надеждами и желаниями. В результате почти одновременно в паннонских и германских легионах произошли угрожающие волнения и мятежи. Германик поспешил в нижнюю часть Рейна из Галлии, где он был занят введением налогов, и обнаружил там непокорную армию, которая отбросила все узы послушания и дисциплины, жаловалась на долгую и тяжелую службу, требовала более высокого жалованья и денежных подарков, шумно предлагала ему власть и жестоко обращалась с посланцами сената, которые принесли весть о смене правительства, у алтарей в Эмпире (). Главнокомандующий сумел восстановить спокойствие и порядок, хотя и с большим трудом, и только после того, как среди самих бунтовщиков возник раскол, а зачинщики и самые дерзкие духом были зверски убиты своими товарищами по оружию.

РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР В ОДЕЖДЕ ГЕНЕРАЛА

(По мотивам Де Монфокона)

Иллирийское восстание было подавлено Друзом, сыном императора. Чтобы искупить свои преступления, германские легионы потребовали, чтобы их повели против врага; они верили, что нет другого способа умиловить души своих убитых товарищей по оружию,

как только покрыть свои виновные груди почетными ранами. И Германик с готовностью удовлетворил их жажду сражений, отправив их в поход в регионы за Рейном.

Германик был одной из последних героических фигур угасающего Рима. Он был в расцвете сил и сочетал в себе все физические и умственные достоинства с добродетелями доблестного воина. Благородный по фигуре и осанке, сведущий в высшей греческой культуре того времени, прославившийся как оратор и поэт, наделенный замечательными качествами ума и сердца, он был любимцем легионов и народа. Они почитали в нем сына Друза, с которым он был очень похож; мужа замечательной Агриппины, внучки Августа, которая родила ему нескольких прекрасных детей; потомка триумвира Антония, дочерью которого была его мать Октавия. И если его достижения в Паннонии и Далмации завоевали ему доверие и преданность его соратников по оружию, то доброжелательность его характера и манера поведения, в которой приветливость смешивалась с достоинством и величием, завоевали ему сердца всех людей. Когда он, как рассказывает Тацит, в переодетом виде прошел по лагерю, чтобы выяснить настроение армии, он слышал восторженные похвалы в свой адрес из каждой палатки, а когда приходил в город, его всегда окружала толпа друзей и подданных всех рангов. Тиберий усыновил его в знак уважения к желанию Августа, но таланты и достоинства молодого героя пробудили в мрачной душе императора зависть и подозрения. [По крайней мере, так утверждает Тацит. Но, возможно, склонность этого писателя к вымыслу или использованию злых мотивов в своих интересах исказила факты. Некоторые историки считают, что Тиберий до конца доверял Германику.

Народ ожидал, что Друз восстановит политическую свободу, и питал подобные надежды в отношении его сына. Восстание убиев было глубоко укоренилось в убеждении легионов, что Германик не потерпит правления другого, и сколько бы доказательств лояльности и преданности последний ни давал, их было недостаточно, чтобы изгнать призраков из недоверчивой души его дяди. Ему казалось, что он постоянно слышит обращение легионов к своему любимому полководцу: «Если Германик желает верховной власти, они в его распоряжении»; и в добродушном и либеральном характере своего племянника он видел лишь намерение упростить ему путь к верховной власти.

Германик начал свою кампанию против стран за Рейном в благоприятных условиях. После победы над Варусом германцы погрузились в беззаботную безопасность, их племенной союз ослабел, вожди начали ссориться. Сегест, издавна питавший злобу и зависть к Арминию, был еще более разгневан на черусского князя, когда тот похитил его дочь Туснельду и взял ее в жены.

Победы Германика

Первая кампания, которую Германик со своими легионами и вспомогательными войсками начал осенью того же года, увенчалась успехом. В звездную ночь он напал на марсов, которые праздновали религиозный праздник с веселыми банкетами, и, хитро окружив их, безжалостно убил, разрушил святилище, которое они глубоко почитали, и опустошил их территорию на десять миль огнем и мечом. Разъяренные этим вероломным нападением, бруктери, тубанти и узипеты взяли за оружие и энергично атаковали отступающих римлян. Но благодаря замечательному руководству и осторожной доблести они без серьезных потерь достигли своих зимних квартир на Рейне. В следующем году Германик вторгся в землю хаттов из Могонтиакума, сжег их столицу Маттиум и разорил страну. Затем он спас Сегеста, который, будучи осажденным Арминием, обратился к римлянам за помощью, увез в плен Туснельду (которую ее вероломный отец похитил у ее мужа и передал врагу) и отправил сына Сегеста, Сегимунда, который, хотя и был жрецом убиев, однажды

разорвал священную ленту и сражался за свободу по призыву своей страны в Тевтобургском лесу, под сильной охраной в Галлию. Туснельда, вдохновленная духом своего мужа, а не отца, последовала за победителем, не смиренная до слез, не с мольбами, а с гордым взглядом, сложив руки на груди, думая о сыне, которого она носила под сердцем и который должен был родиться в рабстве.

[15 г. н.э.]

Полный ярости и гнева из-за этого семейного позора, Арминий пролетел через территорию херусков и призвал весь народ отомстить римлянам, которые не постеснялись вести войну с помощью вероломства и против беззащитных женщин. Ему удалось объединить херусков и несколько соседних племен в большую вооруженную конфедерацию и убедить своего дядю Ингуйомера, правившего регионом около Тевтобургского леса, присоединиться к союзу. Германик встретил эту новую опасность с мужеством и рассудительностью. В то время как он сам с четырьмя легионами спустился по дамбе Друза и Флево-Лакусу на корабле, как когда-то сделал его отец Друз, и плыл вдоль побережья, его легат Цецина прошел через страну бруктеров, а Педо, вождь кавалерии, — через страну фризов. Три дивизии армии вновь соединились на берегах Эмса и, усилившись завоеванными хауками, двинулись, сея ужасающие разрушения, к Луппии, где посетили поле битвы в Тевтобургском лесу и отдали последнюю честь костям павших.

Жуткие реликвии в Тевтобургском лесу

Когда армия подошла к Тевтобургскому лесу, говорит Тацит, Цезарь почувствовал желание отдать последние почести павшим воинам и их полководцу; вся армия, помня о своих друзьях и родственниках, о бедствиях войны и судьбе человечества, была охвачена нежностью и состраданием. После того как Цецина был отправлен вперед, чтобы разведать ущелья леса и проложить мосты и дамбы через болотистую местность и опасные поля, вся армия вошла в место скорби, ужасное как для глаз, так и для памяти.

Лагеря Варуса все еще стояли; по сжатой окружной стене было видно, что они укрывали лишь остатки армии. Кости павших белели на поле битвы, то в кучах, то разбросанные, в зависимости от того, пытались ли они бежать или сопротивляться; среди человеческих тел лежали сломанное оружие и скелеты лошадей; пустые черепа смотрели вниз с стволов деревьев; а в рощах поблизости были видны алтари, на которых трибуны и центурионы были принесены в жертву богам. Некоторые из тех, кто спасся из боя или из плена, указали места, где пали легаты, где Вар получил свою первую рану и где он вонзил меч себе в грудь; где Арминий обращался к толпе, где были повешены пленники, где были захвачены и издевательски унижены орлы.

Армия, переполненная смешанными чувствами скорби и гнева, похоронила кости трех легионов через шесть лет после их поражения, и никто не знал, чьи останки он покрывает землей, — брата или незнакомца. Сам Цезарь положил первый кусок земли на курган, последний дар умершим, свидетельствуя о сочувственной скорби перед присутствующими. Тиберий, однако, не одобрил захоронение тел, либо полагая, что солдаты будут подавлены и обескуражены ужасным зрелищем, либо подозревая, что этим поступком полководец пытается завоевать благосклонность армии и народа.

После стычки с Арминием, в которой римская кавалерия понесла большие потери на болотистом дне леса, Германик отправился в обратный поход. В то время как он сам со своими легионами плыл от устья Амисии вдоль побережья по тому же пути, по которому пришел, в сопровождении поврежденной кавалерии по суше, Цецина, опытный воин, участвовавший в сорока походах, шел с основной частью армии по левой стороне Луппии к Рейну по длинной дамбе, которую Домиций когда-то проложил через болотистую местность.

Этот план операций поставил римлян в очень затруднительное положение. Дамба из свай была прервана во многих местах, и сорок когорт, которые Цецина вел по скользкой местности, окруженные непроходимыми оврагами и болотами, окруженные германцами и обезумевшие от постоянных атак, были в опасности подвергнуться той же участи, что и Варус. Исчерпавшие свои силы и покрытые ранами в неравной борьбе днем, они были встревожены и напуганы ночью дикими боевыми песнями врага, расположившегося лагерем на возвышенности; воображение представляло их переутомленным умам ужасные образы смерти, которые они видели в Тевтобургском лесу. В своих снах Цецина видел кровавую фигуру Квинтилия Варуса, поднимающуюся из болота и манящую его. Они потеряли свой багаж за два дня бесплодных сражений и, изнемогая от усталости, видели, как неминуемая гибель смотрит им в лицо.

Тогда германцы, в своей дерзости триумфа, и осторожный Цецина, благодаря своему превосходству в военном искусстве, принесли им неожиданное избавление. Преждевременная атака на вражеский лагерь, предпринятая германцами вопреки совету Арминия и по наущению Ингуйомера, была отбита внезапной атакой римлян. Ингуйомер покинул поле боя тяжело раненым, и германцы в беспорядке отступили в горы, преследуемые врагом. Затем Цецина быстро повел свои легионы к Рейну. Но слухи о катастрофе опередили их; люди верили, что армия уже уничтожена, и в воображении видели, как враг наступает на них. Они как раз готовились разрушить мосты около Ветеры, когда Агриппина поспешила туда и предотвратила этот трусливый поступок. И когда армия прибыла, эта героическая женщина, стоя как полководец у моста, приветствовала ее дружескими словами, ухаживала за ранеными и одаривала подарками тех, кто был ограблен.

РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР

(по Де Монфокону)

Германик прибыл вскоре после этого со своими войсками, также предшествуемыми слухами о бедствии. И действительно, они тоже прошли через большие опасности. Из-за мелководья на борт можно было посадить только два легиона; легат Вителлий должен был вести остальных по берегу моря. Но эту последнюю группу настиг прилив, который поднялся до уровня груди солдат и положил конец всякому порядку; волны и водовороты уносили людей и животных; тягловой скот, багаж и трупы дрейфовали по воде туда и сюда. Они едва избежали гибели и понесли тяжелые потери. Германик и Агриппина приложили все усилия, чтобы заставить их забыть о своих горестях и лишениях, проявляя снисходительность и доброжелательное ободрение, внимание и награды; а Галлия, Испания и Италия состязались друг с другом в попытках восполнить их потери в оружии, лошадях и деньгах.

Движимый скорее опасениями по поводу растущей любви и преданности легионов своему полководцу и его семье, чем раздражением из-за неудач германской экспедиции, император решил отозвать Германика с Рейна и отправить его на Восток. Это обстоятельство еще больше усилило стремление полководца довести до славного завершения войну в Германии, которую он считал своим долгом чести закончить. На Батавских островах был собран флот из тысячи кораблей с плоским дном, приспособленных для отлива и прилива, с хорошо укомплектованным экипажем и обильным провиантом. На них он отплыл с восемью легионами к устью Амисии, а затем прошел по суше к Висургису, на правом берегу которого были размещены германцы под командованием Арминия.

Брат вождя херусков служил в римской армии и был награжден за военные заслуги в Паннонии и за потерю глаза жалованьем и знаками отличия. Арминий попросил и получил разрешение на встречу с ним; но, как бы он ни убеждал его от своего имени и от имени их матери принять сторону их любимой страны и сражаться за их наследственную свободу и

родных богов, его слова безрезультатно отскакивали от груди заблудшего и развращенного человека. Если бы между этими непохожими братьями не протекала река Висургис, они бы подрались. Таким образом, даже в самые ранние времена Германия демонстрировала зрелище братской вражды и национального раздора.

На следующий день Германик переправил свою армию через реку. Батавская кавалерия, которая шла впереди основной части войска, была заманчена фиктивным отступлением херусков на равнину, окруженную лесистыми возвышенностями, где большинство из них, включая их доблестного вождя Кариобальда, пали от ударов врага. Вскоре после этого произошло сражение на равнине, названной Тацитом Идистависом, которая простиралась от Висургиса до горного хребта, граничащего с ней.

Сражение с Арминием

Перед началом сражения оба вождя пытались разжечь пыл своих воинов: Германик пытался избавить своих людей от страха перед неравным боем на лесистой местности и перед высоким ростом и диким видом своих противников, настаивая на превосходстве своей брони над убогим оружием противника — их щитами из дерева и лозы, их короткими копьями и палками, закаленными в огне; Арминий напоминал германцам о прежних победах, а затем спрашивал, остался ли у них какой-либо выбор, кроме как сохранить свою свободу или умереть, прежде чем рабство одолеет их.

Но, несмотря на то, что германцы смело бросились в бой, победа улыбнулась тактике легионов, которыми руководил военный гений и решительный полководец Цезарь Германик. Напрасно Арминий пытался поднять боевой дух смелыми рывками и криками, колонна херусков была разбита наступающими вспомогательными войсками, галлами, ретами и винделиками; раненный и с лицом, изуродованным кровью, чтобы избежать опознания, германский принц сбежал в горы на своем боевом коне. Ингуйомер также спасся с помощью того же уловки и быстроты своего скакуна. Остальные были убиты. Многие, кто пытался переплыть Висургис, погибли от снарядов врага, бурных потоков реки, спешащей за ними толпы или обрушившегося берега. Некоторые, кто спрятался на верхушках и ветвях высоких дубов, были застрелены лучниками или погибли под падающими деревьями. Резня продолжалась до глубокой ночи, на протяжении двух миль земля была усыпана трупами. Римляне провозгласили Германика императором и воздвигли на поле битвы величественный трофей с именами побежденных племен.

Германцы пали перед превосходящей силой Рима, но их дух остался несломленным; возведение трофея на их территории и на земле Арминия () возбудило в них гнев и жажду мести. Все, от мала до велика, от молодых до старых, взяли за оружие и, во главе с Ингуйомером и раненым Арминием, напали на римскую армию. Так, через несколько дней, в двух милях к востоку от места первой битвы, недалеко от широкой дамбы, которую ангриварии возвели в качестве барьера против херусков, произошла вторая битва.

Это была ужасная битва. Германцы, укрывшись за валом, оказывали отчаянное сопротивление, и когда они были наконец вынуждены отступить под натиском пращников и лучников, они вновь выстроились в лесу, где у них в тылу было болото, и борьба возобновилась с не ослабевающей яростью, пока ночь не разделила сражающихся. Германцы были в невыгодном положении из-за тесноты и своей плохой брони; «их головы без шлемов, их незащищенные груди были подвержены ударам мечей римских солдат в кольчугах». Тем не менее они сражались с удивительной доблестью. Ингуйомер бежал по рядам, призывая их стоять крепко; Германик также снял шлем, чтобы его могли узнать все, и подгонял своих солдат приказами сражать всех нападающих.

Победа римлян не была решающей, хотя величественный трофей провозглашал, что легионы императора Тиберия победили племена между Рейном и Альбисом. Тем же летом Германик повел свою армию обратно, не приняв никаких мер для удержания господства над этой страной. Некоторые легионы достигли Рейна по суше, а сам генерал с остальными войсками отправился в Амизию, чтобы там снова сесть на корабли. Но флот едва вышел в открытое море, как поднялась сильная буря, вздымая волны до ярости. Корабли, унесенные далеко в море, разбивались о скалы и утесы или терпели крушение на скрытых отмелях. Лошади, вьючные животные, багаж и даже оружие были сброшены за борт, чтобы облегчить корабли и удержать их на плаву. Многие пошли ко дну, другие потерпели крушение на отдаленных островах, где солдаты выживали в необитаемых районах, питаясь мясом лошадей, выброшенных морем. Корабль Германика был выброшен на побережье хауков. Там он стоял день и ночь на выступающей скале и с ужасом наблюдал за буйством стихии, возлагая вину за это ужасное несчастье на себя. Его товарищи с трудом удержали его от попытки покончить с собой в прибое.

Наконец ветер утих, и моряки с помощью оставшихся весел и вытянутой одежды, служившей парусами, смогли довести менее поврежденные корабли до устья Рейна. Многие из тех, кто был вынесен в море и потерпел кораблекрушение, были подобраны лодками, отправленными на их поиски, еще большее количество было выкуплено у германских и британских племен. [Германик сам заботился о обездоленных людях и помогал им из своего кошелька]. Те, кто добрался до дома, рассказывали удивительные истории о водоворотах и вихрях, морских чудовищах и двунатужных зверях, вызванных их собственным страхом и отчаянием.

Чтобы нейтрализовать плохое впечатление, которое новости об этих несчастьях могли произвести на германцев и соседних галлов, и показать, что власть Рима над Рейном по-прежнему незыблема, Германик той же осенью предпринял еще одну кампанию за Рейном. Его легат Силий вторгся в землю хаттов, а сам он с большой армией конницы и пехоты выступил против марсов. Единственной добычей, которую римляне получили от этого недостойного вторжения, был один из орлов, потерянных в поражении Варуса. Изгнанный принц последнего племени, который бежал к римлянам, выдал им место, где он был похоронен в роще. Говорят, что Германик также нашел одного в своей первой кампании.

ГЕРМАНИК ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РИМ

[16-18 гг. н. э.]

На этом закончилась римская война в Северной Германии. В разгар грандиозных планов по новой кампании против германцев, которую храбрый сын императора считал славной задачей своей жизни, он был отозван письмом от Тиберия, в котором говорилось, что успехов и бедствий было достаточно, и что он должен вернуться домой для триумфа, который император запланировал в знак признания его подвигов. Теперь, когда честь римского оружия была восстановлена и месть Рима была удовлетворена, херуски и другие мятежные племена Германии можно было спокойно оставить их собственным разногласиям. Германик тщетно умолял императора дать ему еще один год, обещая, что к тому времени он приведет войну к славному завершению. Ответ был таким, что он должен вернуться, чтобы занять консульский пост; если будет необходимо продолжить войну, его брат Друз сможет завоевать лавры и славу полководца на Рейне.

Германик подчинился. В следующем году он праздновал в Риме свой триумф над германскими племенами, во время которого по ярко украшенным улицам города пронесли знамена и оружие, захваченные или возвращенные, а также картины с изображением рек, гор и сражений в Германии. Перед роскошной триумфальной колесницей, в которой величественно сидел император, окруженный своими пятью цветущими детьми, шли многие мужчины, женщины и дети высокого ранга, пленники и в оковах. Среди них была Туснельда, жена Арминия, и ее сын Тумелик, которого она родила в плену. Оба умерли в рабстве на чужбине. Из неясного намека Тацита о том, что сын Арминия вырос в Равенне и был обречен на позорную судьбу, современные исследователи и поэты сделали вывод, что мальчик был воспитан как гладиатор. Согласно Страбону, Сегимунд, брат Туснельды, и его двоюродный брат Сиситак, вместе со своей княжеской супругой Рамис, были в цепях рабства. Но Сегест стоял на почетном месте и смотрел на праздник римлян и страдания своих детей. Это было его вознаграждением за предательство своей страны.

КОНЕЦ МАРБОДУСА И АРМИНИЯ

Дух междоусобной розни, которому Тиберий подверг римлян, вскоре проявился. Низкогерманский союз херусков на северо-западе вступил в войну с союзом маркоманнов на юго-востоке. Возможно, что Арминий, гордящийся своими достижениями, стремился к военному командованию над всем народом и таким образом вступил в конфликт с Марбодусом, осторожным и амбициозным принцем маркоманнов, который на протяжении всей войны между римлянами и германцами сохранял нейтралитет. Вожди, по-видимому, поддерживали Марбодуса, а племена — Арминия; по крайней мере, мы видим, что Ингуйомер, дядя Арминия, был на стороне маркоманнов, в то время как лангобарды и сеноны, поселившиеся на берегах Альбиса, были в союзе с Арминием. На третий год после ухода Германика спор между двумя конфедерациями привел к кровопролитному решению. Сражение, вероятно, произошло на реке Сала и закончилось отступлением Марбодуса в Богемию (Богемию).

ТУСНЕЛДА НА ТРИУМФЕ ГЕРМАНИКА

О более поздней истории мы ничего не знаем, хотя из последующих событий можно заключить, что раскол продолжал существовать, что германская кровь была пролита германцами без всякой цели, и что слабость, порожденная раздором, дала римлянам возможность вновь беспокоить страну германцев с юга. Марбодус, ослабленный нападениями извне и дезертирством внутри, обратился за помощью к Тиберию, но тот предпочел поощрять разногласия и позволить величественной политической структуре, построенной Марбодусом, погибнуть от собственной дезорганизации. Германский герцог был побужден пересечь Дунай и обратиться за помощью к цезарю Друзу, который имел постоянный лагерь ниже по течению. Последний так долго задерживал его обещаниями и переговорами, что германская армия, соблазненная фракционерами и агитаторами, покинула своего полководца, не оставив ему иного выбора, кроме самоубийства или капитуляции перед римлянами. Он предпочел жить, а не погибнуть со славой. Его отвезли в Равенну, где он прожил восемнадцать лет на пособие, предоставленное ему наследственным врагом его страны. В Моравии были поселены колонии солдат.

Подобная судьба постигла Катуальду, принца готов, который был главным виновником падения Марбодуса, но был изгнан гермундурами, когда попытался занять его место. Римляне укрыли беглеца, который прибежал к ним за защитой, и предоставили ему жилье в Форуме Юлии в Галлии.

[18-19 гг. н.э.]

Римляне поставили Ванния королем над солдатами Марбодуса, поселившимися в Моравии. Поначалу популярный среди народа, он обогатил свое королевство грабежами и

данью, но вскоре, ослабленный враждебной партией в своей собственной стране, пал под натиском своих врагов гермундуров и лигийцев (в Силезии). Потерпев поражение после достойной битвы, он бежал раненым к римлянам, которые предоставили ему и его последователям жилье в Паннонии. Его два племянника, которые были главными виновниками его падения, разделили его покинутое королевство и обеспечили себе римскую защиту благодаря верности и преданности правящей династии. Таким образом, благодаря хитрости, уловкам и разногласиям своих врагов, Рим получил больше, чем силой оружия.

Арминий встретил свою смерть примерно в то же время. Мы не имеем никакой информации о смерти героя, кроме кратких слов, которыми Тацит⁴ заканчивает вторую книгу своих «Анналов»: «Арминий, стремившийся к царской власти после ухода римлян и изгнания Марбодуса, столкнулся с любовью своих соотечественников к свободе; и, хотя он сражался с переменным успехом, он пал от предательства своих соплеменников. Несомненно, он был освободителем Германии. В отличие от других королей и полководцев, он сражался с римским народом не в период его слабости, а в период его наибольшей мощи. Не всегда удачливый в сражениях, он остался непобедимым в войне. Он прожил тридцать семь лет и двенадцать лет прослужил в армии. О нем до сих пор поют варварские племена. В анналах греков он неизвестен, ибо они не восхищаются ничем, что не принадлежит им; среди римлян он также не пользуется достаточным почетом, ибо мы превозносим старое и пренебрегаем новым». Великолепная дань уважения от чужого, но благородного пера, которое чтит добродетель и величие души даже у врага.⁵

СНОСКИ

^[3] [Остальные события германских кампаний относятся к эпохе преемника Августа, Тиберия, но они представлены здесь в интересах непрерывного повествования и завершенной картины].

ГЛАВА XXXI. ЭПОХА АВГУСТА — АСПЕКТЫ ЕЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИМПЕРИЯ — ЭТО МИР

«Тогда сражения по всему миру прекратятся,

Суровые времена сменятся миром:

Тогда Веста, Вера, Квирин, объединившись

С братом Ремом будут править человечеством:

Мрачные железные болты и массивные затворы

Закроют страшные врата войны». — Вергилий.

[30 г. до н. э. — 14 г. н. э.]

Мир был ценой, за которую Рим согласился на верховенство Августа; его преемники также действительно следовали политике мира. Ни при Августе, ни при его преемниках, таких как Траян, не было полного отсутствия завоеваний. Но эти грабительские войны были направлены главным образом на оборону и защиту старых владений. Если мы сравним завоевания республики за пять веков с завоеваниями империи за четыре, то ясно увидим, как республика спешила от одного завоевания к другому, в то время как целью империи было сохранение и укрепление себя. «Империя — это мир» — этот лозунг, столь часто употребляемый, действительно отражал деятельность Августа в сражениях как внутри страны, так и за рубежом.

Цезарь вел войну по необходимости. Он не был по натуре воинственным принцем; напротив, он любил, когда его прославляли как принца мира. Когда гражданская война закончилась, армия была значительно сокращена, а лишние легионы просто распущены. Цезарь часто страдал, а другие страдали еще больше, от дерзости и необузданных страстей армии, которая считала себя хозяином положения; окончание гражданских войн должно было положить конец всему этому. С этого момента он больше не обращался к своим войскам как к товарищам, а просто как к солдатам, и не позволял князьям своего дома обращаться к ним иначе. Охрана из иностранных наемников, которую он до сих пор содержал, была уволена и заменена отечественными войсками.

Радость от окончания гражданских войн была всеобщей и почти во всех случаях искренней. Исключительные обстоятельства и войны как внутри страны, так и за рубежом составили историю последних двадцати лет; за это время выросло поколение, единственное знание о прочном мире которого было получено из слухов, как из почти беззвучных нот какой-то легенды, воспеваемой в лучшие дни, которые давно прошли. Те, кто за последнее десятилетие что-то спас или завоевал, были готовы радоваться этому. Все жаждали мира не менее искренне, чем измученная Европа после войн 1790–1815 годов, и все были готовы приветствовать как повелителя мира победителя, который должен был восстановить этот золотой век.

Это общее стремление к миру нашло выражение в закрытии дверей Януса, которое было предписано сенатом, чтобы дать видимое доказательство того, что период войны закончился (*Энеида* VII, 607):

«Там стоят две ворота Войны — так

Наши отцы назвали их давным-давно —

Ужасы бога войны распространяются вокруг них

Атмосфера священного страха.

Сотня болтов охраняет вход,

И Янус там стоит на страже».

Любой, кто случайно оказался во Франции, когда закончилась Прусская война, и слышал, как колокола звонили о мире с церковных башен, не сможет легко недооценить впечатляющий характер этого символа.

Цезарь действительно придавал большое значение постановлению сената о закрытии дверей Януса, поскольку сенат редко заходил так далеко. Прошло два столетия с тех пор, как в последний раз закрывали храм Януса. Когда Первая Пуническая война со всеми ее потерями и переменчивой судьбой наконец закончилась в пользу Рима, измученный город все же с радостью разрешил проведение этих древних церемоний, которые, как считается, восходят к временам царя Нумы. К этому прецеденту сенат обратился, когда в 29 году до н. э. приказал закрыть храм Януса. Это событие было бы наиболее впечатляющим, если бы тройной триумф завершился этим символом мира. Однако сенат не мог этого обеспечить, поскольку его указ, вероятно, был принят в начале года; задержка была опасна, поскольку внезапное начало пограничной войны или восстания могло сделать его выполнение невозможным.

Чтобы быть точным, мы должны признать, что войны не прекратились полностью, поскольку римлянам все еще приходилось сражаться с местными жителями на германской границе и в Испании в такое время, когда необходимо было сломить всякое сопротивление. Но на такие мелочи не обращали внимания, так велики были надежды, связанные с впечатлением, которое произведет закрытие храма Януса.

Даже Цицерон, по крайней мере, согласно более поздним свидетельствам, похоже, признавал в молодом Гае Октавии, родившемся во время его консульства, человека, который положит конец гражданским войнам; позже, когда сицилийская война закончилась, Цезарю была воздвигнута статуя с надписью, провозглашавшей его князем мира; теперь, наконец, после битвы при Актиуме, мечта должна была превратиться в реальность. То, чего так жаждали, было предсказано в предзнаменованиях богов; даже трофеи победы превратились в оружие мира. Пчелы устроили свои гнезда в трофеях, взятых в битве при Актиуме (*Anthol. Palat. VI, 236*):

«Здесь лежат медные клювы, упряжь галеры,
трофеи знаменитой победы при Актиуме,
Но пчелы построили в полых руках,
Наполнили медом и весело жужжат роями;
Символ власти Цезаря, который, спокойный и мудрый,
Срывает плоды мира с рук врагов».

Весь мир обновился и вздохнул, как будто с его плеч сняли огромную ношу. Азиатские города, в частности, благодарили приносящего мир в своей преувеличенной гиперболической манере, которая, тем не менее, была искренней и сердечной. Галикарнас прославлял его как «отца отечества» и «спасителя всего человеческого рода, чья мудрость не только удовлетворила, но и превзошла молитвы всех; ибо мир царит на суше и на воде, а государства процветают в праведности, гармонии и благополучии. Все хорошее созревает и приносит плоды». В указе города Апаimei мы читаем, что Цезарь родился для спасения всего мира; поэтому его день рождения можно по праву назвать началом жизни и существования.

Мы можем видеть, насколько всеобщим и искренним было ликование по поводу восстановления мира во всем мире, из того факта, что Рах и Irene теперь стали именами не только рабов и вольноотпущенников императорского дома, но и членов других знатных семей. Из агномена Рах даже было образовано фамильное имя Рахsæus.

С момента окончания вооруженного мира и гражданских войн торговля и промышленность возродились, а процветание усилилось. Вся земля во всей своей полноте

после долгого бедствия вновь испытала блага прочного мира и воздала честь князю мира, выражая благодарность за эту новую удачу возведением храмов и алтарей во славу императорского мира. На греческих и латинских монетах этого периода мы также видим богиню мира; в Малой Азии, например, на монетах Коса и Никомерии. Даже ветераны императора чеканили на своих колониальных монетах RA—CIS с изображением богини мира, имеющей черты Ливии или Юлии. На других монетах император прославляется как князь мира и свободы; на более поздних монетах даже говорится о вечном мире. Одна из испанских колоний ветеранов даже ввела название Pax Julia; на их монетах мы видим воплощенную на троне полностью задрапированную женскую фигуру, держащую в левой руке рог изобилия, а в правой — жезл герольда.

Это официальное почитание мира продолжалось на протяжении всего правления императора. Одной из величайших честей, придуманных сенатом и принятых императором, было посвящение государством алтаря мира в 13 году до н. э. Сегодня мы все еще можем увидеть на прекрасных рельефах времен Августа группу народов в торжественных одеждах и увенчанных лавровыми венками, встречающих правителя по его возвращении домой. Они дают нам лучшее представление о том, как выглядели улицы столицы, когда люди ждали тройного триумфа Цезаря.

«К твоему благословенному алтарю, Мир, должна стремиться наша песня

Сегодня, во второй день перед концом месяца;

Приди, увенчанный лаврами из Актийской бухты,

И милостиво согласишься продлить здесь свое пребывание.

Без врага нам не нужны триумфы,

Ты для наших вождей славнее войны».

СРАВНЕНИЕ АВГУСТА И НАПОЛЕОНА III

В целом между этими двумя правителями и их эпохами существует поразительное сходство, хотя Наполеона III нельзя сравнивать с Августом с точки зрения их должностей. При своем первом появлении на сцене оба были недооценены своими противниками и высмеяны из-за своей молодости или непонимания: Цицерон шутил о «мальчике»; Виктор Гюго () высмеивал Наполеона Маленького. Оба жили в периоды, когда их нации были потрясены до глубины души гражданской войной и революцией, в результате которых практически вся земельная собственность сменила владельцев; в Италии — из-за проскрипций триумвиров и распределения земли среди ветеранов, во Франции — из-за конфискации имущества духовенства, продажи поместий дворянства в сочетании с неэффективным управлением *ассигнациями* во время первой революции, в то время как существовали опасения новых перемен в результате будущей социальной революции.

Человек, который предложил нынешним оккупантам гарантии их оккупации и защиту от возвращения прежней неразберихи, был прославлен как спаситель общества; на него нация излила свою благодарность за экономическое возрождение страны и за повышение благосостояния в течение долгого ряда мирных лет.

На этой прочной основе был возведен трон новых правителей, ни один из которых не претендовал на звание законного монарха. Оба они с большей или меньшей степенью

правомерности приобрели диктаторскую власть, которой они умели пользоваться на протяжении многих лет, пока наконец не наступил момент, когда они решились частично отказаться от власти. Это был критический момент, который решил судьбу правителей и их дела, поскольку все зависело от выбора момента и степени уступок. Здесь проникновенное видение и государственные способности Августа проявились с наилучшей стороны, в то время как Наполеон, который принял решение только после долгих колебаний, с неохотой убрал руку с руля, только чтобы очень быстро увидеть, с каким скудным успехом его корабль боролся с непреодолимым потоком и беспомощно приближался к угрожавшему ему уничтожению.

Правление Августа, как и правление Наполеона III, было тиранией в хорошем смысле этого слова; ни у одного, ни у другого не было недостатка в той капле демократического масла, которым помазывали правителя. Оба хотели быть уверены, что их высокое положение было безопасно только потому, что оно было необходимо для государства. Снова и снова Август возвращал свою власть (по крайней мере, по всем признакам) сенату, чтобы вновь получить ее, но только на определенное количество лет; и даже в случае Наполеона III было вежливой официальной фикцией, что его власть была делегирована ему нацией в первый год его правления и даже в последний год была подтверждена плебисцитом.

Когда они столкнулись с кризисом такого рода, оба прочно удерживали бразды правления в своих руках, и никто всерьез не верил, что они позволили бы отнять у себя эту власть путем голосования, неблагоприятного для них. Тот факт, что римский сенат и французский народ неоднократно сталкивались с этим кризисом, ясно показывает, какое значение эти правители придавали этому праву. Оба правителя отстранили высшие классы общества, которые до того руководили государством, чтобы заручиться поддержкой широких масс низших классов и армии. Огромные подарки, которые Август делал своим солдатам и жителям своей столицы, доказывают, что он справедливо признавал благосостояние и удовлетворенность именно этого класса реальной опорой своих институтов. Подобным образом Наполеон III уделял первостепенное внимание материальному благосостоянию Франции, которое под его правлением достигло беспрецедентного уровня.

Ни один из этих правителей не ограничивал свою щедрость тем, что было абсолютно необходимо; они также оказывали замечательную поддержку искусству и науке. Архитектура — это искусство для монархов, и архитектура была искусством Августа и Наполеона III. Современный Париж — это действительно дело рук Наполеона III, и так же Август гордился тем, что он получил Рим — город из кирпичей, а оставил его городом из мрамора. В литературных усилиях своего времени оба правителя были, по крайней мере, дилетантами. Каждый из них, чтобы не пренебрегать ни одной частью своего наследия, не только собирал литературные реликвии своего дяди, но и защищал в своих сочинениях свои действия как императора. Не упоминая о небольших литературных эссе обоих, можно отметить, что Август стремился защитить себя в своих мемуарах, а Наполеон III в своей истории Юлия Цезаря стремился не столько написать историю Цезаря, сколько защитить принцип цезаризма.

РИМСКИЙ ТРЕНОЖНИК

Почитание дяди, популярности которого они обязаны короной — в одном случае почитание диктатора, в другом — Наполеона I — накладывает свой отпечаток на правление обоих правителей. В частности, военная слава этих двух великих полководцев была использована их племянниками самыми разными способами. Ни Август, ни Наполеон III не были настоящими солдатами, но для своего правления им нужна была мощная и эффективная армия, которую им было бы гораздо труднее подчинить своим целям, если бы у них не было воспоминаний о великом прошлом, которые им в этом помогали. Оба сумели создать боевую армию, гордость нации, которую они умели использовать, когда это было действительно необходимо, но не испытывая при этом настоящего удовольствия от сражений и риска, как это было у Юлия Цезаря и Наполеона I. Самыми любимыми для них были не победы на войне, а успехи, достигнутые благодаря угрозе войны и дипломатии. Война против парфян, наследственных врагов Рима, безусловно, была частью наследия, оставленного диктатором, но Август долго колебался, прежде чем начать эту действительно опасную войну, пока удача не сыграла ему на руку, вернув потерянные знамена. Таким образом, военная честь была удовлетворена, и шумное ликование его соратников теперь освободило его от обязанности вести войну с грозным врагом.

Точно так же Наполеон III любил укреплять свою репутацию в Европе и в своей армии, ведя войны, которые, даже если заканчивались неудачно, не могли поколебать его трон и саму Францию. Война за пределами Рейна была столь же популярна во Франции, как и парфянская война при Августе, но также и столь же опасна. По этой причине Наполеон III несколько раз пытался достичь результатов такой войны мирными средствами и прибег к объявлению войны только тогда, когда убедился, что такие попытки не имеют шансов на успех.

Одним словом, тогда, как и сейчас, государственный деятель сменил полководца, князь мира сменил князя-воина, и первый не презирал военной славы; просто он предпочитал украшать себя лаврами, сорванными с венка своего дяди. Август, не меньше Наполеона III, считал, что суть его заслуг перед миром заключалась в том, что он положил конец периоду войн внутри страны и за ее пределами. Так же как Наполеон III, в качестве спасителя общества, произнес фразу «*L'Empire c'est la paix*» («Империя — это мир»), так и Август заставил себя прославлять как восстановителя порядка и свободы, чьей привилегией было трижды закрыть двери Януса и открыть новую эру.

Ни один из них не был гением, оба были практичны и проницательны в необычной степени; они были хладнокровными политическими расчетчиками, которые рано научились проводить свою политику и судить обо всех обстоятельствах с практической точки зрения. Если они стремились к цели, то не гнушались средств для ее достижения; в качестве параллели с злодеяниями триумвиров мы вполне вправе привести меры, принятые Наполеоном III, благодаря которым президент был возведен в ранг императора. Позже в своей карьере оба по возможности избегали актов насилия, и перед лицом открытого общественного мнения, симптомы которого они тщательно изучали, оба шли на уступки, даже вопреки своим собственным убеждениям, поскольку были достаточно проницательны, чтобы понимать, что их господство не может зависеть только от силы.

Обладая властью, они также стремились примирить и укрепить консервативные элементы государства. Те, кто носил старые и известные имена, пользовались таким же предпочтением при присвоении внешних почестей со стороны Августа, как и в более поздние времена со стороны Наполеона, который стремился украсить свою новую императорскую знать самыми красивыми именами старой феодальной Франции.

Так же как ему удалось в некоторой степени примирить старую знать с новым порядком вещей, Наполеон понял, как заключить мир с церковью, мир, который он купил и сохранил значительной ценой. Подобным образом Август, взяв на себя достоинство первосвященника, пытался возродить национальные традиции и религию прошлого и реорганизовать священство.

Сходство между этими двумя правителями очевидно и часто упоминается. То, что до сих пор оно не получило должного признания, возможно, объясняется тем, что характеры этих двух людей были в конечном счете принципиально разными. Можно почти сказать, что сходство заключалось в обстоятельствах времени, а различие — в характерах людей; и чем больше мы настаиваем на первом, тем яснее становится второе. Наполеон всю свою жизнь оставался тем, кем Август никогда не был, — мечтателем и заговорщиком. Согласно версии Де Токвиля, Наполеон не знал четкой границы между мечтами и мыслями; возможно, это было результатом его угрюмой юности с ее заговорами, тюремным заключением и фантастическими планами, которые никогда не реализовывались, если только не происходило какое-то невероятное стечение обстоятельств. Август, с другой стороны, никогда не имел времени для мечтательных фантазий. Еще будучи почти мальчиком, он по собственной инициативе бросился в борьбу партий и с самого начала был вынужден мобилизовать все силы своего ума, чтобы помочь себе в борьбе с более зрелыми противниками; поэтому позже, когда власть была в его руках, он никогда не мечтал, а всегда думал. Кроме того, Август никогда не был заговорщиком. Он рано обрел власть и безрассудно ею пользовался. Он презирал и считал ненужными тайные интриги и заговоры, которые скрывались от глаз общественности, пока не вдруг не выходили на свет с большим шумом, как это любил Наполеон.

Август обладал огромным преимуществом, поскольку, когда он пришел к власти, он еще был способен учиться, и обстоятельства сами по себе сформировали его как государственного деятеля; Наполеон, с другой стороны, был гораздо старше, когда он вззошел на престол; в свои лучшие годы он вынашивал планы по достижению, казалось бы, недостижимой цели. До того, как он стал императором, над ним смеялись как над мечтателем; неудивительно, что планы императора оставались фантастическими и необычными и что как правитель он не обладал даром, который в такой высокой степени отличал Августа, — даром трезво оценивать, что было достижимо, а что необходимо. Будучи императором, Наполеон так и не смог полностью забыть о своих юношеских авантюрных замыслах. Поставьте в распоряжение такого человека всю машину власти современной

Франции, и, возможно, он сможет осуществить планы, которые внимательный наблюдатель сочтет невозможными для реализации, но реакция неизбежно последует, и она не заставила себя ждать.

Правда, реорганизация Франции сопряжена с большими трудностями, чем те, с которыми столкнулся Август, поэтому положение Августа было более благоприятным и более безопасным. Несмотря на свою уверенность, Наполеон чувствовал свою слабость, и на нем лежала тяжесть оправдания себя внешне видимым успехом; его цель состояла в том, чтобы удивлять и ослеплять свой народ или, по крайней мере, держать его в напряжении, и поэтому он был введен в заблуждение и предпринял много ложных и критических шагов, которые настоящий государственный деятель, такой как Август, сразу бы осудил.

Но всех его внутренних ошибок и трудностей было недостаточно, чтобы пошатнуть вторую империю. Катастрофа была вызвана тем, что у Наполеона был внешний враг, гораздо более грозный, чем те внешние враги, которые могли бы объявить войну Августу. Наполеон полностью осознавал опасность, угрожавшую ему с этой стороны, но он был беспомощно поглощен водоворотом, который был предназначен поглотить его и его дело вместе с ним.

С точки зрения мировой истории, Август предстает гораздо более великой фигурой, чем Наполеон III. В древности говорили, и мы говорим об этом и сегодня, о «веке Августа» не без оснований, и эта честь весит больше, чем звание «великий»; человек дает свое имя своей эпохе только тогда, когда он действительно запечатлел эту эпоху своим образом, открыв новые пути не только для своего народа, но и для истории своего времени. Такая честь подразумевает постоянные достижения в самом широком смысле; поэтому ни один беспристрастный историк никогда не будет говорить о «веке Наполеона III».

Французская империя была разрушена еще при жизни ее основателя, и когда она пала, ее внутренняя пустота, ее гнилые основы были обнажены, так что все это выглядело не более чем приключенческим эпизодом в истории Франции. Работа Августа, с другой стороны, была незаменимой для мировой истории; она пережила своего основателя и просуществовала с некоторыми изменениями до конца античности. Последующие поколения видели в Августе идеального правителя и приветствовали каждого новоизбранного императора словами: «Будь счастливее Августа, лучше Траяна».

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В СРАВНЕНИИ С СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЕЙ

Из всех империй более поздних времен Великобритания — единственная, которую действительно можно сравнить с Римской империей, поскольку ее конституция развивалась совсем иначе, чем конституции континентальных государств, и сохранила гораздо большее разнообразие благодаря консервативному духу, который англичане разделяют с римлянами. Правда, в нашем веке многое изменилось: старая аристократическая Англия стала демократической; многие сходства Англии с Римской империей, которые можно обнаружить даже сегодня, становятся гораздо более очевидными, если мы оглянемся на условия XVII и XVIII веков.

Это касается, например, положения парламента. Подобно тому, как древнее государство теоретически признавало диархию императора и сената, так и английский парламент в конце XVII века, по крайней мере с практической точки зрения, встал на сторону суверенной власти; и только бдительная осторожность, опасавшаяся, что власть верховного правителя может стать слишком велика, спасла английский парламент от судьбы римского сената (). Решающая битва между двумя конституционными властями произошла в конце XVII века, когда Вильгельм Оранский, как и Август в древнем Риме до него, предпринял попытку

встроить постоянную армию в рамки конституции. Но английский парламент с упорным упрямством сопротивлялся всем попыткам в этом направлении. Более того, могущественная знать внутри страны и энергичные купцы и чиновники, рассеянные по всему миру, в современной Англии соответствуют аристократам, купцам и чиновникам древнего Рима, так же как огромное богатство с одной стороны обусловлено огромной бедностью с другой.

Латифундии древней Италии по своим размерам, возможно, были примерно равны обширным земельным владениям английской аристократии, но с рабами, работавшими на них в древности, они имели гораздо более разрушительное воздействие, хотя мы должны признать, что из-за вилл и парков, разбитых для великолепных особ в Англии, часть свободного крестьянства была вытеснена со своих участков земли, и Англия была вынуждена обращаться за средствами к существованию и т. д. к иностранцам.

РИМСКАЯ МАТРОНА

(Скульптура в Капитолии)

Кроме того, разница в политических правах между полноправным гражданином и рабом, не имеющим никаких прав, была сто лет назад в Англии столь же заметна, как и в Риме. Отношения между римскими и латинскими гражданами тогда можно было бы справедливо сравнить с противоречивыми элементами, представленными англичанами и шотландцами, которые сегодня становятся все меньше и меньше; но даже сегодня ирландцы, с одной стороны, с их нежеланием подчиняться, и английские колонии, с другой стороны, с их успешным распространением английского языка и английского национального чувства за рубежом, наиболее точно отражают картину древнего Рима.

Но прежде всего Англия принадлежит к числу немногих современных государств, которые все еще обладают провинциями в античном смысле этого слова. Конституция современной Индии с ее многообразным разнообразием является единственной в наше время, которую можно поставить в один ряд с конституцией подчиненных территорий римлян. В Индии, как и в последней, контрасты — религиозные, этнографические и социальные — велики и очень часто непосредственны; рядом со старой и высокоразвитой цивилизацией мы находим простейшие условия жизни горцев или рыбаков, над головами которых прошла тысячелетняя история, не оставившая следа. Кроме того, политическая ситуация в отдельных частях страны максимально разнообразна: например, Цейлон с его отдельной администрацией и отдельными правами является частью Англии, в то время как основной континент только прямо или косвенно управляется английскими чиновниками; его конституция, как и в древней Римской империи, не поддается юридическому или политическому определению по целому ряду причин. Только одна часть страны находится в прямом подчинении иностранных завоевателей; во всех остальных сохранились — часто к счастью для нации — остатки прежней национальной независимости.

Как и в древнем Риме, современная Англия допускает существование местных князей, больших и малых, которые облегчают ей бремя правления и управления; и она позволяет им тиранить своих подданных и вымогать у них сокровища, если они не выполняют свои обязанности перед империей, точно так же, как делали султаны в предыдущие века. Реальная власть, несмотря на все это, находится в руках английского резидента, который призван следить за ними. Если зло местного бесправия становится слишком велико или наступает время для аннексии, достаточно одного росчерка пера, чтобы лишить местного князя всего его величия. Англия не привыкла сталкиваться с серьезным сопротивлением в таких случаях, не более чем римляне, когда они объявляли, что тот или иной из их вассальных князей перестал править.

Опять же, положение правящей нации в самом центре управляемых в наше время такое же, каким оно было в древности. Человек, который отправляется в Индию, будь то в качестве купца, чиновника или солдата, делает это с твердым намерением вернуться домой, как только его финансовое положение позволит ему это сделать. Учитывая огромное неравенство в численности правителей и подданных, власть отдельных чиновников и людей, стоящих у руля, естественно, должна быть весьма значительной. Вице-король Индии вполне можно сравнить с римским проконсулом; сфера его власти обширна, но ограничение срока полномочий призвано предотвратить ее злоупотребление. Даже после реформ Августа средства контроля в древности были недостаточными, так же как и в Англии столетие назад. Сегодня можно считать правилом, что высшие английские чиновники возвращаются из Индии с чистыми руками.

Является ли эта параллель между древней Римской империей и современной Англией заслугой последней или предметом упреков, сохранится ли она или современные условия будут развиваться по аналогичному пути — это вопросы, которые мы не будем здесь рассматривать; достаточно указать на параллельные явления в двух великих империях.⁴

РИМСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

Кровавые гражданские войны с их ужасающими катастрофами подрывали мощь Рима; самые стойкие и верные защитники республиканских принципов лежали безжизненными на побережье Тапса или на равнине Филипп; свободное государство, которое когда-то было создано старшим Брутом, исчезло — реальность в день Фарсалии, идеал — благодаря отчаянному поступку младшего Брута.

Борьба между демократией и монархией подошла к концу, политические страсти утихли, нынешнее поколение жаждало мира и спокойствия; аристократы могли в полной мере наслаждаться удовольствиями и развлечениями, которые им предоставляли их богатые средства, культура, искусство и образование, а простой народ мог проводить мимолетные часы в комфортном досуге, вдали от политических волнений и военных тягот, ограничиваясь «хлебом и зрелищами» (*panem et circenses*), которые правящие силы старались предоставлять им в щедром количестве.

В этих условиях ловкому Октавиану, который сочетал в себе большие способности и талант к правлению с мягкостью, умеренностью и настойчивостью и умел скрывать свою пламенную амбицию и гордость за свое положение под скромными манерами простого гражданина и видимостью покорности закону и традиционным обычаям, не составило труда полностью войти в наследство великого Цезаря и превратить республику в монархию. Но Октавиан, предупрежденный трагической кончиной своего приемного отца, действовал очень осторожно и осмотрительно. Вместо того чтобы сразу же взять на себя всю полноту королевской власти и достоинства, которыми обладал Цезарь на момент своей смерти, его сын последовал его примеру в постепенном поглощении разделенной власти и таким образом повторил медленный и извилистый путь, который привел, с паузами и перерывами, к абсолютному господству. Он настолько уступил устаревшим предрассудкам народа, что воздержался от того, чтобы называть себя «царем», с негодованием отказывался, чтобы к нему обращались с титулом «господин», и даже не принял пожизненную диктатуру. Он также не пытался, как Цезарь, получить знаки королевской власти косвенными средствами; он сохранил республиканские названия, формы и магистратуры и сам назывался «Цезарем». Но он так устроил, что постепенно все должности и полномочия были переданы ему сенатом и народом, и таким образом скрыл монархию под покровом республики. Он ценил сущность власти, а не ее внешний вид. Он охотно отказался от пышности правления, пока мог действительно править.

АВГУСТ НАЗВАН ИМПЕРАТОРОМ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Чтобы сохранить видимость свободных выборов и добровольной передачи власти, а также позволить слабохарактерным и упрямым республиканцам закрывать глаза на истинное положение дел, Октавиан время от времени устраивал фарс добровольной отставки от верховной власти и ее повторного присвоения сенатом, и эта фикция перешла к его непосредственным преемникам. Впервые это было сделано в случае с важной должностью императора, первоначально временной, которой Цезарь придал новое значение как символу абсолютной военной власти. Этот титул, который Октавиан долгое время носил в полном значении, приданном ему его императорским дядей, был присвоен ему пожизненно сенатом в 27 году после лицемерной речи, в которой он заявил, что готов сложить свою высокую должность в руки сената и уйти в частную жизнь. Затем он был назначен верховным главнокомандующим всех вооруженных сил империи на всю жизнь и верховным правителем провинций, что было связано с этой должностью. Ограничение, которое он наложил на себя, пообещав, что будет занимать эту высокую должность только в течение десяти лет и осуществлять проконсульскую власть только над теми провинциями, в которых присутствие легионеров было необходимо для поддержания порядка и спокойствия, а остальные провинции, которые были привычны к послушанию и не подвергались угрозе со стороны внешних врагов, будут управляться сенатом, было лишь прикрытием; ведь через десять лет его абсолютная власть настолько укоренилась бы, что не могло бы быть и речи об отставке или увольнении, а поскольку ни одна провинция, ближняя или дальняя от столицы, не могла обойтись без гарнизонов, а все офицеры и

подчиненные командиры подчинялись главнокомандующему, все губернаторства находились под контролем императорского проконсула.

Таким образом, все владения Рима были «охвачены сетью его военной власти»; все победы и завоевания приписывались Цезарю, и отныне только он имел право на триумфы. Поэтому было лишь формальностью, когда некоторое время спустя сенат, теперь полностью разоруженный, делегировал императору свою проконсульскую власть в сенаторских провинциях также на срок его естественной жизни и подчинил всех консулов его власти. Уступчивые сенаторы одновременно присвоили Октавиану титул «Август» или «освященный», который он носил с тех пор. В силу имперского права император командовал через своих заместителей примерно двадцатью тремя или двадцатью пятью легионами, рассеянными по всей империи; в Риме его личность охраняли девять когорт телохранителей (преторианская гвардия), чья лояльность и преданность усиливались двойной платой и щедрыми подарками из денег « » при увольнении, причем некоторые из них размещались в одном крыле его дворца, а другие — у граждан в Риме и его окрестностях. Вопреки закону и традиционному обычаю, ему было позволено носить военную форму и меч, символы власти, в пределах городских стен; а лавровые кусты перед его жилищем и дубовая гирлянда на фронте провозглашали его счастливым победителем врагов и великодушным освободителем граждан.

ИМПЕРАТОР, НАЗВАННЫЙ ПРИНЦЕПС СЕНАТУС И ПОНТИФЕКС МАКСИМУС

Сам сенат уже был низведен до положения зависимости. Цезарь относился к отцам города с пренебрежением; он и триумвиры после него наполнили курию своими людьми, не обращая внимания на достоинство, ранг или заслуги. В результате этот орган потерял уважение и доверие народа. Август стремился спасти его от деградации и презрения и придать его членам новое значение. В силу цензорской власти, возложенной на него как «хозяина нравов» (*præfectus morum*), он вместе со своим коллегой Агриппой предпринял очищение сената. Около двухсот сенаторов были как можно более тактично убеждены уйти в отставку и заменены достойными людьми, преданными новому порядку. Затем он присвоил себе титул *princeps senatus* и таким образом полностью перенял руководство дебатами и голосованием в свои руки или руки своего представителя.

Цель, которую преследовал Август в этом процессе очищения, который впоследствии повторялся несколько раз, заключалась в том, чтобы превратить сенат, число членов которого теперь было ограничено шестьюстами, в представительный орган нации и, расширив его функции и реорганизовав его участие в законодательстве, правительстве и отправлении правосудия, управлять нацией через него; поднять себя с положения главы сената до положения главы народа и, разделив с ним суверенные прерогативы, делегировать ему часть ответственности. Право избирать должностных лиц оставалось за *comitia centuriata* и *comitia tributa*, но поскольку магистраты должны были просто выполнять приказы императора, их положение было подчиненным, а их функции ограниченными; и, следовательно, это было просто упрощением политической организации, когда со временем народные собрания были низведены до фарса [они уже давно были немногим больше, чем это], а должностные лица назначались непосредственно императором или сенатом.

Без какого-либо внешнего сотрудничества Август уже передал управление Римом и Италией в надежные руки, наделив префекта города обширными полномочиями и назначив его своим делегатом и представителем, а также учредив в префектуре претория военное командование над войсками, дислоцированными в Риме и Италии. Эти две пожизненные должности несли в себе зародыш будущего военного деспотизма и наиболее серьезно

нарушали внешний облик свободного государства, который Август поддерживал во всем остальном. В то же время он наделил себя правом пополнять ряды патрициев, сильно поредевших в результате гражданских войн, путем приема новых членов; осуществление этой привилегии сделало древнеримскую знать полностью зависимой от императора и затмило блеск родословной.

Тем не менее он с большим почтением относился к традициям и древним обычаям. Он стремился с помощью благосклонных действий привлечь на свою сторону те великие семьи, которые пережили бурные дни недавнего периода, он возродил их семейные культы и устаревшие религиозные обряды, а там, где это было необходимо, он дал им возможность жить в соответствии с их положением, предоставив им щедрые субсидии. Он стремился прославить свой новый трон блеском старых дней, который все еще присущ старому имени.

Но Август стремился сохранить не только патрицианский класс; древние классовые различия между гражданами уважались настолько это было возможно. Сенаторы, поднявшиеся в глазах общественности благодаря изгнанию недостойных членов, даже при принцепате носили широкий пурпурный подол как знак своего ранга; для них были зарезервированы специальные места в театрах, и Август предоставил им привилегию, согласно которой преступления сенаторов могли судить только сами сенаторы. Они могли вступать в законный брак только с лицами свободного происхождения. Точно так же рыцарский сословие было очищено от недостойных элементов и сохранилось как отдельный орден с фиксированным доходом и признанными привилегиями. Как и в республиканские времена, младшие члены служили в качестве *guarda nobile*, верхом на боевых конях, предоставленных государством, на поле боя и в роскошных процессиях на гражданских праздниках. Рыцари имели право занимать все курульные должности и военные посты, так что этот сословие стало кузницей кадров для военной и гражданской службы, а также для сената. Август предпочитал выбирать своих провинциальных прокураторов и сборщиков налогов из их числа. Император стремился по возможности сохранить даже свободных горожан от примеси чужеродных элементов и с этой целью ввел ограничения и ограничения на освобождение рабов.

Римский дверной молоток

Как главнокомандующий всеми вооруженными силами и глава сената, Август был хозяином и правителем государства; но одного важного элемента власти, которой обладал Цезарь, все еще не хватало — трибунской власти. Она также была предоставлена ему пожизненно сенатом и народом в 23 году, в общей радости по поводу его выздоровления после болезни и потому, что он назначил Л. Сестия, друга и соратника М. Брута, своим соконсулом.

В глазах римлян должность трибуна носила священный характер. Самые славные деяния всего народа в период расцвета республики были связаны с трибунатом народа; плебеи считали его палладиумом своих свобод и правового статуса; со времен Кориолана и до гражданской войны между Цезарем и Помпеем вокруг этой народной магистратуры бушевали политические распри. Его торжественное присвоение Августу, таким образом, обеспечило ему религиозное освящение; только этим была создана священная и неразрывная связь между народом и верховным главой государства; принц (princeps) был признан защитником народа, а магистратура народного сообщества была передана его правителю. Права защиты и заступничества, присущие трибунату, были затем расширены до императорской прерогативы апелляции и помилования () и распространились на всю империю. Как в гражданских, так и в уголовных делах апелляция к императорскому суду могла быть подана из всех трибуналов и всех частей империи, и таким образом высшая судебная власть во всей сфере управления была передана в руки Августа. Благодаря своей известной милосердности и гуманности, количество апелляций в императорский суд превысило всякие меры. Вскоре в городе и провинциях пришлось создать специальные апелляционные суды, в одном случае под председательством префекта города, в другом — под руководством специальных консульских властей, которым император делегировал свою судебную верховную власть. Таким образом, не только императорский апелляционный суд, который Цезарь пытался ввести, был учрежден по всей империи в качестве высшей

судебной инстанции, которая постепенно привлекала к себе все важные дела после вынесения приговора в преторских или сенаторских судах, но и далеко идущая прерогатива милосердия стала признанным атрибутом власти императора, прерогативой, которая могла изливать свое изобилие на свободных и несвободных, граждан и провинциалов. «Каждый храм, каждое святилище императора в Италии или провинциях было убежищем, его статуи и портреты становились чудотворными образами спасения, которые парализовывали руку правосудия или мести».

У алтарей императора даже рабы находили защиту от жестокости или бесчеловечности со стороны своих хозяев. Август так высоко ценил предоставление этой защитной должности трибуна народа, что даже запечатлел этот день (27 июня 23 г. до н. э.) на монетах и памятниках как начало своего правления. Три года спустя императорская власть достигла своего апогея, когда Августу на всю жизнь была предоставлена консульская власть с правом назначать своих коллег или представителей и выдвигать их на выборы, а также с расширением права издавать юридические постановления (эдикты). С того времени он занимал место в сенате на курульном кресле, расположенном на более высоком уровне между двумя консулами.

Таким образом, вся политическая власть была сосредоточена в его руках, и когда вскоре после этого должность верховного жреца освободилась в связи со смертью Лепида, Август присвоил себе и это звание, объединив таким образом власть верховного жреца с верховной политической властью. В силу этой должности забота о государственной религии и публичном поклонении, изучение оракулов и толкование их высказываний, назначение на священнические должности и даже выбор весталок возлагались на императора. И так как благодаря полноте своей консульской и императорской власти он обладал высшей судебной властью над армией и во всех делах, затрагивающих безопасность государства, так и в качестве верховного понтифика он имел право выносить решения по всем нарушениям религии и преступлениям священства.

УКРЕПЛЕНИЕ ВЛАСТИ

Это объединение иерархической и светской власти завершило искусно построенное здание принципата. Таким образом, вся исполнительная и судебная власть в духовных и светских, человеческой и божественной, была передана в руки императора, и если в течение некоторого времени народ сохранял видимость законодательной власти, то это было лишь тенью древнего суверенитета народа, поскольку правовая традиция, которая придавала магистратским указам силу закона в течение срока полномочий магистрата, сводила все другие виды законодательной власти к пустой форме, когда вся официальная власть была сосредоточена в руках лица, занимавшего должность пожизненно.

Императорские декреты имели юридическую силу на всей территории империи. Они составляли ядро и основу «конституции», которая со временем стала равной по статусу законам комиций. Мудрая умеренность Августа, которая побуждала его спрашивать мнение или одобрение сената по всем декретам, касающимся мира и войны, удерживала его от злоупотребления властью над жизнью и смертью сенаторов и граждан и заставляла его с почтением относиться к традиционным формам, в значительной степени способствовала установлению и сохранению законодательной власти императора.

«Таким образом, — говорит Хоек,^d — конституция молодой империи представляла собой монархию, в которой права суверенитета были разделены между нацией и ее главой.

Ни один закон или выборы не могли быть проведены вопреки явно выраженной воле императора, поскольку он мог отменить своим трибунским вето любое утверждение магистратской или народной власти; с другой стороны, согласно закону, его воля была недостаточна для обеспечения принятия кандидата или закона, поскольку император не имел права командовать ни сенатом, ни народом. Тем не менее, это взаимное ограничение и дополнение высшей политической власти существовало только в теории, а не на деле. Ведь там, где заканчивалась законная компетенция императора, ее место занимала власть, которую конституция не признавала, но которая держала все политические дела в объятиях своего могущественного плеча. Это была фактическая суверенность Августа, обходящая и контролирующая все другие власти, которая разрушила барьеры, воздвигнутые против абсолютной власти, и открыла путь для деспотизма его преемников. Сенат состоял из его созданий, народ был подкуплен хлебом и играми, армия была привязана к нему добычей и подарками; таким образом, он имел в курии послушный инструмент для осуществления своих замыслов; комитии были эхом его воли, а легионы с радостью выполняли его приказы. Сенат и народ могли тем временем наслаждаться древними формами свободного государства; они были лишь тщетными тенями, когда верховный правитель был настроен на достижение своей цели».⁴

PANEM ET CIRCENSES — ХЛЕБ И ЗРЕЛИЩА

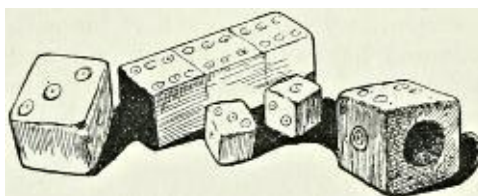
Содержание Рима, которым занимались императоры, можно рассматривать как компенсацию за политические права, которых императорское правительство лишило римлян. Император не был военачальником Римской империи, который, как таковой, считал эту обязанность своей обязанностью; он был скорее самым влиятельным человеком в столице, который прилагал все усилия, чтобы завоевать благосклонность ее населения, как это делали видные деятели республиканской эпохи.

Обычай периодического раздачи продовольствия римлянам и иностранцам был очень древним и существовал с тех пор, как низшие классы приобрели влияние в политике благодаря выборам; но эти раздачи зерна стали правилом только в I веке до н. э. и превратились в политическую опасность, когда привлекли в Рим нищую толпу со всей Италии, которую государство было вынуждено содержать. Во времена Юлия Цезаря, в 46 году, в Риме было более трехсот тысяч получателей зерна, хотя в настоящее время их число сократилось вдвое благодаря улучшению организации и основанию диктатором колоний за морем. Это число не должно было превышать; заполнялись только пробелы, возникавшие в естественном порядке.

Но в гражданских войнах после смерти Цезаря старые злоупотребления снова проникли в систему, и к моменту рождения Христа число получателей уже возросло до двухсот тысяч. Август отнюдь не был слеп к этому злу; он действительно хотел полностью отменить регулярные раздачи зерна, поскольку, помимо того, что они обходились в огромные суммы каждый год, они деморализовали народ и подрывали перспективы сельского хозяйства в Италии. По этому поводу император пишет, что он предпринял попытку навсегда отменить публичное распределение зерна, но не осмелился довести ее до конца, поскольку знал наверняка, что после его смерти оно будет восстановлено амбициями других. Кроме того, он скоро понял, что не может позволить себе упустить из рук это наиболее эффективное средство обеспечения популярности в столице, а также не может допустить, чтобы частные лица таким образом приобрели огромное количество сторонников. Позже он попытался найти золотую середину и удовлетворить как жалобы фермеров и торговцев зерном, так и пожелания населения. Речь шла о регулярном распределении зерна среди народа и

принятии чрезвычайных мер, когда цена на зерно в столице поднималась до неестественного или недопустимого уровня. Ни один человек, желавший быть первым в Риме, не мог позволить себе уклониться от этой дорогостоящей обязанности. Если такой строгий экономист, как Август, был готов нести огромные расходы на эти столичные распределения, то нам не нужно искать более веского доказательства того, что он считал их необходимыми.

Обнищание масс

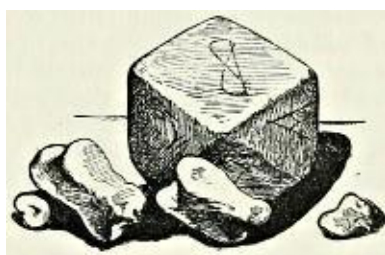
РИМСКИЕ КОСТИ

В 44 году Цезарь, будучи диктатором, поручил снабжение столицы зерном двум специально назначенным для этой цели эдилам, но даже они оказались не в состоянии справиться с возложенной на них гигантской задачей. Поэтому пришлось прибегнуть к помощи чрезвычайных уполномоченных, которые носили титул кураторов. Позднее император Тиберий в начале своей официальной карьеры имел прекрасную возможность завоевать популярность в Риме, когда в 23 году он взял на себя управление зерновым квестуром в Остии. Но уже в следующем году в Риме снова царил страшный голод, и, как и в старые времена Помпея, казалось, что необходимо принять чрезвычайные меры. Все взоры были обращены к императору, единственному человеку, который благодаря своим денежным ресурсам и египетской дани в виде зерна был в состоянии справиться с нехваткой продовольствия. Ему предложили абсолютную диктаторскую власть в сочетании с ответственностью за снабжение столицы. Он принял только последнюю, и его меры были настолько энергичными и эффективными, что через несколько дней цена на зерно упала до обычного уровня.

Император осуществлял свои официальные функции через двух представителей сената. Была создана новая магистратура, состоящая из двух кураторов, которые выполняли обязанности преторов и, таким образом, уже были членами сената. Их число и достоинство увеличились: после 18 года мы видим четырех кураторов, позже шесть, а в последние годы — шесть и семь; они должны были иметь консульский ранг. Весьма вероятно, что более молодые чиновники действовали вместе с этими кураторами или под их руководством при чрезвычайных раздачах.

Наконец, после этих пробных экспериментов, Август в последние годы своей жизни решился попытаться найти окончательное решение этой важной проблемы. Из уважения к сенату он до того времени использовал сенаторов- , представляющих сенат, для снабжения столицы, которое он осуществлял за свой счет. Теперь их заменили имперские слуги. *Префекты продовольственного снабжения (praefecti annonae)* были рыцарями и действительно считали эту важную должность своей профессией. К. Турраний, ранее правивший Египтом, посвятил себя этой задаче, к которой его призвало доверие Августа, с таким рвением, что увольнение было для него равносильно смерти, и Калигула вновь наделил его привычными функциями, которые он продолжал выполнять почти до девяностого года своей жизни.

С этого времени префекты по зерну были одними из самых важных имперских чиновников, поскольку спокойствие столицы зависело от надлежащего выполнения их функций. Они командовали армией подчиненных чиновников и слуг, поскольку имперские зерновые флотилии, которые доставляли зерно, масло и т. д. из провинций в Остию и Путеоли, находились под их управлением. В обоих этих местах у них были обширные склады с большим штатом бухгалтеров, клерков и кассиров; а также еще одна большая армия управляющих складами, рабочих, занятых измерением зерна и переноской мешков, возчиков и, наконец, лодочников, которые доставляли зерно в Рим, где оно в основном хранилось в Семпронианских *хорях*, построенных еще во времена Гракхов, или в недавно возведенных Агриппианских, Лоллийских, Гальбианских и других *хорях*. Распределение происходило каждый месяц в портике Минуция на Марсовом поле. Здесь было сорок пять проходов (*ostia*) для распределения, и люди должны были доказать свое право на получение зерна с помощью жетонов, на которых был отмечен номер конкретного прохода и день месяца.

РИМСКИЕ КОСТИ

Попытка императора раздавать зерно каждые четыре месяца вместо каждого месяца не встретила одобрения и вскоре была прекращена. Римское население привыкло к мысли, что его содержание — дело государства, и ничего не хотело больше, чем чтобы император давал им не только еду, но и питье. Всякий раз, когда вино дорожало, они обращались к нему с жалобами. Но Август спокойно отвечал, что с тех пор, как были построены акведуки Агриппы, никто в Риме не должен страдать от жажды. Август организовал содержание Рима в широком и щедром масштабе, но то, что раньше было добровольным пожертвованием, при его правлении стало благотворительной учреждением.

Помимо этих регулярных ежемесячных раздач, в особых случаях проводились специальные раздачи денег и натурой, что свидетельствовало о великодушной щедрости императора. Он оставил запись об этом в *Monumentum Ancyranum*.^{—e} «Римскому народу, каждому человеку, я велел выплатить по триста сестерциев в соответствии с завещанием моего отца; от своего имени я дал четыреста сестерциев из военной добычи во время моего пятого консульства; и снова в моем десятом консулате я распорядился раздать каждому по провизии на сумму четыреста сестерциев из своих личных средств; и в моем одиннадцатом консулате я двенадцать раз раздавал зерно, которое я купил на свои личные средства; и в мой двенадцатый год пребывания в должности трибуна я в третий раз подарил каждому по четыреста сестерциев. Эти раздачи никогда не производились менее чем 250 000 человек.

«В восемнадцатый год моего пребывания в должности трибуна и двенадцатый год консульства я подарил по шестьдесят денариев каждому из 320 000 жителей столицы. В тринадцатый год консульства я раздал по шестьдесят денариев каждому из более чем двухсот тысяч человек, получавших государственное зерно».

Если принять во внимание эти подарки в связи с аналогичными расходами на земли и вознаграждения ветеранам, на имперские взносы в государственную казну и обеспечение военных доходов, то колоссальная сумма в шестьсот миллионов денариев, упомянутая в приложении к *Monumentum Ancyranum* как подаренная Августом римским гражданам, не кажется вовсе преувеличенной; а поскольку эти распределения были распределены на период, не достигающий шестидесяти лет, мы должны отнести к каждому году сумму не менее десяти миллионов динариев.

Эти суммы, хотя и выделялись из императорской щедрости, воспринимались народом как их право в обмен на утраченную свободу. Август хорошо понимал, что голод является одной из самых мощных, если не самой мощной, революционной силой.

Игры; гладиаторские бои

В вопросах пропитания южане более скромны в своих требованиях, чем северные народы; в вопросах развлечений и удовольствий они предъявляют более высокие требования. Август также щедро удовлетворял эти потребности. Масштабность и тщательная организация римских игр были отчасти результатом простой идеи компенсировать народу его отсутствие влияния в политике и отвлечь его внимание. В большинстве случаев, когда народ устает от политики, он сосредотачивает свое внимание на частной жизни, и великие деятели театра отодвигают на второй план государственных деятелей и лидеров партий. Императорские представления превосходили все, что было до них, по частоте, разнообразию и великолепию; и интерес к ним со стороны всех классов был настолько велик, что во время больших праздников и игр император был вынужден выставлять часовых, чтобы охранять пустой город от грабителей и взломщиков.

Особенно великолепными были Актийские игры, которые проводились в Риме каждые четыре года. В первый раз (28 г.) Август и Агриппа сами руководили торжествами и предлагали народу зрелища самого разнообразного характера. Сначала проводились скачки, в которых участвовали юноши и мужчины из самых знатных семей; затем гимнастические состязания на деревянном *стадионе*, который император велел построить на Марсовом поле; а в конце военнопленные были вынуждены устраивать для народа зрелище смертельной схватки гладиаторов. В более позднее время эти игры поочередно проводились высшими священническими коллегиями Рима.

В своем подробном повествовании Август отводит первое место боям гладиаторов, которые он иногда устраивал от своего имени, а иногда от имени своих сыновей и внуков; в восьми сражениях такого рода участвовало около десяти тысяч гладиаторов. Женщины не были полностью исключены из числа зрителей, но им разрешалось наблюдать за кровопролитием только с самых верхних мест. Август также отменил бесчеловечный обычай, согласно которому только победители могли покинуть арену живыми.

Он пытался сдерживать чрезмерную любовь к этим жестоким зрелищам, запретив чиновникам устраивать гладиаторские бои вместо обычных театральных или цирковых представлений при вступлении в должность, как это делали, например, эдилы плебса в 42 году. Некоторые члены аристократии, известные своей кровожадностью, такие как Домиций Агенобарб (), сначала получали частные предупреждения, а когда это не приносило результата, их жестокие гладиаторские бои были запрещены императорским указом.

Большие отряды гладиаторов представляли серьезную угрозу общественному порядку, что было доказано не только Гладиаторской войной, но и случаем с гладиаторами Децима

Брута и М. Антония. Соответственно, в 22 году был издан указ, согласно которому гладиаторские бои могли устраиваться только с разрешения сената и не чаще двух раз в год, а количество соревнующихся пар было ограничено шестьюдесятью. Конечно, это не уменьшило популярность этих боев и интерес народа к участникам. Это было событием, когда два ветерана, каждый из которых часто побеждал и убивал своего противника, наконец сражались друг с другом в решающем бою, или когда известный гладиатор пробился через всех и повесил свое оружие в храме Геркулеса.

Римский гладиатор

В более поздние времена император Тиберий презирал такие способы завоевания популярности. Но поскольку страсть народа к гладиаторским зрелищам не угасала, они стали предметом частных спекуляций. Освобожденный раб с небольшими средствами построил деревянный амфитеатр для своих представлений в Фидене, но он был настолько плохо построен, что обрушился под толпой зрителей, которые стекались туда, в основном из Рима. После этого несчастного случая сенат постановил, что никто не должен устраивать такие представления, если не может доказать, что обладает определенным состоянием.

Борьба, столь популярная среди греков, не была совсем неизвестна, но за время своего долгого правления Август устраивал ее только три раза. На Марсовом поле возводились деревянные арены, и в Рим приглашались самые известные атлеты. Среди них, вероятно, был и Гликон из Пергама, чья непобедимая сила кулаков была прославлена не только в его эпитафии, но и в стихах Горация.

Император следил за этими соревнованиями с особым интересом. Греки совершенствовали бокс в соответствии со всеми правилами науки; в Италии, с другой

стороны, он сохранил больше своего коренного характера. Август имел привычку время от времени позволять чемпионам двух наций меряться силами друг с другом, но лично он был на стороне латинских боксеров, независимо от того, были ли они более или менее обученными. Когда в какой-либо части Рима вспыхивала безобидная уличная драка, император обычно наслаждался мощными ударами, которые наносили его соотечественники.

Император стремился, хотя и без долговременного успеха, удержать женщин подальше от жестоких боксерских поединков. Если народ хотел увидеть боксеров, он уступал его желаниям, но назначал соревнования на раннее утро и запрещал женщинам ходить в театр до десяти часов утра.

Еще более популярными были охоты на диких зверей, которых Август устроил двадцать шесть, в ходе которых было убито три тысячи пятьсот африканских львов и других диких животных. Очень сложно было поймать и транспортировать этих редких и опасных животных, но, возможно, еще больше усилий и денег было потрачено на создание декораций. Испанцы считают свои корриды прямым продолжением древних зрелищ с дикими животными; великолепие *мизансцены* сохранилось до наших дней, но требования древней публики в отношении декораций и механизмов были несравненно выше. В большинстве случаев гладиаторы были вынуждены сражаться с опасными животными, но иногда их жертвами становились преступники. Страбон, например, видел, как страшный вождь разбойников Селурус, «сын Этны», был сброшен с высокой эшафота, которая внезапно обрушилась под ним, на арену в Риме, где он упал прямо в клетку со львами, которая была установлена внизу.

Кровавые сражения гладиаторов на суше нашли свое отражение в грандиозном морском сражении, которое Август, следуя примеру диктатора, устроил в 2 году в непосредственной близости от Рима. Он велел выкопать озеро на равнине между склонами Яникула и берегом Тибра, длиной 1800 футов и шириной 1200 футов, на котором тридцать больших военных кораблей и много меньших, укомплектованных тремя тысячами (или, возможно, шестью тысячами) гладиаторов, изображали морскую битву времен Персидских войн. Овидий описывает это великолепное зрелище как очевидец:

«Затем, когда Цезарь недавно показал народу

Корабли Персии и Афин, символ страшного морского сражения,

сюда пришли юноши с двух морей и сюда пришли девушки,

И в столицу стекались все, кто жил на земле».

Озеро не снабжалось водой из соседнего Тибра, но Август построил специальный акведук (Aqua Augusta Alsietina), который доставлял воду из озер Альсиетине и Сабатине (Lago di Martignano и L. de Bracciano) в Яникул. Римляне были настолько избалованы прекрасной родниковой водой своих акведуков, что Август даже не подумал о том, чтобы переносить воду из этих двух озер прямо в город на другом берегу реки, но работа была настолько масштабной, что пережила свою первоначальную цель. Император разрешил владельцам полей и садов в окрестностях пользоваться водой, которая не шла ни в какое сравнение с водой из других акведуков города.

Озеро составляло центр небольшого леса, который император подарил римскому народу от имени своих внуков Луция и Гая. Хотя он больше никогда не устраивал морских сражений на этом озере, оно не было засыпано, а использовалось другими императорами для морских зрелищ в соответствии с его первоначальным назначением.

Обычные представления в театре и цирке, которые чиновники были обязаны устраивать при вступлении в должность, Август устраивал четыре раза от своего имени и двадцать три раза от имени других лиц. В частности, гонки в цирке были в моде с очень давних времен и пользовались большой популярностью. Правда, энтузиазм народа достиг своего апогея только в последние дни империи, но зародыш и начатки этого явления существовали еще в республиканскую эпоху, и эпоха Августа внесла свой вклад в его развитие. Еще не сочинялись эпитафии победителям, как τοὺς τοὺς ἀγῶνας αἰὼν λαλήσει последующих веков, но интерес и энтузиазм распространялись на более широкие круги. Призы, которыми награждались победители различных гонок, были ценными, и велось точное учет первых, вторых и третьих призов, завоеванных известным колесничим в разные годы. Первоначально в цирке было только две партии, белые и красные, но, по-видимому, к временам Августа к ним добавились зеленые и синие; по крайней мере, так можно судить по надписям, которые, хотя и не имеют даты, но являются частью большой находки этого периода.

Даже частные лица (например, родственник известного юриста Атея Капито) начали содержать гоночные конюшни с многочисленным персоналом. Его рабы и вольноотпущенники образовали страховое общество, в котором Випсаний Агриппа также застраховал своих слуг того же класса. Уже упоминались троянские состязания по верховой езде, которые сыновья аристократических семей, в том числе и императора, неоднократно устраивали при Августе.

Театральные представления упоминаются в перечне императора, но отходят на второй план, поскольку были довольно обычным явлением; в основном они были делом новоизбранных чиновников, но сам Август устраивал представления во всехвозможных местах — на Форуме, в амфитеатре и даже на временных сценах на улицах и площадях столицы, на всех языках, на которых говорили в Риме, причем латынь и греческий, конечно, были главными. Каждый организатор представлений стремился предложить народу что-то совершенно уникальное. Диктатор даже разрешил римскому рыцарю появляться на сцене, и его сын последовал его примеру, пока это не было запрещено декретом сената.

Август намеренно воздерживался от значительного увеличения числа обычных и регулярных праздников. *Секулярные* игры, о которых мы поговорим вскоре, естественно, не подпадают под эту категорию, как и районные игры, связанные с новым делением столицы. Мы уже упоминали игры, посвященные победе при Актиуме; позже были добавлены военные игры в честь торжественного освящения великолепного храма Марса в 2 г. до н. э.

К нововведениям империи относятся также вотивные игры в честь возвращения императора из Галлии и Испании в 13 и 7 годах до н. э., а также вотивные игры в честь благополучия Августа, которые устраивались каждые четыре года великими коллегиями жрецов в соответствии с декретом сената.

Пример Рима вскоре нашел подражателей в столицах провинций; иногда именно император учреждал там игры, иногда — видные граждане, которые получили или надеялись получить какой-либо почетный пост. Количество игр, проводившихся в честь Августа, было очень велико, особенно в греческих городах. В Неаполе императорские игры праздновались так же, как и Олимпийские игры, в память о визите Августа в 14 году н. э.

Так же как в жизни отдельного человека часто бывают моменты, когда он с грустью и тоской вспоминает золотые дни детства, так и в развитии народов бывают периоды, когда лучшие умы нации мечтают о прошедшем золотом веке, в котором не было ни преступлений, ни прогресса, которые произошли в ходе исторического развития. Чем дальше нация удаляется от первобытного состояния и чем сильнее ее члены ощущают недостатки цивилизации, тем ярче они раскрашивают невинные радости прежнего состояния вещей, в котором насилие и грабежи были еще незнакомы.

Поколение, которое достигло зрелости во время гражданских войн, по необходимости привыкло к ужасам, которые не знакомы тем, кто вырос в мирное время. Тем ярче они мечтали о счастливом и первобытном веке в далеком прошлом, ведь никто не испытывает большего энтузиазма по поводу мира, чем те, кто вынужден был пережить зло войны.

После битвы при Акциуме гражданские войны, к счастью, закончились; почти полпоколения Рим наслаждался благами мира и новой конституцией, которую даровал ему Август. Император часто заявлял о своем решении уйти в частную жизнь, но всегда позволял себе отговорить от этого, поскольку благосостояние государства не позволяло ему этого сделать; он один, казалось, гарантировал мир и безопасность, его правление казалось неотделимым от внутреннего спокойствия, и человек, желавший одного, не мог не желать и другого. Император стремился постоянно поддерживать эту единственную идею в сознании римлян, и больше всего ему нравились те почести, которые публично выражали это чувство. По возвращении императора сенат посвятил алтарь императорскому миру. Поэты, каждый по-своему, воспевали мир и порядок:

«Верность, сам мир, честь и древнее

моральное благоговение, давно забытая добродетель,

Теперь осмеливается вернуться, она приближается, ее рог

Полный благословения».

Однако существовала опасность, что подрастающее поколение вскоре начнет воспринимать блага мира как нечто само собой разумеющееся, не осознавая, кому именно оно обязано этими благами, и поэтому было желательно сохранить в памяти современников императора разницу между беспокойным прошлым и блаженным настоящим и официально признать, что период гражданской войны закончился и на смену ему пришло столетие мира и процветания.

Такие поворотные моменты подталкивают к тому, чтобы оглянуться назад и подвести итоги развития до настоящего момента. Так поступил поэт в конце предыдущего века:

«Как прекрасен ты, о человек, с пальмовыми ветвями

Ты стоишь в закате века» и т. д.

Рим того периода также оглянулся назад.

Как сенат торжественно отметил конец войн, закрыв храм Януса, так и Август желал отметить конец периода реорганизации и реконструкции впечатляющим символическим актом. Даже обычная римская перепись населения не была просто подсчетом людей; она была реорганизацией рядов римского гражданства, и чтобы эта утомительная и кропотливая подготовительная работа приобрела юридическую силу, она должна была быть ратифицирована и завершена окончательным актом, в котором весь народ должен был быть очищен самыми торжественными религиозными обрядами и рекомендован благосклонным богам на будущее. Точно так же Август с 29 года работал над

реорганизацией Рима, которая была окончательно завершена в 17 году грандиозным праздником, Секулярным фестивалем.

Идея и, вероятно, название *seculum* не являются римскими, а этрусскими; по крайней мере, до настоящего времени никому не удалось найти правдоподобную римскую этимологию этого слова. *Seculum*, вероятно, имеет этрусское происхождение, как и другие элементы хронологии у римлян. Этот набожный народ, который как никто другой умел исследовать и толковать волю богов, полагал, что он узнал, что божество не просто объявляет людям обычное деление времени на месяцы и годы по пути и изменяющемуся виду луны и солнца, но что помимо этого существуют более длительные периоды в жизни народов, которые были назначены богами и начало и конец которых они открывают поколениям людей явными знаками. Такой период — это период, в течение которого умирает одно поколение и возникает новое, и поэтому он простирается от рождения до смерти человека, которого можно считать представителем своего поколения. Когда умер последний человек, родившийся в начале первого века, начался второй; и, поскольку продолжительность человеческой жизни редко превышает сто лет, новый век обычно начинался в конце этого периода. Однако он не обязательно длился ровно сто лет; напротив, один из них длился 123 года, другой — 118 и т. д.; но этруски считали свой век примерно 100-летним. Поэтому, когда происходили чудесные знамения, смертные понимали, что по решению богов конец близок, и спешили умиловить предзнаменования жертвоприношениями и играми. В несчастье люди научились обращать особое внимание на предзнаменования богов, потому что они жаждали возможности завершить неблагоприятный период и начать новый, свободный от несчастий и злых предзнаменований.

СТАТУЯ ПОБЕДОНОСНОГО ПОГОНЩИКА В ЦИРКОВЫХ ИГРАХ

(В Ватикане)

Эта великая мудрость этрусков, выходящая за пределы человеческой жизни, произвела глубокое впечатление на их учеников, римлян, и была перенесена в Рим вместе с остальной частью авгура́льной дисциплины. Считается, что семья Валериев была той, кто ввел этот культ в Риме, сначала только для себя, а не от имени государства. Говорили, что один из предков этой семьи пришел в Рим из своей родины в земле сабинов, чтобы умиловать злые предзнаменования, которые беспокоили его там. Он спустился по Тибру со своими больными детьми, пока не достиг окрестностей Рима, и там, где поле Марса наиболее узкое, у берега Тибра, раньше было место, известное вулканическими явлениями, горячими источниками и подземным огнем — так называемый Тарентум. Больные дети были исцелены водой из соседнего источника, а в двадцати футах под поверхностью земли отец нашел примитивный алтарь, посвященный богам подземного мира, которым он поблагодарил за чудесное исцеление жертвоприношениями, играми и *лектистерниями*. Говорят, что одним из его потомков был некий П. Валерий Публикола, который, будучи консулом в первый год республики (509 г.), повторил эти игры своего семейного культа во имя и для благополучия государства Рима. Для светской теории более поздних поколений было важно, чтобы такая важная эпоха, как конец монархии и начало республики, была отмечена публичными светскими играми.

Следующие секулярные игры, как говорят, были отмечены другим Валерием, который был консулом в 449 году, после падения децемвиров; а примерно сто лет спустя должны были быть отпразднованы третьи секулярные игры, которые, согласно записям квиндецемвиров, снова были проведены консулом из рода Валериев в 346 году, хотя никто больше ничего не знает об этом праздновании, и оно не было включено в серию республиканских секулярных игр. По словам Валерия Антиаса, третьи вековые игры были отпразднованы в 249 году, во время Первой Пунической войны; а четвертые — независимо от того, были ли они проведены в 149 или 146 году — знаменуют конец этого памятного периода. Среди римских антикваров и историков, среди которых был даже такой эрудит, как Варрон, сложилась теория, что *seculum* всегда должен длиться сто лет, и ради этой теории игры, которые, по современным источникам, проводились в 146 году, были перенесены на три года раньше. Спустя сто лет авторитет Варрона во всех подобных вопросах достиг своего апогея, и этого было достаточно, чтобы назначить следующее празднование на 49 год. «Но вместо празднования наступил конец, ибо в этом году Цезарь перешел Рубикон, и с этим началась смертельная агония республики. Началось не новое столетие для республики, а новый порядок вещей». (Моммзен в *Die Nation*, 1891.)

Гражданские войны, которые последовали за этим и, казалось, развивались одна из другой в бесконечной последовательности, возможно, подавили надежду на мир в Италии, но не стремление к нему. Вместо золотого века наступил железный.

Диктатор действительно, казалось, сумел изгнать демонов раздора и недовольства. Но эта надежда оказалась иллюзорной в мартовские иды. Вскоре после этого в Риме появилась звезда Юлиев, и, как сначала надеялись, она казалась долгожданным божественным знамением, которое должно было ознаменовать начало лучших времен. Этрусский *гаруспекс* провозгласил собравшемуся народу, что девятый век (по этрусскому летоисчислению) подходит к концу и начинается десятый.

Но авгур умер сразу после этого; это было знаком того, что его слова были не ложными, а преждевременными, согласно воле богов. Нигде не было никаких признаков постоянного улучшения, но тоска оставалась и едва ли когда-либо находила более сильное выражение, чем в несчастные годы, следовавшие за убийством Цезаря. Она усилилась благодаря сивиллиным оракулам, которые распространялись в частном порядке и поддерживали веру в счастливое будущее. Поскольку оракул не мог лгать, возможно, это были всего лишь

просчеты и тщетные надежды людей, которые в 49 году слишком рано предвкушали наступление новой эры; и, возможно, секулум следует считать 110-летним, а не 100-летним — нужно совсем немного, чтобы возродить надежду. В 43 году никто иной, как Варрон, объявил обеспокоенному миру своего времени, что это была правильная оценка; через 440 лет после первого празднования четвертый римский *seculum* подходил к концу, и тогда новое рождение ознаменовало бы начало новой эпохи. Но Рим все еще надеялся напрасно. Бедствия усугублялись, и вместе с ними волнение распространялось в самых широких кругах. В 40 году консулом был Асиний Поллий, человек честного характера и высокообразованный, который стремился избежать произвольных узурпаций других правителей. В условиях того времени даже самое смелое воображение не осмеливалось мечтать, что он сможет вернуть золотой век. Но в то время Асиний ожидал рождения сына; возможно, судьба предназначала этому сыну именно такую роль; и современный поэт приветствует грядущего избавителя с самыми горячими надеждами. Позже Вергилий, имея для этого более веские основания, возложил свои надежды и желания на императора.

Таким образом, возможность проведения светских игр во второй половине века до нашей эры была упущена, и было очень сложно доказать, что Август имел право проводить такое торжество. Эта трудная и неблагоприятная задача выпала на долю известного юриста Атея Капито, который справился с ней достаточно умело, чтобы сделать волю своего господина возможной в теории. Хронология римской истории подвергалась насилию со стороны многих до и после времени Атея Капито, но едва ли когда-либо в большей степени, чем во время секулярных игр Августа.

Комета, которую народное воображение так легко связывало с концом света, по-видимому, решила старый вопрос о переломном моменте долгожданного космического периода. Могло бы действительно показаться, что сами боги объявили о своей воле, поскольку в начале 17 года в Риме была видна необычайно яркая комета с длинным хвостом, направленным с юга на север. Это была, конечно, звезда рода Юлиев, которую Рим не видел со страшного 44 года. То, что молодой Цезарь тогда предпринял с почти сверхчеловеческим мужеством ради мести за своего отца, теперь было завершено, и эпоха раздоров закончилась. В то время красное сияние кометы предвещало кровь и гражданские войны; второе появление звезды Юлиев, после искупления преступления, было знаком того, что начало новой эпохи было близко.

Мемуары императора показывают, какое большое значение он придавал появлению звезды в 44 году, а монеты империи, отчеканенные вскоре после 17 года, свидетельствуют о том впечатлении, которое произвело на него и его современников предполагаемое возвращение звезды рода Юлиев. Оно было встречено как долгожданный и явный божественный знак конца железного века и начала золотого.

Таким образом, мы видим, что появление звезды лишь дало окончательное решение. То, что давно витало в воздухе, что, возможно, уже начинало испаряться, внезапно сконденсировалось в осязаемую форму под влиянием этого божественного проявления; Август решил не упустить этот момент, а отпраздновать долгожданные пятые вековые игры, которые были связаны с надеждой на новое рождение Рима.^b

ЛИТЕРАТУРА ЗОЛОТОГО ВЕКА

С образованием монархии совпадает второе возрождение римской литературы, которое можно только частично приписать новой администрации, поскольку лидеры родились при республике и выросли в условиях борьбы за монархию. Этот период не так сильно отличается от литературы периода свободного правительства, как может показаться на

первый взгляд. Ведь то своеобразное проникновение греческого духа, которое распространялось даже на его наименее достойные подражания проявления, а именно александрийские, уже существовало, и утонченная проработка языка для поэтических целей, его очарование и легкость, его красота и достоинства уже заметны во времена Теренция, хотя и в очень отличной форме.

Большая революция, происходившая на их глазах, оказала гораздо менее катастрофическое влияние на поэтов того времени, чем можно было бы ожидать, и если повсюду слышны сетования на гражданскую войну, то, тем не менее, определяющей нотой является скорее идея всеобщего мира и величия римской державы. Правда, если мы будем искать оригинальность, силу и простоту, которые так неотразимы в греческой литературе, мы будем очень разочарованы, потому что их нет ни в литературных произведениях, ни в политических. И количество произведений не может компенсировать эти недостатки. Мысль о том, что писать нужно для широкой публики, для всего латинского Запада, должно быть, вдохновляла авторов, поскольку, конечно, определяла всю концепцию и направление литературных произведений; провинции принимали в них все более активное участие; с другой стороны, в этой области предлагалась своего рода замена отсутствующей политической деятельности; само собой разумеется, что авторство было безвредным и приспособлялось к правящей системе или же вступало в опасную оппозицию с ней. Партийная литература существовала во время активных политических борьб Рима даже при республике; но теперь солнечный свет и свет были слишком неравномерно распределены, и откровенность, которая была запрещена при жизни правителей, компенсировалась после их смерти горечью и клеветой.

По-настоящему высокие стили поэзии, такие как драма и эпос, полностью исчезли. Это не было вызвано изменением в правительстве, поскольку даже во времена республики в этих направлениях проявлялось мало оригинальности или творческой силы. Все, что теперь создавалось, было полностью заимствовано из прошлого. К этому можно было добавить только риторику, метрику и тщательную дикцию, и красивая, утонченная и элегантная форма стала критерием, по которому эпоха оценивала как литературные, так и художественные произведения. Именно на такие вещи в основном было направлено внимание судей, которые принимали решение о допуске поэтов в национальную библиотеку.

У нас нет достаточной информации о драматической поэзии периода Августа, поскольку все, что вызывало восторг современников, было утрачено. То, что сохранилось до нас из этого периода, а именно трагедии, переданные нам под именем Сенеки, имеет все недостатки, которые несет с собой извращенный вкус: сенсационные сюжеты и сцены, основанные на чувственных и сентиментальных эмоциях; безжизненные персонажи, но с множеством слов и речей; обработка без знания драматических технических тонкостей; и все же гармония слов и стихов, высоко отточенная версификация и дикция, а также весь великолепный аппарат, принадлежащий школам риторики в периодах, антитезах, сравнениях и играх слов. Это, безусловно, заслуга низших классов, что они отвернулись от этих драм, оставив их для безжизненных декламационных упражнений так называемых образованных классов, и, поскольку вкус к драме все еще существовал, предпочли развлекаться более простыми развлечениями и знакомыми произведениями старых поэтов, которые уже давно перестали быть достаточно изысканными и элегантными для образованных людей.

Эпос также не произвел ничего действительно великого. Вергилий (P. Vergilius Maro, родился 15 октября 70 г. до н. э., умер 22 сентября 19 г. до н. э.) действительно предпринял попытку создать национальный эпос в «Энеиде». Но он не более подлинный, чем его

основная идея соединить основателя новой империи с отцом итальянской цивилизации. Вергилий учился у Александрийской школы () и усвоил все, чему можно было научиться. Он создал язык и структуру стихов, которые оставались стандартом на протяжении многих веков, пока и везде, где культивировалась латинская поэзия. Форма на протяжении всего произведения благородна, и поэт был хорошо знаком с Гомером и греческими эпическими поэтами, и не без вкуса он, как человек ученый, черпал из этого сокровища; его идеи чисты и благородны, и он научился знать свою страну и легенды своих предков лучше, чем многие до него и после него, так что в его произведении можно найти определенную национальную окраску. Но было одно, чего он не обладал: творческий гений, который правильно угадывает выбор темы и с легкой, но мастерской рукой распоряжается и обрабатывает материал; так как тема была выбрана неудачно, поэт никогда не испытывал к ней искреннего энтузиазма; все было продумано, причем очень холодно и трезво; действительно, в произведении представлены красивые образы и яркие сравнения, но они сентиментальны и вычурны и часто выглядят странно в данном контексте.

Во-первых, герой не является героем, и римские патриции даже времен Сципионов были бы возмущены этим слабаком, который, как и сам поэт, слаб и сентиментален и является не более чем марионеткой в руках своей божественной матери. Такая слабая фигура не дает возможности проявить силу в обращении с ней, которое, соответственно, является вялым, и двенадцать песен растянуты с монотонной скукой, так что для каждого, кто знаком с Гомером, их чтение является просто задачей, которую нужно как-то выполнить. И если с точки зрения учености язык и стихи кажутся безупречными, классическими и даже достойными подражания, то все удовольствие от них теряется из-за того, что мы постоянно осознаем, сколько труда и усилий они стоили поэту.

Характерно для того времени, что Вергилий пользовался каноническим уважением как у высших, так и у низших слоев общества, и поэты и прозаики соперничали друг с другом, чтобы украсть у него. Из этого факта мы можем догадаться об остальном, и потери в этой области, которые были зафиксированы, не могли быть большими.

Но насколько быстро литература пришла в упадок в конце этого периода, ясно показывает эпос М. Аннея Лукана *«Фарсалия»*. Это стихотворение было написано во время правления Нерона, и трудно решить, что заслуживает большего осуждения: выбор темы или ее обработка. Героем поэмы является Помпей, Помпей гражданских войн, фигура настолько мало поэтичная, что более неудачного выбора едва ли можно было бы сделать; даже при максимальной поэтической свободе, не заботясь о соответствии фактам, из этой темы ничего не могло получиться. То, что гражданские войны сами по себе могли бы стать темой эпоса, не подлежит сомнению; столь же не подлежит сомнению и то, что это могло бы быть сделано только поэтическим талантом первого порядка. Но даже Лукан мог бы сделать это по-своему, хотя он и не поэт, а ученый из школы риториков и стоиков. Поскольку в школе риторики энергия ученого проявлялась и истощалась в индивидуальных проявлениях изобретательности, поэма разделена на ряд сцен, не имеющих между собой особой связи, но отличающихся высоким полетом воображения, звучными стихами, помпезными тирадами и, конечно же, множеством научных дополнений, без которых в тот период было невозможно представить ни великую, ни малую поэму. Кроме того, повсюду очевидны поспешность, беспокойство и отсутствие осмотрительности, и это тоже относится к тому времени. В целом можно сказать, что эта поэзия является истинным отражением общества, в котором она зародилась, и если бы у нас были эпосы Сенеки, они, вероятно, напоминали бы эпосы его племянника. Такие образцы не могли не вызвать подражания; попытки подражания распространились даже на школы, и редактирование *«Илиады»* могло быть делом рук трудолюбивых ученых, которые знали что-то о греческом языке и научились подражать Вергилию ().

Вергилий уже обратил свое внимание на дидактическую поэму, и «*Георгики*» являются в своем роде его лучшим творением. К дидактической поэзии не подходят с такими же ожиданиями, как к более высоким видам поэзии, и практически невозможно провести грань между обучением и развлечением. Когда существование этого чудовищного явления однажды оправдано, ему должно быть предоставлено определенное свободное пространство. Вергилий имел здесь большое преимущество, поскольку занимался темой, которая его действительно интересовала и в которую он вложил всю свою душу. Глубокое чувство природы и подлинная человеческая симпатия к предмету, которых нигде не прослеживается в «*Энеиде*», время от времени прорываются в поэме о сельском хозяйстве. В «*Эклогах*» изображена искусственная жизнь пастуха, очень похожая на идиллии XVIII века, и ее нереальность превосходит только Калпурний, подражатель эпохи Нерона.

В то время как дидактическая поэзия как таковая не получила в этот период особого внимания, элегия была успешно освоена. У Альбия Тибулла (54-19 гг. до н. э.) она даже приобрела характерную, можно сказать, более национальную форму, чем у других ее представителей.

В своих элегиях Тибулл настолько свободен от греческого влияния, насколько это возможно в эпоху, пропитанную эллинизмом; он рассматривал немногие темы, которые встречаются в его стихотворениях, исключительно с человеческой точки зрения, и только таким образом пытался повлиять на читателя. Он успешно избежал однообразия, которое легко возникает в таких произведениях — любовь и сентиментальные страдания постоянно повторяются — благодаря необычайной эlegantности и очарованию своего подхода. Читатель охотно следует за мечтательными мыслями поэта, не упрекая его за то, что он увлек его скорее в мир грез, чем в мир живых и сильных чувств.

Произведения С. Проперция (49-15 до н. э.) уже значительно уступают по качеству. Он также обладал истинными чувствами, и мысли, которые они пробуждали в нем, в большинстве своем не заимствованы из его образцов. Но они перегружены научными примерами александрийской науки, а глубокие чувства поэта чрезмерно отодвигаются на второй план яркими мифологическими украшениями.

Гораздо более великолепным и блестящим является талант Овидия (П. Овидий Назон, 43 г. до н. э. — 17 г. н. э.), который культивировал чудесную границу между дидактической и элегической поэзией. Но все его стихотворения имеют одну общую черту, хотя «*Метаморфозы*» и «*Фасты*» могут отличаться от любовных стихотворений, «*Тристии*» и «*Героид*»; они впервые все более и более решительно демонстрируют искусство школ риториков.

Овидий был талантливым поэтом, которому стихи и мысли приходили быстро и без труда, но ему совершенно не хватало глубины чувств. Даже стихотворения, которые исходили из его сердца, те плачи, которые он пел в изгнании в негостеприимном Томи, едва ли вызывают истинное сочувствие, поскольку внутреннее нереальное содержание, от которого страдает поэзия Овидия даже здесь, навязывается читателю. Он безоговорочно признавал условия новой монархии, и ни один поэт не может так хорошо, как он, дать нам представление о взглядах и образе мышления круга, окружавшего императорский дом. Чувственность и удовольствия — это красная нить, проходящая через стихи Овидия, а боль, мучающая его в изгнании, является исключительно результатом того, что он лишен роскошного образа жизни, который преобладал в тех кругах, чьи разговоры и интриги были самой сутью его поэзии.

Сатира, это наиболее характерное проявление национального духа Рима, теперь культивировалась в частично оригинальной манере Горацием (К. Гораций Флакк, родился 8 декабря 65 г. до н. э., умер 27 ноября 6 г. до н. э.). Глубоких чувств или эффективного понимания времени, его слабостей и обязанностей искать было бы напрасно, поскольку салоны периода Августа больше не обладали этими качествами, и именно картина бесед в салонах была завещана нам в сатирах Горация. Сплетни более или менее высокого или низкого порядка, в большинстве своем в пристойной, хотя и пикантной форме, редко переходящей в настоящую злобу, составляют предмет всех дошедших до нас стихотворений. Поэт поднимается на более высокий уровень в дидактических посланиях, из которых те, что содержатся во второй книге, с их призывами к изучению греческих образцов и их вкусными и яркими эстетическими размышлениями, относятся к главным произведениям того времени; по зрелости и ясности суждений, тщательной отшлифовке и четкому расположению они оставляют все остальные далеко позади. Значительно уступают сатирам частично сатирические *эподы*, в которых слишком сильно выделяется личный элемент () и в которых поэт демонстрирует большую нехватку самоконтроля и вкуса.

После Горация сатира, такой, какой он ее задумывал, не нашла подражателей; последующий период принес с собой слишком много конфликтов, чтобы мягкость и терпимость могли найти себе место. Проповедь морали переносится в область поэзии; А. Персий Флакк, единственный представитель этого жанра, дает нам очень скудное представление о той эпохе, если она действительно считала его сатириком; но мы едва ли имеем право делать такой вывод, поскольку он встречал одобрение разве что со стороны оппозиции. Это тот же вкус, который представляет Лукан, перенесенный в сатиру; высокомерие и самодостаточность адепта, принадлежащего к кругу благородных стоиков, который едва вышел за пределы ученической скамьи, пустой пафос, риторические украшения, стихотворные изложения стоической народной морали. Персий практически не обладал никакими качествами поэта. Средним произведением, которое можно было бы отнести к сатире, был «Переход обожествленного Клавдия в общество тыков» (*Divi Claudius Apokolokyntosis*), мелочная, мстительная памфлетная работа против несчастного принца, написанная, к тому же, после его смерти. Ослепительный ум, с которым поэт наносит удары по богам и людям, мог вызвать одобрение в его время, но у читателя всегда будет преобладающее чувство, что эта сатира проистекает из жалкой трусости и вероломной лести.

Единственным действительно интеллектуальным произведением сатирического характера, созданным в этот период, были сатиры Петрония, написанные во время правления Нерона. Ни одно другое произведение не несет на себе столь явный отпечаток своего времени. По крайней мере, бедная философия, которую большинство поэтов почерпнули из своих философских сборников и риторических упражнений, не имеет отношения к этому произведению, хотя надуманная и поверхностная культура того времени пронизывает его автора на протяжении всего произведения. Источником его мудрости является жизнь. Для него человек — венец творения, и он изучал его во всех фазах и степенях; то, что существует помимо человека, интересует его только в той мере, в какой это может служить украшению человеческой жизни и сделать ее приятной. Счастье и наслаждение являются лозунгом всего произведения, но не в грубо материальном смысле, как это воплощено в Тримальchio и его товарищах, а в смысле жизни, которая, будучи приправлена всеми материальными радостями, также облагораживается всеми достижениями искусства и культуры. Богатый и разнообразный жизненный опыт придает этому произведению большую ценность; эпоха отражена даже в мельчайших тонкостях его языка. Изобретательность, подробность описаний, юмор и тонкая ирония, а также

необычайно искусное изложение обеспечивают некоторым частям этих сатир похвалу как произведению мастера ; и если бы легкомысленный и сладострастный тон не возвращал нас постоянно ко двору Нерона и событиям того времени, мы могли бы подумать, что перед нами образец лучшей эпохи. Особенно характерны тонкое понимание греческого искусства и культуры, а также энтузиазм по отношению к латинской поэзии, который выражается частично в особом мастерстве стихосложения и яркости красок, частично в горькой насмешке над манерностью современных поэтов и их скучными, бездуховными и бессмысленными преувеличениями. Поэт всегда сохраняет элегантность и чистоту языка; когда он выходит за рамки обычного, чтобы достичь этого, его хороший вкус удерживает его от ошибок, и тот же вкус раскрывает ему причину и следствие упадка риторики.

Петронию не хватает только одного качества: как и литература Казановы нашего и предыдущего века, его произведения не имеют моральной цели. Басни Эзопа теперь также были переведены на латынь, поскольку Федр, часто не до конца понимая оригинал, в несколько неуклюжих стихах и с слабым юмором переработал греческие басни для использования в школах и домах римлян. Сатирический смысл различных произведений теперь почти полностью непонятен нам, не знающим условий жизни в Риме.

Лирика была самой популярной формой поэзии в империи, поскольку каждый считал своим долгом сочинять песни и стихи по случаю. Некоторое представление об этом стиле поэзии мы получаем от Горация. В своих стихах он описывает политические меры Августа, а также любовные интриги и общественные дела свои и своих друзей. Но в то время как в описаниях последних часто невозможно определить, сколько в них фактов, сколько поэзии, а иногда и подражания его греческим образцам, — поскольку в них так мало настоящей жизни, — в первых есть по крайней мере что-то, что гармонирует с их темой. Поэт испытывает твердое и сильное чувство величия и чести Рима, хотя, возможно, не всегда видит его в истинном свете; это придает некоторым его стихотворениям оттенок правды и глубокого, искреннего чувства.

Зависимость от греков лучшей эпохи едва ли могла быть больше; в стиле и стихосложении он очень осторожен; но то тонкое соотношение между языком и смыслом, которое было незаменимым в греческих образцах, было заброшено; приемы стихосложения чаще определяли форму и выражение, чем поэтический порыв и спонтанное чувство.

Но то, что поэтическое творчество и чувство не были полностью отсутствующими в эту эпоху, показывают многочисленные небольшие поэтические произведения, найденные на надгробных камнях. Здесь все еще проявлялось истинное человеческое чувство и находило выражение, которое обращается к сердцу и часто глубоко трогает. То же самое и с небольшими стихотворениями в латинской антологии; конечно, идеи не более велики и впечатляющи, чем события, которые их породили. Но из них можно понять, что язык поэзии все еще мог трогать сердце, и что чистота и правильность все еще соблюдались. О распространении поэтической деятельности мы едва ли можем составить слишком обширное представление; изучение поэзии теперь было неотъемлемой частью образования, и с тех пор, как Асиний Поллий ввел обычай публичных чтений, у каждого отдельного начинающего поэта была своя аудитория. И если и должно было наступить упадка искусства поэзии, то этот импульс повлиял бы на него более определенно, чем принципат, влияние которого на упадок искусства, возможно, слишком легко и охотно переоценивается.

С приходом империи произошли изменения в написании истории, поскольку свобода мысли и суждения была ограничена деспотическим правлением, и дверь была распахнута для лести и клеветы; а в отдельных царствах могло быть опасно рассказывать историю республики или прежних императоров. Но эти обстоятельства сами по себе не могут

объяснить незначительность исторического письма, равно как и перенос центра политики в императорский кабинет.

Римляне на самом деле никогда не обладали историей в истинном смысле этого слова, и, следовательно, в этот период не было места для какого-либо значительного ущерба этому виду сочинений. Т. Ливий (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) дает явное свидетельство этому. В свое время он пользовался безусловным восхищением, а в последующие века его имя укрывалось за именем истории; в поздние дни империи его престиж постоянно рос, и в конце концов почти единственными латинскими произведениями, посвященными периоду республики и триумvirата, а также началу эпохи Августа, являются перепечатки и выдержки из его сочинений. Август не был исключением из общепринятого мнения; хотя он называл его помпейцем, он не только предоставил ему всю возможную свободу, но и при всех случаях демонстрировал свое личное уважение к нему. И все же Ливий не является историком. Он взял на себя грандиозную задачу написать полную историю римского государства до своего времени, но вследствие ее огромного объема работа была неизбежно неудачной, так как часто не хватало более старых трудов, а Ливий не имел возможности использовать имеющийся материал.

Каждый римский историк сталкивался с большими трудностями в отношении периода древности, и это в той или иной степени распространялось на время Суллы. До определенного периода патриотизм римлян () требовал приверженности традиционной форме, которая не выдерживала проверки; для других эпох греки, особенно Полибий, сформировали концепцию, которая приобрела каноническое значение. Только критическое суждение и общая схема обработки в широком масштабе могли быть эффективными, но Ливий не был человеком для этого.

Для него история была синонимом систематизации анналистических отчетов, которые он собирал воедино; самые очевидные противоречия отбрасывались, а в хронологию вводилась определенная система, которой он придерживался, насколько это было возможно, без чрезмерной скрупулезности; там, где он мог опираться на более древних авторов, таких как Полибий, его работа выигрывала; там, где это было невозможно, он не стеснялся сочетать существенно противоречивые сведения. Он считал своей главной задачей не систематизацию, исследование и критику, а изложение, и риторическая выработка компенсировала, в глазах читателя, недостаток точности и четкой концепции.

[ОЦЕНКА МЕРИВАЛА](#)

ОЦЕНКА МЕРИВАЛЕМ ЛИВИЯ

Можно полагать, что именно в школах риторики Ливий научился безразличию к исторической точности, жертвованию содержанием ради формы истины, что бросило столь роковую тень на блеск его бессмертного труда. Как друг древней олигархии и аристократ по своим предрассудкам и характеру, он вряд ли бы довел свою римскую историю до своего времени, если бы не согласился скрыть свои чувства и не сделал свою книгу такой, какую сам Август мог бы одобрить для чтения своими подданными. Говорят, что император называл его помпейцем и жаловался на то, как он изображал людей противоположной стороны, но это могло быть только шуткой; благосклонность, с которой к нему относились придворные империи, и то, что ему разрешили помогать в учебе молодого принца Клавдия Германика, показывают, что его не считали серьезно недовольным политиком. Презрение, с которым Ливий относится к трибунам и демагогам, и его невежественное пренебрежение к плебейам свидетельствуют о его склонности к аристократии. Но это, очевидно, взгляды риторика, а не историка; и Август, будучи трибуном и демагогом, мог отличить пустые банальности извращенного образования от сурового суждения, основанного на искреннем

убеждении. Потеря всех последних частей этого обширного труда вызывает сожаление из-за множества фактов, которые были утрачены; но эти факты были бы ценны скорее из-за выводов, которые современная наука могла бы из них сделать, чем из-за того света, в котором автор сам их представил бы. Ливий, взяв перо в зрелом возрасте и продолжая изливать свои тома в бесконечной последовательности, возможно, до конца своей долгой карьеры — ведь он родился в 59 году до н. э. и умер в 17 году н. э. — оставил ее, по-видимому, незавершенной, в конце своей сто сорок второй книги и со смертью Друза Германика.^[4] Можно предположить, что последние части произведения были омрачены болтливостью старости и были преданы забвению из-за отсутствия политической или литературной ценности.

Однако именно в первых книгах дух Ливия нашел наиболее подходящую ему сферу; первое и третье десятилетия, содержащие раннюю историю царей и консулов, а также великую эпопею о войне с Ганнибалом, всегда сохраняли свое превосходство в общем уважении как самые благородные образцы повествования. Величайшие умы Рима того периода, казалось, были вдохновлены гением основателя империи; и из них Ливий, по крайней мере, бессознательно, по-видимому, зародил идею привязать своих соотечественников к ранним записям об их городе, окружив их ореолом поэтических ассоциаций. Воображение римлян того века было возбуждено консервативной реакцией « », которая стремилась перебросить мост через хаос прошлого века и возродить чувство национальной преемственности.

Благодарность, которую народ Ромула был должен Ливию за то, что он познакомил его с предками и научил гордиться своим происхождением, была схожа с благодарностью, которую англичане испытывают к историческим драмам Шекспира. Он взял сухие хроники, в которых были записаны только их первые дела, извлек из них поэтическую жизнь полузабытых традиций и снова облек ее в формы идеальной красоты. Его повествование, сияющее всеми красками воображения и фантазии, столь же верно своим источникам, как и драматизированные истории английского барда верны своим; действительно, мифы о Ромуле и Тарквинии не могут быть дальше от правды, чем трагедии о Лире и Цимбелине; и когда он начинает ступать на почву трезвой истории, его изображенные Ганнибалы и Сципионы приближаются к самым людям так же, как Ричарды и Генрихи нашего великого мастера.

Очарование стиля Ливия стало счастливым стечением обстоятельств, при которых он писал, и в сочетании с ним дало ему то превосходство () среди римских историков, которое он никогда впоследствии не терял. События и персонажи, представляющие глубочайший интерес, неизменно закрепились в строках, в которых он их изобразил. Отныне каждый римлянин получал от Ливия свои первые юношеские впечатления о судьбе своей страны, которые таким образом навсегда запечатлелись в сознании нации. Напрасно сторонники истины или завистливые и неудачливые соперники указывали на неточность этих отношений, а во многих случаях и на их прямую ложность; отныне сомневаться в том, что Порсенна был в смятении изгнан из ее стен или что добыча Капитолия была вновь отнята у триумфальных легионов Бренна, считалось изменой величию Рима.^a

Таковы оценки творчества Ливия со стороны тех, кто рассматривает его с холодно аналитической точки зрения технического историка. Но мы не должны оставлять величайшего писателя латинской прозы без более благожелательной интерпретации его влияния. Обратимся к оценке человека, который сам был историком, родственным по духу Ливию, — человека, который подходил к истории с точки зрения художника и гуманиста, — М. Тэна. Вот его оценка

ЛИВИЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОПИСАТЕЛЯ РИМСКОГО НАРОДА

Есть три способа изобразить характер [говорит Тэн]: автор может остановиться, чтобы подумать и составить портрет в философском стиле, как делает Фукидид; можно изобразить людей через их поступки, как это делали Тацит и поэты; или можно изобразить их, раскрывая их мнения в речах; это талант Ливия и оратора.

Лучший из всех его портретов — портрет римского народа. Каждая речь, каждое ораторское повествование пересматривает и совершенствует его, и легко увидеть, что Ливий не взял его у древних авторов, а полностью создал сам. В сражении Горация Кокла — какая гордость и какая энергия! Маловероятно, что римляне за один год стали такими неуправляемыми республиканцами. Но как хорошо басня скрыта под благородной страстью! Бросая на вождей этрусков дикие и угрожающие взгляды, то провоцируя их поочередно, то оскорбляя всех вместе: «Рабы надменных царей, забыв о своей собственной свободе, вы пришли посягать на свободу других!» Если этот отрывок и театрален, то он величественен, и красноречие благородно украшает «начало этой свободы».

Дионисий делает Муция гениальным греком, который наводит ужас на доброго Порсенну и спасает себя хитростью, приносящей двойной результат. У Ливия Муций — герой. «Схваченный стражниками и приведенный перед суд короля, даже тогда, в окружении таких опасностей, он был скорее предметом страха, чем испуга. «Я римский гражданин, — сказал он, — меня зовут К. Муций, враг. Я хотел убить врага и готов умереть так же, как убить. Римлянин может осмелиться на все и вынести все. Я лишь первый, кто проявил перед тобой свою храбрость; за мной следует длинная череда людей, которые стремятся к той же чести. Приготовься, если хочешь, к борьбе. Каждый час ты будешь сражаться за жизнь, и у тебя будет кинжал и враг в прихожей твоего дворца. Мы, молодые люди, объявляем тебе такую войну. Не бойся ни армии, ни сражения, это дело только между тобой и каждым из нас».

«Царь, одновременно возбужденный гневом и охваченный страхом, приказал окружить его пламенем, если он не объяснит сразу же эти двусмысленные угрозы заговора. «Посмотри, — сказал Муций, — чтобы понять, какая мелочь — тело для тех, кто созерцает великую славу». Он опустил руку в жаровню, зажженную для жертвоприношения, и оставил ее там, как будто не чувствуя боли». У Дионисия Клелия просит стражников разрешения искупаться, просит их отойти немного, пока она раздевается, а затем тихо переходит Тибр. Читая изобретения умных трусов, уважаешь Ливия за то, что он писал как римлянин.

Именно гордость, а не корысть заставляет римский народ восстать против господина. Посмотрите, как Цинциннат судит тиранию. Разве Ливий забыл, что он жил при Августе? Когда Мелий был растянут на рыночной площади, «Он был справедливо убит», — говорит диктатор; «нельзя относиться как к гражданину к человеку, который, родившись в свободном народе, в центре привилегий и законов, зародил в себе надежду на власть, зная, что короли были изгнаны из этого города; что в том же году племянники короля, сыновья консула, освободившего страну, были осуждены за заговор с целью восстановления королевской власти и обезглавлены топором своим отцом; и что консул Тарквиний Коллатин, из ненависти к самому своему имени, был вынужден покинуть свою должность и уйти в изгнание».

Все эти аргументы вытекают из достоинства римского народа, потомка богов, ликующего избранного повелителя мира, чья высокая самооценка является его доминирующей страстью. Этот народ убивает тирана не во имя справедливости, а для того, чтобы сам стать тираном из любви к империи. Эта потребность в господстве настолько естественна для римлян, что им кажется божественным правом. Когда латиняне, которые более двухсот лет составляли половину армии и одерживали половину побед, потребовали равных прав, которых они заслуживали, римский народ был возмущен, как будто это было кощунством. Консул откровенно говорит, что если римские сенаторы будут достаточно безумны, чтобы подчиниться человеку из Сетии, он придет с мечом в руке в сенат и собственноручно убьет каждого латинянина, которого увидит в курии. Затем, обращаясь к статуе Юпитера, он восклицает: «Послушай об этих преступлениях, Юпитер, услышь их, Право и Справедливость! Иностранные консулы, иностранный сенат, инаугурированный в храме Юпитера, ты сам в плену и угнетен, вот что ты увидишь».

Эта возвышенная дерзость доказывает, что эти люди имели души, достойные королей. Правительство, как и человек, имеет свою индивидуальность. В речах Демосфена чувствуется великодушное возмущение и красноречивая боль художественного и философского народа, который призывает богов и людей против жестокой силы, окутывает себя собственной славой перед падением. Декреты римского сената — это приговоры судьбы, который подавляет сердце своей властной жесткостью, прежде чем сокрушить врага своими армиями.

Когда Попилий, обведя круг вокруг царя Сирии, приказал ему ответить, прежде чем переступить его, он не сделал ничего необычного. Все римляне относились к иностранцам как к подданным.

Из этой публичной и частной гордости, зародившейся с основанием Рима, питаемой чередой побед и привычным господством, возник особый вид мужества. Римляне сражаются не из-за всплеска храбрости и воображения, как афиняне, или из-за потребности в действии и активности, как варвары, а из-за принципов гордости и упрямства. Их поражения достойны восхищения. На озере Тразименском батальоны солдат прорываются через окружившую их победоносную армию. В Каннах, выстроившись в круг, пятьдесят тысяч человек гибнут до последнего, те, кто впереди, непрерывно падают, а те, кто сзади, занимают их место.

Римляне сражаются за честь и долг, неспособные уступить, потому что сердце людей восстает против малейшего намека и проявления прощения, потому что унижение хуже гибели, потому что лучше потерять все, чем уступить ни на йоту. Вот почему Рим становится еще более гордым и соглашается на переговоры только для того, чтобы простить, почему он терпит вокруг себя только своих протеже, просителей и подданных и «простирает свою империю до краев земли, а свое мужество — до небес». Гордость придает спокойствие. Человек, стремящийся быть достойным, остается серьезным, и римляне без

эмоций и энтузиазма достигли величайших результатов. Гордость освящает отечество, потому что гражданин получает от нее славу и превосходство, без которых он не может существовать. Гордость жертвует семьей, потому что считает слабостью чувства, на которых она основана.

Ливий в своих речах показывает, насколько простым, спокойным и обдуманым является самопожертвование в Риме. К. Фабий председательствовал на комициях; первая сотня выдвинула его племянника Отацилия на должность консула. Он остановил голосование и холодно сказал: «Мы испытали тебя, Отаций, на менее важных должностях, и ты, безусловно, не сделал ничего, что оправдывало бы предоставление тебе более важных. Мы оснастили флот, которым ты командовал в этом году, по трем причинам: чтобы захватить африканское побережье, чтобы защитить берега Италии и, прежде всего, чтобы из Карфагена не поступали подкрепления, продовольствие и деньги для Ганнибала. Назовите Отацилия консулом, если он оказал государству — я не говорю все эти услуги, но хотя бы одну. Тебе, Отаций, больше, чем кому-либо другому, важно, чтобы на твои плечи не возлагалось бремя, под которым ты был бы раздавлен. Геральд, верни к голосованию центурию молодых людей из Анио». Когда Отаций в ярости кричит, что Фабий сам хочет остаться консулом, и набрасывается на него, консул приказывает ликторам подойти и сообщает Отацию, что, не войдя в город, он везет с собой оружие и стрелы. Фабий настолько уверен в своей бескорыстности, что не боится показаться амбициозным и тираничным, и народ, судя так же, сразу же избирает его консулом.

Сын Манлия сражался вопреки приказам отца. Он появляется со своей добычей. Не говоря ему ни слова, отец отворачивается и приказывает собрать армию, и сразу же произносит следующий приговор: «Поскольку, не уважая консульскую власть и отцовское величие, Т. Манлий, ты, вопреки приказам, вне рядов, сражался с врагом и разрушил, насколько это было в твоих силах, военную дисциплину, на которой до сегодняшнего дня всегда основывались римские деяния; поскольку ты заставил меня забыть и о республике, и о себе, и о своих близких, давай лучше сами понесем наказание за преступление, чем республика заплатит так дорого за нашу вину. Мы будем печальным, но полезным примером для будущих поколений. Без сомнения, естественная любовь отца и доказательство мужества, обманутого пустой славой, побуждают меня к твоей выгоде. Но поскольку необходимо либо твоей смертью санкционировать приказы консулов, либо твоим помилованием навсегда их аннулировать, я не думаю, что, если в твоих венах течет хоть капля нашей крови, ты откажешься восстановить своим наказанием военную дисциплину, которая была разрушена твоей ошибкой. Иди, ликтор, привяжи его к столбу».

Этот аргумент, который заканчивается как гром среди ясного неба, ужасен своей внезапностью. По этому примеру можно судить, до какой степени доходил римский фанатизм. В душе магистрата, казалось, существовал постоянный трибунал, всегда готовый вынести приговор. Им не нужно было подниматься над своим уровнем, чтобы достичь самоотречения; оно приходило к ним естественно. Точно так же дикари Америки спокойно подвергали свои тела пыткам и благодаря воспитанию, темпераменту, привычке и природе насмехались над тем, с чем мученики со всем своим воодушевлением едва осмеливались столкнуться.

После того как предсказатель объявил, что победоносная армия должна потерять своего полководца, Манлий и его брат-полководец, не проявляя никаких признаков эмоций, созывают своих офицеров накануне битвы и договариваются, что там, где они увидят, что армия отступает, один из них должен пожертвовать собой.

Ливий подчеркивает лучшие стороны этого персонажа, опираясь на гордость гражданства, а также раскрывает его характерные черты с помощью точности ораторского искусства, поскольку он вынужден адаптировать свою тему под аудиторию и затронуть римские страсти с помощью римских аргументов. Обратите внимание на речь Камилла, на ту религию, которая на самом деле является лишь доктриной, так тщательно и внимательно следующей освященной форме, так привязанной к внешним обрядам, соблюдающей не дух, а букву, которая и только она одна удерживает народ от эмиграции в Веи. Поскольку она является политической и местной, она привязывает правительство и граждан к земле. «У нас есть город, основанный в соответствии с предзнаменованиями и предсказаниями, в котором нет уголка, где нельзя было бы найти богов и их поклонение (). Наши торжественные жертвоприношения происходят в определенные дни. Вы откажетесь, римляне, от всех этих частных и общественных богов? Как мало ваши действия похожи на действия молодого М. К. Фабия, за которым враг наблюдал с таким же восхищением, как и вы, когда он, среди галльских копьев, спустившись с цитадели, принес на Квиринале торжественную жертву дома Фабиев. Весталки могут иметь только одно жилище, из которого их не может изгнать ничто, кроме сдачи города. Фламен Юпитера не может провести ни одной ночи вне Рима без преступления. Вы хотите сделать этих римских жрецов веентскими жрецами и отказаться от весталок? О, Веста! А жрец, живущий в другой стране, будет ли он каждую ночь совершать безбожный поступок, за который республика должна будет искупить вместе с ним? Вот Капитолий, где когда-то была найдена человеческая голова, когда предсказатели сказали, что здесь будет голова мира и резиденция империи. Вот священный огонь Весты, щиты, упавшие с неба, и, если вы останетесь здесь, все милостивые боги».

Видно, что любовь к родине является столько же религиозной, сколько и политической; боги живут на этой земле и являются римлянами; какова же сила этого чувства, которое объединяет все остальные! В наши дни они разделены. Город, в котором мы живем, религия, которой мы следуем, и страна, к которой мы принадлежим, составляют три отдельных мира, часто враждебных друг другу. У древних был только один — город. Семья была принесена в жертву ему; он слился с религией; душа и мысли человека были поглощены его страной; и с любой точки зрения был виден только гражданин.

ДУХ ВРЕМЕН

Попробуем в нескольких словах обобщить философию эпохи, как ее представляют наши современники. Мы не оставляем Ливия позади, показывая, как его работа была усовершенствована. «Великая королева, — сказал Боссюэ перед могилой Генриетты Марии, — я удовлетворяю ваши самые нежные желания, восхваляя этого великого монарха, и ваше сердце, хотя оно и превратилось в прах, пробуждается, чтобы услышать меня». Ливий не остался бы равнодушным к современным философам, которые объясняют, совершенствуют и дополняют историю его страны. Действовать с учетом личных интересов и, следовательно, организовывать средства для этого — вот доминирующая черта истории и гения Рима. Поэтому его дух — это скорее расчетливое размышление, чем поэтическое творчество и философские спекуляции, а его характер состоит в разумной воле, а не в чувствах или привязанностях.

Отсюда возникает бесконечная борьба с бесплодностью естественно бесплодной земли, презрение к тому, кто теряет свое наследство, слава того, кто его увеличивает, экономия, бережливость, жадность, жадность, хитрость, все добродетели и все пороки, которые порождают и сохраняют богатство, склонность рассматривать собственность как священное

доверие, а границы поля как ограничение божественного происхождения, защита земель и кредита строгими законами, юридические документы, составленные в мельчайших и незыблемых формах — одним словом, все учреждения, рассчитанные на защиту приобретенной собственности.

В других странах естественная семья, основанная на общем происхождении, управляется чувствами; но римская семья, абсолютно гражданская, основанная на сообществе послушания и обрядов, является лишь собственностью отца, управляется по его воле, подчиняется государству, всегда завещается по закону в присутствии государства, является своего рода провинцией в руках отца, которая поставляет солдат для общественного блага.

Состоящее из разных рас, объединенных насилием, силой и волей, а не родством и природой, римское государство содержало в себе два организованных органа, борющихся регулярно и законно, не из-за страсти, а из-за интереса, и объединенных под лучшей из когда-либо известных конституций. Благодаря систематическому и методичному способу завоевания, единственной целью которого было сохранение и эксплуатация, военное искусство было доведено до наивысшей степени совершенства, а политические навыки и административный талант объединились, чтобы силой объединить весь тогдашний известный мир в империю, организованную одним доминирующим городом.

Римская политика заключалась в превращении завоеванных народов в римских солдат, а иностранных князей и магистратов — в римских министров, тем самым усиливая контрольную власть с наименьшими возможными затратами. Военное искусство заключалось в подчинении самых храбрых и сильных солдат строжайшему послушанию, то есть в получении максимальной силы от огромных сил, находящихся в подчинении. Вся ее мудрость была направлена на увеличение своей власти и на то, чтобы пощадить себя. Институт воли, машина завоевания, вопрос организации, государство занимало все мысли, поглощало всю любовь и требовало подчинения в каждом действии и учреждении.

Господство личных интересов и национального эгоизма порождает презрение к человечеству. Непокоренный человеческий род рассматривается как материал для завоевания, а покоренный — как добыча, которой можно пользоваться и злоупотреблять. Рабы подвергаются жестокому обращению, целые народы уничтожаются, побежденные цари ведут в триумф и казнят.

Боги являются абстракциями и совершенно лишены поэзии, которую спокойное размышление обнаруживает в самых скромных сельскохозяйственных или домашних делах, они являются бичами, почитаемыми из страха, иностранными богами, принятыми в храм из корыстных мотивов, как побежденные враги принимались в город, и подчинялись Юпитеру Капитолийскому, как народы подчинялись Риму. Священники были мирянами, разделенными на классы, и служили только под властью сената, который регулировал все искупительные церемонии и только он, вместе с народом, мог вносить нововведения. Поклонение состояло из мельчайших церемоний, скрупулезно соблюдаемых из-за отсутствия поэтического и философского духа, который является толкователем символов; тупой, неосвященный разум привязывался только к букве. Сенат использовал религию как политический инструмент, и, как и все остальное, она была лишь инструментом правительства.

В мире искусства мы не находим ничего самобытного, кроме семейных мемуаров, написанных в интересах одной расы, сухих хроник, составленных для общественного пользования, ритуалов, бухгалтерских книг, сборников законов, книг с моральными изречениями, меморандумов политических сатир — короче говоря, правительственных документов, правил поведения и политических эссе.

Все остальное — иностранное, заимствованное или завоеванное. Театр, зародившийся в Этрурии и Греции, был просто скопирован, а затем заброшен в пользу боев медведей, которые позже превратились в процессии, великолепные по оружию и украшениям, парады триумфа и войны. Памятники искусства были разграблены в Греции и во времена Цицерона все еще презирались; в поэзии не было оригинальной художественной литературы, не было вымышленных персонажей. Единственные области, в которых национальный гений соперничает с подражанием иностранным образцам, — это ораторское искусство, оружие форума, сатира, стихотворные мольбы и нравоучения, а также история, запись политических фактов, которая, однако, в Риме является лишь сборником мемуаров или упражнением в ораторском искусстве; и все эти вещи связаны с практикой и правительством. Если в Риме и были поэты, то только тогда, когда его особый гений уступал место новому движению. Единственными развлечениями, которые он изобрел, были триумфы и игры в цирке, где победа продолжалась унижением и смертью побежденных, где зритель был и победителем, и убийцей.

Все научные сочинения были переводами. Были такие компиляторы, как Варрон и Плиний, такие подражатели, как Цицерон и Лукреций; небольшой прогресс был достигнут в сельском хозяйстве, риторике, медицине и архитектуре — всех прикладных науках (). Вместо метафизики копировалась неуклюжая физика Эпикура и стоиков. Изучалась только практическая сторона философии, моральная философия, и то с чисто практической целью. Единственной строго римской наукой является юриспруденция, и она является полностью практической и политической. Более того, пока она остается римской, она является лишь сборником сухих формул, просто руководством для юристов, а не отраслью науки.

Из характера римского гения проистекает его история. Поскольку семья и религия были подчинены государству, искусство и наука были ничтожны или полностью практичны, а государство не имело иной цели, кроме как завоевывать и организовывать то, что оно завоевало, римская история является историей завоеваний и их последствий.

Средний класс был либо разорен, либо уничтожен в ходе этой великой войны. Со времен Грахов, помимо бедных людей и освобожденных рабов, остался только богатый класс, обладавший огромной властью благодаря своим огромным богатствам, командованию большими армиями, контролю над налогами и судьбами республики в целом. Сначала объединенные, но впоследствии разделившиеся, в конце столетия борьбы один из этих классов вышел победителем. Таким образом, власть, основанная на чистой силе, перешла к армиям, воплощению силы. Между тем, вселенная, обезлюдившая и разоренная завоеваниями, гражданскими войнами, грабежами проконсулов, требованиями императорской казны, больше не поставляла солдат. С падением милитаризма был основан восточный деспотизм, характеризующийся хитрой администрацией. В результате войны и ее последствий погибли завоеватели и завоеванные, нации и свободы. Не осталось ничего, кроме системы изношенных институтов, подчиненных прихотям правителя, который зачастую едва ли был человеком.

Древняя институция семьи исчезла под влиянием греческих идей и восточных обычаев. Судебные постановления юристов и преторов вступали в противоречие с авторитетом мужа и отца; гражданские семейные узы распались под влиянием излишеств и любви к завоеваниям. Несмотря на законы Августа, количество браков уменьшилось, и они стали лишь оправданием для прелюбодеяния и разводов. Мистицизм, бедность, уныние куриалов усугубляли последствия разврата и порождали презрение к жизни.

В результате этих изменений в семейной жизни и под влиянием иностранных философов римское представление о собственности изменилось. Сначала находясь в руках отца (*mancipium*), имущество затем стало семейным наследием (*dominium*) и в конце концов

перешло в полную собственность отдельного человека (*proprietas*). Хотя в теории это было выгодно, на практике собственность перестала существовать, потому что по закону император был ее хозяином, потому что казна получала ее плоды, потому что налогообложение, тирания, невежество и растущее обезлюдение сделали ее бесплодной или свело на нет.

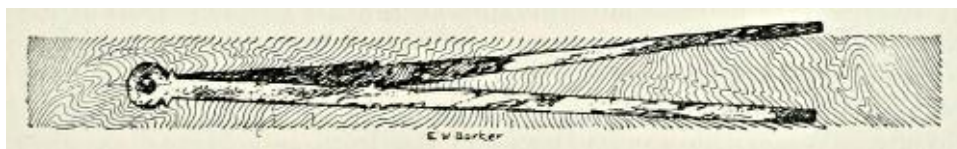
Древняя религия, ассимилированная с религиями Греции и Востока, исчезла в пантеоне богов, пополненном мертвыми императорами, и от нее остались только официальная пышность и повод для преследований. Ревность деспотов, деградация рабства, утрата всех интересов и всей надежды, злоупотребление удовольствиями, падение Греции и Востока уничтожили все, что еще было известно об искусстве и науке. Только юрисконсульты разработали свод законов, последний результат духа организации.

Таким образом, завоевание, плод римского гения, уничтожило как гений народов, так и сами народы, оставив после себя, поскольку это была система, систему институтов на мертвом фундаменте. Но в этом унижении всех сил и всех земных надежд человек нашел убежище в себе самом. С помощью восточного мистицизма он открыл в новой религии новый мир.

Это то, что современные философы добавили к Ливию. Критика, начатая им, возобновленная Бофортом, почти доведенная до совершенства Нибуром, и философия, скрытая под его красноречием, которая была обращена Макиавелли в практическое русло и все еще остается несовершенной у Монтескье, с каждым днем становятся все более точными и глубокими. Сделанные таким образом исправления чествуют тех, кто их делает, не унижая тех, кто их терпит. Первые авторы являются отцами науки, и Ливий один сделал для римской истории больше, чем все те, кто желал его исправить.¹

СНОСКИ

[4] Замечания Нибура [в.с.](#)) о датах истории Ливия (*Rom. Hist. iv.*) можно сравнить с более распространенным мнением, изложенным в словаре Смита и в других источниках. Я полагаю, что начало работы следует датировать 29-24 годами до н. э.; но, если принять идею о том, что она изначально была разделена на десятилетия, то тот факт, который теперь доказан, что она достигла 142-й книги, кажется, показывает, что она не была завершена в соответствии с намерениями автора. Также справедливо замечено, что смерть Друза не является достаточно важным моментом для завершения великой эпопеи римской истории. Эта точка зрения подтверждается интересным заявлением Плиния, что в одной из своих последних книг Ливий заявил: *Satis jam sibi gloriæ quæsitum; et potuisse se desinere, nisi animus iniquies pasceretur opere.* (Плиний, «Естественная история», предисловие). Период более сорока лет, посвященный созданию одного произведения, не является беспрецедентным. Фруассар работал над своими «Хрониками» сорок лет.

Римский компас

(В Британском музее)

РИМСКАЯ ПОСМЕРТНАЯ МАСКА

ГЛАВА XXXII. ПОСЛЕДНИЕ ГОДА АВГУСТА

Октавиан развелся со своими двумя первыми женами: дочерью Публия Сервилия, на которой он женился в восемнадцать лет, и Клодии, дочери жены Антония Фульвии от ее первого мужа П. Клодия, триумвира, после короткого периода супружеской жизни; а через год после того, как она родила ему дочь по имени Юлия, он отверг свою третью жену Скрибонию, будучи очарован очарованием Ливии, жены Ти. Клавдия Нерона, которая вошла в его дом в качестве его четвертой жены с согласия ее бывшего мужа. Ее два сына, Тиберий (родившийся в 42 г. до н. э.) и Друз, которых она родила через три месяца после союза с Августом, воспитывались в доме своего отца К. Нерона, но были приняты Августом в свой дом после смерти последнего, который назначил его их опекуном.

Человеком, имевшим наибольшие шансы на престолонаследие, казался М. Марцелл, сын сестры императора Октавии от ее первого брака. Август относился к нему с особым почтением, быстро наделив его множеством почестей и в раннем возрасте женив на своей дочери Юлии, к большому огорчению высокомерной и амбициозной Ливии, которая, не родив детей своему императорскому супругу, желала обеспечить себе первое место после монарха и право на престол для своих сыновей Тиберия и Друза.

[21 г. до н. э. — 2 г. н. э.]

Второй соперник юного Марцелла появился в лице его собственного зятя Агриппы, знаменитого полководца, которому Август в основном обязан своими победами над Секстом Помпеем и Антонием и которого он сам поощрял самыми смелыми надеждами, высокими наградами и доказательствами благосклонности. Когда вражда между Агриппой и Марцеллом стала слишком очевидной, император отправил первого в Азию под предлогом почетной миссии. Но Агриппа, рассматривая это как своего рода изгнание, управлял провинцией через своего легата, а сам оставался на Лесбосе, не сводя глаз с Рима. Судьба вмешалась, чтобы избавить Августа от болезненного опыта оскорбленной гордости амбициозного человека. Марцелл умер в 23 году, и его смерть оплакивал весь римский народ, который его любил. Было обоснованное подозрение, что он стал жертвой злобы и интриг Ливии, которая по рождению была членом семьи Клавдиев и унаследовала всю гордость и ревнивую амбицию их старинного патрицианского рода. Август, встревоженный беспорядками в Риме в 22 году и свидетельствами заговора против его жизни, которые тогда вскрылись, поспешил примириться с Агриппой и, выдав его замуж за Юлию, обеспечил ему первое место после себя и перспективу преемственности. Октавия, сестра императора, движимая завистью и ревностью к Ливии, с радостью согласилась на развод Агриппы с ее дочерью Марцеллой, чтобы таким образом помешать амбициозным планам супруги императора. Несколько лет спустя Агриппа отправился на Восток в сопровождении Юлии, чтобы уладить сложные ситуации и борьбу за трон, которые возникли в различных

районах от Босфора до Сирии. Его присутствие было благословением для азиатских провинций и зависимых государств; он примирил ссорящихся членов империи увещеваниями и приказами и увековечил имя своей жены, основав на месте древнего и разрушенного морского порта Беритус колонию Юлия Феликс, которая была снабжена гарнизоном из двух легионов и стала центром римского господства в Сирии. Когда Агриппа возвращался в Италию после нескольких лет пребывания на Востоке, он скончался от болезни в возрасте 51 года. Он умер в Кампании в 12 году до н. э.

Август оказал высшие почести человеку, которому он так много обязан и который посвятил себя как благополучию государства, так и делу своего императорского друга. Он похоронил тело с самыми торжественными почестями в императорском склепе, сам произнес похоронную речь и не только передал бани и сады Агриппы городу Риму в соответствии с пожеланиями покойного, но и раздал значительные денежные пожертвования народу от его имени.

Ливия теперь зародила новые надежды для своих сыновей. Своими интригами ей удалось добиться развода Тиберия, ее первенца, которому в то время было тридцать лет, с его женой и его брака с овдовевшей дочерью императора, которая родила Агриппе трех сыновей — Гая, Луция и Агриппу, а также двух дочерей, Юлию и Агриппину. Август с трудом сдерживал свою неприязнь к своему амбициозному, властному и угрюмому пасынку.

За несколько лет круг друзей, которых Август собрал вокруг себя, печально поредел из-за смерти. Агриппа, Октавия, Друз и Мекенат ушли в могилу в течение четырех лет (с 12 по 8 год до н. э.). Таким образом, с возрастом император все больше и больше привязывался к своим двум внукам, Гаю и Луцию, детям своей дочери Юлии и своего друга Агриппы. Он усыновил их в семью Юлиев, присвоил им титул Цезаря и воспитал их под своим присмотром; он даже посвящал часть своего свободного времени их обучению и воспитанию. Они были его постоянными спутниками за столом и пользовались таким уважением, что все считали их будущими наследниками империи. Народ и сенат соперничали друг с другом в выражении почитания и восхваления императорским внукам Августа, и каждый год они получали новые почести и титулы.

Но это блестящее положение было обречено стать гибелью для молодых принцев. Оно не только наполнило их сердца самонадеянностью и самодовольством; Ливия и Тиберий обратили на избранную пару глаза зависти и ненависти. Когда Август, который не был слеп к их чувствам, попытался удалить своего пасынка из столицы, поручив ему почетную задачу провести кампанию в Армении, тот отклонил предложенную честь из-за уязвленного самолюбия и попросил разрешения провести несколько лет в ученом досуге на острове Родос. Разрешение было дано и даже продлено сверх его желаний. В течение семи лет он оставался на греческом острове, занимаясь философскими и математическими исследованиями и наблюдая за созвездиями в ночные часы под руководством Тразилла, чтобы по их положению предсказывать будущее. Сначала его отсутствие ассоциировалось с проявлениями чести, благодаря великолепию трибунской должности, которую Август присвоил ему перед отъездом; но со временем оно все больше и больше приобретало характер изгнания, и Юлия воспользовалась этим, чтобы усилить отвращение отца к мужу, которого она ненавидела.

Легкомысленная, тщеславная и распутная, дочь императора доставляла ему много хлопот своим легкомысленным поведением и любовью к развлечениям, но ей всегда удавалось умиловить его гнев и вернуть свое влияние благодаря своей приветливости, таланту к остроумной и приятной беседе, образованности и искусству деликатного лести. Он закрывал глаза, когда она нарушала внешнюю пристойность и приличия, которые он старался распространить на частную жизнь императорской семьи, или когда она появлялась на

публике в окружении роя аристократических молодых людей с распущенными нравами. Если его раздражала какая-то слишком развязная одежда, она вскоре появлялась в пристойном наряде римской матроны и развеселяла отца шутливыми замечаниями. Круг цветущих внуков, которыми она окружила его трон и которыми, казалось, обеспечила его династии власть над монархией, склонял его судить о ней снисходительно и делать ей поблажки.

Но интриганский характер Ливии нашел способы и средства разрушить эту связь и погасить в сердце отца давно лелеянную веру в невинность дочери. Она сумела пробудить в нем мрачное подозрение, что Юлия не только порочит честь императорского дома распутным образом жизни, но что она и ее любовники фактически замышляют враждебные планы против его личности и безопасности империи. Ибо только этим можно объяснить суровые меры, принятые Августом, который внезапно без суда сослал свою дочь на маленький остров Пандатария у побережья Кампании, и сообщил сенату, что из-за своей бесстыдной распущенности она зашла так далеко, что сделала Форум и трибуну местом ночных оргий и свидетелем своих любовных походов. Ее сообщники, реальные или предполагаемые, которые в большинстве своем были противниками Тиберия, разделили ту же судьбу изгнания или были казнены, как, например, одаренный и образованный сын триумвира Юл Антоний, выдающийся как государственный деятель и военачальник. Сочувствие и сострадание народа сопровождали дочь императора (которой тогда было тридцать восемь лет) на место ее наказания. Ее вина и проступки были ее уделом в жизни развращенной эпохи и города, погрязшего в удовольствиях и пороках, а ее покаяние было результатом зависти и злобы интриганки-мачехи.

Ее жизнь в изгнании, которую добровольно разделила с ней ее мать Скрибония, была богата делами милосердия и благотворительности. Она умерла в Региуме вскоре после своего отца, полная печали и уставшая от жизни. Одаренный и красноречивый Семпроний Грах, который в счастливые дни пользовался ее благосклонностью и любовью и в результате был сослан на африканский остров Черцина, умер примерно в то же время от рук убийц, посланных Тиберием, чтобы расправиться с ним; своей стойкостью в смерти он показал себя достойным имени Семпрония, которое при жизни он опозорил.

[1 г. до н.э. — 9 г. н.э.]

С изгнанием Юлии началась череда несчастий, которые привели к опустошению дома Августа и нанесли глубокие раны его отцовскому сердцу. В том же году ее старший сын, восемнадцатилетний Гай Цезарь, возглавил значительную армию и отправился в поход в Азию, чтобы подчинить армян, которые с помощью парфян восстали против власти Рима, и наказать непокорные арабские племена. Вооруженный властью проконсульской империи () над всеми провинциями Востока, так что абсолютная власть в военных и гражданских делах находилась в его руках, а все местные правители подчинялись его приказам, молодой главнокомандующий переправился в Египет через Самос в сопровождении М. Лоллиуса и других опытных и ученых людей, которых Август поставил рядом с ним в качестве советников. Тиберий, который навестил своего пасынка во время его пребывания на острове, смог сделать из прохладного приема вывод, что его собственная звезда заходит и что Гай Цезарь повсеместно признается и почитается как наследник империи. Из Египта экспедиция прошла через Палестину в Сирию. Все люди склонялись перед императорским юношей, который, казалось, был предназначен унаследовать империю мира, и соперничали друг с другом в выражении почтения, заискивании и принесении даров. Доступ к юному императору покупался у Лоллиуса по высокой цене.

Враги Рима были потрясены этим проявлением могущества и величия. Nabateйцы из Петры добровольно вернулись к своему прежнему положению зависимости, а на личной встрече с римским главнокомандующим на одном из островов Евфрата Фраат, царь Парфии, заключил мир на условиях, диктованных этим могущественным правителем, и эвакуировал Армению, которая после слабого сопротивления была быстро завоевана легионами и вновь вошла в число римских владений.

Затем Гай Цезарь приготовился к возвращению домой. Слабый телом и сильно страдающий от раны, полученной при осаде города Артагера на Евфрате, он не желал больше испытывать тяготы и опасности войны; он жаждал удовольствий и спокойствия, а не чести и военной славы. И то, и другое было ему отказано. Смерть настигла его в Ликийи на пути домой. Перед смертью он получил печальную весть о том, что его младший брат Луций Цезарь внезапно скончался от болезни восемнадцать месяцев назад в Массилии во время экспедиции в Испанию.

Смерть двух Цезарей вновь возродила надежды Тиберия. Поэтому вполне вероятно, что они умерли от яда, поданного по преступной инициативе Ливии. Даже современники питали это подозрение. Страстный характер императрицы, которая не гнушалась никакими преступлениями, какими бы отвратительными они ни были, был хорошо известен, как и мстительный и злобный характер ее старшего сына, который вернулся в Рим незадолго до смерти Гая и теперь делал все, что мог, чтобы занять освободившееся место. Интриги матери и льстивые уловки сына в некоторой степени действительно помогли преодолеть неприязнь императора к своему пасынку. Он принял его в свою милость и великодушно удовлетворил гордые надежды и желания Ливии, усыновив его и приняв в семью Юлиев. Юлия, внучка Августа, которая по красоте, уму, а также легкомыслию и сладострастию походила на свою мать, и младший Агриппа (названный Постумом, потому что Юлия родила его после смерти своего мужа), буйный юноша с высокомерным и неуправляемым характером, грубыми манерами и бурными страстями, не были грозными соперниками коварной Ливии и ее злобному сыну.

Когда вспышки ярости Агриппы дошли до такой степени, что ни император, ни императрица не были от них избавлены, последняя устроила так, чтобы этот безрассудный и неуправляемый юноша, хотя и усыновленный Августом одновременно с Тиберием, был помещен под военный надзор на маленьком острове Планазия; где Тиберий избавился от него в первый год своего правления, отправив на него убийц, сославшись на завещание умершего императора. Младшая Юлия была сослана под предлогом незаконной связи с Децием Силаном на безлюдный остров вблизи Апулии () и вынуждена была провести остаток своих дней — двадцать долгих лет — в изгнании.

[9-14 гг. н. э.]

Удача, которая верно сопровождала Августа на протяжении всей его публичной карьеры и привела его по многим тернистым путям к вершине земной славы, покинула его в личной жизни и в семейном кругу. Ненависть и зависть, раздуваемые женскими страстями, разделили его двор на две враждующие фракции, которые использовали друг против друга все орудия интриг и все искусства вероломства и лицемерия, изгнав мир и гармонию из покоев императорского дворца.

Амбициозный и страстный характер Ливии был настолько известен, что ее даже подозревали в том, что она сократила жизнь своего мужа ядом, чтобы он не восстановил в правах и почестях своего внука Агриппу, с которым он недавно примирился в своем изгнании на острове со слезами и страстными объятиями. Она была одна с императором, когда смерть настигла его во время путешествия в Ноле в Нижней Италии, в возрасте

семидесяти шести лет; и, тщательно охраняя дом и распространяя ложные сообщения, она скрывала факт его кончины, пока ее сын, который в течение нескольких лет был связан со своим приемным отцом в качестве соправителя в империи, не был вызван из Иллирии. Тогда мир потрясло двойное объявление о смерти Августа и о том, что Тиберий взял на себя бразды правления.

Первым делом нового императора стали пышные похороны его предшественника. В сопровождении всего корпуса рыцарей и сенаторов, а также женщин, телохранителей и бесчисленной толпы, тело было перенесено на Марсово поле и там предано огню. Когда прах был собран и захоронен в императорском склепе, по решению сената покойный был возвышен до ранга бога, и ему были выделены храм и ритуал. Ливия, известная как Юлия Ливия с момента ее усыновления в семью Юлиев, должна была возглавить в качестве верховной жрицы новый колледж жрецов- , посвященных обожествленному монарху. Она умерла в 29 году н. э. в преклонном возрасте 86 лет.^{[b](#)}

Очень трудно оценить характер этой знаменитой женщины. Выше были приведены различные намеки, которые, если они оправданы, показывают ее в самом худшем свете. Но не следует забывать, что в первые дни империи злонамеренные сплетники были очень активны, а интриги и зловещие мотивы сомнительного характера омрачают страницы Тацита, нашего главного авторитета. Действительно, не будет преувеличением сказать, что Тацит преуспел в придумывании или пристрастном использовании дурных мотивов, а его великолепные драматические и сатирические способности придают особое силу этому несправедливому оружию. На Тацита можно полагаться в отношении фактов, которые были общеизвестны или зафиксированы в то время, но он далек от беспристрастности. Возможно, беспристрастная оценка несколько смягчила бы суровый приговор, который, благодаря Тациту, большинство писателей без колебаний вынесли Ливии. С этой оговоркой перейдем от Ливии к рассмотрению характера ее знаменитого мужа.^a

ЛИЧНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АВГУСТА

Мы обязаны К. Светонию Транквиллу, который жил в Риме в конце I века н. э., большей частью того, что мы знаем о личностных качествах Августа и его ближайших преемников. Благодаря ему мы можем как бы лично познакомиться с цезарями; что весьма необычно для великих личностей древности в целом. Биографии Плутарха и Корнелия Непоса — едва ли не единственные другие обширные источники информации о характере знаменитостей как людей, а не просто исторических личностей. Перейдем теперь к оценке Августа Суетонием:

Август медленно завязывал дружбу, но, однажды завязав ее, он поддерживал ее с большой постоянностью; он не только щедро вознаграждал добродетели и хорошие услуги своих друзей, но и терпеливо относился к их недостаткам и порокам, если они были простительными. Среди всех его друзей мы едва ли найдем кого-либо, кто бы попал в немилость, за исключением Сальвидиена Руфа, которого он возвысил до консула, и Корнелия Галла, которого он сделал правителем Египта, — оба они были людьми низкого происхождения. Одного из них, участвовавшего в заговоре с целью поднять восстание, он предал сенату, чтобы тот вынес ему приговор, а другого, из-за его неблагодарного и злобного характера, он изгнал из своей семьи и из провинций, находившихся под его управлением. Но когда Галл, под угрозами своих обвинителей и голосами сената против него, был доведен до отчаянного шага — покончить с собой, он, конечно, высоко оценил привязанность сената, который выразил столько возмущения по поводу его дела, но пролил слезы и сетовал на свое несчастное положение: «Только мне одному, — сказал он, — не позволено злиться на своих друзей в той мере, в какой я считаю это нужным». Остальные его друзья на протяжении всей своей жизни продолжали занимать видное положение в

своих сословиях, как по власти, так и по богатству, несмотря на некоторые случайные неприятные инциденты. Не говоря уже о других, он иногда жаловался на нетерпеливость Агриппы и болтливость Мецената: на первого — из-за подозрений в холодности Августа по отношению к нему и потому, что Марцелл, получивший больше знаков благосклонности, удалился от всех дел в правительстве и уединился в Митилене; на второго — потому, что тот доверительно сообщил своей жене Теренции об обнаружении заговора Мурены. Он также ожидал от своих друзей, как живых, так и умерших, взаимного доказательства их доброжелательности. Хотя он и был далек от того, чтобы жаждать их имущества (поскольку никогда не принимал наследства, оставленного ему незнакомыми людьми), он с тревожным вниманием изучал их последние чувства по отношению к нему, выраженные в завещаниях, не в силах скрыть своего разочарования, если они упоминали его лишь вскользь или не очень почетным образом, и, с другой стороны, своей радости, если они выражали благодарность за его благодеяния и искреннюю привязанность к нему. А то, что ему оставляли те, у кого были дети, он обычно возвращал последним, либо сразу, либо, если они были несовершеннолетними, в день их вступления в мужской возраст или в день их бракосочетания, с процентами.

Как покровитель и хозяин, он вел себя в целом мягко и примирительно, но когда того требовала ситуация, мог быть суровым. Он нанимал многих из своих вольноотпущенников на важные должности, таких как Лициний, Энцелад и другие. А когда его раб Космус резко высказался о нем, он не стал мстить ему, а лишь посадил его в кандалы. Когда его управляющий Диомед, во время совместной прогулки, оставил его на произвол дикого кабана, который внезапно на них напал, он предпочел обвинить его в трусости, а не в злом умысле, и превратил инцидент, не без риска для его жизни, в шутку, потому что он не был результатом предательства. Прокула, одного из своих самых любимых освобожденных рабов, он казнил за преступные отношения с чужими женами. Он сломал ноги своему секретарю Таллу за то, что тот взял взятку в пятьсот динариев за раскрытие содержания его письма. А наставника своего сына Гая (Caius), Гая Капитония () и других слуг, которые во время его болезни и смерти вели себя с большой наглостью и совершали грабительские действия, он привязал к шеям тяжелые грузы и бросил в реку.

В молодости он был объектом различных клеветнических нападок. Секст Помпей упрекал его в женоподобности, а Марк Антоний — в том, что он заслужил усыновление своим дядей проституцией. Л. Антоний также упрекает его в том же и в том, что он за триста тысяч сестерциев подчинился А. Гиртию таким же образом в Испании, добавляя, что он обжигал свои ноги пламенем ореховых скорлуп, чтобы волосы стали мягче.

Даже его друзья не отрицают, что он был виновен в различных актах прелюбодеяния, но в оправдание этого они утверждают, что он вступал в эти интриги не из развратных побуждений, а из политических соображений, чтобы легче раскрывать замыслы своих врагов через их жен.

Что касается обвинения в проституции, он очень легко опроверг его своей целомудренностью, как в момент, когда было выдвинуто это обвинение, так и впоследствии. Его поведение также опровергало обвинения в роскошной расточительности в отношении мебели, когда, после взятия Александрии, он не оставил себе ничего из всей мебели дворца, кроме фарфоровой чашки, а вскоре после этого переплавил все золотые сосуды, даже те, которые были предназначены для общего пользования. Но он никогда не мог опровергнуть обвинение в разврате с женщинами, поскольку, как говорят, в последние годы своей жизни он был очень пристрастен к дефлорации девственниц, которых для него добывали со всех концов света даже его собственная жена. Он не обращал ни малейшего внимания на замечания относительно его азартных игр, но играл откровенно и открыто для

своего развлечения, даже когда был в преклонном возрасте, и не только в декабре, но и в другие времена, и во все дни, будь то праздники или нет. Это ясно видно из письма, написанного его собственной рукой, в котором он говорит: «Я ужинал, мой дорогой Тиберий, в той же компании. Кроме того, с нами были Виниций и Сильвий-отец. Мы играли, как старики, за ужином, и вчера, и сегодня. И когда кто-нибудь бросал на тали^[5], тузы или шестерки, он клал за каждый *талус* денарий; все это выигрывал тот, кто бросал Венеру».

В другом письме он пишет: «Мы, мой дорогой Тиберий, прекрасно провели время во время праздника Минервы: мы играли каждый день и не давали остыть игровому столу. Твой брат много восклицал из-за отчаянной полосы неудач, но постепенно и неожиданно он в конце концов не проиграл много. Я, со своей стороны, проиграл двадцать тысяч сестерциев, но я был чрезвычайно щедр в игре, как обычно, потому что, если бы я настаивал на ставках, от которых отказался, или сохранил то, что отдал, я бы выиграл более пятидесяти тысяч. Но мне так больше нравится, потому что моя щедрость вознесет меня к небесной славе». В письме к своей дочери он пишет: «Я послал тебе 250 денариев, которые я дал каждому из моих гостей, на случай, если они захотят развлечься за ужином игрой в *тали* или игрой в чет-нечет».

В других сферах своей жизни он, несомненно, вел себя с большой осмотрительностью и был свободен от всяких подозрений в каких-либо пороках. Сначала он жил недалеко от Римского форума, над лестницей Кольцевого мастера, в доме, который когда-то занимал оратор Кальв. Затем он переехал на Палатин, где жил в небольшом доме, принадлежащем Гортензию, ничем не примечательном ни с точки зрения удобств, ни с точки зрения украшений; площади были небольшими, колонны из альбанского камня, а в комнатах не было ни мрамора, ни красивой мостовой. Он продолжал пользоваться одной и той же спальней как зимой, так и летом в течение сорока лет; хотя он понимал, что город не благоприятно влияет на его здоровье, он тем не менее постоянно проживал в нем в течение зимы.

Если в какой-то момент он хотел полностью уединиться и быть уверенным, что его не будут беспокоить, он запирался в комнате на верхнем этаже своего дома, которую он называл Сиракузами или Τεχνοφυον, или же уезжал в какое-нибудь поместье, принадлежащее его вольноотпущенникам, недалеко от города. Но когда он был нездоров, он обычно селился в доме Мецената. Из всех мест, удаленных от города, он чаще всего посещал те, что находились на побережье, и острова Кампании, или города недалеко от города, такие как Ланувий, Пренесте и Тибур, где он часто заседал для отправления правосудия в портиках храма Геркулеса. Он испытывал особую неприязнь к большим и роскошным дворцам; некоторые из них, построенные за огромные деньги его внучкой Юлией, он снес до основания. Свои собственные дворцы, которые были далеко не просторными, он украшал не столько статуями и картинами, сколько аллеями и рощами, а также предметами, которые были интересны своей древностью или редкостью, такими как в Капрее — огромные конечности морских чудовищ и диких зверей, которые некоторые любят называть костями гигантов и оружием древних героев.

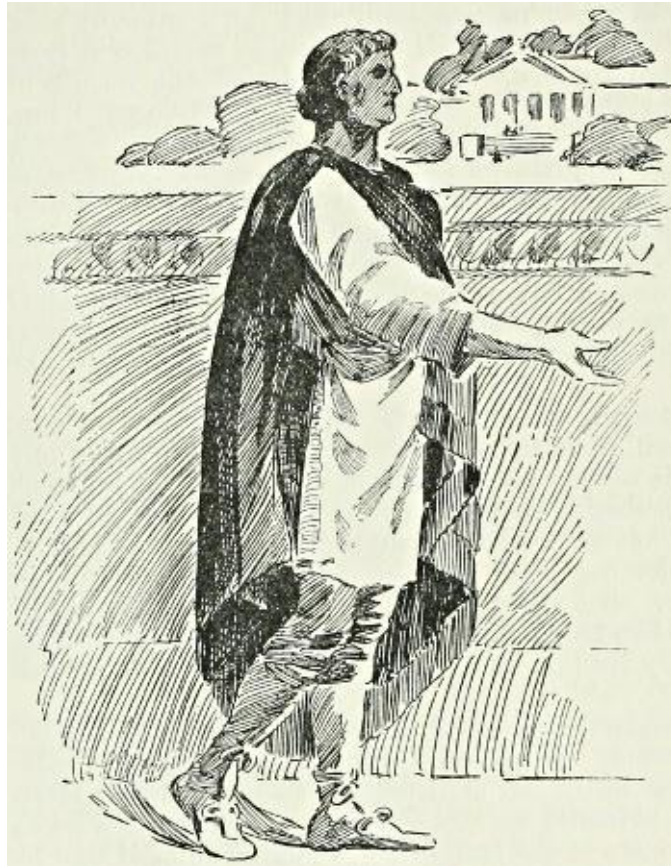
Его бережливость в обстановке своего дома видна и по сей день по некоторым сохранившимся кроватям и столам, большинство из которых едва ли подходят для какой-либо благородной частной семьи. Сообщается, что он никогда не ложился на кровать, кроме как на низкую и скромно обставленную. Он редко носил одежду, которая не была сшита руками его жены, сестры, дочери и внуков. Его тоги не были ни скудными, ни полными; *клавус* его туники не был ни особенно широким, ни узким. Его обувь была немного выше обычной, чтобы он казался выше, чем был на самом деле. У него всегда были одежда и

обувь, подходящие для выхода на улицу, готовые в его спальне на случай неожиданной необходимости.

За своим столом, который всегда был обильным и элегантным, он постоянно принимал гостей, но был очень щепетилен в их выборе. Валерий Мессалла сообщает нам, что он никогда не допускал к своему столу освобожденных рабов, за исключением Менаса, после того как тот предал ему флот Помпея, но только после того, как он возвысил его до статуса свободнорожденного. Он сам пишет, что приглашал к своему столу человека, в чьем загородном доме он останавливался, который ранее был его шпионом. Он часто приходил к столу поздно и уходил рано, так что гости начинали ужинать до его прихода и продолжали сидеть за столом после его ухода. Его застолья состояли из трех блюд, или, в крайнем случае, только из шести. Но если расходы были умеренными, то любезность, с которой он обращался со своими гостями, была необычайной. Он побуждал молчаливых или тихо разговаривающих гостей участвовать в общей беседе и приглашал музыкантов, актеров и танцоров из цирка, а также очень часто странствующих декламаторов, чтобы оживить компанию.

Праздники и торжественные дни радости он обычно отмечал очень дорого, но иногда только в шутливой манере. Во время сатурналий или в любое другое время, когда ему заблагорассудится, он раздавал своим гостям одежду, золото и серебро; иногда монеты всех видов, даже древних королей Рима и других народов; иногда только волосяную ткань, губки, кожуры, щипцы и другие вещи такого рода с непонятными и двусмысленными надписями на них. Он также продавал билеты на вещи очень разной стоимости и картинки, обращенные задней стороной к компании за столом; и таким образом, благодаря неизвестному качеству лота, разочаровывал или удовлетворял ожидания покупателей. Такая торговля охватывала всю компанию, и каждый был обязан что-то купить и рискнуть потерять или выиграть вместе с остальными.

Он был человеком с небольшим аппетитом (потому что я не должен упускать даже этот факт) и обычно питался простой пищей. Он особенно любил грубый хлеб, мелкую рыбу, сыр из коровьего молока и зеленые фиги того сорта, которые появляются два раза в год. Он ел перед ужином, в любое время и в любом месте, когда у него был аппетит.

Римский полководец в палудamente

Он был по натуре чрезвычайно умерен в употреблении вина. Корнелий Непос говорит, что он пил только три раза за ужином в лагере в Мутине; и когда он позволял себе больше всего, он никогда не выпивал больше пинты, а если и выпивал, то сразу же выблевывал. Из всех вин он предпочитал ретическое, но почти никогда не пил его днем. Вместо вина он обычно ел кусок хлеба, смоченный в холодной воде, или ломтик огурца, или несколько листьев салата, или зеленое острое сочное яблоко.

После небольшой трапезы в полдень он обычно вздремнул в одежде и обуви, укрыв ноги и прикрыв глаза рукой. После ужина он обычно уходил на диван в свой кабинет, где оставался до позднего вечера, пока не записывал в дневнике все или почти все оставшиеся события дня, которые он еще не успел зафиксировать. Затем он ложился спать, но никогда не спал больше семи часов, да и то не без перерывов, потому что просыпался три или четыре раза за ночь. Если он не мог снова заснуть, как иногда бывало, он звал кого-нибудь, чтобы тот читал ему или рассказывал истории, пока он не засыпал, что обычно затягивалось до рассвета. Он никогда не лежал без сна в темноте, если рядом с ним не сидел кто-нибудь. Очень ранний подъем ему не подходил. По этой причине, если религиозный или социальный долг обязывал его вставать рано, чтобы как можно больше защитить себя от неудобств, связанных с этим, он обычно останавливался в какой-нибудь квартире, принадлежащей кому-нибудь из его слуг, которая находилась ближе всего к месту, где он должен был присутствовать. Если в какой-то момент его охватывала сонливость, когда он шел по улице, он приказывал остановить кресло, пока он не вздремнет.

Он был красив и изящен на протяжении всей своей жизни. Но он не заботился о своей одежде и так мало внимания уделял укладке волос, что обычно делал это в спешке, прибегая к помощи нескольких парикмахеров одновременно. Иногда он подстригал, а иногда сбрасывал бороду, и во время этой процедуры читал или писал. Его лицо (), когда он говорил или

молчал, было настолько спокойным и безмятежным, что один галл высокого ранга признался своим друзьям, что оно так умиротворило его, что он сдержался от того, чтобы сбросить его с обрыва во время перехода через Альпы, когда ему разрешили подойти к нему под предлогом разговора. Его глаза были ясными и блестящими, и он хотел, чтобы в них видели нечто божественное. Ему также доставляло немалое удовольствие видеть, как люди, под его пристальным взглядом, опускают глаза, словно солнце светит им в глаза. Но в старости он очень плохо видел левым глазом. Его зубы были редкими, маленькими и шероховатыми, волосы немного вьющимися и склонными к желтому цвету. Его брови соединялись, уши были маленькими, а нос орлиным. Его цвет лица был между коричневым и светлым; рост был невысоким, хотя его вольноотпущенник Юлий Марат утверждает, что он был ростом пять футов и девять дюймов. Однако это было настолько скрыто правильными пропорциями его конечностей, что было заметно только при сравнении с кем-то более высоким, стоящим рядом с ним.

С ранней юности он с большим усердием и прилежанием посвятил себя изучению красноречия и других гуманитарных наук. Во время войны в Мутине, несмотря на важные дела, которыми он был занят, он, как говорят, каждый день читал, писал и декламировал. Он никогда не выступал перед сенатом, народом или солдатами без заранее подготовленной речи, хотя и не был лишен таланта импровизировать. Чтобы не подвести его память, а также чтобы не терять время на запоминание речей, он решил читать их все. В общении с людьми, даже со своей женой Ливией, по важным вопросам он записывал все, что хотел сказать, чтобы, говоря экспромтом, не сказать больше или меньше, чем следовало. Он говорил приятным и своеобразным тоном, которому его тщательно научил учитель. Но когда он простужался, он иногда прибегал к услугам глашатая, который зачитывал его речи народу.^c

В своих литературных способностях, не соперничая с достижениями Цезаря, он был на одном уровне с большинством выдающихся римлян своего времени; и говорят, что как в устной, так и в письменной речи его стиль отличался совершенной простотой и уместностью. Его речи на любых публичных мероприятиях составлялись заранее и произносились наизусть; более того, он был настолько осторожен, чтобы не проговориться о чем-либо необдуманном, что даже при обсуждении какого-либо важного вопроса со своей женой он записывал то, что хотел сказать, и читал ей. Как и его дядя, он был сильно суеверен; он очень боялся грома и молнии и всегда носил с собой тюленью шкуру, как оберег от их силы; несмотря на это, во время сильной грозы он привык прятаться в комнате в центре своего дома, чтобы быть как можно дальше от нее; кроме того, он был большим поклонником снов и верил в счастливые и несчастливые дни.^d

Он не пренебрегал ни своими снами, ни снами других людей, касающимися его самого. В битве при Филиппах, хотя он и решил не выходить из своей палатки из-за недомогания, тем не менее, после сна, который приснился его другу, он изменил свое решение; и ему повезло, что он так поступил, потому что лагерь был взят, и его ложе, предполагая, что он в нем, было пробито в нескольких местах и разрезано на куски. Весной он видел много несерьезных и глупых снов, но в другие времена года его сны были менее частыми и более значимыми. Часто посещая храм на Капитолии, который он посвятил Громовержцу Юпитеру, он увидел сон, в котором Юпитер Капитолийский жаловался, что у него отняли поклонников, на что он ответил, что дал ему Громовержца только в качестве привратника. Поэтому он немедленно повесил на потолке храма маленькие колокольчики, потому что такие обычно вешали на воротах больших домов. Также по поводу сна он всегда в определенный день года просил милостыню у людей, протягивая руку, чтобы принять подаяние, которое они ему давали.

Некоторые знаки и предзнаменования он считал непогрешимыми. Если утром его обули неправильно, то есть левую ногу вместо правой, это было для него мрачным предзнаменованием. Если, отправляясь в долгое путешествие по морю или суше, случался мелкий дождь, он считал это хорошим знаком скорого и счастливого возвращения. Он был также очень впечатлителен всем, что выходило за рамки обычного хода природы. Пальму, которая случайно выросла между камнями на мостовой перед его домом, он пересадил во двор, где находились домашние боги, и делал все возможное, чтобы она хорошо росла.

Говорят, что о его смерти и последующем обожествлении предвещали различные явные чудеса. Когда он заканчивал перепись населения среди большой толпы людей на Марсовом поле, орел несколько раз облетел его, а затем направился к соседнему храму, где сел на имя Агриппы, на первую букву. Увидев это, он приказал Тиберию возложить обеты, которые обычно дают в таких случаях, на следующие пять лет. Он заявил, что не будет вмешиваться в то, чего, вероятно, никогда не сможет достичь, хотя таблицы для этого были уже готовы. Примерно в то же время первая буква его имени в надписи на его статуе была удалена молнией, что было истолковано как предзнаменование того, что он проживет еще только сто дней, число, обозначаемое буквой С, и что он будет вознесен среди богов, поскольку *Æsar*, что является оставшейся частью слова *Cæsar*, означает на тосканском языке бога. Поэтому, собираясь отправить Тиберия в Иллирикум и намереваясь сопровождать его до Беневентума, но будучи задержанным несколькими лицами, которые обратились к нему по поводу нерешенных дел, он воскликнул, что впоследствии было расценено как предзнаменование его смерти: «Никакие дела не задержат меня в Риме ни на минуту дольше», и, отправившись в путь, он дошел до Астуры, откуда, вопреки своему обыкновению, ночью, воспользовавшись благоприятным ветром, вышел в море.

Его болезнь была вызвана диареей; несмотря на это, он обогнул побережье Кампании и прилегающие острова и провел четыре дня на острове Капреа, где полностью отдался отдыху, ведя себя при этом с окружающими с максимальной доброжелательностью и любезностью. Когда он случайно проплывал мимо залива Путеоли, пассажиры и моряки на борту только что прибывшего корабля из Александрии, одетые в белое и с венцами на головах, осыпали его похвалами и радостными возгласами, крича: «Благодаря тебе мы живем, благодаря тебе мы плывем, благодаря тебе мы наслаждаемся нашей свободой и нашим счастьем». Будучи очень довольным этим, он раздал каждому из своих друзей, сопровождавших его (), по сорок золотых монет, потребовав от них клятвы, что они не будут использовать полученную сумму ни для чего другого, кроме покупки александрийских товаров. А в течение нескольких дней после этого он раздавал тоги и паллиумы, поставив условие, что римляне должны носить греческую одежду и говорить на греческом языке, а греки — римскую одежду и говорить на римском языке. Он также постоянно присутствовал при занятиях мальчиков, согласно древнему обычаю, который до сих пор сохранился в Капре. Он устроил для них представление в своем присутствии и не только разрешил, но и потребовал от них максимальной свободы в шутках и борьбе за фрукты, провизию и другие вещи, которые он бросал им. Одним словом, он предался всем видам развлечений, которые только мог придумать. Вскоре после этого, переправившись в Неаполь, хотя в то время он был сильно измучен частыми рецидивами своей болезни, он до конца наблюдал за торжественными играми, которые проводились каждые пять лет в его честь, и прибыл с Тиберием в назначенное место. Но по возвращении его болезнь усугубилась, он остановился в Ноле, снова послал за Тиберием и долго беседовал с ним наедине; после чего он больше не обращал внимания на дела, имеющие какое-либо значение.

В день своей смерти он время от времени спрашивал, нет ли в городе каких-либо беспорядков, и, попросив зеркало, приказал причесать ему волосы и подправить опущенные

щеки (). Затем он спросил своих друзей, которых впустили в комнату: «Как вы думаете, я хорошо сыграл свою роль в жизни?», и сразу же добавил:

Ἐὶ δὲ παν ἔχει καλῶς, τῷ παιγνίῳ

Δότε κρότον, καὶ πάντες ὑμεῖς μετὰ χάρας κτυπήσατε.

«Если все в порядке, с радостью поднимите свои голоса

Громкими аплодисментами в честь актера».

После чего, отпустив всех, он расспросил некоторых, только что прибывших из Рима, о дочери Друза, которая была в плохом состоянии здоровья, и скончался среди поцелуев Ливии со словами: «Ливия, живи, помня о нашем браке, и прощай!» Он умер очень легко, так, как всегда и желал. Ибо всякий раз, когда он слышал, что кто-то умер быстро и без боли, он желал себе и своим друзьям такой же *ευθανασία* (легкой смерти), ибо именно это слово он и использовал. Перед смертью он проявил только один симптом бреда, а именно: он внезапно сильно испугался и жаловался, что его уносят сорок человек. Но это было скорее предзнаменованием, чем бредом, потому что именно столько солдат вынесли его тело.

Он скончался [продолжает Светоний] в той же комнате, в которой умер его отец Октавий, когда консулами были два Секста, Помпей и Апулей, четырнадцатого числа календ сентября [19 августа 14 года по пересмотренному календарю], в девятый час дня, не дожив всего тридцать пять дней до семидесяти шести лет. Его останки были перевезены магистратами муниципалитетов^[6] и колоний из Нолы в Бовилле, и из-за времени года это было сделано ночью. В промежутках тело лежало в каком-нибудь дворе или большом храме каждого города. В Бовилле его встретил всаднический орден, который перенес его в город и поместил в притворе его собственного дома. Сенат с таким рвением приступил к организации его похорон и чествованию его памяти, что среди нескольких других предложений некоторые предлагали провести похоронную процессию через триумфальные ворота, впереди которой шла бы статуя Победы, находящаяся в здании сената, а дети высшего сословия обоих полов пели бы похоронную песню. Другие предложили, чтобы в день похорон все сняли свои золотые кольца и надели железные, а третьи — чтобы его кости были собраны священниками высшего ранга. Один из сенаторов предложил перенести имя Августа на сентябрь, поскольку он родился в последнем месяце, а умер в первом. Еще один предложил, чтобы весь период времени от его рождения до смерти назывался «эпохой Августа» и был внесен в календарь под этим названием. Но в конце концов было решено, что следует проявлять умеренность в чествовании его памяти. В его честь были произнесены две поминальные речи: одна перед храмом Юлия Тиберием, а другая перед трибунами под старыми лавками Друзом, сыном Тиберия. Затем тело было перенесено на плечах сенаторов на Марсово поле и там сожжено. Человек преторианского звания под присягой утверждал, что видел, как его дух вознесся на небеса. Наиболее выдающиеся лица из коннического сословия, босиком и в расстегнутых туниках, собрали его останки и поместили их в мавзолей, построенный во время его шестого консульства между Фламиниевой дорогой и берегом Тибра, когда он также передал леса и прогулочные дорожки вокруг него в пользование народу.

Он составил завещание за год и четыре месяца до своей смерти, третьего числа апреля, во время консульства Луция Планка и Г. Силия. Оно состояло из двух пергаментных листов, частично написанных его рукой, а частично его вольноотпущенниками Полибием и Иларионом. Оно было передано на хранение весталкам, которые теперь представили его, , вместе с тремя другими томами, все запечатанными, как и завещание, которые были зачитаны в сенате. Он назначил своими первыми наследниками Тиберия, которому доставалось две трети его имущества, и Ливию, которой доставалась остальная треть, и

которой он также пожелал, чтобы она приняла его имя. На случай смерти их заменяли наследники: Друз, сын Тиберия, получавший треть, и Германик с тремя сыновьями, получавшие остальную часть. За ними следовали его родственники и несколько друзей.

Он завещал римскому народу 40 000 000 сестерциев, племенам — 3 500 000, гвардейцам — по 1000 каждому, городским батальонам — по 500, а солдатам легионов — по 300, причем он распорядился, чтобы все эти суммы были выплачены сразу после его смерти. Он позаботился о том, чтобы деньги были готовы в его казне. Для остальных он назначил разные сроки выплаты. В некоторых из своих завещаний он доходил до 20 000 сестерциев, на выплату которых он давал двенадцать месяцев, оправдывая эту отсрочку скудностью своего состояния и заявляя, что его наследники получают не более 150 000 000 сестерциев, несмотря на то, что за предыдущие двадцать лет он получил в наследство от своих друзей сумму в 1 400 000 000, почти всю которую, вместе с двумя отцовскими поместьями и другими, оставленными ему, он потратил на общественные нужды.

Он оставил распоряжение, чтобы две Юлии, его дочь и внучка, не были похоронены в его гробнице. Что касается трех вышеупомянутых томов, в одном из них он дал распоряжения о своих похоронах; другой содержал рассказ о его деяниях, который он намеревался выгравировать на медных пластинах и поместить перед своим мавзолеем; в третьем он составил краткий отчет о состоянии империи: о количестве солдат, получающих жалованье, о деньгах, имевшихся в казне, казначействе и задолженностях по налогам; к этому были добавлены имена вольноотпущенников и рабов, от которых можно было получить различные отчеты.^c

КРАТКОЕ РЕЗЮМЕ ХАРАКТЕРА И ВЛИЯНИЯ АВГУСТА

Следует отметить, что Светоний упоминает о медных табличках, на которых Август велел выгравировать рассказ о своих деяниях, чтобы поместить их перед своим мавзолеем. Похоже, что эта биографическая надпись, или похожая на нее, была широко скопирована на табличках, размещенных в различных храмах, посвященных Августу, по всей империи. Фрагменты этой дублирующей надписи из различных руин сохранились, но наиболее полной из них является та, которая была обнаружена в XVI веке на мраморной плите в стене храма в Анкире (современная Ангора) в Малой Азии; благодаря месту ее обнаружения она известна как *Monumentum Ancyranum*. Эта надпись, о которой уже упоминалось, содержит много важных сведений о жизни Августа. Она представляет особый интерес, поскольку, как уже было сказано, является практически автобиографической. Помимо фактов, которые в ней изложены, она дает интересные сведения о характере ее автора.

В известном отрывке этой надписи Август анализирует свою политическую карьеру. В этом анализе он не начинает с своего усыновления Юлием Цезарем, а отталкивается от того факта, что в девятнадцать лет он собрал армию и спас государство по собственной инициативе и собственными силами. Как император, на которого наступала старость, он оглянулся на отдельные вехи своей восходящей карьеры и увидел поворотный момент, который определил его дальнейшую судьбу, в приобретении собственной армии; по его мнению, его политическое значение начинается с того момента, когда он стал главой армии.

Цезарь хотел любой ценой сохранить за собой право осуществлять власть над армией, причем исключительную, неоспоримую власть; это было основополагающим принципом всей его системы, если можно назвать системой то, что на самом деле было лишь практикой.

Республика тоже не могла обойтись без своих полководцев, но оставляла их в должности только на год, максимум на полтора года. Нововведение императорской эпохи заключалось в том, что единственный полководец фактически сохранял свою власть на всю жизнь, одновременно занимая другие влиятельные должности, и даже осмеливался осуществлять ее в самой столице.

Для поддержания своей армии он был наделен постоянным контролем над важными пограничными провинциями и постоянными гарнизонами легионов, а также правом надзора за другими провинциями, которые, конечно, были обязаны поставлять свою квоту в императорскую армию.

Новый правитель должен был иметь внутреннюю власть, которой он мог бы пользоваться без контроля; он нашел ее в легионах и провинциях, которые от начала до конца оставались надежной основой принципата. Благосклонность сената и народа, которые ранее руководили правительством, теперь имела для принцепса второстепенное или третьестепенное значение; и сенат, и народ были побеждены и в значительной степени утратили свое значение в гражданских войнах. Несмотря на это, каждый сенатор, который открыто признавал новый режим и давал необходимые гарантии другими способами, был возвышен до высших почестей и, по крайней мере внешне, получал равное отношение со стороны правителя.

Как мы уже видели, Август предпочитал скромный титул *Principes*, хотя он не мог считаться официальным титулом и означал лишь «первый человек в сенате и среди граждан». Поскольку этот титул отражал гражданский статус правителя, Август выбрал титул *Imperator*, чтобы обозначить свой военный статус. Оба титула были выбраны с большой изобретательностью, чтобы продвигать намерения нового правителя. Они были призваны обозначить новое явление старым названием; по этой причине он остановился на словах, ни в коей мере не чуждых прежним временам, которые оставались совершенно незапятнанными и вскоре стали использоваться исключительно в современном смысле. Именно этому правитель придавал особое значение, и это характеризует его личность не меньше, чем его правление.

В 29 году до н. э. он позволил сенату руководствоваться им как императором, но не в том смысле, в каком на протяжении веков приветствовали многих победоносных полководцев в период между днем победы и триумфом, после чего армия распускалась. То, чем эти генералы наслаждались в течение короткого периода, молодой Цезарь хотел обладать всю жизнь: то есть военное превосходство Римской империи. Вот почему этот титул в новом монархическом смысле стоит не в конце, а в начале полного имени, заменяя имя гражданина, которое было отброшено.

Правильно было даже древними считать присвоение этого имени началом монархии; правильно средневековье, правильно современные мыслители описывали преемников римского правителя как императоров. Этим титулом Август хотел обозначить переход от древнего к современному духу; ведь его достижение заключается в том, что он построил в конституцию понятие постоянного главнокомандующего и постоянной армии, которые до этого были неизвестны республике.

Практическое положение принцепса всегда следует четко отличать от теоретического. Новая должность главнокомандующего всей Римской империей была аналогична должности республиканского проконсула в одной провинции, который управлял своей страной, командовал войсками и, возможно, имел право контролировать соседние районы. В 23 году до н. э. Август, который в течение своего долгого правления все больше и больше

занимался замаскированием неконституционных элементов своей новой должности, добился присвоения ему обычной проконсульской власти, чтобы быть уверенным, что осуществление его власти будет признано и в сенаторских провинциях.

Хотя Цезарь был тогда выдающимся императором, мы поступили бы несправедливо, если бы описали его достижения как военный деспотизм. Он был слишком мало солдатом и слишком много государственным деятелем для такой формы правления, даже для своего собственного вкуса. Армия существовала только для того, чтобы он мог во всех важных вопросах осуществлять свою волю; как правило, он оставался в пределах тех конституционных ограничений, которые сам же и перестроил.

В то время как раньше абсолютистское развитие империи принималось без какого-либо дальнейшего исследования его происхождения, мы обязаны Моммзену за то, что он обратил внимание на разницу между эпохами и подчеркнул конституционную схему в своем систематическом изложении, что, безусловно, более важно для концепции Августа, чем для ее практической иллюстрации. Моммзен говорит о «юридической конструкции принципата», совершенно справедливо останавливаясь на том, что «принципат Августа — это не безграничная власть, а ограниченная магистратура в рамках республиканских форм». Право законодательства оставалось, по крайней мере теоретически, таким же, как и в республиканскую эпоху (). Сотрудничество с правителем обеспечивалось его официальной властью в качестве консула или, позднее, трибуна.

Кроме того, как и любой магистрат в прежние времена, он мог объявлять свою волю народу посредством эдиктов и актов; и не нужно говорить, что эти заявления пользовались большим уважением ввиду его положения и личной власти, особенно с тех пор, как сенаторы и чиновники каждый Новый год приносили присягу не только на сами законы, но и на *Acta Caesaris*. Из этого ни в коем случае не следует, что принцепс был выше законов; мы должны быть осторожны, чтобы не переносить взгляды греческого « » более позднего периода на судебные взгляды такого правителя, как Август. На практике, конечно, он в большинстве случаев находил способ осуществить свою волю в конкретном случае, но император никогда не выражал такую доктрину как основополагающий принцип юриспруденции. Напротив, император не имел права даже приостанавливать действие действующего закона; при Августе это, во всяком случае, оставалось привилегией сената. Он признавал это без возражений; например, не объявляя о даре народу, пока не запросил и не получил разрешения сената.

Таким образом, это была конституция, полная противоречий, которую можно было толковать только путем компромисса, и эта конституция была заменена новым правителем на старую республику, чтобы под видом республиканской формы сделать возможным осуществление монархической власти. Исследователям политических систем было мало важно, называли ли они это республикой или монархией, хотя сам Август до самой смерти придерживался вымышленной (но в какой-то мере правдивой) версии, что он восстановил древнюю и законную конституцию государства.^[71]

Таким образом, этот выдающийся гражданин нового римского государства был человеком весьма необычным. Но ничто не было более необычным, чем мнение о нем, которое сложилось у потомков. Его почти единодушно считали не человеком высочайшего уровня, а скорее оппортунистом, чем творческим лидером. Он держал мир под властью своей воли почти полвека и никогда не был столь авторитарным в своей власти, столь прочно удерживал свою позицию, как в час своей смерти. Он нашел Рим кирпичным и оставил его мраморным; он нашел римское государство неоформленным, колеблющимся содружеством и оставил его беспрецедентной империей. Тем не менее, мир отказал ему в титуле «великий»; склонен отрицать даже его гениальность.

Возможно, частичное объяснение заключается в том, что мы всегда требуем от гениального человека определенных театральных качеств. Выдающийся историк (профессор Слоан) высказал предположение, что великий человек обычно обладает способностью к чрезмерной злобе, а также к совершенному величию. Александр иногда теряет контроль над собой и в приступе ярости убивает своего друга. Ганнибал всю свою жизнь проводит под влиянием клятвенной ненависти. Цезарь не останавливается ни перед чем, чтобы достичь своих эгоистических целей. В наше время Фридрих или Наполеон не называются великими из-за каких-либо моральных качеств. Общественный вкус, кажется, требует от своих любимых героев целостного характера: ему нравится пикантный привкус безнравственности. Во всех отношениях ваш герой должен оцениваться по другим стандартам, чем обычные смертные.

Но жизнь Августа пронизана тоном бесстрастной умеренности. Он весь в суждениях, без эмоций. Между блюдами за ужином он безразлично играет в игры, чтобы не раздражаться насмешками шутов, которые развлекают его гостей. И он играет в игру жизни таким же образом. Невозможно представить его возбужденным, восторженным или даже разгневанным. Он, конечно, мог бы совершить преступление, но это было бы тщательно выверенное преступление, продиктованное политикой, а не преступление из-за страсти. Даже в своих любовных связях, как говорили о нем, его главной целью было узнать истинные чувства окружающих через их жен, а не просто удовлетворить личные желания.

Но не следует забывать, что Август, будь он не таким человеком, не смог бы совершить то, что он совершил. Будучи полным энтузиазма, он бы нажил себе слишком много врагов, слишком много могущественных противников, и его постигла бы та же участь, что и его гениального дядю, чьим добрым примером он воспользовался. Однако, в конце концов, мерилом способностей является успех, и кажется несправедливой оценкой лишать звания «великого» человека, который изменил весь облик цивилизованного мира и оставил неизгладимый след в истории.

Но гений он или нет в обычном понимании этого широко применяемого и несколько неоднозначного слова, есть один аспект, в котором Август не боится сравнения ни с одним лидером любого века: в практическом государственном управлении, судя по его результатам, ему нет равных. Он в высшей степени умел изолировать себя от окружающей среды, визуализировать политическую ситуацию, видеть своих соотечественников через четкую призму целесообразности, не искаженную никакими отклонениями страсти или предрассудков. Август был совершенно чужд театральной личной тщеславности, от которой Цезарь ни в коей мере не был свободен. Поскольку он был хозяином своей собственной амбиции, он стал хозяином мира. Если из-за его спокойной логичности потомки склонны пренебрежительно отзываться о его гении, то эта же черта обеспечила ему, по крайней мере, неоспоримую позицию самого совершенного мастера практической политики.^а

СНОСКИ

[5] Римляне на своих пирах, в перерывах между выпивкой, часто играли в кости, которых было два вида: *тессеры* и *тали*. Первые имели шесть граней, как современные кости; вторые — четыре продолговатые грани, поскольку два конца не учитывались. В игре использовались три *тессера* и четыре *тали*, которые клали в коробку, более широкую внизу, чем сверху, и, встряхивая ее, выбрасывали на игровую доску или стол.

[6] *Муниципалити* были иностранными городами, которые получили права римских граждан и были разных видов. *Муниципалити* использовали свои собственные законы и обычаи; они не были обязаны принимать римские законы, если не хотели этого.

[7] [Современные историки много говорят о «скрытой монархии» Августа. Но, вероятно, римляне не были так слепы к характеру августовской конституции, как сейчас историки. Правительство было на самом деле компромиссом между республикой и монархией — компромиссом, который был облегчен для римлян их привычкой наделять магистратов, особенно чрезвычайных магистратов, обширными полномочиями. Республика была для Рима и Италии, монархия — для провинций. Эту форму правления Моммзен удачно называет диархией].

ГЛАВА XXXIII. БЛИЖАЙШИЕ ПРЕЕМНИКИ АВГУСТА: ТИБЕРИЙ, КАЛИГУЛА И КЛАУДИЙ

ТИБЕРИЙ (ТИБЕРИЙ КЛАВДИЙ НЕРОН ЦЕЗАРЬ), 14-37 гг. н. э.

Тиберий происходил из амбициозного рода Клавдиев, который имел в своем активе двадцать восемь консульств, пять диктатур, семь цензур и столько же триумфов. Брак его матери Ливии с Октавием и его усыновление Цезарем открыли ему путь в дом Цезаря. Все поручения, которые ему давал его приемный отец, он выполнял энергично и умно, а во время войны с Марбодом он спас империю в опасный момент. Со времени смерти Агриппы ни один полководец не смог проявить столь блестящую службу. Он сражался в Испании и в Альпах, управлял Галлией, дал Армении царя, подчинил паннонцев, победил германцев, переселил сорок шесть тысяч варваров в Бельгию и переселил империю после поражения Варуса. Таков был человек, которому смерть Августа дала трон.^[8]

Уважение к Августу сдерживало амбиции, но Тиберий оказался окружен республиканцами и, более того, претендентами на трон.

Кроме того, солдаты уже поняли, что на них лежала ответственность за безопасность императора и империи, и, поскольку больше не было гражданских войн, которые могли бы обогатить их, на смену им должны были прийти преемники престола. Три паннонских легиона подняли восстание, требуя один денарий в день, увольнение после шестнадцати лет службы и фиксированную сумму, выплачиваемую в лагере в день, когда они становились ветеранами.

Тиберий послал к ним своего сына Друза и претора Сеяна во главе части войск, оставшихся в Италии. Затмение луны помогло вернуть мятежников к исполнению их обязанностей.

На Рейне произошло опасное восстание. Там находилось семь легионов, разделенных на два лагеря, которые выдвигали те же требования. Четыре легиона убили своих центурионов. Германик, племянник Тиберия, поспешил к ним.^[9] Мятежники предложили ему империю, но он отказался. В своем раздражении он вытащил меч, как будто собираясь покончить с собой. «Тогда ударь», — крикнули разгневанные люди; его друзья вырвали у него меч. Чтобы успокоить это опасное восстание, он, действуя по воображаемому письму от Тиберия, удовлетворил все требования и удвоил наследство Августа. Чтобы оплатить все это, пришлось собрать вместе галльскую дань, все деньги генерала и его друзей.

ЭКСПЕДИЦИИ ГЕРМАНИКА; ПОБЕДА ИДИСТАВИСА

[14-19 гг. н. э.]

Стало необходимо дать этим беспокойным духам какое-то занятие, поэтому их генерал повел их против врага. В стране марсов было сожжено и разорено пространство в пятьдесят миль. Следующей весной Германик снова перешел Рейн, надеясь извлечь выгоду из распрей между Арминием и Сегестом — один принадлежал к национальной, другой к римской партии. Ему удалось спасти только Сегеста, который был осажден своим соперником. Жена завоевателя Варуса была взята в плен.

Последние опустошения римлян и жалобы Арминия возмутили херусков, и был образован новый союз. Германик продвинулся до Тевтобургского леса, чтобы сразиться с ними. Белые кости отмечали место, где погибли три легиона, и солдаты похоронили изуродованные останки, которые шесть лет ждали этой последней чести. Однако германцев нигде не было видно. Устав преследовать врага, которого не удавалось поймать, Германик остановился. Он вернулся в Эмс и сел на корабль, который привез его, а Цецина вернулся на Рейн по маршруту «длинных мостов». Арминий опередил его, и катастрофа Варуса была на грани повторения, если бы Цецина не был опытным полководцем. Он занял прочную позицию, где расположились римляне, и сумел вновь открыть путь по Рейну. Германик, застигнутый равноденственными штормами, сам оказался в опасности, и ряд его кораблей погиб.

В связи с тем, что варвары стали необычайно смелыми, потребовалась новая экспедиция. Тысяча военных кораблей доставила восемь легионов к берегам Везера. Германы решились дожидаться римской армии на равнине Идиставис. Их вела дисциплина, но второе сражение стало второй резней. Варус был отомщен. Победители вернулись в Галлию, половина по суше, другая половина по морю. Шторм уничтожил или разбросал некоторые из их кораблей. Узнав об этом, Германия задрожала и поднялась на борьбу, но Германик нанес ей несколько ударов, и ошеломленные варвары позволили легионам вернуться в свои зимние квартиры.

Там Германик нашел письма от Тиберия, призывающие его на второй консульский пост и триумф. В глазах императора легионы, без сомнения, были слишком преданны своему вождю. Германик подчинился и вернулся.

РАННИЕ ГОДА УСПЕШНОГО ПРАВЛЕНИЯ ТИБЕРИЯ

Тиберий правил мягко и мудро, отказываясь от предлагаемых ему храмов и, как человек, знавший их цену, не принимая низких лести сената. Он жил как богатый частный человек; его манеры были, если не приветливыми, то по крайней мере вежливыми. Он вставал, чтобы встретить консулов, советовался с сенатом во всем и принимал уроки, которые иногда осмеливалась давать умирающая свобода. Он никогда не отказывался от «щедрости, которая имела благородные мотивы». Тем не менее, он был строго экономным в отношении финансов, и если он и прилагал меньше усилий, чем Август, чтобы угодить народу постоянными зрелищами, то он тщательно остерегался голода. В один год пшеница была очень дорогой. Он поступил так, как поступили бы мы сегодня, сохранив низкие цены на хлеб для народа за счет торговцев. Не уступая своим солдатам, он держал их в строгой дисциплине, хотя и нуждался в них.

В отношении провинций он продолжал политику Августа. Если он и не смел покидать Рим, чтобы посетить их, не имея ни Мецената, ни Агриппы, на которых можно было бы положиться в его отсутствие, то, по крайней мере, он посылал им способных наместников, избегал повышения налогов и облегчал страдания там, где они были наиболее сильны. Двенадцать азиатских городов, разрушенных землетрясением, были освобождены от налогов на пять лет. Сарды, которые находились в еще более плачевном состоянии, получили от него десять миллионов сестерциев. Тиберий следовал совету, который он давал своим провинциальным правителям: «Хороший пастух стрижет своих овец, но не сдирает с них шкуру».

Таким образом, империя управлялась мудро, но под этой мягкой дисциплиной злость становилась все смелее. Был заговор, но он был вовремя раскрыт и сорван, а его автор Либон покончил с собой. Дома у Тиберия были семейные проблемы. Ливия, привыкшая к почтению со стороны мужа, настаивала на том, чтобы ее слушали. Агриппина, жена Германика и внучка Августа, смело бросила вызов матери Тиберия и не хотела признавать, что жена Друза имеет равные с ней права. Эти женские соперничества разделили двор и породили ненависть, которую усугубляли придворные.

Тиберий отозвал Германика с границ Рейна как для того, чтобы убрать его из легионов, так и для того, чтобы самому свободно следовать на этой границе разумной политике Августа. Он позволил Германику войти в Рим с триумфом и разделил с ним консульство на следующий год. Как раз в это время парфяне стали враждебными. Они изгнали Вононеса, короля, навязанного им Римом, и заменили его Арсацидом Артабаном: два соперника, казалось, были готовы начать открытые военные действия. Кроме того, Коммагена и Киликия, уже некоторое время находившиеся без королей, были полны беспорядков. Сирия и Иудея требовали снижения налогов; «Только Германик, — сказал Тиберий, — может своей мудростью успокоить эти восточные волнения».

Сенаторский декрет наделил молодого принца полномочиями, которые когда-то принадлежали Агриппе и Гаю Цезарю, то есть управлением провинциями за морем с верховной властью над всеми правителями. Что касается Друза, сына Тиберия, то он отправился в Паннонию, чтобы следить за передвижениями севов.

Задача Друза была самой простой. Ему нужно было только поощрять или провоцировать внутренние разногласия в Германии. Были образованы два мощных союза. На севере — союз херусков под предводительством Арминия и его дяди Ингиомера; на юге — союз маркоманнов под предводительством Марбода. Между ними разразилась война. Сражение было кровопролитным; Марбод, потерпев поражение, умолял о предоставлении ему убежища в империи. Ему было предоставлено жилище в Равенне. Власть маркоманнов была уничтожена; власть херусков не пережила Арминия, который был убит своей собственной семьей, как говорят, как раз в тот момент, когда он собирался провозгласить себя королем. Тихие интриги римлян, безусловно, имели отношение к событиям, которые избавили их от двух грозных врагов.

[17-20 гг. н. э.]

На Востоке Германик добился таких же успехов. Везде он провозгласил справедливость и мир лозунгом нового правительства. В Армении он передал корону Зенону, сыну царя Понта и верному вассалу империи. Этот принц уже давно принял армянские обычаи. Германик сделал мудрый выбор, и весь народ приветствовал его. Каппадокия, старый царь которой только что умер в Риме, была, как и Коммагена, превращена в провинцию. В Сирии Германик заключил союз с Артабаном, который просил только об устранении своего соперника. Во Фракии один из двух царей убил другого. Убийца был отправлен в Александрию и позже казнен.

Более серьезное дело началось в предыдущем году [17 г. н. э.] в Африке. Нумидиец Такфаринас, дезертир из легионов, собрал и дисциплинировал несколько отрядов и убедил мусульман и мавров подняться на восстание. Проконсул разгромил его, и за этот энергичный поступок, который обеспечил безопасность плодородной страны, он получил почетный титул триумфатора.

СМЕРТЬ ГЕРМАНИКА (19 г. н. э.); ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

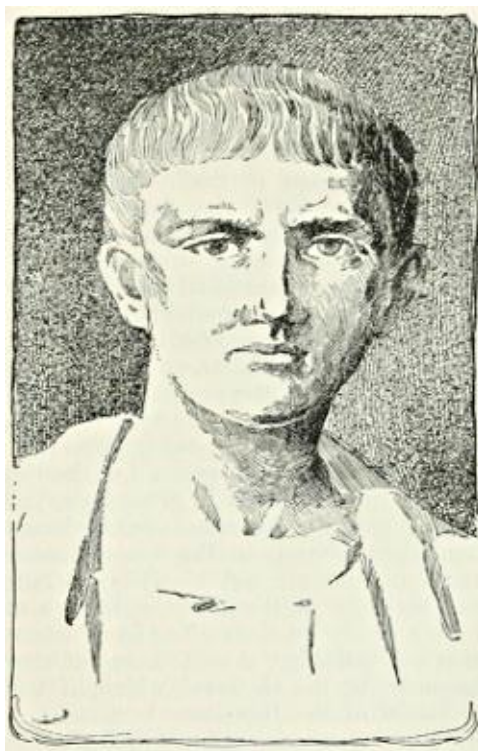
В этот благополучный момент Германик умер, как утверждается, отравленный по приказу Тиберия. Но мог ли такой человек, как он, вдумчивый, серьезный, расчетливый, совершить такое бессмысленное преступление? Смерть его приемного сына не устранила соперника. Он знал, что тот не способен на измену, и его смерть лишила его необходимой поддержки. Тайна до сих пор не раскрыта. Говорят, что преступником был Пизон, патриций с жестоким нравом, который получил должность правителя Сирии в то время, когда Германик находился на Востоке. Вернувшись из путешествия по Египту, предпринятого без разрешения и вопреки воле Тиберия, Германик обнаружил, что Пизон вмешался в принятые им меры.

Между ними произошла оживленная ссора, и непокорный правитель, вместо того чтобы уступить, предпочел покинуть провинцию. Новость о том, что Германик тяжело болен, заставила его остановиться в Антиохии. Когда принц пошел на поправку, Пизон выступил против проведения каких-либо торжеств в честь этого события и отправился в Селевкию, где известие о тревожном обострении болезни заставило его снова остановиться. Среди слуг Агриппины ходили слухи об отравлении, и посланцы Пизона, прибывшие сообщить о ходе болезни, могли, как говорили, показать, чья рука нанесла удар. Германик умер. Его тело было сожжено на форуме в Антиохии, и Агриппина, благочестиво собрав прах, высадилась в

Брундизии, неся урну с прахом сама, в сопровождении огромной толпы, погруженной в душераздирающую скорбь.

Пизон воспринял известие о смерти Германика с неуместной радостью и немедленно отправился обратно в свою провинцию. Легат и сенаторы по всей Сирии передали управление провинцией одному из своих. Пизон не испугался перспективы гражданской войны. Тиберий не простил его. Вынужденный сесть на корабль, он вернулся в Италию, где его ждали обвинители. Они хотели, чтобы его дело рассматривал только император. Если бы император опасался возможных разоблачений, он бы согласился, но он отправил обвинителей обратно в сенат. Он председательствовал на суде, и, по словам Тацита, обвиняемый смотрел на него с страхом, сидя безжалостным, спокойным, бесстрастным и непроницаемым. Этот портрет Тиберия — самый точный из всех, что оставил Тацит.

Пизон покончил с собой в своем доме. Император наградил трех друзей Германика, которые выступили в качестве обвинителей, и попросил для Нерона, старшего из сыновей Германика, честь квесторства на пять лет раньше установленного возраста, а также выдал его замуж за дочь Друза. Позже он просил о той же милости для второго сына Германика.

ТИБЕРИЙ

(По бюсту в Ватикане)

[20-24 гг. н. э.]

Когда эта долгая драма закончилась, Тиберий вернулся к заботам о государстве. Поступали жалобы на чрезмерную строгость закона Папия-Поппея. Он назначил пятнадцать комиссаров для смягчения его требований. Некоторые хотели расширить его полномочия в отношении выбора губернаторов, но он отказался. Были ограничены пределы убежища, поскольку это вызывало много беспорядков в провинциальных городах. Также были приняты меры по пресечению деятельности доносчиков. Один из них донес на сенатора

Лентула. Тиберий встал и сказал, что считает себя недостойным жить, если Лентул является его врагом. В провинциях он поддерживал хорошее управление благодаря умелому выбору и строгости по отношению к чиновникам, уклоняющимся от исполнения своих обязанностей. В Галлии началось восстание. Флор пытался спровоцировать восстание белгов, но, будучи избитым и окруженным в лесу Ардуэнна, он покончил с собой. Предлогом для этого восстания было бремя дани. Эдуан Сакровир вызвал еще большую тревогу, собрав сорок тысяч человек и захватив Августодунум. Две рейнские легионы напали на эти плохо вооруженные войска и устроили ужасную резню.

Такфаринас также вновь появился в Африке. Воодушевленный первым успехом, он решился атаковать Талу, но был отбит с потерями. Тогда он изменил тактику, разделил свои войска на небольшие отряды и перешел к партизанской войне. Император послал Блеса, дядю Сеяна, чтобы тот разобрался с этим неугомонным врагом, и благодаря его активности Такфаринас был снова вынужден бежать, оставив своего брата в руках врага.^{[b](#)}

[Только два года спустя, в 24 году н. э., Рим наконец избавился от этого неприятного врага. К тому времени Такфаринас собрал еще одну большую армию. Римский наместник П. Долабелла напал на нее и одержал решительную победу, в которой был убит нумидийский вождь. Птолемей, царь Мавритании, был союзником Долабеллы].

Тиберий в целом управлял провинциями в римском духе, сохраняя достоинство империи практически нетронутым от центра до границ. Стабильность системы, какой бы гнилой и разложившейся она ни была в своей основе, все еще можно было оценить по силе и прочности ее внешних укреплений. Ни в один период бастионы римской власти не казались более надежными и неприступными. Усилия Друза и его сына по покорению германцев на их собственной земле были огромны; они располагали силами, по крайней мере равными тем, с помощью которых Цезарь присоединил Галлию к империи, и все же не смогли продвинуть орлов в каком-либо направлении на постоянной основе. Но, с другой стороны, вскоре выяснилось, что германцы были грозны только под давлением нападения. Когда натиск ослабевал, сила, которую они сосредоточили в сопротивлении, легко рассыпалась. Со смертью Арминия всякая враждебность к Риму среди них прекратилась, а между тем искусства и нравы юга неуклонно проникали в их жизнь.

В то же время длительная передышка от военных поборов позволила процветать увлечению комфортом и роскошью в пределах провинций. Галлия больше не истощалась из года в год из-за принудительных реквизиций людей и лошадей, оружия и припасов, которые питали изнурительные кампании Германика. Ее древние города украшались великолепными зданиями, школами и театрами, акведуками и храмами. Лагеря на Рейне и Дунае постепенно превратились в торговые пункты и стали центрами торговли с севером Европы, где мех и янтарь из герцинических лесов и с побережья Балтийского моря обменивались на вино и масло или золото и серебро — те предметы роскоши, которые, по милости или по гневу, природа, как полагали, отказала германским варварам. Такое положение дел позволяло императору придерживаться своего любимого плана — оставлять провинциальных губернаторов на своих постах в течение многих лет без изменений. Каждый следующий проконсул уже не стремился с нетерпением прославиться грабежами или славой за пределами границ. Управление провинциями стало обычным делом; оно утратило свое главное очарование в глазах сенаторов, которых наконец с трудом удалось убедить променять блестящие удовольствия столицы со всеми ее унижениями и опасностями на скучные почести отдаленного правительства.

Я также не вижу оснований обвинять Тиберия в пренебрежении безопасностью своих отдаленных владений, которые, напротив, казалось, процветали в условиях вооруженного мира его августейшей империи. В Галлии восстание Сакровира и его бельгийских союзников было эффективно подавлено; восстание фризов, хотя и с некоторыми кровопролитными жертвами, кажется, было быстро подавлено. У нас также нет никакого четкого подтверждения утверждения Светония о том, что Тиберий позволил германцам безнаказанно разорять провинцию, что, если это и правда, может относиться только к некоторым временным нарушениям границ.

Утверждение о безразличии Тиберия в отношении Мезии также не кажется более обоснованным. Тацит часто отступает от своего внутреннего повествования, чтобы описать события в этом регионе и подвиги лейтенантов императора, а Аппиан особо упоминает завоевание Мезии при Тиберии и установление им провинциального правительства в этом районе.^[10] Сабин, Панд и Лабен, по-видимому, последовательно командовали там в первой половине этого принципата, и по крайней мере этим людям не позволялось предаваться лени, поскольку их усилия и победы являются темой, к которой историк неоднократно возвращается.

Но пустота этих обвинений может быть более ясно продемонстрирована на примере зависимой Армении, которую, согласно тому же источнику, Тиберий позволил захватить

парфянам и вырвать из-под покровительства империи. Напротив, из подробного рассказа Тацита () следует, что смелая оккупация этого царства Артабаном была немедленно встречена императором с энергией молодого человека. Не только дикие горцы Кавказа, иберийцы и албанцы, были приглашены спуститься на захватчиков; не только сыновья Фраата были освобождены из долгого заключения в Риме и направлены на свою родную землю, чтобы потребовать верности от подданных своего отца; но и римский полководец Л. Вителлий, человек выдающейся доблести и опыта, был назначен возглавить войска Азии и Сирии против врага; и хотя надеялись, что энергичной демонстрации силы будет достаточно, чтобы отбросить его от спорной территории, по-видимому, не было дано указания не наступать, если это будет необходимо, и не наносить парфянам удар сильной рукой империи. Но эти действия быстро принесли успех. Артабан, уже ненавидимый многими из своих самых влиятельных подданных, был вынужден сойти с трона и укрыться в дальних дебрях Гиркании, а Тиридат, сын Фраата, был принят на его место [35 г. н. э.]. Римская армия, переправившаяся через Евфрат, вернулась победоносной, не нанеся ни одного удара, хотя в результате последующей революции Артабан вскоре был восстановлен в престоле и, дав требуемых заложников, был принят в дружбу своими величественными соперниками [36 г. н. э.].

[4 г. до н. э. — 37 г. н. э.]

Если Тиберий и воздерживался от расширения своей империи за счет новых завоеваний, он не менее настойчиво стремился укрепить ее неуправляемую массу путем постепенного присоединения зависимых царств, находившихся в ее пределах. Борьба между двумя соперничающими братьями, Котисом и Рескупорисом, во Фракии дала ему повод для того, чтобы поставить лучшую часть этой страны под контроль римского офицера, тем самым подготовив почву для ее окончательной аннексии. После смерти Архелая, царя Каппадокии, в 17 году его страна была объявлена римской провинцией и подчинена власти императорского прокуратора. В тот же период пограничное царство Коммагена было присоединено к владениям республики под управлением претора. Сирия, великая крепость римской власти на Востоке, по-прежнему окружалась несколькими вассальными царствами или этнархиями, такими как Халкис, Эмеса, Дамаск и Абилен; но зависимость Иудеи, самого богатого и гордого из всех этих вассальных государств, была отнята во время правления Августа у династии, которой она была доверена, и по-прежнему подчинялась его преемнику под контролем проконсула в Антиохии.

Ирод Великий на смертном одре послал Августу свою печать вместе с щедрым подарком в знак полной зависимости от Рима, в котором он удерживал свои владения [4 г. до н. э.]. Этот акт вассальной зависимости, возможно, обеспечил ему ратификацию распоряжения, которое он сделал в отношении своих территорий между Архелаем, Иродом Антипой и Филиппом. Первому было отведено царство Иудея, включая Самарию и Идумею, но с потерей городов Газа, Гадара и Гиппус, которые теперь были присоединены к правительству Сирии. Второму достались районы Галилеи на западе и Переи на востоке от Иордана; а Трахонития, Ауранития и Гаулонития вместе с Итуреей образовали тетрархию Филиппа, простиравшуюся на север до пустынных границ Дамаска. Но соперничающие родственники не были удовлетворены этим разделом. Архелай и Антипас отправились в Рим, чтобы выступить друг против друга, но пока они отстаивали свои права перед трибуналом сената, временное правительство, установленное римлянами в Иудее, было внезапно атаковано со всех сторон вооруженными повстанцами. Однако их лидеры не были людьми высокого ранга или влиятельными, и восстание ни в коем случае не было национальным движением. Оно было быстро подавлено Варом, тогдашним проконсулом Сирии, тем самым, который десять лет спустя так жалко погиб в Германии, и наказано с жестокой суровостью, слишком

часто применяемой в таких случаях. Архелай, утвердившийся в своем владычестве, продолжал править в Иудее под этими печальными знаменами. Его подданные, все еще помнящие сыновей своей любимой Мариамны, никогда не относились к нему с благосклонностью; уже упоминалось, как они жаловались Августу на его тиранию и добились его смещения с трона. В конце концов он был сослан в Виенну в Галлии.

Падение Архелая оставило трон Иудеи и Самарии без прямого претендента, и император воспользовался этой возможностью, чтобы присоединить их к римским владениям. Эта территория была передана под общее управление проконсулу Сирии, но более непосредственно управлялась императорским прокуратором, который поселился в Кесарии Филипповой. О характере нового правительства мы не находим никаких жалоб даже у еврейских писателей, чьи рассказы об этом периоде сохранились до наших дней.

Как Август, так и его преемник, по-видимому, поручили своим офицерам проявлять такое же уважение к особым обычаям и предрассудкам евреев, которое придавало такой блеск в их глазах великодушному Агриппе; какими бы ни были обычные суровости римского господства, только с приходом Понтия Пилата, примерно в середине правления Тиберия, им было нанесено какое-либо особое оскорбление. Они жаловались, что новый прокуратор начал свою карьеру с серьезного и бессмысленного оскорбления. Он въехал в Иерусалим с развевающимися знаменами, на которых, согласно обычаю того времени, было изображено изображение императора. Старое религиозное чувство евреев против изображения человеческой фигуры вызвало бурное возмущение; они протестовали против прокуратора и не хотели слушать его оправдания, что у римлян, как и у евреев, есть свои обычаи, и что удаление портрета императора с его знамен собственным офицером может быть расценено как преступление против императорского величия. Но если Тиберий был лишь марионеткой доносчиков в своей столице, то в провинциях он сохранял здравый смысл и независимость. Возможно, именно по его специальному разрешению Пилат согласился удалить неприятные изображения. Тем не менее, иудеи под руководством своих священников продолжали с упорной ревностью следить за каждым его действием, и когда он осмелился использовать часть доходов храма на строительство акведука для снабжения их города, они впали в ярость, что вынудило его принять жесткие меры подавления.

Вероятно, взаимное раздражение привело к дальнейшим беспорядкам, за которыми последовали кровавые наказания; правительство Пилата было обвинено в жестокости и вымогательстве, и в конце концов провинциалы обратились к Вителлию, правителю Сирии. Их ожидания не были обмануты. Проконсул потребовал от своего прокуратора покинуть провинцию и подчиниться воле обиженного императора. Тиберий, конечно, уже умер до его прибытия, но его преемник без промедления рассмотрел представления своего лейтенанта, и Пилат был с позором отправлен в Вену. Судя по уверенности, с которой к Тиберию обратились по вопросу, имевшему столь отдаленное отношение к нему, можно предположить, что бдительность его контроля не ослабевала даже в последние минуты его жизни.

В то время как Иудея и Самария были таким образом присоединены к римской провинции, Галилея и отдаленные регионы Переея и Итурея по-прежнему оставались под властью своих родных правителей; и владения великого Ирода вскоре вновь были временно объединены под единым скипетром. Однако, если мы рассмотрим положение еврейских провинциалов под властью римских фасций, то найдем основания полагать, что оно было далеко не невыносимым, и, вероятно, представляло собой изменение к лучшему по сравнению с тиранией их собственных царских династий.

РИМСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА

(Скульптура в Капитолии)

Несомненно, национальные чувства, насколько они были распространены, были оскорблены заменой родного господства иностранным. Аристократы и священники, которые сохраняли и отражали эти чувства и страдали от иностранного господства, по мере своих сил подпитывали предрассудки народа, возбуждали его недовольство, разжигали пламя мятежа, а затем предавали своих несчастных клиентов мечу безжалостных палачей. Можно признать, что финансовые требования прокуратора были более жесткими, чем требования Ирода, который, отменив значительную часть налогов своего народа, завоевал его благосклонность, несмотря на свои зверства. Тем не менее, степень свободы и безопасности, которой пользовались евреи при Квиринае и Пилате, свидетельствует об общей мягкости римского правительства в этот период и может заставить нас поверить, что иго завоевателей в целом было счастливой заменой для их подданных. Теплые описания провинциального счастья еврейским авторитетом Филоном могут быть приукрашены в соответствии с целью, и, возможно, невозможно привести какие-либо четкие факты в поддержку этого общего предположения. Тем не менее, в писаниях евангелистов, которые, абстрагируясь от их религиозного значения, содержат наиболее интересные из существующих свидетельства о социальных условиях древности, — ведь только они из всех наших древних документов являются произведениями людей из народа, — не отсутствуют признаки, показывающие, что большинство населения Иудеи было довольно и относительно счастливо под властью римского прокуратора.

Такое впечатление складывается из описаний обычной жизни в текстах Нового Завета. Примеры жестокости и несправедливости, которые они приводят, взяты из поведения евреев по отношению друг к другу, а не иностранцев по отношению к коренному населению. Не полицейский чиновник или представитель власти, а книжник и фарисей подвергаются ненависти или презрению. Римляне рассматриваются в них как защитники народа от его

внутренних тиранов. Обязанность платить им дань представляется как справедливая цена за спокойствие, которое они поддерживают; о их налоговых чиновниках говорят с терпением; их солдаты приводятся в пример как образцы вдумчивой терпимости; пороком провинциального правителя является скорее равнодушие и неверие, чем беспричинное насилие; а суд самого императора рассматривается как последняя инстанция для пострадавших невинных. Свобода передвижения, которой пользовались подданные Рима, полное разрешение пересекать границы, собираться вместе для социальных и религиозных целей, стекаться толпами по призыву народных лидеров — все это указывает на состояние личной свободы, которому в настоящее время могла бы позавидовать вся Европа.^f

ВНУТРЕННЕЕ УПРАВЛЕНИЕ

В первые годы правления Тиберия его администрация была благоприятна для государства. Даже Тацит ^d рисует блестящую картину: «Публичные дела и более серьезные из тех, которые касались частных лиц, решались сенатом. При распределении почестей он принимал во внимание происхождение, военную службу и гражданские таланты, так что было бы трудно сделать лучший выбор. Что касается законов, то, за исключением закона о величии, они использовались с пользой. Для своих частных дел принц выбирал самых выдающихся людей, некоторых из которых он знал только по слухам, и большая часть из них состарилась на службе. Он заботился о том, чтобы провинции не были обременены налогами. Владения принца в Италии не были очень обширными. Его рабы не были дерзкими, а вольноотпущенников было не много. Если у него возникали споры с частными лицами, дело решалось по закону».^b

Его план состоял в том, чтобы обладать реальной властью, не вызывая ненависти или зависти бесполезным ее демонстрированием. Поэтому он отверг предложенные ему титулы, такие как «император» в качестве *преномена* и «отец отечества»; даже титул «Август», хотя и наследственный, он использовал только в своих письмах к королям и династам; прежде всего он отверг титул «господин» (*Dominus*); он хотел, чтобы его называли только Цезарем или Первым в Сенате. Последний (который мы в дальнейшем будем называть Принцем) был его любимым титулом; он обычно говорил: «Я господин своих рабов, император солдат и принц всех остальных». Он не позволял делать ничего особенного в честь своего дня рождения, не позволял никому клясться его удачей; он также не позволял сенату клясться его деяниями в день Нового года, не позволял воздвигать ему храмы или оказывать ему какие-либо другие божественные почести. Он был приветлив и доступен; он не обращал внимания на клевету и злые слухи, объектом которых он был, и отвергал всякую лесть.

Он сохранял (по крайней мере, внешне) все прежнее достоинство и власть сената и магистратов. Все вопросы, большие и малые, публичные и частные, выносились на рассмотрение сената. Дебаты, по-видимому, были свободными, и принц часто оказывался в меньшинстве. Он всегда входил в здание сената без сопровождения, как обычный сенатор; он упрекал консулов, командующих армиями, за то, что они писали ему, а не сенату; он относился к консулам с величайшим уважением, вставая перед ними и уступая им дорогу. Послы и депутаты должны были обращаться к ним, как во времена республики. Он осуществлял свою власть в сенате только благодаря своему трибунскому праву заступаться за других. Он также занимал место среди магистратов, когда они вершили правосудие, и своим присутствием и авторитетом сдерживал влияние великопоставленных лиц, защищавших обвиняемых; благодаря такому поведению, как отмечалось, правосудие выигрывало, но свобода страдала.

Внимание уделялось также общественной морали и спокойствию в городе. Был установлен предел расходам на спектакли и публичные представления, а также на гонорары актерам, которым сенаторам и всадникам запрещалось оказывать знаки уважения, посещая их или присутствуя на их выступлениях. Расточительность стала настолько дерзкой и бесстыдной, что дамы, как известно, вносили себя в список признанных куртизанок, чтобы избежать наказания по закону, а молодые люди из знатных семей добровольно подвергались позору, чтобы безопасно появляться на сцене или арене; обе эти позорные категории теперь подвергались наказанию в виде изгнания. Астрологи и гадалки были изгнаны из города; обряды и церемонии египетской и иудейской религий были запрещены. По всей Италии были размещены стражи (), чтобы предотвратить грабежи на дорогах; а в Греции и Азии были введены ограничения на деятельность убежищ, где скрывались преступники всех мастей.

Однако люди не были обмануты всей этой кажущейся заботой о свободе и справедливости, поскольку с самого начала они видели, как им казалось, зародыши тирании, особенно в обновлении закона о государственной измене (*majestas*). Во времена республики существовал закон под этим названием, согласно которому любой, кто умалял величие (*majestas*) римского народа, предавая армию, возбуждая плебс к мятежу или совершая неправомерные действия при исполнении своих обязанностей, подлежал наказанию. Он применялся только к действиям, но Сулла распространил его на речи, а Август — на писания, направленные не только против государства, но и против частных лиц, по случаю того, что Кассий Север скомпрометировал нескольких известных лиц обоих полов. Тиберий, разгневанный анонимными стихами, написанными о нем, поручил претору, когда тот обратился к нему за советом по этому вопросу, вынести приговор по закону о государственной измене. Поскольку этот закон распространялся как на слова, так и на действия, он открыл широкое поле для злоупотреблений и породил гнусную породу доносчиков или публичных осведомителей, отвечающих сикофантам, этим паразитам Афин в дни их демократического деспотизма. Это зло началось почти с правления Тиберия, во второй год которого два рыцаря, Фалоний и Рубриус, были обвинены: один в том, что он связал актера с дурной репутацией с поклонниками Августа и продал вместе со своими садами статую этого принца, а другой — в том, что он ложно поклялся его божеством. Тиберий, однако, не позволил рассматривать эти абсурдные обвинения. Вскоре после этого Граний Марцелл, претор Вифинии, был обвинен в измене своим квестором Цепионом Криспином за то, что он злословил о Тиберии, поставил свою статую на более высоком месте, чем статуи цезарей, и отрезал голову Августа от статуи, чтобы освободить место для Тиберия. Последнее обвинение возмутило Тиберия, который заявил, что сам проголосует по этому вопросу, но смелое высказывание Гнатия Пизона привело его в чувство, и Марцелл был оправдан.

После смерти Германика Тиберий стал действовать менее сдержанно, поскольку его сын Друз не обладал качествами, необходимыми для завоевания популярности и, следовательно, для контроля над ним. Фактически, за исключением его привязанности к своему благородному приемному брату, в характере Друза не было ничего, что заслуживало бы уважения. Он был пристрастен к распутству, увлекался зрелищами в амфитеатре и был настолько жесток, что в его честь был назван особый вид острого меча — друзианский. Тиберий сделал его своим коллегой в консулате, а затем добился для него трибунской власти (22); но Друзу не суждено было долго наслаждаться таким образом предоставленными ему достоинством и властью. Роковая перемена должна была произойти и в поведении и правлении самого Тиберия, происхождение которой мы теперь должны проследить.

У Сея Страбона, который был назначен Августом одним из префектов преторианских когорт, был сын, который, будучи усыновлен одним из членов семьи Элиев, был назван по обычаю Л. Элием Сеяном. Этот молодой человек, родившийся в Вульсинии в Тоскане, сначала служил Гаю Цезарю, а после его смерти посвятил себя Тиберию; и настолько он был искусен в своем ремесле, что этот хитрый принц, мрачный и загадочный для всех остальных, был с ним открыт и беспрекословен. Сеян не уступал своему господину в умении скрывать свои мысли и замыслы; он был смелым и амбициозным и обладал необходимыми качествами для достижения той высоты, к которой он стремился; хотя он был гордым, он умел льстить; он мог и действительно принимал скромный вид, был бдителен и трудолюбив, а его тело было способно выдерживать любую усталость.

[14-24 гг. н. э.]

Когда Друз был отправлен подавлять мятеж паннонских легионов, Сеян, которого Тиберий сделал коллегой своего отца Страбона в командовании преторианцами, сопровождал его в качестве его наместника и руководителя. Страбон был впоследствии отправлен в Египет, а Сеян остался единственным командующим гвардией; тогда он объяснил Тиберию, насколько лучше было бы собрать их в одном лагере, а не рассеивать по городу и поселкам, так как в этом случае они были бы менее подвержены коррупции, более дисциплинированными и более эффективными в случае возникновения какого-либо восстания. Поэтому для них был построен укрепленный лагерь возле Виминальских ворот, и Сеян начал заискивать перед солдатами, назначая тех, на кого он мог положиться, трибунами и центурионами. Обеспечив себе поддержку гвардии, он с таким же усердием старался завоевать сторонников в сенате, и почести и провинции доставались только тем, кто снискал его благосклонность раболепием. Во всех этих замыслах ему неосознанно помогал Тиберий, который публично называл его «соратником по трудам» и даже разрешал устанавливать его статуи и поклоняться им в храмах и театрах, а также среди знамен легионов.

Сеян фактически разработал смелый план уничтожения Тиберия и его семьи и захвата верховной власти. Поскольку помимо Тиберия и Друза, у которого было два сына, были еще брат и три сына Германика, он решил, что безопаснее будет постепенно устранять их с помощью хитрости и вероломства. Он начал с Друза, к которому питал личную злобу, поскольку этот буйный юноша однажды публично ударил его по лицу. Чтобы осуществить свой замысел, он соблазнил его жену Ливию, сестру Германика, а затем, пообещав ей долю императорской власти, склонил ее принять участие в плане убийства своего мужа. В заговор был втянут и ее врач Эвдем, но прошло некоторое время, прежде чем соучастники окончательно определились с методом. В конце концов был выбран медленный яд, который был подан Друзу евнухом по имени Лигд, и тот умер, по-видимому, от болезни (23). Тиберий, который, когда его сын лежал мертвый, вошел в здание сената и обратился к членам с обычным для него спокойствием, сам произнес похоронную речь, а затем, чтобы утешиться, переключился на дела.

До сих пор все удавалось Сеяну, и смерть унесла младшего сына Друза вскоре после его отца; но Нерон и Друз, два старших сына Германика, теперь росли, и целомудрие их матери и верность окружающих исключали возможность отравления. Поэтому он избрал другой путь: воспользовавшись высокомерным нравом Агриппины и подогревая известную ревность Августы к ней, он добился того, что и она, и Ливия стали пытаться настроить Тиберия против Агриппины, рассказывая о ее гордости за своих потомков и о ее амбициозных планах. В то же время он побудил некоторых из ее окружения подстегивать ее

высокомерный дух своими вероломными речами. Кроме того, он предложил лишить ее поддержки, уничтожив влиятельных людей, привязанных к ее семье или памяти ее мужа. С этой целью он выбрал в качестве первых жертв Г. Силия и Тиция Сабина, друзей Германика, а также жену Силия, Сосию Галлу, к которой Агриппина была сильно привязана и которая поэтому была предметом неприязни Тиберия. Однако, оставив Сабинуса в стороне, он заставил консула Виселлиуса Варро обвинить Силия в измене за то, что тот скрыл свое знание о замыслах Сакровира, опозорил свою победу своей алчностью и поощрял поступки своей жены. , тщетно просив отсрочку до тех пор, пока его обвинитель не покинет свой пост, и видя, что Тиберий решительно настроен против него, Силий избежал осуждения, покончив с собой. Его жена была сослана; часть его имущества была конфискована, но остальная часть была оставлена его детям.

[24-25 гг. н. э.]

Подталкиваемый собственной амбицией и настойчивостью Ливии, Сеян вскоре (25) осмелился подать Тиберию прошение с просьбой выбрать его в качестве мужа для Ливии. Тиберий не обиделся; его ответ был любезным, в нем он лишь указал на сложности, связанные с самим Сеяном, но в то же время выразил ему самую теплую дружбу и доверие. Однако Сеян был подозрителен и начал размышлять, что пока Тиберий остается в Риме, у тех, кто желает подорвать его авторитет в глазах ревнивого принца, может появиться много возможностей для этого; тогда как, если бы он смог убедить его покинуть город, доступ к нему был бы возможен только через него самого, все письма доставлялись бы солдатами, подчиняющимися его приказам, и постепенно, по мере того как принц старел, все дела государства перешли бы в его руки. Поэтому, противопоставляя шум и суматоху Рима уединению и спокойствию сельской местности, он постепенно пытался склонить его к своей цели, что ему и удалось в следующем году.

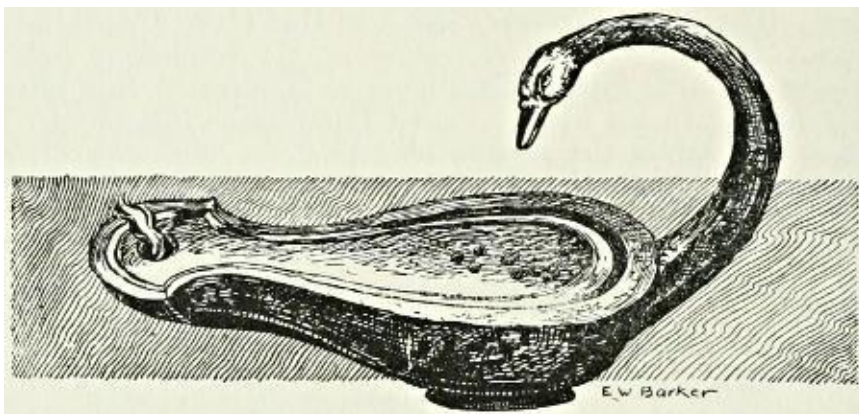
В это время против различных лиц было выдвинуто смертельное обвинение в государственной измене. Наиболее примечательным случаем было дело историка А. Кремутия Корда. Он высказал свободное замечание о поведении Сеяна, и в связи с этим двум клиентам этого фаворита было поручено обвинить его в государственной измене за то, что в своей истории он назвал Кассия последним из римлян. Кремуций, представая перед сенатом, заметив суровость лица Тиберия, сразу же принял решение покончить с жизнью и поэтому произнес следующие слова:

«Отцы, мои слова обвиняются, но я невиновен в поступках; и даже эти слова не направлены против принца или родителей принца, на которых распространяется закон о государственной измене. Говорят, что я восхвалял Брута и Кассия, чьи деяния, хотя и описанные многими, никто не упоминал без почета. Тит Ливий, который славится красноречием и верностью, восхвалял Помпея с такой похвалой, что Август называл его помпейцем; и это не мешало их дружбе. Он нигде не называет Сципиона, Афрания, этого самого Кассия, этого Брута грабителями и отцеубийцами, как их теперь называют; он часто говорит о них как о выдающихся людях. Сочинения Асиния Поллия передают о них славную память; Мессала Корвин называл Кассия своим генералом; и оба они процветали в богатстве и почестях. На книгу Марка Цицерона, которая превозносила Катона до небес, что сделал диктатор Цезарь, как не ответил в письменной речи, как перед судьями? Письма Антония, речи Брута содержат ложные обвинения в адрес Августа, написанные с большой горечью. Стихи Бибакула и Катутла, полные оскорблений в адрес Цезарей, читаются; более того, сам божественный Юлий, сам божественный Август терпели их и позволяли им оставаться; я не могу точно сказать, было ли это скорее из умеренности или из мудрости; ведь то, что презирается, выходит из памяти; если вы злитесь на них, их правда кажется признанной. Я

не говорю о греках, среди которых не только свобода, но и вседозволенность оставались безнаказанными; или, если кто-то и обращал на это внимание, он мстил словам словами. Но была величайшая свобода и никаких упреков, когда речь шла о тех, кого смерть избавила от вражды или благосклонности. Разве я, в условиях гражданской войны, разжигаю народ своими речами, пока Брут и Кассий вооружены и занимают равнины Филипп? Или же те, кто уже семьдесят лет как мертвы, как известно по их изображениям, которые не уничтожил победитель из Элиды (), сохраняют таким же образом свою долю памяти в литературных произведениях? Потомство распределяет свою награду каждому; и даже если на меня обрушится осуждение, найдутся те, кто будет помнить не только Брута и Кассия, но и меня».

[25-27 гг. н. э.]

Сказав это, Корд покинул сенат и, вернувшись в свое жилище, умер от голода. Сенат постановил, что все экземпляры его произведения должны быть собраны и сожжены эдилами, но некоторые из них были спасены его дочерью Марцией и переизданы в следующем царствовании.

РИМСКАЯ ЛАМПА

Наконец (26) Тиберий покинул Рим и отправился в Кампанию под предлогом посвящения храма Юпитеру в Капуе и храма Августу в Ноле, но с тайным намерением никогда не возвращаться в город. Для этого решения приводятся различные причины, все из которых, возможно, верны. Предложения Сеяна не остались без внимания; он похудел, сгорбился, был совершенно лысым, а его лицо было покрыто пятнами и язвами, на которые ему приходилось постоянно накладывать пластыри; поэтому он, возможно, и решил уйти из общественной жизни. Кроме того, говорят, что он хотел уйти от власти своей матери, которая, по-видимому, считала себя вправе разделить власть, которую он получил благодаря ее усилиям. [Но каким бы ни был точный мотив, побудивший Тиберия, его уход фактически означал дезертирство из столицы, поскольку он так и не вернулся].

Его сопровождали только один сенатор, Коккей Нерва, который был глубоко сведущ в законах, Сеян и еще один рыцарь, а также несколько человек, в основном греки, которые были сведущи в литературе. Через несколько дней после отправления произошел несчастный случай, который едва не стал для него роковым, но оказался счастливым для Сеяна. Находясь в одной из своих загородных резиденций недалеко от Фунди, называемой Пещерами (Speluncæ), он, чтобы спастись от жары, обедал в одной из естественных пещер, откуда и произошло название виллы, когда большое количество камней, составлявших ее крышу, обрушилось и раздавило насмерть некоторых из сопровождающих. Сеян бросился на Тиберия, чтобы защитить его своим телом, и был найден в этом положении солдатами,

которые пришли им на помощь. Это явное доказательство великодушной самоотверженности подняло его в глазах принца выше, чем когда-либо.

В то время как Тиберий странствовал по Кампании (27), в Фидена произошла страшная катастрофа в результате обрушения временного амфитеатра, построенного вольноотпущенником по имени Атилиус для проведения гладиаторских боев; число погибших и искалеченных, по некоторым данным, составило пятьдесят тысяч человек.^[11] Поведение римской знати в этой печальной ситуации показало, что не все добродетели покинули их: они открыли свои дома для пострадавших и обеспечили их медицинской помощью и лекарствами, так что, как отмечает великий историк, город приобрел облик Рима древних времен, когда после сражений раненые получали такое же гуманное обращение. Сразу же после этой беды на Целийском холме произошел огромный пожар, но Тиберий смягчил бедствие, выплатив жителям сумму, равную их денежным потерям.

Посвятив храмы и некоторое время странствуя по городам Кампании, Тиберий наконец остановился на островке Капреа (современный Капри) в Неаполитанском заливе в качестве своего постоянного места жительства. Этот остров, расположенный на расстоянии трех миль от мыса Сурентум, был доступен только в одном месте; он отличался мягким климатом и предлагал великолепный вид на Неаполитанский залив и окружающую его прекрасную местность.^[12] Но этот восхитительный приют был быстро превращен пожилым принцем в логово порока, которому, пожалуй, не было равных; однако его порочные занятия были скрыты завесой тайны, поскольку он все еще находился под некоторым контролем.

[27-29 гг. н. э.]

Когда Тиберий покинул Рим, Сеян возобновил свои интриги против Агриппины, ее детей и друзей. Свои первые усилия он направил против ее старшего сына Нерона, окружив его шпионами; а поскольку этот юноша был женат на дочери Ливии, его жена по указанию своей брошенной матери должна была записывать и докладывать обо всех его самых сокровенных словах и поступках. Сеян вел точный учет всего, что ему удавалось узнать различными способами, и регулярно передавал эту информацию Тиберию. Он также привлек на свою сторону младшего брата Нерона, Друза, юношу с буйным нравом, который ненавидел его за то, что он был любимцем своей матери. Однако Сеян намеревался уничтожить и его, когда тот выполнит свою роль в борьбе с Нероном.

В это же время он нанес окончательный и роковой удар по Титию Сабину, чьим преступлением была привязанность к семье Германика. Приманка в виде консульства, о которой мог распоряжаться только Сеян, побудила четырех человек, обладавших преторианским достоинством, вступить в заговор с целью его гибели. Был предложен план, согласно которому один из них, по имени Латиний Латиарис, который был немного знаком с Сабиним, должен был втянуть его в разговор, из которого можно было бы извлечь обвинение в измене. Заговор удался; Латиарис, хваля постоянство Сабина в дружбе, постепенно подвел его к тому, чтобы тот высказал свое мнение о Сеяне и даже о Тиберии. Наконец, под предлогом того, что ему нужно сообщить что-то очень важное, он привел его в комнату, где трое других скрывались между потолком и крышей. Таким образом, обвинение в измене было быстро сфабриковано и передано Тиберию, от которого в день Нового года (28) пришло письмо, в котором он ясно давал понять сенату о своем желании мести. Этого было достаточно для этой раболепной палаты, и Сабин был вытащен и казнен без промедления.

В своем благодарственном письме сенату Тиберий говорил об опасности, в которой он находился, и о заговорах своих врагов, явно намекая на Агриппину и Нерона. Эти несчастные люди лишились своего единственного оставшегося убежища в следующем году (29) после

смерти матери принца, Юлии Августы,^[13] чье влияние на сына и забота о своих потомках сдерживали Сеяна. Это вскоре проявилось в прибытии письма от Тиберия, в котором он обвинял Нерона в противоестественных действиях и говорил о высокомерии Агриппины; но пока сенат вел дебаты, народ окружил дом, неся изображения Агриппины и Нерона и крича, что письмо подделано, а принц обманут. Поэтому в тот день ничего не было сделано, и Сеян воспользовался случаем, чтобы раздражать Тиберия, который снова написал сенату; но поскольку в письме он запрещал им идти на крайние меры, они приняли декрет, в котором заявляли о своей готовности отомстить за принца, если бы он сам не помешал им.

[29-31 гг. н. э.]

К сожалению, замечательное повествование Тацита обрывается на этом месте, и в течение более чем двух лет, самых важных в правлении Тиберия, мы вынуждены черпать знания о событиях из гораздо менее достоверных сообщений Диона Кассия и Светония. Поэтому мы не можем описать уловки, с помощью которых Сеян добился гибели Агриппины и ее детей, и можем только узнать, что она была сослана на остров Пандатария, где, давая волю своему негодованию, была ослеплена центурионом, а Нерон был сослан на остров Понтия и вынужден покончить с собой. О дальнейшей судьбе Агриппины и Друза мы расскажем позже.

Сеян теперь наслаждался властью; все его боялись, все заискивали перед ним и льстили ему. «Одним словом, — говорит Дион, — он казался императором, а Тиберий — просто правителем острова»; ибо в то время как последний жил в одиночестве и, по-видимому, был забыт, двери первого каждое утро были забиты приветствующими толпами, и первые люди Рима сопровождали его по пути в сенат. Его гордость и надменность, как это всегда бывает с теми, кто поднимается не благодаря своим заслугам, шли рука об руку с его властью, и люди ненавидели его, одновременно боясь и льстя ему.^e

Приведем пример этой льстивой лести со страниц современного летописца Веллея Патеркула, римлянина, который девять лет служил солдатом в Германии, был военным трибуном, а затем квестором и претором. В панегирике, которым Веллей завершает свою *«Краткую историю Рима»*, он восхваляет Сеяна наряду с самим императором и его матерью. Этот панегирик стоит привести полностью, поскольку он иллюстрирует контраст между современными оценками — будь то искренними или лицемерными — и суждением потомков.^a

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ ХВАЛИТ ТИБЕРИЯ

[14-37 гг. н. э.]

«Редко, — говорит Веллей, — когда люди, достигшие высокого положения, не имели влиятельных соратников, которые помогали им управлять ходом их судьбы; так, два Сципиона имели двух Лелиев, которых они во всех отношениях ставили на один уровень с собой; так, император Август имел Марка Агриппу, а после него Статилия Тавра. Новизна семей этих людей не помешала им занять много консульских постов, одержать много триумфов и занять множество священнических должностей. Ведь великие дела требуют великих соратников (в мелких делах незначительность помощи не портит процесс), и в интересах общества, чтобы то, что необходимо для дела, было выдающимся по достоинству, а полезность укреплялась влиянием. В соответствии с этими примерами, Тиберий Цезарь имел и до сих пор имеет Элия Сеяна, превосходного помощника во всех трудах управления, человека, чей отец был главой всаднического сословия () и который по материнской линии

связан с некоторыми из самых знатных и древних семей, возвышенных высокими должностями; у него есть братья, двоюродных братьев и дядю, имеющих консульский ранг; который отличается верностью в исполнении своих обязанностей и способностью выдерживать усталость, а его физическое состояние соответствует энергичности его ума; человек приятной серьезности и непритворной веселости; который при выполнении своих обязанностей выглядит совершенно непринужденным; не присваивающим себе ничего и поэтому получающим все почести; всегда считающим себя ниже, чем его оценивают другие; спокойным в облике и разговоре, но неутомимо бдительным в уме.

«В оценке достоинств Сеяна мнение народа давно соперничает с мнением принца. Для сената и народа Рима вовсе не ново считать самых заслуженных самыми благородными. Еще до Первой Пунической войны, триста лет назад, древние римляне возвысили до вершины достоинства Т. Корункания, человека без рода, наделяя его, помимо других почестей, должностью верховного понтифика; они продвинули Спурия Карвилия, человека всаднического происхождения, а затем Марка Катона, другого нового человека (не уроженца Рима, а родом из Тускулума), а также Муммия Ахайка, на должности консулов, цензоров и триумфаторов. И те, кто считал Гая Мария, человека самого скромного происхождения, бесспорно первым в римском народе еще до его шестого консульства; кто так высоко ценил Марка Туллия, что мог почти по своей единственной рекомендации получить самые высокие должности для любого, кого он выбрал; и которые не отказывали Асинию Поллю ни в чем, чего люди благороднейшего происхождения добивались с бесконечным трудом, были, безусловно, того мнения, что тот, кто обладал величайшими добродетелями, имел право на величайшие почести. Естественное подражание примерам других людей побудило Цезаря испытать Сеяна и дало Сеяну возможность разделить бремя власти, а сенат и народ Рима с радостью призвали к охране своей безопасности того, кого они считали наиболее подходящим для этой должности.

«Представив общее представление об управлении Тиберия Цезаря, перечислим теперь несколько подробностей, касающихся этого вопроса. С какой мудростью он привез в Рим Рескупориса, убийцу Котиса, сына своего брата и соправителя, прибегнув в этом деле к услугам Помпония Флакка, человека консульского ранга, по натуре склонного ко всему, что достойно почета, и своей добродетелью всегда заслуживающего славы, но никогда не стремящегося к ней! С какой торжественностью он, как сенатор и судья, а не как принц, лично рассматривает дела! С какими наставлениями он формировал ум своего Германика и обучал его азам войны в своем собственном лагере, так что впоследствии он провозгласил его завоевателем Германии! Какими почестями он осыпал его в юности, великолепие его триумфа соответствовало величию его подвигов! Как часто он удостаивал народ подарками! Как охотно он, когда мог сделать это с санкции сената, снабжал сенаторов имуществом, соответствующим их рангу, не поощряя расточительности и не позволяя, чтобы почтенная бедность была лишена достоинства! С какой честью он послал своего Германика в заморские провинции! С какой энергией, используя Друза в качестве министра и помощника в своих планах, он заставил Марбода, который цеплялся за землю королевства, которым он владел, выйти из укрытия, как змея, скрывающаяся в земле (позвольте мне высказаться без обиды для его величества), благодаря благотворному очарованию его советов! Как достойно, но при этом как внимательно он следит за ним! Какую грозную войну, развязанную галльским вождем Сакровиром и Юлием Флором, он подавил с такой поразительной быстротой и энергией, что римский народ узнал о своей победе, еще не успев осознать, что находится в состоянии войны, и весть о победе опередила весть об опасности! Африканская война, столь опасная и с каждым днем набиравшая силу, также была быстро завершена под его покровительством и руководством.

РИМСКИЙ ТРЕНОЖНИК

«Какие сооружения он воздвиг от своего имени и от имени своей семьи! С какой преданной щедростью, превосходящей всякое воображение, он строит храм своему отцу! С какой похвальным великодушием он восстанавливает даже здания Кнея Помпея, которые были уничтожены пожаром! Все, что когда-либо было заметно великим, он считает своим и находится под его защитой. С какой щедростью он всегда, и особенно во время недавнего пожара на Целийской горе, возмещал убытки людям всех сословий из своего собственного имущества! С какой совершенной легкостью для общественности он управляет набором войск, делом постоянного и крайнего беспокойства, без паники, сопутствующей призыву! Если природа позволяет нам или смирение человека может взять на себя, чтобы скромно жаловаться богам на такие вещи, то чем он заслужил, во-первых, что Друз Либо составил свои отвратительные заговоры, а во-вторых, что Силий и Пизон последовали его примеру, одного из которых он возвысил до достоинства, а другого продвинул по службе? Чтобы перейти к более важным вопросам (хотя он считал даже эти очень важными), чем он заслужил, что потерял своих сыновей в молодости или внука от Друза? Но мы говорили только о причинах для печали, теперь мы должны перейти к поводам для стыда. С каким сильным горем, Марк Виниций, он мучился в течение последних трех лет! Как долго его сердце было измучено горем, и, что самое несчастное, он был вынужден скрывать его, в то время как был вынужден скорбеть и испытывать возмущение и стыд за поведение своей невестки и внука! И горе этого периода усугублялось потерей его замечательной матери, женщины, которая больше походила на богиню, чем на человека, и чью силу никто не ощущал, кроме как в облегчении страданий или в оказании чести.

«Да завершится наша книга молитвой. О Юпитер Капитолийский, о Юпитер Статор! О Марс Градивус, создатель римского дома! О Веста, хранительница вечного огня! О все божества, возвысившие нынешнее величие Римской империи до положения господства над миром, охраняйте, сохраняйте и защищайте, я умоляю и заклинаю вас, во имя республики, нашего нынешнего государства, нашего нынешнего мира (нашего нынешнего принца)! И когда он завершит свой долгий путь на земле, даруйте ему преемников до самых дальних веков, таких, которые будут способны поддерживать империю мира так же мощно, как мы видели, как он ее поддерживал!»[»](#)

Эти слова льстивого придворного не требуют комментариев, разве что следует отметить, что именно из таких материалов историк должен извлекать правдивые оценки людей и событий. К счастью, в данном случае до нас дошли также более достоверные свидетельства Тацита и Светония — хотя первое из них и не в полном объеме.

ПАДЕНИЕ СЕЯНА

Сеян проправил в Риме более трех лет, обладая почти абсолютной властью, когда (31 г.) Тиберий сделал его своим коллегой в консулате — честь, которая, как замечали, была роковой для всех, кто ею пользовался. На самом деле ревнивый тиран, который был полностью осведомлен обо всех его действиях и замыслах,^[14] тайно решил убить его, но страх перед влиянием Сеяна на стражу и неуверенность в том, как отреагирует народ, помешали ему открыто выступить против него. Поэтому он прибег к хитрости, которой так любил пользоваться. То он писал в сенат, что болен так сильно, что его выздоровление практически безнадежно, то снова, что он совершенно здоров и собирается вернуться в Рим. То он восхвалял Сеяна до небес, то говорил о нем в самых уничижительных выражениях; он чувствовал одних из его друзей и позорил других только за то, что они были его друзьями. Таким образом, и сам Сеян, и все остальные находились в состоянии крайней неопределенности. Тиберий даровал Сеяну и его сыну священнические сан, а также предложил выдать свою дочь замуж за Друза, сына Клавдия, брата Германика; однако в то же время, когда Сеян просил разрешения отправиться в Кампанию, он просил его остаться на месте, так как сам собирался немедленно приехать в Рим.

Все это приводило Сеяна в состояние сильного беспокойства, которое усугублялось тем, что Тиберий, назначая молодого Гая священником, не только хвалил его, но и говорил о нем как о своем преемнике на троне. Он бы сразу же приступил к действиям, если бы радость, проявленная народом по этому поводу, не доказала ему, что он может полагаться только на солдат, и он не решился действовать, опираясь только на них. Затем Тиберий проявил благосклонность к некоторым из тех, кто был враждебен Сеяну. Сенаторы легко поняли, к чему все это ведет, и теперь довольно открыто демонстрировали свое пренебрежение к Сеяну.

Тиберий, таким образом, проверив сенат и народ и убедившись, что может полагаться на обоих, решил нанести давно обдуманый удар. Чтобы застать свою жертву еще более врасплох, он объявил, что намерен наделить ее трибунской властью. Тем временем он дал Невию Серторию Макро секретное поручение взять на себя командование стражей, поручил ему доставить письмо в сенат и подробно проинструктировал его, как действовать. Макр вошел в Рим ночью и передал свои инструкции консулу Г. Меммию Регулу (поскольку его коллега был ставленником Сеяна) и Грецину Лако, командующему стражей, и согласовал с ними план действий. Рано утром он поднялся в храм Аполлона Палатинского, где в тот день должен был заседать сенат, встретил Сеяна и, увидев, что тот обеспокоен тем, что Тиберий не прислал ему никакого сообщения, шепнул ему, что у него есть для него трибунская власть. Сеян вошел в храм в приподнятом настроении, а Макр, показав свое поручение дежурным стражникам и сказав им, что у него есть письма, обещающие им щедрые подарки, отправил их в лагерь и поставил на их место стражников вокруг храма. Затем он вошел в храм и, передал письмо консулам, сразу же вышел и, оставив Лако следить за развитием событий, поспешил в лагерь, чтобы не произошло мятежа стражи.

Письмо было длинным и двусмысленным; в нем не было ничего прямого против Сеяна, но сначала речь шла о чем-то другом, затем следовала небольшая жалоба на него, потом переходили к какому-то другому вопросу, затем снова возвращались к нему и так далее; в заключение говорилось, что два сенатора, которые были наиболее преданны Сеяну, должны быть наказаны, а сам он должен быть брошен в тюрьму; ибо хотя Тиберий горячо желал казнить его, он не осмеливался приказывать его смерть, опасаясь восстания. Он даже умолял их в письме послать одного из консулов с охраной, чтобы тот привел его, теперь уже старого и опустошенного, к ним. Далее нам сообщают, что его опасения были настолько велики, что он отдал приказ, в случае беспорядков, освободить своего внука Друза, который находился в

цепях в Риме, и поставить его во главе тех, кто остался верным его семье; и что он занял свое место на высокой скале, наблюдая за сигналами, которые должны были быть поданы, имея наготове корабли, чтобы отвезти его к какому-нибудь из легионов, если произойдет что-нибудь неблагоприятное.

Однако его предосторожности были излишними. До того, как письмо было зачитано, сенаторы, ожидая услышать только похвалы Сеяну и предоставление трибунской власти, громко заявляли о своей преданности ему; но по мере чтения их поведение заметно изменилось; их взгляды стали другими; даже некоторые из тех, кто сидел рядом с ним, встали и покинули свои места; преторы и трибуны окружили его, чтобы он не убежал и не попытался поднять стражу, как он наверняка сделал бы, если бы письмо не было составлено с таким совершенным искусством. Он был настолько потрясен, что смог ответить только после того, как консул позвал его в третий раз. Тогда все вместе стали ругать и оскорблять его; консул и другие магистраты отвели его в тюрьму. Когда он проходил мимо, народ осыпал его проклятиями и оскорблениями; они свалили его статуи, отрубили им головы и таскали их по улицам. Сенат, видя такое настроение народа и обнаружив, что стража остается спокойной, собрался днем в храме Конкордии, недалеко от тюрьмы, и приговорил его к смерти. Он был казнен без промедления; его безжизненное тело сбросили с Гемонийских ступеней, и в течение трех дней оно подвергалось всем оскорблениям со стороны народа; затем его бросили в Тибр. Его дети также были казнены; его маленькая дочь, которая должна была стать женой внучатого племянника принца, была настолько молода и невинна, что, когда ее вели в тюрьму, она все время спрашивала, что она сделала и куда ее везут, добавляя, что она больше так не будет поступать и что ее можно выпороть, если она плохо себя ведет. Более того, в соответствии с одним из тех отвратительных проявлений варварства, которые попирают справедливость и человечность, при этом соблюдая букву закона, поскольку смертная казнь для девственницы была неслыханным делом, палач был вынужден лишить девочку девственности, прежде чем задушить ее. Апиката, разведенная жена Сеяна, услышав о смерти своих детей и увидев потом их безжизненные тела на ступенях, ушла домой; написав Тиберию подробный отчет о том, как на самом деле умер Друс и о вине Ливиллы, она покончила с собой. В результате этого открытия Ливилла и все, кто был причастен к этому убийству, были казнены.

Ярость народа обрушилась и на друзей Сеяна, и многие из них были убиты. Преторианская гвардия, разгневанная тем, что ее подозревали и предпочли ей стражников, начала жечь и грабить дома. Сенаторы находились в состоянии крайнего смятения, некоторые дрожали из-за того, что они заискивали перед Сеяном, другие, которые были обвинителями или свидетелями, из-за того, что не знали, как будет воспринято их поведение. Однако все они сговорились, чтобы нагромоздить оскорбления на память о падшем фаворите.

[31-33 гг. н.э.]

Тиберий, теперь свободный от всяких опасений, дал волю своей мести. Из своего уединения на острове он издал приказы, и тюрьма заполнилась друзьями и приспешниками Сеяна; зловещая стая доносчиков была выпущена из своих укрытий, и их жертвы обоих полов были загнаны до смерти. Некоторые были казнены в тюрьме, другие были сброшены с Капитолия; безжизненные останки подвергались всевозможным унижениям, а затем бросались в реку. Однако большинство выбрало добровольную смерть, поскольку таким

образом они не только избегали оскорблений и боли, но и сохраняли свое имущество для своих детей.

В следующем году (32) Тиберий решился покинуть свой остров и поплыть по Тибру до садов Цезаря, но внезапно, никто не знал почему, он снова уединился, откуда письмами руководил жестокостью в Риме. Начало одного из них было настолько примечательным, что историки сочли его достойным места в своих трудах; оно гласило: «Что я напишу тебе, П. К., или как я напишу, или что я не напишу в это время, пусть боги и богини уничтожат меня хуже, чем я ежедневно чувствую, что погибаю, если я знаю». Рыцарь по имени М. Теренций в это время, когда его обвинили в новом преступлении — дружбе с Сеяном, имел мужество принять новый курс защиты. Он смело признал обвинение, но оправдал свое поведение, сказав, что он только следовал примеру принца, которого они были обязаны подражать. Сенат оправдал его и наказал его обвинителей изгнанием или смертью, а Тиберий выразил свое удовлетворение этим решением. Но в следующем году (33) его жестокость, соединенная с алчностью (новым для него пороком), проявилась с удвоенной силой. Устав убивать по одному, он приказал устроить массовую резню всех, кто находился в тюрьме из-за связи с Сеяном. Без различия возраста, пола или ранга, они были убиты; их друзья не смели приближаться к ним и даже плакать; и когда их гниющие останки плыли по Тибру, никто не смел прикоснуться к ним или сжечь их.

К зверствам этого года добавились смерти его внука Друза и невестки Агриппины. Первый погиб от голода, которому он был обречен, продержавшись до девятого дня, питаясь набивкой своей постели. Затем тиран имел наглость заставить зачитать в сенате дневник, в котором были записаны все слова и поступки несчастного юноши за несколько лет, а также унижения, которые он терпел от рабов и стражников, окружавших его. Агриппина лелеяла надежду на справедливость после падения Сеяна, но, увидев, что ее надежды не оправдались, она решила умереть от голода. Тиберий, узнав об этом, приказал насильно накормить ее, но она все же достигла своей цели; тогда он попытался опорочить ее память, обвинив ее в нецеломудрии. Поскольку ее смерть произошла в тот же день, что и смерть Сеяна два года назад, он приказал отметить это и считал своим заслугой то, что не приказал задушить ее или сбросить с Гемонийских ступеней. Послушный сенат поблагодарил его за милосердие и постановил, что 18 октября, в день смерти обоих, Юпитеру будет принесено золотое подношение.

Семейство Цезарей теперь сократилось до брата Клавдия и сына Германика Гая, а также его трех дочерей, Агриппины, Друзиллы и Ливиллы, (которых Тиберий выдал замуж соответственно за Гн. Домиция, Л. Кассия и М. Виниция), а также Тиберий и Юлия, дети Друза, последняя из которых была замужем за своим двоюродным братом Нероном, а теперь была выдана замуж за Рубеллиуса Бланда.

[33-37 гг. н. э.]

С самого начала своей жизни Тиберий был вынужден более или менее скрывать свой естественный характер. Август, Германик, Друз, его мать, последовательно сдерживали его; и даже Сеян, хотя и был исполнителем его жестокости, был причиной сдерживания его похотей. Но теперь все преграды были устранены, ибо Гай был настолько покорным рабом Тиберия, что подражал его характеру и словам, стремясь лишь скрыть свои собственные пороки. Поэтому он наконец дал волю всем своим порочным наклонностям, и почти леденет кровь, когда читаешь подробности ужасных деяний, которым он предался среди скал Капреи. Между тем его жестокость не ослабевала; Макро был так же плох, как Сеян, только более скрытен; не было недостатка в доносчиках, и люди высокого ранга гибли ежедневно.

Тем временем в Риме были посеяны семена, которые должны были принести урожай крови после смерти Тиберия. Лелий Балб обвинил Акуцию, бывшую жену Публия Вителлия, в государственной измене; и когда сенат после ее осуждения постановил наградить обвинителя, народный трибун Юний Отон наложил вето; отсюда возникла взаимная ненависть, а впоследствии и изгнание Отона. Затем Альбуцилла, печально известная своими многочисленными любовными похождениями, которая была замужем за Сатрием Секундом, человеком, раскрывшим заговор Сеяна, была обвинена в нечестии по отношению к принцу. В обвинении были указаны, как ее сообщники и любовники, Гней Домиций, Вибий Марс и Луций Аррунтий. Домиций был благородного происхождения. Марс также отличался древними достоинствами своего рода и собственной славой учености. Однако в протоколе, переданном в сенат, было указано, что «при допросе свидетелей и пытках рабов председательствовал Макро», и, поскольку от императора не поступило никакого письма против обвиняемых, возникло подозрение, что, пока он был болен и, возможно, не в курсе дела, обвинения были в значительной степени сфабрикованы в результате известной вражды Макро к Аррунтию.

Таким образом, Домиций, готовясь к своей защите, и Марс, казалось, решивший умереть от голода, продлили свою жизнь. Аррунтий, настойчиво призываемый друзьями попробовать отсрочки и уклонения, ответил, что такие меры не для всех одинаково почетны: он прожил достаточно долго; единственное, о чем он сожалел, — это то, что, подвергаясь со всех сторон насмешкам и опасностям, он согласился до сих пор терпеть старость, отягощенную тревогами; долгое время он был объектом злобы Сеяна, теперь — Макрона, всегда — какого-нибудь фаворита власти; не потому, что он был виновен в каком-либо преступлении, а потому, что не терпел грубейших несправедливостей. Даже если бы Тиберий смог пережить свои последние дни, как он мог бы избежать всего того, что ему пришлось бы терпеть под властью молодого человека, который угрожал занять его место? Если ум Тиберия, человека с огромным опытом, подвергся такому потрясению и преобразованию под мощным влиянием императорской власти, было ли вероятно, что Калигула, едва вышедший из детского возраста, ничего не знающий, воспитанный и обученный в худших традициях, пойдет по более праведному пути под руководством Макрона, того же Макрона, который, будучи более опытным злодеем, был выбран для задачи уничтожить Сеяна и привел республику к состоянию крайней нищеты своими многочисленными злодеяниями? Теперь, по его словам, перед ним открывалась перспектива еще более горького рабства (), и поэтому он сразу же ушел от ужасов, которые уже произошли, и тех, которые грозили в будущем.

Высказывая эти предупреждения с сильным волнением пророка, он перерезал себе вены. О том, что Аррунтий поступил мудро, прибегнув к самоубийству, свидетельствуют последующие события. Альбуцилла, нанеся себе неэффективную рану, была по приказу сената отправлена в тюрьму. Что касается исполнителей ее похотей, то было постановлено, «что Карсидий Сакердос, имеющий преторианский ранг, должен быть сослан на остров; Понтий Фрегеллан был изгнан из сената; и что на Лелия Балба должно быть наложено такое же наказание». Сенаторы вынесли последнее решение с чувством радости, поскольку он считался человеком бурной красноречивости и ревностным в своих усилиях против невинных.

Примерно в то же время Секст Папиний, происходивший из консульской семьи, выбрал внезапную и ужасную смерть, бросившись с высоты. Причиной этого было названо поведение его матери, которая, после многих отказов, ласками и возбуждением довела его до состояния, из которого он мог спастись только смертью. Поэтому она была обвинена в сенате; и, хотя она обняла колени отцов и просила о «естественной нежности материнской скорби и большей слабости женского духа в такой беде», а также о других мотивах сострадания в том же печальном духе, она была изгнана из Рима на десять лет, пока ее младший сын не пережил опасный период юности.^[15]

Что касается Тиберия, то его тело было теперь истощено, а силы иссякли, но он не терял способности к притворству. Он демонстрировал ту же неуступчивость ума, ту же энергию в взглядах и речах; и даже иногда, притворяясь бодрым, пытался скрыть свою угасающую силу, хотя она была слишком очевидна, чтобы ее можно было скрыть. И после многих переездов он наконец поселился на мысе Мисено, в вилле, которая когда-то принадлежала Лукуллу. Там стало известно, что его конец приближается, следующим образом: в его свите был врач по имени Харикл, известный в своей профессии, не для того, чтобы лечить принца в случае недомогания, а для того, чтобы он мог с кем-то посоветоваться, если сочтет это нужным. Харикл, как будто уходя по своим делам, взял его за руку под предлогом прощания и прощупал его пульс. Но он не смог скрыть своего намерения, и тот сразу же приказал возобновить застолье; неизвестно, был ли он разгневан и поэтому еще больше скрывал свое недовольство, но за столом он задержался дольше обычного, как будто желая почтить своего друга в день его отъезда. Однако Харикл заверил Макро, что жизнь быстро угасает и не продлится более двух дней. Поэтому весь двор был в суматохе, велись консультации, и были отправлены курьеры к генералам и армиям. Семнадцатого числа, перед календами апреля, считалось, что он закончил свою земную жизнь, перестав дышать; и Калигула, в окружении большой толпы людей, поздравлявших его, уже собирался выйти, чтобы торжественно вступить в власть, когда внезапно пришло известие, что «Тиберий восстановил зрение и голос и призвал некоторых людей, чтобы они дали ему пищу для восстановления сил». Все были потрясены; толпа вокруг Калигулы рассеялась во всех направлениях, каждый притворялся скорбящим или делал вид, что ничего не знает; он сам стоял неподвижно в тишине — лишившись самых высоких надежд, он теперь ожидал худшего. Макро, не теряя самообладания, приказал задушить старика большим количеством одежды и очистить дверной проем. Так скончался Тиберий в возрасте семидесяти восьми лет.^d

Эта история о последних минутах Тиберия ставится под сомнение Меривейлом,^f который комментирует тот факт, что Тацит, писавший много лет спустя после события, не приводит никаких доказательств своей версии дела, как только что процитировано, и говорит: С другой стороны, современник события, кажется, описывает смерть старика как просто естественную. «Чувствуя, что силы покидают его», — писал Сенека (¹), — «Тиберий снял кольцо и некоторое время держал его в руке, как будто собирался передать его кому-то в качестве символа власти, но вскоре снова надел его на палец и некоторое время лежал без движения. Затем он внезапно позвал своих слуг, и, когда никто не ответил, с последними силами поднялся с постели и сразу же упал бездыханным рядом с ней. Этот рассказ был искажен другими, которые утверждали, что ему было отказано в необходимом питании и он умер от истощения, а некоторые не стеснялись утверждать, что Гай отравил больного».

Тиберий был крупным и крепким человеком, ростом несколько выше среднего, с широкими плечами и грудью, а остальные части тела были пропорциональны. Он чаще пользовался левой рукой, чем правой, и его суставы были настолько сильны, что он мог проткнуть пальцем свежее яблоко и ранить голову мальчика или даже молодого человека легким ударом. Он был светлокожим, а волосы у него были настолько длинные, что покрывали шею, что считалось признаком отличия, которым гордилась его семья. У него было красивое лицо, но часто покрытое прыщами. Его большие глаза обладали удивительной способностью видеть ночью и в темноте, но только в течение короткого времени и сразу после пробуждения от сна, потому что вскоре они снова тускнели. Он ходил с жесткой и неподвижной шеей, обычно с хмурым выражением лица, в основном молчал; когда он разговаривал с окружающими, то говорил очень медленно, и обычно сопровождал свои слова женоподобными движениями пальцев. Все эти неприятные и выражающие высокомерие черты характера Август замечал в нем и часто пытался оправдать перед сенатом и народом, уверяя их, что «это естественные недостатки, которые не являются результатом порочности ума». Он пользовался хорошим здоровьем и без каких-либо перерывов почти на протяжении всего своего правления, хотя с тридцати лет он сам распоряжался своим здоровьем по своему усмотрению, без какой-либо медицинской помощи.

В отношении богов и вопросов религии он проявлял большую безразличность, будучи сильно увлеченным астрологией и полным убеждения, что все вещи управляются судьбой. Тем не менее, он чрезвычайно боялся молнии и в пасмурную погоду всегда носил на голове лавровый венец, потому что среди многих бытует мнение, что листья этого дерева никогда не поражаются молнией.

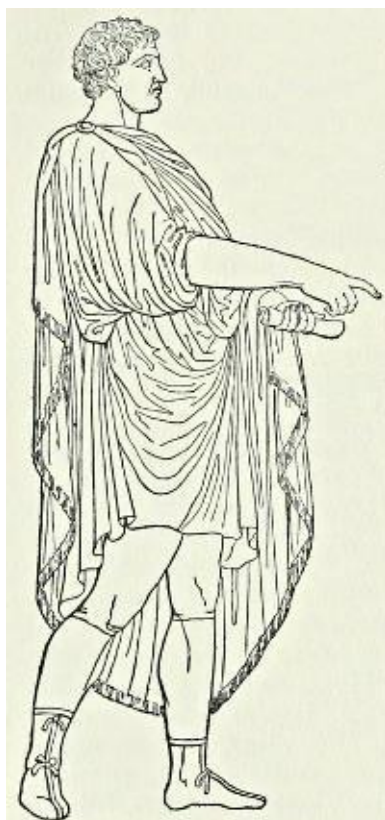
Он с большим усердием занимался гуманитарными науками, как греческими, так и латинскими. В своем латинском стиле он старался подражать Мессалле Корвину, уважаемому старику, с которым он часто общался в молодости. Но он сделал свой стиль непонятным из-за чрезмерной аффектации и изысканности, так что считалось, что он лучше говорит импровизированно, чем в заранее подготовленной речи. Он также сочинил лирическую оду под названием «Плач» () по случаю смерти Л. Цезаря, а также несколько греческих стихотворений в подражание Эуфориону, Риану и Парфению. Он очень восхищался этими поэтами и выставлял их произведения и статуи в публичных библиотеках среди выдающихся авторов древности. По этой причине большинство ученых того времени состязались друг с другом в публикации замечаний о них, которые они адресовали ему. Он уделял основное внимание знанию легендарной истории и занимался этим с усердием, которое по праву можно было считать смешным. Он обычно задавал грамматикам, людям, которые, как я уже отмечал, ему очень нравились, такие вопросы: «Кто была мать Гекубы? Как звали Ахилла среди молодых женщин? Какую песню пели сирены?» И в первый день, когда он вошел в сенат после смерти Августа, как будто намереваясь выразить уважение как памяти своего отца, так и богам, по примеру Миноса после смерти его сына, он принес в жертву ладан и вино, но без музыки.

Хотя он владел греческим языком и был с ним хорошо знаком, он не использовал его повсеместно, а в основном отказывался от него в сенате; настолько, что, когда ему понадобилось использовать слово *monopolium* (монополия), он сначала попросил прощения за то, что вынужден беспокоить сенат иностранным словом. А когда в декрете сената прочитали слово *emblema* (эмблема), он посоветовал заменить его латинским словом или, если подходящего не найдется, выразить это понятие окольным образом. Солдату, которого допрашивали в качестве свидетеля на суде на греческом языке, он не позволял отвечать ни на чем, кроме латыни.

Народ так обрадовался его смерти, что, услышав первую новость об этом, побежал по городу, некоторые кричали: «Прочь Тиберия в Тибр!», другие восклицали: «Пусть земля, общая мать человечества, и подземные боги не дадут места мертвым, кроме как среди нечестивых». Другие угрожали его телу крюком и *скалами*, поскольку их возмущение его прежней жестокостью усилилось недавним случаем того же рода. Сенатским законом было предусмотрено, что наказание лиц, приговоренных к смерти, всегда должно откладываться до десятого дня после вынесения приговора. Так случилось, что день, когда пришла весть о смерти Тиберия, был установлен законом для казни некоторых лиц, приговоренных к смерти. Эти несчастные умоляли всех вокруг о защите, но поскольку Гай был не в городе, а больше некому было обратиться с просьбой от их имени, люди, ответственные за их казнь, из страха нарушить закон, задушили их и сбросили *со скальз-гемониз*. Это вызвало в умах народа еще большее отвращение к памяти тирана, поскольку его жестокость продолжалась даже после его смерти. Как только его тело начали перевозить из Мисена, многие требовали, чтобы его отвезли в Ателлу и сожгли там в амфитеатре. Однако его привезли в Рим и сожгли с обычной церемонией.^с

ОЦЕНКА МЕРИВАЛЕМ ТИБЕРИЯ

Цезарь, высокомерный узурпатор, встретил смерть узурпатора, погибнув от открытого насилия при свете дня. Август, после пятидесяти лет самого мягкого и справедливого правления, какое только было возможно в те времена, наконец скончался от медленного и безболезненного угасания в объятиях своих самых близких, в окружении уважительного сочувствия восхищенного народа. Конец Тиберия, был ли он результатом предательства или нет, был окутан мраком и тайной; смертная камера до последнего была взволнована интригами и страхами умирающего и его наследников. Соотечественники ненавистного тирана, по-видимому, сочли уместным, чтобы тот, чья жизнь была для них загадкой, погиб загадочной смертью. Представляется предпочтительным изображать его как человека, характер которого был достаточно прозрачным, а кажущиеся несоответствия в его поведении, часто преувеличенные и искаженные, в целом можно объяснить характером его положения и политическими иллюзиями, которыми он был вынужден окружать себя. Исторический интерес к нему вызывает скорее характер эпохи, в которой он жил, эпохи быстрого, хотя и бесшумного перехода, чем сам человек. На этом и следует сосредоточить наше внимание, прежде чем опустить занавес над личностью, с которой погибла республика, а деспотизм цезарей окончательно сбросил свою маску.

ИМПЕРАТОР В ВОЕННОЙ ТУНИКЕ

(С колонны Траяна)

Практика доносов, столь быстро развившаяся при правлении Тиберия, внесла новый принцип в правительство его времени и наложила на него свой отпечаток. Трудно переоценить влияние этой практики на общий облик римского государственного устройства, как и трудно преувеличить ужас, с которым к ней относились. Это была попытка примирить деспотизм монарха с формами республики; укрепить суверенную власть, ослабив своих подданных; управлять народом, разделяя его, уничтожая его средства объединения, порождая среди него привычки взаимного недоверия и страха и, наконец, погружая его в состояние политической немощности. Утверждается, что эта система была скорее результатом особых обстоятельств, чем продуктом сознательного замысла; тем не менее, глава государства был вынужден, что вполне естественно, нести за нее всю ответственность, и отвращение благородных душ Рима к тирании шпионов и доносчиков обернулось против самого принца, в интересах которого, если не по его инициативе, в основном и совершались эти злодеяния.

Если мы проанализируем источники по истории правления, которое мы рассматриваем, то обнаружим, что те, кто был ближе всего к тому времени, в целом относились к Тиберию с большой снисходительностью. Веллей Патеркул и Валерий Максим, его современники и подданные, должны рассматриваться как придворные панегиристы; но леств одного из них, хотя и режет слух, привыкший к достоинству и самоуважению ранних римлян, не более высокопарна в языке и чувствах, чем то, что наши собственные писатели адресовали Георгам, и даже Карлам и Джеймсам английской монархии; в то время как леств другого в основном оскорбительна из-за связи, в которой она находится с уроками добродетели и патриотизма, которые его книга была специально предназначена иллюстрировать. Старший Сенека, учитель школы риторики, которой посвящены его сочинения, не упоминает императора, при котором он писал; но его сын, более известный как государственный

деятель и философ (), хотя и подвергался искушению противопоставить сурового и пожилого тирана веселому молодому принцу, к которому он сам был привязан, говорит о нем с большой сдержанностью и приписывает худшие из его поступков скорее Сеяну и доносчикам, чем его собственному злему характеру.

На страницах Филона⁴ и Иосифа Флавия⁵ правление Тиберия представлено как мягкое и справедливое; только у Светония и Тацита, представителей третьего поколения, его злодеяния описываются в тех красках, которые нам так болезненно знакомы.^[16] Здесь достаточно заметить, что оба эти позднейшие писателя принадлежат к периоду сильной реакции против цезарианского деспотизма, когда сенату было позволено поднять свою почтенную голову и, по крайней мере, продемонстрировать свои старые имперские прерогативы; когда была упразднена тайная полиция Рима, решительно пресекалось доносы, свобода слова была провозглашена голосом самого императора, а родовое право римского гражданина было с уважением восстановлено. Последовала сильная реакция, направленная не против монархии, которая к тому времени стала общепринятым институтом, а против коррупции, превратившей ее в тиранию; и Тиберий, как предполагаемый основатель системы доносов, нес на себе оду на все преступления всех тиранов, которые сменили его. Тацит признает, что *дела Тиберия* были искажены во время его правления из-за страха, а после его смерти — из-за злобы; однако мы не можем сомневаться в том, что сам Тацит часто поддается предвзятости своих критиков, в то время как Светоний в лучшем случае безразличен к правде. В конце концов, трезвое суждение должно приостановить свою веру в отношении многих из вышеупомянутых обстоятельств и признать, что мы рассмотрели черты этого зловещего принципата только через предательскую и искажающую дымку.

ХАРАКТЕР ВРЕМЕН

[25-37 гг. н. э.]

Тем не менее, террор, царивший в последние годы правления Тиберия, кому бы он ни приписывался в основном, оказал пагубное влияние на римское общество и, судя по все еще заметным последствиям, был лишь слегка преувеличен. Он оставил после себя неизгладимый след в виде явного упадка и почти полного исчезновения литературы под его давлением. Римские писатели обращались только к небольшому классу в столице; быть известным в провинциях, быть читаемым во всем римском мире, было привилегией, доступной немногим и, возможно, редко ожидаемой кем-либо. Даже в столице поэты и историки сочиняли свои произведения для круга из нескольких тысяч рыцарей и сенаторов, для друзей и семей своих нескольких сотен знакомых, которых они приглашали поддерживать их усилия, посещая их чтения. Паралич, который парализовал энергию римской знати в этот кризис террора и отчаяния, естественно распространился на органы их чувств и мнений. Не только история и философия пережили затмение, но и поэзия, которая при Августе была истинным выражением национальных чувств, замолкла, когда сами чувства больше не могли быть выражены. Кремуций подвергся преследованиям за то, что объявил Брута и Кассия последними римлянами. Трагик был обвинен, и, если он был обвинен, мы можем предположить, что он был осужден за то, что злословил о царе людей, Агамемноне; различные авторы подверглись нападкам, а их произведения были подвергнуты запрету, хотя последний принц сам с снисходительностью слушал их чтения.

Стихи, которые терпели, были, как правило, самыми незначительными и, возможно, развратными по своему характеру. Коварная ирония басни, стиль сочинения, принятый

рабами и подражающий раболепным восточным народам, кажется вполне подходящим для этих опасных времен. Имя Федра, по всей вероятности, относится к периоду Тиберия, но любопытно, что ни один из более поздних писателей на протяжении четырех веков не удостоил его внимания. Подобная или даже худшая судьба постигла более серьезного писателя Манилия, автора тщательно проработанного стихотворения об астрономии и ее ложной сестре астрологии, теме, представлявшей некоторую опасность в условиях того времени, но которую он трактовал с безупречной осторожностью; возможно, именно из-за позора, который пал на запрещенную науку, это невинное произведение кануло в лету и не было упомянуто ни одним писателем древности.

Глубокая мрачность, опустившаяся на высшее общество Рима во время правления Тиберия, усугублялась контрастом с легкомысленным разгулом народа, который, хотя и лишенный блеска великолепного двора и окруженный признаками траура и унижения среди своих естественных лидеров, не менее предавался чувственным удовольствиям, которые были единственным его удовольствием, и радовался своему полному безразличию к политическим принципам, партиям и людям. Когда Сеян пал, они с ликованием кричали над телом предателя; тем не менее, говорит моралист, если бы богиня Нурсия благоволила своему этрусскому поклоннику, если бы лживый интриган обманул простодушного старика, они бы тут же провозгласили Сеяна цезарем и Августом. В одной группе были отказ от общественной жизни, стыд, отчаяние и самоубийство; невыносимые бедствия того времени не приводили людей к религиозному утешению, а к беспокойному поиску будущего или тщетной попытке усыпить чувство настоящего философской апатией; другие мчались с головой вперед, час за часом, в бани, на представления и раздачу подарков, или кричали вслед кумиру момента, или вздыхали и, возможно, роптали по поводу его потери, и быстро смирялись с забвением переменчивых эмоций дня.

Тем не менее, мы должны быть осторожны и отметить, что и позор, и деградация в основном ограничивались городом и его окрестностями, которые находились под гнетом имперского деспота.^f

Калигула (Гай Юлий Цезарь Калигула), 37-41 гг. н. э.

Весь Рим с облегчением вздохнул, услышав эту великую новость. Умение Макрона и преданность римлян дому Германика побудили сенат передать все императорские прерогативы молодому Калигуле. Так начался один из самых странных и ужасных эпизодов в истории Рима. Опасные недостатки и зловещие силы, присущие системе, созданной первыми двумя императорами, были обречены проявиться с поразительной быстротой в ходе правления этого молодого Цезаря; царствование, которое историку трудно рассматривать критически, потому что одним из результатов гнева и презрения, вполне заслуженно вызванных его скандальным бесправием, стало то, что о многих его кровожадных и глупых поступках до нас дошли только преднамеренные карикатуры. Горячий энтузиазм, с которым столица приветствовала сына Германика, поначалу казался оправданным тем, как Калигула осуществлял власть, которая теперь перешла к нему.

Движимый нервной поспешностью и бурной страстью во всем, будь то добро или зло, и не полагаясь ни на министров, ни на фаворитов, он проявлял беспокойную энергию, свойственную человеку с умеренными способностями, полностью лишенному административной подготовки и неспособному к точному мышлению. Его восторг от восторженных оваций римского народа вдохновил этого необычно организованного человека на самые лучшие решения; он был полн решимости сделать римлян счастливыми.

Поэтому сначала он вел себя скромно и разумно, особенно в отношениях с сенатом. Его щедрость по отношению к народу и солдатам, его благочестивое почтение к умершим, не меньшее, чем его внимание к живым членам своего дома, и помилование всех лиц, обвиненных в преступлениях против *величества*, наряду с различными либеральными постановлениями, все это способствовало созданию сильного впечатления в его пользу. Но больше всего воодушевило все классы то, что, отбросив скупую экономию императора Тиберия, он щедро делился с ними праздничным настроением всевозможных «игр».

В течение восьми месяцев он правил таким образом, и в конце этого времени его безудержные излишества привели к опасной болезни, от которой он выздоровел, нанеся большой ущерб Римской империи и своей собственной репутации. До этого он жил как в состоянии постоянного умственного опьянения, которое, вероятно, достигло своего апогея из-за чрезмерных проявлений народной заботы во время его болезни. Независимо от того, действительно ли последнее оказало вредное влияние на его умственные способности, безумие, которое он с тех пор явно проявлял, было другого рода; критические исследователи истории императорского Рима называли его манией величия или цезарианским безумием, и мы встречаем его и у других, помимо Калигулы.

Человек в таком состоянии — достаточно здравомыслящий, чтобы понимать, что пока материальная основа его власти, лояльность солдат и масс, непоколебима, он не встретит сопротивления в удовлетворении своих самых безумных прихотей — в любой момент может принять решение проверить силу своего всемогущества в любом направлении. Чисто случайным образом определяется, будет ли эта демонстрация власти направлена на великие или даже разумные цели, или же приведет к преступлениям и ужасам. Это особенно характерно для случаев, когда монарх является жертвой разбитых нервов, ребенком каприза и игрушкой каждого мимолетного порыва.

Предвестники грядущего зла проявились вскоре после начала 38 года. Калигула, который больше всего любил общество колесничих, актеров и шутов, начал беззастенчиво демонстрировать свою деспотическую власть, резко порвав с мудрой политикой своих предшественников. И это был деспотизм, игнорировавший предписания древнеримского приличия, который в сексуальных отношениях преступал все границы закона и скромности, да даже и общепринятых норм приличия. На утомительные увещания Макрона, который призывал его действовать с некоторой степенью осмотрительности, он ответил тем, что заставил генерала и его жену покончить жизнь самоубийством.

Однако вскоре монарх, потратив огромные богатства Тиберия за девять или десять месяцев и будучи одержим манией строительства, а также страстью к играм, осознал весьма ощутимые пределы своего всемогущества. Чтобы избавиться от финансовых затруднений, он прибег к самым кровавым, а также самым мелочным и позорным мерам. Смертные приговоры, большинство из которых выносились в собственном трибунале императора, становились все более частыми, отчасти для удовлетворения растущей жажды крови Калигулы, отчасти для наполнения его казны доходами от конфискации (). Суды за преступления против *величества* были возобновлены как само собой разумеющееся (39 г. н. э.).

Полученные таким образом деньги снова и снова растрачивались на вещи, которые можно было назвать лишь колоссальными прихотями. Наиболее известным из них было строительство временного моста из лодок между Пuteоли и Байями, через который он велел проложить широкую дорогу с акведуками и почтовыми станциями по образцу Аппиевой дороги с единственной целью — пересечь его в окружении своей охраны в роли триумфатора и отпраздновать это «сковывание» океана роскошным банкетом.

Его управление имперскими делами характеризовалось такой же причудливой капризностью. Восстановив без всякой пользы царство Коммагены, он подарил своему другу и современнику М. Юлию Агриппе (или Ироду Агриппе, родившемуся в 11 г. до н. э.), внуку Ирода Великого, большую часть владений его деда, большинство из которых были присоединены к Сирии при Августе и Тиберии. С другой стороны, в 40 году он вызвал в Рим Птолемея, царя Мавритании (с 23 года до н. э.), и там устранил его из-за его богатства.

Традиция представляет все сцены визита Калигулы в Галлию в абсолютно гротескном свете. [Некоторые детали из Суетония будут представлены ниже]. Крики триумфа после вылазки через Рейн, в ходе которой некоторые из его германских стражников были привезены обратно в качестве мнимых пленников, кажутся читателю совершенно комичными, но мы с возмущением отмечаем, что в Лионе Калигула продолжил позорную практику зарабатывания денег с помощью смертных приговоров и уголовных обвинений против высокопоставленных лиц, а также пополнял свои финансы, выставляя на публичные аукционы интересные и древние предметы из дворца цезарей в Риме.

Сбор армии, численностью около 250 000 человек, в портах Моринов на Ла-Манше с целью завоевания Британии остался лишь пустой демонстрацией. Возможно, это побудило британских вождей предотвратить опасность официальным актом почитания и ценными подарками, но традиция представляет Калигулу как завершающего эту бескровную экспедицию буффонадой и, после того как он одарил солдат дорогостоящими подарками, приказавшего им собирать ракушки на берегу как «трофеи, завоеванные у океана».

Когда он вернулся в Рим в конце лета 40 года, его настроение приобрело все более злоеший характер. Он считал себя божеством, хотя любил появляться с атрибутами различных богов и богинь греко-римского пантеона; теперь он учредил коллегию жрецов в свою честь и, покрывая позором самые почитаемые древние изображения богов, приказал, чтобы его самого почитали в храмах, специально отведенных для этой цели по всей провинции.

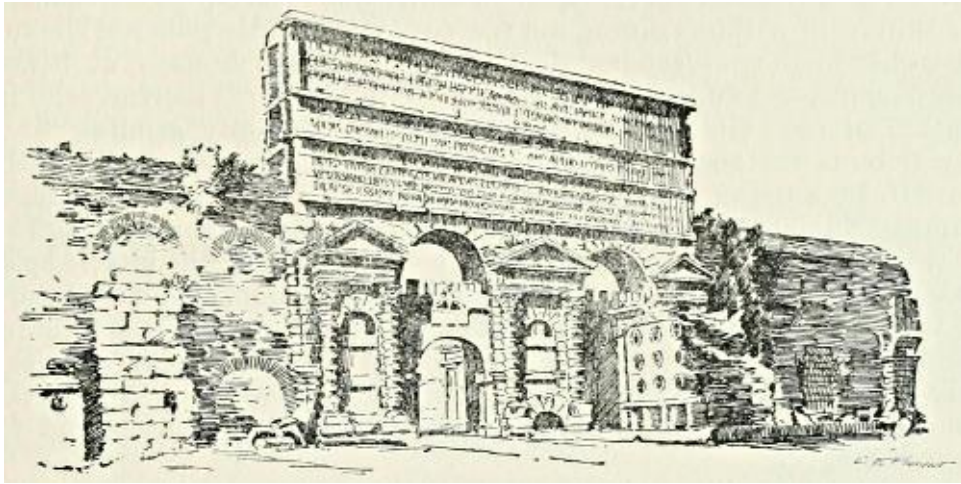
В этой попытке он встретил серьезное сопротивление только со стороны ортодоксальных иудеев. Когда П. Петроний, легат Сирии, получил приказ установить колоссальную позолоченную статую императора в Святом Святых в Иерусалиме, гнев иудеев достиг такой степени, что только внезапная смерть Калигулы предотвратила вспышку серьезных беспорядков по всей Иудее. К этому времени популярность тирана снижалась даже среди масс в Риме, которых он баловал играми и подарками, поскольку в последнее время он начал налагать на жителей столицы ряд обременительных налогов, которые взимались с крайней строгостью. Тем не менее, его судьба не настигла его, пока его поведение не вызвало глубокое возмущение у нескольких офицеров преторианской гвардии. Тогда Кассий Херея, трибун преторианской когорты, возглавил заговор и с помощью Корнелия Сабина и других убил императора в коридоре дворца 24 января 41 года до н. э.^{[m](#)}

СУЕТОНИЙ ОПИСЫВАЕТ КАЛИГУЛУ

Для получения подробной информации о его короткой, но ужасающей карьере нет ничего лучше, чем обратиться к первоисточнику — Светонию. Нет других важных древних источников об этом правлении, кроме Диона Кассия^{[1](#)}; а современные исследования могут только интерпретировать и критиковать, не добавляя ничего к оригинальным записям.^{[a](#)}

Он принял множество титулов, таких как «Послушный, Сын Лагерь, Отец Армий, Величайший и Лучший Цезарь». Услышав, как некоторые короли, прибывшие в город, чтобы

выразить ему свое почтение, спорили между собой за ужином о благородстве своего происхождения, он воскликнул: «Пусть будет только один принц, один король». Он был сильно склонен немедленно взять корону и превратить императорское достоинство в форму королевства; но когда ему сказали, что он намного превосходит величие царей и князей, он начал присваивать себе божественное величие. Он приказал привезти из Греции все изображения богов, известных либо своей красотой, либо почитанием, которым они пользовались, в том числе и изображение Юпитера Олимпийского, чтобы он мог отрезать им головы и надеть свои собственные. Он продлил часть Палатина до Форума, а храм Кастора и Поллукса превратил в своего рода портик к своему дому, где он часто стоял между двумя братьями и представлял себя для поклонения всем верующим, некоторые из которых приветствовали его именем Юпитера Латиариса. Он также приказал построить храм и назначить жрецов, а также выбрать лучших жертв для своего божества. В его храме стоял золотой образ, точно такого же размера, как и он сам, который каждый день одевали в такую же одежду, как и он сам. Самые богатые люди города выдвигали свои кандидатуры на честь стать его жрецами и покупали ее по очереди за огромные деньги. Жертвами были фламинго, павлины, дрофы, нумидики, индюшки и фазаны, которых приносили в жертву в определенные дни. Ночью он постоянно приглашал полную луну в свои объятия. Днем он беседовал наедине с Юпитером Капитолийским, то шепча ему на ухо, то прислушиваясь к нему; иногда он говорил громко и ругался.

Акведук Клавдия

(Начатый Калигулой, законченный Клавдием)

Он не хотел, чтобы его считали или называли внуком Агриппы из-за неясного происхождения, и обижался, если кто-то в прозе или стихах причислял его к цезарям. Он говорил, что его мать была плодом кровосмесительного союза Августа с его дочерью Юлией. Не довольствуясь этим гнусным оскорблением памяти Августа, он запретил, как обычно, праздновать его победы при Актиуме и на побережье Сицилии, утверждая, что они имели самые пагубные и роковые последствия для римского народа. Он называл свою бабушку Ливию Августу «Одиссеем в женском платье» и имел наглость в письме к сенату оскорбить ее, назвав ее низкого происхождения и происходящей по материнской линии от деда, который был всего лишь членом государственного совета в Фунди; тогда как из достоверных документов известно, что Ауфидий Линго занимал государственные должности в Риме.

Когда его бабушка Антония пожелала провести с ним частную беседу, он отказал ей, если только не будет присутствовать Макро, командующий гвардией. Своими оскорблениями и плохим обращением он стал причиной ее смерти, но, как полагают некоторые, не обошлось и без яда. После ее смерти он не проявил ни малейшего уважения к ее памяти и с удовольствием наблюдал из своего салона, как горит ее погребальный костер. Своего брата Тиберия, который не ожидал никакого насилия, он убил, внезапно прислав к нему для этой цели военного трибуна. Он заставил своего тестя Силана покончить с собой, перерезав себе горло бритвой. Предлогом для этих убийств он назвал то, что Силан не последовал за ним, когда он вышел в море в штормовую погоду, а остался, чтобы захватить город, если бы он погиб в плавании. Другой, по его словам, пахнул противоядием, которое он принял, чтобы предотвратить отравление им, тогда как Силан просто боялся морской болезни и трудностей путешествия; а Тиберий просто принимал лекарство от хронического кашля, который постоянно усиливался. Что касается его преемника Клавдия, то он спас его только для того, чтобы поиздеваться над ним.

Он жил в инцесте со всеми своими сестрами; когда одна из них, Друзилла, вышла замуж за Кассия Лонгина, человека консульского ранга, он отнял ее у него и открыто держал в качестве своей жены. В приступе болезни он завещал ей свое состояние и империю. После ее смерти он распорядился устроить публичную жалобу, во время которой любому человеку грозила смертная казнь за смех, посещение бани или ужин с родителями, женой или детьми. Неутешимый в своем горе, он поспешно, ночью, покинул город, прошел через Кампанию в Сиракузы, а затем внезапно вернулся, не побрившись и не подстригшись за все это время. И

впоследствии, даже в самых важных делах, даже на собраниях народа и солдат, он никогда не клялся иначе, как «божеством Друзиллы».

Он только один раз в жизни занимался военными делами, и то не сознательно, а во время своего путешествия в Меванию, чтобы увидеть рощу и реку Клитумнус. Вспомнив о наборе в свою роту батавов, которые были с ним, он решил отправиться в поход в Германию. Он немедленно собрал несколько легионов и вспомогательных войск со всех сторон и повсюду проводил новые наборы с крайней строгостью. Запасшись всевозможными провизиями, как никогда раньше в подобных случаях, он выступил в поход и иногда шел с такой поспешностью и спешкой, что стражники были вынуждены, вопреки обычаю, класть свои знамена на спины лошадей или мулов и так следовать за ним. В других случаях он шел с такой медлительностью и изяществом, что его несли на кресле восемь человек; он приказывал жителям соседних городов подметать дороги и орошать их водой, чтобы унять пыль.

Прибыв в лагерь, чтобы показать себя активным полководцем и строгим дисциплинарием, он уволил генерал-лейтенантов, которые опоздали с вспомогательными войсками из разных частей. При осмотре армии он отобрал их роты у большинства центурионов первого ранга, которые к тому времени отслужили положенный срок на войне, а у некоторых — всего за несколько дней до истечения срока, ссылаясь на их преклонный возраст и немощность; ругая остальных за их алчность, он уменьшил премии, причитающиеся тем, кто отслужил свой срок, до шести тысяч сестерциев. Хотя он получил только подчинение Админия, сына британского принца Кинобелина, который, будучи изгнанным из своей родной страны отцом, пришел к нему с небольшим отрядом войск, тем не менее, как будто весь остров был сдан ему, он отправил по этому поводу великолепные письма в Рим, приказав носильщикам ехать на своих каретах прямо к Форуму и зданию сената и вручать письма только консулам в храме Марса в присутствии полного собрания сенаторов.

Вскоре после этого, когда наступило общее затишье, он приказал переправить нескольких германцев из своей охраны и спрятать их на другом берегу Рейна, а после обеда срочно сообщить ему, что приближается враг. Как только это было сделано, он немедленно отправился со своими друзьями и отрядом конной гвардии в соседний лес, где, обрезав ветви некоторых деревьев и украсив их в виде трофеев, он вернулся при свете факелов, упрекая тех, кто не последовал за ним, в трусости и малодушии; но подарил своим товарищам и соратникам по победе новый вид короны с новым названием, с изображением солнца, луны и звезд, которые он назвал *exploratoriæ*. Кроме того, по его приказу из школы были выведены некоторые заложники и тайно отправлены; узнав об этом, он немедленно встал из-за стола, преследовал их на лошади, как будто они сбежали, и, догнав их, привел обратно в цепи, продолжая в этой военной комедии доходить до крайней степени показной пышности. Снова сев за стол, когда некоторые пришли сообщить ему, что армия полностью прибыла, он приказал им сесть в своих кольчугах, воодушевляя их словами известного стиха Вергилия.

Тем временем он строго отчитал сенат и народ Рима, объявив, что они «развлекаются и часто посещают цирк и театр, наслаждаются жизнью в своих загородных домах, в то время как их император сражается и подвергает себя величайшей опасности».

Наконец, как будто решив сразу положить конец войне, он выстроил свою армию на берегу океана с баллистами и другими военными машинами (), и пока никто не мог понять, что он собирается делать, он внезапно приказал им собрать морские ракушки и наполнить ими свои шлемы и полы плащей, назвав их «трофеями океана, принадлежащими Капитолию и Палатину». В качестве памятника своему успеху он воздвиг высокую башню, на которой приказал ночью зажигать огни, чтобы направлять корабли в море; а затем, пообещав солдатам по сто динариев каждому, как будто он превзошел самые выдающиеся примеры щедрости, сказал: «Идите своей дорогой и радуйтесь; идите и обогащайтесь».

Приступив к подготовке своего триумфа, помимо пленников и дезертиров из числа варваров, он отобрал самых высоких мужчин во всей Галлии, которые, по его словам, были наиболее подходящими для триумфа, а также некоторых из самых значительных лиц в провинции, и оставил их для украшения торжества; обязав их не только покрасить волосы в желтоватый цвет и отрастить их, но и выучить немецкий язык и принять имена, обычно используемые в этой стране. Он также приказал, чтобы галера, на которой он вышел в океан, была перевезена большую часть пути до Рима по суше, и написал сборщикам своих доходов в городе, «чтобы они подготовили все необходимое для триумфа по случаю его прибытия с как можно меньшими затратами, но таким, какого еще никогда не видели, поскольку они имели полную власть и полномочия конфисковать имущество всех людей без исключения».

В жизни Калигула был высоким, бледным, некрасивым, с очень тонкими шеей и ногами, впалыми глазами и висками, широким и суровым лбом, редкими волосами и почти лысой макушкой. Остальные части его тела были сильно покрыты волосами. По этой причине считалось смертным преступлением смотреть на него сверху вниз, когда он проходил мимо, или даже называть его козлом. Его лицо, которое и без того было уродливым и страшным, он намеренно делал еще более уродливым, формируя его с помощью зеркала в самые ужасные гримасы. Он был сумасшедшим и телом, и разумом, будучи подверженным в детстве эпилепсии. Когда он достиг зрелого возраста, он довольно хорошо переносил усталость, но иногда его охватывала слабость, во время которой он был неспособен к каким-либо усилиям, даже для собственного спасения. Он не был невосприимчив к расстройству своего ума и иногда подумывал уйти в отставку, чтобы очистить свой мозг. Считалось, что

его жена Цесония дала ему любовный эликсир, который привел его в состояние безумия. Больше всего его беспокоила бессонница, так как он редко спал больше трех-четырех часов за ночь, и даже тогда его сон был беспокойным, его беспокоили странные сны; однажды ему показалось, что с ним разговаривает океан. Поэтому, часто утомленный бессонницей, он то сидел на кровати, то ходил по длинным портикам своего дома, то призывал и ждал наступления дня.

В своей одежде, обуви и других частях наряда он не следовал ни обычаям своей страны, ни своему полу, ни, по сути, какой-либо моде, подходящей для человеческого существа. Он часто появлялся на улице в вышитом камнями пальто, в тунике с рукавами и с браслетами на руках; иногда весь в шелке и одетый как женщина; в других случаях в *крепидах* или бусцинах; иногда в обуви, которую носили простые солдаты, или в женской обуви, и обычно с золотой бородой, прикрепленной к подбородку, держа в руке молнию, трезубец или кадуцей, знаки отличия, принадлежащие только богам. Иногда он появлялся в одежде Венеры. Он очень часто носил триумфальную одежду, даже до похода на Персию (), а иногда и нагрудник Александра Македонского, взятый из склепа, где лежало его тело.

Что касается гуманитарных наук, он был мало знаком с филологией, но усердно занимался изучением красноречия, будучи действительно достаточно элегантным и готовым в плане произношения; и эти качества проявлялись наиболее ярко, когда он был в ярости. Когда он говорил, его жесты были энергичными, а голос настолько сильным, что его слышали на большом расстоянии. Когда он собирался произнести речь, он угрожал «мечом своего красноречия». Он настолько презирал мягкий, гладкий стиль, что говорил, что Сенека, который тогда был очень популярен, «писал только мальчишеские декламации» и что «его язык был ничем иным, как песком без извести». Когда адвокаты выигрывали дело, он часто писал ответы на их речи и упражнялся в составлении обвинений или оправданий видных лиц, которые подвергались импичменту в сенате; в зависимости от успеха он усугублял или смягчал положение партии своим голосом в палате, приглашая всадников прослушать его прокламацию.

Он также с увлечением занимался несколькими другими искусствами, такими как фехтование, вождение колесницы, пение и танцы. В первом из них он тренировался с оружием, используемым в бою, и управлял колесницей в цирках, построенных в нескольких местах. Он настолько любил петь и танцевать, что не мог удержаться в театре от того, чтобы петь вместе с трагиками и имитировать жесты актеров, либо в знак одобрения, либо в знак поправки. Считалось, что *первигилиум*, который он заказал в день своего убийства, был предназначен исключительно для того, чтобы воспользоваться возможностью, предоставляемой разнузданностью такого сезона, и впервые выйти на сцену. Иногда он танцевал и ночью. Однажды, во второй страже ночи, он послал за тремя мужчинами консульского ранга, которые были очень встревожены этим сообщением, поместил их у сцены, а затем внезапно выбежал, под громкий звук флейт и *скабеллы*, одетый в пеллу и тунику, доходившую до пят. Протанцевав песню, он удалился. Однако тот, кто приобрел такую ловкость в других упражнениях, никогда не умел плавать.

Тех, к кому он когда-то испытывал симпатию, он любил до безумия. Он целовал Мнестера, пантомимиста, публично в театре; и если кто-нибудь издавал малейший шум, пока он танцевал, он приказывал вытащить его из кресла и бить его собственноручно. Однажды римский рыцарь поднял шум, и он послал ему через центуриона приказ немедленно отправиться в Остию и отнести письмо от него королю Птолемею в Мавританию. Письмо содержало следующие слова: «Не делай ни добра, ни зла носителю». Он сделал некоторых гладиаторов капитанами своей германской гвардии. Он забрал у гладиаторов, называемых мирмиллонами, часть их оружия. Когда некий Колумб вышел победителем из боя, но был

слегка ранен, он приказал влить в рану яд, который он назвал *Columbinum*. Ибо он действительно собственноручно поместил его среди других ядов. Он так чрезмерно любил партию колесничих, которые ездили в зеленом, что некоторое время постоянно ужинал и ночевал в конюшне, где содержались их лошади. На одном из пиров он подарил два миллиона сестерциев некоему Китику, водителю колесницы. За день до цирковых игр он приказывал своим солдатам соблюдать тишину в окрестностях, чтобы не беспокоить его лошадь Инчитатус. Для этого любимого животного, помимо мраморной конюшни, ясли из слоновой кости, алых одежд и браслета из драгоценных камней, он выделил дом с свитой рабов и прекрасной мебелью для приема тех, кто был приглашен от имени лошади, чтобы поужинать с ним. Говорят даже, что он собирался сделать его консулом.⁴

Такова картина этого сумасшедшего, которую ярко рисует Светоний. В течение четырех лет мир терпел его яростное безумие, не протестуя против такого сатурналийского злоупотребления властью. «Как бы я хотел, — говорил этот чудовище, — чтобы у римского народа была только одна голова, чтобы я мог срубить ее одним ударом». Однако сенат устал находить ему жертв, и в конце концов, как уже упоминалось, преторианский трибун Херея задушил его.

Херея был республиканцем. Он и его друзья считали, что после такого правителя монархическое правление было достаточно испытано опытом. Теперь казалось, что настал благоприятный момент для сената, чтобы вернуть себе власть. Сенат так и поступил и в течение трех дней считал республику обеспеченной. Но это было без учета солдат и народа.

Во время убийства Калигулы его дядя Клавдий, который был с ним, спрятался в темном углу. Солдат нашел его и показал товарищам. Клавдий умолял о пощаде. «Будь нашим императором», — ответили они, и, поскольку он дрожал и не мог ходить, они отнесли его в свой лагерь, где он набрался достаточно мужества, чтобы обратиться к войску с речью, пообещав им деньги (*donativum*). Это была цена империи, которую он заплатил, — несчастное нововведение, которое среди солдат стало законом.

Сенаторы, постепенно покинутые, сами поспешили приветствовать нового господина. Херея был приговорен к смерти. «Ты умеешь убивать?» — спросил он солдата, которому было поручено казнить его. «Твой меч, возможно, плохо заточен. Тот, который я использовал для Калигулы, был бы лучше».

Клавдий (ТИБЕРИЙ КЛАВДИЙ ДРУЗ ЦЕЗАРЬ), 41-54 гг. н. э.

Клавдий, брат Германика и внук Ливии по отцу Друзу Первому, был тогда пятидесяти лет. В юности он постоянно болел, и в царском доме все пренебрегали бедным ребенком, не смея показывать его ни народу, ни солдатам. В конце концов о его существовании почти забыли, и в сорок шесть лет он даже не был сенатором. Он утешал себя изучением и написанием истории этрусков и карфагенян. Калигула, назначивший его консулом, привлек к нему немного больше внимания; остальное сделала прихоть солдат. Они дали ему империю, но не смогли избавиться от последствий его воспитания, от той робости, нерешительности и недостатка самостоятельности, которые привели к самым плачевным результатам, так что он часто творил зло с самыми благими намерениями. В его правление реальными правителями были его жена Мессалина, чье имя ассоциируется со всеми пороками и даже с самой отвратительной грубостью, и его вольноотпущенники Полибий, Нарцисс и Паллас. [По крайней мере, они оказывали на него чрезмерное влияние].

Клавдий начал хорошо. Он отменил законы Калигулы, привел к присяге законы Августа и вернул изгнанников. Будучи по натуре добросердечным, он легко перенял манеры, которые способствовали популярности первого императора. Он навещал своих больных друзей,

консультировался с консулами и сенатом, как будто он был полностью зависим от их благосклонности. Ему нравилось выступать в роли судьи, и он часто делал это очень хорошо. К сожалению, его недостойное поведение, покачивание головой, заикание и часто нелепая речь делали его малозначительным. Он восстановил цензуру и часто сам ее осуществлял, но скорее из любви к старинным обычаям, чем из чувства реальных потребностей империи.

Несмотря на эти странности и слабости, этого принца, не обращавшего внимания на примеры позора и преступлений, которые давали ему окружающие, вряд ли можно отнести к числу худших императоров. Освобожденные рабы, которых долгая власть еще не испортила, стремились оправдать свое влияние хорошей службой, и мы находим то, чего вряд ли могли бы ожидать, а именно несколько мудрых мер в отношении рабов в глубине страны, против слишком жадных адвокатов, ростовщиков и изгнанников из провинций, которые стекались в Рим, и т. д. Кроме того, были полезные работы: акведук, порт в Остии, попытка осушить озеро Фуцинус и т. д. В провинциях либеральное управление и твердая внешняя политика увенчались успехом.

Август хотел создать римское меньшинство среди покорных народов, которое стало бы опорой правительства. Но оно должно было всегда править в интересах Рима. Это было тщетное усилие, потому что он стремился ни к чему иному, как к остановке хода мира, как будто императоры могли бы продолжить аристократию, против которой они боролись в сражениях при Фарсале, Тапсусе и Филиппах. В своем завещании Август советовал тщательно охранять гражданские привилегии, и за короткий промежуток времени в тридцать четыре месяца число граждан почти удвоилось. Тиберий в значительной степени способствовал этому увеличению. Клавдий также внес большой вклад, поскольку он сделал закон о непрерывном расширении и прогрессивной ассимиляции, который принес удачу республике, правилом политики. Он лично попросил, чтобы знатные люди из *Галлии Коматы*, которые давно были гражданами, также получили римские титулы и места в сенате.

ИМПЕРАТОР КЛАВДИЙ

(С бюста в Ватикане)

При Клавдии преследовались только одна религиозная провинциальная секта — друиды, потому что их жрецы отвергли мир, предложенный Августом на условии объединения их богов с олимпийскими божествами. Поэтому Клавдий попытался упразднить их культ и наказал смертью как жрецов, так и их последователей.^b

В глубине Британии коренные жители под командованием Каракатуса оказывали упорное сопротивление, и римские войска не добились значительных успехов, пока для продолжения войны не был отправлен Осторий Скапула. Он проник в страну силуров, воинственного племени, населявшего берега реки Северн, и, разгромив Карактака в великой битве, взял его в плен и отправил в Рим (50 г. н. э.). К этому времени слава британского принца распространилась по провинциям Галлии и Италии, и по его прибытии в римскую столицу люди со всех концов стекались, чтобы увидеть его. Церемония его вступления прошла с большой торжественностью. На равнине, примыкающей к римскому лагерю, преторианские войска выстроились в боевом порядке; император и его двор заняли место впереди линий, а за ними выстроился весь народ. Процессия началась с различных трофеев, которые были взяты у бриттов в ходе войны. Затем следовали братья побежденного принца, его жена и дочь в цепях, выражая своими умоляющими взглядами и жестами страхи, которые их одолевали. Но не сам Каракац. Мужественной походкой и с неустрашимым выражением лица он подошел к трибуналу, где сидел император, и обратился к нему со следующими словами:

«Если бы к моему рождению и высокому положению я добавил добродетели умеренности, Рим рассматривал бы меня скорее как друга, чем как пленника, и вы не отвергли бы союз с принцем, происходящим из знаменитого рода и управляющим многими народами. Перемена моей судьбы славна для вас и унизительна для меня. У меня были оружие, люди и лошади; я обладал необычайными богатствами; и разве можно удивляться, что я не хотел их терять? Разве потому, что Рим стремится к всемирному господству, люди должны безоговорочно подчиняться? Я долгое время сопротивлялся продвижению вашего оружия, и если бы я поступил иначе, то кто бы получил славу завоевателя: вы или я, проявивший доблестное сопротивление? Теперь я в вашей власти; если вы решили отомстить, то моя судьба скоро будет забыта, и вы не получите никакой чести от этого поступка. Пощадите мою жизнь, и я останусь до скорого времени памятником вашей милости».

Сразу же после этой речи Клавдий даровал ему свободу, как и другим королевским пленникам. Все они выразили императору свою благодарность самым искренним образом, и как только с них сняли цепи, они подошли к Агриппине, сидевшей на скамейке неподалеку, и повторили ей те же горячие слова благодарности и уважения.

История не сохранила никаких сведений о Каракаце после этого периода, но вполне вероятно, что он вскоре вернулся в свою страну, где его прежняя доблесть и великодушие, проявленные в Риме, продолжали приносить ему славу на протяжении всей жизни, даже несмотря на безвозвратную гибель его состояния.^c

В Германии успешная экспедиция вернула римлянам последнего из орлов Варуса. Но Клавдий, практикуя политику Тиберия, особенно усердно занимался укреплением позиций на Рейне и привлечением варварских вождей на сторону Рима. Он добился такого успеха, что в 47 году к нему пришли херуски и попросили дать им царя. Корбулон, величайший полководец того времени, хотел осуществить планы первого Друза против германцев. Он подчинил себе фризов и напал на хауков. Клавдий остановил его наступление. «Счастливы были старые римские консулы!» — сказал амбициозный полководец, подчиняясь приказу. Чтобы хотя бы чем-то занять своих солдат, он велел прокопать канал от Мааса до Рейна, а другой полководец заставил своих людей открыть шахты. Везде от войск теперь требовали выполнения таких полезных работ.

На Дунае мир был ненарушен. В Фракии различные беспорядки заставили Клавдия вмешаться и превратить страну в провинцию. В Боспоре свергнутый им царь взял в руки оружие, был побежден и сдался. На Востоке император прославился тем, что отвоевал Армению и дал парфянам царя. К сожалению, эти успехи не продолжились; римский кандидат на престол Арсакидов был свергнут, и в течение некоторого времени Вологес держал армянскую корону на голове своего брата Тиридата.

Ликия злоупотребила своей свободой, поэтому Клавдий лишил ее этой свободы, а когда в 44 году умер иудейский царь Агриппа, он присоединил Палестину к правительству Сирии. В Африке Суэтоний Паулин и Гета подчинили мавров, чья страна образовала две провинции — Мавретанию Цезарианскую и Мавретанию Тингитанскую.

Теперь императору не хватало ни военной, ни политической славы. Мавритания и половина Британии были завоеваны; германцы подчинены, Босфор приведен к повиновению; Фракия, Ликия и Иудея стали провинциями, а парфянские беспорядки давно улажены. Внутри империи царило процветание; армия была хорошо дисциплинирована, и ее деятельность была направлена на общественное благосостояние под руководством генералов, состарившихся в командовании. Безусловно, результаты повсюду были достаточными, чтобы удовлетворить гордость принца. С сожалением мы должны обратиться к Риму, чтобы увидеть знатных, чьим единственным занятием были заговоры или низкая лесть, и к тому императорскому дворцу, который был опозорен слабым принцем и его безнравственной женой, бесстыдной Мессаллиной.^b Злодеяния последней теперь привлекут наше внимание. Пусть Тацит нарисует ее портрет:

ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕССАЛЛИНЫ, ОПИСАННЫЕ ТАЦИТОМ

Обычные измены привели к пресыщению, и Мессалина впала в неслыханные излишества; когда даже Силий, ее любовник, то ли под влиянием какой-то роковой увлеченности, то ли полагая, что опасности, нависшие над ним, можно предотвратить только смелым противостоянием, настоял на том, чтобы теперь отказаться от всяких масок, поскольку, по его словам, дела зашли слишком далеко, чтобы ждать смерти императора; безупречные советы были для невинных, но в случае вопиющей вины безопасность нужно было искать в безрассудной смелости. Их поддерживали сообщники, которые боялись той же участи. Что касается него самого, то он был холост, бездетен, готов жениться на ней и усыновить Британика: Мессалина сохранила бы свою нынешнюю власть, к которой добавилась бы безопасность, если бы они опередили Клавдия, который, будучи незащищенным от коварных уловок, был упрямым и вспыльчивым, когда его выводили из себя. Эти предложения были холодно встречены Мессалиной; не из-за любви к мужу, а из-за опасения, что Силий, получив власть, презрит свою любовницу, и измена, которую он одобрял в своем нынешнем опасном положении, будет тогда оценена по достоинству. Однако она жаждала имени супруги из-за величия позора, с которым оно было связано, что для тех, кто расточителен в славе, является венцом удовлетворения развращенных желаний. Она не стала ждать дольше, чем до тех пор, пока Клавдий не отправился в Остию, чтобы присутствовать на жертвоприношении, и тогда она отпраздновала свою свадьбу с Силием со всеми обычными торжествами.

Я осознаю [продолжает Тацит], что может показаться невероятным, что какие-либо люди проявили такую безрассудность в отношении последствий; и что в городе, где все было известно и обсуждалось, кто-либо, тем более избранный консул, мог встретиться с женой императора в назначенный день, в присутствии приглашенных лиц, чтобы запечатлеть

документы, как для целей продолжения рода, и что она услышала слова авгуров, вошла в дом мужа, принесла жертву богам, села среди гостей на свадебном банкете, обменялась поцелуями и объятиями и, наконец, провела ночь в безудержном супружеском соитии. Но я не хочу приукрашивать свой рассказ вымыслами, чтобы придать ему вид чуда, а скорее хочу передать то, что мне рассказали или написали мои предшественники.

В результате домашний круг принца был потрясен ужасом; особенно те, кто имел главенствующее влияние и боялся последствий, если бы положение вещей изменилось, больше не ограничивались тайными переговорами, но с нескрываемым возмущением восклицали, что, хотя спальня императора была превращена в сцену, на которой танцевала актриса, это действительно вызвало упреки, но непосредственная угроза распада государства теперь не стояла: молодой человек благородного происхождения, очаровательной внешности, умственно энергичный и только что вступивший в консульство, стремился к более высоким целям; и не было никакой загадки в том, что оставалось сделать после такого брака. Правда, когда они размышляли о глупости Клавдия, его слепой привязанности к жене и многих жизнях, принесенных в жертву ее ярости, они не могли избавиться от опасений; с другой стороны, даже пассивный характер императора возобновлял их уверенность в том, что, если им удастся сначала убедить его в ужасной черноте ее преступлений, она может быть казнена без суда. Но опасность заключалась в том, что она могла бы защищаться, и что даже если бы она признала свою вину, император мог бы остаться глух к этим доказательствам.

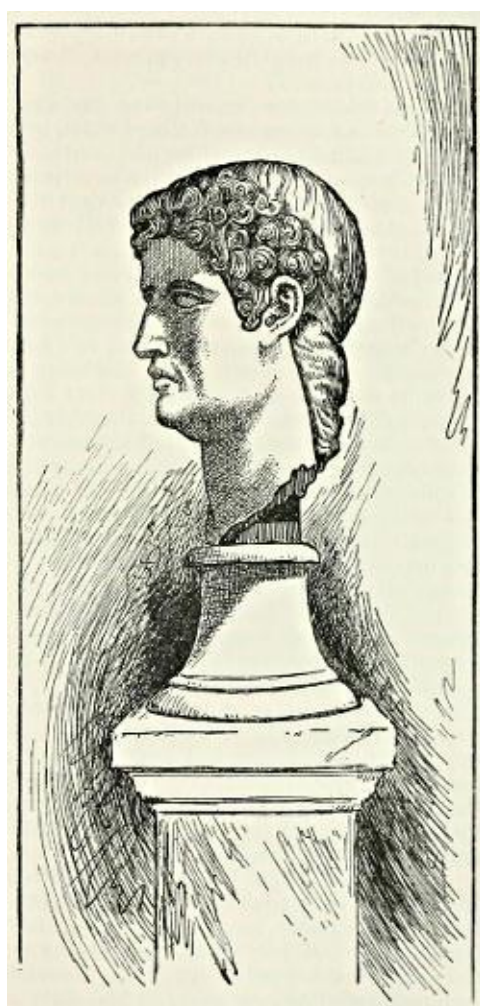
Но сначала это обсуждали Каллист, о котором я уже упоминал, рассказывая об убийстве Калигулы; Нарциссом, который замыслил убийство Аппия, и Палласом, тогдашним фаворитом, обсудили, следует ли, притворяясь, что они не знают о других обстоятельствах, заставить Мессалину разорвать свои отношения с Силием с помощью тайных угроз; но впоследствии они отказались от этого плана из-за страха, что их самих могут привлечь к ответственности как соучастников. Паллас был малодушным, а Каллист, придворный и при предыдущем правлении, на собственном опыте убедился, что власть более надежно обеспечивается осторожными мерами, чем смелыми советами. Нарцисс настаивал, только с той разницей, что он старался не проронить ни слова, по которому она могла бы заранее узнать обвинение против нее или ее обвинителя; и, выжидая подходящего случая, пока император задерживался в Остии, он убедил двух куртизанок, которые были главными любовницами Клавдия, взять на себя задачу донести до него эту информацию с помощью подарков и обещаний, а также убедив их, что с падением его жены их собственное влияние только усилится.

Итак, Кальпурния, так звали эту куртизанку, при первой же возможности, когда император остался наедине, падая к его ногам, воскликнула, что Мессалина вышла замуж за Силия, и одновременно спросила Клеопатру, которая специально присутствовала при этом, чтобы подтвердить это, не считает ли она, что это правда. Клавдий, получив подтверждение от Клеопатры, приказал позвать Нарцисса. Когда тот пришел, он просил прощения за свое прошлое поведение, за то, что скрывал от принца ее измены, пока они ограничивались Вектиями и Плавтиями; он сказал, что теперь не намерен обвинять Силия в изменах и не будет настаивать на том, чтобы он вернул дом, рабов и другие атрибуты императорского богатства: прелюбодеятель может по-прежнему наслаждаться ими; пусть только разорвет брачный договор и вернет жену императору. «Знаете ли вы, Цезарь, что вы находитесь в состоянии развода? На глазах у народа, сената и солдат Мессалина вышла замуж за Силия, и если вы не примете срочных мер, ее муж станет хозяином Рима».

Затем он послал за своими самыми доверенными друзьями, в частности за Турранием, управляющим складами, а затем за Лусием Гетой, капитаном преторианской гвардии, и

спросил их. Когда они подтвердили это, остальные стали громко настаивать, чтобы он немедленно отправился в лагерь, обеспечил безопасность преторианских когорт и позаботился о своем спасении, прежде чем мстить. Несомненно, Клавдий был настолько сбит с толку и охвачен паникой, что без перерыва спрашивал, является ли он по-прежнему императором, а Силий — частным лицом.

Что же касается Мессаллины, то она никогда не предавалась большей сладострастности; тогда была середина осени, и в своем доме она устроила представление, посвященное сбору винограда; давили виноград, из бочек лилось вино, а вокруг танцевали женщины, обвязанные кожами, как вакханки во время жертвоприношений или под безумным вдохновением своего божества. Сама она, с распущенными волосами, размахивала тирсом; рядом с ней Силий, увенчанный плющом и обутый в бускины, бросал голову из стороны в сторону; а вокруг них танцевал разгульный хор в шумном веселье. Сообщается, что Вектий Валенс, в шутку взобравшись на очень высокое дерево, когда его спросили, что он видит, ответил: «Ужасную бурю из Остии».

МЕССАЛИНА

(С портретного бюста)

Теперь это были уже не смутные слухи; со всех сторон стекались гонцы с вестью, что Клавдий, узнав обо всем, приближается, настроенный на немедленную месть. Они расстались; Мессалина отправилась в сады Лукулла, а Силий, чтобы скрыть свой страх, возобновил свои обязанности на Форуме. Когда остальные разбежались в разные стороны,

центурионы настигли их и связали, одних на улице, других в укрытиях, в зависимости от того, где их нашли. Мессалина, однако, хотя и была неспособна к размышлениям в своем отчаянии, приняла смелое решение встретиться с мужем и предстать перед ним — уловка, которая часто защищала ее. Она также приказала Британику и Октавии выйти и обнять отца и попросила Вибидию, старшую весталку, заступиться за них перед верховным жрецом и убедительно просить его о милосердии. Сама же она тем временем прошла пешком через весь город в сопровождении лишь трех человек (так внезапно ее покинула вся свита), а затем на телеге, предназначенной для вывоза мусора из садов, отправилась в Остию, не вызывая ни у кого сочувствия, поскольку ужас ее преступлений подавлял всякие подобные чувства.

Клавдий находился в не менее тревожном состоянии, поскольку не мог безоговорочно полагаться на Гету, капитана своей гвардии, который был столь же непостоянным инструментом обмана или честности. Поэтому Нарцисс, в согласии с теми, кто разделял его недоверие, заверил императора, что нет другого способа защитить его, кроме как передать командование его гвардией одному из его вольноотпущенников, только на этот день, и предложил взять это на себя. И чтобы Луций Вителлий и Публий Ларг Цецина не смогли по дороге в город убедить Клавдия смягчиться, он пожелал сесть в ту же колесницу и занял место.

Позже ходили слухи, что, пока император выражал противоположные чувства, которые будоражили его душу, то ругая жестокость своей жены, то вспоминая супружеские отношения и нежное возраст своих детей, Вителлий не произносил ничего, кроме «О, какое злодеяние! О, предательство!». Нарцисс действительно настаивал, чтобы он отказался от всякой двусмысленности в выражениях и дал понять свои истинные чувства, но не смог убедить его дать что-либо, кроме нерешительных ответов, допускающих любое толкование. Его примеру последовал Ларг Цецина. И вот Мессалина появилась на виду и настойчиво просила императора «выслушать мать Октавии и Британика», когда ее обвинитель заглушил ее крики рассказом о Силии и браке и одновременно передал Клавдию меморандум, в котором перечислялись все ее развратные поступки, чтобы отвлечь его от взгляда на нее. Вскоре после этого, когда император входил в Рим, попытались представить ему его детей от нее, но Нарцисс приказал их увести. Однако он не смог помешать Вибидии настойчиво требовать, чтобы он не предавал свою жену гибели без слушания дела, так что Нарцисс был вынужден заверить ее, что принц выслушает Мессаллину, которая должна будет иметь полную возможность оправдаться, и посоветовал весталке удалиться и присутствовать на торжествах своей богини.

Молчание Клавдия, пока все это происходило, вызывало удивление. Вителлий казался человеком, не посвященным в тайну: освобожденный раб контролировал все; по его приказу был открыт дом прелюбодея, и император был сопровожден туда, где первым делом ему показали статую Силия, отца, в портике, хотя сенат постановил ее снести; затем, что все вещи, принадлежавшие Неронам и Друзиям, теперь стали предметом позора. Разгневанный и выкрикивая угрозы, он повел его прямо в лагерь, где солдаты уже собрались по указанию Нарцисса, и произнес перед ними короткую речь; стыд мешал ему выразить свое возмущение, хотя у него были на то веские причины.

Солдаты тогда непрерывно и настойчиво требовали, чтобы виновные были судимы и наказаны. Силий был поставлен перед судом; он не защищался, не просил отсрочки, а только просил, чтобы его немедленно казнили. Прославленные римские всадники с такой же твердостью духа также жаждали скорой смерти. Поэтому он приказал Титию Проклу, назначенному Силием охранником Мессаллины; Вектию Валенсу, который признал свою вину и предложил выдать других, Помпею Убику и Сауфеллу Трогу, как соучастников, чтобы

всех их привели на казнь. То же наказание было наложено на Деция Кальпурниана, префекта стражи; Сульпиция Руфа, контролера игр; и Юнка Вергилиана, сенатора.

Только Мнестер вызвал некоторое колебание. Он разорвал на себе одежды и призвал императора посмотреть на следы от плетей на его теле, вспомнить свои собственные приказы, обязывавшие его беззаветно подчиняться желаниям Мессаллины: другие были соблазнены на беззаконие великолепными подарками () или амбициозными надеждами, но его преступление было вынужденным. Никто бы не погиб бы раньше, если бы Силий получил власть. Эти соображения повлияли на Клавдия и сильно склонили его к милосердию, но его вольноотпущенники переубедили его. Они настаивали, что после стольких знаменитых жертв он ни в коем случае не должен думать о спасении актера, что в преступлении такой тяжести не имеет значения, совершил ли он его по собственному желанию или по необходимости. Не меньше эффекта имела защита даже Траула Монтана, молодого человека, отличавшегося заметной скромностью и удивительной красотой, которого Мессалина призвала в свою постель без какого-либо прошения с его стороны и в одну ночь отвергла; такова была распущенность, с которой ее страсть была одновременно перенасыщена и разгорена. Жизни Суилия Цесонина и Плавтия Латерана были пощажены; последнего — благодаря благородным подвигам его дяди, а первого — благодаря его порокам, как человека, который в недавнем отвратительном обществе протитировал себя, как женщина.

Тем временем Мессалина находилась в садах Лукулла, все еще стремясь продлить свою жизнь и сочиняя мольбы принцу, то в надежде, то в ярости и обиде, настолько неукротима была ее дерзость даже перед лицом неминуемой смерти. И если бы Нарцисс не поспешил с ее убийством, то судьба, которую он приготовил для нее, обернулась бы против него самого. Ведь Клавдий, вернувшись домой, почувствовал, как его гнев смягчился под воздействием роскошного пира; и как только он согрелся вином, он приказал им «пойти и сообщить этой несчастной женщине (именно так, по преданию, он ее назвал), что завтра она должна явиться и отстаивать свою правоту». Эти слова свидетельствовали о том, что его негодование улеглось, а привычная привязанность возвращалась; кроме того, если бы они задержались, то последствия следующей ночи и воспоминания, которые супружеская спальня могла пробудить в Клавдии, были поводом для беспокойства. Поэтому Нарцисс поспешил туда и приказал трибуну и центурионам, которые тогда несли службу, привести приговор в исполнение, поскольку, по его словам, таково было распоряжение императора. Вместе с ними он послал освобожденного раба Эуода, чтобы тот следил за ними и проследил за строгим выполнением его приказа. Эуод прибежал в сады и нашел ее лежащей на земле; рядом с ней сидела ее мать Лепида, которая в период ее процветания не жила с ней в гармонии, но в этой крайней нужде была охвачена состраданием к ней и теперь убеждала ее не ждать палача: «ее жизнь подошла к концу, и теперь ее единственной целью должно быть достойно умереть». Но развращенный и развращенный развратный ум не сохранил чувства чести; она предалась бесполезным слезам и стенаниям, когда от удара приближающейся группы дверь распахнулась: трибун молча стоял перед ней, а вольноотпущенник упрекал ее многими и дерзкими упреками, характерными для раба.

Тогда она впервые глубоко осознала свое положение и, схватив сталь, приложила ее сначала к горлу, затем к груди, дрожащей и нерешительной рукой, когда трибун пронзил ее. Ее тело было отдано матери. Затем Клаудию донесли, что Мессалина больше нет, не уточняя, была ли это ее собственная рука или рука другого человека; он не стал спрашивать, а попросил чашу вина и продолжил обычные церемонии праздника. В последующие дни он не проявлял никаких признаков отвращения или радости, обиды или печали, короче говоря, никаких человеческих чувств; ни когда он видел, как обвинители его жены ликуют по поводу ее смерти, ни когда он смотрел на ее скорбящих детей. Сенат помог стереть ее из его

памяти, приняв закон (), согласно которому ее имя должно было быть удалено из всех общественных и частных мест, а ее изображения — уничтожены. Нарциссу были присвоены почести квестора, что было весьма скромной наградой, учитывая его высокое положение, ведь он был более влиятельным, чем Паллас и Каллист.⁴

ИНТРИГИ АГРИППИНЫ

[48-49 гг. н.э.]

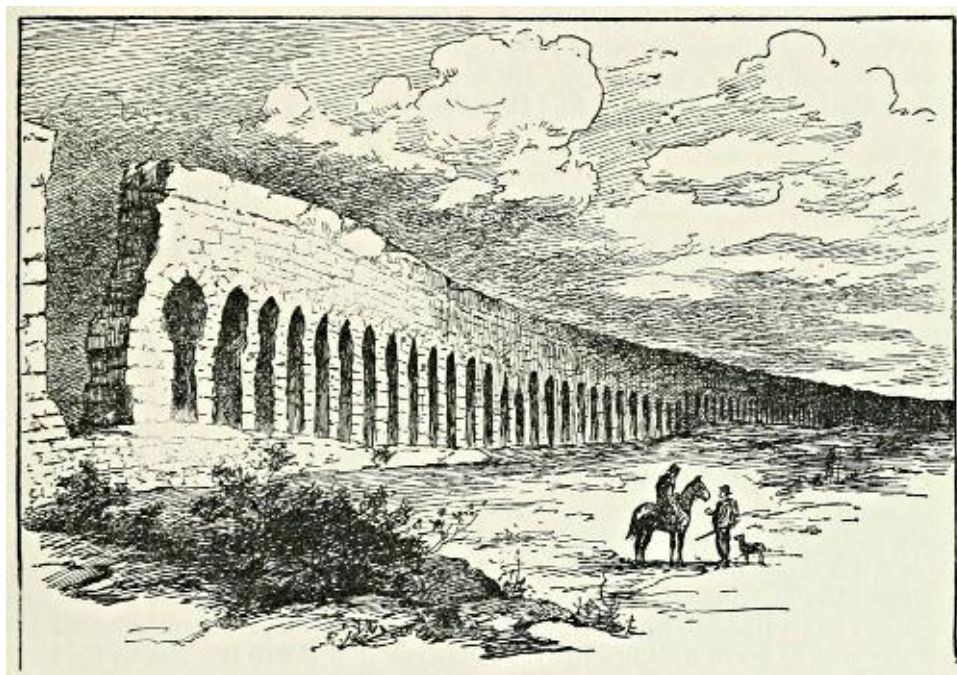
Теперь освобожденные рабы должны были выбрать другую жену для своего слабого принца, который был неспособен вести одинокую жизнь и который, несомненно, будет управляем успешной кандидаткой. Ведущие женщины Рима стремились к чести разделить ложе императорского идиота, но претензии всех них были вынуждены уступить место претензиям Лоллии Паулины, бывшей жены Калигулы, Юлии Агриппины, дочери Германика, и Элии Петины, разведенной жены Клавдия. Первую поддерживал Каллист, вторую — Паллас, последнюю — Нарцисс. Однако Агриппина, благодаря частым встречам со своим дядей, легко одержала победу над соперницами; единственной трудностью было то, что брак между дядей и племянницей противоречил римским нравам и даже считался кровосмесительным. Однако эту трудность взялся устранить покладистый Л. Вителлий, который в то время был цензором. Он обратился к сенату, заявив о необходимости домашнего партнера для принца, на котором лежали такие тяжелые государственные заботы. Затем он начал восхвалять Агриппину; что касается возражения о близости родства, то, по его словам, такие союзы практиковались среди других народов, и когда-то двоюродные братья и сестры не вступали в брак, а теперь это было обычным явлением. Рабская ассамблея превзошла оратора в своем рвении; они выбежали из здания, и собралась разношерстная толпа, крича, что таково желание римского народа. Клавдий отправился в сенат и распорядился принять указ, легализующий браки между дядями и племянницами, а затем официально женился на Агриппине. Однако инцестуальный союз воспринимался настолько негативно, что, несмотря на развращенность римского характера, только два человека последовали императорскому примеру.

Агриппина также предложила объединить своего сына Домиция с Октавией, дочерью Клавдия, но и здесь возникла трудность, поскольку Октавия была обручена с Л. Силаном. Однако она снова нашла готовое орудие в лице подлого Вителлия, на сыне которого была замужем Юлия Кальвина, сестра Силана. Поскольку брат и сестра неосторожно, хотя и не неправоммерно, отдавались своей любви, достойный цензор воспользовался случаем, чтобы обвинить Силана в инцесте и исключить его из списка сенаторов. Клавдий расторг помолвку, и Силан покончил с собой в день свадьбы Агриппины. Его сестра была изгнана, и Клавдий приказал провести древние обряды искупления кровосмешения, не подозревая, что они будут применены к нему самому.

Женщина, которая теперь получила власть над Клавдием и Римской империей, имела характер, очень отличавшийся от характера развратной Мессаллины. В последней не было ничего благородного, она была просто рабыней похоти, жестокой и алчной только ради ее удовлетворения; но Агриппина была женщиной с превосходным умом, хотя и совершенно лишенной принципов. В ней похоть была подчинена амбициям; именно стремление к власти или страх смерти, а не разврат, заставили ее подчиниться инцестуальным объятиям своего жестокого брата Калигулы и протестировать перед его соратниками по пороку.

Амбиции и родительская любовь заставили ее теперь вступить в инцестуальный союз со своим дядей (). Ни одному из своих мужей, Гнанию Домицию или Крису Пассиену, она, по-видимому, не была добровольно неверна. Однако ложе Клавдия не было обречено на чистоту, поскольку, чтобы продвинуть свои планы, Агриппина вступила в незаконную связь с Палласом.

Главной целью Агриппины было исключить Британика и обеспечить престолонаследие для своего собственного сына Нерона Домиция, которому тогда было двенадцать лет. Поэтому она устроила помолвку Октавии с ним и вернула философа Сенеку из Корсики, куда он был сослан по вине Мессаллины, и поручила ему воспитание своего сына, чтобы тот был готов к правлению. В следующем году Клавдий, поддавшись ее влиянию, усыновил его.

Руины акведука Клавдия

Чтобы продвинуть Нерона, Агриппина заставила его надеть мужскую тогу раньше обычного возраста, а раболепный сенат просил Клавдия, чтобы он стал консулом в возрасте двадцати лет, а пока был избран с проконсульской властью за пределами города. От его имени солдатам были выплачены подарки, а народу — конгиариум (*congiarium*). На цирческих играх, устроенных для завоевания симпатий народа, Нерон появился в триумфальном одеянии, а Британик — в простой *претексте*. Всех, кто проявлял привязанность к этому несчастному юноше, под тем или иным предлогом устраняли, и он оказался окруженным приспешниками Агриппины. Наконец, поскольку два командира гвардии, как предполагалось, были привязаны к интересам детей Мессаллины, она убедила Клавдия, что их дисциплина значительно улучшится, если они будут подчинены одному командиру. Соответственно, эти офицеры были устранены, и командование было передано Бурру Афранию, человеку с высокой репутацией честности и большой военной славой, который знал, кому он обязан своим возвышением.

Гордость и высокомерие Агриппины намного превосходили все, что Рим до сих пор видел в женщинах. Когда британский принц Карактак и его семья, которых П. Осториус послал в плен к императору, были приведены к нему, когда он сидел на своем трибунале на равнине под преторианским лагерем, со всеми выстроенными войсками, Агриппина появилась, сидя на другом трибунале, как партнер его власти. И снова, когда спуск на воду корабля « » на озере Фучине отмечался морским сражением, она председательствовала вместе с ним, одетая в военный плащ из золотой ткани.

Агриппина наконец устала от затягивания или побоялась разоблачения. Нарцисс, который понял, к чему она стремится, был готов использовать все свое влияние в пользу Британика; а сам Клавдий однажды, будучи пьяным, сказал, что его судьба — терпеть позор своих жен, а затем наказать их. Он также начал проявлять особую привязанность к Британику. Поэтому она решила действовать без промедления.^е

ТАЦИТ ОПИСЫВАЕТ УБИЙСТВО КЛАВДИЯ

[54 г. н. э.]

Клавдий заболел и для восстановления здоровья отправился в Синуэссу, где был мягкий климат и целебные воды. Именно тогда Агриппина, давно настроенная на безбожное деяние и с нетерпением воспользовавшись представившейся возможностью, а также имея в своем распоряжении злобных помощников, обдумывала, какое яд ей использовать: если он будет действовать быстро и мгновенно, то не раскроется ли ее отчаянное деяние; если же она выберет вещества, действующие медленно и постепенно, то не вернет ли Клавдий, когда его конец приблизится и он, возможно, обнаружит предательство, свою любовь к сыну. Было решено использовать нечто тонкое, «чтобы вызвать расстройство мозга и потребовать времени для убийства». Была выбрана опытная мастерица в таких приготовлениях, ее звали Локуста; недавно осужденная за отравление, она долгое время хранилась в тайне как одно из орудий амбиций. Благодаря мастерству этой женщины яд был приготовлен; его подачей был поручен Халотус, один из евнухов, в обязанности которого входило подавать императору трапезы и пробовать блюда, чтобы убедиться в их безопасности.

Фактически, все подробности этой сделки вскоре стали настолько известны, что писатели того времени могут рассказать, как яд был подмешан в блюдо из грибов, которые он особенно любил; но то ли из-за того, что его чувства были ошеломлены, то ли из-за выпитого вина, действие яда не было сразу заметно; в то же время расслабление кишечника, казалось, пошло ему на пользу. Агриппина пришла в смятение, но, поскольку на карту была поставлена ее жизнь, она не задумывалась о том, что ее нынешние действия вызовут общее осуждение, и обратилась за помощью к врачу Ксенофону, которого она уже вовлекла в свои преступные замыслы. Считается, что он, как будто намереваясь помочь Клавдию в его попытках вызвать рвоту, вставил ему в горло перо, смазанное смертельным ядом; он понимал, что в отчаянных злодеяниях попытка без действия опасна, а для обеспечения награды они должны быть выполнены эффективно и сразу.

Тем временем сенат собрался, и консулы и понтифики приносили обещания о выздоровлении императора, когда он, уже мертвый, был накрыт одеждами и теплыми подушками, чтобы скрыть это, пока не будут улажены дела по обеспечению империи Нерону. Сначала была Агриппина, которая, притворяясь подавленной горем и тревожно ища утешения, обняла Британика, назвала его «самым образцом своего отца» () и различными уловками удержала его от выхода из комнаты. Она также задержала его сестер Антонию и Октавию и тщательно охраняла все подходы к дворцу; время от времени она сообщала, что принц поправляется, чтобы солдаты могли питать надежду до тех пор, пока не наступит благоприятный момент, предсказанный астрологами.

Наконец, в полдень тринадцатого октября ворота дворца внезапно распахнулись, и Нерон в сопровождении Бурра вышел к когорте, которая, согласно обычаю армии, несла караул. Там, по сигналу префекта, его встретили радостными криками и сразу же посадили в носилки. Сообщалось, что некоторые колебались, оглядываясь с тревогой и часто спрашивая, где Британик, но, поскольку никто не выступил против, они приняли

предложенный им выбор. Так Нерон был отнесен в лагерь, где, после речи, соответствующей обстоятельствам, и обещания щедрых подарков, равных тем, что давал покойный император, его отец, он был провозглашен императором. За голосами солдат последовали декреты сената; и в различных провинциях не было никаких колебаний. Клавдию были присвоены божественные почести, и его похороны были торжественно отмечены с той же помпезностью, что и похороны обожествленного Августа; Агриппина подражала великолепию своей прабабушки Ливии. Однако его завещание не было оглашено, чтобы предпочтение, отданное сыну его жены перед его собственным сыном, не возмутило народ своей несправедливостью и подлостью.^d

ХАРАКТЕР КЛАВДИЯ

В императорской истории мы встречаем не один случай, когда родители страдали за грехи своих детей. Мы уже видели, насколько есть оснований полагать, что ненависть римлян к Тиберию располагала их с готовностью принимать любые клеветы в адрес Ливии. Сам Тиберий был еще более ненавистен за преступления своего преемника Гая; и есть основания предполагать, что большая часть ненависти, присущей Клавдию, отражает ужас, с которым впоследствии стали относиться к Нерону. Так римляне отомстили авторам принципа наследственной преемственности, столь долго неизвестного их государственному устройству и в конце концов оказавшегося столь невыгодным.

По крайней мере, в отношении Клавдия чувство сострадания, если не справедливости, может склонить нас к более снисходительному отношению к нему, чем то, которое ему обычно оказывалось. Как мы видели, он был подражателем Августа, но только в том смысле, в каком серебряный век может пародировать золотой; ведь нравы, которые он стремился возродить, и чувства, которые он притворялся возрождать, не были разрушены прошедшей бурей гражданской войны, а естественным образом угасали из-за перзрелости эпохи. Тем не менее, было почетно восхищаться благородным образцом; даже в попытке соперничать с третьим основателем государства была некоторая великодушие. Более того, ни один период римской истории не демонстрирует столь явных признаков энергичного и успешного управления: ни один не был столь плодотворным в победах и не произвел столь много доблестных полководцев и превосходных солдат; внутренние дела велись процветающе; трудолюбие самого императора изматывало всех его министров и помощников. Сенат восстановил часть своей власти, а вместе с ней — мужество и энергию.

Клавдий обеспечил уважение к литературе в эпоху показной роскоши и чувственности благодаря своей личной преданности ей. Он был замечательно свободен от некоторых из худших пороков своего времени и своего сословия (). Его обжорство, если верить рассказам о нем, по крайней мере, одобрялось многими высокопоставленными лицами; его жестокость, или, скорее, его черствость, была результатом извращенного воспитания, которое делало человеческие страдания развлечением как для хозяина одного раба, так и для императора на троне; и она никогда не усугублялась, по крайней мере, безрассудной прихотью или неуправляемой страстью. Презрение, с которым относятся к его характеру и уму, в значительной степени вызвано систематическими вымыслами, жертвой которых он стал. Хотя Клавдий был окружен лестью, которая по нашим представлениям кажется невероятной, он, по-видимому, лично поднялся над ее опьяняющими парами; мы знаем, что, по крайней мере в одном случае, льстивое восхваление человека, наиболее замечательного в своем веке красноречием и признанной мудростью, не смогло изменить ход ни его справедливости, ни его гнева.

ЖИВОЙ КЛАВДИЙ, ВОСПЕВАЕМЫЙ СЕНЕКОЙ

Обстоятельства этого восхваления и его разочарования следует подробно описать в память о Клавдии. У нас нет четкого описания причины изгнания Сенеки, которое приписывается, скорее всего, интригам Мессаллины против друзей и сторонников Юлии. Как бы то ни было, мы видели, с каким нетерпением философ перенес это. По случаю смерти брата Полибия он направил из места своего изгнания все еще влиятельному вольноотпущеннику трактат, названный «утешением», в котором изложил все аргументы, которые могли подсказать ему ум и дружба, чтобы облегчить его страдания и укрепить его мудрость. Убедив его в торжественной истине, что все люди смертны, и напомнив ему, что сам этот мир со всем, что он содержит, подчиняется общему закону распада; что человек рожден для скорби; что мертвые не могут испытывать удовольствия от его горя; что его горе в лучшем случае бесполезно и бессмысленно, он отвлекает его другой темой, которая должна быть еще более эффективной. «Император, — говорит он, — божественен, и те, кто благословлен служением ему и всегда видит его перед своими глазами, не могут сохранять праздный интерес к человеческим делам; в их счастливые души не может проникнуть ни страх, ни печаль; божественность с ними и вокруг них. Меня, — заявляет он, — этот бог не сверг; скорее он поддержал меня, когда другие вытеснили меня; он все еще позволяет мне оставаться памятником его провидения и сострадания. Будь моя причина действительно хорошей или плохой, его справедливость в конце концов признает ее хорошей, или его милосердие будет так к ней относиться. Между тем, мне утешение доставляет видеть, как его прощение распространяется по миру; даже из того угла, куда я изгнан, его милосердие призвало многих изгнанников до меня. Однажды его сострадательные глаза остановятся и на мне. Поистине, те молнии справедливы, которые сами пораженные громом научились почитать. Дай бог, чтобы бессмертные долго баловали его миром! Пусть он соперничает с деяниями Августа и превосходит его по годам! Пока он еще живет среди нас, пусть смерть никогда не переступает его порог! Да будет далек тот день, когда его божественные предки потребуют его для небес, которые принадлежат ему, и пусть он будет отложен для слез наших внуков.

АДРИАН

(ИЗ СТАТУИ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ)

Таковы были фразы, звучные и маслянисто отполированные, которые, без сомнения, Полибий должен был произнести на ухо императорскому педанту. По-прежнему пользуясь высоким расположением Клавдия и Мессаллины, он имел средства и, возможно, не лишенный желания, рекомендовать их со всем своим интересом и заступиться за льстеца. Однако Клавдий, по-видимому, остался совершенно невозмутимым перед поклонением, более яростным, чем поклонение Овидия, и еще более усиленным беспорной репутацией его автора. Какими бы ни были мотивы его приговора в отношении Сенеки, лестью его не удалось бы заставить изменить свое решение. Конечно, насколько мы можем судить, мы должны думать лучше как о его твердости, так и о его здравом смысле. Вскоре после этого Полибий сам был свергнут капризом Мессаллины; Мессаллина, в свою очередь, была свергнута Агриппиной; и только после того, как сестра Юлии обрела власть, Сенека получил

по ее просьбе милость, о которой он тщетно просил через посредничество вольноотпущенника.

МЕРТВЫЙ КЛАВДИЙ В САТИРЕ СЕНЕКИ

Но как бы мало ни доверял Клавдий искренности этого блестящего красноречивого человека, он едва ли мог предвидеть то отвращение, которое столь горячий поклонник не постеснялся выразить после его смерти. Конечно, было естественно, что вернувшийся из изгнания привязался к своей благодетельнице; от нее он получил свои почести, она относилась к нему с доверием, которое льстило ему. Без сомнения, он был одним из первых придворных, которые покинули старую эпоху, чтобы поклоняться восходящей звезде. Однако немногие, пожалуй, могли поверить, что едва Клавдий умер, как только затихли официальные лестные речи, провозглашавшие его вступление на божественный путь своих предков, поклонник живого императора превратил его обожествление в посмешище и опорочил его имя беспрецедентно жестокой клеветой. Нет более любопытного фрагмента древности, чем *«Видение суда»*, которое Сенека оставил нам о смерти и обожествлении Клавдия.

«СЕНЕКА»

(По бюсту в музее Неаполя)

Путешественник, посетивший современный Рим осенью, заметил множество громоздких и раздутых тыкв, которые греются на солнце своими пятнистыми животами перед дверями, чтобы стать любимой приправой к еде бедных классов. Когда Клавдий скончался в октябре, его душа, по словам сатирика, долгое время пребывавшая в раздутой пустоте его собственного опухшего тела, легко переселилась в родственную тыкву. Сенат объявил его богом, но Сенека знал, что он просто превратился в тыкву. Сенат провозгласил его божественность, Сенека перевел это в тыквость и приступил к пародийному описанию того, что, по-видимому, произошло на небесах с появлением нового претендента на небесные почести. Высокая седая фигура прибыла, спотыкаясь, к вратам Олимпа; она моет и косит, качает своей парализованной головой, и когда ее спрашивают, откуда она и чем занимается, в ответ бормочет на непонятном жаргоне, который никто не может понять. Юпитер посылает Геракла допросить это существо, поскольку Геракл — бог-путешественник и знает много языков; но даже Геракл, смелый и отважный, как он есть, содрогается при виде

странного неземного чудовища, издающего хриплое нечленораздельное стонание, похожее на лай тюленя или морского тельца. Ему показалось, что он видит перед собой свой тринадцатый подвиг. Вскоре, приглядевшись, он обнаруживает, что это нечто похожее на человека. Соответственно, он набирается смелости обратиться к нему стихом из Гомера, общепринятого толкователя богов и людей; и Клавдий, радуясь звукам греческого языка и предвещая, что его собственные истории будут поняты на небесах, отвечает подходящей цитатой.

Пропустив различные события, о которых рассказывается далее, и насмешки сатирика над галльским происхождением Клавдия и его рвением в предоставлении прав галлам и другим варварам, мы видим, как боги собрались на конклаве, чтобы обсудить притязания своего неожиданного гостя. Некоторые боги встают со своих мест и высказываются в его пользу, приводя различные изысканные доводы; и его принятие вот-вот будет одобрено единодушным голосованием, когда Август вскакивает со своего места (впервые, как он заявляет всем в свидетели, с тех пор как сам стал богом — ведь Август на небесах сдержан и молчалив и строго придерживается своих дел) и перечисляет преступления и ужасы, совершенные его внуком. Он упоминает об убийстве своего тестя Силана, двух зятьев Силана и Помпея, тестя своей дочери, тещи той же, своей жены Мессаллины и многих других, которых невозможно перечислить.

Боги поражены удивлением и возмущением. Клавдий изгнан с порога Олимпа и под руководством Меркурия отправлен в подземный мир. Проходя по Священной дороге, он становится свидетелем собственных похорон и только тогда осознает факт своей смерти. Он слышит похоронную песнь, в которой его поступки воспеваются в самых громких тонах, но в конце концов переходят в резкий пафос. Но сатирик может затронуть и более высокую ноту; приход призрака в подземные области описывается с возвышенной иронией. «Клавдий пришел!» — кричат духи умерших, и сразу же вокруг него собирается огромная толпа, восклицая вместе с песнопением жрецов Аписа: «Мы нашли его, мы нашли его; радуйтесь и веселитесь!»¹⁷¹ Среди них были консул Силий, претор Юний, Траул, Трог, Котта, Вектий и Фабий, римские всадники, которых Нарцисс убил. Затем появились вольноотпущенники Полибий и Мирон, Харпокрас, Амфей и Феронакт, которых Клавдий отправил в ад перед собой, чтобы иметь там своих министров. Далее вышли префекты Катоний и Руф, его друзья Луций и Педо, консулы Лупус и Целер, и, наконец, ряд его родственников, его жена, двоюродные братья и зять. «Друзья повсюду!» — улыбнулся дурак. «Прошу вас, как вы все сюда попали?» «Как мы сюда попали?» — прогремел Помпей Педо (): «Кто нас сюда послал, как не ты, убийца всех своих друзей?» И на этом новоприбывший поспешно уводится перед судейским креслом Эака. Старый приятель предлагает заступиться за него; Эак, самый справедливый из людей, запрещает это и осуждает преступника, выслушав только одну сторону. «Как он поступил, — восклицает он, — так и с ним поступят». Тени потрясены новизной приговора; Клавдию он кажется скорее несправедливым, чем новым. Затем рассматривается характер его наказания. Некоторые хотели бы избавить Тантала или Иксиона от их мучений и заменить их императорским преступником; но нет, это все равно оставило бы ему надежду на то, что со временем его самого избавят от наказания. Его мучения должны быть бесконечными, вечно начинающимися; вечный легкомысленный и неумелый человек, он будет вечно играть с бездонной коробкой для игральных костей.

Таково было презрение, которое могло быть брошено на голову национального божества, даже если он был приемным отцом правителя государства; и, возможно, новое и выскочка-божество не было обращено с большим высокомерием, чем иногда бывало с устоявшимися обитателями Олимпа. Правда, Нерон в более поздний период считал целесообразным лишить своего родителя этих чрезмерных почестей и даже снес недостроенные работы его храма на Целийском холме; но нет оснований полагать, что Сенека сдерживал свою злобу до этой

катастрофы или что принц проявлял какие-либо признаки недовольства по поводу безудержного смеха, с которым, несомненно, была встречена его сатира.

В то время как память о покойном императоре была безжалостно разорвана на куски, писатель позаботился возвеличить самыми экстравагантными выражениями ожидаемую славу его преемника; и тщеславный, бездумный наследник не понял, что насмешка над его отцом была самым глубоким оскорблением для него самого. О внешности, достижениях и характере Нерона мы поговорим более подробно ниже; достаточно сказать, что он был молод, не лишен внешней привлекательности, обладал некоторыми талантами и, прежде всего, талантом их демонстрировать.

С такими качествами новому обитателю трона никогда не могло не хватать льстецов. Чтобы воспеть их, мудрец с суровым лицом весело взмывает на крыльях поэзии и развлекается строками мелодичной мягкости, которые могли бы украсить эротическую лиру самого неопытного поклонника муз. Наконец, говорит он, из милосердия к его несчастью, нить жизни невозмутимого Клавдия была перерезана роковыми ножницами. Но в этот момент Лахесис взяла в руки другой моток ослепительной белизны, и, когда он ловко скользил между ее пальцами, обычная шерсть жизни превратилась в драгоценную ткань — золотой век, вытканый из веретена. Сестры с радостью выполняют свою работу и радуются своему благословенному заданию; и далеко, далеко тянется сверкающая нить, за пределы лет Нестора и Титона. Феб стоит рядом с ними и поет им, пока они прядут — Феб, бог песен и бог пророчеств. «Не останавливайтесь, о, не останавливайтесь, милые сестры; он превзойдет пределы человеческой жизни; он будет похож на меня лицом, похож на меня красотой; ни в песне, ни в красноречии он не уступит мне. Он вернет блаженный век утомленным людям и снова прервет долгое молчание Законов. Да, как когда Люцифер гонит перед собой звезды, а утро рассеивает облака, яркое солнце смотрит на мир и начинает свою ежедневную гонку на колеснице, — так Цезарь врывается на землю; таков Нерон, которого теперь видит Рим — сияет своим ярким лицом с умеренными лучами и блесит своей прекрасной шеей под струящимися локонами».^f

СНОСКИ

[8] [Следует сразу же отметить, что представленное здесь мнение о Тиберии не осталось без возражений. Тарвер^d в частности, защищает императора от его древних и современных критиков. Утверждается, что Тиберий на самом деле был строгим моралистом с высокими стандартами долга, и только его недостаток такта и общительности сделал его непопулярным. Говорят, что его письма и обращения к сенату свидетельствуют о великом достоинстве и мудрости; утверждается, что с юности он вел упорядоченный образ жизни, был прост и бережлив. Все это, возможно, верно в отношении ранних лет Тиберия, но в целом мнения склоняются к тому, что в поздние годы император проявил иной характер. Возможно, причиной этой перемены стали болезнь или старость.

[9] [Подробные сведения о германской кампании приведены в главе XXX. Для большей ясности здесь приводится краткое резюме.

[10] [Тацит Однако ^e« » говорится о *легате Мезии* в 14 году н. э., поэтому можно предположить, что Мезия стала римской провинцией во время правления Августа.

[11] [Это число указано Тацитом; Светоний говорит о двадцати тысячах.]

[12] Август был настолько очарован этим островом, что отдал его в обмен на земли народу Неаполя, которому он принадлежал. Дион,ⁱ LII, 43.

[13] Писатели расходятся во мнениях относительно ее возраста. Тацит просто говорит «*extrema ætate*». Плиний^k (XIV, 8) указывает, что ей было восемьдесят два года, Дион^j (LVIII, 1) — восемьдесят шесть лет. Последнее кажется более верным, так как ее сыну Тиберию было тогда семьдесят лет.

[14] Согласно Иосифу Флавию,^h Антония, вдова его брата Друза, написала ему подробный отчет о действиях Сеяна и отправила его с помощью верного раба по имени Паллас.

[15] [Чтобы ясно понять беспорядки, сопровождавшие поздний период правления Тиберия, мы должны помнить, что республиканская реакция против империи была теперь на пике и что, без сомнения, для подавления этого движения были необходимы суровые меры. Принятие таких мер не обязательно означает, что Тиберий изменил свою государственную политику: было вполне естественно, что он защищал принципат всеми своими силами. Но такие условия катастрофически отразились на общественной морали и породили ненависть к императору].

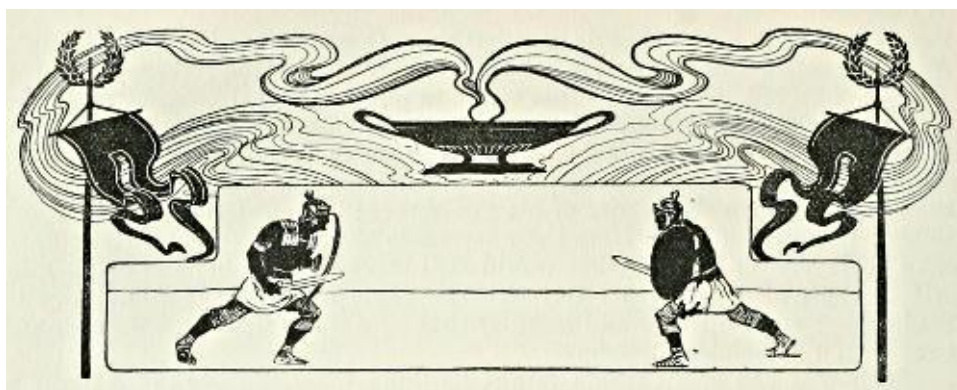
[16] [Однако следует понимать, что Тацит, несомненно, основывал свои мнения на современных ему свидетельствах, которые не дошли до нас, или на устных показаниях очевидцев. Тацит родился всего лишь через двадцать лет после смерти Тиберия. Однако, по-видимому, этот знаменитый историк был склонен систематически принимать мнения и даже возмущенные сплетни врагов императора.]

[17] Сенека, *Apol.* 13. Claudius Cæsar venit ... ἐνρίκαμεν, συγχάρωμεν. Велик был успех этого замечательного отрывка, который, возможно, послужил источником вдохновения для благородных строк Шекспира (*Ричард III*, акт I, сцена 4):

«Прибыл Кларенс, лживый, непостоянный, клятвопреступный Кларенс,

Который ударил меня ножом на поле битвы при Тьюксбери».

Более вероятно, что Вольтер имел его в виду, когда высказывался о судьбе Константина и Хлодвига; и более чем одна строфа из «*Видения суда*» Байрона явно вдохновлена им.

ГЛАВА XXXIV. НЕРОН: ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР ДИНАСТИИ ЦЕЗАРЕЙ

НЕРОН КЛАВДИЙ ЦЕЗАРЬ ДРУЗ ГЕРМАНИК: 54-68 гг. н. э.

[54-59 гг. н. э.]

Воспитанный в развращенном дворе, в окружении интриг своей матери, Нерон вскоре оказался в окружении льстецов, умеющих восхвалять все его глупости и оправдывать все его преступления. Он не был лишен разума и знал, что такое добро, но никто не заботился о том, чтобы сдерживать его порочные наклонности или тщеславие в отношении его музыкальных способностей. Тем не менее, в течение долгого времени после его смерти первые пять лет его правления (*quinquennium Neronis*) восхвалялись как самые счастливые

в истории империи. Он действительно снизил налоги в провинциях, боролся с роскошью, помогал бедным сенаторам деньгами и, казалось, собирался взять Августа за образец. «О, если бы я никогда не научился писать!» — сказал он однажды, когда ему дали подписать смертный приговор. В другой раз, когда сенат выражал ему благодарность, он сказал: «Подождите, пока я ее заслужу». Сенека и Бурр пытались, и в течение некоторого времени успешно, сдерживать бурные страсти своего ученика, но амбиции Агриппины заставили их вырваться наружу.

Эта властная женщина думала, что будет править от имени своего сына, и хотела присутствовать на заседаниях сената. Она была очень огорчена тем, что ей приходилось довольствоваться тем, что она слушала за занавеской.

Однажды, когда Нерон принимал армянских послов, она подошла, чтобы занять место рядом с ним и принять почести. Но принц пошел ей навстречу и предотвратил то, что римляне даже тогда считали бы оскорблением — вмешательство женщины в государственные дела. Вступив в союз с вольноотпущенником Палласом, она надеялась, что в дворце ничего не будет происходить без нее; но Сенека и Бурр, хотя и были ее созданиями, были полны решимости помешать господству, которое унизило Клавдия. К сожалению, эти два министра, несмотря на строгость своей жизни и учения, не нашли другого способа бороться с ее влиянием, кроме как поощрять страсти принца. Они позволили множеству молодых женщин и развратных мужчин собраться вокруг принца. Среди первых Агриппина вскоре нашла соперницу в лице вольноотпущенницы Акты. Тогда она изменила свой тон и манеры, но ласки оказались не более эффективны, чем гнев; и два министра, чтобы показать ей, что ее власть ушла, опозорили вольноотпущенника Палласа.

Тогда Агриппина перешла к открытым угрозам. Она собиралась раскрыть всю правду, отвести Британика к преторианцам и вернуть законному владельцу трон, который она отдала неблагодарному сыну. Нерон опередил ее. В первый день своего правления он казнил члена императорской семьи по имени Силан; смерть его приемного брата не стоила ему ничего больше. Британик, которому было всего четырнадцать лет, был отравлен на банкете за столом самого Нерона. Агриппина, встревоженная этой преждевременной жестокостью, стала искать себе защитников. Она прошупывала солдат и оказывала любезности их вождям. Нерон, больше не сдерживая себя, выделил ей жилище за пределами дворца и почти не виделся с ней. Он даже выслушал обвинение против нее и заставил ее ответить на вопросы Сенеки и Бурра. Она сделала это, но высокомерно, и резко ответила своему сыну, что не помогло ей вернуть утраченный авторитет.

Избавившись от Агриппины, два министра несколько лет правили умеренно и справедливо. Несколько приговоров научили провинциальных губернаторов, что их поведение наблюдается; несколько налогов были отменены или снижены. Нерон потребовал, чтобы все они были отменены. К сожалению, теперь им овладела любовь к удовольствиям. Развратные друзья, вульгарные *связи*, роковая любовь к театру развращали его день ото дня. Сенека слишком мало практиковал свои добрые принципы, чтобы они могли повлиять на молодого императора. Рим с удивлением узнал, что его принц ночью бегал по улицам, переодетый рабом, заходя в таверны и избивая опоздавших, рискуя ударить кого-то сильнее себя. Однажды сенатор ответил ему ударом и на следующий день неосторожно извинился. Нерон, помня о неприкосновенности, принадлежащей его должности трибуна, приказал казнить его. Днем он ходил в театр, доставляя неприятности охранникам, поощряя аплодисменты и свист, возбуждая беспорядки и получая удовольствие от того, что суверенный народ ломал скамейки и вступал в драки, в которых он сам участвовал, бросая снаряды наугад со своего возвышенного места.

Добродетельная сестра Британика не могла быть подходящей женой для этого королевского развратника. Он похитил Поппею Савину у ее мужа Отона. Амбиции Поппеи натолкнулись на препятствие в лице Октавии и еще более сильное — в лице Агриппины, которую не беспокоило преступное поведение сына, но которая очень не хотела, чтобы на него влиял кто-либо, кроме нее самой.

Раздраженный ее упреками, Нерон в конце концов дошел до того, что отдал приказ убить ее. Аникет, командующий флотом в Мисене, организовал заговор с целью убийства императрицы. Под предлогом примирения ее пригласили в Байи и посадили на корабль, построенный так, чтобы разломиться в море (). Агриппина спаслась, доплыв до соседнего побережья, где укрылась в своей вилле на озере Лукрине. Нерон приказал убить ее и объявил, что она покончила с собой после того, как посланный ею вольноотпущенник был пойман при попытке убить его (59 г. н. э.). Такова была судьба этой женщины, внучки Августа, сестры, жены и матери трех императоров. Но мстительные фурии преследовали отцеубийцу, несмотря на поздравления, которые Бурр был достаточно подл, чтобы выразить ему от имени солдат, и благодарность, выраженную богам во всех частях города по предложению Сенеки. Он пытался заглушить свое раскаяние, погрузившись в грубую и бездумную развращенность. Его самые недостойные глупости датируются этим временем. Римляне краснели, видя, как он гоняет на колеснице по арене и поднимается на сцену, чтобы петь и играть на лире. Можно предположить, что он заглушил свою совесть, но не то, что он обрел покой. В Греции он не осмеливался войти в Элевсинский храм, из которого голос глашатая изгонял нечестивых и отцеубийц.^b

За последние два проконсульства префектура Сирии приобрела свои наибольшие размеры. После смерти Ирода Агриппы в 44 году его царство Иудея было окончательно присоединено к империи и, как и раньше, подчинено имперскому прокуратору, который, хотя и получал свою финансовую и гражданскую власть непосредственно от императора и действовал как его наместник, тем не менее находился под военным контролем проконсула. Под покровительством двора некоторые иудейские прокураторы, особенно печально известный Феликс, брат Палласа и его соратник по благосклонности Клавдия, предавался всяким излишествам, пока дух восстания, уже пробужденный угрозами Калигулы, не вырвался наружу в яростных, но бессистемных актах насилия. Эти акты были подавлены с суровостью, свойственной Риму, не лишенной некоторых черт варварства, характерных для Востока. Тем не менее правительство возмутилось тиранией своих собственных чиновников, вызвавшей это опасное неповиновение, и проконсул Квадрат сам осудил со своего трибунала неосторожность прокуратора Кумана. Однако в то время как власть сирийского проконсула таким образом распространялась на регион Палестины на юге, часть его северных владений была отнята у него и на время превращена в отдельную префектуру.

КОРБУЛО И ВОСТОК

[54-60 гг. н. э.]

В 54 году доблестный Домиций Корбулон, отозванный из Германии, был назначен для поддержания величия империи перед лицом парфян и защиты Армении от интриг и насилия, которыми они продолжали угрожать ей. Войска Рима на Востоке были теперь разделены между Квадратом и Корбулоном. Проконсулу Сирии были оставлены две легионы с их вспомогательными войсками, новому командующему были переданы две другие, а пограничным племенам было приказано служить в любом из лагерей, в

зависимости от потребностей империи. В то время как войска были распределены таким образом, сама территория была разделена линией Таврских гор; Каппадокия вместе с Галатией была передана Корбулону и образовала отдельную провинцию. Здесь он набрал необходимые ему рекруты, чтобы заменить ленивых ветеранов, которые развратили сирийские легионы; и здесь, еще более укрепившись за счет германских лагерей, этот суровый возродитель дисциплины подготовил своих людей среди скал и снегов к проникновению в крепости Армении и изгнанию парфян из ущелий Арарата и Эльбруза. Тиридат, парфянский претендент на престол Армении, тщетно противостоял ему с помощью оружия и вероломства.

Римляне продвинулись к стенам Артаксаты, которые они штурмовали и сожгли, и слава за этот подвиг была присвоена самим Нероном, сенат голосовал за молитвы в его честь и день за днем посвящал празднование его победы, пока Кассий не осмелился потребовать ограничить такую губительную расточительность. Однако война все еще продолжалась, перейдя во вторую и третью кампании: гирканы на берегах Каспия и Арала — настолько далеко простиралась машина, запущенная Корбулоном, — были побуждены отвлечь парфян от помощи Тиридату; с ними поддерживались связи по маршруту через Красное море и пустыни Белуджистана. Наконец, армянский Тигран, долгое время находившийся в заключении в Риме, был поставлен проконсулом на трон своих предков. Однако некоторые части его наследства теперь были присоединены к суверенитетам Понта и Каппадокии; римские войска остались в гарнизоне в Тиграноцрте, чтобы поддерживать его шаткое правление; а после смерти Квадрата Корбулон, добившийся самых блестящих успехов на Востоке из всех римлян со времен Помпея, потребовал в качестве законной награды всю провинцию Сирию и полное управление делами на парфянской границе.

[60-66 гг. н. э.]

Объединение этих обширных регионов под властью одного правителя, столь противоречащее, как могло бы показаться, естественной политике императора, было, вероятно, вынуждено страхами Нерона, не столько реальными угрозами, сколько грозной позицией его генерала. Император, еще молодой человек, который сам не служил в армии и лишь ловил отблески военной славы, отбрасываемые на него его лейтенантами, возможно, испытывал опасения по поводу величия реальных вождей своих легионов. Возможно, именно из-за этой ревности карьера завоевателя в Британии была так внезапно прервана после победы Суетония. Позиция Корбулона, преемника Агриппы и Германика, действительно могла казаться недостижимой для императора. Ее можно было уравновесить только созданием аналогичных позиций в других районах, и империя в этот момент фактически была разделена между тремя или четырьмя великими полководцами, каждый из которых был лидером более многочисленных войск, чем те, которые можно было собрать для противостояния ему в столице. Нерон хорошо осознавал опасность, но в этот раз у него не хватило мужества настаивать на разделении Сирии на две префектуры. Как мы увидим, он принял более низкую меру предосторожности и, возможно, уже подумывал об убийстве лейтенанта, которого не осмеливался контролировать.

Именно от самого Корбуло поступило предложение о по крайней мере временном разделении. Этот доблестный полководец, человек старинной преданности военным принципам, не имел никаких видов на личное возвышение. Когда парфяне, вновь собрав свои силы, одновременно напали на Армению и Сирию, Корбуло заявил, что двойная война требует присутствия двух военачальников, обладающих равной властью. Он желал, чтобы провинция за Тавром вновь стала отдельным правительством. Взяв на себя лично оборону сирийской границы с тремя легионами, он передал Каппадокию и Галатию с равными

силами Цессеннию Пэту, который оплатил ему за щедрость, упрекнув в предполагаемой медлительности его действий. Но Пэт был столь же неспособен, сколь и тщеславен. Вторгшись в Армению, он был заперт в одном из ее городов с двумя легионами превосходящими силами, вынужден просить помощи у Корбулона и, наконец, когда расстояние и трудности пути исключили возможность помощи, постыдно капитулировал. Вологез, царь Парфии, воздержался от крайних мер и не стал обращаться с униженным врагом так, как его предок обращался с Крассом. Он притворился, что желает только справедливого урегулирования спорных вопросов между соперничающими империями, и Пэтус, пообещав, что до урегулирования этого вопроса легионы будут выведены из Армении, был допущен, хотя и не без тяжелых унижений, выйти из своей захваченной крепости и поспешно отступить за пределы границ. Прибыв туда, Корбулон обращался с ним с презрительной терпимостью, но император отозвал его с поста, и объединенные силы провинции вновь были вверены единственному человеку, способному исправить бедствие.

Корбулон проник в сердце Армении по дороге, которую ранее проложил Лукулл, но враг отказался вступать с ним в сражение. Даже на месте недавних триумфов своего союзника Тиридат склонился перед требованиями проконсула и согласился положить свою диадему к ногам изображения императора и отправиться в Рим, чтобы получить ее обратно из его рук. Притязания марионеточного Тиграна были в конце концов отвергнуты, и хотя Тиридат принес дань уважения Нерону за свое царство, ему было позволено фактически поставить себя под покровительство Вологеа.

РИМСКАЯ ПРОВИНЦИЯ БРИТАНИЯ

[61 г. н. э.]

Границы римской оккупации в конце правления Клавдия были весьма неопределенными. Южная часть острова от Стура до Эксе и Северна составляла компактную и организованную провинцию, из которой следует вычесть только царство Когидубна, сохранившее характер зависимой суверенной власти. За Стуром территория иценов составляла еще одну внешнюю зависимость. Управление провинцией осуществлялось из Камулодунума, ее столицы, и вся страна была подавлена воинственной позицией завоевательной колонии, основанной там. Возможно, город Лондиниум, хотя и не отличавшийся таким почетным титулом, уже превосходил ее как место коммерческого курорта. Широкое устье Темзы, обращенное к водам Шельды и Мааса, было удобно расположено для обмена британскими товарами на галльские и германские; а холм, на котором стоял город, обращенный к южному солнцу и хорошо приспособленный для обороны, находится именно в том месте, где реку можно удобно пересечь. Омываемый с востока и запада приливными течениями и пересекаемый с севера на юг непрерывными британскими дорогами, Лондиниум снабжал весь остров роскошью другой зоны, так же как Массилия снабжала Галлию. Сюда вели дороги, проникавшие в Британию из портов Ла-Манша, из Лимна, Ричборо и Дувра. Отсюда они снова расходились в Камулодунум на северо-востоке и в Веруламиум на северо-западе, на пересечении главных национальных линий связи.

В то время как пропретор, который был главнокомандующим провинции, был занят военными операциями на границе, финансами управлял прокуратор; и какими бы ни были его поборы, опасения какого-либо серьезного сопротивления им были настолько незначительны, что не только города, которые теперь посещали тысячи римских торговцев, оставались без укреплений, но и сама провинция оставалась почти полностью лишенной

солдат. В Британии постоянно дислоцировались четыре легиона. Из них второй, тот же, который под командованием Веспасиана недавно управлял юго-западом, теперь, возможно, был размещен в фортах на реках Северн и Эйвон или продвинулся к лагерю на реке Уск, откуда возник знаменитый город Каерлеон, лагерь легиона. Девятый легион был поставлен на стражу иценов, чья верность не вызывала доверия. Можно предположить, что его штаб-квартира была расположена в Уэйкфорде () на севере, в районе Уоша (Wash), откуда он мог пресекать любые попытки этого народа объединиться со своими нестабильными соседями бригацами. Двадцатый легион должен был противостоять бригамам также на их западной границе, и ему мы можем присвоить позицию на Деве или Ди, от которой древний город Честер получил свое название, местоположение и, по крайней мере, фундамент своих почтенных укреплений. Оставался еще один легион, 14-й, но он также не держался в резерве в глубине провинции. Необходимость ведения пограничной войны требовала его активных действий в уэльских горах, в которые он шаг за шагом проникал и постепенно продвигался к последнему убежищу друидов в Моне, или Англси.

Галльское духовенство, изгнанное из своей страны, естественно, устремилось в Британию в поисках убежища: изгнанные из Британии, куда бы ни простиралась власть Рима, они отступали, дюйм за дюймом, и уходили из огромных святилищ, которые до сих пор свидетельствуют об их влиянии на южных равнинах, в священные укрытия маленького острова, окруженного бурными приливами и покрытого непроходимыми зарослями. В этом мрачном убежище, казавшемся безопасным, хотя и лишенном могущества и достоинства, они по-прежнему продолжали практиковать свое нечестивое суеверие. Возможно, они, как и дрожащие священники Мексики, стремились умиловить богов, которые, казалось, отвернулись от них, еще более ужасными жертвоприношениями, чем когда-либо. Здесь они сохранили свои места собраний, школы и оракулы; здесь находилось убежище беглецов; здесь была священная роща, обитель страшного божества, в которую даже священник в самый тихий полдень или ночь едва осмеливался войти, чтобы не столкнуться неожиданно с его повелителем.

Дидий был доволен сохранением римских завоеваний и не предпринимал попыток их расширить; а его преемник, Вераний, довольствовался несколькими незначительными вторжениями в страну силуров. Смерть Верания, возможно, помешала более важным операциям. Но он поддерживал строгую дисциплину в лагере, и Суетоний Пауллинус, который в следующем взял на себя командование, обнаружил, что легионы хорошо вооружены и хорошо подготовлены, а посты соединены военными дорогами по всей ширине острова. Слухи в городе выделяли этого человека как соперника доблестного Корбулона, и от мер, которые он незамедлительно примет, ожидали больших успехов. Оставив Второй легион на Уске, чтобы сдерживать силуров, и Двадцатый на Ди, чтобы следить за бригамми, он присоединился к Четырнадцатому, который теперь продвинулся до Сегонтиума на проливе Менай. Он подготовил несколько плотов или лодок для переправы пехоты; при низком уровне воды река, возможно, была почти переходима для кавалерии, а верные батавы на его флангах были привычны плавать рядом со своими лошадьми, держась за гриву или уздечку, через воды не менее широкого и быстрого их родного Рейна. Тем не менее, путь должен был быть достаточно опасным, даже если бы не было сопротивления. Но теперь дальний берег был заполнен бриттами, стоявшими в плотном строю, а между их рядами женщины, одетые в черное и с распущенными волосами, бегали как фурии с горящими факелами, а за ними были видны друиды, поднимающие руки к небу и проклиная смелых захватчиков.

Римляне были настолько потрясены этим зрелищем, что, выйдя на берег, сначала стояли неподвижно, подвергаясь ударам всех нападающих. Но эта паника длилась лишь мгновение. Призванные криками своих вождей к дисциплине, долгу и опасности, они сомкнули ряды,

выдвинули свои знамена, ударили, разбили и растоптали врага перед собой, а его собственные факелы применили к его машинам и повозкам. Разгром был полным; беглецы, отброшенные к морю, не имели больше места для отступления. Остров был изрезан римскими укреплениями, рощи вырублены или сожжены, и все следы гнусных обрядов, которыми умилоствовали Гесуса или консультировались со стеной Тараниса, были быстро уничтожены.

С этого момента друиды исчезают со страниц истории; можно полагать, что они были истреблены на своих же алтарях, поскольку Светоний не принимал полумер. Но какими бы ни были его дальнейшие планы по окончательному умиротворению провинции, они были прерваны внезапным восстанием в тылу. Ицены, как уже было сказано, после своего великого поражения подчинились игу завоевателей: их царю Прасутагусу было позволено сохранить номинальную суверенность, но он был поставлен под контроль римских чиновников; его народ был обязан вносить взносы в римскую казну; их общины подталкивали к чрезмерным расходам, которые не соответствовали их ресурсам; в то же время налоги, наложенные на них, были настолько тяжелыми, что они были вынуждены брать большие ссуды и попадать в сети римских ростовщиков. Крупные капиталисты города, богатые придворные и процветающие вольноотпущенники ссужали им требуемые суммы под непомерные проценты; с каждым годом они все меньше и меньше могли выполнять свои обязательства и заложили свою собственность и себя самих своим неумолимым кредиторам. Среди непосредственных причин последовавшего восстания упоминается внезапное требование Сенекой, самым богатым из философов, вернуть крупные инвестиции, которые он сделал и которые, как казалось, он рисковал потерять полностью.

Но угнетение со стороны римлян не ограничивалось этими сделками. Прасутаг, в надежде расположить провинциальное правительство к своей семье, завещал свои владения республике. Возможно, он ожидал, что его жена и дети, которые также были женщинами, если и не смогут осуществлять даже номинальную власть после его смерти, то, по крайней мере, будут обращаться с ними с уважением, подобающим их положению, и обеспечат им достаток и почет. Это было самое справедливое, что оставалось семьям зависимых вождей, и римляне не часто отказывали им в этом. Но наглый чиновник, поставленный во главе этих новых приобретений после смерти Прасутагуса, забыл в их случае о том, что полагалось по рождению и даже по полу несчастных принцесс. Он подозревал их, возможно, в тайном укрывательстве части их наследства и не постеснялся применить к матери порку, чтобы вернуть его, а ее нежных детей подверг еще более жестоким унижениям.

Война с Боудикой, королевой иценов

Боудика, овдовевшая королева иценов, была женщиной с мужским характером. Далекая от того, чтобы подчиниться жестокости своих тиранов и скрыть позор своей семьи, она вышла на публичные места, продемонстрировала шрамы от своих ран и обморочные тела своих изнасилованных дочерей и призвала свой народ к отчаянной мести. Ицены были возмущены до безумия несправедливостью по отношению к своей правительнице и собственным унижением. Никто и на мгновение не задумывался об опасности и безумстве этой попытки. Они поднялись как один человек; не было никакой силы, которая могла бы их контролировать; римские чиновники бежали или, если их арестовывали, убивали; и огромная толпа, вооруженная и невооруженная, двинулась на юг, чтобы подавить и истребить захватчиков. До Колн, до Темзы, до моря страна лежала полностью открытой. Все

легионы были выведены на большое расстояние, города были не укреплены, а поселившиеся в них римские торговцы не были обучены оружию. Даже колония Клавдия была беззащитна. Прокуратор Катус Дециан в тот момент отсутствовал, и, будучи вынужденным оказать помощь, мог послать для ее защиты не более двухсот солдат. Нельзя было полагаться на силу нескольких изношенных ветеранов: коренные жители, какими бы убедительными ни были их заверения, не без оснований вызывали недоверие, поскольку они, как и ицены, тоже пострадали от надменности и жестокого обращения. Великий храм Клавдия был постоянным памятником их унижения; для его основания были конфискованы их поместья, для его поддержки требовалась их дань, и они считали местных вождей, которые были зачислены на его службу, жертвами или предателями.

Какую бы тревогу они ни испытывали от безразборной ярости опустошавших их земли орд, они мрачно улыбались панике, которая более справедливо охватила римлян. Виновные объекты национальной мести видели в каждом событии вокруг себя самые страшные предзнаменования. Плач их женщин, ржание их лошадей интерпретировались как злые предзнаменования. Говорили, что их театр оглашался грубыми звуками; здания колонии отражались в водах их устья; а при отливе в иле были обнаружены ужасающие останки человеческих тел. Прежде всего, статуя Победы, воздвигнутая лицом к врагам республики, повернулась спиной к наступающим варварам и пала ниц перед ними. Когда колонисты предложили построить поспешные укрепления, их отговорили от этой работы или помешали ей местные жители, которые настаивали, что у них нет повода для страха; только когда ицени уже были видны, а вероломство тринобантов не вызывало сомнений, они в суматохе отступили в пределы храма и укрепили его слабые укрепления, чтобы выдержать внезапное нападение до прибытия подкрепления. Но стремительность нападения преодолела всякое сопротивление. На второй день крепость была взята штурмом, и все, кто укрылся в ней, вооруженные и безоружные, были преданы убийству.

Тем временем весть об этом страшном событии разнеслась по всей стране. Они дошли до Петилиуса Цереалиса, командующего Девятым легионом, который, как мы полагаем, был расквартирован недалеко от Уоша, и он немедленно вышел из своего лагеря, чтобы пристроиться к армии повстанцев. Они дошли до Двадцатого легиона в Деве, который ждал приказаний самого Светония, как только тот узнает на берегах Менай о опасности, грозящей провинции. Пропретор вывел 14-й легион из дымящихся рощ Моны и с удвоенной скоростью погнал его по шоссе Уотлинг-стрит, выбирая лучшие отряды из 20-го легиона, когда он проносился мимо, и призывая 2-й легион из Иски присоединиться к нему на юге. Но Паэний Постум, командовавший этим последним подразделением, пренебрег приказами и в ужасе притаился за своими укреплениями. Ицены смело обернулись против Цереалиса, который шел по пятам за ними, и разгромили его уставшие батальоны, нанеся им большие потери. Пехота девятого легиона была изрезана на куски, и только кавалерия спаслась в своих укреплениях. Но у варваров не было ни умения, ни терпения, чтобы осаждать римский лагерь. Они оставили эскадрон Цереалиса в покое и не пытались захватить разбросанные вокруг них римские посты. Положив Камулодунум в огонь, они рассеялись по всей стране, грабя и разрушая.

Светоний, не испугавшись ужасающих рассказов, которые обрушились на него, неуклонно продолжал свой путь с единственным легионом, прорвал разрозненные отряды врага и без помех достиг Лондиниума. Это место было переполнено римскими жителями, а в этот момент еще более переполнено беженцами из сельских городов и вилл, но оно не было защищено стенами, его население из торговцев не было обучено оружию, и Светоний сурово решил оставить его со всем богатством провинции, которое оно хранило, варварам, чем пожертвовать своими солдатами в тщетной попытке спасти его. Политика римского полководца заключалась в том, чтобы обеспечить связь с Галлией, но он был полон

решимости не покидать страну и не сдавать отряды, окруженные в различных точках в результате всеобщего восстания бриттов.

Точное направление его движений мы можем только предполагать. Если бы он отступил к южному берегу Темзы, он, вероятно, защищал бы переправу через эту реку; или, если бы бритты переправились через нее без сопротивления, историки не преминули бы отметить столь важный успех (). Но положение Камулодунума, окруженного старыми британскими линиями и прикрытого морем, предоставляло ему безопасное убежище, где он мог противостоять нападению и дожидаться подкрепления; а повстанцы, после своих недавних триумфов, отказались от своих первых завоеваний, чтобы обрушить свою ярость на другие оплоты римской цивилизации. Поэтому, пока ицены грабили и сжигали сначала Веруламиум, а затем Лондиниум, Суетоний, вероятно, совершил фланговый марш в направлении Камулодунума и опережал их преследование, пока не смог выбрать собственное положение, чтобы дожидаться их атаки. В долине между холмистыми холмами, с лесами в тылу и валами британского оппидума, возможно, недалеко от его правого фланга, он имел все преимущества для того, чтобы собрать свои небольшие силы; и их число увеличилось не столько за счет силы, сколько за счет беженцев, способных носить оружие, которым он позволил присоединиться к своей судьбе. Десять тысяч решительных мужчин обнажили мечи для Римской империи в Британии. Местные жители, превосходившие их по численности во много раз, рассеялись по открытой равнине перед ними; но узкий фронт римлян мог быть атакован только несколькими батальонами одновременно, а повозки, на которых везли накопленную добычу и своих жен и детей, теснились в тылу и практически исключали возможность отступления.

Но, опьяненные победой, нетерпеливые к бойне, одушевленные отчаянной решимостью умереть или победить, бритты не оглядывались и не думали о том, что осталось позади. Сама Боадия ехала от ряда к ряду, от народа к народу, со своими дочерьми рядом, свидетельствуя о том, какое оскорбление она перенесла, какую месть она уже совершила, провозглашая доблестные деяния королей, которые были до нее и под чьим руководством британские воины так часто одерживали победы, осуждая как невыносимое иго римской надменности и заявляя, что каким бы ни было решение мужчин, женщины теперь будут свободны или погибнут. Речь Светония, напротив, была резкой и саркастичной. Он сказал своим людям, чтобы они не обращали внимания на толпу перед ними и на шум, который она поднимала; среди них было больше женщин, чем мужчин; что же касается их собственной численности, то пусть они помнят, что во всех сражениях дело делали несколько хороших мечников; полувооруженная и трусливая толпа перед ними разбежится, когда увидит снова доблесть римских примипиев.

Таким образом ободренные легионеры с трудом сдерживались, ожидая начала сражения, и, как только нападавшие исчерпали свои метательные орудия, обрушились на них клиновидной колонной, которая так часто разбивала греков, галлов и карфагенян. Вспомогательные войска следовали за ними с не меньшей стремительностью. Всадники с копьями в руках пронзили ряды, которые все еще держали свои позиции. Но одной атаки было достаточно. Британцы были в мгновение ока разгромлены и разбежались. Через мгновение римляне достигли длинного ограждения из повозок, среди которых в панике металась беглецы, безжалостно убивали скот и женщин и проложили линию трупов и туш, обозначив границы британской позиции. Можно полагать, что массовое убийство было огромным. Римляне заявили, что погибло восемьдесят тысяч их врагов, в то время как из своих сил они потеряли только четыреста убитых и примерно столько же раненых. Боадия покончила с собой, приняв яд; мы бы хотели услышать, что храбрая варварка пала от римского копья. Светоний одержал величайшую победу в имперской истории; чтобы

завершить свой триумф, трус Постум, который уклонился от помощи, в позоре и унижении бросился на свой собственный меч.

Это полное поражение парализовало британское восстание. В течение остальной части сезона римляне удерживали поле боя; они получили подкрепление из германских лагерей, и их разрозненные когорты постепенно были собраны в армию, которая подавила всякое сопротивление. Восставшие районы были наказаны огнем и мечом, и систематическое опустошение, нанесенное им, страдавшим и без того от пренебрежения земледелием во время кратковременного опьянения успехом, привело к голоду, который уничтожил зародыши будущих восстаний. Обе стороны нанесли друг другу страшный ущерб. В ходе разрушения великих городов южной Британии погибло не менее семидесяти тысяч римских колонистов. Работа двадцати лет была в одно мгновение уничтожена. Далеко и широко все следы римской цивилизации были затоптаны в землю. В наши дни рабочие, копающие фундаменты нормандского и саксонского Лондона, находят под ними следы двойного римского города, между которыми лежит масса обугленных и разбитых обломков, свидетельствующих о страшном пожаре, устроенном Боудикой.

Британия снова стала мирной провинцией

Характер Светония, как можно предположить из того, что о нем уже было сказано, был суровым и неуступчивым, даже более, чем это было обычно для его народа. Возможно, ни один другой офицер в римской армии не смог бы так превратить поражение в победу и одним ударом вернуть провинцию, но в его характере не было места умиротворению побежденных, примирению разгоряченных страстей, восстановлению очарования морального превосходства. Классиканус, сменивший Катуса на посту прокуратора, жаловался на него императору, обвиняя его в желании затянуть военные действия против разъяренных бриттов, когда любой результат можно было достичь путем примирения.

Освобожденный раб двора по имени Поликет был отправлен с деликатной миссией, чтобы вынести суждение между гражданским и военным начальником и принять меры, наиболее подходящие для обеспечения мира и послушания. Поликет привел с собой большие силы из Италии и Галлии и, возможно, был не менее удивлен, чем легионы, которыми он командовал, увидев себя во главе римской армии. Говорят, что даже варвары насмеялись над победоносными воинами, которые склонились перед приказами раба. Но Поликет сумел добиться, по крайней мере, послушания, если не уважения. Потеря нескольких кораблей у побережья дала ему повод отстранить Суетония от командования и передать его консулу Петронию Турпилиану, чей характер и политика были столь же склонны к миру.

Мягкость этого пропраетора привела к очевидным счастливым последствиям. Южные бритты смирились с господством Рима, а северные были запуганы и вынуждены подчиниться его превосходству. Его нравы, искусство, торговля проникли далеко в регионы, еще не покоренные мечом. Его поселения в Лондиниуме, Веруламиуме и Камулодунуме возродились из пепла. Никогда мирная деятельность ее граждан не была столь энергичной и гибкой, как в этот период. Роскошь Италии и провинций, быстро растущая, требовала максимального расширения всех ее ресурсов. Производство и торговля продвигались с беспрецедентной активностью.

Продукты Британии, какими бы грубыми они ни были, состоящие в основном из сырья, были востребованы с ненасытным аппетитом городами Галлии и Германии и обменивались на искусство и литературу, что, по крайней мере, украшало ее рабство шелковыми оковами.

Лучшие из римских полководцев — а среди них, как можно полагать, были и вдумчивые, и гуманные — признавали, что не имеют права завоевывать, но при этом верили, что их завоевания являются благом. Лучшие из местных вождей — а некоторые из них, возможно, желали настоящего счастья своим соотечественникам — признавали, что, хотя свобода и является самым благородным инструментом добродетели, она только унижает порочных до самых низов варварства.^e

БУРР и СЕНЕКА

Тем временем в Риме общественные бедствия с каждым днем становились все более угнетающими, а средства их исправления сокращались. Именно тогда умер Бурр (62 г. н. э.), хотя точно неизвестно, от яда или от болезни; предположение о болезни было сделано на основании того факта, что его горло постепенно опухало изнутри, и проход был закрыт, он перестал дышать. Многие утверждали, что по приказу Нерона под видом лечения ему смазали небо ядовитым лекарством, и что Бурр, обнаружив предательство, когда принц пришел навестить его, отвернулся и не ответил на его неоднократные вопросы о своем здоровье ничем, кроме слов: «Я здоров». В Риме чувство утраты было глубоким и длительным, как из-за воспоминаний о его добродетели, так и из-за бездуховной простоты одного из его преемников и ярких злодеяний и прелюбодеяний другого. Нерон назначил двух капитанов преторианской гвардии: Фения Руфа за его популярность, поскольку он управлял государственными запасами, не извлекая из этого никакой выгоды, и Софония Тигеллина исключительно из пристрастия к его закоренелой развратности и порочности; их влияние соответствовало их известному образу жизни. Тигеллин имел большее влияние на ум Нерона и был допущен к участию в его самых тайных развратных утехах; Руф процветал благодаря хорошему мнению народа и солдат, которое, однако, не находило подтверждения у императора.

НЕРОН

(По бюсту в Луврском музее)

Смерть Бурра ослабила влияние Сенеки; хорошие советы уже не имели прежней силы, поскольку один из поборников добродетели был устранен; а Нерон, естественно, склонялся к более развращенным, которые нападали на Сенеку с различными обвинениями: что он уже накопил огромное богатство, намного превышающее меру гражданина, и продолжал его увеличивать; что он отчуждал от императора и перевлекал к себе любовь граждан; что он стремился превзойти принца в элегантности своих садов и великолепии своих вилл. Ему также вменяли в вину, что он претендовал на монополию на славу красноречия и что после того, как Нерон увлекся поэзией, он занимался ею с необычайным усердием; поскольку он

был явным врагом развлечений принца — презирал его энергию в управлении лошадьми, высмеивал его вокальные данные, когда тот пел; с какой целью он стремился добиться, чтобы во всей республике не было ничего, что не было бы плодом его изобретательности? Нерон, безусловно, вышел из детской слабости и достиг расцвета молодости; теперь он должен был устранить своего наставника, имея в своем распоряжении самых опытных учителей, в том числе своих собственных предков.

Сенека не был не осведомлен о попытках своих клеветников, поскольку о них ему сообщали те, кто сохранял некоторую заботу об интересах добродетели; и поскольку император ежедневно проявлял все большую застенчивость по отношению к нему, он просил о возможности поговорить с ним и, получив ее, начал так: «Прошло четырнадцать лет, Цезарь, с тех пор, как я был призван обучать тебя для твоего высокого предназначения, и восемь лет с тех пор, как ты вступил на императорский престол. За это время ты осыпал меня такими почестями и богатствами, что для полного счастья мне не хватает только умения пользоваться ими с умеренностью. Я приведу великие примеры, которые подходят не моему положению и состоянию, а твоему. Август, от которого вы являетесь четвертым по счету потомком, разрешил Марку Агриппе уединиться в Митилене, а Гаю Меценату он позволил даже в самом Риме уединиться так же полностью, как в любой другой стране; первый был его соратником в войнах, второй долгое время был обременен в Риме многочисленными делами и государственными заботами; оба получили вознаграждение, действительно щедрое, но соразмерное их заслугам. Что же касается меня, то какими еще заслугами я мог бы воспользоваться, кроме своих литературных достижений, возвращенных, так сказать, в тени уединения и прославленных тем, что, как полагают, я помогал вам в ранние годы в приобретении знаний; какая славная награда за такую услугу! Но вы окружили меня безграничными милостями, бесчисленными богатствами; так что, когда я размышляю о своем положении, как я часто делаю, я говорю себе: «Неужели я, сын рыцаря, уроженец провинции, причислен к числу главных людей Рима? Неужели мое выскочка-имя приобрело блеск среди знати страны и людей, которые славятся длинной линией почетных предков? Где же тогда тот философский дух, который заявлял о своей удовлетворенности скудными запасами? Используется ли он для украшения таких садов, как эти, для величественных прогулок по этим пригородным уединениям? Изобилует ли он в таких обширных поместьях, как эти, и в таких огромных суммах, выданных под проценты? Мне приходит в голову только одно оправдание: мне не подобает противостоять вашей щедрости.

Но теперь мы оба наполнили свою меру: вы — всем, что щедрость принца может даровать своему другу; я — всем, что друг может принять от щедрости своего принца. Любое дополнение может только дать новый повод для зависти, которая, как и все другие земные вещи, падает ниц перед вашим возвышенным величием, но тяжело давит на меня; я нуждаюсь в помощи. Поэтому, так же как я, уставший и ослабевший от тягот войны или путешествия, просил бы о снисхождении, так и в этом путешествии по жизни, будучи уже стар и неспособен справляться даже с самыми легкими заботами, поскольку я больше не могу нести бремя своего богатства, я ищу защиты. Прикажите своим управляющим взять на себя управление моим состоянием и присоединить его к вашему; этим я не погружусь в нищету, но, отказавшись от тех вещей, чьим великолепием я подвергаюсь нападкам зависти, все время, отведенное для ухода за садами и виллами, я снова посвящу развитию своего ума. Вам остается более чем достаточно энергии и императорская власть, упроченная за столь многие годы. Мы, твои друзья, которые уже в преклонном возрасте, можем насладиться заслуженным отдыхом. Это также принесет тебе славу, что ты возвысил на самые высокие посты тех, кто мог смириться со скромным положением».

На эту речь Нерон ответил примерно так: «То, что я способен в данный момент опровергнуть ваши тщательно продуманные рассуждения, является первым преимуществом, которое, как я признаю, я получил от вас, научившего меня не только говорить на заранее обдуманые темы, но и высказывать свои мысли экспромтом. Правда, мой прямой предок Август позволил Агриппе и Меценату провести свою старость в уединении после их трудов, но в тот период жизни, когда его власть защищала его, независимо от масштаба и характера уступок, которые он им сделал; тем не менее, он не лишил ни одного из них награды, которую он им даровал. Они заслужили их в войнах и гражданских бедствиях, ибо именно этим были заняты ранние дни Августа; и ваш меч или ваши руки не были бы лишними, если бы я занимался военными делами. Но вы сделали то, что требовали мои нынешние обстоятельства; вы воспитали меня в детстве и направляли мою юность своими нравственными уроками, советами и наставлениями; и ваши милости, оказанные мне, никогда не исчезнут, пока я жив. Те, что вы получили от меня, — ваши сады, капитал и загородные поместья — подвержены превратностям судьбы; и хотя они могут казаться огромными, многие люди, ни в коем случае не равные вам по своим достижениям, обладали большим. Мне стыдно приводить в пример вольноотпущенников, которые по богатству превосходят вас; и когда я об этом думаю, мне становится стыдно, что человек, занимающий самое высокое место в моем уважении, до сих пор не превосходит всех остальных в дарах судьбы.

«Но в то время как вы достигли зрелого возраста и еще обладаете достаточной энергией для ведения дел и наслаждения плодами своих трудов, я только начинаю свою императорскую карьеру; если, конечно, вы не считаете себя меньшим, чем Вителлий, который трижды был консулом, и не думаете, что я не дотягиваю до Клавдия. Но моя щедрость не в силах компенсировать вам состояние, равное тому, которое Волузий накопил за годы бережливости. Если в каком-либо отношении я отклонюсь от правильного пути из-за склонности к ошибкам, свойственной молодости, вам следует скорее напомнить мне о моих заблуждениях и направить ту силу, которой вы меня наделили, на более интенсивные усилия по оказанию мне помощи. Все будут говорить не о вашей умеренности, если вы вернете свое богатство, и не о вашем уходе, если вы покинете своего принца, а о моей алчности и страхе перед моей жестокостью. Но даже если ваше самообладание станет предметом всеобщего восхищения, все равно мудрому человеку не принесет чести пожинать плоды славы за счет поступка, который приносит позор его другу». К этим словам он добавил поцелуи и объятия, поскольку по своей природе и привычке он был склонен скрывать свою злобу под маской пустых комплиментов. Сенека выразил свою благодарность, что было обычным завершением бесед с правителем; однако он изменил методы своего прежнего правления, прекратил прием посетителей, избегал свиты и редко появлялся на улицах города, притворяясь, что его здоровье в плохом состоянии или что он задержан дома философскими занятиями.

ОКТАВИЯ ПРИГОВОРЕНА К СМЕРТИ

[62-64 гг. н. э.]

Нерон, получив указ сената и поняв, что все его злодеяния считаются образцовыми заслугами, грубо отверг свою жену Октавию, заявив, что «она бесплодна», а затем женился на Поппее. Эта женщина, которая долгое время была наложницей Нерона и, как его любовница и жена, обладала абсолютной властью над ним, подкупила одного из слуг Октавии, чтобы тот обвинил ее в любовной связи с рабом. Евкер, уроженец Александрии, искусный флейтист, был выбран в качестве объекта обвинения; ее служанок допрашивали

на дыбе, и хотя некоторые из них, не выдержав интенсивности пыток (), дали ложные признания, большая часть () продолжала отстаивать чистоту своей госпожи. Тем не менее, она была отвергнута в первую очередь под ложным предлогом законного развода, и ей были переданы дом Бурра и поместье Плавта, злосчастный подарок; вскоре после этого она была сослана в Кампанию, где за ней следила стража из солдат. Это вызвало частые и нескрываемые жалобы среди народа, который сравнительно не сдерживается соображениями благоразумия и, благодаря своей посредственности, подвергается меньшему количеству опасностей. Они повлияли на Нерона, который в результате отозвал Октавию из изгнания, но без малейшего сомнения в своей жестокой подлости.

Немедленно народ в восторге поднялся на Капитолий и наконец излил искреннюю благодарность богам. Они сбросили статуи Пoppей, понесли на плечах статуи Октавии, увенчали их венками и поставили на Форуме и в храмах. Они даже пошли, чтобы воздать дань своего восхищения принцу; принц стал объектом их благодарного поклонения. И вот они уже заполняли дворец своей толпой и шумом, когда были высланы отряды солдат, которые, избивая их и угрожая мечом, напугали и рассеяли их. Все, что было опрокинуто во время беспорядков, было восстановлено, а знаки почета Пoppее возвращены на место. Эта женщина, всегда склонная к жестокости под влиянием ненависти, а теперь еще и под влиянием страха, что может произойти более сильный всплеск народного гнева или что Нерон поддастся настроениям народа, бросилась к его ногам и сказала: «ее обстоятельства не позволяют ей спорить с ним о браке, хотя эта цель дороже ей жизни; но ее самая жизнь находится в непосредственной опасности со стороны приспешников и рабов Октавии, которые, называя себя народом Рима, осмелились совершить в мирное время деяния, которые редко совершаются даже во время войны. Но эти оружия были подняты против принца; им нужен был только лидер, и как только гражданские беспорядки разгорятся, они скоро найдут его. Октавии нужно только покинуть Кампанию и приехать в город; когда по ее знаку, в ее отсутствие, поднялись такие беспорядки. Но если это не было целью, то какое преступление она совершила? Кого она обидела? Разве потому, что она собиралась дать роду Цезарей законного потомка, римский народ решил, что на императорский престол должен взойти отпрыск египетского флейтиста? Подводя итог, если этот шаг был необходим для общественного блага, он должен был бы вернуть свою любовницу домой добровольно, а не принудительно, или позаботиться о своей безопасности, применив справедливое возмездие. Первое волнение улеглось благодаря умеренным мерам, но если они отчаялись в том, что Октавия станет женой Нерона, они найдут ей другого мужа».

Эта искусно составленная речь, призванная вызвать страх и ярость, сразу же произвела желаемый эффект, напугав и возмущив императорского слушателя; но подозрение, основанное только на показаниях раба и нейтрализованное заверениями замученных служанок, было недостаточно сильным для этой цели. Поэтому было решено найти кого-нибудь, кто бы признался в виновном сношении и кого можно было бы обоснованно обвинить в преступлении мятежа. Аникет был признан подходящим инструментом для этой цели; тот самый, который совершил убийство своей матери и, как я уже рассказывал, командовал флотом в Мисене; которого император после этой ужасной услуги сначала высоко ценил, но впоследствии стал чрезвычайно ненавидеть, ибо исполнители гнусных дел кажутся в глазах своих нанимателей живым укором их беззакониям. Поэтому Нерон вызвал его и сказал ему, что он один спас жизнь принца от темных замыслов его матери; теперь представилась возможность оказать не менее значимую услугу, избавив его от жены, которая была его смертельной врагинею, и для этого не требовалось ни силы, ни оружия; ему нужно было только признаться в прелюбодеянии с Октавией. Он пообещал награды, которые, по его словам, должны были оставаться в тайне на данный момент, но были очень ценными, а также прекрасное убежище; но пригрозил ему смертью, если он откажется от

этой задачи. Аникет, из-за присущего ему извращенного принципа и легкости в совершении преступлений, вызванной ужасными деяниями, в которых он уже был замешан, даже превзошел свои приказы во лжи и признался в прелюбодеянии друзьям принца, которых он созвал в качестве совета. Затем он был сослан на Сардинию, где жил в изгнании, но не в бедности, и где умер естественной смертью.

Теперь Нерон в своем эдикте заявил, что Октавия, в надежде вовлечь флот в свой заговор, подкупила адмирала Аникета. И забыв, что только что обвинил ее в бесплодии, он добавил, что, осознавая свою вину в похоти, она сделала аборт, и что все это было ему ясно доказано. И он заключил ее на острове Пандатария. Никогда еще ни один изгнанник не трогал сердца зрителей более глубоким состраданием; некоторые еще помнили, как Тиберий изгнал Агриппину; вспомнили и о более недавних страданиях Юлии, заключенной там Клавдием: но они испытали некоторое счастье, и воспоминания о былом великолепии несколько смягчали их нынешние ужасы. Для Октавии, в первую очередь, день ее свадьбы стал днем похорон, поскольку она оказалась под крышей, где встретила только воспоминания о горе: ее отец был убит ядом, а вскоре после этого и ее брат; затем служанка, более влиятельная, чем ее госпожа; Поппея вышла замуж за ее мужа, только чтобы принести гибель его законной жене, и, наконец, ей было предъявлено обвинение в преступлении, более невыносимом, чем смерть в любой форме.

И эта молодая леди, в свои двадцать лет, брошенная среди центурионов и простых солдат, уже лишенная жизни под предзнаменованием надвигающихся бедствий, все же не наслаждалась покоем смерти. Через несколько дней ей приказали умереть, но она протестовала, заявив, что теперь она вдова и только сестра императора; она обратилась к Германикам, общим родственникам Нерона и себе, и, наконец, призвала имя Агриппины, заметив, что «если бы она была жива, ее брак был бы несчастным, но она не была бы обречена на гибель». Затем ее крепко связали, перерезали вены на всех суставах, а смерть ускорили парами из бани, нагретой до максимальной температуры. К этому добавилось еще более жестокое деяние: ей отрубили голову и отвезли в город, чтобы Поппея могла ее увидеть. В связи с этими событиями отцы города постановили приносить жертвы в храмах; обстоятельство, которое я записал, чтобы все, кто будет читать о бедствиях тех времен, как они изложены мной или другими авторами, могли заранее заключить, что всякий раз, когда по приказу принца совершалось изгнание или убийство, столько же раз благодарили богов; и те действия, к которым в прежние времена прибегали, чтобы отметить благоприятные события, теперь стали знаками общественных бедствий. Тем не менее я не буду умалчивать о каком-либо указе сената, который отличается неслыханным льстецом или крайней униженной раболепностью.

Сам Нерон, чтобы заставить поверить, что нигде он не наслаждается жизнью так, как в Риме, устраивал банкеты в общественных местах и использовал весь город как свой дом (). Над всеми другими по роскоши и шуму, который он произвел в мире, выделялся пир, устроенный Тигеллином, который (по словам Светония) я опишу в качестве примера, чтобы не повторять случаи подобной расточительности. Для этой цели он построил на озере Агриппы плот, на котором разместился банкет, и который тянули туда-сюда другие суда, украшенные полосками золота и слоновой кости и гребные группами патеков, расставленных по возрасту и достижениям в науке разврата. Он доставил птицу и дичь из отдаленных регионов, а также морскую рыбу даже из океана; на берегу озера были построены публичные дома, заполненные дамами высокого происхождения; напротив них были выставлены на обозрение обнаженные проститутки; теперь можно было увидеть непристойные жесты и движения; и как только наступила темнота, все соседние рощи и окружающие жилища огласились музыкой и озарились огнями. Нерон погряз во всевозможных законных и незаконных пороках и, казалось, не оставлял ни одной

жестокости, которая могла бы усугубить его разврат, пока через несколько дней он не женился, как женщина, на одной из этой зараженной стаи по имени Пифагор, со всеми торжествами бракосочетания. Римский император надел брачный покров; были видны авгуры, приданое, брачное ложе, брачные факелы; короче говоря, все, что даже у женщины скрывается ночью, было выставлено на всеобщее обозрение.

ВЕЛИКИЙ ПОЖАР В РИМЕ; ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ХРИСТИАН

ОФИЦЕР-ЦЕНТУРИОН

[64 г. н. э.]

Затем последовала страшная катастрофа; было ли это случайностью или злобным замыслом принца, точно не известно, поскольку историки утверждают и то, и другое; но из всех бедствий, которые когда-либо обрушивались на этот город в результате ярости огня, это было самым страшным и тяжелым. Он вспыхнул в той части цирка, которая примыкает к холмам Палатин и Целий, где из-за наличия магазинов, в которых хранились такие товары, как топливо для огня, в момент возникновения он набрал силу и, ускоряясь под действием ветра, мгновенно распространился по всей территории цирка, поскольку ни дома не были защищены оградами, ни храмы не были окружены стенами, ни было каких-либо других препятствий, которые могли бы остановить его продвижение; но пламя, стремительно распространяясь во всех направлениях, сначала охватило нижние районы города, затем поднялось на верхние; затем снова опустошило нижние районы и сорвало все попытки потушить его благодаря скорости своего разрушительного хода и подверженности города пожарам вследствие узких и запутанных переулков и неровности улиц в древнем Риме. Добавьте к этому вопли испуганных женщин, немощное состояние пожилых людей и беспомощность детей; тех, кто пытался позаботиться о себе, и тех, кто пытался помочь другим; одни тащили слабых, другие ждали их; одни спешили, другие медлили; все вместе создавали картину всеобщего смятения и замешательства. И когда они оглядывались на

опасность позади, то часто обнаруживали, что их окружают спереди и с боков; а если им удавалось спастись в соседние кварталы, то и те уже были охвачены пожирающими пламенем; даже те части города, которые они считали отдаленными и незатронутыми, оказались в таком же бедственном положении. Наконец, не зная, от чего бежать и где искать убежище, они высыпали на улицы и лежали на открытых полях. Некоторые из-за потери всего своего имущества, даже средств к существованию, другие из-за любви к своим родственникам, которых они не смогли вырвать из пламени, позволили себе погибнуть в огне, хотя у них была возможность спастись. Никто не осмеливался предложить потушить огонь, так как многие угрожали запретить это делать, а другие открыто бросали горящие угли, громко заявляя, что «у них есть тот, кто дал им на это разрешение»; делали ли они это, чтобы грабить с меньшими ограничениями, или в соответствии с полученными приказами.

Нерон, который в тот момент находился в Антиуме, вернулся в город только тогда, когда огонь приблизился к той части его дома, которая соединяла дворец с садами Мецената; однако это не помешало огню поглотить дом, дворец и все, что было вокруг. Но для помощи людям, лишившимся крова и вынужденным покинуть свои жилища, он открыл Марсово поле, монументальные сооружения, построенные Агриппой, и даже свои собственные сады. Он также построил временные дома для приема обездоленных, а из Остии и соседних городов по реке были привезены предметы первой необходимости; цена на зерно была снижена до трех сестерциев за меру. Все эти меры, хотя и носили популярный характер, были напрасны, потому что повсеместно распространился слух, что «в тот самый момент, когда город был охвачен пламенем, Нерон, выйдя на сцену своего частного театра, пел «Разрушение Трои», сравнивая нынешнее бедствие с той катастрофой древних времен».

Наконец, на шестой день пожар был остановлен у подножия Эсквилина, снесши огромное количество зданий, чтобы открытое пространство и, как бы, пустое воздушное пространство могли сдерживать бушующий стихию, прервав ее непрерывность. Но прежде чем смятение улеглось, пожар вспыхнул с новой силой, но в более просторных районах, и поэтому с меньшими потерями человеческих жизней; однако более обширные разрушения были нанесены храмам и портикам, предназначенным для развлечений. Этот пожар также стал предметом более критических замечаний, поскольку он возник в владениях Тигеллина, принадлежавших Эмилианам; и Нерон, казалось, стремился к славе построить новый город и назвать его своим именем; из четырнадцати районов, на которые делился Рим, четыре остались нетронутыми, три были сравнены с землей, а в семи других остались лишь отдельные обломки домов, разрушенных и наполовину сгоревших.

Нерон использовал руины своего города в своих целях и основал на них дворец [«Золотой дом»], в котором старомодные и в те роскошные времена обычные украшения из золота и драгоценных камней были не столько предметами притяжения, сколько земли и озера; в одной части — леса, похожие на обширные заповедники; в другой — открытые пространства и обширные виды. Инициаторами и руководителями этого проекта были Север и Целер, люди настолько изобретательные и смелые, что пытались искусством преодолеть препятствия природы и обмануть сокровища принца; они даже взялись проложить судоходный канал от озера Авернус до устья Тибра, через засушливый берег или через противостоящие горы: на самом деле, кроме Понтийских болот, здесь нет ничего влажного, что могло бы обеспечить водой; все остальное — либо скалистые утесы, либо выжженная земля; и даже если бы удалось преодолеть эти препятствия, труд был бы невыносимым и несоразмерным цели. Однако Нерон, жаждавший достичь невероятных

результатов, приложил все свои силы, чтобы проложить путь через горы, примыкающие к Аверну, и до сих пор сохранились следы его неудавшегося проекта.

Но остальная часть старого участка, не занятая его дворцом, была застроена не так, как после галльского пожара, без разбора и регулярности, а с размеченными линиями улиц, широкими пространствами для проезда, ограниченной высотой зданий, открытыми площадками и портиками, добавленными для защиты фасадов сгруппированных жилых домов. Нерон взялся построить эти портики за свой счет, а затем передать каждому владельцу очищенные территории вокруг них. Кроме того, он предложил вознаграждения, соразмерные положению и личным средствам каждого человека, и установил срок, в течение которого, если их дома, отдельно стоящие или сгруппированные, будут построены, они должны были их получить. Он назначил болота Остии местом сбора мусора и распорядился, чтобы суда, которые доставляли зерно по Тибру, возвращались с грузом мусора; чтобы сами здания были возведены до определенной высоты без балок и перекрыты сводами из камня из карьеров Габии или Альбы, поскольку этот камень () был огнеупорным; чтобы над водными источниками, которые были неправомерно перекрыты частными лицами, были поставлены надзиратели, чтобы обеспечить их более обильное течение и большее количество мест для снабжения населения; чтобы каждый домовладелец имел в своем дворе средства для тушения пожара; чтобы не было общих стен, а каждый дом был окружен собственными стенами. Эти правила, которые были благосклонно приняты ввиду их полезности, также были источником красоты нового города; однако были и те, кто считал, что древняя форма была более благоприятной для здоровья, поскольку из-за узости улиц и высоты зданий солнечные лучи были более исключены; тогда как теперь просторные улицы, не имеющие никакой тени для защиты, более интенсивно нагревались в теплую погоду.

Таковы были меры, принятые человеческим советом. Затем к богам обратились с мольбами и прибегли к книгам Сивиллы. По их совету были принесены молитвенные жертвы Вулкану, Церере и Прозерпине, а Юнона была умиловлена матронами, сначала на Капитолии, а затем на ближайшем берегу, где водой, взятой из моря, были окроплены храм и изображение богини; церемония помещения богини на ее священный трон и ее бдение были отпразднованы женщинами, имевшими мужей. Но ни вся помощь, которую мог оказать человек, ни все милости, которые мог оказать принц, ни все искупления, которые можно было принести богам, не смогли избавить Нерона от позора, связанного с подозрением в том, что он устроил пожар. Поэтому, чтобы подавить слухи, он ложно обвинил в преступлении и наказал самыми жестокими пытками христиан, которых ненавидели за их злодеяния. Соответственно, сначала были арестованы те, кто признался, что они христиане; затем, по их показаниям, было осуждено огромное количество людей, не столько по обвинению в поджоге города, сколько по обвинению в ненависти к человеческому роду. И в своей смерти они также стали предметом развлечения, поскольку их покрывали шкурами диких зверей и забивали собаками до смерти, прибавляли к крестам или поджигали, а когда наступал вечер, сжигали, чтобы служить ночным огнями. Нерон предоставил для этого зрелища свои собственные сады и устроил цирковые игры, без разбора смешиваясь с простолюдинами в одежде колесничего или стоя в своей колеснице. Отсюда возникло чувство сострадания к страдающим, потому что они, казалось, были казнены не для общественного блага, а стали жертвами жестокости одного человека.^c

Чтобы компенсировать свою расточительность в играх и зрелищах; чтобы покрыть расходы на свои бессмысленные сооружения, прежде всего на свой золотой дом; на свои праздники, один из которых стоил четыре миллиона сестерциев только на духи; своей расточительности в мебели и одежде, которую он менял каждый день, своих раздач хлеба, мяса, дичи, одежды, денег и даже драгоценных камней среди народа в обмен на их

аплодисменты его стихам и песням; наконец, я говорю, чтобы компенсировать все эти безумные расходы, он умножил проскрипции и приговоры, которые влекли за собой конфискацию имущества. Даже должности стали источником дохода, поскольку он наделял ими только при условии, что получит долю прибыли. Таким образом, провинции вновь подверглись грабежу. Не для этого они так громко приветствовали установление империи, и в последние годы этого правления они оказались в шаге от ее распада.^b

ЗАГОВОР, ВСТРЕЧЕННЫЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ И ПРЕСЛЕДОВАНИЯМИ

[65 г. н. э.]

Однако люди устали быть объектами тиранических прихотей развратного юноши, и был организован широкомасштабный заговор с целью сместить его и передать верховную власть К. Пизону, дворянину, обладавшему многими популярными качествами (65). В нем участвовали люди всех рангов, гражданские и военные, — сенаторы, всадники, трибуны и центурионы, — некоторые, как обычно, по публичным, а некоторые по личным мотивам. Пока они еще не решили, где лучше всего напасть на Нерона, куртизанка по имени Эпихарис, которая знала (неизвестно, как) о заговоре, устав от их нерешительности, попыталась переманить на свою сторону офицеров флота в Мисене. Первым она попробовала офицера по имени Волусий Прокул, который был одним из участников убийства Агриппины и жаловался на плохую отдачу от этого дела и угрожал мстью. Она сообщила ему о существовании заговора и предложила ему присоединиться к нему, но Прокул, надеясь получить награду за эту новую услугу, пошел и сообщил об этом Нерону. Эпихарис была арестована, но, поскольку она не назвала никаких имен, а у Прокула не было свидетелей, дело не было возбуждено. Тем не менее, она осталась в тюрьме.

Заговорщики забеспокоились и, опасаясь, что их могут предать, решили не откладывать действие и напасть на тирана во время цирков. Был разработан план, согласно которому избранный консул Плавтий Латеранус, человек большой смелости и физической силы, должен был обратиться к императору с просьбой о помощи в семейных делах, при этом схватить его за колени и повалить на землю, а затем офицеры должны были убить его мечами. Тем временем Пизон должен был ждать в соседнем храме Цереры, а когда Нерон исчезнет, префект Фений Руф и другие должны были прийти и отвести его в лагерь.

Несмотря на количество и разнообразие лиц, участвовавших в заговоре, секрет хранился с удивительной верностью. Однако случайность раскрыла его в канун исполнения. Среди заговорщиков был сенатор по имени Флавий Сцевин, который, хотя и погряз в роскоши, был одним из самых рьяных. Он настаивал на том, чтобы сыграть первую роль в убийстве, для чего он приготовил кинжал, взятый из храма. Накануне нападения он отдал этот кинжал одному из своих вольноотпущенников по имени Милихус, чтобы тот заточил и наточил его. В то же время он запечатал свое завещание, давая свободу одним и даря подарки другим своим рабам. Он ужинал более роскошно, чем обычно, и хотя он делал вид, что очень весел, по его виду было видно, что у него на уме что-то важное. Он также поручил своему вольноотпущеннику приготовить повязки для ран. Освобожденный раб, который либо уже был посвящен в тайну, либо теперь заподозрил неладное, посоветовался с женой и по ее настоянию на рассвете отправился к Эпафродиту, одному из освобожденных рабов Нерона, который и привел его к императору. По его информации Скевин был арестован, но он дал правдоподобное объяснение всему, кроме повязок, которые он категорически отрицал. Он мог бы избежать наказания, если бы жена Милиха не сообщила, что Антоний Наталис в последнее время много разговаривал с ним в тайне и что они оба были близки с Пизоном.

Тогда вызвали Наталиса, и поскольку он и Скевин не сошлись в своих показаниях о содержании разговора, им пригрозили пытками. Наталис не выдержал и назвал Пизона и Сенеку. Сцевин, либо из слабости, либо полагая, что все уже известно, назвал еще нескольких человек, среди которых были поэт Анней Лукан, племянник Сенеки, Туллий Сенеций и Афраний Квинтиан. Сначала они все отрицали. Наконец, под обещанием помилования, они выдали некоторых из своих ближайших друзей, а Лукан даже назвал свою собственную мать Атиллу.

Нерон вспомнил теперь о сообщении Прокула и приказал подвергнуть Эпихарис пыткам. Но никакая боль не могла сломить стойкость этой героической женщины; и на следующий день, когда ее в слабом состоянии несли на стуле, чтобы подвергнуть новым пыткам, она ухитрилась привязать свой пояс к изогнутой спинке стула и таким образом задушила себя.

Когда это было обнаружено, некоторые из более смелых духом убеждали Пизона поспешить в лагерь или взойти на трибуну и попытаться поднять солдат или народ на восстание против Нерона. Но у него не хватило энергии на такой шаг, и он задержался дома, пока его дом не окружили солдаты. Тогда он перерезал себе вены, оставив завещание, в котором ради своей жены, распутной женщины, он выражал грубое восхищение Нероном. Латеранус умер как герой, в глубоком молчании; и хотя трибун, председательствовавший на казни, был одним из заговорщиков, он никогда не упрекал его.

Но объектом самой смертельной вражды Нерона был Сенека. Все, что было против этого прославленного человека, заключалось в том, что Наталис сказал, что Пизон однажды послал его к Сенеке, который был болен, чтобы посмотреть, как он себя чувствует, и пожаловаться на то, что тот не пустил его, а Сенека ответил, что частые встречи не идут на пользу ни тому, ни другому, но что его здоровье зависит от безопасности Пизона. Трибун Граниус Сильван (также один из заговорщиков) был отправлен к Сенеке, который в то время находился в своей вилле в четырех милях от Рима, чтобы допросить его о разговоре с Наталисом. Он застал его за столом с женой, Помпеей Паулиной, и двумя друзьями. Рассказ Сенеки совпадал с рассказом Наталиса; он сказал, что его намек был совершенно невинным. Когда трибун доложил об этом Нерону и его тайному совету — Поппее и Тигеллину — его спросили, не замышлял ли Сенека добровольную смерть. На его ответ, что тот не проявлял никаких признаков страха или беспокойства, ему приказали вернуться и предложить ему умереть. Говорят, что Сильван по дороге зашел к Фению и спросил его, следует ли ему подчиниться приказу, но Фений, с той же безвольностью, которая стала гибелью для всех них, велел ему подчиниться. Прибыв на место, Сильван послал центуриона с роковым приказом.

Сенека спокойно попросил принести ему завещание, но центурион не позволил ему это сделать. Тогда он сказал своим друзьям, что, поскольку не может выразить свое восхищение их достоинствами так, как хотел бы, он оставит им образ своей жизни, и если они будут следовать ему, то обретут славу добродетели и верности в дружбе. Он остановил их слезы, показав, что произошло только то, чего и следовало ожидать. Затем он обнял свою жену и начал утешать и укреплять ее, но она заявила о своем решении умереть вместе с ним. Невозмущенный ее великодушной преданностью и счастливым, что столь дорогой ему человек не останется подверженным опасностям и несчастьям, он дал свое согласие, и вены на руках обоих были вскрыты. Поскольку Сенека из-за своего возраста истекал кровью медленно, он велел вскрыть также вены на ногах и бедрах; и, поскольку он очень страдал, он убедил жену уйти в другую комнату; а затем, позвав писцов, он продиктовал речь, которая впоследствии была опубликована. Видя, что процесс идет очень медленно, он попросил своего друга, врача Стация Аннаея, принести ему приготовленный им сок болиголова и

выпил его, но он не подействовал. Наконец он вошел в теплую ванну, обрызгав при этом слуг, которые были рядом с ним, и сказав: «Я выливаю этот напиток Юпитеру-Освободителю». Жара вызвала обильное кровотечение, и его страдания наконец закончились. Его тело было сожжено без каких-либо церемоний, в соответствии с указаниями, которые он дал, когда был на пике своего процветания.

Паулина не умерла в это время, потому что Нерон, который не питал к ней вражды и хотел избежать обвинений в необоснованной жестокости, приказал спасти ее. Она пережила своего мужа на несколько лет, но ее лицо и кожа остались смертельно бледными из-за большой потери крови.

Военные не остались незамеченными. Фений Руф умер как трус; трибуны и центурионы — как солдаты. Когда Нерон спросил одного из них, по имени Субриус Флавий, что заставило его забыть свою военную клятву, тот ответил: «Я ненавижу тебя, — сказал он, — и не было солдата более верного, пока ты заслуживал любви. Я начал ненавидеть тебя, когда ты стал убийцей своей матери и жены, колесничим, актером и поджигателем». Ничто в этом деле не ранило Нерона так, как этот ответ доблестного солдата.

Консул Вестинус не был замешан в заговоре, но Нерон его ненавидел; и когда он сидел за ужином со своими друзьями, несколько солдат вошли, чтобы сказать, что их трибун хочет его видеть. Он встал, пошел в комнату, перерезал себе вены, вошел в теплую ванну и умер. Лукан, когда ему приказали умереть, также перерезал себе вены; когда он почувствовал, что его конечности становятся холодными, он вспомнил несколько стихов из своей «Фарсалии», которые подходили к его случаю, и умер, повторяя их. Сенеций Квинтиан, Сцевин и многие другие умерли; несколько человек были изгнаны. Наталис, Милихус и другие были вознаграждены; сенат проголосовал за обильные подношения, благодарности и т. д.

Однако эта раболепная организация пыталась предотвратить позор появления повелителя римского мира на сцене во время приближающихся пятилетних игр, предложив ему победу в песенном конкурсе и венец красноречия. Но Нерон сказал, что ему не нужны ни власть, ни влияние сената, что он не боится своих соперников и полагается на справедливость судей. Поэтому он пел на сцене, и когда народ принуждал его продемонстрировать все свои достижения, он выходил в театр, строго соблюдая все правила своего искусства, не садясь, когда уставал, не вытирая лицо в одежде, не плевая и не сморкаясь, и, наконец, согнув колени и двигая рукой, с притворным страхом ждал приговора судей.

В конце игр он в приступе гнева ударил ногой по животу беременную Поппею, что привело к ее смерти. Вместо того, чтобы сжечь ее тело, как это было принято в то время, он забальзамировал его самыми дорогими пряностями и поместил в мавзолей семьи Юлиев. Он сам произнес погребальную речь, в которой восхвалял ее за красоту и за то, что она была матерью божественного младенца.

Остальная часть года была отмечена смертью или изгнанием нескольких выдающихся личностей, а также эпидемией, унесшей жизни большого числа людей всех сословий и возрастов. «Смерть рыцарей и сенаторов, — отмечает Тацит, — была менее прискорбна; они как бы предвосхитили общий рок, жестокость принца».

[66 г. н. э.]

Первыми в следующем году (66 г.) умерли П. Антей, чьим преступлением было его богатство и дружба с Агриппиной; Осторий Скапула, прославившийся в Британии; Анней

Мелла, отец Лукана; Аниций Цереалис, Руфий Криспин и другие. Все они умерли одинаково, перерезав себе вены. Наиболее примечательной была смерть К. Петрония, человека, чья элегантность и вкус к роскоши снискали ему особую благосклонность Нерона, который считал его «арбитром элегантности» и ценил только то, что одобрял Петроний. Это вызвало зависть Тигеллина, и он подкупил одного из рабов Петрония, чтобы тот обвинил своего хозяина в дружбе со Сцевином. Конечно, это привело к его смерти, однако способ, которым он умер, был необычным. Он велел перерезать себе вены, затем завязать их, затем снова перерезать и так далее. Все это время он продолжал беседовать со своими друзьями, но не о бессмертии души или мнениях мудрецов, как Сократ или Сенека, а слушая легкие и развязные стихи. Он наградил некоторых из своих рабов, других подверг порке, пообедал, поспал; короче говоря, он сделал свою вынужденную смерть максимально похожей на естественную. Он не стал, как другие, в своем завещании льстить Нерону, Тигеллину или другим людям у власти, но написал отчет о пороках и преступлениях принца и двора под именами порочных мужчин и женщин и отправил его запечатанным императору. Он разбил свой перстень с печатью, чтобы он не мог быть использован для уничтожения невинных людей.

«После убийства стольких выдающихся людей, — говорит Тацит, — Нерон наконец попытался уничтожить саму добродетель, убив Трасея Пэта и Бареса Сорана». Первый, человек первобытной римской добродетели, был ненавистен ему не только за свои достоинства, но и за то, что он неоднократно публично выражал свое неодобрение его поступкам. Так, он покинул сенат, когда были приняты декреты по поводу убийства Агриппины, и не присутствовал на обожествлении и похоронах Пoppей. Помимо его добродетели, мы не знаем никаких других причин вражды, которые Нерон мог бы иметь к Сорану.

Обвинителями Трасея были Капито Коссутиан, которого он сделал своим врагом, поддержав киликийских депутатов, прибывших обвинить его в вымогательстве, и Марцелл Эприй, расточительный человек, обладавший красноречием. Римский всадник по имени Осторий Сабин выступил обвинителем Сорана. Время, выбранное для уничтожения этих выдающихся людей, совпало с прибытием парфянского принца Тиридата, который приезжал в Рим, чтобы получить диадему Армении, либо в надежде, что внутреннее преступление будет завуалировано внешней славой, либо, что более вероятно, чтобы дать восточному правителю представление о императорской власти. Фрасеас получил приказ не появляться среди тех, кто шел встречать царя; он написал Нерону, требуя сообщить, в чем его обвиняют, и утверждая, что он сможет оправдаться, если ему будет предоставлена такая возможность. Нерон в ответ сказал, что созовет сенат. Затем Трасей посоветовался со своими друзьями, идти ли ему в сенат или ждать своей участи дома. Мнения, как обычно, разделились; однако он не пошел в сенат.

На следующее утро храм, в котором заседал сенат, был окружен солдатами. Коссутиан и Эприус выступили в качестве обвинителей Трасея, его зятя Гельвидия Приска, Пакония Агриппина и Курция Монтана. Общее обвинение против них было скорее пассивной, чем активной нелояльностью, причем Трасей был представлен как соблазнитель и подстрекатель других. Затем выступил Осторий и обвинил присутствовавшего Сорана в дружбе с Рубеллием Плавтом и в неправомерных действиях при управлении Азией. Он добавил, что Сервилия, дочь обвиняемого, давала деньги гадалкам. Сервилия была вызвана в суд. Она признала правду, что продала свои украшения и отдала деньги гадалкам, но не в кощунственных целях, а только для того, чтобы узнать, удастся ли ее отцу спастись. Затем были вызваны свидетели, и среди них, к возмущению всех добродетельных людей, появился П. Эгнатий, клиент и друг Сорана, профессор стоической философии, который теперь продался, чтобы уничтожить своего благодетеля ложными показаниями.

Все обвиняемые, конечно, были осуждены: Трасий, Соран и Сервилия — к смерти, остальные — к изгнанию. Об обстоятельствах кончины Сорана и его дочери нам ничего не известно. Трасей, удержав свою жену Аррию от того, чтобы последовать примеру своей матери с тем же именем, умоляя ее не лишать их дочь единственной оставшейся опоры, велел вскрыть себе вены обычным способом; и когда кровь хлынула, он сказал присутствовавшему квестору: «Давайте выпьем за Юпитера Освободителя. Посмотри на это, молодой человек. Да отвратят боги это предзнаменование; но ты родился в такое время, когда целесообразно укреплять дух примерами стойкости». Он умер после долгих мучений.¹

Светоний оставил нам интересную картину личности извращенного существа, которое было причиной всех этих страданий.

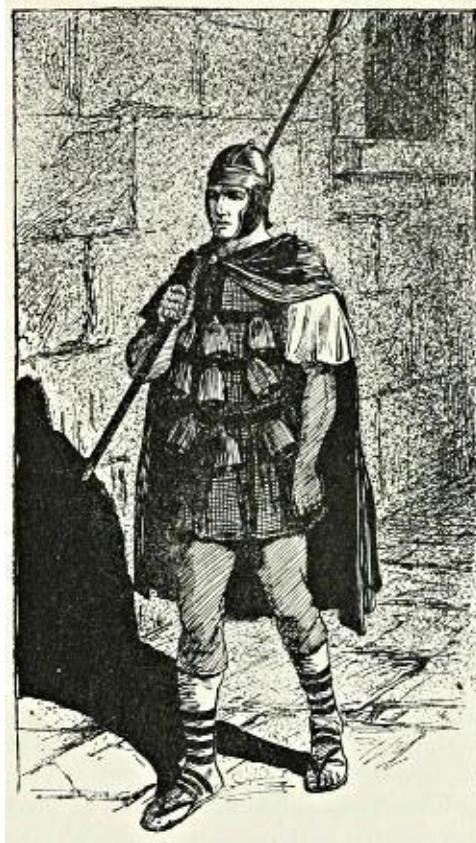
ЛИЧНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕРОНА, СОГЛАСНО СВЕТОНИЮ

[54-68 гг. н. э.]

По росту Нерон был немного ниже среднего; его тело было покрыто пятнами и имело неприятный вид; волосы были склонны к желтому цвету; лицо было скорее светлым, чем красивым; глаза были серыми и тусклыми, шея толстой, живот выпуклым, ноги очень тонкими, но телосложение здоровым. Несмотря на свою экстравагантную роскошную жизнь, за четырнадцать лет он болел только три раза, и то настолько незначительно, что не отказывался от вина и не вносил никаких изменений в свой обычный рацион. В одежде и уходе за собой он был настолько непристойным, что стриг волосы кольцами одно над другим, а когда был в Ахайе, отращивал их сзади, и появлялся на публике в основном в той одежде, которую носил за столом, с платком на шее, в свободном плаще и без обуви.

В детстве он изучал почти все гуманитарные науки, но его мать отвратила его от изучения философии, считая ее неподходящей для того, кто должен стать императором, а его учитель Сенека отговаривал его от чтения старых ораторов, чтобы он дольше оставался в восхищении от себя самого. Он был очень увлечен поэзией и сочинял стихи с удовольствием и легкостью; он также не публиковал, как некоторые думают, стихи других авторов под своим именем. У меня в руках были несколько его маленьких записных книжек с некоторыми хорошо известными стихами, все написанные им самим и написанные таким образом, что по пометкам и вставкам было совершенно очевидно, что они не были переписаны с копии и не были продиктованы кем-то другим, а написаны самим автором.

Он также имел большой вкус к живописи и лепке изображений, но больше всего он жаждал народного признания, соперничая с каждым, кто по каким-либо причинам пользовался популярностью у народа. Все были уверены, что после наград, которые он завоевывал своими выступлениями на сцене, в следующем пятилетии он примет участие в Олимпийских играх среди борцов. Ведь он постоянно тренировался в этом виде спорта; и он не посещал в Греции этот вид торжества иначе, чем судьи, сидя на земле в стадионе. И если пара борцов случайно выходила за пределы отведенного им места, он своими руками возвращал их на место.

Ночной сторож Рима, демонстрирующий колокольчики на своей куртке

К концу своей жизни он публично поклялся, что, если он продолжит мирно наслаждаться империей, то на играх, которые он намеревался устроить в честь своей победы над повстанцами, он выйдет на сцену, чтобы управлять водным органом, а также играть на флейте и волынке, а в день завершения этих развлечений сыграет свою роль в пьесе и станцует под историю Турна из Вергилия. А некоторые говорят, что он казнил актера Париса как опасного соперника.

Он имел непреодолимое, но капризное желание прославиться на все времена. Поэтому он взял от нескольких вещей и мест их прежние названия и дал им новые имена, производные от его собственного. Он назвал месяц апрель Неронеусом и имел намерение изменить название Рима на Нерополис.

Он считал, что богатство и деньги не имеют другого назначения, кроме как растрачивать их без меры; он считал всех тех, кто ограничивал свои расходы в разумных пределах, гнусными ничтожествами, а тех, кто растрачивал и разбрасывал все, что было у них, — поистине благородными и великодушными душами. Он никогда не носил одну и ту же одежду дважды. Он играл на четыреста тысяч сестерциев за каждое пятно, которое появлялось на тали. Он ловил рыбу золотой сетью, закрепленной на шелковых веревках самого тонкого алого цвета. Говорят, что он никогда не путешествовал с менее чем тысячей повозок, сопровождавших его с багажом: все мулы были подкованы серебром, а их погонщики были одеты в алые одежды из самой тонкой шерсти; а также многочисленная свита пеших слуг и африканцев с браслетами на руках, верхом на лошадях в роскошных упряжках.

Он презирал все религиозные культы, кроме культа сирийской богини, но в конце концов он так пренебрегал ею, что отверг ее, увлекшись другим суеверием, в которое он неизменно верил (). Получив от какого-то неизвестного плебея маленькую статуэтку девочки в качестве защиты от заговоров и обнаружив заговор сразу же после этого, он постоянно поклонялся своей воображаемой защитнице, принося ей три жертвы в день, как величайшей из богов. Он также хотел, чтобы люди думали, что он получает от этого божества знание о будущих событиях. За несколько месяцев до смерти он принес несколько жертв, чтобы проконсультироваться с внутренностями жертв, но так и не смог получить от них никаких благоприятных знаков.^d

ОЦЕНКА МЕРИВАЛЕМ НЕРОНА И ЕГО ВРЕМЕНИ

Юноша, который в возрасте семнадцати лет был призван управлять цивилизованным миром, изображен на бюстах и медалях как красивый, но, как отмечает Светоний, лишенный изящества и обаяния. Его волосы не были ярко-каштановыми, как у Аполлона, восхищавшего римлян, с которым его так часто сравнивали, а желтоватыми или песочными; его фигура, хотя и среднего роста, была непропорциональной, шея была толстой и чувственной, живот выпуклым, ноги тонкими. Его кожа, как добавляют, была пятнистой или угреватой, но это, по-видимому, было следствием неумеренности в поздние годы; его глаза были темно-серыми или зеленоватыми, а зрение слабым, что, возможно, объясняет хмурый взгляд, который, кажется, отличает его выражение лица. Несмотря на свои излишества, он до конца жизни оставался здоровым, и только из-за беспокойства о своем голосе он обвязывал горло платками, как убежденный болезненный человек. В его одежде смешивались неряшливость и нарядность; к укладке своих любимых локонов он относился с чрезвычайной тщательностью, укладывая их ярусами над макушкой и позволяя им спадать оттуда на плечи, что считалось не менее непристойным, или, по крайней мере, женоподобным, чем его свободный пояс, босые ноги и легкая домашняя одежда, в которой он не стеснялся появляться на публике.

Возможно, именно характером своего учителя и тем образованием, которое он, вероятно, получил от него, можно объяснить страстную любовь к восхищению, пусть и неверно направленную, которая отличала ученика Сенеки. Этой постоянной тревоге по поводу соперничества с конкурентами и желанию победить их, какими бы незначительными ни были объекты этого соперничества, можно приписать равнодушие, которое Нерон явно испытывал к титулу божества, на который, судя по его чрезмерной тщеславности, он мог бы претендовать. Он хотел, чтобы его восхищали как лучшего среди людей, а не поклонялись ему как богу. Он не мог быть Аполлоном и одновременно бороться за приз Пифийских игр; он не мог быть Гераклом и унести венок в Немее; он не мог быть Юпитером и одержать победу на великом состязании в Олимпии — отличия, к которым его душа стремилась с раннего периода его карьеры и которые, как мы увидим, он в конце концов достиг. Его придворные могли, если хотели, говорить о его сходстве с этими или другими божествами, но сделать его действительно божественным означало лишить его тех почестей, к которым он так стремился. Поэты могли предсказывать его апофеоз после смерти, и, без сомнения, в стихах Лукана, в то время его друга и товарища, он был вызван выбрать, каким богом он станет на небесах и где он установит свой трон, умоляя его занять место в центре вселенной, чтобы, если он хоть немного отклонится от центра, мир не был выбит из своего вечного равновесия его величественным весом — такие стихи, несомненно, были приняты как подобающая дань зародышу божественного существования, которое в будущем должно было расцвести. Но тот пыл, с которым Нерон стремился к отличиям среди смертных, сам по

себе был гарантией того, что он не узурпирует характер бесстрастного божества, которое не может ни наслаждаться триумфом, ни страдать от позора.

И хотя Тацит описывал Нерона как *жаждущего невероятного*, он не имел такой же страсти, как Калигула, к реализации кажущихся невозможными вещей, чтобы доказать свою сверхчеловеческую силу. Он не был движим в своей карьере чудес беспокойной и бесцельной гордостью. Как только он удалялся от сферы театральных представлений и состязаний, он не имел более высокого представления о своем положении, чем возможность накапливать, умножать или увеличивать самые обычные предметы роскоши. Утверждается, что он никогда не путешествовал с менее чем тысячей карет в своем кортеже. Его банкеты были похожи на банкеты знатных развратников того времени, но с еще более огромными расходами; в разгар своей расточительности он снабжал своих актеров масками или жезлами, покрытыми настоящими жемчужинами; он ставил четыреста тысяч сестерциев на один бросок костей; он купался в маслах и побуждал своих друзей тратить четыре миллиона только на духи для одного ужина. Его подарки фаворитам были суммами, во много раз превышающими те, что когда-либо давались фаворитам до него; его здания были с колоннадами длиннее, залами шире, башнями выше, чем те, что были построены его предшественниками. Его проект канала от Путеоли до Рима был бы лишь самым длинным из каналов; попытка, которую он предпринял в последнее время, чтобы проложить путь через Коринфский перешеек, была лишь повторением предыдущих попыток, ни лучше спланированных, ни более настойчиво претворяемых в жизнь.

В его планах не было ничего нового или оригинального. Нерон был лишен воображения, которое придает образу Калигулы ореол дикого величия. Предположение, что он сожг Рим специально, чтобы иметь возможность восстановить его еще более великолепным, было бы, как мне кажется, более применимо к его предшественнику, чем к нему самому. Но в пределах жалкой сферы своего убогого вкуса он претендовал на превосходство. Как мим или актер он не удовлетворялся ни одним классом ролей, ни одним видом представлений. Соревнуясь с Аполлоном в пении и с Солнцем в вождении колесницы, он стремился продемонстрировать мужество и силу Геракла, и для этого был подготовлен лев, накачанный наркотиками или накормленный до оцепенения, чтобы быть задушенным в его объятиях или убитым ударом его дубины. Он играл, пел, танцевал. Он настаивал на том, чтобы изображать мужчин и героев, богов и даже богинь. Влиять на женщин с помощью одежды, голоса и жестов было для него детским удовольствием, не сдерживаемым никаким чувством достоинства или приличия. Он перенял свои суеверия, а также одежду и привычки из Сирии, от своих парфянских и армянских гостей или от гадалек и некромантов легковверного Востока. Искусству магии он посвятил богатство, энергию, природные способности, короче говоря, все свои ресурсы; но природа, по словам Плиния, была для него слишком сильна. Его неспособность предсказывать будущее или воскрешать дух умерших была отмечена мудрецами как яркая демонстрация тщетности магических притязаний. Он не проявлял никакого уважения ни к привычным божествам Рима, ни к местам, освященным национальной религией; но он почитал сирийскую Астарту, пока в приступе раздражения не отказался от ее защиты и не оскорбил ее изображение. В конце концов, единственным объектом его почитания стала маленькая фигурка девочки, которую он всегда носил с собой как талисман, притворяясь, что узнает от нее секреты будущего.

Таковы были жалкие интересы этого увлеченного существа, жертвы развратной распущенности, ребенка, преждевременно задержавшегося в развитии как умом, так и телом (), окруженного на троне не генералами и государственными деятелями, а толпами рабов или вольноотпущенников, актерами и танцорами, утратившими всякое чувство приличия и стремящимися только к продвижению по службе за счет своего господина и всего человечества; преданный распутными женщинами еще более презренным лакеям и

управляемый самыми жестокими и развратными министрами. Гелий и Тигеллин, Дорифор и Спор — одни из самых ненавистных имен в императорской истории; даже смотреть на мерзости их карьеры было бы просто осквернением. Неудивительно, что, окруженный столь отвратительной компанией, он видел гордых граждан, падающих к его ногам, и мог воскликнуть, что ни один из его предшественников не знал пределов своей власти. Но хотя по приказу своего покровителя в честь этих печально известных спутников воздвигались статуи и арки, можно сказать в честь народа, что они получали гораздо меньше лицемерного поклонения, чем их предшественники, Сеян, Паллас и Нарцисс.

По крайней мере, в последние годы этого принципата, похоже, возникло заметное разделение между двором и знатью; сенаторы уклонялись от общения с человеком, который так открыто порочил свое имя и родословную; они избегали контактов с его развратными соратниками; они вступили в широкомасштабные заговоры против него, к чему их никогда не провоцировала тирания его предшественников; и они заслужили его раздраженное недовольство, сопровождавшееся многочисленными угрозами полностью уничтожить их сословие и передать провинции своим рыцарям и вольноотпущенникам. «Я ненавижу тебя, Цезарь, — восклицал самый утонченный из его льстецов, — потому что ты сенатор». Соответственно, этот император, несмотря на пышность и великолепие своих представлений и публичных выступлений, по-видимому, был в основном предоставлен на произвол своих личных фаворитов, защищаемых лишь отрядом шпионов и доносчиков, а также самой низкой частью избалованного населения, от всеобщего презрения уважаемых граждан.^[18]

Жестокость Нерона в последние годы была, пожалуй, тем более страшной, что казалась капризной. У него не было политических целей, которые можно было бы приписать Тиберию — он был неспособен к политике. За исключением того, что его убийства обычно были вызваны необходимостью или страхом и поэтому чаще всего касались богатых и влиятельных, трудно сказать, что один класс страдал от них больше, чем другой.

Однако, несомненно, сенат предоставил самый длинный список жертв жестокости тирана. Величайшие и благороднейшие были наиболее подвержены злему взгляду принца, который опускался на них как на публичных церемониях, так и на частных приемах, и отмечал их для принесения в жертву при каждом новом приступе плохого настроения. Проскрипции, которым подвергался этот орган при четырех цезарях из династии Клавдиев, значительно сократили его численность, по-видимому, даже больше, чем это компенсировалось обычными источниками пополнения. Клавдий, среди прочих своих реформ, стремился восстановить равновесие с помощью специальной меры, и, вероятно, именно в этом заключалась цель его реформы сената, последней из тех, о которых мы читаем; но упадок, должно быть, ускорился при Нероне, без каких-либо сдерживающих или противодействующих факторов. Нерон, безразличный как к прошлому, так и к будущему, не испытывал никакой озабоченности по поводу сохранения численности этого исторического собрания; и различные причины, помимо тирании императора, которые всегда способствовали уничтожению старейших семей, должны были с ужасающей силой воздействовать на увядающие ветви древней аристократии. Но если ее численность сократилась, то не менее сократились и ее занятия.

При слабой дисциплине Нерона и Тигеллина назначения на должности за границей были наградой за интересы и благосклонность, не руководствуясь ни рутинной, ни благоразумием; дома советы и комиссии, учрежденные Августом, вышли из употребления. Пенсии и синекуры, хотя такие коррупционные явления в Риме нам не известны по названию, несомненно, были в изобилии, но реальных дел становилось все меньше и меньше. Интриги

и хищения процветали на почве, защищенной от влияния общественного мнения и сильной руки центрального контроля.

Пассивное терпение, которое характеризовало поведение сената во время имперских гонений, кажется, свидетельствует о сознании своей вины перед государством, и он компенсировал свою монополию на бесспорные злоупотребления, склонившись под иго ревнивого и властного хозяина. В Сенеке мы не обнаруживаем никакой уверенности в сенате. Он никогда не говорит о нем как о живом хранителе добродетелей римского общества. И все же, несмотря на отказ от своих высоких прерогатив, сенат по-прежнему обладал моральной властью. Одно только его название могло пробудить ассоциации, которые заставляли сердце биться чаще. Люди древних родов и крови по-прежнему считали его истинной головой или сердцем империи, а не выскочек, таких как Клавдий или Домиций, которые могли носить пурпур и владеть мечом. Для людей слова и фраз император все еще был случайностью, а сенат — вечным фактом, в то время, когда риторика могла вызывать революции, хотя и не могла возродить общество. Для них он все еще был символом свободы, в то время, когда свобода и Цезарь рассматривались как два гладиатора с мечами в руках, сражающихся друг с другом в смертельном бою. Этот почтенный образ его древнего величия был сохранен для него самими проскрипциями, от которых он страдал; ибо всякий раз, когда убитый Скрибоний или Помпей заменялись на своих должностях Рубеллием, Лоллием или Вителлием, принцип его жизнеспособности фактически укреплялся притоком новой плебейской крови.

Так же быстро, как тиран требовал конфискации огромных поместий дворян и свержения великих семей, его прихоти и благосклонность возвышали новых людей из низших сословий, чтобы они унаследовали их титулы и соперничали с ними в своих обширных владениях. Нерон никогда не хранил свои деньги. Все, что он грабил и вымогал, было растрачено так же быстро, как и приобретено, и проникательные римские денежные магнаты всегда были готовы удовлетворить его потребности и переместить имущество его жертв в свои хранилища за небольшую часть его стоимости в наличных деньгах. Некоторые записи о огромных суммах, накопленных вольноотпущенниками Клавдия и его преемников, сохранились до наших дней; но вольноотпущенники были классом, который особенно не любили замечать, и вполне вероятно, что рыцари и сенаторы в то же время и благодаря аналогичным уступкам накапливали не менее огромные состояния, которые ускользнули от внимания истории. Хотя изнурительные процессы, которым подвергалось колоссальное имущество знати, в целом, должно быть, снизили средний размер их доходов намного ниже уровня, который был при республике и первых цезарях, мы не должны предполагать, что все шло в одном направлении или что эпоха Клавдия и Нерона не была также периодом больших частных накоплений. Богатство отдельных лиц и высших слоев общества в Риме, пожалуй, достигло своего пика в эту кульминационную эпоху.

Однако, спускаясь с высот римского мира, мы видим под ними простой народ, также переживающий социальную революцию, проходящий быстрый переход и представляющий элементы двух соперничающих классов или даже враждебных лагерей в лоне города. Клиенты и слуги старой знати, будь то освобожденные или свободнорожденные, по-прежнему составляли суть и основу республики; по-прежнему примыкая своими скромными жилищами к особнякам великих лордов, по-прежнему уважая их как своих покровителей и советников, по-прежнему посещая их приемы и ожидая ежедневной доли *sportula* у своих дверей, они считали их настоящими главами государства и приравнивали их к самому Цезарю. Смерть или изгнание их августейшего покровителя могло поразить их удивлением и возмущением, но когда они оглядывались вокруг и считали себя, они чувствовали свою

незначительность и молча сжимались под ударом. Они видели, что рядом с ними растет огромный класс беспризорных пролетариев, отбросов улиц и переулков, рабов, вольноотпущенников, иностранцев, людей низких профессий и позорных занятий или разорившихся, которые, не имея никого, кроме самого Цезаря, на кого можно было бы положиться, бросали вес своего числа на его чашу весов и зарабатывали его подачки и развлечения щедрыми ласками и поступками, соответствующими их обещаниям. Их называли лаццарони древнего Рима; в действительности, своей праздностью и нищенством они заслуживали это название, но они были нищими всемирной империи, и крошки, которыми они питались, падали со столов королей и принцев. Богатство миллионов подданных растрачивалось на этих нищих господ. В течение нескольких дней подряд, по случаю часто повторяющихся имперских праздников, среди них разбрасывали всевозможные ценности, тысячами разбрасывали редких и дорогих птиц, всевозможные продукты, дорогие одежды, золото и серебро, жемчуг и драгоценности, картины « », рабов и лошадей и даже прирученных диких зверей. Наконец, в ходе этой дикой щедрости, корабли, дома и поместья разыгрывались в лотерею среди этих слуг провидения Цезаря.

Эта расточительность сохранялась без ослабления на протяжении всего правления Нерона; если бы он на мгновение остановился, дни его власти были бы сочтены. Слухи о том, что он собирается покинуть Рим и отправиться на Восток, вызвали ропот недовольства и заставили его проконсультироваться с богами и притвориться, что знаки их недовольства удержали его от осуществления своего замысла. Когда же, как мы увидим, он наконец посетил Грецию, он оставил после себя доверенного министра, чтобы тот поддерживал поток его щедрости, любой ценой и любыми мерами грабежа. В отсутствии или в присутствии он бросал этим избалованным сторонникам часть каждого конфискованного состояния; император и его народ охотились вместе, и деление добычи, по-видимому, устраивало обоих в равной степени. Капризы, как ни были удары, которые он наносил вокруг себя, он заботился о том, чтобы никогда не обидеть именно этот класс, и даже обвинение в поджоге города не произвело большого впечатления на почти бездомную толпу, потери которой, по крайней мере, были полностью компенсированы грабежом. Клиенты осужденных дворян были эффективно сдержаны этой голодной толпой, вопящей над каждым трупом в надежде на пир. Нерон, находясь на пике своей тирании и тревоги, не нуждался в увеличении числа своих преторианцев; лаццарони Рима были его телохранителями, окружавшими его на всех публичных местах и охранявшими входы и выходы ворот его дворца.

Таковы были основные различия между классами в этот период среди римского народа, так называемых господ человечества, а за ними лежал большой мир провинциалов, их подданных. Но если они и были подданными по названию, то теперь они фактически стали истинным римским народом; только они сохранили реальную свободу действий в пределах империи; им было позволено трудиться, и они пользовались по крайней мере большей частью плодов своего труда; они редко видели ненавистное лицо императора и знали только по рассказам о отвратительном характере его придворных и их оргиях. И если иногда среди них и падал гром, то он поражал только самых высокопоставленных; народ был в безопасности, так как был невинен. Вымогательства проконсула в провинции не шли ни в какое сравнение по безрассудству и жестокости с беззастенчивым грабежом императора в столице, ближе к дому. Раздражительность жены проконсула с трудом терпели за границей, в то время как дома худшие злодеяния принца стимулировались женской алчностью. Налогообложение подданных, хотя и было в некоторых отношениях тяжелее, чем налогообложение граждан, по крайней мере было достаточно регулярным; чрезвычайные требования, которые Нерон предъявлял в связи с восстановлением Рима,

были исключением из обычной практики взимания налогов. Но, прежде всего, провинциалы поменялись местами со своими господами, став теперь вооруженной силой империи.

Римский всадник

Граждане почти перестали владеть мечом. Даже преторианцы набирались из Италии, а не из самого Рима; и среди них, несомненно, были тысячи иностранцев, отбросы провинций, которые бросились на берега Италии в поисках счастья в сфере, заброшенной ленивыми господами. Преторианец, как и пролетарий города, был очень любим императором. Он имел свои права и привилегии, которые ставили его выше всех других военнослужащих. В то время как легионер служил за десять *ассов* в день в течение тридцати или сорока лет, подвергаясь рискам войны, усталости и климата, и не обретал свободу и безопасность, пока возраст не поседел его волосы и не окоченели его конечности, преторианец жил спокойно в Риме под слабой дисциплиной стационарного лагеря; он получал двойное жалованье и имел право на увольнение после шестнадцати лет службы. Он получал регулярную долю зерна, случайные подарки, а также чрезвычайные пожертвования, когда появлялась возможность доказать свою верность. Тиберий, после падения Сеяна, дал ему 1000 *ассов*; Клавдий заплатил за пурпурную мантию суммой в 150 000 000 сестерциев; Нерон последовал этим примерам и установил их в качестве правила наследования; после свержения заговора Пизона он вознаградил своих преторианцев по 2000 сестерциев каждому. Так, будучи избалованными, избранные когорты гвардии стали самой твердой опорой принца, их создателя, и под влиянием военных традиций, от которых даже они не были освобождены, строго соблюдали свою присягу на верность. Эта верность, по их мнению, была обязана скорее самому императору, чем сенату и народу, которых они одинаково презирали; они были довольны властью создавать цезарей и пока были далеки от мысли о том, чтобы их снова свергать.

Но совсем иначе обстояло дело с легионами в провинциях. Легионер был еще менее римлянином, чем преторианец. Если в значительной степени новобранцы для пограничных лагерей все еще набирались из класса, обладавшего номинальным правом голоса в городе, то эти граждане — сами по большей части были новообладающими правом голоса провинциалами; они получили латинские или римские права в качестве милости от императора или, возможно, приобрели их ради своих налоговых льгот. Легионеры больше не были римлянами по крови или даже итальянцами. Их поддерживали многочисленные вспомогательные войска, явно иностранного происхождения, которые, как правило, переводились из своих домов в лагерь на удаленных постах: силуры и бриганты — на Дунай, тунгры и свевы — на границы Уэльса, иберийцы — на Евфрат, нумидийцы — на Рейн. Среди звона разнородных языков, раздававшегося по всему лагерю, латинский был наименее слышен и понятен.

Тем не менее, командование по-прежнему осуществлялось на латыни, и главные офицеры также были римлянами; привязанность этих солдат, давно отчужденных от императора и сената, была привязана к трибуну и легату; и ропот знати на родине, который вызывал сочувствие их соплеменников на границе, находил глубокий отклик в преданности этих сыновей орлов своим привычным вождям. Огромное расстояние между великими лагерями империи и частая смена их офицеров, а также мотивы ревности, которые императоры питали между собой, помогали предотвратить объединение этих легионов в общее дело, когда недовольство угрожало вспышкой в каком-либо конкретном районе. Они предприняли несколько частичных попыток сместить преторианцев, приведя к власти одного из своих вождей, но все подобные попытки до сих пор терпели неудачу из-за отсутствия согласия между ними. В ближайшем будущем их усилия увенчались большим успехом.

В 63 году НАШЕЙ ЭРЫ, как нам известно, Нерон готовился лично посетить Восток. Некоторые утверждали, что его целью было лишь увидеть чудеса Египта, а интерес граждан был как раз в то время направлен на эту загадочную страну благодаря открытиям исследовательской экспедиции, которая недавно поднялась по Нилу на девятьсот миль выше Сиены. Другие полагали, что он не имел намерения выходить за пределы Греции, но, по-видимому, его планы были гораздо более обширными, и он намеревался отправиться в места дислокации сирийских легионов, чтобы своим присутствием сдержать амбиции проконсула и, возможно, воспользоваться случаем, чтобы свергнуть его. Но каким бы ни был план Нерона, он был сорван, как мы видели, пожаром в Риме. События следующих трех лет уже были описаны: заговоры, которые были организованы против императора в его собственной стране, его удвоенные усилия по завоеванию благосклонности народа и его жестокая мера предосторожности по уничтожению всех выдающихся людей, которые могли бы стать центром новых интриг, направленных против него. В 66 году он наконец нашел время для осуществления своего плана путешествия, по крайней мере, до Греции, где он посещал публичные зрелища и удовлетворял свою страсть к танцам и пению перед разнородной публикой, проявляя еще меньшую сдержанность, чем дома. Все государства, в которых проводились музыкальные конкурсы, еще до его прибытия поспешили угодить ему, предложив свои призы, и Нерон принял их послов с наивысшими почестями и пригласил их к своему столу. Когда один из них попросил его продемонстрировать свое пение, и его мастерство было встречено восторженными аплодисментами, он заявил, что только греки имеют уши и только они заслуживают чести слушать его.

Нерон оставался в Греции до начала 68 года. Его сопровождали придворные и придворные слуги всех мастей, и, как утверждалось, многие из главных аристократов были приглашены сопровождать его, чтобы он мог убить их более безопасно вдали от города. Как бы то ни было, министры его роскоши и пособники его пороков составляли наиболее заметную часть его свиты, ибо он, по-видимому, еще более бесстыдно, чем когда-либо, предавался своим злодеяниям среди презираемых греков. Великая амбиция императора, теперь следующего по стопам Муммия, Фламинина, Агриппы и Августа, заключалась в том, чтобы получить звание *Periodonicus*, или победителя во всех играх; в честь него соревнования, которые проводились в последующие годы в Олимпии, Немее, Дельфах и Коринфе, должны были проходить во время его пребывания в стране. И это было не единственное допущенное нарушение. В Олимпии он потребовал провести музыкальный конкурс, которого там никогда раньше не было; на Истме он участвовал в соревнованиях по трагедии и комедии, что также противоречило местным обычаям. Усилия Нерона не ограничивались игрой, пением и актерским мастерством. Он также выступил в роли колесничего и не постеснялся принять приз, даже когда он упал с колесницей и лошадьми на землю. Куда бы он ни пошел, он бросал вызов самым известным артистам, чтобы состязаться с ним, и вымогал каждый приз у каждого соперника. Римский консул исполнял роль глашатая и провозглашал перед изумленными ушами Греции: «Император Нерон — победитель, и он венчает народ Рима и мир, который принадлежит ему».

Лесть греков заслуживала существенного признания, и Нерон был готов пойти на жертвы ради этой цели. Он договорился с сенатом об обмене провинциями, отказавшись от императорской тюрьмы на Сардинии и получив взамен префектуру Ахайи. Затем он провозгласил на форуме в Коринфе свободу и неприкосновенность провинции, а своим судьям присвоил честь римского гражданства и щедрые денежные подарки. Другой проект, приписываемый ему, великолепный и полезный сам по себе, возможно, не имел в его уме иной цели, кроме как сделать его знаменитым в истории; почти у любого другого человека мы бы искали для этого более достойного мотива. Это было прорезание Коринфского перешейка, мера, которая часто предлагалась и предпринималась, но никогда не осуществлялась. Работы были начаты, к ним были привлечены каторжники, среди которых был и ученый стоик Мусоний Руф, перемещенный из Гиаруса, куда он был сослан как соучастник заговора Пизона, и которого другой философ видел, как он работал лопатой и киркой. Но ученые из Египта заверили императора, что, если работа будет выполнена, воды Коринфского залива, которые выше Саронического, затопят остров Эгина, и после отъезда Нерона от этого замысла быстро отказались. Римляне расценили эту неудачу как наказание, возможно, за его неестественную гордость. Начав работы с жертвоприношения, он, как было отмечено, в знак своей ненависти к сенату, просто помолился, чтобы все прошло хорошо для императора и народа Рима.

Однако не исключено, что в этом визите в Грецию был политический мотив, подобный тому, который предполагался в экспедиции Гая в Галлию. В Иудее вспыхнули новые беспорядки; жестокость Гессия Флора вызвала мятеж, который Цестий Галл отправился подавлять из Антиохии в Иерусалим. Но здесь он столкнулся с вооруженным народом () и был внезапно побежден и убит. Евреи были воодушевлены успехом и не надеялись на помилование; вскоре стало очевидно, что началась великая война, которая должна была решить судьбу их страны, а вместе с ней и судьбу Римской империи на Востоке, столь часто угрожавшую, столь долго откладывавшуюся. Но Корбулон был почти на месте; его легионы были могущественны, а его имя еще могущественнее; такие силы под таким предводителем могли выполнить работу Рима в любом месте. Тем не менее, ревность несчастного принца

преобладала над всякой заботой об интересах своей страны. Он трепетал от увеличения влияния, которое эта новая война могла принести его грозному проконсулу. Именно в этот момент он решил лично явиться на порог своей провинции и вызвать человека, которого он боялся, для сопровождения его в Грецию. В то же время он приказал Веспасиану, который уже отличился в британской войне, но пока не приобрел опасного превосходства, взять на себя командование войсками, предназначенными для Палестины. Корбулон, должно быть, знал, что его сместили; он, должно быть, воспринял свой вызов как позор; он, должно быть, предчувствовал личную опасность. Однако даже если бы он знал, что каждый его шаг на запад приближает его к гибели, его верность как солдата была настолько велика, что он без колебаний подчинился бы приказу. Едва он прибыл в Кенхреи, порт Коринфа, как его встретили посланцы Нерона с приказом казнить себя. Без ропота он вонзил меч в свое сердце, воскликнув при этом: «Справедливо!» [67 г. н. э.].

Доблестный Корбулон был не единственной жертвой тирана. В то же время он вызвал двух братьев, Руфа и Прокула, из великого рода Скрибониев, которые командовали в двух Германиях, чтобы встретиться с ним в Греции под предлогом обсуждения с ними государственных дел. На самом деле это был приказ о возвращении, и сопровождавший его предлог вряд ли мог их обмануть; тем не менее, они тоже подчинились с той же готовностью, что и Корбулон, и попали, возможно, невольно, в ту же ловушку. Против них были выдвинуты конкретные обвинения, но им не дали возможности ответить на них, и не разрешили увидеться с императором. В отчаянии они покончили с собой.

Хотя во время своего пребывания в Греции Нерон объездил всю провинцию в разных направлениях, было замечено, что он воздерживался от посещения Афин и Спарты. В отношении города Ликурга утверждалось лишь, что он держался от него подальше, чтобы строгость его обычаев не оказалась для него обременительной; но он не осмеливался войти в обитель Эриний из страха их мести за свои преступления. Другой рассказ гласил, что его удержали от посвящения в мистерии Элевсина, которые были запрещены, под страшными проклятиями, нечестивым и нечистым. Эти ужасные легенды древнегреческой античности нашли лишь слабое и смутное отражение в Италии. Для латинян или сабинян не имело большого значения, от Афин или Элевсина уклонился убийца, перед какими он трепетал — перед мстительными фуриями или чистой богиней мистерий. Дайте народу свободу, говорили они, чтобы он мог высказывать то, что он действительно думает, и кто же настолько низок, чтобы колебаться между Сенекой и Нероном — Нероном, который не раз заслуживал мешка, змеи и обезьяны, орудий смерти за отцеубийство. Правда, Орест по божественному велению убил свою мать, но он, по крайней мере, отомстил за смерть отца, а Нерон участвовал в убийстве Клавдия; Орест пощадил хотя бы свою жену и сестру, а Нерон убил и ту, и другую; Орест не травил родственников — Нерон подмешивал аконит многим; и, прежде всего, Орест никогда не пел на сцене и не воспевал, как Нерон, падение Илиона. Похоже, это было венцом и кульминацией его преступлений, последним и худшим из унижений, которые он нанес Риму; это было деяние, за которое меч мстителя был вынут наиболее уместно. «Ибо таковы, — восклицает Ювенал, — таковы были поступки, таковы были искусства нашего высокородного принца, гордящегося тем, что унижает себя на чужой сцене и зарабатывает ничтожные венки греческих игр. Пусть он положит перед изображением Домиция мантию Тиеста, маску Антигоны или Меланиппы; пусть он повесит свою вотивную лиру на мраморную статую Августа».

Под этой завесой риторики скрывается истина, которую должно отметить историческое исследование. Римляне из века в век смотрели на свою эпоху в совершенно ином свете, чем она предстала потомкам. Представление Ювенала о том, что актерское мастерство и пение Нерона были на самом деле его самыми вопиющими злодеяниями, без сомнения, даже в его собственное время воспринималось как дикое преувеличение; тем не менее, оно указывает

на принцип, который тогда еще был в силе, практической религии древности, принцип веры в свои социальные традиции. Римляне были настолько привычны к жестокости и угнетению, что зверства Нерона в этом отношении, столь мучительные для наших чувств, не производили на них большого впечатления; но его осквернение их национальных нравов, его отказ от *mos majorum*, обычаев своих предков, потрясал их как безбожие или святотатство. Они не осознавали, насколько далеко они действительно отклонились от обычаев древности, сколько чужеродного яда они впустили в свои вены. Теоретически они по-прежнему с лицемерным ужасом относились к обычаям чужаков; иностранные обычаи могли быть невинными, даже похвальными, на своей родине, но вводить их в Риме было чудовищным грехом, грехом не против богов, в которых они уже не верили, а против нации, в которую они верили, пожалуй, сильнее, чем когда-либо. Государство или нация постепенно приобретали в их глазах личность отдельного божества, в котором поглощались все другие божества; эллинизм, которым хвастался Нерон, был отступничеством от богини Ромы.

Римский бронзовый чайник

Греки, с другой стороны, как можно предположить, относились к капризам своего имперского гостя с большей снисходительностью; они были привычны к лести, и в данном случае у них было некоторое оправдание для лести, столь льстивой для них самих. Его жалкие пороки, которые он демонстрировал перед ними, были слишком похожи на их собственные, по крайней мере в период их коррупции, чтобы вызвать сильное моральное осуждение. Тем не менее, если верить нашим источникам, он нашел более эффективные способы вызвать у них отвращение. Имперская тирания всегда сопровождалась, как тень, расточительными и роковыми расходами. Казалось, она не могла двигаться без сопровождения толпы гарпий, постоянно требующих свою добычу с ненасытным аппетитом. Каждый день требовал новых грабежей; каждый день проскрипции и конфискации показывали нужды принца, и если на мгновение они ослабевали из-за нехватки жертв, его руки накладывались на памятники искусства, на все предметы, на которые можно было выручить деньги по всей преданной земле. Храмы, а также жилища и форумы Греции были вновь разграблены в поисках самых дорогих и дорогих сердцу сокровищ, которые продавались с аукциона тому, кто предложил самую высокую цену, или выкупались по завышенным ценам их несчастными владельцами. Греция была бессильна сопротивляться, и ее ропот заглушался овациями наемных аплодирующих; но она глубоко чувствовала свою обиду, и мнимая милость свободы, сопровождавшаяся ненадежной

неприкосновенностью, рассматривалась, пожалуй, скорее как оскорбление, чем как благодеяние.

Можно было надеяться, что по крайней мере Рим снова вздохнет свободно во время отсутствия своего ненавистного мучителя. Но, как мы уверены, это было так же далеко от него, как и раньше. Его положение стало еще более плачевным. Император передал управление Италией вольноотпущеннику по имени Гелий, и этот фаворит проявлял жестокость и грабеж по своему произволу, даже не удостоив принца заранее спросить его мнения о казнях и конфискациях, которые он приказывал. Однако Гелий не был неверным интересам своего господина. При первых признаках опасности, вызванных недовольством в городе или провинциях, которые наконец начали угрожать, он убеждал его поспешить вернуться в столицу, и только упрямство Нерона отложило его возвращение на несколько месяцев. «Ты предупреждаешь меня, ты умоляешь меня, — ответил увлеченный несчастный, — снова явиться в Рим; нет, ты должен скорее отговаривать меня от возвращения, пока я не пожну весь свой урожай лавров». Этот урожай еще не был собран, и крики стража города, уже дрожащего за судьбу империи, были проигнорированы, пока в Греции еще оставался стадион, который нужно было пройти, или венок, который нужно было завоевать. Однако в начале 68 года положение дел стало еще более серьезным. Считалось, что в армиях Запада процветают заговоры с целью свержения правительства. Руководители администрации в Риме не знали, кому из своих офицеров в Галлии или Испании доверять. На высшие классы столицы опустилась глубокая мрачность; настроение самого народа, столь долгое время поддерживавшего тиранию Нерона, было неопределенным. Гелий снова настоятельно призывал его ускорить возвращение. Он переправился в Грецию, чтобы лично посоветоваться с ним. Он повторял свои просьбы с все большим упорством. Наконец, когда казалось, что из Греции больше нечего добыть ни славы, ни добычи, Нерон соизволил сесть на корабль, хотя сезон плавания еще не начался, и прорвался на своем корабле через бурные моря к гавани Путеоли.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НЕРОНА В ИТАЛИЮ И ТРИУМФАЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ В РОМ

В Дельфах он спросил оракула о своей будущей судьбе и, как нам рассказывают, получил предупреждение о семидесятом третьем году, что для тридцатилетнего юноши казалось предзнаменованием долгой жизни, но впоследствии оказалось иметь другое, роковое значение. Однако, укрепившись в этом заблуждении, он вернулся в Италию без особой тревоги, и когда некоторые из драгоценных предметов, которые везли в его свите, были потеряны в результате кораблекрушения, он хвастался в полной уверенности в себе, что рыбы сами их вернут. После потери и восстановления Британии и Армении его уверенность в своей удаче, как говорят, стала безграничной. Он помнил, что именно в Неаполе он начал свой долгий путь художественных побед. Теперь, достигнув вершины славы, он решил отпраздновать свои успехи триумфальным въездом в столицу Кампании на упряжке молочно-белых лошадей. Стены были снесены, чтобы пропустить колесницу Иероника, и та же экстравагантность повторилась, когда он въехал в Антиум, его родной город, и в Альбанум, его любимую резиденцию, и еще раз, когда он явился перед Римом. Он проехал по городу с помпой, в колеснице, в которой триумфировал Август, с флейтистом Диодором по бокам, одетым в пурпурную мантию и плащ, сверкающий золотыми звездами, с олимпийской короной на голове и пифийским венком в руке. Ему предшествовала длинная процессия слуг (), несущих его другие венки и титулы всех его побед; за ним следовали пять тысяч его *августанов* (*augustani*), громко и размеренно приветствуя его, как солдаты, разделявшие его славу. Процессия прошла через Цирк, некоторые арки которого были снесены, чтобы пропустить ее, и оттуда к Велабруму и Форуму, огибая подножие Палатина

до Porta Мугионис, главного подъема к холму и храму Аполлона на его вершине. Жертвоприношение, бросание благовоний и все другие сопутствующие военному триумфу церемонии были должным образом соблюдены в этой мнимой торжественности; статуи императора были украшены венками и лирами; граждане приветствовали своего героя титулами Нерон-Аполлон , и Нерон-Геркулес, призывая его божественный голос и провозглашая всех, кто его слышал, благословенными. Дело было завершено чеканкой медалей, на которых Нерон был изображен, к позору и ужасу всех истинных патриотов, в одежде флейтиста.

НЕДОВОЛЬСТВО В ПРОВИНЦИЯХ

[68 г. н. э.]

Но час возмездия был близок. Несмотря на раболепную лесть сената, триумфы и мольбы, которые он предписал, Нерон чувствовал себя неловко из-за уже не сдерживаемых ропотов и нескрываемой мрачности, которая теперь окружала его в столице, и удалился из Рима в более свободную Кампанию. Между тем недовольство, сдерживаемое в городе, находило выход в провинциях, а лагеря, переполненные родственниками осмеянных и обиженных сенаторов, зрели планы мести. Среди наиболее выдающихся офицеров, которые в то время занимали командные должности и пользовались доверием своих солдат, был Сервий Сульпиций Гальба, который в течение нескольких лет управлял Иберией. Связанный с первыми семьями Рима и происходящий из рода многих героев лагеря и Форума, этот человек пользовался большим уважением у народа и восхищением самих императоров за свою храбрость, умение и строгость. Он заслужил благодарность Калигулы за энергию, с которой в критический момент он укрепил дисциплину в рейнских лагерях; еще большую благодарность он заслужил у Клавдия за то, что отказался от предложения своих солдат возвести его в императоры после смерти Калигулы. Он командовал в Аквитании и в течение двух лет был проконсулом Африки; он получил триумфальные украшения и был принят в священнические коллегии Титиев, Квиндецемвиров и Августалов. Насытившись годами и почестями, он ушел из государственной службы в первую половину правления Нерона, пока не был призван возглавить Тарраконскую провинцию. Он исполнял свои полномочия с бдительностью и суровостью, которые, возможно, были благотворными, пока растущая ревность императора не заставила его скрыть свою репутацию под покровом лени или даже халатности, и таким образом он избежал участи Корбулона и дожил до мести за него. Гальбе было семьдесят три года. Сообщалось, что в детстве его привели вместе с другими молодыми аристократами поприветствовать пожилого Августа, и император, шутливо взяв его за щеку, сказал: «И ты тоже, дитя, однажды вкусишь нашу империю». Тиберий, как добавляли, узнал от гадателей о великолепной судьбе, которая ждала его в старости, но самодовольно заметил, что для него самого это не имеет значения. Нерон, которого эти предсказания касались более непосредственно, либо забыл о них, либо был усыплен ложной уверенностью в их недостоверности.

В начале зимы 68 года, пока Нерон еще находился в Греции, Гальба получил предложение от К. Юлия Виндекса, префекта Дальней Галлии, о одновременном восстании. Виндекс сам был галло-римлянином, потомком королевского рода в Аквитании, усыновленным императорским родом; но, впитав в себя гордость римлянина, он сохранил буйный нрав своих предков; и злодеяния Нерона, без сомнения усугубленные в его глазах его притеснениями в самой Галлии, пробудили в нем решимость свергнуть его, не стремясь к личному возвышению. Конечно, время, когда иностранец мог даже задумываться о завоевании пурпура, было еще далеко. Но он остановил свой взор на Гальбе, как на самом

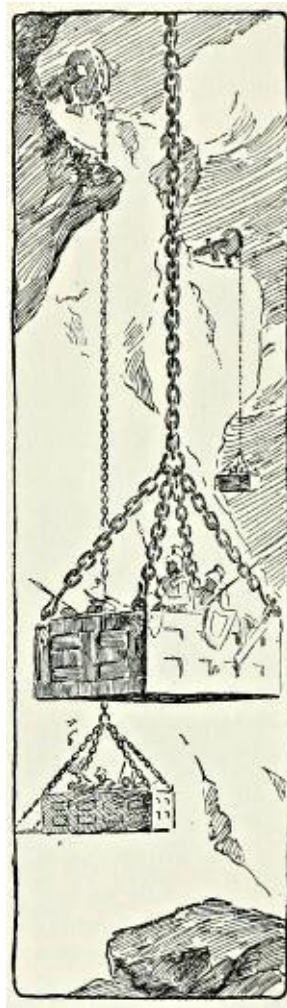
способном из тех, кого судьба могла сделать императором, и с досадой обнаружил, что старый вождь слишком осторожен, чтобы броситься в восстание, исход которого казался столь сомнительным.

У Гальбы действительно были веские причины для колебаний. Нерон назначил награду за голову Виндекса, чьи замыслы были быстро раскрыты, и хотя войска галльской провинции были готовы последовать за своим вождем, более мощные легионы Нижней Германии под командованием Виргиния Руфа были в полном марше против них. Армии встретились в Везонтио, и там Виндекс и Виргиний на частной встрече договорились о совместном заговоре, но их войска не смогли прийти к такому соглашению; виргинийцы напали на солдат Виндекса и почти всех их перебили. Тогда Виндекс, с присущей его расе поспешностью и легкомыслием, бросился на свой меч, и восстание на мгновение казалось подавленным.

ГАЛЬБА ПРИЗНАН ИМПЕРАТОРОМ СВОИМИ СОЛДАТАМИ

Но Гальба начал опасаться за свою безопасность. Он получил сообщения от мятежника, все действия которого были хорошо известны правительству. Его призывали провозгласить себя императором, и никакой отказ с его стороны не мог стереть преступление, состоявшее в том, что он был признан достойным такой чести. Действительно, по крайней мере, так он утверждал, он уже перехватил приказ Нерона убить его, и заговор с целью его убийства был своевременно раскрыт среди группы рабов, подаренных ему вольноотпущенником императора. Таким образом, вынужденный позаботиться о своей безопасности, он созвал свои войска и, поставив перед ними изображения самых благородных жертв тирана, произнес перед ними речь о состоянии государственных дел. Солдаты приветствовали его как императора, но он позволил называть себя только легатом сената и народа. Однако он сразу же приступил к отсрочке всех гражданских дел и подготовке к немедленной войне, набрав войска, как легионерские, так и вспомогательные, из молодежи провинции. В то же время он созвал знатных людей страны, чтобы, возможно, придать гражданский характер своему военному предприятию. Галльские и германские легионы, вновь объединившиеся после смерти Виндекса, предложили возвести Виргиния на пурпур; они умоляли его принять титул императора и высекли на его бюстах имена Цезаря и Августа. Но он упорно отказывался от навязанных ему почестей, стер неприятные буквы и в конце концов убедил своих поклонников оставить решение дел властям на родине. Однако он вступил в контакт с Гальбой, который, по-видимому, уже решился на попытку, и повсюду распространилась весть о том, что Галлия и Испания подняли восстание и что империя безвозвратно ушла от чудовища Нерона.

Сразу же стало ясно, сколько претендентов на власть могло быть в провинциальных лагерях. Роковая тайна империи, заключавшаяся в том, что принц мог быть создан не в Риме, так долго остававшаяся нераскрытой и, как предполагалось, столь чуждой духу времени, была раскрыта не в одном месте. Не только в Галлии и Испании, но и в Африке и Нижней Германии, легионы были готовы провозгласить императором своего вождя. Клодий Мацер в одном, Фонтей Капито в другом были провозглашены солдатами. В то же время Сальвий Отон, давний фаворит Нерона, уставший от долгого забвения на берегах Атлантики, объявил себя сторонником Гальбы и предоставил ему своих рабов и серебро, чтобы увеличить его свиту и ресурсы. Гражданские войны начались снова.

РИМСКИЙ МЕТОД АТАКИ СВЕРХУ

Таково было развитие недовольства, первые признаки которого были открыты Гелиусу еще до конца 66 года и побудили его убеждать императора, сначала письмом, а затем лично, поспешить домой. Нерон, как мы видели, не мог быть убежден отнестись к ним серьезно или отложить свои ничтожные удовольствия и развлечения для их рассмотрения. После возвращения в Рим он в марте 68 года снова покинул его и отправился в Неаполь, и именно 19 числа того же месяца, в годовщину убийства Агриппины, во время председательства на гимнастическом представлении, он получил известие о восстании Виндекса. Тем не менее он отнесся к этому сообщению с презрением и даже выразил удовлетворение перспективой новых конфискаций. Он с неизменным интересом наблюдал за соревнованиями, а затем удалился на банкет. Прерванный новыми и более тревожными депешами, он отнесся к ним с раздраженным недовольством; в течение восьми дней он не издавал приказов и не хотел разговаривать на эту тему. Наконец пришло заявление от самого Виндекса, которое побудило его послать сообщение в сенат с требованием объявить мятежника врагом народа; но он извинился за то, что не явился лично, сославшись на простуду или боль в горле, которые он должен был лечить, чтобы сохранить голос. Ничто так не возмутило его, как то, что Виндекс назвал его Агенобарбом вместо Нерона и пренебрежительно отозвался о его певческих способностях. «Слышали ли они когда-нибудь лучшего исполнителя?» — раздраженно спросил он всех вокруг. Теперь он поспешил в Рим, дрожа от страха, но, как нам рассказывают, по дороге его успокоила скульптура, изображавшая галльского солдата, тащимого вниз головой римским всадником. Соответственно, с присущей ему легкомысленностью, вместо того чтобы проконсультироваться с полным составом сената

или выступить с речью о положении дел на Форуме, он провел беглую беседу лишь с несколькими своими вельможами и провел день в « », объясняя им новый водный орган, на котором он, по его словам, «с доброго разрешения Виндекса» собирался выступить публично. Он достроил и посвятил храм Поппее: он снова устроил игры в цирке, снова играл и пел, и управлял колесницей. Но это было в последний раз. Виндекс пал, но Гальба, как теперь было объявлено, поднял знамя восстания. Имущество мятежника в Риме было немедленно конфисковано, на что он ответил продажей под копьями императорских поместий в Испании. Час возмездия, долго откладывавшийся, теперь быстро приближался; курьер за курьером мчался через ворота, принося вести о переходе генералов и легионов на сторону мятежников. Восстание Виргиния уже не вызывало сомнений. Услышав эту весть, слабый тиран потерял сознание; придя в себя, он разорвал свои одежды и ударил себя по голове, издавая трусливые стоны. На утешения своей кормилицы он ответил криками младенца: «Никогда еще не было такой несчастной судьбы, как его; другие цезари пали от меча, а он один должен потерять империю, оставаясь в живых». Наконец он пришел в себя настолько, что смог созвать войска из Иллирии для защиты Италии, но оказалось, что они были в сговоре с врагом. Другим средством, которое только показало, в какое бедственное положение он попал, было высадить моряков с флота в Остии и сформировать из них легион. Затем он призвал избалованное население подняться на его защиту и нарядил куртизанок и танцовщиц в костюмы амазонок, чтобы они сопровождали его поход; в следующий момент он воскликнул, что сядет на корабль в Александрию и будет зарабатывать на жизнь пением на улицах. Затем он снова начал ругать магистратов, находящихся за границей, угрожая отозвать их и опозорить по всей своей империи; он собирался отдать провинции на разграбление, убить всех галлов в городе, расправиться с сенатом, натравить львов на народ и превратить Рим в пепел. Наконец, исчерпав свой тиранический запал, он предложил, как женщина, встретиться с мятежниками без оружия, полагаясь на свою красоту, слезы и убедительный тон голоса, чтобы склонить их к послушанию.

Между тем волнение среди всадников и сенаторов в связи с перспективой освобождения шло в ногу с прогрессом восстания за границей. Перед их дверями происходили предзнаменования. Кровь пролилась на Альбанской горе; ворота гробницы Юлиев сами по себе распахнулись. Сто дней Нерона быстро подходили к концу. Он высадился в Италии примерно в конце февраля, а теперь, в начале июня, его дело уже стало безнадежным. Гальба, хотя и был непоколебим в своем решении, еще не привел свои войска в движение; тем не менее, Нерон больше не был в безопасности в городе. Народ, сначала безразличный, теперь громко протестовал против него, потому что в городе не хватало продовольствия, а судно, только что прибывшее из Александрии, к их негодованию, оказалось не с зерном, а с мелким песком для борцов в амфитеатре. Преторианцы были соблазнены своим префектом Нимфидием, которому Тигеллин, бежав, оставил лагерь. Нерон остался без советников; сенаторы держались в стороне; о Гелиусе, недавно столь могущественном и энергичном, мы ничего не слышим. Испуганный снами, уязвленный насмешками и изменой, когда его последняя надежда на помощь оказалась обманчивой, несчастный тиран вскочил с дивана во время ужина, опрокинул столы и разбил на полу свои лучшие сосуды; затем он взял яд у Локусты, поместил его в золотой ларец, перешел из дворца в Сервийские сады и послал своих самых верных вольноотпущенников за галерой в Остию. Он умолял некоторых трибунов и центурионов с горсткой стражников присоединиться к его бегству, но все отказались, и один из них, более резкий, чем остальные, воскликнул насмешливо: «Неужели так трудно умереть?»

СМЕРТЬ НЕРОНА

Наконец, в полночь, обнаружив, что даже часовые покинули свои посты, он послал или сам поспешил собрать своих слуг. Все двери были закрыты; он стучал, но ответа не было. Вернувшись в свою комнату, он обнаружил, что рабы сбежали, мебель разграблена, а ящик с ядом исчез. Ни одного стражника, ни одного гладиатора не было под рукой, чтобы перерезать ему горло. «У меня нет ни друзей, ни врагов», — воскликнул он. Он хотел броситься в Тибр, но мужество его подвело. Ему нужно время, сказал он, и покой, чтобы собраться с духом для самоубийства, и его вольноотпущенник Фаон наконец предложил ему свою виллу в пригороде, в четырех милях от города. В пижаме и босиком, накинув на плечи грубую накидку и повязав на лицо платок, он проскользнул через двери, сел на лошадь и в сопровождении Спора и трех других человек выехал из городских ворот на рассвете летнего утра. Дорога Номентана привела его под стены преторианцев, которых он мог слышать, как они произносили проклятия в его адрес и клялись верностью Гальбе; а ранние путешественники из сельской местности, встречая его, спрашивали: «Какие новости о Нероне?» или замечали друг другу: «Эти люди преследуют тирана». Гром, молния и толчок землетрясения добавили ужаса этому моменту. Лошадь Нерона вздрогнула, увидев труп на обочине дороги, платок упал с его лица, и проходящий мимо преторианец узнал его и поприветствовал.

На четвертом мильном столбе отряд покинул шоссе, спешил и пошел пешком через камышовый заросли, стелив под ноги свои плащи, к задней части обещанной виллы. Фаон теперь хотел, чтобы Нерон притаился в песчаной яме поблизости, пока он ухитрится

открыть слив из ванной и таким образом пропустить его незаметно; но тот поклялся, что не пойдет живым, как он сказал, под землю, и остался дрожать под стеной. Набрав воду из лужи в ладонь, он сказал: «Это знаменитый напиток Нерона». Наконец была проделана дыра, через которую он на четвереньках пролез в узкую комнату дома и бросился на постель. Он не смог съесть предложенный ему грубый хлеб, но проглотил немного теплой воды. Он все еще медлил, а его товарищи призывали его без промедления искать убежище от оскорблений, которые вот-вот обрушатся на него. Он приказал им выкопать могилу и сам лег в нее, чтобы определить размеры; он попросил их собрать куски мрамора для украшения его гробницы, приготовить воду для омовения и дрова для сожжения его тела, вздыхая и бормоча: «Какой художник погибнет!»

В это время раб Фаона принес из Рима документы, которые Нерон вырвал у него из рук и прочитал, что сенат объявил его врагом и приговорил к смерти по древнему обычаю. Он спросил, что это такое, и ему ответили, что преступника раздевают, кладут его голову на вилы и бьют палкой до смерти. Ужаснувшись от этого известия, он достал из-под одежды два кинжала, проверил их острие один за другим и снова положил их, заявив, что момент еще не настал. Затем он призвал Спора начать похоронные плачи, потом умолял кого-нибудь из компании показать ему пример, снова и снова упрекая себя за свою трусость. «Фу! Нерон, фу!» — бормотал он по-гречески, «мужество, человек! Давай, пробудись!» Вдруг раздался топот всадников, посланных схватить преступника живым. Тогда, наконец, поспешно произнесся стих Гомера «Звук быстроногих коней бьет в мои уши», он приставил оружие к груди, и раб Эпафродит вонзил его в него.

Едва был нанесен удар, как ворвался центурион и, прижав свой плащ к ране, сделал вид, что пришел ему на помощь. Умиравший несчастный мог только прошептать: «Слишком поздно» и «Это твоя верность?», и с ужасным выражением лица испустил дух. Он завещал своим слугам сжечь его тело и не дать врагу унести его голову, и теперь ему было позволено это сделать; труп был сожжен в спешке и не до конца, но, по крайней мере, без увечий.

Нерон погиб 9 июня 68 года нашей эры в возрасте тридцати лет и шести месяцев, на четырнадцатом году своего правления. Ребенок, рожденный ему Поппеей, умер в младенчестве, а последующий брак со Статилией Мессаллиной оказался бездетен. Род Юлиев, тщетно обновленный прививками от Октавиев, Клавдиев и Домициев, сократился до его единственной личности, и с Нероном угас приемный род великого диктатора. Первый из цезарей был женат четыре раза, второй — три раза, третий — два раза, четвертый — снова три раза, пятый — шесть раз, и, наконец, шестой — также три раза. Из этих многочисленных союзов многие принесли потомство, но ни один из потомков не выжил. Некоторые дожили до старости, многие достигли зрелости, некоторые умерли от ранней болезни, другие погибли преждевременно и загадочно, но большая часть стала жертвой домашней ревности и политических убийств.

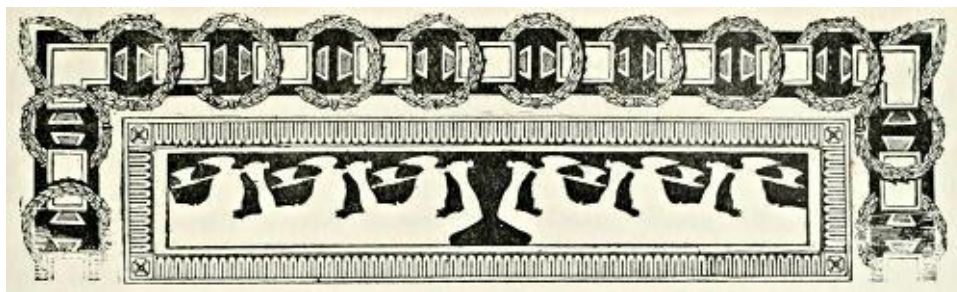
С Нероном мы прощаемся с Цезарями, и в то же время мы прощаемся с тем состоянием вещей, которое создали и поддерживали Цезари. Мы переворачиваем страницу в истории Рима. На пороге новой эпохи мы с глубоким уважением относимся даже к тому чудовищу, с которым заканчивается старая эпоха; мы можем считать хорошим то, что тело даже Нерона не было изуродовано; что он был достойно похоронен в садах Домициана на Пинчио; что, хотя народ проявил бездумный триумф по поводу его смерти, как будто она обещала ему свободу, которой он не мог ни воспользоваться, ни понять, неизвестные руки усыпали его могилу цветами, а соперничающий царь Парфии умолял сенат почтить его память.

Несомненно, римляне с особым чувством относились к смерти последнего из цезарей. Нерон был убит в ранней юности; он погиб в неизвестности; он был похоронен в частной

гробнице, без проявления национальной заботы, которая пролила бы свет интереса на самых незаслуженно забытых из его предшественников. Однако этих обстоятельств было бы недостаточно, чтобы придать этому событию глубокую загадочность, если бы народ не был предрасположен к мысли, что династия, правившая им в течение четырех поколений, не могла внезапно исчезнуть окончательно и безвозвратно. Идея о том, что Нерон все еще жив, и ожидание его возвращения к власти долгое время не покидали народ. Более одного претендента на его империю появилось, и двадцать лет спустя ложный Нерон был защищен парфянами, у которых он укрылся, и сдался только после неоднократных и настоятельных требований римского правительства. Это ожидание народа, возможно, лежало в основе распространенного среди христиан убеждения, что он должен вернуться на землю в образе Антихриста, и, возможно, что Иерусалим станет местом этого события.^e

СНОСКИ

[18] [Немало апологетов утверждают, что именно презрение Нерона к римским обычаям оттолкнуло «уважаемых граждан», что эти граждане были на самом деле более жестокими, чем Нерон, и что главной виной императора было не столько жестокость, сколько преступная снисходительность по отношению к своим придворным. Такие взгляды иллюстрируют любопытные колебания исторической критики, о которых мы так часто упоминали. Даже самые благожелательные и лестные мнения о Нероне представляют его, по крайней мере, как отражение условий общества, в некоторых отношениях чудовищного.

ГЛАВА XXXV. ГАЛБА, ОТОН, ВИТЕЛЛИЙ И ТРИ ФЛАВИИ (68-96 гг. н. э.)

Гальба (Сервий Сульпиций Гальба), 68-69 гг. н. э.

Падение Нерона и вступление на престол Гальбы составляют важную эпоху в истории Римской империи; к несчастью для формы правления, в которой все зависело от правителя, его двора, телохранителей и охраны императора, теперь добавилось новое зло, а именно то, что армия привыкла к мятежам и получила решающее влияние на выбор императора. Конечно, Гальба не принял титул императора, пока он не был ему законно присвоен делегацией сената; но пример мятежа был дан, армия фактически, а сенат только формально решили, кто должен занять трон, и судьба империи отныне все больше и больше зависела от войск и их вождей.

Сначала, однако, казалось счастливым, что после слабовольных распутников, которые некоторое время стояли во главе государства, власть перешла в руки ветерана-воина,

который пользовался любовью и доверием своих солдат и ненавидел всякого рода потакание и излишества; но любые преимущества, которые могли бы из этого вытечь, перевешивались преклонным возрастом императора и связанной с ним слабостью. Слабость Гальбы впервые проявилась, когда он, который во время смерти Нерона еще находился в Галлии, вернулся в Рим; его ждали с настоящим нетерпением.

До прибытия Гальбы Нимфидий, который ускорил падение Нерона, действовал как абсолютный правитель. Он не давал Тигеллину участвовать в командовании преторианцами, всячески пытался завоевать расположение народа, принимал весь сенат в своей приемной и вмешивался во все дела последнего с Гальбой. Затем ему пришло в голову, что он может проследить свое происхождение от Цезаря и тем самым обосновать свои права на трон. Но к его ужасу он узнал от посланника, которого он отправил к Гальбе, что Тит Виний, один из легатов Гальбы, обладал абсолютной властью над императором, что он назначил Корнелия Лако префектом преторианцев вместо него и что, следовательно, его правление закончится, как только Гальба войдет в Рим. Поэтому он решил пойти на крайние меры и заставить преторианцев провозгласить его императором; но один из его офицеров настроил их против него, и они убили его, как только он появился в их лагере.

Как только Гальба прибыл в Рим, он приказал казнить всех друзей Нимфидия. Эти и несколько других казней, а также зависимость Гальбы от Виния не располагали никого к новому правителю. Еще более неудачным для Гала было то, что ему пришлось отказать в выплате сумм, обещанных от его имени Нимфидием, и что при входе в Рим он был вынужден расправиться с другой группой солдат, которые выступили против него и выдвинули жесткие требования. Гала был полон решимости изменить курс правительства; но при этом он упустил из виду тот факт, что полностью развращенный народ невозможно преобразовать в одночасье, а утраченную нравственность невозможно вернуть приказами. С преувеличенной суровостью и с бережливостью, которая была бы презренна даже для частного лица, он попытался вернуть город, привыкший к императорской расточительности, к прежней простоте, дисциплине и порядку, и тем самым не только озлобил всех, но и выставил себя в смешном свете.

[68-69 гг. н. э.]

Он был ленив и ослаблен возрастом [ему было более семидесяти двух лет] и полагался на трех фаворитов, которые совершали всевозможные жестокости от его имени и пытались нажиться, продавая привилегии и милости. Этими фаворитами были Виний, Лако и освобожденный раб Гальбы, Ицел. По этой причине с самого начала все указывало на то, что его правление будет недолгим, и недовольство охватило не только широкие массы в Риме, которые, как и везде, любили удовольствия и развлечения больше, чем добродетель или свою страну, но и различные армии королевства. Через несколько месяцев после его вступления на престол легионы в Верхней Германии подняли восстание и потребовали от сената назначить более молодого и энергичного императора. Гальба попытался успокоить бурю, немедленно назначив молодого человека из хорошей семьи и с безупречным характером, Пизо Лициниана, своим соправителем и преемником. К сожалению, представляя Пизо войскам, он из соображений экономии не дал солдатам подарков, как это было принято в таких случаях со времени вступления на престол Клавдия; и в своей речи перед собравшейся армией он публично признал, что войска в Германии отказались подчиняться ему. Это вызвало недовольство солдат, и тем самым он лишил себя преимуществ, которые в противном случае могло бы принести ему назначение Пизо.

Отон (М. Сальвий Отон), 69 г. н. э.

Отон, который отправился в Рим вместе с Гальбой, воспользовался ошибкой Гальбы, чтобы занять трон. Он долгое время добивался благосклонности солдат и народа, раздавал целые поместья отдельным лицам, а когда Гальба обедал с ним, давал деньги императорской охране, и Гальба закрывал на все это глаза, потому что один из его фаворитов, Виний, на дочери которого хотел жениться Отон, тайно договорился с последним. Отон организовал официальный заговор, подкупил солдат подарками и обещаниями и провозгласил себя императором в лагере преторианцев через несколько дней после назначения Пизона. Он покинул лагерь во главе солдат, которые его избрали, вошел в город, убил Гальбу и его соправителя и был признан императором народом и сенатом. Это произошло 15 января 69 года, когда Гальба правил всего семь месяцев и несколько дней.

Новый император продержался у власти всего три месяца. После смерти Гальбы все провинции и армии присягнули ему на верность, только легионы Рейна и Верхней Германии отказались подчиняться ему. Они уже восстали против Гальбы и провозгласили императором военачальника войск на нижнем Рейне Аулуса Вителлия, поскольку Гальба не вознаградил их за поддержку, которую они оказали ему в борьбе с Нероном. Этот соперник, хотя другие легионы и объявили о своей поддержке, сам по себе не представлял бы опасности для Отона, поскольку он настолько изнежился в самоудовлетворении, что ему не хватало ни активности, ни энергии, ни решимости; но в лице Фабия Валенса и Аулуса Цецины он имел двух способных полководцев, которые встали во главе легионов вместо него.

С мятежными войсками они пересекли Альпы и вторглись в верхнюю Италию, напав на Отона, который поспешно собрал как можно больше солдат и повел их на врага. Сначала генералы Вителлия потерпели поражение в нескольких небольших сражениях, поскольку взаимная ревность заставила их действовать по отдельности, но как только они объединились, они оказались намного сильнее своих противников. Поэтому Отон должен был сделать все, чтобы отсрочить кризис до прибытия подкрепления, которое он ожидал из провинций Дуная. Однако он поступил наоборот и на протяжении всей войны проявил себя достойным товарищем Нерона.

Он был мужем печально известной Пoppеи Савины; ранее участвовал со своим императорским другом во всех видах удовольствий и так предавался разгульной жизни, что не только глубоко влез в долги, но и стал вялым и неспособным к каким-либо усилиям. Это уже проявилось во время восстания против Гальбы: в момент действия он потерял всякую храбрость и отказался бы от всего, если бы его соучастники не заставили его продолжать свои замыслы. Кроме того, он не был полководцем. Его войска, которые в основном состояли из преторианцев и солдат Нерона, преданно придерживались его и были готовы сражаться, но они не доверяли своим офицерам и больше не принимали от них приказы. Это побудило его быстро закончить сражение, поскольку он чувствовал, что в любой момент его могут покинуть его собственные люди. Несмотря на это, так как он не участвовал в ранних небольших сражениях, он не принял личного участия в великой битве, которая должна была решить его судьбу.

В окрестностях Кремоны Цецина и Валенс напали на армию Отона. Она была разгромлена, понесла значительные потери, а затем большая ее часть перешла на сторону врага. Тем не менее, дело Отона было далеко не проиграно, поскольку преторианцы оставались верны ему, легионы из провинций Дуная уже были в пути, а весь Восток и Африка были открыты для него. Только он был слишком ленив и изнежен, чтобы выдержать постоянные напряжения и лишения, и на примере своей разгромленной армии он увидел, насколько эфемерной была преданность его солдат. Поэтому он потерял мужество и, несмотря на протесты и просьбы своих друзей, решил покончить с собой. Он пронзил себе сердце с

решимостью, редко встречающейся у сластолюбивого человека, и этим поступком завоевал себе репутацию у потомков человека, который своей жизнью купил мир для своей страны.

Историки поэтому восхваляли его сверх его заслуг и вкладывали в его уста слова, которые противоречат его жизни и принципам. Например, он якобы сказал своим друзьям и родственникам, которые хотели удержать его от самоубийства: «Другие прославились тем, что хорошо правили; моя слава, напротив, состоит в том, что я отказался от правления империей, а не разрушил ее своей амбицией». Те, кто помнит, что Отон на протяжении всей своей жизни жил и действовал в соответствии с принципами Нерона, поймут, как лишить эту историю всего, что придает его смерти вид великого и благородного поступка; хотя нельзя отрицать, что Отон тем самым положил конец гражданской войне и умер в мире и покое, тем не менее он руководствовался не мужеством или любовью к родине, а ленью и отчаянием.

Насколько мало стоила жизнь римлянина в тот период и почему смерть Отона следует рассматривать в совершенно ином свете, чем подобный поступок в наши дни, видно из того факта, что некоторые из его солдат покончили с собой на его погребальном костре не из страха перед будущим, а чтобы последовать славному примеру своего вождя.

ВИТЕЛЛИЙ (Авл Вителлий), 69 г. н. э.

После смерти Отона римский сенат не только признал Вителлия императором, но и решил публично поблагодарить германскую армию за его назначение. Пока его генералы сражались за его власть, Вителлий оставался в Галлии, и после победы не спешил вступать во владение империей; сначала он наслаждался периодом отдыха в Лионе, а затем остановился в Кремоне и Болонье, чтобы устроить пиры и посмотреть гладиаторские бои. Только в июле (69 г.), через три месяца после смерти Отона, он вошел в Рим.

Римский пращник

С его вступлением на престол повторились все преступления и расточительство правительств Калигулы, Клавдия и Нерона, хотя он не был лишен ни культуры, ни лучших

качеств. Он добился уважения только благодаря своим порокам и завоевал солдат в Германии своим дружеским отношением. Скучный, вялый и при этом жестокий характер, жадность, граничащая с прожорливостью, и расточительность, в которой он превосходил даже Нерона, были сутью его существования и правления. Думая только о удовольствиях и праздности, даже во время похода на Рим он позволял своей армии грабить и мародерствовать по своему усмотрению, а также допускал всевозможные излишества и неподчинение. В Риме его самыми любимыми спутниками были вольноотпущенники, комедианты и гуляки, и тот, кто умел устраивать самые роскошные пиры, пользовался его благосклонностью.

Чтобы получить деньги для своих расточительных трат, как Калигула и Нерон, он совершал всевозможные бесчеловечные жестокости. Например: он освобождался от долгов, убивая своих кредиторов, и когда один из них, приговоренный к смерти, попытался завоевать его благосклонность, завещав императору свое состояние, но, к несчастью, назвал его сонаследником, Вителлий устранил и того, и другого, и забрал богатство обоих. Его пиры и расточительство превосходили всякое воображение.

Благодаря использованию восточных средств он мог ежедневно принимать от трех до четырех основных приемов пищи. Однажды, за неисчислимое количество золота, он заказал чудесные блюда, приготовленные из языков редчайших птиц и других дорогостоящих деликатесов (), а во время празднования своего вступления в Рим он принял участие в банкете в доме своего брата, на котором было подано не менее двух тысяч редких рыб и семи тысяч птиц. Он так постыдно обжирался, что, как говорят, за короткое время своего правления он растратил не менее девятисот миллионов сестерциев, и, как утверждает историк древности, Римская империя в конце концов стала бы слишком бедной, чтобы покрывать расходы на императорский стол. К счастью для королевства, этого не произошло, поскольку Вителлий был свергнут своими войсками через восемь месяцев после вступления на престол.

Этот второй за год мятеж армии начался в легионах, которые прибыли с Дуная, чтобы помочь Отону против Вителлия. Когда по дороге они узнали о смерти Отона, они решили выбрать нового императора, и некоторые из них, которые незадолго до этого служили под командованием доблестного Тита Флавия Веспасиана, направили свой выбор на своего бывшего генерала, который в то время командовал в Сирии. Едва эта весть дошла до Востока, как сначала правитель Египта, затем Муциан [римский правитель Сирии и генерал четырех легионов], а вслед за ним и сам Веспасиан признали этот выбор. Одна за другой все остальные армии объявили о своей поддержке Веспасиана. Валенс и Цецина, главные инструменты в возвышении Вителлия, вскоре отделились от последнего, и только солдаты германской армии, которым Вителлий обязан был своим тронem, остались верны своему императору. Поэтому не потребовалось больших усилий, чтобы свергнуть ленивого развратника. Еще до того, как Веспасиан погрузил свои войска на корабли, его противник был свергнут с трона и лишен жизни.

Легионы Дуная под командованием одного из своих генералов, Антония Прима, вторглись в Италию; в Кремоне они разгромили войска Вителлия, а затем двинулись на столицу, которая, казалось, была единственной, решившей защищать тирана. Антоний Прим хотел пощадить город. Сам Вителлий был слишком труслив, чтобы пытаться оказать какое-либо сильное сопротивление, а поскольку по случайному стечению обстоятельств брат Веспасиана, Флавий Сабин, был префектом Рима, было легко договориться. В результате было заключено соглашение, по которому Вителлий согласился отречься от престола весьма позорным образом. Только солдаты императора и все те, кто участвовал в его всеобщих пирах, не хотели слышать об отречении Вителлия и без дальнейших церемоний

набросились на Сабина, которому уже присягали на верность многие сенаторы, всадники и городская стража, от имени его брата. Сабин с небольшим числом сопровождающих был вынужден бежать и укрылся на Капитолии. Его противники штурмовали Капитолий, взяли Сабина в плен, убили его последователей и умышленно или случайно устроили пожар, в результате которого храм Капитолийского Юпитера, самое священное здание в Риме, был превращен в пепел, а некоторые из хранящихся там исторических записей были уничтожены.

Вителлий тщетно пытался убедить солдат не убивать Сабина; тот был убит ужасным образом, в то время как Домициан, один из сыновей Веспасиана, который только что бежал на Капитолий, к несчастью для империи, избежал гнева врага. Грубые солдаты Вителлия вели себя в этот раз с той же жестокостью, что и войска Антония Прима несколько недель назад, когда после победы они сожгли город Кремону и жестоко обращались с его жителями. Вителлий был совершенно невиновен в том, что произошло в Риме, поскольку он с радостью согласился бы на любые условия, которые позволили бы ему спасти свою жизнь. С этой целью сразу после убийства Сабина он послал послов к Антонию Примусу (), а чтобы его заявления и просьбы произвели большее впечатление, он отправил с ними весталок.

Но Антоний Прим отказался от дальнейших переговоров, разгромил народ и солдат Вителлия в кровопролитной битве, которая произошла частично перед стенами, а частично на улицах города, и безжалостно расправился со всеми побежденными. В этот раз глубокая моральная развращенность римского народа проявилась в отвратительной форме. Народ наблюдал за ожесточенной борьбой между двумя варварскими армиями так же бесстрастно, как если бы перед ним происходили обычные гладиаторские бои; он то аплодировал одной стороне, то другой, вытаскивал из укрытий тех, кто бежал от победоносного врага, и сдавал их противникам на расправу.

Никто не был потревожен в своих обычных удовольствиях борьбой за империю; бани, таверны и другие общественные заведения были заполнены гуляками и искателями удовольствий, как и в любое другое время, и, как утверждает историк Тацит, Рим представлял собой ужасное зрелище города, жители которого сразу же предались всем ужасам гражданской войны и всем порокам упаднической нации. Вителлий умер так же, как и жил.⁴ Увидев, что город взят, он был перевезен на носилках по частной дороге с задней стороны дворца в дом своей жены на Авентинской горе с намерением, если ему удастся пролежать в укрытии в течение дня, бежать к своему брату и когорте в Таррацину. Однако, в силу своей присущей ему непостоянности и естественных последствий испуга, поскольку он боялся всего, любой избранный им путь казался ему наименее удовлетворительным, он вернулся в свой дворец и обнаружил его пустым и опустевшим; даже самые низшие рабы сбежали или избегали присутствия своего хозяина. Одиночество и тишина этого места встревожили его; он открыл двери комнат и с ужасом увидел, что все пусто и опустошено. Измученный этим мучительным состоянием сомнений и недоумения, он спрятался в жалком укрытии, откуда его вытащил Плацид, трибун когорты. С завязанными за спиной руками и разорванной одеждой он был проведен, представляя собой отвратительное зрелище, через толпу, оскорблявшую его страдания, без единого друга, который пролил бы слезу над его несчастьем. Непристойность его конца изгнала всякое сочувствие. Неясно, был ли удар, нанесенный ему одним из встретивших его германских солдат, намеренным, и если да, то был ли он нанесен из ярости или для того, чтобы быстрее избавить его от насмешек, которым он подвергался; или же он целился в трибуну. Он отрезал трибуну ухо и был немедленно казнен.^[19]

Вителлий был подталкиваем, и с мечами, направленными на его горло, заставляли поднять голову и подвергать свое лицо оскорблениям: то заставляли его смотреть на его

статуи, падающие на землю, то часто на трибуну или место, где погиб Гальба, и, наконец, они загнали его в Джемонию, где было брошено тело Флавия Сабина. Было слышно одно его высказывание, которое свидетельствовало о том, что его дух не был полностью сломлен, когда он заметил трибуну, оскорбившему его в его несчастье, что, тем не менее, он был его императором. Он умер вскоре после этого [21 декабря] от многочисленных ран. Народ, с той же извращенностью суждений, которая побудила его почитать его при жизни, набросился на него с оскорблениями после смерти.

СМЕРЬ ВИТЕЛЛИЯ

Он родился в Лучерии. Ему было пятьдесят четыре года. Он поднялся до консульства, до понтифических достоинств, до имени и ранга среди самых выдающихся граждан, не имея никаких личных заслуг, но получив все благодаря великолепной репутации своего отца. Люди, которые присвоили ему императорское достоинство, даже не знали его. Своей бессильностью и леностью он завоевал любовь армии в такой степени, какой немногие достигали достойными средствами. Однако он обладал откровенностью и щедростью —

качествами, которые, если их не регулировать должным образом, становятся причиной гибели. Он полагал, что дружбу можно укрепить не постоянным проявлением добродетели, а щедрой щедростью, и поэтому скорее зарабатывал друзей, чем культивировал их. Несомненно, интересы республики требовали падения Вителлия, но те, кто предал Вителлия Веспасиану, не могут претендовать на заслуги за свое вероломство, поскольку они нарушили верность Гальбе.

День быстро клонился к закату, и из-за смятения магистратов и сенаторов, которые скрылись, уехав из города или укрывшись в домах своих клиентов (), сенат не мог собраться. Когда все опасения по поводу враждебного насилия улеглись, Домициан вышел к генералам своей партии, был единодушно приветствован титулом Цезаря и в сопровождении многочисленного отряда вооруженных солдат был отправлен в дом своего отца.ⁱ

Муциан, прибывший в Рим на следующий день после убийства Вителлия, взял на себя управление государством от имени Веспасиана.^d Муциан был назван (Дюруиⁿ) «Меценатом и Агриппой нового Августа». В последующие годы император относился к нему почти как к равному. Он сразу же принял активные меры по восстановлению порядка и добился такого успеха, что к моменту вступления Веспасиана в Рим все было спокойно.^a В лице Веспасиана Римская империя впервые со времени смерти Августа вновь обрела достойного и способного правителя. Он был человеком, который не только, как Гальба, ненавидел лесть и сочетал честность с опытом ведения военных действий, но и обладал пониманием и силой характера, соответствующими обстоятельствам того времени.^d

ВЕСПАСИАН (Т. ФЛАВИЙ САБИН ВЕСПАСИАН), 69-70 гг. н. э.

[69-70 гг. н. э.]

Веспасиан был провозглашен императором единодушным согласием сената и армии и удостоен всех тех титулов, которые теперь следовали скорее за властью, чем за заслугами тех, кто был назначен править. К нему в Египет были отправлены посланцы с просьбой о его возвращении и с выражением крайнего желания видеть его правителем. Но зима была опасна для плавания, и он отложил свое путешествие до более подходящего времени года. Возможно, его возвращение в Рим задержали и раздоры в других частях империи, поскольку Клавдий Цивилис в Нижней Германии поднял своих соотечественников на восстание и уничтожил римские гарнизоны, размещенные в разных частях этой провинции. Однако, чтобы придать своему восстанию вид справедливости, он заставил свою армию присягнуть на верность Веспасиану, пока не оказался в положении, когда мог сбросить маску. Когда он посчитал себя достаточно сильным, он отказался от всякой подчиненности римскому правительству, победил одного или двух лейтенантов империи и, присоединившись к тем римлянам, которые отказались подчиняться новому императору, смело выступил, чтобы дать сражение генералу Веспасиана Цереалису. В начале сражения он, казалось, одерживал успех, разбив римские легионы и обратив их кавалерию в бегство. Но в конце концов Цереалис своим поведением переломил ход сражения и не только разгромил врага, но и захватил и уничтожил его лагерь. Однако это сражение не было решающим; последовали несколько других с неопределенным исходом. В конце концов, то, чего не смогли достичь оружием, было решено путем урегулирования. Цивилис добился мира для своих соотечественников и помилования для себя самого (), поскольку в то время Римская империя была настолько раздираемая внутренними распрями, что окружающие ее варварские народы безнаказанно совершали набеги и были уверены, что получают мир, когда сочтут нужным его потребовать.

Во время этих волнений в Германии сарматы, варварский народ, проживавший к северо-востоку от империи, внезапно перешли реку Истер и, быстро и яростно вторгшись в римские владения, уничтожили несколько гарнизонов и армию под командованием Фонтея Агриппы. Однако они были отброшены с некоторыми потерями Рубрием Галлом, лейтенантом Веспасиана, обратно в свои родные леса, где было предпринято несколько попыток ограничить их, разместив гарнизоны и форты вдоль границ их страны. Но эти выносливые народы, однажды проникнув в империю, никогда после этого не переставали вторгаться в нее при каждой возможности, пока, наконец, не захватили и не уничтожили славу Рима.

Веспасиан пробыл несколько месяцев в Александрии в Египте.^b Трезвый Тацит, самый точный и надежный из римских историков, рассказывает о некоторых событиях из этой истории Веспасиана в Египте, которые стоит повторить, хотя бы для того, чтобы проиллюстрировать разрыв между написанием трезвой истории в те дни и в наши дни.^a

ВЕСПАСИАН СОВЕРШАЕТ ЧУДЕСА И ВИДИТ ВИДЕНИЕ, СОГЛАСНО ТАЦИТУ

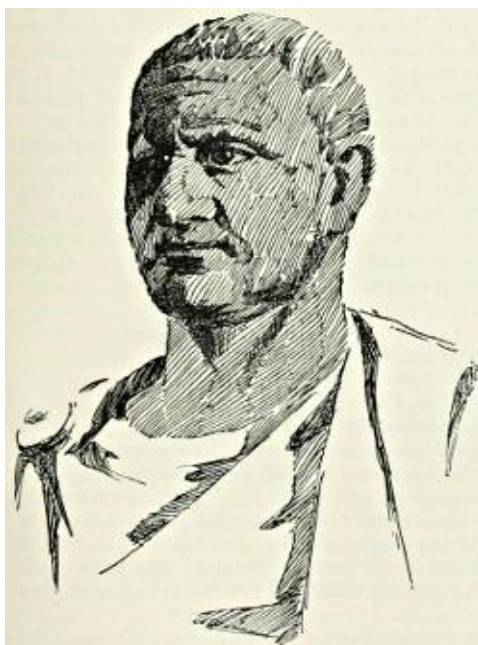
[70 г. н.э.]

В течение нескольких месяцев, когда Веспасиан ждал в Александрии периода летних ветров и безопасного плавания [говорит Тацит], произошло много чудес, которые продемонстрировали благосклонность небес и своего рода пристрастие высших сил к Веспасиану. Один из простых жителей Александрии, известный своей болезнью глаз, обнял колени императора, стопами умоляя о лекарстве от своей слепоты. В этом он поступил в соответствии с наставлением бога Сераписа, которого этот народ, преданный суеверию, почитает выше всех других богов; и он молил императора, чтобы тот соизволил окропить его щеки и глазные яблоки секретом из своего рта. Другой, страдавший болезнью руки, по велению того же бога, умолял, чтобы Цезарь наступил ему на руку. Веспасиан сначала высмеял эту просьбу и отнесся к ней с презрением, но когда они настаивали, то то он боялся, что его обвинят в слабости, то он надеялся на успех, поддавшись мольбам самих людей и поощрениям своих льстецов. Наконец, он приказал спросить мнение врачей о том, можно ли с помощью человеческих сил излечить слепоту и хромоту такого рода. Врачи высказали различные мнения: в одном случае зрение не было полностью утрачено и могло быть восстановлено, если устранить препятствие; в другом случае пораженные суставы могли быть восстановлены, если применить лечебные средства; возможно, такова была воля богов, и император был избран, чтобы исполнить их волю. Одним словом, слава за исцеление досталась бы Цезарю, а насмешки за неудачу — страдающим. Соответственно, под впечатлением того, что все было в силах его удачи и что после того, что произошло, ничего не было невероятным, с веселым лицом и в то время как толпа, стоящая рядом, ждала результата с полной уверенностью в ожидаемом успехе, Веспасиан выполнил то, что от него требовали. Рука сразу же восстановила свои функции, а слепые снова увидели свет дня. Люди, которые были присутствовали при этом, даже сейчас подтверждают правдивость обоих этих событий, поскольку ложь не приносит им никакой выгоды.

После этого Веспасиан еще сильнее захотел посетить святилище Сераписа, чтобы посоветоваться с богом по поводу дел империи. Он приказал удалить всех людей из храма; и вот, когда он вошел и сосредоточил свои мысли на божестве, он заметил позади себя человека, занимавшего видное положение среди египтян, по имени Василид, о котором он знал, что в тот момент он был удержан болезнью на расстоянии нескольких дней пути от Александрии. Веспасиан спросил у жрецов, входил ли Василид в тот день в храм. Он спросил

у других, кого встретил, видели ли его в городе. Наконец, от посыльных, которых он отправил верхом, он получил достоверную информацию, что Базилид в тот момент находился в восьмидесяти милях от Александрии. Тогда он пришел к выводу, что это было божественное видение, и вывел значение ответа из имени Базилида.⁴

ВЕСПАСИАН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РОМУ

ВЕСПАСИАН

(С бюста в Ватикане)

Оставив Тита продолжать войну с Иудеей, Веспасиан отправился в Рим. Его восторженный прием там описывает Иосиф Флавий, который говорит: «Все люди, находившиеся в Италии, выразили ему свое уважение в своих сердцах еще до его прибытия, как будто он уже прибыл, поскольку их ожидание его прибытия было для них равносильно его реальному присутствию из-за их огромного желания увидеть его и из-за их искренней и беспристрастной доброжелательности к нему; ведь для сената, хорошо помнившего бедствия, которые он пережил в результате недавних смен правителей, было желательным принять правителя, отличавшегося достоинством преклонного возраста и высочайшим мастерством в военном деле, чье продвижение, как они знали, было направлено исключительно на сохранение тех, кем он должен был управлять.

«Кроме того, люди были настолько измучены гражданскими бедствиями, что еще более жаждали его немедленного прихода, полагая, что тогда они будут окончательно избавлены от своих бедствий и верят, что тогда они восстановят свое безопасное спокойствие и процветание. А солдаты уважали его прежде всего за то, что были хорошо осведомлены о его великих военных подвигах; и поскольку они испытали на себе недостаток умения и мужества других полководцев, они очень хотели избавиться от того великого позора, который они пережили по их вине, и искренне желали получить такого принца, который мог бы стать для них опорой и украшением; и поскольку эта благосклонность к Веспасиану была всеобщей, те, кто обладал какими-либо заметными достоинствами, не могли набраться терпения, чтобы остаться в Риме, и поспешили встретить его на большом расстоянии от города. Более того, никто из остальных не мог терпеть задержки с встречей с

ним, и все высыпали из города такими толпами и были настолько единодушны в мнении, что им легче и лучше уйти, чем остаться, что это был первый случай, когда город с радостью обнаружил, что он почти опустел, ибо тех, кто остался, было меньше, чем тех, кто ушел. Но как только пришла весть, что он уже близко, и те, кто встретил его первыми, рассказали, с каким добрым нравом он принимал каждого, кто приходил к нему, тогда вся толпа, оставшаяся в городе, с женами и детьми, вышла на дорогу и ждала его там; а тем, мимо которых он проходил, они воздавали всевозможные овации из-за радости, которую испытывали, видя его, и из-за приятности его лица, и называли его своим благодетелем и спасителем, единственным человеком, достойным быть правителем города Рима. И теперь город был похож на храм, полный гирлянд и сладких ароматов; ему было нелегко пройти к королевскому дворцу из-за множества людей, которые стояли вокруг него, но в конце концов он принес жертвы своим домашним богам в благодарность за безопасное возвращение в город. Толпа также предалась пиршеству; эти пиры и возлияния они праздновали своими племенами, семьями и соседями, и все еще молили богов, чтобы Веспасиан, его сыновья и все их потомство могли продолжать править Римом в течение очень долгого времени, и чтобы его власть была защищена от всякого противостояния. И таким образом Рим с такой радостью принял Веспасиана, и оттуда сразу же перешел в состояние великого процветания».¹

ТИТ ПРОДОЛЖАЕТ ИУДЕЙСКУЮ ВОЙНУ

Тем временем Тит энергично продолжал войну против иудеев.^[20] Этот упрямый и ослепленный народ давно решил сопротивляться римской власти, тщетно надеясь найти защиту у небес. Их собственный историк изображает их как достигших высшей степени беззакония, в то время как голод, землетрясения и чудеса сговорились предупредить их о приближающейся гибели. Мало того, что небо и земля, казалось, объединились против них, они еще и между собой были разъединены самыми ожесточенными распрями и разделены на две партии, которые безнаказанно грабили и уничтожали друг друга, продолжая грабить и в то же время хвастаться своим рвением к религии своих предков.

Во главе одной из этих партий стоял поджигатель по имени Иоанн. Этот фанатик претендовал на верховную власть и наполнил весь Иерусалим и все окрестные города беспорядками и грабежами. Вскоре возникла новая фракция во главе с неким Симоном, который, собрав множество грабителей и убийц, бежавших в горы, напал на многие города и поселки и подчинил своей власти всю Идумею. В конце концов Иерусалим стал ареной, на которой эти два демагога начали проявлять свою взаимную вражду: Иоанн овладел храмом, а Симон был допущен в город, и оба были одинаково разъярены друг на друга; их притязания сопровождались убийствами и разрушениями. Так город, ранее славившийся миром и единством, стал местом беспорядков и хаоса.

Именно в этой плачевной ситуации Тит с его победоносной армией подошел к городу и начал свои операции примерно в шести стадиях от него. Именно во время праздника Пасхи, когда город был заполнен бесконечным множеством людей, прибывших со всех концов, чтобы отпраздновать это великое торжество, Тит решил осадить его. Его присутствие привело к временному примирению между враждующими фракциями внутри города, так что они единодушно решили сначала противостоять общему врагу, а затем решить свои внутренние споры в более подходящее время. Их первая вылазка, предпринятая с большой яростью и решимостью, привела римлян в большое замешательство и заставила их покинуть лагерь и бежать в горы. Однако, немедленно собравшись с силами, иудеи были вынуждены вернуться в город, в то время как Тит лично проявил удивительную доблесть и мужество.

Эти преимущества над римлянами только усилили желание осажденных отомстить друг другу. В храме начались беспорядки, в ходе которых было убито несколько человек из обеих групп; и таким образом, при каждом ослаблении давления снаружи, фракции Иоанна и Симона яростно сражались друг с другом внутри, соглашаясь только в своем решении защищать город от римлян.

Иерусалим был сильно укреплен тремя стенами со всех сторон, за исключением тех мест, где он был огражден глубокими долинами. Тит начал с разрушения внешней стены, что ему удалось после многих усилий и опасностей; все это время он проявлял величайшую милосердие к евреям и неоднократно предлагал им прощение. Но этот ослепленный народ с презрением отверг его доброту и приписал его человечность страху. Через пять дней после начала осады Тит прорвал вторую стену; и хотя он был отброшен назад осажденными, он восстановил свои позиции и приготовился к разрушению третьей стены, которая была их последней защитой. Но сначала он послал в город Иосифа Флавия, их соотечественника, чтобы убедить их сдаться, но тот, используя всю свою красноречивость, чтобы их убедить, был только осыпан насмешками и упреками. Поэтому осада теперь велась с большей энергией, чем раньше; было возведено несколько батарей для орудий, которые, едва построенные, были уничтожены врагом. Наконец, на совете было решено окружить весь город рвом, чтобы таким образом предотвратить любую помощь и подкрепление извне. Это

решение, которое было быстро выполнено, не произвело никакого впечатления на иудеев. Хотя голод и эпидемия, неизбежно сопутствующая ему, начали теперь сеять ужасающие опустошения внутри стен, этот отчаянный народ все же решил держаться. Хотя они были вынуждены питаться самой скудной и нездоровой пищей, хотя бушель зерна продавался за шестьсот крон, а в ямах и канализации искали давно сгнившие трупы, они не сдавались. Голод в конце концов достиг такой степени, что одна знатная женщина в городе сварила своего собственного ребенка, чтобы съесть его; когда эта ужасная история дошла до ушей Тита, он объявил, что похоронит столь отвратительное преступление в руинах их государства. Поэтому он вырубил все леса в значительном радиусе от города и, усилив артиллерийский обстрел, наконец сломал стены и через пять дней силой ворвался в цитадель. Оказавшись на грани гибели, оставшиеся евреи все еще обманывали себя абсурдными и ложными надеждами (), а многие лжепророки вводили в заблуждение толпу, заявляя, что скоро им придет помощь от Бога.

РИМСКАЯ ИМПЕРАТРИЦА

(по Хоуп)

Теперь жаркая битва развернулась вокруг внутренней стены храма, а защитники отчаянно сражались с вершины. Тит хотел спасти это прекрасное сооружение, но солдат бросил горящий полено в соседние здания, огонь перекинулся на храм, и, несмотря на все усилия обеих сторон, все здание было быстро уничтожено. Вид разрушенного храма эффективно охладил пыл иудеев. Теперь они начали понимать, что небеса покинули их, а их крики и стенания эхом разносились по соседним горам. Даже те, кто был на грани смерти, поднимали свои умирающие глаза, чтобы оплакивать потерю своего храма, который они ценили больше самой жизни. Однако самые решительные все еще пытались защитить верхнюю и более укрепленную часть города, называемую Сионом, но Тит с помощью своих таранов вскоре полностью овладел этим местом. Иоанн и Симон были вытащены из подземелий, где они укрывались; первый был приговорен к пожизненному заключению, а

второй был оставлен, чтобы украсить триумф завоевателя. Большая часть населения была предана мечу, а город был полностью разрушен плугом, так что, согласно пророчеству нашего Спасителя, не осталось камня на камне. Таким образом, после шестимесячной осады этот благородный город, процветавший под особой защитой небес около двух тысяч лет, был полностью разрушен. По данным Иосифа Флавия, число погибших в этой осаде составило более миллиона душ, а пленных — почти сто тысяч. Временное государство евреев закончилось вместе с их городом, а несчастные выжившие были изгнаны, проданы и рассеяны по всем частям света.

После взятия Иерусалима его солдаты хотели короновать Тита как завоевателя, но он скромно отказался от этой чести, заявив, что он лишь инструмент в руках небес, которые явно проявили свой гнев по отношению к евреям. Однако в Риме все только и говорили о завоевателе, который проявил себя не только как отличный полководец, но и как отважный боец.^b

Пусть Иосиф Флавий опишет нам возвращение Тита и великолепный триумф, который он праздновал вместе со своим отцом.

ИОСИФ ФЛАВИЙ ОПИСЫВАЕТ ВОЗВРАЩЕНИЕ ТИТА И ТРИУМФ

[70 г. н.э.]

Тит отправился в запланированное путешествие в Египет, очень быстро пересек пустыню, прибыл в Александрию и принял решение отправиться в Рим по морю. Поскольку его сопровождали два легиона, он отправил каждый из них обратно в те места, откуда они прибыли: пятый легион он отправил в Мизию, а пятнадцатый — в Паннонию. Что касается вождей пленников, Симона и Иоанна, а также других семисот человек, которых он выбрал из остальных за их выдающуюся высоту роста и красоту телосложения, то он приказал вскоре переправить их в Италию, решив представить их на своем триумфе. Итак, после удачного, по его мнению, плавания, город Рим вел себя при его приеме так же, как и в случае с его отцом, встречая его на расстоянии.

Но самым великолепным моментом, по мнению Тита, было то, когда его отец встретил его и принял; но все же множество горожан испытало величайшую радость, увидев всех троих вместе,^[21] как и в этот раз; и прошло не много дней, как они решили устроить только один триумф, общий для обоих, в честь их славных подвигов, хотя сенат постановил устроить для каждого из них отдельный триумф. Итак, когда заранее было объявлено о дне, назначенном для этой пышной торжественной церемонии в честь их побед, в городе не осталось ни одного человека из огромной толпы, но все вышли так далеко, чтобы занять место, где они могли бы стоять, и оставили только такой проход, который был необходим для тех, кто должен был пройти по нему.

Все войска вышли заранее ротами и в своих рядах под командованием своих командиров ночью и расположились у ворот не верхних дворцов, а тех, что рядом с храмом Исиды, ибо именно там императоры отдыхали прошлой ночью. И как только наступил день, Веспасиан и Тит вышли, увенчанные лавровыми венками и одетые в древние пурпурные одежды, которые были свойственны их семье, и затем прошли до променада Октавиана; именно там их ждали сенат, главные правители () и те, кто был записан в рыцарский сословие.

Перед портиками был воздвигнут трибунал, на котором были установлены слоновые стулья, и когда они подошли, то сели на них. Тогда солдаты сразу же приветствовали их радостными возгласами и все свидетельствовали о их доблести, в то время как они сами

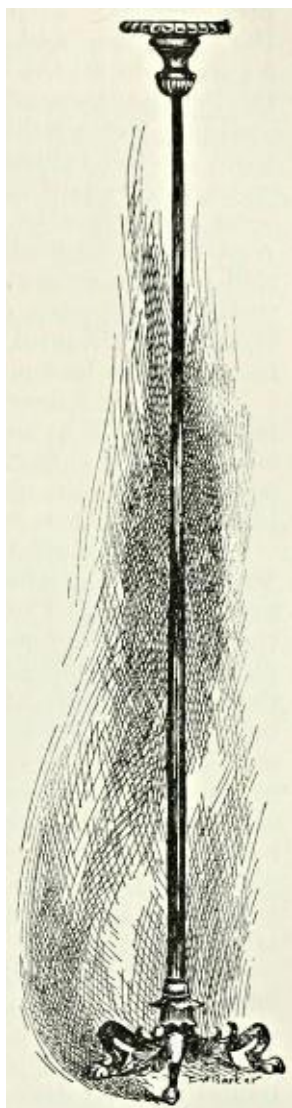
были без оружия, только в шелковых одеждах и увенчаны лавровыми венками. Тогда Веспасиан принял их возгласы, но, пока они еще были настроены продолжать такие приветствия, он дал им знак замолчать. И когда все полностью замолчали, он встал, покрыв большую часть головы своим плащом, и произнес обычные торжественные молитвы; такие же молитвы произнес и Тит; после молитв Веспасиан произнес короткую речь перед всем народом, а затем отправил солдат на обед, приготовленный для них императорами. Затем он удалился к воротам, которые назывались Воротами Помпы, потому что через эти ворота всегда проходили помпезные представления; там они отведали пищи, и когда они надели свои триумфальные одежды и принесли жертвы богам, которые были установлены у ворот, они отправили триумф вперед и прошли через театры, чтобы их было легче увидеть толпе.

Невозможно описать все многообразие представлений так, как они того заслуживают, и всю их великолепность; такие представления, которые человек не мог бы легко представить себе, созданные трудом мастеров, разнообразием богатств или редкостями природы. Почти все такие диковинки, которые самые счастливые люди когда-либо получали по частям, были здесь сложены друг на друга, и все они были по своей природе замечательными и дорогостоящими; и все они, собранные в этот день, демонстрировали огромность владений римлян; ибо здесь можно было увидеть огромное количество серебра, золота и слоновой кости, изготовленных во всевозможных формах, и они не выглядели как просто выставленные на показ, но, как можно сказать, текли, как река. Некоторые части были составлены из редчайших пурпурных занавесей и так же неслись; а другие точно передавали жизнь, вышитую искусством вавилонян. Были также драгоценные камни, прозрачные, некоторые вставленные в золотые короны, а некоторые в другие оправы, как угодно мастерам; и их было привезено такое огромное количество, что мы не могли не понять, как тщетно мы воображали, что они являются редкостью. Были привезены и изображения богов, которые поражали как своим размером, так и искусным исполнением и большим мастерством мастеров; все эти изображения были сделаны из очень дорогих материалов; было привезено много видов животных, каждое в своем естественном убранстве. Люди, которые несли все эти изображения, были огромной толпой и были одеты в пурпурные одежды, всюду переплетенные золотом; те, кто был выбран для переноски этих пышных изображений, также были одеты в такие великолепные украшения, которые были одновременно необычными и удивительными. Кроме того, можно было видеть, что даже большое количество пленников не было без украшений, а разнообразие их одежд и их прекрасная текстура скрывали от глаз уродство их тел.

Но больше всего удивляла конструкция несущихся платформ, ибо тот, кто встречал их, не мог не опасаться, что носильщики не смогут их удержать, настолько они были огромны; многие из них были сделаны так, что состояли из трех или даже четырех ярусов, расположенных один над другим. Великолепие их конструкции вызывало одновременно удовольствие и удивление, поскольку многие из них были устланы золотыми коврами. По всему их периметру были прикреплены изделия из золота и слоновой кости, а также многочисленные изображения войны, выполненные в различных стилях и с использованием разнообразных приёмов, что создавало наиболее живую картину самой войны. Там можно было увидеть счастливую страну, превращенную в руины, и целые отряды убитых врагов; некоторые из них бежали, а некоторые были увезены в плен; высокие и массивные стены были разрушены и уничтожены машинами; были взяты самые крепкие укрепления, захвачены стены самых густонаселенных городов на вершинах холмов, и армия влилась в город; а также каждое место было полно убийств и мольбы врагов, когда они уже не могли поднять руки в знак сопротивления. Здесь также было изображено, как огонь обрушился на храмы, а дома были разрушены и обрушились на своих владельцев; реки, вытекая из большой и мрачной пустыни, текли не в возделанную землю и не для того,

чтобы напоить людей или скот, а через землю, все еще горящую со всех сторон; ибо иудеи рассказывали, что они пережили нечто подобное во время этой войны.

Исполнение этих изображений было настолько великолепным и живым, что оно показывало то, что было сделано с теми, кто не видел этого, как будто они действительно были там. На вершине каждого из этих представлений был помещен правитель взятого города и способ, которым он был взят. Кроме того, за этими представлениями следовало большое количество кораблей; а остальная добыча была перевезена в большом количестве. Но из всего, что было взято в Иерусалимском храме, самым величественным было золотое столовое приборное оборудование, весом в много талантов; а также подсвечник, сделанный из золота, хотя его конструкция теперь отличалась от той, которую мы использовали: его средняя ось была закреплена на основании, а из нее выходили небольшие ветви большой длины, по своему расположению напоминавшие трезубец, и на вершине каждой из них было гнездо из меди для лампы. Этих ламп было семь, что символизировало достоинство числа семь среди евреев; и последним из всех трофеев был унесен Закон евреев.

РИМСКИЙ ТРЕНОЖНЫЙ КАНДЕЛЯБР

За этими трофеями шло множество людей, несущих изображения Победы, которые были полностью изготовлены либо из слоновой кости, либо из золота. Затем шел Веспасиан, а за

ним — Тит; Домициан также ехал вместе с ними, выглядя величественно и сидя на лошади, достойной восхищения.

Последней частью этого помпезного зрелища был храм Юпитера Капитолийского, куда они пришли и остановились, поскольку по древнему обычаю римлян они должны были ждать, пока кто-нибудь принесет весть о том, что генерал врага убит. Этим полководцем был Симон, сын Гиора, которого привели на этот триумф среди пленников; на его голову надели веревку, и его потащили на специальное место на Форуме, где его мучили те, кто его тащил; а закон римлян требовал, чтобы преступники, приговоренные к смерти, были казнены именно там. Соответственно, когда сообщили, что с ним покончено, и весь народ поднял крик радости, они начали приносить жертвы, которые они освятили, в молитвах, используемых в таких торжествах; когда они закончили, они ушли во дворец.

А некоторых зрителей императоры угостили на своем собственном пиру, а для всех остальных были подготовлены великолепные застолья в их домах, ибо это был праздничный день для города Рима, отмечающий победу своей армии над врагами, конец гражданских бедствий и начало надежд на будущее процветание и счастье.

[71 г. н.э.]

После окончания этих торжеств и после того, как дела римлян были урегулированы на самых надежных основах, Веспасиан решил построить храм Мира, который он закончил в столь короткие сроки и столь великолепным образом, что это превзошло все человеческие ожидания и мнения. Ибо, обладая теперь по провидению огромным богатством, помимо того, что он ранее приобрел в своих других подвигах, он украсил этот храм картинами и статуями; ибо в этом храме были собраны и хранились все те редкости, которые люди в прежние времена бродили по всему обитаемому миру, чтобы увидеть, когда у них возникало желание увидеть их одну за другой. Он также хранил там, как знаки своей славы, золотые сосуды и инструменты, которые были взяты из иудейского храма. Но он все же приказал, чтобы их закон и пурпурные завесы святилища хранились в самом королевском дворце.¹

ИМПЕРИЯ В МИРЕ

[69-79 гг. н.э.]

Веспасиан, обеспечив таким образом безопасность и мир в империи, решил исправить бесчисленные злоупотребления, которые возникли при тирании его предшественников. Чтобы сделать это с большей легкостью, он присоединил к себе Тита в консульстве и трибунской власти и в некоторой степени допустил его в качестве партнера во всех высших должностях государства. Он начал с ограничения разнузданности армии и принуждения ее к соблюдению прежней дисциплины. Когда некоторые военные гонцы попросили денег на покупку обуви, он приказал им впредь совершать свои поездки босиком. Не менее строг он был и по отношению к сенаторам и всадникам. Он изгнал тех, кто позорил свое положение, и заменил их самыми достойными людьми, которых смог найти. Он сократил судебные процессы, которые дошли до неразумной длины. Он позаботился о восстановлении тех частей города, которые пострадали во время недавних беспорядков, в частности Капитолия, который недавно сгорел и который он теперь восстановил с большей, чем прежде, великолепием.

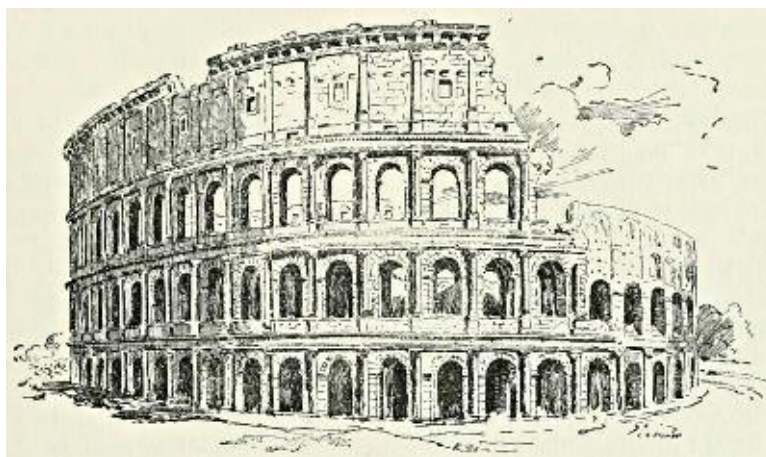
Другие разрушенные города империи также пользовались его отеческой заботой; он улучшил те, которые пришли в упадок, украсил другие и построил многие заново. В таких действиях он прожил долгое правление, отличавшееся мягкостью и умеренностью, так что, как говорят, ни один человек не пострадал от несправедливого или сурового указа во время его правления.^b

Заботу о восстановлении Капитолия [говорит Тацит] он поручил Луцию Вестину, человеку в звании всадника, но по авторитету и достоинству входившему в число первых людей в Риме. Созванные им гадалы посоветовали перенести руины прежнего святилища на болота и возвести храм на старом фундаменте, ибо боги не позволят изменить древнюю форму. На одиннадцатый день перед календами июля, когда небо было необычайно ясным, все пространство, отведенное под священное сооружение, было окружено венками и гирляндами. Солдаты, имевшие имена, предвещавшие удачу, вошли в ограду с ветвями деревьев, символизирующими счастье. Затем весталки в процессии с группой мальчиков и девочек, чьи родители, мужчины и женщины, были еще живы, оросили все место водой, взятой из живых источников и рек. Претор Гельвидий Приск, предшествуемый понтификом Плавтием Элианом, после очищения территории путем принесения в жертву свиньи, овцы и быка и возложения внутренностей на дерн, призвал Юпитера, Юнону, Минерву и покровителей империи, моля их благословить это начинание и с помощью божественной силы довести до совершенства дело, начатое благочестивыми людьми; затем Гельвидий возложил руку на венки, которые обвязывали фундаментный камень и были переплетены с веревками. В то же время магистраты, священники, сенаторы, рыцари и ряд граждан, движимые рвением и ликованием, одновременно приложили усилия, чтобы перетащить тяжелый камень. Пожертвования из золота и серебра, а также куски других металлов, впервые добытых из рудников и никогда не плавленных в печи, а оставшихся в естественном состоянии, были брошены на фундамент со всех сторон. Гадалы предписали, чтобы ни камень, ни золото, которые использовались для других целей, не оскверняли здание. Зданию была придана дополнительная высота; это было единственное изменение, допущенное религией; и с точки зрения великолепия оно считалось уступающим прежнему храму.ⁱ

Веспасиан также начал строительство великого амфитеатра, который под названием Колизей стал чудом последующих поколений, и который до сих пор достаточно хорошо сохранился, чтобы вызывать восхищение каждого туриста. Но это гигантское сооружение, вмещающее около восьмидесяти пяти тысяч человек, было завершено только во время правления преемника Веспасиана, Тита.

ИЗГНАНИЕ И СМЕРЬ ГЕЛВИДИЯ

В своем поведении как в частных, так и в публичных делах Веспасиан, по-видимому, действовал с умеренным суждением.^a Однако есть два события, которые, надо признать, оставили пятно на его памяти. Первое — это смерть Гельвидия Приска, второе — безжалостное обращение с Эппониной, женой Сабина. Гельвидий, прекрасный человек, пал жертвой своих врагов и, возможно, своего собственного неумеренного поведения. С ранних лет приобщившийся к учениям стоической школы и укрепившийся в гордости за свою добродетельность под влиянием примера своего тестя Пэта Трасея, он видел, какими уловками Веспасиан, несмотря на свою суровую натуру, добивался популярности, и не стеснялся говорить, что свобода находится в большей опасности от ухищрений новой семьи, чем от пороков прежних императоров. В сенате он высказывал свое мнение с безграничной свободой.

Колизей

Веспасиан терпеливо и с молчаливым достоинством относился к мерам правительства. Он знал добродетели этого человека и сохранял должное уважение к памяти Трасея. Желая по этой причине жить в мире с Гельвидием, он посоветовал ему в будущем быть молчаливым сенатором. Гордость стойко отвергла этот совет. Пассивное повиновение было настолько противно его принципам, что он еще более укрепился в своей оппозиции. Муциан и Эприй Марцелл, которые были любимыми министрами императора, были его врагами; и вполне вероятно, что по их совету Веспасиан в конце концов был вынужден позволить сенату действовать по своему усмотрению. Гельвидий был привлечен к суду отцами народа и помещен под стражу. Вскоре после этого он был изгнан и, в соответствии с приказом, отправленным из Рима, казнен. Говорят, что Веспасиан смягчился и послал специального гонца, чтобы отсрочить казнь, но удар был нанесен. Гельвидий, без всякого сомнения, был убежденным республиканцем. Его собственная неосторожность спровоцировала его судьбу, и, возможно, именно это имел в виду Тацит, когда противопоставлял умеренность Агриколы яростному духу других (), которые мчатся к верной гибели, не принося своей смертью никакой пользы обществу.

Случай Эппонины был примером крайней суровости, или, скорее, жестокости. Она была женой Юлия Сабина, одного из главных вождей лингонов. Этот человек, как рассказывает нам Тацит, тщеславно считал себя потомком Юлия Цезаря, который, по его словам, во время своих войн в Галлии был поражен красотой его бабушки и облегчал тяготы похода в ее объятиях. Амбициозный, смелый и предприимчивый, он разжег пламя восстания среди своих соотечественников и, решив сбросить римское иго, во главе многочисленной армии вторгся на территорию секванов, народа, союзного Риму. Это было в 69 году нашей эры. Он рискнул вступить в сражение и потерпел поражение с большими потерями. Его поспешно набранные войска были либо избиты, либо разгромлены. Сам он избежал общей бойни. Он убежал в укрытие в неизвестную хижину и, чтобы распространить слух о том, что он покончил с собой, поджег свое укрытие.

САБИН И ЭППОНИНА

Какими хитроумными уловками ему удалось скрыться в пещерах и логовах и, с помощью верной Эппонины, продлить свою жизнь на девять лет, теперь невозможно узнать из Тацита. Рассказ, который обещал великий историк, погиб вместе с повествованием о правлении Веспасиана. Плутарх рассказывает эту историю как доказательство супружеской верности. Из этого писателя можно почерпнуть следующие подробности: два верных

вольноотпущенника сопровождали Сабина в его пещеру; один из них, по имени Марциал, вернулся к Эппонине с ложным сообщением о смерти ее мужа. Ей внушили, что его тело было поглощено пламенем. В порыве горя она поверила этой истории. Через несколько дней она получила от того же посланника известие, что ее муж в безопасности в своем укрытии. Остаток дня она продолжала демонстрировать все признаки горя, скрывая радость в своем сердце. В глухую ночь она навестила Сабинуса. До рассвета она вернулась в свой дом и в течение семи месяцев повторяла свои тайные визиты, удовлетворяя потребности мужа и смягчая все его заботы. По истечении этого времени она зародила надежду на получение полного помилования и, замаскировав мужа таким образом, чтобы его было невозможно обнаружить, сопровождала его в долгом и мучительном путешествии в Рим. Обнаружив там, что ее обманули иллюзорные планы, она вернулась с Сабинусом и прожила с ним в его убежище еще девять лет.

В 79 году н. э. их обоих обнаружили и в цепях доставили в Рим. Веспасиан забыл о своей обычной милости. Сабин был осужден и поспешно казнен. Эппонина была решительно настроена не выживать своего мужа. Она изменила свой умоляющий тон и, с духом, непоколебимым даже в беде, обратилась к Веспасиану: «Смерть, — сказала она, — не пугает меня. Я жила счастливее под землей, чем ты на своем троне. Прикажи своим убийцам нанести удар; с радостью я покидаю мир, в котором ты можешь играть роль тирана».

Ее приговорили к казни. Плутарх заключает, что во время правления Веспасиана не было ничего, что могло бы сравниться с ужасом этого зверского деяния, за которое месть богов обрушилась на Веспасиана и вскоре привела к истреблению всей его семьи.⁴

ХАРАКТЕР И КОНЕЦ ВЕСПАСИАНА

[69-79 гг. н. э.]

Однако это, по-видимому, были совершенно исключительные случаи жестокости. Не отсутствуют и анекдоты, иллюстрирующие противоположный характер. Так, он выдал дочь Вителлия, своего заклятого врага, замуж за представителя знатной семьи и сам обеспечил ей подходящее состояние. Когда один из слуг Нерона пришел просить прощения за то, что однажды грубо выгнал его из дворца и оскорбил его, находясь на службе, Веспасиан отомстил ему, поступив с ним точно так же. Когда против него замыслились заговоры или интриги, он пренебрегал наказанием виновных, говоря, что они заслуживают скорее его презрения за свое невежество, чем его негодования, поскольку, по-видимому, завидуют ему достоинству, которое он ежедневно испытывает как бремя. Когда ему серьезно советовали остерегаться Меттия Помпосиана, против которого были веские основания для подозрений, он возвысил его до достоинства консула, добавив, что придет время, когда тот должен будет осознать столь великую милость.

Его щедрость в поощрении искусств и науки была не меньше его милосердия. Он установил постоянную зарплату в сто тысяч сестерциев для учителей риторики. Он был особенно благосклонен к Иосифу Флавию, еврейскому историку. Оратор Квинтилиан и натуралист Плиний процветали во время его правления и пользовались его высоким уважением. Он не менее поощрял все другие виды искусства и приглашал величайших мастеров и ремесленников со всего мира, делая им значительные подарки по случаю.

Однако все его многочисленные проявления щедрости и великодушия не смогли уберечь его от обвинений в алчности и скупости. Он возродил многие устаревшие методы

налогообложения и даже сам покупал и продавал товары, чтобы увеличить свое состояние. Его обвиняют в том, что он продвигал самых алчных губернаторов в провинции, чтобы разделить с ними добычу по их возвращении в Рим. Он опустился до некоторых весьма необычных и бесчестных поборов. Но скупость принцев обычно является добродетелью, когда их собственные расходы невелики. Когда Веспасиан вступил на престол, казна была настолько истощена, что он сообщил сенату, что для восстановления республики потребуется 40 000 000 000 сестерциев [300 000 000 фунтов стерлингов или 1 500 000 000 долларов]. Эта необходимость, естественно, привела к введению более многочисленных и тяжелых налогов, чем те, которые существовали в империи до этого; но в то время как провинции были вынуждены вносить свой вклад в поддержание его власти, он принимал все меры для обеспечения их безопасности, так что за время его правления мы находим только два восстания.

На четвертый год своего правления Антиох, царь Коммагены, поддерживавший тайную переписку с парфянами, явными врагами Рима, был взят в плен в Киликии правителем Пэтом и отправлен в Рим в оковах. Но Веспасиан великодушно предотвратил любое плохое обращение с ним, предоставив ему резиденцию в Лакедемоне и обеспечив доход, соответствующий его достоинству.

Примерно в то же время аланы, варварский народ, живший вдоль реки Танаис, покинули свои бесплодные дикие земли и вторглись в царство Мидии. Оттуда, как бурный поток, они проникли в Армению, где, совершив огромные разрушения, свергли Тиридата, царя этой страны, с ужасающей жестокостью. В конце концов, Тит был послан, чтобы наказать их дерзость и помочь царю, который был союзником Рима. Однако варвары отступили при приближении римской армии, унося с собой добычу, и были в некоторой степени вынуждены ждать более благоприятного случая для возобновления своих вторжений.

Но эти вторжения были как мимолетная буря, последствия которой были вскоре устранены умеренностью и усердием императора. Нам говорят, что он заново сформировал и установил тысячу народов, которых раньше едва ли насчитывалось двести. Ни одна провинция империи не оставалась вне его внимания и защиты. На протяжении всего своего правления он уделял особое внимание Британии; его полководцы Петилий Цереалис и Юлий Фронтин подчинили большую часть острова (70 г. н. э.), а Агрикола, который вскоре сменил их (78 г. н. э.), завершил то, что они начали.

Такой длительный и непрерывный успех несколько не усилил тщеславие этого императора. Он всегда казался невосприимчивым к тем громким титулам, которые постоянно предлагали ему сенат и народ. Когда царь Парфии в одном из своих писем назвал себя царем царей, Веспасиан в своем ответе назвал себя просто Флавием Веспасианом. Он был так далек от попыток скрыть свое скромное происхождение, что часто упоминал об этом в обществе; и когда некоторые льстецы пытались вывести его родословную от Геракла, он презирал и высмеивал их низкопробное льстецство. Пролетавая таким образом десять лет, любимый своими подданными и заслуживающий их привязанности, он был застигнут недомоганием в Кампании. Переехав оттуда в город, а затем в загородную резиденцию недалеко от Рима, он заболел поносом, который привел его к последней крайности. Однако, чувствуя приближение конца и когда он уже был на грани смерти, он воскликнул, что император должен умереть стоя, и, поднявшись на ноги, скончался в руках тех, кто его поддерживал. (79 г. н. э.)

«Он был человеком, — говорит Плиний, — а — в котором власть не изменила ничего, кроме как дала ему возможность творить добро в соответствии с его волей». Он был вторым

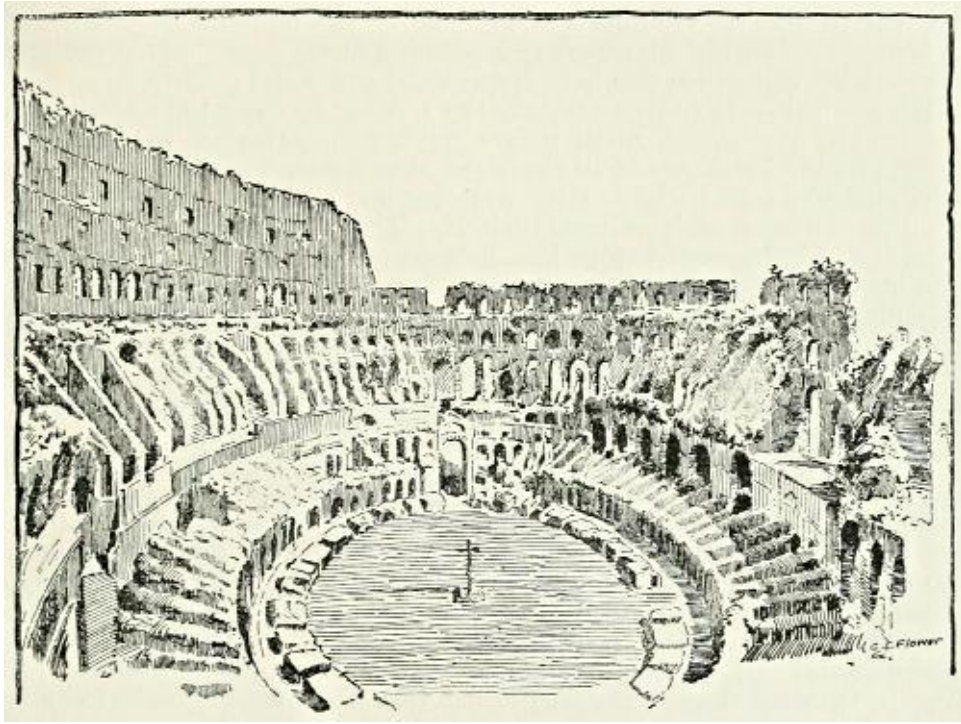
римским императором, который умер, несомненно, естественной смертью, и его преемником мирно стал его сын Тит.^{[b](#)}

КЛАССИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ВЕСПАСИАНА

Единственное, что заслуживает порицания в характере Веспасиана [говорит Светоний], — это его любовь к деньгам. Не довольствуясь восстановлением налогов, отмененных при Гальбе, он ввел новые обременительные налоги для подданных, увеличил дань провинций, а некоторые из них удвоил. Он также открыто занимался торговлей, которая была бы скандальной даже для человека, не обладающего достоинством императора, покупая большие количества товаров с целью их дальнейшей выгодной перепродажи. Более того, он без зазрения совести продавал высокие государственные должности кандидатам, а также помилование лицам, подвергавшимся судебному преследованию, как невиновным, так и виновным. Считается, что он продвигал всех самых алчных из прокураторов на более высокие должности с целью выжать из них все соки после того, как они приобретали большие богатства. О нем обычно говорили, что он «использовал их как губки», потому что, можно сказать, он смачивал их, когда они были сухими, и выжимал, когда они были мокрыми. Некоторые говорят, что он был по натуре чрезвычайно алчным и что его упрекал в этом его старый пастух, который, когда император отказался освободить его от повинности бесплатно, о чем тот смиренно просил при его продвижении по службе, воскликнул, что лиса сменила шерсть, но не характер. С другой стороны, некоторые считают, что к своим грабительским действиям его подтолкнула необходимость и крайняя бедность казны и казначейства, о чем он публично заявил в начале своего правления, объявив, что для поддержки правительства необходимо не менее сорока миллиардов сестерциев. Это более вероятно, потому что он использовал для лучших целей то, что добыл нечестным путем.

Его щедрость по отношению ко всем слоям населения была особенно заметна. Он компенсировал нескольким сенаторам состояние, требуемое по закону для получения этого достоинства, а также освободил от налогов бедных людей консульского ранга, выделяя им ежегодное пособие в размере пятисот тысяч сестерциев; кроме того, он восстановил в лучшем виде, чем раньше, несколько городов в разных частях империи, которые были сильно повреждены землетрясениями или пожарами.

Он был большим покровителем науки и ученых. Он первым назначил латинским и греческим профессорам риторики ежегодную стипендию в размере ста тысяч сестерциев каждому из казны. Он был также чрезвычайно щедр к тем, кто преуспевал в поэзии или даже в механических искусствах, и особенно к одному, который отреставрировал изображение Венеры в Косе, и другому, который отремонтировал Колосс. Когда один механик предложил перевезти в столицу несколько огромных колонн за небольшую плату, он щедро вознаграждал его за изобретение, но не принял его услуги, сказав: «Вы должны позволить мне позаботиться о бедных людях».

ИНТЕРЬЕР КОЛИЗЕЯ

В играх, проводившихся в честь возрождения сцены в театре Марцелла, он восстановил старые музыкальные развлечения. Он дал трагику Аполлинарию четыреста тысяч сестерциев; арфистам Терпну и Диодору — по двести тысяч; некоторым — по сто тысяч; и меньше всего он дал любому из исполнителей — сорок тысяч, помимо множества золотых венцов. Он постоянно принимал гостей за своим столом и щедро их угощал, специально чтобы помочь скотобойням. Как и во время сатурналий, он дарил мужчинам за своим столом подарки, которые они могли унести с собой; то же самое он делал и для женщин в календах марта; несмотря на это, он не мог стереть позор своей прежней алчности. Александрийцы постоянно называли его *Кибиосактесом* — именем, которое было дано одному из их царей, который был гнусно алчным. Более того, на его похоронах Фаво, архимимик, изображавший его личность и, как обычно, имитировавший его поведение, как в речи, так и в жестах, громко спросил у прокураторов, сколько будет стоить его похоронная церемония. И получив ответ «десять миллионов сестерциев», он воскликнул, что пусть дадут ему всего сто тысяч сестерциев, а его тело могут бросить в Тибр, если хотят.

Личность Веспасиана

Он был широкоплечим, крепким и имел лицо человека, который напрягается. По этой причине один из придворных шутов, когда император попросил его «сказать что-нибудь веселое о нем», шутивно ответил: «Я скажу, когда вы закончите облегчать себя».

Его образ жизни обычно был таким: после того как он стал императором, он привык вставать очень рано, часто еще до рассвета. Прочитав свои письма и сводки со всех ведомств при дворе, он приказывал впустить своих друзей, и пока они выражали ему свои поздравления, он надевал обувь и одевался. Затем, после того как он расправлялся с делами,

которые ему приносили, он выезжал в своей карете или на кресле, а по возвращении ложился на диван спать в компании некоторых из своих наложниц, которых он взял на службу в большом количестве после смерти Кенис. Встав с ложа, он шел в баню, а затем ужинал. Говорят, что он никогда не был более непринужденным и любезным, чем в это время, и поэтому окружающие всегда использовали эту возможность, когда хотели просить у него о какой-либо милости.

Он в основном прибегал к остроумию, когда речь шла о его постыдных способах добывания денег, чтобы с помощью небольшой шутливости стереть с себя позор. Один из его министров, который пользовался его большим расположением, просил его назначить какого-то человека управляющим под предлогом, что тот является его братом; он отложил это дело, но послал за кандидатом и, выжав из него столько денег, сколько тот согласился дать своему адвокату, немедленно назначил его на эту должность. Вскоре после этого министр возобновил свою просьбу: «Вы должны, — сказал он, — найти себе другого брата, потому что тот, кого вы считали своим, на самом деле мой». Однажды во время путешествия, подозревая, что его погонщик остановился, чтобы подковать мулов, только для того, чтобы дать время и возможность человеку, у которого был судебный процесс, поговорить с ним, он спросил его, сколько он берет за подковку, и хотел получить долю прибыли. Когда несколько депутатов пришли сообщить ему, что по общественному заказу для него будет воздвигнута большая статуя, которая будет стоить огромную сумму, он велел им немедленно воздвигнуть ее, показав им свою выдолбленную ладонь и сказав, что для нее уже подготовлено основание.^[22]

Даже когда Веспасиан находился под страхом и опасностью смерти, он не переставал шутить. Ибо когда, среди прочих чудес, мавзолей Цезарей внезапно распахнулся, и на небе появилась яркая звезда, он сказал, что одно из чудес касается Юлии Кальвины, которая была из рода Августа, а другое — царя парфян, который носил длинные волосы. А когда его впервые охватила лихорадка, он сказал: «Полагаю, я стану богом».

Тит (Т. Флавий Сабин Веспасиан II) 79-81 гг. н. э.

[79-81 гг. н. э.]

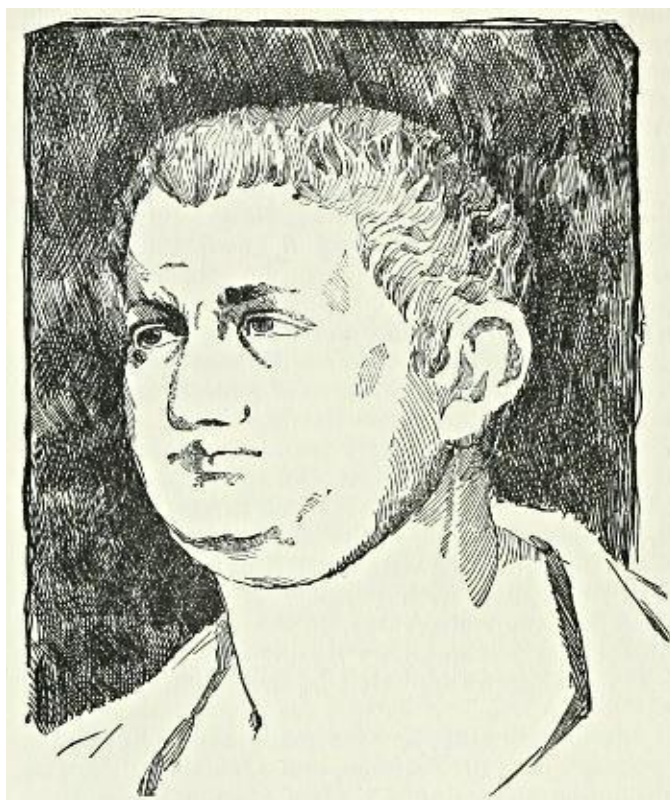
Тит, который имел то же когномен, что и его отец, был [по словам Светония] любимцем и радостью человечества (настолько он обладал счастливыми дарами, чтобы расположить к себе всех; и что действительно чрезвычайно трудно, после того как он стал императором; ибо до этого периода, даже во время правления его отца, он подвергался недовольству и осуждению со стороны публики). Он родился третьего числа января, в год, ознаменовавшийся смертью Калигулы, недалеко от Септизония, в скромном доме, в маленькой темной комнате.

Он получил образование при дворе вместе с Британиком, изучал те же предметы и учился у тех же учителей, что и он. Говорят, что в это время физиогномист, приведенный Нарциссом, вольноотпущенником Клавдия, чтобы осмотреть Британика, категорически утверждал, что тот никогда не станет императором, а вот Тит, который стоял рядом, станет. Они были настолько близки, что считается, что Тит, сидевший рядом с ним за столом, попробовал роковое зелье, которое положило конец жизни Британика, и заразился от него болезнью, которая оставалась с ним в течение долгого времени. Помня обо всех этих обстоятельствах, он воздвиг ему золотую статую во дворце, посвятил ему еще одну на лошади, из слоновой кости, и сопровождал ее в цирковом шествии.

В детстве он отличался прекрасными способностями как тела, так и ума, и с возрастом они становились еще более заметными. Он имел изящную фигуру, сочетающую в себе величие и мягкость; был очень сильным, хотя и не высоким, и несколько пузатым. Он был наделен превосходной памятью и способностями ко всем искусствам мира и войны; был совершенным мастером в обращении с оружием и в верховой езде на великолепных лошадях; очень хорошо владел латинским и греческим языками, как в стихах, так и в прозе; и настолько легко ему давались оба языка, что он мог импровизировать речи и сочинять стихи. Он был также знаком с музыкой, прекрасно пел и играл на арфе с большим вкусом. Многие рассказывали мне, что он был удивительно быстр в стенографии, в шутку и для развлечения вместе со своими секретарями подражал почерку любого человека, которого видел, и часто говорил, что «он прекрасно подходит для подделки документов».

По истечении срока его квесторства он был назначен командующим легионом и взял два крепких города Тарихею и Гамалу в Иудее; в сражении его коня убили под ним, и он сел на другого, с всадником которого он сражался, и убил его.

Вскоре после этого, когда Гальба стал императором, его отправили поздравить его с этим событием, и он привлекал к себе внимание всех людей, куда бы ни появлялся, поскольку среди них было общее мнение, что император послал за ним с намерением усыновить его. Но, обнаружив, что все снова в хаосе, он повернул назад и отправился в Пафос, чтобы спросить у оракула Венеры о своем путешествии, и получил заверения, что он сам получит империю. Это предсказание вскоре подтвердилось, и, оставленный для завершения покорения Иудеи, в последнем штурме Иерусалима он убил семерых из защитников города столькими же стрелами и взял город в день рождения своей дочери. По этому поводу солдаты выразили ему такую радость и привязанность, что, поздравляя его, единодушно приветствовали его титулом императора; и когда он вскоре после этого покинул провинцию, они хотели задержать его, убедительно прося его, и не без угроз, «остаться или взять их всех с собой». Этот инцидент вызвал подозрение, что он замышляет восстание против своего отца и хочет захватить власть на Востоке; подозрение усилилось, когда по дороге в Александрию он надел диадему во время освящения быка Аписа в Мемфисе; хотя он сделал это только в соответствии с древним религиозным обычаем страны, некоторые все же истолковали это в плохом смысле. Поэтому он поспешил в Италию, сначала прибыв в Региум, а оттуда на торговом корабле отплыл в Путеолы и как можно быстрее отправился в Рим. Неожиданно явившись перед отцом, он сказал, намекая на опрометчивость слухов, распространенных против него: «Я пришел, отец, я пришел».

Тит

(По бюсту в Ватикане)

С того времени он постоянно действовал как партнер своего отца в правительстве и, по сути, как его опекун. Он торжествовал вместе с отцом, совместно с ним занимал должность цензора и, кроме того, был его коллегой не только в трибунской власти, но и в семи консульствах. Взяв на себя заботу и контроль над всеми должностями, он диктовал письма, писал прокламации от имени своего отца и произносил речи в сенате вместо квестора. Он также взял на себя командование гвардией, которое до того времени никогда не принадлежало никому, кроме римского рыцаря, и вел себя с большой надменностью и жестокостью, без колебаний и промедления устраняя всех, кого он больше всего подозревал, после того как тайно нанял людей, которые рассеялись по театрам и лагерю и требовали, как бы по общему согласию, выдать их для наказания. Среди них он пригласил на ужин А. Цецину, человека консульского ранга, которого он приказал заколоть при его уходе, сразу же после того, как тот вышел из комнаты. К этому поступку его подтолкнула неминуемая опасность, ибо он обнаружил письмо, написанное рукой Цецины, содержащее рассказ о заговоре, затеянном среди солдат. Таким образом, хотя он и обеспечил будущую безопасность своей семьи, но в настоящее время он настолько навлек на себя ненависть народа, что едва ли кто-либо из императоров пришел к власти с более отвратительным характером или был более всеобщим предметом неприязни.

Помимо жестокости, он подозревался в роскошной жизни, поскольку продолжал свои пиры до полуночи в компании самых разгульных из своих знакомых. Не меньше подозревали его в чрезмерной развратности из-за множества фаворитов и евнухов, окружавших его, а также из-за его известной интрижки с королевой Береникой, которой, как сообщалось, он также обещал руку и сердце. Кроме того, его считали хищником, поскольку известно, что в делах, которые рассматривались его отцом, он предлагал свои услуги за

деньги, и брал взятки. Одним словом, люди открыто высказывали о нем неблагоприятное мнение и говорили, что он станет вторым Нероном. Однако это предубеждение в конце концов обернулось в его пользу и не мало усилило его славу, поскольку оказалось, что он не обладал порочными наклонностями, а напротив, самыми благородными добродетелями. Его развлечения были скорее приятными, чем экстравагантными, и он выбрал таких друзей, которых следующие принцы признали необходимыми для них и для правительства. Он немедленно изгнал Беренику из города, вопреки желанию обоих. Некоторых из своих старых фаворитов, хотя они и были такими искусными танцорами, что имели неоспоримое влияние на сцене, он не только не относился с особой добротой, но и не хотел видеть их на публичных собраниях народа. Он не посягал на частную собственность и, если кто-либо и воздерживался от несправедливости, то это был он; более того, он не принимал даже разрешенные и обычные пожертвования. Тем не менее, он не уступал ни одному из предшествующих ему правителей в щедрости. Открыв свой амфитеатр и построив рядом с ним теплые бани с большой скоростью, он развлекал народ самыми великолепными публичными зрелищами. Он также устраивал морские сражения в старой наумахии, помимо боев гладиаторов, и за один день приводил в театр пять тысяч диких зверей всех видов.

Он был по натуре чрезвычайно доброжелательным. В то время как императоры после Тиберия, следуя его примеру, не признавали действительными дарения, сделанные предыдущими правителями, если они не были одобрены ими самими, он подтвердил их все одним общим провозглашением, не дожидаясь, пока к нему обратятся по этому поводу. Из всех, кто выражал желание получить какую-либо милость, он никогда не отправлял никого без надежды. И когда его министры намекали ему, что он обещает больше, чем может выполнить, он отвечал: «Никто не должен уходить печальным с аудиенции у своего правителя». Однажды за ужином, размышляя о том, что он ничего не сделал для кого-либо в тот день, он произнес эту памятную и по праву восхитительную фразу: «Друзья, я потерял день».

Он относился ко всему народу при всех случаях с такой любезностью, что, обещая им зрелище гладиаторов, он заявил: «Он будет устраивать его не по своему вкусу, а по вкусу зрителей», — и поступил соответственно. Он не отказывал им ни в чем и очень откровенно поощрял их просить, что им угодно. Будучи поклонником гладиаторов по имени Фраки, он часто позволял себе свободу в словах и жестах по отношению к народу, но всегда с минимальным нарушением своего императорского достоинства или справедливости. Чтобы не упустить ни одной возможности завоевать популярность, он позволял простому народу входить в свои бани, даже когда сам ими пользовался. Во время его правления произошли несколько страшных бедствий, таких как извержение Везувия в Кампании и пожар в Риме, который продолжался три дня и три ночи, а также чума, подобной которой раньше почти не было. Среди этих мрачных бедствий он проявил не только всю заботу, которую можно было ожидать от принца, но и отцовскую любовь к своему народу, то утешая его своими прокламациями, то помогая ему всем, что было в его силах. Он выбрал по жребии из числа людей консульского ранга комиссаров для оказания помощи Кампании.

Имущество тех, кто погиб в результате извержения Везувия и не оставил наследников, он направил на восстановление городов, пострадавших от этой катастрофы. Что касается общественных зданий, разрушенных в результате пожара в городе, он объявил, что никто, кроме него самого, не должен понести убытки. Соответственно, он использовал все украшения своих дворцов для украшения храмов и общественных целей и назначил нескольких человек из всаднического сословия для надзора за этими работами. Для помощи народу во время чумы он использовал все средства, как человеческие, так и божественные, в виде жертвоприношений и лекарств. Среди бедствий того времени были доноски и те, кто их нанимал — племя злодеев, выросшее под покровительством прежних правителей. Он

часто приказывал их бить кнутом или дубинками на Форуме, а затем, после того как заставлял их пройти через амфитеатр в качестве публичного зрелища, приказывал продать их в рабство или изгонял на какие-нибудь скалистые острова. И чтобы предотвратить подобные практики в будущем, среди прочего, он запретил преследовать кого-либо по нескольким законам за одно и то же деяние, а также постановил, что после определенного количества лет дела умерших лиц должны быть освобождены от любого расследования.

Заявив, что он принял должность верховного жреца с целью сохранить свои руки незапятнанными, он верно сдержал свое обещание. Ведь после этого он ни прямо, ни косвенно не был причастен к смерти какого-либо человека, хотя иногда его достаточно провоцировали. Он поклялся, что «скорее погибнет сам, чем станет причиной гибели какого-либо человека». Когда двое патрициев были осуждены за стремление к императорской власти, он лишь посоветовал им отказаться от своих намерений, сказав, что верховная власть распоряжается судьбой, и пообещал им, что, если у них есть еще какие-то желания, он их удовлетворит. После этого он немедленно послал послов к матери одного из них, которая находилась на большом расстоянии и беспокоилась о своем сыне, чтобы заверить ее, что он в безопасности. Более того, он не только пригласил их на ужин, но и на следующий день, на гладиаторских боях, специально посадил их рядом с собой; и когда ему представили оружие бойцов, он передал его двум товарищам. Говорят также, что, узнав об их рождении, он заверил их, что когда-нибудь на них обрушится какое-то великое бедствие, но не с его стороны. Хотя его брат постоянно замышлял против него, почти открыто поднимая армию на восстание и пытаясь покинуть двор, чтобы встать во главе мятежников, он не мог заставить себя казнить его. Он был так далек от таких настроений, что не только не изгнал его из двора, но и не стал относиться к нему с меньшим уважением, чем раньше. Но с момента своего вступления на престол он постоянно заявлял, что тот является его партнером в империи и что он должен стать его преемником, иногда в частных беседах со слезами на глазах прося его ответить ему взаимностью.^с

РАЗРУШЕНИЕ ПОМПЕИ И ГЕРКУЛАНУМА

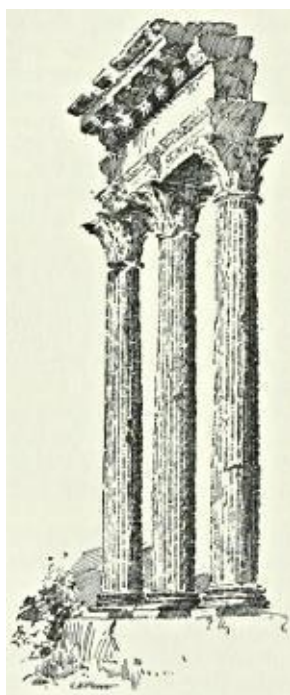
[79 г. н. э.]

Правление этого выдающегося правителя было отмечено серией общественных бедствий. Он правил всего два месяца, когда огромное извержение вулкана Везувий, первое в истории, посеяло ужас по всей Италии. До этого гора была самой красивой достопримечательностью ландшафта Кампании, покрытая виноградниками и другими приятными деревьями и растениями. В последние годы землетрясения происходили часто, но 24 августа вершина горы извергла огромное количество пламени, камней и пепла, которые принесли разрушения на большие расстояния. Небо на многие лиги было окутано мраком ночи; мелкая пыль, как утверждалось, долетела даже до Египта и Сирии, а в Риме она не давала видеть солнце в течение многих дней. Погибли люди и животные, птицы и рыбы. Соседние города Помпеи и Геркуланум были разрушены землетрясением, сопровождавшим извержение, а их жители погибли. Среди тех, кто погиб в результате этого события, был великий натуралист Плиний. Он командовал флотом в Мисене, и его любопытство побудило его отправиться в Стабии, чтобы поближе посмотреть на это потрясение природы, но он задохнулся от ядовитого воздуха.^е

Дион Кассий оставил нам яркую картину памятного извержения Везувия: «События, произошедшие в Кампании, — говорит он, — были рассчитаны на то, чтобы вызвать как страх, так и удивление; там, как раз когда приближалась осень, внезапно разразился

большой пожар. Гора Везувий находится недалеко от Неаполитанского моря и содержит огромный резервуар огня. В прежние времена вся гора была одинаковой высоты, и огонь исходил из ее самого центра, поскольку это единственное место, которое горит; вся внешняя часть до сих пор не подвергается воздействию огня. По этой причине, поскольку эти части остаются нетронутыми, а центральные части разрушились и превратились в прах, окружающие вершины сохраняют свою прежнюю высоту; в то время как с другой стороны вся зажженная часть, изношенная временем, обрушилась, оставив полость, которая, если сравнивать маленькие вещи с большими, придает горе общий вид амфитеатра. На вершине растут деревья и виноградники, а кратер является добычей огня и дымит днем и пылает ночью, так что можно предположить, что внутри постоянно сжигаются всевозможные благовония. Это явление проявляется то с большей, то с меньшей интенсивностью; иногда даже выбрасываются угли, когда падает какая-то большая масса, и камни разлетаются под действием сильного ветра. Из горы доносятся шумы и грохот, и следует отметить, что отверстия кратера, расположенные на некотором расстоянии друг от друга, узкие и скрыты.

«Таков Везувий, и эти явления повторяются почти каждый год. Но чудеса, которые происходили в прежние времена, хотя для тех, кто уделял им постоянное внимание, они казались более чем обычными, даже если взять их все вместе, можно считать незначительными по сравнению с событиями этого периода. Вот что на самом деле произошло. Многочисленные и огромные люди, превосходящие по росту любого человека и похожие на гигантов, изображаемых в мифах, были замечены бродящими днем и ночью то на горе, то в окрестностях и в городах, а иногда даже ходящими по воздуху. Затем внезапно поднялся ветер и земля начала сильно дрожать, так что вся равнина содрогалась, а вершины гор подпрыгивали. В то же время раздался шум, одни подземные, похожие на гром, другие, исходящие из земли, похожие на рев; море зарычало, и небо, как эхо, ответило на его рычание. После этого внезапно раздался страшный грохот, как будто горы столкнулись друг с другом; сначала камни были выброшены с такой силой, что достигли вершины горы; затем появились огромные пламя и густой дым, которые потемнили воздух и полностью скрыли солнце, как при затмении.

Колонны храма ЮПИТЕРА, Рим

«Ночь сменила день, а тьма — свет; некоторые полагали, что гиганты пробуждаются к жизни, ибо в дыму виднелись многочисленные призраки, похожие на них, и к тому же слышался звук труб; другие думали, что весь мир вот-вот поглотит хаос или огонь. Поэтому одни бежали из своих домов на улицы, другие — с улиц в свои дома, с моря на сушу и с суши на море, охваченные страхом и чувством, что любое место вдали отсюда безопаснее, чем их нынешнее положение. В то же время огромное количество пепла было выброшено в воздух и заполнило землю, море и воздух; другие бедствия также без разбора обрушились на человечество, на страну и на стада, уничтожили рыб и птиц, а кроме того, поглотили два целых города, Геркуланум и Помпеи, со всеми людьми, которые случайно сидели в театре. Наконец, пыли было так много, что часть ее проникла в Африку, Сирию, Египет и даже в сам Рим, затемнив воздух над этим городом и закрыв солнце. Это вызвало там большую панику, которая длилась несколько дней, потому что никто не знал, что произошло, и никто не мог догадаться, что это было; люди воображали, что все перевернулось, что солнце вот-вот исчезнет в земле, а земля взлетит в небо.

[79-80 гг. н. э.]

«На тот момент этот пепел не причинил римлянам большого вреда (позже он стал причиной страшной заразной болезни), но в следующем году другой пожар, начавшийся над землей, поглотил большую часть Рима, пока Тит отсутствовал, посещая место бедствий в Кампании. Храмы Сераписа и Исиды, Септа, храм Нептуна, бани Агриппы, Пантеон, Дириблаториум, театр Балба, сцена театра Помпея, Портикус Октавии с библиотекой, храм Юпитера Капитолийского с прилегающими храмами стали жертвой пламени. Правда, это несчастье было вызвано не столько людьми, сколько богами, ибо из того, что я сказал, все могут судить о других потерях. Тит послал двух консулов в Кампанию, чтобы основать там колонии, и дал жителям, помимо других сумм, те, которые достались от граждан, умерших без наследников; но он не получил ничего ни от частных лиц, ни от городов, ни от царей, несмотря на многочисленные подарки и обещания со стороны многих из них; однако это не помешало ему восстановить все из собственных средств».¹

Следует отметить, что Дион пишет с точки зрения римлянина и лишь вскользь упоминает о потере Помпеи и Геркуланума, которые, очевидно, не имели большого значения в то время. Однако, как уже отмечалось, погребение этих городов привело к сохранению огромного количества документов, которые, обнаруженные примерно через восемнадцать веков, дают свидетельство о нравах и обычаях того времени, которое не может быть предоставлено никакими другими сохранившимися источниками.

ОПИСАНИЕ ИЗВЕРЖЕНИЯ ПЛИНИЕМ

[79 г. н. э.]

Более подробные сведения о катастрофе в Помпеях приводятся Плинием Младшим ² в двух письмах, написанных Тациту с целью предоставить историку достоверные материалы, касающиеся этого события.³ Он пишет:

По-видимому, в течение нескольких дней до этого ощущались многочисленные и частые толчки землетрясения, но поскольку такие явления были вполне обычными для Кампании, это обстоятельство не вызвало особой тревоги, пока около часа дня 24 августа в атмосфере не появилось огромное и необычное облако. Из какой горы оно исходило, было трудно

определить в Мисене, где Плиний Старший (в то время) командовал римским флотом. Это облако продолжало подниматься в виде однородного столба дыма, который менял яркость, был темным и пятнистым, так как был более или менее пропитан землей и пеплом. Достигнув огромной высоты, оно расширилось и распространилось по горизонтали, приняв форму ветвей сосны, и обрушило горящие материалы, которыми оно было наполнено, на многие красивые, но несчастные города, густо расположенные на этом восхитительном побережье. Это необычное явление возбудило любопытство Плиния, который приказал подготовить судно для более тщательного осмотра, но, встретив нескольких беженцев и узнав о разрушительных последствиях, его любопытство сменилось состраданием к пострадавшим, которым он немедленно поспешил на помощь.

При приближении к Ретине пепел падал все горячее и в большем количестве, смешиваясь с пемзой, черными и разбитыми кусками горячей породы; отступление и волнение моря, отброшенного назад судорожными движениями земли, вместе с разорванными осколками, выброшенными с горы на берег, угрожали уничтожением всему, что пыталось продвинуться вперед. Поэтому Плиний приказал направиться к Стабиям, где он обнаружил, что тревога была настолько велика, что его друг Помпониан уже перевез свое более легко транспортируемое имущество на борт судна. Историк, менее опасавшийся, после трапезы с другом лег спать, но вскоре был вынужден уйти, так как, если бы он остался еще надолго, падающий пепел, как опасались, помешал бы ему выбраться из комнаты. Город еще не пострадал материально, и разрушительные последствия этого великого явления природы не достигли Мисена, но вдруг из всех частей Везувия вырвались широкие яркие языки пламени, которые, сияя с удвоенной яркостью в наступившей ночной тьме, озаряли сцену, теперь сопровождаемую усиливающимся ужасом непрекращающегося землетрясения, которое сотрясало здания до основания и обрушивало их крыши на головы испуганных людей, которые думали найти в них убежище, угрожая всеобщим опустошением.

Изгнанные из своих домов, которые больше не могли обеспечить им безопасность, несчастные жители искали убежища в полях и на открытых местах, прикрывая головы подушками, чтобы защититься от все более сильного падения камней и вулканического материала, который накапливался в таком количестве, что после нескольких минут пребывания на месте становилось трудно вытащить ноги из этой массы; но продолжающиеся внутренние потрясения все еще преследовали их; их колесницы, даже подпертые камнями, качались из стороны в сторону и не могли удержаться на месте; и хотя в других местах уже наступил день, здесь царила густая тьма, которая становилась еще более устрашающей из-за переменчивых отблесков факелов, периодически затмеваемых мимолетными вспышками молний.

Толпы людей теперь устремились к берегу, поскольку, как полагали, море могло бы предоставить им надежный способ спасения; но бурное волнение этой стихии, то набегавшее на берег, то отбрасываемое судорожными движениями земли, оставляя морских животных на суше, с которой оно отступало, исключало всякую возможность спасения.

Наконец, предшествуемое сильным серным запахом, черное и ужасное облако, окруженное со всех сторон раздвоенными молниями, разразилось потоком огня и огненного пара, опустилось на поверхность океана и покрыло всю бухту кратера, от острова Капре до мыса Мисена, своими ядовитыми испарениями; в то время как густой дым, сопровождаемый небольшим дождем пепла, катился, как поток, среди несчастных и испуганных беженцев, которые, в крайнем смятении, усугубляли свою опасность, толпясь в темноте и опустошении без какой-либо цели; теперь слышались крики женщин, вопли детей, возгласы мужчин, все обвиняющие свою судьбу и умоляющие о смерти, об избавлении, которого они

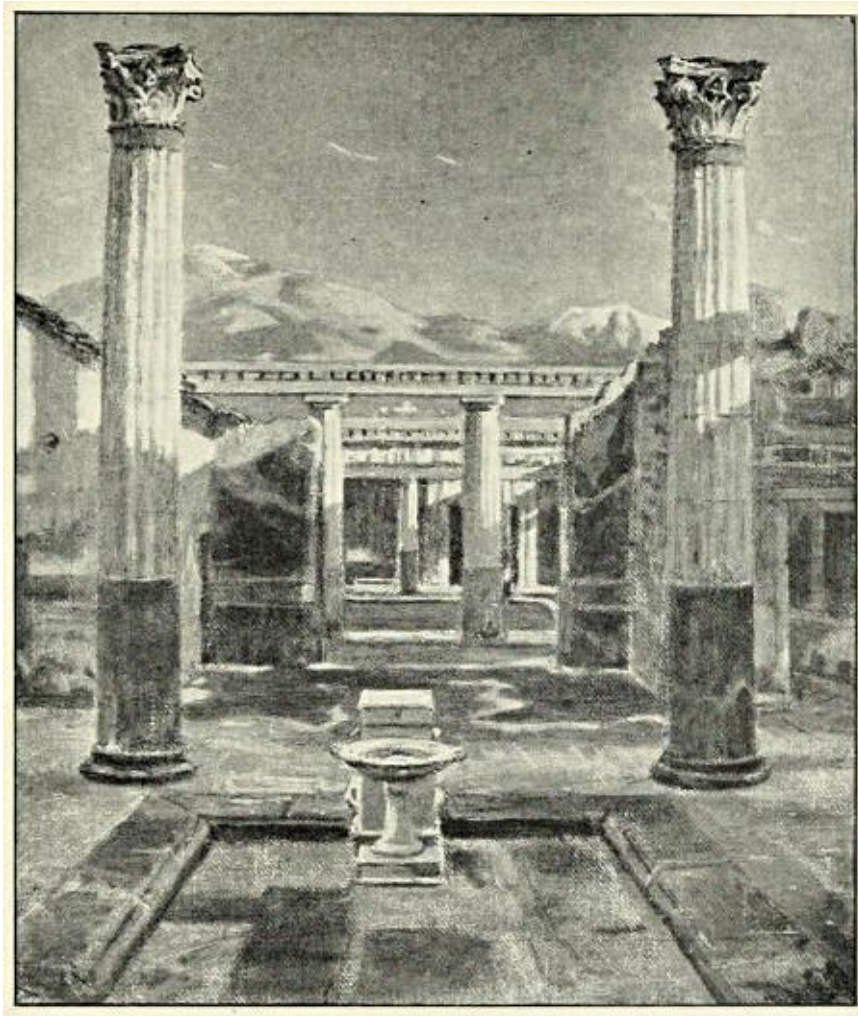
боялись, с протянутыми руками к богам, которых многие считали вовлеченными вместе с ними в последнюю вечную ночь.

Три дня и три ночи прошли в мучительном ожидании и неопределенности; многие, несомненно, задохнулись от ядовитых испарений; другие, измученные тяжелым путем по глубоким и почти непроходимым дорогам, падали и больше не поднимались; а те, кто спасся, разносили тревогу, приукрашивая все обстоятельства, усугубляя ужас, который подсказывало им их воображение, находящееся под влиянием страха. Наконец появился луч света, но не дневного, а огненного; за ним последовала густая тьма с таким сильным дождем пепла, что приходилось постоянно двигаться, чтобы не застрять и не быть погребенным под его слоем. На четвертый день тьма постепенно начала рассеиваться, появился настоящий день, солнце светило бледно, как во время затмения; но вся природа, ослабленным глазам, казалась измененной; города и поля исчезли под слоем белого пепла или были едва различимы, как более заметные объекты после альпийского снегопада.

Если таково описание этого ужасного бедствия, которое поразило Стабии и Мисен, относительно удаленные от источника бедствия, то какова же была ситуация несчастных жителей Помпеи, расположенной так близко, и Геркуланума, находящегося в самом эпицентре? Не следует ли сделать вывод, что, по крайней мере в последнем месте, большинство из тех, кто не был погребен под потоками каменистой грязи, предшествовавшими потокам раскаленной лавы, похоронившим их город на глубине шестидесяти футов под новой поверхностью, были настигнуты дождем вулканического материала в поле или утонули, пытаясь спастись по морю, их последним, но безнадежным средством спасения, поскольку, по-видимому, оно привело их к едва ли менее верной гибели?

[79-80 гг. н. э.]

Император Тит, чьи великие и добрые качества нашли здесь все возможности для проявления, немедленно поспешил на место бедствия; он назначил кураторов, лиц консульского достоинства, для восстановления разрушенных зданий и управления имуществом погибших без наследников в интересах выживших пострадавших; он освободил их от всех налогов и оказал им помощь, соответствующую их положению; лично ободряя унывающих и облегчая страдания пострадавших, пока бедствие столь же печального характера не вынудило его вернуться в столицу, где [как только что рассказал нам Дион Кассий] после разрушительного пожара, опустошившего почти половину города и бушевавшего без перерыва три дня, разразилась эпидемия, которая, как говорят, в течение некоторого времени уносила жизни десяти тысяч человек ежедневно.^{[h](#)}

РУИНЫ ПОМПЕИ

АГРИКОЛА В БРИТАНИИ

[79 г. н. э.]

Именно во времена Веспасиана и Тита знаменитый Агрикола вел кампанию в Британии. В свое первое лето там (78 г.) он повёл свои войска в страну ордовиков, в горных перевалах которой всё ещё продолжалась война за независимость, прогнал бриттов через пролив Менай и преследовал их в Англси, как ранее делал Суетоний, смело пересекая бурные воды перед лицом врага. Летом 79 года он продвинулся на север, на территорию бригантов, и завершил организацию недавно покоренного района между Хамбером и Тайном. Возможно, пораженный естественными укреплениями линии от Тайна до Солвея, где остров, казалось, был словно разорван пополам и неровно сращен, он построил цепь фортов от моря до моря, чтобы защитить подчиненных южных долин от неукротимых варваров, бродивших по Чевиотам и Пентлендам.

Проникнуть в бурные дебри Каледонии и выследить в их крепостях орды дикарей, оттадинов, горестов и меатов, которые бродили среди них, было предприятием, не сулящим ни добычи, ни славы. Легионы Рима с их дорогостоящим снаряжением не могли даже надеяться прокормиться на суровых горных склонах, не заселенных людьми и заброшенных

природой. Его лагеря на реках Тайн и Иртинг были складами, из которых Агрикола должен был полностью черпать свои припасы; обычный срок пребывания в должности префекта провинции был недостаточен для долгого, далекого и бесцельного приключения. Но Веспасиан уступил энтузиазму своего любимого лейтенанта; были предоставлены достаточные средства и достаточное время. На третьем году своего командования (80 г.) Агрикола продвинулся вдоль восточного побережья и, укрепляя каждый сантиметр своего продвижения дорогами и крепостями, достиг, возможно, залива Ферт-оф-Форт. Здесь он достиг точки, где два моря разделены перешейком шириной менее сорока миль. Здесь он повторил операции предыдущей зимы, разбив лагеря и построив посты от холма к холму, и обеспечил новую полосу территории шириной девяносто миль для римской оккупации. Местные жители, испуганные его присутствием и бежавшие от него, были таким образом, по словам Тацита, как бы вытеснены на другой остров. На мгновение казалось, что империя достигла своей северной границы. Агрикола отдыхал в течение следующего лета, занимаясь организацией своих завоеваний, и использовал свой пятый год (82 г.) также для укрепления своих позиций между двумя перешейками и покорения самых отдаленных уголков провинции, откуда ему стало известно о существовании нового царства. Травянистые равнины плодородной Ибернии представляли собой более привлекательную добычу, чем серые горы, которые грозно возвышались над его свежими укреплениями, и он был уверен, что все их богатства можно было бы обеспечить доблестью одного легиона. Но преобладали другие мнения; Агрикола отвернулся от мыса Галлоуэй, и Ирландия осталась со своими туманами и междоусобицами еще на одиннадцать веков.^{[k](#)}

СМЕРТЬ ТИТА

[79-81 гг. н. э.]

Между тем [говорит Светоний], Тит был унесен преждевременной смертью, что стало большей потерей для человечества, чем для него самого. В конце публичных развлечений, которыми он развлекал народ, он горько плакал перед всеми, а затем уехал в страну сабинов, очень меланхоличный, потому что жертва, которую собирались принести в жертву, сбежала, а в ясную погоду раздался громкий раскат грома. На первом этапе пути, его охватила лихорадка, и, когда его несли на носилках, говорят, что он отодвинул занавески, посмотрел на небо и тяжело вздохнул, жалуясь, что его жизнь была отнята, хотя он не сделал ничего, чтобы заслужить это; ведь не было ни одного его поступка, о котором ему пришлось бы сожалеть, кроме одного. Что это было, он сам не сказал, и никому не легко догадаться. Некоторые полагают, что он имел в виду незаконную интимную связь, которую он ранее имел с женой своего брата. Но Домиция торжественно отрицала это под присягой, чего она никогда бы не сделала, если бы в этом сообщении была хоть какая-то доля правды; более того, она наверняка бы этим хвасталась, как она достаточно смело делала в отношении всех своих постыдных интриг.

АРКА ТИТА, Рим

Он умер в той же вилле, где умер его отец, в иды сентября, через два года, два месяца и двадцать дней после того, как он сменил своего отца, в возрасте сорока одного года. Как только новость о его смерти была обнародована, все люди оплакивали его, как близкого родственника. Сенат, не дожидаясь созыва по прокламации, собрался, сначала заперев двери своего здания, а затем открыв их, и выразил ему такую благодарность и вознес ему такие похвалы, которых никогда не делал, пока он был жив и присутствовал среди них.^c

Правление Веспасиана и Тита было отмечено двумя важными обстоятельствами. Монархическая форма правления впервые со времен правления Августа продемонстрировала свою способность способствовать развитию культуры, нравственности, внешнему благополучию и комфорту жизни. Кроме того, под властью этих императоров началось великое объединение Римской империи в одно государство, или, другими словами, с того времени провинции постепенно перестали быть подчиненными частями политического организма, в котором до сих пор, за исключением нескольких городов и отдельных лиц, только жители Италии были гражданами, а все остальные — подданными. Последнее изменение не только сохранилось после смерти Тита, но и распространилось впоследствии на всю империю. С другой стороны, преимущества, принесенные империи личностными качествами Веспасиана и Тита, были лишь временными, поскольку преобладающая слабость и нестабильность мнений, а также отсутствие четкой и прочно устоявшейся конституции позволяли каждому плохому правителю оказывать большое личное влияние, и его пример оказывал более сильное воздействие на жизнь и нравы народа, чем его управление. Даже самому лучшему правителю было бы невозможно ввести более совершенную организацию среди народа, подавляющее большинство которого уже опустилось слишком низко и который льстил и служил каждому тирану и каждому пороку, чтобы наслаждаться жизнью без помех. Это проявилось сразу после смерти Тита, во время правления его брата Домициана.^d

Домициан (Тит Флавий Домициан), 81-96 гг. н. э.

[81-96 гг. н. э.]

Еще до того, как Тит испустил последний вздох, Домициан заставил всех покинуть его, сел на лошадь, поехал в преторианский лагерь и заставил солдат приветствовать его как императора. Как и большинство плохих императоров, Домициан начал свое правление с

популярных действий, и часть его хороших качеств сохранялась в течение некоторого времени.^[23] Таковы были его щедрость (ибо никто не был более свободен от алчности) и строгость, с которой он следил за отправлением правосудия как в Риме, так и в провинциях. Его страсть к строительству была чрезмерной; не довольствуясь восстановлением Капитолия, Пантеона и других зданий, поврежденных или разрушенных в результате недавнего пожара, он построил или отремонтировал несколько других; и на всех, старых и новых, он нанес свое имя, не обращая внимания на первоначального основателя.

Домициан был мрачным, меланхоличным человеком и любил уединение. Говорят, что его главным занятием, когда он был один, было ловить мух и прокалывать их острым пером; поэтому Вибий Крисп, когда его однажды спросили, есть ли кто-нибудь с Цезарем, ответил: «Нет, даже мухи нет». Среди лучших поступков этого принца в ранние годы можно отметить следующие. Он строго запретил отвратительную практику создания евнухов, за что заслуживает похвалы; хотя говорили, что его мотивом была не столько любовь к справедливости, сколько желание принизить память о своем брате, который питал пристрастие к этим несчастным существам. В это же время Домициан наказал трех весталок, нарушивших обет целомудрия, но вместо того, чтобы похоронить их заживо, он позволил им выбрать способ смерти.

В надежде приобрести военную славу он предпринял (83) экспедицию в Германию под предлогом наказания хаттов. Но он просто пересек Рейн, разграбил дружественные племена и вернулся, чтобы отпраздновать триумф, который сенат ему устроил. Однако пока он торжествовал за мнимые завоевания, настоящие завоевания продолжали совершаться в Британии Гнанием Юлием Агриколой, которому, как мы видели, Веспасиан и Тит поручили дела этого острова (78). Он завоевал страну вплоть до устьев рек Клайд и Форт и (83) разгромил каледонов в великой битве у подножия Грампианских гор. Домициан, хотя и был внутренне опечален, притворялся очень радостным успехом Агриколы; он распорядился, чтобы сенат присвоил ему триумфальные почести, воздвиг статую и т. д., и объявил, что намерен назначить его правителем Сирии; но когда Агрикола вернулся в Рим, полностью утвердив римскую власть в Британии, Домициан принял его холодно и больше никогда не использовал его.

Страна на левом берегу нижнего Дуная, современная Трансильвания, Валахия, Молдавия, в это время была заселена частью сарматского или славянского народа, называемого даками, которые отличались своей доблестью. Расширение римской границы до Дуная во времена Августа приводило к периодическим столкновениям с этим воинственным народом, но до настоящего правления не было ни одной войны значительного масштаба. Правитель даков в то время, по имени Децебал, был одним из тех энергичных людей, которых часто можно встретить среди варварских племен, которым природа дала все задатки величия, но судьба отводила узкую и бесславную сцену для их проявления. Вероятно, именно стремление к военной славе и грабежу, а не страх перед алчностью Домициана, единственная причина, указанная в « », заставило Децебала в это время (86 г.) пренебречь договорами с римлянами и повести свои воинственные орды через Дунай. Войска, которые противостояли им, были разгромлены и изрезаны на куски; гарнизоны и замки были взяты, и возникли опасения за зимние квартиры легионов. Опасность казалась настолько неминуемой, что все высказались за то, чтобы ведение войны было поручено Агриколе; и императорские вольноотпущенники, одни из благих, другие из злых побуждений, убеждали своего господина согласиться. Но его ревность к этому прославленному человеку была непреодолима, и он решил лично руководить войной.

Домициан отправился в Иллирикум, где его встретили дакийские посланники с предложениями о мире на условиях уплаты Децебалу подушной подати в размере двух

оболов с человека. Император немедленно приказал Корнелию Фуску, правителю Иллирикума, переправить свою армию через Дунай и наказать дерзких варваров. Фуск переправился через реку по плоту из лодок; он одержал некоторые победы над врагом, но в конце концов его армия была разгромлена, а он сам убит. Домициан, вернувшийся в Рим, поспешил обратно на театр военных действий, но вместо того, чтобы возглавить свои войска, остановился в городе Мезия, где предался своим обычным удовольствиям, оставив ведение войны своим генералам, которые, хотя и потерпели некоторые неудачи, в целом были успешны, и Децебал был вынужден просить о мире. Домициан отказался его предоставить, но вскоре после этого, потерпев поражение от маркомантов, которых он хотел наказать за то, что они не помогли ему в борьбе с даками, он послал Децебалу предложение о мире. Дакий не был в состоянии отказаться, но, по-видимому, он диктовал условия; и в результате римский император с тех пор ежегодно платил ему дань. Домициан, однако, торжествовал над даками и маркоманами, хотя и платил дань первым и был побежден вторыми.

Во время Дакийской войны (88 г.) Л. Антоний, командовавший в Верхней Германии, будучи грубо оскорблен императором, заключил союз с аламанами и провозгласил себя императором. Но Л. Максим выступил против него, и аламаны, не имея возможности прийти ему на помощь из-за поднятия уровня Рейна, были разгромлены и убиты.

Максим мудро и гуманно сжег все его документы, но это не помешало тирану казнить многих людей, причастных к восстанию.

Война против сарматов, которые разгромили римский легион, по мнению хронологов, произошла в 93 году. Домициан, как обычно, лично возглавил ее, но вместо триумфа довольствовался тем, что повесил лавровый венец на Капитолии. Это было последнее внешнеполитическое событие его правления.^e

Главными недостатками Домициана были неумеренная гордость, безграничная расточительность и детское желание выделиться. Его внешность, голос и, короче говоря, все его поведение выдавали гордый и деспотичный характер. Его безудержная расточительность привела его к алчности и хищничеству, а страх перед интригами сделал его жестоким. Избалованный в ранней юности, как император он поддался безудержному увлечению публичными развлечениями, жестокими зрелищами, гладиаторскими боями, гонками на колесницах и глупой страстью к строительству. Эти расточительства приводили к постоянной нехватке денег, что толкало его к угнетению и жестокости. В конце концов, он возненавидел и стал избегать людей, как Тиберий, и сошел с ума, как Калигула. Он не был лишен интеллектуальных способностей; в молодости он писал очень хорошие стихи, сочинил поэму о завоевании Иерусалима и написал лучший перевод поэмы Арата о звездах, чем Цицерон и Германик. Как только он вступил на престол, он счел ниже своего достоинства заниматься интеллектуальными вещами; с тех пор он изучал только записи и дневники Тиберия и почти полностью переложил составление своих писем, указов и речей на других.

Первая часть его правления была лучше, чем можно было ожидать, учитывая его характер. В первые годы он не проявлял алчности, а был склонен к щедрости и великодушию. Он издал несколько прекрасных указов, пресек злоупотребления со стороны жалобщиков и клеветников, а также публикацию пасквилей, сурово наказал пристрастных судей и с такой энергией поддерживал порядок среди чиновников, что ни один из них не осмеливался пренебрегать своими обязанностями ни в Риме, ни в провинциях; и, как несколько слишком категорично выразился историк Светоний, магистраты никогда не были более справедливыми и неподкупными, чем во время его правления. По этой причине Домициан с самого начала был ненавистен сенату, который в основном состоял из высоких

государственных чиновников, тем более что он во всех отношениях проявлял гораздо меньшую благосклонность к аристократии, чем Веспасиан и Тит.

Когда Домициан заметил, как мало друзей у него в сенате и высших слоях общества, он попытался завоевать популярность у народа щедрыми подарками, публичными развлечениями и блестящими пирами, а также предоставил солдатам такое значительное повышение жалованья, что вскоре сам понял невозможность покрыть связанные с этим огромные расходы. Он увеличил жалованье на четверть, и, поскольку финансы государства не могли покрыть такие расходы, он попытался прибегнуть к сокращению численности войск, но был вынужден отказаться от этой идеи из-за опасений беспорядков, мятежей в армии и уязвимости границ перед нападениями варваров. Домициан не имел оснований бояться ненависти сената, поскольку, хотя Веспасиан изгнал из него недостойных членов и заменил их людьми из самых уважаемых семей всей империи, при Домициане сенат не стал лучше, чем был раньше.^[24]

О огромной коррумпированности Римской империи того времени свидетельствует тот факт, что изменения, введенные в высших правительственных ведомствах лучшими из императоров, приносили пользу только до тех пор, пока во главе правительства стоял хороший и сильный правитель. Тот самый сенат, который Веспасиан пытался очистить, подчинялся при Домициане каждой прихоти тирана. Невозможно сказать, что было больше: наглость императора или подлость высшего суда империи. При двух достойных преемниках Домициана те же сенаторы вновь проявили себя разумными и достойными, не потому, что изменился дух времени или они сами стали лучше, а потому, что человек, стоявший во главе государства, сильно повлиял на сенат своим характером и таким образом вселил в него лучший дух.

Историку и читателю было бы одинаково утомительно перечислять все расточительства, эксцентричности и жестокости, которым Домициан все больше и больше предавал себя по мере того, как длилось его правление. В своем тщеславии он провозгласил себя богом, как Калигула, требовал, чтобы ему приносили жертвы, и ввел обычай называть себя «нашим господином и богом» во всех публичных постановлениях и документах. Он тратил огромные суммы на строительство, устраивал великолепные публичные игры и, как Тиберий и Нерон, был рабом всевозможных излишеств. Чтобы получить необходимые ему деньги, он под разными предлогами грабил многих богатых людей или казнил их. Не только алчность, но и подозрительность и страх подталкивали его к деспотизму и жестокости.^d Постепенно, как утверждалось, он приобрел настоящую склонность к мучению своих жертв. Говорили, что он получал удовольствие от присутствия при пытках и казнях заключенных и что, проявляя изысканную жестокость, он часто вел себя очень дружелюбно по отношению к тем, чью смерть он планировал. Но во всем этом следует учитывать преувеличения скандалистов. Однако то, что он жестоко подавлял всякую оппозицию, не подлежит сомнению.^a Его ненависть к сенаторам разгорелась еще сильнее, когда он обнаружил, что многие из них участвовали в заговоре Сатурнина, мятежного правителя северной Германии. С того времени и до конца своего правления он был ужасом для знати, а также для стоиков, чьи учения прославляли заговоры и «тираноубийство».^m

Граждане были беззащитны, сенат лишен власти, солдаты были пристрастны к Домициану, как когда-то к Нерону, и никто, кроме его доверенных лиц и слуг, не осмеливался приближаться к нему. Тиран, вероятно, никогда бы не был свергнут, если бы он, как Калигула, не заставил окружающих бояться за свою жизнь. Его собственная жена, Домиция, вступила в заговор с некоторыми из тех, кто должен был записывать или выполнять его жестокие приказы, чтобы уничтожить его. Случай однажды поместил в руки Домиции список осужденных, в который подозрительный тиран вписал ее имя. В том же

списке были имена двух префектов гвардии, Норбана и Петрония, а также Парфения, самого доверенного камергера Домициана, и поэтому Домиции было легко организовать заговор против своего мужа. Осуществить его было сложнее, поскольку Домициан обладал большой физической силой и, подозревая заговор, принял всевозможные меры предосторожности против таких попыток. Тиран был застигнут врасплох в своей спальне и убит после отчаянного сопротивления. Стражники были настолько разъярены убийством Домициана, что его преемник, Нерва, не смог защитить заговорщиков от их гнева, и они были изрублены солдатами после того, как их казнь была тщетно потребована от нового императора.

После смерти Домициана сенат дал полный выход своей ненависти к тирану. По его приказу статуя убитого императора была немедленно разрушена, его триумфальные арки снесены, а его имя стерто со всех общественных памятников. Власть была передана старому сенатору Коккею Нерве, которого заговорщики сразу же провозгласили императором после смерти Домициана. Очень характерно для того времени, что Нерва, как говорили, был возведен на престол не столько за свои заслуги перед государством, сколько потому, что при Домициане некоторые астрологи предсказали, что гороскоп этого человека указывает на то, что он станет императором в будущем.^[25] Все верили, что знаменитый философ Аполлоний Тианский, которому приписывали сверхъестественные силы, был свидетелем убийства Домициана в духе в Эфесе в тот момент, когда оно произошло, и публично объявил об этом народу.^d

Другие суеверия, касающиеся смерти Домициана, а также описание личных качеств и образа жизни императора, а также обстоятельств его гибели приводятся Светонием; эта биография является заключительной в знаменитом труде, который мы так часто цитировали.^a

СВЕТОНИЙ О СМЕРТИ И ХАРАКТЕРЕ ДОМИТИАНА

Что касается заговора и казни Домициана, [он говорит], что общепринятая версия такова. Заговорщики сомневались, когда и где им напасть на него: во время купания или ужина. Стефан, управляющий Домициллы, который в то время преследовался за мошенничество в отношении своей госпожи, предложил им свой совет и помощь; и, чтобы не вызвать подозрений, несколько дней обвязывал свою левую руку шерстью и бинтами, как будто она была ранена, в назначенный час для осуществления заговора он прибег к следующей уловке. Он притворился, что раскрыл заговор, и, будучи допущен по этой причине, представил императору письмо, которое тот читал с видом удивления, и ударил его ножом в пах. Но Домициан оказал сопротивление, и Клодиан, один из его камергеров, Максим, вольноотпущенник Парфения, Сатуриус, управляющий его спальней, вместе с несколькими гладиаторами набросились на него и нанесли ему семь ножевых ранений. Мальчик, который был ответственен за ларов в его спальне и как обычно находился рядом, когда все произошло, дал следующее дополнительное объяснение: Домициан, получив первую рану, приказал ему подать ему кинжал, который лежал под его подушкой, и позвать слуг; но он не нашел ничего у изголовья кровати, кроме рукояти кинжала, и все двери были заперты; тем временем император схватил Стефана, бросил его на землю и долго боролся с ним, то пытаясь вырвать у него меч, то, несмотря на то, что его пальцы были ужасно изуродованы, вырвать ему глаза. Он был убит 18 сентября, в сорок пятом году своей жизни и пятнадцатом году своего правления. Его тело было вынесено на обычных носилках государственными носильщиками и похоронено его кормилицей Филлис на поместье, которое принадлежало

ему по Латинской дороге, недалеко от Рима. Но позже его останки были тайно перенесены в храм семьи Флавиев и смешаны с прахом Юлии, дочери Тита, которую та же женщина также вскормила.

Он был высокого роста, скромного вида и очень румяный; имел большие глаза, но слабо видел. Его фигура была изящной, и в молодости он был совершенно таким, за исключением того, что его пальцы на ногах были немного загнуты внутрь. В конце концов он был обезображен лысиной, толстым животом и худобой ног, которые были истощены долгой болезнью. Он так хорошо понимал, насколько его скромное лицо делало его привлекательным, что однажды похвастался перед сенатом: «До сих пор вы одобряли мой характер и мое лицо». Он так переживал из-за своей лысины, что считал оскорблением, если кто-то другой подшучивал над этим, будь то в шутку или всерьез.

Он был настолько неспособен переносить усталость, что почти никогда не ходил пешком по городу. В своих походах и маршах он редко пользовался лошадью, обычно ездил в кресле. Он не имел склонности к упражнениям с оружием, но любил лук. Многие видели, как он убивал сотни диких зверей разных видов в своем поместье недалеко от Альбы и с такой ловкостью втыкал стрелы в их головы, что двумя выстрелами из лука он как бы втыкал в них пару рогов. Иногда он направлял свои стрелы в руку мальчика, стоящего на расстоянии и раскинувшего руки в качестве мишени, с такой точностью, что все стрелы пролетали между его пальцами, не причиняя ему вреда.

В начале своего правления он отложил в сторону изучение гуманитарных наук, хотя и позаботился о восстановлении, за огромные деньги, библиотек, которые были сожжены, собрав копии со всех концов и отправив писцов в Александрию, чтобы они копировали или исправляли книги из хранилища в этом месте. Тем не менее, он никогда не занимался чтением истории или поэзии, ни не упражнял свое перо для собственного совершенствования. Он читал только комментарии и деяния Тиберия Цезаря. Его письма, речи и прокламации составлялись для него другими, хотя он мог говорить убедительно и иногда выражать мысли, достойные внимания. «Я бы хотел, — сказал он однажды, — быть таким же красивым, как Метий считает себя». А о голове человека, чьи волосы были частично желтыми, частично седыми, он сказал, что она «посыпана снегом с медом».

Он говорил, что «положение принцев было очень плачевным, поскольку им никогда не верили в раскрытии заговора, пока их не убивали». Когда у него не было дел, он развлекался играми даже в дни, которые не были праздниками, и по утрам. В полдень он ходил в баню и обильно обедал, так что на ужин он редко ел больше, чем одно матийское яблоко, к которому он добавлял небольшой глоток вина из круглого кувшина, которым он пользовался. Он часто устраивал роскошные пиры, но обычно в спешке, потому что никогда не затягивал их до захода солнца и не устраивал после них пирушек с выпивкой. До сна он не делал ничего, кроме как гулял в одиночестве.

Народ воспринял его смерть без особого волнения, но солдаты были в великом возмущении и сразу же попытались возвести его в ранг богов. Хотя они были готовы отомстить за его смерть, им нужен был кто-то, кто возглавил бы их, но вскоре они добились этого, решительно потребовав наказания всех, кто был причастен к его убийству. С другой стороны, сенат был настолько обрадован, что собрался в спешке и в полном составе с горечью поносил его память, приказав принести лестницы и снести его щиты и изображения на глазах у всех, разбив их на месте об землю, и одновременно приняв указ об уничтожении его титулов повсюду и вечном изгнании памяти о нем. За несколько месяцев до его убийства ворона произнесла в Капитолии следующие слова: «Все будет хорошо». Некоторые люди истолковали это чудо следующим образом:

«Nuper Tarpeio quæ sedit culmine cornix,

«Est bene», non potuit dicere; dixit, «Erit».

«Ворона, которую поздно вечером можно было увидеть на Тарпейской скале,

Не могла сказать, что все хорошо, но сказала, что будет хорошо».

Говорят также, что Домициан видел сон, в котором у него на шее вырос золотой горб, что он расценил как верный знак счастливых дней для империи после него. Такое благоприятное изменение [заключает Светоний] вскоре произошло благодаря справедливости и умеренности последующих императоров.^c

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРАВЛЕНИЕ ИМПЕРИИ В ПЕРВОМ ВЕКЕ

[30 г. до н. э. — 96 г. н. э.]

В более чем одном смысле падение последнего из Флавиев знаменует конец эпохи. Как намекает Светоний, империя была на пороге периода лучших дней. Столетие и четверть, которые она только что пережила, были временем напряжения и бедствий. Из одиннадцати императоров, чьи жизни охватывали этот период, восемь встретили насильственную смерть. В этих условиях в воздухе, должно быть, витало чувство неопределенности, нестабильности человеческих дел и человеческой жизни. Это было время, когда сила определяла право, и, за исключением относительно коротких периодов, когда у власти были хорошие императоры Веспасиан и Тит, практически каждый день можно было с достаточной логичностью ожидать революции. Достаточно было одного удара кинжалом или отравленной пищи, чтобы положить конец правлению или династии. И то, пришла ли Немезида на несколько лет раньше или позже, было в значительной степени делом случая и в большинстве случаев не имело большого значения, поскольку новый правитель почти наверняка был таким же плохим, как и предыдущий.

Когда мы рассматриваем эту историю деспотических правлений и трагических концов, первая мысль, которая приходит в голову, — почему такое положение вещей терпели? Почему римляне, свергнув такого человека, как Тиберий, даже на мгновение подчинились правлению Калигулы? Почему, когда такой персонаж, как Клавдий, был удален со сцены, она была вновь подготовлена для Нерона? Ответ нетрудно найти. Он заключается в аномальном политическом положении империи и еще более аномальном положении ее правителя. На самом деле империя вовсе не была империей в современном понимании этого слова, из чего следует, что императоры не занимали такого номинального положения, какое подразумевает название, которое мы им даем и которое звучит для современного уха.

Правда, наше современное слово «император» является прямым потомком слова «imperator», так же как «kaiser» и «czar» являются прямыми потомками слова «cæsar». Но современное употребление значительно изменило значение этих слов; и, рассматривая историю ранней Римской империи, необходимо постоянно помнить, что «цезарь» изначально было лишь фамилией великого диктатора и первых пяти императоров, не имевшей вначале большего значения, чем любое другое отчество; и что слово «император» означало и изначально подразумевало не более, чем генерал или главнокомандующий армией.

Следует напомнить, что Август — проницательный и практичный политик — горячо осуждал использование любого слова, подразумевающего «господин» или «хозяин» в связи с его именем. Он был императором армии, принцепсом или лидером сената и верховным

жрецом (*pontifex maximus*) церкви и государства. Практические полномочия, которые либо ранее были связаны с этими должностями, либо постепенно были сконцентрированы вокруг них благодаря гению Августа, давали этому проницательному лидеру всю ту власть, которой обладает любой современный император. Но, исполняя такие поистине имперские функции, Август оставался в теории обычным гражданином, все его должности подчинялись мандату народа. Он жил без излишеств, вел себя с крайней почтительностью по отношению к своим согражданам, в большинстве случаев строго соблюдал букву закона, хотя и сам промульгировал законы, и даже в пятый раз прошел через формальность назначения на свою высокую должность на срок в десять лет.

Он завоевал любовь народа, а также доминирующее влияние на его дела. Народ с радостью воздавал ему честь, присваивая ему не только уже упомянутые титулы и звания, но и специальный титул Августа. Однако нельзя забывать, что ни один из этих титулов не производил на римский народ такого впечатления, какое произвело бы слово «царь». Если бы Август даже в самый расцвет своей власти осмелился принять этот титул, вполне возможно, что он постигла бы судьба его прославленного дяди.

И если это было верно в отношении Августа, то в равной степени это было верно и в отношении его преемников в I веке. Безусловно, они пришли к власти так же, как один царь сменяет другого. Август выбрал Тиберия своим преемником, и Тиберий взял бразды правления в свои руки практически без сопротивления. Но следует отметить, что в нескольких случаях, как в случае с Тиберием и снова, когда Нерон сменил Клавдия, хитроумные махинации, использованные для сохранения в тайне смерти императора до тех пор, пока его избранный преемник не смог укрепить свою власть с помощью армии и сената, сами по себе подразумевали несколько сомнительный характер права на преемственность.

На самом деле, никакого законного права на престолонаследие не существовало. До тех пор, пока не была пройдена формальность выбора сенатом, новый император не имел официального статуса. Не было и речи о божественном праве на престол. Действительно, насколько мало величие, окружающее короля, помогало освятить личности ранних императоров, достаточно ясно видно из записей об их трагической кончине. Конечно, цареубийство не является чем-то неизвестным даже в самых стабильных монархиях, но когда восемь из одиннадцати последовательных правителей гибнут насильственной смертью, становится очевидным, что предполагаемая королевская власть едва ли имеет какое-либо подобие святости.

Между тем номинальная форма правления римского народа оставалась такой же, как и при республике. Явно, сенат по-прежнему был верховным органом власти. Консулы избирались из года в год, как и раньше; и насколько императорская должность отличалась от ее современного аналога, хорошо видно из того факта, что император время от времени избирался консулом, разделяя тогда достоинство с согражданином, который теоретически был его официальным равным.

Если таково было номинальное положение императора, то в чем же заключался настоящий секрет его реальной власти? Она основывалась не на традиции царской власти, а на простом военном лидерстве. «Император», как уже было сказано, означал «командующий легионами», и тот, кто контролировал легионы, контролировал Римскую империю. В этом и заключался весь секрет. В этом нет ничего оккультного или загадочного. Положение Рима как повелителя мира зависело исключительно от его армии; поэтому человек, контролировавший эту армию, был повелителем мира. Отсюда следовало, что когда армия выбирала императора,^[26] будь то молодой Отон или престарелый Гальба, сенат не имел иного выбора, кроме как утвердить этот выбор своим одобрительным голосованием. Если,

как это произошло после смерти Нерона, армия не могла прийти к единому мнению в своем выборе, и разные легионы выдвигали по одному кандидату, сенат действительно должен был принимать решение, например, между Вителлием и Веспасианом, но окончательное решение принималось с помощью оружия. То, что сенат предпочел Веспасиана Вителлию, не имело бы большого значения в конечном итоге, если бы армия Флавиев не оказалась сильнее.

Одним словом, Римская империя I века, каким бы ни был ее номинальный статус, является настоящим военным деспотизмом: не только император зависит от легионов, но и сама нация не менее зависима. Границы империи простираются от Евфрата до самого западного мыса Испании и от Египта до Британии. Вокруг этой территории, охватывающей большую часть цивилизованного мира, протянут неприступный кордон солдат. В дни Тиберия этот стальной заградительный вал составляли двадцать пять легионов. Восемь легионов размещены вдоль Рейна; три легиона в Паннонии и два в Мезии вдоль Дуная; четыре легиона сосредоточены в Сирии, два в Египте и один вдоль средиземноморского побережья Африки. Из оставшихся пяти два находятся в Далмации и три в Испании. Эти легионы насчитывают почти четыреста тысяч человек. При преемниках Августа Британия была завоевана и, как и все другие границы, превратилась в место дислокации армий. Один взгляд на карту показывает, как этот великий барьер из солдат окружает могущественную империю. Устраните этот барьер, и империя Рима за один день сократится с мировых границ до маленького полуострова Италии, а может быть, даже до узких пределов самого города Рима.

И почему бы его не убрать? Какая польза гражданину Рима от того, что его имя вызывает ужас у самых отдаленных народов древнего мира? Какое значение имеет то, что Испания, Галлия, Паннония, Сирия и Египет признают власть города на Тибре? Ответ заключается в том, что это имеет огромное значение, поскольку эти отдаленные провинции являются источником жизненной силы империи. Из этих обширных владений, как гласит пословица, все дороги ведут в Рим, и каждая дорога изношена под тяжестью дани. Легионы, которые мы видели распределенными по всей обширной границе, были размещены там не в первую очередь для ведения боевых действий, а для взимания дани как платы за мир. Конечно, они сражались; в той или иной области они всегда сражались. Но эту войну вели в первую очередь враги государства; сам Рим редко принимал бы агрессивные меры, если бы народы, проживающие вдоль его границ, решили подчиниться его требованиям. Он требовал только денег или их эквивалента; при условии их предоставления он был другом и защитником всех народов в пределах своей территории.^[27]

И рано или поздно большинство этих народов пришло к выводу, что лучше мирно платить дань, чем сражаться и подвергаться грабежам. Здесь и там упрямые народы, такие как евреи, сопротивлялись некоторое время, но почти всегда в конечном итоге превосходство легионов брало верх, после чего следовало безразборное разграбление всего, что стоило взять, чтобы прославить неизбежный триумф римского полководца. Описание сокровищ, которые радовали глаза римлян, когда Тит и Веспасиан торжествовали после разрушения Иерусалима, — лишь один из примеров того, что происходило снова и снова, свидетельствуя о доблести римского оружия.

В конце концов, провинции смирились с неизбежным, пусть и с неохотой, и передали свои богатства в руки римских цензоров, которые передавали их императору, а тот откладывал выбранную им часть в официальную казну города. По оценкам, во времена Августа ежегодная дань от провинций составляла от пятнадцати до двадцати миллионов фунтов (от семидесяти пяти до ста миллионов долларов). Это была собственно дань, буквальная цена мира. Но это было не все. Рим был центром торговли для всех этих провинций — мировым

торговым центром, где купец из Испании мог торговать с купцом из Сирии, а продукция Галлии и Паннонии могла обмениваться на продукцию Египта. Все товары, независимо от места их происхождения, облагались импортной пошлиной, а все рыночные сделки должны были оплачиваться процентом в виде акциза.

Если иметь в виду все это, становится понятно, как император — одновременно полководец легионов и хранитель государственной казны — мог диктовать законы, контролируя не только имущество, но и жизни своих сограждан; ведь сила золота была не меньше — а может быть, и не больше — в древности, чем в наши дни. Мы видели, как император использовал это мощное оружие на практике. Мы видели, как массам населения было отказано в средствах к существованию; сотни тысяч римских граждан получали хлеб бесплатно. Щедрость Августа можно понять только тогда, когда полностью осознаешь положение императора как мультатора народов. До тех пор, пока все производительные нации мира вливали свои доходы без эквивалента в имперскую казну, граждане Рима могли жить в праздности и роскоши, не заботясь о завтрашнем дне, потребности которого обязательно были удовлетворены отцовским правительством. Обеспечивались не только средства к существованию, но и развлечения. Август приносил в жертву пять тысяч животных в одной серии игр; стадо слонов соревновалось с армией гладиаторов. Даже морское сражение устраивается на искусственном озере недалеко от города. А в более поздние времена эта фаза практической политики развивается до еще более крупных масштабов. Веспасиан и Тит строят амфитеатр — знаменитый Колизей — который вмещает восемьдесят пять тысяч зрителей; и однажды Тит радует народ серией боев, продолжавшихся сто дней.

Хорошо жить в имперском Риме — месте неиссякаемой щедрости и непрекращающихся развлечений. Нет нужды работать, ведь десятки тысяч рабов выполняют все черную работу. По сути, у свободного человека нет других дел, кроме удовольствий — бани, банкетов, театра и гладиаторских боев. Рим в эти дни — великолепный город. С его обновленным Форумом, новым Капитолием, триумфальными арками, грандиозным Колизеем он является городом чудес. Современным ему гражданам кажется, что он находится на вершине могущества и славы, с которой даже время не может сдвинуть его. Оглядываясь назад с высоты более поздних знаний, легко морализировать, легко понять, что разложение пожирало сердце нации, легко осознать, что вся эта ложная цивилизация возвышалась над кратером вулкана. Но мы вполне можем полагать, что очень немногие современные граждане обладали предвидением, сопоставимым с нашим современным мышлением.

И, действительно, справедливости ради следует признать, что у медали есть и другая сторона. Какой бы нестабильной ни была форма правления, в материальном процветании есть нечто, что до определенной степени способствует и интеллектуальному процветанию. И поэтому в этом первом веке Римской империи не было недостатка в великих людях. Золотой век литературы пришелся на время Августа; серебряный век — на время его непосредственных преемников. Поэты и философы оставили нам такие имена, как Валерий Максим, Асиний Поллий, Сенека, Лукан, Валерий Флакк, Марциал, Квинтилиан и Стаций. История и наука никогда не были представлены так полно, как в дни Патеркула, Мелы, Квинта Курция, Флора, Плиния, Иосифа Флавия, Светония и Тацита. Время, которое породило таких людей, не было совсем плохим. К сожалению, ни один из будущих веков римской истории не сможет показать нам такой же список.

СНОСКИ

[19] Дион рассказывает об этом инциденте с небольшим изменением. По его словам, германский солдат сказал: «Я окажу тебе всю возможную помощь», — и тут же заколот Вителлия и покончил с собой. Дион, кн. LXV.

[20] [См. том II, гл. 14.]

[21] Веспасиан и его два сына, Тит и Домициан.

[22] [Все слухи о скупости Веспасиана, по-видимому, были вызваны (1) повышением им налогов и (2) его бережливостью. Такие примеры юмора, как приведенные здесь, были искажены и превращены в доказательства скупости].

[23] [Домициан называется «плохим» отчасти потому, что он противостоял сенату.]

[24] [Или, скорее, улучшение, хотя и реальное, не было сразу очевидным.]

[25] [Настоящими причинами, вероятно, были (1) то, что он был сенатором, и (2) то, что его преклонный возраст давал амбициозным людям возможность интриговать за трон.]

[26] [Важное значение придавалось в первую очередь голосам преторианской гвардии, которая была размещена в Риме или в его окрестностях. Необходимо было учитывать и мнение самого римского народа. Легионы, размещенные на расстоянии, могли поддержать преторианцев или, с другой стороны, выдвинуть своих кандидатов, как мы уже видели.]

[27] [Наиболее эффективный защитник, обеспечивающий мир и хорошее правление. Но покорные народы утратили всякий национальный и военный дух, так что они были неспособны защитить себя после того, как империя перестала их защищать.]

ГЛАВА XXXVI. ПЯТЬ ХОРОШИХ ИМПЕРАТОРОВ: ОТ НЕРВЫ ДО МАРКА АВРЕЛИЯ (96-180 гг. н. э.)

Пока философы не станут царями, а князья этого мира не обретут дух и силу философии, а политическое величие и мудрость не соединятся воедино, города никогда не избавятся от зла — нет, и человеческий род, как я полагаю, — и только тогда наше государство обретет возможность жизни и увидит свет дня. Правда в том, что государство, в котором правители наиболее неохотно правят, управляется лучше и спокойнее, а государство, в котором они наиболее охотно правят, — хуже всего. — ПЛАТОН.

НЕРВА (М. КОККЕЙ НЕРВА), 96-98 гг. н. э.

[96-98 гг. н. э.]

Новый император, правивший менее двух лет (96-98), отличался столь же мягким и милосердным нравом, сколь его предшественник — противоположным характером. Он поставил своей главной задачей сосредоточить всю власть в руках сената. Он не смог этого достичь, потому что правитель должен был сочетать в себе качества способного и уважаемого полководца, и правление Нервы показывает, насколько важно было для

правителя империи быть солдатом и лидером. Сам Нерва слишком быстро убедился в этом. Преторианцы и римский народ, недовольные правлением старого и серьезного человека, в течение всего первого года провоцировали беспорядки; они были особенно раздражены тем, что Нерва, чтобы восполнить доходы, ограничил публичные игры и продал дорогостоящие сосуды и коллекции, которые Домициан приобрел из-за своей любви к роскоши.

Нерва вскоре понял, что ему грозит судьба Гальбы, что ему бросают вызов и презируют его должность. Поэтому он, как и Гальба, решил взять в соправители энергичного человека, пользовавшегося большим уважением у народа, и его выбор оказался гораздо удачнее, чем у Гальбы. Когда анархия в столице достигла своего апогея, император удивил римский народ, назвав преемника, выбранного не из сената, а из армии, и обладающего в высшей степени любовью солдат. Ульпий Траян, на котором остановился его выбор, в то время стоял во главе легионов на нижнем Рейне и не только прославился своими доблестными подвигами на войне, но и в Риме однажды был встречен народом почти как бог благодаря своей царственной осанке и героической внешности. С назначением Траяна беспорядки быстро прекратились, и гордые преторианцы безропотно подчинились, когда новый соправитель приказал им присоединиться к нему в Германии и присоединил их к другим легионам, находившимся там.¹

Дион Кассий рассказывает о вступлении Траяна на престол следующим образом:

«Нерва, видя, что его презируют из-за преклонного возраста, поднялся на Капитолий и громко провозгласил: «Да будет это счастливым и приятным для сената, для римского народа и для меня самого! Я усыновляю М. Ульпия Траяна». После чего он провозгласил его цезарем в сенате и написал ему собственноручно (Траян командовал в Германии):

«Пусть дунайцы искупят мои слезы ударами твоих дротиков».

Так Траян стал цезарем, а впоследствии императором, хотя у Нервы были родственники. Но Нерва не ставил своих родственников выше блага государства; хотя Траян был испанцем, а не итальянцем и даже не сыном итальянца, он все же был усыновлен, несмотря на это, потому что до того дня ни один иностранец не был императором римлян; Нерва считал, что важным вопросом были заслуги человека, а не его страна. Он умер после этого усыновления, процарствовав один год, четыре месяца и девять дней; он прожил шестьдесят пять лет, десять месяцев и десять дней.

«Траян, прежде чем стать императором, видел следующий сон: ему показалось, что старик, одетый в претексту и украшенный короной, как обычно изображают сенат, поставил на нем печать кольцом сначала на левой стороне шеи, а затем на правой. Когда он стал императором, он собственноручно написал сенату, сказав, среди прочего, что не будет казнить и клеймить как позорных никаких достойных людей; и эти обещания он подтвердил клятвой как в то время, так и впоследствии. Позвав Элиана и преторианскую гвардию, восставшую против Нервы, как будто с намерением использовать их, он избавился от них. Едва прибыв в Рим, он принял несколько постановлений о реформе государства и в пользу достойных людей, к которым он относился с таким уважением, что выделил средства городам Италии на образование детей, благодетелем которых он стал. Когда его жена Плотина впервые вошла во дворец, достигнув вершины лестницы и повернувшись к храму, она сказала: «Как я вошла, так и уйду». На протяжении всего его правления она вела себя так, что ей не могли предъявить никаких упреков».²

Траян (М. Ульпий Траян Кринит), 98-117 гг. н. э.

По происхождению, как только что было отмечено, Траян был испанцем, хотя его отец занимал должность консула в Риме. Не более пятидесяти лет назад римлянам было бы невыносимо подчиняться иностранцу, но во времена Траяна место рождения человека уже не принималось во внимание. Настолько сильно изменились мнения и обстоятельства в результате растущего слияния империи в единое государство.

Нерва умер через год после назначения своего соправителя (январь 98 г.). Последний, который на момент вступления на престол был в расцвете сил и правил с 98 по 117 г., обладал всеми качествами, которые требовались от правителя в соответствии с духом времени, существующим положением дел и благосостоянием империи. Как правитель он совершил только одну ошибку: он пытался расширить границы империи завоеваниями и тем самым вновь повел римлян по пути, от которого они отказались со времен Августа, что принесло государству огромную пользу. Траян сочетал в себе высокий дух со всеми лучшими качествами солдата. Он получил военное образование и большую часть своей предыдущей жизни провел в лагере; поэтому ему не хватало традиционной культуры, но тяготы военной службы придали ему здоровье и силу, а простая и суровая жизнь сохранила твердость и прямоту его ума. Своим неизменным уважением к закону и справедливости, к равенству и гражданской добродетели, к древним обычаям и к репутации высшей должности в государстве, а также своим выбором подчиненных и друзей (среди которых были два лучших писателя того времени, Плиний Младший и Тацит) Траян показал, как мало культуры и образования было необходимо, при наличии таких качеств, чтобы человек мог достойно занять место во главе империи.

Его управление было образцовым, он презирал произвольное использование власти, позволял закону действовать, разделял законодательную и административную ветви власти и защищал провинции сильной рукой от угнетения со стороны чиновников. При своем дворе он организовал все так, как было при Веспасиане и Тите. Вдохновленный нелепой гордостью, Домициан вновь ввел жесткий придворный этикет времен Клавдия и Нерона; Траян изгнал из своего окружения и образа жизни всякую показную роскошь и стеснение. Он относился к знатым людям, своим ежедневным спутникам, как к друзьям, отвечал на их визиты, ожидал, что они будут приходить к нему без приглашения, и предоставлял свободный доступ к себе каждому гражданину, желавшему представить прошение.

Своим интересом к науке и образованию, а также к архитектуре, военным дорогам, гаваням и другим объектам общественного назначения Траян не только пошел по стопам Веспасиана, но и сделал гораздо больше, чем тот. Например, он открыл публичную библиотеку, которая была названа в честь него самого Ульпианом и оставалась самой важной в Риме на протяжении всей древности.

ПЕРВАЯ ДАЦИЙСКАЯ ВОЙНА

Ничто в правлении Траяна не имело столь большого и далеко идущего значения, как его несчастная и ошибочная идея защищать империю путем новых завоеваний и очищать

нравы возрождением военных амбиций. С ранней юности он был обучен как солдат и полководец; в своих походах он познакомился со многими странами и народами; он был готов ко всем трудностям военной службы и, будучи императором, любил делить их со своими солдатами; редко садился на лошадь во время походов, а шел пешком, как и его люди.

Через три года после своего вступления на престол он начал свои завоевательные войны, первая из которых произошла в Дакии на нижнем Дунае. Как император, он никогда не думал о попытках завоевать Нижнюю Германию, хотя он действовал там в качестве губернатора и генерала в течение десяти лет. Страны нижнего Дуная, а за ними и Восток, казались ему более подходящими для того, чтобы доказать миру свои способности как генерала. В Молдавии и Валахии несколько десятилетий назад объединились иммигранты фракийского происхождения, среди которых наиболее важную роль играли даки, и своими объединенными силами напали на римскую Фракию. В то время, когда Вителлий и Веспасиан боролись за трон, они были отбиты войсками последнего на пути в Верхнюю Италию, через Фракию и Мезию, а Фонтей Агриппа, генерал и наместник Веспасиана, основал ряд укрепленных лагерей на Дунае в качестве защиты от них.

При Домициане племена, входившие в дакийский союз, во главе с Децебалом, вновь вторглись в Римскую империю. Они разрушили несколько крепостей, несколько раз отразили римские войска и нанесли страшный ущерб. Сам Домициан дважды выступил к Дунаю, но его войска потерпели поражение в большинстве сражений. Будучи подозрительным человеком, он не осмелился доверить командование значительной армией способному человеку, хотя сразу после отзыва Агриколы из Британии у него был генерал, который во всех отношениях подходил для такой борьбы. Таким образом, даки не только остались безнаказанными, но и продолжили свои разрушения, а Децебал фактически предложил римскому императору условия мира при условии, что ему будет ежегодно выплачиваться определенная сумма денег. Домициан согласился на эти позорные условия, и дегенерировавший сенат Рима удостоил его чести триумфа как завоевателя даков.

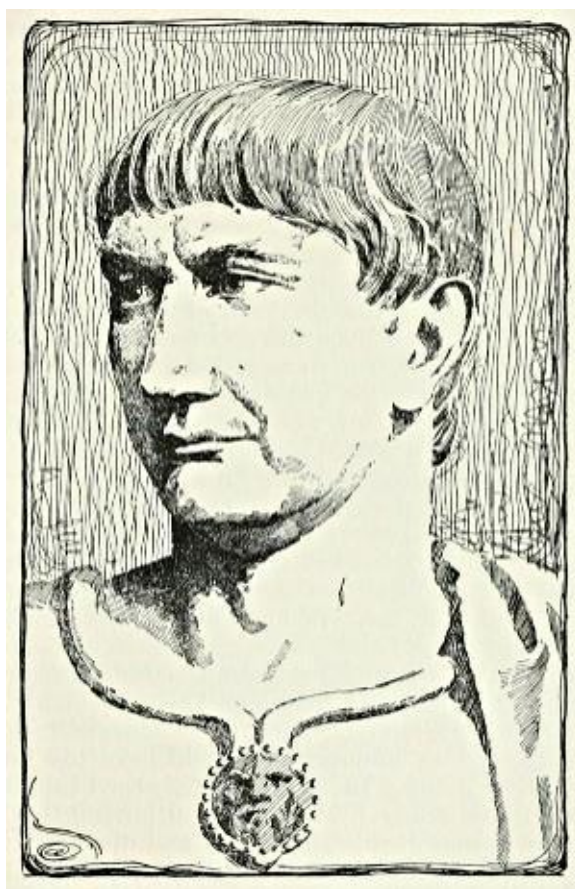
Траян отказался платить дань, и даки вновь вторглись на римскую территорию. Поэтому он лично отправился к Дунаю, чтобы вести против них войну (101). Он переправился через реку, отомстил за разрушения, причиненные даками, гораздо более страшными опустошениями на их собственной земле и разгромил войска врага везде, где они противостояли ему. На третий год войны (103 г.) король варваров был вынужден подчиниться и принять условия мира, диктованные Траяном.^f

Ксифилин^h сохранил для нас из сочинений Диона Кассия некоторые интересные подробности этой кампании, а также случайные замечания о характере Траяна. Он рассказывает, что Траян был вынужден начать эту кампанию, потому что «помнил о поведении даков, был огорчен данью, которую они получали каждый год, и понимал, что их гордость растет вместе с их численностью». Децебал был охвачен ужасом, узнав о его походе; и действительно, он хорошо понимал, что это были не римляне, а Домициан, которого он ранее победил, и что теперь ему придется сражаться против римлян и против императора Траяна. Траян отличался в высшей степени своей справедливостью, мужеством () и простотой манер. Он имел крепкое тело (ему было сорок два года, когда он унаследовал империю, поэтому он выдерживал все тяготы не хуже других) и энергичный ум, благодаря чему он был свободен как от порывистости молодости, так и от медлительности старости. Далекий от зависти и пренебрежения к кому-либо, он почитал всех достойных людей и возвышал их до высоких должностей, ибо он никого из них не боялся и не ненавидел. Он не верил клевете и ни в коей мере не был рабом гнева. Он воздерживался как от посягательств на чужое имущество, так и от несправедливых убийств.

«Он тратил много на войну, много также на дела мира; но самые многочисленные и необходимые статьи расходов были связаны с ремонтом дорог, гаваней и общественных зданий, причем ни для одной из этих работ он никогда не проливал кровь. Его замыслы и мысли были настолько обширны, что, восстановив цирк из руин и сделав его более прекрасным и величественным, чем прежде, он установил надпись, гласившую, что он восстановил его, чтобы он мог вместить весь римский народ.

«Он стремился завоевать любовь своим поведением, а не получать почести. Он привнес мягкость в свои отношения с народом и достоинство в свое поведение по отношению к сенату; он был любим всеми и страшен только врагам. Он участвовал в охотах граждан, в их праздниках, их трудах и замыслах, а также в их развлечениях; часто он даже занимал четвертое место в их носильщиках и не боялся входить в их дома без охраны. Не будучи совершенным в науке красноречия, он знал ее методы и применял их на практике. Не было ничего, в чем он не преуспевал. Если он и любил войну, то довольствовался победами, сокрушением непримиримого врага и расширением своих государств. Под его командованием никогда не случалось, как это часто бывает в подобных обстоятельствах, чтобы солдаты давали волю гордости и надменности, настолько велика была его твердость в командовании. Таким образом, Децебал боялся его без оснований.

Траян диктует Децебалу условия

ТРАЯН

(С бюста в Капитолии)

«Во время похода Траяна против даков, когда он находился недалеко от Тапеса, где расположились лагерем варвары, ему принесли большой гриб, на котором латинскими буквами было написано, что другие союзники и бурии умоляют Траяна повернуть назад и заключить мир. Тем не менее он вступил в сражение, в котором большое количество его людей было ранено, а враг понес большие потери; когда перевязочные материалы закончились, он, как говорят, не пощадил даже свою одежду, разорвав ее на куски; кроме того, он велел воздвигнуть алтарь в честь своих солдат, погибших в сражении, и ежегодно приносить им погребальные жертвы. Стремясь достичь высот, захватывая одну гору за другой и сталкиваясь с тысячами опасностей, он прибыл к резиденции дакийских царей, в то время как Луций, атаковавший с другой стороны, устроил большую резню и взял в плен большое количество людей. Тогда Децебал послал к императору посольство, состоящее из вождей даков, и через них обратился к нему с просьбой, показав себя готовым вести переговоры на любых условиях.

«От него требовали сдать машины и орудия, выдать дезертиров, снести укрепления, эвакуировать завоеванные территории и, кроме того, считать всех, кто был врагом или другом римлян, своими врагами или друзьями; несмотря на себя, он согласился на эти условия, после того как сам отправился к Траяну, пал перед ним на землю и поклонился ему. Послы Децебала были представлены сенату, где, сложив оружие, они сложили руки, как пленники, произнесли определенные слова и определенные молитвы и таким образом согласились на мир и снова взяли в руки оружие. Траян отпраздновал свой триумф и получил прозвище *Dacicus*; он устроил гладиаторские бои в театре (поскольку он получал удовольствие от этих боев) и заставил актеров вновь появиться в театре (поскольку он любил одного из них, Пилада), но при этом, как солдат, он продолжал следить за другими делами и вершить правосудие; иногда на Форуме Августа, иногда под Портиком Ливии, а часто и в других местах он выносил приговоры со своего трибунала. Но когда ему сообщили, что Децебал нарушает несколько статей договора, что он складывает оружие, принимает дезертиров и возводит крепости, что он посылает посольства к своим соседям и разоряет страны тех, кто ранее участвовал против него и захватил земли, принадлежащие иазигам, земли, которые Траян впоследствии отказался вернуть им, когда они снова потребовали их у него; тогда сенат во второй раз объявил Децебала врагом Рима и Траяна; также во второй раз он взял на себя обязательство вести войну против них лично, а не через других полководцев.

Децебал не смог одержать победу силой, но ему почти удалось убить Траяна хитростью и предательством; он послал к нему в Мезию дезертиров, которым было поручено убить его, зная, что в то время, ввиду необходимости войны, он принимал всех, кто желал с ним поговорить, без разбора. Но они не смогли этого сделать, так как один из них был арестован по подозрению и под пытками признался во всем заговоре.

«Лонгин, командовавший отрядом римской армии и проявивший свою доблесть во время войны, по приглашению Децебала согласился на встречу с ним под предлогом того, что последний собирается подчиниться. Децебал схватил римлянина и публично допросил его о планах Траяна, но когда Лонгин отказался что-либо раскрывать, он оставил его под стражей. Затем Децебал (послал посольство к Траяну с требованием, чтобы тот покинул страну до Истра и возместил все расходы на войну) при условии возвращения Лонгина. Траян дал неопределенный ответ, условия которого были призваны показать, что его уважение к Лонгину было ни малым, ни большим, чтобы он не потерял его и не заплатил слишком дорого за его выкуп. Децебал колебался, рассматривая, что ему делать; а Лонгин, для которого (его вольноотпущенник) тем временем добыл яд, (пообещал царю примирить его с

Траяном, поскольку боялся, что, если тот заподозрит его намерения, то будет держать его под более строгой охраной; затем он написал прошение Траяну и поручил вольноотпущеннику доставить его, чтобы обеспечить его безопасность. Освобожденный раб ушел, а Лонгин (выпил яд ночью) и умер. (После этого) Децебал потребовал от Траяна освободить раба, пообещав в обмен отдать тело Лонгина и десять пленников, а также послал ему центуриона, взятого вместе с Лонгином, в надежде, что его план удастся; от этого центуриона Траян узнал все, что случилось с Лонгином. Тем не менее он не отправил его обратно и не вернул вольноотпущенника, посчитав, что жизнь этого человека более важна для достоинства империи, чем погребение Лонгина».⁴

Современные историки считают, что при заключении мира, а также после него римский император злоупотребил правом завоевания. Он сохранил за собой часть земель Дакии, основал римский гарнизон на порогах Дуная, между Орсовой и Гладовицей, которые впоследствии получили название «Железные ворота», и угрожал захватить горную местность на юго-западе Трансильвании. Это, естественно, возмутило даков и их царя. Децебал был отнюдь не простым варваром; он вступил в союз с парфянским царем, главным врагом римлян на Дальнем Востоке, и нанял на свою службу многих людей, которые служили в римской армии и организовали его войска по римскому образцу. Он также привлек в свою страну из соседней римской провинции ряд квалифицированных рабочих, частично силой, а частично за деньги, чтобы использовать их услуги в изготовлении орудий мира и войны.

ВТОРАЯ ДАЦИЙСКАЯ ВОЙНА

[103-113 гг. н. э.]

Согласно договору с Траяном, он должен был отправить всех этих людей обратно; и Траян был тем более готов использовать это обстоятельство как повод для новой войны, что Децебал пытался вступить в союз с некоторыми соседними племенами. Император начал вторую дакийскую войну со строительства каменного моста через Дунай, тем самым продемонстрировав свое намерение распространить власть Рима за пределы реки. Этот мост был построен в трех часах пути ниже упомянутых ворот, недалеко от современного города Чернец. Его длина составляла три тысячи пятьсот шагов, и он был укреплен окопами с обоих концов. Его руины до сих пор можно увидеть во время отлива.

Война на территории современной Валахии, страны, к которой Траян получил доступ благодаря этому мосту, создавала много трудностей для римской армии из-за многочисленных болот, тяжелой глинистой почвы и больших и быстрых рек, пересекающих ее. Поэтому он вел свои войска с большой осторожностью; он прокладывал дороги, отводил русла рек и преследовал дакийского царя от леса к лесу и от болота к болоту. В конце концов Децебал почувствовал, что не в силах противостоять римлянам, и покончил с собой, чтобы не попасть в руки врага. Траян сделал завоеванную землю римской провинцией и решил основать в ней как можно больше колоний и укротить своих варварских подданных с помощью культуры. (106 г. н. э.)

На не возделанных, но плодородных равнинах Валахии он поселил большое количество колонистов со всех концов Римской империи, основал много городов и деревень и сделал римскую культуру настолько приемлемой, что латынь стала доминирующим языком страны. Однако этим он спровоцировал варварские племена, которые тогда занимали Польшу и Россию, на постоянные грабительские набеги. Фракия и Мезия, ныне Румелия, Болгария и Сербия, расположенные к югу от Дуная, получили наибольшую выгоду; они

были защищены от варваров новой провинцией за Дунаем. Там было основано множество новых городов, и с тех пор они продолжали процветать.

Завоевание даков и внимание, которое оно привлекло во всей Римской империи, по-видимому, повлияли на доселе скромный характер императора, который побуждал его посвятить себя делам права и управления; ведь то, как он праздновал свою победу в Риме, а также восточная кампания, которую он впоследствии предпринял, не соответствовали характеру мудрой умеренности и отсутствию чрезмерной расточительности, которых можно было бы ожидать от него в тех обстоятельствах. Вернувшись в Рим, он отпраздновал свою победу великолепными архитектурными сооружениями и блестящими торжествами. Он воздвиг памятник в честь своей победы, который существует до сих пор, — знаменитую колонну Траяна высотой 110 футов [о которой мы поговорим более подробно ниже]. (113 г. н. э.)

Помимо нескольких зданий в Риме, он построил триумфальные арки в Беневентуме и других местах, а также проложил дорогу через Понтийские болота, которая сочетала в себе превосходство и прочность старых военных дорог с удобствами своего времени. Эти предприятия были осуществлены в духе древних римлян и принесли ему столько же чести, сколько и многочисленные мосты и каналы, которые он построил в разных частях империи, или великая военная дорога, простиравшаяся от Черного моря до западного побережья. С другой стороны, праздники, которые он устраивал в честь своей победы, напоминали о безрассудной расточительности Калигулы и Домициана и не мало способствовали ухудшению нравов. В течение 123 дней подряд он устраивал для народа публичные игры и другие развлечения, в которых участвовало не менее десяти тысяч гладиаторов и было убито одиннадцать тысяч диких животных; таким образом, один из лучших императоров сделал все, чтобы способствовать неестественным и бесчеловечным удовольствиям дегенеративных жителей Рима.

Завоевание Дакии не было единственным триумфом римского оружия в этот период. В 106 году Корнелий Пальма, правитель Сирии, напал на беспокойные племена, населявшие нечетко очерченную область между Дамаском и Красным морем. После одной короткой, но тяжелой кампании Аравия Петрейская была присоединена к римской провинции. Великие караванные пути от Евфрата до Красного моря теперь были в безопасности.

ВОСТОЧНЫЕ ПОХОДЫ И СМЕРТЬ ТРАЯНА

[106-117 гг. н. э.]

Восточная кампания Траяна была направлена против парфян. Со времен Августа этот народ постоянно страдал от споров о престолонаследии и часто вступал в враждебные контакты с римлянами, поскольку обе нации считали царство Армении своей колонией. Буйный характер армян и постоянные распри между членами правящей семьи в какой-то мере делали вмешательство двух соседних государств необходимым. В частых войнах между римлянами и парфянами ни один полководец не прославился так, как Домиций Корбулон, который был послан Нероном в Армению, чтобы защитить жителей этой земли от тирании их собственного царя, а также от превосходящей силы парфян. Он изгнал парфянского принца Тиридата I, который провозгласил себя правителем Армении, и занял всю страну.

Нерон передал управление Арменией потомку семьи Ирода, который тогда жил в Риме и принял языческую религию. В течение целого года последний не мог удержать свои позиции против буйных армян и парфян, и сам Корбулон посоветовал императору восстановить изгнанного парфянского принца при условии, что тот отправится в Рим и

принесет дань как римский вассал. Тиридат согласился на это; он получил царство Армения в качестве римского феода, и на время был восстановлен мир. После его смерти повторились прежние события; трон Армении вновь стал предметом споров между различными князьями, и парфяне снова вмешались в дела страны.

Во времена Траяна на престоле Армении сидел протеже Парфии по имени Экседар, которого поддерживал парфянский царь Хосров, разместивший в стране свою армию. Траян не хотел признавать этого царя Армении, но на самом деле его гораздо меньше интересовало восстановление римского господства в Армении, чем возможность завоевать славу как победитель парфян. В 106 году он отправился в Азию с большой армией. По дороге он принял посольство от парфянского царя, который сталкивался с беспорядками в своей стране и по этой причине сделал дружеские предложения римскому императору. Траян не хотел иметь ничего общего с его предложениями из-за своей жажды славы, хотя Хосров сместил Экседареса с престола Армении и поставил на его место парфянского принца Партамасируса, который был готов подчиняться римлянам. Траян без особых трудностей изгнал нового правителя Армении, поскольку парфяне, занятые междоусобными распрями, не могли его поддержать. Император превратил Армению в римскую провинцию и подчинил мелкие династии между Черным и Каспийским морями. Их лояльность длилась не дольше, чем находилась поблизости римская армия. Последующие предприятия Траяна во время его первой экспедиции на Восток нам не известны в деталях; мы знаем только наверняка, что он прошел из Армении в Месопотамию, захватил несколько городов на среднем течении Евфрата и Тигра и поддержал царя Парфии против его мятежных подданных.

Спустя некоторое время, вероятно в 114 году, Траян предпринял свою вторую парфянскую кампанию, которая длилась около трех лет, до 117 года. Он завоевал знаменитый греческий город Селевкию на Тигре и Ктесифон, столицу Парфии, превратил Ассирию в римскую провинцию и продвинулся до Аравии, где несколько лет назад пустое стремление к славе побудило его совершить завоевания через одного из своих генералов, которые были так же быстро утрачены, как и завоеваны. Затем он продвинулся к побережью Персидского залива. Если верить монетам и сказочным историям того времени, он даже планировал индийскую кампанию и для этой цели велел построить флот. Это утверждение, как и другие нелепые преувеличения, основано на лести и на том обстоятельстве, что Персидский залив путали с Индийским океаном.

Римский император

Согласно одной из монет, Траян даровал парфянам нового царя, но это дарование царской власти означало не более, чем то, что он провозгласил царем одного из многих претендентов в Ктесифоне; достаточная причина для парфян не признавать последнего своим правителем. Траян сам пожнал плоды своего необдуманного стремления к завоеваниям, которое нанесло огромный ущерб Римской империи. Пока он находился в Шатт-эль-Арабе, все племена и города в его тылу подняли восстание, и он слишком поздно понял, что восточные народы не так легко подчинить или удержать в подчинении, как даков.

Евреи также подняли восстание как в Палестине, так и в городах Сирии, Египта и других стран, потому что, как и христиане, они подвергались постоянным притеснениям и преследованиям. Траян был вынужден направить против них войска и одновременно возобновить войну против Ассирии, Селевкии, Эдессы и других мятежных стран и городов. Он заболел в результате тягот неудачной кампании, которую он предпринял в Аравии (). Чтобы отказаться от бесплодного предприятия без ущерба для своей репутации, он заставил сенат отозвать его в Рим под вымышленным предлогом. Он передал армию своему генералу Адриану, которого он назначил правителем Сирии, и отправился в Киликию, намереваясь оттуда отплыть в Италию. Но прежде чем он успел сесть на корабль, его настигла смерть ([д](#)).

При оценке характера Траяна мы больше не можем опираться на Суетония. Единственными важными классическими сочинениями, в которых зафиксированы деяния этого императора, являются несколько фрагментарные выдержки из Диона Кассия,

сохраненные Ксифилином, и панегирик младшего Плиния. Последний, написанный и произнесенный в год, когда Плиний был консулом, был назван «кусочком придворной лести, единственным оправданием которой может быть только раболепное и льстивое поведение того времени». С другой стороны, письма и депеши Плиния Траяну представляют большой интерес как ценный материал для историка.

ПЕРЕПИСКА ПЛИНИЯ И ТРАЯНА

[104-117 гг. н. э.]

Депеша о христианах, написанная из Вифинии в 104 году н. э., и ответ императора заслуживают того, чтобы быть переписанными; как потому, что на них так часто ссылаются, так и потому, что они проливают свет на удивительное и быстрое распространение Евангелия; на нравы ранних христиан; обращению, которому они подвергались из-за своей стойкости даже в благоприятных обстоятельствах, и суровой ревности, с которой даже губернатор с мягким и кротким нравом считал своим долгом относиться к ним. Письмо Плиния к Траяну гласило: «Я всегда обращаюсь к вам со всеми вопросами, по которым у меня есть сомнения. Ибо кто лучше вас может развеять мои сомнения и просветить мое невежество? Я никогда не присутствовал на судах над христианами и поэтому не знаю, каким образом и в какой степени принято их допрашивать или наказывать. Я также испытываю немалые затруднения при решении вопроса, следует ли делать различие по возрасту, или же к самым юным и к зрелым людям следует относиться одинаково; следует ли прощать раскаявшихся, или же, если человек однажды стал христианином, отречение от веры должно приносить ему пользу; если название «христианин» не подразумевает преступности, то все же следует ли наказывать за преступления, свойственные этому названию. Тем временем, в отношении тех, на кого были поданы доносы, я поступил следующим образом. Я лично задавал им вопрос, были ли они христианами. Если они признавались, я допрашивал их во второй и третий раз и угрожал им наказанием. Если они по-прежнему упорствовали, я приказывал их заключить под стражу, ибо не сомневался, что, что бы они ни признали, их упорство и несгибаемость в любом случае заслуживают наказания. Были и другие, которые проявляли подобное безумие, но, поскольку они были римскими гражданами, я приказал отправить их обратно в город. Вскоре само преследование, как это обычно бывает, привело к распространению преступления, и оно проявилось в новых формах.

«Была подана анонимная информация на большое количество людей, но они отрицают, что являются или когда-либо были христианами. Поскольку они призывали богов, повторяя за мной формулу, и приносили молитвы, вместе с ладаном и вином, вашему изображению, которое я приказал принести вместе с изображениями божеств, а кроме того проклинали Христа, в то время как, как говорят, истинных христиан нельзя заставить делать ни одно из этих действий, я счел правильным освободить их. Другие, когда их обвинил доносчик, признались, что они христиане, но вскоре после этого отреклись от этого факта; они сказали, что были, но перестали быть таковыми, некоторые три года назад, некоторые больше, а некоторые даже двадцать лет назад. Все они поклонялись вашему изображению и изображениям богов и проклинали Христа. Но они утверждали, что вся их вина или ошибка заключалась в том, что они привыкли собираться в определенный день перед рассветом и петь антифонный гимн Христу как Богу; что они связывали себя клятвой не совершать никаких злодеяний, а воздерживаться от воровства, грабежа и прелюбодеяния; никогда не нарушать обещания и не отказываться возвращать вклад, когда его требовали обратно. Когда эти церемонии заканчивались, они по обычаю расходились, а затем снова собирались

вместе, чтобы безвредно и совместно принять пищу. После моего провозглашения, в котором я, повинаясь вашему приказу, запретил собрания, они отказались от этой практики. По этим причинам я тем более счел необходимым выяснить истинную правду, подвергнув пыткам двух девушек, которых называли диакониссами, но я не обнаружил ничего, кроме извращенного и чрезмерного суеверия.

Поэтому я отложил рассмотрение этого вопроса до тех пор, пока не проконсультируюсь с вами. Мне показалось, что это дело требует совета, особенно с учетом количества людей, находящихся в опасности. Многие люди всех возрастов, полов и сословий подвергаются и будут подвергаться сомнению. Зараза распространилась не только по городам, но и по деревням и сельской местности, но, похоже, ее распространение можно остановить. В любом случае, ясно, что храмы, которые были почти заброшены, начинают посещаться; и торжественные жертвоприношения, которые долгое время не проводились, снова совершаются, и повсюду продаются жертвы, для которых до сих пор редко можно было найти покупателя. Поэтому легко представить, что толпы людей могут быть возвращены, если им будет дана возможность покаяться».

На это письмо Траян ответил:

«Рассматривая дела тех, кто был обвинен в христианстве, ты, мой дорогой Секунд, поступил правильно, ибо невозможно установить однозначное правило, которое подходило бы ко всем случаям. Их не следует преследовать, но если на них поступила информация и они были осуждены, они должны быть наказаны; однако с той оговоркой, что если кто-либо отрицает, что он христианин, и доказывает это, вознося молитвы нашим богам, несмотря на подозрения, которые на него падали, он будет помилован за свое раскаяние. Ни в коем случае не следует принимать во внимание анонимные обвинения, поскольку это было бы худшим из возможных прецедентов и несовместимо с обычаями нашего времени».¹

Пожалуй, ничто не может лучше иллюстрировать судебный и терпимый характер Траяна, чем это письмо, касающееся группы людей, к которым император не мог относиться без предубеждения.

Колонна Траяна

Если литературные памятники, посвященные истории времен Траяна, скудны, то этот дефицит компенсируется скульптурами и барельефами, украшающими упомянутую выше колонну Траяна, которая до сих пор находится в отличном состоянии среди руин форума. Эта мраморная колонна, теперь выветренная до бронзового оттенка, по всей высоте покрыта спиральным рядом фигур, изображающих всевозможные военные операции. Говорят, что на ней изображено более двух с половиной тысяч человеческих фигур, и все они выполнены с поразительной реалистичностью. Барельефы изображают походы Траяна против даков. Колонна описывается Берном следующим образом:

[103 г. н. э.]

«Барельеф», изображающий первую кампанию против даков, начинается у основания с изображения берегов реки Сава, по которой прошла римская армия, и показывает военные склады, штабеля дров, стога сена и деревянные хижины. Затем следуют форты с солдатами на страже и лодки, перевозящие бочки с провизией. Затем появляется бог реки Дунай и с удивлением смотрит на мост из лодок, по которому проходит римская армия. Очень четко показаны багаж солдат, привязанный к верхушке валла или частокола, который они несут, а также различные военные знамена. Многие из солдат не имеют головных уборов, но

некоторые носят львиные шкуры. Затем появляются император и его штаб. Он сидит на суггестусе или платформе, а рядом с ним сидит Луций, префект претория. Следующая сцена — *suovetaurilia*, торжественное жертвоприношение, с жрецами в *cinctus gabinus* и трубачами. После этого император произносит речь перед армией, а чуть дальше с большим энтузиазмом ведется строительство каменного лагеря, окружающего хижины, и через реку, по которой проходит кавалерия, наводятся мосты.

«Затем, по-видимому, происходит сражение, и императору приносят головы двух врагов. Появляется дакийская армия с драконьим знаменем и дакийскими шапками, символом высшего звания, которые можно увидеть на статуях дакийских пленников на Арке Константина. Юпитер дарует победу римлянам, дакийский лагерь сжигается, а даки бегут. Далее следуют многочисленные изображения фортов, кораблей, различных видов войск, стычек и осад, заканчивающиеся капитуляцией Децебала и возвращением Траяна в Рим, где отмечается великий праздник. Прибытие в Рим и толпа римлян, выходящая навстречу великому завоевателю, изображены очень ярко. В триумфальные торжества вводится огромное количество быков для жертвоприношения, алтарей, камиллов и полуголых поп, и первая кампания заканчивается фигурой Траяна, возносящего ладан на алтарь Юпитера Капитолийского.

[113 г. н.э.]

«Несколько похожая серия сцен представлена в скульптурах, изображающих вторую кампанию. Возможно, наиболее интересной из них является сцена с большим мостом через Дунай, построенным из дерева и опирающимся на каменные опоры, фундаменты которых до сих пор можно увидеть на дне реки. Аполлодор, архитектор Форума, спроектировал это огромное сооружение, которое пересекало Дунай в месте, где его ширина составляет не менее 1300 ярдов, недалеко от деревни Гели. Таким образом, обеспечив постоянную дорогу в Дакию и надежную связь со своей базой, Траян постепенно продвигался от поста к посту, загоня даков в горные районы страны. Скульптуры изображают ряд стычек и атак на укрепленные места, но не показывают ни одной регулярной битвы. Наконец, перед преторием два солдата демонстрируют на доске ужасающее зрелище — голову и руки Децебала. За этой отвратительной сценой следует изображение штурма последних крепостей врага в горах, а завершает скульптурную историю дакийских походов Траяна печальная процессия беженцев, уносящих свои пожитки и гонящих скот в изгнание.

«В этих любопытных барельефах, — продолжает Берн, — мы имеем сокровищницу информации о религии, военном искусстве, обычаях и одежде римлян империи, гораздо более ценную, чем десять тысяч страниц описательных текстов. Любитель римских древностей узнает больше, изучая гравюры Фабретти с этих барельефов или слепки во Французской академии в Риме и в Кенсингтонском музее, чем из множества книг. Описания Ливия и Полибия, Цезаря и Тацита оживают, приобретают динамику и интерес, когда мы смотрим на реальные фигуры (*oculis subjecta fidelibus*) генерала и его штаба; преторианскую гвардию, отмеченную ремнями через левое плечо; свирепых на вид знаменосцев и центурионов с головами, покрытыми львиными шкурами, чьи лохматые гривы спадают по спинам; рядовые солдаты, несущие огромные колья; мастера-каменщики, саперы и пионеры с топорами и ломами; копейщики, тяжелая и легкая кавалерия, а также королевские боевые кони; сарматские всадники, одетые, как и их кони, в полные доспехи, и мавританская кавалерия, едущая без поводьев.

«Строятся мосты, прокладываются римские дороги, форты атакуются с помощью всевозможных военных машин; кавалерийская атака, разгром и смятение побежденной армии — все это изображено очень ярко. Траян лично проходит по рядам пешком или

восседает на *suggestus* и произносит речь перед своими людьми, или с простой достоинством принимает капитуляцию врага, или марширует со всей помпой римской процессии под триумфальной аркой. Поразительно изображена солдатская простота великого военного императора. Здесь нет шелковых палаток, или богато украшенных колесниц, тронов или государственных балдахин. Его полковник гвардии сидит рядом с ним, как равный, на *suggestus*. В разгаре сражения император разрывает свою одежду, чтобы перевязать раны своих солдат; он присутствует везде, носит меч и сражается лично. Ничто не может лучше иллюстрировать состояние дел в Риме в тот железный век, когда, как и в древние времена, грубый и необразованный воин, только что вышедший из лагеря, определял судьбы империи».^к

Солдат

(С колонны Траяна)

Эта колонна Траяна изначально стояла в окружении зданий, образующих двор площадью всего около сорока футов, причем, по-видимому, предполагалось, что фигуры будут рассматриваться с окружающих построек. Несмотря на это, скульптуры постепенно увеличиваются к вершине, и художник явно имел в виду перспективу при взгляде снизу. Сегодня колонна стоит в одиноком величии на форуме Траяна; она обесцвечена и изношена погодой, но в остальном мало изменилась по сравнению с первоначальным состоянием, за исключением самой вершины, где, достаточно несообразно, статуя святого Петра теперь занимает место колоссальной фигуры самого Траяна, которая когда-то занимала пьедестал. Сикст V поместил там изображение христианина, а языческое изображение было убрано в раннем средневековье. Эта замена была характерным актом благочестия, который мог быть допущен только столь же характерным отсутствием юмора. Но, несмотря на несоответствующий верхушку, колонна остается самым важным историческим документом, относящимся к военным обычаям классической древности, который дошел до нас.^а

Адриан (П. Элий Адриан), 117-138 гг. н. э.

Адриан был по происхождению испанцем и родом из того же города, что и Траян. Он был племянником Траяна и женат на Сабине, его внучатой племяннице. Когда Траян был усыновлен Нервой, Адриан был трибуном армии в Мезии и был послан войсками поздравить императора с его продвижением. Но его шурин, желая иметь возможность лично поздравить Траяна (), предоставил Адриану карету, которая сломалась по дороге. Однако Адриан, как гласит легенда, был полон решимости не терять времени и остаток пути проделал пешком. Такая усердность была очень приятна. Но считалось, что император не любил Адриана по нескольким причинам. Он был расточительным и имел долги. Кроме того, он был непостоянным, капризным и склонным завидовать чужой репутации. Эти недостатки, по мнению Траяна, не могли быть компенсированы ни образованием, ни талантами Адриана. Его великое мастерство в греческом и латинском языках, его глубокое знание законов своей страны и философии того времени не были привлекательными для Траяна, который, будучи сам воспитанным солдатом, желал, чтобы его преемником стал военный человек. По этой причине умирающий император ни в коем случае не хотел назначать преемника, возможно, опасаясь нанести ущерб своей великой репутации, приняв недостойного человека. Поэтому его смерть некоторое время скрывала его жена Плотина, пока Адриан не выяснил настроения армии и не убедился, что она твердо поддерживает его интересы. Затем они представили поддельный документ, в котором говорилось, что Адриан был усыновлен, чтобы стать преемником империи. Благодаря этой уловке он был избран всеми сословиями государства, хотя и отсутствовал в Риме, находясь в то время в Антиохии в качестве главнокомандующего войсками на Востоке.^[28]

После избрания Адриана его первым делом было написать в сенат, извиняясь за то, что он принял империю без их предварительного одобрения, и возлагая вину на поспешный энтузиазм армии, которая справедливо считала, что сенат не должен долго оставаться без главы. Затем он начал проводить политику, полностью противоположную политике своего предшественника, используя все способы для отказа от войны и поощрения искусств мира. Он был вполне удовлетворен сохранением древних границ империи, с Евфратом в качестве рубежа.

Уладив таким образом дела на Востоке и оставив Севера правителем Сирии, он отправился в путь по суше в Рим, отправив прах Траяна туда по морю. При приближении к городу ему сообщили, что для него готовят великолепный триумф, но он скромно отказался, пожелав, чтобы те почести, которые были предназначены для него, были оказаны памяти Траяна. В результате этого приказа был объявлен великолепный триумф, в котором статуя Траяна была пронесена как главная фигура в процессии, отметив, что он был единственным человеком, который когда-либо торжествовал после своей смерти.

РАЗНООБРАЗНЫЕ ДАРОВАНИЯ АДРИАНА

Было нелегко проявить себя после такого любимого и уважаемого императора, как Траян, но заслуги его преемника, в некоторой степени, утешали народ за его утрату. Адриан был одним из самых выдающихся римских императоров благодаря разнообразию своих талантов. Он был очень искусен во всех видах физических и умственных упражнений. Он сочинял прекрасные прозаические и стихотворные произведения, выступал в суде и был одним из лучших ораторов своего времени. Он был глубоко сведущ в математике и не менее искусен в физике. В рисовании и живописи он не уступал величайшим мастерам, был превосходным музыкантом и пел так, что вызывал восхищение. Помимо этих качеств, он обладал поразительной памятью; он знал имена всех своих солдат, даже тех, кто давно

отсутствовал. Он мог одновременно диктовать одному, совещаться с другим и писать сам. Он был замечательным экспертом в военной дисциплине; он был силен и очень искусен в оружии, как верхом, так и пешком, и часто собственноручно убивал диких кабанов и даже львов на охоте.

Его нравственные достоинства не уступали его достижениям. После своего первого возвышения он простил бесконечное количество долгов казне, списав крупные задолженности, которые провинции были обязаны выплатить (), и сожги их облигации и реестры на публичном форуме. Он отказался забрать конфискованные имения осужденных в свою частную казну, но приказал поместить их в государственную казну. Его умеренность и милосердие проявились в прощении обид, которые он получил, когда был еще частным лицом. Однажды встретив человека, который раньше был его самым заклятым врагом, он воскликнул: «Мой добрый друг, ты спасся, потому что я стал императором». Он так почитал сенат и так заботился о том, чтобы не допускать в него недостойных людей, что, назначив капитана своей гвардии сенатором, сказал ему, что не может даровать ему чести, равной той, которую он ему оказал. Он был приветлив со своими друзьями и любезен с людьми более низкого положения; он помогал им в нужде и навещал их, когда они болели, поскольку его неизменной максима было то, что он был императором не для своего собственного блага, а для блага всего человечества.

Таковы были его добродетели, которые контрастировали со странной смесью пороков; или, по правде говоря, с недостатком силы духа, необходимой для сохранения общей прямоты характера без отклонений. Таким образом, он представлен как гордый и тщеславный, завистливый и уничижительный, поспешный и мстительный, любопытный в делах других людей и часто подталкиваемый льстецами к актам жестокости и несправедливости. Он разрешил возобновление преследований христиан и проявил много примеров плохого характера, который он всю свою жизнь старался исправить или скрыть.

Но каким бы ни был Адриан в частной жизни, его поведение как императора выглядит весьма достойным восхищения, так как все его публичные действия, по-видимому, продиктованы самой разумной политикой и самой бескорыстной мудростью. Едва он вступил на престол, как несколько северных варваров, аланы, сарматы и даки, начали опустошать империю. Эти выносливые народы, которые теперь нашли способ завоевывать, выходя из своих лесов, а затем отступая при приближении превосходящих сил противника, стали действительно грозными для Рима. Адриан подумывал о сокращении границ империи, отказавшись от некоторых самых отдаленных и наименее защищенных провинций, но в этом его переубедили друзья, которые ошибочно полагали, что обширная граница будет устрашать вторгшегося врага. Но хотя он и подчинился их протестам, он разрушил мост через Дунай, построенный его предшественником, понимая, что тот же проход, который был открыт для него, был столь же удобен для вторжений его варварских соседей.

Пока он был занят принуждением этих народов к подчинению, был раскрыт заговор, в котором участвовали четыре человека, занимавшие консульские должности в Италии. Они договорились убить его либо во время жертвоприношения, либо во время охоты. Однако их замыслы были вовремя раскрыты, и заговорщики были казнены по приказу сената. Адриан приложил все усилия, чтобы оправдаться от обвинений в причастности к их казни; он поклялся при вступлении в должность, что не будет казнить сенаторов, и теперь заявил, что преступники были казнены без его разрешения. Но чтобы полностью подавить ропот народа по этому поводу, он раздал ему большие суммы денег и отвлек его внимание от этого жестокого акта великолепными зрелищами и различными развлечениями в амфитеатре.

[118-129 гг. н. э.]

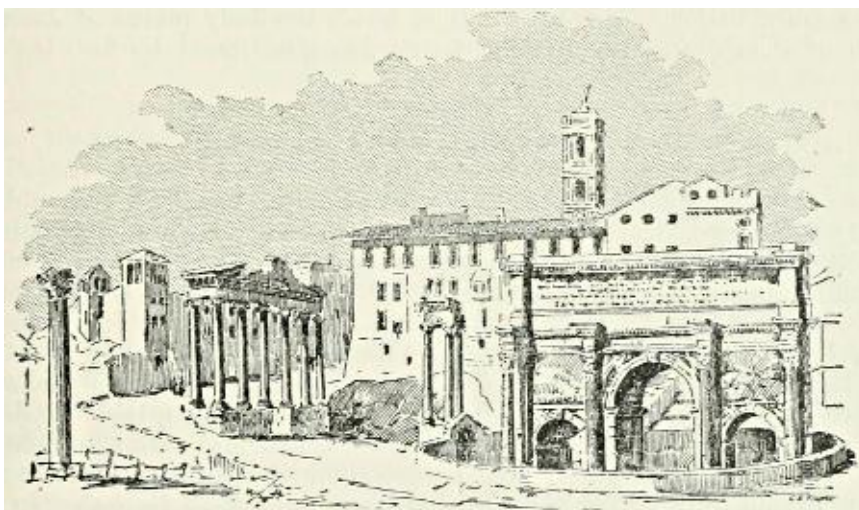
Пробыв недолго в Риме, чтобы убедиться, что все устроено и установлено для безопасности народа, он приготовился посетить и осмотреть всю свою империю. Одной из его максим было то, что император должен подражать солнцу, которое распространяет тепло и силу по всей земле. Поэтому он взял с собой великолепный двор и значительные войска и вошел в провинцию Галлия, где переписал всех жителей. Из Галлии он отправился в Германию, оттуда в Голландию, а затем переправился в Британию. Там он исправил многие злоупотребления и примирил местных жителей с римлянами, а для большей безопасности южных частей королевства построил стену из дерева и земли, простирающуюся от реки Эден в Камберленде до реки Тайн в Нортумберленде, чтобы предотвратить вторжения пиктов и других варварских народов с севера. Из Британии, возвращаясь через Галлию, он направился в Испанию, где его приняли с большой радостью, как уроженца этой страны. Там, зимую в городе Таррако, он созвал собрание представителей всех провинций и распорядился о многих вещах на благо народа. Однажды, когда он прогуливался по своему саду в Испании, один из слуг дома бросился на него с обнаженным мечом, чтобы убить его; но император отразил удар, сблизился с ним и быстро обезоружил его; затем он передал его стражникам и приказал вызвать врача, чтобы тот сделал ему кровопускание, считая беднягу (которым он и был на самом деле) сумасшедшим. Из Испании он вернулся в Рим.^b

В апреле 129 года Адриан предпринял еще одно долгое путешествие в восточные провинции империи, из которого он не возвращался, чтобы поселиться на Тибре, до 134 года. В 129 году он снова надолго остановился в Афинах, где праздновал завершение великого дела, которое ждало своего завершения с незапамятных времен и теперь было предназначено для поклонения Зевсу, славы Афин и тщеславия великого филэллинского императора.

Из множества великолепных зданий, которые он воздвиг для украшения своего любимого города, почти ничего не осталось, кроме руин самого великолепного из них. К юго-востоку от Акрополя до сих пор стоят несколько огромных колонн Олимпиеума, строительство которого было начато еще Писистратами и завершено Адрианом. Это был гигантский храм Зевса Олимпийского, занимавший площадь в пятьдесят девять тысяч квадратных футов. Он был освящен осенью 129 года по летоисчислению Антиоха IV () и один и тот же жрец руководил там поклонением Зевсу Олимпийскому и филэллинскому императору.

[129-130 гг. н. э.]

Адриан также заложил модный жилой квартал для римских вилл на юго-востоке города, в направлении Иллисса, который был украшен величественными воротами на первоначальной границе древних Афин, недалеко от перибола Олимпиеума. Его новый Пангеллениум, храм Пангелленского Зевса, должен был служить центром нового национального праздника Пангеллении, учрежденного им и впервые отмеченного осенью 129 года; праздника, в котором греки из метрополии и колоний имели равное право участвовать. Таким образом, он надеялся заменить Дельфийскую амфикионию, которая ушла в небытие, новым стимулом для греческого патриотизма и религиозных чувств и восстановить в Афинах нечто от бывшего блеска их господствующего положения.

Руины форума

Император покинул Афины в марте или апреле 130 года и отправился в Александрию, город, который сочетал в себе все элементы, которые очаровывали его как правителя и опытного человека мира — неумную активность огромного торгового центра, пестрое смешение самых разнообразных и четко выраженных национальных типов в империи и, наконец, обилие научного материала и высокий уровень образования, как в чисто греческих науках, так и в прикладных и точных науках. Единственным недостатком была склонность александрийцев к злобным шуткам, которые граничили с бесстыдной наглостью и от которых не был застрахован даже сам император.

Когда любимец Адриана, Антиной утонул в Ниле у Бесы (вероятно, 30 октября 130 года), по общепринятой тогда версии, по собственной воле, чтобы спасти императора, чья жизнь (как говорили) могла быть сохранена только добровольной жертвой другого человека, Адриан пытался найти утешение, учредив новую форму поклонения своему утраченному любимцу. Искусство и чувства античного мира оказались послушными инструментами воли императора, и Антиной был увековечен в многочисленных статуях, особенно в Греции. С другой стороны, две административные меры Адриана вызвали новый страшный всплеск ярости евреев в Палестине.

[131-138 гг. н. э.]

Основание новой колонии Элия Капитолина на руинах Иерусалима и императорский указ, на самом деле направленный против предосудительного обычая калечения, но по ошибке истолкованный как относящийся к еврейскому обряду обрезания, вызвали страшное еврейское восстание (в конце 131 года), которое энергично поддерживали евреи диаспоры. Восстание, сначала проигнорированное римлянами и возглавленное с чрезвычайной энергией священником Элеазаром из Модина и воинственным разбойником Симоном Бар Кохейбой^[29] (т. е. сыном звезды) по имени, привело к тяжелой войне, веденной с ужасающей жестокостью с обеих сторон, в которой победа досталась римским войскам только после того, как опытный легат Секст Юлий Север пришел из Британии, чтобы взять на себя командование. Решение не было принято в результате сражения; как и раньше, пришлось сдавать одну крепость за другой, последней из которых была Бает-Тер, недалеко от Иерусалима (135 г. н. э.). С тех пор и в течение долгого времени над Иудеей, или Сирией Палестиной, как ее теперь называли, воцарилась тишина могилы. Ни один еврей не мог

ступить на святыя места Иерусалима под страхом смерти, а маленькая страна была укреплена двумя легионами.

АДРИАН КАК СТРОИТЕЛЬ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕФОРМАТОР

В 134 году Адриан вернулся в Рим, чтобы поселиться там, и с усердием взялся за архитектурные работы, впечатляющие остатки которых сохранились до наших дней. Он уже украсил центр старого города храмом Венеры и Рима, который был освящен 21 апреля 128 года, а в 135, 136 и последующих годах были завершены некоторые грандиозные проекты. До сих пор мы имеем памятник ему в виде огромного мавзолея, который был перепрофилирован из тихого места погребения в цитадель города на семи холмах в бурные времена средневековья и последующих веков. На правом берегу Тибра Адриан построил новый мавзолей, где были похоронены не только он и члены его семьи, но и многие из его преемников. Чтобы соединить это сооружение (ныне известное как Замок Святого Ангела) с левым берегом реки, он построил великолепный мост Элиана (ныне Понте Сант-Анджело) из блоков травертина. Наконец, до сих пор можно увидеть руины его виллы в Тибуртине, занимавшей площадь около восьми миль.

Преемники Адриана имели все основания с величайшим почтением относиться к многочисленным административным реформам, проведенным им в течение его долгого и процветающего правления. Хотя он не продолжал политику завоеваний своего предшественника, он использовал все средства для поддержания силы и эффективности армии; прежде всего, он не управлял ею с помощью указов, издаваемых из дворца, а постоянно появлялся в лагерях лично и проверял все с глазом эксперта. Военные назначения производились исключительно с учетом личных способностей и подлинных заслуг, и были приняты различные меры для увеличения боевой мощи армии, которые все прошли проверку практикой. Армейская система Адриана, и в частности введенная им строевая подготовка, оказались настолько превосходными, что правила Адриана легли в основу военной организации еще во времена Константина. Изменения, произошедшие в стратегии, например, после введения его реформ, имеют огромное значение. Траян прибег к древнеримской практике с впечатляющим результатом.

Но научное изучение военной тактики, которое возникло в связи с изучением греческой культуры после середины I века до н. э., а также дорогостоящий опыт, полученный в конфликтах с варварскими племенами на границах Европы и с всадниками Азии, привели к изменениям в старой боевой формации. Кавалерию учили практиковать все стратегические маневры парфянских, армянских, сарматских и кельтских орд. Чтобы по возможности сберечь ценную пехоту легионов, на передовой все чаще использовались вспомогательные войска, и был введен порядок сражения, который сочетал в себе преимущества сохранения системы резервных дивизий, обещавшей более быструю победу над ордами отважных варваров, и делал борьбу менее смертоносной для римлян. Вновь систематически стали применять практику ранней античности — выстраивать солдат в плотные ряды, или «фаланги». Передовые ряды легиона больше не разделялись пустыми промежутками. «Фаланга» легиона состояла из восьми человек в глубину. Благодаря умелому сочетанию различных видов оружия, солдаты первых четырех рядов были вооружены *пилумами*, а четыре ряда позади них — копьями. Девятый ряд состоял из вспомогательных войск, вооруженных стрелами. Место кавалерии и артиллерии было на флангах и в тылу фаланги. Еще дальше в тылу находился резерв отборных войск, готовых прийти на помощь в любой момент, когда это было необходимо.

Достижения Адриана в области гражданского управления были еще более значительными. Как финансист он был лучшим экономистом со времен Тиберия и еще раз продемонстрировал, каких результатов можно достичь благодаря разумной финансовой политике и мудрой экономии, используя огромные ресурсы империи (), как в сфере производства, так и в сфере художественного и монументального творчества. В то же время он проявил большое мастерство во внедрении реформ во всех областях финансов, отменив многочисленные жесткие правила и организовав дела свободных крестьян и арендаторов на имперских и фискальных землях в Африке по более гуманным и экономичным принципам. Он увеличил доходы государственной казны, взяв на себя прямое управление многими имперскими поместьями, вместо того чтобы сдавать их в аренду.

Не менее активен он был и в сфере юриспруденции. По его приказу все преторианские эдикты, которые до того были упорядочены только в хронологическом порядке, были собраны в систематический сборник в 131-132 гг. до н. э. выдающимся юристом Сальвием Юлианом. В связи с этой работой Адриан заставил сенат издать декрет [Edictum Perpetuum], предписывающий, чтобы ни один действующий магистрат не добавлял в эдикт новые положения, а необходимые дополнения выводились по аналогии из уже существующих материалов или имперских «конституций». Решения Адриана по вопросам рабства представляют интерес, поскольку демонстрируют его гуманный характер. Одним из наиболее заметных было отмена жестокой и трусливой системы, согласно которой в случае обнаружения убитого хозяина дома все рабы этого дома подлежали казни. После правления Адриана допрашивались только те рабы, которые, как предполагалось, могли быть причастны к убийству.

Монархическая тенденция римской диархии и выравнивающий эффект империи стали все более заметными при Адриане. Он сделал больше, чем любой император до него, чтобы поставить провинциалов на равные с римскими гражданами Италии. Кроме того, предоставив *jus Latinum* многим городам, он подготовил почву для распространения прав римского гражданства на всю империю.

В Италии он назначил ряд *юридиков*, наделенных полномочиями по рассмотрению завещаний, назначению опекунов и спорам о правомочности кандидатов в *декурионы*. Право решать эти вопросы () было отобрано не у муниципальных властей, а (за исключением особо важных случаев) у судов столицы, в которых до сих пор рассматривались дела такого рода. Рим и его окрестности — территория в 100 римских миль, или 150 километров, находящаяся в ведении начальника полиции — конечно, оставались под юрисдикцией судов столицы. Но, с другой стороны, растущая власть имперских чиновников в вопросах уголовного права становится все более очевидной, а компетенция начальника полиции и префекта гвардии расширяется за счет старых судов. Эти два чиновника все больше и больше представляют императора в сфере уголовного права в Италии. Их ведомства впоследствии были разделены, возможно, после правления Марка Аврелия, а точно — после правления Севера. Рим и территория в радиусе 150 километров вокруг него находились под юрисдикцией начальника полиции, а Италия за пределами этих границ — под юрисдикцией префектов гвардии. Последние все больше приобретали характер представительных органов личного вмешательства императора и, таким образом, были вынуждены быть выдающимися юрисконсультами.

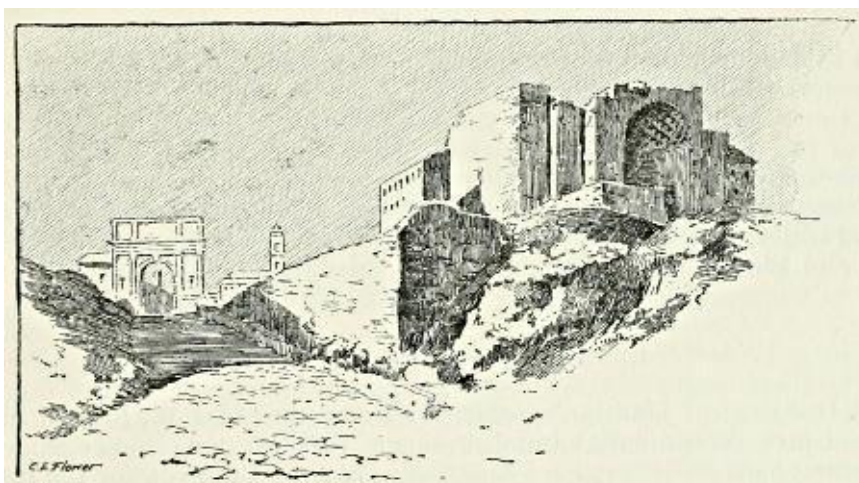
Еще одним значительным изменением, введенным Адрианом, было придание стабильности и определенной формы старому институту *consilium*, который состоял из друзей и советников, созываемых императорами для помощи в принятии решений по вопросам права. С этого времени члены императорского *consilium* выступают в качестве

должным образом назначенных советников с официальными званиями и окладами, которые, вероятно, назначались императором после консультации с сенатом.

Деятельность нового совета заключалась в юриспруденции в самом широком смысле этого слова, и поэтому он должен был состоять в основном из профессиональных юристов и префектов гвардии, а также главных должностных лиц двора. Еще одной реформой, введенной Адрианом в администрацию в то же время, было правило, согласно которому все три высоких должности в суде () должны были занимать члены всаднического сословия. Прокурор *a rationibus*, или контролер государственной казны, который фактически был министром финансов, теперь занимал первое место среди прокуроров как по званию, так и по жалованью, и постепенно низшие должности в финансовом ведомстве были преобразованы в регулярные должности и заполнены рыцарями. Императорский совет был разделен на греческий и латинский департаменты под руководством отдельных начальников. Наконец, департамент петиций и жалоб был передан в руки чиновников рыцарского происхождения.^{[m](#)}

ЛИЧНЫЕ КАЧЕСТВА И ПОСЛЕДНИЕ ДНИ АДРИАНА

Говорят, что Адриан получал огромное удовольствие от споров с учеными и философами, которые его окружали; и они не менее тщательно относились к тому, чтобы предоставить ему то превосходство, к которому он, казалось, так стремился. Фаворин, человек, пользовавшийся большой репутацией при дворе как философ, однажды, споря с ним на какой-то философский тему, признал свое поражение. Его друзья упрекнули его за то, что он сдался, хотя мог легко продолжить спор и добиться успеха. «Как, — ответил Фаворин, который, вероятно, был лучшим придворным, чем философ, — вы хотели бы, чтобы я спорил с человеком, который является полководцем тридцати легионов?» Адриан так любил литературную славу, что, как говорят, он написал собственную биографию, а затем отдал ее своим слугам, чтобы они опубликовали ее под своими именами. Но какова бы ни была его слабость в стремлении к всеобщей славе, он ни разу за время своего правления не пренебрег обязанностями своего высокого положения. Он приказал рыцарям и сенаторам никогда не появляться на публике, кроме как в одежде, соответствующей их сословию. Он запретил хозяевам убивать своих рабов, как это было разрешено ранее, но постановил, что они должны быть судимы по законам, принятым в отношении преступлений, караемых смертной казнью. Такой справедливый закон, даже если бы он не сделал ничего больше, заслуживал того, чтобы обеспечить ему репутацию у потомков и сделать его любимым для человечества. Он еще больше расширил мягкость законов в отношении тех несчастных людей, которых долгое время считали слишком ничтожными для правосудия. Если хозяин был найден убитым в своем доме, он не позволял подвергать пыткам всех его рабов, как раньше, а только тех, кто мог заметить или предотвратить убийство.

Руины храма Венеры, Рим

Такими заботами он занимался большую часть своего времени, но, наконец, обнаружив, что обязанности его должности с каждым днем увеличиваются, а его собственные силы пропорционально угасают, он решил выбрать преемника, чьи заслуги заслуживали бы его возвышения, а мужество обеспечивало бы его безопасность. После долгих раздумий он сделал выбор в пользу Луция Коммода (), чьи физические недуги делали его непригодным для столь важной должности. Через некоторое время Адриан, казалось, осознал это и заявил, что сожалеет о выборе столь слабого преемника, сказав, что он опирался на обветшалую стену. Однако вскоре после смерти Коммода император немедленно усыновил Тита Антонина, впоследствии прозванного Пием, но прежде обязал его усыновить еще двух, а именно Марка Аврелия и Луция Вера, которые впоследствии все стали преемниками империи.

В то время как он так тщательно подходил к выбору преемника, его физические недуги с каждым днем усугублялись, и в конце концов его страдания стали невыносимыми, и он горячо желал, чтобы кто-нибудь из его слуг покончил с ним. Однако Антонин ни в коем случае не позволял никому из своих слуг совершить столь великое безбожие, а использовал все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы убедить императора продолжать жить. Однажды он привел женщину, которая утверждала, что ей во сне было предсказано, что он выздоровеет; в другой раз из Паннонии привезли мужчину, который дал ему те же заверения. Тем не менее, страдания Адриана усиливались с каждым днем. Он часто восклицал: «Как жестоко искать смерти и не найти ее!» Он убедил некоего Мастора, частично угрозами, частично мольбами, обещать убить его; но Матор, вместо того чтобы подчиниться, позаботился о своей безопасности, бежав; так что тот, кто был хозяином жизней миллионов, не мог распоряжаться своей собственной. В этой плачевной ситуации он решил отправиться в Байи, где мучения от болезней усилились и повлияли на его рассудок, так что он отдал приказ казнить нескольких человек, которому Антонин, согласно своей обычной мудрости, никогда не собирался подчиняться. Продолжая некоторое время находиться в этих мучительных обстоятельствах, император наконец решил не соблюдать никакого режима, часто говоря, что короли умирают только из-за множества своих врачей. Такое поведение ускорило смерть, которой он, казалось, так горячо желал, и, вероятно, именно радость от ее приближения подсказала ему знаменитые строфы, которые так хорошо известны и которые он повторял, умирая.

Animula, vagula, blandula,

Hospes, comesque corporis,

Quæ, nunc abibis in loca?

Pallidula, rigida, nudula,

Не, как обычно, будешь веселиться?

Так умер Адриан в шестьдесят втором году своей жизни, после процветающего правления, длившегося двадцать один год и одиннадцать месяцев. Его личный характер, по-видимому, был смесью добродетелей и пороков;^[30] но, как правитель, пожалуй, ни один из его предшественников не проявил больше мудрости или столь похвальной усердности. Он был первым императором, который свел законы империи в один постоянный свод. Благодаря его советам правительство обрело наибольшую стабильность и спокойствие, более длительное, чем можно было ожидать, учитывая таких жестоких соседей за рубежом и столь развращенную расу граждан внутри страны.^b

ОЦЕНКА АДРИАНА РЕНАНОМ

[134-138 гг. н. э.]

К моменту возвращения Адриана в Рим в 134 году н. э. римская цивилизация только что уничтожила иудаизм, одного из своих самых опасных врагов, и торжествовала победу. Повсюду царили мир и уважение к разным народам; варвары, по-видимому, были подчинены, были введены самые мягкие формы правления и практиковались. Траян был совершенно прав в своем убеждении, что людьми можно управлять и в то же время относиться к ним с уважением. Идея государства как не только опекунского, но и благотельного глубоко укоренилась. Личное поведение Адриана можно было сильно осуждать, его характер извращался по мере ухудшения здоровья, но народ этого не замечал. Небывалое величие и комфорт окружали все, как блестящий ореол, скрывая слабые стороны социальной организации. По правде говоря, эти слабые места поддавались исправлению. Прогресс приветствовался во всем. Стоическая философия проникла в законодательство, внедрив идею прав человека, гражданского равенства, единообразия в провинциальном управлении. Привилегии римской аристократии исчезали день ото дня. Лидеры общества верили в прогресс и трудились во имя его дела. Они были философами, филантропами, стремившимися без утопизма применить разум как можно более свободно в человеческих делах.

Адриан наслаждался жизнью и имел на это право. Его любознательный и активный ум рождал всевозможные фантазии, а его вкус не был достаточно хорош, чтобы удержать его от ошибок. У подножия гор Тибура он построил виллу, которая напоминала альбом его путешествий, своего рода панораму славы. Ее можно было бы описать как шумную, безвкусную ярмарку умирающей нации. Там можно было найти все: имитацию Египта, имитацию Греции, Лицей, Академию, Пританеум, Поэциле, Канопус, Альфей, долину Темпе, Элизийские поля, Тартар; храмы, библиотеки, театры; ипподром, наумханию, гимнастический зал, бани — странное, но привлекательное место. Ведь это было последнее место, где можно было найти удовольствие, где умные люди засыпали под пустой звук «скупого Ахерона».^[31]

В Риме единственной мыслью фантастического императора была эта бессмысленная гробница, этот огромный мавзолей, который затмил Вавилон и который, лишенный своих сокровищ, стал цитаделью папского Рима. Его здания покрывали весь мир. Основанные им Атенеумы, поощрение, которое он оказывал литературе и изобразительному искусству, свободы, которые он предоставлял профессорам, радовали сердца всех образованных людей. К сожалению, суеверие, капризность и жестокость все больше овладевали им по мере того, как его физические силы слабели. Он построил себе Элизиум, чтобы не верить в него, ад, чтобы смеяться над ним, зал философов, чтобы издеваться над философами, Канопус, чтобы разоблачать обман священников и напоминать себе о безумных праздниках Египта, которые так его развлекали. Теперь все казалось ему пустым и бессмысленным; ничто больше не интересовало его. Возможно, некоторые из мученических смертей, произошедших во время его правления и мотивы которых трудно объяснить, можно отнести к беспорядкам и капризам его последних месяцев.

Телесфор был тогда главой Римской церкви; он умер, исповедуя Христа, и был причислен к числу самых славных мучеников веры. Смерть дилетанта Цезаря была печальной и недостойной, ибо он не был одухотворен никакими действительно возвышенными моральными чувствами. Тем не менее мир потерял в нем могучую опору. Только евреи торжествовали в агонии его последних мгновений.

Он искренне заботился о цивилизации и прекрасно понимал ее возможности в свое время. Древнее искусство и литература заканчиваются с ним. Он был последним императором, верившим в славу, так же как Элий Вер был последним человеком, умевшим ценить изысканность удовольствий. Человеческие дела настолько легкомысленны, что блеск и пышность должны занимать в них определенное место. Ни один мир не сможет удержаться без этого. Людовик XIV знал об этом, и люди жили и до сих пор живут в свете его позолоченного солнца. Адриан, по-своему, знаменует собой кульминацию, после которой начинается быстрый упадок. Конечно, с моральной точки зрения Антонин и Марк Аврелий намного превосходят его, но при них мир становится печальным, теряет свою веселость, надевает капюшон, становится христианским, а суеверие усиливается.

Искусство Адриана, хотя и поражено гнилью, все еще придерживается принципов; это искусство искусное и ученое; затем с неотразимой силой наступает декаданс. Древнее общество осознает, что все суета, и в день, когда делается это открытие, смерть не за горами. Два выдающихся мудреца, которые должны править следующими, каждый по-своему являются аскетами. Луций Вер и Фаустина должны стать изгоями, выжившими в древней моде.^d

АНТОНИН (Тит Аврелий Антонин Пий), 138-161 гг. н. э.

Предки Антонина были родом из Немауса (Ним); поселившись в Риме, они занимали там самые высокие должности. Сам Антонин, отличавшийся Хадрианом, получил от этого принца управление частью Италии, а позже — проконсульство в Азии, и в конце концов был усыновлен им на условии, что он, в свою очередь, усыновит Марка Аврелия и Луция, сына Элия Вера. Во время его двадцатитрехлетнего правления (138-161) империя наслаждалась большим спокойствием, что было связано как с его добродетелями и умеренностью, так и с умелым правлением его предшественника, который временно устранил причины беспорядков.

ФАУСТИНА, ЖЕНА АНТОНИНА ПИЯ

(Скульптура в Ватикане)

Его слава распространилась настолько, что князья Индии, Бактрии и Гиркании выбрали его в качестве арбитра в своих спорах; его благодарные современники дали ему прекрасное звание «Отец человеческого рода». Он никогда не назначал на государственные должности никого, кроме опытных и честных людей, и позволял им занимать свои посты пожизненно, когда не мог заменить их другими, более способными. Мудрая экономия в финансовом управлении дала ему возможность создать полезные учреждения, такие как, например, два приюта, где сироты-девочки получали образование под покровительством императрицы Фаустины, а также назначить ученых профессоров не только в Риме, как делал Веспасиан, но и в крупных городах провинций.

Он также был в состоянии помочь городам, пострадавшим от каких-либо бедствий, таким как Рим, Антиохия, Нарбонна и Родос, когда они были опустошены пожаром или землетрясением. Богатство принца, как он говорил, — это общественное счастье. Сам он жил просто, был доступен для всех и готов был отдать справедливость всем жалобам. Были раскрыты два заговора против него; погибли только два зачинщика. *Апология христианства*, составленная философом Юстином и представленная императору,

обеспечила терпимость и защиту христианам, которые уже были многочисленны в Риме и провинциях.

Антонин не вел войн и даже не посещал провинции, которые были слишком мирными и хорошо управляемыми, чтобы его присутствие было необходимым. Однако его лейтенанты участвовали в некоторых сражениях против мавров в Африке и против аланов и квадов на Дунае. Лазы и армяне приняли назначенных им царей. Евреи доставляли некоторые неприятности, а бритты пытались разрушить стену Адриана.

Аппиан рассказывает об одном событии, которое ясно показывает умеренность Антонина. В то время в Рим прибыли представители варваров с просьбой принять их в качестве подданных империи. Им было отказано. Такова была политика Августа и Адриана, и она принесла достаточно хорошие результаты в благосостоянии ста миллионов человек, чтобы оправдать Антонина в ее следовании. Но мир также принес забвение о военной доблести древности. Легионы, бездельничающие за валами своих лагерей, больше не умели обращаться с оружием и не выдерживали усталости; и потребовалась вся строгость Авидия Кассия, чтобы искоренить изнеженность солдат, особенно в Сирии, отучить их от увлечения «банями и опасными удовольствиями Дафны, сорвать с их голов цветы, которыми они венчали себя на своих пирах».⁴

В начале своего правления он уделил особое внимание тому, чтобы на должности назначались только самые достойные; он смягчил многие налоги и дани и приказал, чтобы все сборы производились без пристрастия и угнетения. Его щедрость была такова, что он даже расстался со всем своим личным состоянием, чтобы облегчить страдания нуждающихся. Когда императрица Фаустина, казалось, выразила протест против этого, он упрекнул ее в глупости, заявив, что, как только он стал властелином империи, он отказался от всех личных интересов и, не имея ничего своего, все принадлежало государству. Он поступал иначе, чем его предшественники, в отношении путешествий и редко покидал Рим, говоря, что не хочет обременять своих подданных показными и ненужными расходами. Благодаря такому бережливому поведению он был в состоянии лучше подавлять все восстания, которые происходили во время его правления, будь то в Британии, Дакии или Германии. Таким образом, он был одновременно почитаем и любим людьми, считаясь скорее покровителем и отцом для своих подданных, чем господином и повелителем. К нему присылались послы из самых отдаленных уголков Гиркании, Бактрии и Индии, все предлагая ему союз и дружбу; некоторые просили его назначить им царя, которому они, казалось, с гордостью подчинялись. Он проявлял не меньшую отцовскую заботу по отношению к угнетаемым христианам; в их пользу он объявил, что если кто-либо будет беспокоить их только из-за их религии, то такой человек подвергнется тому же наказанию, которое было предусмотрено для обвиняемого.

Эта мягкость сопровождалась не меньшей приветливостью, чем свободой; но в то же время он был начеку, чтобы его снисходительность к друзьям не соблазнила их на дерзость или угнетение. Поэтому он следил за тем, чтобы его придворные не продавали свои услуги и не брали никаких вознаграждений от своих просителей. Во время великого голода в Риме он обеспечивал нужды народа и все время его продолжения снабжал огромное количество людей хлебом и вином. Когда кто-либо из его подданных пытался разжечь в нем страсть к военной славе, он отвечал, что больше желает сохранения одного подданного, чем уничтожения тысячи врагов.

Он был выдающимся покровителем ученых, которым он давал большие пенсии и высокие почести, привлекая их со всех концов света. Среди прочих он пригласил Аполлония, известного стоического философа, чтобы тот обучал его приемного сына Марка Аврелия, которого он ранее женил на своей дочери. Когда Аполлоний прибыл в Рим, император

пожелал его присутствия, но тот высокомерно ответил, что обязанность ученика — служить учителю, а не учителя — ученику. На этот ответ Антонин лишь улыбнулся и ответил, что удивительно, как Аполлоний, который без труда приехал из Греции в Рим (), считает таким трудным пройти из одной части Рима в другую, и сразу же послал к нему Марка Аврелия. В то время как добрый император занимался тем, что делал людей счастливыми, направляя их поведение своим собственным примером или обличая их глупости острыми упреками, он был поражен сильной лихорадкой в Лориуме, загородном доме недалеко от Рима; там, почувствовав, что его силы заметно угасают, он приказал своим друзьям и главным чиновникам прибыть к нему. В их присутствии он подтвердил усыновление Марка Аврелия, ни разу не упомянув Луция Вера, которого Адриан присоединил к нему в качестве преемника; затем он приказал перенести золотую статую Фортуны, которая всегда находилась в покоях императоров, в покои его преемника, и скончался в возрасте семидесяти пяти лет, после процветающего правления, длившегося двадцать два года и почти восемь месяцев.^b

ХАРАКТЕРИСТИКА АНТОНИНА РЕНАНОМ

Антонин был Святым Людовиком в своей доброте и благодати, но с гораздо большим здравым смыслом и более широким умом. Он был самым совершенным правителем, который когда-либо царствовал.^[32] Он был даже выше Марка Аврелия, поскольку его нельзя было обвинить в слабости. Перечислить его хорошие качества означало бы перечислить хорошие качества, которые могут принадлежать совершенному человеку. Все люди видели в нем воплощение мифического Нума Помпилия. Он был самым конституционным из правителей, кроме того, что был простым и бережливым, занимался добрыми делами и общественно полезным трудом, был чужд излишеств, не был болтуном и свободен от всякой интеллектуальной напыщенности. Благодаря ему философия стала подлинной силой; философы повсюду получали щедрые пенсии. Сам он был окружен аскетами, и общее направление образования Марка Аврелия было его делом.

Таким образом, мир, казалось, достиг идеального состояния; царила мудрость; мир в течение двадцати трех лет управлялся отцом; вычурность и ложный вкус в литературе исчезли; царила простота; общественное образование было предметом серьезного внимания. Улучшения были всеобщими; были приняты отличные законы, особенно в пользу рабов; облегчение страданий стало всеобщей заботой. Проповедники моральной философии были даже более успешны, чем Дион Хризостом; желание завоевать легкомысленные аплодисменты было опасностью, которой они должны были избегать. На смену жестокой римской аристократии пришла провинциальная аристократия, состоящая из честных людей, целью которых было общее благо.

Сходство этих устремлений с устремлениями христианства было поразительным. Но между этими двумя школами существовала большая разница, которая сделала их врагами. Из-за своей надежды на приближающийся конец света, из-за своего плохо скрываемого желания падения древнего социального порядка, христианство в условиях благотворной империи Антонинов было подрывной силой, с которой нужно было бороться. Христиане, всегда пессимистичные и неиссякаемые в своих мрачных пророчествах, не только не способствовали рациональному прогрессу, но и презирали его. Почти все католические учителя считали войну между империей и церковью необходимой, как последний акт борьбы между Богом и Сатаной; они смело утверждали, что гонения будут продолжаться до

конца всех вещей. Идея христианской империи, хотя она иногда приходила им в голову, казалась противоречивой и невозможной.

В то время как мир начинал жить заново, иудеи и христиане более чем когда-либо настаивали на том, чтобы приблизился его последний час. Уже самозванец Варух израсходовал все свои силы на расплывчатые объявления. Иудео-христианская сивилла все это время не переставала громогласно провозглашать. Все возрастающее великолепие Рима было скандальным оскорблением божественной истины, пророков, святых. Они также посвятили себя смелому отрицанию процветания века. Все природные бедствия, которые по-прежнему были довольно многочисленными, выставлялись как признаки неумолимого гнева. Прошлые и настоящие землетрясения в Азии использовались для внушения самых мрачных страхов. Эти бедствия, по мнению фанатиков, имели только одну причину — разрушение Храма в Иерусалиме. Рим, куртизанка, отдалась тысяче любовников, которые опьянили ее; теперь она должна была стать рабыней. Италия, истекающая кровью от гражданских войн, должна была стать пристанищем диких зверей. Новые пророки использовали почти те же образы для описания падения Рима, что и провидец шестьдесят девятого года для изображения своей меланхолической ярости.

Любому обществу трудно не отвечать на такие нападки. Сивиллины книги, содержащие их, приписываемые мнимому Гистаспасу и предвещающие разрушение империи, были осуждены римскими властями, а те, кто их владел или читал, подлежали смертной казни. Тревожное исследование будущего было преступлением в имперскую эпоху; и действительно, за этой бесполезной любознательностью почти всегда скрывалось стремление к революции и подстрекательство к убийству. Несомненно, мудрому императору, введшему столько гуманных реформ, было бы более достойно презирать безудержные и бесцельные фантазии и отменить те суровые законы, которые римский деспотизм наложил на свободу вероисповедания и свободу объединений; но, очевидно, эта мысль не приходила в голову никому из его окружения, как и окружению Марка Аврелия.

Только свободный мыслитель может быть абсолютно терпимым, а Антонин соблюдал и скрупулезно поддерживал обряды римской религии. Политика его предшественников в этом отношении была непоколебимой. Они видели в христианах тайную и антисоциальную секту, которая мечтала о свержении империи, и, как и все приверженцы древнеримских принципов, считали необходимым ее подавить. Для этого не требовалось специальных указов; законов против *coetus illiciti* и *illicita collegia* было множество. Христиане подпадали под действие этих законов самым обычным образом. Следует отметить, во-первых, что истинный дух свободы, как его понимают сегодня, тогда не был понят, и что христианство, когда оно было у власти, не практиковало его лучше, чем языческие императоры; во-вторых, что отмена закона против незаконных обществ, вероятно, привела бы к гибели империи, которая основывалась на том существенном принципе, что государство не должно допускать в себя никаких обществ, отличающихся от него. Этот принцип был плохим, согласно нашим представлениям; по крайней мере, он был краеугольным камнем римской конституции.

Народ посчитал бы, что основы империи разрушены, если бы произошло какое-либо ослабление репрессивных законов, которые он считал необходимыми для прочности государства. Христиане, по-видимому, понимали это. Они не только не питали личной неприязни к Антонину, но даже считали, что он облегчил их бремя. Бесконечную честь этому правителю делает тот факт, что главный защитник христианства осмелился с уверенностью обратиться к нему с просьбой исправить правовую ситуацию, которую он справедливо считал несправедливой и неуместной в такое счастливое царствование. Другие пошли еще дальше, и, несомненно, в первые годы правления Марка Аврелия были

сфабрикованы различные рескрипты, якобы адресованные от имени Антонина лариссанам, фессалоникийцам, афинянам, всем грекам и государствам Азии; эти рескрипты были настолько благоприятны для Церкви, что если бы Антонин действительно их подписал, он был бы очень непоследователен, не став христианином. Эти документы доказывают только одно — а именно, мнение, которое христиане сохранили о достойном императоре.

Антонин проявил не меньшую дружественность по отношению к евреям, теперь, когда они больше не угрожали империи. Законы, запрещающие обрезание, которые были результатом восстания Бар-Косибы, были отменены в той мере, в какой они были обременительными. Евреи могли свободно обрезать своих сыновей, но если они проводили эту операцию неевреям, то подвергались суровому наказанию. Что касается гражданской юрисдикции внутри общины, то, по-видимому, она была предоставлена израильтянам только позднее. Такова была строгость установленного правопорядка, таково было народное возмущение против христиан, что даже во время этого правления, к сожалению, было много мучеников. Поликарп и Иустин — самые известные из них, но они были не единственными. Малая Азия была окрашена кровью многих судебных убийств, все из которых были вызваны восстаниями; мы увидим, как монтанизм родился как галлюцинация из этого опьянения мученичеством.

В Риме книга псевдо-Гермаса появится как бы из бани крови. Поглощающая идея мученичества, с вопросами о ренегатах или тех, кто проявил какую-либо слабость, заполняет всю книгу. На каждой странице Иустин описывает христиан как жертв, которые только ждут смерти; одно только их имя, как и во времена Плиния, является преступлением. «Иудеи и язычники преследуют нас со всех сторон; они лишают нас нашей собственности и позволяют нам жить только тогда, когда не могут поступить иначе. Они обезглавливают нас, распинают, бросают на съедение зверям, мучают цепями, огнем, самыми ужасными пытками. Но чем больше они заставляют нас страдать, тем больше увеличивается число верующих. Виноградарь обрезает свою лозу, чтобы она снова росла, он удаляет те ветви, которые принесли плоды, чтобы другие, более сильные и плодоносные, могли расти; то же самое происходит с народом Божиим, который подобен плодородной лозе, посаженной Его рукой и рукой нашего Спасителя Иисуса Христа».⁴

МАРК АВРЕЛИЙ (М. ЭЛИЙ АВРЕЛИЙ АНТОНИН), 161-180 гг. н. э.

[161-163 гг. н. э.]

Марк Аврелий, хотя и остался единственным преемником престола, взял Луция Вера в качестве своего соратника и равного в управлении государством. Два императора едва успели укрепиться на троне, как империя оказалась атакована со всех сторон варварскими народами, окружавшими ее. Хатты вторглись в Германию и Раетию, опустошая все огнем и мечом, но через некоторое время были отбиты Викторином. Британцы также подняли восстание, но были подавлены Калифурнием. Однако парфяне под предводительством своего царя Вологеза совершили вторжение, еще более ужасное, чем два предыдущих, уничтожив римские легионы в Армении, а затем вторгшись в Сирию, изгнав римского наместника и наполнив всю страну ужасом и смятением. Чтобы остановить продвижение этого варварского вторжения, Верос лично отправился туда, сопровождаемый на части пути Аврелием, который делал все, что в его силах, давая ему советы и предоставляя подходящих помощников, чтобы исправить или сдержать его пороки.

МАРК ВЕРУС

Однако эти меры предосторожности оказались бесплодными; Верус вскоре устал от всех ограничений, пренебрег всеми предостережениями и, не задумываясь о срочности своей экспедиции, погрузился во всевозможные развлечения. Эти излишества вызвали у него во время путешествия сильную лихорадку, которую его крепкое здоровье смогло преодолеть, но ничто не могло исправить его порочные наклонности. Войдя в Антиохию, он решил удовлетворить все свои желания, не обращая внимания на тяготы войны. Там, в одном из пригородов, называвшемся Дафна, который благодаря сладости воздуха, красоте рощ, богатству садов и свежести фонтанов казался созданным для удовольствий, он предался излишествам, неизвестным даже сладострастным грекам, оставив всю славу поля боя своим лейтенантам, которые были посланы для подавления врага. Те, однако, сражались с большим успехом: Стаций Приск взял Артаксату; Кассий обратил в бегство Вологеза, взял Селевкию, разграбил и сжег Вавилон и Ктесифон и разрушил великолепный дворец царей Парфии. За четыре года, в течение которых продолжалась война, римляне проникли глубоко в парфянскую страну и полностью подчинили ее себе, но по возвращении их армия была сокращена более чем наполовину из-за эпидемии и голода. Однако это не помешало тщеславному Веру, который решил насладиться триумфом, с таким трудом завоеванным другими. Поэтому, назначив царя над армянами и обнаружив, что парфяне полностью покорены, он принял титулы Арменикус и Партикус, а затем вернулся в Рим, чтобы вместе с Аврелием принять участие в триумфе, который был торжественно отмечен с большой помпой и великолепием.

[163-166 гг. н.э.]

В ходе этой экспедиции, которая продолжалась несколько лет, Аврелий усердно стремился обеспечить справедливость и счастье своим подданным на родине. Сначала он занялся регулированием государственных дел и исправлением недостатков, которые он обнаружил в законах и политике государства. В этом стремлении он проявлял

исключительное уважение к сенату, часто позволяя ему принимать решения без права апелляции, так что под его справедливым правлением республика, казалось, вновь возродилась. Кроме того, он был настолько увлечен делами, что часто посвящал одному и тому же вопросу десять дней подряд, тщательно рассматривая его со всех сторон, и редко покидал здание сената до тех пор, пока с наступлением ночи консул не распускал собрание. Но, будучи так славно занят, он ежедневно страдал от сообщений о злодеяниях своего коллеги, неоднократно убеждаясь в его тщеславии, развратности и расточительности. Однако, притворяясь, что он не знает об этих излишествах, он решил, что брак будет лучшим способом исправить его, и поэтому послал ему свою дочь Луциллу, женщину великой красоты, на которой Верий женился в Антиохии. Но даже это оказалось безрезультатным: Луцилла оказалась совсем не похожей на своего отца и вместо того, чтобы исправить расточительность своего мужа, только способствовала ее усилению. Тем не менее Аврелий все еще надеялся, что по возвращении Вера в Рим его присутствие будет держать его в страхе и что счастье наконец вернется в государство. Но и в этом он был разочарован. Его возвращение оказалось фатальным для империи, поскольку его армия привезла чуму из Парфии и распространила инфекцию по всем провинциям, через которые она прошла.

ЧУМА И СМЕРТЬ ВЕРУСА

[166-169 гг. н. э.]

Ничто не могло превзойти плачевное состояние империи вскоре после возвращения Вера. В этой ужасающей картине был изображен император, не испуганный примером или бедствиями, окружавшими его, предавшийся беспрецедентным разврату; бушующая чума, сеявшая ужас и опустошение во всех частях западного мира; землетрясения, голод и наводнения, каких никогда раньше не было; продукты земли по всей Италии, пожираемые саранчой; все варварские народы, окружавшие империю, германцы, сарматы, квады и маркоманны, пользующиеся ее различными бедствиями и вторгающиеся даже в саму Италию. Священники делали все, что могли, чтобы положить конец бедствиям государства, пытаясь умиловать богов, давая обещания и принося бесчисленные жертвы, совершая все священные обряды, которые когда-либо были известны в Риме, и устраивая торжественную церемонию под названием *Lectisternia* в течение семи дней подряд. В довершение ко всему, эти фанатики, не удовлетворившись надвигающимися бедствиями, создали новые, приписывая бедствия государства исключительно безбожности христиан, так что вскоре по всей империи разразились жестокие гонения, в которых мученическую смерть приняли Иустин Мученик, святой Поликарп, епископ Смирны, и бесчисленное множество других.

В этой обстановке всеобщего смятения, опустошения и бедствий осталось только добродетель и мудрость одного человека, чтобы восстановить спокойствие и вернуть счастье в империю. Аврелий начал свои усилия с похода против маркоманнов и квадов, взяв с собой Вера, который с неохотой оставил чувственные удовольствия Рима ради тягот лагеря. Они настигли маркоманнов недалеко от города Аквилея и после яростного сражения разгромили всю их армию; затем, преследуя их через Альпы, победили их в нескольких сражениях и, наконец, полностью разгромив, вернулись в Италию без значительных потерь. Поскольку зима была уже в разгаре, Вер решил отправиться из Аквилеи в Рим, но по дороге его постиг апоплексический удар, который положил конец его жизни в возрасте тридцати девяти лет, проживших девять лет в соправительстве с Аврелием. Подозрительность, которая всегда сопутствует судьбе принцев, не преминула приписать его смерть разным причинам.^b Некоторые сообщения обвиняли императрицу Фаустину в том, что она отравила

его; другие называли Луциллу, жену Вера, которая, как говорили, ревновала к сестре своего мужа, Фабии. Но все эти слухи не имеют под собой никаких оснований, как, впрочем, и сообщения, на которых основаны обычные оценки жизни Вера. Несомненно, его пороки были преувеличены.

ПРИГРАНИЧНЫЕ ВОЙНЫ

[169-174 гг. н. э.]

Аврелий, который до сих пор испытывал усталость от управления не только империей, но и императором, теперь, оставшись один, начал действовать с большим усердием и энергией, чем когда-либо. Его первой заботой было вновь выдать свою дочь Луциллу замуж за Клавдия Помпеяна, человека умеренного состояния и скромного происхождения (), но отличавшегося честностью, мужеством и мудростью. Затем он покинул Рим, чтобы закончить войну против маркоманнов, которые, объединившись с квадами, сарматами, вандалами и другими варварскими народами, возобновили военные действия с необычайной яростью и разрушительной силой. Некоторое время назад они напали на Виндекса, префекта преторианской гвардии, и в общей битве у Дуная уничтожили не менее двадцати тысяч его людей. Они даже преследовали римлян до Аквилеи и захватили бы город, если бы император не возглавил свои войска, чтобы противостоять им. Аврелий, отразив врага, продолжил свои усилия по сдерживанию его от будущих вторжений. Он потратил на это трудоемкое предприятие не менее пяти лет, преследуя эти варварские народы, вынося самые страшные лишения и компенсируя недостатки своего слабого здоровья чрезмерной храбростью. Стоическая философия, в которой он был воспитан, научила его простоте жизни, что служило примером для всей армии. Обычный солдат не мог жаловаться на любые лишения, которые ему приходилось терпеть, когда он видел, как сам император каждый час с веселым смирением подвергается еще большим лишениям. Таким поведением Аврелий настолько измотал врага повторяющимися нападениями, что в конце концов заставил его принять такие условия мира, какие он считал целесообразным навязать, и таким образом вернулся в Рим с триумфом.

По возвращении в Рим император приступил к своим обычным усилиям по улучшению жизни человечества путем дальнейшей реформы внутренней политики государства. Он приказал не проводить расследований по делам умерших людей, которые были мертвы в течение пяти лет. Он сократил государственные расходы и уменьшил количество представлений и спортивных состязаний, которые проводились в амфитеатре. Он особенно взял под свою защиту бедных; он находил такое удовольствие в удовлетворении их нужд, что считал свою способность следовать велениям своего сострадания одним из величайших счастья своей жизни. Он неустанно трудился, чтобы ограничить роскошь великих, запретил использование колесниц и носилок лицам низшего сословия и всеми средствами стремился исправить разврат и беспорядки среди женщин.

Но его благородные усилия были вскоре прерваны возобновлением прежних войн. Варвары, как только заметили отступление его армии, снова взялись за оружие и возобновили свои грабежи с еще большей яростью, чем прежде. Теперь они переманили на свою сторону все народы от Иллирии до самых дальних уголков Галлии. Поэтому Аврелий вновь оказался в окружении трудностей; его армия была истощена чумой и частыми сражениями, а его сокровища полностью исчерпаны. Чтобы исправить эти неудобства, он увеличил свои силы, набрав в армию рабов, гладиаторов и бандитов из Далмации.

Чтобы собрать деньги, он продал все движимое имущество империи и всю богатую мебель, которая хранилась в кабинетах Адриана. Эта распродажа, которая продолжалась два месяца, принесла столь значительную сумму, что хватило на покрытие всех военных расходов. Следующим его шагом было продвижение вперед и переход через Дунай по мосту из лодок.^b

Дион Кассий^e рассказывает несколько удивительных историй о последующей кампании; живописность этого повествования усиливается исправлениями, добавленными к нему Ксифилином,^{—h} чьим выдержкам мы обязаны сохранением этого рассказа. Стоит процитировать этих авторов довольно подробно, поскольку их рассказ хорошо иллюстрирует характер материала, на котором должна основываться наша реконструкция истории этого периода.^a

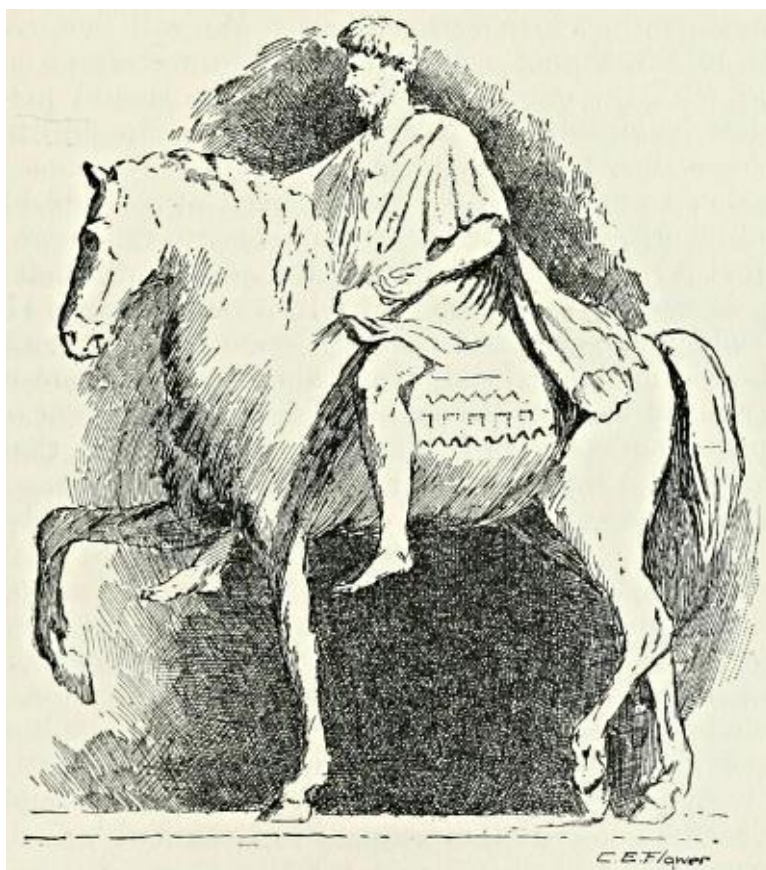
«После нескольких важных сражений, — говорит Дион, — и многочисленных опасностей, Марк Антонин (Марк Аврелий) подчинил себе маркоманнов и иазигов; он также вел великую войну против народа, называемого квадами, в которой, вопреки его ожиданиям, он одержал победу, или, вернее, победа была дарована ему богом. Действительно, именно божественное вмешательство спасло римлян от опасностей, которым они подвергались во время этого сражения. Окруженные квадами, которые имели все преимущества положения, римляне отважно защищались своими щитами; вскоре варвары прекратили боевые действия в надежде, что жара и жажда сдадут их противников в их руки без дальнейших сражений, и заняли все места, вокруг которых они укрепились, чтобы не дать врагу найти воду, поскольку квады значительно превосходили их по численности. Теперь, когда римляне, неспособные ни сражаться, ни отступить и доведенные до крайней степени изнеможения ранами, усталостью, жарой и жаждой, беспомощно стояли на своих постах, внезапно собралось множество облаков и пошел проливной дождь — безусловно, не без божественного вмешательства, поскольку египетский маг Арнулфис, который был с Марком Антонином, призвал нескольких гениев, главным образом воздушного Меркурия, с помощью заклинаний, и благодаря им вызвал дождь».^e

«Это, — комментирует Ксифилин, — то, что Дион рассказывает по этому поводу; но он, похоже, добровольно или невольно, обманывает. Я склоняюсь к мнению, что он делает это добровольно. И почему бы, собственно, нет? Он знал, что существовал легион под названием «Громовой легион», который получил свое название исключительно из-за того, что произошло в этой войне. Именно этому легиону, а не магу Арнулфису, мы обязаны сохранением римской армии и поражением варваров. У Марка Антонина был легион, состоявший из солдат из Мелитены, которые все исповедовали христианство. Во время сражения начальник преторианцев разыскал Марка Антонина, который был в большом замешательстве от поворота событий и сильно опасался за безопасность армии, и, как говорят, объяснил ему, что нет ничего, чего бы люди, называющие себя христианами, не могли достичь своими молитвами, и что среди его войск есть отряд, состоящий исключительно из последователей этой религии. Восхищенный этой новостью, Марк Антонин потребовал от этих солдат, чтобы они помолились своему богу, который, мгновенно удовлетворив их просьбу, послал молнии на врага и утешил римлян дождем. Пораженный этим чудесным успехом, император удостоил христиан чести в своем эдикте и назвал их легион «Громовержцами». Существует даже утверждение, что Марк Антонин написал письмо на эту тему. Язычники хорошо знают, что эта рота называлась «Громовержцами», поскольку сами подтвердили этот факт, но они ничего не рассказывают о том, по какому поводу легион получил это название.

Дион добавляет, что, когда пошел дождь, каждый солдат поднял голову к небу, чтобы принять воду в рот; что после этого некоторые протянули свои щиты, а другие — шлемы,

чтобы поймать воду, и многие напоили своих лошадей. Будучи сразу же атакованы варварами, они пили и сражались на том же месте, и некоторые, будучи ранены, глотали кровь, смешанную с водой в своих шлемах. Все были заняты питьем, и, несомненно, они бы серьезно пострадали от этой атаки, если бы сильный град и многочисленные молнии не посеяли панику в рядах врага. Можно было видеть, как огонь и вода смешивались, падая с неба; некоторые, на кого они падали, пили и освежались, но многие сгорели и погибли. Огонь не достиг римлян, но если он случайно касался кого-то из них, то сразу же гас; точно так же дождь, вместо того чтобы утешить варваров, казалось, лишь разжигал, как масло, огонь, который их пожирал, и, хотя они были промокшие до нитки, они постоянно искали еще больше воды. Некоторые варвары наносили себе раны, как будто их кровь имела силу тушить пламя, а многие бросились к римлянам, надеясь, что там вода может быть для них спасительной. Марк Антонин проникся к ним состраданием и в седьмой раз был провозглашен императором солдатами. Хотя обычно он не принимал этот титул, пока его не присваивал сенат, в этот раз он не стал возражать, считая, что эта честь исходит от бога, и написал об этом сенату. Что касается Фаустины, то ей был присвоен титул «Мать лагеря».^h

Несмотря на эту победу, война продолжалась еще несколько месяцев, но после многих ожесточенных столкновений варвары послали просить о мире. Император наложил на них более или менее суровые условия, поскольку считал их более или менее склонными к восстанию, будучи фактически решившим разделить их территории на провинции и подчинить их Римской империи. Однако новое восстание вынудило его защищать свои владения на родине.

Статуя Марка Аврелия в Капитолии

ВОССТАНИЕ АВИДИЯ

Авидий Кассий был одним из любимых полководцев императора и сыграл главную роль в достижении римских успехов в Парфии. Его главная заслуга, по-видимому, заключалась в восстановлении старой дисциплины и в том, что он притворялся горячим сторонником республики в ее древней форме. Но на самом деле все его кажущееся уважение к свободе было лишь средством для захвата свобод своей страны в целях собственного возвеличивания. Поэтому, обнаружив, что его солдаты (поскольку он остался с армией на Востоке) готовы поддержать его притязания, он провозгласил себя императором в Сирии. Одним из его главных уловок для завоевания популярности было заявление о том, что он является потомком знаменитого Кассия, который замыслил заговор против Цезаря, и, как и тот, он притворялся, что его целью является восстановление республики в Риме. Он также распространил слухи о смерти Аврелия и притворялся, что испытывает к нему глубочайшее уважение. Благодаря этим уловкам он объединил под своим командованием большую группу людей и в короткие сроки подчинил себе все страны от Сирии до горы Тавр. Эти успешные начинания усилили активность императора, но не его опасения. Он готовился противостоять ему, не проявляя никаких признаков беспокойства по поводу исхода событий; он говорил своим солдатам, что готов без колебаний уступить свою империю Авидию, если это будет сочтено благом для народа, поскольку для него самого единственным плодом возвышения были непрекращающиеся труды и усталость.

«Я готов, — воскликнул он, — встретиться с Авидием перед сенатом и перед вами и передать ему империю без кровопролития и без единого удара, если это будет сочтено благом для народа. Но Авидий никогда не подчинится такому суду; тот, кто был неверным своему благодетелю, никогда не может полагаться на чьи-либо обещания. Он не будет полагаться даже на меня, если окажется в проигрышном положении. И все же, мои соратники, я искренне боюсь, что он покончит с собой, или что кто-то, желая оказать мне услугу, поспешит ускорить его смерть. Моя самая большая надежда — доказать, что я могу простить самые вопиющие преступления, сделать его своим другом, несмотря на его нежелание, и показать миру, что даже гражданские войны могут закончиться счастливо». Тем временем Авидий, хорошо зная, что отчаянные предприятия должны быть быстро осуществлены, пытался привлечь Грецию на свою сторону, но любовь, которую все человечество питало к доброму императору, сорвала его планы; ему не удалось привлечь ни одного города на свою сторону. Этот отказ, казалось, перевернул чашу его прежней удачи. Его офицеры и солдаты начали теперь смотреть на него с презрением, так что в конце концов, менее чем через четыре месяца после своего первого восстания, они убили его. Его голову принесли императору, который принял ее с сожалением и приказал похоронить с почестями. К остальным заговорщикам отнеслись с большой мягкостью; некоторых из них сослали, но вскоре вернули обратно. Эта мягкость вызывала восхищение у одних и осуждение у других, но император мало обращал внимания на ропот или аплодисменты толпы; руководствуясь только добротой своего характера, он делал то, что считал правильным, довольный и счастливый в самоодобрении. Когда некоторые позволили себе упрекнуть его в таком поступке, сказав, что Авидий не был бы столь великодушен, будь он победителем, император ответил следующим возвышенным образом: «Я никогда не служил богам так плохо и не правил так неправомерно, чтобы бояться, что Авидий когда-либо может стать победителем».

Хотя Авидия уже не было, Аврелий понимал, что у него все еще остались враги, которых он хотел завоевать. Поэтому он отправился в путешествие на Восток, где везде сразу очаровывал их своей приветливостью, вызывал их восхищение своей мягкостью, наставлял их наставлениями и совершенствовал их своим примером. Чтобы лучше предотвратить подобные восстания в будущем, он постановил, что, поскольку Авидий был уроженцем страны, в которой он поднял восстание, впредь никто не должен командовать в месте его рождения. Во время этого путешествия императрица Фаустина неожиданно заболела сильной лихорадкой и умерла. Она была женщиной, чья развратная жизнь наносила большой ущерб достоинству ее положения; однако ее пассивный муж либо не мог, либо, по крайней мере, делал вид, что не замечает ее злодеяний, и охотно принимал незаслуженные почести, которые сенат настойчиво присвоил ее памяти.

По дороге в Рим он посетил Афины, где удостоил жителей многих почестей и назначил профессоров всех наук, обеспечив их щедрыми зарплатами для их удобства. Прибыв в Италию, он снял военную форму, как и вся его армия, и въехал в Рим в одежде, которую носили в мирное время. Поскольку он отсутствовал почти восемь лет, он раздал каждому гражданину по восемь золотых монет и списал все долги казне за последние шестьдесят лет. В то же время он назначил своего сына Коммода своим преемником в империи и сделал его своим партнером в триумфальном вступлении в конце 176 года.⁴

В это время сенат воздвиг конную статую Марка, о которой Меривейл говорит следующими красноречивыми словами:

«Из всех цезарей, чьи имена запечатлены на страницах истории или чьи черты сохранились для нас в хранилищах искусства, только один, кажется, по-прежнему пребывает в вечном городе в том месте и в той позе, которые были ему наиболее знакомы при жизни. В конной статуе Марка Аврелия, венчающей платформу Кампидолия, имперский Рим оживает вновь. Из всех ее освященных достопримечательностей именно к этой классический паломник должен с наибольшим благоговением обращаться; из всех памятников римской древности именно этот наиболее справедливо вызывает его почитание. Ибо в этой фигуре мы видим императора, самого благородного и дорогого из всей династии, таким, каким он был на самом деле; мы осознаем в одном величественном образце характер и образ правителей мира. Мы стоим здесь лицом к лицу с представителем Сципионов и Цезарей, с образцом героев Тацита и Ливия. Другие наши римляне — это изображения из кабинетов и музеев; только этот — человек улиц, Форума и Капитолия. Такое особое место среди руин веков по праву принадлежит тому, кого историки единодушно считают самым достойным из римского народа».⁴

Кроме того, группа памятников, выражающих их почтение, была возведена на Виа Лата (часть Фламиниевой дороги) на Марсовом поле. Посвятительная надпись и некоторые барельефы дошли до нас с триумфальной арки, которая была разрушена только в 1662 году; наиболее важными из них являются барельефы, изображающие апофеоз Фаустины. Мраморная колонна Марка Аврелия, расположенная на современной площади Колонна, стоит до сих пор. Ее высота составляет 29,55 метра, включая основание, капитель, плинтус и абак, и состоит из двадцати восьми блоков. Внутри колонны находится винтовая лестница из 190 ступеней, а абак первоначально увенчивался бронзовой статуей императора. Вокруг колонны, как и на колонне Траяна, проходит спиральная полоса рельефов, содержащая двадцать рядов фигур, расположенных друг над другом и изображающих войны римлян против племен Дуная. Однако по своему дизайну и исполнению эти скульптуры, которые были закончены только во время правления преемника императора, значительно уступают

по совершенству более ранним работам. Изображение движения часто преувеличено, контуры и драпировки грубы и неуклюжи, а профиль рельефа более грубый, чем на колонне Траяна.

Статуя, вероятно, была унесена византийским императором Констансом II в 663 году н. э. В 1589 году колонна была поражена молнией, но была восстановлена папой Сикстом V и увенчана статуей апостола Павла, выполненной из позолоченной бронзы. Храм Марка Аврелия, вероятно, стоял к западу от нее, на месте, которое сейчас называется Монте-Читорио.

[177-180 гг. н. э.]

После возвращения в Рим Марк Аврелий снова получил возможность с энтузиазмом заниматься делами мира, к которым он испытывал такую большую симпатию. Администрация работала замечательно, единственным ее недостатком было то, что мягкий характер императора склонял его к снисходительности в отношениях с правителями сенаторских провинций. Помимо некоторых других вопросов (таких как вопрос об итальянских магистратах и судебных полномочиях высоких имперских чиновников в Риме), объектом его особого интереса было управление продовольственной системой. Не исключено (хотя это и подвергается сомнению), что в это время он передал управление этой системой специально назначенному консульскому префекту по продовольствию. Работа, которую до сих пор выполняли окружные префекты, была передана итальянским магистратам, а кураторы шоссе были уполномочены, с одной стороны, предохранять от поборов со стороны таможенных чиновников, а с другой — контролировать итальянские зерновые рынки и организовывать поставки и продажу зерна.

Серьезные финансовые затруднения, в которых оказалась империя в критические годы войны на Дунае, не обошли стороной и продовольственное учреждение. Император уже разрешил снизить вес золотой монеты до 7,3 г и увеличить долю сплава в денарии до 25 процентов; теперь он, по-видимому, считал необходимым отозвать у землевладельцев капитал, выделенный на поддержку этой системы, и перенаправить проценты в государственную казну; этот прецедент впоследствии оказался очень вредным. Тем не менее Марк Аврелий был настолько способным экономистом, что уже в 176 году он смог облегчить бремя нации, списав все долги и задолженности перед государственной казной (за период в сорок шесть лет). Между тем население столицы было удовлетворено неоднократными пожертвованиями денег и зерна в голодные годы.

Император стремился смягчить кровавый характер гладиаторских зрелищ, требуя, чтобы на рапирах бойцов были пуговицы, а назначение претора-тутелариса было доказательством его особой заботы об интересах несовершеннолетних. Кроме того, следуя политике своих двух предшественников по расширению латинского и римского гражданства на все части империи, он позаботился о создании основы для более точного знания статистических данных о своих владениях.^{[m](#)}

«На фоне этих свидетельств мягкости и терпения, — говорит мисс Циммерн, — кажется странным читать о том, что Марк Аврелий разрешил жестокие гонения на христиан. Среди жертв этого правления были Иустин Мученик и Поликарп, а многие пострадали в ходе общего преследования церквей в Лионе и Вене. Однако не следует забывать, что это преследование было скорее политическим, чем религиозным. Марк Аврелий мало знал о истинном учении христианства и еще меньше заботился о нем, но его последователи, отказываясь признавать религию, которая включала императоров в число своих божеств, стали мятежниками против существующего порядка вещей и в этом были виновны».^{[n](#)}

Благородные усилия Аврелия были прерваны тяжелыми бедствиями. В Азии землетрясения были настоящим бедствием; в частности, 178 год ознаменовался ужасными разрушениями на ионическом побережье, особенно на островах Самос, Хиос, Милет и в великолепном городе Смирна. По просьбе П. Элия Аристида (родившегося в 117 или 129 году) из Адриани в Вифинии в последний из названных городов была отправлена щедрая помощь.

Но самые серьезные опасения императора были связаны с будущим. Рука смерти тяжело обрушилась на его семью, и наследник престола не был сыном, который мог бы порадовать сердце отца. Марк Луций Элий Аврелий Коммод Антонин родился в Ланувиуме 31 августа 161 года и был удостоен титула Цезаря 12 октября 166 года. Но мальчик был неблагонадежен от природы, и усилия его отца и других способных людей из его окружения (таких как Корнелий Фронтон и Гален, знаменитый врач, который жил в Риме с 169 года в качестве его личного врача и умер около 200 года н. э.) не увенчались успехом в подготовке его к обязанностям его высокого положения. Коммод, хотя и не был свободен от вредных наклонностей, не был злобным, но он был глуп, робким, лишенным инициативы и поэтому легко поддавался влиянию своего ближайшего окружения. Это был не тот человек, который был нужен империи в тот момент. Тем не менее, Марк Аврелий не смог набраться достаточно решимости, чтобы исключить его из числа преемников. Напротив, в 177 году Коммод был наделен трибунской властью, и для обеспечения его преемственности его призвали уже в столь раннем возрасте занять место рядом с отцом в качестве августа.

ПОСЛЕДНИЕ ПОХОДЫ И СМЕРТЬ АВРЕЛИЯ

Вся императорская власть слишком быстро перешла в руки этого зловещего человека. Среднее течение Дуная, где командовал Пертинакс, а после его назначения на пост правителя Мезии его сменили два Квинтилия, было центром постоянных беспорядков. Германские племена вновь возмутились жесткими условиями мира, и к 177 году пламя войны разгорелось снова. В 178 году Марк Аврелий был вынужден вновь лично выйти на поле боя. Поэтому он выдал своего сына замуж за Криспину, дочь консула Гая Бруттия Пресенса (если, конечно, брак не был заключен в предыдущем году), и 5 августа отправился с ним на Дунай.

В то время дунайские провинции были очень хорошо укреплены, а река тщательно охранялась вплоть до Ратисбона на западе. По ее водам плавал мощный флот, разделенный на эскадры, соответствующие трем главным гаваням: Лауреакум, Арелапе Комагена и Карнунтум. Император сформировал два легиона для оккупации Норика и Реции. В Норикуме центральным пунктом военной границы был Лауреакум, и шоссе по Дунаю было теперь завершено. Долины и дороги, ведущие к Дунаю, были не менее сильно укреплены, чем те, которые вели к Рейну. Выше Лауреакума форты Лентиа (на Шлоссберге в Линце) и Йовиакум (Шлёген близ Хайбаха) контролировали окружающую местность, а ниже центральной крепости большая дорога в Виндобону охранялась кастеллумом Лакус Фелицис (стены которого до сих пор можно увидеть в Оэлинг на Урле), который мог вместить три когорты, у Элегиума (на скалах Валлзее) и у укрепленного лагеря Арелапе у устья Эрлафа. Далее следовали замок Намаре на скалах Мелька, кастеллы Тригизамум (Трайсмауэр), Фавиана (Маутерн) и Комагена (Тульн) и, наконец, Цитиум (Цайзельмауэр) у подножия леса Виндобона. Следующий участок Паннонского Дуная был защищен еще более тщательно. Виндобона была окружена несколькими фортами, а рядом с этой крепкой крепостью находился Карнунтум, ее главный оплот, могучий четырехугольник, расположенный близко к крутому берегу реки, возвышающийся над бурным потоком и

смотрящий через мутные волны и зеленые острова на бескрайние просторы Мархфельда. Переход через Дунай охранялся барбаканом (в Штофенройте).

О этой новой войне на Дунае до нас дошло мало сведений. С самого начала она была более успешной, чем предыдущая кампания. Одним из самых ярких эпизодов была великая победа над германцами, одержанная после страшной бойни в конце 179 года Таррунтенем Патерном, выдающимся юристом и талантливым стратегом, который теперь командовал в качестве *префекта претория*. Удача, казалось, все больше улыбалась римским войскам, когда, по злой воле империи, замечательный император умер от чумы в лагере в Виндобоне, будучи по достоинству оцененным и глубоко оплаканным после смерти; обожествленным и тщетно желанным, поскольку судьба угасающей империи становилась все более мрачной.^m

«Казалось, — сказал сочувствующий Голдсмит,^b — что вся слава и процветание Римской империи умерли вместе с Аврелием. С тех пор мы видим череду императоров, либо порочных, либо бессильных, либо умышленно виновных, либо неспособных отстаивать достоинство своего положения. Мы видим империю, ставшую слишком великой, тонущую под собственным весом, окруженную варварскими и успешными врагами снаружи и раздираемую амбициозными и жестокими фракциями внутри; принципы того времени полностью развращены; философия пытается регулировать умы людей без помощи религии; а тепло патриотизма полностью испарилось, распространившись в слишком широком кругу». Но в такой оценке следует учитывать некоторую гиперболическую преувеличенность. Нельзя забывать, что великая империя меняется медленно. Не все было хорошо в империи до Марка Аврелия, и не все было плохо после него.

Уныние, охватившее душу кроткого императора, ярко проявилось в обстоятельствах его последних часов. Предвкушая свою смерть с удовлетворением и даже с нетерпением, он считал себя лишь попутчиком на общей дороге жизни со всеми, кто его окружал, и прощался со своими друзьями как человек, который лишь опередил их. Если он рассматривал состояние государственных дел, то перспектива того, что его сын станет его преемником, не могла его утешить, поскольку он не мог скрыть от себя, что Коммод был порочным, жестоким и неграмотным. Его снисходительность к неправомерным поступкам супруги могла быть прощена государством, для которого они не имели большого значения, но его слабость, проявившаяся в том, что он оставил своему бездарному отпрыску власть над всемирной империей, должна была отразиться на его памяти гораздо сильнее.

Возможно, он действительно считал, что опасность для государства от плохого правителя меньше, чем опасность от спорного преемства, особенно в свете бедствий, накапливающихся вокруг него. На смертном одре он предупредил сына, чтобы тот не недооценивал опасность со стороны варваров, которые, хотя в данный момент и потерпели поражение и были обескуражены, скоро оживятся и вернуться к нападению с еще большей силой. Итак, он оставил законы наследования, как они обычно принимаются в настоящее время, чтобы они следовали своему курсу, указав в своем завещании, что Коммод должен наследовать ему, просто порекомендовав его заботе своих офицеров и милости бессмертных богов. На седьмой день своей болезни он не пустил в свою комнату никого, кроме своего недостойного сына, и после нескольких слов отпустил его, накрыл голову для сна и скончался в одиночестве и без попечения.

Родившись 20 апреля 121 года и умерев 17 марта 180 года, он почти достиг пятидесяти девяти лет. Его карьера была разделена на три почти равные части: первая — до его союза с Антонином в империи; вторая — до его вступления на престол; третья — от этого момента до его смерти. Первая часть была периодом его общего образования, вторая — подготовки к империи, в последней он осуществлял неограниченную власть (). В каждой из них он

хорошо себя проявил, в каждой он завоевал любовь и восхищение, но ранние периоды были чрезвычайно благополучными и счастливыми, а период венчания был временем испытаний, опасностей, усталости, бедствий и опасений.

МЕРИВАЛ СРАВНИВАЕТ АВРЕЛИЯ И АЛЬФРЕДА ВЕЛИКОГО

Исторические параллели между людьми разных времен и обстоятельств очень легко вводят нас в заблуждение, но я не могу удержаться от указания на сравнение, которое можно провести с необычайной точностью, между мудрым, добродетельным, многострадальным Аврелием и великим и добрым королем Англии Альфредом. Оба пришли к власти рано и неожиданно; оба обнаружили, что их народ подвергается нападкам назойливых врагов; оба твердо заняли позицию сопротивления и обороны и одержали много побед на поле боя, хотя ни один из них не мог не признать неравные условия борьбы. Оба оказались во главе слабого и деградировавшего общества, час распада которого был уже близок. Тем не менее, они мужественно боролись за него и стремились привить свой доблестный дух народу, мало достойному их защиты.

Но Аврелий и Альфред были не только воинами. Они были литераторами по природному пристрастию и ранней привычке; они были законодателями, администраторами и философами, с той разницей, что первый появился в конце долгого периода цивилизованного правления, а второй — почти в его начале; первый — в печальном конце одного периода умственных спекуляций, а второй — в свежем и обнадеживающем начале другого. Один стремился возвысить характер своих подданных примером собственного скрупулезного самоанализа, другой — наставлениями о повиновении внешнему откровению. Но оба с ранних лет были слабы телом и мало пригодны для того, чтобы справляться с ужасающими трудностями своего положения; оба, если я не ошибаюсь, были больны душой и чувствовали, что их задача превышает их силы, и без особого сожаления преждевременно покинули жизнь.

Однако в одном отношении их судьбы различались. Судьба народа английского Альфреда, после короткого и отдаленного периода угасания, все более укреплялась и сияла, как солнце, поднимающееся к своему зениту. Упадок, печальным свидетелем которого был Аврелий, был необратим и окончателен, и его бледная одинокая звезда была последней, видимой на римском небосводе.¹

ОЦЕНКА ГИББОНА МАРКА АВРЕЛИЯ И ЭПОХИ АНТОНИНОВ

Добродетель Марка Аврелия Антонина была суровой и трудоемкой. Это был заслуженный плод многих научных бесед, многих терпеливых лекций и многих ночных размышлений. В двенадцать лет он принял строгую систему стоиков, которая научила его подчинять тело разуму, страсти — разуму; считать добродетель единственным благом, порок — единственным злом, а все внешнее — безразличным. Его размышления, составленные в суматохе лагеря, сохранились до наших дней; он даже снизошел до того, что давал уроки философии, причем более публично, чем это, возможно, соответствовало скромности мудреца или достоинству императора. Но его жизнь была самым благородным комментарием к заповедям Зенона. Он был строг к себе, снисходителен к недостаткам других, справедлив и благодетелен ко всему человечеству. Он сожалел, что Авидий Кассий, поднявший восстание в Сирии, лишил его удовольствия обратить врага в друга, покончив с собой, и оправдал искренность этого чувства, смягчив рвение сената в отношении сторонников предателя. Он ненавидел войну как позор и бедствие человеческой природы, но когда необходимость справедливой защиты заставила его взять в руки оружие, он без колебаний подверг себя восьми зимним походам на замерзших берегах Дуная, суровость которых в конце концов оказалась фатальной для его слабого здоровья. Его память почиталась благодарным потомством, и более чем через столетие после его смерти многие люди хранили изображение Марка Антонина среди своих домашних богов.

Если бы человеку предложили определить период в истории мира, когда человечество было наиболее счастливым и процветающим, он без колебаний назвал бы период со смерти Домициана до вступления на престол Коммода.^[33] Обширная территория Римской империи управлялась абсолютной властью под руководством добродетели и мудрости. Армии сдерживались твердой, но мягкой рукой четырех последовательных императоров, чьи характеры и авторитет вызывали невольное уважение. Формы гражданского управления тщательно сохранялись Нервой, Траяном, Адрианом и Антонинами, которые восхищались идеей свободы и с удовольствием считали себя ответственными исполнителями законов. Такие правители заслуживали чести восстановления республики, если бы римляне их времени были способны наслаждаться разумной свободой.

Труды этих монархов были с лихвой вознаграждены огромной наградой, которая неотъемлемо сопутствовала их успеху: честной гордостью за добродетель и изысканным наслаждением от созерцания всеобщего счастья, создателями которого они были. Однако справедливое, но печальное размышление омрачало самое благородное из человеческих удовольствий. Они, должно быть, часто вспоминали о нестабильности счастья, которое зависело от характера одного человека. Возможно, приближался роковой момент, когда какой-нибудь разнузданный юнец или ревнивый тиран злоупотребит той абсолютной властью, которую они использовали на благо своего народа, и приведет его к гибели. Идеальные ограничения сената и законов могли служить для проявления добродетелей, но никогда не могли исправить пороки императора. Военная сила была слепым и непреодолимым инструментом угнетения, а развращенность римских нравов всегда поставляла льстецов, готовых аплодировать, и министров, готовых служить страху или алчности, похоти или жестокости своих господ.^e

СНОСКИ

[28] [Существуют и другие версии; некоторые утверждают, что Траян «любил Адриана как своего сына».]

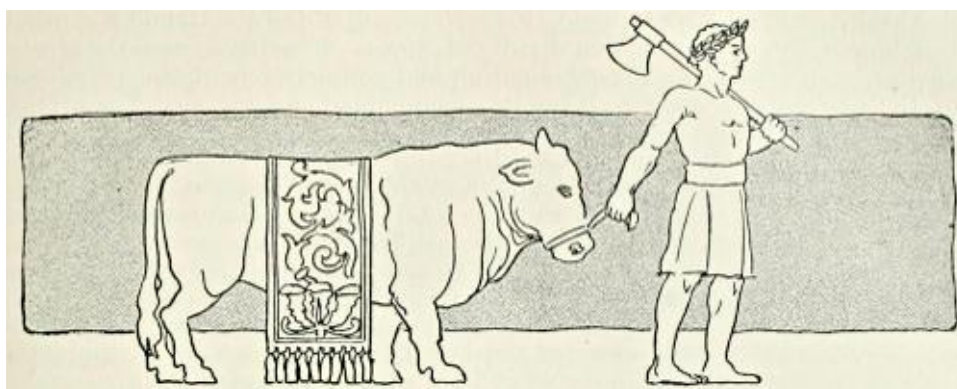
[29] [Настоящее имя Симона было Бар Косиба из города Косиба. «Сын лжи» — так интерпретировали его имя после его поражения.]

[30] [Почти все древние историки Рима были сторонниками сената, а не императоров. Это обстоятельство в основном объясняет неблагоприятные отзывы о последних годах жизни Адриана, которые дошли до нас.]

[31] [Вилла Адриана вряд ли заслуживает такого сарказма. Она была своего рода миниатюрной, естественной и архитектурной копией римского мира — приятным художественным убежищем для императора во время его изнурительной болезни и памятником его космополитичному характеру.]

[32] [Бэри в « дает иную оценку. Он говорит: «Антонин едва ли был великим государственным деятелем. Покой, которым империя наслаждалась под его покровительством, стал возможен благодаря деятельности Адриана, а не его собственным усилиям; с другой стороны, он зашел слишком далеко в своей политике мира любой ценой, что привело к бедствиям для государства после его смерти».]

[33] [Эта известная оценка Гиббона была подвергнута серьезному сомнению. Около половины жителей империи были рабами, и нет сомнений в том, что подавляющее большинство свободных людей были материально, интеллектуально и морально ниже среднего уровня современного цивилизованного человека. Однако следует помнить, что с момента Гиббона положение масс значительно улучшилось.]

Бык, подготовленный для жертвоприношения

ГЛАВА XXXVII. ЯЗЫЧЕСКИЕ ВЕРОВАНИЯ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Если Марк Аврелий не смог спасти мир, кто же сможет это сделать? — РЕНАН.

Всем, кто хоть немного знаком с человеческим разумом, очевидно, что революция сознания находится за пределами и выше обязанностей и власти правительства. В качестве верховных жрецов цезари стремились к двум противоречивым вещам — сохранить национальный культ и сделать Рим городом богов, своего рода вселенским пантеоном. Это была единственная реформа и единственное религиозное единство, которое они могли себе представить. Так, постепенно все боги завоеванных народов стали почитаться на Капитолии. Несмотря на свое недоверие к азиатским культам, которые всегда были связаны с братствами, вызывавшими у них отвращение, цезари были вынуждены подчиниться народным суевериям, и все божества Азии и Египта заняли свои места рядом с греческими и римскими богами.

Это, безусловно, было единство, которого гений Рима искал во всем; но это было грубое, искусственное, материальное единство, наименьшим недостатком которого было то, что все политеистические религии были обезображены и нейтрализованы друг другом, не

удовлетворяя ни религиозных чувств народа, ни интеллекта высших классов, которые отныне были слишком просвещены, чтобы принять слишком очевидный политеизм. Где была вера, искренность поклонения и жизнь души в этой скроенной на скорую руку религии? И положило ли это, худшее из единств, которое добровольно признавала римская политика, конец роковому разделению между философами и народом, между головой и сердцем общества? Странная слепота тех, кто отдает все политике! Императоры, не зная и не желая этого, в конце концов дискредитировали древнюю национальную веру этим смешением всех религий, и все же каких усилий они не предприняли, чтобы оживить и очистить ее?

Мы с трудом верим в веру цезарей, но можем понять, что они хотели сохранить древнее поклонение как часть общественного порядка. Так мы видим, как Август (хотя он развлекался в самых скандальных оргиях, высмеивая двенадцать великих богов) благочестиво восстанавливает храмы, прославляет религию и благочестие с помощью эпикурейца Горация, чтит весталок и жрецов, сжигает тысячи апокрифических сивиллиных книг и жестко подавляя узурпации иудейского и египетского культов, которые были запрещены в городе Риме. Тиберий развлекал сенат во время долгих заседаний рассмотрением и освящением привилегий древних святилищ. Клавдий горько сетовал, что искусства Этрурии пришли в упадок из-за равнодушия патрициев, и стремился возродить устаревшие науки, к которым он питал страсть историка и археолога. Домициан подчинялся жестоким требованиям старой веры, закапывая заживо несчастных весталок. Все они проявляли себя ревностными защитниками богов и империи, и было за что быть благодарными, когда, вспоминая слова Тиберия о том, что только боги могут мстить за свои обиды, они воздерживались от принесения в жертву тех, кого боялись священного величия своих обожествленных предшественников, или воздерживались от преследования новой веры, которая воплощала принцип морального и религиозного единства, которого они тщетно искали.

Но их поведение не свидетельствовало ни о искренней вере, ни о лицемерии, ни о слабости и немощи ума; оно было чисто политическим. Они были убеждены, что народу нужна религия. Тогда какая религия была предпочтительнее той, которой так умело воспользовался сенат и которая сопровождала рождение и рост Вечного города? Но, как будто боги еще не были достаточно дискредитированы, они были вынуждены делить свои священные почести с самыми презренными и отвратительными из смертных. Апофеоз цезарей был последним оскорблением, нанесенным владыкам Олимпа. По правде говоря, он не обманул ни раболепных поклонников, ни тех, кто был предназначен для поклонения. Сенека и Ювенал, несомненно, были не единственными, кто смеялся над такими людьми, как Клавдий, которого какой-то несчастный низвел до ранга богов, и можно предположить, что другие императоры имели достаточно здравого смысла, чтобы признать, как Тиберий, что они были всего лишь смертными людьми, вовсе не стремящимися наслаждаться своей ложной божественностью по ту сторону могилы.

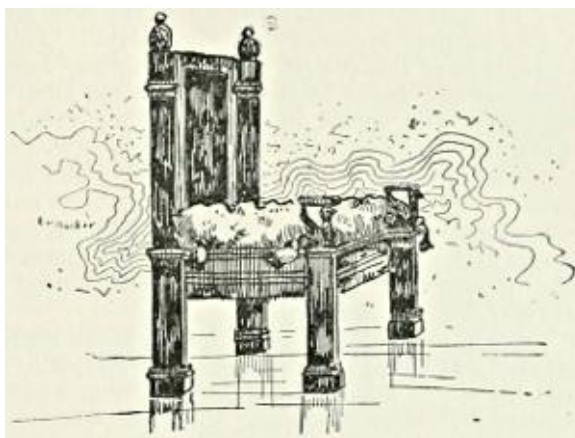
Но эти скандальные посвящения имели тот недостаток, что подтверждали нечестивую веру последователей Эвемера, которые, как представляется, были очень многочисленны в Риме даже со времен первого из Сципионов. Увидев, как говорит Лукан, что гражданские войны привели к появлению равных небесным обитателям, а Рим украсил тени молниями и падающими звездами и клялся тенями в храмах бога, что еще могли думать люди, кроме того, что Юпитер и его товарищи имели такое же право на наше поклонение, как Калигула и Тиберий? Клавдий, ученый, но слабоумный ученик Тита Ливия, был, пожалуй, единственным римлянином, преданным богам империи. Политики видели в религии не что иное, как обманчивые изобретения, предназначенные для обмана и принуждения народа; философы либо исповедовали атеизм, либо, сформировав для себя более высокие и чистые

убеждения, превращали древние суеверия в посмешище; невежественные люди находили убежище у шарлатанов и иностранных божеств.

СТОИЦИЗМ И ИМПЕРИЯ

Стоицизм, согласно его доктринам, был скорее благосклонен, чем враждебен к революции, представленной империей, но гордые и свободные чувства, которые он развивал в душе, были неизбежно противоположны тирании, которую худшие цезари путали с правами власти; тому преувеличению послушания, тому раболепию, к которому их подданные были слишком склонны и которое они только и хотели превратить в ложный долг или позорное достоинство. Поэтому философы были ненавистны всем, кто окружал ранних цезарей и был им подчинен.

Их обвинители обрушивались на них с яростной красноречивостью и преследовали в них тех, кого они называли подражателями Брута и Катона. Центурионы с удовольствием высмеивали их мудрость, ожидая приказа своих господ, чтобы перерезать им горло. Нерон, Веспасиан и Домициан оказали им честь, изгнав их из Рима и Италии. Агриппин, Рустик, Трасеас, Гельвидий Приск, Сенека, Дион, Эпиктет и многие другие искупили изгнанием или смертью славное преступление, состоявшее в том, что они не согласились с рабством и не угодили слабоумным тиранам, стремившимся подавить даже совесть человеческого рода.

РИМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТРОН

Стоицизм процветал в этой борьбе между интеллектом и грубой силой. Он стал горячей и энергичной верой, своего рода религией великих душ с ее последователями и мучениками. Эта трансформация заметна даже в провинциях, где было меньше поводов роптать на жестокую тиранию императоров, чем радоваться благам империи и римского мира. Это было потому, что и там люди чувствовали свою зависимость, что эти почести, эти достоинства, эти видимости свободы, дарованные покоренным политикой в качестве утешения за их рабство, были лишь тщетным зрелищем, устраиваемым для развлечения глупцов, и что архонт или другой местный магистрат имел очень малое значение по сравнению с римским прокуратором или даже его центурионом. Оказавшись в изоляции от внешнего мира в результате насилия или отсутствия интересов, души людей более усердно изучали внутреннюю жизнь и существенные качества своей добродетели и величия.

Отсюда и новые черты стоицизма — проповеднический тон, заменивший философские дискуссии, неизвестная до того наука о жизни и своеобразное искусство распутывать самые запутанные софизмы порока и слабости, но прежде всего суровая нежность по отношению к

человечеству. Философ больше не является логиком, который пишет диссертации, и не прекрасным оратором, стремящимся к аплодисментам. Он — учитель, который обучает, общественный цензор, ответственный за заботу о совести; свидетель Бога, который не должен людям ничего, кроме правды, или, если хотите, врач, чья обязанность — смело прикасаться к больным или здоровым частям души, чтобы исцелить или укрепить ее. От этих философов не следует ожидать глубоких и тонких аргументов, а лишь любящих или строгих советов, увещаний, наставлений и искренних призывов к обращению к добродетели и закону Божьему. Послушайте Эпиктета⁴ и решите, говорит ли это философ или верующий и наставник совести: «Друг мой, ты хочешь стать философом? Начни с того, что тренируйся дома и в тишине, проводи время, наблюдая за своими склонностями и недостатками. Для начала сосредоточь все свое внимание на том, чтобы оставаться неизвестным. Философствуй в течение некоторого времени только для себя, а не для других. Плоды созревают постепенно; ты тоже божественное растение. Если ты расцвечешь раньше времени, зима убьет тебя. Если ты считаешь себя кем-то (), ты будешь лишь сумасшедшим среди сумасшедших. Тебя убьет холод, или, скорее, ты уже мертв даже до корней. Позволь себе созревать постепенно, в соответствии с природой. Зачем торопиться? Ты еще не можешь выдержать воздух. Дай корням время развиться, а бутонам — время раскрыться один за другим; тогда твоя природа сама принесет плоды».

«Трудись же, — говорит он в другом месте, — чтобы исцелиться, измениться; не откладывая на завтра. Если ты говоришь: «Завтра я буду внимателен к себе», знай, что это все равно, что сказать: «Сегодня я буду подлым, бесстыдным, трусливым, злым, жестоким и завистливым». Обратите внимание на зло, которое вы позволяете себе этим виновным потворством. Но если для вас хорошо измениться и внимательно следить за своими поступками и своей волей, то тем более хорошо начать сегодня! Если это полезно завтра, то сегодня это гораздо полезнее. Потому что, начав сегодня, завтра вы уже будете сильнее и не будете испытывать искушения отложить на третий день». Таков общий тон философии этого периода. Проницательный и знакомый у Эпиктета, он более помпезен и расплывчат у бывшего ритора Диона Хризостома,⁵ более резкий, яростный и разнообразный у Сенеки,⁶ более возвышенный и трогательный у Марка Аврелия. Но у всех них мы встречаем настойчивые увещания или живые упреки, и, как и следовало ожидать, преобладают упреки. Они верили, что, независимо от наших добродетелей, мы никогда не выходим из состояния выздоровления, и что те, кто желает быть здоровыми и благополучными, как говорил Мусоний Руф, должны жить и вести себя так, как будто они постоянно стремятся вылечиться. Они также хотели, чтобы люди покидали их школу грустными и недовольными собой.

Хотя философ обращается с этими упреками и увещаниями к другим, чтобы обратить их, он постоянно ссылается на себя, и его слова часто имеют оттенок знакомости и страсти, напоминающий чувства и исповедь. Гораций, Сенека, Эпиктет, Евфрат привычно практиковали подлинное самоанализ, а «Размышления» Марка Аврелия⁷ представляют собой просто монолог, в котором мудрый император изложил свои надежды и разочарования; он постоянно говорит, чтобы утешить, увещевать, воодушевить, упрекнуть или одобрить себя. Но как будто стоик, который вообразил себе слишком великий и возвышенный идеал, испытывал горькое чувство, что он не может его достичь, он без устали жалуется на себя и на свою нехватку сердца. «О, душа моя!» — восклицает он, — «когда же ты станешь доброй и простой, и всегда одинаковой? Когда же ты будешь испытывать нежную доброжелательность ко всем людям? Когда же ты станешь достаточно богатой сама по себе, чтобы ни в чем не нуждаться? Когда, смирившись со своим положением, ты будешь радоваться всему, что есть, убежденная, что в себе ты имеешь все, что тебе нужно, что с тобой все хорошо, что нет ничего, что не исходит от богов, и что все,

что им угодно было предписать или что они предпишут, может быть только добром для тебя и в целом для сохранения мира? Когда ты подготовишься жить с богами и людьми таким образом, что никогда не будешь жаловаться на них и что они больше не смогут ничего упрекнуть тебе в твоих поступках?»

Эпиктет и Марк Аврелий отличаются грубой и привычной живостью в своих высказываниях, что показывает, какой энергией убеждения и веры были наполнены их души. Сенека, для которого стоицизм был скорее предметом воображения и остроумия, кажется менее убедительным оратором, потому что он сам менее убежден, но он имеет неоспоримое превосходство в осуждении нравов, а также в объеме и разнообразии своего опыта. Нет такого порока, слабости или эксцентричности, которых он не обнаружил бы, и даже среди наших великих французских моралистов () я не знаю более проницательного и глубокого наблюдателя человеческого сердца.

Но суровое порицание пороков — это еще не все; философ по-настоящему является «посланником Бога» для людей только тогда, когда он умеет утешать, ободрять и поддерживать их в моменты уныния и колебаний, а также пробуждать в их сердцах почти угасшее чувство собственного достоинства и силы с помощью щедрого и сочувственного сострадания. «О! — восклицает Сенека, — сейчас не время развлекаться многословием. Философ, те, кто призывает тебя к себе, — это беспомощные и несчастные. Ты должен нести помощь потерпевшим кораблекрушение, пленникам, нищим и больным, тем, чьи головы уже на плахе. Ты обещал это. На все твои красивые речи страдающие и огорченные отвечают только одним: «Помоги нам!». Все протягивают к тебе руки; именно от тебя они просят помощи для своей утраченной или находящейся на грани утраты жизни. Вся их надежда и опора — в тебе. Они умоляют тебя спасти их от бездны, к которой они катятся, и бросить спасительный свет истины на их заблудшие стопы». Страдания и слезы действительно научили этих мастеров человеческой жизни, и печальные уроки опыта, не умаляя гордости их мужества, вдохновили их на сострадание к бедствиям других, чего, возможно, сначала не хватало стоической филантропии:

«Non ignara mali, miseris succurrere disco».

Стоицизм не ограничивался теорией всеобщей справедливости, равенства людей и единства нашего рода; он добавил к ней теорию всеобщей любви. Я не скажу, что стоики империи внесли в этот вопрос какие-то нововведения, ни что они ввели в доктрину новые идеи или даже просто оригинальные разработки, которые преобразовали философию, расширив ее. Я в это не верю и не нашел ни в Сенеке, ни в Эпиктете ничего, ни в принципах, ни в результатах, чего бы я уже не нашел в раннем стоицизме. Но вполне вероятно, что идеи приняли более практическую форму, что теории уступили место предписаниям и правилам поведения; что, освободившись от строгой и логической механики дискуссии и приняв более эффективную форму красноречия, мораль стала более популярной и действенной; и, наконец, благодаря постоянному повторению в школах философов, в базиликах ораторов, в библиотеках, где проводились литературные собрания, в гимназиях, где софисты демонстрировали свои способности, и даже в общественных местах крупных городов, где киники произносили лучшие изречения среди своих грубых, но часто поразительных инвектив, она в конце концов покорила умы людей и полностью овладела ими.

И следует заметить, что эта мораль не находится на стадии борьбы и размышлений, как истина, которая прощупывает свой путь и не уверена в себе, и не парит на поверхности, как те заимствованные идеи, которые приходят неизвестно откуда и которые время от времени встречаются с любопытством, но которые всегда остаются чужими или мимолетными новинками; она доминирует и захватывает интеллект с той твердой, полной, постоянной, неощутимой и несомненной властью, которая характеризует укоренившееся превосходство

привычки. Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий и Плутарх не могли думать или говорить иначе, чем они думали и говорили, потому что филантропические идеи стоицизма стали неотъемлемой и существенной частью их природы, или, если использовать выражение Марка Аврелия, потому что эти идеи отныне являются для каждого интеллекта воздухом, которым он привык дышать и который питает его.

Согласно постоянной доктрине стоиков, невозможно не заметить, что автор всех вещей создал нас друг для друга и вложил в наши сердца инстинкт человечности. Этот принцип перешел из дискуссий философов в речи ораторов, в стихи поэтов, в дух всех писателей. «Есть ли чувство лучше сострадания, — говорит Квинтилиан, — чувство, которое имеет более глубокое происхождение в почтенных и священных принципах природы? Бог, создатель смертных существ, желает, чтобы мы помогали друг другу, и, помогая друг другу, мы застрахованы от непостоянства судьбы. Это не любовь и не милосердие, это предвидение и, осмелюсь сказать, религиозный страх перед несчастьями, которые могут нас постигнуть. В нужде и голоде других каждый из нас жалеет самого себя. Помогать несчастным — значит заслужить благодарность человечества. Что же! Если бы я накормил незнакомца ради этого всеобщего братства, которое объединяет всех смертных под общим отцом природы, разве не было бы добрым поступком спасти душу, которая была на грани гибели, проявить сострадание к человечеству и, так сказать, принести умиловительную жертву судьбе, поклоняясь божеству в мысли о нашей общей судьбе? Человечество во все века и во всех народах было величайшей и самой священной тайной». Ювенал выражает то же самое более ярко и трогательно. «Природа, давая нам слезы, признает, что она наделила людей чувствительными сердцами; слезы — лучшая часть нашей совести.

Природа заставляет нас плакать над несчастьями страдающего друга, над печальным лицом обвиняемого заключенного, над опасностями подопечного, ставшего жертвой мошенничества опекуна. По ее велению мы скорбим, когда встречаем гроб девы, унесенной в расцвете юности, когда видим маленького ребенка, запертого под землей могилы. Где тот добрый человек, религиозный человек, который видит беды других, как будто они ему чужды? Это то, что отличает нас от стада немых животных; таким образом, мы обладаем святой природой и только мы способны к божественным вещам, получив от неба совесть, в которой лишены животные, чьи лица обращены к земле. В начале мира общий создатель всех существ дал животным только жизнь, а нам дал разумную душу, чтобы взаимная любовь научила нас давать и ожидать от других поддержки и помощи».

По всей видимости, мы действительно далеки от Хризиппа и Зенона, но, напротив, полностью проникнуты стоицизмом. Я буду продолжать повторять вместе с Сенекой и Монтескье, что никогда не существовало учения, которое под самой строгой аскетичностью было бы более благожелательным и более гуманным. Я знаю, что она изгнала слабости и тщетные порывы сострадания, но стоики никогда не отрицали, что те сочувственные инстинкты, благодаря которым мы страдаем от бедствий других и которые побуждают нас облегчить их, являются добрыми и естественными; никогда не запрещалось разумно следовать этим первым инстинктам нашей природы и практиковать все поступки и даже все утонченности сострадания и человечности.

Если бы мы умели презирать ложные блага, говорил стоицизм, мы не были бы постоянно в раздоре друг с другом, и отвращение, несправедливое презрение, клевета, злословие, гнев, ненависть, месть больше не имели бы места в наших сердцах. Блага, которых мы жаждем, будучи малыми и скудными, не могут быть приобретены одним за счет другого. Но настоящие блага могут принадлежать всем и каждому одновременно, и чем больше мы делим их с нашими ближними, тем полнее и надежнее мы их обладаем. Тогда наша истинная

природа, которая заключается в общительности, может развиваться без каких-либо препятствий, и вместо жестоких страстей, которые разделяют нас, появляются терпимость, снисходительность и любовь, которые примиряют и объединяют нас друг с другом.^{[b](#)}

Таковы были доктрины, которые господствовали, когда новая вера из Древнего Востока вторглась в римский мир. Некоторые аспекты этой новой веры в ее отношениях с римской средой теперь должны привлечь наше внимание.

ХРИСТИАНЕ И ИМПЕРИЯ

ПАНТЕОН

Если мы серьезно рассмотрим чистоту христианской религии, святость ее моральных заповедей и невинную, а также аскетичную жизнь большинства тех, кто в первые века принял веру Евангелия, мы должны естественно предположить, что столь благожелательная доктрина была бы принята с должным почтением даже неверующим миром; что ученые и образованные люди, как бы они ни насмехались над чудесами, ценили бы добродетели новой секты; и что магистраты, вместо того чтобы преследовать, защищали бы людей, которые проявляли самое пассивное повиновение законам, хотя и отказывались от активной заботы о войне и правительстве. Если же, с другой стороны, мы вспомним всеобщую терпимость к многобожию, которое неизменно поддерживалось верой народа, неверием философов и политикой римского сената и императоров, мы не можем понять, какое новое преступление совершили христиане, какая новая провокация могла раздражать мягкое безразличие древности и какие новые мотивы могли побудить римских принцев, которые без беспокойства наблюдали за тысячами форм религии, мирно сосуществующих под их мягким правлением, наложить суровое наказание на любую часть своих подданных, которые выбрали для себя необычный, но безобидный способ веры и поклонения.

Религиозная политика древнего мира, по-видимому, приобрела более суровый и нетерпимый характер, чтобы противостоять прогрессу христианства. Примерно через восемьдесят лет после смерти Христа его невинные ученики были наказаны смертью по приговору проконсула, отличавшегося самым любезным и философским характером, и в соответствии с законами императора, отличавшегося мудростью и справедливостью своего общего управления. Извинения, которые неоднократно направлялись преемникам Траяна, полны самых жалостных жалоб на то, что христиане, которые подчинялись предписаниям и просили о свободе совести, были единственными среди всех подданных Римской империи,

лишенными общих благ их благоприятного правительства. Смерти нескольких выдающихся мучеников были тщательно зафиксированы; и с тех пор, как христианство обрело верховную власть, руководители Церкви не менее усердно занимались демонстрацией жестокости, чем подражанием поведению своих языческих противников.

Сектанты преследуемой религии, угнетенные страхом, одушевленные обидой и, возможно, возбужденные энтузиазмом, редко находятся в надлежащем состоянии ума, чтобы спокойно исследовать или беспристрастно оценить мотивы своих врагов, которые часто ускользают от беспристрастного и проницательного взгляда даже тех, кто находится на безопасном расстоянии от пламени преследования.^[34] Была выдвинута причина поведения императоров по отношению к первоначальным христианам, которая может показаться более правдоподобной и вероятной, поскольку она основана на признанном гении многобожия. Уже отмечалось, что религиозное согласие в мире в основном поддерживалось молчаливым согласием и почтением, которые древние народы выражали по отношению к своим традициям и обрядам. Поэтому можно было ожидать, что они объединятся в возмущении против любой секты людей, которая отделилась бы от общего человечества и, претендуя на исключительное обладание божественным знанием, презирала бы любую форму поклонения, кроме своей собственной, как нечестивую и идолопоклонническую. Права на терпимость поддерживались взаимной снисходительностью; они были справедливо утрачены в результате отказа от привычной дани. Поскольку плата этой дани была категорически отвергнута евреями, и только ими, рассмотрение того отношения, которое они испытали со стороны римских магистратов, поможет объяснить, насколько эти предположения оправданы фактами, и приведет нас к открытию истинных причин преследования христианства.

Не повторяя того, что уже было сказано о почтении римских принцев и правителей к Иерусалимскому храму, мы лишь заметим, что разрушение храма и города сопровождалось и последовало за всеми обстоятельствами, которые могли раздражать умы завоевателей и оправдывать религиозные преследования самыми убедительными аргументами политической справедливости и общественной безопасности. С момента правления Нерона до правления Антонина Пия евреи проявляли яростное нетерпение по отношению к владычеству Рима, которое неоднократно выливалось в самые жестокие массовые убийства и восстания. Человечество потрясено рассказом об ужасных жестокостях, которые они совершили в городах Египта, Кипра и Кирены, где они жили в вероломной дружбе с ничего не подозревающими местными жителями;^[35] и мы испытываем соблазн одобрить суровые репрессии, которые были применены легионами против расы фанатиков, чьи страшные и легковверные суеверия, казалось, делали их непримиримыми врагами не только римского правительства, но и всего человечества. Энтузиазм иудеев поддерживался мнением, что для них незаконно платить налоги идолопоклонническому господину, а также льстивым обещанием, которое они извлекли из древних оракулов, что вскоре появится победоносный Мессия, предназначенный разорвать их оковы и наделить избранных небес властью над землей. Объявив себя их долгожданным избавителем и призвав всех потомков Авраама утвердить надежду Израиля, знаменитый Бар-Косиба собрал грозную армию, с помощью которой он в течение двух лет сопротивлялся власти императора Адриана.

Несмотря на эти неоднократные провокации, после победы недовольство римских принцев угасло, и их опасения не продлились дольше периода войны и опасности. Благодаря всеобщему терпимому отношению к многобожию и мягкому характеру Антонина Пия, евреи восстановили свои древние привилегии и вновь получили разрешение обрезать своих детей, с небольшим ограничением, что они никогда не должны передавать

иностранным прозелитам этот отличительный знак еврейской расы. Многочисленные остатки этого народа, хотя они по-прежнему были исключены из пределов Иерусалима, получили разрешение создавать и поддерживать значительные учреждения как в Италии, так и в провинциях, приобретать римскую свободу, пользоваться муниципальными почестями и в то же время получать освобождение от обременительных и дорогостоящих общественных обязанностей. Умеренность или презрение римлян придали законную силу форме церковной полиции, установленной побежденной сектой. Патриарх, который обосновался в Тивериаде, был уполномочен назначать своих подчиненных священников и апостолов, осуществлять внутреннюю юрисдикцию и получать от своих рассеянных братьев ежегодные пожертвования. В главных городах империи часто возводились новые синагоги, а субботы, посты и праздники, предписанные либо законом Моисея, либо традициями раввинов, отмечались самым торжественным и публичным образом. Такое мягкое обращение незаметно смягчило суровый нрав евреев. Пробудившись от своей мечты о пророчестве и завоеваниях, они стали вести себя как мирные и трудолюбивые подданные. Их непримиримая ненависть к человечеству, вместо того чтобы вылиться в кровавые и насильственные действия, испарилась в менее опасных удовольствиях. Они использовали любую возможность, чтобы перехитрить идолопоклонников в торговле, и произносили тайные и двусмысленные проклятия в адрес высокомерного царства Идумеи.

ХРИСТИАНИН И ИУДЕЙ

Поскольку евреи, с отвращением отвергавшие божеств, почитаемых их правителем и соотечественниками, тем не менее пользовались свободой исповедовать свою несоциальную религию, должно было существовать какое-то другое основание, которое подвергало учеников Христа тем суровым наказаниям, от которых были освобождены потомки Авраама. Разница между ними проста и очевидна, но, согласно представлениям древности, она имела первостепенное значение. Евреи были народом, христиане — сектой, и если для каждого сообщества было естественно уважать священные учреждения своих соседей, то они были обязаны сохранять учреждения своих предков. Голос оракулов, наставления философов и авторитет законов единодушно подкрепляли эту национальную обязанность. Своими высокомерными притязаниями на высшую святость евреи могли провоцировать многобожников считать их отвратительной и нечистой расой. Пренебрегая общением с другими народами, они могли заслужить их презрение. Законы Моисея могли быть в большинстве своем несерьезными или абсурдными, но, поскольку они были приняты на протяжении многих веков большим обществом, его последователи были оправданы примером человечества, и было общепризнанно, что они имели право практиковать то, что было бы преступлением с их стороны пренебрегать. Но этот принцип, который защищал иудейскую синагогу, не давал никаких преимуществ или безопасности первоначальной Церкви. Приняв веру Евангелия, христиане навлекли на себя предполагаемую вину за неестественное и непростительное преступление. Они разорвали священные узы обычаев и воспитания, нарушили религиозные учреждения своей страны и самонадеянно презирали все, что их отцы считали истинным или почитали священным. Это отступничество (если можно так выразиться) не было частичным или локальным, поскольку благочестивый отступник, покинувший храмы Египта или Сирии, с таким же презрением отвергал бы убежище в храмах Афин или Карфагена. Каждый христианин с презрением отвергал суеверия своей семьи, своего города и своей провинции. Все христиане единодушно отказывались иметь какое-либо общение с богами Рима, империи и человечества. Угнетенный верующий тщетно отстаивал неотъемлемые права совести и личного суждения. Хотя его положение могло вызывать сочувствие, его аргументы никогда не могли достичь понимания ни философской, ни верующей части языческого мира. Для их

понимания было не менее удивительным, что кто-то мог испытывать сомнения по поводу соблюдения установленного порядка поклонения, чем если бы они внезапно возненавидели нравы, одежду или язык своей родной страны.

Чаша, используемая в религиозных обрядах

Удивление язычников вскоре сменилось возмущением, и самые набожные из людей подверглись несправедливым, но опасным обвинениям в безбожии. Злоба и предрассудки сошлись воедино, представляя христиан как общество атеистов, которые самым дерзким нападением на религиозный уклад империи заслужили самое суровое осуждение со стороны гражданских властей. Они отделились (и гордились этим признанием) от всех форм суеверия, которые были приняты в любой части земного шара в различных формах многобожия, но не было совсем ясно, каким божеством или какой формой поклонения они заменили богов и храмы древности. Чистая и возвышенная идея, которую они питали о Высшем Существо, ускользала от грубого восприятия языческой толпы, которая не могла понять духовного и одинокого Бога, который не был представлен ни в какой телесной фигуре или видимом символе, ни почитался с привычной помпезностью возлияний и праздников, алтарей и жертвоприношений. Мудрецы Греции и Рима, которые возвысили свой разум до созерцания существования и атрибутов Первопричины, были побуждены разумом или тщеславием сохранить за собой и своими избранными учениками привилегию этой философской преданности. Они были далеки от признания предрассудков человечества в качестве стандарта истины, но считали их следствием изначального расположения человеческой природы; и они полагали, что любая популярная форма веры и поклонения, которая осмеливалась отказываться от помощи чувств, по мере того, как она отходила от суеверий, оказывалась неспособной сдерживать блуждания фантазии и видения фанатизма. Взгляд, который люди ума и учености снизошли бросить на христианское откровение, только подтвердил их поспешное мнение и убедил их, что принцип божественного единства, который они могли бы почитать, был испорчен диким энтузиазмом и уничтожен воздушными спекуляциями новых сектантов. Автор знаменитого диалога, приписываемого Лукиану, притворяясь, что он обращается к таинственной теме Троицы в стиле насмешки и презрения, выдает свое собственное незнание слабости человеческого разума и непостижимой природы божественного совершенства.

Может показаться не столь удивительным, что основатель христианства не только почитался своими учениками как мудрец и пророк, но и обожался как бог. Политеисты были склонны принимать любую догму, которая казалась им похожей, пусть даже отдаленно и несовершенно, на популярную мифологию; и легенды о Бахусе, Геракле и Эскулапе в некоторой степени подготовили их воображение к появлению сына Бога в человеческом обличье. Но они были удивлены тем, что христиане отказались от храмов древних героев, которые в зарождении мира изобрели искусства, установили законы и победили тиранов

или чудовищ, которые опустошали землю, чтобы выбрать в качестве исключительного объекта своего религиозного поклонения малоизвестного учителя, который в недавнем прошлом и среди варварского народа пал жертвой либо злобы своих соотечественников, либо ревности римского правительства. Языческая толпа, сохраняя свою благодарность только за временные блага, отвергла бесценный дар жизни и бессмертия, который был предложен человечеству Иисусом из Назарета. Его мягкая стойкость среди жестоких и добровольных страданий, его всеобщая доброжелательность и возвышенная простота его поступков и характера были, по мнению этих плотских людей, недостаточными, чтобы компенсировать недостаток славы, власти и успеха; и, отказываясь признать его потрясающий триумф над силами тьмы и могилы, они искажали или оскорбляли неоднозначное рождение, странничающую жизнь и позорную смерть божественного создателя христианства.

РЕЛИГИОЗНЫЕ СОБРАНИЯ ХРИСТИАН

Личная вина, которую каждый христианин на себя взял, предпочтя свои личные убеждения национальной религии, усугублялась в значительной степени количеством и единством преступников. Хорошо известно и уже отмечалось, что римская политика с крайней ревностью и недоверием относилась к любому объединению своих подданных и что привилегии частных корпораций, даже созданных с самыми безобидными или благотворными целями, давались очень скупой. Религиозные собрания христиан, отделившихся от общественного богослужения, казались гораздо менее невинными: они были незаконными по своему принципу и по своим последствиям могли стать опасными; императоры не осознавали, что нарушают законы справедливости, когда ради мира в обществе запрещали эти тайные и иногда ночные собрания. Благочестивое неповиновение христиан делало их поведение, а может быть, и их замыслы, гораздо более серьезными и преступными; и римские принцы, которые, возможно, могли бы смириться с их готовностью подчиниться, считая, что их честь зависит от исполнения их приказов, иногда пытались с помощью суровых наказаний подавить этот независимый дух, который смело признавал власть, превосходящую власть магистрата. Масштабы и продолжительность этого духовного заговора, казалось, с каждым днем делали его все более достойным его осуждения. Мы уже видели, что активный и успешный рвение христиан незаметно распространило их по всем провинциям и почти всем городам империи. Новые обращенные, казалось, отрекались от своей семьи и страны, чтобы соединиться неразрывными узами с особым обществом, которое повсюду принимало характер, отличный от остального человечества. Их мрачный и суровый вид, их отвращение к обычным делам и удовольствиям жизни, а также их частые предсказания о надвигающихся бедствиях внушали язычникам опасения, что новая секта может представлять какую-то опасность, тем более тревожную, чем более она была непонятна. Каким бы ни был принцип их поведения (как говорит Плиний⁴), их неуступчивое упорство казалось заслуживающим наказания.

Меры предосторожности, с которыми ученики Христа исполняли религиозные обряды, сначала были продиктованы страхом и необходимостью, но впоследствии они продолжали их по собственному желанию. Подражая страшной тайне, царившей в элевсинских мистериях, христиане льстили себе, что таким образом они сделают свои священные обряды более уважаемыми в глазах языческого мира. Но события, как это часто бывает с хитроумными политическими маневрами, обманули их желания и ожидания. Был сделан вывод, что они только скрывали то, что стыдились раскрыть. Их ошибочная осторожность дала возможность злобе придумывать, а подозрительной легковерности верить ужасным рассказам, в которых христиане описывались как самые злобные из людей, практикующие в

своих темных укромных местах все мерзости, которые только могла подсказать извращенная фантазия, и просящие благосклонности своего неизвестного бога жертвованием всеми нравственными добродетелями. Многие притворялись, что исповедуют или рассказывают о церемониях этого отвратительного общества. Утверждалось, что новорожденный младенец, полностью покрытый мукой, представлялся, как какой-то мистический символ посвящения, ножу прозелита, который, не зная об этом, наносил много тайных и смертельных ран невинной жертве своего заблуждения; что, как только жестокое деяние было совершено, сектанты выпивали кровь, жадно разрывали дрожащие члены и обязывались хранить вечную тайну, осознавая свою вину. С такой же уверенностью утверждалось, что за этим бесчеловечным жертвоприношением следовало соответствующее развлечение, в котором невоздержанность служила провокацией к жестокой похоти, пока в назначенный момент внезапно не гасли огни, стыд исчезал, природа забывалась, и, как того хотела случайность, тьма ночи осквернялась кровосмесительными сношениями сестер и братьев, сыновей и матерей.

ХРИСТИАНСТВО И ЗАКОН

Но прочтение древних апологий было достаточно, чтобы устранить даже малейшее подозрение из ума беспристрастного противника. Христиане, с бесстрашной уверенностью в своей невинности, апеллируют от голоса слухов к справедливости магистратов. Они признают, что если можно представить какие-либо доказательства преступлений, в которых их обвиняют клеветники, то они заслуживают самого сурового наказания. Они провоцируют наказание и оспаривают доказательства. В то же время они с равной правдивостью и уместностью настаивают на том, что обвинение не только лишено доказательств, но и не имеет под собой никаких оснований; они спрашивают, может ли кто-нибудь всерьез поверить, что чистые и святые заповеди Евангелия, которые так часто сдерживают использование самых законных удовольствий, могут внушать практику самых отвратительных преступлений; что большое общество может решить опозорить себя в глазах своих собственных членов; и что большое количество людей обоих полов, всех возрастов и характеров, нечувствительных к страху смерти или позора, согласилось бы нарушить те принципы, которые природа и воспитание запечатлели в их умах самым глубоким образом. Казалось бы, ничто не могло ослабить силу или уничтожить эффект столь неопровержимого оправдания, если только не неразумное поведение самих апологетов, которые предали общее дело религии, чтобы удовлетворить свою благочестивую ненависть к внутренним врагам Церкви. Иногда слабо намекали и иногда смело утверждалось, что те же кровавые жертвоприношения и те же кровосмесительные праздники, которые так ложно приписывались православным верующим, на самом деле отмечались маркионитами, карпократианами и несколькими другими сектами гностиков, которые, несмотря на то, что они могли отклоняться на путь ереси, все еще руководствовались человеческими чувствами и все еще подчинялись заповедям христианства. Обвинения подобного рода были обращены против Церкви раскольниками, которые отступили от ее общения; и все стороны признавали, что среди большого числа тех, кто называл себя христианами, царила самая скандальная распущенность нравов. Языческий магистрат, не имевший ни времени, ни способностей различать почти незаметную грань, разделяющую православную веру и еретическое развращение, мог легко вообразить, что их взаимная вражда вынудила их раскрыть свою общую вину.

К счастью для покоя, или, по крайней мере, для репутации первых христиан, магистраты иногда действовали с большей сдержанностью и умеренностью, чем это обычно соответствует религиозному рвению, и в качестве беспристрастного результата своего

судебного расследования сообщали, что сектанты, которые отступили от установленного культа, казались им искренними в своих исповеданиях и безупречными в своих нравах; однако они могли подвергнуться осуждению со стороны закона за свои абсурдные и чрезмерные суеверия.

История, которая берет на себя задачу записывать события прошлого для обучения будущих поколений, не заслуживала бы этой почетной должности, если бы она снизошла до того, чтобы защищать тиранов или оправдывать принципы преследования. Однако следует признать, что поведение императоров, которые казались наименее благосклонными к первоначальной церкви, ни в коем случае не столь преступно, как поведение современных правителей, которые применяют насилие и террор против религиозных убеждений любой части своих подданных. Из своих размышлений или даже из своих собственных чувств Карл V или Людовик XIV могли бы приобрести справедливое представление о правах совести, об обязанностях веры и о невинности заблуждений. Но князья и магистраты древнего Рима были чужды тем принципам, которые вдохновляли и оправдывали неуклонную упорство христиан в деле истины; они также не могли найти в своих сердцах никаких мотивов, которые побудили бы их отказаться от законного и, так сказать, естественного подчинения священным учреждениям своей страны. Та же причина, которая способствует смягчению вины, должна была привести к ослаблению жестокости их преследований. Поскольку они действовали не из яростного фанатизма, а из умеренной политики законодателей, презрение часто должно было ослабевать, а человечность часто должна была приостанавливать исполнение тех законов, которые они принимали против скромных и неизвестных последователей Христа. Из общего представления об их характере и мотивах мы можем естественным образом сделать следующие выводы: (1) прошло значительное время, прежде чем они стали рассматривать новых сектантов как объект, заслуживающий внимания правительства; (2) при осуждении любого из своих подданных, обвиненного в столь необычном преступлении, они действовали с осторожностью и нежеланием; (3) что они были умеренны в применении наказаний; и (4) что страдающая церковь наслаждалась многими периодами мира и спокойствия. Несмотря на безразличное отношение, которое самые плодотворные и самые скрупулезные языческие писатели проявляли к делам христиан, мы все же можем подтвердить каждое из этих вероятных предположений с помощью достоверных фактов.

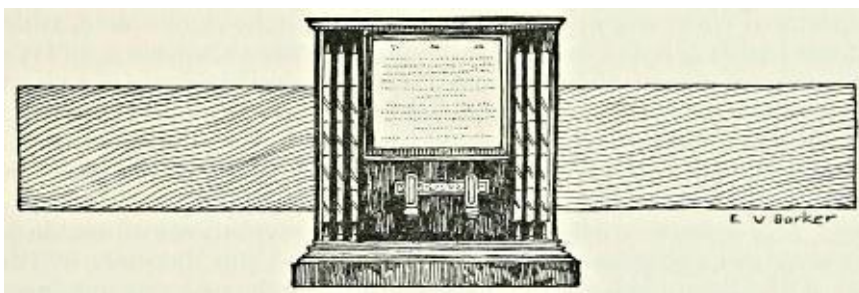
ДЕТСТВО ЦЕРКВИ

По мудрому промыслу провидения, на младенчество церкви была брошена таинственная завеса, которая, пока вера христиан не созрела и их число не увеличилось, служила для их защиты не от злобы, но даже от знания языческого мира. Медленное и постепенное отмена мозаических обрядов обеспечивала безопасную и невинную маскировку для первых прозелитов Евангелия. Поскольку они составляли подавляющую часть рода Авраама, они отличались особым знаком обрезания, совершали свои обряды в Иерусалимском храме до его окончательного разрушения и принимали как закон, так и пророков как подлинные откровения Божества. Обращенные язычники, которые через духовное усыновление были связаны с надеждой Израиля, также были смешаны под одеянием и внешним видом иудеев; и поскольку многобожники уделяли меньше внимания статьям веры, чем внешнему поклонению, новой секте, которая тщательно скрывала или слабо объявляла о своем будущем величии и амбициях, было позволено укрыться под общей терпимостью, которая была предоставлена древнему и прославленному народу в Римской империи. Возможно, не прошло много времени, прежде чем сами иудеи, одушевленные более яростным рвением и более ревливой верой, заметили постепенное

отделение своих назарянских братьев от учения синагоги; и они с радостью уничтожили бы опасную ересь кровью ее приверженцев. Но небесные декреты уже обезвредили их злобу; и хотя они иногда могли пользоваться незаконной привилегией мятежа, они больше не обладали правом уголовного правосудия; и им было нелегко вселить в спокойную душу римского магистрата свою злобу и предрассудки. Провинциальные правители заявили о своей готовности выслушать любое обвинение, которое могло бы повлиять на общественную безопасность; но как только им сообщили, что речь идет не о фактах, а о словах, о споре, касающемся только толкования еврейских законов и пророчеств, они сочли недостойным величия Рима серьезно обсуждать неясные разногласия, которые могли возникнуть среди варварского и суеверного народа. Невинность первых христиан была защищена невежеством и презрением; и суд языческого магистрата часто оказывался для них самым надежным убежищем от ярости синагоги. Если бы мы были склонны принимать традиции слишком доверчивой древности, мы могли бы рассказать о далеких странствиях, чудесных достижениях и различных смертях двенадцати апостолов; но более тщательное исследование заставляет нас усомниться в том, что кому-либо из тех, кто был свидетелем чудес Христа, было позволено за пределами Палестины запечатлеть своей кровью правдивость своего свидетельства. Исходя из обычной продолжительности человеческой жизни, вполне естественно предположить, что большинство из них умерли до того, как недовольство евреев вылилось в яростную войну, которая закончилась только разрушением Иерусалима.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРИ НЕРОНЕ

В течение длительного периода, от смерти Христа до того памятного еврейского восстания, мы не можем обнаружить никаких следов римской нетерпимости, если только они не заключаются в внезапных, кратковременных, но жестоких гонениях, которые Нирон осуществлял против христиан столицы через тридцать пять лет после первого и всего за два года до второго из этих великих событий. Характер философского историка, которому мы в основном обязаны знанием об этом необычном событии, сам по себе был бы достаточным основанием для того, чтобы рекомендовать его нашему самому внимательному рассмотрению.

РИМСКИЙ САРКОФАГ

Мы видели, что на десятом году правления Нерона Рим пострадал от пожара, который бушевал с невиданной в прежние века силой. Памятники греческого искусства и римской добродетели, трофеи Пунических и Галльских войн, святейшие храмы и великолепнейшие дворцы были охвачены общим разрушением. Из четырнадцати районов или кварталов, на которые был разделен Рим, только четыре остались нетронутыми, три были сравнены с землей, а остальные семь, пережившие ярость пламени, представляли собой печальную картину разрушения и опустошения. Бдительность правительства, по-видимому, не упустила ни одной меры предосторожности, которая могла бы смягчить ощущение столь ужасного бедствия. Императорские сады были открыты для страдающего народа, были возведены временные постройки для его размещения, а также было распределено обильное количество зерна и продовольствия по очень умеренной цене. Самая щедрая политика, казалось, диктовала указы, регулировавшие расположение улиц и строительство частных домов; и, как обычно бывает в эпоху процветания, пожар в Риме за несколько лет породил новый город, более упорядоченный и красивый, чем прежний. Но вся осторожность и человечность, проявленные Нероном в этом случае, оказались недостаточными, чтобы уберечь его от подозрений народа. Убийце своей жены и матери можно было вменить любое преступление; принц, который протитировал свою личность и достоинство в театре, не мог считаться неспособным к самой экстравагантной глупости. Слухи обвиняли императора в поджоге собственной столицы; а поскольку самые невероятные истории лучше всего подходят для разъяренного народа (), то было серьезно заявлено и твердо поверено, что Нерон, наслаждаясь бедствием, которое он сам вызвал, развлекался, напевая под лиру о разрушении древней Трои. Чтобы отвлечь подозрения, которые сила деспотизма не могла подавить, император решил заменить себя вымышленными преступниками.

«С этой целью», продолжает Тацит,⁴ «он подверг самым изысканным пыткам тех людей, которые под вульгарным названием христиан уже были клеймены заслуженной позором. Они получили свое имя и происхождение от Христа, который во время правления Тиберия был казнен по приговору прокуратора Понтия Пилата. На некоторое время это ужасное суеверие было подавлено, но затем оно вновь вспыхнуло и не только распространилось по Иудее, первому очагу этой вредной секты, но даже проникло в Рим, общее убежище, которое принимает и защищает все нечистое и жестокое. Признания арестованных позволили обнаружить большое количество их сообщников, и все они были осуждены не столько за преступление поджога города, сколько за свою ненависть к человечеству. Они умерли в мучениях, и их мучения были усугублены оскорблениями и насмешками. Некоторых пригвоздили к крестам, других зашили в шкуры диких зверей и выставили на растерзание собакам, а третьих, обмазанных горючими веществами, использовали как факелы, чтобы осветить ночную тьму. Сады Нерона были предназначены для этого мрачного зрелища, которое сопровождалось скачками и было удостоено присутствия императора, который смешался с народом в одежде и в позе колесничего. Вина христиан действительно заслуживала самого сурового наказания, но общественное отвращение сменилось

состраданием, поскольку считалось, что эти несчастные люди были принесены в жертву не столько общественному благу, сколько жестокости ревнивого тирана».

Те, кто с любопытством наблюдает за революциями человечества, могут заметить, что сады и цирк Нерона на Ватикане, которые были осквернены кровью первых христиан, стали еще более известными благодаря триумфу и злоупотреблениям преследуемой религии. На том же месте христианские понтифики воздвигли храм, который намного превосходит древнюю славу Капитолия; они, черпая свое право на всемирное господство из скромного рыбака из Галилеи, унаследовали трон цезарей, дали законы варварским завоевателям Рима и распространили свою духовную юрисдикцию от побережья Балтийского моря до берегов Тихого океана.

Но было бы неправильно отклонять этот рассказ о гонениях Нерона, пока мы не сделаем некоторые замечания, которые могут помочь устранить затруднения, с которыми он связан, и пролить некоторый свет на последующую историю церкви.

(1) Даже самые скептически настроенные критики вынуждены признать правдивость этого необычного факта и достоверность этого знаменитого отрывка из Тацита. Первое подтверждается тщательным и точным Светонием, который упоминает наказание, которое Нерон наложил на христиан, секту людей, которые приняли новое и преступное суеверие. Второе может быть доказано согласием древнейших рукописей; неподражаемым стилем Тацита; его репутацией, которая защищала его текст от вкраплений благочестивого обмана; и смыслом его повествования, в котором он обвинял первых христиан в самых жестоких преступлениях, не намекая на то, что они обладали какими-либо чудесными или даже магическими способностями, превосходящими остальное человечество.

(2) Несмотря на то, что Тацит, вероятно, родился за несколько лет до пожара в Риме, он мог получить знание о событии, произошедшем в его младенчестве, только из книг и разговоров. Прежде чем выйти на публику, он спокойно ждал, пока его гений достигнет полной зрелости; и ему было уже более сорока лет, когда благодарность за память о добродетельном Агриколе вынудила его создать самые ранние из тех исторических сочинений, которые будут радовать и поучать самое далекое потомство. Испытав свои силы в жизни Агриколы и описании Германии, он задумал и в конце концов выполнил самую трудную работу — историю Рима в тридцати книгах, от падения Нерона до вступления на престол Нервы. Правительство Нервы ознаменовало начало эпохи справедливости и процветания, которую Тацит предначертал для своей старости; но, присмотревшись к предмету более внимательно, возможно, посчитав, что более почетной и менее неприятной задачей является запись пороков прошлых тиранов, чем восхваление добродетелей правящего монарха, он предпочел в форме анналов рассказать о деяниях четырех непосредственных преемников Августа. Собрать, систематизировать и украсить восемьдесят лет в бессмертном произведении, каждое предложение которого наполнено глубокими наблюдениями и яркими образами, было делом, достаточным, чтобы занять гения самого Тацита на большую часть его жизни. В последние годы правления Траяна, когда победоносный монарх расширял власть Рима за пределы его древних границ, историк описывал во второй и четвертой книгах своих анналов тиранию Тиберия; и император Адриан, должно быть, вступил на престол до того, как Тацит, продолжая свою работу, смог рассказать о пожаре столицы и жестокости Нерона по отношению к несчастным христианам. Спустя шестьдесят лет летописец был обязан использовать рассказы современников, но для философа было естественным увлечься описанием происхождения, развития и характера новой секты не столько в соответствии со знаниями или

предвзвещениями эпохи Нерона, сколько в соответствии со знаниями и предвзвещениями эпохи Адриана.

(3) Тацит очень часто полагается на любопытство или размышления своих читателей, чтобы восполнить те промежуточные обстоятельства и идеи, которые он, в своей крайней лаконичности, считал целесообразным опустить. Поэтому мы можем предположить, что существовала какая-то вероятная причина, которая могла направить жестокость Нерона против христиан Рима, чья неизвестность, а также невиновность, должны были защитить их от его гнева и даже от его внимания. Евреи, которые были многочисленны в столице и угнетаемы в своей стране, были гораздо более подходящим объектом для подозрений императора и народа; и не казалось невероятным, что побежденная нация, уже проявившая свое отвращение к римскому игу, могла прибегнуть к самым жестоким средствам, чтобы удовлетворить свою неумолимую месть. Но у евреев были очень влиятельные защитники во дворце и даже в сердце тирана — его жена и любовница, прекрасная Пoppея, и любимый актер из рода Авраама, которые уже использовали свое заступничество в пользу ненавистного народа. Вместо них необходимо было предложить других жертв; и можно было легко предположить, что, хотя истинные последователи Моисея были невиновны в пожаре Рима, среди них возникла новая и пагубная секта галилеян, способная на самые ужасные преступления. Под названием «галилеяне» смешивались две группы людей, наиболее противоположные друг другу по своим нравам и принципам: ученики, принявшие веру Иисуса из Назарета, и фанатики, последовавшие за Иудой Галлонитом. Первые были друзьями человечества, вторые — его врагами; единственное сходство между ними заключалось в той же неуклонной стойкости, которая, в защиту своего дела, делала их нечувствительными к смерти и пыткам. Последователи Иуды, подтолкнувшие своих соотечественников к восстанию, вскоре были погребены под руинами Иерусалима, в то время как последователи Иисуса, известные под более прославленным именем христиан, распространились по всей Римской империи. Как естественно было для Тацита во времена Адриана возложить на христиан вину и страдания, которые он с гораздо большей правдой и справедливостью мог бы приписать секте, чья ненавистная память была почти стерта!

(4) Какое бы мнение ни высказывали по поводу этой гипотезы (а это не более чем гипотеза), очевидно, что как следствие, так и причина преследования Нерона были ограничены стенами Рима; что религиозные верования галилеян, или христиан, никогда не были предметом наказания или даже расследования; и что, поскольку представление об их страданиях долгое время ассоциировалось с представлением о жестокости и несправедливости, умеренность последующих правителей склонила их пощадить секту, угнетаемую тираном, чья ярость обычно была направлена против добродетели и невинности.^с

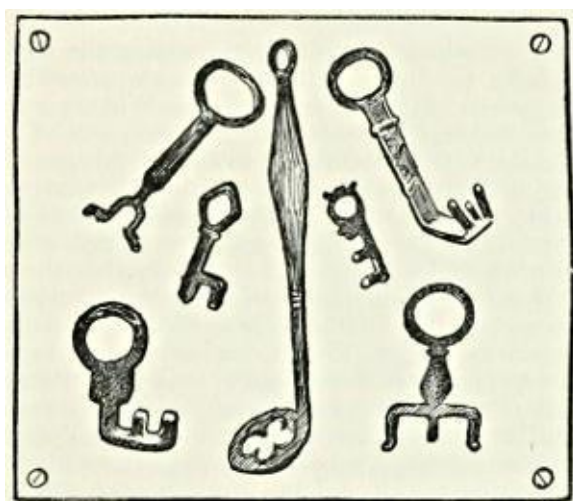
Таким образом, массовое убийство 64 года, строго говоря, не является религиозным преследованием, хотя, по мнению язычников, на христианах осталось пятно. Их имя вышло из тьмы в неблагоприятном свете. Оно осталось связанным с великой общественной катастрофой и, возможно, с ужасным преступлением, в котором власти якобы проследили их влияние. Второе традиционное преследование произошло в последний год правления Домициана. Мы видели, к чему оно свелось. До середины II века нет никаких следов какого-либо эдикта, нет явных свидетельств в светской или церковной литературе. Необходимо тонко сопоставить несколько отрывков, чтобы сделать вывод о действиях, предпринятых против многих христиан, и мы вынуждены ограничиться предположениями, чтобы определить причину. Появляется обвинение в безбожии, но нельзя сказать, носит ли это обвинение религиозный характер; и это кажется сомнительным.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПРИ ТРАЯНЕ И АНТОНИНАХ

Именно при правлении Траяна начинается настоящее преследование христианства. Однако над этим новым преступлением и над последующими разбирательствами висит густая туча. Плиний не знает, где найти доказательства преступления. Траян в своем ответе ссылается на статутное право. С этого момента христиане находятся вне досягаемости закона. Однако, если нет жалоб и не появляются обвинители, власти оставляют их в покое. Если они подвергаются судебному преследованию, то будут осуждены, если не отрекутся от своей веры. Этот двусмысленный закон регулировал положение христиан при правлении первых трех преемников Траяна. Ни Адриан, ни Антонин Пий, ни Марк Аврелий не смягчили и не ужесточили его.

При правлении этих правителей, лучших, самых справедливых и гуманных, которых когда-либо знала империя, осуждения христиан стали более частыми. Это потому, что христиане стали более многочисленными, а здесь и там, несомненно, более смелыми и более неосторожными; это также потому, что на сцене появился новый актер, анонимный актер, страстный, капризный, легко раздражающийся и грозный в гневе — толпа, чьи приказы и крики о смерти иногда заменяют обвинителя, требуемого эдиктом Траяна « ». Или же в случае общественных бедствий гнев толпы обрушивается на христиан. Ужасная судьба постигает их тайные собрания и священные обряды. Они скрываются и избегают всех праздников, улыбаются, когда другие плачут, и кажутся печальными в периоды процветания.

Ни их алтари, ни имя, ни символ их бога не известны. На их ночных собраниях проливается кровь. Дети приносятся в жертву, пожираются посвященными, и происходят сцены невыразимого разврата. Так говорят, и в определенных обстоятельствах малейшая искра достаточна, чтобы разжечь ярость толпы, собравшейся в амфитеатрах или на цирке. Будут ли магистраты бороться с бунтовщиками? Будут ли они защищать людей, которые по закону находятся вне общего права? Голос народа говорит, и они подчиняются. Это, наряду с определенной враждой и личной злобой, несомненно, является объяснением приговоров, вынесенных в Риме, и особенно в провинциях, при Антонинах. Именно это, по-видимому, произошло в Смирне в 155 году и в Лионе в 177 году. Обвинителем является толпа. Именно толпа выделяет христиан и приговаривает их к смерти, и лишь изредка вынесенный ею приговор не исполняется.

РИМСКИЕ ДВЕРНЫЕ КЛЮЧИ В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ

Было составлено три рескрипта, которые, как говорят, Адриан, Антонин и Марк Аврелий последовательно издали в пользу христиан, и от одного к другому из этих указов наблюдается, так сказать, *нарастание* доброты и терпимости. Первый из этих правителей

запрещает легатам осуждать христиан, чтобы удовлетворить требования народа. Последний, Марк Аврелий, свидетельствует о силе христиан, чью доброту он испытал на себе и которых он боится увидеть обращенными против себя, и предоставляет им полную свободу вероисповедания. По нашему мнению, эти указы явно являются апокрифическими, хотя, возможно, императоры, верховные стражи закона, с неудовольствием наблюдали, как жестокие капризы народной жестокости заменяют законные меры и, как бы, нарушают величие римского правосудия, и, возможно, они писали в этом смысле своим агентам. Особенно Адриан, самый бдительный страж порядка в провинциальном управлении, мог поступить так.

Но приговоры, вынесенные христианам при правлении Антонинов, и многочисленные защиты, в которых апологеты даже в этот момент апеллируют к справедливости императоров, требуя для христиан общего права, ясно доказывают, что закон, который осуждал их за исповедание веры, не был отменен.

Антонины неизменно были добрыми и гуманными правителями, любителями справедливости, щадящими жизни своих подданных. Марк Аврелий, в частности, зашел слишком далеко в своей уступчивости и доброте сердца. Принцип стоической философии «», которую он принял и которой гордился следовать, учил неприкосновенности свободы в частной жизни и, далеко не советуя преследовать мнения, скорее учил уважению к ним.

С другой стороны, несмотря на заметную тенденцию со стороны властей в это время к восстановлению или укреплению старой римской дисциплины, несмотря на союз между философией и народной религией, разнообразные культы свободно процветали по всей империи. Императоры, чья официальная набожность не имеет ничего исключительного, допускаются, как Адриан, в чужие церкви; или, как Марк Аврелий, не боятся в срочных случаях обращаться ко всем известным религиям. Среди философов некоторые, с презрением относящиеся к таким вопросам, заявляют, что разнообразие не имеет большого значения, если в душе присутствует небесное чувство; другие, недоверчивые и скептические, как Лукиан, безнаказанно насмеются над всеми богами и религиозными символами, не щадя никого. В империи нет ничего, напоминающего государственную религию; даже трудно сказать точно, какая религия является религией большинства граждан.

Политеизм означает разнообразие и путаницу. Нет общей формулировки или катехизиса, ничего, напоминающего доктринальное учение фиксированной и определенной теологии. Все боги считаются добрыми, а самые новые, кажется, обладают необычайными добродетелями. Откуда же взялось, что только христианство исключено из всеобщей терпимости и юридически лишено прав? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы рискуем определить и преувеличить идеи, которые смутно витали в умах князей и государственных деятелей того времени, и свести неясные представления к слишком жестким формулам. Христиане II века обычно обвиняются в атеизме и безбожии. Несомненно, что апологеты справедливо отвечают на это обвинение и отвечают на него триумфально. Однако факт остается фактом: христианство было абсолютным отрицанием всех символов языческого натурализма, оно осуждало и отвергало без исключения всех богов и все культы и стремилось уничтожить и заменить их. Лукиан, правда, не был более уважительным к различным господствующим суевериям, но его инвективы были индивидуальным проявлением остроумия. Он не пытался воздвигнуть алтарь против алтаря, он не занимался разрушением в целях пропаганды. Он не работал против институтов во имя новой общины. Он оставался верным старой философской традиции. Его взрыв смеха был последней враждебной нотой, произнесенной философией, прежде чем она разоружилась и протянула руку народной религии.

Христианские противники, также озлобленные, были гораздо более серьезными и грозными. Их нападки сводились к общему наступлению и скрывали явно подрывной замысел. Они не издевались просто ради издевательства, а чтобы свергнуть власть и создать отдельное место для своего сообщества, основав его на новых основах. Власть уважает индивидуальную совесть и предоставляет ей максимальную свободу, но общая совесть — это то, что называется заговором.

Здесь нет места для сомнений. Безбожие и атеизм на самом деле не являются чисто религиозными терминами в современном смысле, а являются политическими обвинениями. Религии в империи являются вопросами государства, или, скорее, религия и государство образуют единое содружество, главой которого является император. Лукиан был свободен в своем безбожии или атеизме. Однако из этого не следует делать никаких выводов, хотя у него и могли быть здесь и там подражатели или ученики.

Но христианин не является отдельной единицей, его имя — легион; он является членом ассоциации, партии, которую нельзя спутать с философской школой. Он принадлежит к организованной структуре, члены которой находятся повсюду; которая имеет свой особый язык, знаки для собраний, иерархию и общий кошелек, пополняемый добровольными взносами; которая проводит тайные собрания, отмечает ночные обряды, которых боится народное воображение, и обладает определенными средствами для работы на расстоянии с помощью делегатов или циркуляров. И какая это организация! Ее члены в Галлии поддерживают связь с Римом, а также с городами Азии и Фригии. Она покрывает всю империю невидимой сетью. Философия, дочь любопытства и плод умственной деятельности, разделяет; христианская вера объединяет.

Не являются ли эти союзники, эти *коллегиаты* нового вида, чьи тайные замыслы и ближайшие надежды неизвестны, но в любом случае явно согласуются с ненавистью к нравам, обычаям и учреждениям империи, началом государства в государстве? Не являются ли они угрозой для общественного класса, который всегда считается неотделимым от сохранения существующих учреждений? Это враги; тем более, что их объединяют общность веры, ненависть к государству и связь общего страха перед опасностью и преследованием.

Пертинакс, вступив на императорский престол, дал следующий лозунг: «Давайте сражаться» — мужественный лозунг, подходящий также и для правления Марка Аврелия. Действительно, на границах варвары спешат вооружиться. Из тридцати легионов, которыми он располагает, император вынужден собрать двадцать с многочисленными вспомогательными войсками, чтобы вытеснить их за Дунай и удержать в страхе. В это время другие мирные варвары, как их называют, заявляют о презрении к своей стране, ослабляют свой разум нервирующим мистицизмом, отрываясь от мужских обязанностей и суровых обязательств гражданской и военной жизни, и своими нападениями и советами бесщумно закладывают мину, которая погубит судьбу Рима.

Они, как говорят, уважают установленные власти и возносят молитвы своим богам от имени императора; но слышат, как они говорят, что брак — это разврат, и христианский раб осмеливается ответить судье, что Христос освободил его, и среди основ, на которых покоятся государство и общество, приличия, семейные узы и религия, нет ни одного учреждения, которое находило бы благосклонность в их глазах.

Государство нуждается в преданности всех. Это критический момент. К бедствиям, опустошающим империю, добавляется война, которую все хорошие граждане должны считать священной. На карту поставлена, возможно, сама цивилизация. Христиане не хотят служить стране ни дома, ни за границей. Они не хотят быть ни солдатами, ни магистратами. Они гордятся тем, что являются гражданами небес. Они погружаются в размышления, споры и проявления своей набожности. Общество находится под угрозой. В каждом городе они

создали для себя город по своему выбору, отдельное и обособленное общество, основателем которого, по их словам, является сам Бог, которое они называют своей церковью и которому посвящают все свое внимание и свой энтузиазм. Служение своей церкви — единственное, что их движет. Обязанности, которые оно налагает, в их глазах являются единственными существенными и необходимыми обязанностями.

Князь, их страна, общественное благо, цивилизация, римское великолепие — для них всего лишь громкие названия или тщетные идолы. Церковь — это их страна, их город и их лагерь. Несомненно, в этом заключается смысл обвинения «враги народа», которое предъявляется христианам. Несомненно, ни князья, ни магистраты не видели это именно в таком свете. Христианские пророки предсказывали конец света в 195 году. Они не предвидели Константина и Феодосия, старая религия, в свою очередь, подверглась гонениям и была вынуждена скрываться от мести христиан, апологеты вернулись, Либаний умолял во имя искусства пощадить храмы и статуи богов, а Симмах во имя римского великолетия просил пощады для угрожаемого алтаря победы.

Во втором веке опасность не была столь неотложной и очевидной. Мелит Сардисский с серьезностью убежденного человека говорил, что сила и величие империи возросли благодаря христианству. Другие с не меньшей искренностью заявляли, что христиане не думают о том, чтобы поднимать государство на бунт, что их никогда не было среди тех, кто поднимал мятежи и военные восстания, что, напротив, они держались в стороне от всех партий и отдавали кесарю то, что ему полагалось — не поклонение и не ладан, а гражданское подчинение и послушание. Несколько раз после разрушения их храма в 70 году иудеи поднимали оружие, чтобы сбросить римский деспотизм, спасти или отомстить за свою независимость. Христианам нельзя было вменить в вину никакого восстания; правда, они были выходцами из всех рас и в большинстве своем из языческих семей, у них не было национальности, которую нужно было бы отстаивать или восстанавливать. Кроме того, никто из них не провозглашал миссию по революционному преобразованию общества.

Сохранив духовную юрисдикцию, они добровольно отказались от всех других вопросов или считали их малозначительными. В течение первых двух веков, презируемые, подвергаемые жестокому обращению, осыпавшие плевками, подвергаемые осуждению общественного мнения и закона, а зачастую и казни, они повсюду проявляли терпение и покорность, меньше говорили о мире, чем о небесах, и были полны уверенности в своем господине, который не совершает зла и может исправить несправедливость.

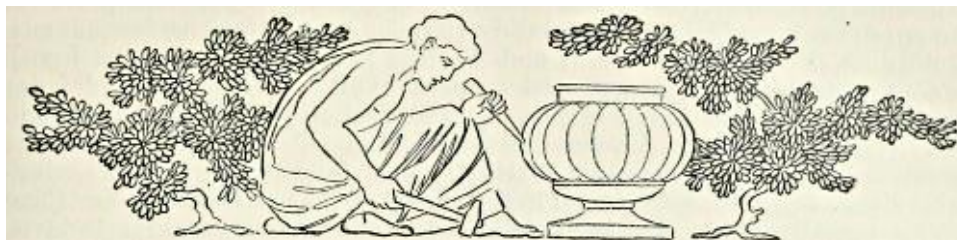
Таким образом, нет точного объяснения тому, почему их называли врагами народа. Они были зародышем нового общества; один из их учителей утверждал, что их присутствие отсрочило земной суд и уберегло империю от разрушения и коррупции.

Истинное и философское значение преследований заключается, таким образом, в защите империи и ее институтов, угрожаемых новым и непонятным духом. Императоры второго века не видели этой общественной опасности ясно; они инстинктивно чувствовали ее и из-за нее стремились укрепить или пробудить религию и патриотизм.^{[d](#)}

СНОСКИ

^[34] История христианства на его самом раннем этапе может быть найдена только в *Деяниях Апостолов*; из никакого другого источника мы не можем узнать о первых гонениях, которым подвергались христиане. Ограниченные несколькими лицами и узким пространством, эти гонения интересовали только тех, кто подвергался им, и не имели других летописцев. — Гизо.

[35] В Кирене они убили 220 000 греков, на Кипре — 240 000, в Египте — огромное количество людей. Многие из этих несчастных жертв были распилены пополам, согласно прецеденту, который Давид одобрил своим примером. Победоносные евреи пожирали плоть, вылизывали кровь и обвязывали свои тела внутренностями, как поясом.^e

РИМСКИЙ МЕТАЛЛУРГ

ГЛАВА XXXVIII. АСПЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПЕРВЫХ ДВУХ ВЕКОВ ИМПЕРИИ

ДУХ ВРЕМЕН

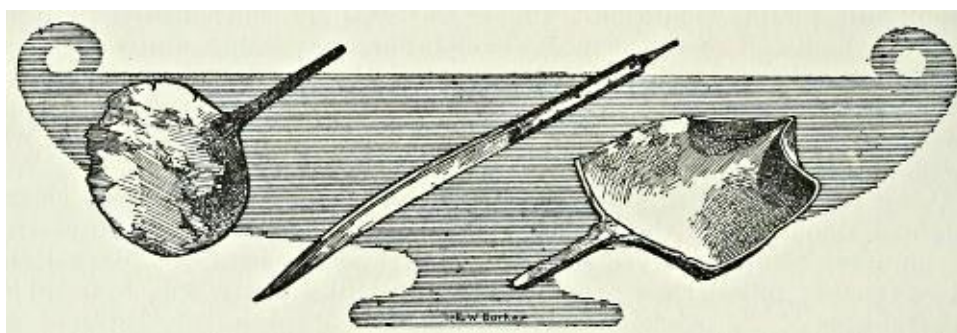
В первом веке империи политическая обстановка в мире была плачевной. Власть была полностью сосредоточена в Риме и легионах, и там происходили самые постыдные и унижительные сцены. Римская аристократия, покорившая мир и фактически единственная участвовавшая в управлении под властью цезарей, предалась самым разнузданным сатурналийским преступлениям, которые когда-либо видел мир.

Цезарь и Август, учреждая императорскую должность, ясно понимали потребности своего времени. Мир был настолько коррумпирован в политическом плане, что никакая другая форма правления была бы невозможна. Поскольку Рим завоевал бесчисленные провинции, древняя конституция, основанная на привилегиях патрицианских семей, которые были своего рода упрямыми и злобными тори, больше не могла существовать. Но Август, оставив будущее на волю случая, полностью пренебрег своими политическими обязанностями. Без законных наследников, без законов о выборах, без надлежащих правил усыновления, без конституционных ограничений цезаризм был как огромный груз на палубе корабля без балласта. Самые страшные потрясения были неизбежны.

Трижды за одно столетие, при Калигуле, при Нероне и при Домициане, величайшая власть, которая когда-либо существовала, попала в руки отвратительных или экстравагантных людей. Результаты проявились в ужасах, которые едва ли превзошли чудовища монгольских династий.^[36] В этой роковой череде правителей мы почти вынуждены оправдывать Тиберия, который был полностью порочным только в конце своей жизни, или Клавдия, который был лишь эксцентричным, лишенным здравого смысла и окруженным злыми советниками.

Самые постыдные позорные явления империи, такие как апофеоз императора и его обожествление при жизни, пришли с Востока, а точнее из Египта, который в то время был самой коррумпированной страной в мире. Истинный римский дух все еще существовал. Человеческое благородство было далеко от исчезновения. В некоторых семьях, пришедших к власти вместе с Нервой, которая сделала эпоху Антонинов славной, все еще существовала

великая традиционная гордость. Эпоха, в которой жили такие абсолютно добродетельные люди, как, например, Квинтилиан, Плиний Младший и Тацит [как считается], не является эпохой, от которой нужно отчаиваться. Внешнее развращение не затронуло великий фундамент честности и трезвости, который все еще существовал в хорошем римском обществе; несколько семей все еще были образцами хорошего поведения, преданности долгу, согласия и твердой добродетели. В домах патрициев все еще можно было найти замечательных жен и замечательных сестер. Была ли когда-нибудь более трогательная судьба, чем судьба целомудренной и юной Октавии, дочери Клавдия и жены Нерона, которая осталась чистой среди всей этой позорища и была казнена в двадцать два года, так и не познав счастья? Женщины, которых в надписях называют *castissimæ*, *univiræ*, не редкость. Жены сопровождают своих мужей в изгнание, другие разделяют их героическую смерть. Старая римская простота не была полностью утрачена, детей воспитывали мудро и заботливо. Самые аристократичные женщины, как известно, занимались обработкой шерсти; в лучших семьях почти не было места тщеславию и суетности.

РИМСКАЯ КУХОННАЯ УТВАРЬ

(В Британском музее)

Те выдающиеся государственные деятели, которые при Траяне, казалось, выросли из земли, не были продуктом момента. Они занимали должности и при предыдущих правителях, только их влияние было невелико, поскольку они оставались на втором плане из-за освобожденных рабов и печально известных фаворитов императора. Таким образом, люди с наибольшими заслугами занимали высокие посты при Нероне. Структура была хорошей, и приход к власти плохих императоров, хотя и был катастрофическим, не смог изменить общий порядок вещей и принципы государства. Империя, далекая от упадка, была полна энергии самой крепкой молодости. Упадок наступил двести лет спустя, и, как ни странно, при гораздо менее злобных императорах.

В политическом отношении ситуация была аналогична ситуации во Франции, которая со времени Революции никогда не пользовалась прямой преемственностью правящих сил и может переживать опасные перипетии, не нанося безнадежного ущерба своей внутренней организации и национальной силе. Мы естественно сравниваем первый век империи с восемнадцатым веком, эпохой, абсолютно коррумпированной, если судить по сборникам анекдотов того времени, и в течение которой некоторые семьи, тем не менее, сохраняли свои строгие обычаи.

Философия вступила в союз с честными римскими семьями и оказала благородное сопротивление. Школа стойков произвела на свет таких величественных личностей, как Кремуций Корд, Трасея, Гельвидий Приск, Анней Корнут, Мусоний Руф — всех этих замечательных защитников аристократической добродетели. Жесткость и -преувеличение этой школы были вызваны ужасной жестокостью правительства цезарей. Единственной

идеей человека настоящей ценности было приучить себя к боли и подготовиться к смерти. Лукан с плохим вкусом и Персий с превосходным талантом выражали высшие чувства великого духа. Философ Сенека, Плиний Старший и Папирий Фабиан поддерживали высокий уровень образования и философии. Не все были коррумпированы; были и яркие личности, но слишком часто их единственной альтернативой была смерть. Неблагородная часть человечества время от времени брала верх. Дух безумия и жестокости тогда вырывался наружу и превращал Рим в настоящий ад.

Правительство, которое в Риме было столь нестабильным, было гораздо лучше в провинциях, и потрясения, которые беспокоили столицу, там почти не ощущались. Несмотря на свои недостатки, римская администрация была гораздо выше монахий и республик, которые исчезли в результате завоеваний. Царствование суверенных муниципалитетов прошло много веков назад. Малые государства были уничтожены своим эгоизмом, ревностью, невежеством и пренебрежением частными правами. Старая греческая жизнь, состоявшая из исключительно внешних борьб, больше не удовлетворяла народ. В свое время она была очаровательна, но этот блестящий Олимп, демократия полубогов, утратив свою свежесть, стал жестким, бесчувственным, тщеславным, поверхностным из-за отсутствия искренности и настоящей честности. Это было причиной, приведшей к македонскому господству, за которым последовало римское правление.

Империи еще не были известны пороки чрезмерной централизации. До времени Диоклетиана городам и провинциям предоставлялась большая свобода. В Палестине, Сирии, Малой Азии, Нижней Армении и Фракии существовали независимые королевства под покровительством Рима. Эти королевства стали источником опасности только со времени Калигулы, потому что великая и дальновидная политика, которую Август наметил в отношении них, не была осуществлена. Свободные города — а их было много — управлялись сами по своим законам; они обладали законодательной властью и осуществляли правосудие, как в самоуправляемой стране; до III века муниципальные декреты издавались с формулой «сенат и народ». Театры служили не только для зрелищных удовольствий, они были повсеместными центрами агитации и общественного мнения. Благосклонность римлян к человечеству была темой некоторых льстивых речей, которые, однако, не были лишены искренности. Доктрина «римского мира», идея великой демократии, организованной под покровительством Рима, была основой всего мышления. Один греческий оратор продемонстрировал обширные знания, доказав, что слава Рима должна рассматриваться всеми ветвями эллинской расы как своего рода общее наследие. Что касается Сирии, Малой Азии и Египта, то можно сказать, что римское завоевание не уничтожило ни одной свободы. Эти страны либо были равнодушны к политической жизни, либо никогда ее не знали.

Несмотря на притеснения со стороны правителей и акты насилия, неотделимые от абсолютной власти, мир во многих отношениях никогда не был так счастлив. Администрация, пришедшая из далекого центра, была настолько выгодной, что даже грабежи преторов в конце республики не смогли сделать ее ненавистной. Кроме того, *lex Julia* значительно ограничила сферу злоупотреблений и вымогательств. За исключением правления Нерона, безумие или жестокость императора не выходили за пределы римской аристократии и ближайшего окружения принца. Никогда еще те, кто хотел оставаться в стороне от политики, не жили в большем мире. В древней республике, где всех заставляли участвовать в партийных распрях, жить было не приятно; смещение с должности и изгнание были слишком частыми явлениями.

Теперь казалось, что настало время для широкой пропаганды, превосходящей мелкие городские распри и соперничество династий. Попытки посягать на свободу были связаны скорее с независимостью, которая все еще оставалась у провинций и общин, чем с римской администрацией. В тех завоеванных странах, где в течение нескольких столетий не существовало политических потребностей и где народ был лишен только возможности разрывать друг друга на части в результате непрерывных войн, империя была эпохой процветания и благосостояния, до того неизвестных, и, можно добавить без парадокса, свободы. С одной стороны, стала возможной свобода торговли, промышленности и личная свобода, о которой греки не имели представления. С другой стороны, свобода, заключающаяся в свободе мнений, могла только выиграть от нового режима.

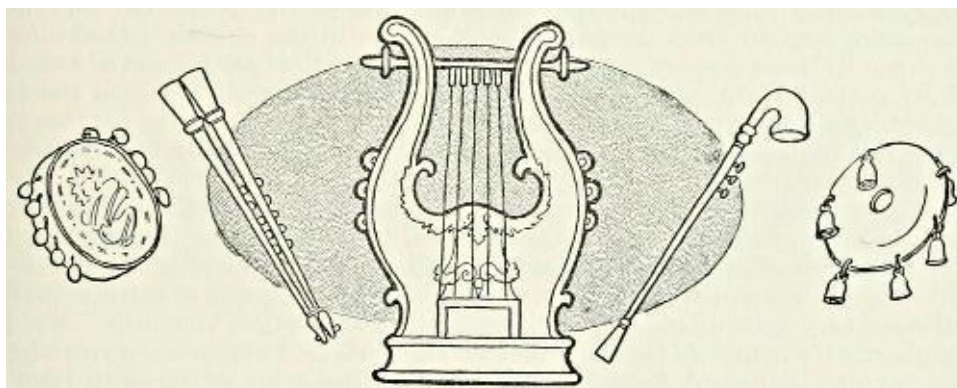
Эта свобода всегда выигрывает в отношениях с королями и князьями больше, чем в отношениях с ревнивым и узколобым средним классом. Греческие республики не имели такой свободы мнений. Греки достигли великих успехов без нее, благодаря непревзойденной силе своего гения, но, несмотря на все это, Афины фактически находились под инквизицией. Инквизитором был архонт, а священным офисом был королевский портик, где рассматривались обвинения в безбожии. Обвинения такого рода были очень частыми — это была излюбленная тема аттических ораторов. Не только философские преступления, такие как отрицание Бога или провидения, но и малейшее нарушение муниципальных доктрин, проповедь странной религии, самые детские упущения в скрупулезных законах, касающихся таинств, были преступлениями, наказываемыми смертью. Боги, над которыми Аристофан издевался на сцене, иногда могли убивать. Они убили Сократа, они почти убили Алкивиада; Анаксагор, Протагор, атеист Феодор, Диагор из Мелоса, Продик из Кеоса, Сильпон, Аристотель, Теофраст, Аспасия, Еврипид были более или менее серьезно угрожаемы.

Свобода мысли была, по сути, плодом царств, возникших в результате македонских завоеваний. Аттал и Птолемей были первыми, кто дал мыслителям свободу, которую ни одна из старых республик никогда им не предоставляла. Римская империя продолжила эту традицию. При империи существовало более одного сурового закона против философов, но это было связано с их вмешательством в политику. В сборнике римских законов, предшествовавших Константину, тщетно искать положения, направленные против свободы мысли, а в истории императоров — судебные процессы по поводу абстрактных доктрин. Ни один ученый не подвергался преследованиям. Люди, которые в средние века были бы сожжены на костре, такие как Гален, Лукиан, Плотин, жили мирно, находясь под защитой закона.

Империя положила начало периоду свободы в том смысле, что она отменила абсолютное правление в семьях, городах и племенах и заменила или изменила такие формы правления государственной. Абсолютная власть еще более досаждала, когда она осуществляется в более узком кругу. Древние республики и феодализм тиранизировали индивидуума больше, чем когда-либо делало государство. Даже если допустить, что Римская империя в определенные эпохи жестоко преследовала христианство, по крайней мере, она не уничтожила его. Республиканские государства сделали бы это совершенно невозможным; иудаизм, если бы он не испытывал давления римской власти, был бы достаточен, чтобы сокрушить его. Именно римские магистраты помешали фарисеям уничтожить христианство.

Широкая идея всеобщего братства, в основном являвшаяся результатом стоицизма, и своего рода общее чувство человечности были плодом менее узкой формы правления и менее ограниченного образования, которому подвергался индивид. Люди мечтали о новой эре и новых мирах. Общественное богатство было велико, и, несмотря на несовершенство экономических доктрин того времени, комфорт был широко распространен. Нравы были не

такими, какими их часто представляют. В Риме, конечно, пороки хвастались отвратительным цинизмом. Театры, прежде всего, привнесли ужасную развращенность; некоторые страны, такие как Египет, также пали до самых низов. Но в большинстве провинций существовал средний класс, среди которого доброта, супружеская верность, домашняя добродетель и честность были достаточно распространены.

Римские музыкальные инструменты

Существует ли в мире более очаровательная и идеальная картина семейной жизни честного среднего класса небольших городов, чем та, которую описывает Плутарх? Какая добродушие, какие мирные привычки, какая целомудренная и любезная простота! Херонея, конечно, не была единственным городом, где жизнь была такой чистой и невинной. В общих обычаях, даже за пределами Рима, все еще оставалось что-то жестокое, либо как пережиток древних привычек, повсеместно одинаково кровожадных, либо под особым влиянием римской строгости. Но в этом отношении наблюдалось улучшение. Какие сладкие и чистые чувства, какое впечатление меланхоличной нежности есть в произведениях Вергилия и Тибулла! Мир принимал форму и терял свою древнюю строгость, приобретая свободу и нравственную чувствительность. Принципы гуманности распространялись повсюду; стоицизм громко проповедовал равенство и абстрактные идеи прав человека. Женщина, благодаря системе приданого по римскому праву, становилась все более и более хозяйкой самой себя; были установлены правила обращения с рабами — Сенека обедал со своими. Рабы больше не были обязательно гротескными и злыми существами, которых вводили в латинские пьесы, чтобы над ними смеялись, и которых, по мнению Катона, следовало обращаться как с вьючными животными. Времена изменились. Раб был морально равен своему хозяину и, по общему признанию, способен к добродетели и верности, что он и доказывал. Предрассудки относительно благородства по происхождению уменьшались.

Гуманные и справедливые законы принимались даже при самых худших императорах. Тиберий был способным финансистом; он создал систему землевладения на прочной основе. Нерон ввел в систему налогообложения, до того несправедливую и варварскую, улучшения, которые могут заставить покраснеть даже современников. Прогресс в законодательстве был значительным, хотя смертная казнь была слишком распространенной. Любовь к бедным, милосердие и всеобщее сочувствие считались добродетелями.

Театр был одним из скандалов, которые больше всего возмущали добродетельных людей, и одной из первых причин, вызвавших антипатию евреев и иудеев всех мастей к безбожной цивилизации того времени. Эти гигантские котлы казались им сточными каналами, в которых кипели все пороки. В то время как передние ряды аплодировали, на верхних скамьях часто разыгрывались сцены, вызывавшие отвращение и ужас. В провинциях гладиаторские бои с трудом прижились. По крайней мере, эллинские страны не одобряли их и в основном придерживались древнегреческих упражнений. На Востоке жестокие игры

всегда сохраняли явный отпечаток своего римского происхождения. Афиняне, желая соперничать с коринфянами, однажды обсуждали вопрос о подражании их варварским играм, и один философ встал и предложил сначала разрушить алтарь Милосердия. Ужас театра, стадиона, гимнастического зала, то есть всех общественных мест, которые были неотъемлемыми элементами греческого или римского города, был таким образом одним из самых глубоких чувств христиан и одним из тех, которые имели самые значительные результаты.

Древняя цивилизация была публичной; все происходило под открытым небом, на глазах у собравшихся граждан, в отличие от нашей, где жизнь является частной и уединенной в пределах дома. Театр сменил агору и форум. Проклятие, брошенное на театры, отразилось на всем обществе. Между церковью, с одной стороны, и публичными играми, с другой, установилось глубокое соперничество. Раб, изгнанный с игр, находил убежище в церкви. Невозможно сидеть в этих мрачных аренах, которые всегда являются наиболее хорошо сохранившимися остатками древнего города, и не видеть в душе борьбу между двумя классами: здесь бедный честный человек, сидящий в последнем ряду, скрывающий свое лицо и выходящий в негодовании, там философ, внезапно встающий и упрекающий толпу в ее развращенности.

В первом веке такие случаи были редки. Тем не менее, начали раздаваться протесты, и театр попал в немилость. Законодательство и управление империей все еще находились в состоянии хаоса. Центральный деспотизм, муниципальная и провинциальная свобода, капризы правителей, бесчинства независимых общин — все это жестоко сталкивалось друг с другом. Но религиозная свобода выиграла в этих конфликтах. Совершенное автократическое правительство, установленное со времен Траяна, было гораздо более губительным для новорожденной религии, чем состояние беспорядка, плодотворное для сюрпризов, и отсутствие регулярной полиции, которые характеризовали время цезарей.

Учреждения общественной помощи, основанные на принципе, что государство несет отцовские обязанности по отношению к своим подданным, в значительной степени развились только со времен Нервы и Траяна. Однако несколько примеров этого можно найти уже в первом веке. Уже существовали приюты для детей, организованная раздача еды нуждающимся, фиксированные цены на хлеб с компенсацией пекарям, меры по обеспечению продовольствием, премии и страхование для судовладельцев, хлебные бонусы, которые позволяли покупать зерно по сниженной цене. Все императоры без исключения проявляли величайшую заботу об этих вопросах, возможно, второстепенных, но в определенные эпохи имевших приоритет над всеми остальными. Можно сказать, что в далекой древности мир не нуждался в благотворительности. Мир был тогда молод и полон сил, богадельни были ненужны. Добродетельная и простая гомеровская этика, согласно которой гость и нищий происходят от Юпитера, является этикой крепкого и веселого юношества.

Греция в свою классическую эпоху провозгласила самые изысканные максимы сострадания, благотворительности, гуманности, без скрытой мысли о социальной тревоге или меланхолии. Человек в ту эпоху был еще здоров и счастлив, зло не могло быть осознано. В отношении взаимной помощи греки значительно опережали римлян. Никакого либерального и благожелательного настроения не было со стороны той жестокой аристократии, которая осуществляла такое угнетающее господство во время республики. В то время, о котором мы пишем, колоссальные состояния аристократии, роскошь, концентрация населения в определенных местах и, особенно, жестокость сердца, свойственная римлянам, и их неприятие сострадания привели к появлению «нищеты». Доброта, проявляемая некоторыми императорами по отношению к римской черни, только

усугубляла опасность. Подкуп и *tesseræ frumentariæ* не только поощряли порок праздности, но и не приносили никакого облегчения страданиям. В этом, как и во многих других отношениях, Восток действительно превосходил Западный мир. У евреев были настоящие благотворительные учреждения. Храм Египта, по-видимому, имел ящики для пожертвований. Колледж монахов и монахинь Серапеума в Мемфисе также был, в некотором роде, благотворительным учреждением. Ужасный кризис, через который проходило человечество в столице Европы, мало ощущался в отдаленных землях, где повседневная жизнь оставалась более простой. Упрек в том, что Рим отравил землю, сравнение Рима с куртизанкой, которая излила на мир вино своей безнравственности, во многом было справедливым. Провинции были лучше Рима, или, скорее, нечистые элементы со всех концов, скапливавшиеся в Риме, как в сточной яме, образовали зараженное место, где старые римские добродетели были подавлены, а хорошие семена прорастали медленно.^b

НРАВЫ И ОБЫЧАИ

Но здесь наше внимание должно быть сосредоточено в первую очередь на жизни самой столицы. Отбросим в сторону восторженные общие рассуждения Ренана и перейдем к более конкретному рассмотрению некоторых важных аспектов повседневной жизни людей в великом центре, к которому, как говорили, ведут все дороги.

В первые дни существования империи Рим находился в кризисе переходного состояния, которое переживали большинство великих столиц, когда быстрый рост населения и объема повседневных сделок начал опережать расширение средств их размещения. Рост численности населения неизбежно приводит к увеличению объема производственной деятельности, которая пересекается и переплетается на улицах большого города; и хотя ни торговля, ни производство в Риме не велись в тех масштабах, к которым мы привыкли, розничная торговля, которая переходила из рук в руки, а также обычные дела и развлечения, должно быть, вызывали все большее оживление и движение среди огромного скопления людей, собравшихся в пределах его стен. Непрерывное развитие строительства и расширение пригородов одновременно с восстановлением города, должно быть, постоянно заполняли все проспекты повозками и транспортными средствами всех видов, занятыми перевозкой тяжелых материалов, используемых в строительстве; толпа этих тяжело груженных машин и грозное раскачивание длинных балок, которые они перевозили по углам узких улиц, упоминаются среди худших неприятностей и даже ужасов повседневной жизни горожан.

Ни одна из конкурирующих институций — магазины и базары — не получила большого развития в Древнем Риме. Огромное количество торговли осуществлялось там бродячими торговцами. Уличные крики, которые почти исчезли в Лондоне в наше время, были распространены в городе цезарей. Непрекращающийся шум этих диссонансных звуков вызывает жалобы на то, что он делает жизнь невыносимой для бедного джентльмена, вынужденного жить среди них. Улицы не были спроектированы и, как правило, не могли быть приспособлены для проезда многолюдных носилок и громоздких карет богатых людей, которые начали пересекать их с той же помпезностью и торжественностью, что и наши аристократические экипажи столетие назад;^[37] в то время как полиция города, похоже, никогда не задумывалась об устранении наиболее очевидных причин скопления людей и препятствий, таких как гимнастические и гладиаторские зрелища, фокусы фокусников и буффонады актеров низшего сорта в центре самых оживленных магистралей.

Знатные люди никогда не переступали порог своего дома без многочисленной свиты клиентов и слуг; низшие слои населения собирались на углах улиц, чтобы послушать сплетни дня и обсудить достоинства гонщиков и танцоров; рабы толпились над паром

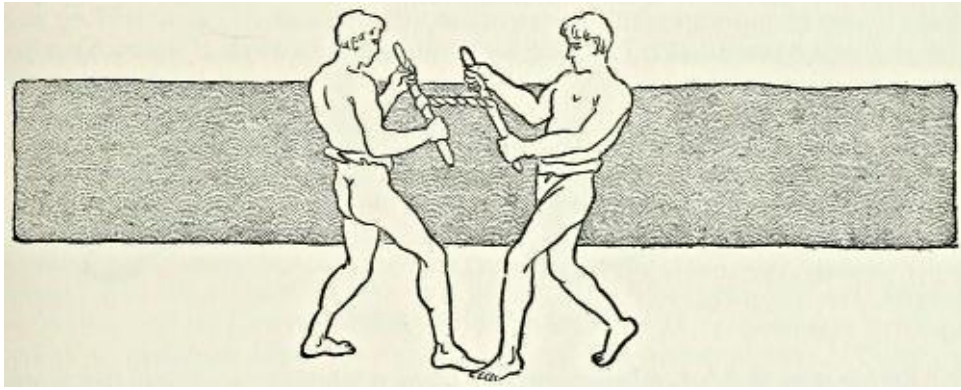
открытых кухонь или, выполняя поручения своих хозяев, бродили без дела, разглядывая грубые рисунки или вдумчиво изучая плакаты на стенах. В прошлом веке имперская столица наполнилась множеством иностранцев, привлеченных как любопытством, так и деловыми мотивами в знаменитый центр чудес света, которые пополнили ряды бездельников и бродяг на улицах Рима; люди в странных костюмах и с необычной внешностью, а когда они говорили, то и с еще более странной речью, которые, с трепетом и восхищением оглядываясь вокруг, сами становились центром внимания толпы удивленных горожан. Заметная, хотя и случайная манера, с которой римские писатели отмечают толпу на улицах, самым ярким образом показывает, насколько обычным явлением это было в жизни города.

Улицы, или, вернее, узкие и извилистые переулки Рима были совершенно не приспособлены для движения людей, которые так передвигались или толпились на них; ведь *visi* были не лучше, чем переулки или аллеи, и было только две *viae*, или мощеные дороги, пригодные для перевозки тяжелых экипажей, *Sacra* и *Nova*, в центральной части города. Три внутренних холма, Палатин, Авентин и Капитолий, были серьезным препятствием для движения транспорта, поскольку по ним не могли проехать кареты, и можно усомниться, были ли они даже проходными для пешеходов. Не редкие случаи пожаров, наводнений или случайных обрушений домов, должно быть, парализовывали движение жизненной крови города. Первое и последнее из этих явлений были несчастными случаями, которые могут произойти в любом месте, где живут люди, но наводнения в Риме были характерной и особенной чертой его древней истории.

Август, обладая дальновидной экономической мудростью, стремился задействовать всех людей высокого положения и воспитания в практических делах, одновременно предлагая им свой собственный пример как последователя как муз, так и граций. Римский аристократ обычно вставал на рассвете и принимал на своей аудиенции толпу клиентов и слуг, которые с наступлением темноты толпились на ступенях перед его еще закрытой дверью. Обе стороны обменивались несколькими словами приветствия, а затем, когда солнце поднималось над восточным небом, он спускался из своего высокого особняка на Форум. Он мог идти пешком, окруженный все еще остававшейся толпой, или его могли нести на носилках; но ездить на колесном транспортном средстве в таких случаях не было в римском обычае.^[38] Прибыв на форум, он быстро погружался в дела дня (). Он председательствовал в качестве судьи в одной из базилик или сам появлялся перед судьями в качестве адвоката, свидетеля или истца. Он вел свои частные дела со своим банкиром или нотариусом; он внимательно читал вчерашнюю публичную газету и спрашивал, как прошло дело его друга в суде претора. На каждом шагу он пересекался с кем-нибудь из знатных представителей своего сословия, и они с достоинством и вежливостью обсуждали новости дня и актуальные вопросы.

Таковы были утренние занятия в *dies fastus*, или рабочий день: в святой день было свое занятие — посещение храмовых служб, молитвы за безопасность императора и народа, окропление ладаном алтаря и, в случаях особой преданности, умилоствление богов жертвоприношением. Но все дела, светские или божественные, сразу прекращались, когда голос глашатая на ступенях Курии Гостилиана провозглашал, что тень солнца прошла линию на мостовой перед ним, которая отмечала полдень. Все двери теперь были закрыты; каждый гражданин, по крайней мере летом, погружался в темные глубины своей спальни, чтобы насладиться полуденным сном. Полуденная сиеста, как правило, завершала дела дня, и каждый человек теперь был освобожден от обязанностей и мог посвятить себя, проснувшись, отдыху или развлечениям до наступления ночи. Если сенат иногда продлевал или возобновлял свои заседания, существовало правило, что после десятого часа, или

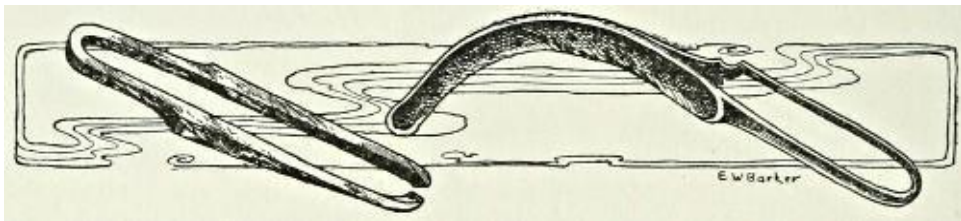
четырех часов дня, никакие новые дела не могли быть вынесены на его рассмотрение, и нам рассказывают, что Асиний Поллий после этого часа даже не открывал писем.

РИМСКИЕ БОРЦЫ

Тем временем Рим снова оживал, чтобы развлекаться и отдыхать, и серьезный деловой человек имел свои развлечения, как и бездельник с Форума. Упражнения на Марсовом поле были отдыхом для солдат республики; и когда городское население ушло из военной службы, традиции Кампуса по-прежнему ценились высшими слоями общества, и практика имитации войны, возможно, ограничивалась исключительно ими. Плавание, бег, верховая езда и метание копья на этой общественной площадке стали при императорах модой среди знати: простой народ не испытывал вкуса к таким занятиям и, возможно, с некоторым удивлением наблюдал за трудами, которым добровольно посвящали себя люди, имевшие рабов, чтобы избавить их от самых обычных повседневных усилий. Но молодые участники этих спортивных состязаний не оставались без толпы зрителей; портики, окаймлявшие поле, были переполнены пожилыми людьми и женщинами, которые укрывались от жары заходящего солнца; многие частные дома выходили на него с противоположной стороны реки, которая по этой причине считалась желанным местом проживания. Август обещал свою поддержку любому возрождению благородных обычаев древности, и весь римский мир, живший под его покровительством, спешил на место проведения этих древних развлечений, чтобы порадовать императора, если не для собственного удовольствия.

Говорили, что древние выбрали Марсово поле для своих имитационных сражений из-за удобства Тибра, в котором уставшие бойцы могли смыть пот и пыль и вернуться к своим товарищам в полном блеске восстановленного здоровья и бодрости. Но молодежь Рима в более изысканные времена не удовлетворялась этими приятными омовениями. Она прибегала к теплым и паровым баням, к использованию духов, чтобы усилить роскошь освежения.

РИМСКИЕ БАННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Римляне действительно испытывали всеобщую и необычайную любовь к баням, которая в результате их неумеренного использования переросла в сладострастную и изнеживающую роскошь. Дома богачей всегда были оборудованы комнатами для этой цели; в них были теплые и холодные ванны, а также паровые аппараты, и использование масел и духов было одинаково распространено среди них. С самых ранних времен, возможно, существовали

места более общего пользования, где плебеи платили незначительную сумму за наслаждение этой роскошью; и одним из способов завоевать популярность у народа было субсидирование владельцев этих общественных бань и предоставление людям возможности бесплатно пользоваться ими в течение одного или нескольких дней. Агриппа довел этот способ подкупа народа до крайности. Помимо строительства 170 небольших бань, он был первым, кто построил общественные заведения такого рода, или термы, в которых граждане могли собираться в большом количестве и совмещать удовольствие от очищения с занятиями гимнастикой; в то же время они могли культивировать свои вкусы, созерцая картины и скульптуры, а также слушая песни и музыку.

Однако римляне имели свое особое представление о личном достоинстве, и, несмотря на то, что они были привычны к тому, чтобы показывать свою грудь и плечи во время выполнения мужских упражнений, они с некоторым чувством неловкости раздевались в общественных местах ниже пояса. Бани Мецената и Агриппы оставались бессменными лидерами на протяжении более одного поколения, хотя в конечном итоге они были вытеснены имперскими сооружениями гораздо более масштабных размеров. Во времена Августа женщинам было запрещено посещать общественные бани, если, конечно, такое непристойное поведение вообще могло быть вообразено. В более поздний период, независимо от того, были ли мужчины обнажены, женщины, по крайней мере, были частично покрыты. Один остроумный писатель заметил, какое воздействие на дух оказывает воздействие воздуха и воды на обнаженное тело. Необычная легкость и прохлада, освобождение конечностей, эластичность кровообращения, все это в совокупности () стимулирует чувствительность нервной системы. Поэтому термы великого города оглашались криками и смехом купальщиков, которые, выйдя из воды и подчинившись манипуляциям парикмахеров и парфюмеров, с сладострастной томностью смотрели на блестящие украшения залов вокруг них или с очарованными ушами слушали певцов и музыкантов, и даже поэтов, которые, пользуясь их беспомощностью, читали им свои лучшие сочинения.

УЖИНЫ И БАНКЕТЫ

Баня была подготовкой к *цена* или ужину, который заслуживает того, чтобы быть описанным как национальное учреждение; с самого начала он имел свои предписания и традиции, свои законы и обычаи; он был освящен религиозными обрядами, и вся его система этикета считалась обязательной, как если бы она имела религиозное значение. Под покровительством богов, которым они приносили свои возлияния, друзья собирались вместе для отдыха ума и тела. Если разговор затихал, его оживляли менестрели, которые рассказывали о доблестных деяниях национальных героев; но в лучшие дни республики гости знатных римлян были людьми не только дела, но и слова, людьми, осведомленными обо всех знаниях своего времени, и было больше оснований опасаться, что их беседа перерастет в споры и наставления, чем что она затихнет из-за недостатка тем или интереса.

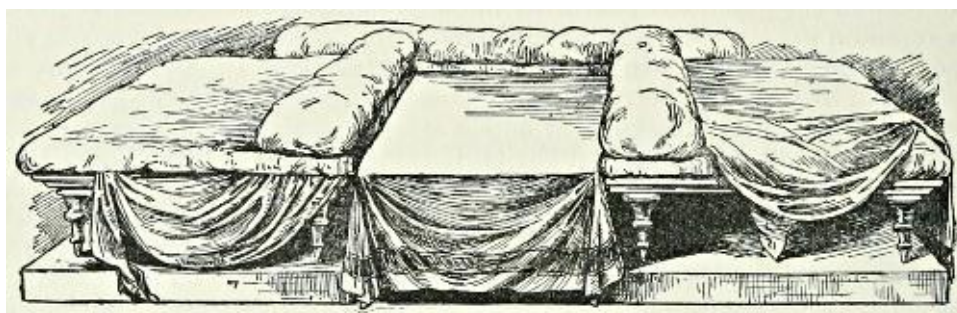
Однако вполне вероятно, что беседы за столом высших классов Рима были особенно лаконичными и эпиграмматичными. До нас дошло много примеров сухого, сентенциозного стиля, который, по-видимому, они культивировали; их замечания о жизни и нравах обычно выражались в торжественных или едких афоризмах, и они осуждали как недостойное и греческое любое излишнее изобилие слов. Изящные и плавные разговоры в диалогах Цицерона были скорее подражанием афинским сочинениям, чем отражением реальной жизни, окружавшей его. «Люди за ужином, — говорил Варрон, сам не менее сентенциозный, чем его соотечественники, — не должны быть ни болтливыми, ни молчаливыми; красноречие — для форума, молчание — для спальни». Другое правило того же мастера

этикета, согласно которому число гостей не должно превышать девяти, числа муз, и не должно быть меньше трех, числа граций, было продиктовано чувством приличия римского банкета, которое теперь постоянно нарушалось любовью к показной роскоши и гордостью богатством.

Роскошь и жажда развлечений приводили к умножению случаев, выходящих за рамки обычных празднеств, в которые самые строгие законы о роскоши позволяли более широкую свободу в расходах на стол. В такие торжественные дни количество гостей не ограничивалось ни законом, ни обычаем; хозяин, или отец, как его называли, ужина должен был отказаться от обычных функций хозяина, и, согласно греческому обычаю, король вина или арбитр питья выбирался из их числа по жребию или за его веселые качества окружавшими его бахканскими товарищами.

Наш более утонченный, но не лишенный мужественности вкус должен с изумлением и даже отвращением смотреть на веселые излишества римлян того периода, такими, какими они сами их нам представили. Их роскошь была грубой и низкой имитацией греческой сладострастности; и, пожалуй, ни за что греки не презирали своих грубых завоевателей больше, чем за явную неудачу их попыток подражать порокам своих лучших соперников.

Римляне соперничали друг с другом скорее в стоимости, чем в изысканности своих банкетов и с нелепой гордостью накапливали на своих столах самые редкие и дорогие яства, чтобы вызвать восхищение своих паразитов, а не удовлетворить свои вкусы. Знаменитая выдумка Клеопатры, растворившей жемчужину в уксусе, могла быть изящной сатирой эlegantной гречанки на безвкусную экстравагантность ее варварского любовника. Антоний, хотя и унизил себя, приняв манеры гладиатора, был человеком благородного происхождения и мог бы привить себе более чистые вкусы за столами людей своего сословия; но установление имперского режима выдвинуло на высокие места в обществе ряд низкорожденных выскочек, сыновей спекулянтов и подрядчиков предыдущего поколения, которые не знали, как с достоинством распоряжаться безграничным богатством, накопленным их отцами.

Римский обеденный стол

(по Де Монфокону)

Август хотел бы сдерживать эти излишества, которые порочили достоинство и сдержанность, которыми он хотел охарактеризовать императорский двор; он прилагал все усилия, давая советы и подавая пример, а также принимая официальные законы, чтобы приучить свой народ к более простым вкусам старых времен, утонченным, но еще не ослабленным влиянием эллинской культуры.^[39] Однако его законы разделили судьбу роскошных постановлений его предшественников и вскоре были забыты. Его пример был, пожалуй, слишком строг, чтобы его могли последовать даже самые усердные из его

придворных. Он ел мало и довольствовался самой простой пищей: его хлеб был второго сорта, в то время как лучший хлеб был гораздо менее качественным, чем наш; и он довольствовался обедом из нескольких мелких рыбок, творога или сыра, инжира и фиников, которые он ел в любое время, когда у него был аппетит, а не во время регулярных и формальных трапез. Однако он заботился о том, чтобы для его соратников был накрыт умеренно сервированный стол, за которым он обычно появлялся сам, хотя часто был последним, кто приходил, и первым, кто уходил.

Обычная обстановка римского ужина состояла из трех низких кушеток, расположенных в форме подковы перед низким столом, за которым слуги могли обслуживать гостей, не мешая им лежать. На каждой кушетке лежали по три человека, что было заимствовано из Греции, где этот обычай существовал веками, хотя и не со времен героев. Египтяне и персы сидели за столом; так же, пока греки не развратили их, поступали и евреи; поэтические традиции Эллады изображали богов сидящими за своими небесными банкетами. Македоняне, по словам, до времени Александра также приняли более обычный обычай; и таким был обычай в Риме до позднего периода. Когда мужчины впервые позволили себе роскошь лежать, они требовали, чтобы мальчики и женщины сохраняли вертикальное положение из соображений деликатности; но во времена Августа такого различия не соблюдалось, и неполноценность слабого пола отмечалась только тем, что их сажали вместе на одну из боковых кушеток, а почетное место всегда занимали в центре.

Расположившись на мягких диванах с подушками, опираясь на левый локоть, с обнаженной шеей и правой рукой и сняв сандалии, римлянин, после изнурительных занятий в палестре и бане, предавал себя всей роскоши лени. Его рабы избавляли его от любых усилий, даже самых незначительных; они резали для него мясо,^[40] наполняли ему чашу, подавали ему каждое блюдо с такими кусочками пищи, которые он мог поднести ко рту только пальцами, и обливали ему руки водой после каждого приема пищи. Гении и ученые могли развлекаться одними только разговорами; те, кому этого было недостаточно, имели в своем распоряжении много других средств развлечения. Перед ними исполняли музыку и танцы; в их присутствии выступали актеры и клоуны; для их развлечения приводили карликов и горбунов; сам Август иногда спасался от этой жалкой пошлости, играя в кости между блюдами; но банальный юмор и практичный юмор, которыми, по-видимому, были приправлены банкеты во многих домах, дают нам более низкое представление о манерах римских джентльменов, чем, пожалуй, любое из этих незначительных развлечений. Однако вульгарность римских гуляк была гораздо менее шокирующей, чем их непристойность, и, пожалуй, ничто так не способствовало разрушению чувства достоинства и самоуважения, последней защиты языческой добродетели, как легкость в общении, порожденная их поведением за столом.

Некоторые люди, без сомнения, обладавшие особой уверенностью и самонадеянностью, осмеливались нарушать сладострастную томность за ужином, повторяя свои собственные сочинения перед пленными гостями. Но в большинстве своем последние остатки угасающей свободы восставали против этого невыносимого угнетения. Римляне компенсировали неприкосновенность своих застольных часов, уступая неизбежному врагу значительную часть дня. Они смирились с задачей слушать как часть утренних дел.⁴

Банкеты более претенциозного характера играли очень важную роль в жизни римлян всех сословий. Юбилеи, религиозные праздники, необходимость для членов одного колледжа обсуждать общие дела или просто желание провести жизнь более приятно привели к их неограниченному умножению в период империи. Особенно известные люди искали в них удовольствие от свободного общения с друзьями. Во время бесконечных и капризных бесед не забывали и о политике. То, что говорилось после ужина, когда

праздничное настроение одухотворяло гостей и развязывало им языки, не всегда было благоприятно для императорского правительства. Именно во время одного из таких застолий претор Антистий прочитал оскорбительные стихи о Нероне, что привело к его изгнанию. Однако, как только что было сказано, банкетный зал обычно не был местом, выбранным для чтения стихов или других сочинений. Более свободные возможности для этого и для публичного распространения серьезных идей в целом находились в так называемых «кругах».

КРУЖКИ

Не так легко понять, что имелось в виду под кружками. Чтобы составить о них точное представление, необходимо учитывать обычаи древних народов. В тех прекрасных климатических условиях люди не сидели весь день взаперти дома; напротив, день обычно проводился на улице. Жители Рима, когда не были в театре или на цирке, гуляли по городу, любуясь бесконечными достопримечательностями, которые Вечный город предлагал любопытным людям всех наций. Они бродили по улицам, останавливались на площадях, садились, когда уставали, на скамейки и *экседры*, которыми были оборудованы общественные места. Эти группы бездельников, собиравшиеся вместе, чтобы посмотреть на что-нибудь или поговорить, назывались *circuli*. Они собирались особенно на Марсовом поле и на Форуме, вокруг шарлатанов, продававших свои лекарства, у цирковых артистов с их редкими или дрессированными животными и у тех, кто демонстрировал свою силу. Иногда несчастный поэт, огорченный отсутствием читателей, пользовался этими группами, чтобы рискнуть прочесть свои стихи собравшимся. Очень часто они собирались только для того, чтобы послушать тех, кто выдавал себя за важных персон и утверждал, что хорошо осведомлен. Таких в Риме было очень много, и в кризисные моменты, в те мгновения тревоги и ожидания, когда люди жаждут услышать то, что боятся узнать, они приобретали большой авторитет. Выслушав их, каждый высказывал свое мнение. Генералам выносились суровые осуждения или похвалы, составлялись планы военных кампаний и обсуждались мирные договоры. К концу республики и в начале империи эти уличные политики собирались у подножия трибуны, предназначенной для выступлений, что принесло им название *subrostrani*. Оттуда распространялись мрачные слухи, которые тревожили Рим. Говорили, что парфяне вторглись в Армению, что германцы перешли Рейн, и толпа, слушавшая эти зловещие новости, не всегда щадила императора и его министров, которые не принимали достаточно решительных мер для защиты границ. В результате император принял меры, чтобы за этими смелыми ораторами следили. Он послал переодетых солдат, которые смешивались с этими группами и докладывали своим начальникам о том, что они слышали.

Эти открытые дискуссии, которые могли слышать шпионы принца, были, таким образом, не без опасности. Те, кто не хотел рисковать своей репутацией, старались ничего не говорить; они высказывались только в компании, в которой считали себя в безопасности. Кроме того, возможностей для высказывания не было недостатка. Я не сомневаюсь, что в Риме в то время существовало нечто похожее на то, что сегодня называется обществом, то есть собрания людей, обычно незнакомых друг с другом, разного происхождения и состояния, у которых нет дел для обсуждения, нет общих интересов для обсуждения, и которые, собираясь вместе, ищут только удовольствия от общения. То, что для нас является

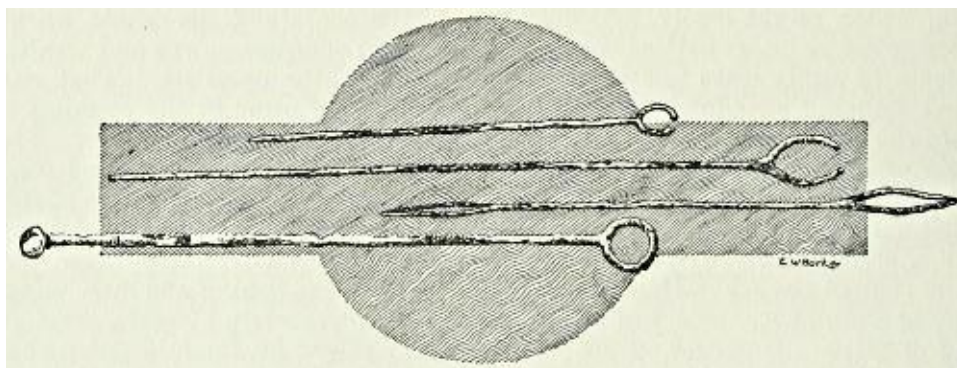
особенной характеристикой общества, а именно то, что женщины свободно общаются с мужчинами, часто встречалось и в Риме. Женщинам не запрещалось появляться на банкетах, даже когда приглашались посторонние люди, и Корнелий Непос рассказывает нам, что никто не удивлялся, видя римлянина, берущего с собой жену, когда он шел обедать вне дома, что сильно шокировало бы греков. Таким образом, трапезы уже были общественными собраниями, но можно с уверенностью утверждать, что было много других, хотя рассказы о них до нас не дошли. Я даже полагаю, что уже в первом веке привычка жить вместе иногда приводила к появлению между полами некой галантности, до того неизвестной в древнем обществе и в некоторых моментах напоминавшей обычаи нашего семнадцатого века. Вот , портрет, который Марциал рисует о денди своего времени: «Денди — это человек с аккуратно зачесанными волосами, который дышит духами, напевает сквозь зубы песни из Испании и Египта и умеет отбивать такт своими безволосыми руками; он не покидает кресел дам в течение всего дня, всегда имеет что-то шепнуть им на ухо, знает все скандалы Рима, расскажет вам имя женщины, в которую влюблен такой-то, чье общество часто посещает другой человек, и знает наизусть генеалогию лошади Хирпинуса». Мне кажется, этот денди не сильно отличается от маркиза Мольера и, как и тот, имеет привычку «не покидать кресел дам». В Риме были люди, чья усердность принесла им большие успехи; Тацит рассказывает нам о консуле, умном человеке и страшном шутнике, который обязан был своим политическим положением влиянию женщин.

Когда мужчины находятся вместе, они обсуждают и рассуждают; в присутствии дам они вынуждены беседовать. Сенека прекрасно описал эти светские беседы, где все обсуждалось и ничто не обсуждалось до конца, и где одна тема сменяла другую с такой легкостью. За несколько часов беседа этих умных людей уходила далеко от исходной точки. Они, несомненно, много говорили о себе и о других людях. Привычка жить вместе поощряла интерес к изучению друг друга, и страсти и черты характера каждого становились хорошо известными. В этом огромном городе, который, как говорит Лукан, мог бы легко вместить весь мир, где ежедневно велись ожесточенные сражения за власть и богатство, этим мирским моралистам не хватало тем для изучения. Они собирали забавные анекдоты о известных людях и вечером приходили, чтобы рассказать их своим друзьям. Литература также была увлекательной темой. Все римское общество любило и культивировало ее. Как правило, римляне были ораторами по профессии, а поэтами — просто для развлечения. В те дни процветала небольшая поэзия, которая не дожила до наших времен; она не заслуживала того, чтобы жить, поскольку была написана лишь для того, чтобы очаровать эlegantное общество тех дней. Как и во времена аббата Делиля, игры в кости или шахматы, рыбалка и плавание, танцы и музыка, искусство заказывать ужин или принимать гостей — все это воспевалось в стихах. Однако, каким бы приятным ни было это стихосложение, оно не всегда могло очаровывать, и для оживления беседы постоянно приходилось придумывать новые темы. Так, когда литература и скандалы были полностью исчерпаны, естественным образом на смену им приходила политика.

Вполне возможно, что эти умные люди, которые прежде всего не хотели выглядеть глупцами и не воспринимали всерьез все комедии « », которые разыгрывались в сенате, позволяли себе много насмешек. Сдержанные и проницательные наблюдатели, мало склонные к какому-либо энтузиазму, они, должно быть, улыбались чрезмерной лестью, которой был переполнен принц, а обожествление мертвого или живого императора, должно быть, оставляло их совершенно равнодушными. Общество в целом склонно к иронии; умение приятно подколоть соседа, несомненно, является очень ценным качеством, и, вероятно, оно ценилось еще больше, когда этим соседом был император. Это, должно быть, была опасная игра, и насмешки, направленные на столь высокую цель, могли дорого обойтись, но опасность не была достаточной причиной, чтобы прекратить шутку, когда она

была остроумной и ценилась. «Я не могу сожалеть, — говорил Сенека, — о тех людях, которые предпочитают потерять голову, чем остроумную фразу». В этом очаровательном, но легкомысленном обществе никто не упустил бы возможности произнести остроумную фразу, даже рискуя потерять голову. Все должны были компенсировать себе сдержанность, которую они проявляли в сенате, где они были вынуждены улыбаться и вторить похвалам, которыми друзья осыпали принца. Они всегда уходили недовольными собой и другими, с сердцами, полными ярости, которая должна была найти выход. Они свободно выражали свои мысли, как только были уверены, что находятся среди друзей, которым могут доверять. На этих тайных встречах они прежде всего любили обмениваться новостями, «о которых нельзя было говорить или слушать без опасности».

Рим был тогда переполнен носителями новостей, которых избавили газеты и телеграф. Мы только что встретили некоторых из них в клубах; в светских собраниях их было еще больше. Они знали все, о чем говорили в армии и в провинциях, и давали самую точную информацию о том, что происходило. Когда умирал какой-нибудь важный человек, они рассказывали все обстоятельства его смерти, без колебаний говорили, кто держал кинжал или подлил яд. Такого количества злых слухов в Риме не было с тех пор, как народу было отказано в праве свободного слова. Власти, пытаясь найти тех, кто распространял слухи, только придавали им больше доверия, чем они заслуживали. Кроме того, по своей природе трудно поверить в то, что говорят открыто, и без вопросов принять то, что шепчут на ухо. Таким образом, все меры, принятые правительством, обернулись против него самого. Все стало известно, всему верили, для всего находили причины, и самые естественные причины не были теми, в которые верили с большей готовностью; чтобы тебя слушали, нужно было придумывать странные и невероятные объяснения для всего.

Римские иглы для плетения

(В Британском музее)

Эта оппозиция принимала разные формы и менялась в зависимости от обстоятельств. Иногда она была очень заметна, иногда скрывалась в тени, но смелая или робкая, видимая или скрытая, она никогда не угасала, и именно эта гибкость и упорство составляли ее силу. Иногда она осмеливалась раскрыться всем через памфлеты; например, через сатирические завещания, которые было модно придумывать для важных персон, в которых умершие говорили точно то, что они думали о живых. Иногда она принимала форму злобных стихов, которые шептали друг другу, и, пройдя через все слои этого недовольного населения, в конце концов были написаны неизвестной рукой на стенах Форума. «Тибериус презирает вино, — говорили они, — теперь, когда он жаждет крови; сегодня он пьет кровь, как раньше пил вино». Если такая дерзость казалась слишком рискованной, они прибегали к злобным намекам, которые легко улавливались бдительными умами. Когда эти намеки преследовались и наказывались, друзья обменивались несколькими украдкой словами на

встрече в « ». Если говорить становилось невозможно, в молчании народа была красноречивость, которая показывала, о чем он думает, и находились способы сделать даже молчание мятежным.

ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ

Публичные лекции или чтения стали модными примерно в середине правления Августа — их ввел Поллион. Они быстро достигли успеха, что неудивительно, учитывая занятия и вкусы людей того периода. Литература была очень популярна, и, если верить Горацию, почти каждый верил в свои способности писателя. Никто не считал нормальным хранить свои произведения для себя, как будто не давать их прочесть публике было грехом. К сожалению, в древности книги не могли так легко распространяться, как сегодня. Произведения известных писателей распространялись достаточно быстро и далеко, но другие рисковали остаться в неизвестности. Таким образом, чтобы избежать этой печальной судьбы и каким-то образом заявить о себе, авторы придумали читать свои произведения публично, тем самым спасая их от угрожавшей им гибели. Если эти авторы были бедны, они шли туда, где собирались толпы людей, на форум, под портики, в общественные бани; они даже останавливали прохожих и читали им свои стихи, рискуя быть освиистанными или разорванными на куски, если люди не были в настроении их слушать. Если они были богаты, то приглашали своих клиентов и друзей на ужин, хорошо их угощали и, пользуясь их благодарностью, заставляли их слушать и восхищаться ими. Гораций рассказывает нам забавную историю об ужасном кредиторе, который в день расплаты собрал своих неплатежеспособных жертв, чтобы прочитать им свои очень скучные произведения; они должны были прийти или заплатить. Чтобы добиться снисхождения, несчастные гости должны были склонить головы как покорные жертвы и аплодировать.

Поллион не был настолько беден, чтобы прибегать к публичным местам, и не настолько глуп, чтобы довольствоваться купленной похвалой. Он особенно хотел, чтобы его трагедии и рассказы стали известны. Этот тщеславный человек, который помог Цезарю и Октавию занять первое место, не был доволен вторым и надеялся получить в литературе то значение и место, которых он не смог добиться в политике. Это натолкнуло его на мысль выбрать комнату в доме, обустроить ее как театр, то есть с оркестром и галереями, и приглашать по билетам людей, которых он знал или хотел познакомиться, чтобы они приходили слушать чтение его произведений. Вскоре другие последовали его примеру, и вскоре в Риме стало модно в апреле и августе не заниматься ничем другим, кроме как собираться в этих лекционных залах.

Легко представить себе, какие чувства вызывали у гостей эти литературные фестивали. Слушатели и лекторы, как правило, принадлежали к высшему обществу и разделяли все ненависти и предрассудки высшего класса. Как можно предположить, на этих публичных лекциях процветала оппозиция. Именно здесь можно было высказываться, когда речь не была запрещена; именно здесь Титиний Капито после смерти Домициана зачитал историю своих жертв. Приходить и слушать было долгом. «Казалось, — говорит Плиний, — что мы слушаем меланхоличные похвалы жертвам, которым не были оказаны почести при погребении». При жестоких правителях осторожность была естественно необходима, но тем не менее был найден способ высказаться. В самые мрачные времена правления Нерона поэт Куриаций Матерн осмелился прочитать стихотворение, полное неприятных намеков на императора. Он продолжил свою маленькую войну эпиграмм при Веспасиане. «Однажды он читал о Катоне и забыл о себе, — говорит Тацит, — думая только о своем герое». Аплодисменты не заставили себя ждать после смелых тирад поэта; на следующий день весь Рим говорил о его дерзости и опасностях, которым она подвергала его.

Трагедии Куриация Матерна утрачены, но трагедии Сенеки сохранились и дают нам представление о том, что было позволено говорить в лекционных залах. Эти произведения второстепенны и могут быть очень строго оценены, если рассматривать их как пьесы для театра или сравнивать с произведениями Софокла и Еврипида. Однако следует помнить, что они были написаны не для сцены, а для публичного чтения. Это трагедии для салонов, поэтому их не следует рассматривать как трагедии для театра. Такой порядок пьес может показаться недостойным или ложным; его можно строго осудить; тем не менее, это особый порядок, который не подчиняется правилам, регулирующим другие; кроме того, имея другую публику, он должен иметь определенные недостатки, чтобы ей понравиться. Сенека, стремившийся к успеху, охотно подчинился этим условиям. Его целью было потакать вкусам своей аудитории, и он знал, что может заинтересовать ее, только говоря о ее времени и ее друзьях; он делал это открыто и без колебаний; по тому, как он выражался, можно было сказать, что он хотел, чтобы они сами увидели, что настоящее интересует его больше, чем прошлое, что он всегда думал о Риме, даже когда говорил об Аргосе или Фивах. Вот почему в его произведениях так часто встречаются политические аллюзии.^e

БИБЛИОТЕКИ И ИЗДАНИЕ КНИГ

Однако не следует полагать, что автор в Риме полагался исключительно на устную речь для распространения своих идей. Ничто не может быть дальше от истины. Издание книг, как и их написание, было признанной формой бизнеса, которая, по-видимому, процветала.

Несмотря на полную утрату всех книг, изданных в Риме в ранний период, мы располагаем достаточно полной информацией о создании и использовании книг в более поздний период республики и на протяжении всего имперского периода.

Частная библиотека, обнаруженная в Геркулануме, дает совершенно ясное представление о том, как хранились книги в обычном доме. Эта библиотека содержала 1700 книг. Однако комната была настолько маленькой, что до всех полок можно было дотянуться из ее центра. Сами книги, представлявшие собой свитки, хранились в круглых ящиках, называемых *capsae*, и у нас есть дополнительные свидетельства в виде различных статуй и картин, а также письменных описаний, подтверждающих, что это был обычный способ хранения рукописей.

Книги этого периода всегда были в виде свитков, никогда не складывались по современному методу. Это относится не только к папирусным книгам, но и к пергаментным. Обычно полоска папируса или пергамента вставлялась одним концом в прорезь в тростнике или кане, вокруг которой рукопись сворачивалась по мере написания. Обычно после завершения книги на другом конце добавлялась соответствующая кане, чтобы книгу можно было сворачивать в любую сторону, что значительно облегчало чтение. Предположительно, книга, обычно готовую к использованию, сворачивалась на нижней тростниковой палке, так что любой, кто ее разворачивал, сразу же начинал с первой колонки, поскольку колонки были расположены поперечно. К рукописи обычно прикреплялась бирка или этикетка, и эти бирки изображены на фресках на стенах Помпеи, выступающими из ящиков, в которых хранятся книги. Длина полоски папируса или пергамента варьировалась неограниченно, но, по-видимому, было обычным делом записывать всю книгу любого произведения на одной полоске. Относительно короткие книги, на которые были разделены большинство классических произведений, облегчали этот метод; или, возможно, стало обычным делом делить произведения на небольшие книги для удобства писца, а не из-за какой-либо логичности самого метода.

Похоже, что в позднеримскую эпоху было модно иметь библиотеку в каждом обычном доме, и некоторые из этих библиотек достигали весьма внушительных размеров. Так,

говорят, что грамматик Эпафродит имел библиотеку из тридцати тысяч томов, а Самманик Серен — из шестидесяти двух тысяч томов. Тот факт, что Август конфисковал две тысячи экземпляров псевдосивиллических оракулов, свидетельствует о широком распространении привычки читать или, по крайней мере, покупать книги. Несомненно, это различие между покупкой и чтением книг следует четко проводить в случае с римлянами, как и в других случаях. Тем не менее, не следует делать слишком поспешных выводов из насмешек Сенеки и Цицерона, которые так часто цитируются как намек на то, что римляне покупали книги скорее для украшения, чем для их содержания. Несомненно, этот упрек был справедлив тогда, как и сейчас, в отношении большого числа покупателей; тем не менее, изготовление и продажа книг всегда подразумевают наличие интереса к книгам, и такая мода никогда бы не вошла в моду, если бы очень большое число людей не было на самом деле читателями книг. На самом деле, книжный бизнес в Риме достиг почти невероятных масштабов. Книжные магазины были многочисленны в наиболее посещаемых частях города и, насколько можно судить, торговля процветала вполне по-современному. Внутри магазина свитки были разложены на полках для осмотра потенциальными покупателями, а снаружи на столбах были вывешены названия представленных авторов.

Естественно, что в то время, когда частные библиотеки были в моде, существовало также множество публичных библиотек. По словам Публия Виктора, в Риме было не менее двадцати девяти таких публичных библиотек. Асиний Поллий, друг Цезаря и известный покровитель литературы своего времени, умерший в 6 году до н. э., считается основателем первой публичной библиотеки, хотя существует предание, что Ориэл Поллий, завоеватель Македонии, привез с собой в Рим большую коллекцию книг в 168 году до н. э. Как бы то ни было, в тот ранний период в Риме, вероятно, не было особого интереса к чтению, и только во времена Августа публичные библиотеки начали приобретать реальное значение.

Сам Август, воплощая в жизнь замысел Юлия Цезаря, основал две публичные библиотеки, одну под названием Октавиан, а другую — Палатин. С тех пор создание публичных библиотек стало модным среди императоров, и Тиберий, Веспасиан, Домициан и Траян поочередно увеличивали их число, причем самой известной коллекцией из всех была библиотека Ульпиана Траяна. До нас не дошли данные о точном размере этих библиотек, но внушительные размеры некоторых частных коллекций позволяют с уверенностью предположить, что по крайней мере некоторые из этих публичных библиотек должны были содержать сотни тысяч книг, поскольку вряд ли можно предположить, что частной библиотеке было бы позволено превосходить императорские коллекции.

Когда задумываешься об этом распространении книг, возникает вполне естественный вопрос о том, как они производились, и ответ на него ярко освещает социальные условия в Риме. Огромный объем производства книг, почти соперничающий с производством современной прессы, был возможен исключительно благодаря большому количеству рабов в Риме. Изготовление книг было профессией, но, по-видимому, ею занимались почти исключительно рабы, известные как *librarii*. Эти образованные рабы были обычно греками, и крупное издательство, которых в Риме было несколько, держало большое количество таких рабов для изготовления материалов для книг и для переписывания самих книг.

Известно, что стенография широко практиковалась в Риме, и предполагается, что очень большое количество современных книг было написано этим сокращенным почерком. Однако это предположение вызывает большие сомнения, поскольку вряд ли можно предположить, что широкая публика утруждала себя изучением тироновской системы, под этим названием была известна стенографическая письменность; Тирон, секретарь Цицерона, обычно, хотя и несомненно ошибочно, считается ее изобретателем. Что касается последнего пункта, то в произведениях греческих классиков есть различные упоминания о

практике стенографии в древности. Говорят даже, что Ксенофонт записывал лекции Сократа таким образом, и независимо от того, верно ли это утверждение, само существование этого слуха является свидетельством распространенности этого обычая с давних времен. Весьма вероятно, что Тиرون разработал модифицированную и значительно усовершенствованную систему стенографического письма, и, несомненно, она стала популярной, поскольку были написаны словари, интерпретирующие тироновское письмо с точки зрения обычного латинского языка. Но, как уже было сказано, все это не делает вероятным, что средний читатель понимал это письмо, и гораздо более вероятно, что популярные авторы были представлены обычным письмом, однако с многочисленными сокращениями. Считается, что самыми популярными писателями в императорском Риме были Овидий, Проперций и Марциал среди сатириков; Гомер, Вергилий и Гораций среди поэтов; и Цицерон, Ливий и Плиний среди прозаиков. Утверждается, что произведения большинства из них были в каждой частной коллекции. Из всего этого огромного запаса литературных сокровищ не сохранилось ни одной строки в оригинальном рукописном виде, за исключением нескольких свитков из библиотеки в Геркулануме, и большинство из них обуглены и повреждены до неузнаваемости.

Благодаря использованию рабского труда, римский издатель, по-видимому, мог не только выпускать книги большими тиражами, но и продавать их по очень разумной цене. Согласно заявлению самого Марциала, очень хороший экземпляр первой книги его эпиграмм можно было купить за пять денариев. Вероятно, речь идет о самом дешевом издании, скорее всего, папирусном свитке, хотя точных данных о соотношении стоимости папируса и пергамента нет. Естественно, существовали и более дорогие издания для тех, кто мог себе их позволить. Например, было принято окрашивать заднюю часть пергаментного свитка в пурпурный цвет; позднее иногда окрашивали в тот же цвет и саму надпись, и этот обычай, возможно, был распространен еще в римскую эпоху. Некоторые книги иллюстрировались картинками, как следует из замечания Плиния, но эта практика, несомненно, была очень редкой. Однако, возможно, не было ничего необычного в том, чтобы украшать или выделять части рукописи с помощью красных чернил, поскольку чернильницы, изображенные на картинах Помпеи, часто показаны двойными, и, по-видимому, это делалось для того, чтобы облегчить использование чернил двух цветов.

Перо, которое использовали римские писцы, было сделано из тростника и называлось *каламус*. Оно было заострено и расколото, не отличаясь от современного перьевого пера. Много раз поднимался вопрос о том, не использовали ли римляне перьевое перо. Некоторые картины, похоже, указывают на то, что перьевое перо использовали не только римляне, но и египтяне. Однако для такого предположения, по-видимому, нет достаточных оснований, и первое конкретное упоминание о перьевой ручке встречается в сочинениях Исидора, умершего в 636 году нашей эры. Это доказывает, что использование перьев началось не позднее VII века, но крайне сомнительно, что римляне использовали их, хотя перо кажется настолько очевидной заменой тростнику, что его неиспользование вызывает удивление. Однако история всех простых изобретений показывает, насколько ошибочным было бы любое утверждение, основанное на этом очевидном выводе. Кстати, можно отметить, что тростниковая ручка удерживала свои позиции по сравнению с перьями в течение нескольких столетий после изобретения последних. Даже в позднем средневековье тростник по-прежнему использовался для определенных видов письма, предпочитая перья, и, без сомнения, определенное количество людей на протяжении поколений продолжало предпочитать тростник, так же как и сейчас есть люди, которые предпочитают перьевую ручку стальным ручкам, усовершенствованным в 1830 году. Сегодня на каждом столе в читальном зале Британского музея лежат как перьевые, так и стальные перья, и значительная часть читателей, по-видимому, предпочитает первые.

Нельзя оставить тему римских книг, не упомянув хотя бы вскользь о планшетах, которые были в общем употреблении. Вероятно, они не использовались для написания книг, предназначенных для продажи, но вполне вероятно, что многие авторы использовали их для создания первых набросков своих книг. Так называемая восковая табличка на самом деле была сделана из дерева, по форме напоминала современную детскую доску, а воск для письма наносился на часть, соответствующую самой доске. Эти таблички обычно связывались по две или по три, и для письма использовалась только внутренняя поверхность, а внешняя поверхность резервировалась для названия в случае деловых документов или для адреса, когда табличка использовалась в качестве письма. При использовании в качестве деловых записей или в переписке таблички связывались веревкой, на которую накладывалась печать. Для римского гражданина было вполне нормальным носить с собой табличку для записей. Для письма использовалась заостренная металлическая игла, известная как *стилус*. По своим пропорциям она напоминала кинжал и иногда использовалась в качестве оружия. Говорят, что однажды Цезарь в приступе гнева пронзил стилусом руку Кассия прямо в сенате. Другой конец стилуса был загнут или сплюснен и использовался для стирания надписей на табличке с целью исправления или подготовки поверхности для новой надписи.⁴

Переходя от практических аспектов литературы к еще более важной сфере повседневной жизни, давайте посмотрим на

ЦЕРЕМОНИИ РИМСКОГО БРАКА

Торжественный ритуал бракосочетания основывался на девственности невесты, поэтому в сокращенном виде проводился, когда вдова выходила замуж во второй раз, что даже в более поздние времена считалось чем-то шокирующим, а в древности было редким явлением.

Особое внимание уделялось выбору дня свадьбы, поскольку некоторые времена года с религиозной точки зрения были неподходящими для проведения свадебной церемонии, в частности, весь май и первая половина июня. В мае отмечались Лемурии и жертвоприношение Аргеев, а в начале июня наступали *dies religiosi*, посвященные святости Весты, которые заканчивались 15 июня очищением храма Весты. Другими днями, которых следовало избегать, были *dies parentales* (с 13 по 21 февраля), первая половина марта, три дня, когда открывался подземный мир (*mundus patet* 24 августа, 5 октября и 8 ноября), все *dies religiosi*, календы, ноны и иды. Но торжественные браки не проводились в праздничные дни (), главным образом потому, что в древние времена участники брака были заняты празднованием. Вдовы, с другой стороны, не исключали такие дни из своего выбора.

Все, что нам известно об украшениях невесты, снова касается девственниц. За день до свадьбы девушка снимала свою девичью одежду (*toga prætecta*) и приносила ее в жертву богам вместе со своими игрушками, а первоначально, возможно, и ларам дома своего отца. Как и было принято для юноши перед тем, как надеть *тогу*, перед сном ей надевали (*ominis causa*) новую одежду, подходящую для ее нового положения, — *тунику recta* или *regilla*, а на голову надевали красную сетку для волос. Само свадебное платье представляло собой *tunica recta*, то есть одежду, сотканную по древнему обычаю из вертикальных, а не горизонтальных нитей, скрепленную шерстяным поясом (*cingulum*), который завязывался узлом *nodus herculeus*; вместо сетки для волос ей давали красный платок (*flammeum*), которым она покрывала голову (*nubit, obnubit*); его красный цвет отличал его только от тех шарфов, которые носили все женщины, когда выходили на улицу. Ее волосы были уложены в *sex crines*, то есть косы или локоны, скрепленные не гребнем, а загнутой на конце заколкой

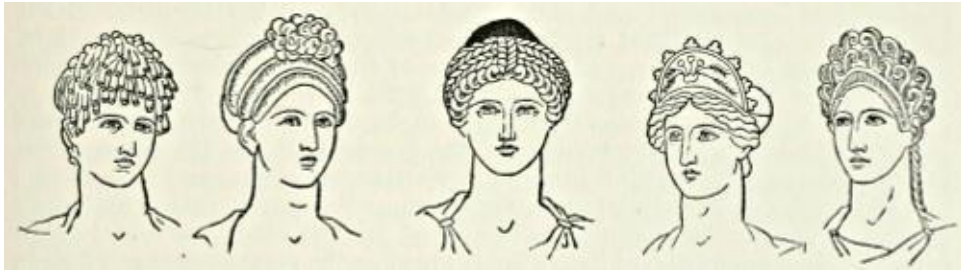
(*hasta cælibaris*) и разделенные лентами. Под платком на голове она носила венок из цветов, собранных ею самой, а в более поздний период жених также носил венок.

Церемония бракосочетания состоит из трех частей: передача невесты, ее переезд в новый дом и прием в доме мужа; что касается расположения отдельных обычаев, относящихся к этим трем актам, то мы в некоторой степени вынуждены полагаться на догадки.

Торжественное заключение брака начиналось с *auspicia*, которые обычно *проводились* в тишине раннего утра, так же как и при *sponsalia*, когда перед восходом солнца пытались узнать волю богов по предзнаменованиям. В древнейшие времена наблюдали за полетом птиц, но позже в частной жизни (как и в общественной) этот вид гадания был заменен более простым способом — изучением внутренностей *гадальщиком*. Но жертвоприношение, совершаемое с целью проконсультироваться с богами, исполнители которого также назывались *auspices*, не следует путать с главным жертвоприношением, поскольку оно происходило до передачи невесты. Жертвенным животным, вероятно, была овца, шкура которой впоследствии использовалась для *confarreatio*.

Когда гости собрались, *auspices* входили, чтобы объявить результат своего исследования. Только после этого брачный договор считался заключенным, и даже в более поздние времена в присутствии десяти свидетелей, которые обычно присутствовали на древнем *confarreatio*; затем невеста и жених заявляли о своем согласии на брак, а в случае *confarreatio* невеста заявляла о своем желании войти в *manus* и тем самым в семью своего мужа, изначально объявляя также о своей готовности сменить свое имя на имя мужа по формуле *quando tu Caius ego Caia*. После этого заявления новобрачные соединяются замужней женщиной (*pronuba*) и берут друг друга за руки (*dextras jungunt*), после чего на *confarreatio*, в соответствии с древнейшим римским жертвенным обычаем, приносится бескровная жертва, состоящая из фруктов и *panis farreus*. Оно было посвящено Юпитеру и, вероятно, проводилось присутствующим *фламеном Диалисом*; он произносил молитвы, в которых призывались боги брака, особенно Юнона, и сельские божества Теллус, Пикумнус и Пилумнус. Во время жертвоприношения молодожены сидели на двух соединенных между собой стульях, над которыми была натянута шкура убитой овцы; во время молитвы они обходили алтарь от правой стороны () к левой; *камиллус* оказывал свои услуги, неся *кумерум*, в котором находились *мола сальса* и другие предметы, необходимые для жертвоприношения.

Было ли на *конфарерацио* помимо жертвоприношения зерна также жертвоприношение животных, мы не знаем; Ульпиан, по-видимому, предполагает, что было. В более поздние времена жертвоприношение зерна вышло из употребления, но в остальном старый ритуал сохранялся, насколько это было возможно, так что, например, всегда произносилась молитва, если не священником, то *ауспексом нуптиарумом*, обращенная к другим богам. Также в более поздние времена празднование брака сосредоточивалось вокруг жертвоприношения тельца или даже свиньи, и молодожены сами приносили эту жертву, не всегда в доме, а иногда перед общественным храмом. Об этом свидетельствуют не только явные свидетели, но и изображения, на которых частично нарисован храм, а частично — процесс жертвоприношения, что не имело бы смысла, если бы жертвоприношение происходило в доме. Таким образом, жертвоприношение животных могло проводиться в доме, как и в храме, только при определенных условиях, в то время как на жертвенных алтарях, воздвигнутых специально для частных жертвоприношений перед храмами, оно было довольно распространенным явлением. После того как свидетели выразили свои поздравления (*feliciter*) одобрительным криком, за жертвоприношением следовала *сена*, которая, как и все предыдущие части торжества, обычно проводилась в доме отца невесты.

Головные уборы

Когда гости поднимались с места с наступлением ночи, начиналась *deductio*. Невесту брали из рук матери и торжественной процессией вели в новый дом, в которой участвовали не только гости, но и заинтересованная публика. Впереди шли флейтисты и факелоносцы, процессия пела фесценнинскую песню и повторяла крик «*талассе*»; мальчики просили жениха разбросать грецкие орехи, поскольку он теперь прощается с детскими играми. Невесту сопровождали три *pueri patrimii et matrimi*, один из них нес факел впереди, два других вели невесту; за ней несли прялку и веретено. Факел жениха, в отличие от других, сделан не из тонкой смолы, а из белого терна (*Spina alba*), который является священным для Цереры и оберегом от колдовства; его захватывают гости и уносят силой. Когда процессия достигает нового дома, невеста помазывает дверные косяки жиром или маслом и обвязывает их шерстяными лентами; затем ее переносят через порог дома и принимают в атриуме ее муж, чтобы она стала частью общего владения огнем и водой; то есть она становится участницей домашней жизни и служения богам. В атриуме, ее будущей гостиной, напротив двери, *пронуба* готовит *lectus genialis*; здесь она молится богам нового дома о счастливом браке. На следующий день после свадьбы она принимает родственников на празднике *repotia* как матрона и приносит свою первую жертву богам дома.⁴

СТАТУС ЖЕНЩИН

Восстановление храмов Юноны Августом и его супругой свидетельствовало об интересе нового правительства к институту брака. Ни история, ни литература Рима не могут быть поняты без четкого представления об этой сфере его социальной экономики. Все народы согласились наделять брак религиозным санкционированием, но религия и политика были тесно связаны во всех сферах общественной жизни римлян, и ни в одной из них это не было так очевидно, как в этой. Брак рассматривался как институт, освященный национальными божествами для продолжения рода римлян, особо любимого богами. Его целью было не умерить страсти и очистить желания человека, а пополнить курии и центурии, поддерживать работу национальных храмов, набирать легионеров и создавать римские гарнизоны на завоеванных землях. Поэтому брак Гая и Каии, римлянина и римлянки, был, с точки зрения их священников и законодателей, гораздо более высоким и священным делом, чем союз римлянина с иностранкой, иностранцев с иностранцами или рабов с рабами. Даже законный союз полов среди граждан регулировался по нисходящей шкале конфареации, коэмпции и простого сожительства; и только потомки первых имели право на высшие религиозные должности, такие как фламен Юпитера и, по-видимому, весталки, от которых, как считалось, в наибольшей степени зависела безопасность государства.

Эти строгие правила были введены в первую очередь из-за серьезной политической необходимости, но рост могущества Рима, увеличение его ресурсов, умножение союзников, клиентов и зависимых государств давно ослабили его бдительность в поддержании

чистоты происхождения своих детей. Диктат природы, подкрепленный наблюдением за иностранными примерами, давно восстал в этом вопросе против тиранических предписаний варварской древности. После завоеваний республикой восточных территорий стало невозможно поддерживать расу в состоянии социальной изоляции. В своих зимних квартирах в Афинах, Самосе или Эфесе грубый земледелец из Альбы или Вольских холмов был ослеплен очарованием женщин, чьи достижения фатально затмевали домашние добродетели латинских и сабинских матрон. Установить законные связи с этими иностранными очаровательницами ему запрещали суровые законы Сервия или Нумы; в то же время его представления были настолько ограничены и упрощены плохими законами, что он и не мечтал о том, чтобы с помощью образования поднять своих соотечественниц до уровня их превосходных достоинств. Строго внушая своей жене и дочерям, что петь и танцевать, изучать языки, развивать вкус и понимание — это дело наемных куртизанок, он сам обращался к куртизанке, чтобы найти утешение в свои свободные часы. Гетеры Греции были изгнаны в сладострастные дворы Азии из-за обнищания и, возможно, упадка изысканности их родных артистов. Теперь их приглашали в великую западную столицу богатства и роскоши, где они делили с более низкими существами восхищение римской знати и, возможно, придавали оттенок чувственности и утонченности их самым чувственным пирам. Неестественные ограничения закона служили приличным оправданием для такого рода союзов, которые часто приводили к взаимному уважению и были освящены, по крайней мере, в глазах общественного мнения.

Однако такие счастливые случаи были, в лучшем случае, лишь исключением. В большинстве случаев греческая любовница проконсула или императора, объект мимолетного желания, стремилась компенсировать себе фактическое презрение и ожидаемое измену продажной алчностью. Влияние этих соблазнительных интриганок-отравляло источники правосудия в провинциальных судах. В более ранний период жестокий генерал мог приказать обезглавить преступника за своим обеденным столом, чтобы продемонстрировать своей любовнице зрелище смерти; позднее роскошный губернатор провинции позволял своей освобожденной рабыне вести переговоры со своими подданными о цене их прав и привилегий или носил ее с собой по Италии. Безумные тирады Цицерона против развратного поведения Верреса и Антония в этом отношении были бесплодной и, надо признать, пустой попыткой сыграть на исчезнувшем религиозном чувстве.

Результаты этой порочной распущенности были более развращающими, чем сам порок. Неженатый римлянин, сожительствующий с освобожденной рабыней или рабыней, становился отцом бастардов, которым были закрыты ворота города. Его гордость была уязвлена в самой чувствительной части; его лояльность к республике была пошатнута. Он предпочитал бросить несчастных отпрысков своих любовных утех, чем воспитывать их как укор себе и видеть, как они опускаются ниже того ранга, в котором родился их отец.

В отсутствие каких-либо истинных религиозных чувств наличие детей было самым верным залогом общественной морали граждан. Отказ от брака, который стало модно признавать и которым можно было хвастаться, пошатнул общественное доверие до основания. С другой стороны, сами женщины, оскорбленные пренебрежением со стороны другого пола и раздраженные своим низким положением, мстили, относясь к институту законного брака с почти такой же неприязнью. Они были возмущены рабством, к которому он их привязывал, состоянием зависимости и юридической недееспособности, в котором он их удерживал; ведь он лишал их прав и возможности пользоваться собственным имуществом; он сводил их к статусу простых детей, или, скорее, переводил их из-под власти родителей под власть мужа. Несмотря на притворное уважение, с которым к ним относились законы, они на протяжении всей жизни оставались скорее вещами, чем людьми;

вещами, которые можно было продавать, передавать из рук в руки, от одного хозяина другому, ради их приданого или даже их способности рожать детей. За малейшую провинность они могли быть преданы суду перед своими мужьями или, если тот был более чем обычно внимателен при вынесении решения по своему делу, перед советом своих родственников. Их могли бить палками, даже до самой смерти, за прелюбодеяние или любое другое тяжкое преступление; в то же время они могли подвергнуться разводу по самой незначительной прихоти, просто за то, что, как утверждалось, утратили свою молодость или красоту.

Последние века существования Римской республики были наполнены домашними конфликтами, вызванными упорством, с которым политические ограничения поддерживались в самых чувствительных социальных отношениях. Начиная с диких и романтических легенд, рассказ об этих беспорядках в конце концов становится важной чертой истории. Говорят, что еще в 330 году до нашей эры большое количество римских матрон пыталось отравить своих мужей. Их тащили перед трибуналы, вероятно, домашние, и приговаривали к смерти. Говорят, что наказанию подверглись 170 женщин. В следующем столетии, после обнародования закона Оппиана, который запрещал женщинам хранить более половины унции золота, носить одежды разных цветов и ездить в карете, они организовали новый заговор — по крайней мере, так гласит легенда — не для того, чтобы убить своих мужей, а чтобы отказаться от общения с ними и лишить их надежды на потомство. Через полвека после этого был принят закон *Вокония*, «самый несправедливый из законов», по мнению христианина Августина, который лишал женщин права наследования. Однако из этих законов () первый был быстро отменен, а второй обошли, и, используя подлые и коварные средства, женщины стали получать наследство, что, как выяснилось позже, вызвало большой скандал среди реформаторов империи. Но продолжающаяся ссора между полами была преувеличена взаимной ревностью, и при вспышке заговора Катилины среди мужчин ходили слухи, что предатели получили деньги на свое предприятие от множества матрон, которые жаждали кровавой революции, чтобы истребить своих мужей.

В первобытные времена государство не только регулировало формы брака, но и принимало меры по его обеспечению. В число обязанностей цензоров входило наложение штрафов на граждан, которые упорно оставались холостыми в ущерб общественному благу. Цензура Камилла и Постумия в 403 г. до н. э. прославилась патриотической энергией, с которой проводилась эта инквизиция. Со временем был введен более мягкий метод поощрения брака с помощью вознаграждений, о котором, пожалуй, впервые упоминается в речи Сципиона, цензора в 199 году до н. э. В это время, по-видимому, отцам законных и даже усыновленных детей уже предоставлялись определенные льготы, которые цензор осуждал как злоупотребление. Но ни награды, ни наказания не оказались эффективными для сдерживания растущей тенденции к безбрачию, и в период правления Гракхов прозвучал тревожный сигнал о том, что древний римский род быстро вымирает. Цензор 131 года до н. э. Метелл Македонский изложил эту проблему сенату в речи, которая, по-видимому, была одной из самых любопытных произведений древности. «Если бы мы могли существовать без жен, — начиналась она, — то, без сомнения, мы все избавились бы от этой чумы, которой они являются для нас; однако, поскольку природа постановила, что мы не можем обойтись без этого бремени, лучше мужественно его нести и заботиться о постоянном сохранении государства, чем о своем собственном мимолетном удовлетворении». Еще более любопытно, пожалуй, что более ста лет спустя Август осмелился прочитать в изысканном сенате своего поколения циничную тираду более грубой эпохи. Но так и было: когда законодательство Юлия Цезаря оказалось неэффективным для борьбы с все еще растущим злом, его преемник

усилил его, увеличив как наказания, так и вознаграждения, и приняв жесткие меры, рекомендованные аргументами и даже языком древнего цензора.

Важность, которую император придавал этому бесплодному законодательству, проявляется в том, что он направил свои усилия в этом направлении с первого года своего возвращения в Рим. Когда он проводил перепись населения вместе с Агриппой в 28 г. до н. э., он настаивал на выполнении положений диктатора, которые были пренебрежены в период анархии и были обречены вновь быстро впасть в подобное забвение. В этом единственном вопросе повелитель римлян не смог произвести никакого впечатления на упорное неповиновение своих подданных. И мужчины, и женщины предпочитали свободные условия союза, на которые они согласились, чтобы сожительства, суровым положениям древности. Они презирали награды и смело бросали вызов наказаниям. Одиннадцать лет спустя Август заставил сенат принять новый, более строгий закон, по которому браки граждан, достигших соответствующего возраста, были обязательными. На выбор и подготовку к браку давалось три года, но когда отведенный срок истек, было решено продлить его еще на два года; время от времени, по-видимому, давали дополнительную отсрочку, и мы видим, что император почти до конца своей жизни продолжал бороться за введение этого невыносимого ограничения свободы или вседозволенности того времени.

Согласие самих отцов, как правило, покорных, было дано с неохотными возмущениями, тем более, что только они были исключены из привилегии, которая теперь была осторожно распространена на всех граждан низшего сословия, заключать законный брак с освобожденной женщиной. Эта мера была принята с внешней покорностью, но с внутренней решимостью обойти или отменить ее. Даже поэты, которым было поручено воспевать ее достоинства, отказались от обязательства выполнять ее условия, в то время как другие, чьи голоса обычно были настроены на лестные интонации, открыто ликовали по поводу ее ослабления или отсрочки.

Характер наказаний и вознаграждений, предусмотренных этим законом, показывает, что взгляды Августа в основном ограничивались восстановлением брака в высших классах и восстановлением чистейшей крови Рима. С одной стороны, безбрачие наказывалось лишением права на получение наследства, и даже женатый мужчина, у которого не было детей, рассматривался с подозрением и лишался половины каждого наследства. С другой стороны, отец семьи пользовался особым уважением в театрах и преимуществом в конкуренции за государственные должности. Он был освобожден от обязанностей наставника или судьи и, в соответствии с более ранней мерой диктатора, освобождался от части общественных обязанностей, если был отцом троих детей в Риме, четверых в Италии или пятерых в провинциях. Из двух консулов преимущество отдавалось не старшему по возрасту, согласно древнему обычаю, а мужу и отцу самого многочисленного потомства. Ясно, что такие положения вряд ли могли иметь какое-либо применение к большой массе граждан, которые жили на милость своих знатных покровителей или щедрость казны и выращивали толпы нищих, пожирающих жизненные силы государства.

РИМСКАЯ ТЕРРАКOTOVАЯ ИГРУШКА

(Музей Неаполя)

На первый взгляд, недобросовестные подданные этого внутреннего законодательства пытались обойти его, заключая брачные контракты, которые впоследствии не выполняли. Чтобы противостоять этой уловке, необходимо было принять новые положения. Еще одним очевидным способом уклонения от закона была возможность развода, предусмотренная древними обычаями, но и в этом случае бдительный реформатор вмешался, установив обременительные формальности для юридического развода супругов. После развода супруги вновь подпадали под действие положений брачного права и были обязаны найти себе новых партнеров в течение определенного срока. Еще одним способом заставить нежелающих граждан вступить в брак было наложение штрафов и позор за нецеломудрие вне брака; в то время как теперь, впервые, прелюбодеяние, которое ранее подлежало наказанию домашним судом как частное оскорбление, было заклеено как преступление против общего благосостояния и подвергалось осуждению со стороны государства. Но Август не удовлетворился тем, что направил свой гнев на виновных; он стремился предотвратить преступность, наложив новые ограничения на распущенные нравы того времени. По примеру своих предшественников в цензуре, он установил шкалу расходов на роскошные столы и притворился, что регулирует вкусы женщин в отношении личных украшений. На гладиаторских представлениях, от которых их больше нельзя было исключать, он назначил разные места для двух полов, переместив женщин на задние ряды, наименее благоприятные как для просмотра, так и для того, чтобы быть увиденными, и вообще запретил им посещать представления по борьбе и боксу.⁴

ОТЦЕВСКИЙ АВТОРИТЕТ И УСЫНОВЛЕНИЕ: РАБСТВО ДЕТЕЙ

Если римский обычай в отношении брака и положения женщин в целом явно предпочтительнее греческого, то нельзя отрицать, что в отношении детей было наоборот, поскольку произвольная власть, которую отец имел над ними в Риме, была вопиющей несправедливостью: свобода личности таким образом ограничивалась самым несправедливым образом, а ребенок находился в неестественной зависимости от своего отца. Большая ошибка заключалась в том, что римский отец считал, что власть, которую природа налагает на старших как обязанность направлять и защищать ребенка в младенчестве, распространяется на его свободу, включая его жизнь и смерть, и продолжается на протяжении всего его существования. Греческий закон отличался от

римского в двух отношениях: во-первых, власть отца прекращалась с обретением сыном независимости, а он обретал ее либо по достижении определенного возраста, либо вступлением в брак, либо включением в список граждан. Во-вторых, греческий отец имел лишь право прекратить отношения между ребенком и родителем, изгнав его из дома или лишив наследства, не смея ущемить ни его свободу, ни жизнь.

Patria potestas римлян в теории действительно сильно отличалась от абсолютного владения (*dominium*), но на самом деле она была очень близка к нему, особенно в древние времена; только последнее распространялось на вещи, а первое — на людей. Следовательно, эта *potestas* давала отцу право распоряжаться жизнью и свободой своего ребенка. Этот закон, который, как говорят, был принят еще при Ромуле, но в любом случае был очень древним, был восстановлен во всей своей строгости в Двенадцати таблицах. Неестественная часть этого декрета была несколько изменена, поскольку право на жизнь и смерть фактически принадлежало праву на дисциплину и наказание, которое государство предоставляло *pater familias*, а отец не мог действовать по своему усмотрению, а должен был, в соответствии с обычаем, созвать семейный совет. Этот приговор упоминается Валерием Максимом (к, где он говорит о Т. Манлии Торквате, *ne consilio quidem necessariorum indigere se credidit*, поскольку его сын был обвинен македонцами в вымогательстве. Отец заседал в суде в течение трех дней, заслушивая свидетелей и т. д., и в конце концов изгнал своего сына из своего присутствия, после чего тот покончил с собой.

Есть и другие примеры, когда отцы выносили приговоры своим сыновьям без упоминания о семейном совете, вероятно, потому что официальное положение отца делало такую помощь ненужной, как в случае сурового приговора Брута и Т. Манлия Императора. В случае преступлений, караемых смертной казнью, отец также мог самостоятельно назначать наказание, поскольку считалось более уместным, чтобы он сам осудил своего сына, чем чтобы он сам выступал в качестве его обвинителя. Валерий Максим рассказывает о двух случаях вынесения приговора отцом во времена Августа. Во втором случае отец осудил сына за отцеубийство, но ограничился только изгнанием. Этому предшествовал торжественный семейный совет, на который был приглашен император; там открыто возобладала доброта отца, и, воспользовавшись своим правом, он защитил сына от наказания, которое тот получил бы в публичном суде. Второй случай доказывает суровость и злоупотребление, к которым могло приводить это право « ». Но в конце концов, не упоминается ни одного случая абсолютной смерти, а только жестоких наказаний. Если в более ранние времена имело место злоупотребление *patria potestas*, цензор мог возмутиться этим. Орозий даже говорит о публичном обвинении; в более поздние времена император следил за этим, как рассказывается о Траяне и Адриане. В двухсотом году империи эта власть была отнята у отца по закону.

Хотя право продажи, несомненно, существовало и было признано Двенадцатью таблицами, ни одного зафиксированного случая его применения не существует; поэтому мы можем предположить, что оно было отменено в ранний период и использовалось только как форма в *emancipatio*. Согласно Дионисию, Нума, по-видимому, даже ограничил это право. В форме *emancipatio* отец имел право продать сына три раза; после третьего раза он больше не получал права *patria potestas*.

От *patria potestas* следует полностью отделить право, с которым мы часто сталкиваемся в древности, убивать или выставять на улице новорожденных детей. В Риме оно не было столь распространенным, как в других местах. Говорят, что Ромул запретил убивать сыновей и первенцев-дочерей. С другой стороны, по-видимому, было предписано казнить уродливых детей. Многие примеры показывают, что выставление на улице и убийство новорожденных были нередким явлением даже в самых важных семьях.

Сын оставался под властью отца до его смерти, если только один из них не подвергся *capitis diminutio*. *Patria potestas* прекращалась, если сын становился *flamen dialis*. Другие титулы не имели значения. В случае с дочерью она прекращалась, когда она вступала в брак с *manus* или становилась весталкой. Если отец желал отказаться от *patria potestas* над своим сыном, это должно было быть сделано либо путем усыновления (в результате чего он переходил в другую *potestas*), либо путем формального эмансипации.¹

Созданная природой или переданная путем усыновления, отцовская власть могла быть заменена после смерти главы семьи опекой (*tutela*) для защиты детей (*tutela impuberum, pupillaris*) и женщин (*tutela muliebris*), или даже восстанавливаться после истечения срока под названием попечительства (*cura*) для защиты лиц, достигших совершеннолетия, но признанных неспособными управлять собой.

В юриспруденции, касающейся опекуна и попечительства, в первую очередь доминировали принципы древнего родового права, закрепленные в Двенадцати таблицах.

После смерти отца женская часть семьи — вдова и взрослые, но незамужние дочери — считались *sui juris* в том смысле, что они могли управлять своим имуществом, но, поскольку они не могли предъявлять иски (за исключением весталок), им требовалась для всех юридических действий, которые их касались, власть (*auctoritas*) опекуна. Сыновья достигали половой зрелости в четырнадцать лет; до этого возраста им требовался опекун. Если в семье появлялся новый глава старше четырнадцати лет, он становился опекуном всех несовершеннолетних и всех женщин в семье; в противном случае опекун назначался извне.

Закон Двенадцати таблиц не позволял заинтересованным лицам выбирать своего опекуна; законным опекуном был ближайший родственник (*agnat*) умершего или, в случае его отсутствия, один из членов рода. Точно так же обстоит дело и с попечительством, которое вступало в силу, когда гражданин *sui juris* признавался сумасшедшим или по решению претора объявлялся в состоянии мании из-за расточительности. Попечитель имел самые неограниченные полномочия в отношении лица и имущества лица, в отношении которого было вынесено такое постановление.

Юристы стремились сделать опеку над молодежью надежной и эффективной, отменить опеку над женщинами и устранить влияние родовых обычаев в пользу естественных родственных связей.

Первый шаг был уже сделан во времена Двенадцати таблиц — отцу семьи было разрешено выбирать и назначать по завещанию опекуна своих детей. Законный опекун в соответствии с родовым правом был призван заменить завещанного опекуна в случае, если последний отказывался взять на себя опеку. Позже закон *Атилии*, около 190 г. до н. э., уполномочил претора городского или коллегия трибунов плебеев назначать опекуна (*tutor atilianus*) в случае отсутствия законного или завещанного опекуна, если последний отказывался взять на себя опеку. В эту эпоху был даже введен обычай оставлять вдовам по завещанию право выбора своего опекуна (*tutor optivus*), позволяя им менять его один или два раза (*optio angusta*) или столько раз, сколько им заблагорассудится (*optio plena*). Женщины могли даже избежать фактической опеки — особенно с целью приобретения права составлять завещания — с помощью процедурных уловок. Для этой цели они использовали фидуциарное совместное приобретение. Совместное приобретение заменяло опекуна совместным приобретателем. Мужчина, который таким образом приобретал права мужа, передавал женщину третьему лицу путем манципации. Последний эмансипировал женщину, опекуном которой он оставался формально (*tutor fiduciarius*). Эта процедура была

хорошо известна во времена Цицерона. Следует добавить, что она не применялась так легко, когда опекуном был *tutor legitimus* по родовому праву; последнего нельзя было заставить дать согласие на фиктивный брак, который начинал процесс освобождения.

Таким образом, юристы направляли свои усилия против законной опеки. Август освободил от обычной опеки всех женщин, имеющих троих детей, и освободил женщин, которые были матерями четверых детей. Клавдий полностью отменил родовую опеку над женщинами. Она сохранялась только для детей. Оставалось уничтожить только обычное опекуновство. Адриан сделал ненужными фидуциарные совместные покупки, предоставив женщинам право составлять завещания с согласия их опекунов, а Антонин в некоторых случаях признал законность завещаний, составленных без этого санкционирования. Поскольку женщины уже получили право распоряжаться своим имуществом, опекуновство с того времени стало практически бессмысленным в их отношении. Оно исчезло само собой. Движение за эмансипацию продолжалось; со времен Диоклетиана женщины начали приобретать право опеки над своими детьми.

Что касается опеки над мальчиками, то юристы пытались расширить не свободу подопечных, а ответственность опекунов. Они даже сочли целесообразным продлить опеку под другим названием за пределы возраста, установленного древним законом, который объявлял мальчиков достигшими половой зрелости в возрасте четырнадцати лет. С начала II века до нашей эры закон Плетория установил возраст совершеннолетия с четырнадцати до двадцати пяти лет; из опасения, что несовершеннолетние могут быть «обмануты», он постановил, что согласованные ими ссуды будут считаться законными только в том случае, если они были заверены доверенным лицом, назначенным претором. Марк Аврелий возложил на магистратов обязанность назначать постоянных попечителей всем несовершеннолетним, которые об этом просили, и это было в интересах последних, поскольку в противном случае они не могли бы обращаться к закону. Попечительство над несовершеннолетними, несмотря на различия, имело удивительное сходство с попечительством над душевнобольными и лицами, лишенными дееспособности, а также с опекой над детьми. А со времен Константина оно стало практически таким же, как и другие виды опеки. Однако было одно отличие: заключалось оно в том, что лица, лишенные дееспособности, были сведены к пассивному состоянию, и подопечный мог действовать только с разрешения опекуна, в то время как несовершеннолетний мог брать на себя долги без согласия своего попечителя.

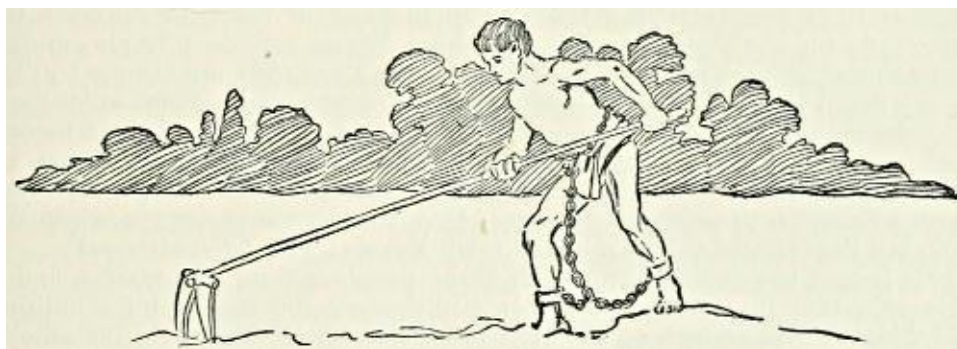
Юриспруденция здесь запуталась в своих предосторожностях; она колебалась между уважением к личной свободе и гораздо более сильным стремлением защитить материальные интересы семьи.⁴

Понятно, что уважение к индивидуальной свободе, о котором здесь идет речь, относится только к относительно небольшой части общества. Большинство жителей Рима не имели индивидуальной свободы, да и вообще никаких других прав, заслуживающих уважения. Одним словом, основную массу населения составляли рабы, поэтому даже беглый взгляд на нравы и обычаи римского общества не может игнорировать этот несчастный класс.

ИНСТИТУТ РАБСТВА

Рабы в большом римском доме были двух разных происхождений: либо они были куплены, либо родились в доме раба-отца и рабы-матери. Последних называли *vernae*, и они пользовались большим уважением, чем остальные. Именно к ним их хозяева обращаются в надписях с наибольшим уважением и нежностью. Предполагалось, что они были привязаны к семье, в которой родились. Кроме того, они не были клеймены унижением публичной

продажи, а это имело большое значение. Купленный раб появлялся на рынке с белыми метками на ногах и биркой на шее, на которой были написаны его достоинства и недостатки; его ставили на платформу и заставляли прыгать, кувыркаться, ходить, бегать, смеяться и говорить. Раб, родившийся в доме, по крайней мере, избежал этого позорного испытания. Это было так, как будто его человеческое достоинство было не так полностью утрачено и как будто он был более способен к благородным чувствам. Сам человек был так горд этим титулом *верна*, что в некоторых случаях он сохранялся даже после освобождения, и освобожденный раб велел высечь его на своей могиле.

РИМСКИЙ РАБ, РАБОТАЮЩИЙ В ПОЛЕ

Число рабов, которых эти два источника рабства — рождение и покупка — приносили в Рим, должно было быть весьма значительным. Сириец или нумидиец, которого управляющий великого вельможи купил на улице Субура или возле храма Кастора с целью использовать его в качестве посыльного или повара, при входе во дворец своего нового хозяина обязательно оказывался в многочисленной компании. Моралисты жалуются, что в больших домах слуг насчитывались тысячи, и здесь их нельзя обвинить в преувеличении. Тацит и Плиний говорят то же самое. В сатире Петрония Тримальхион, который не знает и десятой части своих рабов, каждое утро получает информацию о количестве рабов, родившихся за ночь на его поместье. Это не выдуманная сцена, как можно было бы предположить, и история подтверждает эту басню. Сенека рассказывает нам почти то же самое об одном из вольноотпущенников Помпея. Даже этот вольноотпущенник имел легионы рабов; и согласно обычаю хороших полководцев, которые ведут учет числа своих солдат, секретарю было приказано ежедневно сообщать ему об изменениях, которые произошли в этой армии с предыдущего дня в результате рождений, продаж или смертей.

В настоящее время богатство распределено более равномерно, жизнь стала проще, и нам трудно представить себе быт великих вельмож древнего Рима. Представим себе одного из тех богатых патрициев или всадников, которые владели четырьмя или пятью тысячами рабов, как тот Цецилий, о котором говорит Плиний Старший. Эта толпа, скученная во дворцах или разбросанная по фермам, принадлежит к разным народам и говорит на разных языках. Кроме того, каждая нация имеет свою специальность. Греция поставляет в основном грамматиков и ученых; азиаты — музыкантов или поваров; из Египта привозят красивых детей, чья болтовня развлекает их хозяев; африканцы бегут впереди носилок, чтобы расчищать путь. Что же касается германцев с их огромными телами и головами, укрепленными неизвестно где (*caput necio ubi impositum*), то их единственное предназначение — быть убитыми на арене для большего развлечения римского народа. В этом хаосе необходимо установить некоторый порядок: они классифицируются по национальности и различаются по цвету кожи (*per nationes et colores*) или, что чаще встречается, делятся на группы по десять человек, или декурии, с декурионом во главе. Над декурионами стоят в деревне фермеры (*villici*), а в городе — управляющие (*dispensatores*).

Легко понять, что прокормить всех этих людей было нелегкой задачей, и в хорошо организованном хозяйстве хозяин, как правило, ничего не покупает снаружи, а имеет достаточно на своих поместьях, чтобы обеспечить всю свою семью. Его владения снабжают его всеми видами товаров, в его городских домах живут мастера всех профессий. Чтобы защититься от перебоев в поставках, он складировал всевозможные запасы в огромных хранилищах, богатства которых он не всегда знает. Рассказывают, что в то время, когда, как и в наши дни, театр стремился привлечь публику блеском *мизансцены*, один управляющий, которому нужно было обеспечить костюмами большое количество хористов, но который не хотел нести эти расходы, пошел к Лукуллу и попросил его одолжить ему сто туник. «Сто туник, — ответил богатый римлянин, — где, по-твоему, я их найду? Но я посмотрю». На следующий день он прислал пять тысяч. Управление такими огромными состояниями, должно быть, доставляло много хлопот, и поэтому хозяин часто отказывался заниматься этим. Полностью отдавшись удовольствиям, он оставил все свои дела в руках управляющих, которые его ограбили. Когда он согласился сам управлять своим делом, эта трудоемкая задача принесла ему некоторую прибыль. С полным основанием говорят, что если римские аристократы на протяжении многих веков обладали острым политическим чутьем и продемонстрировали способность управлять миром, то это было потому, что каждый из них мог пройти в своих владениях обучение искусству управления. Управление этими обширными поместьями, миллионами сестерциев, народами рабов делало великих дворян администраторами и финансистами с юности.

Как правило, каждый подражает тем, кто выше его, и низшие классы обычно следуют, насколько это возможно, примеру, подаваемому им аристократией. Мы видели, что римские аристократы демонстрировали свое богатство количеством рабов; средний класс поступал так же. Возможно, даже это большое количество слуг еще более поразительно в скромном доме, так как оно, казалось бы, не соответствует средствам владельца. Марк Скавр, который впоследствии стал великой личностью, начинал с очень бедных условий. В своих мемуарах он писал, что его отец оставил ему только тридцать семь тысяч сестерциев [296 фунтов стерлингов или 1480 долларов] и десять рабов. Конечно, в наши дни никто, кто владел бы всего 296 фунтами стерлингов, не имел бы десяти слуг. Поэт Гораций тоже не был очень богат: он жил за счет щедрости Мецената, который давал ему скорее комфорт, чем богатство. И все же он рассказывает нам, что, когда он возвращался домой вечером, три раба были готовы подать ему ужин. Он приводит нам меню этого ужина: лук-порей, нут и несколько пирогов. Кажется, что три официанта — это слишком много для такого скромного ужина, и что трапеза не соответствует обслуживанию.

И хотя расходы были небольшими, невозможно, чтобы большое количество лишних рабов не создавало общего беспокойства. Зачем люди их держали? Почему средний класс налагал на себя бремя, которое тяжело давило на богатых? Ответ прост — они хотели произвести впечатление. Все хотели ослепить окружающих внушительной свитой. Великие личности, когда отправлялись на Форум, тащили за собой целую армию клиентов и друзей. Каждый раз, когда они покидали Рим, им требовались сотни слуг или вольноотпущенников. Поэтому им приходилось превращать свои загородные или городские дома в настоящие казармы.

При Нероне префект Рима Педаний Секунд, убитый одним из своих рабов, все, кто в ту ночь спал под его крышей, были арестованы как соучастники. Их было четыреста. Человек, который выходил на улицу один, должен был бросить вызов предрассудкам, как это сделал Гораций. Магистрат, который выходил на улицу только с пятью слугами, был объектом насмешек. Люди даже начали измерять свое уважение к человеку по количеству слуг, сопровождавших его. Адвокат не считался красноречивым, если за его носильщиками не

шло по меньшей мере восемь слуг. Когда он не был достаточно богат, чтобы их купить, он нанимал их, поскольку это был единственный способ, с помощью которого он мог получить дела для защиты и быть услышанным, когда он говорил. Женщины также использовали их, чтобы привлечь внимание публики. Ювенал говорит, что Огульния старалась не ходить в театр одна; кто бы обернулся, чтобы посмотреть на нее? Она нанимала служанок и светловолосую девушку, которой она делала вид, что часто дает указания. Она дошла до такой степени, что всегда сопровождалась уважаемой кормилицей и несколькими подругами с хорошей внешностью. Таким образом, Огульния была уверена, что вызовет сенсацию, куда бы она ни пошла.

Таким образом, рабы были очень полезны вне дома; они сопровождали своих хозяев, создавали о них хорошее мнение и способствовали их важности; но что с ними делать в доме? Их было слишком много, чтобы найти занятие для всех в обычном домохозяйстве, и чтобы дать им что-то делать, у каждого была своя особая обязанность. «Я использую своих рабов, — говорил один грек, — как свои конечности, по одному для каждой вещи». Отсюда возникло крайнее разделение труда в древних домах; нигде оно не было так далеко зашло, как в Риме. Одни рабы открывали дверь посетителю, другие вводили его, третьи поднимали перед ним тяжелые занавеси, а четвертые объявляли о его приходе. Одни несли блюда к столу, другие разделяли их, третьи пробовали перед гостями, а четвертые предлагали их. «Эти несчастные существа, — говорит Сенека, — живут только для того, чтобы хорошо разделять птицу». Каждая часть туалета женщины была поручена разным рабам.

Раб, отвечавший за одежду, был не тот же, что и тот, кто ухаживал за драгоценностями или пурпуром. Были специальные мастера по укладке волос и нанесению духов. Была даже обнаружена гробница несчастного человека, единственной функцией которого в жизни было рисовать пожилую Ливию. Таким образом, как только хозяин возвращается домой, он находит толпу слуг, которые следят за его потребностями и предвосхищают его приказы. «Я сажусь, — говорит персонаж комедии, — мои рабы подбегают ко мне и снимают с меня обувь, другие спешат расставить диваны и приготовить трапезу. Все они стараются как можно больше потрудиться». Каков результат? Из-за того, что хозяин окружен и обслуживается, он приобретает привычку абсолютно ничего не делать. Все эти люди, которые собираются вокруг него и которым он так благодарен, оказывают ему худшую из возможных услуг: они лишают его необходимости что-либо делать самому. Римлянин ранних дней республики, у которого было едва ли больше одного личного слуги и который обслуживал себя сам, был активным и энергичным; он покорила мир. Римлянин империи, постоянно окруженный толпой рабов, стал трусливым, изнеженным и мечтательным. Из всей мебели в его доме он чаще всего пользуется кушеткой. Он ложится на нее, чтобы спать, есть, читать и думать. Его слуги делят между собой все функции жизни, и все тщательно рассчитано, чтобы ему не приходилось ничего делать. Но эта регулярность, которой он так восхищается, полна опасностей. Физическая активность не может быть ослаблена без ущерба для моральной активности, и тот, кто перестает действовать, в конце концов перестает иметь волю. Эта раса людей, отказавшаяся от физических упражнений и поддержания себя в форме, также позволила своим душам ослабеть. Поэтому верно утверждение, что большое количество рабов, которых держали римляне, в немалой степени способствовало тому, что они сами стали рабами цезарей.

(В Британском музее)

Предположим, что вновь купленный раб попадает в толпу слуг, заполняющих римский дом; его первая мысль, естественно, обращается к новому хозяину. Он с тревогой пытается узнать его, чтобы понять, чего от него ожидать и как с ним будут обращаться. Поступим так же, как он, и сначала спросим, какому обращению он будет подвергаться и какими будут отношения между хозяином и рабом. Ответ на этот вопрос нелегкий; судьба раба может быть представлена по-разному, и, например, она полностью меняет свой облик в зависимости от того, изучаем ли мы ее с точки зрения законов или фактов. До времен Антонинов закон в отношении раба был ужасно жесток. Он полностью отдавал его на откуп хозяину, для которого он был такой же собственностью, как поле или стадо овец. Он имеет право использовать его или злоупотреблять им по своему усмотрению. Он свободен наносить ему всевозможные оскорбления и унижения; он может избивать и убивать его. Поэтому мы вынуждены признать, что согласно законам никогда не было худшего положения, чем положение римского раба; но следует помнить, что человеческие институты никогда не приносят всего того добра или вреда, на что они способны. В общественной морали и в общественном сознании существуют препятствия, которые невозможно преодолеть. Законы могут быть превосходными или отвратительными; человек, который мало способен к совершенству и инстинктивно отвращается от варварства, исправляет их преувеличения на практике; как правило, он выполняет их только в той мере, в какой они не противоречат посредственности его природы. Поэтому мы можем ошибиться, если будем судить о социальном положении нации по ее законодательству. Прежде всего необходимо выяснить, каким образом оно фактически применялось. Есть основания полагать, что в Риме, даже в то время, когда нравы были наиболее варварскими, ужасными правами, которые закон давал хозяевам, редко кто пользовался. Катон мог бы сказать, что мудро продать раба, когда он состарился и не может больше приносить пользы; обычай мог бы позволять безжалостно бросить его, когда он заболел, и оставить на острове Тибра возле храма Эскулапа, чтобы он выздоровел или умер без каких-либо затрат; но вполне вероятно, что в щедрых душах природа всегда восставала против такого трусливого предательства. Есть несколько причин полагать, что даже во времена Катона рабы, как правило, обращались с ними гуманно, что они жили в дружеских отношениях со своими хозяевами и почти всегда доживали до старости в доме своего хозяина. После битвы при Каннах Рим, не имея больше солдат, не колеблясь вооружил восемь тысяч рабов. Они храбро сражались бок о бок с легионами и заслужили свою свободу. Стали бы они рисковать жизнью за господ, которых ненавидели?

Однако не со всеми рабами обращались одинаково, и между ними нужно проводить различия. Как правило, в деревне с ними обращались хуже, чем в городе. Сельскохозяйственные производители, описывая запасы фермы и орудия труда, без колебаний относят рабов к той же категории, что и волов. На самом деле хозяин не делает большого различия между ними и скотом. Ночью его запирают в подбрии хлева или подземной тюрьмы (*ergastula*) с узкими окнами, расположенными на такой высоте над землей, что он не может дотянуться до них рукой. Днем, если он работает один, ему надевают на ноги кандалы на случай, если свежий воздух и открытое поле подскажут ему идею побега. Это, безусловно, суровое обращение, и тем не менее рабы, похоже, переносят его без особых трудностей. Комический автор вкладывает в его уста следующие слова: «Когда работаешь на отдаленном поле, куда хозяин редко заходит, ты не слуга, а хозяин».

Когда наступает праздничный день и работа приостанавливается, он отмечает его с такой шумной радостью, что «соседи едва выносят его взрывы восторга». Трудно было бы

представить, глядя на него после сбора урожая или винограда, когда он с таким удовольствием развлекался, смеялся и пел на играх на перекрестках (compitalia) или весело прыгал через соломенные костры на Палилиях, что в остальное время года с ним обращались так жестоко. Доказательством того, что в целом эта судьба не считалась такой уж несчастной, является то, что городской раб иногда завидовал своему сельскому брату. У Горация в Риме был раб с неустойчивым характером, который попросил своего хозяина отправить его на его сабинскую ферму. Правда, вскоре он пожалел об этом.

Как правило, раба отправляли в поля только в качестве наказания, когда он вызывал недовольство. Несомненно, в городе с ним обращались лучше, и он был счастливее. Находясь рядом со своим хозяином, он, возможно, больше страдал от его капризов, но также извлекал из этого выгоду. У него был лучший шанс получить свободу и сделать состояние (). Были и такие, чье положение было даже блестящим и вызывало зависть, а именно императорские рабы. Принадлежать к дому Цезаря означало быть кем-то, и великие вельможи, которые считали себя счастливыми, что их знает швейцар Сеяна, покупали благосклонность управляющих Тиберия подарками и унижительными поступками. Еще до освобождения эти рабы часто занимали реальные государственные должности; они были чиновниками монетного двора, казначейства и продовольственного управления Рима. Они также осознавали свою важность. Они были горды и надменны и считали своим долгом следить за тем, чтобы достоинство императора уважалось в их собственной лице. За ними, естественно, следует поставить рабов, принадлежащих городам, храмам и различным гражданским и религиозным организациям. Когда власть таким образом разделена и никто не несет всю тяжесть ответственности, слуга не только не подчиняется контролю, но и фактически сам доминирует. Таким образом, рабы этого класса, как правило, кажутся богатыми и довольными своей судьбой. Некоторые из них делают крупные пожертвования обществам, которые их купили, получая пикантное удовольствие от того, что являются благодетелями своих хозяев.

Не стоит особо жалеть и тех, кто принадлежит к некоторым великим домам. Если они достигают высоких должностей в учреждении, они получают хорошую прибыль. Иногда управляющий богача находил эту должность настолько прибыльной, что предпочитал оставаться рабом, чем отказываться от нее. Самыми счастливыми были те, кто попал к хозяину, гордившемуся своей гуманностью и просвещенностью, который культивировал литературу и практиковал учения философов. Плиний Младший относился к своим подданным с величайшей добротой. Он не только запрещал надевать на них кандалы, когда они обрабатывали его поля, но и не позволял скучивать их в тесных камерах или темных тюрьмах. В его доме в Лаурентуме условия были настолько хороши, что он мог размещать там гостей. Он ухаживал за ними, когда они болели, позволял им составлять завещания и оставлять свое небольшое имущество друзьям; его человечность была настолько велика, что он плакал, теряя их. На службе у такого богатого и мудрого человека, как Плиний, раб не был особенно несчастлив. Его участь была тяжелее, когда он находился на службе у более скромных людей. Поскольку он разделял судьбу своего хозяина, с бедными он, конечно, был беден и мог попасть в руки хозяина, жившего в очень бедных условиях. В те дни все, даже рабочие и солдаты, имели рабов. Даже крестьянин из *Моретума*, чье мирское богатство состоит из небольшого огорода и который встает так рано, чтобы приготовить себе блюдо из чеснока, сыра и соли, не одинок в своей хижине; у него есть служанка-негритянка, которую поэт описывает нам с таким поразительным реализмом: «Ее волосы вьются, губы толстые, кожа черная; тело плохо сложено, ноги тонкие, и природа наделила ее широкой стопой» (spatiosa prodiga planta). В бедных домах зарабатывали мало денег, и жизнь была тяжелой.

Единственной компенсацией раба в его жалкой жизни было то, что он жил рядом со своим хозяином, что с ним обращались более дружелюбно; что, будучи вынужденным помогать ему в его страданиях и разделять его тяжелую судьбу, он рассматривался не столько как раб, сколько как родственник. Кроме того, следует отметить, что в Риме, как и на Востоке сегодня, он всегда был частью семьи. В наше время хозяин и слуги, будучи свободными и связанными временным договором на условиях, заранее согласованных между ними, живут отдельно друг от друга, хотя и под одной крышей. Они — две ревнивые личности, которые следят друг за другом и очень решительно отстаивают свои права. В Риме раб не имел прав; он не был гражданином и едва ли считался человеком. Его достоинство не мешало ему полностью отдаться человеку, которому он принадлежал, и стать с ним единым целым.

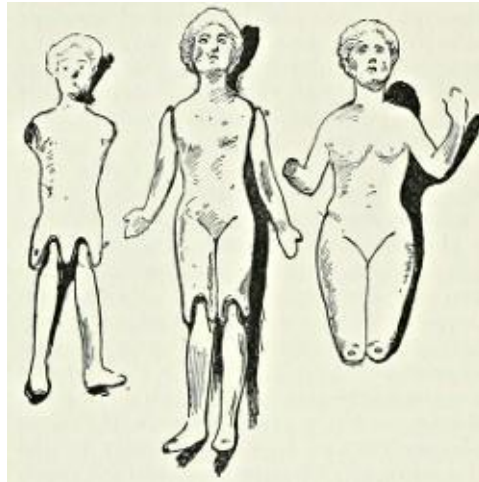
Таким образом, в их отношениях было больше близости и меньше сдержанности. Сохранилось много гробниц, воздвигнутых хозяевами в память о своих слугах. Они часто выражают самые нежные чувства; не только воздается дань уважения за их хорошую службу, но и благодарится за их привязанность. Взамен следует помнить, что с ними обращались с добротой, «как с сыновьями дома», и им даже приписывают несколько значимых слов: «Рабство, ты никогда не было для меня слишком тяжким». На могиле центуриона четвертого легиона, воздвигнутой его вольноотпущенниками, находятся следующие слова: «Я никогда не женился, но у меня были дети», и ответ рабов: «Спасибо и прощай».

Что больше всего поражает нас при изучении римского общества, так это то, что большинство пороков, которые пожирали его и привели к его гибели, были связаны с рабством. Мы видели, что оно способствовало разложению высших классов, что, приучая человека постоянно полагаться на деятельность других, оно парализовало его силы и ослабило его волю. Оно также ответственно за то, что питало презрение к человеческой жизни. Жестокость можно научиться. Возможно, она естественно отвратительна для человечества, но она питается примерами. Можно сказать, что дома многих богачей были публичными школами бесчеловечности. Рабы долго страдали от этого, а хозяева в конце концов тоже становились его жертвами. Если при цезарях толпа с большим безразличием смотрела на смерть стольких прославленных людей, то не потому ли, что пытки и смерть не были для них чем-то новым, и потому что, привыкнув к тому, что человеческое достоинство больше не уважалось в рабах, они были менее возмущены, видя, как оно попирается в знатных? Еще один серьезный упрек, который можно предъявить рабству, заключается в том, что оно породило ту жалкое население времен империи, которое так отвращает нас в повествованиях Тацита. Его низость и трусость уже не удивляют, когда мы вспоминаем о его происхождении. Оно было результатом рабства; рабство сформировало его, и, естественно, оно было сформировано для рабства. Не только его моральное разложение и политическое безразличие сделали возможной тиранию цезарей, но и воспоминания о перенесенной несправедливости, должно быть, питали в нем те чувства горечи и враждебности, которые подвергали общество опасностям, о которых никто и не мечтал.

Если после Спартака в Италии и не было рабских войн, то тем не менее рабство поддерживало своего рода вечный заговор против общественной безопасности. Прежде всего, оно было самым решительным врагом того духа консерватизма и традиций, который был силой римской расы. Рабы не были уроженцами Рима, их воспоминания и привязанности были связаны с другими местами, и когда они становились гражданами, они не колебались принять иностранные обычаи и внедрить их в городе. В то время как государственные деятели и лидеры изнуряли себя попытками сохранить то, что осталось от древнего духа и старых обычаев, внизу, среди тех слоев населения, которые постоянно пополнялись за счет рабов, велась постоянная работа по их уничтожению. Именно

благодаря этому тайному и мощному влиянию новые религии легко распространились по всей империи.

В то время, по-видимому, никто не осознавал масштабов зла, и, поскольку его размах не был понятен, предлагались лишь частичные меры по его исправлению. Были предприняты, зачастую успешные, попытки облегчить участь рабов. Им была предоставлена некоторая защита от своих хозяев; философы провозгласили, и все с ними согласились, что это были люди; юристы даже занесли в кодексы, что рабство противоречит природе. Кажется, что этот принцип, если бы он был доведен до всех своих последствий, в конечном итоге привел бы к отмене рабства; но когда бы наступил этот день, или наступил бы он вообще, если бы древний мир продолжал существовать? В этом можно усомниться, учитывая медлительность прогресса и частые беспочвенные реакции. Даже в самые просвещенные времена, когда общественное мнение, кажется, дает самый сильный импульс к либеральным мерам, может случиться, что власть, подчиняясь другим инстинктам, вновь становится жестокой или суровой, или колеблется между суровостью и снисходительностью, не в силах решить, каким курсом следовать.

Римские куклы

(Из Британского музея)

Именно при Августе, когда нравы становятся мягче и человечность, кажется, торжествует, *сенатский консультат* постановляет, что в случае убийства хозяина слугой все, кто спал под его крышей в ту ночь, виновные и невинные, должны быть казнены. Не менее удивительно, что при Константине, в христианскую эпоху, законы, которые со времен Антонинов стали гораздо более гуманными, вдруг вернулись к древней суровости по отношению к рабам. Эти внезапные рецидивы заставили их в одно мгновение потерять все, что они завоевали за столетия, и все пришлось начинать заново. Добавим, что меры, принятые для защиты рабов, не всегда были столь эффективными, как можно было бы ожидать. Гуманные законы почти никогда не исполнялись, за исключением случаев, когда это делали благожелательные люди, сами склонные к гуманности. Другие находили способы обойти законы. Власти, всегда не желавшие вмешиваться в семейные дела и ограничивать священную власть хозяина, обычно закрывали на это глаза, и таким образом злоупотребления, практически недостижимые для закона, стали повсеместными.

Самое замечательное из всего этого то, что ни один древний писатель никогда не высказывал, ни как отдаленную надежду, ни как мимолетное желание, ни как маловероятную гипотезу, идею о том, что рабство может быть когда-нибудь отменено. Независимо от того, одобрял ли кто-то рабство или нет, никто даже не мог представить, что оно может перестать существовать. Даже те, кто с горечью жалуется на него, кто перечисляет опасности, которые оно создает, и неприятности, к которым оно приводит, те, кто говорит вместе с Сенекой: «Сколько голодных животных, чью прожорливость мы должны удовлетворять! Какие затраты на их одежду! Какое беспокойство следить за всеми этими хищными руками! Какое удовольствие получать обслуживание от людей, которые ропщут на нас и ненавидят нас?» — даже они, казалось, не думали, что когда-нибудь можно будет обойтись без этих людей. Этот институт был настолько древним и настолько вошел в привычки нации, что жизнь без него была немыслима. Люди, считавшие рабство незаменимым, не были склонны, даже зная о его несправедливости, прилагать большие усилия для его отмены. Это была одна из тех радикальных реформ, которые вряд ли можно было ожидать в обычном ходе событий, и можно сказать, что такая полная перемена, которую никто не желал и не предвидел, могла быть осуществлена только одной из тех революций, которые обновляют мир.⁴

Давайте отвлечемся от этой удручающей картины жизни рабочего класса в Риме и перейдем к дополнительной теме игр и развлечений.

ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Ничто так не проясняет понимание как индивидуальных особенностей, так и характера нации, как наблюдение за свободными действиями, которые начинаются там, где заканчивается работа. Профессиональная деятельность во всем мире выглядит более или менее одинаково и вынуждена подчиняться более или менее совершенной унификации, поскольку всегда преследует одну и ту же цель. Отдых, с другой стороны, открывает дверь к играм, в которых спонтанная склонность находит свое выражение. Так как путешественник с особым вниманием отмечает игры и развлечения, которыми народ занимается в свободное время, так и исследователь древности склонен обращать свой взор на эту сторону жизни. Но ни в одном вопросе источники информации не так скупы, что касается римлян, как в вопросе, который нас интересует.

Если мы возьмем за основу описание, которое сами древние дают нам деятельности, свойственной римлянам, и их укоренившейся нелюбовь к греческому *far niente* (*otium Græcum*), достоинство движений и поведения (*gravitas*), которое так мало подходило для веселья, что даже Цицерон говорит, что только пьяный или сумасшедший человек может танцевать; если мы помним об иностранном характере аппарата, который, во всяком случае во времена императоров, был задействован для проведения игр и праздников — актеры, мимы, пантомимы, атлеты, гладиаторы, которые были наняты для развлечения, получали зарплату и были презираемы, — мы будем склонны сделать вывод, что римляне в целом имели мало таланта к жизнерадостному наслаждению жизнью и к национальным празднествам.

Но по крайней мере одна общая информация дошла до нас однозначно, и это тот факт, что они с раннего возраста испытывали религиозное удовольствие от танцев, учебы и игр. На *rompa circensis* в *ludi magni*, которые праздновались с 4 по 19 сентября, выступали две группы танцоров: сначала вооруженные мужчины, юноши и мальчики в трех хорах, все в красных туниках с бронзовыми поясами, вооруженные мечами, копьями и шлемами с гребнями, а затем комические танцоры в овечьих шкурах. Точно так же танцы были частью ритуала салий и арвалов задолго до того, как они стали модными среди молодежи из высших слоев общества. Музыка также приемлема для богов, и не только в иностранных обрядах, но и является необходимым элементом римского ритуала, который обеспечивали старинные коллегии *тубицинов* и *тибиници*. Музыка была незаменима во всех праздничных торжествах, триумфах, похоронных процессиях; а на празднике Палес (21 апреля) весь город наполнялся звуками духовых инструментов, цимбал и литавр. Песни и мимические представления не отсутствовали ни в церемониях поклонения, ни в домах, ни во время народных празднеств, как мы можем видеть из песен салий и арвалов, из песен хвалы во время трапез, из *фесценнини*, *сатурах* и *ателланах*, а также из комических интерлюдий на Сатурналиях, Флоралиях, Мегалезиях, триумфах и похоронных процессиях.

Правда, эти зачатки оригинальной римской национальной поэзии так и не достигли своего совершенного развития, поскольку подверглись влиянию греческой литературы, столь восхищавшей образованные классы; но, с другой стороны, они сопротивлялись этому влиянию настолько энергично, что Август все еще продолжал сочинять *фесценнини*, а четыре типа масок остаются неизменными и по сей день в итальянской комедии *дель арте*. Можно предположить, что то же самое в целом имело место и с развлекательными играми. То, что в них было специфически греческим, было поглощено в основном высшими слоями

общества; то, что было действительно национальным, до сих пор более или менее прослеживается в современной Италии. Так, известная игра *mora*, в которой два игрока одновременно показывают определенное количество пальцев и дают противнику угадать, сколько их было, безусловно, встречается у греков, но имеет чрезвычайно древнюю историю в Италии, где она описывается выражением *micare digitis* и использовалась в торжественных случаях, особенно при заключении деловых сделок, как своего рода лотерея (*sors*). В целом, информация о римских играх чрезвычайно скудна, и тщетно пытаться представить себе четкую картину развлечений на Матроналиях, Виналиях и Сатурналиях.

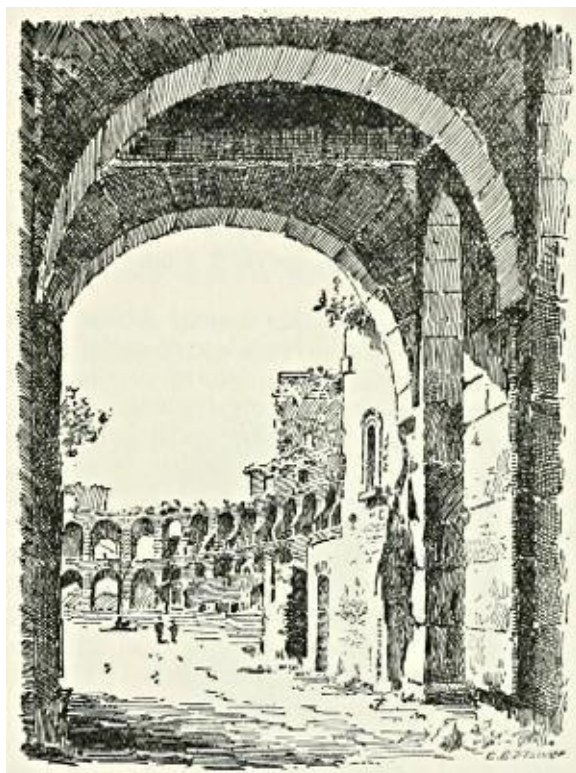
Овидий однажды описывает праздник Анны Перенны, который отмечался на пустоши на Виа Фламиния, но во всем описании нет ничего характерного; люди едят, пьют, танцуют и поют, но то, что они поют, не является народными песнями. «Cantant», — говорит Овидий, «cantant quidquid didicere theatris». Все, что мы слышим об играх в Риме, является греческим или, по крайней мере, считается таковым; даже старая игра, заключающаяся в прыжках на полных кожаных бутылках, смазанных маслом, и, по-видимому, попытках встать на них на голову, упоминается Вергилием как аттическая и фактически идентична греческой ἄσκολιάζειν. В этих условиях мы не должны пытаться доказать существование какой-либо формы национального веселья, свойственной римлянам, и должны ограничиться сбором тех игр, которые, хотя и были обычными в Греции, часто упоминаются в Риме. С одной стороны, у нас есть игры для детей и молодых людей, с другой — азартные игры и настольные игры.

Игра в мяч, известная во всей древности, безусловно, является игрой для молодых людей, но благодаря здоровому движению, которое она обеспечивает и которое Гален особо рекомендует в своей необычной брошюре о маленьком мяче, она была также развлечением для пожилых людей, столь же полезным, сколь и приятным. В Риме и Италии в целом в мяч играли как на Марсовом поле, где можно было увидеть самого младшего Катона, участвующего в игре, так и в специально оборудованных для этой цели *сферистериях* в банях и виллах. Среди игроков в мяч были Муций Сцевола, Цезарь, император Август, Мecenат, старый Спурнина, друг Плиния, император Александр Север; были и такие, кто посвящал все свое время этому развлечению.

Во времена империи использовались пять видов мячей: один маленький, один средний, один большой, один очень большой и один наполненный воздухом. Возможно, эти пять видов соответствуют латинским выражениям *pila*, *trigon* или *pila trigonalis*, *pila paganica*, *harpastum*, возможно, идентичным *pila arenaria*, и *follis*. Обычный мяч был набит волосами и сшит яркими или, во всяком случае, цветными лоскутками; *paganica*, название которой указывает на игру между людьми *массового характера*, в которой участвовала вся деревня (*pagus*) в сельской местности, представляла собой большой мяч, набитый перьями; *follis*, который был впервые обнаружен во времена Помпея, был самым большим и был наполнен воздухом (κενή); о *harpastum* мы не знаем ничего, кроме того, что это был маленький твердый мяч.

Различные виды игр могут определяться, во-первых, характером броска и, во-вторых, количеством людей, участвующих в играх. Во-первых, мяч может быть брошен вверх и пойман бросающим или другим игроком — это греческое οὐρανία; во-вторых, мяч может передаваться между двумя или более игроками (*datatim ludere*), цель игры — продемонстрировать мастерство в броске (*διδόναι*), *dare*, *ittere*, *jactare*, в ловле (*λαμβάνειν*, *δέχεσθαι*, *facere*, *excipere*) и в отбрасывании (*remittere*, *repercutere*). Наконец, мяч может сильно отскакивать от земли или от стены, так что он отскакивает и может быть повторно ударен рукой. В этой игре, которая является греческим ἀπορράξις и латинским *expulsim ludere*, считается количество отскоков, и если играют несколько человек, победителем становится тот, кто может удерживать мяч дольше всех, не давая ему упасть. Истинное

значение слова *pilicrepus*, безусловно, следует искать в этой игре, так как в других играх мяч не издает никаких особых звуков. Исходя из этого, помимо высоты броска, мы можем обозначить все способы игры в мяч формулами *datatim*, *reptim*, *expulsim ludere*.

Вход в Колизей

Что касается количества игроков, то в первую очередь существовала одиночная игра, в которой один игрок играл один, с одним, а также с двумя и тремя мячами, поддерживая их в постоянном движении, сидя или ходя. Из этой игры жонглеров произошло искусство Урсуса Тогатуса, который, гордясь своей устойчивостью, первым использовал стеклянные мячи. Затем появилась двойная игра, в которой два игрока бросали мяч друг другу, а затем одна из самых популярных игр, в которую играли перед баней и очень часто в Марсовом поле, была *тригон*, в которой участвовали три игрока. Она часто упоминается, но никогда не описывается. Три игрока располагались в трех углах равностороннего треугольника, но мяч не просто переходил от одного игрока к другому; он бросался одному из них произвольно, так что ему приходилось избавляться от двух мячей одновременно, что требовало использования обеих рук, и не только для ловли двух мячей, но и для их бросания одному из других игроков. Помимо самих игроков, для *тригона* требовалось три человека, чтобы подбирать мячи, и еще три, чтобы вести счет.

Игры для *большого количества* игроков (*sphaeromachiae*) были особенно интересны для римлян. Существовало три вида таких игр: ἡ ἐπίσκυρος или ἐπίκοινος τὸ φερίνδα и τὸ ἄρπαστόν. Мы знаем о различиях между ними лишь частично; однако, согласно последним исследованиям, можно предположить, что следующие сведения, вероятно, являются верными. В ἐπίσκυρος игроки делятся на команды равного числа, которые разделяются линией, отмеченной камнями (σκῦρος): у них также был предел сзади, за который им не разрешалось выходить. Мяч кладется на скῦρος. Одна из сторон, которая первой захватит мяч, бросает его как можно дальше; другая сторона остается на месте, где мяч был пойман, и в свою очередь бросает его обратно (). Цель состоит в том, чтобы бросить мяч с такой силой,

чтобы отбросить противную сторону назад, и отбросить ее прямо к границам площадки, в этом случае она проигрывает игру.

Во второй игре, *φενίβδα*, также участвуют две стороны. Человек, который бросает мяч, вызывает определенного человека из противоположной стороны поймать мяч, но затем бросает его в совершенно другом направлении, и в этом случае его должен поймать кто-то другой. Если мяч падает на землю, сторона, которая не смогла его поймать, проигрывает. Мы меньше всего знаем о *harpastum*, но, по-видимому, мяч подбрасывался в воздух, чтобы бросающий сам мог его снова поймать. Чтобы это предотвратить, все игроки сбивались в кучу и, борясь за мяч, сбивали друг друга с ног под сопровождение оглушительного шума. Наконец, игра, описанная Византийцем Циннамусом, которую Мейнеке, а после него и Грасбергер отождествили с *harpastum*, не имеет к ней никакого отношения. Это была совершенно особая игра для императорской семьи, в которую играли верхом на лошадях, а мяч ударяли ракеткой, и ни одна из этих особенностей не характерна для *harpastum*.¹

Римский театр и амфитеатр

РИМСКАЯ ЛАМПА

Если римский народ был плохо обустроен на своих улицах, он мог получить компенсацию в виде огромных сооружений, построенных для его развлечения, просторных прогулочных зон и садов, предназначенных для его отдыха, а также территории, которая тщательно сохранялась для его занятий спортом в Марсовом поле и цирках Ромула и Фламиния. Театр Помпея, первый построенный из камня для постоянного использования, имел конкурента в лице театра Балба, а Август посвятил третье сооружение удовольствиям граждан под названием театр Марцелла. Из огромных размеров этих знаменитых зданий ясно, что идея использовать их для театральных представлений мало интересовала их строителей. Римский театр был учреждением, очень отличающимся от нашего, где избранная публика платит за вход на частное представление в большом масштабе. Это были дома римского народа, в которые каждый гражданин имел право входа, поскольку они были подарены ему его щедрыми основателями, а представления, которые в них проходили, бесплатно предоставлялись магистратами. Поэтому первоочередной задачей было разместить как можно больше людей, а когда это было сделано, встал вопрос о том, как обеспечить им безопасное и удобное развлечение.

Тридцатитысячная толпа зрителей, возбужденная осознанием собственной многочисленности, не могла спокойно сидеть под палящим итальянским солнцем, смягчаемым лишь навесом, в созданном ими самими паре и пыли, которые приходилось устранять струями ароматизированной воды, чтобы слушать формальный диалог древней трагедии, декламируемый человеческими марионетками в масках с медными губами, шатающимися на высоких котурнах. Как бы то ни было с греками, по крайней мере для простых римлян было невозможно отвлечь свое воображение от представленной перед

ними некрасивой реальности, чтобы увидеть в ней символическое предзнаменование героического и божественного. Однако в отношении очарования музыки и танца, которые также считаются удовольствиями воображения, они, по-видимому, имели подлинный, хотя и, возможно, грубый вкус. Соответственно, их драматические представления в основном проводились в форме пантомимы; по крайней мере, эта форма драмы была наиболее распространенной среди них и породила гениев, изобретателей и творцов в своей области.

Некоторые из самых известных мимических актеров были сами римлянами, но древнее предубеждение против занятий актерским искусством со стороны граждан, пожалуй, так и не было полностью преодолено. Соответственно, греческие имена фигурируют в списке актеров на римской сцене более заметно, чем римские, и двое из них, Бафилл и Пилад, делили между собой, при мягкой автократии Августа, самую горячую симпатию и благосклонность владык мира. Соперничество этих двух конкурентов за публичные аплодисменты, или, скорее, их поклонников и сторонников, вылилось в бурные беспорядки, которые в конце концов вызвали вмешательство самого императора. «Для вашего правительства лучше, — сказал ему один из них, когда его попросили прекратить профессиональное соперничество, которое ставило под угрозу спокойствие города, — для граждан лучше ссориться из-за Пилада и Бафилла, чем из-за Помпея и Цезаря».

Но какими бы ни были претензии пантомимы как законного детища драмы, римская сцена была захвачена другим видом представлений, которые не могли претендовать на такое звание. Огромные размеры театра требовали более грандиозных сценических эффектов, чем те, которые мог обеспечить скромный и простой греческий хор, в котором священники или девы, каким бы ни было их число, могли только повторять один и тот же тип движений. Изысканные чувства высших классов были подавлены вульгарной толпой, которая шумно и агрессивно требовала удовлетворения своих грубых и невоспитанных вкусов. Перед их глазами проносились процессии лошадей и колесниц, диких и незнакомых животных; по сцене пролегла длинная триумфальная процессия; добыча захваченных городов и фигуры самих городов были представлены в живописи или скульптуре; в каждом перерыве между более серьезными представлениями на сцене появлялись толпы канатоходцев, фокусников, боксеров, клоунов и акробатов, людей, которые ходили на руках, стояли на голове, поднимались в воздух с помощью механизмов, висели на проволоке, танцевали на ходулях или демонстрировали свое мастерство с чашками и шариками. Но эти развратные зрелища были не самым низким падением, которому подвергались театры. Они были заражены грубейшими непристойностями, и роскошь сцены, как деликатно выразились римляне, вызвала громкое возмущение реформаторов более поздней эпохи. До сих пор законодатели и моралисты довольствовались тем, что клеймили гражданским позором инструменты развратных удовольствий народа, но даже для этого предлогом служила скорее предполагаемая низкость выставления себя на показ за деньги, чем нечестивость самих представлений. Законная драма, которая все еще была упражнением мастерства среди римлян, была, пожалуй, отнесена к небольшим деревянным театрам, которые возводились из года в год для временного использования. Существовали также определенные частные театры, в которых рыцари и сенаторы могли проявлять свой талант к пению и актерскому мастерству, не подвергаясь позору публичного выступления.

Стремление к величию и роскоши, столь быстро развившееся среди римлян благодаря гордости за богатство и власть, стимулировалось яростной *rivalry* соперничеством великих дворян. Смелый и изобретательный трибун Курион, чьи таланты нашли более роковую арену в гражданских войнах, был, возможно, первым, кто придумал форму двойного полукруга (), которую он воплотил в жизнь с помощью огромной деревянной конструкции и обширного механического аппарата, с помощью которого два театра, выполнив свою законную обязанность перед драмой, могли быть повернуты лицом друг к другу и

объединены в один амфитеатр для гладиаторских зрелищ. Нет сомнений, что это необычное сооружение было приспособлено для размещения многих тысяч зрителей; и, пожалуй, даже среди наших инженеров, которые строят трубчатые мосты и подвешивают над нашими головами гектары железных сетей, мало кто не побоялся бы решить проблему перемещения населения большого города на одной паре осей.

Амфитеатр Юлия Цезаря в Кампусе также был деревянным, и он, как и его предшественники, по-видимому, был снесен после того, как выполнил свою задачу. Осталось за Статилием Тауром, легатом Августа, построить первое здание такого рода из камня и завещать будущим поколениям первоначальную модель великолепных сооружений, носящих это имя, некоторые из которых до сих пор свидетельствуют о величии империи в ее провинциях; но самым удивительным образцом и, по сути, самым благородным из всех существующих памятников древней архитектуры является великолепный Колизей в Риме.

Как и большинство великолепных зданий этого периода, амфитеатр Тауруса был возведен на Марсовом поле, поскольку в пределах города не было возможности выделить столь большую площадь для этой цели; хотя ходили слухи, что Август намеревался увенчать серию своих общественных сооружений зданием такого рода в центре своей столицы, возможно, примыкающим к его форуму. Однако, в то время как амфитеатр был новым изобретением, цирк, который в некотором роде был его дополнением, был одним из древнейших учреждений города. Сам основатель созывал своих подданных в долине Мурсия, под своей хижиной на Палатине, чтобы праздновать игры по верховой езде, охоте и гонкам на колесницах.

Закрытое пространство, в котором ежегодно проводились эти представления, было продолговатым, изогнутым в дальнем конце, длиной более шестисот ярдов, но сравнительно узким. Сиденья, расположенные по двум большим сторонам и на конце этой площадки (которая получила свое название «арена» от песка, которым она была усыпана), первоначально были в основном вырезаны из возвышающейся земли и покрыты дерном; позже были установлены менее грубые деревянные леса, но в конце концов все пространство было окружено каменной кладкой и украшено всеми формами и элементами римской архитектуры.

Арена была приспособлена для гонок на колесницах с помощью перегородки, невысокой стены, увенчанной различными символическими устройствами, которая пролегла по середине и заканчивалась на обоих концах воротами или украшенными колоннами, вокруг которых соревнующиеся колесницы проезжали определенное количество раз. Взгляд зрителя, находящегося на возвышенности, проносился над этим хребтом, и он получал полный обзор соревнования, которое таким образом проходило и повторялось среди облаков пыли и рева сочувствующего возбуждения у его ног. Римляне с самого начала испытывали огромное удовольствие от этих гонок, и многие из самых ярких отрывков их поэтов описывают пыл лошадей, соперничество их возничих и бурный энтузиазм зрителей.

Эти соревнования сохраняли свой интерес от колыбели до самой могилы римского народа. Цирк Константинополя, под греческим названием Ипподром, был скопирован по образцу римского; а фракции, которые делили благосклонность племен почти с самого начала империи, продолжали будоражить город Феодосия и Юстиниана. Граждане никогда не уставали от этого зрелища и могли без усталости сидеть на сотнях забегов, которые иногда устраивал для них щедрый организатор. Но чаще всего гонки чередовались с соревнованиями другого рода. В цирке демонстрировались все разновидности греческого панкратиона, такие как бокс, борьба и бег; гладиаторы сражались друг с другом

обнаженными мечами, иногда в одиночном бою, иногда в противостоящих друг другу группах.

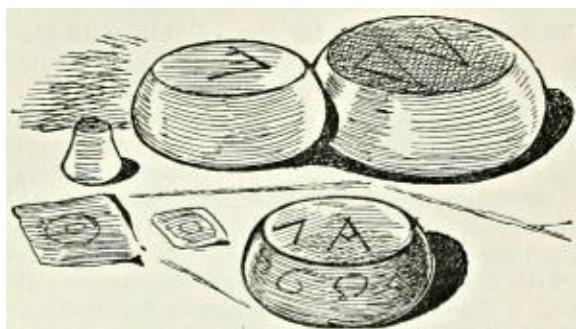
Огромный размер арены, неблагоприятный для проведения дуэлей, был использован для демонстрации огромного количества диких животных, которых выпускали на арену, чтобы пронзить их копьями и стрелами. Эта практика, по-видимому, восходит к VI веку, когда победоносные полководцы впервые вернулись в Рим из дальних регионов многолюдного Востока, чтобы завоевать расположение народа, показав ему странных чудовищ неизвестных континентов, львов и слонов, жирафов и бегемотов. Как и в других вещах, соперничество знати вскоре проявилось в количестве этих существ, которых они приводили на заклание; и благосклонность граждан, по-видимому, неизменно следовала за тем чемпионом « », который проливал больше всего крови. Цирк был слишком просторным, чтобы глаз мог насладиться выражением противоречивых страстей и наблюдать за последними вздохами жизни; но амфитеатр привлекал максимально возможное количество зрителей на близкое расстояние от мертвых и умирающих и питал страсть к зрелищу крови, которое на протяжении веков продолжало соперничать по интересу с безвредным азартом гонок.

Идея театра — это представление и иллюзия, а сцена — это, так сказать, волшебная земля, над которой воображение может без ограничений блуждать и перемещаться по своему желанию из Фив в Афины, из настоящего в прошлое или будущее. Но в амфитеатре все реально. Гражданин, сидящий лицом к лицу со своими согражданами, не мог ни на мгновение забыть ни о своей стране, ни о своем времени. Представления, которые здесь ему показывали, не обращались к его мыслительным способностям; они представляли перед его чувствами во всей суровой реальности, воплощая в себе итог тех усилий силы, мастерства и ловкости в обращении с оружием, на которые неизбежно были направлены большая часть его времени и мыслей.

Показательные гладиаторские бои, которые обычно предшествовали отправке полководца в поход за границу, были частью обучения солдат (а каждый гражданин считался солдатом), в ходе которого он получал последнюю шлифовку своего образования и учился рассматривать ранения и смерть как естественные явления своей профессии. Вероятно, это были самые древние военные зрелища. Сражения диких зверей и людей со зверями были извращением благородной науки войны, которой, как полагали, учили гладиаторские бои; они были уступкой похотливому стремлению к острым ощущениям, порожденному потворством, которое, хотя и было естественным в грубом и варварском веке, на самом деле ожесточало и развращало. Интерес, который эти упражнения сначала естественно вызывали, выродился в простое увлечение зрелищем смерти; и поскольку воображение никогда не может быть полностью бездействующим перед лицом самой голые реальности, римляне научились наслаждаться своими мыслями о глубочайшей тайне человечества и с ненасытной любознательностью вникать в секреты последних мгновений существования. По мере того как они теряли веру в будущую жизнь, они становились все более беспокойными в своем стремлении узнать условия настоящей.

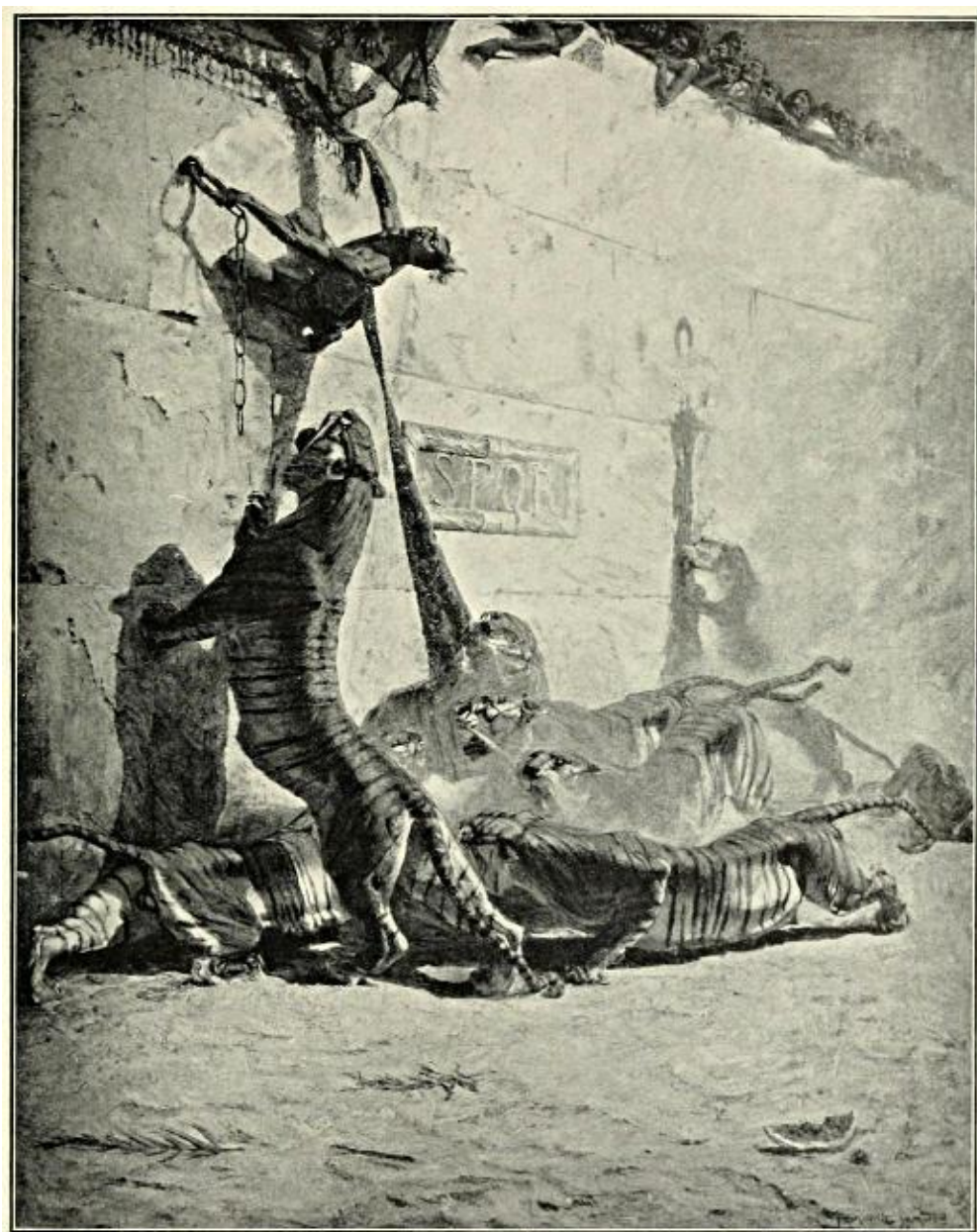
Рвение, с которым большая масса граждан стекалась, чтобы посмотреть на эти кровавые зрелища, при каждом их проведении, стало одной из самых ярких черт римского общества (), и ни один из их обычаев, соответственно, не привлекал больше внимания древних писателей, которые стремились описать нравы своего времени. Они часто представляют их как праздное и легкомысленное развлечение, недостойное великой нации царей; мы также не находим официального оправдания гладиаторским боям как средства воспитания мужества и поощрения грубых добродетелей древности, которое обычно выдвигается в качестве их оправдания частными моралистами. Люди разумные, которые сами были

далеки от вульгарного удовольствия от этих ужасных зрелищ (и следует отметить, что ни один римский автор не говорит о них с одобрением и не наслаждается их отвратительностью), без труда соглашались с мнением, что необходимо развлекать толпу и лучше удовлетворить ее любыми желаниями, чем рисковать более страшными последствиями, связанными с противодействием и контролем над ней. Кровь, пролитая на арене, была ценой, которую они были готовы заплатить за безопасность и спокойствие королевства.

РИМСКИЕ ВЕСА

По крайней мере, теоретически, мужчины, которых выталкивали на арену для сражения с дикими зверями, были осужденными преступниками; но часто приходилось прибегать к наемным добровольцам, чтобы набрать необходимое количество участников, и это, по-видимому, доказывает, что преимущество обычно было на стороне человеческого бойца. Гладиаторы, хотя их профессия, по мнению антикваров, восходит к сражениям вооруженных рабов вокруг погребального костра своего хозяина, заканчивавшимся их взаимным уничтожением в его честь, не были обречены на верную смерть. Обычно они были рабами, купленными для этой цели, но нередко и свободными людьми, нанятыми за щедрую плату; и в том и в другом случае они были слишком дорогими, чтобы их можно было безразлично бросить на произвол судьбы. После нескольких лет службы они имели право на увольнение, и их профессия во многих отношениях считалась государственной службой, осуществляемой в соответствии с установленными правилами. При императорах даже рыцарям и сенаторам, которые с удовольствием демонстрировали свою храбрость и ловкость перед лицом опасности, требовались специальные законы, чтобы умерить их рвение спускаться на арену. Настолько жестокость порождала привычка к оружию, настолько успокаивало тщеславие мечника сознание своего мастерства и доблести, настолько стимулировало его гордость гром аплодисментов сотен тысяч поклонников, что практика смертельных боев, как бы ни отвращала ее ужасы неискушенная натура, на самом деле была, пожалуй, источником большего удовольствия, чем боли для римских наемных бойцов. Если товарищи Спартака восстали и убили своих тренеров и хозяев, то этому примеру отчаяния и враждебности можно противопоставить явную преданность гладиаторов Антония, которые преодолели столько препятствий в тщетной попытке прийти ему на помощь. Но влияние таких зрелищ на самих зрителей было полностью пагубным; поскольку они совершенно не смогли привить им искусственное мужество, для чего, как считалось, и были придуманы, они уничтожили чувство сострадания к страданиям, которое отличает человека от животного.⁴

К ТИГРАМ

ОЦЕНКА ГЛАДИАТОРСКИХ СОСТЯЗАНИЙ ШЕПАРДОМ

Гладиаторские бои были, прежде всего, отличительной чертой Рима. Рим в дни своего упадка, лишенный добродетели, веры, доверия к своим богам и к самому себе, все еще любил, верил и обожествлял одного идола — убийство. Кровопролитие в амфитеатре оказывало на умы людей такое очарование, что литература, искусство, философия, религия и простые удовольствия семейной жизни были отброшены в сторону. Существование превратилось в ужасную фантазмагорию — череду разврата и крови.

Сама по себе эта практика восходит к одному из самых мрачных суеверий человеческого разума. Она возникла из варварского инстинкта дикаря приносить свою жертву на могиле умершего в качестве удовлетворения и, возможно, в качестве сопровождения ушедшего духа. Пример, из какого бы источника он ни происходил, был впервые показан римскому

народу Марком Аврелием Брутом () и Децимом Брутом (Decimus Brutus), которые устроили гладиаторские бои на Форуме Боариуме (Forum Boarium) с целью придать беспрецедентный блеск похоронам своего отца в 264 году до нашей эры. Семена упали на плодородную почву, и вскоре они проросли и созрели, принеся урожай, более разрушительный, чем драконьи зубы из греческой мифологии. Богатство и изобретательность римской аристократии были задействованы до предела, чтобы удовлетворить народ и обеспечить пищу для безразборной бойни в цирке, где зверь сражался со зверем, а человек с человеком, или где мастерство и оружие последних соперничали с силой и жестокостью первых. За один день Помпей выпустил на арену шестьсот львов. Август порадовал толпу зрелищем четырехсот двадцати пантер. Двадцать слонов, как рассказывает Плиний, сражались с отрядом из шестисот пленников-геттов. Игры, устроенные Траяном, длились более ста двадцати дней. Десять тысяч гладиаторов спустились на арену, и более десяти тысяч зверей было убито. Тит, «восхищение человеческого рода», за один день убил более пяти тысяч животных. Каждый уголок земли был обыскан в поисках каких-нибудь странных существ, появление которых сопровождалось неистовыми аплодисментами зрителей. Мы слышим о камелopardах, белых слонах и носорогах. Скаур представил на сцене бегемота и пять крокодилов. Дичь более благородных видов стала редкостью. Римское население было так же возмущено теми, кто каким-либо образом наносил ущерб его запасам, как сельский охотник — браконьером или несчастным преступником, убившим лису. Во времена Феодосия законом было запрещено убивать гатальского льва даже в целях самообороны.

Но агония диких животных пустыни была слишком скучным зрелищем, чтобы удовлетворить римскую жажду крови. Именно когда человек сражался с человеком, и когда все, на что были способны человеческая сила и мастерство, усиленные тщательной подготовкой и задействованные до предела, демонстрировалось перед их неумолимыми глазами, их кровожадный энтузиазм достигал своего апогея. Невозможно описать вид амфитеатра в такой момент. Зрители приходили в ярость от возбуждения; они вставали со своих мест; они кричали; они аплодировали, когда один удар за другим, каждый ужаснее предыдущего, наносился копьем, мечом или кинжалом, и хлестала кровь. «Nos habet» — «Он получил, он получил!» — раздался крик, вырвавшийся из десяти тысяч глоток, и его повторили не только низкий и озверевший народ, но и члены королевской семьи, сенаторы и рыцари в пурпурных одеждах, знатные матроны и даже посвященные девы, чье присутствие в других местах спасало преступника от его судьбы, но чья функция здесь заключалась в том, чтобы обречь просящего на гибель, опустив большой палец вниз в ответ на его просьбу о пощаде (). Его кровь вскоре впитал жаждущий песок или скрыл под собой опилки, посыпанные на него готовым слугой; его тело поспешно утащили со сцены железным крюком и бросили в кровавую яму; его существование было забыто, а его место заняла другая и еще одна жертва, пока продолжалась неустанная работа смерти.

И мы должны помнить, что все это делалось не случайно и не под влиянием какого-то странного приступа народного безумия. Это делалось намеренно, систематически и спокойно; это было основным развлечением, я почти сказал бы, нормальным занятием всего народа, единственным слышимым криком которого было «panem et circenses» — «хлеб и зрелища». И они не были порождены жестокими привычками и ассоциациями, которые окружают арену для боя петухов или боксерский ринг. Когда людей «забивали на смерть, чтобы устроить римский праздник», это происходило среди всех тонких приспособлений самого изысканного чувственного наслаждения. Тент, роскошный, с пурпуром и золотом, защищал от лучей полуденного солнца; в воздухе витали сладкие звуки музыки, заглушая крики смерти; запах сирийских духов перебивал запах крови; глаз радовала самая блестящая сценическая декорация и развлекала сложная механика; и, как венчающее все

это унижение, пафийская комната куртизанки из « » возвышалась рядом с кровавым логовом, в которое бросали изуродованные тела людей и животных.

Такие вещи кажутся невозможными тем, кто живет в условиях цивилизации, на которую, пусть и несовершенно, но все же повлияло христианство. И действительно, нужно многое — совпадающие свидетельства поэта, историка и философа; руины сотни амфитеатров перед нашими глазами; фрески Музея Бурбонов; сами программы представлений, которые сохранились благодаря чему-то большему, чем случайность; случайное свидетельство вдохновенного апостола — нужно все это, чтобы убедить нас в правде. Но это истинные, неоспоримые факты истории, и факты, которые не несут в себе никаких неясных намеков на причины, приведшие к падению имперского города. Они доказывают, что он заслужил падение, и от рук тех, в чьих лицах он оскорблял человечество. Это был не поэт, известный своим чрезмерным увлечением религиозным чувством божественного возмездия, который написал:

«Должен ли он умереть,

И не отомщенной! Встаньте, готы! И утолите свой гнев».

Гладиатор, будь то прямой пленник или непокорный раб, обычно был ребенком тех народов, которые впоследствии отомстили городу крови кровавой мстостью. И если ее собственные выродившиеся сыновья, вольноотпущенники, рыцари или сенаторы, да, даже ее развращенные дочери спускались на арену и сражались рядом с ним, это могло только свидетельствовать о ее еще большем падении и непригодности руководить судьбами мира.^[4]

СНОСКИ

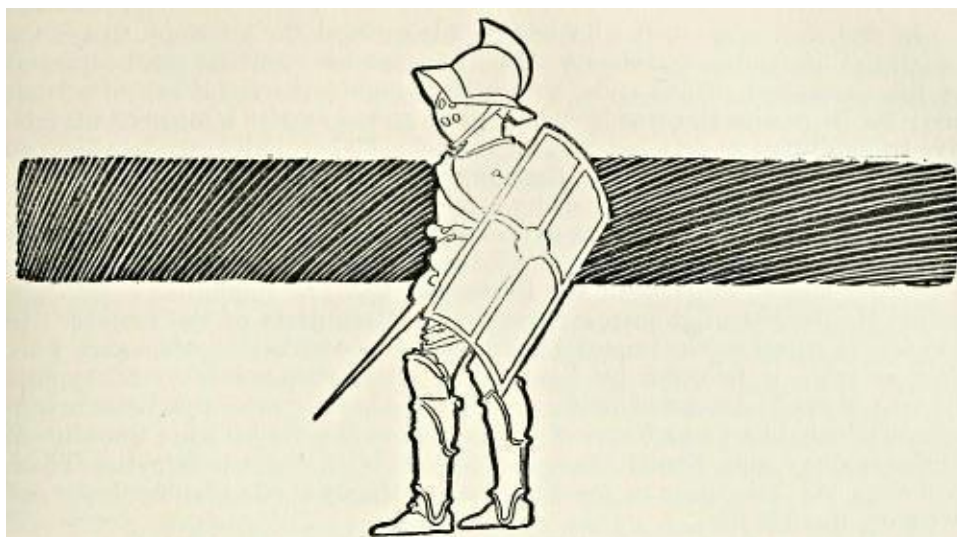
[36] [Следует иметь в виду, что более оптимистичный взгляд на раннюю империю имеет своих сторонников. Как уже отмечалось, существуют разные оценки таких императоров, как Тиберий. Также утверждается, что жестокость и пороки императоров затрагивали лишь ограниченный круг лиц, а провинции в то же время могли быть хорошо управляемыми, здоровыми и процветающими. Например, утверждается, что Тиберий и Домициан правили провинциями лучше, чем Антонины].

[37] Аппиева дорога была модной трассой римской знати.

[38] Римляне ездили в поездках на колесницах, но редко для развлечения и никогда в пределах города. Даже за стенами города считалось неподобающим держать вожжи в руках самому, так как это было занятием раба или наемного возницы. Ювенал относит консула, который выбирается ночью, чтобы управлять своей колесницей, к самым низким персонажам: то, что он осмеливается ездить днем, находясь еще в должности, является чрезмерной порочностью, превосходящей воображение самого саркастичного художника, изображающего нравы того времени. И это было сто лет спустя после эпохи Августа. См. Ювенал, VIII, 145.

[39] *Leges Juliae* разрешали двести сестерциев на трапезу в обычные дни, триста — в праздники, тысячу — на особые случаи, такие как свадьба и т. д. *Геллий* II, 24.

[40] Структор, или резчик, был важным служащим за столом. Резку даже преподавали как искусство, которое, поскольку у древних не было вилок (*χεῖρωναῖον*, манипулировать, было греческим термином для этого), должно было требовать как изящества, так и ловкости. Моро де Жоннес с некоторым основанием замечает, что изобретение вилки, казалось бы, столь простое, заслуживает того, чтобы считаться сложным и непостижимым. Китайцы, с их древней и сложной цивилизацией, не смогли этого достичь.

ГЛАВА XXXIX. ПОЛВЕКА УПАДКА: ОТ КОМОДА ДО АЛЕКСАНДРА СЕВЕРА

День смерти Марка Аврелия можно считать решающим моментом, когда была предreshена гибель старой цивилизации.

Теперь, после великих усилий разума на высоких постах, после Нервы, Траяна, Адриана, Антонина, Марка Аврелия, снова начинается царствование зла, и оно хуже, чем когда-либо. Прощай, доброта, прощай, разум! Теперь приветствуем глупость! Приветствуем абсурд! Да здравствует сириец и его сомнительные боги! Настоящие врачи ничего не смогли сделать; больной более болен, чем когда-либо: пошлите за шарлатанами. — РЕНАН.

[161-183 гг. н. э.]

Мы подошли к периоду явного упадка. Даже в золотую эпоху нация, вероятно, была скорее статичной, чем прогрессивной, несмотря на славу, окружающую великие имена ее императоров. Но теперь ухудшение слишком быстрое и слишком заметное, чтобы его можно было подвергать сомнению. Этот период не имеет никакого значения, кроме как переходный от великих дней империи к дням ее упадка. Тем не менее, события этого переходного периода предстают перед нами в одной из самых ярких панорам во всей истории. Эти события группируются в несколько странных сцен. Первая показывает нам сына философа, предающегося низшим порокам, унижающего себя на арене, общающегося с гладиаторами и рабами и, наконец, приходящего к позорной смерти от рук своей жены и вольноотпущенников, которые убивают его, чтобы спасти свои собственные жизни.

Вторая сцена показывает нам, в резком контрасте с недостойным сыном философа, благородного сына раба, вступающего на престол. Пертинакс проходит по сцене как добрый старик, имеющий благие намерения, но неспособный остановить течение времени. Он встречает то, что можно назвать нормальной императорской судьбой — убийство; и историческая сцена очищается для одного из самых странных зрелищ, которые она когда-либо видела — аукциона империи. Конечно, это не первый случай, когда деньги продемонстрировали свою силу в распоряжении императорским престолом. Давно сложился обычай, что новый император делает «подарки» солдатам. Но теперь дело сводится к откровенным условиям купли-продажи.

Со временем человек, который таким образом выторговал империю, поплатился за свою амбицию; затем между соперничающими претендентами на престол разразилась смута, которая, естественно, закончилась смертью всех, кроме одного; он, по имени Септимий Север, дал империи момент относительного спокойствия; и, наконец, представил зрелище, едва ли менее странное, чем все остальные, — зрелище римского императора, умершего естественной смертью. Мы не увидим ничего подобного в течение многих царствований.

За Севером следуют его два сына, Каракалла и Гета. Первый хорошо играет роль безжалостного деспота; он убивает своего брата и убивает множество беззащитных подданных на Востоке; а затем, чтобы подчеркнуть парадокс, дарует всем подданным империи игрушечное римское гражданство. В свое время он встречает императорскую смерть, и его преемником становится Макрин, который, будучи сразу убит, сменяется Элагабалом. Этот развращенный юноша олицетворяет свою эпоху; он погружается в разврат, который ужасает даже римскую совесть; вводит новые формы поклонения из Востока; завоевывает титул Сарданапала; и, наконец, убитый, его тело бросают в Тибр, и его прозвали Тиберином, в насмешливую память о его бесславной смерти и еще более бесславной жизни.

И вот, наконец, луч света пробивается сквозь мрак, и с приходом Александра Севера наступает кратковременное возрождение дней, когда Рим был чем-то большим, чем полем сражений наемников и двором сластолюбивых. Однако в конце концов даже этот добрый император встречает судьбу всех остальных. Поистине, время вышло из строя.

Давайте теперь более подробно, но все же настолько кратко, насколько это позволяет историческая полнота, рассмотрим историю этих странных событий, начиная с правления отступника Коммода, который обязан был своим положением на троне скорее родительской любовью, чем философским суждением лучшего из императоров.^a

Коммод (180-192 гг. н. э.)

Преемником Марка Аврелия стал его сын, обычно известный как Коммод, полное имя которого было Марк Луций Элий Аврелий Коммод Антонин. Этот недостойный потомок славного рода родился в Ланувии 31 августа 161 года и был провозглашен цезарем 12 октября 166 года. В 177 году Коммодус получил трибунскую власть и был призван занять место «августа» рядом со своим отцом.

Три года спустя, 17 марта 180 года, Аврелий умер, и Коммод, которому на тот момент было менее девятнадцати лет, без труда взял на себя бразды правления. Но он не был человеком, способным подняться на высоту положения и воспользоваться преимуществами побед своего отца. Он заключил мир с германцами, который можно было бы считать почетным, но который был далек от обеспечения удовлетворительной защиты интересов Рима. Основные условия были такими же, как те, которые Марк Аврелий навязал врагу пять или шесть лет назад, но Коммод сдал все крепости, которые римляне построили в сердце вражеской страны. Блеск римского оружия был на время восстановлен, и старые и новые полководцы, прошедшие школу парфянских и германских войн, охраняли границы империи во всех точках. Но изменение к худшему вскоре проявилось во внутренней политике империи.^b

В Риме в течение примерно трех лет царило спокойствие, поскольку Коммод, который, как мы уверены, по своему характеру был скорее слабым и робким, чем злым, позволял руководить собой способным и честным людям, которых ему рекомендовал его отец. Он посвящал свое время роскоши и удовольствиям, пока наконец (183) не произошло событие, которое раскрыло скрытую жестокость его натуры.

[183-186 гг. н. э.]

После смерти Л. Вера Марк выдал свою дочь Луциллу замуж за Помпеяна, весьма уважаемого сенатора; после смерти ее матери он предоставил ей все почести императрицы, которые ее брат также продолжал ей оказывать. Но после брака Коммода с дамой по имени Криспина Луцилла была вынуждена уступить первенство правящей императрице. Ее высокомерный дух счел это оскорблением, и она решила отомстить. Боясь довериться своему благородному мужу, она сначала поделилась своим замыслом с Квадратом, богатым молодым дворянином, с которым она вела прелюбодеяние; она также вовлекла в заговор Клавдия Помпеяна, другого своего любовника, который был помолвлен с ее дочерью; некоторые сенаторы также были в курсе этого. Когда Коммод входил в амфитеатр через темный проход, Помпеян, который поджидал его, вытащил меч и воскликнул: «Сенат посылает тебе это». Но эти слова помешали осуществлению его замысла, и он был схвачен стражниками. Он, Квадрат и некоторые другие были казнены; Луцилла была на время заключена на острове Капре, но вскоре была казнена, и аналогичная судьба вскоре постигла ее соперницу Криспину за прелюбодеяние. На ее место Коммод взял вольноотпущенницу по имени Марция, которая была наложницей Квадрата и которой он даровал все почести императрицы, за исключением того, что перед ней не несли факелы.

ЖЕСТОКОСТИ И СМЕРТЬ КОММОДА

[186-189 гг. н. э.]

Неразумное восклицание Помпеяна глубоко засело в сознании Коммода; он научился считать сенат своими смертельными врагами, и многие из его самых выдающихся членов были казнены под различными предлогами. Теперь он полагался только на гвардию, и преторианские префекты вскоре стали такими же важными, как и в прежние времена. Префектами теперь были Таррутен Пэртен и Перенис, но интриги последнего привели к тому, что первый был смещен и казнен, и вся власть в государстве перешла в его руки, поскольку робкий Коммод больше не осмеливался появляться на публике. Префект устранял всех, кого он боялся, с помощью ложных обвинений, и накопил богатство, конфисковав имущество знати. Его сын командовал иллирийскими легионами и теперь стремился к империи. Но он обидел армию Британии — армию, которая в 184 году одержала блестящую победу, — и они делегировали (186) полторы тысячи своих соратников, чтобы обвинить его перед Коммодом в замышлях на империю. Их поддерживало тайное влияние вольноотпущенника Клеандра, и Перенис был предан их мести. Он сам, его жена, сестра и двое детей были убиты; его старший сын был отозван и убит по дороге в Рим.

Характер Перениса сомнителен, но характер Клеандра, который унаследовал его власть, был чисто злым. Клеандр, по происхождению фригийский, был привезен в Рим как раб и продан на публичном рынке. Его купили для дворца и поместили рядом с Коммодом, с которым он быстро вступил в доверительные отношения; и когда принц стал императором, он сделал Клеандра своим камергером. После устранения Перениса власть освобожденного раба стала абсолютной; его руководящим принципом была алчность, страсть вульгарного ума. Все почести и все должности империи были выставлены на продажу; за деньги можно было получить помилование за любое преступление; и за короткий промежуток времени в три года богатство Клеандра превзошло богатство Палласа и Нарцисса в первые дни империи.

Вскоре после смерти Перениса произошел заговор необычайного характера. Большое количество людей, дезертировавших из армии, подчинилось командованию простого солдата по имени Матернус; к ним присоединились рабы, которых они освободили от оков, и в течение некоторого времени они безнаказанно грабили провинции Галлии и Испании. Наконец (187), когда Матернус обнаружил, что правители готовятся принять против него решительные меры, он решил сделать отчаянную попытку и стать императором или погибнуть. Он приказал своим последователям разойтись и тайно прибыть в Рим, где он предложил им надеть одежду гвардейцев и напасть на императора во время праздника Мегалесии. Все пошло по его замыслу; они благополучно прибыли в Рим, но некоторые из них из зависти предали тайну, и Матернус с несколькими другими были схвачены и казнены.

СВОЕОБРАЗНЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОР ЗНАМЕНОСЦА

[189-193 гг. н. э.]

Власть Клеандра была теперь на пике; дарами Коммоду и его любовницам он поддерживал свое влияние при дворе, а строительством бань и других общественных зданий пытался завоевать расположение народа. Он также командовал гвардией, для которой он некоторое время по своему усмотрению назначал и снимал преторианских префектов. В конце концов он разделил эту должность между собой и двумя другими, но не

принял титул претора (). В качестве примера того, как он распределял должности, мы находим в одном году (189) не менее двадцати пяти консулов.

Каковы были конечные взгляды Клеандра, неизвестно, поскольку он разделил обычную судьбу амбициозных вольноотпущенников. В это время Рим посетила страшная чума, и император из-за этого проживал за пределами города. Чума, как обычно, сопровождалась голодом, и это небесное наказание народ возложил на ненавистного фаворита. Однажды (189), когда они () смотрели скачки в цирке, вошла группа детей во главе с грозно выглядящей девочкой и начала выкрикивать лозунги против Клеандра. Народ присоединился к крикам, а затем поднялся и устремился к месту, где проживал Коммод в пригороде, требуя смерти Клеандра. Но фаворит немедленно приказал преторианской кавалерии атаковать их, и они были отброшены обратно в город с большими потерями. Однако, когда кавалерия въехала в улицы, на нее обрушился град снарядов с крыш домов, и народ, к которому присоединились городские когорты, собрался и отбросил ее обратно во дворец, где Коммод все еще лежал, ничего не зная о том, что произошло, поскольку страх перед Клеандром заставил всех молчать. Но теперь Марция, или, как говорили другие, сестра императора Фадилла, видя надвигающуюся опасность, ворвалась к нему и сообщила ему правду. Не задумываясь ни на мгновение, он приказал казнить Клеандра и его сына. Народ поместил голову Клеандра на шест и тащил его тело по улицам, и когда они убили некоторых из его приспешников, беспорядки прекратились.

Жестокость Коммода проявлялась с каждым днем все сильнее, и несколько высокопоставленных лиц стали ее жертвами.^c Таким образом, после многих лет спокойствия высшие слои римского общества вновь оказались в невыносимом положении, постоянно опасаясь смерти. Рим вновь стал свидетелем зрелища, когда злой юнец на троне цезарей пал жертвой «безумия империи», поправ достоинство своей великой должности в яростной жажде удовольствий всякого рода и, в помпезной тупости, играл роль кровожадного шутника и глупого расточителя.^b В то же время его похоть была безгранична; триста прекрасных женщин и столько же юношей всех возрастов и национальностей заполняли его гарем, и он не воздерживался от никаких пороков. Он также любил демонстрировать свое мастерство стрелка и присвоил себе титул и атрибуты героя Геракла. Некоторое время, как и Нерон, он ограничивался демонстрациями своего мастерства в своих резиденциях, но в конце концов сенату и народу было позволено увидеть его мастерство в амфитеатре. Вокруг амфитеатра для безопасности и удобства императора была построена галерея, с которой он с непогрешимой точностью стрелял дротиками и стрелами в крупных и свирепых животных, а на арену выходил, чтобы убивать оленей и других робких животных. Сразу было выпущено сто львов, и каждый из них падал от одного удара; разъяренная пантера только что схватила человека, император бросил дротик, и зверь упал замертво, а человек остался невредим. Стрелами с серповидными наконечниками он отсекал головы страусам, бежавшим на полной скорости.

Но больше всего ему нравилось сражаться как гладиатор. Он выступал в роли сектора: он велел записать 735 побед, которые он одержал, и каждый раз получал огромное вознаграждение из гладиаторского фонда. Вместо Геракла он теперь называл себя Паулусом, в честь знаменитого сектора, и велел высечь это имя на своих статуях. Он также поселился в резиденции гладиаторов.

Наконец тиран встретил заслуженную судьбу. Он планировал казнить двух избранных консулов на 193 год, а в день Нового года выйти из школы гладиаторов в своем гладиаторском костюме и вступить в консульство. Накануне он сообщил о своем замысле Марции, которая тщетно пыталась отговорить его от этого. К. Эмилий Лаэт, префект претория, и камергер Элект также пытались его отговорить, но с таким же успехом. Он

проявил большой гнев и высказал некоторые угрозы. Зная, что угрозы тирана были верным предвестником смерти, они поняли, что их единственная надежда на спасение заключалась в упреждении; они приняли решение в тот же момент;^[41] и когда Коммод вышел из бани, Марция, как обычно, подала ему чашу (в которую она теперь налила сильное яд), чтобы утолить его жажду.

Он выпил яд, а затем лег спать. Все слуги были отправлены прочь. Заговорщики ждали, когда яд подействует, и император начал сильно рвать. Опасаясь, что яд не подействует, они привели сильного борца по имени Нарцисс, и, соблазнившись обещанием большой награды, тот схватил императора и задушил его.^[42]

ПЕРТИНАКС (П. ГЕЛЬВИЙ ПЕРТИНАКС), 193 г. н. э.

[193 г. н. э.]

Заговорщики, вероятно, уже определились с тем, кто должен унаследовать империю, и их выбор был рассчитан на то, чтобы принести им славу. Им был П. Гельвий Пертинакс, префект города, человек уже в преклонном возрасте, который, несмотря на скромное происхождение, имел безупречную репутацию и прошел все гражданские и военные ступени государственной службы. Пертинакс был сыном вольноотпущенника, занимавшегося производством древесного угля в Альба-Помпея в Апеннинах. Он начинал свою жизнь как литератор, но, обнаружив, что литературная профессия не приносит дохода, поступил на военную службу в качестве центуриона и быстро продвигался по служебной лестнице.

Была еще ночь, когда Лаэт и Эклект с несколькими солдатами направились к дому Пертинака. Узнав о их прибытии, он приказал привести их в свою комнату, а затем, не вставая, сказал им, что уже давно ожидал, что каждая ночь будет для него последней, и велел им исполнить свой долг, поскольку был уверен, что Коммод послал их убить его. Но они сообщили ему, что тиран сам уже не живет и что они пришли, чтобы предложить ему императорский трон. Он колебался, верить ли им, но, послав человека, которому мог доверять, и убедившись, что Коммод мертв, согласился принять предложенную ему должность. Хотя еще не наступил день, все они отправились в преторианский лагерь, и Лэтус, собрав солдат, сообщил им, что Коммод внезапно умер от апоплексического удара и что он привел им его преемника, человека, чьи заслуги известны всем. Затем Пертинакс обратился к ним, пообещав большие подарки. Солдаты поклялись в верности императору.

[illegible]

Пертинакс был с радостью признан всеми войсками. Как и Веспасиан, он был прост и скромен в одежде и образе жизни и поддерживал тесные отношения с уважаемыми членами

сената. Он передал свою частную собственность жене и сыну, но не позволил сенату присвоить им какие-либо титулы. Он с величайшей тщательностью регулировал финансы, отменяя угнетательные налоги и аннулируя несправедливые требования. Он продал с аукциона все предметы роскоши покойного тирана и обязал его фаворитов вернуть часть своей добычи. Он предоставил пустующие земли в Италии и других местах на несколько лет без арендной платы тем, кто взялся бы их улучшить.

Реформаторская рука императора простиралась на все сферы государства, и люди надеялись на возвращение эпохи Антонинов. Но солдаты боялись восстановления прежней дисциплины, и Лаэт, обнаружив, что не обладает той властью, на которую рассчитывал, тайно разжигал их недовольство. Уже 3 января они схватили сенатора по имени Триарь Матерн, намереваясь сделать его императором, но он сбежал от них и обратился за защитой к Пертинаксу. Спустя некоторое время, пока император находился на побережье, занимаясь поставками зерна, они приготовились возвести на престол тогдашнего консула Созия Фалько, но Пертинакс внезапно прибыл в Рим и, пожаловавшись на Фалько сенату, они уже собирались объявить его врагом народа, когда император воскликнул, что ни один сенатор не должен быть казнен, пока он правит, и Фалько таким образом избежал наказания.

Некоторые выражения, которые Пертинакс использовал в этой ситуации, раздражили солдат; а Лэтус, чтобы еще больше разозлить их, казнил нескольких из них, как будто по его приказу. Соответственно, 28 марта в лагере вспыхнул общий мятеж, и две-три сотни самых отчаявшихся солдат с обнаженными мечами направились к дворцу. Никто не препятствовал их входу. Пертинакс, узнав об их приближении, вышел им навстречу. Он обратился к ним, напомнив им о своей невиновности и об обязательствах, которые они взяли на себя, дав клятву. Они молчали несколько мгновений; наконец, один из тунгрийских солдат ударил его мечом, воскликнув: «Солдаты посылают тебе это». Затем все набросились на него, отрубили ему голову, насадили ее на копье и отнесли в лагерь. Эклект, верный до конца, погиб вместе с императором; Лаэт, переодевшись, бежал при приближении мятежников. Правление добродетельного Пертинакса длилось всего восемьдесят шесть дней; ему было шестьдесят семь лет.

Юлиан (М. Дидий Север Юлиан), 193 г. н. э.

Возвратившись в лагерь, мятежники обнаружили там Сульпициана, префекта города, тестя покойного императора, который был послан туда, чтобы попытаться успокоить мятежников. Кровавое доказательство того, что империя осталась без правителя, возбудило его амбиции, которые должны были бы угаснуть, и он немедленно начал вести переговоры о получении опасного трофея. Некоторые солдаты сразу же побежали и, взобравшись на валы, громко провозгласили, что империя продается и будет отдана тому, кто предложит самую высокую цену. Эта новость дошла до Дидия Юлиана, богатого и роскошного сенатора, когда он сидел за столом; подталкиваемый женой, дочерью и своими паразитами, он встал и поспешил в лагерь. Военные аукционисты стояли на стене, один из них внутри, другой снаружи. Сульпициан предложил пять тысяч денариев за человека, когда его соперник одним током поднял ставку до 6250. Это энергичное предложение победило; солдаты также тайно опасались, что Сульпициан, став императором, может отомстить за смерть своего зятя. Ворота были распахнуты, и Юлиан был впущен и приветствован как император; но солдаты проявили великодушие и потребовали гарантий безопасности для его соперника.

Из лагеря Юлиан в сопровождении солдат направился в здание сената. Там его приняли с притворной радостью и присвоили ему обычные титулы и почести; но народ стоял в стороне и молчал, а те, кто находился дальше, громко проклинали его. Когда Юлиан пришел во дворец, первое, что бросилось ему в глаза, был труп его предшественника; он приказал

похоронить его, а затем, как говорят, сел и провел большую часть ночи () за роскошным банкетом и игрой в кости. Утром сенат явился к нему с притворными поздравлениями, но народ по-прежнему был мрачен, и когда Юлиан спустился в здание сената и собирался воскурить ладан Янусу перед дверями, народ закричал, что он отцеубийца и узурпатор империи. Юлиан пообещал им деньги, но они не хотели их принимать, и в конце концов он приказал солдатам напасть на них, в результате чего несколько человек были убиты и ранены. Но они не переставали ругать его и солдат и призывать другие армии, особенно армию Песценния Нигера, прийти им на помощь.

Основными армиями были сирийская под командованием Нигера, паннонская под командованием Септимия Севера и британская под командованием Клодия Альбина, каждая из которых состояла из трех легионов с соответствующим количеством вспомогательных войск.

К. Песценний Нигер был уроженцем Аквинума, из простой семьи всадников. Он поступил в армию в звании центуриона и поднялся почти исключительно благодаря своим заслугам, пока не достиг прибыльного поста правителя Сирии. Как офицер Нигер был строгим хранителем дисциплины; как правитель он был справедливым, но мягким и снисходительным, и ему удалось завоевать любовь как солдат, так и подданных. В частной жизни он был целомудренным и умеренным.

Л. Септимий Север родился в Лептисе в Африке. Он получил хорошее образование и посвятил себя адвокатской практике, а М. Аврелий сделал его адвокатом казначейства. Он занимал должность гражданского правителя нескольких провинций и иногда командовал войсками, но практически не участвовал в боевых действиях. После своего консульства Коммод под влиянием Лаэтаса поручил ему командование паннонскими легионами, как сообщается в *«Августовской истории»*.

Д. Клодий Альбин также был африканцем. Он родился в Хадрумете, в почтенной семье, происходившей от римских родов Постумиев и Цеониев. Он рано поступил на военную службу и прошел все ступени карьерного роста, пользуясь большим уважением у Марка Аврелия. Во время восстания Кассия он командовал войсками в Вифинии и удержал свои легионы на службе. Коммод поручил ему командование в Галлии и Британии и назначил его своим преемником. Альбин был строгим и даже суровым офицером. Он увлекался сельским хозяйством и написал несколько книг на эту тему. Его обвиняли в личных пороках, но, вероятно, без оснований.

Когда весть об убийстве Пертинакса и продаже империи Юлиану дошла до армий Сирии и Паннонии, их полководцы увидели перед собой перспективу империи, открывшуюся им как мстителям императора, которого они признавали. Каждый из них собрал свои войска и разглагольствовал о жестокости деяния, совершенного в Риме, и каждый был приветствован своей армией и подданными как Август. Но в то время как Нигер, видя, что все провинции и союзные князья Азии единодушно поддерживают его, и поэтому пребывая в уверенности, оставался бездейственным в Антиохии, Север решил продвигаться к столице и овладеть этим центром империи. Обеспечив себе поддержку галльской армии, он написал Альбинусу очень дружеское письмо, в котором присвоил ему титул цезаря и усыновил его, тем самым обеспечив себе его нейтралитет, если не сотрудничество. Затем он быстрым маршем двинулся на Рим. Днем и ночью он появлялся в полном доспехе, окруженный охраной из шестисот отборных воинов, которые никогда не снимали своих кольчуг. Нигде не было оказано сопротивления; все приветствовали его как мстителя Пертинакса.

Бедный Юлиан был охвачен ужасом, когда услышал о приближении грозной паннонской армии. Он заставил сенат объявить Севера врагом народа; он раздал преторианцам большие суммы денег, чтобы побудить их подготовиться к его защите; но эти развращенные войска

были энергичны только в зле и не могли восстановить утраченную дисциплину; моряки, вызванные из Мисена, были еще более неэффективны; а попытка обучить слонов вести войну по восточному образцу вызвала только насмешки. Юлиан также велел укрепить город окопами и обеспечил дворец крепкими дверями и решетками, как будто это могло сохранить его, когда все остальное было потеряно. Он казнил Марцию, Лаэрта и всех, причастных к убийству Коммода, вероятно, с целью завоевать расположение солдат.

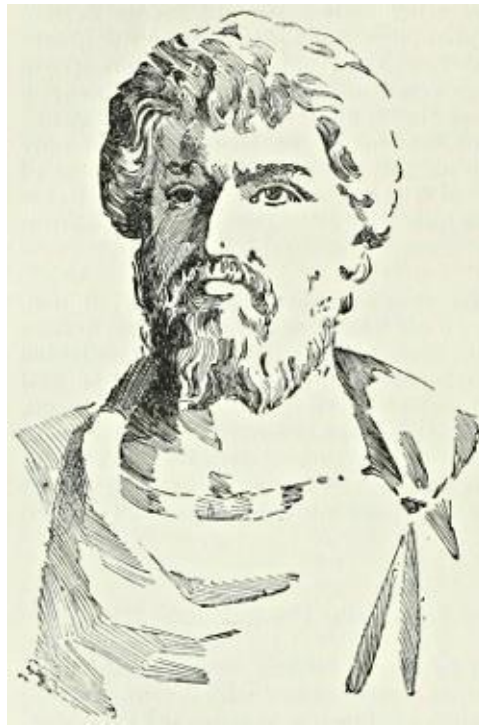
Тем временем Север достиг Равенны и обеспечил себе флот. Юлиан, предприняв несколько безуспешных покушений на его жизнь, заставил сенат объявить его своим соправителем в империи. Но Север теперь презирал такую разделенную власть; он написал преторианцам, гарантируя безопасность всем, кроме непосредственных убийц Пертинакса, и они приняли эти условия. Консул Силий Мессалла созвал сенат, и было решено казнить Юлиана и передать империю Северу. Когда те, кто был уполномочен казнить его, пришли к Юлиану, его единственными словами были: «Что я сделал плохого? Кого я убил?» Затем он был убит рядовым солдатом после правления, длившегося всего шестьдесят шесть дней.

СЕВЕР (Л. СЕПТИМИЙ СЕВЕР), 193-211 гг. н. э.

[193-194 гг. н. э.]

Севера встретили в Интерамне (Терни), в Умбрии, в семидесяти милях от Рима, представители сената. Он принял их с благосклонностью и продолжил свое продвижение. Приблизившись к Риму, он приказал казнить убийц Пертинакса и послал приказ оставшимся преторианцам оставить оружие в лагере и выйти ему навстречу, одевшись так, как они обычно одевались, когда сопровождали императоров на торжественных церемониях. Они подчинились, и Север принял их на равнине перед своим лагерем и обратился к ним с трибуны, упрекая их в убийстве Пертинакса и продаже империи Юлиану. Он сказал, что пощадит их жизни, но не оставит им ничего, кроме туник, и что смерть будет ждать любого из них, кто когда-либо приблизится к столице на расстояние менее ста миль. Пока он говорил, его солдаты незаметно окружили их; сопротивление было бесполезно, и они тихо сдали свои мечи и богатые одежды и печально удалились. Тем временем отряд захватил их лагерь, чтобы предотвратить последствия их отчаяния.

Север вступил в город во главе своей армии. Сенат и народ встретили его со всеми признаками радости и торжества. Он поднялся на Капитолий и поклонился богам, затем посетил другие храмы и наконец направился во дворец. Утром он встретился с сенатом, перед которым произнес речь, полную самых прекрасных обещаний, заверив сенаторов, что Марк будет его образцом для подражания, и поклявшись, что не казнит ни одного сенатора, если только они сами не осудят его — клятву, которую он сдержал лишь отчасти. Ему уже были присвоены обычные титулы и полномочия, среди которых был титул Пертинакса, мстителем которого он притворялся, и церемонию обожествления которого он провел с величайшей пышностью и торжественностью. Он раздал большие суммы денег солдатам и народу, регулировал поставки продовольствия, расследовал поведение нескольких губернаторов провинций и наказал тех, кто был признан виновным в угнетении.

СЕПТИМИЙ СЕВЕР

(По бюсту в Капитолийском музее)

Север восстановил преторианскую гвардию по новой модели и увеличил ее численность в четыре раза по сравнению с первоначальной. Август допускал в эту гвардию только итальянцев; постепенно в нее стали принимать молодых людей из Испании, Норика и Македонии, но Север открыл ее для всех, отбирая из легионов самых способных и верных солдат, которые получали более высокое жалованье и более легкую жизнь гвардейцев.

[194-197 гг. н. э.]

Пробыв в Риме всего тридцать дней, Север отправился на войну против Нигера, который был повелителем всей Азии и удерживал крепкий город Византий в Европе. Подготовка с обеих сторон заняла некоторое время; наконец Север выступил в поход и, оставив часть своих войск для осады Византия, отправил основную часть своей армии под командованием своих генералов через Геллеспонт. Эмилиан, проконсул Азии, дал им сражение (194 г.) близ Кизика, но был разгромлен. Он бежал в Кизик, а оттуда в другой неназванный город, где был схвачен и казнен. Нигер лично вступил в сражение с генералом Севера Кандидом между Никеей и Кием. Сражение было долгим и тяжелым, но победа осталась за европейской армией, и Нигер, оставив войска для охраны перевалов горы Тавр, поспешил в Антиохию, чтобы собрать людей и деньги. Однако стихия благоволила Севера: сильные дожди и снегопады разрушили укрепления, построенные Нигером, и его войска были вынуждены покинуть перевалы и оставить Киликию открытой для врага.

Нигер сделал свою последнюю попытку у Киликийских ворот, как назывался перевал из Киликии в Сирию у входа в залив Иссус, место, прославившееся поражением Дария от Александра Македонского. Войска Нигера были более многочисленными, но в основном состояли из неопытных новобранцев, тем не менее они сражались стойко; однако, как нам рассказывают, стихия вновь благоволила североанцам: над морем разразилась буря с дождем и громом, которая обрушилась на Нигера и его войска (), и они бежали, потеряв двадцать тысяч человек. Нигер поспешил в Антиохию, а оттуда, при приближении врага,

бежал к Евфрату, чтобы найти убежище у парфян; но едва он покинул город, как его схватили, отрубили голову и отправили Севера.

ЗАВОЕВАНИЯ СЕВЕРА

Этот император, который не участвовал ни в одном из предыдущих сражений, теперь появился на сцене. Он казнил всех сенаторов, которые сражались на стороне Нигера, некоторых изгнал, а у других конфисковал имущество. Он казнил множество людей низшего ранга и жестоко обошелся с Антиохией и некоторыми другими городами. Затем (195) он повел свою армию через Евфрат, и его генералы потратили этот и часть следующего года на покорение различных племен и князей Месопотамии. В то время как он был занят этим (196), он получил радостную весть о капитуляции Византия, который, благодаря своему удобному расположению и укреплениям, почти три года сопротивлялся доблести и мастерству осаждающей армии и был наконец покорен только голодом. Все магистраты и солдаты были казнены; имущество жителей было продано; стены и общественные здания были снесены; Византий был лишен статуса города и подчинен как деревня юрисдикции Перинфа.

Говорят, что Север размышлял о вторжении в Парфию, но его мысли были больше сосредоточены на обеспечении преемственности своих детей путем устранения Альбина. В соответствии со своим характером, он решил действовать скорее с помощью предательства, чем силы. Он написал Альбинуса самым ласковым тоном, как своему дорогому брату, но носители письма были проинструктированы попросить частную аудиенцию, якобы для обсуждения более важных вопросов, а затем убить его. Однако Альбин заподозрил неладное, подверг их пыткам и выведal правду. Он понял, что у него нет выбора, что он должен стать императором или ничем, и поэтому провозгласил себя Августом и переправился со своей армией в Галлию. Север вернулся со всего Востока со всей возможной скоростью и лично выступил в Галлию против своего соперника. Он пересек Альпы в разгар зимы, и после нескольких незначительных сражений 19 февраля 197 года в окрестностях Лиона произошла решающая битва. Общая численность сражающихся составляла 150 000 человек; сражение было долгим и неопределенным, левое крыло обеих сторон было разгромлено, но Север, который теперь сражался впервые, привлек преторианцев на помощь своим разбитым войскам, и, хотя он получил ранение и был отброшен назад, он вновь собрал их и, при поддержке кавалерии под командованием своего генерала Лаэца, разгромил и преследовал врага до Лиона. Потери с обеих сторон были значительными; Альбин покончил с собой, и его голову отрубили и принесли его неблагодарному врагу, который подло оскорбил ее; его жена и дети сначала были пощажены, но вскоре после этого были казнены, а их тела брошены в Рейн.

Город Лион был разграблен и сожжен; главные сторонники Альбина, как мужчины, так и женщины, римляне и провинциалы, были казнены, а их имущество конфисковано. Потратив некоторое время на урегулирование дел в Галлии и Британии, Север вернулся в Рим, жаждущий мести сенату, поскольку знал, что этот орган в целом был более склонен к Альбину, чем к нему самому, и нашел среди бумаг своего соперника письма нескольких отдельных сенаторов. На следующий день после своего прибытия он обратился к ним, похвалив суровую политику Суллы, Мария и Августа и осудив мягкость Помпея и Цезаря, которая привела к их гибели. Он высказался в похвале Коммода, сказав, что сенат не имел права позорить его, поскольку многие из них жили хуже, чем он. Он строго высказался о тех, кто писал письма или посылал подарки Альбину. Из них он помиловал тридцать пять, но казнил двадцать девять, среди которых был Сульпициан, тесть Пертинакса (). Однако это

были не единственные жертвы; погибла вся семья Нигера и несколько других знатных лиц. Имущество всех было конфисковано, [поэтому Севера обвинили в обычной жадности].

[197-202 гг. н. э.]

После короткого пребывания в Риме Север снова отправился на Восток, поскольку парфяне, воспользовавшись его отсутствием, вторглись в Месопотамию и осадили Нисибис. Однако, услышав о его приближении, они отступили, и Север, проведя зиму в Сирии, готовясь к войне, следующим летом (198 г.) перешел Тигр и осадил Ктесифон. Римские солдаты сильно страдали от нехватки продовольствия и были вынуждены питаться корнями и травой, что вызывало дизентерию, но император не сдался, и город в конце концов был взят. Все взрослые мужчины были убиты, а женщины и дети, числом около ста тысяч, проданы в рабство. Поскольку нехватка продовольствия не позволяла римлянам оставаться за Тигром, они вернулись в Месопотамию, и по пути в Сирию (199 г.) Север осадил грозный Атре, но был вынужден отступить, понеся большие потери как в живой силе, так и в технике. Через некоторое время (неизвестно, в каком году) он возобновил атаку, но с таким же небольшим успехом, будучи вынужден отступить с потерями и позором от неприступной крепости.

Север оставался на Востоке до 202 года. Часть этого времени он провел в Египте, где с большим удовольствием осматривал пирамиды и другие достопримечательности этой страны. В конце концов он вернулся в Рим, чтобы отпраздновать свадьбу своего старшего сына.

Семья Севера состояла из его жены и двух сыновей. Императрица по имени Юлия Домна была уроженкой Эмесы в Сирии, и Севера, увлекавшегося астрологией, говорят, женился на ней, потому что она была королевского происхождения. Она была женщиной большой красоты, ума и духа, а также любительницей литературы и философии. Старший сын сначала назывался Бассиан, но его отец во время войны с Альбином сделал его цезарем под именем Аврелий Антонин (¹⁴³), а впоследствии он получил прозвище Каракалла, которое, во избежание путаницы, используется современными историками. В 198 году Север провозгласил его августом и сделал своим соправителем в империи. Младшего сына императора звали Гета, и его также называли Антонином.

Невестой для Каракаллы была выбрана Плавтилла, дочь Плавтия, префекта преторианской гвардии. Этот человек был вторым Сеяном, и весьма примечательно, что два императора с такими выдающимися умственными способностями, как Тиберий и Север, оказались под таким сильным влиянием своих министров. Плавтиан, как и его господин, был африканцем по происхождению; он был низкого происхождения и, по-видимому, с ранних лет привязался к судьбе своего амбициозного соотечественника, чью благосклонность и доверие он завоевал в необычайной степени; и когда Север стал императором, власть Плавтия достигла такой высоты, что, как отмечает историк, он был, как бы императором, а Север — капитаном гвардии. Люди, подобные Плавтиану, когда поднимаются на вершину, редко смиренно относятся к своим способностям. Поэтому он был гордым, жестоким и алчным; он был главной причиной казни стольких людей, обладавших высоким положением и богатством, чтобы он мог завладеть их имуществом. Он захватывал все, что ему нравилось, будь то священное или профанное, и таким образом накопил такое богатство, что, по общему мнению, он был богаче Севера и его сыновей. Его гордость была такова, что никто не смел приближаться к нему без его разрешения; и когда он появлялся на публике, перед ним шли глашатаи, приказывая никому не останавливаться и не смотреть на него, а отворачиваться и смотреть в землю. Он не позволял своей жене ни посещать, ни принимать гостей, не делая исключения даже для императрицы. Поскольку его власть была

так велика, он, конечно, был объектом всеобщего обожания. Сенаторы и солдаты императорской гвардии () клялись его богатством, а его статуи устанавливались во всех частях империи. По сути, он был более уважаем и более почитаем, чем сам император.

[202-208 гг. н. э.]

Однако такая власть по своей природе нестабильна, и брак его дочери с сыном императора привел к падению Плавтиана. Свадьба была отпразднована с величайшей пышностью; по некоторым сведениям, приданое невесты хватило бы на пятьдесят принцесс. [Но следует учитывать обычные преувеличения сплетников. Некоторые из рассказов Диона Кассия [е](#) не заслуживают даже повторения, хотя, возможно, и были сказаны с добрыми намерениями. Несомненно, ко всем подробностям о смерти Плавтиана следует относиться с осторожностью]. Плавтилла была такой же высокомерной, как и он сам; а Каракалла, которого заставили жениться на ней, ненавидел и отца, и дочь и решил их уничтожить. Он убедил одного Сатурнина и двух других центурионов заявить, что Плавтиан приказал им и семерым их товарищам убить Севера и его сына. Был подделан письменный приказ об этом и показан императору, который немедленно вызвал Плавтия к себе. Тот пришел, ничего не подозревая; его впустили, но его последователей не пустили. Однако Север обратился к нему мягким тоном и спросил, почему он замышлял убить его. Плавтий выразил свое удивление и начал свою защиту, когда Каракалла бросился вперед, вырвал у него меч, ударил его кулаком и убил бы его собственноручно, если бы не вмешательство отца. Затем он приказал нескольким своим слугам казнить его и послал его голову императрице и Плавтилле, что было радостным зрелищем для одной и печальным для другой. Плавтилла и ее брат Плавтий были сосланы на остров Липара, где они жили в бедности и нищете до конца правления Севера, а их убийство было одним из первых деяний Каракаллы, когда он стал императором.

Север оставался в Италии в течение четырех лет, активно занимаясь отправлением правосудия, регулированием финансов и исправлением всевозможных злоупотреблений. Он назначил на важную должность префекта претория Папиниана, самого известного из юрисконсультов; и поскольку теперь в обязанности этого чиновника входило рассмотрение гражданских дел, Папиниан назначил своими помощниками Павла и Ульпиана — имена, почти столь же известные, как и его собственное.

[208-211 гг. н. э.]

В 208 году Север, несмотря на преклонный возраст и мучительную подагру, отправился в Британию, где северные племена в течение некоторого времени совершали свои обычные набеги на римскую часть острова. Это решение объясняют различными мотивами; наиболее вероятным из них является то, что он хотел убрать своих сыновей из роскошной Рима и восстановить ослабленную дисциплину в легионах. Он вошел в дикую местность к северу от римской стены, прорубил леса, прошел болота и сумел проникнуть в самый конец острова, хотя, как говорят, с потерями в пятьдесят тысяч человек; ведь варвары, которые никогда не рискнули бы вступить с ним в сражение, висели на его флангах и тыле, устраивали многочисленные засады и перебивали всех отставших. Чтобы предотвратить их будущие вторжения, он отремонтировал и укрепил вал или стену, построенную Адрианом от берега Солвей-Ферт до устья реки Тайн.

Север присоединил своего второго сына Гету к империи в том же году, когда он прибыл в Британию. Но два брата смертельно ненавидели друг друга, и Каракалла не скрывал своего решения править в одиночку. Говорят, что этот отверженный юноша даже пытался убить своего отца на глазах у римских легионов и варварских врагов; однажды, когда император ехал, чтобы принять оружие каледонов, Каракалла вытащил меч, чтобы ударить его в спину; окружающие закричали, и Север, обернувшись, увидел обнаженный меч в руке своего сына. Он ничего не сказал в тот момент, но когда вернулся, он призвал Каракаллу с Папинианом и камергером Кастором к себе наедине, велел положить перед ним меч, отчитал своего сына, а затем сказал ему, что если он желает его смерти, то может убить его собственноручно или приказать сделать это префекту Папиниану, который, конечно, подчинится ему, поскольку он император. Каракалла не проявил никаких признаков раскаяния; и хотя Север часто упрекал Марка Аврелия за то, что тот подчинил свои публичные обязанности личным привязанностям в случае с Коммодом, он сам проявил еще более виновную слабость.

Север снова собирался выступить против варваров, которые возобновили свои грабежи (211 г.), когда сильный приступ подагры унес его жизнь в Йорке (Эборакум) на шестьдесят шестом году жизни и восемнадцатом году правления.

Хотя этот император провёл большую часть своей жизни в гражданской, а не в военной службе, примечательно, что его правительство в большей степени полагалось на оружие солдат, чем правительства любого из его предшественников. Мы видели важные изменения, которые он внес в преторианскую гвардию, которую, по-видимому, он также первым начал использовать для службы за границей. До этого легионы на границах сохраняли нечто от облика легионов республики, но Север позволил им иметь в лагерях своих жен и семьи и носить золотые кольца, как рыцари. Он также увеличил их жалованье и приучил их к подаркам. Его предсмертный совет сыновьям «Будьте едины, обогащайте солдат, презирайте всех остальных», раскрыл его принципы деспотического правления. Однако, оценивая Севера, необходимо помнить, что весь период, который мы сейчас рассматриваем — вплоть до времени Диоклетиана — в некотором смысле является эпохой революции, в которой противоборствующими силами являются сенат, император, население Рима, преторианцы и легионы. Слабость и жестокость Коммода ускорили революцию. Преторианцы не только поправи сенат и жителей столицы, но и заявили о своем праве назначать и смещать императоров. Это был первый этап революции. На втором этапе, начавшемся с Септимия Севера, легионы, завидуя избалованной гвардии, сражались против нее, против сената и друг против друга. Эта гражданская война, лишив преторианцев власти и сенат последних остатков авторитета, решила, что правителем должен быть генерал, выбранный солдатами, защищавшими империю. До сих пор результат революции был в значительной степени справедливым и благотворным. Следует отметить, что Север был антисенаторским кандидатом на императорский пост, отсюда и его неблагоприятное отношение со стороны историка. Хотя Север был суров в наказании политических преступлений, в других отношениях он был великим и достойным восхищения правителем. Тот факт, что три великих юриста, Папирий, Ульпиан и Павел, сотрудничали с ним, говорит о нем много хорошего. Он укрепил империю, поощрял образование и сделал свое правление эпохой мудрого законодательства.^a

КАРАКАЛЛА (М. АВРЕЛИЙ АНТОНИН КАРАКАЛЛА), 211-217 гг. н. э.

[211-212 гг. н. э.]

Несмотря на попытки Каракаллы помешать этому, армия провозгласила двух сыновей Севера совместными императорами. Каледонская война была прекращена, и императоры

вернулись в Рим, чтобы отпраздновать похороны своего отца. По дороге Каракалла несколько раз пытался убить своего брата, но Гета был защищен солдатами, которые любили его. Братья приняли все меры предосторожности друг против друга в пути, а в Риме разделили дворец, обеспечив охрану всех подходов к своим частям. Двор, лагерь, сенат и народ были разделены в своих симпатиях к братьям, ни один из которых на самом деле не заслуживал привязанности какого-либо достойного человека; но Гета обладал определенной мягкостью и человечностью, приветливостью и увлечением литературой, что давало ему преимущество перед его более жестоким братом и завоевывало ему любовь их матери Юлии.

[212-216 гг. н. э.]

Поскольку согласие между братьями казалось маловероятным, было предложено и согласовано разделение империи, по которому Каракалла должен был сохранить за собой европейскую часть, а Гета должен был править в Азии и Египте, проживая в Антиохии или Александрии. Говорят, что это соглашение было сорвано слезами и мольбами Юлии, и Каракалла, настроенный править в одиночку, решил убить своего брата. По его просьбе (212) Юлия пригласила своих двух сыновей на встречу в свои апартаменты. Гета пришел, не подозревая опасности; внезапно несколько центурионов, которых Каракалла спрятал, выскочили и набросились на него. Он бросился к матери, чтобы она защитила его, но ее попытки спасти его были тщетны; она сама получила ранение в руку и была покрыта кровью своего убитого сына. Когда дело было сделано, Каракалла поспешил в лагерь, по дороге крича, что на его жизнь было совершено покушение. Он бросился перед знаменами в лагерьной часовне, чтобы возблагодарить за свое спасение, а затем обратился к солдатам, заверив их, что он один из них и полагается только на них. Он пообещал повисить их жалованье вдвое и раздать между ними все сокровища, накопленные его отцом. Такие аргументы не могли не убедить, и его без труда провозгласили единоличным императором. Оттуда он направился в лагерь на Альбанской горе, где столкнулся с большими трудностями, поскольку солдаты там были очень привязаны к Гете; но с помощью обещаний он заставил и их признать его.

В сопровождении солдат Каракалла направился в здание сената; под мантией он носил доспехи и привел с собой в здание некоторых из своих военных соратников. Он оправдал свое поведение примером Ромула и других, но говорил о Гете с сожалением, устроил ему великолепные похороны и вознес его в число богов.

Несчастливая императрица не смела оплакивать смерть своего сына; она была даже вынуждена выглядеть радостной из-за безопасности императора, который на протяжении всего своего правления продолжал относиться к ней с уважением и давать ей участвовать в государственных делах. Но на всех других друзей и покровителей Гета, как гражданских, так и военных, он обрушил свою месть без ограничений, и число тех, кто погиб по этой причине, оценивается в двадцать тысяч человек. Среди них самым оплакиваемым был великий Папиниан. Говорят, что Каракалла хотел, чтобы он написал оправдание убийства Гета, но тот с добродетельной смелостью ответил, что оправдать отцеубийство не так легко, как совершить его. Солдат отрубил ему голову топором, и Каракалла упрекнул его за то, что он не использовал меч. Фадилла, выжившая дочь М. Аврелия, была казнена за то, что оплакивала Гету. Гельвий Пертинакс, сын императора, Трасея Приск, потомок великого поборника свободы, и многие другие лица высокого ранга и добродетели были вовлечены в общую гибель. Говорят, что Каракалла настолько ненавидел своего брата, что комедийные поэты больше не осмеливались употреблять имя Гета в своих пьесах.

Как и Коммод, император посвящал большую часть своего времени цирку и амфитеатру. Чтобы покрыть свои огромные расходы, он увеличил налоги и конфисковал все имущество, которое мог захватить. Когда однажды его мать упрекнула его за то, что он тратит такие огромные суммы на солдат, и сказала, что вскоре у него не останется источников дохода, он положил руку на свой меч и сказал в духе истинного деспота: «Не бойся, мать, пока у нас есть это, мы не будем нуждаться в деньгах».

Одним из действий Каракаллы в это время было предоставление прав гражданства, к которым старые республиканцы относились с такой осторожностью, всем подданным империи.

Его неугомонный характер вскоре подтолкнул его к поиску славы в сражении с германцами. Он выступил к Рейну и получил (по всей видимости, путем покупки) некоторые преимущества над конфедерацией аламаннов, чье имя впервые появляется в истории. С тех пор он удивительным образом влиял на германцев, даже нося светлый парик, чтобы походить на них, и нанял нескольких из них в качестве охранников. Считается, что именно по возвращении из Галлии в Рим после этой войны (214 г.) он раздал народу длинные галльские плащи, называемые *каракалами*, откуда и произошло его прозвище, под которым он обычно известен. После войны с германцами он двинулся к Дунаю (215 г.), посетил провинцию Дакию и вступил в несколько стычек с соседними варварами. Затем он переправился в Азию с намерением вести войну с парфянами и провел зиму в Никомедии.

Поскольку он заявлял о своем особом уважении к памяти Ахилла, он посетил руины Илиона, принес жертвы у могилы героя, провел вокруг нее свои войска с оружием в руках и воздвиг на вершине холма бронзовую статую. Когда один из его вольноотпущенников умер или был отравлен им специально для этой цели, он повторил гомеровские похороны Патрокла, как Ахилл, выливая вино на ветер, чтобы тот разжег погребальный костер, и срезая волосы, которыми природа наделила его весьма скудно, чтобы бросить их в пламя. Почитая таким образом Ахилла, он стремился последовать примеру Александра Македонского, принца, которым он так восхищался, что повсюду воздвигал ему статуи; он сформировал фалангу из шестнадцати тысяч македонцев, вооруженных так же, как во времена того принца, которого он называл Восточным Августом. Он даже преследовал перипатетических философов, потому что Аристотель был обвинен в причастности к смерти его королевского ученика.

[216-217 гг. н. э.]

Весной (216 г.) Каракалла отправился в Антиохию. Парфяне предотвратили войну, выдав двух человек, которых он требовал. С помощью вероломства он завладел королем Армении и его сыновьями, а также князем Эдессы; но армяне разгромили войска, которые он послал против них под командованием Феокрита, обычного актера, которого он возвысил до достоинства префекта претория. Затем он направился в Александрию () с тайным намерением отомстить жителям за их насмешки и остроты по поводу убийства его брата. Когда он приблизился к городу, люди вышли ему навстречу, проявляя радость и уважение, и он принял их с благосклонностью и вошел в город. Затем, притворившись, что хочет сформировать фалангу в честь Александра, он приказал всей молодежи выйти на равнину за стенами города. Когда они выполнили его приказ, он прошел между ними, как бы осматривая их, а затем, удалившись в храм Сераписа, дал сигнал своим солдатам напасть на них и убить. Резня была ужасной как внутри, так и за стенами города, поскольку не пощадили ни одного человека, независимо от возраста и положения. Были вырыты рвы, и в них бросали мертвых и умирающих, чтобы скрыть масштабы резни. Он лишил город всех его привилегий, и его полное разрушение было предотвращено только его смертью.

После этой резни своих беззащитных подданных Каракалла вернулся в Антиохию и, чтобы иметь повод для войны с парфянами, послал к их царю Артабану, требуя выдать за него свою дочь замуж. Парфянский монарх отказался на это странное предложение, и Каракалла вторгся в его территории и опустошил их; захватив Арбелу, где находились королевские гробницы, он открыл их и разбросал кости монархов, которые были в них захоронены. Затем он занял зимние квартиры в Эдессе.

Весной (217 г.) обе стороны активно готовились к войне, когда заговор в его собственной армии положил конец жизни и правлению римского императора. Из двух преторианских префектов один, Адвент, был простым солдатом, а другой, Макрин, был гражданским лицом, хорошо разбирающимся в законах. Грубый и жестокий Каракалла часто высмеивал его за это и даже угрожал его жизни; а Макрин, получив достоверную информацию о том, что его собираются уничтожить, решил опередить тирана. Он сообщил о своих планах некоторым офицерам гвардии, среди которых был некий Марциал, которого Каракалла смертельно обидел, отказав ему в должности центуриона или, как говорят другие, казнив его брата. Соответственно, 8 апреля 217 года, когда император ехал из Эдессы в Карры, чтобы поклониться в храме Луны, и остановился, чтобы уединиться, Марциал подбежал, как будто его позвали, и ударил его ножом в горло. Император упал замертво. Марциал сел на лошадь и убежал, но был застрелен скифским лучником из охраны.

МАКРИН (М. Опилий Макрин), 217-218 гг. н. э.

[217-218 гг. н. э.]

Когда новость об убийстве императора стала известна, Макрин первым поспешил на место происшествия и выразил сожаление по поводу его смерти. Поскольку Каракалла не оставил наследника, армия не знала, кого провозгласить императором вместо него, и империя в течение четырех дней оставалась без главы. Тем временем офицеры, которые были на стороне Макрина, использовали все свое влияние на своих подчиненных, и на четвертый день он был провозглашен императором. Он принял эту должность с притворной неохотой и, согласно обычаю, раздал солдатам большие суммы денег. Адвент доставил прах Каракаллы в Рим (), где он был захоронен в гробнице Антонинов; Макрин и сенат были вынуждены уступить требованиям солдат и возвести этого чудовища в ранг богов. Сенат с

радостью принял письмо, в котором Макрин объявлял о своем возвышении на императорский престол, и присвоил ему все обычные титулы и почести.

В то время как в Римской империи происходили эти перемены, Артабан переправился через Тигр с большой армией. Макрин, тщетно предложивший условия урегулирования, вывел свои легионы, и в окрестностях Нисибиса произошли боевые действия, в которых преимущество было на стороне парфян; но поскольку они теперь начали испытывать нехватку припасов и стремились вернуться домой, они с готовностью прислушались к новым предложениям римского императора, и был заключен мир. Затем Макрин повел свои войска обратно в Антиохию на зимовку.

РИМСКИЙ ГЕНЕРАЛ

(С вазы)

Как мы уже отмечали, Макрин не был военным. Он был уроженцем Кесарии в Африке (Алжир), происходил из скромной семьи и обязан своим возвышением своему соотечественнику Плавтиану. Он был человеком с дружелюбным нравом и искренним поклонником справедливости. Поэтому он уделял основное внимание гражданскому регулированию и провел некоторые необходимые реформы и принял отличные законы; но он был по натуре робким человеком и в своем стремлении служить и продвигать своих друзей не достаточно учитывал их пригодность для должностей, которые он им давал. Он совершил большую и непоправимую ошибку, не отправившись сразу в Рим и удерживая всю армию в Сирии; кроме того, он слишком рано начал необходимую, но неосторожную попытку вернуть дисциплину легионов к тому, что было при Севере; хотя он применял ее только к новобранцам и не вмешивался в дела старых солдат, последние опасались, что реформа в конце концов коснется и их, и стали очень недовольны. Этим настроением солдат вскоре воспользовались и поставили соперника Макрину.

Императрица Юлия находилась в Антиохии во время убийства Каракаллы. Макрин написал ей очень любезное письмо, но в первом порыве горя по поводу смерти сына и

потери власти она несколько раз ударила себя в грудь, чем обострила рак, которым страдала, и вскоре скончалась. Ее сестра по имени Меса, которая жила при дворе во время двух последних правлений и приобрела огромное богатство, по приказу Макрина удалилась в свой родной город Эмеса. У нее было две дочери по имени Созмия и Мамея, каждая из которых была вдовой с единственным сыном; сын первой дочери звался Бассиан; он был теперь красивым юношей семнадцати лет, и влияние его семьи обеспечила ему прибыльную должность жреца Солнца, которому поклонялись в Эмесе под именем Элагабала. Римские войска, которые расположились лагерем недалеко от города, часто посещали храм и очень восхищались красивым молодым жрецом, которого они знали как двоюродного брата своего оплакиваемого Каракаллы. Хитрая Меса решила воспользоваться этим чувством и без колебаний пожертвовала репутацией своих дочерей ради надежды на имперскую власть: поэтому она заявила (что, возможно, было правдой), что Каракалла сожительствовал с ее дочерьми во дворце и что Бассиан был на самом деле его сыном (). Ее утверждение, подкрепленное большими суммами денег и щедрыми обещаниями еще большего, было легко принято солдатами. В ночь на 15 мая 218 года она, ее дочь, внук и остальные члены семьи, ведомые своим евнухом Ганнисом, человеком большого таланта, тайно покинули город и направились в лагерь, где их радостно приняли; Бассиан был провозглашен императором под именем М. Аврелий Антонин. Лагерь был немедленно приведен в состояние обороны против осады, и многие другие солдаты поспешили поддержать дело сына Каракаллы.

Макрин послал против мятежников преторианского префекта Ульпия Юлиана. Этот офицер добился успеха в своей первой атаке на лагерь мятежников, но, не сумев воспользоваться своим преимуществом, дал врагу время подкупить его войска, часть которых покинула его, и он был схвачен и убит. Тем временем Макрин продвинулся до Апамеи, где провозгласил своего сына Диадумения, мальчика всего десяти лет, Августом и воспользовался этой возможностью, чтобы пообещать армии большую награду; он также написал против Бассиана сенату и правителям провинций. Но вместо того, чтобы быстро продвигаться против мятежников, он отступил в Антиохию, куда они быстро последовали за ним, и он был вынужден дать им сражение недалеко от этого города. Войска Бассиана были умело расставлены евнухом Ганнисом, который, впервые в жизни взяв в руки оружие, проявил таланты полководца. Но преторианцы на стороне Макрина сражались с такой решительной доблестью, что мятежники были на грани бегства, когда Меса и Созмиас выскочили и остановили их; а Бассиан, с мечом в руке, повел их в бой. Преторианцы все еще не сдавались, и победа была бы за Макрином, если бы он не позорно не бежал посреди сражения. Его войска, узнав о его бегстве, перешли на сторону Бассяна.

Макрин бежал в переодетом виде и не останавливался, пока не добрался до Халкидона, где его схватили и казнили, а его невинный сын разделил его судьбу. Его правление длилось всего четырнадцать месяцев.^c

ЭЛАГАБАЛ (НАРИЙ АВИБУС БАССИАН), 218-222 гг.

[218-222 гг. н. э.]

Бассиан поспешил заявить о своих правах на престол. Он полностью преуспел в этом, взойдя на престол под именем М. Аврелий Антонин Элагабал, или, как его называли латиняне, Гелиогабал. Дион Кассий^e (сохраненный Ксифилиномⁱ) оставил нам живописный рассказ о вступлении на престол и кратком правлении этого женоподобного юноши, чье имя стало прозвищем для обозначения чувственности самого развращенного типа. Мы обращаемся к его рассказу, опуская те места, которые требуют опущения в соответствии с

современными представлениями о приличиях; как мы уже имели возможность отметить, классические авторы оценивали границы между откровенностью и скромностью по стандартам, совершенно отличным от наших.

Это повествование Диона Кассия представляет собой уникальный интерес, поскольку является рассказом его современника. Автор был членом римского сената во время вступления на престол Элагабала. В следующем году он был губернатором Пергама и Смирны. «Он беседовал с Макрином после его возвышения, и все же был в сенате, когда зачитывались письма Макрина о возвышении Элагабала» (Клинтон^a).

Итак, вот история самого развращенного императора Рима, рассказанная этим современным свидетелем. Этот рассказ является самым авторитетным из всех, дошедших до нас, но следует отметить, что в некоторых частях повествования необходимо учитывать распространенные в то время суеверия.^a

ДИОН КАССИЙ О ВСТУПЛЕНИИ НА ТРОН И ПРАВЛЕНИИ ЭЛАГАБАЛА

Авит [Элагабал], которого называют псевдо-Антонином, или Ассирийцем, или же Сарданапалом или Тиберином (последнее имя было дано ему после того, как его тело было брошено в Тибр), на следующий день [после поражения Макрина] вошел в Антиохию, пообещав солдатам пятьсот драхм, если они воздержатся от грабежа города, чего они очень хотели. Эту сумму он, конечно, взыскал с жителей. Он также написал письмо в Рим, в котором, помимо прочего, что было уместно в данной ситуации, он обрушился с оскорблениями на Макрина за его неясную родословную и заговор против Антонина, а также дал щедрые обещания не только солдатам, но и сенату и народу (притворяясь, что во всем следует примеру Августа, чей возраст он сравнивал со своим собственным и с возрастом Марка Антонина); и, намекая на осуждение, вынесенное ему Макрином, добавил: «Он взял на себя смелость осудить мою молодость, он, который назначил императором своего шестилетнего сына».

Таково было его послание сенату. Этому собранию и легионам он направил отчет о том, что произошло среди солдат, вместе с письмом, написанным Макрином Максимусу, чтобы еще больше разжечь их ненависть к Макрину и привязанность к его собственной персоне. В своем письме сенату и обращении к народу он назвал себя императором, Цезарем, сыном Антонина, внуком Севера, благочестивым, счастливым, Августом, проконсулом, принцем, наделенным трибунской властью. Сообщается также, что он сказал: «Пусть не дают мне титулов, связанных с войной; мне достаточно «благочестивого» и «счастливого»».

Ряд лиц, как публично, так и в частном порядке, совершили словом и делом преступления против него и против Каракаллы, но он заявил, что не будет наказывать никого и он действительно никого не наказал, хотя в остальном своем поведении он довел разврат, несправедливость и жестокость до такой степени, что в Риме стали практиковаться некоторые обычаи, совершенно неизвестные в Риме, как унаследованные от наших предков, и что преступления, совершенные в единичных случаях другими людьми и в других местах, процветали свободно в течение трех лет и девяти месяцев его правления, считая с момента битвы, которая принесла ему верховную власть.

В Сирии он пролил кровь Нестора и Фабия Агриппина, правителя провинции, и вождя рыцарей, которые были около Макрина, а в Риме он поступил так же по отношению к тем, кто был наиболее привержен делу покойного монарха; в Аравии он убил Пикаса Керианского, которому было поручено управление этой страной, за то, что тот не перешел

сразу на его сторону; на Кипре — Клавдия Аттала, бывшего правителя Фракии, который был изгнан из сената Севером во время войны с Нигером, восстановлен в своих почестях Тарантом,^[44] и судьбой поставлен во главе провинции Кипр, только потому, что он обидел Комазона. Поскольку последний служил во Фракии, Аттал поместил его среди гребцов в наказание за невыполнение служебных обязанностей.

Таким образом, псевдо-Антонин казнил Аттала, хотя он писал о нем сенату, что отозвал его в Рим, откуда он был изгнан Макрином вместе с Юлием Аспером, а также Суллу, бывшего правителя Каппадокии, потому что он был вовлечен в определенные интриги и потому что, будучи вызван в Рим, он вышел вперед кельтских солдат, возвращавшихся домой из Вифинии, где они провели зиму, и поднял беспорядки. Таковы были мотивы, по которым погибли эти два человека, и ни слова об этом не было сказано сенату. Что касается Сейя Кара, внука Фускана, бывшего префекта Рима, то причиной было то, что он был богат, благороден и способен; предлогом послужило то, что он подговорил солдат альбанского легиона к мятежу.

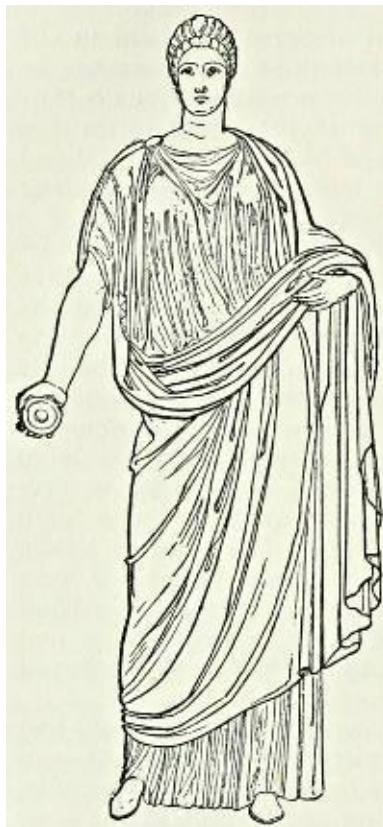
Единственным обвинителем Сея был монарх, и суд над ним проходил во дворце, где он и был убит. Валериан Пэтус был казнен за то, что заказал изготовить свои портреты из золота в качестве украшений для своих любовниц. Это действие привело к обвинению его в намерении отправиться в Каппадокию, провинцию, граничащую с его родной землей (поскольку он был галатом), чтобы поднять восстание, и в изготовлении для этой цели золотых монет с его изображением.

Кроме них, Силий Мессалла и Помпоний Басс были казнены сенатом по обвинению в том, что, по словам императора, они не одобряли его поведение. Он не колебался написать сенату, который он назвал экзаменатором своей жизни и цензором того, что происходило во дворце: «Что касается доказательств их заговора, я не прислал их, потому что читать их было бы бессмысленно, поскольку эти люди уже мертвы». Мессалла часто высказывал свои мнения в сенате, по этой причине император приказал ему прибыть в Сирию, как будто он был ему незаменим, но на самом деле, чтобы он не смог навязать в этом собрании мнение, отличное от его собственного; что же касается Басса, то у него была красивая жена благородного происхождения (внучка Клавдия Севера и Марка Антонина), которую женил на себе сам Элагабал, не позволяя ей (такой ужас он вселял в нее) оплакивать несчастную судьбу своего мужа. Вскоре мы услышим о браках, в которых он играл роль жениха и невесты, поскольку он без разбора выдавал себя за мужчину или женщину и вел себя с крайней бесстыдностью в любой из этих ролей.

Убийство Ганниса, который подготовил почву для восстания, привело его в лагерь и обеспечила ему победу над Макрином — Ганниса, его приемного отца и опекуна, которое он совершил в Никомедии, привело к тому, что с самого начала своего правления он считался самым безбожным из людей. Ганнис вел изнеженную жизнь и любил получать подарки, но, не причиняя никому вреда, он оказал много благодеяний многим людям; и, что еще более важно, он был преданно привержен своему правителю и пользовался благосклонностью Месы и Созмии. Но это не было причиной, по которой император казнил его. Его настоящим мотивом было то, что Ганнис заставлял его соблюдать правила умеренности и мудрости. Монарх собственноручно нанес Ганнису первую рану, поскольку ни один из солдат не осмелился начать нападение. Так обстоят дела.

Вот что мы сказали о пролитой крови. Что же касается поступков Элагабала, противоречащих обычаям наших предков, то они были незначительными и не причинили большого вреда, если, конечно, не считать того, что он ввел нововведения, противоречащие нашим обычаям, присвоив себе, как я уже сказал, должностные титулы, заменив Макрина в консульстве, не будучи избранным, и так далее.

Он женился на Корнелии Пауле, желая, как он говорил, быстро стать отцом, он, который не был даже мужчиной. На праздновании этой свадьбы не только сенат и всадники, но даже жены сенаторов-ов получили щедрые подарки. Был устроен банкет для народа, который стоил 150 драхм, и банкет для солдат, который стоил более 100. Он также устроил гладиаторские бои, на которых присутствовал, одетый в тогу претексту, и в том же одеянии появился на вотивных играх. Он также приказал забить большое количество диких зверей, в том числе слона и пятьдесят одну тигрицу, что было больше, чем когда-либо выставлялось на одном представлении. После этого, отстранив Паулу под предлогом того, что у нее был порок на теле, он женился на Аквилии Севере, открыто нарушив законы, поскольку с вопиющим кощунством осквернил женщину, которая была весталкой. Он был достаточно смел, чтобы сказать: «Я сделал это, чтобы от меня, верховного жреца, и от нее, верховной весталки, родились божественные дети»; он не постеснялся похвастаться этими кощунственными поступками, за которые его следовало сначала выпороть розгами на Форуме, а затем бросить в тюрьму и казнить. Тем не менее, он не прожил с Северой долго, а взял себе другую жену, а затем еще одну и еще одну, после чего вернулся к ней.

РИМСКАЯ МАТРОНА

(Из Капитолия)

Одним из самых вопиющих нарушений закона было поклонение богу Элагабалу, не только из-за введения в Рим чужого божества и предоставления ему новых и роскошных почестей, но и из-за превосходства, которое император- us дал ему над Юпитером; и священство Элагабала, которое он присвоил себе, в силу своего обрезания и воздержания от свинины (как будто это воздержание делало поклонение этому богу более чистым), а также в силу варварских одеяний, которые носили сирийские священники и в которых его часто можно было увидеть, что имело большое отношение к его прозвищу «Ассириец».

В качестве вершины абсурда он даровал Элагабалу жену, как будто бог нуждался в жене и детях. Более того, поскольку эта жена не должна была быть бедной или низкого происхождения, он выбрал Уранию из Карфагена, привез богиню оттуда, поселил ее во дворце и потребовал свадебные подарки для нее от всех подданных своей империи, как он делал для своих собственных жен.

Тем не менее этот Сарданапал, который должен был объединять богов посредством обычных браков, сам вел самые ненормальные жизни. Он женился на нескольких женах и имел отношения со многими другими женщинами, с которыми не был связан узами брака.

Таково было его поведение по отношению ко всем, кто имел с ним дело; однако это не мешало ему играть роль невесты для своего фаворита по имени Иерокла, которому он хотел присвоить титул цезаря, а себя называл императрицей. Столкнувшись с противодействием своей бабушки в этом замысле, он начал угрожать ей и своим постыдным поведением, а также по другим причинам, навлек на себя ненависть солдат. Эти экстравагантности стали причиной его гибели.

Ему суждено было вскоре получить заслуженное возмездие за свою позорную жизнь. Своими поступками и тем, что он позволял делать, он навлек на себя ненависть народа и солдат, главной опоры своего трона, и в конце концов был ими убит в своем собственном лагере. Все произошло следующим образом. Он привел своего двоюродного брата Бассиана в сенат и, усадив его рядом с Месой и Созмией, усыновил его; он хвастался своей удачей, что стал отцом такого ребенка, как будто сам был уже в преклонном возрасте, и заявил, что не нуждается в других сыновьях, поскольку его род отныне спасен от вымирания. Сам Элагабал приказал ему поступить таким образом и дать своему двоюродному брату имя Александр. Лично я убежден, что эти события были делом рук бога, не из-за слов императора, а из-за предсказания, что один Александр из Эмезы станет его преемником, а также из-за того, что произошло в Верхней Мисии и Фракии.

Незадолго до этого в странах около Истра появился гений, я не знаю как, который утверждал, что он знаменитый Александр Македонский, и имел облик и все атрибуты этого принца. Оттуда он прошел через Мезию и Фракию по примеру Вакха, в сопровождении четырехсот человек, вооруженных тирсами и одетых в козьи шкуры. Они не причиняли вреда, и, как убеждены те, кто тогда жил во Фракии, все необходимое, как жилье, так и провизию, им предоставляли за счет городов; ибо никто не осмеливался противостоять ему ни словом, ни делом, ни вождем, ни солдатом, ни прокуратором, ни провинциальным правителем; и при свете дня, как он и объявил, он прошел в процессии до Византии. Оттуда, возвращаясь по своим следам, он переправился в Халкидон, и там, совершив ночью определенные жертвоприношения и закопав в землю деревянного коня, исчез. Об этих фактах я узнал в Азии, как я уже сказал, до того, как в Риме было предпринято что-либо в отношении Бассиана.

Пока Сарданапал любил своего двоюродного брата, он сам оставался жив, но когда он начал подозревать всех и узнал, что народная поддержка переходит на сторону Александра, он изменил свое намерение и сделал все, что мог, чтобы избавиться от него. Он не только не преуспел в попытке уничтожить его (), но и сам едва не погиб, поскольку Александр был ревностно охраняем своей матерью, бабушкой и солдатами. Преторианская гвардия, узнав о его намерениях, подняла страшный бунт, который не прекращался, пока Сарданапал, придя в лагерь с Александром, не обратился к ним с настоятельными просьбами, не сдал под принуждением своих соратников по разврату, чьей смерти они требовали, только жалобно заступаясь за Иерокла, и наконец не сумел их умиротворить.

Впоследствии, снова подставив Александру подвох и отправившись с ним в лагерь, чтобы успокоить бунт, который был возбужден среди преторианцев этой попыткой, он понял, что они следят за ним с намерением убить его, и попытался бежать, в то время как его мать и мать Александра, более открыто, чем раньше, пытались возбудить солдат. Он пытался спастись, спрятавшись в сундуке, но был пойман и убит в возрасте восемнадцати лет. Его мать погибла вместе с ним. Им отрубили головы, сняли с тел украшения и протащили по улицам города; затем тело женщины было выброшено без погребения, а тело Сарданапала брошено в Тибр. Бог Элагабал был изгнан из Рима.^е Администрация не сильно пострадала от Элагабала, поскольку, хотя он и предавался своим чувственным культам, он оставил управление страной в руках своей благоразумной бабушки Месы.^а

АЛЕКСАНДР СЕВЕР (М. АВРЕЛИЙ АЛЕКСАНДР СЕВЕР), 222-235 гг. н. э.

[222-232 гг. н. э.]

И сенат, и армия с радостью согласились с возведением Александра Севера на престол; и первый орган, опасаясь появления каких-либо соперников, поспешил присвоить ему все императорские титулы и полномочия. Из-за своей молодости и чрезвычайно любезного характера он полностью подчинялся своей бабушке и матери, но Меса умерла вскоре после его вступления на престол, и единоличное руководство ее сыном перешло к Мамее. [Статуи и монеты этой женщины показывают, что она была язычницей, хотя из переписки с Оригеном можно сделать противоположный вывод.] Тем не менее, в управлении государственными делами она проявляла мудрость, справедливость и умеренность, которых не было ни у одной из предыдущих императриц. Ее враги обвиняли ее в любви к власти и деньгам и упрекали ее сына в том, что он слишком потакал ей, но их обвинения были расплывчатыми, и ни один акт жестокости, вызванный алчностью, не омрачает анналы этого правления.

Первой заботой Мамеи было сформировать мудрый и честный совет для своего сына. Этот совет состоял из шестнадцати самых уважаемых членов сената во главе с ученым Ульпианом, префектом претория, и ничто не делалось без их согласия и одобрения. Была начата и неуклонно проводилась в жизнь общая система реформ. Все нелепые законы покойного тирана были отменены. Его бог был отправлен обратно в Эмесу; статуи других божеств были возвращены в их храмы; слуги его пороков и удовольствий были проданы или изгнаны, некоторые из худших были утоплены; недостойные люди, которых он назначил на государственные должности, были уволены, а на их место поставлены люди знающие и честные.

Мамея с величайшей осторожностью старалась держать подальше от своего сына всех тех, кто мог бы развратить его нравственность, и, чтобы он был полностью занят, побуждала его посвящать большую часть каждого дня отправлению правосудия, где его соратниками могли быть только мудрые и добрые люди. К счастью, доброе семя упало на благодатную почву. Александр был от природы склонен ко всем добродетелям, и все его усилия были направлены на процветание империи, которой он правил.

Первые десять лет правления этого принца прошли в Риме и были посвящены гражданским делам. Его повседневная жизнь была передана нам следующим образом. Обычно он вставал рано и входил в свою частную часовню (*ларарий*), в которой он распорядился разместить изображения тех, кто был учителями и благодетелями человечества, среди которых он включил божественного основателя христианской религии.

Выполнив свои молитвы, он занимался какой-нибудь физической нагрузкой, а затем несколько часов посвящал государственным делам вместе со своим советом. Затем он некоторое время читал, его любимыми произведениями были «Республики» Платона и Цицерона, стихи Горация и «Жизнь Александра Великого», которым он очень восхищался. Затем он занимался гимнастикой, в которой преуспевал. После этого он умывался, принимал ванну и завтракал, обычно хлебом, молоком и яйцами. Во второй половине дня к нему приходили его секретари, он слушал чтение писем и подписывал ответы на них. После завершения дел дня к нему допускались его друзья, и следовал скромный и простой ужин, во время которого разговор был в основном серьезного и поучительного характера, или императору и его гостям зачитывали какие-нибудь литературные произведения.

Одежда Александра была скромной и простой, его манеры были лишены всякой гордости и высокомерия; он жил с сенаторами на основе дружеского равенства, как Август, Веспасиан и более мудрые и лучшие императоры. Он был либеральным и щедрым ко всем слоям народа и испытывал особое удовольствие, помогая людям из хороших семей, которые без вины оказались в бедности. Среди добродетелей Александра была одна, довольно редкая в ту эпоху целомудрия. Его мать рано вышла замуж за благородную девушку по имени Мемния, от которой он, однако, впоследствии развелся и даже изгнал в Африку. Сведения об этом деле сильно расходятся. Согласно одним, отец императрицы организовал заговор против своего зятя, который, будучи раскрыт, был казнен, а его дочь разведена. Другие говорят, что, поскольку Александр проявлял большое уважение к своему тестю, это возбудило ревность Мамеи, и она заставила убить его, а его дочь развестись или изгнать. Похоже, что Александр вскоре женился снова.

Мы уже отмечали, что часть гражданской юрисдикции перешла к префектам претория. Это налагало необходимость, чтобы один из них был гражданским лицом, и поэтому Мамея добился, чтобы это достоинство было присвоено Ульпиану. Из любви к закону и порядку, которая отличала этого префекта, он, естественно, стремился восстановить дисциплину в преторианском лагере; в результате на его жизнь неоднократно покушались, и император не раз считал необходимым накрыть его своей пурпурной мантией, чтобы спасти его от ярости солдат. Наконец (228 г.) они напали на него ночью; он сбежал от них во дворец, но они преследовали его и убили в присутствии императора и его матери.

Незначительные действия на германских и мавританских границах были единственной занятостью римских войск в первые годы правления Александра, но в 232 году на восточные провинции империи обрушился настолько могущественный враг, что присутствие императора на Востоке стало абсолютно необходимым.

Парфяне, о которых мы так часто упоминали, считаются скифским (*т. е.* турецким) народом, проживавшим на севере Персии, который, воспользовавшись упадком власти македонских царей Сирии, сбросил их иго (250 г. до н. э.), а затем постепенно стал властелином всей Персии. Их господство длилось уже пятьсот лет, и их власть по обычным причинам, таким как семейные распри, споры о престолонаследии и т. п., давно находилась в упадке; и в четвертый год правления Александра Севера (226 г.) уроженец Персии по имени Артаксеркс (Ардашир), который притворялся представителем древней королевской династии, но, как говорят, был скромного происхождения и был простым солдатом удачи, поднял восстание против парфянского царя Артабана. Удача благоволила мятежнику, и Артабан был побежден и убит. Затем Артаксеркс вступил на престол, и его династия, просуществовавшая до мусульманского завоевания, была названа Сасанидами, по имени его отца.

Притворяясь потомком древних Ахеменидов, Артаксеркс стремился восстановить Персию в том состоянии, в котором она находилась при тех князьях. Магическая религия или религия света восстановила свой прежний статус, утраченный под властью парфян, и процветала в своей первоизданной славе. Поскольку владения дома Кира простирались до побережья Эгейского моря, Артаксеркс приказал римлянам покинуть Азию, а когда его приказ остался без внимания, он повел свои войска через Тигр. Но его неудача побудила его атаковать непобедимого Атрея, и он был вынужден отступить с потерями и позором. Затем он обратил свое оружие против мидийцев и некоторых других более северных племен, и, подчинив их, он снова вторгся в Месопотамию (232 г.). Александр теперь решил лично взять на себя командование своими войсками. Он покинул Рим, сопровождаемый слезами и молитвами народа, и продвигался через Иллирикум на восток. Во время похода соблюдалась строжайшая дисциплина, при этом уделялось всеобщее внимание потребностям солдат и заботились о том, чтобы они были в изобилии снабжены одеждой и оружием. Сам император питался так же, как и солдаты, и приказывал открывать свою палатку во время еды, чтобы они могли видеть его образ жизни.

Центурион в уличной одежде, демонстрирующий, как он носит свои медали

Александр остановился в Антиохии, чтобы подготовиться к войне; тем временем он послал посольство с предложениями о мире к Артаксерксу. Персы в ответ послали четыреста своих самых величественных людей, великолепно одетых и вооруженных, чтобы приказать римлянам покинуть Азию; и если верить Геродиану (поскольку это обстоятельство почти невероятно), Александр настолько пренебрег законами народов, что схватил и раздел их, а затем отправил в плен во Фригию. Также говорят, что, находясь в Антиохии, он обнаружил, что некоторые солдаты часто посещают пафийскую рощу Дафны, и бросил их в тюрьму; а когда в легионе, к которому они принадлежали, вспыхнул мятеж, он взошел на свой трибунал, приказал привести перед ним пленников и обратился к их товарищам, которые стояли вокруг с оружием в руках, подчеркнув необходимость

соблюдения дисциплины. Но когда его аргументы оказались безрезультатными, и они даже угрожали ему оружием, он воскликнул, подражая Цезарю: «Квириты, уходите и сложите оружие». Легион подчинился, и солдаты, лишившиеся своего звания, поселились в домах города вместо лагеря. Через месяц император был убежден помиловать их, но наказал их трибунов смертной казнью; и с тех пор этот легион прославился как доблестью, так и верностью.

По примеру Александра Македонского император сформировал из шести своих легионов фалангу из тридцати тысяч человек, которым он дал более высокое жалованье. Он также, как и тот завоеватель, имел отряды, отличавшиеся щитами, украшенными золотом и серебром — хризоаспидами и аргироаспидами.

Подробности войны невозможно узнать с какой-либо достоверностью. Один историк говорит, что Александр разделил свою армию на три части; одна из них должна была войти в Мидию через Армению, другая — в Персию на слиянии Тигра и Евфрата, а император лично должен был вести третью через Месопотамию, и все они должны были соединиться на территории врага; но из-за робости Александра, который задержался в пути, вторая часть армии была разгромлена, а первая почти полностью погибла при отступлении через Армению зимой. Этот рассказ вызывает много сомнений, поскольку император, безусловно, торжествовал по возвращении в Рим и в своей речи перед сенатом по этому поводу утверждал, что из 700 боевых слонов, которые были в строю врага, он убил 200 и захватил 300; из 1000 колесниц с косами он захватил 200; из 120 000 тяжеловооруженных всадников он убил 10 000, помимо того, что взял в плен большое количество солдат.⁴ Несмотря на этот доклад сенату, римляне, вероятно, потерпели поражение в этой войне, хотя персы также понесли большие потери. Последние в течение нескольких лет не предпринимали дальнейших попыток завоевать Месопотамию.^а

Германцы воспользовались отсутствием императора и большей части войск на Востоке, чтобы перейти Рейн и опустошить Галлию. Поэтому Александр, оставив достаточные гарнизоны в Сирии, привел домой иллирийские и другие легионы и, отпраздновав триумф за Персидскую войну в Риме, где его встретили с самыми бурными проявлениями радости, он отправился с большой армией на защиту Галлии. Германцы отступили при его приближении; он продвинулся к Рейну и разбил зимний лагерь в окрестностях Могонтиакума (Майнца), намереваясь весной (235 г.) начать кампанию за рекой.

Описания событий этого правления настолько противоречивы, что мы не можем надеяться часто добираться до истинной правды. Ни в одной части они не расходятся так сильно, как в описании обстоятельств смерти императора. Мы можем только предположить, что, будь то из-за его попыток восстановить дисциплину, из-за интриг Максимина, амбициозного офицера, отвечавшего за дисциплину молодых солдат, или по какой-то другой причине, в армии царил всеобщее недовольство, и Александр был убит в своей палатке либо своими же охранниками, либо группой, посланной для этой цели Максиминем, и что его мать и несколько его друзей погибли вместе с ним. Войска немедленно провозгласили Максимина императором, а сенат и народ Рима, глубоко скорбя о судьбе добродетельного Александра, были вынуждены согласиться с выбором армии.

Александр правил тринадцать лет. Даже историки, наименее пристрастные к нему, признают, что по отношению к своим подданным он вел себя безупречно и что ни кровопролитие, ни несправедливые приговоры не омрачают анналы его правления. Его недостатком, по-видимому, была некоторая степень изнеженности и слабости, вероятно, следствие его сирийского происхождения, что привело к его крайней покорности матери, против которой обвинения в скупости и подлости, возможно, не были полностью беспочвенными.^[45]

Дион Кассий, чья история заканчивается этим правлением, дает следующее представление о численности и расположении легионов в этот период. Из двадцати пяти, сформированных Августом, осталось только девятнадцать, остальные были расформированы или распределены по другим; но императоры, начиная с Нерона и заканчивая Севером, сформировали тринадцать новых, и теперь их общее число составляло тридцать два легиона. Из них три находились в Британии, один в Верхней и два в Нижней Германии, один в Италии, один в Испании, один в Нумидии, один в Аравии, два в Палестине, один в Финикии, два в Сирии, два в Месопотамии, два в Каппадокии, два в Нижней и один в Верхней Мезии, два в Дакии и четыре в Паннонии, один в Норикуме и один в Ретии. Он не сообщает нам, где были расквартированы два оставшихся легиона, и не указывает численность легиона в то время, но предполагается, что она составляла пять тысяч человек.

с

ХАРАКТЕРИСТИКА ЭТОГО ПЕРИОДА РЕНАНОМ

[180-235 гг. н. э.]

Применяя принципы, менее катастрофичные, чем принципы безудержного военного деспотизма, империя могла бы пережить гибель римского духа со смертью Марка Аврелия, могла бы дать мир христианству на столетие раньше и избежать бессмысленного кровопролития, устроенного Децием и Диоклетианом. Роль римской аристократии была сыграна; после того как в первом веке она износила до дыр глупость, во втором веке она износила до дыр добродетель. Но скрытые силы великой средиземноморской конфедерации не были исчерпаны. Таким образом, после падения политического здания, основанного на суверенитете семьи Августа, провинциальная династия Флавиев восстановила империю, так же как после падения здания, построенного усыновлениями римской аристократии, провинциалы, восточные и сирийцы восстановили великое объединение, в котором все люди обрели мир и процветание. Септимий Север сделал то же, что и Веспасиан, без морального величия, но не без славы.

Правда, представителей этой новой династии нельзя сравнивать с великими императорами II века. Даже Александр Север, равный Антонину и Марку по доброте, значительно уступает им в интеллекте и величии души. Принципы правления отвратительны; люди перебивают друг друга в попытках завоевать благосклонность легионов; за мятеж назначена цена; никто не приближается к солдату, не имея при себе кошелька. Военный деспотизм никогда не принимал более бесстыдной формы, но военный деспотизм может быть долговечным.

Наряду с отвратительными зрелищами, при сирийских императорах, какие реформы мы видим! Какой прогресс в законодательстве! Каким знаменательным был тот день, когда при Каракалле все свободные люди, проживающие в империи, получили равные права!

Не следует преувеличивать преимущества, которые дает такое равенство, но в политике слова никогда не бывают полностью лишены смысла. Было унаследовано много прекрасного. Философы школы Марка Аврелия исчезли, но их место заняли мастера юриспруденции. Папиниан, Ульпиан, Павел, Гай, Модестин, Флорентин, Марциан в годы ужасного зла создали шедевры и фактически создали закон будущего. Сирийские императоры, хотя и значительно уступавшие Траяну и Антонинам в плане политических традиций, поскольку они не были римлянами и не имели римских предрассудков, часто демонстрировали открытость ума, которая была бы невозможна для великих императоров II века, все из которых были крайне консервативны. Они разрешали и даже поощряли

создание коллегий или синдикатов. Они зашли в этом вопросе до крайности и организовали торговые гильдии как касты с отличительной одеждой. Они распахнули двери империи настежь. Один из них, благородный и трогательный Александр Север, сын Мамеи, почти равнялся своей плебейской добротой патрицианским добродетелям великой эпохи; самые возвышенные идеи бледнеют перед честными излияниями его сердца.

Именно в религии эти сирийские императоры впервые проявили либеральность ума и терпимость, неизвестные ранее.^[46] Сирийские женщины из Эмесы, Юлия Домна, Юлия Меса, Юлия Мамея, Юлия Созмиас, красивые, умные, смелые до утопизма, не сдерживаемые никакими традициями или условностями. Они осмелились сделать то, чего ни одна римская женщина никогда не делала: они вошли в сенат, участвовали в его обсуждениях и практически управляли империей, мечтая о Семирамиде и Нитокрисе. Такая женщина, как Фаустина, не сделала бы этого, несмотря на всю свою легкомысленность; ее сдерживали бы такт, чувство абсурдности, правила хорошего римского общества. Сирийские женщины не колебались ни перед чем. У них был сенат женщин, который принимал всевозможные абсурдные законы. Римская религия казалась им холодной и бессмысленной. У них не было семейных причин привязываться к ней, и, будучи более созвучными христианству, чем итальянскому язычеству, они с восторгом слушали рассказы о путешествиях богов по земле. Филострат очаровал их своим *Аполлонием*; возможно, у них было тайное влечение к христианству.

В это время последние знатные дамы старого общества, такие как пожилая дочь Марка Аврелия, почитаемая всеми мужчинами и казненная Каракаллой, жили в безвестности, наблюдая за оргиями, которые составляли столь странный контраст с воспоминаниями их юности.

Провинции, и в особенности восточные, которые были гораздо более активными и просвещенными, чем западные, приобрели явное превосходство. Элагабал, безусловно, был сумасшедшим, но, тем не менее, его химерическая идея централизованной монотеистической религии, установленной в Риме и поглощающей все другие, показывает, что узкий круг представлений Антонинов был в значительной степени прорван. Мамея и Александр Север пошли еще дальше; в то время как юрисконсульты продолжали с привычной спокойностью переписывать свои старые и жестокие максимы против свободы совести, сирийский император и его мать изучали христианство и проявляли к нему симпатию. Не довольствуясь предоставлением безопасности христианам, Александр с трогательным эклектизмом ввел имя Иисуса в число своих домашних богов. Мир, казалось, был достигнут не путем унижения одной из сторон, как при Константине, а путем великодушного примирения. Во всем этом, безусловно, была смелая попытка реформы, уступавшая по рациональности реформе Антонинов, но имевшая больше шансов на успех, поскольку была гораздо более популярной и в большей степени учитывала интересы провинций и Востока.

В такой демократической работе люди без предков, такие как эти африканцы и сирийцы, имели больше шансов на успех, чем жесткие люди с безупречным поведением, такие как аристократические императоры. Но врожденная порочность имперской системы проявилась в десятый раз. Александр Север был убит солдатами 19 марта 235 года. Стало ясно, что армия не потерпит никого, кроме тиранов. Империя последовательно переходила от римской аристократии к провинциальным чиновникам, а теперь перешла к подчиненным офицерам и военным убийцам. Если до времени Коммода убитые императоры были невыносимыми монстрами, то теперь хороший император, человек, желающий восстановить некую дисциплину и пресекающий преступления армии, неизбежно обречен на смерть. Тем не менее, нельзя отрицать, что накануне варварских вторжений была

необходима сильная и способная армия. При всех своих достоинствах Александр был слабаком, непригодным для правления в такое время. С его смертью военная революция вступила в третью стадию. Стало более чем когда-либо необходимо укрепить императорский пост, потому что, поскольку было решено, что император должен быть солдатом, выбор солдат, соперничающих претендентов на этот пост, угрожал разделить римский мир на множество воюющих государств в результате гражданской войны.^а

СНОСКИ

[41] Иродиан^d рассказывает нам о списке тех, кто был обречен на смерть, взятом ребенком и прочитанном Марцией, как в случае с Домицианом. Но он очень неточный писатель, а Дион^e, который был сенатором и в то время находился в Риме, вряд ли мог не знать об этом обстоятельстве, если бы оно было правдой.

[42] [Во время этого правления дисциплинированные легионы под командованием способных полководцев по-прежнему защищали границы. Большая часть империи была мирной и процветающей. Правительство по-прежнему осуществляло крупные общественные работы и благотворительно помогало страдающим. Христиане терпелись, а те из секты, кто находился в тюрьме, были освобождены. Великая официальная машина мало беспокоилась капризами императора].

[43] Север, не довольствуясь выражением своего почитания и уважения к памяти М. Аврелия, совершил глупость, притворившись его сыном. «Что нас больше всего поразило, — говорит Дион, — это то, что он называл себя сыном Марка и братом Коммода» (^e).

[44] [Тарант — прозвище, данное Каракалле после его смерти. Так звали гладиатора неблагородного вида.]

[45] «Жизнь Александра» Лампридия в «Августовской истории» (^f) — это, как замечает Гиббон, «просто идея идеального принца, неуклюжая имитация «Киропедии». [Лучшие правители должны были нести бремя обвинений в алчности].

[46] [Замена сирийско-финикийского бога солнца Элагабалом естественно напоминает монотеистическую реформу Аменхотепа IV (Хун-Атона) в Египте более шестнадцати веков назад. Во времена Аменхотепа сирийское влияние преобладало при египетском дворе, как и в Риме в начале III века н. э. Тот факт, что кульминационный результат этого явления был практически одинаковым в обоих случаях, заслуживает, по крайней мере, беглого внимания].

ГЛАВА XL. ЕЩЕ БОЛЬШЕЕ СМЕШАНИЕ: ВТОРАЯ ПОЛОВИНА III ВЕКА ИМПЕРИИ (235-285 гг. н. э.)

«Теперь начинается полвека ада (235-284), в котором гибнут вся философия, весь гражданский порядок, вся утонченность; власть выставляется на аукцион, солдаты властвуют над всем; иногда по десять тиранов одновременно; варвары проникают через все бреши разрушенного мира; Афины разрушают свои древние памятники, чтобы окружить себя плохо построенными стенами в защиту от готов. Если что-то и может показать внутреннюю необходимость Римской империи, так это тот факт, что она не была полностью разрушена этой анархией и сохранила достаточно сил, чтобы возродиться под энергичным руководством Диоклетиана и просуществовать еще два столетия. Во всех классах декаданс ужасен. За пятьдесят лет искусство скульптуры забыто. Латинская литература приходит к концу. Как будто вампир навис над обществом, выпивая его жизненную кровь». — РЕНАН.

Плохие дела становятся еще хуже в период, в который мы сейчас вступаем. Старые беды остаются, а к ним добавляются новые. Власть солдат абсолютна, и, как и раньше, деньги являются единственным каналом для получения голосов этих правителей империи. Как и раньше, идет непрекращающаяся борьба за почести и вознаграждения императорской

должности; как и раньше, успешные и неудачные претенденты одинаково ставят себя на верный путь к скорой смерти, как только пытаются захватить пурпур.

В течение полувека, в которое мы сейчас вступаем, перед нашими глазами быстро сменяют друг друга около семнадцати императоров, которых можно назвать законными обладателями титула, и за одним-двумя сомнительными исключениями все они встречаются трагическую смерть. Некоторые правят несколько недель или месяцев, некоторые — несколько лет; некоторые молоды, некоторые стары, но ни юный возраст Гордиана, ни старость Тацита не могут защитить от императорской судьбы.

Все это, по сути, является лишь повторением того, что мы видели в только что прошедшем полувеке. Нет никакого внезапного перехода, никакой заметной революции. И все же время, в которое мы вступаем, в других отношениях имеет свой особый характер. Оно знаменует собой состояние, к которому империя неуклонно стремилась; состояние, которое является логическим, необходимым результатом предшествующих условий, которые мы изучили. Суть этого нового состояния заключается в дероманизации империи. Отныне правители Рима, за редким исключением, больше не являются римлянами в старом смысле этого слова. Конечно, Каракалла даровал римское гражданство всем свободным людям в империи, в число которых, следует отметить, входило огромное количество людей, когда-то бывших рабами. Но императорский стилус, хотя и может сделать галлов и готов, далматов и даков, сирийцев и арабов римлянами в официальном смысле, бессилён изменить расовые черты этой разнородной компании. Человек из провинции, который никогда не был ближе чем в тысяче миль от Рима, может считать себя римским гражданином, может даже гордиться этим именем, но, без сомнения, его ближайшие интересы лежат в сфере его родственников и соплеменников, его собственной расы, в отличие от интересов его сограждан, которые живут в далеких землях и имеют привычки, обычаи и языки, отличные от его собственных.

В данном контексте этот естественный инстинкт приобретает большое значение. Становится все более очевидным, что у нас больше нет сильно централизованного правительства. Во-первых, почти все императоры сами являются выходцами из провинции. Великий город редко бывает родиной великих людей любой эпохи. Говорят, что Рим никогда не давал поэтов, и даже беглый анализ его великих имен показывает, что лишь немногие из тех, кого помнит потомство, родились в пределах самого города. Но в ранние времена великие римляне в большинстве своем родились в Италии, если не в столице. В первом веке, как мы видели, большое значение придается многим усыновленным римлянам, родившимся в Малой Азии, и другим, прибывшим из Испании, — таким людям, как Сенека, Лукан и Квинтилиан. Во втором веке империи, как мы помним, два величайших императора, Траян и Адриан, были испанцами. Но это исключительные случаи.

Теперь же мы вступаем в период, когда римский император, почти как само собой разумеющееся, не является итальянцем. Максимин — фракийский крестьянин, Филипп — араб, Деций родом из Паннонии, Эмилиан, как говорят, мавританец; Клавдий, Проб, Кар и Карин родом из разных регионов Иллирии. Некоторые из этих провинциалов посещают Рим, когда позволяет перерыв в пограничных войнах. Филипп Арабский, например, делает Рим своей штаб-квартирой; и по странной иронии судьбы именно этот человек чуждой крови находится на троне, когда в 248 году Рим отмечает свою тысячулетнюю годовщину: именно он проводит великолепные светские игры, знаменующие тысячелетие.

Есть и такие правители, как Аврелиан, которые интересуются более интимными экономическими делами империи и энергично прилагают усилия к реформе валюты, обесценивание которой является одной из наиболее значительных черт того времени. Аврелиан устанавливает честную стоимость золотых и серебряных монет, отнимает у

сената и всех городов, кроме Александрии, право чеканки монет, стремясь таким образом более прочно закрепить положение столицы империи как финансового центра и придать стабильность экономической системе. Но его лучшие усилия приводят к мятежу в настоящем и далеко не достигают ожидаемых результатов в будущем. Более того, даже Аурелиан, несмотря на свое уважение к Риму, в основном занимается военными делами в отдаленных провинциях. Он должен мчаться из Сирии в Египет, из Египта в Галлию; одно восстание не успевают подавить, как начинается другое. А в те времена перебросить армию из одной части огромной империи в другую было нелегкой задачей.

Кроме того, есть императоры, которые презируют столицу; например, Максимин, который на время переносит резиденцию империи в далекую Паннонию. Это странное зрелище, когда итальянских граждан привозят из их резиденций в Риме, чтобы наказать их — наказать, а не судить, — в провинции на Дунае. Немногие другие императоры доходят до таких крайностей, но с течением времени мы все больше и больше чувствуем, что интересы империи находятся везде, кроме Рима. После правления Клавдия, который занял трон в тот момент, когда империя завершала свой третий век, было почти предreshено, что Иллирик будет поставлять империи своих правителей. Значение этого факта становится очевидным, если вспомнить, что Иллирик — это территория к северу от Греции, включающая Македонию, Фракию и Мезию, которую будущий император определит как местоположение Нового Рима — Константинополя.

Децентрализация империи, значительными признаками которой являются эти события, еще более ярко проявляется в постоянно растущем числе соперничающих претендентов на императорский трон. Снова и снова солдаты в разных частях империи возносят разных вождей к номинальной императорской власти. В одно время, когда Галлиен был законным обладателем титула, в Иллирии, Галлии, Греции, Египте — повсюду — были самозванные императоры. Это время стало известно как эпоха Тридцати тиранов. Несомненно, соперничающих императоров было не тридцать, но, возможно, пятнадцать или двадцать — точно никто не знает и не особо интересуется этим.

И в то время как внутренние разногласия ослабляют империю, еще большая опасность угрожает ей извне. Народы, которых мы привыкли называть варварскими ордами — франки, аламаны, готы — прорывают стальной кордон, который является единственной защитой империи. Персы оспаривают восточную границу. Они захватывают римского императора Валериана и увозят его в позорное рабство. Готы проникают в Босфор, вторгаются в Малую Азию и опустошают побережье Греции. Аламаны вторгаются в Италию и доходят почти до самого Рима. На данный момент эти орды отбиты. Чума из Египта уносит тысячи готов и лишает их разношерстные войска силы. Войска Аврелиана оттесняют аламанов. На данный момент имперская столица в безопасности. Но новая угроза со стороны старых северных врагов выглядит настолько страшной, что теперь, в конце третьего века империи, вокруг имперского города строится стена. Несколько поколений назад этой отдаленной стальной стеной было достаточно; теперь узкий каменный круг должен защищать столицу, как в давние времена, когда Рим еще не завоевал Италию.

Один этот факт достаточно характеризует то время. Когда гордый город, чьи подчиненные территории ограничены Евфратом и Атлантическим океаном, признает страх перед врагом у своих ворот, начало конца уже близко. Римская империя в конце III века больше не мечтает о более дальних завоеваниях; она борется за саму жизнь. Некоторые характерные черты этой борьбы теперь привлекут наше внимание.^a

Максимин (К. Юлий Вер Максимин), 235-238 гг. н. э.

Максимин был по происхождению фракийским крестьянином, обладавшим огромным ростом и силой; его рост, как нам рассказывают, «превышал два метра; браслет его жены служил ему кольцом для большого пальца; он мог тянуть загрузенную повозку, сломать лошади ногу ударом ногой и раздавить песчаник в руках»; часто, как добавляют, «он съедал сорок фунтов мяса в день и запивал его семью галлонами вина».» Поэтому его называли Гераклом, Антеем и Милоном из Кротона. Он стал известен императору Северу, когда тот однажды праздновал день рождения своего сына Гета во Фракии. Молодой варвар подошел к нему и на ломаном латыни попросил разрешения побороться с некоторыми из самых сильных из последователей лагеря; он победил шестнадцать из них, получил столько же наград () и был принят на службу. Через пару дней Север, видя, как он радуется своей удаче, рассказал о нем трибуну, и Максимин, поняв, что он является предметом разговора императора, начал бежать пешком рядом с его лошадьё; Север, чтобы проверить его скорость, пустил лошадь галопом, но молодой солдат не отставал от него, пока пожилой император не устал. Север спросил его, не хочет ли он после бега побороться, тот ответил утвердительно и победил семерых самых сильных солдат. Он быстро продвигался по службе при Севере и его сыне; он удалился в свою родную деревню, когда Макрин захватил империю; он презирал служить Элагабалу, но вступление Александра на престол побудило его вернуться в Рим. Он получил командование легионом, был назначен сенатором, и император даже подумывал выдать свою сестру замуж за сына фракийского крестьянина.

Первым делом Максимиана, когда он был возведен на престол, было уволить со своих должностей всех, кто входил в совет или семью его предшественника, а нескольких казнили как заговорщиков. Он быстро проявил свою врожденную жестокость: когда, завершив строительство моста из лодок через Рейн, начатое Александром, он готовился переправиться в Германию, был раскрыт заговор во главе с консулом Магнусом, который планировал отпустить задний конец моста после того, как Максимин переправится, и таким образом оставить его в руках германцев, а сам Магнус должен был быть провозглашен императором. В этом случае он без какого-либо суда казнил более четырех тысяч человек и был обвинен в том, что сам придумал заговор с этой целью.

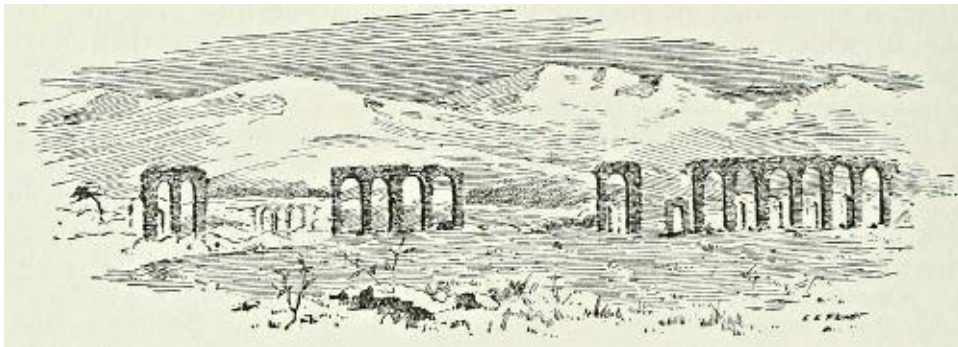
Через несколько дней было подавлено восстание восточных лучников, и Максимин повёл свою армию в Германию. Поскольку ему не противостояли значительные силы, он разграбил и сожг страну на протяжении четырёхсот миль. В лесах и болотах время от времени происходили стычки, которые давали Максиминому возможность продемонстрировать свое личное мастерство; он велел нарисовать картины своих побед и отправил их в Рим, чтобы их повесили на дверях здания сената.

Первые два года своего правления Максимин провел в войнах против германцев и сарматов. Его зимней резиденцией был Сирмий в Паннонии, и он никогда не удостоил своим визитом Италию. Но его отсутствие не приносило никакой пользы, поскольку Италия и все части империи одинаково страдали под его безжалостной тиранией. Мерзкая раса донощиков вновь ожила; люди всех сословий были притащены со всех концов империи в Паннонию, где одних зашивали в шкуры животных, других выбрасывали на съедение диким зверям, третьих забивали до смерти дубинами, а имущество всех конфисковывали. Это было обычным явлением при предыдущем деспотическом правлении, и поэтому народ в целом не обращал на это особого внимания; но Максимин простер свои хищные руки на корпоративные фонды городов империи, которые были предназначены для поддержки или развлечения народа; он захватил сокровища храмов и лишил публичные здания их украшений. Это вызвало всеобщее недовольство, и даже его солдаты устали от его суровости и жестокости.

СОПЕРНИЧАЮЩИЕ ИМПЕРАТОРЫ И СМЕРТЬ МАКСИМИНА

[237-238 гг. н. э.]

Вся империя была теперь готова к восстанию; алчность прокуратора Африки привела к его вспышке в этой провинции (237 г.). Этот чиновник, достойный своего господина, приговорил двух молодых людей из знатного сословия () к уплате таких сумм, которые полностью разорили бы их. В отчаянии они собрали крестьян на своих поместьях и, переманив на свою сторону часть солдат, однажды ночью напали на прокуратора и убили его и тех, кто его защищал. Зная, что их спасение возможно только в общем восстании, они решили предложить империю М. Антонию Гордиану, губернатору провинции, прославленному сенатору почтенного возраста в восемьдесят лет. Они пришли к нему, когда он отдыхал после утренней аудиенции, накинули на него пурпурное знамя и провозгласили его Августом. Гордиан отказался от предложенного ему достоинства, но, подумав, что Максимин никогда не простит человека, провозглашенного императором, он счел более безопасным рискнуть и согласился принять империю, сделав своим коллегой своего сына. Затем он отправился в Карфаген, откуда написал сенату и народу, а также своим друзьям в Риме, уведомляя их о своем возвышении до императора.

КАМПАНИЯ

Эта весть была с величайшей радостью встречена в Риме. Оба Гордиана были провозглашены августами, а Максимин и его сын, которого он сделал своим соправителем, а также их друзья были объявлены государственными врагами, и тем, кто убьет их, были обещаны награды; но указ было приказано держать в секрете до тех пор, пока не будут сделаны все необходимые приготовления. Вскоре после этого было объявлено, что Максимин убит. Затем были опубликованы указы Гордиев, их изображения и письма были доставлены в преторианский лагерь, и народ сразу же поднялся в ярости, сбросил и разбил изображения Максимиана, напал на его офицеров и доносчиков и убил их; многие воспользовались этим предлогом, чтобы избавиться от своих кредиторов и личных врагов. В городе царили убийства и грабежи. Между тем сенат, зашедший слишком далеко, чтобы отступить, направил циркуляр всем правителям провинций и назначил двадцать своих членов для приведения Италии в состояние обороны.

Максимин готовился переправиться через Дунай против сарматов, когда узнал о том, что произошло в Риме. Его ярость и гнев превзошли всякие пределы. Он пригрозил всему сенату казнью или порабощением и пообещал отдать их имущество, а также имущество африканцев своим солдатам; но, увидев, что они не проявляют той готовности, на которую он рассчитывал, он начал опасаться за свою власть. Однако его настроение вскоре улучшилось, когда пришла весть о том, что его соперники больше не существуют; Капелиан, губернатор Мавретании, получив от Гордианов приказ покинуть эту провинцию, выступил

против Карфагена во главе отряда легионеров и мавров. Младший Гордиан вступил с ним в сражение, был разгромлен и убит, а его отец, услышав печальную весть, повесился. Капелиан разграбил Карфаген и другие города и воспользовался всеми правами завоевателя (237).

Когда роковая весть дошла до Рима, там царил великое смятение, но сенат, видя, что теперь отступать нельзя, избрал императорами вместо Гордианов М. Клодия Пупиена Максима и Д. Целия Бальбина, первого для управления военными делами, второго — гражданскими делами государства. Чтобы успокоить народ, к ним присоединился внук старшего Гордиана, двенадцатилетний мальчик, в качестве цезаря.

Новые императоры были избраны в начале июля, и Пупиен немедленно покинул Рим, чтобы противостоять Максимино. Остаток года обе стороны потратили на подготовку к войне, и следующей весной (238 г.) Максимин направил свои войска в Италию. Он беспрепятственно пересек Альпы, но обнаружил, что ворота Аквилеи закрыты для него. Его предложения о помиловании были отвергнуты, и он осадил город, который защищался с упорством отчаяния. Неудача усилила врожденную жестокость Максимиана; он казнил нескольких своих офицеров, что раздражило солдат, которые к тому же страдали от всевозможных лишений, и недовольство стало всеобщим. Однажды в полдень, когда Максимин отдыхал в своей палатке, к ней подошла группа албанских солдат с намерением убить его. К ним присоединились его охранники, и когда он проснулся и вышел со своим сыном, они не стали его слушать, а убили обоих на месте и отрубили им головы. Главные министры Максимиана разделили его судьбу. Его правление длилось всего три года.

ПУПИЕН (М. КЛОДИЙ ПУПИЕН МАКСИМ), БАЛЬБИН (Д. ЦЕЛИЙ БАЛЬБИН) И ГОРДИАН (М. АНТОНИЙ ГОРДИАН), 238-244 гг.

[238-248 гг. н. э.]

Когда в Рим пришла весть о смерти Максимиана, радость была безгранична. Пупиен, находившийся в Равенне, поспешил в Аквилею и принял подчинение армии. Он раздал деньги легионам, а затем отправил их обратно в их обычные казармы и вернулся в Рим с преторианцами и частью армии Рейна, которой он мог доверять. Он и его коллеги вошли в город с триумфом.

Правительство Пупиена и Бальбина было лучшим из возможных, и сенат и народ поздравляли себя с сделанным выбором. Но преторианцы были далеко не довольны; они чувствовали себя лишенными права назначать императора и были раздражены тем, что германские войска оставались в городе, что, по их мнению, свидетельствовало о недоверии к ним. К сожалению, между двумя императорами царил тайная ревность, и вполне вероятно, что при любых обстоятельствах согласие между ними не просуществовало бы долго.

Преторианцы, тщетно искавшие повод для избавления от императоров, в конце концов воспользовались празднованием капитолийских игр, на которых присутствовали почти все, и императоры остались почти одни во дворце. Они направились туда в ярости. Пупиен, узнав об их приближении, предложил послать за германцами, но Бальбин, опасаясь, что это сделано с целью использовать их против него самого, не дал на это согласия. Тем временем преторианцы прибыли, ворвались внутрь, схватили двух пожилых императоров, разорвали их одежды, подвергли их всевозможным унижениям и тащили их в свой лагерь, пока, услышав, что германцы идут им на помощь, не убили их и не оставили их тела лежать на

улице. Молодого Гордиана они увезли с собой в лагерь (), где провозгласили его императором, и сенат, народ и провинции с готовностью согласились с его возвышением.

Молодой император был объектом всеобщей любви; солдаты называли его своим ребенком, сенат — своим сыном, народ — своей радостью. Он был живым и приятным человеком и усердно стремился к знаниям, чтобы не быть обманутым окружающими. Однако в первые годы его правления государственные дела велись без особого энтузиазма. Его мать, которая не была Мамеей, позволяла своим евнухам и вольноотпущенникам продавать все высокие должности в государстве (возможно, она участвовала в их доходах), в результате чего было сделано много неправомερных назначений. Но брак молодого императора (241) привел к коренной реформе. Он женился на дочери Миситея, человека, прославившегося в области литературы, и сделал своего тестя префектом претория, руководствуясь его советами. Миситей, который был человеком добродетельным и талантливым, а также ученым, выполнял свои обязанности самым умелым образом.

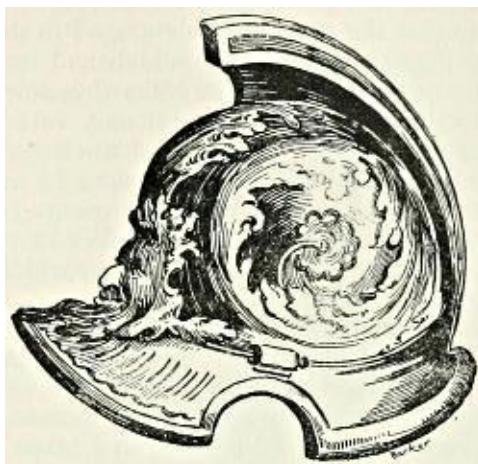
Вскоре персидская война вынудила императора отправиться на Восток (242 г.). Шапур, сын и преемник Артаксеркса, вторгся в Месопотамию, захватил Нисибис, Карры и другие города и угрожал Антиохии. Но умелые действия Миситея, когда император прибыл в Сирию, быстро обеспечили победу римским войскам; все города были отвоеваны, и персидский монарх был вынужден перейти Тигр. К несчастью для Гордиана и империи, Миситей умер в следующем году (243), к большому сожалению всей армии, которая его любила и боялась. Должность префекта претория была передана М. Юлию Филиппу, которого обвиняют, хотя, по-видимому, без оснований, в смерти его предшественника. Теперь, однако, фактически командуя армией, Филипп стремился к империи. Он пренебрежительно отзывался о молодости Гордиана; он ухитрился, отвлекая продовольствие, довести армию до нужды, а затем возложил вину на императора. Наконец (244 г.), после победы над персами на берегах Хабораса, он повел войска в страну, где было невозможно добыть провизию: в результате произошел мятеж, в ходе которого император был убит, а Филипп провозглашен его преемником. Гордиан был всего девятнадцати лет, когда его постигла безвременная гибель; он правил пять лет и восемь месяцев. Солдаты воздвигли ему гробницу на том же месте, а сенат вознес его в число богов.

Филипп (М. Юлий Филипп), 244-249 гг. н. э.

Авантюрист, который теперь достиг императорского пурпура, был арабом по происхождению и, как утверждается, даже христианином по вероисповеданию. Вероятно, он поступил на службу в Рим в молодости и постепенно поднялся по служебной лестнице в армии.

Стремясь как можно скорее отправиться в Рим, Филипп не терял времени и заключил договор с Шапуrom. Затем, после короткой остановки в Антиохии, он отправился в Италию. В Риме он использовал все средства, чтобы расположить к себе сенаторов щедростью и добротой, и никогда не упоминал покойного императора иначе, как с уважением. Чтобы завоевать любовь народа, он построил водохранилище для снабжения водой той части города, которая находилась за Тибром.

На пятом году своего правления (248 г.), когда Риму исполнилось тысяча лет, Филипп вместе со своим сыном, который теперь был его соправителем, с большой пышностью отпраздновал вековые игры. Они уже торжественно отмечались Августом, Клавдием, Домицианом и Севером, и теперь Рим видел их в последний раз.

РИМСКИЙ ШЛЕМ

Филипп, по-видимому, поступил неразумно, поручив обширные полномочия своим родственникам, поскольку в Сирии, где командовал его брат Приск, и в Мезии, где командовал его тесть Севериан, были провозглашены соперничающие императоры. Сирийский мятежник звали Йотапиан, а моэсский — центурион по имени П. Карвий Марин. Говорят, что Филипп, встревоженный, призвал сенат поддержать его или принять его отставку (249), но пока другие сенаторы хранили молчание, Деций, человек высокого ранга и таланта, успокоил его, пренебрежительно отзываясь о мятежниках и утверждая, что они не смогут противостоять ему. Его предсказание оправдалось, поскольку вскоре оба были убиты. Затем Филипп заставил Деция, по слухам, вопреки его желанию, принять командование моэсийским и паннонским легионами. Но когда Деций прибыл в армию, солдаты настояли на том, чтобы он принял пурпур. Он написал императору письмо, в котором заверил его в своей верности, но Филипп не поверил его заявлениям и, оставив своего сына в Риме с частью преторианцев, сам возглавил свои войска, чтобы наказать его. Армии встретились недалеко от Вероны; Филипп был разгромлен и убит, и когда эта весть дошла до Рима, преторианцы убили его сына и провозгласили Деция императором.

ДЕЦИЙ (C. MESSIUS QUINTUS TRAJANUS DECIUS), 249-251 гг.

Деций родился в Бубалии, городе недалеко от Сирмиума в Паннонии. Когда он был провозглашен императором, ему было либо сорок восемь, либо пятьдесят восемь лет, точно неизвестно; судя по неполным сведениям, которые мы имеем о его правлении, он, по-видимому, был человеком значительных способностей. Однако его правление было коротким и беспокойным. Едва оно началось, как ему пришлось лично отправиться подавлять восстание в Галлии, а все остальное время он был занят войной с готами.

[250-253 гг. н. э.]

Этот народ, который, по-видимому, происходил из Скандинавского полуострова, в ранний период пересек Балтийское море и поселился на его южном побережье. Постепенно он продвигался на юг и теперь достиг Эвксинского моря. Во времена Александра Севера он вторгся в Дакию, а во времена Филиппа опустошил как эту провинцию, так и Мезию. В

первый год правления Деция (250 г.) готский король Книва переправился через Дунай во главе семидесяти тысяч воинов и осадил город Эустезиум (Нови); отбитый римским полководцем Галлом, он двинулся на Никополь, откуда был изгнан императором или его сыном (точно неизвестно) с потерями в тридцать тысяч человек. Не смутившись своими неудачами, он перешел гору Эмус в надежде застать врасплох Филиппополь; Деций последовал за ним, но его лагерь в Берее был захвачен готами, и его войска были разбиты. Филиппополь выдержал осаду в течение некоторого времени, но был взят, и большая часть его жителей была убита. Готы теперь распространили свои грабежи на Македонию, правитель которой, брат Филиппа Приск, принял пурпур под их защитой.

По всей вероятности, эти поражения потерпел младший Деций, поскольку император, должно быть, находился в Риме, так как, когда он покинул его (251 г.), чтобы руководить войной с готами, императором был провозглашен некий Юлий Валенс, к великой радости народа. Однако вскоре после этого он был убит. Деций, достойный империи, тем временем, находясь в разгаре военных забот, занимался фантастическим проектом восстановления давно утраченной общественной добродетели, которая когда-то возвышала Рим. С этой целью он предложил возродить должность цензора, и выбор кандидатуры был оставлен на усмотрение сената, который единогласно проголосовал (27 октября) за П. Лициния Валериана как наиболее достойного этого человека. Декрет был передан императору, который находился во Фракии; он зачитал его вслух на большом собрании и призвал присутствовавшего Валериана принять предложенную должность. Валериан хотел отказаться. Мы не знаем, удовлетворились ли император его отказами, но в связи с развитием общественных дел цензура так и не была введена.

Деций одержал победу над готами, которые предложили сдать свою добычу и пленных, если им будет позволено перейти Дунай; но император, решивший нанести такой удар, который устранил бы варваров и заставил их впредь уважать римское оружие, отверг все условия. Поэтому готы вступили с ним в сражение в месте, где часть их фронта была прикрыта болотом. Младший Деций был убит стрелой в начале сражения, но император, воскликнув, что потеря одного солдата не имеет значения, повел свои войска вперед. При попытке пересечь болото они были пронзены стрелами врага или поглощены трясинной, и тело императора так и не было найдено.

ГАЛЛ (С. VIBIUS TREBONIANUS GALLUS), 251-253 гг.

Говорят, что сенат, но, скорее всего, армия, передала вакантный пурпур Галлу, правителю Мезии. Он усыновил Гостилиана, оставшегося в живых сына Деция, и дал ему титул Августа; но этот юноша вскоре умер от чумы, и Галл присоединил к империи своего собственного сына Волузиана. Не имея, вероятно, возможности противостоять победоносным готам, Галл согласился, чтобы они ушли со своей добычей и пленными, и даже согласился ежегодно выплачивать им большую сумму золота. Затем он отправился в Рим, где и оставался до конца своего правления, управляя с большой мягкостью и справедливостью.

[253-256 гг. н. э.]

Готы и их союзники, не обращая внимания на договоры, вновь (253 г.) вторглись через Дунай, но Эмилиан, правитель Мезии, нанес им сокрушительное поражение, и его победоносные войска немедленно провозгласили его императором. Не теряя ни минуты, он двинул их на Рим. Галл выступил навстречу ему; войска встретились в Интерамне (Терни), и войска Галла, видя, что они слабее, и соблазненные обещаниями Эмилиана, убили императора и его сына и перешли на сторону мятежника.

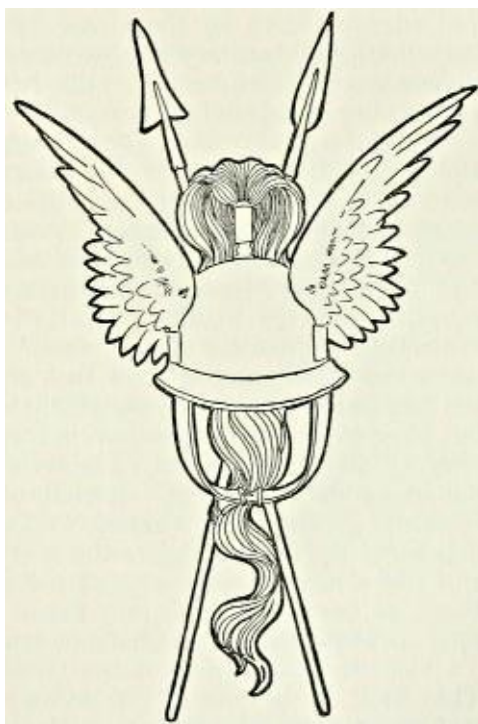
Эмилиан (С. JULIUS ÆMILIANUS), 253 г. н. э.

Говорят, что Эмилиан был мавританцем по происхождению. О его прошлом ничего не известно. Он написал сенату, что они должны получить всю гражданскую администрацию, а он будет лишь их генералом, и собрание с готовностью согласилось с его возвышением.

Но Галл послал Валериана за легионами Галлии и Германии, чтобы те пришли ему на помощь; и эти войска, как только узнали о его смерти, провозгласили своего генерала императором. Он повёл их в Италию; а войска Эмилиана, которые были расположились лагерем в Сполетии (Сполето), опасаясь силы и численности наступающей армии, убили своего императора, чтобы избежать конфликта. Правление Эмилиана продлилось менее четырех месяцев.

ВАЛЕРИАН (П. ЛИЦИНИЙ ВАЛЕРИАН) и ГАЛЛИЕН (П. ЛИЦИНИЙ ГАЛЛИЕН), 253-260 гг.

Говорят, что Валериану было шестьдесят лет, когда он был возведен на престол. Чувствуя немощность возраста или подражая практике многих предшествующих императоров, он взял в соправители своего сына Галлиена, молодого человека, не лишенного ни мужества, ни способностей, но чрезмерно пристрастившегося к удовольствиям.

ОРУЖИЕ И ШЛЕМ ГАЛЛОВ

Если бы Римская империя находилась в том состоянии, в котором ее оставил Август, Валериан мог бы подражать этому императору и проявить свои добродетели и благодеяния, способствуя счастью своих подданных. Но в положении Рима произошли большие изменения: его легионы больше не внушали прежнего страха, а северные и восточные провинции подвергались разорению со стороны тех, кто раньше трепетал перед его орлами. Поэтому Валериан мог проявить свою мудрость только в выборе генералов, и следует отметить, что его выбор никогда не падал на недостойных.

Врагами, нападшими на империю в этот период, были франки, аламаны, готы и персы. Поскольку скудные сведения об этих временах не позволяют нам расположить события в хронологическом порядке, мы дадим отдельное описание войн с каждым из этих народов во время правления Валериана и его сына.

[256-262 гг. н. э.]

Мы уже отмечали склонность германских племен к образованию конфедераций. Чауки, херуски, хатты и некоторые соседние племена, по-видимому, недавно вступили в один из таких политических союзов под названием франки, *то есть* «свободные люди». Их сила и численность теперь вызывали беспокойство в Галлии, и молодой император Галлиен был отправлен в эту страну; но главное военное командование было возложено на Постума, человека значительных способностей. Легионы одерживали успехи в различных сражениях, но в конце концов они не смогли помешать прохождению армии франков через Галлию, откуда, преодолев барьер Пиренеев, они хлынули в теперь уже невоенную Испанию. Богатый город Таррако был захвачен и разграблен; вся страна была опустошена, и франки, захватив суда, которые они нашли в портах, отплыли, чтобы разграбить Африку. Мы не знаем, какова была их окончательная судьба; однако, вероятно, они были уничтожены римскими войсками и провинциалами.

Часть великой конфедерации свевов образовала новое объединение под названием аламанны, *то есть* «все люди», ввиду разнообразия племен, входивших в его состав. Как и свевы, их войска в основном состояли из кавалерии, смешанной с активными пехотинцами, и всегда оказывались грозным противником. Пока Галлиен находился в Галлии, часть их войск вторглась в Италию, проникла до Равенны, а их передовые отряды подошли почти вплотную к Риму. Сенат вывел преторианскую гвардию и добавил к ней часть населения, чтобы противостоять им; варвары, обнаружив, что их значительно превосходят по численности, поспешили уйти за Дунай со своей добычей. Говорят, что Галлиен был настолько встревожен духом и энергией, проявленными сенатом в этом случае, что издал эдикт, запрещающий сенаторам заниматься военной службой и даже запрещающий им доступ в лагеря легионов. Добавляется, что роскошные вельможи рассматривали это унижение скорее как одолжение, чем как оскорбление.

Говорят также, что Галлиен победил большую армию аламанных в окрестностях Медиолана.^[47] Впоследствии он женился на Пипе, дочери короля маркоманнов (одного из союзников), которой он дал территорию в Паннонии, чтобы предотвратить враждебные действия варваров.

Готы теперь были хозяевами северного побережья Эвксинского моря, и, обнаружив, что их нападения на северные провинции в целом энергично отражаются, они решили направить свои усилия на более миролюбивые районы. Собрав большое количество судов, используемых для плавания по Эвксинскому морю, они отплыли (258) и пересекли это море. Свою первую попытку они предприняли на пограничный город Питиус, который долгое время умело защищался от них, но в конце концов им удалось его захватить. Оттуда они отплыли в богатый город Трапезус (Трабзон), и, хотя он защищался многочисленным гарнизоном, им удалось проникнуть в него ночью. Трусливый гарнизон бежал, не оказав сопротивления; жители были массово убиты; добыча и количество пленных были огромны, и победители, разорив провинцию Понт, сели на корабли, которые они нашли в гаванях, и вернулись в свое поселение в Таврическом Херсонесе.

Следующая экспедиция готов была направлена на Босфор (261 г.). Они захватили и разграбили Халкидон и Никомедию, Никею, Апамею, Прусу и другие города Вифинии. Случайное разлитие небольшой реки Риндак спасло город Кизик от разграбления.

Третья экспедиция готов была более масштабной (262 г.). Их флот состоял из пятисот судов всех размеров. Они плыли по Боспору и Пропонтиде, захватили и разграбили Кизик, прошли Геллеспонт и вошли в Эгейское море. Они направились к Пирею; Афины не смогли оказать сопротивления; готы безнаказанно разграбили Грецию и продвинулись к берегам Адриатического моря. Галлиен пробудился от своих удовольствий и появился в оружии. Герульский вождь со своими людьми был убежден вступить на службу к римлянам; готы, ослабленные этим отступничеством, распались; часть из них пробилась по суше к Дунаю; остальные сели на корабли и, грабя и сжигая по пути храм Дианы в Эфесе, вернулись к Эвксинскому морю.

Сапор Персидский долгое время вел войну с Хосроем, царем Армении, принцем из рода Арсакидов. Не сумев подчинить храброго армянина, он приказал его убить, и Армения попала под персидское иго. Воодушевленный своим успехом, Сапор вторгся на римскую территорию, захватил Нисибис и Карры и распространил свои грабежи на Месопотамию. Валериан, обеспокоенный безопасностью восточных провинций, лично отправился туда (259). События последующей войны до нас не дошли. Все, что мы знаем наверняка, это то, что Валериан был окончательно разгромлен и взят в плен (260). Обстоятельства его пленения были в некоторой степени схожи с обстоятельствами пленения Красса. Его армия, по незнанию или из-за предательства, оказалась в положении, когда ни дисциплина, ни мужество не могли помочь, поскольку она была лишена провианта и страдала от болезней. Солдаты требовали капитуляции; Шапур задержал посланных к нему представителей и привел свои войска к лагерю; и Валериан был вынужден согласиться на переговоры, в ходе которых он был взят в плен.

Валериан закончил свои дни в плену в Персии. Нам рассказывают, что Шапур обращался с ним с всякого рода унижениями; что он водил его в цепях, одетого в императорскую пурпурную одежду; что, когда высокомерный перс садился на лошадь, плененный император должен был ползти на четвереньках, чтобы служить ему подножкой; и что, когда смерть наконец освободила его от страданий, его кожу сняли, выделали и набили, и поместили в одном из самых знаменитых храмов Персии. Однако страдания Валериана, вероятно, были такого же рода, как пытки Регула и железная клетка Баязета — грубые преувеличения некоторой степени жестокого обращения или необходимых мер предосторожности.

ГАЛЛИЕН (П. Лициний Галлиен), 260-268 гг. н. э.

[260-262 гг. н. э.]

Пленение Валериана оплакивали все, кроме его сына, который почувствовал облегчение от ограничений, наложенных на него добродетелью отца. Он даже притворился философом, сказав в подражание Ксенофону: «Я знал, что мой отец смертен», но он никогда не предпринимал попыток освободить его и без ограничений предался чувственным удовольствиям.

Правление Галлиена называют временем Тридцати тиранов. Это слово [в его современном значении, несколько отличающемся от древнегреческого употребления] означало просто принца, или, скорее, узурпатора, то есть того, кто претендует на верховную власть, уже принадлежащую другому. Тираны этого времени были в целом людьми с прекрасным характером, которых Валериан поставил во главе армий, а солдаты, часто вопреки их воле, возвели на престол. Число этих узурпаторов, которые поднимались и

падали один за другим, не превышало восемнадцати или девятнадцати, но какая-то очень причудливая аналогия привела к сравнению их с тридцатью тиранами Афин, и в *«Августовской истории»* сделана попытка, включив в их число женщин и детей, довести их количество до этого числа.

Восток, Иллирик, Галлия, Греция и Египет были местами, где появлялись эти тираны. Мы рассмотрим их по порядку.

После поражения Валериана Сапор присвоил титул императора человеку по имени Кириад, сыну гражданина Антиохии. Этот вассал немедленно повел персидские войска на грабеж своего родного города, и их поход был настолько быстрым и тайным, что они застали антиохийцев врасплох, когда те были заняты в театре. Последовала массовая резня и опустошение, обычные для Востока. Затем персидский монарх направил свои войска в Киликию, захватил Амфилохию () и разграбил Тарс (Tarsus) и другие города; затем, перейдя гору Тавр (Mount Taurus), он осадил Кесарию в Каппадокии (Caesarea in Cappadocia), город с четырьмястами тысячами жителей. Некоторое время город упорно защищался, но в конце концов из-за предательства он попал в руки персов, после чего последовали массовые убийства и грабежи. Сапор теперь распространял свои разрушения во всех направлениях, но римские войска, собравшиеся под командованием Сер. Аниция Балисты, бывшего префекта претория, остановили его наступление, и когда он отступал в свои владения, он был атакован неожиданным врагом.

Вскоре после поражения и пленения Валериана в лагерь Сапора прибыл караван верблюдов, груженных подарками. К ним было приложено письмо от Оденафа, богатого гражданина Пальмиры (древнего Тадмора), в котором он уверял, что никогда не выступал против персов. Шапур, разгневанный такой, по его мнению, дерзостью, разорвал письмо, бросил подарки в реку и объявил, что уничтожит дерзкого автора письма и его семью, если тот не явится перед его троном со связанными за спиной руками. Оденатус сразу же решил присоединиться к римлянам; он собрал войско, состоявшее в основном из бедуинов, или арабов пустыни, на которых он имел большое влияние. Он кружил вокруг персидской армии и, атаковав ее при переходе через Евфрат, унес много сокровищ и некоторых женщин Великого царя, который был вынужден искать спасения в поспешном отступлении. Оденатус стал властелином всей Месопотамии, он даже перешел Тигр и предпринял попытку захватить Ктесифон (261 г.). Галлиен присвоил ему титул генерала Востока, а сам Оденатус вскоре после этого принял титул царя Пальмиры.

ТРИДЦАТЬ ТИРАНОВ

Тем временем римские войска на Востоке, решив не подчиняться Галлиену, обсуждали, кому из них следует отдать пурпур. Действуя по совету Балисты, они остановили свой выбор на преторианском префекте М. Фульвии Макриане, человеке с большими военными талантами и, что, возможно, было более важным в их глазах, чрезвычайно богатом. Макриан назначил префектом преторианской гвардии Балисту, оставив с ним своего младшего сына и часть армии для защиты Востока, а сам, взяв с собой старшего сына, встал во главе 45 тысяч человек и отправился в Европу (261 г.). На границе Иллирии он встретил М. Ацилия Ауреола, правителя (или, как говорят некоторые, тирана) этой провинции, и в последовавшей битве он сам и его сын были убиты, а его войска сдались. После смерти Макриана пурпурную мантию надел Балиста, но он был убит по приказу Оденатуса, которого Галлиен (264), с полного согласия сената и народа Рима, сделал своим соправителем, присвоив ему титулы цезаря, августа и все другие знаки верховной власти.

Тит Цестий Эмилиан, командовавший в Египте, занял трон в этой провинции (262 г.), по-видимому, в результате мятежа в самом беспокойном городе Александрии; но в следующем году он был разгромлен, взят в плен и отправлен к Галлиену, который приказал его задушить.

Наибольший успех узурпаторы имели в Галлии. Как только Галлиен покинул эту страну (260 г.), генерал М. Кассиан Латиний Постум был провозглашен императором, и его власть, по-видимому, была признана как в Испании, так и в Британии. Его описывают как человека благородного и честного характера; он беспристрастно вершил правосудие и с доблестью и успехом защищал границу от германцев. Обладая любовью народа, он легко удерживал свою власть, несмотря на все усилия Галлиена, но в конце концов был убит (267 г.) в результате мятежа своих же солдат, которым он отказал в грабеже города Могонтиакум, где появился соперничающий император. Постум привлек к себе в империи Викторина, сына дамы по имени Аурелия Виктория, которую называли Матерью лагеря и которая имела такое влияние на войска, неизвестно каким образом приобретенное, но, вероятно, благодаря своему богатству, что могла даровать пурпур тому, кому хотела. Викторинус был убит человеком, чью жену он изнасиловал, простым оружейником по имени Марий, который носил пурпур в течение двух дней, по истечении которых был убит; тогда Виктория провозгласила императором сенатора по имени К. Пивес Тетрик, который удерживал власть в течение нескольких лет.

В то время, когда Макриан претендовал на империю, П. Валерий Валенс, правитель Греции, обнаружив, что этот узурпатор, решивший уничтожить его, послал против него Л. Кальпурния Пизона, в целях самообороны сам вступил на престол. Пизон, вынужденный отступить в Фессалию, провозгласил себя там императором, но к нему присоединились лишь немногие, и он был убит отрядом солдат, посланным против него Валенсом, который вскоре после этого был казнен собственными войсками. И Валенс, и Пизон были людьми высокого характера, особенно последний, которому сенат присвоил божественные почести и о котором сам Валенс сказал, что не сможет ответить перед богами за то, что приказал убить Пизона, хотя тот и был его врагом, человека, подобного которому в то время не было в Римской республике.

К. Анний Требеллиан провозгласил себя независимым в Исаурии, а Т. Корнелий Цельс был провозглашен императором в Африке, но оба они быстро погибли (265 г.). Среди бедствий этого правления было восстание рабов на Сицилии, подобное тем, что происходили во времена республики.

В то время как его империя была раздираема на части, Галлиен думал только о потакании своим слабостям, а потеря провинции давала ему повод для шутки. Когда Египет поднял восстание, он сказал: «Ну что ж, разве мы не можем обойтись без египетского льна?» Когда же была потеряна Галлия, он спросил, разве республика не может быть безопасной без плащей из Арраса. Он был доволен тем, что сохранил Италию, и удовлетворялся номинальным суверенитетом над остальной частью империи; и всякий раз, когда это место господства подвергалось угрозе, он проявлял в его защиту энергию и личную храбрость, которыми он действительно обладал.

Галлия и Иллирик были районами, от которых Италия должна была опасаться больше всего. Поэтому Галлиен направил свои войска против Постума, а когда Д. Лелий Ингенев восстал в Паннонии, он выступил против него, разгромил и убил его, а затем самым жестоким образом воспользовался своей победой, чтобы утешить других (260). К. Ноний Регалиан, который впоследствии поднял восстание в той же стране, был убит своими же солдатами (263 г.); но когда Ауреол был склонен принять пурпур (267 г.), иллирийские легионы продвинулись вперед и овладели Медиоланом (современный Милан). Галлиен, отряхнув леность, появился во главе своих войск; вражеские армии столкнулись на берегах Аддуй, и Ауреол был разгромлен, ранен и вынужден запереться в Медиолане. Во время осады некоторые из главных офицеров его армии сговорились против императора, и однажды ночью, когда он сидел за столом, распространилась весть, что Ауреол совершил вылазку. Галлиен немедленно бросился на лошадь, чтобы поспешить к месту опасности, и в темноте получил смертельное ранение от неизвестного.

Теперь мы вступаем в серию императоров нового порядка. Почти все они родились в скромных семьях и были уроженцами провинции Иллирик, поднялись по служебной лестнице благодаря своим заслугам, достигли империи в качестве генералов без преступлений (), сохранили ее достоинство и сдерживали или наказывали вторжения варваров. Эта серия начинается со смерти Галлиена и заканчивается смертью Лициния, охватывая период чуть более полувека и отмеченная, как мы увидим, важнейшими изменениями в Римской империи. [Таким образом, военная революция теперь начинает приносить хорошие плоды].

Клавдий (М. Аврелий Клавдий), 268-270 гг. н. э.

[268-270 гг. н. э.]

Ропот солдат по поводу смерти Галлиена был легко утишен обещанием дара в двадцать золотых монет на человека. Чтобы оправдаться в глазах мира, заговорщики решили передать империю тому, кто будет выгодно контрастировать с ее недавним недостойным владельцем, и остановили свой выбор на М. Аврелии Клавдии, который командовал дивизией армии в Тицинуме (современная Павия). Солдаты, сенат и народ одобрили их выбор, и Клавдий вступил на престол при всеобщем одобрении.

Этот выдающийся человек, в похвале которого сходятся писатели всех партий, был уроженцем Иллирии, по-видимому, из скромных обстоятельств. Его заслуги подняли его по низшим ступеням армии; он привлек внимание императора Деция, и проницательный Валериан сделал его генералом иллирийской границы, пообещав ему консульство.

Ауреол вскоре был вынужден сдаться и был казнен солдатами. Армия аламаннов, возможно, пришедшая ему на помощь, была, как говорят, разгромлена Клавдием недалеко от Вероны. После победы император отправился в Рим, где до конца года посвятил свое время и мысли реформированию злоупотреблений в государстве. Среди других

справедливых и разумных постановлений он распорядился, чтобы имущество, конфискованное Галлиеном, было возвращено его первоначальным владельцам. Говорят, что одна женщина пришла в этот раз к императору и потребовала вернуть ей землю, которая, по ее словам, была отдана Клавдию, командующему кавалерией. Этот офицер был самим императором, и он ответил, что император Клавдий должен вернуть то, что он взял, когда был частным лицом и менее обязанным соблюдать законы.

В следующем году (269) готы и их союзники, как нам сообщают, в количестве 320 000 воинов вместе со своими женами, детьми и рабами сели на две или, как говорят некоторые, шесть тысяч кораблей и направились к Босфору. При прохождении этого узкого пролива количество их кораблей и быстрота течения привели к значительным потерям. После неудачных попыток захватить Византий и Кизик они продвинулись вдоль северного побережья Эгейского моря и осадили города Кассандрея и Фессалоники. Во время этих действий они узнали, что император выступил им навстречу, и, распавшись, продвинулись вглубь страны, опустошая и грабя все на своем пути. Недалеко от города Найсус в Дардании они столкнулись с римскими легионами. Сражение было долгим и кровопролитным, и римляне в какой-то момент оказались на грани поражения, но умение Клавдия переломило ситуацию, и готы были окончательно разгромлены, потеряв пятьдесят тысяч человек. В течение остальной части года происходили многочисленные беспорядочные столкновения, в которых готы понесли большие потери; и, будучи в конце концов окруженными со всех сторон римскими войсками, они были вынуждены искать убежища в горах Эмус и перезимовать среди снегов. Их пожирала голод и мор, и когда с приходом весны (270 г.) император выступил против них, они были вынуждены сдаться на милость. Часть их молодежи была зачислена в императорские войска; огромное количество мужчин и женщин было обращено в рабство; некоторые были распределены по землям в провинциях; лишь немногие вернулись на свои места на берегах Эвксинского моря.

Чума, поразившая готов, оказалась смертельной и для императора. Он заболел и скончался от нее в Сирмиуме в пятьдесят седьмом году своей жизни. В присутствии своих главных офицеров он, как говорят, назвал Аурелиана, одного из своих генералов, наиболее подходящим преемником, но его брат Квинтилий, узнав о его смерти, вступил на престол в Аквилее и был признан сенатом. Однако, узнав, что Аурелиан выступил против него, он потерял всякую надежду на успех, перерезал себе вены и умер после семнадцати дней правления.

АВРЕЛИАН (L. DOMITIUS AURELIANUS), 270-275 гг.

Аврелиан, как и его способный предшественник, был человеком скромного происхождения. Говорят, что его отец был мелким фермером, а мать — жрицей Солнца в деревне недалеко от Сирмиума. Он поступил в армию рядовым солдатом и постепенно продвигался по служебной лестнице до звания генерала пограничной службы. Он был усыновлен в присутствии Валериана (некоторые говорят, по его просьбе) Ульпием Кринитом, сенатором из того же рода, что и император Траян, который отдал ему свою дочь замуж, а Валериан пожаловал ему должность консула. Во время Готской войны Клавдий поручил ему командование кавалерией.

Сразу после своего избрания Аврелиан поспешил в Рим, откуда его быстро отозвали в Паннонию из-за известия о вторжении готов. Была сражена великая битва, которая закончилась к ночи без какого-либо решающего преимущества для одной из сторон. На следующий день готы отступили за реку и послали предложения о мире, которые были с радостью приняты, и в течение многих лет между готами и римлянами не было никаких значительных военных действий. Но пока Аврелиан был занят в Паннонии, аламанны с

силами в сорок тысяч всадников и восемьдесят тысяч пехотинцев перешли Альпы и распространили свои грабежи до реки По. Вместо того чтобы преследовать их в Италию, Аврелиан, узнав, что они возвращаются домой с добычей, двинулся вдоль Дуная, чтобы перехватить их отступление, и, напав на них врасплох, поставил их в такое затруднительное положение, что они послали просить о мире.

Император принял послов во главе своих легионов, в окружении своих главных офицеров. После нескольких минут молчания они заговорили через своего переводчика, сказав, что их привело сюда желание мира, а не страх войны. Они говорили о неопределенности войны и подробно описывали численность своих войск. В качестве условия мира они потребовали обычные подарки и те же ежегодные выплаты серебром и золотом, которые они получали до войны. Аврелиан ответил длинной речью, суть которой заключалась в том, что ничего, кроме безоговорочной капитуляции, принято не будет. Послы, вернувшись к своим соотечественникам, сообщили о неудаче своей миссии, и армия немедленно развернулась и вернулась в Италию. Аврелиан последовал за ними и догнал их в Плацентии. Аламанны, расположившиеся в лесах, внезапно напали на легионы в сумерках, и только твердость и умение императора спасли римлян от полного разгрома. Вторая битва произошла недалеко от Фанума в Умбрии, на том месте, где пятьсот лет назад был разгромлен и убит брат Ганнибала Гасдрубал. Аламанны были полностью разгромлены, и окончательная победа при Тицинуме избавила Италию от их грабежей. Аврелиан преследовал варваров за Альпами, а затем повернул к Паннонии, которую захватили вандалы. Он вступил с ними в бой и разгромил их (271 г.). Они послали просить о мире, и он передал дело своим солдатам, которые громко выразили свое желание заключить соглашение. Вандалы отдали в заложники детей своих двух королей и главных вельмож, а Аврелиан взял на службу две тысячи из них.

АВРЕЛИАН СТРОИТ СТЕНУ ВОКРУГ РИМА И ВТОРГАЕТСЯ НА ВОСТОК

[267-271 гг. н. э.]

Во время Аламаннской войны в Риме произошли некоторые мятежи, и Аврелиан по возвращении в столицу действовал с большой суровостью и даже жестокостью, наказывая тех, кто был в них замешан. Его обвиняют в том, что он казнил высокопоставленных сенаторов по малейшим подозрениям и за самые незначительные проступки. Осознавая также, что ни Альпы, ни Апеннины теперь не могут сдерживать варваров, он решил подготовить Рим к осаде и приступил к возведению вокруг него массивных стен, которые, будучи достроены его преемниками, образовали кольцо длиной в двадцать одну милю и стали ярким свидетельством упадка империи.

Аврелиан, одержавший победу над варварами, должен был еще покорить двух соперников, прежде чем его можно было считать полным хозяином империи. Тетрик был признан в Галлии, Испании и Британии; Зенобия, вдова Оденафа, правила на Востоке. Известно, против кого он первым направил свое оружие, но поскольку большинство авторов отдают приоритет Сирийской войне, мы последуем их примеру.

Оденат и его старший сын Ирод были вероломно убиты его племянником Меонием, но Зенобия, вдова убитого принца, быстро наказала предателя, а затем правила от имени своих оставшихся в живых сыновей. Эта необыкновенная женщина утверждала, что происходит из династии Птолемеев Египта. В своей внешности она воплощала красоту Востока: у нее был светлый смуглый цвет кожи, жемчужно-белые зубы и блестящие черные глаза. Ее голос был сильным и гармоничным; она говорила на греческом, сирийском и египетском языках и

понимала латынь. Она любила учиться, но в то же время любила энергичные упражнения; она сопровождала своего мужа на охоту на львов, пантер и других диких зверей леса и пустыни, и своими советами и энергией ума она в значительной степени способствовала его успехам на войне. К этим мужественным качествам присоединялась целомудренность, редко встречающаяся на Востоке. Рассматривая союз полов как средство продолжения рода, Зенобия допускала объятия мужа только для того, чтобы иметь потомство. Она была умеренной и трезвой, но при необходимости могла выпить вино со своими генералами и даже победить в столовых сражениях любящих вино персов и армян. Как правительница Зенобия была строга или милосердна, в зависимости от обстоятельств; она была бережлива в отношении своих сокровищ, что было необычно для женщины, но когда дела требовали щедрости, никто не расходовал их более свободно.

После смерти Оденатуса, которая произошла в 267 году, Зенобия назвала своих трех сыновей Августами, но сама продолжала управлять страной; она носила титул королевы Востока, королевские одежды и диадему, требовала, чтобы ее почитали по восточному обычаю, и ставила годы своего правления на монетах. Она разгромила армию, посланную против нее Галлиеном, стала владычицей Египта, а ее власть простиралась на север до границ Вифинии.

Аврелиан, переправившись в Азию, привел в порядок провинцию Вифиния. Город Тиана в Каппадокии сопротивлялся ему, но измена одного из его жителей передала его в его руки. Он помиловал народ и предал предателя справедливому гневу солдат. На берегах Оронта он столкнулся с войсками царицы Востока. [↵](#) Обратимся к Зосиму за описанием того, что произошло затем:

ЗОСИМ ОПИСЫВАЕТ ПОРАЖЕНИЕ ЗЕНОБИИ

[271-273 гг. н. э.]

Аврелиан, заметив, что пальмирская кавалерия очень доверяла своей броне, которая была очень прочной и надежной, и что они были гораздо лучшими всадниками, чем его солдаты, разместил свою пехоту отдельно на другом берегу Оронта. Он приказал пехоте не вступать в немедленную схватку с сильной пальмирской кавалерией, а дожидаться их атаки, а затем, делая вид, что бежит, продолжать это делать до тех пор, пока они не измотают как людей, так и лошадей из-за сильной жары и тяжести доспехов, так что они не смогут больше преследовать их. Этот план удался, и как только кавалерия императора увидела, что их враги устали, а их лошади едва могут стоять под ними или сами двигаться, они потянули поводья своих лошадей, развернулись и атаковали их, растоптав тех, кто упал с лошадей. Таким образом, гибель была всеобщей: одни пали от меча, а другие — от своих и вражеских лошадей.

После этого поражения остатки врага бежали в Антиохию. Лабдас, генерал Зенобии, опасаясь, что антиохийцы, услышав об этом, поднимут мятеж, выбрал человека, похожего на императора, одел его в одежду, которую обычно носил Аврелиан, и провел его по городу, как будто он взял императора в плен. Этим уловкой он обманул антиохийцев, ночью тайно покинул город и увез с собой Зенобию и остатки армии в Эмесу. Тем временем император был поглощен своими делами и, как только наступил день, созвал пехотинцев, намереваясь атаковать разбитого врага с двух сторон; но, узнав о побеге Зенобии, он вошел в Антиохию, где его радостно встретили горожане. Узнав, что многие покинули город, опасаясь наказания за то, что они поддержали партию Зенобии, он издал везде указы, призывающие

их вернуться, и сказал им, что такие события произошли скорее по необходимости, чем по его собственному желанию. Когда об этом узнали беглецы, они вернулись толпами и были радушно приняты императором, который, уладив дела в этом городе, отправился в Эмесу.

Узнав, что отряд пальмиренцев занял холм над пригородами Дафны, полагая, что его крутизна позволит им преградить путь врагу, он приказал своим солдатам идти с щитами так близко друг к другу и в такой плотной формации, чтобы отразить любые дротики и камни, которые могут быть брошены в них. Соблюдая эту тактику, как только они поднялись на холм, будучи равными своим противникам во всех отношениях, они обратили их в бегство в таком беспорядке, что некоторые из них разбились о скалы, а другие были убиты в погоне теми, кто был на холме, и теми, кто поднимался на него. Одержав победу, они продолжили поход, испытывая большое удовлетворение от успеха императора, которого щедро принимали в Апамее, Лариссе и Аретусе. Обнаружив, что перед Эмесой выстроилась пальмирская армия численностью в семьдесят тысяч человек, состоящая из пальмирийцев и их союзников, он противопоставил им далматинскую кавалерию (), моев и паннонов, кельтских легионов из Норика и Раэтии, а кроме того, лучших из императорского полка, отобранных по одному, мавританскую конницу, тIANЦЕВ, месопотамцев, сирийцев, финикийцев и палестинцев, всех известных своей доблестью; палестинцы, помимо другого оружия, были вооружены дубинами и палками.

В начале сражения римская кавалерия отступила, опасаясь, что пальмирийцы, превосходившие их по численности и были лучшими всадниками, каким-то хитростью окружают римскую армию. Но пальмирийская кавалерия преследовала их так яростно, несмотря на то, что их ряды были разбиты, что исход сражения оказался совершенно противоположным ожиданиям римской кавалерии. Их преследовал враг, значительно превосходивший их по силе, и поэтому большинство из них пали. Пехота вынуждена была взять на себя основную тяжесть сражения. Заметив, что пальмирцы разбили свои ряды, когда кавалерия начала преследование, они развернулись и атаковали их, пока те были рассеяны и не организованы. В результате многие были убиты, потому что одна сторона сражалась обычным оружием, а палестинцы принесли дубины и палки против кольчуг из железа и меди. Пальмирцы поэтому бежали с максимальной поспешностью и в бегстве затоптали друг друга, как будто враг не нанес им достаточного поражения; поле было заполнено мертвыми людьми и лошадьми, а те немногие, кто смог спастись, укрылись в городе.

Зенобия была не мало встревожена этим поражением и поэтому советовалась, какие меры принять. Все ее друзья были того мнения, что было бы разумно отказаться от всех притязаний на Эмесу, потому что эмесцы были недовольны ею и дружественно настроены по отношению к римлянам. Они советовали ей остаться в Пальмире, и когда они будут в безопасности в этом крепком городе, они будут в спокойствии обсуждать свои важные дела. Это предложение было принято сразу же, при полном согласии всего собрания. Аурелиан, узнав о бегстве Зенобии, вошел в Эмесу, где был радушно встречен горожанами и нашел сокровища, которые Зенобия не смогла унести с собой. Затем он немедленно двинулся на Пальмиру, которую окружил со всех сторон, а его войска снабжались всеми видами провианта из соседних стран.

ПАДЕНИЕ ПАЛЬМЫРЫ

Тем временем [продолжает Зосим], пальмирцы только насмехались над римлянами, как будто считая невозможным, что те смогут взять город; один человек высказался в очень непристойных выражениях о личности императора. На это перс, стоявший рядом с императором, сказал: «Если позволите, господин, я убью этого наглого солдата», на что император дал согласие, и перс, спрятавшись за другими людьми, чтобы его не заметили, выстрелил в человека, который смотрел через крепостную стену, и поразил его, когда тот еще произносил свои оскорбления, так что тот упал со стены перед солдатами и императором. Однако осажденные все еще держались, надеясь, что враг отступит из-за нехватки провианта, и продолжали стоять на своем решении, пока сами не остались без необходимого. Тогда они созвали совет, на котором было решено бежать к Евфрату и просить помощи у персов против римлян. Приняв такое решение, они посадили Зенобию на верблюдицу, которая является самым быстрым из животных этого вида и гораздо быстрее лошадей, и вывезли ее из города.

Аврелиан был очень недоволен побегом Зенобии и поэтому приложил все усилия, чтобы отправить в погоню за ней всадников. Им удалось поймать ее, когда она переправлялась через Евфрат на лодке, и привести к Аврелиану. Хотя он был очень доволен этим зрелищем, но, будучи человеком амбициозным, он стал беспокоиться, что в будущем поколениях победа над женщиной не принесет ему чести. Тем временем некоторые из пальмирийцев, запертых в городе, решили проявить мужество и рискнуть быть взятыми в плен, защищая свой город. Другие же, напротив, с кроткими и покорными жестами с городских стен просили прощения за содеянное. Император принял эти знаки и приказал им ничего не бояться, и они вышли из города с дарами и жертвами в руках. Аврелиан проявил должное уважение к святыням, принял их дары и отпустил их без вреда.

Но, став хозяином города со всеми его сокровищами, он вернулся в Эмесу, где привлек Зенобию и ее сообщников к судебному разбирательству. Зенобия, явившись в суд, решительно оправдывалась и привела много людей, которые соблазнили ее, как простодушную женщину, и среди прочих Лонгина, чьи сочинения очень полезны для всех любителей науки. Будучи признанным виновным в преступлениях, вмененных ему в вину, он получил от императора смертный приговор, который он принял с таким мужеством, что утешил своих друзей, которые были очень озабочены его несчастьями. Помимо Лонгина, по обвинению Зенобии пострадали еще несколько человек.

Я не могу здесь не упомянуть [продолжает Зосим] о том, что произошло перед падением Пальмиры, хотя я и заявляю, что пишу только краткую историю. Ибо, как Полибий сообщает нам, каким образом римляне за короткое время достигли огромной империи, я же, с другой стороны, хочу показать, что из-за своего плохого управления они за столь же короткое время ее потеряли. Но сейчас я говорю о пальмирийцах, которые, как я уже рассказывал, захватили большую часть Римской империи и были предупреждены несколькими заявлениями богов о падении, которое они впоследствии пережили. Например, в Селевкии в Киликии был храм Аполлона (называемого там Сарпедонием), и в этом храме было оракуло. Сообщается, что этот бог давал тем, кто страдал от нашествия саранчи, птиц, называемых селевкиадами, которые кружили над его храмом, и посылал их всем, кто того желал; эти птицы летали среди саранчи, ловили ее в клювы и в мгновение ока уничтожали огромное количество насекомых, избавляя людей от бед, которые они причиняли. Я приписываю это счастью той эпохи; наше поколение не заслужило такой доброты от небес.^[48] Пальмирийцы, обратившись к этому оракулу, чтобы узнать, смогут ли они когда-нибудь завоевать империю Востока, получили следующий ответ:

«Проклятая раса! Избегайте моего священного храма,

чьи вероломные поступки возмущают гневных богов».

А некоторым людям, спрашивавшим там о успехе похода Аврелиана против пальмирийцев, боги сказали:

«Один сокол повелевает многими голубями, чей конец

зависит от его разрушительных ударов».

Еще одна история о пальмирийцах также была широко распространена. Между Гелиополисом и Библом находится место под названием Афака, где есть храм, посвященный Венере Афакитис, а рядом с ним — пруд, напоминающий искусственную цистерну. Здесь часто можно увидеть, рядом с храмом и в прилегающих местах, огонь в воздухе, похожий на лампу, круглой формы, который появлялся даже в наше время, когда люди собирались там в определенные дни. Все, кто приезжал сюда, приносили к пруду подношения богине: золото, серебро, лен, шелк или что-нибудь другое, имеющее такую же ценность. Если она принимала подношение, ткань тонула на дно, как и более тяжелые предметы, но если отвергала, то они плавали на воде; и не только ткань и подобные ей предметы, но даже золото, серебро и другие материалы, которые обычно тонут. Чтобы проверить это чудо, пальмирийцы за год до своего падения собрались на праздник и бросили в пруд несколько подарков из золота, серебра и ткани в честь богини, и все они опустились на дно. В следующем году, на том же празднике, все они были замечены плавающими на поверхности, чем богиня предсказала, что произойдет. Таким образом, небеса проявляли благосклонность к римлянам, пока те соблюдали священные обряды. Но мне выпало говорить об этих временах, когда Римская империя деградировала до варварства и пришла в упадок.^d

АВРЕЛИАН ПОДЧИНЯЕТ ВОССТАНИЯ, ПЫТАЕТСЯ ПРОВЕСТИ РЕФОРМЫ, БЫВАЕТ УБИТ

[273-274 гг. н. э.]

Аврелиан пересек Босфор на пути в Рим, когда ему донесли, что пальмирцы подняли восстание и убили небольшой гарнизон, который он оставил в их городе. Он немедленно повернул назад, прибыл в Антиохию, прежде чем стало известно о его отправлении, поспешил в Пальмиру, взял город и без разбора убил мужчин, женщин и детей, горожан и крестьян. Когда он возвращался в Европу, пришла весть, что в Египте произошло восстание, в результате которого богатый купец по имени Фирмус был провозглашен императором, а экспорт зерна в Рим был прекращен. Неутомимый Аврелиан вскоре появился на берегах Нила, разгромил узурпатора, взял его в плен и казнил.

Свержение Тетрика оставило Аврелиана без соперников. Говорят, что Тетрик был настолько утомлен рабским положением, в котором он находился из-за мятежных войск, что тайно написал Аврелиану, чтобы тот пришел его освободить. Когда император вступил в Галлию, Тетрик счел необходимым проявить энергию человека, решившего победить или умереть; но когда армии столкнулись на территории каталаунов на равнинах Шалон, он предал свои войска и дезертировал в самом начале сражения. Несмотря на это, его легионы сражались отчаянно и почти все погибли.

Победив всех своих соперников и всех врагов Рима, Аврелиан отпраздновал триумф с необычайной пышностью. Процессию открывали дикие звери разных видов, отряды гладиаторов и группы пленников из многих народов. Тетрик и его сын шли, одетые в галльские одежды; Зенобия также шла пешком, усыпанная драгоценностями и скованная

золотыми цепями, которые несли рабы. Великолепные колесницы Оденафа и Зенобии, а также одна колесница, подаренная императору персидским царем, предшествовали колеснице, запряженной четырьмя оленями, которая когда-то принадлежала готскому царю и в которой ехал сам Аврелиан. За ними следовали сенат, народ, армия, конница и пехота, и когда монарх достиг Капитолия, день уже клонился к закату.

Вид римского сенатора, ведомого в триумфе в лице Тетрика (что не имело прецедентов), омрачил настроение сенаторов. Однако оскорбление, если оно и было таковым, закончилось вместе с процессией. Аврелиан назначил его правителем южной части Италии и удостоил его своей дружбой. Он также подарил пальмирской царице поместье в Тибуре, где она прожила много лет, а ее дочери вышли замуж за представителей самых знатных римских семей.

[274-275 гг. н. э.]

Улучшение города с помощью полезных общественных работ, установление ежедневной раздачи хлеба и свинины народу и сжигание всех счетов с казной были мерами, рассчитанными на то, чтобы завоевать популярность у народа. Но реформа монетного дела стала причиной или предлогом для восстания, подавление которого стоило ему жизни семи тысяч его ветеранов. [Аврелиан пытался поставить обесцененную валюту на прочную основу. Он восстановил нормальный вес аурена, равный одной пятидесятой фунта, сделал императорскую золотую монету стандартом и лишил сенат и все города, кроме Александрии, права чеканки монет]. Сенаторы, должно быть, были замешаны в восстании, потому что месть Аврелиана обрушилась на всю знать. Многие из них были брошены в тюрьму, а несколько казнены.

Аврелиан вновь покинул Рим и отправился на Восток, чтобы продолжить войну с персами. По дороге во Фракию, обнаружив своего личного секретаря Мнестея в каком-то акте вымогательства, он пригрозил ему своим гневом. Зная, что он никогда не угрожал напрасно, Мнестей понял, что либо он, либо император должны умереть; поэтому, подделав почерк Аврелиана, он составил список, в котором были указаны его собственное имя и имена главных офицеров армии, обреченных на смерть. Он показал этот кровавый список тем, кто был в нем указан, посоветовав им опередить жестокость императора. Не проводя дальнейшего расследования, они решили убить его и, напав на него между Византием и Гераклеей, убили его мечами.

Тацит (М. Клавдий Тацит), 275-276 гг. н. э.

[275-276 гг. н. э.]

После смерти императора Аврелиана произошла беспрецедентная сцена — дружеская борьба между сенатом и армией, каждая из которых желала, чтобы другая назначила императора, и империя оставалась без главы и без беспорядков в течение большей части года. Все началось следующим образом.

Убийцы Аврелиана быстро осознали свою ошибку, и Мнестей поплатился за свою измену жизнью. Солдаты, скорбящие о гибели императора, не хотели, чтобы его место занял кто-либо из причастных к его смерти, даже если они были невиновны, и написали сенату письмо с просьбой назначить его преемника. Сенат, хотя и был польщен уважением, проявленным к нему армией, счел разумным отказаться от этой неприятной чести. Легионы снова оказали

на них давление, и восемь месяцев прошло в дружеском споре. Наконец (28 сентября) консул созвал сенат и, изложив перед ним опасное положение империи, призвал Тацита, первого в сенате, высказать свое мнение. Но прежде чем он успел высказаться, его приветствовали как императора и августа со всех сторон зала, и, тщетно пытаясь объяснить свою непригодность к этой должности из-за преклонного возраста, он был вынужден уступить их желаниям и принять пурпур. Преторианская гвардия охотно согласилась с выбором сената, и когда Тацит отправился в лагерь во Фракии, солдаты, верные своему обязательству, охотно подчинились его власти.

Тациту было тогда семьдесят пять лет. Он был одним из тех людей, которые, возможно, были в Риме не так редки, как мы обычно думаем, и которые, обладая огромным состоянием, провели жизнь, удостоенную государственных почестей, занимаясь философией и изящной литературой. Он утверждал, что является потомком историка с таким же именем, чьи труды он постоянно изучал, и после своего вступления на престол он распорядился, чтобы ежегодно делалось десять копий этих трудов и помещалось в публичных библиотеках.

Считая себя лишь служителем законов и сената, Тацит стремился вернуть этому органу его прежнее значение, восстановив привилегии, которых он был лишен. Сенат вновь начал назначать магистратов, рассматривать апелляции и утверждать императорские указы. Но это было лишь проблеском солнечного света, озарившим закат его величия. В истории нет возврата, и реальная власть некогда могущественного римского сената ушла навсегда.

Аврелиан нанял отряд аланов, сарматского племени, проживавшего около озера Меотис, для войны против Персии. После смерти императора и приостановки войны они разграбили провинции к югу от Эвксинского моря, чтобы компенсировать свое разочарование. Тацит, приняв командование армией, предложил им выполнить обязательства, взятые на себя его предшественником. Значительная часть из них приняла эти условия и ушла, а он повел легионы против остальных и быстро их разгромил. Поскольку эти военные операции приходились на зиму, здоровье императора, ослабленное возрастом и мягким климатом южной Италии, оказалось не в состоянии выдержать их. Его ум также мучили раздоры, вспыхнувшие в лагере и дошедшие даже до его палатки, и он скончался от душевных и телесных страданий в Тиане 22 апреля 276 года, после короткого правления, длившегося шесть месяцев и двадцать дней.^[49]

ПРОБ (М. АВРЕЛИЙ ПРОБ), 276-282 гг.

[276-279 гг. н. э.]

После смерти Тацита его брат Флориан провозгласил себя императором, как будто империя перешла к нему по наследству, и легионы подчинились ему; но армия Востока заставила своего генерала Проба принять пурпур, и началась гражданская война. Однако европейские войска вскоре начали сдавать позиции под жарким солнцем Азии; среди них распространились болезни, участились дезертирства, и когда в Тарсусе в Киликии армия Проба пришла, чтобы дать им сражение, они избежали битвы, провозгласив Проба императором и казнив своего императора после менее чем трех месяцев правления.

Пробус был еще одним из тех иллирийцев, которые, родившись в скромном положении, достигли империи благодаря своим заслугам и прославили ее своими добродетелями. Он вступил в армию в молодом возрасте и быстро прославился своим мужеством и честностью. Его заслуги не ускользнули от внимательного взгляда Валериана (), который сделал его

трибуном, хотя он не достиг обычного возраста, поручил ему командование вспомогательными войсками и настоятельно рекомендовал его Галлиену, который, как и последующие императоры, высоко ценил его и доверял ему важные командования. Аврелиан очень высоко его ценил и, как полагают, даже предназначил его своим преемником.

После смерти Флориана Проб написал сенату письмо, в котором извинился за то, что принял империю из рук солдат, но заверил их, что подчинится их воле. Декрет был принят единогласно, наделяя его всеми императорскими титулами и полномочиями. Взамен Проб сохранил за сенатом право рассматривать апелляции, назначать магистратов и придавать силу своим указам с помощью их декретов.

Тацит сурово наказал некоторых из тех, кто был причастен к убийству Аврелиана; Проб разыскал и наказал остальных, но уже не так строго. Он не проявлял вражды к тем, кто поддерживал Флориана.

Немцы воспользовались межцарствием, наступившим после смерти Аврелиана, чтобы совершить грозное вторжение в Галлию, где они овладели не менее чем семьюдесятью городами и захватили почти всю страну. Однако Пробус, как только его дела позволили (277), вступил в Галлию во главе многочисленной и хорошо вооруженной армии. Он нанес германцам несколько поражений и заставил их перейти Рейн, потеряв, как говорят, четыреста тысяч человек.^[50] Он преследовал их за рекой, и девять их королей были вынуждены лично прибыть, чтобы просить о мире. Условия, которые выдвинул император, заключались в возвращении всей добычи, ежегодной поставке большого количества зерна и скота, а также шестнадцати тысяч человек для пополнения римской армии. Пробус распределил их по легионам группами по пятьдесят и шестьдесят человек, поскольку его мудрой максима было то, что помощь, полученная от варваров, должна была ощущаться, а не быть видимой. Он также разместил колонии германцев и других племен в Британии и некоторых других провинциях. Говорят, что он также задумал заставить покоренных германцев отказаться от использования оружия и довериться римлянам в вопросах своей защиты; но, учитывая количество войск, которое для этого потребовалось бы, он отказался от этой идеи, довольствуясь тем, что заставил их отступить за Никер (Неккар) и Альбис (Эльбу), построив форты и города в стране между этими реками и Рейном, а также проложив стену длиной двести миль от Рейна до Дуная в качестве защиты Италии и провинций от аламаннов.

[278-281 гг. н. э.]

После завоевания германцев император повел свои войска в Раетию и Иллирикум, где страх перед его именем и оружием устранил готов и сарматов и обеспечил безопасность провинций. Затем (279 г.) он переправился в Азию, покорил разбойников Исаврии, изгнал их из их крепостей в горах, где поселил некоторых из своих ветеранов, с условием, что они будут посылать своих сыновей в возрасте восемнадцати лет в армию, чтобы те не поддались соблазну естественных преимуществ этой страны, не стали вести жизнь разбойников и не оказались столь же опасными, как их предшественники. Пройдя через Сирию, он вступил в Египет и подчинил народ под названием блемии (^[51]), захвативший города Копт и Птолемаис. Он заключил мир с царем Персии, а по возвращении через Фракию подарил земли двумстам тысячам бастарнов, а также некоторым гепидам, вандалам и другим племенам. По возвращении в Рим он торжествовал над германцами и блемиями.

От такого справедливого и честного, и в то же время воинственного принца, как Проб, можно было ожидать, что у него не будет соперников за империю; однако даже ему пришлось выйти на поле боя против соперничающих императоров. Первым из них был

Сатурнин, которого он сам назначил генералом Востока, человек талантливый и добродетельный, к которому он питал самое искреннее уважение. Но легкомысленный и буйный народ Александрии, когда он вступил в их город, провозгласил его августом; и хотя он отверг этот титул и удалился в Палестину, он, не задумываясь о великодушной натуре Проба, счел, что больше не может жить в частном положении. Поэтому он надел пурпур, со слезами говоря своим друзьям, что республика потеряла полезного человека и что его собственная гибель и гибель многих других неизбежна. Проб тщетно пытался убедить его довериться его милосердию. Часть его войск присоединилась к тем, которые были посланы против него императором; он был осажден в замке Апамея, взят в плен и убит.

После поражения Сатурнина два офицера по имени Прокул и Бонос заняли пурпур в Германии. Оба они были способными людьми, и император счел необходимым лично выступить против них. Прокул, потерпев поражение, бежал за помощью к франкам, которые предали его, и он пал в сражении с императорскими войсками. Бонос продержался некоторое время, но, потерпев решающее поражение, повесился. Поскольку он славился своей выносливостью в выпивке, один из тех, кто видел его висящим, воскликнул: «Там висит кувшин, а не человек». Пробус обошелся с семьями обоих с большой гуманностью.^c

ИСАВРИЙСКИЕ ГРАБИТЕЛИ

[278-283 гг. н. э.]

В 278 году исаврийские мародёры были подчинены. Зосим рассказывает нам о событии, которое привело к захвату их города Кримна. «Был один исаврийский человек по имени Лидий, — говорит он, — который с юности был разбойником и вместе со своей бандой грабил всю Памфилию и Ликию. Когда эта банда подверглась нападению солдат, Лидий, не имея возможности противостоять всей римской армии, отступил в место в Ликии под названием Кримна, которое стоит на обрыве и с одной стороны защищено большими и глубокими рвами. Увидев, что туда бежало много людей в поисках убежища, и заметив, что римляне очень настойчиво осаждают город и с большим упорством переносят все тяготы осады, он снес дома, подготовил землю для возделывания и посеял зерно для пропитания тех, кто находился в городе. Но поскольку их было так много, что им требовалось гораздо больше провианта, он изгнал из города всех, кто не мог приносить пользу, как мужчин, так и женщин.

«Враг, поняв его замысел, заставил их вернуться, после чего Лидий бросил их в рвы, окружавшие стены, где они и погибли. Сделав это, он проложил подземный ход из города за вражеский лагерь, через который посылал людей красть скот и другие припасы. Таким образом он снабжал осажденных в течение значительного времени, пока дело не было раскрыто врагу одной женщиной. Однако Лидий все еще не падал духом, а постепенно сокращал своим людям вино и давал им меньшую порцию зерна. Но это не принесло желаемого результата, и в конце концов он оказался в таком затруднительном положении, что убил всех, кто был в городе, за исключением нескольких своих сторонников, которых он считал достаточными для его защиты, и некоторых женщин, которых он приказал разделить между всеми. Но когда он решил упорствовать, несмотря на все опасности, наконец произошел следующий случай. В городе с ним был человек, который был экспертом в изготовлении орудий и в их использовании с такой ловкостью, что когда Лидий приказывал ему стрелять дротиком в любого из врагов, он никогда не промахивался. Случилось так, что Лидий приказал ему поразить конкретного человека, которого он

случайно или намеренно промахнулся, за что он раздел его и жестоко выпорол, а кроме того, пригрозил ему смертью.

«Человек был так разгневан из-за полученных ударов и так напуган угрозами, что воспользовался случаем, чтобы украсться из города; встретив нескольких солдат, которым он рассказал о своих действиях и страданиях, он показал им отверстие в стене, через которое Лидий обычно наблюдал за всем, что происходило в их лагере, и пообещал им застрелить его, когда тот будет смотреть через него, как обычно. Командир экспедиции проявил благосклонность к этому человеку, который, установив свое орудие и поставив перед ним нескольких человек, чтобы его не обнаружил враг, прицелился в Лидия, когда тот смотрел в отверстие, и стрелой нанес ему смертельное ранение. Едва получив это ранение, он стал еще более строгим с некоторыми из своих людей. Заставив их поклясться, что они никогда не сдадут это место, он скончался в мучительных страданиях».^d

Несмотря на предостережение умирающего вождя, город вскоре капитулировал перед Пробусом. В том же году блемиты из Нубии были изгнаны из Верхнего Египта. И, как войны на Рейне сопровождались поселением большого числа пленных германцев в Галлии и Британии, так и в 279 году большие группы бастарнов, германского племени, которое уступало место наступающим готам, были переселены в Мезию и Фракию с целью романизации этих провинций.

Но постепенно отвращение солдат к тяжелым работам, которые им приходилось выполнять, таким как земледелие, осушение болот и разбивка виноградников, целям, которые превосходный император преследовал с величайшим рвением, стало угрожать его личной безопасности. Уже летом 282 года мятежные войска в Ретии и Норикуме заставили М. Аврелия Каруса, далматинского генерала и уроженца Нароны, который всегда был в дружеских отношениях с Пробусом, выступить в качестве соперничающего императора; а в октябре того же года сам Проб был убит своими же солдатами в результате восстания, которое внезапно вспыхнуло, как это часто бывало в том веке, среди рабочих, занятых прокладкой канала в Сирмиуме.

КАРУС, НУМЕРИАН И КАРИН (282-285 гг. н. э.)

Карус, новый император, пожилой человек с суровым характером, всерьез занялся войной с Персией. Старший из его сыновей, цезарь М. Аврелий Карин, управлял делами Рима и Галлии, а император в сопровождении М. Аврелия Нумериана, другого цезаря, еще до конца 282 года отправился в Азию, где добился значительных успехов. Воспользовавшись междоусобными беспорядками в Персидской империи, он сначала в 283 году вновь присоединил Армению к владениям Рима, а затем приступил к завоеванию Месопотамии. В конце концов, сам Ктесифон попал в руки римлян. Но армия не желала следовать за императором вглубь Ирана, и Карус погиб, по-видимому, в результате заговора высокопоставленных офицеров в декабре 283 года. Его сын Нумериан заболел во время отступления армии к Боспору (284 г.), и когда в начале сентября одна часть войск достигла Халкидона, а другая — Перинфа, солдаты обнаружили, что молодой император, сопровождавший последнюю часть войск, мертв. Его тесть, преторианский префект Аррий Апер, который затем попытался привлечь на свою сторону народ, был арестован по сильному подозрению в его убийстве.

Тем временем офицеры в Халкидоне, принимая во внимание развратную и позорную жизнь молодого цезаря Карина в Риме, 17 сентября 284 года провозгласили императором Диоклеса, командующего императорской гвардией.

Этот генерал, которому на тот момент было тридцать девять лет, родился в 245 году в Докле или Диокле, недалеко от Скоды, в Далмации, в семье скромных родителей. Своим продвижением по службе он обязан своим необычайным способностям и исключительным интеллектуальным дарам. Хотя он, как и все его товарищи, был привержен суевериям того времени, он превосходил их всех в административных способностях, проницательности, рассудительности и решительности. Убив Апера перед своим трибуналом — будь то из чисто суеверных побуждений или, как считают пессимистические критики наших дней, как соучастника своих собственных замыслов, — он поднял династическую войну против Карина под именем Аврелий Валерий Диоклетиан. Она закончилась в пользу Диоклетиана после довольно затяжной борьбы сражением на нижнем Маргусе (Морава), в котором, когда исход дня еще не был решен, офицер, чья жена была соблазнена римским развратником, сразил Карина в самой гуще сражения (лето 285 года).^b

СНОСКИ

[47] Зонарас, ^c xii. Он говорит, что аламанны насчитывали 300 000 человек, а римляне — только 10 000.

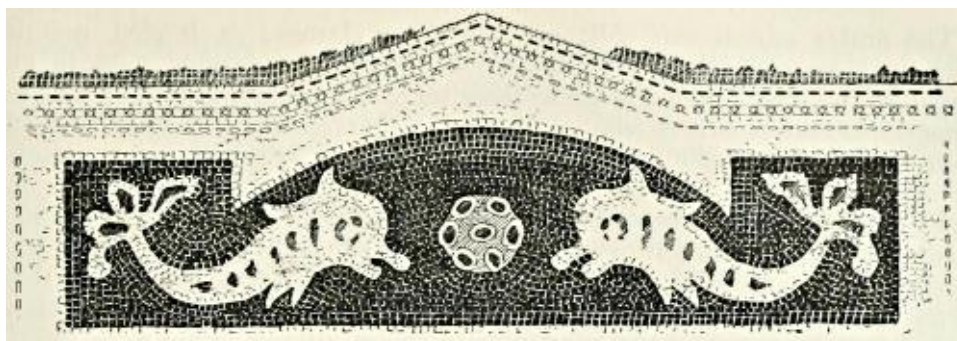
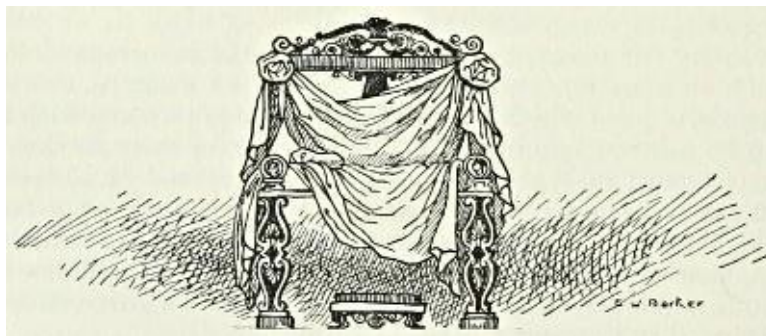
[48] [Зосим пишет в первой половине V века н. э. Интересно отметить, что он оглядывается на время Аврелиана как на «век счастья». Для некоторых людей прошлое всегда славно.]

[49] [Зосим^d дает следующее краткое описание этого императора, с, как можно заметить, другой версией конца Тацита: «После смерти Аврелиана империя перешла в руки Тацита, во времена которого скифы пересекли Палус Меотис и совершили набеги через Понт даже в Киликию, пока он не противостоял им. Частично лично, а частично с помощью Флориана, префекта двора, которого он оставил для этой цели, этот император полностью разгромил и уничтожил их. Сам он собирался отправиться в Европу, но был обманут и убит. Он поручил управление Сирией своему двоюродному брату Максимино, который обращался с знатью этой страны с такой суровостью, что вызвал у них как ненависть, так и страх. Их ненависть стала настолько сильной, что в конце концов, вступив в сговор с убийцами Аврелиана, они напали на Максимино; убив его, они напали и на Тацита, который как раз собирался уезжать».

[50] [Зосим^d спокойно рассказывает следующую историю о том, как Пробус смог победить германцев: «Когда там началась война, в окрестностях царил страшный голод, но вдруг пошел сильный дождь, и вместе с ним выпало много зерна, так что в некоторых местах оно само по себе образовало большие кучи. Все были настолько потрясены этим чудом,

что сначала не осмеливались прикоснуться к зерну, чтобы утолить свой голод, но в конце концов, вынужденные необходимостью, которая изгоняет всякий страх, они испекли из него хлеб, который не только утолил их голод, но и позволил им с большой легкостью одержать победу». Напомним, что Зосим был язычником, но, очевидно, христиане не имели монополии на веру в чудеса в V веке нашей эры.

[51] Этот народ населял горы между Верхним Египтом и Красным морем.

ГЛАВА XLI. НОВАЯ НАДЕЖДА ДЛЯ ИМПЕРИИ: ЭПОХА ДИОКЛЕТИАНА И КОНСТАНТИНА

«Диоклетиан положил начало... периоду императоров-соправителей. Сам пришедший к власти в результате нечто похожего на мятеж войск на персидской границе, он, тем не менее, олицетворял и выражал страстное желание мира, чтобы эпоха мятежей закончилась. С этой целью он перестроил внутреннее устройство государства и сформировал настолько сильную, стабильную и мудро организованную бюрократию, что она практически не изменилась на протяжении более тысячи лет и своей стойкостью продлила существование Византийской империи на многие века». — Ходкин, *«Италия и ее завоеватели»*.

ДИОКЛЕТИАН НАЗНАЧАЕТ МАКСИМИАНА СОВМЕШНЫМ ПРАВИТЕЛЕМ

[286-293 гг. н. э.]

Из того, что мы знаем о Диоклетиане, он стремился к трону задолго до своего вступления на престол и удерживал власть, завоеванную военной силой. Вскоре после смерти Карина он назначил своего коллегу Максимиана цезарем, или помощником в правительстве (286 г.),

либо потому, что тот был посвящен в его амбициозные планы, либо потому, что Диоклетиан, ввиду почти непрерывных войн, веденных в отдаленных частях королевства, видел необходимость разделения власти и создания второго правительства вблизи угрожаемых провинций. Максимиан, которому император вскоре после этого присвоил титул августа и поручил управление западной частью империи, обычно жил в Аугусте Тревирум (Трире) или в городе Арелате (Арле) на юге Франции, в то время как Диоклетиан возвысил Никомедию в Вифинии до столицы Востока и, когда позволяли обстоятельства, переезжал туда.

Максимиан, как и Диоклетиан, был хорошим полководцем и храбрым воином, но отличался от него отсутствием образования и утонченности. Поскольку он чувствовал превосходство Диоклетиана и подчинялся ему, результаты разделения власти в первые годы были не очень заметны. Сначала Диоклетиан был в основном занят войной с персами, которые вновь вторглись в королевство; Максимиан нашел достаточное занятие для своей военной деятельности в Галлии и Британии. В первой из этих стран Максимиан с самого начала должен был подавить страшное восстание крестьян, вызванное внутренним положением провинции. В Галлии еще во времена Цезаря среди жителей существовали те же угнетающие условия, которые впоследствии были характерны для всех государств Европы в средние века, и эти условия стали еще более тягостными при Римской империи.

Вся нация была разделена на три класса: земельная знать, узурпировавшая власть; духовенство, образовавшее касту и принуждавшее бедняков вносить вклад в свое содержание и комфорт; и горожане и крестьяне, которые, поскольку два других класса умудрялись избегать общественных бремени, должны были без посторонней помощи покрывать все расходы администрации, а также подвергались жесточайшему деспотизму и притеснениям. Недостаток и нищета в конце концов довели крестьян до отчаяния, и под именем *Bagaudæ*, или бандитов, они начали восстание, которое можно поставить в один ряд с самыми страшными крестьянскими войнами, которые нашли место в истории. Они собрались и собрали вокруг себя всевозможных рабов и сброд, и бродили большими ордами, грабя и разоряя. Вскоре все дороги стали небезопасными, торговля прекратилась, и даже крупные города были разрушены или разграблены разъяренными ордами. Максимиан был вынужден вести настоящую войну с багаудами и уничтожил целые отряды из них. Таким образом он восстановил мир, но лишь на короткое время, поскольку причина бедствий несчастных крестьян не была устранена, и восстания и разорения багаудов продолжались до падения римского господства в Галлии.

Максимиан был вынужден ускорить подавление внутренних беспорядков, поскольку ему нужна была армия для борьбы с варварами. В то время франки и саксы, жившие на берегу Северного моря и научившиеся строить корабли у римлян, начали свои пиратские экспедиции в Галлию и Британию, продолжая при этом свои грабительские набеги на суше. Чтобы противостоять этой новой угрозе, Максимиан подготовил флот для охраны пролива и передал его в руки способного моряка, голландца Караузия. Последний воспользовался вверенным ему командованием, чтобы завоевать друзей в Британии с помощью добычи, захваченной у варваров, поднять там войска на восстание и провозгласить себя императором. Максимиан выступил против него, потерпел неудачу в своем предприятии и был вынужден уступить узурпатору титул, который тот присвоил себе, а также управление Британией (289 г.). Караузий оставался беспрепятственным владельцем острова, пока один из его генералов, Аллект, не убил его и не захватил власть (293 г.).

ЧЕТЫРЕХСТОРОННЕЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ

Ситуация в империи на Востоке также была очень критической. Диоклетиан не только должен был вести войну с персами, но и сражаться с народами Дуная; и, как и в Британии, в Египте также появился узурпатор по имени Ахилл. Такое положение дел вынудило императора Диоклетиана изменить всю организацию империи (292 г.). Он проконсультировался со своим коллегой Максимианом по поводу этого важного шага, но, предпринимая его, не проявил ни малейшего уважения к римскому сенату, который он никогда не считал достойным внимания. В своей новой организации Диоклетиан стремился содействовать скорейшему введению необходимых мер и тем самым предвосхитить все беспорядки и восстания, а также еще больше углубил разделение императорской власти, начатое с назначением Максимиана. Но поскольку он нисколько не был склонен ослаблять свою власть, он назначал своими соправителями только тех, на чье уважение и послушание он мог положиться.

Таким образом, изменения, которые он предпринял в управлении империей, были полностью основаны на его личных отношениях с соправителями. Уже по этой причине они не могли быть долговечными, даже если бы не противоречили предрассудкам римлян [которые, впрочем, к тому времени уже не имели большого влияния]. Вновь избранными соправителями стали генералы Галерий и Констанций Хлор. Они получили титул цезарей и, таким образом, по внешнему рангу были подчинены двум августам, Диоклетиану и Максимиану. Констанций был приписан к Максимиану и получил управление Испанией, Галлией и Британией, в то время как Максимиан взял под свое непосредственное руководство Италию и Африку; Галерию было поручено управление Фракией, Иллириком и Грецией, и он был назначен помощником Диоклетиана, который оставил за собой управление Востоком. Таким образом, каждый из четырех регентов имел свои назначенные провинции для управления и свои назначенные границы для защиты; однако каждый из них мог заниматься делами управления и руководить войсками в провинциях других; кроме того, приказы любого из четырех императоров действовали во всех провинциях, и в целом все четыре регента считались одним целым.

Четыре двора, четыре императорские армии и четырехкратное военное правительство были, естественно, очень обременительными для империи. К сожалению, в результате этой новой организации число чиновников также значительно увеличилось, а провинции были разделены на множество частей, так что не только все управление шло с большими задержками и трудностями, но и впервые его деспотический характер стал ощущаться даже в самых маленьких районах и городах. Все это, должно быть, было тем более угнетающим, что Диоклетиан навсегда ввел восточные формы правления. До его времени внешний облик императора, его положение по отношению к нации и двору имели лишь мимолетный оттенок восточности, но с Диоклетианом этот характер правления был прочно установлен на все времена. Порядок при дворе и официальная иерархия были, так сказать, закреплены законом, отношения между классами отныне составляли, как бы, душу государства, а глава империи был внешне отделен от народа огромной пропастью. С Диоклетиана белая повязка или диадема, заимствованная с Востока, стала отличительным знаком правителя, тогда как ранее единственным знаком была пурпурная одежда. Диоклетиан и его ближайший преемник, кроме этого, ввели остальные восточные царские украшения. [Император Аврелиан, по сути, показал им пример в этом вопросе].

Наступил мрачный период, когда честь и уважение, власть и влияние полностью зависели от двора, когда услуги, оказанные лично императору, считались важнее всех других, когда исчезли всякий патриотизм и все усилия на благо общего дела. Как и на Востоке до настоящего времени, все становилось собственностью правителя, двор и чиновники

поглощали все частное богатство, и вскоре никто, кроме слуг двора и чиновников, не мог достичь отличия и богатства.

Из четырех регентов трое были одинаково храбры, но одинаково суровы и жестоки; только Констанций Хлор был более мягким по характеру и отличался рождением, образованием и культурой. Последний был теперь уполномочен воссоединить Британию с империей. Задача оказалась нелегкой, и он смог выполнить ее только через несколько лет. Кроме того, Констанций, как и три других императора, должен был сражаться с варварами и повстанцами. Война с Персией была самой почетной для Римской империи; как и почти все парфянские войны со времен Нерона, она была вызвана преемственностью на армянском троне. Диоклетиан поставил в Армении королем своего протеже. Последний изгнал персидского царя Нарсеса I, что привело к войне (294 г.), которую Диоклетиан и Галерий вели совместно. Последний своей неосторожностью навлек на себя страшное поражение в том же регионе, где когда-то был уничтожен Красс. Впоследствии он стер позор блестящей победой и заставил персов заключить мир, по которому они не только отказались от нескольких провинций на Тигре, но и впервые были вынуждены отказаться от всех притязаний на Месопотамию. Диоклетиан укрепил вновь приобретенные земли на восточной границе, построив значительные укрепления. Теперь он стоял на вершине своей славы.^[52] Тем временем Максимиан подчинил себе воинственных квингенгианцев, которые сеяли ужас в Африке.

ДИОКЛЕТИАН ПРЕСЛЕДУЕТ ХРИСТИАН

[297-303 гг. н. э.]

Вскоре после окончания Персидской войны Диоклетиан приказал преследовать христиан (303 г.), жестокость которого была бы непостижима для такого мудрого правителя, если бы мы не знали из других его поступков, как ревниво он следил за своей властью. Каждый акт неповиновения, каждую попытку восстания он наказывал с неумолимой суровостью и жестокостью, часто в приступе ярости отдавая приказы, которые приводили к самым фатальным последствиям. Например, в Египте, после поражения узурпатора Ахиллея, он истребил всех его сторонников и уничтожил целые города, жители которых проявили неповиновение. Когда некий Евгений провозгласил себя императором в Сирии, он заставил жителей Антиохии искупить эту самонадеянность, подвергнув их отвратительным жестокостям, хотя они помогли подавить восстание и убили мятежника.

Преследование христиан Диоклетианом сначала затронуло только христиан в армии. В последнее время, когда им приходилось присутствовать при языческих жертвоприношениях, они прикрепляли к своим шлемам знак креста, чтобы предотвратить пробуждение дьявола, которое, согласно их верованиям, происходило при осмотре внутренностей жертвы; тем самым они вызвали гнев одного из первосвященников, и тот настроил императора против них. Тем не менее Диоклетиан еще не решился на жестокие меры, поскольку был достаточно мудр и дальновиден, чтобы понять, что новую секту невозможно искоренить из-за ее широкого распространения и что ее преследование вызовет опасные беспорядки по всему королевству. По этой причине он не решился бы на всеобщее преследование, если бы Галерий, страстно привязанный к мистическим фантазиям фригийского культа, не втянул его в это с помощью всевозможных интриг. Даже

тогда его приказы были направлены не столько против христиан как личностей, сколько против их религии и признания их общины как организации.

Христиане не должны были занимать государственные должности и обращаться за правосудием в суды; их церкви должны были быть закрыты или снесены, кресты и изображения Христа были запрещены. Это постановление было публично вывешено в Никомедии, где находились Диоклетиан и Галерий. Человек, пользовавшийся большим уважением среди христиан, снял его при свете дня с громким насмешками, и только тогда Диоклетиан, который, как только почувствовал, что его императорское достоинство задето, стал ужасно жестоким, дал волю жестоким преследованиям отдельных лиц. Его ярость еще более усилилась из-за пожара в императорском дворце, который, как кажется, не без основания, был приписан христианам. Исполнение императорских приказов было возложено на солдат и народ, и многие христиане были казнены. Эти крайние меры были ограничены Востоком, Африкой и югом Европы.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ВЛАСТИ ДИОКЛЕТИАНА И МАКСИМИАНА; ДВА НОВЫХ ЦЕЗАРЯ

[303-306 гг. н. э.]

Вскоре после начала этих гонений Диоклетиан заболел, и его болезнь, длившаяся почти год, стала настолько опасной, что неоднократно распространялись слухи о его смерти. Когда он выздоровел, часто проявлялись признаки ослабления интеллекта, что делало невозможным для него продолжение управления государством. Поэтому в мае 305 года он сложил с себя правительственные полномочия, и в то же время Максимиан поступил так же, поскольку Галерий ранее вынудил его дать обещание отречься от престола.

ДИОКЛЕТИАН

(Из бюста в Ватикане)

Два цезаря, Галерий и Констанций Хлор, были провозглашены императорами. Первый сразу же назначил двух новых цезарей, не посоветовавшись со своими соправителями, но при этом не обратил внимания ни на сына Максимиана Максенция, ни на сына Констанция, впоследствии императора Константина Великого. Вероятно, его собственный отец не считал первого достойным взойти на престол; второй уже отличился на поле боя и пользовался благосклонностью Диоклетиана, но он также был дружелюбен по отношению к христианам и казался опасным для Галерия. Новые цезари были грубыми офицерами, не отличавшимися какими-либо выдающимися заслугами. Один из них, Север, получил управление Африкой и Италией; другой, Максимин, был наделен властью над Сирией и Египтом.

Диоклетиан и Максимиан, отрекаясь от престола, обеспечили себе значительное имущество и особые доходы. Максимиан не мог привыкнуть к спокойной частной жизни и при первой же возможности вновь вступил на престол. Диоклетиан, напротив, вернулся в свою родную страну, Далмацию, и прожил там до своей смерти (313 г.) как частное лицо в Салоне. На своей усадьбе в окрестностях современного Спалатро он занимался садоводством и возведением огромных зданий, остатки которых показывают нам, что архитектура полностью утратила свой благородный характер и что были предприняты попытки заменить вкус древних времен изысканностью и великолепием.

Констанций Хлор, здоровье которого давно ухудшалось, умер через год после отречения Диоклетиана (306 г.). Перед смертью он искренне рекомендовал своего сына Константина армии, и как только Констанций умер, она провозгласила его сына императором. Галерий сначала был очень обеспокоен, но успокоился, когда Константин согласился довольствоваться титулом цезаря, предоставив Севера, как более старшему, почести августа или императора. Константин был сыном Елены, женщины скромного происхождения. Констанций развелся с ней по приказу императоров Диоклетиана и Максимиана в 292 году, чтобы жениться на Феодоре.

РАЗДОРА СРЕДИ ПРАВИТЕЛЕЙ

[306-307 гг. н. э.]

Осенью того же года отношения между правителями империи вновь изменились. Галерий и Север, своими репрессивными мерами, вызвали гнев граждан и солдат Рима. Они подняли восстание и провозгласили императором Максенция, сына Максимиана.^b

Зосим утверждает, что Максенций поднял восстание, движимый завистью к Константину, что является вполне правдоподобным предположением. «Когда в Риме по обычаю выставили изображение Константина, — говорит он, — Максенций, сын Максимиана, не мог вынести вида счастья Константина, который был сыном проститутки, в то время как он сам, сын столь великого императора, оставался дома в праздности, а империей его отца наслаждались другие. Поэтому он привлек к своему предприятию Марцеллиана и Марцелла, двух военных трибунов, а также Луциана, который распределял свинину, которую римлянам предоставляла казна, и придворных стражников, называемых преторианцами. С их помощью он был возведен на императорский трон, обещав щедро вознаградить всех, кто помог ему в этом. Для этой цели они сначала убили Абеллиуса, потому что он, будучи префектом города, противостоял их замыслу.

«Когда Галерий узнал об этом, — продолжает Зосим, — он послал Севера Цезаря с армией против Максенция. Но пока тот выдвигался из Милана с несколькими легионами мавров,

Максенций подкупил его войска деньгами и даже префекта двора Ануллина, и таким образом с большой легкостью победил его. После этого Север бежал в Равенну, которая является сильным и густонаселенным городом, снабженным всем необходимым для него самого и его солдат. Когда Максимиан^[53] узнал об этом, он, несомненно, очень беспокоился за своего сына Максенция и поэтому, покинув Луканию, где он тогда находился, отправился в Равенну. Увидев, что Севера никак нельзя вытеснить из этого города, который был хорошо укреплен и снабжен провизией, он обманул его ложными клятвами и убедил отправиться в Рим. Но по дороге туда, прибыв в место под названием Три Таберны, он был захвачен в результате хитрости Максенция. [Надеясь спасти свою жизнь, он отказался от императорского достоинства, но, несмотря на это, был] немедленно казнен. Галерий не мог терпеливо сносить эти обиды, нанесенные Севера, и поэтому решил отправиться с востока в Рим и наказать Максенция по заслугам. По прибытии в Италию он обнаружил, что солдаты, окружавшие его, были настолько вероломны, что он вернулся на восток, не вступив в сражение».^d

Отступая из Италии после этой неудачной вылазки, Галерий позволил своей армии совершать самые ужасные злодеяния и тем самым навлек на себя смертельную ненависть всех жителей полуострова. Тем временем Максимиан отправился в Галлию, чтобы заключить союз с Константином против Галерия. Он выдал свою дочь Фаусту замуж за молодого цезаря и присвоил ему титул Августа, но не достиг своей особой цели, поскольку Константин не считал разумным вступать в открытую войну с Галерием. Вскоре после этого Максимиан поссорился со своим собственным сыном, снова безуспешно пытался переманить Константина на свою сторону, а затем принял странное решение перейти на сторону Галерия.

Последний давно подумывал о том, чтобы назначить своим августом своего старого друга и соратника Лициния, и только что вытащил Диоклетиана из уединения и убедил его отправиться в Паннонию, чтобы помочь торжественно отметить возвышение Лициния () самым блестящим образом. Он также воспользовался неожиданным появлением Максимиана, и так Лициний был провозглашен августом в присутствии трех императоров (307 г.).

[307-311 гг. н.э.]

Поскольку Максимиан не нашел поддержки у Галерия, он сразу же в второй раз отказался от императорской власти. Из Паннонии он вернулся к своему зятю в Галлию, который принял его дружелюбно и, уезжая на войну с германцами, доверил ему часть правления. Максимиан, явно страдавший от старческой слабоумия, придумал нелепую идею воспользоваться этой возможностью, чтобы свергнуть своего зятя и насильно занять его место, хотя, естественно, ни Галлия, которая к тому времени была почти полностью христианской, ни войска Константина не могли быть ни в малейшей степени склонны предпочесть его своему прежнему господину. Когда Максимиан действительно предпринял эту глупую попытку, он был легко побежден Константином и взят в плен. Два года спустя, когда он предпринял покушение на жизнь Константина, тот приказал задушить его (310 г.).

Из шести императоров — Максимиана, Галерия, Максимиана, Максенция, Константина и Лициния — только один умер, но в Африке уже появился другой, который захватил власть. Это был Александр, несчастный старик, провозглашенный императором войсками. Он удерживал свою позицию в течение трех лет, а затем в 311 году был свергнут и убит Максенцием, который послал против него опытного полководца и отборную армию. Галерий умер примерно в то же время. Максимин и Лициний разделили его владения между

собой. Теперь империей правили только четыре императора: Максимин, Лициний, Максенций и Константин, но о дружеских отношениях между ними не могло быть и речи.

Поэтому тому из них, кто обладал наибольшими способностями, силой и умением, оставалось свергнуть остальных и получить единоличное властвование. Это мог успешно осуществить только Константин, чье достоинство, мудрость и умеренность заслуживают нашего величайшего восхищения. Решающим моментом, который в конечном итоге должен был определить исход борьбы между императорами, было отношение каждого из правителей к христианам. Во всех частях империи христиане составляли очень значительное число, они были очень тесно объединены между собой, их иерархия и синоды оставались не ослабленными; в то время как не только старая система правления давно была подорвана, но и приверженцы старой религии были разделены множеством различных мнений и взглядов и не были объединены ни внутренним, ни внешним иерархическим союзом. Поэтому тот, кто имел на своей стороне христиан в империи, рано или поздно должен был одержать победу над своими соправителями.

Галерий понял это незадолго до своей смерти и поэтому издал эдикт от своего имени и от имени своих коллег, которым было прекращено преследование христиан, начатое Диоклетианом, и навсегда положен конец кровавым конфликтам, которые так часто возникали между государством и церковью (311 г.). Даже Максенций, похоже, чувствовал это, ибо едва став правителем Рима, он заверил христиан в своей терпимости. Но все его поведение по отношению к ним противоречило мягким формулировкам эдикта; христиане могли полагаться на него не больше, чем язычники.

ВОЙНЫ КОНСТАНТИНА С МАКСЕНЦИЕМ

[311-313 гг. н. э.]

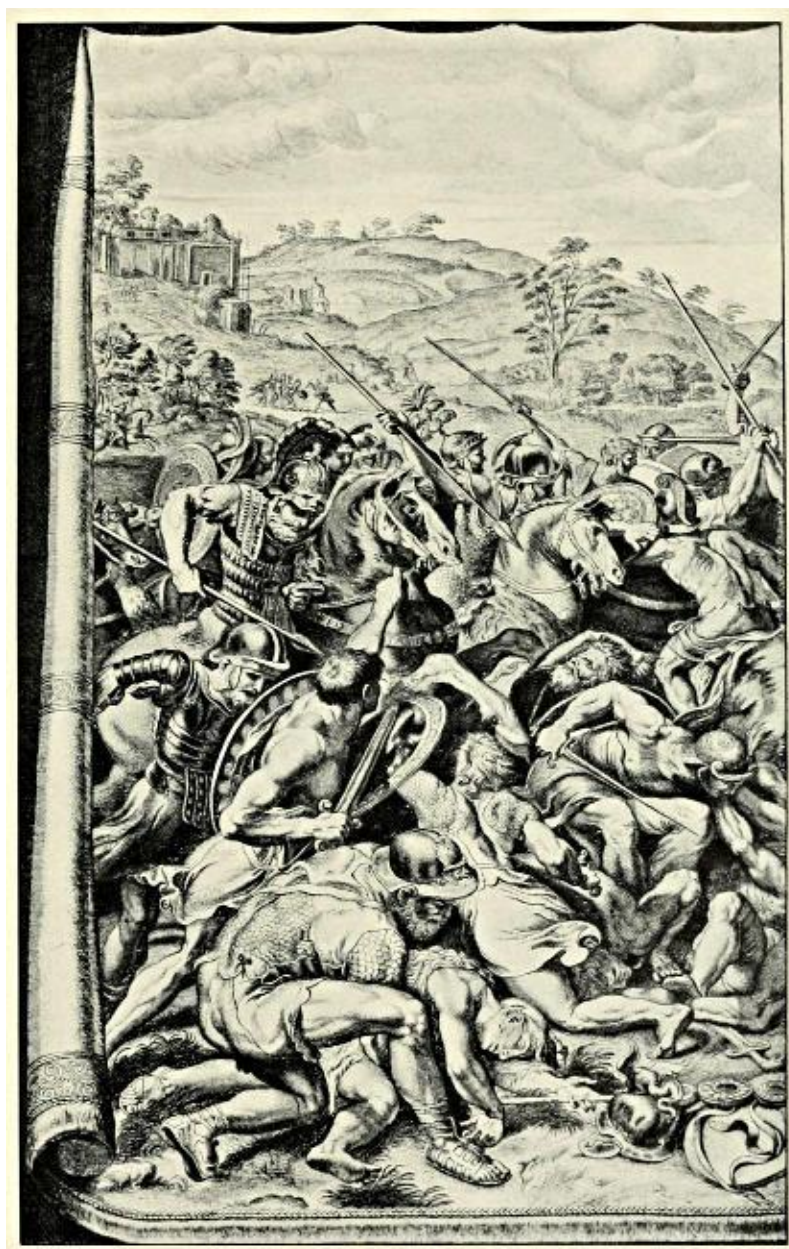
Из других императоров только Константин, казалось, искренне привязан к христианам. Долгое время он оставался язычником, но постоянно проявлял дружелюбие по отношению к христианам; и они пользовались мощной поддержкой самых влиятельных дам при дворе. Это были его жена Фауста, ее мать Эутропия, но особенно мать Константина, Елена, которая прославилась своим большим рвением в проповеди креста. Помимо благосклонности христиан, Константин имел большое преимущество в том, что с самого начала только он один проявлял заботу о законе и порядке, в то время как все его соправители демонстрировали только военное насилие и деспотическую волю. Более того, только он один казался довольным своей долей империи; три других императора, напротив, с полной безрассудной смелостью стремились расширить свои провинции за счет своих соправителей.

Первым, кого победил проницательный Константин, был Максенций, который после своей быстрой победы над Александром явно завысил оценку своей силы и в своей гордыне решил напасть на Константина. Один взгляд на жизни этих двух императоров показывает, что он ни в коей мере не мог сравниться с ним и что было безрассудным вступать с ним в конфликт. Максенций никогда не возглавлял армию в реальной войне; он постоянно наслаждался удовольствиями в праздности и спокойствии, и из-за своей тирании и жестокости его не любил никто, кроме его охранников и небольшого числа других войск, которых он обогащал, грабя граждан. Жизнь Константина, напротив, была полна постоянных усилий и дисциплины. Он с отличием служил сначала под началом Диоклетиана, а затем под началом своего отца Констанция, а после долго сражался с франкскими народами на Рейне. Поэтому исход войны между двумя императорами не мог вызывать сомнений.^b

Зосим дает интересное описание этой борьбы, с некоторыми приукрашиваниями, которые не умаляют точности его основного повествования. «Константин, — рассказывает он, — собрал армию из варваров, германцев и кельтов, которых он покорил, а также привлек войска из Британии, в общей сложности насчитывавшие девяносто тысяч пехотинцев и восемь тысяч всадников. Он выступил из Альп в Италию, минуя города, которые сдались без боя, но штурмом взяв те, которые сопротивлялись. В то время как он продвигался вперед, Максенций собрал гораздо более сильную армию, состоящую из восьмидесяти тысяч римлян и итальянцев, всех тосканцев, живших на побережье, сорока тысяч человек из Карфагена, помимо тех, кого ему прислали сицилийцы; его силы в целом насчитывали сто семьдесят тысяч пехотинцев и восемнадцать тысяч всадников.

«Оба были готовы, и Максенций перебросил мост через Тибр [Мильвийский мост], который не был цельным, а состоял из двух частей, соединенных в центре железными стяжками, которые при необходимости можно было вытащить. Он приказал рабочим, чтобы, как только они увидят армию Константина на стыке моста, они вытащили железные крепления, чтобы враг, стоявший на мосту, упал в реку.

«Константин, продвигаясь со своей армией на Рим, разбил лагерь на поле перед городом, которое было широким и поэтому удобным для кавалерии. Максенций тем временем заперся в стенах и принес жертву богам, а кроме того, обратился к сивиллиным оракулам за предсказанием исхода войны. Узнав предсказание, что тот, кто замышляет зло против римлян, умрет мучительной смертью, он применил его к себе, потому что он противостоял тем, кто шел на Рим и хотел его захватить. Его предположение оказалось верным. Когда Максенций вывел свою армию из города и шел по мосту, который он сам построил, бесчисленное количество сов спустилось и покрыло стены.

ПОБЕДА КОНСТАНТИНА НАД МАКСЕНЦИЕМ

(ИЗ КАРИКАТУРЫ РАФАЭЛЯ)

«Увидев это, Константин приказал своим людям приготовиться к бою. И когда две армии выстроились друг против друга, Константин послал свою кавалерию на врага, которая с такой стремительностью атаковала его, что ввергла его в беспорядок. Получив сигнал, пехота также выстроилась в строй и двинулась на врага. Началась яростная битва, и сами римляне и их иностранные союзники не хотели рисковать жизнью, поскольку желали избавиться от жестокой тирании, которая тяготила их, хотя другие войска гибли в большом количестве, будучи либо затоптанными лошадьми, либо убитыми пехотой.

«Пока кавалерия удерживала свои позиции, Максенций сохранял некоторую надежду, но когда она отступила, он вместе с остальными бежал через мост в город. Балки не выдержали такого большого веса, сломались, и Максенций вместе с остальными был унесен течением вниз по реке. [Дата сражения — 27 октября 313 года].

«Когда весть об этой победе дошла до города, — заключает Зосим, — никто не осмелился проявить радость по поводу случившегося, потому что многие считали эту весть необоснованной. Но когда голову Максенция принесли на копье, их страх и уныние сменились радостью и удовольствием. По этому поводу Константин наказал очень немногих, и то лишь нескольких ближайших друзей Максенция, но он упразднил преторианскую гвардию и разрушил крепость, в которой она обычно размещалась».^d

Перед решающей битвой Константин пытался привлечь на свою сторону энтузиазм христиан в своей армии и армии противника, и поэтому знак креста стал главным знаменем римской армии. Распространялся слух, что ему явился на небе сияющий крест с надписью «Этим знаменем победишь», а на следующую ночь сам Христос велел ему во сне сделать знак креста своим знаменем против врага. За день до битвы крест и монограмма Искупителя появились на императорском знамени, которое с тех пор носило название Лабарум; а после Константин публично объявил, что он видел крест в небе и победил врага прямой помощью Бога.

После победы над Максенцием характер Константина изменился, и его последующие действия часто противоречили принципам, которые он публично провозглашал. Он перешел в христианство, хотя и осторожно, не формально и не безоговорочно, и за это христианские священники простили ему все. Бедный сенат, который уже давно перестал быть правительственным учреждением и консультироваться по государственным делам, провозгласил его первым из трех императоров царства, и таким образом он естественным образом перешел к идее единовластия. Хотя он сделал крест императорским знаменем, он участвовал в языческих жертвоприношениях, позволял себе консультироваться с гадалками и носил титул первосвященника старой религии, как и раньше. Более того, он отложил обряд крещения до своей смертной постели, чтобы, согласно учению жрецов при его дворе, перейти в следующую жизнь, очистившись от всех грехов.

Из Рима Константин отправился в Милан,^[54] где встретился с Лицинием и выдал за него свою сестру Констанцию. Затем он отправился в свою провинцию Галлию, чтобы отразить германские племена, которые вновь вторглись в страну; но Лициний поспешил встретиться с императором Максиминем, который пытался отнять у него его часть империи и уже захватил города Византий и Гераклея, или Перинт.

К югу от Адрианополя произошла решающая битва между двумя императорами. Лициний одержал победу, и традиция также приписывает его победу божественному чуду, хотя победитель никоим образом не был склонен к христианству. Говорят, что Лицинию явился ангел и научил его молитве, которую он, проснувшись, немедленно велел записать и раздать солдатам. Эта молитва была прочитана перед началом сражения и помогла им одержать победу (313 г.). Максимин бежал; по дороге он принял яд, который вызвал тяжелую болезнь, от которой он умер после страшных мучений. С ужасной жестокостью и жестокостью Лициний поступил с родственниками и друзьями Максимиана. Все они были без пощады казнены, а вдова и дочь Диоклетиана, а также сыновья Галерия и Севера погибли в качестве жертв безрассудной жестокости Лициния.^b

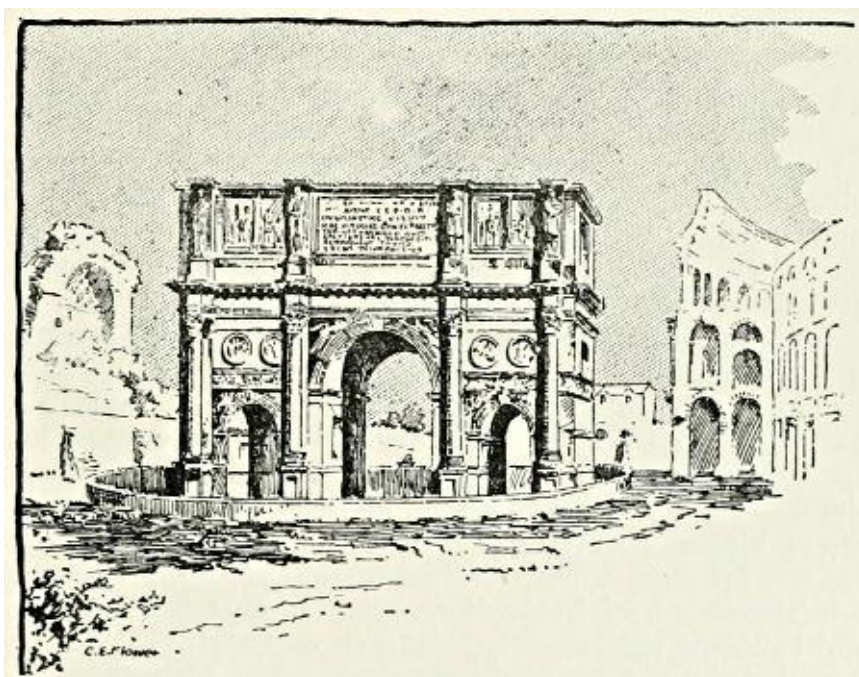
БОРЬБА МЕЖДУ КОНСТАНТИНОМ И ЛИЦИНИЕМ

[314 г. н. э.]

Римский мир был теперь разделен между Константином и Лицинием, первый из которых был властелином Запада, а второй — Востока. Можно было бы ожидать, что завоеватели, утомленные гражданской войной и связанные как частным, так и публичным союзом,

откажутся от дальнейших амбиций или, по крайней мере, приостановят их, но прошло едва год после смерти Максимиана, как победоносные императоры обратили свои оружия друг против друга. Гениальность, успех и амбициозный характер Константина, казалось бы, указывают на него как на агрессора, но вероломный характер Лициния оправдывает самые неблагоприятные подозрения, и по тусклому свету, который история проливает на это событие, мы можем обнаружить заговор, развязанный его коварством против власти своего коллеги.^[55]

Константин недавно выдал свою сестру Анастасию замуж за Бассиана, человека из знатной семьи и с большим состоянием, и возвысил своего нового родственника до ранга цезаря. Согласно системе правления, установленной Диоклетианом, Италия и, возможно, Африка были предназначены для его ведомств в империи. Но выполнение обещанной милости либо сопровождалось столь большими задержками, либо сопровождалось столь многими неравными условиями, что верность Бассиана была скорее утрачена, чем обеспечена полученным им почетным отличием. Его назначение было утверждено с согласия Лициния, и этот коварный принц с помощью своих посланников вскоре ухитрился вступить в тайную и опасную переписку с новым цезарем, чтобы разжечь его недовольство и подтолкнуть его к опрометчивому предпрятию — насильственному отвоеванию того, чего он тщетно добивался от справедливого Константина. Но бдительный император раскрыл заговор, прежде чем он был готов к осуществлению, и, торжественно отказавшись от союза с Бассианом, лишил его пурпура и наложил заслуженное наказание за его измену и неблагодарность. Высокомерный отказ Лициния, когда от него потребовали выдать преступников, укрывшихся в его владениях, подтвердил уже существовавшие подозрения в его вероломстве, а оскорбления, нанесенные в Эмоне, на границе Италии, статуям Константина, стали сигналом к раздору между двумя князьями.

Арка Константина, Рим

Первая битва произошла недалеко от Кибалиса, города в Паннонии, расположенного на реке Савус, примерно в пятидесяти милях от Сирмиума. Из того, что в этом важном сражении два таких могущественных монарха выставили на поле боя незначительные силы, можно сделать вывод, что один из них был внезапно спровоцирован, а другой неожиданно застигнут врасплох. Император Запада имел всего двадцать тысяч, а правитель Востока —

не более тридцати пяти тысяч человек. Однако численное превосходство было компенсировано преимуществом местности. Константин занял позицию в ущелье шириной около полумили между крутым холмом и глубоким болотом, и в этом положении он спокойно ждал и отразил первую атаку врага. Он продолжил свой успех и продвинулся на равнину. Но ветераны легионов Иллирии собрались под знаменем вождя, который был обучен военному делу в школе Проба и Диоклетиана. Стрелковое оружие обеих сторон было скоро исчерпано; две армии с равной доблестью бросились в ближний бой с мечами и копьями, и неопределенная борьба длилась уже с рассвета до позднего вечера, когда правое крыло, которым лично командовал Константин, совершило энергичную и решительную атаку. Разумное отступление Лициния спасло остатки его войск от полного разгрома, но, подсчитав свои потери, которые составили более двадцати тысяч человек, он счел небезопасным проводить ночь в присутствии активного и победоносного врага. Покинув свой лагерь и склады, он тайно и быстро отступил во главе большей части своей кавалерии и вскоре оказался вне опасности преследования. Его усердие спасло его жену, сына и сокровища, которые он оставил в Сирмиуме.^[56] Лициний прошел через этот город, разрушил мост через Саву и поспешил собрать новую армию в Дакии и Фракии. Во время бегства он присвоил неустойчивый титул цезаря Валенсу, своему генералу на иллирийской границе.^[57]

Равнина Мардия во Фракии стала ареной второго сражения, не менее упорного и кровопролитного, чем предыдущее. Войска обеих сторон проявили одинаковую доблесть и дисциплину, и победа вновь была решена благодаря превосходным способностям Константина.^c Лициний выстроил свою армию [говорит Зосим] в боевом порядке, простирающемся от горы, которая находится над городом в двухстах стадиях, до слияния другой реки с Эбром; таким образом, армии продолжали противостоять друг другу в течение нескольких дней. Константин, заметив, где река была наименее широкой, разработал следующий план. Он приказал своим людям принести деревья с горы и обвязать их веревками, как будто он намеревался перекинуть мост через реку для перехода своей армии. Этим уловкой он обманул врага и, поднявшись на холм, на котором росли густые леса, достаточные для того, чтобы скрыть всех, кто в них находился, разместил там пять тысяч лучников и восемьсот всадников. Сделав это, он переправился через Эбр в самом узком месте и так удивил врага, что многие бежали со всей скоростью, а другие, потрясенные его неожиданным приближением, были поражены тем, что он так внезапно появился. Тем временем остальная часть его армии безопасно переправилась через реку, и началась большая бойня. Погибло почти тридцать тысяч человек, и около заката солнца Константин захватил их лагерь, а Лициний со всеми силами, которые он смог собрать, поспешил через Фракию к своим кораблям.^d

Потеря двух сражений сломила яростный дух Лициния, и он был вынужден просить о мире. Его посол Мистриан был допущен на аудиенцию к Константину; он разглагольствовал на общие темы умеренности и гуманности, которые так хорошо знакомы красноречию побежденных; самым льстивым языком объяснял, что исход войны все еще сомнителен, в то время как ее неизбежные бедствия одинаково пагубны для обеих противоборствующих сторон; и заявлял, что он уполномочен предложить прочный и почетный мир от имени двух императоров, своих господ. Константин воспринял упоминание о Валенсе с негодованием и презрением.

«Мы не для этого, — строго ответил он, — продвигались от берегов западного океана, ведя непрерывные сражения и одерживая победы, чтобы, отвергнув неблагодарного родственника, принять в качестве нашего соратника презренного раба. Отречение Валента — первая статья договора». Пришлось принять это унижительное условие; несчастный Валент после нескольких дней правления был лишен пурпура и жизни. Как только это препятствие было устранено, спокойствие в римском мире было легко восстановлено.

Последовательные поражения Лициния разрушили его силы, но продемонстрировали его мужество и способности. Его положение было почти безнадежным, но усилия отчаяния иногда бывают грозными; и здравый смысл Константина предпочел большое и верное преимущество третьей попытке испытать удачу в оружии. Он согласился оставить своему сопернику, или, как он снова назвал Лициния, своему другу и брату, во владении Фракию, Малую Азию, Сирию и Египет; но провинции Паннония, Далмация, Дакия, Македония и Греция были переданы Западной империи; и владения Константина теперь простирались от границ Каледонии до крайней точки Пелопоннеса. Тем же договором было оговорено, что трое королевских юношей, сыновья императоров, должны быть призваны к надежде на престолонаследие. Крисп и молодой Константин вскоре после этого были провозглашены цезарями на Западе, а младший Лициний был наделен тем же достоинством на Востоке. Этим двойным соотношением почестей завоеватель утвердил превосходство своего оружия и власти.

ДОЛГОЕ ПЕРЕМИРИЕ МЕЖДУ ИМПЕРАТОРАМИ; РЕФОРМЫ КОНСТАНТИНА

Примирение Константина и Лициния, хотя и было омрачено обидой и ревностью, воспоминаниями о недавних обидах и опасениями будущих опасностей, тем не менее сохраняло спокойствие в римском мире на протяжении более восьми лет. Поскольку примерно в этот период начинается очень регулярная серия императорских законов, несложно переписать гражданские положения, которыми занимался Константин в свободное от дел время. Но наиболее важные из его учреждений тесно связаны с новой системой политики и религии, которая была окончательно установлена только в последние мирные годы его правления. Многие из его законов, касающиеся прав и собственности частных лиц, а также адвокатской практики, относятся скорее к частному, чем к публичному праву империи; кроме того, он издал множество указов, носивших столь локальный и временный характер, что они едва ли заслуживают упоминания в общей истории.

Из множества законов можно выделить два — один за его важность, другой за его необычность; первый за его замечательную доброжелательность, а второй за его чрезмерную строгость. (1) Ужасная практика, столь привычная для древних, заключающаяся в выбрасывании или убийстве новорожденных детей, с каждым днем становилась все более распространенной в провинциях, особенно в Италии. Это было следствием бедственного положения, а бедственное положение было вызвано главным образом непосильным бременем налогов и досадными, а также жестокими преследованиями со стороны налоговых чиновников в отношении неплатежеспособных должников. Менее состоятельная или менее трудолюбивая часть человечества, вместо того чтобы радоваться пополнению семьи, считала актом отцовской нежности освободить своих детей от надвигающихся бедствий жизни, которую они сами не могли обеспечить. Гуманность Константина, возможно, под влиянием недавних и чрезвычайных случаев отчаяния, побудила его обратиться с указом ко всем городам Италии, а затем и Африки, предписывающим немедленно и в достаточной мере помочь тем родителям, которые представят перед магистратами детей, которых их собственная бедность не позволяет им воспитывать. Но обещание было слишком щедрым, а положение слишком расплывчатым, чтобы принести какую-либо общую или постоянную пользу. Закон, хотя и заслуживающий некоторой похвалы, скорее служил для демонстрации, чем для облегчения общественного бедствия. Он по-прежнему остается подлинным памятником, опровергающим и сбивающим с толку тех продажных ораторов, которые были слишком довольны своим положением, чтобы обнаружить пороки или бедствия при правлении великодушного правителя.

(2) Законы Константина против изнасилований были продиктованы с небольшой снисходительностью к самым милым слабостям человеческой натуры, поскольку описание этого преступления применялось не только к жестокому насилию, но даже к мягкому соблазнению, которое могло убедить незамужнюю женщину в возрасте до двадцати пяти лет покинуть родительский дом. Успешный насильник карался смертной казнью; и, как будто простая смерть была недостаточна для его огромной вины, его либо сжигали заживо, либо разрывали на куски дикими зверями в амфитеатре. Заявление девственницы о том, что она была уведена с ее собственного согласия, вместо того, чтобы спасти своего любовника, подвергало ее той же участи. Обязанность публичного преследования возлагалась на родителей виновной или несчастной девушки; и если естественные чувства заставляли их скрывать обиду и восстанавливать честь своей семьи посредством последующего брака (), они сами подвергались наказанию в виде изгнания и конфискации имущества. Рабы, как мужчины, так и женщины, которые были признаны виновными в соучастии в изнасиловании или соблазнении, сжигались заживо или казнились с помощью

изобретательной пытки, заключающейся в заливании в их горло большого количества расплавленного свинца.

Поскольку преступление было публичным, обвинение могло быть предъявлено даже посторонними лицами. Начало судебного разбирательства не ограничивалось каким-либо сроком, а последствия приговора распространялись на невинных потомков такого неправомерного союза. Но всякий раз, когда преступление вызывает меньший ужас, чем наказание, строгость уголовного права вынуждена уступать место общим чувствам человечества. Наиболее отвратительные части этого указа были смягчены или отменены в последующие царствования; и даже сам Константин очень часто смягчал суровый характер своих общих институтов частичными актами милосердия. Таков был, действительно, странный нрав этого императора, который проявлял себя столь же снисходительным и даже небрежным в исполнении своих законов, сколь суровым и даже жестоким в их принятии. Едва ли можно найти более явный признак слабости, как в характере правителя, так и в устройстве правительства.

Гражданская администрация иногда прерывалась военной обороной империи. Крисп, молодой человек с самым любезным характером, получивший с титулом цезаря командование на Рейне, отличился своим поведением в нескольких победах над франками и аламанами и научил варваров этой границы бояться старшего сына Константина и внука Констанция. Сам император взял на себя более сложную и важную провинцию на Дунае. Готы, которые во времена Клавдия и Аврелиана испытали на себе всю мощь римского оружия, уважали силу империи даже в период ее внутренних раздоров. Но сила этого воинственного народа была теперь восстановлена благодаря почти пятидесятилетнему миру; выросло новое поколение, которое уже не помнило несчастий древних времен: сарматы с озера Меотис следовали за готским знаменем, либо как подданные, либо как союзники, и их объединенные силы обрушились на страны Иллирии. Кампона, Маргус и Бонония^[58], по-видимому, стали ареной нескольких памятных осад и сражений; и хотя Константин встретил очень упорное сопротивление, он в конце концов одержал победу в сражении, и готы были вынуждены отступить с позором, вернув добычу и пленных, которых они захватили. Но и этого преимущества было недостаточно, чтобы удовлетворить гнев императора. Он решил не только отразить, но и наказать дерзких варваров, осмелившихся вторгнуться на территории Рима.

Во главе своих легионов он перешел Дунай, отремонтировав мост, построенный Траяном, проник в самые укрепленные уголки Дакии и, отомстив жестоко, снизошел до того, что дал мир просящим о мире готам на условии, что они будут поставлять его армии сорок тысяч солдат, когда это будет необходимо. Подобные подвиги, без сомнения, были почетны для Константина и выгодны для государства, но можно с уверенностью задаться вопросом, могут ли они оправдать преувеличенное утверждение Евсевия о том, что вся Скифия, вплоть до крайней северной точки, разделенная на множество народов с самыми разными и дикими обычаями, была присоединена его победоносными войсками к Римской империи.

КОНСТАНТИН И ЛИЦИНИЙ СНОВА ВОЙНУЮТ

[323 г. н. э.]

В этом возвышенном состоянии славы Константин не мог больше терпеть партнера в империи. Полагаясь на превосходство своего гения и военной мощи, он решил, не нанося никакого предварительного вреда, использовать их для уничтожения Лициния, чей

преклонный возраст и непопулярные пороки, казалось, делали его очень легкой добычей. Но старый император, пробудившись от приближающейся опасности, обманул ожидания как своих друзей, так и врагов. Проявив тот дух и те способности, благодаря которым он заслужил дружбу Галерия и императорскую пурпурную мантию, он подготовился к сражению, собрал восточные войска и вскоре заполнил равнины Адрианополя своими войсками, а пролив Геллеспонт — своим флотом. Армия состояла из 150 000 пехотинцев и 15 000 всадников; и поскольку кавалерия была в основном набрана из Фригии и Каппадокии, мы можем составить более благоприятное мнение о красоте лошадей, чем о мужестве и ловкости их всадников. Флот состоял из 350 галер с тремя рядами весел. Сто тридцать из них были предоставлены Египтом и прилегающим побережьем Африки. Сто десять отплыли из портов Финикии и острова Кипр; морские страны Вифиния, Иония и Кария также были обязаны предоставить 110 галер. Войска Константина получили приказ собраться в Фессалониках; их численность превышала 120 000 всадников и пехотинцев. Император был доволен их воинственным видом, и его армия насчитывала больше солдат, хотя и меньше людей, чем армия его восточного соперника.

Римский полководец

(С арки Константина)

Легионы Константина были набраны в воинственных провинциях Европы; боевые действия укрепили их дисциплину, победы возвысили их надежды, и среди них было много ветеранов, которые после семнадцати славных походов под командованием одного и того же военачальника готовились заслужить почетную отставку последним проявлением своей доблести. Но военно-морские приготовления Константина были во всех отношениях намного уступали приготовлениям Лициния. Приморские города Греции отправили свои квоты людей и кораблей в знаменитую гавань Пирей, и их объединенные силы состояли не более чем из двухсот небольших судов — очень слабое вооружение, если сравнивать его с теми грозными флотами, которые были оснащены и содержались республикой Афины во время Пелопоннесской войны. Поскольку Италия больше не была резиденцией правительства, военно-морские базы в Мисене и Равенне постепенно пришли в упадок; а

поскольку судоходство и моряки империи поддерживались скорее торговлей, чем войной, было естественно, что их было больше всего в трудолюбивых провинциях Египта и Азии. Удивительно только то, что восточный император, обладавший таким огромным превосходством на море, упустил возможность вести наступательную войну в центре владений своего соперника.

Вместо того чтобы принять такое активное решение, которое могло бы изменить весь ход войны, осторожный Лициний ждал приближения своего соперника в лагере недалеко от Адрианополя, который он укрепил с тревожной заботой, выдававшей его опасения по поводу исхода событий. Константин направил свой поход из Фессалоник в эту часть Фракии, пока не оказался остановлен широким и быстрым потоком реки Эвр, и обнаружил многочисленную армию Лициния, которая заполняла крутой подъем холма от реки до города Адрианополя. Много дней прошло в неопределенных и отдаленных стычках, но в конце концов препятствия на пути и в атаке были устранены благодаря бесстрашному поведению Константина. Здесь мы могли бы рассказать о чудесном подвиге Константина, который, хотя и не имеет себе равных ни в поэзии, ни в романах, прославляется не продажным оратором, преданным его удаче, а историком, частично враждебным его славе. Мы уверены, что доблестный император бросился в реку Эвр, сопровождаемый лишь двенадцатью всадниками, и что силой или страхом своего непобедимого оружия он разбил, убил и обратил в бегство сто пятьдесят тысяч человек.

Доверчивость Зосима настолько преобладала над его страстью, что среди событий памятной битвы при Адрианополе он, по-видимому, выбрал и приукрасил не самые важные, а самые удивительные. О доблести и опасности Константина свидетельствует легкая рана, которую он получил в бедро; но даже из несовершенного повествования и, возможно, искаженного текста можно понять, что победа была одержана не столько благодаря мужеству героя, сколько благодаря поведению полководца; что отряд из пяти тысяч лучников обошел с тыла врага и занял густой лес, внимание которого было отвлечено строительством моста, и что Лициний, сбитый с толку столькими хитроумными маневрами, с неохотой покинул свое выгодное положение, чтобы сражаться на равных условиях на равнине. Сражение уже не было равным. Его сбившаяся в путь толпа новобранцев была легко побеждена опытными ветеранами Запада. Сообщается, что было убито тридцать четыре тысячи человек. Укрепленный лагерь Лициния был взят штурмом вечером в день сражения; большая часть беглецов, которые укрылись в горах, на следующий день сдалась на откуп победителю; а его соперник, который больше не мог удерживать поле боя, заперся в стенах Византии.

Константин осаждает Византий

[323-324 гг. н. э.]

Осада Византии, которую Константин начал сразу же, сопровождалась большими трудностями и неопределенностью. Во время недавних гражданских войн укрепления этого места, по праву считавшегося ключом к Европе и Азии, были отремонтированы и укреплены; и пока Лициний оставался хозяином моря, гарнизон был гораздо менее подвержен опасности голода, чем армия осаждающих. Морские командиры Константина были вызваны в его лагерь и получили его четкие приказы форсировать проход через Геллеспонт, поскольку флот Лициния, вместо того чтобы искать и уничтожить своего слабого врага, продолжал бездействовать в этих узких проливах, где его численное

превосходство было мало полезно и не давало преимущества. Крисп, старший сын императора, был поручен выполнением этого смелого предприятия, которое он выполнил с таким мужеством и успехом, что заслужил уважение и, скорее всего, вызвал ревность своего отца. Сражение длилось два дня, и вечером первого дня сражающиеся флоты, после значительных взаимных потерь, отступили в свои гавани в Европе и Азии. На второй день, около полудня, поднялся сильный южный ветер, который понес корабли Криспа против врага; и благодаря своей умелой смелости он сумел воспользоваться случайным преимуществом и вскоре одержал полную победу. Сто тридцать кораблей было уничтожено, пять тысяч человек убито, а Амандус, адмирал азиатского флота, с большим трудом спасся на берега Халкидона. Как только Геллеспонт был открыт, в лагерь Константина, который уже приступил к осаде, поступил обильный конвой с провизией. Он построил искусственные земляные насыпи, равные по высоте валам Византии. Высокие башни, возведенные на этом фундаменте, обстреливали осажденных крупными камнями и дротиками из военных машин, а тараны потрясли стены в нескольких местах. Если бы Лициний продолжал оборону еще долго, он подверг бы себя риску гибели вместе с городом. Прежде чем он оказался в окружении, он благоразумно перебрался со своими сокровищами в Халкидон в Азии; и поскольку он всегда стремился делить с соратниками надежды и опасности своей судьбы, он теперь присвоил титул цезаря Мартиниану, который занимал одну из самых важных должностей в империи.

Ресурсы и способности Лициния были таковы, что после стольких последовательных поражений он собрал в Вифинии новую армию из пятидесяти или шестидесяти тысяч человек, в то время как Константин был занят осадой Византии. Однако бдительный император не пренебрег последними сражениями своего противника. Значительная часть его победоносной армии была переправлена через Босфор на небольших судах, и решающее сражение произошло вскоре после высадки на высотах Хрисополиса, или, как его теперь называют, Скутари. Войска Лициния, хотя и были недавно набраны, плохо вооружены и еще хуже дисциплинированы, с бесплодной, но отчаянной доблестью противостояли своим завоевателям, пока полное поражение и гибель двадцати пяти тысяч человек не определили безвозвратно судьбу их вождя. Он отступил в Никомедию, скорее с целью выиграть время для переговоров, чем с надеждой на какую-либо эффективную оборону. Констанция, его жена и сестра Константина, заступилась за своего мужа перед братом и добилась от него скорее из политических соображений, чем из сострадания, торжественного обещания, подтвержденного клятвой, что после жертвоприношения Мартиниана и отречения от пурпура Лицинию будет позволено провести остаток своей жизни в мире и достатке. Поведение Констанции и ее отношения к противоборствующим сторонам естественно вызывают воспоминания о той добродетельной матроне, которая была сестрой Августа и женой Антония. Но нравы человечества изменились, и для римлянина больше не считалось позором пережить свою честь и независимость. Лициний просил и принял прощение за свои преступления, бросился с пурпуром к ногам своего господина и повелителя, был поднят с земли с оскорбительным состраданием, в тот же день допущен на императорский банкет, а вскоре после этого отправлен в Фессалоники, которые были выбраны местом его заключения.

Его заключение вскоре закончилось смертью; и сомнительно, что причиной его казни послужило восстание солдат или декрет сената. Согласно правилам тирании, его обвинили в заговоре и в ведении изменнической переписки с варварами; но поскольку он никогда не был осужден ни за свое поведение, ни по каким-либо законным доказательствам, мы, возможно, можем, исходя из его слабости, предположить его невиновность.

Память о Лицинии была заклеена позором, его статуи были сброшены, и поспешным указом, столь пагубным, что его почти сразу же исправили, все его законы и все судебные разбирательства его правления были сразу же отменены. Благодаря этой победе Константина римский мир вновь объединился под властью одного императора, через тридцать семь лет после того, как Диоклетиан разделил свою власть и провинции со своим соратником Максимианом.

КОНСТАНТИН, ЕДИНОВЛАСТНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ, ОСНОВЫВАЕТ КОНСТАНТИНОПОЛЬ

[323-330 гг. н. э.]

Последовательные этапы возвышения Константина, от его первого вступления на престол в Йорке до отречения Лициния в Никомедии, были описаны с некоторой подробностью и точностью, не только потому, что эти события сами по себе интересны и важны, но еще больше потому, что они способствовали упадку империи за счет крови и сокровищ, а также постоянного увеличения как налогов, так и военных расходов. Основание Константинополя и установление христианской религии были непосредственными и памятливыми последствиями этой революции.

Но перспектива красоты, безопасности и богатства, объединенных в одном месте, была достаточной, чтобы оправдать выбор Константина. Но поскольку в каждой эпохе считалось, что некое достойное сочетание чуда и легенды отражает величие происхождения великих городов, император желал приписать свое решение не столько неопределенным советам человеческой политики, сколько непогрешимым и вечным постановлениям божественной мудрости. В одном из своих законов он позаботился проинформировать потомков о том, что, повинаясь велениям Бога, он заложил вечные основы Константинополя; и хотя он не снизошел до того, чтобы рассказать, каким образом небесное вдохновение было передано его разуму, недостаток его скромного молчания был щедро восполнен изобретательностью последующих писателей, которые описывают ночное видение, явившееся воображению Константина, когда он спал в стенах Византии. Покровительница города, почтенная матрона, склоняющаяся под тяжестью лет и немощи, внезапно превратилась в цветущую девушку, которую его собственные руки украсили всеми символами императорского величия. Монарх проснулся, истолковал благоприятное предзнаменование и без колебаний подчинился воле небес. День, который дал рождение городу или колонии, отмечался римлянами с помощью церемоний, предписанных щедрым суеверием; и хотя Константин мог опустить некоторые обряды, которые слишком сильно напоминали о своем языческом происхождении, он все же стремился оставить глубокое впечатление надежды и уважения в умах зрителей. Пешком, с копьем в руке, император сам возглавил торжественную процессию и направил линию, которая была прочерчена в качестве границы будущей столицы, пока растущая окружность не была с удивлением замечена помощниками, которые в конце концов осмелились заметить, что он уже превысил самые широкие размеры великого города. «Я буду продвигаться дальше, — ответил Константин, — пока он, невидимый проводник, идущий передо мной, не сочтет нужным остановиться». Не осмеливаясь исследовать природу или мотивы этого необычного проводника, мы ограничимся более скромной задачей описания размеров и границ Константинополя.

В нынешнем состоянии города дворец и сады сераля занимают восточный мыс, первый из семи холмов, и занимают площадь около 150 акров по нашим меркам. Основание турецкой ревности и деспотизма возведено на фундаменте греческой республики; но можно предположить, что византийцы были соблазнены удобством гавани и расширили свои жилища на этой стороне за пределы современных границ сераля. Новые стены Константина

простирались от порта до Пропонтиды через расширенную ширину треугольника, на расстоянии пятнадцати стадий от древних укреплений; вместе с городом Византием они охватывали пять из семи холмов, которые в глазах тех, кто приближается к Константинополю, кажутся возвышающимися друг над другом в прекрасном порядке. Примерно через столетие после смерти основателя новые здания, простиравшиеся с одной стороны до гавани, а с другой — вдоль Пропонтиды, уже покрывали узкий хребет шестого и широкую вершину седьмого холма. Необходимость защитить эти пригороды от непрекращающихся вторжений варваров побудила младшего Феодосия окружить свою столицу надлежащей и прочной стеной. От восточного мыса до Золотых ворот максимальная длина Константинополя составляла около трех римских миль; его окружность измерялась от десяти до одиннадцати миль, а площадь можно было рассчитать как равную примерно двум тысячам английских акров.

ПЛЕБЕЙ

(По Вечеллио)

Невозможно оправдать тщеславные и легковверные преувеличения современных путешественников, которые иногда расширяют границы Константинополя, включая в них соседние деревни европейского и даже азиатского побережья. Но пригороды Пера и Галата, хотя и расположенные за пределами гавани, заслуживают того, чтобы считаться частью города, и это дополнение, возможно, оправдывает оценку византийского историка, который определяет окружность своего родного города в шестнадцать греческих (около четырнадцати римских) миль. Такая площадь может показаться достойной императорской резиденции. Тем не менее, Константинополь уступает Вавилону и Фивам, древнему Риму, Лондону и даже Парижу.

Властелин римского мира, стремившийся воздвигнуть вечный памятник славе своего правления, мог использовать для осуществления этого великого дела богатство, труд и все, что еще оставалось от гения покорных миллионов. Некоторое представление о расходах, понесенных с императорской щедростью на основание Константинополя, можно составить по сумме около 2 500 000 фунтов стерлингов [12 500 000 долларов] на строительство стен, портиков и акведуков. Леса, покрывавшие берега Эвксинского моря, и знаменитые карьеры

белого мрамора на маленьком острове Проконнес обеспечивали неисчерпаемый запас материалов, которые можно было легко транспортировать по воде в гавань Византия. Множество рабочих и ремесленников стремились завершить работу, неустанно трудясь, но нетерпение Константина вскоре показало, что в период упадка искусств мастерство и количество его архитекторов были совершенно несоразмерны величию его замыслов. Поэтому магистраты самых отдаленных провинций получили указание открыть школы, назначить профессоров и, обещая награды и привилегии, привлечь к изучению и практике архитектуры достаточное количество одаренных молодых людей, получивших либеральное образование. Здания нового города были построены мастерами, которых мог себе позволить Константин, но украшены они были руками самых знаменитых мастеров эпохи Перикла и Александра. Возродить гений Фидия и Лисиппа, конечно, было не по силам римскому императору, но бессмертные творения, которые они оставили в наследство потомкам, были беззащитны перед алчной тщеславностью деспота. По его приказу города Греции и Азии были ограблены и лишены своих самых ценных украшений. Трофеи памятных войн, предметы религиозного почитания, самые совершенные статуи богов и героев, мудрецов и поэтов древности способствовали великолепному триумфу Константинополя и дали повод историку Кедрену с большим энтузиазмом заметить, что, казалось, не хватало только душ прославленных людей, которых должны были представлять эти замечательные памятники. Но не в городе Константина и не в период упадка империи, когда человеческий дух был подавлен гражданским и религиозным рабством, мы должны искать души Гомера и Демосфена.

Во время осады Византия завоеватель разбил свой шатер на возвышенности второго холма. Чтобы увековечить память о своем успехе, он выбрал то же выгодное место для главного форума, который, по-видимому, имел круглую или, скорее, эллиптическую форму. Два противоположных входа образовывали триумфальные арки; портики, окружавшие его со всех сторон, были заполнены статуями; а центр форума занимала высокая колонна, изуродованный фрагмент которой теперь унижен названием «сгоревшая колонна». Эта колонна была возведена на пьедестале из белого мрамора высотой двадцать футов и состояла из десяти кусков порфира, каждый из которых имел высоту около десяти футов и окружность около тридцати трех. На вершине колонны, на высоте более 120 футов от земли, стояла колоссальная статуя Аполлона. Она была сделана из бронзы, привезена из Афин или из города Фригии и, как полагают, была работой Фидия. Художник изобразил бога дня или, как позже интерпретировали, самого императора Константина со скипетром в правой руке, глобусом в левой и короной из лучей, сверкающей на голове. Цирк, или ипподром, был величественным сооружением, длиной около четырехсот шагов и шириной сто. Пространство между двумя *метами*, или воротами, было заполнено статуями и обелисками; и мы до сих пор можем увидеть очень необычный фрагмент древности — тела трех змей, скрученных в один медный столб. Их тройные головы когда-то поддерживали золотой треножник, который после поражения Ксеркса был освящен в храме Дельф победившими греками. Красота Ипподрома давно была испорчена грубыми руками турецких завоевателей, но под похожим названием Атмейдан он до сих пор служит местом для тренировок их лошадей.

От трона, с которого император наблюдал за цирковыми играми, винтовая лестница спускалась во дворец — величественное здание, которое едва ли уступало резиденции самого Рима и которое вместе с прилегающими дворами, садами и портиками занимало значительную площадь на берегу Пропонтиды, между Ипподромом и церковью Святой Софии. Мы могли бы также восхвалять бани, которые по-прежнему носили имя Зевксиппа после того, как были обогащены щедрым даром Константина высокими колоннами, разнообразным мрамором и более чем шестьдесятю бронзовыми статуями. Но мы

отклонились бы от замысла этой истории, если бы попытались подробно описать различные здания или кварталы города. Достаточно заметить, что все, что могло украсить величие великой столицы или способствовать благополучию и удовольствию ее многочисленных жителей, находилось в пределах стен Константинополя. В подробном описании, составленном примерно через столетие после основания города, перечислены капитолий или школа, цирк, два театра, восемь общественных и 153 частных бани, пятьдесят два портика, пять зернохранилищ, восемь акведуков или водохранилищ, четыре просторных зала для заседаний сената или судов, четырнадцать церквей, четырнадцать дворцов и 4388 домов, которые по своим размерам или красоте заслуживали отличия от множества плебейских жилищ.

СТАРЫЙ МЕТРОПОЛИС И НОВЫЙ: РИМ И КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Густонаселенность этого благоприятного города была следующим и самым серьезным предметом внимания его основателя. В темные века, последовавшие за переносом столицы империи, отдаленные и непосредственные последствия этого памятного события были странным образом смешаны из-за тщеславия греков и легковёрности латинян. Утверждалось и верилось, что все знатные семьи Рима, сенат и всаднический сословие со своими бесчисленными слугами последовали за своим императором на берега Пропонтиды; что поддельная раса чужеземцев и плебеев осталась владеть одиночеством древней столицы, а земли Италии, давно превращенные в сады, были сразу лишены возделывания и жителей. В ходе этой истории такие преувеличения будут сведены к их истинной стоимости. Однако, поскольку рост Константинополя не может быть объяснен общим ростом населения и промышленности, следует признать, что эта искусственная колония была создана за счет древних городов империи. Многие богатые сенаторы Рима и восточных провинций, вероятно, были приглашены Константином, чтобы они выбрали для своей страны то счастливое место, которое он выбрал для своей резиденции. Приглашения господина едва ли можно отличить от приказов, и щедрость императора вызвала готовое и радостное повиновение. Он даровал своим фаворитам дворцы, которые построил в нескольких кварталах города, выделил им земли и пенсии для поддержания их достоинства и отчуждил владения Понта и Азии, чтобы предоставить наследственные поместья на легких условиях, требующих лишь содержания дома в столице. Но эти поощрения и обязательства вскоре стали излишними и были постепенно отменены. Где бы ни находилась резиденция правительства, значительная часть государственных доходов будет расходоваться самим князем, его министрами, должностными лицами и слугами дворца. Самых богатых провинциалов будут привлекать мощные мотивы интереса и долга, развлечений и любопытства. Незаметно сформируется третий, более многочисленный класс жителей, состоящий из слуг, ремесленников и купцов, которые получают средства к существованию от своего труда и от потребностей или роскоши высших сословий. Менее чем за столетие Константинополь стал соперничать с самим Римом за превосходство в богатстве и численности населения. Новые застройки, скученные без должного учета здоровья и удобства, едва оставляли место в узких улочках для постоянного потока людей, лошадей и карет. Выделенная площадь земли была недостаточна для размещения растущего населения, и дополнительные фундаменты, которые с обеих сторон продвигались в море, сами по себе могли бы составить очень значительный город.

Частое и регулярное раздавание вина и масла, зерна или хлеба, денег или провианта почти освободило беднейших граждан Рима от необходимости трудиться. Великолепие первых цезарей в некоторой степени было подражаемо основателем Константинополя, но его щедрость, как бы она ни вызывала восторг народа, вызвала осуждение потомков. Нация

законодателей и завоевателей могла бы заявить свои права на урожай Африки, который был куплен ее кровью; и Август искусно устроил так, чтобы в наслаждении изобилием римляне утратили память о свободе. Но расточительность Константина не могла быть оправдана ни общественными, ни частными интересами; ежегодная дань зерном, наложенная на Египет в интересах его новой столицы, шла на пропитание ленивого и празднующегося населения за счет земледельцев трудолюбивой провинции. Некоторые другие постановления этого императора менее подвержены критике, но и менее заслуживают внимания. Он разделил Константинополь на четырнадцать районов или кварталов, присвоил общественному совету почетное название сената, предоставил гражданам привилегии Италии и даровал возникающему городу титул колонии, первой и наиболее любимой дочери древнего Рима. Почтенный родитель по-прежнему сохранял законное и признанное верховенство, которое было обусловлено его возрастом, достоинством и памятью о его былой величии.

Поскольку Константин торопил процесс работы с нетерпением влюбленного, стены, портики и главные здания были завершены за несколько лет или, согласно другому источнику, за несколько месяцев; но это необычайное усердие не должно вызывать особого восхищения, поскольку многие здания были построены настолько поспешно и некачественно, что при следующем правлении их с трудом удалось спасти от надвигающейся разрухи. Но пока они демонстрировали энергию и свежесть молодости, основатель готовился к празднованию освящения своего города. Легко представить себе игры и щедрые подарки, которые увенчали пышность этого памятного праздника, но есть одно обстоятельство более необычного и постоянного характера, которое не следует полностью упускать из виду. Каждый раз, когда наступал день рождения города, статуя Константина, изготовленная по его приказу из позолоченного дерева и держащая в правой руке небольшой образ гения этого места, устанавливалась на триумфальной колеснице. Стражи, несущие белые свечи и одетые в свои самые богатые одежды, сопровождали торжественную процессию, проходящую по Ипподрому. Когда она проходила напротив трона правящего императора, он вставал со своего места и с благодарным почтением поклонялся памяти своего предшественника. На празднике освящения эдикт, высеченный на мраморной колонне, присвоил городу Константина титул Второго или Нового Рима. Но название Константинополь превзошло это почетное прозвище и после пятнадцати веков революций по-прежнему увековечивает славу его создателя.

ХАРАКТЕР КОНСТАНТИНА ВЕЛИКОГО

Характер князя, который перенес столицу империи и внес столь важные изменения в гражданскую и религиозную конституцию своей страны, привлек внимание и разделил мнения человечества. Благодаря благодарному рвению христиан, освободитель церкви был удостоен всех атрибутов героя, даже святого, в то время как недовольные из числа побежденных сравнивали Константина с самыми отвратительными тиранами, которые своим пороком и слабостью опозорили императорскую пурпурную мантию.

Те же страсти в некоторой степени перешли к последующим поколениям, и характер Константина даже в наше время считается объектом либо сатиры, либо панегирика. Благодаря беспристрастному объединению тех недостатков, которые признают его самые горячие поклонники, и тех достоинств, которые признают его самые непримиримые враги, мы можем надеяться нарисовать справедливый портрет этого необыкновенного человека, который правда и откровенность истории должны принять без смущения. Но вскоре становится очевидным, что тщетная попытка смешать такие несочетаемые цвета и примирить такие несовместимые качества приведет к созданию скорее чудовищной, чем

человеческой фигуры, если только не рассматривать ее в надлежащем и четком свете, тщательно разделяя различные периоды правления Константина.

РИМСКАЯ СТЕКЛЯННАЯ ПОСУДА

Как личность, так и ум Константина были обогащены природой ее лучшими дарами. Он был высокого роста, с величественным обликом и изящными манерами; его сила и активность проявлялись в каждом мужественном упражнении, и с ранней юности до глубокой старости он сохранял бодрость своего тела, строго следуя домашним добродетелям целомудрия и воздержания. Он любил общение в непринужденной беседе и, хотя иногда позволял себе быть более резким, чем того требовало его высокое положение, его вежливость и щедрость завоевывали сердца всех, кто с ним общался. Искренность его дружбы подвергалась сомнению, однако в некоторых случаях он показывал, что не был лишен способности к теплой и прочной привязанности. Недостаток образования не помешал ему сформировать правильную оценку ценности знаний, и искусства и науки получили некоторое поощрение благодаря щедрой защите Константина. В ведении дел он был неутомим в своем усердии, и активные способности его ума почти постоянно проявлялись в чтении, письме или размышлениях, в приеме послов и рассмотрении жалоб своих подданных. Даже те, кто критиковал его меры, были вынуждены признать, что он обладал великодушием, позволявшим ему задумывать, и терпением, позволявшим ему осуществлять самые сложные замыслы, не поддаваясь ни предрассудкам образования, ни крикам толпы. На поле боя он вселял свой бесстрашный дух в войска, которыми он руководил с талантом опытного полководца; и скорее его способностям, чем удаче, мы можем приписать знаменательные победы, которые он одержал над иностранными и внутренними врагами республики.

Он любил славу как награду, а может быть, даже как мотив своих трудов. Безграничная амбиция, которая с момента принятия им пурпура в Йорке представляется главной страстью его души, может быть оправдана опасностями его собственного положения, характером его соперников, осознанием своего превосходства и перспективой того, что его успех позволит ему восстановить мир и порядок в раздираемой конфликтами империи. В своих гражданских войнах против Максенция и Лициния он привлек на свою сторону симпатии народа, который сравнивал нескрываемые пороки этих тиранов с духом мудрости и справедливости, который, казалось, определял общий тон правления Константина.

Если бы Константин пал на берегах Тибра или даже на равнинах Адрианополя, то именно такой образ он, за редким исключением, оставил бы в памяти потомков. Но конец его правления (по умеренному и действительно мягкому выражению одного из писателей того же века) низвел его с того положения, которое он завоевал среди самых достойных римских принцев. В жизни Августа мы видим, как тиран республики почти незаметно превращается в отца своей страны и всего человечества. В жизни Константина мы видим героя, который

так долго вдохновлял своих подданных любовью, а своих врагов — страхом, деградировавшего до жестокого и развратного монарха, развращенного своей удачей или возвышенного завоеваниями над необходимостью притворства. Общий мир, который он поддерживал в течение последних четырнадцати лет своего правления, был скорее периодом кажущегося великолепия, чем реального процветания; а старость Константина была опорочена противоположными, но примиримыми пороками алчности и расточительности. Накопленные сокровища, найденные во дворцах Максенция и Лициния, были расточительно израсходованы; различные нововведения, введенные завоевателем, сопровождались растущими расходами; стоимость его построек, его двора и его праздников требовала немедленного и обильного снабжения; и угнетение народа было единственным источником, который мог поддерживать великолепие правителя. Его недостойные фавориты, обогащенные безграничной щедростью своего господина, безнаказанно узурпировали привилегию грабежа и коррупции.

В каждой сфере государственной администрации ощущался тайный, но всеобщий упадок; сам император, хотя и сохранял послушание, постепенно терял уважение своих подданных. Одежда и манеры, которые он предпочитал носить в конце жизни, только унижали его в глазах людей. Азиатская пышность, которую с гордостью принял Диоклетиан, в лице Константина приобрела оттенок мягкости и женоподобности. Он изображается с накладными волосами разных цветов, тщательно уложенными искусными мастерами того времени; с диадемой новой и более дорогой моды; с обилием драгоценных камней и жемчуга, ожерелий и браслетов, а также с пестрым струящимся шелковым плащом, любопытно вышитым золотыми цветами. В такой одежде, которую едва ли можно оправдать молодостью и глупостью Элагабала, мы не можем обнаружить мудрость пожилого монарха и простоту римского ветерана. Ум, так расслабленный процветанием и потворством, был неспособен подняться до той великодушия, которое презирает подозрения и осмеливается прощать. Смерть Максимиана и Лициния, возможно, оправдывается принципами политики, которым учат в школах тиранов, но беспристрастное описание казней, или, скорее, убийств, которые омрачили закатную пору жизни Константина, наводит нас на мысль о принце, который без колебаний мог пожертвовать законами справедливости и чувствами природы ради своих страстей или интересов.

Та же удача, которая так неизменно сопровождала Константина, казалось, обеспечивала надежды и уют его семейной жизни. Те из его предшественников, которые наслаждались самым долгим и процветающим правлением, Август, Траян и Диоклетиан, были разочарованы потомством; а частые революции никогда не давали достаточно времени, чтобы какая-либо императорская семья могла вырасти и размножиться под сенью пурпура. Но королевская династия Флавиев, впервые возвышенная готом Клавдием, просуществовала несколько поколений; и сам Константин унаследовал от своего королевского отца наследственные почести, которые он передал своим детям. Император был дважды женат. Минервина, неизвестная, но законная возлюбленная его юности, оставила ему только одного сына, которого звали Крисп. От Фаусты, дочери Максимиана, у него было три дочери и три сына, известные под родственными именами Константин, Констанций и Констант. Неамбициозные братья великого Константина, Юлий Констанций, Далматий и Ганнибалиан, могли пользоваться самым почетным званием и самым богатым состоянием, которое только могло быть у частного лица. Младший из троих жил без имени и умер, не оставив потомства. Двое его старших братьев женились на дочерях богатых сенаторов и дали начало новым ветвям императорского рода. Галл и Юлиан впоследствии стали самыми прославленными из детей патриция Юлия Констанция. Два сына Далматия, удостоенного тщетного титула цензора, звали Далматий и Ганнибалиан. Две сестры великого Константина, Анастасия и Евтропия, были выданы замуж за Опатуса и Непотиана,

двух сенаторов благородного происхождения и консульского достоинства. Его третья сестра, Констанция, отличалась своим превосходством величия и несчастья. Она осталась вдовой побежденного Лициния, и именно благодаря ее мольбам невинный мальчик, плод их брака, некоторое время сохранил свою жизнь, титул цезаря и шаткую надежду на престолонаследие. Помимо женщин и союзников дома Флавиев, десять или двенадцать мужчин, которых в современном языке двора называли бы принцами крови, по порядку своего рождения, казалось, были предназначены либо унаследовать, либо поддерживать трон Константина. Но менее чем за тридцать лет эта многочисленная и растущая семья сократилась до Констанция и Юлиана, которые единственные пережили серию преступлений и бедствий, подобных тем, которые трагические поэты оплакивали в посвященных Пелопу и Кадму строках.

КОНСТАНТИЙ И КРИСП

[323-326 гг. н. э.]

Крисп, старший сын Константина и предполагаемый наследник империи, представлен беспристрастными историками как любезный и образованный юноша. Забота о его образовании, или, по крайней мере, о его учебе, была поручена Лактанцию, самому красноречивому из христиан; наставнику, прекрасно подходящему для формирования вкусов и пробуждения добродетелей своего прославленного ученика. В возрасте семнадцати лет Крисп был удостоен титула цезаря и управления галльскими провинциями, где вторжения германцев дали ему раннюю возможность проявить свои военные способности. В гражданской войне, разразившейся вскоре после этого, отец и сын разделили между собой власть; последний проявил большую доблесть, форсировав пролив Эллеспонт (), несмотря на превосходство флота Лициния. Эта морская победа способствовала определению исхода войны; и имена Константина и Криспа были объединены в радостных возгласах их восточных подданных, которые громко провозглашали, что мир был покорен и теперь управляется императором, наделенным всеми добродетелями, и его прославленным сыном, принцем, любимым небом и живым образом совершенства своего отца. Общественное расположение, которое редко сопутствует старости, распространило свой блеск на молодость Криспа. Он заслужил уважение и завоевал любовь двора, армии и народа. Опытные заслуги правящего монарха признаются его подданными с неохотой и часто отрицаются с пристрастными и недовольными ропотами; в то время как от открытых добродетелей его преемника они с любовью питают самые безграничные надежды на частное и общественное счастье.

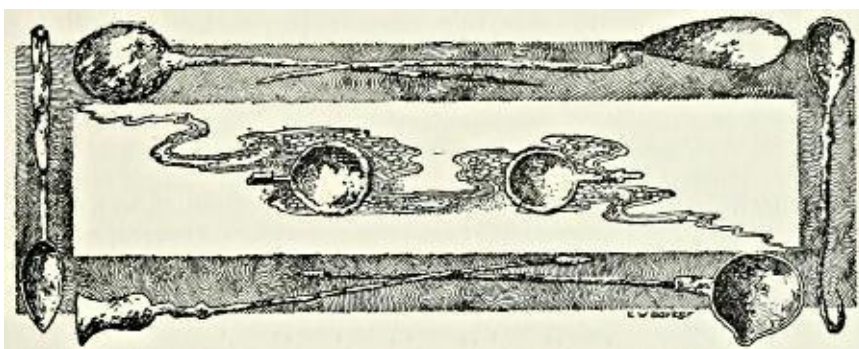
Эта опасная популярность вскоре привлекла внимание Константина, который, как отец и как царь, не терпел равных. Вместо того чтобы попытаться обеспечить верность своего сына щедрыми узами доверия и благодарности, он решил предотвратить беды, которые могли быть вызваны неудовлетворенной амбицией. Крисп вскоре получил повод жаловаться на то, что в то время как его младший брат Констанций был отправлен с титулом цезаря править своим особым округом галльских провинций, он, принц зрелого возраста, недавно оказавший такие выдающиеся услуги, вместо того чтобы быть возвышенным до высшего ранга августа, был почти заключен в тюрьму при дворе своего отца и был беззащитен и безвластен перед всякими клеветами, которые могли придумать его злобные враги. В таких тяжелых обстоятельствах молодой принц не всегда мог сдерживать себя и скрывать свое недовольство; и можно быть уверенным, что он был окружен стайей недискретных или вероломных последователей, которые усердно старались разжечь его гнев и, возможно, были проинструктированы, чтобы выдать его неосторожное проявление негодования.

Эдикт Константина, опубликованный примерно в это время, явно указывает на его реальные или притворные подозрения в том, что против его личности и правительства был организован тайный заговор. Всеми возможными почестями и наградами он приглашает доносчиков всех рангов без исключения обвинять его магистратов или министров, его друзей или самых близких фаворитов, торжественно заявляя, что он сам выслушает обвинения, что он сам отомстит за нанесенные ему обиды, и заканчивая молитвой, в которой прослеживается некоторое опасение опасности, чтобы провидение Всевышнего по-прежнему защищало безопасность императора и империи.

Доносчики, которые откликнулись на столь щедрое приглашение, были достаточно искушены в придворных интригах, чтобы выбрать друзей и сторонников Криспа в качестве виновных; и нет никаких оснований сомневаться в правдивости императора, который обещал полную месть и наказание. Однако Константин продолжал демонстрировать уважение и доверие к сыну, которого он начал считать своим самым непримиримым врагом. Были отчеканены медали с обычными клятвами о долгом и благоприятном правлении молодого цезаря; и поскольку народ, не посвященный в тайны дворца, по-прежнему любил его добродетели и уважал его достоинство, поэт, просящий о его возвращении из изгнания, с одинаковой преданностью поклоняется величию отца и величию сына.

Настало время праздновать торжественную церемонию двадцатилетия правления Константина, и император для этой цели перенес свой двор из Никомедии в Рим, где были сделаны самые великолепные приготовления к его приему. Все глаза и все языки стремились выразить свое чувство всеобщего счастья, и завеса церемонии и притворства на время скрыла самые мрачные замыслы мести и убийства. В разгар праздника несчастный Крисп был арестован по приказу императора, который отбросил отцовскую нежность, не принимая на себя справедливость судьбы. Допрос был коротким и закрытым; и, поскольку считалось приличным скрыть судьбу молодого принца от глаз римского народа, его отправили под сильной охраной в Полу, в Истрию, где вскоре он был казнен либо рукой палача, либо более мягким способом — отравлением.

Цезарь Лициний, молодой человек с приятными манерами, был причастен к гибели Криспа; суровая ревность Константина осталась невозмутимой перед мольбами и слезами его любимой сестры, умолявшей о пощаде для сына, единственным преступлением которого было его высокое положение, и без которого она не прожила долго. История этих несчастных принцев, характер и доказательства их вины, форма их суда и обстоятельства их смерти были погребены в таинственной неизвестности; и придворный епископ, который в своем тщательно проработанном произведении прославлял добродетели и благочестие своего героя, соблюдает благоразумное молчание по поводу этих трагических событий. Такое высокомерное презрение к мнению человечества, хотя и накладывает неизгладимое пятно на память о Константине, должно напомнить нам о совершенно ином поведении одного из величайших монархов более поздней эпохи. Царь Петр, обладая полной деспотической властью, представил на суд России, Европы и потомков причины, которые заставили его подписать приговор преступнику или, по крайней мере, развращенному сыну.

РИМСКИЕ ЛОЖКИ И ЧЕРПАКИ

Невинность Криспа была настолько всеобщее признана, что современные греки, которые почитают память своего основателя, вынуждены оправдывать вину за отцеубийство, которое общечеловеческие чувства не позволяют им оправдать. Они утверждают, что, как только опечаленный отец обнаружил ложность обвинения, которым его легкое верие было так роково введено в заблуждение, он объявил всему миру о своем раскаянии и угрызениях совести; что он скорбел сорок дней, в течение которых воздерживался от посещения бани и всех обычных удовольствий жизни; и что для вечного наставления потомков он воздвиг золотую статую Криспа с этой памятной надписью: «Моему сыну, которого я несправедливо осудил». Такая моральная и интересная история заслуживала бы поддержки менее

исключительным авторитетом; но если мы обратимся к более древним и достоверным писателям, они сообщат нам, что раскаяние Константина проявилось только в актах крови и мести; и что он искупил убийство невинного сына казнью, возможно, виновной жены. Они приписывают несчастья Криспа () козням его мачехи Фаусты, чья неумолимая ненависть или чья разочарованная любовь возобновили во дворце Константина древнюю трагедию Гипполита и Федры. Подобно дочери Миноса, дочь Максимиана обвинила своего зятя в инцестуальном посягательстве на целомудрие жены своего отца и, воспользовавшись ревностью императора, легко добилась смертного приговора для молодого принца, которого она по праву считала самым грозным соперником своих собственных детей. Но Елена, пожилая мать Константина, оплакивала и мстила за безвременную гибель своего внука Криспа; и вскоре было сделано настоящее или мнимое открытие, что сама Фауста поддерживала преступную связь с рабом, принадлежавшим императорским конюшням. Ее осуждение и наказание были немедленными последствиями этого обвинения; и прелюбодейка была задушена паром в бане, которая для этой цели была нагрета до необычайной степени. Некоторые, возможно, подумают, что воспоминания о двадцатилетнем супружеском союзе и честь их общих детей, предназначенных наследников престола, могли бы смягчить жестокое сердце Константина и убедить его позволить своей жене, какой бы виновной она ни казалась, искупить свои преступления в одиночной тюрьме. Но кажется излишним размышлять о правомерности этого необычного события, если мы не можем установить истину, поскольку оно сопровождается некоторыми сомнительными и запутанными обстоятельствами.

НАСЛЕДНИКИ КОНСТАНТИНА

[326-335 гг. н. э.]

Те, кто критиковал, и те, кто защищал характер Константина, одинаково игнорировали два очень примечательных отрывка из двух речей, произнесенных во время последующего правления. В первом восхваляются добродетели, красота и удача императрицы Фаусты, дочери, жены, сестры и матери стольких принцев. Второй в явных выражениях утверждает, что мать младшего Константина, убитого через три года после смерти отца, пережила его и оплакивала судьбу сына. Несмотря на убедительные свидетельства нескольких писателей как языческого, так и христианского вероисповедания, все же остаются основания полагать или, по крайней мере, подозревать, что Фауста избежала слепой и подозрительной жестокости своего мужа. Смерть сына и племянника, а также казнь большого числа уважаемых и, возможно, невинных друзей, которые были вовлечены в их падение, могут быть достаточными причинами, чтобы оправдать недовольство римского народа и объяснить сатирические стихи, прикрепленные к воротам дворца, в которых сравниваются великолепное и кровавое правление Константина и Нерона.

После смерти Криспа наследство империи, по-видимому, перешло к трем сыновьям Фаусты, которые уже были упомянуты под именами Константин, Констанций и Констант. Эти молодые принцы были последовательно удостоены титула цезаря; даты их возвышения можно отнести к десятому, двадцатому и тридцатому годам правления их отца. Такое поведение, хотя и вело к увеличению числа будущих правителей римского мира, можно было бы оправдать отцовской привязанностью, но трудно понять мотивы императора, когда он подверг опасности безопасность как своей семьи, так и своего народа, неоправданно возвысив двух своих племянников, Далматия и Ганнибала. Первый был возвышен до звания цезаря, став равным своим двоюродным братьям. В пользу последнего Константин придумал новое и необычное звание «*nobilissimus*», к которому он присоединил

лестное отличие « » в виде пурпурной и золотой мантии. Но из всей череды римских принцев в любую эпоху империи только Ганнибалиан отличался титулом короля, именем, которое подданные Тиберия считали бы кощунственным и жестоким оскорблением прихотливой тирании. Использование такого титула, даже если он появляется во время правления Константина, является странным и несвязанным фактом, который едва ли можно признать на основании совместного авторитета императорских медалей и современных писателей.

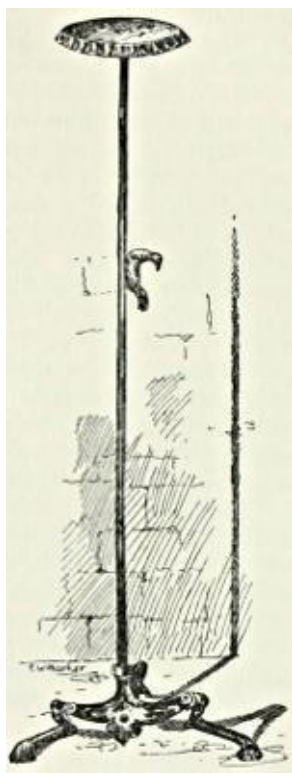
Вся империя была глубоко заинтересована в образовании этих пяти юношей, признанных преемников Константина. Физические упражнения готовили их к тяготам войны и обязанностям активной жизни. Те, кто иногда упоминают об образовании или талантах Констанция, признают, что он преуспевал в гимнастических искусствах прыжков и бега, что он был ловким лучником, искусным всадником и мастером всех видов оружия, используемых в кавалерии или пехоте. Такое же усердное воспитание, хотя и, возможно, не столь успешное, было предоставлено другим сыновьям и племянникам Константина для совершенствования их ума. Самые знаменитые профессора христианской веры, греческой философии и римского права были приглашены щедрым императором, который оставил за собой важную задачу обучать королевских юношей науке управления и знанию человечества. Но гений самого Константина был сформирован невзгодами и опытом. В свободном общении частной жизни и среди опасностей двора Галерия он научился управлять своими страстями, противостоять страстям своих равных и полагаться в вопросах своей нынешней безопасности и будущего величия на благоразумие и твердость своего поведения. Его предначертанные преемники имели несчастье родиться и получить образование в императорской пурпурной одежде. Непрерывно окруженные свитой льстецов, они провели свою юность в наслаждении роскошью и ожидании трона; да и достоинство их положения не позволяло им спуститься с того возвышенного поста, с которого различные характеры человеческой природы кажутся гладкими и однообразными.

Попустительство Константина позволило им в очень юном возрасте принять участие в управлении империей, и они изучали искусство правления за счет народа, вверенного их попечению. Младший Константин был назначен правителем в Галлии, а его брат Констанций променял эту провинцию, древнее наследие их отца, на более богатые, но менее воинственные страны Востока. Италия, западная Иллирия и Африка привыкли почитать Констанса, третьего из его сыновей, как представителя великого Константина. Он назначил Далматия на готской границе, к которой он присоединил правительство Фракии, Македонии и Греции. Город Кесария был выбран в качестве резиденции Ганнибалана, а провинции Понт, Каппадокия и Малая Армения были предназначены для образования его нового королевства. Для каждого из этих принцев было предусмотрено соответствующее положение. Им было выделено соразмерное количество гвардейцев, легионеров и вспомогательных войск для обеспечения их достоинства и защиты. Министры и генералы, которые были поставлены при них, были такими, которым Константин мог доверять, чтобы они помогали и даже контролировали этих молодых правителей в осуществлении делегированной им власти. По мере того как они становились старше и приобретали опыт, пределы их власти незаметно расширялись, но император всегда оставлял за собой титул Августа и, представляя цезарей армиям и провинциям, поддерживал равное подчинение каждой части империи ее верховному главе. Спокойствие последних четырнадцати лет его правления едва ли было нарушено () презренным восстанием верблюдовода на острове Кипр или активной ролью, которую политика Константина заставила его взять на себя в войнах с готами и сарматами.

СТАРЫЙ КОНСТАНТИН И САРМАТЫ

Среди различных ветвей человеческой расы сарматы составляют весьма примечательную группу, поскольку они, по-видимому, сочетают в себе нравы азиатских варваров с внешностью и телосложением древних жителей Европы. В зависимости от различных обстоятельств мира и войны, союзов или завоеваний, сарматы иногда ограничивались берегами Танаиса, а иногда распространялись по обширным равнинам, лежащим между Вислой и Волгой. Уход за многочисленными стадами, охота на дичь и ведение войны, или, скорее, грабежи, определяли кочевые перемещения сарматов. Передвижные лагеря или города, обычное место жительства их жен и детей, состояли только из больших повозок, запряженных волами и накрытых в виде палаток. Военная сила народа состояла из кавалерии, а обычай воинов вести за собой одну или две запасные лошади позволял им быстро продвигаться и отступать, что удивляло уверенность и ускользало от преследования удаленного врага (). Их бедность железом побудила их грубую промышленность изобрести своего рода курасу, которая была способна противостоять мечу или копью, хотя она была сформирована только из копыт лошадей, нарезанных на тонкие и отполированные кусочки, тщательно уложенные друг на друга в виде чешуек или перьев и прочно пришитые к нижнему белью из грубого льна. Наступательным оружием сарматов были короткие кинжалы, длинные копья и тяжелый лук с колчаном стрел. Они были вынуждены использовать рыбы кости в качестве наконечников для своего оружия, но обычай обмакивать их в ядовитый раствор, который отравлял наносимые ими раны, сам по себе является достаточным доказательством их дикости, поскольку народ, проникнутый чувством гуманности, с отвращением отверг бы столь жестокую практику, а народ, искушенный в военном деле, с презрением отверг бы столь бессильное средство. Всякий раз, когда эти варвары выходили из своих пустынь в поисках добычи, их лохматые бороды, нечесанные волосы, меха, которыми они были покрыты с головы до ног, и их свирепые лица, которые, казалось, выражали врожденную жестокость их умов, вселяли ужас и тревогу в более цивилизованных провинциалов Рима.

Нежный Овидий, проведенный юность в наслаждении славой и роскошью, был приговорен к безнадежному изгнанию на замерзшие берега Дуная, где он был почти беззащитен перед яростью этих чудовищ пустыни, с суровым нравом которых, как он боялся, его нежная душа могла бы впоследствии смешаться. В своих патетических, но порой немужественных сетованиях он самыми яркими красками описывает одежду и нравы, оружие и набеги геттов и сарматов, которые объединились с целью разрушения; а из исторических источников есть основания полагать, что эти сарматы были иазигами, одним из самых многочисленных и воинственных племен этой нации. Соблазн изобилия побудил их искать постоянного места жительства на границах империи. Вскоре после правления Августа они заставили даков, которые жили рыболовством на берегах реки Тессы или Тибиска, уйти в холмистую местность и оставить победоносным сарматам плодородные равнины Верхней Венгрии, ограниченные течением Дуная и полукруглой оградой Карпатских гор (). В этом выгодном положении они выжидали или откладывали момент нападения, то провоцируемые оскорблениями, то умиротворяемые подарками; постепенно они приобрели навыки использования более опасного оружия; и хотя сарматы не прославили свое имя какими-либо памятными подвигами, они время от времени помогали своим восточным и западным соседям, готам и германцам, своим грозным кавалерийским отрядом. Они жили под властью нерегулярной аристократии своих вождей, но после того, как они приняли в свои ряды беглых вандалов, которые поддались давлению готской власти, они, по-видимому, выбрали царя из этого народа и из знаменитого рода астингов, которые ранее жили на берегах Северного океана.

Римский канделябр

Эта причина вражды, должно быть, разжигала предметы спора, которые постоянно возникают на границах воинственных и независимых народов. Вандальские князья были возбуждены страхом и мстью; готские короли стремились распространить свое господство от Эвксинского моря до границ Германии; и воды Маруса, небольшой реки, впадающей в Тису, были окрашены кровью сражающихся варваров. Узнав о превосходстве своих противников по силе и численности, сарматы обратились за защитой к римскому монарху, который с удовольствием наблюдал за раздором между народами, но был справедливо встревожен продвижением готского войска. Как только Константин объявил о своей поддержке более слабой стороны, высокомерный Арарик, король готов, вместо того чтобы ждать нападения легионов, смело перешел Дунай и посеял ужас и разрушение в провинции Мезия. Чтобы противостоять вторжению этой разрушительной армии, пожилой император лично вышел на поле боя, но в этот раз либо его поведение, либо удача предали славу, которую он завоевал в стольких зарубежных и внутренних войнах. Ему пришлось с горечью наблюдать, как его войска бежали перед незначительным отрядом варваров, которые преследовали их до края укрепленного лагеря и вынудили его позаботиться о своей безопасности, совершив поспешное и позорное отступление. Второй, более успешный сражение восстановило честь римского имени; и силы искусства и дисциплины после упорного сопротивления возобладали над усилиями неорганизованной доблести. Разбитая армия готов покинула поле сражения, опустошенную провинцию и переправу через Дунай; и хотя старшему из сыновей Константина было позволено занять место своего отца, заслуга за победу, которая вызвала всеобщую радость, была приписана благоприятным советам самого императора.

Он, по крайней мере, способствовал укреплению этого преимущества своими переговорами со свободным и воинственным народом Херсонеса, столица которого, расположенная на западном побережье Таврического или Крымского полуострова, все еще сохраняла некоторые следы греческой колонии и управлялась пожизненным магистратом, которому помогал совет сенаторов, называемых «отцами города». Херсонесцы были

воодушевлены против готов воспоминаниями о войнах , которые в предыдущем столетии они вели с неравными силами против захватчиков своей страны. Они были связаны с римлянами взаимными выгодами торговли, поскольку получали из провинций Азии зерно и промышленные товары, которые покупали за свою продукцию, соль, воск и кожу. Послушные требованию Константина, они под руководством своего магистрата Диогена подготовили значительную армию, главная сила которой состояла в арбалетах и военных колесницах. Быстрый марш и отважная атака херсонян, отвлекая внимание готов, помогли операциям императорских генералов.

Готы, потерпевшие поражение со всех сторон, были изгнаны в горы, где в ходе суровой кампании, по подсчетам, около ста тысяч человек погибли от холода и голода. Их смиренные мольбы наконец были услышаны, и им был дарован мир; старший сын Арарика был принят в качестве самого ценного заложника, а Константин постарался убедить их вождей, щедро раздавая почести и награды, в том, что дружба с римлянами гораздо предпочтительнее вражды с ними. Еще более великодушно император выразил свою благодарность верным херсонянам. Гордость народа была удовлетворена великолепными, почти королевскими наградами, которыми были удостоены их магистрат и его преемники. Их судам, торговавшим в портах Черного моря, было предоставлено бессрочное освобождение от всех пошлин. Была обещана регулярная субсидия в виде железа, зерна, масла и всех других товаров, которые могли быть полезны как в мирное, так и в военное время. Но считалось, что сарматы были достаточно вознаграждены за избавление от надвигающейся гибели, и император, возможно, слишком строго экономя, вычел часть расходов на войну из обычных вознаграждений, которые полагались этому буйному народу.

Раздраженные этим явным пренебрежением, сарматы вскоре забыли, с легкомыслием варваров, о услугах, которые они недавно получили, и об опасностях, которые все еще угрожали их безопасности. Их вторжения на территорию империи вызвали негодование Константина, который решил оставить их на произвол судьбы и больше не противостоять амбициям Геберика, известного воина, недавно взошедшего на готский трон. Висумар, король вандалов, который в одиночку и без посторонней помощи защищал свои владения с неустрашимой храбростью, был побежден и убит в решающей битве, которая смела цвет сарматской молодежи. Остатки народа приняли отчаянную меру, вооружив своих рабов, выносливую расу охотников и пастухов, с помощью которых они отомстили за свое поражение и изгнали захватчика из своих пределов. Но вскоре они обнаружили, что поменяли иностранного врага на внутреннего, более опасного и более непримиримого. Разъяренные своим прежним рабством, воодушевленные нынешней славой, рабы под именем лимигантов заявили свои права на страну, которую они спасли, и узурпировали ее. Их хозяева, не в силах противостоять неуправляемой ярости народа, предпочли тяготы изгнания тирании своих слуг. Некоторые из беглых сарматов просили о менее позорной зависимости под враждебным знаменем готов. Более многочисленная группа ушла за Карпаты, к квадам, своим германским союзникам, и была легко принята, чтобы разделить излишние пустоши не возделанной земли. Но подавляющая часть страдающего народа обратила свой взор на плодородные провинции Рима. Умоляя императора о защите и прощении, они торжественно пообещали, как подданные в мирное время и как солдаты в военное, самую непоколебимую верность империи, которая милостиво примет их в свои объятия. В соответствии с принципами « », принятыми Пробом и его преемниками, предложения этой варварской колонии были с энтузиазмом приняты, и значительная часть земель в провинциях Паннония, Фракия, Македония и Италия была немедленно выделена для проживания и пропитания трехсот тысяч сарматов.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КОНСТАНТИНА

Унизив гордость готов и приняв дань покорного народа, Константин утвердил величие Римской империи; послы Эфиопии, Персии и самых отдаленных стран Индии поздравили его правительство с миром и процветанием. Если он и считал смерть своего старшего сына, племянника и, возможно, жены удачей судьбы, то до тридцатого года своего правления он наслаждался непрерывным потоком личного и общественного счастья — периодом, который ни один из его предшественников со времен Августа не смог прожить. Константин пережил этот торжественный праздник примерно на десять месяцев и в зрелом возрасте шестидесяти четырех лет, после короткой болезни, закончил свою памятную жизнь во дворце Аквирион, в пригороде Никомедии, куда он удалился, чтобы подышать свежим воздухом и восстановить свои истощенные силы с помощью теплых ванн. Чрезмерные проявления скорби, или, по крайней мере, траура, превзошли все, что когда-либо практиковалось в подобных случаях. Несмотря на требования сената и народа древнего Рима, тело покойного императора, в соответствии с его последней просьбой, было перевезено в город, которому было суждено сохранить имя и память своего основателя. Тело Константина, украшенное тщетными символами величия, пурпуром и диадемой, было положено на золотую постель в одном из залов дворца, который для этой цели был роскошно обставлен и освещен. Придворные церемонии строго соблюдались. Каждый день, в назначенное время, главные должностные лица государства, армии и двора, приближаясь к своему повелителю на коленях и с невозмутимым выражением лица, оказывали ему почтение так же серьезно, как если бы он был еще жив. Из соображений политики эта театральная постановка продолжалась в течение некоторого времени; льстецы не могли упустить возможность заметить, что только Константин, по особой милости небес, продолжал царствовать после своей смерти.^c

СНОСКИ

[52] [Административная система Диоклетиана была эффективной, но множество чиновников и расходы четырех императорских дворов тяжело давили на народ. Устройство преемственности также было несовершенным. Тем не менее Диоклетиан укрепил империю и дал ей новую жизнь.]

[53] [Максимиан неохотно отказался от пурпура по велению Диоклетиана и, вероятно, никогда не был доволен жизнью в отставке. Его попытка вернуть власть в конечном итоге стоила ему жизни, как мы увидим далее.]

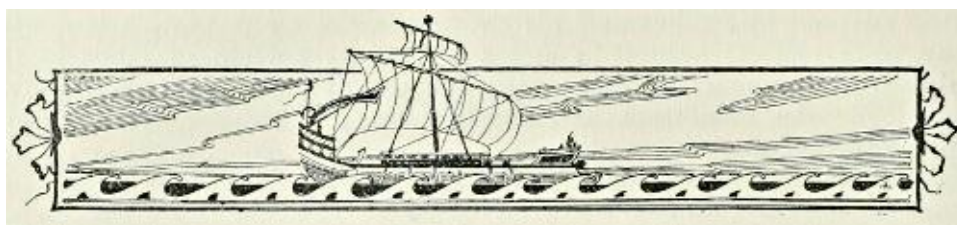
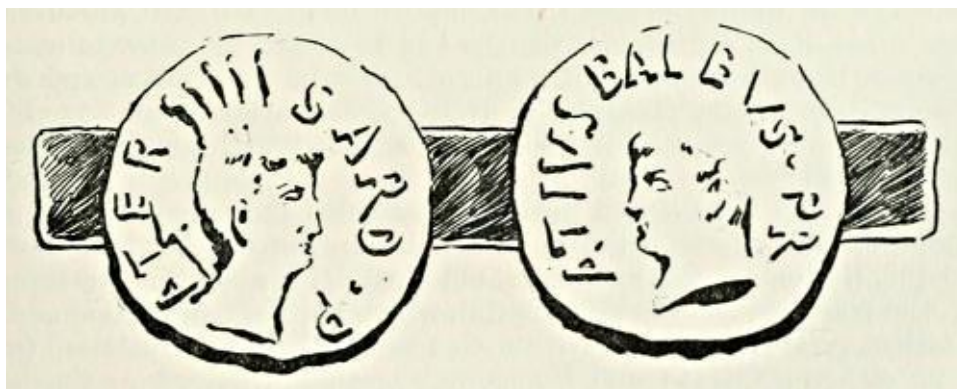
[54] [Город носил латинское название Mediolanum. Максимиан сделал его столицей своей части империи.]

[55] [Зосим,^d , однако, придерживается другого мнения. Он говорит: «Империя таким образом перешла к Константину и Лицинию, но вскоре между ними возникла ссора; не потому, что Лициний дал для этого какой-либо повод, а потому, что Константин, как обычно, нарушил свое соглашение, пытаясь отчуждать от Лициния некоторые народы, принадлежавшие к его владениям. В результате произошел открытый разрыв, и оба приготовились к войне». Однако Зосим всегда враждебно относился к Константину, и это предубеждение нельзя игнорировать].

[56] [Сирмий был столицей Паннонского провинции империи].

[57] Зосим^d (1. 2, стр. 90, 91) дает подробное описание этой битвы, но описания Зосима носят скорее риторический, чем военный характер.

[58] Первое из этих мест сейчас называется Старая Буда в Венгрии, второе — Хастолац, а третье — Биддин или Видден в Мезии на Дунае. — Гизо.

ГЛАВА XLII. ПРЕЕМНИКИ КОНСТАНТИНА ДО СМЕРТИ ЮЛИАНА (337-363 гг. н. э.)

[337-338 гг. н. э.]

Умиравший император завещал заботу о своих похоронах благочестивому Констанцию, и этот принц, благодаря близости своего восточного поста, мог легко помешать усердию своих братьев, которые проживали в своих отдаленных правительствах Италии и Галлии. Как только он вступил во владение дворцом в Константинополе, его первой заботой было развеять опасения своих родственников торжественной клятвой, которую он дал для их безопасности. Следующим его занятием было найти какой-нибудь правдоподобный предлог, который мог бы освободить его совесть от обязательства неразумного обещания. Искусство обмана было подчинено жестоким замыслам, и явная подделка была заверена лицом, обладавшим самым священным авторитетом. Из рук епископа Никомедии Констанций получил роковой свиток, который, как утверждалось, был подлинным завещанием его отца; в нем император выражал подозрения, что его отравили братья, и умолял сыновей отомстить за его смерть и позаботиться о своей безопасности, наказав виновных. Какие бы причины ни приводили эти несчастные принцы в защиту своей жизни и чести против столь невероятного обвинения, они были заглушены яростными криками солдат, которые провозгласили себя одновременно их врагами, судьями и палачами. Дух и даже форма юридического разбирательства были неоднократно нарушены в беспорядочной резне, в которой погибли два дяди Констанция, семь его двоюродных братьев, из которых самыми известными были Далматий и Ганнибалиан, патриций Оптат, женившийся на сестре покойного императора, и префект Авлавий, чья власть и богатство вселяли в него надежду

на получение пурпура. Если бы нужно было усугубить ужасы этой кровавой сцены, можно было бы добавить, что сам Констанций был женат на дочери своего дяди Юлия, а свою сестру он выдал замуж за своего двоюродного брата Ганнибалиана. Из столь многочисленной семьи только Галл и Юлиан, два младших ребенка Юлия Констанция, были спасены от рук убийц, пока их ярость, насытившаяся кровопролитием, не улеглась в какой-то мере.

За массовым убийством Флавиев последовало новое разделение провинций, которое было утверждено в ходе личной встречи трех братьев. Константин, старший из цезарей, получил, с определенным превосходством в ранге, владение новой столицей, которая носила его имя и имя его отца. Фракия и страны Востока были отнесены к наследству Констанция, а Констант был признан законным правителем Италии, Африки и западного Иллирика. Армии подчинились их наследственному праву, и они, после некоторой задержки, согласились принять от римского сената титул Августа. Когда они впервые взяли на себя бразды правления (), старшему из этих принцев было двадцать один год, второму — двадцать, а третьему — всего семнадцать.

[338-350 гг. н. э.]

В то время как воинственные народы Европы следовали примеру его братьев, Констанций, возглавлявший изнеженные войска Азии, был вынужден нести на себе всю тяжесть персидской войны. После смерти Константина трон Востока занял Шапур, сын Гормуза или Гормизда и внук Нарсеса, который после победы Галерия смиренно признал превосходство римской власти. Хотя Шапур находился на тридцатом году своего долгого правления, он все еще был в силе молодости, поскольку дата его вступления на престол, по очень странному стечению обстоятельств, предшествовала дате его рождения. Жена Хормуза была беременна на момент смерти мужа, и неопределенность по поводу пола ребенка, а также исхода беременности, возбудила амбициозные надежды принцев дома Сасанидов. Опасения гражданской войны были наконец развеяны уверенным заверением магов, что вдова Гормуза зачала и благополучно родит сына. Послушные голосу суеверия, персы без промедления приготовили церемонию его коронации. Королевская постель, на которой лежала королева, была выставлена посреди дворца; диадема была помещена на месте, где, как предполагалось, скрывался будущий наследник Артаксеркса, и простертые на земле сатрапы поклонялись величию своего невидимого и неощутимого повелителя.

Если можно верить этой удивительной истории, которая, однако, подтверждается нравами народа и необычайной продолжительностью его правления, мы должны восхищаться не только удачей, но и гением Сапора. В мягком, изолированном воспитании персидского гарема юный принц смог открыть для себя важность тренировки своего ума и тела и благодаря своим личным достоинствам заслужил трон, на который он был возведен, еще не осознавая обязанностей и соблазнов абсолютной власти. Его несовершеннолетие было подвержено почти неизбежным бедствиям внутренних раздоров; его столица была захвачена и разграблена Таиром, могущественным царем Йемена или Аравии; а величие королевской семьи было унижено пленением принцессы, сестры покойного царя. Но как только Сапор достиг зрелого возраста, самонадеянный Таир, его народ и его страна пали под первым ударом молодого воина, который использовал свою победу с таким разумным сочетанием строгости и милосердия, что благодаря страху и благодарности арабов получил титул *дхулакнаф*, или защитник народа.

Амбиции перса, которому его враги приписывают добродетели солдата и государственного деятеля, были одухотворены желанием отомстить за позор своих отцов и отнять у римлян пять провинций за Тигром. Военная слава Константина и реальная или

кажущаяся сила его правительства приостановили нападение; и в то время как враждебное поведение Сапора вызывало негодование, его искусные переговоры развлекали терпение императорского двора. Смерть Константина стала сигналом к войне, и фактическое состояние сирийской и армянской границы, казалось, ободряло персов перспективой богатой добычи и легкого завоевания. Пример массовых убийств во дворце распространил дух разнузданности и мятежа среди восточных войск, которые больше не сдерживались привычкой подчиняться опытному полководцу. Благодаря благоразумию Констанция, который после встречи со своими братьями в Паннонии немедленно поспешил к берегам Евфрата, легионы постепенно вернулись к чувству долга; но период анархии позволил Шапуру осадить Нисибис и занять несколько важнейших крепостей Месопотамии.

В течение долгого периода правления Констанция провинции Востока страдали от бедствий Персидской войны. Нерегулярные набеги легкой пехоты поочередно сеяли ужас и опустошение за Тигром и за Евфратом, от ворот Ктесифона до ворот Антиохии; и эту активную службу несли арабы из пустыни, которые были разделены в своих интересах и привязанностях, поскольку некоторые из их независимых вождей вступили в партию Сапора, а другие дали императору сомнительную верность. Более серьезные и важные военные операции проводились с не меньшей энергией, и армии Рима и Персии столкнулись друг с другом на девяти кровавых полях сражений, в двух из которых лично командовал Констанций. Исход сражений чаще всего был неблагоприятен для римлян, но в битве при Сингаре их неосторожное мужество едва не принесло им явную и решающую победу. Стационарные войска Сингары отступили при приближении Сапора, который переправился через Тигр по трем мостам и занял недалеко от деревни Хилле выгодную позицию, которую благодаря трудам своих многочисленных инженеров он за один день окружил глубоким рвом и высоким валом. Его грозное войско, выстроившись в боевой порядок, покрывало берега реки, прилегающие возвышенности и всю равнину протяженностью более двенадцати миль, которая разделяла две армии.

Обе армии с нетерпением ждали испытания сил, но варвары, оказав слабое сопротивление, бежали в беспорядке, не в силах сопротивляться или желая измотать силы тяжелых легионов, которые, падая от жары и жажды, преследовали их по равнине и рассекли на куски линию кавалерии в полном доспехе, которая была выставлена перед воротами лагеря для защиты их отступления (348).

Констанций, спеша в погоню, безуспешно пытался сдержать пыл своих войск, указывая им на опасности приближающейся ночи и на то, что с наступлением дня их успех будет обеспечен. Они, полагаясь гораздо больше на свою доблесть, чем на опыт или способности своего вождя, заглушили его робкие протесты своим криком и, с яростью бросившись в атаку, заполнили ров, сломали вал и рассеялись по палаткам, чтобы восстановить свои истощенные силы и насладиться богатым урожаем своих трудов. Но благоразумный Шапур выждал момент победы. Его армия, большая часть которой, находясь в безопасности на возвышенностях, наблюдала за сражением, продвигалась в тишине и под покровом ночи; а его персидские лучники, руководствуясь освещением лагеря, обрушили град стрел на разоруженную и разнузданную толпу. История искренне заявляет, что римляне были разгромлены с ужасающей жестокостью, а бежавшие остатки легионов подверглись самым невыносимым лишениям.

Какие бы преимущества ни сопутствовали оружию Шапура на поле боя, хотя девять повторяющихся побед распространили среди народов славу о его доблести и поведении, он не мог надеяться на успех в осуществлении своих замыслов, пока укрепленные города Месопотамии, и прежде всего сильный и древний город Нисибис, оставались во владении

римлян. Этот большой город был расположен примерно в двух днях пути от Тигра, посреди плодородной равнины у подножия горы Масиус. За двенадцать лет Нисибис, который со времен Лукулла заслуженно считался оплотом Востока, выдержал три памятные осады против сил Сапора; и разочарованный монарх, после более шестидесяти, восьмидесяти и ста дней настойчивых атак, трижды был отбит с потерями и позором.

ВОЙНА БРАТЬЕВ-ИМПЕРАТОРОВ

РИМСКИЙ ИМПЕРАТОР

После раздела империи прошло всего три года, как сыновья Константина, казалось, не могли дождаться, чтобы убедить человечество в том, что они неспособны довольствоваться владениями, которыми не умеют управлять. Старший из этих принцев вскоре пожаловался, что его обманули, не дав ему справедливой доли добычи, полученной после убийства их родственника; и хотя он мог уступить Констанцию, превосходившему его по вине и заслугам, он потребовал от Констанса уступки африканских провинций в качестве компенсации за богатые земли Македонии и Греции, которые его брат приобрел после смерти Далматия. Неискренность, с которой Константин столкнулся в ходе утомительных и бесплодных переговоров, раздражала его вспыльчивый характер, и он с готовностью прислушался к своим фаворитам, которые убеждали его, что продолжение спора отвечает как его чести, так и его интересам. Во главе буйной банды, скорее приспособленной для грабежа, чем для завоевания, он внезапно вторгся в владения Констанса через Юлианские Альпы, и первыми последствия его гнева ощутили на себе земли вокруг Аквилеи. Меры Констанса, который в то время находился в Дакии, были направлены с большей осторожностью и умением (). Узнав о вторжении своего брата, он отделил от своих войск отборный и дисциплинированный отряд иллирийских солдат, намереваясь лично последовать за ними с остальными своими силами. Но поведение его лейтенантов вскоре положило конец этой неестественной борьбе. Искусно притворившись беглым, Константин был заманен в засаду, устроенную в лесу, где опрометчивый юноша с несколькими

сопровождающими был застигнут врасплох, окружен и убит. Его тело, найденное в малоизвестной реке Альса, было похоронено с почестями в императорской гробнице, но его провинции перешли на сторону завоевателя, который, отказавшись предоставить своему старшему брату Констанцию долю в этих новых приобретениях, сохранил за собой бесспорное владение более чем двумя третями Римской империи (340 г.).

[350-351 гг. н. э.]

Судьба самого Констанса задержалась еще на десять лет, и месть за смерть его брата была оставлена для более низкой руки внутреннего предателя. Пагубная тенденция системы, введенной Константином, проявилась в слабом управлении его сыновьями, которые своими пороками и слабостью вскоре утратили уважение и любовь своего народа. Гордость, которую Констант испытывал из-за незаслуженного успеха своих войск, становилась еще более презренной из-за его неспособности и нежелания прилагать усилия. Его пристрастность к некоторым немецким пленникам, отличавшимся только очарованием молодости, была предметом скандала для народа; и Магненций, амбициозный солдат, сам по происхождению варвар, был воодушевлен общественным недовольством, чтобы отстоять честь римского имени. Избранные отряды Йовианцев и Геркулянцев, признавшие Магненция своим вождем, занимали самое уважаемое и важное положение в императорском лагере. Дружба Марцеллина, графа священных даров, щедро снабжала средствами для соблазнения. Солдаты были убеждены самыми убедительными аргументами, что республика призывает их разорвать узы наследственного рабства, и выбором активного и бдительного принца вознаградить те же добродетели, которые подняли предков выродившегося Констанса из частного положения на трон мира.

Как только заговор был готов к осуществлению, Марцеллин под предлогом празднования дня рождения своего сына устроил роскошный прием для знатных и почтенных лиц галльского двора, которые в то время проживали в городе Августодунум. Неумеренное пиршество затянулось до поздней ночи, и ничего не подозревающие гости поддались искушению отпустить язык и вступить в опасную и греховную беседу. Внезапно двери распахнулись, и Магненций, который на несколько минут удалился, вернулся в зал, облаченный в диадему и пурпур. Заговорщики немедленно приветствовали его титулами Августа и императора. Удивление, ужас, опьянение, амбициозные надежды и взаимное незнание остальных собравшихся побудили их присоединиться к общему ликованию. Стражи поспешили принести клятву верности, ворота города были закрыты, и до рассвета Магненций стал хозяином войск и сокровищ города Августодунума. Благодаря своей скрытности и усердию он питал некоторые надежды на то, что сможет застать врасплох Констанса, который в соседнем лесу занимался своим любимым развлечением — охотой, или, возможно, какими-то удовольствиями более интимного и преступного характера. Однако быстрое распространение славы дало ему возможность бежать, хотя дезертирство его солдат и подданных лишило его возможности сопротивляться. Прежде чем он смог добраться до морского порта в Испании, где он намеревался сесть на корабль, его догнали возле Елены, у подножия Пиренеев, отряд легкой кавалерии, чей вождь, не обращая внимания на святость храма, выполнил свой приказ, убив сына Константина (350).

Как только смерть Констанса решила эту легкую, но важную революцию, пример двора Отона был подражен провинциями Запада. Власть Магненция была признана на всей территории двух великих префектур Галлии и Италии, и узурпатор приготовился, с помощью всех видов угнетения, собрать сокровища, которые могли бы покрыть обязательства по огромному дарению и покрыть расходы на гражданскую войну.

КОНСТАНТИЙ И МАГНЕНТИЙ

[351-352 гг. н. э.]

Известие об этих важных событиях, которые так глубоко затронули честь и безопасность императорского дома, отозвало войска Констанция из бесславного продолжения Персидской войны. Он поручил заботу о Востоке своим лейтенантам, а затем своему двоюродному брату Галлу, которого он поднял из тюрьмы на трон, и двинулся в сторону Европы, с душой, раздираемой противоречием надежды и страха, горя и возмущения.

Город Мурса, или Эссек, известный в наше время мостом из лодок длиной пять миль через реку Драву и прилегающие болота, всегда считался важным местом в войнах Венгрии. Магненций, направляясь к Мурсе, поджег ворота и внезапным штурмом почти взобрался на городские стены. Бдительность гарнизона потушила пламя, приближение Констанция не оставило ему времени для продолжения осады, и император вскоре устранил единственное препятствие, которое могло помешать его действиям, разгромив отряд войск, занявший позиции в соседнем амфитеатре. Поле битвы вокруг Мурсы представляло собой голую и ровную равнину; на этой местности армия Констанция выстроилась, имея Драву справа, а левый фланг, либо в силу характера своего расположения, либо в силу превосходства своей кавалерии, простирался далеко за правый фланг Магненция. В течение большей части утра войска обеих сторон оставались в боевой готовности в напряженном ожидании; а сын Константина, воодушевив своих солдат красноречивой речью, удалился в церковь, расположенную на некотором расстоянии от поля сражения, и поручил своим генералам ведение этого решающего дня. Они заслужили его доверие своей доблестью и военным мастерством. Они мудро начали сражение с левого фланга и, выдвинув все свое крыло кавалерии по косой линии, внезапно повернули его на правый фланг врага, который был не готов противостоять стремительности их атаки. Но римляне Запада, привыкшие к дисциплине, быстро собрались, а варвары из Германии оправдали славу своей национальной доблести. Сражение вскоре стало общим, продолжалось с различными и необычными поворотами судьбы и едва закончилось с наступлением темноты. Значительная победа, одержанная Констанцием, приписывается оружию его кавалерии.

Его кирасиры описываются как массивные стальные статуи, сверкающие чешуйчатыми доспехами и пробивающие своими тяжелыми копьями прочную линию галльских легионов. Как только легионы отступили, более легкие и подвижные эскадроны второй линии ворвались с мечами в руках в промежутки между рядами и довершили разгром. Тем временем огромные тела германцев, почти обнаженные, были выставлены на милость ловкости восточных лучников, и целые отряды этих варваров, охваченные страданием и отчаянием, бросились в широкий и быстрый поток Дравы. Число убитых было оценено в пятьдесят четыре тысячи человек, и потери победителей были более значительными, чем потери побежденных, что свидетельствует об упорстве сражения и оправдывает замечание древнего писателя о том, что силы империи были уничтожены в роковой битве при Мурсе в результате потери ветеранской армии, достаточной для защиты границ или для добавления новых триумфов к славе Рима. Несмотря на инвективы раболепного оратора, нет ни малейшего основания полагать, что тиран покинул свой флаг в начале сражения. По-видимому, он проявил добродетели полководца и солдата до тех пор, пока день не был безвозвратно потерян, а его лагерь не оказался во владении врага. Магненций тогда позаботился о своей безопасности и, сбросив императорские регалии, с некоторым трудом ускользнул от преследования легкой кавалерии, которая без перерыва преследовала его быстрое бегство от берегов Дравы до подножия Юлианских Альп.

Однако отряды, которым было приказано либо преследовать, либо перехватить бегство Магненция, проявили обычную для успеха неосторожность и позволили ему на равнинах Тициниума обернуться против своих преследователей и удовлетворить свое отчаяние бессмысленной бойней.

Гордость Магненция была укрощена повторяющимися неудачами, и он был вынужден просить о мире, но тщетно. Сначала он послал сенатора, в чьи способности () он верил, а затем нескольких епископов, чьи святые качества могли обеспечить более благосклонную аудиенцию, с предложением сложить пурпур и обещанием посвятить остаток своей жизни служению императору. Но Констанций, хотя и предоставил справедливые условия прощения и примирения всем, кто отказался от знамени мятежа, заявил о своей непреклонной решимости наказать по справедливости преступления убийцы, которого он готовился сокрушить со всех сторон силой своих победоносных войск. Императорский флот без труда захватил Африку и Испанию, укрепил колеблющуюся верность мавританских народов и высадил значительные силы, которые пересекли Пиренеи и продвинулись к Лиону, последнему и роковому месту пребывания Магненция. Характер тирана, который никогда не был склонен к милосердию, под влиянием бедствия побуждал его применять все меры угнетения, которые могли вынудить города Галлии немедленно предоставить ему продовольствие. Их терпение наконец иссякло, и Трир, резиденция преторианского правительства, дал сигнал к восстанию, закрыв свои ворота перед Децентием, которого его брат возвысил до ранга цезаря или августа. Из Трира Деценций был вынужден отступить в Санс, где вскоре был окружен армией германцев, которых коварные интриги Констанция втянули в гражданские распри в Риме. Тем временем императорские войска прорвались через Коттийские Альпы и в кровопролитном сражении на горе Селевк окончательно закрепили за партией Магненция звание мятежников.

Он не смог вывести на поле боя еще одну армию, верность его охранников была подкуплена, и когда он появился на публике, чтобы воодушевить их своими призывами, его встретили единодушным криком «Да здравствует император Констанций!». Тиран, поняв, что они готовятся заслужить прощение и награды, пожертвовав самым отвратительным преступником, помешал их замыслу, бросившись на свой меч — смерть, более легкая и более почетная, чем та, которую он мог надеяться получить от рук врага, чья месть была бы окрашена ложным притворством справедливости и братской благочестивости. Пример самоубийства последовал Децентий, который задушил себя, узнав о смерти своего брата. Автор заговора, Марцеллин, давно исчез в битве при Мурсе, и общественное спокойствие было подтверждено казнью выживших лидеров виновной и неудачной фракции.

Суровое расследование было распространено на всех, кто по собственному желанию или по принуждению был вовлечен в дело восстания. Павел, прозванный Катеной за свое превосходство в судебном осуществлении тирании, был послан исследовать скрытые остатки заговора в отдаленной провинции Британии. Честное возмущение, выраженное Мартином, вице-префектом острова, было истолковано как доказательство его собственной вины; и губернатора убедили в необходимости обратить против своей груди меч, которым он был спровоцирован ранить императорского министра. Самые невинные подданные Запада были подвергнуты изгнанию и конфискации, смерти и пыткам; и, поскольку робкие всегда жестоки, ум Констанция был недоступен милосердию.

КОНСТАНТИЙ — ЕДИНСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТОР

Разделенные провинции империи были вновь объединены победой Констанция; но поскольку этот слабый правитель не обладал личными достоинствами ни в мирное, ни в военное время, поскольку он боялся своих генералов и не доверял своим министрам, то триумф его войск () послужил лишь для установления власти евнухов над римским миром. Эти несчастные существа, древнее порождение восточной ревности и деспотизма, были завезены в Грецию и Рим под влиянием азиатской роскоши. Их прогресс был быстрым, и евнухи, которые во времена Августа были предметом отвращения как чудовищная свита египетской царицы, постепенно были допущены в семьи матрон, сенаторов и самих императоров. Сдерживаемые суровыми указами Домициана и Нервы, лелеемые гордостью Диоклетиана, низведенные до скромного положения благоразумием Константина, они размножились во дворцах его выродившихся сыновей и незаметно приобрели знания, а в конце концов и руководство тайными советами Констанция.

Отвращение и презрение, которые человечество так единодушно питало к этому несовершенному виду, по-видимому, унизили их характер и сделали их почти такими же неспособными, как и предполагалось, к пониманию каких-либо благородных чувств или совершению каких-либо достойных поступков. Но евнухи были искусны в искусстве лести и интриг и поочередно управляли умом Констанция, используя его страхи, леность и тщеславие. В то время как он смотрел в обманчивое зеркало благополучия, он бездейственно позволял им перехватывать жалобы пострадавших провинций, накапливать огромные сокровища за счет продажи правосудия и почестей, порочить важнейшие саны, продвигая тех, кто купил у них власть угнетать, и удовлетворять свою обиду на немногих независимых духом, которые высокомерно отказывались просить защиты у рабов. Из этих рабов самым выдающимся был камергер Евсевий, который управлял монархом и дворцом с такой абсолютной властью, что Констанций, по сарказму беспристрастного историка, пользовался некоторым авторитетом у своего высокомерного фаворита. Своими хитроумными советами он убедил императора подписать приговор несчастному Галлу и добавить новое преступление к длинному списку неестественных убийств, которые запятнали честь дома Константина.

Когда два племянника Константина, Галл и Юлиан, были спасены от ярости солдат, первому было около двенадцати, а второму около шести лет; и поскольку старший считался слабым здоровьем, им было несложно добиться неустойчивой и зависимой жизни благодаря притворному состраданию Констанция, который понимал, что казнь этих беспомощных сирот была бы воспринята всем человечеством как акт крайней жестокости. Различные города Ионии и Вифинии были назначены местами их изгнания и образования; но как только их подростковый возраст вызвал ревность императора, он счел более разумным обеспечить безопасность этих несчастных юношей в крепкой крепости Мацеллум, недалеко от Кесарии.

Обращение, которое они испытали за шесть лет заключения, было отчасти таким, какого они могли ожидать от заботливого опекуна, а отчасти таким, какого они могли опасаться от подозрительного тирана. Их тюрьмой был древний дворец, резиденция царей Каппадокии; место было приятным, здание величественным, территория просторной. Они занимались учебой и упражнениями под руководством самых искусных учителей, а многочисленная прислуга, назначенная для обслуживания, или, скорее, для охраны племянников Константина, была достойна их рода. Но они не могли скрыть от себя, что были лишены богатства, свободы и безопасности; изолированы от общества всех, кому они могли доверять или кого уважать, и обречены проводить свои меланхоличные часы в компании рабов, преданных приказам тирана, который уже нанес им ущерб, не поддающийся надежде

на примирение. Однако в конце концов чрезвычайные обстоятельства в государстве вынудили императора, или, вернее, его евнухов, присвоить Галлу, которому было двадцать пять лет, титул цезаря и укрепить эту политическую связь его браком с принцессой Константиной.

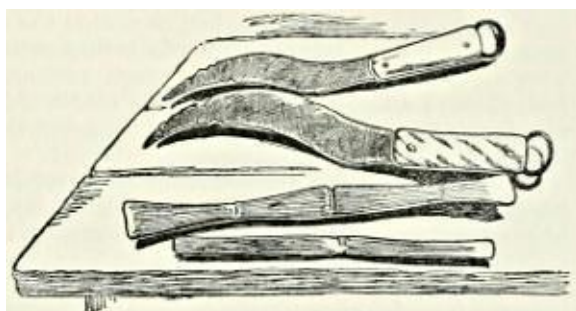
После официальной встречи, на которой оба принца взаимно пообещали никогда не предпринимать ничего, что могло бы нанести ущерб друг другу, они без промедления вернулись на свои места. Констанций продолжил свой поход на запад, а Галл обосновался в Антиохии, откуда, обладая делегированными полномочиями, он управлял пятью великими епархиями восточной префектуры. В этой счастливой перемене новый цезарь не забыл о своем брате Юлиане, который получил почести своего ранга, видимость свободы и возвращение обширного наследства.

Писатели, наиболее благосклонные к памяти Галла, и даже сам Юлиан, хотя он и хотел завуалировать слабости своего брата, вынуждены признать, что цезарь был неспособен править. Перенесенный из тюрьмы на трон, он не обладал ни гением, ни прилежанием, ни послушностью, чтобы компенсировать недостаток знаний и опыта. Его от природы мрачный и вспыльчивый характер, вместо того чтобы исправиться, еще более ожесточился от одиночества и невзгод; воспоминания о том, что ему пришлось пережить, располагали его скорее к мести, чем к сочувствию, и его неконтролируемые вспышки гнева часто оказывались фатальными для тех, кто приближался к нему или подчинялся его власти.

Его жена Константина описывалась не как женщина, а как одна из адских фурий, мучимая ненасытной жадой человеческой крови. Вместо того чтобы использовать свое влияние для внушения мягких советов о благоразумии и гуманности, она разжигала яростные страсти своего мужа; и поскольку она сохранила тщеславие своего пола, хотя и отказалась от его мягкости, жемчужное ожерелье было сочтено равноценной платой за убийство невинного и добродетельного дворянина.^[59] Жестокость Галла иногда проявлялась в неприкрытом насилии народных или военных казней, а иногда маскировалась злоупотреблением законом и формами судебного разбирательства. Частные дома Антиохии и места общественного пользования были осажены шпионами и доносчиками, и сам цезарь, скрываясь под одеждой простолюдина, очень часто снисходил до того, чтобы принимать на себя эту отвратительную роль. Каждая комната дворца была украшена орудиями смерти и пыток, и по столице Сирии распространилось всеобщее смятение. Принц Востока, как будто осознавая, как много ему приходилось бояться и как мало он заслуживал править, выбрал объектами своего гнева провинциалов, обвиненных в некоей мнимой измене, и своих собственных придворных, которых он с большим основанием подозревал в том, что они своей тайной перепиской разжигают ропот в робком и подозрительном уме Констанция. Но он забыл, что лишает себя единственной опоры — любви народа, в то время как он снабжал злобу своих врагов оружием правды и давал императору самый справедливый повод лишить его пурпура и жизни.

До тех пор, пока гражданская война откладывала судьбу римского мира, Констанций скрывал, что знает о слабом и жестоком правлении, которому его выбор подверг Восток; а обнаружение нескольких убийц, тайно отправленных в Антиохию тираном Галлии, было использовано, чтобы убедить общественность в том, что император и цезарь объединены общими интересами и преследуются общими врагами. Но когда победа была решена в пользу Констанция, его зависимый коллега стал менее полезным и менее грозным. Каждое обстоятельство его поведения подвергалось строгому и подозрительному рассмотрению; и было принято тайное решение либо лишить Галла пурпура, либо, по крайней мере, удалить его из ленивой роскоши Азии в суровые и опасные условия германской войны. Смерть Феофила, консула провинции Сирия, который в период нехватки продовольствия был убит

жителями Антиохии при попустительстве и почти по подстрекательству Галла, была справедливо воспринята не только как акт беспричинной жестокости, но и как опасное оскорбление верховной власти Констанция. Два министра высокого ранга, Домициан, префект Востока, и Монтий, квестор дворца, были уполномочены специальной комиссией посетить и реформировать Восточное государство. Им было поручено вести себя по отношению к Галлу с умеренностью и уважением и, используя самые мягкие методы убеждения, склонить его к тому, чтобы он последовал приглашению своего брата и коллеги. Опрометчивость префекта свела на нет эти благоразумные меры и ускорила его собственную гибель, а также гибель его врага.

Римские ножи

(В Британском музее)

По прибытии в Антиохию Домициан с презрением прошел мимо ворот дворца и, сославшись на легкое недомогание, несколько дней провел в угрюмом уединении, готовя пламенное послание, которое он передал императорскому двору. В конце концов, уступив настойчивым просьбам Галла, префект согласился занять свое место в совете, но его первым шагом было подписание краткого и высокомерного указа, в котором он требовал, чтобы цезарь немедленно отправился в Италию, и угрожал, что он сам накажет его за промедление или колебания, приостановив выплату обычного пособия его домочадцам. Племянник и дочь Константина, которые не могли терпеть наглости подданного, выразили свое недовольство, немедленно передавая Домициана под стражу. Спор все еще допускал некоторые условия урегулирования. Они стали неосуществимыми из-за неосторожного поведения Монция, государственного деятеля, чье искусство и опыт часто подводили его легкомысленный характер. Квестор в высокомерных выражениях упрекнул Галла в том, что принц, едва имеющий право смещать муниципального магистрата, осмеливается заключать в тюрьму претора; созвал собрание гражданских и военных чиновников и потребовал от них, от имени своего повелителя, защищать личность и достоинство его представителей.

Эта опрометчивая декларация войны спровоцировала Галла на самые отчаянные решения. Он приказал своей страже взяться за оружие, собрал население Антиохии и поручил им заботиться о его безопасности и мести. Его приказы были выполнены слишком фатально. Они грубо схватили префекта и квестора, связали их ноги веревками, тащили по улицам города, нанесли тысячи оскорблений и тысячи ран этим несчастным жертвам и, наконец, бросили их изуродованные и безжизненные тела в реку Оронт.

СУДЬБА ГАЛЛА

После такого поступка, какими бы ни были замыслы Галла, только на поле битвы он мог доказать свою невиновность с какой-то надеждой на успех. Но характер этого принца был сформирован равными долями жестокости и слабости. Вместо того чтобы принять титул Августа, вместо того чтобы использовать в свою защиту войска и сокровища Востока, он поддался на обман Констанция, который, оставив ему тщетную пышность двора, незаметно отозвал ветеранские легионы из провинций Азии. Но поскольку арестовать Галла в его столице все еще казалось опасным, с успехом применялись медленные и более безопасные методы притворства. Частые и настойчивые письма Констанция были полны заявлений о доверии и дружбе; он призывал цезаря выполнять обязанности своего высокого положения, освободить своего коллегу от части государственных забот и помочь Западу своим присутствием, советами и оружием. После стольких взаимных обид Галл имел основания бояться и не доверять. Но он упустил возможности бегства и сопротивления; он был соблазнен льстивыми заверениями трибуна Скудило, который под видом грубого солдата скрывал самые коварные инсинуации; и он полагался на авторитет своей жены Константины, пока преждевременная смерть этой принцессы не завершила разорение, в которое он был ввергнут ее бурными страстями.

После долгого промедления неохотный цезарь отправился в путь к императорскому двору. От Антиохии до Адрианополя он пересек обширные владения своей империи с многочисленной и величественной свитой; и, стараясь скрыть свое беспокойство от мира и, возможно, от самого себя, он развлекал жителей Константинополя представлением цирковых игр. Однако ход путешествия мог предупредить его о надвигающейся опасности. Во всех главных городах его встречали доверенные министры, уполномоченные захватить правительственные учреждения, следить за его передвижениями и предотвращать поспешные выпады его отчаяния. Лица, отправленные для обеспечения безопасности провинций, которые он оставлял позади, пропускали его с холодными приветствиями или притворным презрением; а войска, располагавшиеся вдоль общественной дороги, были тщательно удалены при его приближении, чтобы они не поддались искушению предложить свои мечи для участия в гражданской войне. После того как Галлусу было позволено отдохнуть несколько дней в Адрианополе, он получил приказ, сформулированный в самом высокомерном и категоричном стиле, что его роскошная свита должна остаться в этом городе, а сам цезарь с десятью почтовыми экипажами должен поспешить в императорскую резиденцию в Медиолане. Во время этого быстрого путешествия глубокое уважение, которое полагалось брату и коллеге Констанция, незаметно сменилось грубой фамильярностью; и Галл, обнаружив по лицам сопровождающих, что они уже считают себя его охранниками и вскоре могут быть использованы в качестве его палачей, начал упрекать себя в роковой опрометчивости и с ужасом и раскаянием вспоминать поведение, которым он спровоцировал свою судьбу. Притворство, которое до сих пор сохранялось, было отброшено в Петовио в Паннонии. Его провели в дворец в пригороде, где генерал Барбатиио с отборным отрядом солдат, которых не могло тронуть ни сострадание, ни подкупить награды, ждал прибытия своей знаменитой жертвы.

Вечером он был арестован, позорно лишен знаков цезаря и поспешно отправлен в Полу в Истрии, в изолированную тюрьму, которая недавно была осквернена королевской кровью. Ужас, который он испытывал, вскоре усилился появлением его непримиримого врага, евнуха Эвгения (Eusebius), который с помощью нотариуса и трибуна приступил к допросу его о управлении Востоком. Цезарь сломался под тяжестью позора и вины, признался во всех преступных деяниях и всех изменнических замыслах, в которых его обвиняли, и, возложив вину за них на советы своей жены- , еще больше разгневал Констанция, который с предвзятостью пересмотрел протоколы допроса.

Император был убежден, что его собственная безопасность несовместима с жизнью его двоюродного брата; смертный приговор был подписан, отправлен и приведен в исполнение; и племянник Константина, со связанными за спиной руками, был обезглавлен в тюрьме, как самый гнусный преступник. Те, кто склонен оправдывать жестокость Констанция, утверждают, что он вскоре раскаялся и попытался отозвать кровавый приказ, но второй гонец, которому было поручено передать отсрочку, был задержан евнухами, которые боялись неумолимого нрава Галла и желали воссоединить с империей богатые провинции Востока.

КОНСТАНТИЙ И ЮЛИАН

[354-356 гг. н. э.]

Кроме правящего императора, из всех многочисленных потомков Констанция Хлора выжил только Юлиан. Несчастье его королевского происхождения втянуло его в позор Галла. Из своего уединения в счастливой стране Ионии он был доставлен под сильной охраной ко двору Медиоланума, где он томился более семи месяцев в постоянном страхе подвергнуться той же позорной смерти, которая ежедневно наносилась, почти на его глазах, друзьям и сторонникам его преследуемой семьи. Его внешность, жесты, молчание тщательно изучались со злобным любопытством, и он постоянно подвергался нападкам со стороны врагов, которым он никогда не причинял вреда, и со стороны людей, чьи уловки были ему незнакомы. Но в школе невзгод Юлиан незаметно приобрел добродетели твердости и рассудительности. Он защищал свою честь, а также свою жизнь от коварных уловок евнухов, которые пытались вырвать у него признание в своих чувствах; и, осторожно сдерживая свою скорбь и негодование, он благородно пренебрегал лстить тирану, каким-либо видимым одобрением убийства своего брата. Юлиан с глубокой благодарностью приписывает свое чудесное спасение защите богов, которые избавили его невинность от приговора к гибели, вынесенного их правосудием нечестивому дому Константина. В качестве наиболее эффективного инструмента их провидения он с благодарностью признает постоянную и щедрую дружбу императрицы Евсевии, женщины красивой и достойной, которая благодаря своему влиянию на мужа в некоторой степени уравновешивала мощный заговор евнухов. По заступничеству своей покровительницы Юлиан был допущен в императорское присутствие; он отстаивал свою позицию с приличной свободой, его выслушали с благосклонностью; и, несмотря на усилия его врагов, которые настаивали на опасности пощадить мстителя за кровь Галла, в совете возобладало более мягкое мнение Евсевии. Но евнухи опасались последствий второй встречи, и Юлиану посоветовали на время удалиться в окрестности Медиолана, пока император не сочтет целесообразным назначить город Афины местом его почетного изгнания.

В то время как он проводил время в уединенном труде, императрица, решившая осуществить задуманное ею благородное намерение, не забывала заботиться о его судьбе. После упорной, хотя и тайной борьбы, оппозиция любимых евнухов подчинилась влиянию императрицы, и было решено, что Юлиан, после празднования своей свадьбы с Еленой, сестрой Констанция, будет назначен с титулом Цезаря, чтобы править странами за Альпами.

Хотя приказ, который возвращал его ко двору, вероятно, сопровождался некоторым намеком на его грядущее величие, он призывает народ Афин засвидетельствовать его слезы неподдельного горя, когда он с неохотой был оторван от своей любимой уединенной жизни.

Императоры эпохи Константина уже не удостоивали сенат консультаций по поводу выбора коллеги, но они были заинтересованы в том, чтобы их назначение было утверждено с согласия армии. В этот торжественный момент гвардейцы вместе с другими войсками,

дислоцированными в окрестностях Медиолана, появились в полном вооружении, а Констанций взойшел на свой высокий трон, держа за руку своего двоюродного брата Юлиана, который в тот же день вступил в двадцать пятый год своей жизни. В тщательно подготовленной речи, составленной и произнесенной с достоинством, император описал различные опасности, угрожавшие процветанию республики, необходимость назначить цезаря для управления Западом и свое намерение, если это соответствовало их желаниям, наградить пурпурной честью многообещающие добродетели племянника Константина.

Оба принца вернулись во дворец в одной колеснице, и во время медленной процессии Юлиан повторял про себя стих из своего любимого Гомера, который он мог в равной степени применить к своей судьбе и к своим страхам. Двадцать четыре дня, которые цезарь провел в Медиолане после своей интронизации, и первые месяцы его галльского правления были посвящены великолепному, но суровому пленению; и приобретение почестей не могло компенсировать утрату свободы.

Защита ретийской границы и преследование западной церкви задержали Констанция в Италии более чем на полтора года после отъезда Юлиана. Прежде чем император вернулся на Восток, он удовлетворил свою гордость и любопытство, посетив древнюю столицу.

Удовлетворение, которое Констанций получил от этой поездки, побудило его к великодушному соперничеству, чтобы подарить римлянам памятник своей благодарности и щедрости. Сначала он хотел повторить конную и колоссальную статую, которую видел на форуме Траяна, но, тщательно взвесив трудности ее исполнения, он решил украсить столицу, подарив ей египетский обелиск.

КВАДИЙСКИЕ И САРМАТСКИЕ ВОЙНЫ

Уход Констанция из Рима был ускорен тревожными известиями о бедствии и опасности, грозивших Иллирийским провинциям. Гражданская война и непоправимые потери, понесенные римскими легионами в битве при Мурсе, оставили эти земли практически без защиты перед легкой кавалерией варваров, в особенности перед набегами квадов, свирепого и могущественного народа, который, по-видимому, променял германские обычаи на оружие и военное искусство своих сарматских союзников. Гарнизоны на границе были недостаточны, чтобы сдержать их продвижение, и ленивый монарх в конце концов был вынужден собрать из самых отдаленных уголков своих владений лучших солдат Палатина, чтобы лично выйти на поле боя и провести всю кампанию, включая предыдущую осень и следующую весну, в серьезном ведении войны. ский император переправился через Дунай по мосту из лодок, уничтожил всех, кто встретился на его пути, проник в самое сердце страны квадов и жестоко отомстил за бедствия, которые они причинили римской провинции. Испуганные варвары вскоре были вынуждены просить о мире; они предложили вернуть пленных подданных в качестве искупления за прошлое и самых благородных заложников в качестве залога своего будущего поведения. В то время как Констанций устанавливал законы для варваров за Дунаем, он с кажущимся состраданием выделял сарматских изгнанников, которые были изгнаны из своей родной страны восстанием рабов и которые составляли весьма значительное пополнение к силе квадов. Император, следуя щедрой, но хитрой политике, освободил сарматов от уз этой унижительной зависимости и отдельным договором восстановил их достоинство нации, объединенной под властью короля, друга и союзника республики. Он объявил о своем решении отстаивать справедливость их дела и обеспечить мир в провинциях путем искоренения или, по крайней мере, изгнания лимигантов, нравы которых все еще были заражены пороками их рабского происхождения; и окончательная битва закончилась только исчезновением имени и народа лимигантов. Свободные сарматы были восстановлены в своих древних владениях, и хотя

Констанций не доверял их легкомысленному характеру, он питал некоторые надежды, что чувство благодарности может повлиять на их будущее поведение.

ВТОРЖЕНИЕ САПОРА В МЕЗОПОТАМИЮ

[355-356 гг. н. э.]

В то время как римский император и персидский монарх, находясь на расстоянии трех тысяч миль друг от друга, защищали свои крайние пределы от варваров Дуная и Оксуса, их промежуточная граница переживала перипетии вялой войны и неустойчивого перемирия. Два восточных министра Констанция, преторианский префект Мусониан, чьи способности были опорочены отсутствием правдивости и честности, и Кассиан, герцог Месопотамии, отважный и опытный воин, начали тайные переговоры с сатрапом Тамсапором. Эти мирные предложения, переведенные на раболепный и лживый язык Азии, были переданы в лагерь Великого Царя, который решил через посланника сообщить условия, на которые он был готов согласиться с просящими римлянами. Нарсес, которому он поручил эту миссию, был с почестями принят при прохождении через Антиохию и Константинополь; после долгого путешествия он достиг Сирмиума и на первой аудиенции с почтением развернул шелковую завесу, покрывавшую высокомерное письмо его повелителя. Через несколько дней после отъезда Нарсеса три посла были отправлены ко двору Шапура, который уже вернулся из скифской экспедиции в свою обычную резиденцию в Ктесифоне. Послы Рима уехали без успеха, а вторая посольская миссия, состоявшая из еще более высокопоставленных лиц, была заключена в строгий арест и подвергнута угрозе смерти или изгнания.

Военный историк Аммиан, который сам был отправлен наблюдать за армией персов, готовившейся построить мост из лодок через Тигр, с возвышенности увидел равнину Ассирии, покрытую до самого края горизонта людьми, лошадьми и оружием. Сапор появился впереди, выделяясь великолепиям своего пурпурного одеяния. Римский дезертир, который в некоторой степени руководил советами Сапора, благоразумно посоветовал ему, вместо того чтобы тратить лето на утомительные и трудные осады, сразу же выступить к Евфрату и без промедления продвигаться вперед, чтобы захватить слабую и богатую столицу Сирии (). Но едва персы вышли на равнины Месопотамии, как обнаружили, что были приняты все меры предосторожности, которые могли задержать их продвижение или сорвать их планы. Их искусный проводник, изменив план операций, повел армию более длинным путем, но через плодородную территорию, к истокам Евфрата, где молодая река превращается в мелкий и доступный поток. Шапур с благоразумным презрением пропустил мимо внимания силу Нисибиса, но, проходя под стенами Амиды, решил проверить, не заставит ли величие его присутствия гарнизон немедленно подчиниться. Кошунственное оскорбление в виде случайного дротика, который отскочил от королевской тиары, убедило его в его ошибке; и возмущенный монарх с нетерпением выслушал совет своих министров, которые умоляли его не жертвовать успехом своей амбиции ради удовлетворения своего негодования. На следующий день Грамбат продвинулся к воротам с отборным отрядом войск и потребовал немедленной сдачи города как единственного искупления, которое могло быть принято за такой акт опрометчивости и дерзости. На его предложения ответили общим залпом, и его единственный сын, красивый и храбрый юноша, был пронзен в сердце копьем, выпущенным из одной из баллист.

Древний город Амид, или Амида, был снабжен арсеналом военных машин, и обычный гарнизон был усилен до семи легионов, когда место было осаждено войсками Сапора. Во время одного из самых ожесточенных из его многократных нападений Амида была предана дезертиром, который указал варварам секретную и заброшенную лестницу, высеченную в

скале, нависающей над рекой Тигр. Солдаты, граждане, их жены, дети, все, кто не успел сбежать через противоположные ворота, были подвергнуты завоевателями беспорядочной резне.

Но гибель Амиды означала безопасность римских провинций. Как только первые эмоции победы улеглись, Шапур имел время поразмыслить о том, что, наказывая непокорный город, он потерял лучших своих солдат и самый благоприятный сезон для завоеваний. Тридцать тысяч его ветеранов пали под стенами Амиды во время осады, длившейся семьдесят три дня, и разочарованный монарх вернулся в свою столицу с притворным торжеством и тайным унижением. Вместо того чтобы весной следующего года стремиться к завоеванию Востока, он был вынужден довольствоваться захватом двух укрепленных городов Месопотамии, Сингары и Безабде. Пять римских легионов, уменьшенных до минимума в эпоху Константина, были взяты в плен и отправлены в отдаленную ссылку на крайние окраины Персии. После разрушения стен Сингары завоеватель покинул это уединенное и изолированное место, но тщательно восстановил укрепления Безабде и разместил в этом важном пункте гарнизон или колонию ветеранов, обеспеченных всеми средствами обороны и воодушевленных высокими чувствами чести и верности.

Защита Востока от войск Сапора требовала и могла бы реализовать способности самого опытного полководца; и, казалось, государству повезло, что это была провинция храброго Урсицина, который единственный заслуживал доверия солдат и народа. В час опасности Урсицин был отстранен от своей должности интригами евнухов, и военное командование Востоком было передано тем же влиянием Сабиниану, богатому и хитрому ветерану, который достиг слабости возраста, не приобретя опыта. Вторым приказом, изданным теми же ревнивыми и непостоянными советниками, Урсицин был вновь отправлен на границу Месопотамии () и приговорен к тяготам войны, почести которой были переданы его недостойному сопернику. Сабиниан обосновался под стенами Эдессы, и всякий раз, когда Урсицин предлагал какой-либо энергичный план действий, чтобы облегчить страдания Амиды, робкий и завистливый полководец утверждал, что он связан строгими приказами и не может подвергать опасности безопасность войск. Амида была наконец взята; ее самые храбрые защитники, избежавшие меча варваров, погибли в римском лагере от руки палача; а сам Урсицин, перенеся позор частичного расследования, был наказан за проступок Сабиниана лишением военного звания. После того как Констанций подчинил или умиротворил варваров Дуная, он медленно продвигался на восток; и после того как он оплакал дымящиеся руины Амиды, он с мощной армией осадил Безабде. Стены сотрясались от повторяющихся ударов огромных таранов; город был доведен до крайней степени, но все еще защищался терпеливой и бесстрашной доблестью гарнизона, пока приближение сезона дождей не вынудило императора снять осаду и бесславно отступить в свои зимние квартиры в Антиохии. Гордость Констанция и изобретательность его придворных не могли найти никаких поводов для панегириков в событиях Персидской войны, в то время как слава его двоюродного брата Юлиана, которому он доверил военное командование провинциями Галлии, была провозглашена всему миру в кратком повествовании о его подвигах.

ЮЛИАН В ГАЛЛИИ

[356-357 гг. н.э.]

В слепой ярости гражданской розни Констанций оставил на произвол варваров Германии земли Галлии, которые все еще признавали власть его соперника. Многочисленные полчища франков и аламаннов были приглашены пересечь Рейн с помощью подарков и

обещаний, надежд на добычу и вечного владения всеми территориями, которые они смогут покорить.

Юлиан был отправлен в Галлию сразу после того, как получил пурпур в Медиолане, с небольшой свитой из 360 солдат. В Вене, где он провел мучительную и тревожную зиму в руках тех министров, которым Констанций доверил руководство его поведением, цезарь был проинформирован об осаде и освобождении Августодунума. Этот большой и древний город, защищенный лишь разрушенной стеной и малодушным гарнизоном, был спасен благодаря великодушному решению нескольких ветеранов, которые вновь взялись за оружие, чтобы защитить свою страну. Во время своего похода из Августодуна через сердце галльских провинций Юлиан с энтузиазмом воспользовался первой же возможностью проявить свою храбрость. Во главе небольшого отряда лучников и тяжелой кавалерии он предпочел более короткий, но более опасный из двух путей; то уклоняясь, то сопротивляясь нападениям варваров, он с честью и в безопасности прибыл в римский лагерь под Реймсом. Вид их молодого принца возродил угасающий дух солдат, и они выступили из Реймса на поиски врага с уверенностью, которая едва не стала для них роковой. Аламанны, хорошо знакомые с местностью, тайно собрали свои разрозненные силы и, воспользовавшись темным и дождливым днем, с неожиданной яростью обрушились на арьергард римлян. Прежде чем удалось исправить неизбежный беспорядок, два легиона были уничтожены, и Юлиан на собственном опыте убедился, что осторожность и бдительность — самые важные уроки военного искусства. Во второй, более успешной операции он восстановил и упрочил свою военную славу, но поскольку ловкость варваров спасла их от преследования, его победа не была ни кровавой, ни решающей. Тем не менее, он продвинулся к берегам Рейна, осмотрел руины Кельна,^[60] убедился в сложности войны и отступил с приближением зимы, недовольный двором, своей армией и собственным успехом. Сила врага оставалась несломленной, и как только цезарь разделил свои войска и обосновался в Сене, в центре Галлии, он был окружен и осажден многочисленным войском германцев. Оказавшись в этой крайней ситуации, он проявил благоразумную смелость, которая компенсировала все недостатки места и гарнизона, и через тридцать дней варвары были вынуждены отступить с разочарованной яростью.

Сознательная гордость Юлиана, который был обязан этим знаменательным спасением только своему мечу, была омрачена мыслью о том, что он был брошен, предан и, возможно, обречен на гибель теми, кто был обязан помогать ему по всем узам чести и верности. Марцелл, главнокомандующий кавалерией в Галлии, слишком строго истолковывая ревнивые приказы двора, с безразличным равнодушием наблюдал за бедствием Юлиана () и удержал войска под своим командованием от похода на помощь Сенсу. Если бы цезарь молчаливо скрыл столь опасное оскорбление, его личность и авторитет подверглись бы презрению всего мира; а если бы такое преступное деяние осталось безнаказанным, император подтвердил бы подозрения, которые приобрели весьма убедительный оттенок благодаря его прошлому поведению по отношению к принцам из рода Флавиев. Марцелл был отозван и мягко уволен со своей должности. На его место был назначен генерал кавалерии Север, опытный солдат, известный своим мужеством и верностью, который мог давать советы с уважением и выполнять их с усердием и который без колебаний подчинился верховному командованию, которое Юлиан, благодаря интересам своей покровительницы Эвсевии, наконец получил над армиями Галлии.

Для предстоящей кампании был принят очень разумный план действий. Юлиан сам, во главе остатков ветеранских отрядов и некоторых новых рекрутов, смело проник в центр германских укреплений и тщательно восстановил фортификационные сооружения Саверна^[61] в выгодном месте, которое могло бы либо сдерживать вторжения, либо перехватить отступление врага. В то же время Барбатий, генерал пехоты, выдвинулся из

Медиолана с армией в тридцать тысяч человек, перешел горы и приготовился бросить мост через Рейн близ Базилии. Было разумно ожидать, что аламанны, сдавленные с обеих сторон римскими войсками, вскоре будут вынуждены эвакуировать провинции Галлии и поспешить на защиту своей родины. Но надежды на успех кампании были разрушены неспособностью, завистью или тайными инструкциями Барбатио, который вел себя так, как будто был врагом цезаря и тайным союзником варваров. Небрежность, с которой он позволил отряду грабителей свободно пройти и вернуться почти к воротам своего лагеря, можно объяснить его неспособностью, но предательский акт сожжения ряда лодок и излишних запасов провианта, которые были бы чрезвычайно полезны для армии Галлии, был свидетельством его враждебных и преступных намерений. Германцы презирали врага, который казался лишенным либо силы, либо желания нанести им ущерб; и позорное отступление Барбатио лишило Юлиана ожидаемой поддержки и оставило его в опасном положении, из которого он не мог ни остаться в безопасности, ни отступить с честью.

ЮЛИАН ОТБИВАЕТ АЛАМАННОВ И ФРАНКОВ

[357-358 гг. н. э.]

Как только они избавились от страха вторжения, аламанны приготовились наказать римскую молодежь, которая осмелилась оспаривать владение этой страной, которую они считали своей по праву завоевания и договоров. Они потратили три дня и столько же ночей на переброску своих вооруженных сил через Рейн. Свирепый Хнодомар, размахивая тяжелым копьем, которым он победоносно сражался против брата Магненция, возглавлял авангард варваров и своим опытом сдерживал воинственный пыл, который вдохновлял его пример. За ним следовали шесть других королей, десять князей царского рода, длинная процессия высокомерных дворян и тридцать пять тысяч самых храбрых воинов из племен Германии. Уверенность, проистекавшая из сознания собственной силы, усилилась благодаря информации, полученной от дезертира, что цезарь со слабой армией из тринадцати тысяч человек занимал позицию примерно в двадцати одной миле от их лагеря в Страсбурге.

С этими недостаточными силами Юлиан решил встретить варварское войско; и возможность общего сражения была предпочтительнее утомительной и неопределенной операции по отдельному сражению с разрозненными отрядами аламанны. Римляне шли плотным строем в две колонны: кавалерия справа, пехота слева. Когда они появились в поле зрения врага, день был уже на исходе, и Юлиан хотел отложить сражение до следующего утра, чтобы дать своим войскам возможность восстановить силы, необходимые для боя, посредством сна и пищи. Однако, с некоторым нежеланием уступив требованиям солдат и даже мнению своего совета, он призвал их оправдать своей доблестью нетерпеливое ожидание, которое в случае поражения было бы повсеместно заклеено эпитетами опрометчивости и самонадеянности. Прозвучали трубы, по полю раздался военный клич, и две армии с одинаковой яростью бросились в атаку. Цезарь, лично возглавлявший правое крыло, полагался на ловкость своих лучников и силу своих кирасиров. Но его ряды были мгновенно прорваны нерегулярной смесью легкой кавалерии и легкой пехоты, и ему пришлось с горечью наблюдать бегство шестисот своих самых прославленных кирасиров. Беглецы были остановлены и собраны благодаря присутствию и авторитету Юлиана, который, не заботясь о своей безопасности, бросился перед ними и, призывая их к чувству стыда и чести, повел их обратно на победоносного врага. Столкновение между двумя

линиями пехоты было упорным и кровопролитным. Германцы обладали превосходством в силе и росте, римляне — в дисциплине и характере; а поскольку варвары, служивших под знаменем империи, объединили преимущества обеих сторон, их упорные усилия, направляемые умелым вождем, в конце концов определили исход сражения.

Римляне потеряли четырех трибунов и 243 солдата в этой памятной битве при Страсбурге, которая была столь славной для цезаря и столь благотворной для страдающих провинций Галлии. Шесть тысяч алеманов были убиты на поле боя, не считая тех, кто утонул в Рейне () или был пронзен стрелами, пытаясь переплыть реку. Сам Хнодомар был окружен и взят в плен вместе с тремя своими храбрыми товарищами, которые посвятили себя следовать за своим вождем в жизни и смерти. Юлиан принял его с военной помпой на совете своих офицеров и, выражая щедрую жалость к падшему государству, скрывал свое внутреннее презрение к унижительному унижению своего пленника. Вместо того, чтобы выставить побежденного короля аламанных на всеобщее обозрение в городах Галлии, он с почтением положил к ногам императора этот великолепный трофей своей победы. Кнодомар был удостоен почетного обращения, но нетерпеливый варвар не смог долго пережить свое поражение, заключение и изгнание.

После того как Юлиан отразил аламанных из провинций верхнего Рейна, он обратил свое оружие против франков, которые жили ближе к океану, на границе Галлии и Германии, и которые благодаря своей численности и, еще больше, благодаря своей бесстрашной доблести всегда считались самыми грозными из варваров. Хотя они были сильно подвижны, соблазном грабежа, они заявляли о своей бескорыстной любви к войне, которую считали высшей честью и счастьем человеческой природы; их умы и тела были настолько закалены постоянными действиями, что, по живому выражению одного оратора, зимний снег был для них так же приятен, как весенние цветы. В декабре, после битвы при Страсбурге, Юлиан напал на отряд из шестисот франков, которые укрылись в двух замках на Мозе. В то суровое время года они с непоколебимой стойкостью выдержали осаду, длившуюся пятьдесят четыре дня, пока, наконец, измученные голодом и убедившись, что бдительность врага, разбивающего лед на реке, не оставляет им никакой надежды на спасение, франки впервые согласились отступить от древнего закона, который велел им побеждать или умирать.

Цезарь немедленно отправил своих пленников ко двору Констанция, который, приняв их как ценный подарок, обрадовался возможности добавить столько героев к избранным войскам своей личной гвардии. Упорное сопротивление этой горстке франков дало Юлиану понять, насколько сложной будет экспедиция, которую он планировал на следующую весну против всего народа. Его быстрое и усердное продвижение удивило и поразило активных варваров. Приказав своим солдатам запастись сухарями на двадцать дней, он внезапно разбил лагерь недалеко от Тонгера, в то время как враг все еще полагал, что он находится в своих зимних кварталах в Париже, ожидая медленного прибытия своих конвоев из Аквитании. Не дав франкам объединиться или совещаться, он умело распределил свои легионы от Кельна до океана и благодаря террору, а также успеху своего оружия, вскоре заставил просящие племена умолять о пощаде и подчиняться приказам своего завоевателя. Хамавы покорливо удалились в свои прежние жилища за Рейном, но салиям было позволено владеть своим новым поселением Токсандрия как подданным и союзникам Римской империи. Договор был ратифицирован торжественными клятвами, и были назначены постоянные инспекторы, которые должны были проживать среди франков и следить за строгим соблюдением условий договора. С этим связан один интересный случай, который вполне соответствует характеру Юлиана, искусно придумавшего как сюжет, так и развязку этой трагедии. Когда хамавы просили о мире, он потребовал отдать ему в заложники сына их короля, на которого он мог положиться. Печальная тишина, прерываемая слезами и стонами, свидетельствовала о печальном замешательстве варваров; их пожилой вождь с

патетическими словами сетовал, что его личная утрата теперь усугубляется () чувством общественного бедствия. Пока хамавы лежали ниц у подножия его трона, королевский пленник, которого они считали убитым, неожиданно появился перед их глазами; и как только шум радости утих, цезарь обратился к собранию со следующими словами: «Смотрите, вот сын, принц, о котором вы плакали. Вы потеряли его по своей вине. Бог и римляне вернули его вам. Я буду и впредь хранить и воспитывать этого юношу, скорее как памятник моей собственной добродетели, чем как залог вашей искренности. Если вы осмелитесь нарушить клятву, которую вы дали, оружие республики отомстит за вероломство не на невинных, а на виновных». Варвары удалились из его присутствия, охваченные самыми теплыми чувствами благодарности и восхищения.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗА РЕЙН

Германский лучник

[358-359 гг. н. э.]

Юлиану было недостаточно освободить провинции Галлии от варваров Германии. Он стремился повторить славу первого и самого прославленного из императоров, по примеру которого он составил свои собственные комментарии к Галльской войне. Цезарь с осознанной гордостью рассказал о том, как он дважды пересек Рейн. Юлиан мог похвастаться тем, что до того, как принять титул Августа, он трижды успешно переправил римских орлов через эту великую реку. Смущение германцев после битвы при Страсбурге подтолкнуло его к первой попытке, и нежелание войск вскоре уступило убедительной красноречивости вождя, который разделил с самыми простыми солдатами их усталость и опасности. Деревни по обе стороны Менуса (Майна), которые были богаты зерном и скотом,

испытали на себе разрушительные последствия вторжения армии. Главные дома, построенные с некоторым подражанием римской эlegantности, были поглощены пламенем; и цезарь смело продвинулся на десять миль, пока его продвижение не было остановлено темным и непроходимым лесом, подрытым подземными ходами, которые угрожали тайными ловушками и засадами на каждом шагу нападающих.

Земля уже была покрыта снегом, и Юлиан, отремонтировав древний замок, построенный Траяном, предоставил покорным варварам перемирие на десять месяцев. По истечении перемирия Юлиан предпринял вторую экспедицию за Рейн, чтобы смирить гордость Сурмара и Ортара, двух королей аламаннов, которые присутствовали в битве при Страсбурге. Они пообещали вернуть всех римских пленников, которые еще оставались в живых; и поскольку цезарь получил точные сведения от городов и деревень Галлии о потерянных ими жителях, он с легкостью и точностью, которые почти убеждали в его сверхъестественных знаниях, обнаруживал все попытки обмануть его.

Его третья экспедиция была еще более великолепной и важной, чем две предыдущие. Германцы собрали свои военные силы и двинулись по противоположному берегу реки с целью разрушить мост и помешать переправе римлян. Но этот разумный план обороны был сорван благодаря умелому отвлекающему маневру. Триста легко вооруженных и активных солдат были отправлены на сорока небольших лодках, чтобы бесшумно спуститься по течению и высадиться на берег на некотором расстоянии от постов врага. Они выполнили приказ с такой смелостью и быстротой, что почти застали врасплох варварских вождей, которые возвращались в бесстрашной уверенности, опьяненные одним из своих ночных праздников. Не повторяя однообразную и отвратительную историю о резне и разорении, достаточно отметить, что Юлиан диктовал свои условия мира шести самым высокомерным королям аламаннов, трем из которых было позволено увидеть строгую дисциплину и военную пышность римского лагеря. В сопровождении двадцати тысяч пленников, которых он спас из цепей варваров, цезарь перешел Рейн, положив конец войне, успех которой сравнивали с древними славными победами в Пунических и Кимбрских войнах.

ЮЛИАН КАК ГРАЖДАНСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ

Как только доблесть и поведение Юлиана обеспечили перерыв в войне, он приступил к работе, более соответствующей его гуманному и философскому характеру. Он усердно восстанавливал города Галлии, пострадавшие от вторжений варваров; упоминается о семи важных постах между Могонтиакумом и устьем Рейна, которые были перестроены и укреплены по приказу Юлиана. Побежденные германцы подчинились справедливому, но унижительному условию: они должны были подготовить и доставить необходимые материалы. Активный энтузиазм Юлиана подталкивал к продолжению работ, и он настолько заразил этим духом войска, что даже вспомогательные войска, отказавшись от освобождения от тяжелых обязанностей, состязались в самых подневольных работах с усердием римских солдат. Цезарь был обязан обеспечить пропитание и безопасность жителей и гарнизонов. Дезертирство первых и мятеж вторых были бы неизбежными и фатальными последствиями голода. Возделывание земель в провинциях Галлии было прервано бедствиями войны, но скудные урожаи континента были восполнены его отеческой заботой из изобилия соседнего острова. Шестьсот больших барок, построенных в лесах Арденн, совершили несколько рейсов к побережью Британии и, вернувшись с грузом зерна, поплыли вверх по Рейну и распределили свой груз по нескольким городам и крепостям вдоль берегов реки. Оружие Юлиана восстановило свободное и безопасное судоходство, которое Констанций предложил купить за счет своего достоинства и дани в виде двух тысяч фунтов серебра. Император скупно отказывал своим солдатам в суммах, которые он щедро и с трепетом давал варварам. Ловкость и твердость Юлиана подверглись суровому испытанию, когда он вышел на поле боя с недовольной армией, которая уже прошла две кампании, не получив ни регулярного жалованья, ни каких-либо чрезвычайных подарков.

Нежное отношение к миру и счастью своих подданных было главным принципом, который направлял, или, по крайней мере, казалось, что направлял, управление Юлиана. Он посвящал свободное время в своих зимних квартирах делам гражданского управления и с большим удовольствием принимал на себя роль магистрата, чем генерала. Перед тем как выйти на поле боя, он передал провинциальным губернаторам большинство публичных и частных дел, которые были переданы в его суд, но по возвращении он тщательно пересмотрел их решения, смягчил строгость закона и вынес второе суждение о самих судьях. Превосходя последнее искушение добродетельных умов, а также нескромное и неумеренное рвение к справедливости, он с спокойствием и достоинством сдерживал горячность адвоката, который преследовал президента провинции Нарбонской за вымогательство. «Кто же будет признан виновным, — воскликнул горячий Дельфидий, — если достаточно будет просто отрицать?» «А кто, — ответил Юлиан, — будет признан невиновным, если достаточно будет просто утверждать?»

В общем управлении миром и войной интересы правителя обычно совпадают с интересами его народа; но Констанций счел бы себя глубоко обиженным, если бы добродетели Юлиана лишили его какой-либо части дани, которую он вымогал у угнетенной и истощенной страны. Принц, наделенный атрибутами королевской власти, мог иногда позволить себе исправлять грабительскую наглость своих подчиненных, разоблачать их коррумпированные махинации и вводить более справедливый и простой способ сбора дани. Но управление финансами было более надежно поручено Флоренцию, преторианскому префекту Галлии, изнеженному тирану, неспособному к состраданию или раскаянию; и высокомерный министр жаловался на самое приличное и мягкое сопротивление, в то время как сам Юлиан был скорее склонен осуждать слабость своего собственного поведения.

Цезарь с ным отвращением отверг указ о введении чрезвычайного налога, нового *superindiction*, который префект предложил ему подписать; и верное изображение общественного бедствия, которым он был вынужден оправдать свой отказ, оскорбило двор Констанция.

Мы можем наслаждаться чтением чувств Юлиана, которые он выражает с теплотой и свободой в письме одному из своих самых близких друзей. После изложения своего поведения он продолжает в следующих выражениях: «Мог ли ученик Платона и Аристотеля поступить иначе, чем я? Мог ли я бросить несчастных подданных, вверенных моей заботе? Разве я не был призван защищать их от повторяющихся обид этих бездушных грабителей? Трибун, покинувший свой пост, наказывается смертью и лишается почестей погребения. С какой справедливостью я мог бы вынести ему приговор, если в час опасности я сам пренебрег гораздо более священным и гораздо более важным долгом? Бог поставил меня на эту высокую должность — Его провидение будет охранять и поддерживать меня. Если я буду осужден на страдания, я найду утешение в свидетельстве чистой и праведной совести. Как бы я хотел, чтобы у меня все еще был такой советник, как Саллюстий! Если они сочтут целесообразным послать мне преемника, я подчинюсь без сопротивления; и гораздо лучше воспользуюсь короткой возможностью творить добро, чем наслаждаться долгой и непрерывной безнаказанностью зла». Неустойчивое и зависимое положение Юлиана продемонстрировало его достоинства и скрыло его недостатки. Молодой герой, который поддерживал в Галлии трон Констанция, не имел права исправлять пороки правительства, но у него хватило мужества облегчить страдания народа и проявить к нему сострадание. Если бы он не смог возродить воинственный дух римлян или привить искусства промышленности и утонченности их диким врагам, он не мог бы питать никаких разумных надежд на обеспечение общественного спокойствия ни миром, ни завоеванием Германии. Тем не менее, победы Юлиана на короткое время приостановили вторжения варваров и отсрочили гибель Западной империи.

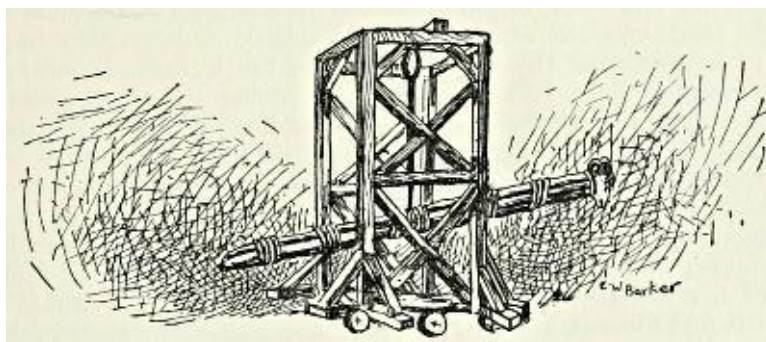
Его благотворное влияние восстановило города Галлии, которые так долго подвергались бедам гражданских раздоров, варварских войн и внутренней тирании; дух промышленности возродился вместе с надеждой на счастье. Сельское хозяйство, производство и торговля вновь процветали под защитой законов; курии, или гражданские корпорации, вновь наполнились полезными и уважаемыми членами; молодежь больше не боялась брака, а женатые люди больше не боялись потомства; публичные и частные праздники отмечались с обычной пышностью, а частые и безопасные связи между провинциями отражали образ национального процветания. Ум, подобный уму Юлиана, не мог не ощущать общее счастье, создателем которого он был, но он с особым удовлетворением и самодовольством смотрел на город Париж, место своей зимней резиденции и объект даже своей частичной привязанности. Эта великолепная столица, которая теперь охватывает обширную территорию по обе стороны Сены, первоначально была ограничена небольшим островом посреди реки, откуда жители получали запас чистой воды. Река омывала подножие стен, и в город можно было попасть только по двум деревянным мостам.

Лес покрывал северную сторону Сены, но на юге земля, которая теперь носит название университета, была покрыта домами и украшена дворцом и амфитеатром, банями, акведуком и Марсовым полем для тренировок римских войск. Суровость климата смягчалась близостью океана, и с некоторыми предосторожностями, которым научил опыт, здесь успешно выращивались виноград и смоковницы. Но в суровые зимы Сена глубоко замерзала, и огромные куски льда, плывшие по течению, могли бы быть сравнены азиатами с блоками белого мрамора, добываемыми в карьерах Фригии. Разнузданность и развращенность Антиохии напоминали Юлиану о строгих и простых нравах его любимой Лютетии, где театральные развлечения были неизвестны или презирались. Он с

возмущением противопоставлял изнеженных сирийцев храброй и честной простоте галлов и почти прощал им невоздержанность, которая была единственным пятном на кельтском характере. Если бы Юлиан мог сейчас вновь посетить столицу Франции, он мог бы беседовать с людьми науки и гения, способными понять и наставить ученика греков; он мог бы простить живые и изящные глупости народа, чей воинственный дух никогда не был ослаблен потаканием роскоши, и он должен был бы восхищаться совершенством этого бесценного искусства, которое смягчает, утончает и украшает общение в социальной жизни.

РЕВНОСТЬ КОНСТАНТИЯ

В то время как римляне страдали под позорной тиранией евнухов и епископов, похвалы Юлиана с восторгом повторялись во всех частях империи, за исключением дворца Констанция. Германские варвары испытали на себе и по-прежнему боялись оружия молодого цезаря; его солдаты были соратниками его победы; благодарные провинциалы наслаждались благами его правления; но фавориты, которые противостояли его возвышению, были оскорблены его добродетелями и справедливо считали друга народа врагом двора. Пока слава Юлиана была сомнительной, дворцовые шуты (), искусно владевшие языком сатиры, испытывали на деле эффективность тех искусств, которые они так часто с успехом практиковали. Они легко обнаружили, что его простота не была свободна от притворства; смешные эпитеты «волосатый дикарь», «обезьяна, облаченная в пурпур», применялись к одежде и внешнему виду философского воина; а его скромные донесения клеймились как тщеславные и вычурные вымыслы болтливого грека, спекулятивного солдата, изучавшего военное искусство среди рощ академии. Голос злобной глупости был наконец заглушен криками победы; покоритель франков и аламаннов больше не мог быть изображен как объект презрения; и сам монарх был настолько низко амбициозен, что хотел украсть у своего лейтенанта почетную награду за его труды. В письмах, увенчанных лавровым венком, которые, согласно древнему обычаю, были адресованы провинциям, имя Юлиана было опущено. Констанций лично принял решения; он проявил свою доблесть в первых рядах; его военное поведение обеспечило победу; и пленный король варваров был представлен ему на поле битвы, от которого он в то время находился на расстоянии около сорока дней пути. Однако столь нелепая басня не могла обмануть легковерность публики и даже удовлетворить гордость самого императора. Тайно осознавая, что аплодисменты и благосклонность римлян сопровождали растущую удачу Юлиана, его недовольное сознание было готово принять тонкий яд этих коварных льстецов, которые прикрывали свои злые замыслы самым красивым видом правды и искренности. Вместо того чтобы принижать заслуги Юлиана, они признавали и даже преувеличивали его популярность, выдающиеся таланты и важные заслуги. Но они мрачно намекали, что добродетели цезаря могут мгновенно превратиться в самые опасные преступления, если непостоянная толпа предпочтет свои пристрастия долгу, или если полководец победоносной армии будет соблазнен отречься от верности в надежде на месть и независимое величие.

РИМСКИЙ ЛЕГКИЙ ТАРАН

[360 год н. э.]

Кажущееся спокойствие в Галлии и надвигающаяся опасность в восточных провинциях послужили удобным предлогом для плана, искусно разработанного императорскими министрами. Они решили разоружить цезаря, отозвать верные войска, охранявшие его личность и достоинство, и направить в далекую войну против персидского монарха отважных ветеранов, победивших на берегах Рейна самые свирепые племена Германии. В то время как Юлиан использовал трудоемкие часы своих зимних квартир в Париже для управления властью, которая в его руках была проявлением добродетели, он был удивлен поспешным прибытием трибуна и нотариуса, с четкими приказами императора, которые они должны были выполнить, и ему было приказано не сопротивляться. Констанций выразил свое желание, чтобы четыре полных легиона, кельты и петуланты, герулы и батавы, были отделены от знамени Юлиана, под которым они приобрели свою славу и дисциплину; чтобы в каждом из оставшихся отрядов было отобрано по триста самых храбрых молодых людей; и чтобы этот многочисленный отряд, сила галльской армии, немедленно начал свой поход и приложил все усилия, чтобы прибыть к границам Персии до начала кампании. Цезарь предвидел и сожалел о последствиях этого рокового приказа. Большинство вспомогательных войск, которые добровольно вступили на службу, оговорили, что они никогда не будут обязаны пересекать Альпы. Общественная вера Рима и личная честь Юлиана были заложены в обеспечение соблюдения этого условия. Такой акт предательства и угнетения разрушил бы доверие и вызвал бы возмущение независимых воинов Германии, которые считали правду самой благородной из своих добродетелей, а свободу — самым ценным из своих достояний. Легионеры, которые пользовались титулами и привилегиями римлян, были набраны для общей защиты республики; но эти наемные войска с холодным безразличием слушали устаревшие названия республики и Рима. Привязанные с рождения или по давней привычке к климату и нравам Галлии, они любили и восхищались Юлианом; они презирали, а может быть, и ненавидели императора; они боялись утомительных походов, персидских стрел и жгучих пустынь Азии. Они считали своей страной ту, которую спасли, и оправдывали свою нерешительность священным и более неотложным долгом защищать свои семьи и друзей.

Опасения галлов проистекали из осознания неизбежной опасности. Как только провинции исчерпают свою военную мощь, германцы нарушат договор, который был навязан их страхом; и, несмотря на способности и доблесть Юлиана, генерал номинальной армии, на которого будут возложены общественные бедствия, после тщетного сопротивления окажется либо пленником в лагере варваров, либо преступником во дворце Констанция. Если Юлиан подчинился бы полученным приказам, он подписал бы приговор себе и всему народу, который заслуживал его любви. Но категорический отказ был бы актом мятежа и объявлением войны. Неумолимая ревность императора, категоричный и,

возможно, коварный характер его приказов не оставляли места для справедливого оправдания или откровенного толкования; а зависимое положение цезаря едва ли позволяло ему остановиться или поразмыслить. Одиночество усугубляло смятение Юлиана; он больше не мог обращаться за верными советами к Саллюстию, который был отстранен от должности благодаря расчетливой злобе евнухов. Неспособный сопротивляться, не желая подчиняться, Юлиан самым серьезным образом выразил свое желание и даже намерение сложить с себя пурпур, который он не мог сохранить с честью, но от которого не мог отречься без угрозы для своей безопасности.

После мучительного конфликта Юлиан был вынужден признать, что послушание является добродетелью самого выдающегося подданного и что только правитель имеет право судить о благосостоянии народа. Он отдал необходимые приказы для выполнения распоряжений Констанция; часть войск начала свой поход к Альпам, а отряды из нескольких гарнизонов двинулись к своим местам сбора. Они с трудом продвигались сквозь дрожащую и испуганную толпу провинциалов, которые пытались вызвать их сострадание молчаливым отчаянием или громкими стенаниями, в то время как жены солдат, держа на руках своих младенцев, обвиняли своих мужей в дезертирстве, выражая свою скорбь, нежность и возмущение смешанным языком. Эта сцена всеобщего страдания тронула человечность цезаря; он предоставил достаточное количество почтовых повозок для перевозки жен и семей солдат, постарался облегчить тяготы, которые он был вынужден навязать, и самыми похвальными средствами увеличил свою популярность и недовольство изгнанных войск.

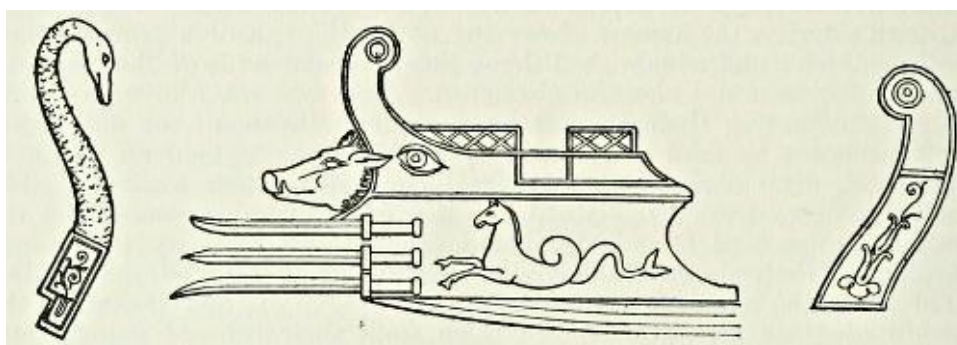
ЮЛИАН ПРОвозглашен АВГУСТОМ

Как только было объявлено о приближении войск, цезарь вышел им навстречу и взошел на трибуну, которая была возведена на равнине перед воротами города. Выделив офицеров и солдат, которые по своему званию или заслугам заслуживали особого внимания, Юлиан обратился к окружающей толпе с тщательно подготовленной речью; он прославил их подвиги благодарными аплодисментами, призвал их с готовностью принять честь служить под руководством могущественного и либерального монарха и напомнил им, что приказы Августа требуют немедленного и радостного повиновения. Солдаты, опасавшиеся оскорбить своего генерала непристойным шумом или выдать свои чувства ложными и продажными возгласами, сохраняли упорное молчание и после короткой паузы были отпущены в свои казармы. Главные офицеры были приняты цезарем, который самыми теплыми словами дружбы выразил свое желание и свою неспособность вознаградить, согласно их заслугам, храбрых соратников своих побед. Они удалились с пира, полные скорби и смятения, и сетовали на суровую судьбу, которая оторвала их от любимого полководца и родной страны.

Единственное средство, которое могло предотвратить их разлуку, было смело предложено и одобрено; народное недовольство незаметно превратилось в настоящий заговор; их справедливые причины для жалоб были усугублены страстью, а страсти разжигались вином, поскольку в канун отъезда войска предавались разгульным пирам. В полночь стремительная толпа с мечами, луками и факелами в руках устремилась в пригороды, окружила дворец и, не заботясь о будущих опасностях, произнесла роковые и необратимые слова: «Юлиан Август! Принц, чье тревожное ожидание было прервано их беспорядочными возгласами, запер двери, чтобы не допустить их вторжения, и, пока это было в его силах, укрыл свою личность и достоинство от случайностей ночного беспорядка. На рассвете солдаты, чье рвение было раздражено сопротивлением, силой ворвались во дворец, с уважительной жестокостью схватили объект своего выбора, под стражей Юлиана с обнаженными мечами прошли по улицам Парижа, поместили его на трибуну и с

повторяющимися криками приветствовали его как своего императора. Осторожность и верность подсказывали ему, что следует сопротивляться их предательским замыслам и подготовить оправдание насилия для своей угнетенной добродетели.

Обращаясь поочередно к толпе и к отдельным лицам, он умолял их о пощаде и выражал свое возмущение; умолял их не запятнать славу своих бессмертных побед; и осмелился пообещать, что, если они немедленно вернуться к своей верности, он возьмет на себя обязательство добиться от императора не только свободного и милостивого прощения, но даже отмены приказов, которые вызвали их негодование. Но солдаты, осознавая свою вину, предпочли полагаться на благодарность Юлиана, чем на милосердие императора. Их рвение незаметно превратилось в нетерпение, а нетерпение — в ярость. Неуступчивый цезарь выдерживал до третьего часа дня их мольбы, упреки и угрозы; он не уступил, пока ему не заверили несколько раз, что, если он хочет жить, он должен согласиться править. Его вознесли на щите в присутствии и среди единодушных возгласов войска; богатый военный ожерелье, которое было предложено случайно, заменило отсутствующую диадему; церемония завершилась обещанием умеренного подарка; и новый император, охваченный настоящей или притворной скорбью, удалился в самые потаенные уголки своих покоев.

Носовые части римских военных галер

Умерить рвение своей партии, защитить своих врагов, сорвать и презирать тайные заговоры, направленные против его жизни и достоинства, — вот чем были заняты первые дни правления нового императора. Хотя он был твердо решил сохранить за собой занятую должность, он все же желал спасти свою страну от бедствий гражданской войны, отказаться от борьбы с превосходящими силами Констанция и уберечь свой характер от упреков в вероломстве и неблагодарности. Украшенный знаками военной и императорской пышности, Юлиан явился на Марсовом поле перед солдатами, которые горели горячим энтузиазмом в деле своего ученика, своего вождя и своего друга. Он перечислил их победы, оплакал их страдания, похвалил их решимость, воодушевил их надежды и сдержал их порывистость; он не распустил собрание, пока не получил от войск торжественное обещание, что, если император Востока подпишет справедливый договор, они откажутся от любых завоевательных планов и удовлетворятся мирным владением галльскими провинциями. На этой основе он составил от своего имени и от имени армии убедительное и умеренное письмо, которое было передано Пентадию, его казначею, и его камергера Эутерию, двум послам, которых он назначил для получения ответа и наблюдения за расположением Констанция. Это письмо подписано скромным титулом «Цезарь», но Юлиан в категоричной, хотя и уважительной манере просит подтвердить его титул Августа. Он признает неправомочность своего избрания, одновременно оправдывая в некоторой степени негодование и насилие войск, которые вынудили его дать свое неохотное согласие. Он признает верховенство своего брата Констанция и обязуется ежегодно посылать ему в подарок испанских лошадей, пополнять его армию избранными молодыми варварами и

принимать по его выбору преторианского префекта, известного своей рассудительностью и верностью. Но он оставляет за собой право назначать других гражданских и военных чиновников, а также распоряжаться войсками, доходами и суверенитетом провинций за Альпами. Он призывает императора руководствоваться велениями справедливости, не доверять уловкам продажных льстецов, которые существуют только за счет раздора между князьями, и принять предложение о справедливом и честном договоре, одинаково выгодном для республики и для дома Константина. В этих переговорах Юлиан не требовал ничего больше, чем то, чем он уже обладал.

Переговоры о мире сопровождались и поддерживались самыми энергичными приготовлениями к войне. Армия, которую Юлиан держал в готовности к немедленным действиям, была пополнена и усилена беспорядками того времени. Жестокие преследования со стороны фракции Магненция наполнили Галлию многочисленными бандами разбойников и грабителей. Они с радостью приняли предложение о всеобщем помиловании от князя, которому они могли доверять, подчинились ограничениям военной дисциплины и сохранили только свою непримиримую ненависть к личности и правительству Констанция. Как только время года позволило Юлиану выйти в поле, он появился во главе своих легионов, перебросил мост через Рейн в окрестностях Клеве и приготовился наказать вероломство аттуариев, племени франков, которые полагали, что могут безнаказанно разорять границы раздробленной империи. Сложность, а также слава этого предприятия заключались в трудном марше, и Юлиан одержал победу, как только смог проникнуть в страну, которую прежние правители считали недоступной.

КОНСТАНТИЙ *против* ЮЛИАНА

[360-361 гг. н. э.]

Послы Юлиана получили указание с максимальной тщательностью выполнить свое важное поручение. Но на пути через Италию и Иллирикум они были задержаны из-за утомительных и надуманных задержек со стороны провинциальных губернаторов; они медленно продвигались из Константинополя в Кесарию Каппадокийскую, и когда наконец их допустили к Констанцию, они обнаружили, что он уже составил из донесений своих собственных офицеров самое неблагоприятное мнение о поведении Юлиана и галльской армии. Письма были заслушаны с нетерпением; дрожащие посланцы были отпущены с негодованием и презрением; а взгляд, жесты и яростные слова монарха выражали смятение его души. Семейные узы, которые могли бы примирить брата и мужа Елены, были недавно разорваны смертью этой принцессы, чья беременность несколько раз оказывалась безрезультатной и в конце концов стала для нее роковой. Императрица Эвсевия до последнего момента своей жизни сохраняла теплую и даже ревнивую привязанность к Юлиану, и ее мягкое влияние могло бы смягчить обиду принца, который после ее смерти был предоставлен собственным страстям и уловкам своих евнухов.

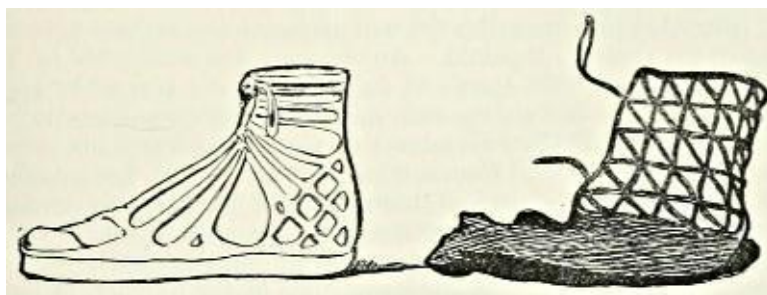
Но страх перед иностранным вторжением заставил его приостановить наказание личного врага; он продолжил свой поход на Персию и счел достаточным объявить условия, которые могли бы дать Юлиану и его виновным последователям право на милосердие со стороны оскорбленного суверена. Он потребовал, чтобы самонадеянный цезарь явно отказался от титула и звания августа, которые он принял от мятежников; чтобы он вернулся на свою прежнюю должность ограниченного и зависимого министра; чтобы он передал власть над государством и армией в руки тех чиновников, которые были назначены императорским двором; и что он должен довериться обещаниям помилования, которые были объявлены Эпиктетом, галльским епископом и одним из арианских фаворитов Констанция. Несколько

месяцев были безрезультатно потрачены на переговоры, которые велись на расстоянии трех тысяч миль между Парижем и Антиохией; и как только Юлиан понял, что его умеренное и уважительное поведение только раздражает гордость непримиримого противника, он смело решил отдать свою жизнь и судьбу на волю гражданской войны. Он устроил публичную военную аудиенцию квестору Леону; высокомерное письмо Констанция было зачитано внимательной толпе; и Юлиан с самой лестной почтительностью заявил, что готов отказаться от титула Августа, если сможет получить согласие тех, кого он признавал авторами своего возвышения. Это слабое предложение было бурно заглушено, и восклицания «Юлиан Август, продолжай править с помощью армии, народа и республики, которые ты спас» раздались одновременно со всех сторон поля и напугали бледного посланника Констанция.

Положение Юлиана требовало энергичного и немедленного решения. Из перехваченных писем он узнал, что его противник, жертвуя интересами государства в пользу интересов монарха, вновь поднял варваров на вторжение в западные провинции.

Надежды Юлиана зависели гораздо меньше от численности его войск, чем от быстроты его действий. При осуществлении смелого предприятия он воспользовался всеми мерами предосторожности, на которые только могла подсказать ему благоразумие, а там, где благоразумие уже не могло сопровождать его шаги, он доверился доблести и удаче. В окрестностях Базеля он собрал и разделил свою армию. Одна часть, состоящая из десяти тысяч человек, под командованием Невитты, генерала кавалерии, должна была продвигаться через центральные районы Реции и Норика. Аналогичное подразделение войск под командованием Йовия и Йовина готовилось следовать по наклонному курсу по шоссе через Альпы и северные границы Италии. Инструкции генералам были сформулированы энергично и точно: ускорить марш в плотных и компактных колоннах, которые, в зависимости от рельефа местности, можно было легко преобразовать в любой боевой порядок; обезопасить себя от ночных сюрпризов с помощью сильных постов и бдительной охраны; предотвратить сопротивление своим неожиданным прибытием; уклониться от досмотра своим внезапным отходом; распространить мнение о своей силе и страхе перед его именем; и присоединиться к своему повелителю под стенами Сирмиума.

Для себя Юлиан оставил более сложную часть. Он отобрал три тысячи активных добровольцев, решивших, как и их вождь, оставить позади всякую надежду на отступление; во главе этого отряда он бесстрашно погрузился в глубины Марцианского или Черного леса, скрывающего истоки Дуная, и в течение многих дней судьба Юлиана оставалась неизвестной миру. Секретность его похода, его усердие и энергия преодолели все препятствия; он пробился через горы и болота, занял мосты или переплыл реки, продолжая свой прямой курс, не задумываясь о том, пересекает ли он территорию римлян или варваров, и вышел между Кастра Регина (Ратисбон) и Виндобона (Вена) в том месте, где он планировал посадить свои войска на Дунай. С помощью хитрости он захватил флот легких бригантин, стоявших на якоре, обеспечил себя запасом грубых провиантов, достаточным для удовлетворения неискушенного, но прожорливого аппетита галльской армии, и смело отправился в путь по течению Дуная. Труды его моряков, которые без устали гребли веслами, и устойчивый попутный ветер пронесли его флот более семи сотен миль за одиннадцать дней, и он уже высадил свои войска в Бононии, всего в девятнадцати милях от Сирмиума, прежде чем его враги смогли получить достоверную информацию о том, что он покинул берега Рейна. В ходе этого долгого и быстрого плавания ум Юлиана был сосредоточен на цели его предприятия; и хотя он принял делегации некоторых городов, которые поспешили заявить о заслугах раннего подчинения, он прошел мимо вражеских постов, расположенных вдоль реки, не поддавшись искушению проявить бесполезную и несвоевременную доблесть.

Сандалии, которые носили офицеры

Берега Дуная были переполнены зрителями, которые любовались военной пышностью, предвкушали важность события и распространяли по соседним землям славу молодого героя, который с нечеловеческой скоростью продвигался во главе бесчисленных сил Запада. Луцилиан, который в звании генерала кавалерии командовал вооруженными силами Иллирии, был встревожен и озадачен сомнительными сообщениями, которые он не мог ни отвергнуть, ни поверить. Он принял некоторые медленные и нерешительные меры с целью собрать свои войска, когда его застал врасплох Дагалайф, активный офицер, которого Юлиан, как только высадился в Бононии, выдвинул вперед с легкой пехотой. Пленный генерал, не зная, ждет ли его жизнь или смерть, был поспешно посажен на лошадь и доставлен к Юлиану, который любезно поднял его с земли и развеял ужас и изумление, которые, казалось, ошеломили его. Но Луцилиан едва пришел в себя, как проявил свою недалекость, осмелившись упрекнуть своего победителя в том, что тот опрометчиво рискнул, с горсткой людей, подвергнуть себя опасности среди врагов. «Оставьте эти робкие упреки для своего господина Констанция, — ответил Юлиан с презрительной улыбкой, — когда я дал вам поцеловать свою пурпурную мантию, я принял вас не как советника, а как просителя».

Осознавая, что только успех может оправдать его попытку, а только смелость может обеспечить успех, он выступил во главе трех тысяч солдат, чтобы атаковать самый сильный и густонаселенный город Иллирийских провинций. Когда он вошел в длинный пригород Сирмиума, его встретили радостные возгласы армии и народа, которые, увенчанные цветами и держа в руках зажженные свечи, проводили своего признанного правителя в его императорскую резиденцию. Два дня были посвящены общественному ликованию, которое отмечалось играми в цирке; но ранним утром третьего дня Юлиан выступил, чтобы занять узкий перевал Суччи в ущельях горы Эмус, который, находясь почти на полпути между Сирмием и Константинополем, разделяет провинции Фракия и Дакия, с крутым спуском к первой и пологим склоном со стороны второй. Защита этого важного поста была поручена храброму Невитте (), который, как и генералы итальянской дивизии, успешно выполнил план похода и соединения, который так умело разработал их повелитель.

Из своего дворца, или, точнее, из своего штаба в Сирмиуме и Наиссе, он разослал в главные города империи тщательно подготовленное оправдание своего поведения, опубликовал секретные депеши Констанция и обратился к человеческому разуму с просьбой вынести суждение между двумя соперниками, один из которых изгнал варваров, а другой пригласил их. Юлиан, чей ум был глубоко ранен упреком в неблагодарности, стремился отстоять, как аргументами, так и оружием, превосходство своей причины и превзойти не только в военном искусстве, но и в искусстве сочинения. Его письмо к сенату и народу Афин, по-видимому, было продиктовано изящным энтузиазмом, который побудил его представить свои действия и мотивы дегенеративным афинянам своего времени с той же скромной почтительностью, как если бы он выступал в дни Аристида перед трибуналом Ареопага. Его обращение к сенату Рима, который все еще имел право присваивать титулы

императорской власти, соответствовало формам умирающей республики. Префект города Тертулл созвал собрание; было зачитано письмо Юлиана; и поскольку он казался хозяином Италии, его требования были приняты без единого голоса против. Его косвенная критика нововведений Константина и его страстные упреки в адрес пороков Констанция были восприняты с меньшим удовлетворением; и сенат, как будто Юлиан был присутствовал, единодушно воскликнул: «Уважайте, мы умоляем вас, творца вашей собственной судьбы» — искусная фраза, которая, в зависимости от хода войны, могла быть по-разному истолкована: как мужественный упрек узурпатору за неблагодарность или как лестное признание, что один-единственный поступок, принесший такую пользу государству, должен искупить все промахи Констанция.

Весть о походе и быстром продвижении Юлиана быстро дошла до его соперника, который благодаря отступлению Шапура получил некоторую передышку в персидской войне. Скрывая душевную боль под маской презрения, Констанций заявил о своем намерении вернуться в Европу и преследовать Юлиана, поскольку он никогда не говорил о своей военной экспедиции иначе, как о охоте. В лагере в Иераполисе, в Сирии, он сообщил об этом своем замысле своей армии, слегка упомянув о вине и опрометчивости цезаря, и осмелился заверить их, что если мятежники из Галлии осмелятся встретиться с ними на поле боя, то они не смогут выдержать огня их взглядов и непреодолимой силы их крика при атаке. Речь императора была встречена военными аплодисментами, и Феодот, президент совета Иераполиса, со слезами лъстивого восхищения просил, чтобы его город был украшен головой побежденного мятежника. Отборный отряд был отправлен в почтовых повозках, чтобы, если это еще было возможно, обеспечить проход через Суччи; новобранцы, лошади, оружие и склады, которые были подготовлены для борьбы с Сапором, были направлены на службу в гражданскую войну; а внутренние победы Констанция вселяли в его сторонников самые оптимистичные надежды на успех. Нотариус Гауденций занял от его имени провинции Африки; снабжение Рима было перекрыто; и бедственное положение Юлиана усугубилось неожиданным событием, которое могло иметь фатальные последствия. Юлиан принял подчинение двух легионов и когорты лучников, которые были расквартированы в Сирмиуме; но он обоснованно подозревал в неверности те войска, которые были отмечены императором; и было сочтено целесообразным под предлогом уязвимого состояния галльской границы () отправить их подальше от самого важного места действий. Они с неохотой продвинулись до границ Италии, но, опасаясь длины пути и дикой ярости германцев, по наущению одного из своих трибунов решили остановиться в Аквилее и водрузить знамена Констанция на стенах этого неприступного города. Бдительность Юлиана сразу же позволила ему осознать масштаб беды и необходимость немедленного принятия мер. По его приказу Йовин вернул часть армии в Италию, и осада Аквилеи была организована с большим усердием и велась энергично. Но легионеры, которые, казалось, отвергли иго дисциплины, умело и настойчиво защищали город, призывали остальную Италию последовать их примеру мужества и верности и угрожали отступлением Юлиана, если он будет вынужден уступить превосходящим силам восточных армий.

СМЕРТЬ КОНСТАНЦИЯ; ЮЛИАН — ЕДИНСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТОР

Но человечность Юлиана уберегла его от жестокого выбора, о котором он с пафосом сожалеет, — уничтожить или быть уничтоженным; и своевременная смерть Констанция избавила Римскую империю от бедствий гражданской войны. Приближение зимы не могло задержать монарха в Антиохии, а его фавориты не осмелились противостоять его нетерпеливому желанию мести. Легкая лихорадка, вызванная, возможно, волнением его духа, усугубилась усталостью от путешествия, и Констанций был вынужден остановиться в

маленьком городке Мопсукрене, в двенадцати милях от Тарса, где он скончался после короткой болезни в сорок пятом году своей жизни и двадцать четвертом году своего правления. Его подлинный характер состоял из гордости и слабости, суеверия и жестокости. Длительное злоупотребление властью сделало его значительной фигурой в глазах его современников, но поскольку только личные заслуги могут заслуживать внимания потомков, последний из сыновей Константина может быть отправлен из этого мира с замечанием, что он унаследовал недостатки своего отца, но не его способности.

Говорят, что перед смертью Констанций назначил Юлиана своим преемником; и не кажется невероятным, что в последние минуты его жизни забота о судьбе молодой и нежной жены, которую он оставил беременной, превозмогла над более жестокими чувствами ненависти и мести. Евсевий и его виновные соратники предприняли слабую попытку продлить правление евнухов, избрав другого императора, но их интриги были с презрением отвергнуты армией, которая теперь с отвращением относилась к мысли о гражданской раздоре, и два высокопоставленных офицера были немедленно отправлены, чтобы заверить Юлиана, что каждый меч в империи будет обнажен для его службы. Военные планы этого принца, который подготовил три разных нападения на Фракию, были сорваны этим счастливым событием. Не пролив крови своих сограждан, он избежал опасностей сомнительного конфликта и получил преимущества полной победы. Нетерпеливый посетить место своего рождения и новую столицу империи, он двинулся из Наисса через горы Эмус и города Фракии. Когда он достиг Гераклеи, расположенной в шестидесяти милях, весь Константинополь вышел ему навстречу, и он совершил триумфальный вход под благодарные возгласы солдат, народа и сената. Несметная толпа с нетерпеливым уважением теснилась вокруг него и, возможно, была разочарована, увидев небольшой рост и скромную одежду героя, чья неопытная молодость победила варваров Германии и который теперь прошел успешную карьеру по всему европейскому континенту, от берегов Атлантического океана до берегов Босфора. Через несколько дней, когда останки покойного императора были выгружены в гавани, подданные Юлиана аплодировали настоящей или притворной человечности своего правителя. Пешком, без диадемы и в траурном одеянии, он сопровождал похоронную процессию до церкви Святых Апостолов, где было захоронено тело; и если эти знаки уважения можно истолковать как эгоистическую дань рождению и достоинству его императорского родственника, то слезы Юлиана свидетельствовали всему миру о том, что он забыл обиды и помнил только обязательства, которые он получил от Констанция. Как только легионы Аквилеи убедились в смерти императора, они открыли ворота города и, принеся в жертву своих виновных вождей, легко получили прощение от благоразумия или мягкости Юлиана, который в тридцать два года своего возраста приобрел бесспорное владение Римской империей.^b

РЕЛИГИЯ ЮЛИАНА

Любовь к справедливости и правильное понимание обязанностей правителя, которые Юлиан проявил, будучи цезарем в Галлии, не покинули его и на императорском троне в Константинополе; и если бы не одно роковое обстоятельство, он мог бы стать объектом всеобщего восхищения и почитания. Но Юлиан отрекся от религии империи и принял религию древней Греции, которую он питал химерическую идею восстановить в ее первоначальном значении; и в погоне за этой целью он не уделял достаточного внимания принципам справедливости и равенства. Из-за смены веры его прозвали Отступником, что, как нам кажется, несправедливо, поскольку в его искренности не может быть никаких сомнений; и как бы мы ни сожалели, ни жалели, ни даже презирали тех, кто меняет свои убеждения, мы не имеем права осуждать или поносить их.

Галл и Юлиан после массового убийства своих родственников были переданы под опеку Евсевия, епископа Никомедии. Их обучали статьям веры и обрядам, которые были распространены в то время, и они без колебаний подчинялись всем требованиям; помнят, что Юлиан публично читал Священное Писание в церкви того города. Но в то время как грубый и угрюмый Галл стал стойким и фанатичным верующим, более мягкий, философский и ученый Юлиан проникся отвращением к религии, в которой его обучали. Его наставник, евнух Мардоний, познакомил его с великими писателями древней Эллады; и восхищение, которое он испытывал к произведениям Гомера и других выдающихся поэтов, почитание древности и яркие краски, которыми был овеян древний поэтический Олимп, в отличие от низменного суеверия, окружавшего его; и благородный дух и славные деяния верующих в древнее вероучение, по сравнению с низкими искусствами и ничтожными поступками людей его времени — все это вместе воздействовало на ум молодого принца, и он стал верующим в теологию Гомера и Гесиода. Но Юлиан принял не очаровательное поэтическое вероучение ранних и лучших дней Эллады, а абсурдный, презренный мистицизм неоплатоников; и, как в своем христианстве он пренебрег прекрасной простотой Евангелия, смешав его со сложной метафизикой и презренным суеверием, которые тогда преобладали в церкви, так и в своем язычестве он утратил поэтическое вероучение древних времен, заменив его безвкусными, бессодержательными причудами и аллегориями Александрийской школы. По сути, он не обладал той оригинальной силой интеллекта, которая освободила бы его от духа времени. Суеверие было преобладающим настроением, и философский император по-своему был погружен в него так же глубоко, как и самый униженный аскет.

По собственному признанию императора, он был христианином до двадцати лет. Затем, после обучения у различных софистов, он был тайно посвящен архимагистром Максимом в Эфесе со всеми теми церемониями, которые обман и суеверие принесли из Азии и включили в мифическую веру Эллады. Во время своего короткого пребывания в Афинах несколько лет спустя Юлиан был торжественно посвящен в мистерии Элевсина. Тем не менее, внешне он по-прежнему оставался христианином, и императрица Эвсевия, вероятно, не имела ни малейшего сомнения в вере своего выдающегося протеже. В Галлии он, по-видимому, продолжал притворяться и открыто участвовал в христианском богослужении, в то время как в своей комнате он поклонялся Солнцу и Гермесу. Когда он принял императорскую власть, он перестал скрывать свои чувства и смело провозгласил себя поклонником древних богов.

Юлиан был по натуре справедливым и гуманным человеком; он был также философом и государственным деятелем, достаточно опытным, чтобы понимать, что преследования, если они не доходят до полного истребления, придают силу, численность и энергию преследуемой и раздраженной стороне. Поэтому, вместо того чтобы подражать Диоклетиану, он провозгласил всеобщую терпимость. Язычникам было велено открыть свои храмы и приносить жертвы, как и прежде; враждующим христианским сектам было приказано воздерживаться от преследований и мучений друг друга. Католические прелаты и духовенство, изгнанные арианом Констанцем, были соответственно восстановлены в своих епархиях и церквях.^e

ЮЛИАН ВТОРГАЕТСЯ НА ВОСТОК

[361-362 гг. н. э.]

Как только Сапор узнал, что трон Констанция занял принц совершенно иного характера, он снизошел до того, что сделал несколько хитроумных, а может быть, и искренних

предложений о мирных переговорах. Но гордость персидского монарха была потрясена твердостью Юлиана, который строго заявил, что никогда не согласится на мирные переговоры среди пламени и руин городов Месопотамии, и с презрительной улыбкой добавил, что нет нужды вести переговоры через посредников, поскольку он сам решил в ближайшее время посетить двор Персии. Нетерпение императора подстегнуло военные приготовления. Были назначены генералы; для этой важной службы была собрана грозная армия; и Юлиан, выступив из Константинополя через провинции Малой Азии, прибыл в Антиохию примерно через восемь месяцев после смерти своего предшественника. Его горячее желание вторгнуться в самое сердце Персии было сдержано необходимостью навести порядок в империи, его рвением возродить поклонение богам и советами его мудрейших друзей, которые указывали на необходимость дать легионам Галлии возможность восстановить свои силы, а восточным войскам — дисциплину и боевой дух, воспользовавшись благотворным перерывом в зимних квартирах. Юлиан был убежден остаться до следующей весны в Антиохии, среди народа, злобно настроенного высмеивать поспешность и осуждать промедление своего правителя.

Если Юлиан льстил себе, что его личная связь со столицей Востока принесет взаимное удовлетворение принцу и народу, то он очень ошибочно оценил свой собственный характер и нравы Антиохии. Теплое климат располагал местных жителей к самым безудержным наслаждениям спокойствием и богатством; а живая распушенность греков смешивалась с наследственной мягкостью сирийцев. Мода была единственным законом, удовольствие — единственным занятием, а роскошь одежды и мебели — единственным отличием граждан Антиохии. Искусства роскоши почитались, серьезные и мужественные добродетели были предметом насмешек, а презрение к женской скромности и почтенному возрасту свидетельствовало о всеобщем развращении столицы Востока. Любовь к зрелищам была вкусом, или, скорее, страстью сирийцев: самых искусных артистов привлекали из соседних городов; значительная часть доходов шла на общественные развлечения; а великолепие театральных и цирковых представлений считалось счастьем и славой Антиохии. Простоватые манеры принца, который презирал такую славу и был невосприимчив к такому счастью, вскоре вызвали отвращение у его деликатных подданных; и изнеженные восточные люди не могли ни подражать, ни восхищаться строгой простотой, которую Юлиан всегда поддерживал, а иногда и демонстрировал. Дни празднеств, посвященные древним обычаям в честь богов, были единственными случаями, когда Юлиан ослаблял свою философскую строгость, и эти праздники были единственными днями, когда сирийцы Антиохии могли отвергнуть соблазны удовольствий. Большинство людей поддерживали славу христианского имени, которое было впервые придумано их предками; они довольствовались непослушанием моральным заповедям, но скрупулезно придерживались спекулятивных доктрин своей религии. Церковь Антиохии была раздроблена ересью и расколом, но ариане и афанасиане, последователи Мелетия и Паулина, были движимы одной и той же благочестивой ненавистью к своему общему противнику.

Военное нетерпение Юлиана побудило его выйти в поле в начале весны; и он с презрением и упреками распустил сенат Антиохии, который сопровождал императора за пределы своей территории, на которую он был решительно настроен никогда не возвращаться.

[362-363 гг. н. э.]

Поскольку воинственный император вместо Констанция выбрал своим образцом Александра, он без промедления продвинулся к Каррам, очень древнему городу Месопотамии, расположенному в восьмидесяти милях от Иераполиса. Храм Луны привлек внимание Юлиана, но несколькодневная остановка была в основном посвящена завершению огромных приготовлений к персидской войне. До сих пор он держал секрет экспедиции при себе, но поскольку Карры являются точкой разделения двух великих дорог, он больше не мог скрывать, собирается ли он атаковать владения Шапура со стороны Тигра или со стороны Евфрата. Император выделил армию из тридцати тысяч человек под командованием своего родственника Прокопия и Себастьяна, бывшего герцога Египта. Им было приказано направиться к Нисибису и защитить границу от беспорядочных вторжений врага, прежде чем пытаться перейти Тигр. Дальнейшие действия были оставлены на усмотрение генералов, но Юлиан рассчитывал, что после того, как они опустошат огнем и мечом плодородные районы Мидии и Адиабены, они придут к стенам Ктесифона примерно в то же время, когда он сам, продвигаясь с той же скоростью по берегам Евфрата, осадит столицу Персидской монархии. Успех этого хорошо продуманного плана в значительной степени зависел от мощной и оперативной помощи царя Армении, который, не подвергая опасности безопасность своих владений, мог выделить армию из четырех тысяч всадников, и двадцати тысяч пехотинцев для помощи римлянам. Но слабый Арсак Тиран, царь Армении, еще более постыдно, чем его отец Хосров, отступил от мужественных добродетелей великого Тиридата; и поскольку малодушный монарх был противник любых опасных и славных предприятий, он мог скрыть свою робкую леность под более приличными оправданиями религии и благодарности.

Военные распоряжения Юлиана были искусно придуманы, чтобы обмануть шпионов и отвлечь внимание Шапура. Легионы, казалось, направлялись к Нисибису и Тигру. Но внезапно они повернули направо, пересекли ровную и пустынную равнину Карры и на третий день достигли берегов Евфрата, где македонские цари основали крепкий город Никефориум, или Каллиникум. Оттуда император продолжил свой поход, пройдя более девяноста миль вдоль извилистого течения Евфрата, пока, наконец, примерно через месяц после отправления из Антиохии, он не обнаружил башни Киркезиума, крайней границы римских владений. Река Хаборас впадает в Евфрат в Киркезиуме, и как только труба дала сигнал к маршу, римляне пересекли небольшой поток, разделявший две могущественные и враждующие империи.

[363 г. н. э.]

Два города Ассирии решили сопротивляться войскам римского императора и оба заплатились за свою опрометчивость. В пятидесяти милях от королевской резиденции Ктесифон, Перисабор, или Анбар, занимал второе место в провинции: это был большой, густонаселенный и хорошо укрепленный город, окруженный двойной стеной, почти полностью омываемый рукавом Евфрата и защищаемый доблестным многочисленным гарнизоном. Увещевания Хормисдаса были отвергнуты с презрением, а уши персидского принца были оскорблены справедливым упреком в том, что, забыв о своем царском происхождении, он повел армию чужеземцев против своего царя и своей страны. Ассирийцы сохраняли свою верность благодаря умелой и энергичной обороне, пока удачный удар тараном не пробил большую брешь, разрушив один из углов стены, и они поспешно отступили в укрепления внутренней цитадели (). Солдаты Юлиана стремительно ворвались в город, и после полного удовлетворения всех военных appetитов Перисабор был

превращен в пепел, а машины, которые штурмовали цитадель, были установлены на руинах дымящихся домов. Сражение продолжалось непрерывным взаимным обстрелом метательными орудиями; превосходство, которое римляне могли извлечь из механической силы своих баллист и катапульт, уравнивалось преимуществом местности на стороне осажденных. Но как только была построена *гелеполис*, которая могла сражаться на равных с самыми высокими валами, грозный вид движущейся башни, не оставлявшей никакой надежды на сопротивление или пощаду, напугал защитников цитадели до покорности, и город сдался всего через два дня после того, как Юлиан впервые появился под стенами Перисабора. Двадцати пяти тысячам человек обоих полов, слабым остаткам некогда процветающего народа, было позволено уйти; обильные запасы зерна, оружия и роскошной мебели были частично распределены между войсками, а частично оставлены для общественного пользования; бесполезные запасы были уничтожены огнем или брошены в реку Евфрат; и судьба Амиды была отомщена полным разрушением Перисабора.

Город, или, вернее, крепость Маогамальча, которая защищалась шестнадцатью большими башнями, глубоким рвом и двумя крепкими и прочными стенами из кирпича и битума, по-видимому, была построена на расстоянии одиннадцати миль в качестве защиты столицы Персии. Император, опасаясь оставить такую важную крепость в тылу, немедленно приступил к осаде Маогамалчи; для этой цели римская армия была разделена на три дивизии. Виктору, возглавлявшему кавалерию и отряд тяжеловооруженной пехоты, было приказано очистить местность до берегов Тигра и пригородов Ктесифона. Руководство атакой взял на себя сам Юлиан, который, по-видимому, полностью полагался на военные машины, которые он установил у стен, в то время как тайно разрабатывал более эффективный метод ввода своих войск в центр города. Под руководством Невитты и Дагалайфа на значительном расстоянии были прорыты траншеи, которые постепенно продлевались до края рва. Рв был быстро засыпан землей, и благодаря неустанному труду войск под фундаментом стен была проложена подземная галерея, поддерживаемая на достаточных интервалах деревянными опорами. Три отборных когорты, продвигаясь гуськом, бесшумно исследовали темный и опасный проход, пока их бесстрашный вождь не прошептал в ответ, что он готов выйти из своего укрытия на улицы вражеского города. Юлиан сдержал их пыл, чтобы обеспечить им успех, и немедленно отвлек внимание гарнизона шумом и грохотом общего штурма. Персы, которые с высоты своих стен с презрением наблюдали за ходом бессильной атаки, праздновали славу Сапора песнями триумфа и осмелились заверить императора, что он может взойти на звездный трон Ормузда, прежде чем он сможет надеяться взять неприступный город Маогамалча. Город уже был взят. История запечатлела имя рядового солдата, первым поднявшегося из шахты в заброшенную башню. Проход был расширен его товарищами, которые с нетерпеливой отвагой продвигались вперед. Пятнадцать сотен врагов уже находились в центре города. Изумленный гарнизон покинул стены, единственную надежду на спасение; ворота были мгновенно вырваны; и месть солдат, если ее не сдерживала похоть или алчность, была удовлетворена без разбора массовым убийством. Губернатор, который сдался, обещав пощаду, был сожжен заживо через несколько дней по обвинению в неуважительных высказываниях в адрес чести принца Хормизда. Укрепления были снесены до основания, и не осталось ни одного следа, указывающего на то, что город Маогамалча когда-либо существовал.

Успешная доблесть Юлиана победила все препятствия, которые противостояли его маршу к воротам Ктесифона. Но взятие или даже осада столицы Персии все еще были далеки; и военные действия императора невозможно понять без знания страны, которая была ареной его смелых и умелых операций. В двадцати милях к югу от Багдада, на восточном берегу Тигра, любопытные путешественники заметили руины дворцов Ктесифона, который во

времена Юлиана был великим и густонаселенным городом. Имя и слава соседней Селевкии были навсегда утрачены, и единственный сохранившийся квартал этой греческой колонии, вместе с ассирийским языком и обычаями, вернулся к своему первоначальному названию Коче.

Коче был расположен на западном берегу Тигра, но естественно считался пригородом Ктесифона, поскольку, по-видимому, был соединен с ним постоянным мостом из лодок. Объединенные части способствовали образованию общего эпитета Аль-Модайн, «города», который восточные народы присвоили зимней резиденции Сасанидов; и вся окрестность персидской столицы была сильно укреплена водами реки, высокими стенами и непроходимыми болотами. Рядом с руинами Селевкии был разбит лагерь Юлиана (), защищенный рвом и валом от вылазок многочисленного и предприимчивого гарнизона Кохе. В этой плодородной и приятной стране римляне были в изобилии снабжены водой и фуражом; и несколько фортов, которые могли бы затруднить передвижение армии, после некоторого сопротивления подчинились их доблести. Флот перешел с Евфрата на искусственный отвод этой реки, который впадает в Тигр обильным и судоходным потоком на небольшом расстоянии ниже великого города. Если бы они пошли по этому королевскому каналу, который носил название Нахар-Мальча, то промежуточное положение Коче разделило бы флот и армию Юлиана; а опрометчивая попытка плыть против течения Тигра и пробиться через враждебную столицу привела бы к полному уничтожению римского флота. Осторожность императора предвидела опасность и предусмотрела средство защиты. Тщательно изучив действия Траяна в той же стране, он вскоре вспомнил, что его воинственный предшественник прокопал новый судоходный канал, который, оставляя Коче справа, переносил воды Нахар-Малча в реку Тигр на некотором расстоянии выше городов. По информации крестьян Юлиан обнаружил следы этого древнего сооружения, которые были почти полностью уничтожены умышленно или случайно. Благодаря неустанному труду солдат был быстро подготовлен широкий и глубокий канал для приема вод Евфрата. Была построена прочная дамба, чтобы прервать обычное течение Нахар-Малча: поток воды стремительно устремился в новое русло, и римский флот, направляясь своим триумфальным курсом в Тигр, высмеял тщетные и неэффективные барьеры, которые персы из Ктесифона воздвигли, чтобы помешать его проходу.

БИТВА У ТИГРИСА

Поскольку возникла необходимость переправить римскую армию через Тигр, предстояла еще одна задача, менее трудоемкая, но более опасная, чем предыдущая экспедиция. Река была широкой и быстрой; подъем крутой и трудный; а укрепления, которые были сооружены на гребне противоположного берега, были укомплектованы многочисленной армией тяжелых кирасиров, ловких лучников и огромных слонов, которые (согласно экстравагантной гиперболе Либания) могли с одинаковой легкостью растоптать поле пшеницы или легион римлян. В присутствии такого врага строительство моста было невозможно, и бесстрашный принц, который мгновенно воспользовался единственной возможной выходом из положения, скрыл свой замысел до момента его осуществления от варваров, от своих собственных войск и даже от своих генералов. Под ложным предлогом проверки состояния складов постепенно разгрузили восемьдесят судов, а избранному отряду, по-видимому предназначенному для какой-то секретной экспедиции, было приказано приготовиться к бою по первому сигналу. Юлиан скрывал свое молчаливое беспокойство за улыбками уверенности и радости и развлекал враждебные народы зрелищем военных игр, которые он оскорбительно устраивал под стенами Кохе. День был посвящен развлечениям, но, как только прошел час ужина, император созвал своих

генералов в свою палатку и сообщил им, что он назначил эту ночь для перехода через Тигр. Они стояли в молчаливом и уважительном изумлении, но когда почтенный Саллюстий воспользовался привилегией своего возраста и опыта, остальные вожди свободно поддержали его благоразумные возражения.

Юлиан же ограничился замечанием, что завоевание и безопасность зависят от попытки; что вместо уменьшения число их врагов, безусловно, увеличится за счет последовательных подкреплений; и что более длительная задержка не уменьшит ширину реки и не выровняет высоту берега. Сигнал был немедленно дан и выполнен: самые нетерпеливые legionеры прыгнули в пять судов, которые стояли ближе всего к берегу, и, гребя с бесстрашным усердием, через несколько мгновений исчезли в темноте ночи. На противоположном берегу вспыхнуло пламя, и Юлиан, который слишком хорошо понимал, что его передовые суда, пытаясь высадиться, были подожжены врагом, ловко превратил их крайнюю опасность в предзнаменование победы. «Наши товарищи по оружию, — воскликнул он с энтузиазмом, — уже овладели берегом; смотрите, они подают назначенный сигнал. Давайте поспешим подражать их мужеству и помочь им». Совместное и быстрое движение большого флота преодолело силу течения, и они достигли восточного берега Тигра с достаточной скоростью, чтобы потушить пламя и спасти своих отважных товарищей. Трудности крутого и высокого подъема усугублялись тяжестью доспехов и темнотой ночи. На головы нападающих непрерывно сыпался град камней, дротиков и огня, но после упорной борьбы они взобрались на берег и торжествуя встали на валу.

Как только они оказались на более равном поле, Юлиан, который с легкой пехотой возглавил атаку, пронзил ряды своим опытным и опытным взглядом; его самые храбрые солдаты, в соответствии с наставлениями Гомера, были распределены впереди и сзади; и все трубы императорской армии прозвучали, призывая к сражению. Римляне, подняв боевой клич, выдвинулись размеренными шагами под воодушевляющие звуки военной музыки, бросили свои грозные копья и бросились вперед с обнаженными мечами, чтобы лишить варваров преимущества их метательного оружия благодаря более близкому наступлению. Все сражение длилось более двенадцати часов, пока постепенное отступление персов не превратилось в беспорядочное бегство, позорный пример которому подал главный вождь и сам Суренас. Их преследовали до ворот Ктесифона, и победители могли бы войти в охваченный паникой город, если бы их полководец Виктор, опасно раненный стрелой, не убедил их отказаться от опрометчивой попытки, которая, в случае неудачи, обернулась бы для них гибелью. Со своей стороны, римляне признали потерю только семидесяти пяти человек, в то время как они утверждали, что варвары оставили на поле битвы две с половиной тысячи, а то и шесть тысяч своих самых храбрых воинов. Добыча была такой, какой и следовало ожидать от богатства и роскоши восточного лагеря: большое количество серебра и золота, великолепное оружие и снаряжение, а также кровати и столы из массивного серебра. Победоносный император раздал в награду за доблесть почетные дары, гражданские, военные и морские венцы, которые он, и, возможно, только он, ценил больше, чем богатства Азии. Богу войны была принесена торжественная жертва, но внешний вид жертв предвещал самые неблагоприятные события, и Юлиан вскоре обнаружил по менее двусмысленным знакам, что его процветание подошло к концу.

На второй день после битвы домашняя гвардия, ювианы и геркуляны, а также оставшиеся войска, составлявшие почти две трети всей армии, были благополучно переправлены через Тигр. В то время как персы наблюдали из Ктесифона за опустошением соседних земель, Юлиан с тревогой смотрел на север, полностью ожидая, что, так как он сам победоносно проник в столицу Сапора, поход и соединение его лейтенантов Себастьяна и Прокопия будут

осуществлены с той же храбростью и усердием. Его ожидания были разочарованы изменой армянского царя, который допустил и, скорее всего, направил дезертирство своих вспомогательных войск из лагеря римлян, а также разногласиями двух генералов, которые были неспособны сформировать или выполнить какой-либо план для государственной службы. Когда император отказался от надежды на это важное подкрепление, он согласился созвать военный совет и после полного обсуждения одобрил мнение тех генералов, которые отговаривали его от осады Ктесифона как от бесплодного и пагубного предприятия. Нам нелегко представить, с помощью каких укреплений город, трижды осаждавшийся и взятый предшественниками Юлиана, мог стать неприступным для шестидесятитысячной армии римлян, возглавляемой храбрым и опытным полководцем и имевшей в своем распоряжении корабли, провизию, осадные орудия и военные запасы. Но мы можем быть уверены, что любовь к славе и пренебрежение опасностью, которые составляли характер Юлиана, не позволяли ему отступить перед какими-либо тривиальными или мнимыми препятствиями. В тот самый момент, когда он отказался от осады Ктесифона, он с упрямством и презрением отверг самые льстивые предложения о мирных переговорах.

Шапур, который так долго привык к небрежности и медлительности Констанция, был удивлен неустрашимой энергией его преемника. До самых границ Индии и Скифии сатрапам отдаленных провинций было приказано собрать свои войска и без промедления выступить на помощь своему монарху. Но их приготовления были медленными, их движения — неторопливыми, и прежде чем Шапур смог вывести армию на поле боя, он получил печальную весть о разорении Ассирии, разрушении своих дворцов и истреблении своих самых храбрых войск, которые защищали переправу через Тигр. Гордость королевской власти была унижена до праха; он принимал пищу на земле, а беспорядок в его волосах выражал скорбь и тревогу его души. Возможно, он не отказался бы отдать половину своего царства за безопасность остальной его части и с радостью подписал бы мирный договор, став верным и зависимым союзником римского завоевателя. Под предлогом личных дел высокопоставленный и пользующийся доверием министр был тайно отправлен, чтобы преклонить колени перед Хормисдасом и просить, как просящий, о том, чтобы его представили императору. Сасанидский принц, будь то под влиянием гордости или человечности, будь то из соображений своего происхождения или долга своего положения, был одинаково склонен поддержать благотворную меру, которая положила бы конец бедствиям Персии и обеспечила триумф Рима. Он был потрясен непреклонной твердостью героя, который помнил, к несчастью для себя и своей страны, что Александр последовательно отвергал предложения Дария. Но поскольку Юлиан понимал, что надежда на безопасный и почетный мир может охладить пыл его войск, он настоятельно просил Хормисдаса в частном порядке уволить министра Сапора и скрыть это опасное искушение от лагеря.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ САПОРА

Честь, а также интересы Юлиана не позволяли ему тратить время под неприступными стенами Ктесифона; и каждый раз, когда он вызывал варваров, защищавших город, на сражение на открытой равнине, они благоразумно отвечали, что, если он желает проявить свою доблесть, то может обратиться к армии Великого Царя. Он почувствовал оскорбление и принял совет. Вместо того чтобы ограничить свой раблепный поход берегами Евфрата и Тигра, он решил подражать авантюрному духу Александра и смело продвинуться вглубь провинций, пока не заставит своего соперника сразиться с ним, возможно, на равнинах Арбелы, за власть над Азией. Великодушие Юлиана было встречено с одобрением и предано коварством одного благородного перса, который ради своей страны великодушно

согласился сыграть роль, полную опасностей, лжи и позора. В сопровождении верных последователей он перебежал в императорский лагерь, рассказал в красивой истории о нанесенных ему обидах, преувеличил жестокость Сапора, недовольство народа и слабость монархии и с уверенностью предложил себя в качестве заложника и проводника римского похода. Хормисдас, опираясь на свою мудрость и опыт, выдвинул самые разумные основания для подозрений, но безрезультатно; и доверчивый Юлиан, приняв предателя в свое лоно, был убежден выдать поспешный приказ, который, по мнению людей, ставил под сомнение его благоразумие и ставил под угрозу его безопасность.

За один час он уничтожил весь флот, который был переправлен на расстояние более пятисот миль с такими затратами труда, денег и крови. Было спасено двенадцать или, самое большее, двадцать два небольших судна, чтобы сопровождать повозки армии и служить временными мостами для переправы через реки. Для солдат было оставлено продовольствие на двадцать дней, а остальные склады, а также флот из тысячи ста судов, стоявших на якоре в Тигре, были преданы пламени по абсолютному приказу императора. Христианские епископы Григорий и Августин осуждают безумие отступника, который собственными руками привел в исполнение приговор божественной справедливости. Их авторитет, возможно, менее весомый в военных вопросах, подтверждается хладнокровным суждением опытного солдата, который сам был свидетелем пожара и не мог не одобрить неохотные ропоты войск.

Тем не менее, есть некоторые кажущиеся обоснованными и, возможно, веские причины, которые, казалось бы, оправдывают решение Юлиана. Судоходство по Евфрату никогда не поднималось выше Вавилона, а по Тигру — выше Описа. Расстояние от последнего города до римского лагеря было не очень большим, и Юлиан, должно быть, вскоре отказался от тщетной и невыполнимой попытки продвинуть большой флот вверх по течению быстрой реки, которая в нескольких местах была затруднена естественными или искусственными водопадами. Силы парусов и весел были недостаточны; пришлось буксировать корабли против течения реки; силы двадцати тысяч солдат были истощены этой утомительной и рабской работой; и если бы римляне продолжали марш по берегам Тигра, они могли бы только надеяться вернуться домой, не совершив ни одного подвига, достойного гения или удачи своего вождя. Если же, напротив, было целесообразно продвигаться вглубь страны, то уничтожение флота и складов было единственной мерой, которая могла спасти эту ценную добычу от рук многочисленных и активных войск, которые могли внезапно хлынуть из ворот Ктесифона. Если бы войска Юлиана одержали победу, мы бы сейчас восхищались поведением и мужеством героя, который, лишив своих солдат надежды на отступление, оставил им только выбор между смертью и победой.

Тяжеловесный обоз с артиллерией и повозками, который замедляет действия современной армии, был в значительной степени неизвестен в лагерях римлян (). Однако в любую эпоху обеспечение продовольствием шестидесяти тысяч человек должно было быть одной из важнейших забот благоразумного полководца, а продовольствие можно было добыть только в своей стране или на территории врага. Если бы Юлиан смог удержать мост на Тигре и сохранить завоеванные земли Ассирии, то опустошенная провинция не могла бы обеспечить крупные или регулярные поставки в то время года, когда земли были покрыты наводнением Евфрата, а нездоровый воздух был замутнен роями бесчисленных насекомых.

Внешний вид враждебной страны был гораздо более привлекательным. Обширная область между рекой Тигр и горами Мидии была заполнена деревнями и городами, а плодородная почва в большинстве своем находилась в очень хорошем состоянии. Юлиан мог ожидать, что завоеватель, обладающий двумя сильными инструментами убеждения, сталью и золотом, легко обеспечит себе обильное пропитание за счет страха или алчности

местных жителей. Но с приближением римлян эта богатая и улыбающаяся перспектива мгновенно исчезла. Куда бы они ни двигались, жители покидали открытые деревни и укрывались в укрепленных городах; скот уводили; трава и спелое зерно сжигались; и как только пламя, прервавшее поход Юлиана, угасло, он увидел печальное лицо дымящейся и голой пустыни. Этот отчаянный и эффективный метод защиты может быть осуществлен только благодаря энтузиазму народа, который предпочитает свою независимость своей собственности, или благодаря строгости произвольного правительства, которое заботится о общественной безопасности, не подчиняясь их склонностям и свободе выбора. В данном случае рвение и послушание персов поддерживали приказы Сапора, и император вскоре оказался скудными запасами провианта, которые постоянно таяли в его руках. До того, как они были полностью израсходованы, он еще мог бы достичь богатых и невоенных городов Экбатана или Сузы, приложив усилия для быстрого и хорошо организованного марша, но он был лишен этого последнего средства из-за незнания дорог и вероломства своих проводников.

Римляне несколько дней блуждали по местности к востоку от Багдада; персидский дезертир, который хитростью заманил их в ловушку, избежал их гнева; а его последователи, как только их подвергли пыткам, раскрыли тайну заговора. Мечты о завоевании Гиркании и Индии, которые так долго веселили Юлиана, теперь мучили его разум. Осознавая, что его собственная неосторожность была причиной общественного беспокойства, он с тревогой взвешивал надежды на безопасность или успех, не получая удовлетворительного ответа ни от богов, ни от людей. Наконец, как единственную осуществимую меру, он принял решение направиться к берегам Тигра с целью спасти армию быстрым маршем к границам Гордиены, плодородной и дружественной провинции, признававшей верховную власть Рима. Унылые войска подчинились сигналу отступления всего через семьдесят дней после того, как они перешли Чаборас с оптимистичной надеждой свергнуть престол Персии.

Пока римляне, казалось, продвигались вглубь страны, их поход наблюдали и оскорбляли на расстоянии несколько отрядов персидской кавалерии, которые, то рассеиваясь, то собираясь в более плотный строй, вступали в слабые стычки с передовыми отрядами. Эти отряды, однако, поддерживались гораздо более значительными силами, и едва колонны направились к Тигру, как над равниной поднялась туча пыли. Римляне, которые теперь стремились только к безопасному и быстрому отступлению, пытались убедить себя, что это грозное явление было вызвано стадом диких ослов или, возможно, приближением дружественных арабов. Они остановились, разбили палатки, укрепили лагерь, провели всю ночь в постоянной тревоге и на рассвете обнаружили, что они окружены армией персов. За этой армией, которую можно было считать лишь авангардом варваров, вскоре последовал основной отряд кирасиров, лучников и слонов под командованием Нермана, генерала высокого ранга и с большой репутацией. Его сопровождали два сына царя и многие из главных сатрапов; слава и ожидания преувеличивали силу остальных войск, которые медленно продвигались под командованием самого Сапора. По мере того как римляне продолжали свой марш, их длинная колонна, вынужденная изгибаться или разделяться в зависимости от рельефа местности, предоставляла бдительным врагам частые и благоприятные возможности. Персы неоднократно наносили яростные атаки, но каждый раз были решительно отбиты; сражение при Маронге, которое почти заслуживало названия битвы, ознаменовалось значительными потерями сатрапов и слонов, возможно, одинаково ценных в глазах их монарха.

СМЕРТЬ ЮЛИАНА

Эти великолепные преимущества были достигнуты не без значительных потерь с римской стороны; несколько высокопоставленных офицеров были убиты или ранены; сам император, который во всех опасных ситуациях вдохновлял и направлял доблесть своих войск, был вынужден подвергнуть себя опасности и проявить свои способности. Вес наступательного и оборонительного оружия, которое по-прежнему составляло силу и безопасность римлян, не позволял им вести длительную и эффективную погоню; а поскольку всадники Востока были обучены метать копья и стрелять из луков на полной скорости и во всех возможных направлениях, кавалерия Персии никогда не была более грозной, чем в момент быстрого и беспорядочного бегства. Но самой верной и непоправимой потерей римлян было время. Выносливые ветераны, привыкшие к холодному климату Галлии и Германии, падали в обморок под знойной жарой ассирийского лета; их силы были истощены непрерывными маршами и сражениями; а продвижение армии было приостановлено из-за мер предосторожности, связанных с медленным и опасным отступлением в присутствии активного врага. С каждым днем, с каждым часом, по мере уменьшения запасов, стоимость и цена продовольствия в римском лагере росли. Юлиан, который всегда довольствовался такой пищей, которую голодный солдат презирал бы, распределял для войск провизию императорского двора и все, что можно было сэкономить с вьючных лошадей трибунов и генералов. Но эта слабая помощь только усугубляла чувство общественного бедствия, и римляне начали питать самые мрачные опасения, что, прежде чем они смогут достичь границ империи, все они погибнут либо от голода, либо от меча варваров.^b

Ранним утром 26 июня армия двинулась вперед, и за ней сразу же последовали персы, которые шли по флангам, по холмистой местности по обе стороны дороги, выжидая благоприятного случая для атаки. Он скоро представился, ибо, когда Юлиан, не вооруженный, выехал немного вперед для разведки, ему внезапно сообщили, что армия подверглась нападению с тыла. Он немедленно отправился туда, чтобы оказать помощь, схватив щит, но в спешке забыв надеть кольчугу, которую он снял из-за ее тяжести и удушающей жары. Едва он достиг тыла, как пришла весть, что армия также вступила в бой с врагом в авангарде. Император немедленно прибыл на место, и римская легкая пехота, воодушевленная его великолепным примером, сумела отразить персов.

Римляне немедленно начали преследование, император сам дал сигнал и, охваченный пылом и жаждой сражения, сам принял в нем участие. Не имея оружия и не думая о себе, он был унесен в толпе беглецов. Он больше не слышал предупреждающих криков своих товарищей, которые отделились от него в общей суматохе; злая судьба уже настигла его, ибо копье всадника, внезапно прилетевшее из неизвестного места, задело его руку и пронзило ребра, где и осталось. Он попытался вытащить его правой рукой, но это было бесполезно; он только поранил пальцы острым железом. Затем он упал с лошади, но вскоре был доставлен в лагерь.

Тем временем сражение продолжалось; римляне, среди которых быстро распространилась весть о падении императора, полные ярости и не думая о собственной безопасности, наступали на персов, которые снова смыкали ряды. Началась затяжная борьба, и воздух наполнился криками умирающих, ржанием лошадей и свистом стрел. Наконец ночь положила конец кровопролитию. Потери с обеих сторон были значительными.

Вернёмся к императору. Он лежал умирающим в своей палатке, окружённый верными последователями, которые не могли сдержать своей скорби. Он пытался утешить их

длинными речами, в которых упоминал о почетной смерти, дарованной ему по милости богов; смерть была для него легкой, поскольку он не имел в чем раскаяться за свои поступки в жизни, ведь он всегда считал счастье и благополучие своих подданных целью своего правления и имел их в виду во всех своих начинаниях.

Он не высказывал никаких пожеланий относительно своего преемника, чтобы не пропустить кого-нибудь достойного. Кто не помнит смерть Александра, его великого образца? Все, чего он желал, — это лучший из возможных правитель для империи. После этих спокойных слов император дал некоторые указания относительно своей личной собственности; он также поинтересовался канцлером Анатолием, чье отсутствие он заметил. Узнав от Саллюстия, что тот умер, он горько оплакивал его, хотя незадолго до этого считал свою собственную смерть милостью богов. Вскоре он пришел в себя и упрекнул окружающих, которые разрыдались, поскольку считал неуместным оплакивать князя, который так скоро должен был присоединиться к богам. Затем он вступил в разговор с философами Максимом и Приском о бессмертной судьбе души. Этот непрерывный разговор не пошел на пользу его состоянию, так как рана внезапно снова начала кровоточить, его дыхание стало затрудненным, и, выпив глоток свежей воды, он тихо скончался около полуночи.

Таков был конец последнего императора из династии Константина, на которого язычники возлагали такие большие надежды, в возрасте всего лишь тридцати двух лет и после правления, длившегося всего двадцать месяцев.^с

СНОСКИ

[59] Его звали Клематий Александрийский, и его единственным преступлением было нежелание удовлетворить желания своей тещи, которая добивалась его смерти, потому что была разочарована его любовью. Аммиан, ^д l. 14, с. l.

[60] [Колония Агриппина.]

[61] [Tres Tabernæ.]

ГЛАВА XLIII. ЮВИАН К ТЕОДОСИЮ (363-395 гг. н. э.)

ВЫБОРЫ ЮВИАНА (ФЛАВИЯ КЛАУДИЯ ЮВИАНА)

Не прошло и трех-четырех часов ночи, как начались тайные интриги, и когда было предложено избрать императора, дух раздора начал возбуждать собрание. Виктор и Аринфей собрали остатки двора Констанция; друзья Юлиана примкнули к галльским вождям Дагалаифу и Невитте; и от раздора двух фракций, столь противоположных по своему характеру и интересам, по своим принципам управления и, возможно, по своим религиозным убеждениям, можно было ожидать самых роковых последствий. Только высшие добродетели Саллюстия могли примирить их разногласия и объединить их голоса; и почтенный префект был бы немедленно провозглашен преемником Юлиана, если бы он сам, с искренней и скромной твердостью, не сослался на свой возраст и немощность, несопоставимые с тяжестью диадемы.

Генералы, озадаченные его отказом, проявили склонность принять благотворный совет младшего офицера, чтобы они действовали так, как поступили бы в отсутствие императора; чтобы они приложили все свои способности, чтобы вывести армию из нынешнего бедственного положения; и, если им посчастливится достичь границ Месопотамии, чтобы они приступили к единодушному и обдуманному совещанию по избранию законного правителя. Пока они спорили, несколько голосов приветствовали Ювиана, который был не более чем первым из слуг, именами императора и августа. Бурные овации были немедленно повторены охранниками, окружавшими палатку, и через несколько минут дошли до самых концов линии. Новый принц, изумленный своей удачей, был поспешно наделен императорскими регалиями и принял клятву верности от генералов, чью благосклонность и защиту он так недавно искал. Самой весомой рекомендацией Ювиана были заслуги его отца, графа Варрония, который наслаждался плодами своей долгой службы в почетной отставке. В безвестной свободе частного положения сын предавался своему пристрастию к вину и женщинам, но при этом с честью поддерживал репутацию христианина и солдата. Не отличаясь какими-либо амбициозными качествами, вызывающими восхищение и зависть людей, Джовиан своей привлекательной внешностью, веселым нравом и дружеским юмором завоевал любовь своих сослуживцев; и генералы обеих партий согласились с выборами, которые были проведены без участия их врагов (). Гордость от этого неожиданного возвышения сдерживалась справедливым опасением, что в тот же день может закончиться жизнь и правление нового императора. Неотложному зову необходимости последовали без промедления, и первыми приказами, отданными Ювианом через несколько часов после смерти его предшественника, было продолжение похода, который единственно мог вывести римлян из их нынешнего бедственного положения.

САПОР НАПАДАЕТ НА РИМЛЯН

Радостная весть о смерти Юлиана, которую дезертир сообщил в лагерь Сапора, вселила в унылого монарха внезапную уверенность в победе. Он немедленно отделил королевскую кавалерию, возможно, десять тысяч «бессмертных», чтобы поддержать преследование, и обрушил всю мощь своих объединенных сил на арьергард римлян. Арьергард был ввергнут в беспорядок; прославленные легионы, получившие свои названия от Диоклетиана и его воинственного коллеги, были разбиты и растоптаны слонами; три трибуна погибли, пытаясь остановить бегство своих солдат. Благодаря упорной доблести римлян сражение в конце концов было восстановлено; персы были отбиты с большими потерями людей и слонов; и армия, после долгого марша и сражения в течение всего летнего дня, вечером прибыла в Самару на берегу Тигра, примерно в ста милях выше Ктесифона. На следующий день варвары, вместо того чтобы преследовать марширующих, атаковали лагерь Ювиана, который был расположен в глубокой и уединенной долине. С холмов персидские лучники оскорбляли и досаждали () уставшим легионерам, а отряд кавалерии, который с отчаянной

храбростью прорвался через преторианские ворота, был разбит в куски после неопределенного сражения возле императорской палатки. В последующую ночь лагерь в Кархе был защищен высокими дамбами реки, и римская армия, хотя и подвергалась непрерывным преследованиям со стороны сарацин, разбила свои палатки недалеко от города Дура, через четыре дня после смерти Юлиана. Тигр все еще находился слева от них; их надежды и запасы провианта были почти исчерпаны; и нетерпеливые солдаты, которые убедили себя, что границы империи находятся недалеко, просили своего нового повелителя разрешить им рискнуть переправиться через реку. С помощью своих мудрейших офицеров Ювиан пытался сдержать их опрометчивость, объясняя, что даже если они обладают достаточным мастерством и силой, чтобы противостоять стремительному течению глубокой и быстрой реки, они только окажутся голыми и беззащитными перед варварами, занявшими противоположный берег.

В конце концов, уступив их громким просьбам, он согласился, чтобы пятьсот галлов и германцев, с детства привыкших к водам Рейна и Дуная, предприняли смелое приключение, которое могло послужить либо воодушевлением, либо предупреждением для остальной армии. В тишине ночи они переплыли Тигр, застали врасплох неохранный пост противника и на рассвете продемонстрировали знак своей решимости и удачи. Успех этой попытки побудил императора прислушаться к обещаниям своих архитекторов, которые предложили построить плавучий мост из надутых шкур овец, быков и коз, покрытый полом из земли и фашинов. Два важных дня были потрачены на бесплодный труд, и римляне, уже страдавшие от голода, с отчаянием смотрели на Тигр и на варваров, число и упорство которых росли по мере того, как страдания императорской армии увеличивались.

УНИЖЕНИЕ РИМЛЯН

В этой безнадежной ситуации угасающий дух римлян был возрожден звуком мира. Преходящая самонадеянность Шапора исчезла: он с серьезной озабоченностью заметил, что в повторяющихся сомнительных сражениях он потерял своих самых верных и бесстрашных вельмож, своих самых храбрых воинов и большую часть своего слоновой отряда; и опытный монарх побоялся вызвать сопротивление отчаяния, превратности судьбы и неисчерпаемые силы Римской империи, которая вскоре могла бы прийти на помощь или отомстить за преемника Юлиана. Сам Суренас в сопровождении другого сатрапа явился в лагерь Ювиана и объявил, что его повелитель не против огласить условия, на которых он согласится пощадить и отпустить цезаря с остатками его плененной армии. Надежды на спасение сломили твердость римлян; император был вынужден, по совету своего совета и под криками своих солдат, принять предложение о мире; и префект Саллюстий был немедленно отправлен вместе с генералом Аринфеем, чтобы выяснить желание Великого Царя. Хитрый перс под разными предлогами затягивал заключение соглашения; выдвигал трудности, требовал объяснений, предлагал уловки, отказывался от своих уступок, увеличивал свои требования и потратил четыре дня на искусство ведения переговоров, пока не израсходовал запасы провианта, которые еще оставались в лагере римлян. Если бы Ювиан был способен принять смелые и разумные меры, он бы продолжил свой поход с неустанным усердием; прогресс в переговорах приостановил бы нападения варваров, и до истечения четвертого дня он мог бы благополучно достичь плодородной провинции Гордиена, расположенной всего в ста милях. Нерешительный император, вместо того чтобы прорвать кольцо врага, с терпеливой покорностью ожидал своей судьбы и принял унижительные условия мира, которые он уже не мог отклонить.

В качестве платы за свои позорные уступки император, возможно, мог бы оговорить, что лагерь голодающих римлян должен быть обильно снабжен провизией и что им должно быть позволено перейти Тигр по мосту, построенному руками персов. Но если Ювиан и осмелился просить об этих справедливых условиях, то они были сурово отвергнуты высокомерным тираном Востока, чья милость простила захватчиков его страны. Сарацины иногда перехватывали отставших от марша, но генералы и войска Шапура уважали перемирие, и Ювиану было позволено найти наиболее удобное место для переправы через реку.^b

«Но когда трубы открыто дали сигнал к переправе через реку, — говорит Аммиан, — было страшно видеть, с каким рвением каждый из них бросался в эту опасность, предпочитая себя всем своим товарищам в желании избежать многочисленных опасностей и бедствий, оставшихся позади. Некоторые пытались направлять животных, которые плавали без определенного направления, с помощью наспех сооруженных преград; другие, сидя на пузырях, а третьи, вынужденные прибегать к всевозможным уловкам, пытались пройти через противостоящие волны, пересекая их по диагонали. Сам император с несколькими другими переправился на небольших лодках, которые, как мы уже говорили, были спасены, когда флот был сожжен, а затем посылал те же суда туда и обратно, пока весь наш отряд не был переправлен. И наконец все мы, за исключением тех, кто утонул, достигли противоположного берега реки, будучи спасенными среди наших трудностей благосклонностью Верховного Божества».^d

Как только римляне высадились на западном берегу, они избавились от враждебного преследования варваров, но в тяжелом марше на двести миль по равнинам Месопотамии они перенесли последние мучения жажды и голода. В Тилсафате император очень любезно принял генералов Месопотамии, и остатки некогда процветавшей армии наконец успокоились под стенами Нисибиса. Посланцы Ювиана объявили, используя лестные слова, о его избрании, заключении договора и возвращении; и новый принц принял самые эффективные меры для обеспечения верности армий и провинций Европы, передавая военное командование в руки тех офицеров, которые из соображений интереса или склонности твердо поддерживали дело своего благодетеля.

Умы людей были полны изумления и скорби, возмущения и ужаса, когда им сообщили, что недостойный преемник Юлиана отказался от пяти провинций, завоеванных Галерием, и постыдно сдал варварам важный город Нисибис, самый прочный оплот провинций Востока. Глубокий и опасный вопрос о том, насколько следует соблюдать публичную веру, когда она становится несовместимой с общественной безопасностью, свободно обсуждался в народных беседах; и некоторые надеялись, что император искупит свое малодушное поведение великолепным актом патриотического вероломства. Неуступчивый дух римского сената всегда отвергал неравные условия, которые были вынуждены принять измученные плененные армии; и если бы для удовлетворения национальной чести было необходимо выдать виновного генерала в руки варваров, большая часть подданных Ювиана с радостью согласилась бы с прецедентом древних времен.

Но император, какими бы ни были пределы его конституционной власти, был абсолютным хозяином законов и оружия государства; и те же мотивы, которые заставили его подписать мирный договор, теперь подталкивали его к его исполнению. Он был нетерпелив обеспечить империю ценой нескольких провинций; и уважаемые имена религии и чести скрывали личные страхи и амбиции Ювиана. Несмотря на почтительные просьбы жителей, приличия и благоразумие запрещали императору остановиться во дворце Нисибиса; но на следующее утро после его прибытия Бинес, посол Персии, вошел в город, вывесил на цитадели знамя Великого Царя и провозгласил от его имени жестокий выбор

между изгнанием и рабством. Ведущие граждане Нисибиса, которые до этого рокового момента доверяли защите своего правителя, бросились к его ногам. Они умоляли его не бросать, или, по крайней мере, не выдавать верную колонию на произвол варварского тирана, разъяренного тремя последовательными поражениями, которые он потерпел под стенами Нисибиса. Они все еще обладали оружием и мужеством, чтобы отразить захватчиков своей страны; они просили только разрешения использовать их для своей защиты; и как только они утвердят свою независимость, они будут умолять о милости вновь быть принятыми в ряды его подданных. Их аргументы, их красноречие, их слезы были безрезультатны. Йовиан с некоторым замешательством сослался на святость клятвы; и поскольку нежелание, с которым он принял подаренную ему золотую корону, убедило граждан в безнадежности их положения, адвокат Сильван был вынужден воскликнуть: «О император! Да увенчают тебя так все города твоих владений!»

Йовиан, который за несколько недель легко научился принимать на себя привычки принца, был недоволен свободой и оскорблен правдой; и, поскольку он обоснованно предполагал, что недовольство народа может склонить его к подчинению персидскому правительству, он издал указ, под страхом смертной казни, что они должны покинуть город в течение трех дней. Жестокая бесчувственность Юпитера, по-видимому, усугубила страдания этих несчастных беженцев. Однако они поселились в новопостроенном квартале Амиды, и этот растущий город, укрепленный значительной колонией, вскоре восстановил свое бывшее величие и стал столицей Месопотамии. Император отдал аналогичные приказы об эвакуации Сингары и замка мавров, а также о возвращении пяти провинций за Тигром. Шапур наслаждался славой и плодами своей победы, и этот позорный мир справедливо считается памятной эпохой в упадке и падении Римской империи.

После того как Йовиан выполнил эти обязательства, которые голос его народа мог побудить его нарушить, он поспешил покинуть место своего позора и отправился со всем своим двором наслаждаться роскошью Антиохии.^b

Аммиан оставил нам лаконичное описание личностных черт императора. «Йовиан, — пишет он, — был медлительным в движениях, с веселым лицом, голубыми глазами, очень высоким, настолько, что долго не могли найти ему подходящую королевскую одежду. Он стремился подражать Констанцию, часто занимаясь серьезными делами до полудня и любя шутить с друзьями на публике. Он увлекался изучением христианского права, иногда оказывая ему особую честь; он был достаточно образован в этой области, очень благосклонен к ее профессорам и склонен продвигать их на должности судей, что проявилось в некоторых его назначениях. Он любил поесть и был пристрастен к вину и женщинам».^d

Йовиан был воспитан в христианской вере; и когда он шел из Нисибиса в Антиохию, знамя креста, *Лабарум* Константина, которое снова было вывешено во главе легионов, объявляло народу о вере их нового императора. Как только он вступил на престол, он направил циркулярное письмо всем губернаторам провинций, в котором он исповедовал божественную истину и обеспечил законное установление христианской религии. Коварные указы Юлиана были отменены, церковные привилегии были восстановлены и расширены, и Йовиан снисходительно сетовал, что бедствия того времени вынудили его уменьшить размер благотворительных пожертвований. Христиане были единодушны () в громких и искренних аплодисментах, которыми они наградили благочестивого преемника Юлиана. Но они все еще не знали, какое вероучение или какой собор он выберет в качестве стандарта православия; и мир в церкви сразу же возродил те жаркие споры, которые были приостановлены в период гонений. Епископы противоборствующих сект, убежденные опытом в том, насколько их судьба будет зависеть от первых впечатлений, произведенных

на ум необразованного солдата, поспешили в двор Эдессы или Антиохии. Шоссе Востока были переполнены епископами-омоузианами, арианами, полуарианами и евномианами, которые боролись за превосходство друг над другом в святом состязании; апартamentы дворца оглашались их криками; уши их князя были атакованы и, возможно, потрясены странной смесью метафизических аргументов и страстных оскорблений. Умеренность Ювиана, который рекомендовал согласие и милосердие и отсылал спорящих к решению будущего собора, была истолкована как признак безразличия; но его приверженность Никейскому вероучению в конце концов была обнаружена и провозглашена почтением, которое он выразил к небесным добродетелям великого Афанасия. Неустрашимый ветеран веры в возрасте семидесяти лет вышел из своего уединения, как только узнал о смерти тирана. Восторженные приветствия народа вновь вознесли его на архиепископский престол, и он мудро принял или предвосхитил приглашение Юпитера. Перед отъездом из Антиохии он заверил Юпитера, что его православная преданность будет вознаграждена долгим и мирным правлением. Афанасий имел основания надеяться, что ему будет позволено либо заслужить успешное предсказание, либо оправдаться благодарной, хотя и неэффективной молитвой.

Малейшая сила, когда она применяется для помощи и направления естественного спуска своего объекта, действует с непреодолимой силой; и Ювиан имел счастье принять религиозные взгляды, которые поддерживались духом времени, а также рвением и численностью самой могущественной секты. При его правлении христианство одержало легкую и прочную победу; и как только улыбка королевского покровительства исчезла, гений язычества, который был с любовью воспитан и взлелеян искусством Юлиана, безвозвратно погрузился в прах.

За семь месяцев римские войска, которые теперь вернулись в Антиохию, прошли 1500 миль, перенеся все тяготы войны, голода и климата. Несмотря на их заслуги, усталость и приближение зимы, робкий и нетерпеливый Ювиан позволил солдатам и лошадям отдохнуть всего шесть недель. Император не мог выносить нескромных и злобных насмешек жителей Антиохии. Он с нетерпением ждал, когда сможет завладеть дворцом в Константинополе и помешать амбициям какого-нибудь соперника, который мог бы занять вакантное место в Европе. Но вскоре он получил радостную весть о том, что его власть была признана от Фракийского Босфора до Атлантического океана. В первых письмах, отправленных императором из лагеря в Месопотамии, он передал военное командование Галлией и Иллириком Малариху, храброму и верному офицеру из народа франков, и своему тестю графу Луциллиану, который ранее прославился своим мужеством и поведением при обороне Нисибиса. Маларих отказался от должности, которую считал для себя неподходящей, а Луциллиан был убит в Реми [Реймсе] во время случайного мятежа батавских когорт. Но умеренность Йовина, главнокомандующего кавалерией, который простил попытку своего смещения, вскоре успокоила бурю и укрепила колеблющиеся умы солдат. Была произнесена клятва верности, сопровождаемая лояльными возгласами, и представители западных армий приветствовали своего нового правителя, когда он спускался с горы Тавр в город Тиана в Каппадокии. Из Тианы он продолжил свой поспешный марш в Анкиру, столицу провинции Галатия, где Йовиан вместе со своим маленьким сыном принял имя и знаки консульства. Дадастана, малоизвестный город, расположенный почти на равном расстоянии между Анкирой и Никеей, стала местом, где закончилось его путешествие и его жизнь. После обильного, возможно, чрезмерного ужина он удалился на покой, а на следующее утро император Йовиан был найден мертвым в своей постели.

Причины внезапной смерти Йовиана были по-разному истолкованы. Некоторые приписывали ее последствиям несварения желудка, вызванного либо количеством выпитого вина, либо качеством грибов, которые он съел вечером. По мнению других, он задохнулся во сне от паров угля, которые вытягивали из стен комнаты вредную влагу из свежей штукатурки. Тело Йовиана было отправлено в Константинополь, чтобы быть похороненным вместе с его предшественниками; и печальную процессию на дороге встретила его жена Харито, дочь графа Луциллиана, которая все еще оплакивала недавнюю смерть своего отца и спешила высушить слезы в объятиях императорского мужа. Ее разочарование и горе были усугублены тревогой материнской нежности. За шесть недель до смерти Ювиана его младенец-сын был посажен на курульный трон, удостоен титула *Nobilissimus* и тщеславных знаков консульства. Не осознавая своего счастья, королевский юноша, который по имени своего деда принял имя Варрониан, только благодаря ревности правительства помнил, что он сын императора. Шестнадцать лет спустя он был еще жив, но уже лишился одного глаза, и его страдающая мать с каждым часом ожидала, что невинная жертва будет вырвана из ее объятий, чтобы его кровью успокоить подозрения правящего принца.

ВАЛЕНТИНИАН И ВАЛЕНС

После смерти Йовиана трон Римской империи оставался без хозяина в течение десяти дней. Министры и генералы продолжали собираться на совещания, выполнять свои соответствующие функции, поддерживать общественный порядок и мирно вести армию в город Никею в Вифинии, который был выбран местом выборов. На торжественном собрании гражданских и военных властей империи диадема была вновь единодушно предложена

префекту Саллюстию. Он наслаждался славой второго отказа, и когда в пользу его сына были приведены добродетели отца, префект с твердостью бескорыстного патриота заявил избирателям, что слабый возраст одного и неопытная молодость другого одинаково не позволяют им выполнять трудоемкие обязанности правительства. Было предложено несколько кандидатов, и после взвешивания возражений, связанных с их характером или положением, они были последовательно отклонены; но как только было произнесено имя Валентиниана, заслуги этого офицера объединили голоса всего собрания и получили искреннее одобрение самого Саллюстия.

Валентиниан был сыном графа Грациана, уроженца Цибалиса в Паннонии, который из неизвестного сословия поднялся благодаря своей несравненной силе и ловкости до военного командования в Африке и Британии, откуда он ушел в отставку с большим состоянием и подозрительной честностью. Однако звание и заслуги Грациана способствовали тому, что первые шаги его сына по служебной лестнице были гладкими, и дали ему возможность рано проявить те твердые и полезные качества, которые подняли его характер выше обычного уровня его сослуживцев.

Валентиниан был высоким, изящным и величественным человеком. Его мужественное лицо, отмеченное следами чувств и духа, внушало его друзьям благоговейное уважение, а врагам — страх; и в дополнение к его неустрашимой храбрости сын Грациана унаследовал крепкое здоровье и сильное телосложение. Благодаря привычкам целомудрия и воздержания, которые сдерживают аппетиты и бодрят силы, Валентиниан сохранил свое собственное и общественное уважение. Военная служба отвлекла его молодость от изящных занятий литературой; он не знал греческого языка и искусства риторики, но, поскольку ум оратора никогда не смущался робкой растерянностью, он был способен, когда того требовала ситуация, высказывать свои решительные мнения смелой и беглой речью. Законы военной дисциплины были единственными законами, которые он изучал (), и вскоре он прославился трудолюбием и неукоснительным строгостью, с которыми он выполнял и обеспечивал выполнение обязанностей в лагере. Во времена Юлиана он подверг себя опасности позора, публично выразив презрение к господствующей религии; и, судя по его последующему поведению, можно предположить, что неосторожность и несвоевременная свобода Валентиниана были скорее результатом военного духа, чем христианского рвения. Однако он был помилован и по-прежнему находился на службе у принца, который ценил его заслуги; и в ходе различных событий Персидской войны он укрепил репутацию, которую уже завоевал на берегах Рейна. Быстрота и успех, с которыми он выполнил важное поручение, рекомендовали его к благосклонности Ювиана и к почетной должности командира второй школы, или роты, стрелков из лука, в составе внутренней гвардии. Во время похода из Антиохии он достиг своих квартир в Анкире, когда неожиданно, без вины и интриг, был призван в сорок третьем году своей жизни принять на себя абсолютное правление Римской империей.

Приглашение министров и генералов в Никее не имело большого значения, если оно не было подтверждено голосом армии. Пожилой Саллюстий, который долго наблюдал за нерегулярными колебаниями народных собраний, предложил под страхом смерти, чтобы ни один из тех, чей ранг на службе мог вызвать партию в их пользу, не появлялся на публике в день инаугурации. Однако древнее суеверие было настолько распространено, что к этому опасному промежутку времени добровольно добавили целый день, поскольку он оказался високосным. Наконец, когда час был признан благоприятным, Валентиниан появился с высокого трибуна; мудрый выбор был встречен аплодисментами (), и новый принц был торжественно коронован и облачен в пурпур под восторженные возгласы войск, которые были выстроены в боевом порядке вокруг трибуна. Но когда он протянул руку, чтобы обратиться к вооруженной толпе, в рядах случайно зашумели, и шум незаметно перерос в

громкий и властный крик, требующий, чтобы он без промедления назначил соправителя в империи.

Неустрашимое спокойствие Валентиниана наконец заставило всех замолчать и вызвало уважение; и он обратился к собравшимся со следующими словами: «Еще несколько минут назад вы, товарищи по оружию, могли оставить меня в неизвестности частной жизни. Судя по свидетельствам моей прошлой жизни, вы решили, что я достоин править, и возвели меня на престол. Теперь мой долг — заботиться о безопасности и интересах республики. Вес вселенной, несомненно, слишком велик для рук слабого смертного. Я осознаю пределы своих способностей и неопределенность своей жизни; и, далеко не отказываясь, я с нетерпением прошу помощи достойного коллеги. Но там, где раздор может быть фатальным, выбор верного друга требует зрелого и серьезного размышления. Это размышление будет моей заботой. Ведите себя должным образом и последовательно. Отправляйтесь в свои казармы, отдохните телом и душой и ожидайте обычного подарка по случаю вступления на престол нового императора».

Удивленные войска, испытывая смешанные чувства гордости, удовлетворения и страха, признали голос своего повелителя. Их гневные возгласы сменились молчаливым почтением, и Валентиниан, окруженный орлами легионов и разноцветными знаменами кавалерии и пехоты, был сопровожден с воинственной помпой во дворец Никеи. Однако, понимая важность предотвращения поспешных заявлений солдат, он проконсультировался с собранием вождей, и их истинные чувства были лаконично выражены щедрой откровенностью Дагалайфа. «Превосходный принц, — сказал этот офицер, — если вы думаете только о своей семье, у вас есть брат; если вы любите республику, оглянитесь вокруг и найдите самого достойного из римлян».

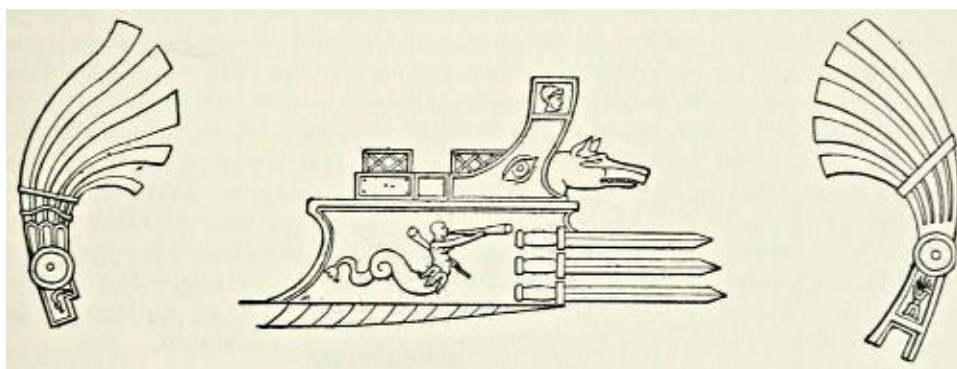
Император, сдерживая свое недовольство, но не изменяя своим намерениям, медленно продвигался из Никии в Никомедию и Константинополь. В одном из пригородов столицы, через тридцать дней после своего возвышения, он присвоил титул Августа своему брату Валенсу; и поскольку самые смелые патриоты были убеждены, что их сопротивление, не принося пользы стране, будет фатальным для них самих, провозглашение его абсолютной воли было принято с молчаливым подчинением. Валенту было теперь тридцать шесть лет, но его способности никогда не применялись ни в военной, ни в гражданской сфере, и его характер не внушал миру никаких оптимистических надежд. Однако он обладал одним качеством, которое рекомендовало его Валентиниану и сохраняло внутренний мир в империи: благочестивой и благодарной привязанностью к своему благодетелю, чье превосходство как в гении, так и в авторитете Валент смиренно и радостно признавал в каждом своем поступке.

Прежде чем Валентиниан разделит провинции, он реформировал администрацию империи. Все сословия подданных, которые были ущемлены или угнетаемы при правлении Юлиана, были приглашены поддержать свои публичные обвинения. Молчание народа свидетельствовало о безупречной честности префекта Саллюстия; его собственные настойчивые просьбы о разрешении уйти из государственных дел были отклонены Валентинианом с самыми почетными выражениями дружбы и уважения. Но среди фаворитов покойного императора было много тех, кто злоупотреблял его доверчивостью или суеверием и кто больше не мог надеяться на защиту ни благосклонности, ни справедливости.^[62] Большая часть министров дворца и губернаторов провинций была отстранена от своих должностей; однако выдающиеся заслуги некоторых чиновников были отмечены среди неприятной толпы, и, несмотря на противоположные возгласы ревности и негодования, весь ход этого деликатного расследования, по-видимому, велся с разумной долей мудрости и умеренности. Празднование нового правления было ненадолго и

подозрительно прервано внезапной болезнью двух принцев, но как только их здоровье восстановилось, они покинули Константинополь в начале весны. В замке или дворце Медиана, всего в трех милях от Наисса, они осуществили торжественное и окончательное разделение Римской империи. Валентиниан передал своему брату богатую префектуру Востока, от нижнего Дуная до границ Персии, а себе оставил под непосредственным управлением воинственные префектуры Иллирии, Италии и Галлии, от крайней точки Греции до Каледонского вала и от Каледонского вала до подножия горы Атлас. Провинциальная администрация осталась на прежней основе, но для двух советов и двух судов потребовалось двойное количество генералов и магистратов: раздел был произведен с учетом их особых заслуг и положения, и вскоре было создано семь генералов-мастеров, как кавалерийских, так и пехотных. Когда это важное дело было решено по-дружески, Валентиниан и Валент обнялись в последний раз. Император Запада установил свою временную резиденцию в Медиолане, а император Востока вернулся в Константинополь, чтобы взять на себя управление пятьюдесятью провинциями, язык которых он совершенно не знал.^{[b](#)}

[363-369 гг. н. э.]

Когда Юлиан ушел, варвары, на время отбитые, вновь обратились к римским провинциям. Аламаны и бургунды пересекли верхний Рейн, квады и сарматы — Дунай. Франки вышли из своих лагерей на нижнем Рейне, а саксонские пираты вновь заволокли моря. В Британии пикты и скоты спустились с гор. В Африке восстал мавританский вождь Фирмус. Казалось, что весь варварский мир поднялся на борьбу с падающей и униженной империей. Валентиниан проявил мужество, необходимое для противостояния опасности; в этой сложной задаче ему помогали способные полководцы: Йовин, Себастьян и, прежде всего, Феодосий. В 365 году он обосновался в Париже, чтобы более внимательно следить за варварами, подверг наказанию войско, позволившее захватить свои знамена, и, почувствовав большую уверенность в своих войсках после возрождения древней дисциплины, выступил против аламаннов, которых он разгромил под Каталунями (Шалон) (366).

Носовые части римских военных галер

Два года спустя один из их королей, Рандон, застал Могонтиакум врасплох *во время праздника* и захватил много добычи и пленных. Подобные экспедиции были в ходу, и весь аламаннский союз был взволнован. Император возобновил политику Диоклетиана, Тиберия и Августа и посеял раздор среди варваров. Бургунды, которые уже достигли определенной степени цивилизации (), были переманиваемы и противостояли аламанам. Он сам пересек Рейн с многочисленной армией и победил мятежные племена возле Солициниума (^{[163](#)}) в 368

году. Часть следующего года он посвятил возведению укреплений, охранявших переправы через реку, а на Неккаре, возле Мангейма, начал работы, которым он хотел придать большое значение. Чтобы дать понять варварам, что империя намерена возобновить свою агрессивную позицию по отношению к ним, он вошел в великую долину Менуса (Майна), протекающего через сердце Германии. Аламанный король Макриан был встревожен и просил о мире, и Валентиниан вернулся с триумфом в Аугусту Тревирурум (Трейс) со своим сыном Грацианом. Поэт Авзоний из Бурдигалы (Бордо), наставник молодого принца, и Симмах, последний оратор Рима, прославили эти подвиги, которые обеспечили безопасность Галлии.

Во время этих операций на Рейне «короли моря», саксы, были изгнаны с берегов, которые они привыкли грабить, а граф Феодосий, отец будущего императора, приобрел в Британии славу, почти равную среди его современников славе Агриколы; но у него не было Тацита в качестве зятя. Он спас бриттов от грабежей пиктов, восстановил римское господство, которое было почти изгнано с острова, и укрепил его мудрым управлением. Некоторое время спустя он проявил те же таланты в Африке. Притеснения последних губернаторов и их жестокость по отношению к донатистам вызвали такое большое недовольство, что мавр Фирмус смог завоевать большую часть страны. Феодосий подавил восстание и после смерти Валентиниана восстановил мир в провинции, но, оказавшись вовлеченным в некую темную интригу, несмотря на свою невиновность и заслуги, был обезглавлен в Карфагене.

Внутреннее управление провинциями Валентиниан осуществлял жестко и часто жестоко. Он практически не применял других наказаний за преступления, кроме смертной казни. И если верить не очень достоверной истории, он содержал в своем дворце двух огромных медведей, которые разрывали преступников на куски на его глазах. В религиозных вопросах он следовал принципам терпимости по отношению ко всем религиям, хотя сам принадлежал к православной церкви. Только маги, число которых в то время быстро росло, подвергались упорной охоте. Мудрые законы против выставления детей на улицу, об управлении школами, о найме платных врачей в Риме и о создании в провинциальных городах защитников или попечителей города показывают, что он был не только военачальником. К несчастью для империи, он погиб в походе против квадов. Когда этот народ, которого он намеревался наказать за вторжение в Иллирикум, услышал о его приближении, он послал ему скромное посольство, к которому он отказался прислушаться. После того как он безжалостно опустошил их страну, он согласился принять их представителей, но говорил с ними с такой страстью, что у него лопнул кровеносный сосуд, и через несколько мгновений он скончался (375 г.). Преемником Валентиниана стал его сын Грациан, который с 367 года носил титул Августа и теперь был всего семнадцати лет. Он принял своего брата Валентиниана II, которому тогда было всего четыре года, в качестве коллеги и уступил ему префектуры Италии и Иллирии.

ВТОРЖЕНИЕ ГОТОВ НА ВОСТОКЕ (375); БИТВА ПРИ АДРИАНОПОЛИИ И СМЕРТЬ ВАЛЕНСА (378)

[366-375 гг. н. э.]

Во время этих событий на Востоке правил подозрительный и слабый принц Валент, которому пришлось подавить восстание Прокопия, двоюродного брата Юлиана. Этот узурпатор был уличен в измене и обезглавлен (366 г.), но Валент, далек от того, чтобы подражать осторожной сдержанности своего брата, возмутил весь Восток жестокими гонениями на магов и тех, кто к ним обращался, а также своей пристрастностью к арианам. Верующие православной церкви вновь были встревожены, епископы изгнаны из своих

епархий, а на архиепископский престол в Константинополе был возведен арианин. Церковь понесла бы еще более страшные страдания, если бы серьезность политических событий, наполнивших это царствование, оставила Валенту достаточно свободного времени, чтобы удовлетворить все требования лидеров еретиков. Шапур изгнал царей Армении и Иберии. Валент восстановил их и заставил Великого царя согласиться на заключение договора с империей. Это был успех, но, к сожалению, на фракийской границе готовилась страшная катастрофа.

Прокопий, когда он поднял восстание, нанял на свою службу отряд из трех тысяч вестготов. Когда узурпатор был свергнут, Валент попытался наказать варваров за оказанную им помощь. Трехлетняя война закончилась договором, по которому варвары были отправлены за Дунай, субсидии, которые им выплачивала империя, были отменены, а в обмен были переданы два пограничных города. Атанарик, один из главных вождей западных готов или вестготов, живших к северу от нижнего Дуная, принял это соглашение от имени своего народа. Епископ Ульфилас только что обратил часть готов в арианство. Он составил перевод Евангелий на их языке, который стал первым письменным памятником их языка. Рукопись хранится в Упсале. Ульфила сначала должен был создать алфавит, который он в значительной степени заимствовал у греков. Таким образом, арианство вернулось вместе с варварами во время вторжения.

К этому вторжению мы приближаемся, после того как почти двести лет наблюдали его постоянную угрозу. Люди, которые его осуществили, были чужды германской расе, поскольку были племенами гуннов, принадлежащими к монгольской расе, насколько можно судить по описанию, которое древние писатели оставили нам о чертах и обычаях этих свирепых орд. Гунны были кочевниками и почти не признавали социальных связей. Во время своих походов племена следовали за отдельными вождями, которые, однако, иногда объединялись для совместных предприятий. Атилла, один из них, по-видимому, был первым, кто сумел заставить весь народ признать свою власть.

Все гунны были всадниками и не знали других жилищ, кроме своих палаток или хижин. Столь же жадные и жестокие, как монголы средневековья, убившие под предводительством Чингисхана пять или шесть миллионов человек, они грабили золото и серебро — не для того, чтобы использовать их, потому что они не понимали, как это делать, а просто для того, чтобы обладать ими. Следуя своим бродячим инстинктам и стремясь увеличить эти бесполезные сокровища, они предпринимали катастрофические походы против цивилизованных народов. Их набеги, столь быстрые и неожиданные, сеяли больше ужаса, чем набеги любого другого варварского народа того времени, потому что везде, где они проходили, они уничтожали, просто для удовольствия уничтожать. Атилла, их великий вождь, позже хвастался, что трава не вырастает там, где прошла его лошадь. Существовала легенда, что они родились в пустыне демонов и ведьм, и их жестокость по отношению к женщинам, которых даже германцы в своих грабежах уважали, казалось, подтверждала это нечистое происхождение.

[375-378 гг. н. э.]

Где они жили сначала и что заставило их мигрировать на запад, неизвестно, но, по-видимому, установлено, что в то время, когда скандинавские и германские племена начали пробуждаться, кочевые орды Западной Азии свернули свои шатры и двинулись на запад. Их поход, многократно прерывавшийся и сопровождавшийся длительными перерывами из-за упорного сопротивления некоторых племен, возобновлялся, когда препятствие было преодолено или когда они привлекали к себе народы, которые останавливали их путь. Именно это произошло во времена Валента. Гунны пересекли Урал и покорили аланов,

которые жили между Волгой и Черным морем. Часть этих людей бежала за Кавказ, где их потомки живут до сих пор; остальные последовали за завоевателями, которые, распространившись по обширным равнинам Сарматии, столкнулись с великим царством готов.

Этот великий германский народ, постепенно спустившийся от устья Одера к Дунаю и Понту Эвксинскому, долгое время оставался разделенным под властью множества вождей. Но Германрик объединил большую часть своих племен и основал могущественное государство, королевство остготов или восточных готов, которое простиралось от Балтийского до Черного моря, и ряд народов подчинился ему. Это королевство перекрывало весь континент и, если бы оно не находилось уже в процессе распада, несомненно, остановило бы вторжение.

Когда пожилой Германрик узнал о приближении врага, он, несмотря на свои 110 лет, приступил к большим приготовлениям. Но вассальные племена не проявляли особого рвения к такой грозной войне. Два вождя роксолан, сестру которых он приказал затоптать копытами своих лошадей, потому что ее муж отказался вооружиться для него, попытались убить его. Другие вожди также отказались подчиняться, и старый король в отчаянии бросился на свой меч. Его преемник Витимер был побежден и убит. Он оставил маленького сына, которого спасли Алафей и Сафрак, два готских воина, долгое время служивших в римской армии. Оставив большую часть народа, чтобы подчиниться завоевателям, они с королевским ребенком проникли вглубь страны благодаря умелым маршам и ускользнули от преследования гуннов, которые были заняты борьбой с новым врагом. Атанарик, вождь западных готов, продвинулся до Данастриса (Днестра), чтобы защитить проход; их кавалерия переправилась через реку ночью и атаковала его с тыла. Не оставалось ничего другого, как отступить до Пиретуса (Прута). Там Атанарик хотел возвести укрепления от Карпат до моря и таким образом остановить гуннов, но его обескураженный народ предпочел просить убежища на территории империи. Сам храбрый вождь отказался от такого позора или не решился довериться гостеприимству Валента и бежал в горы с несколькими верными воинами (375).

Когда императору сообщили, что остатки готского народа теперь просят у него пощады, его польщенная гордость заставила его забыть о благоразумии, и он открыл империю для этой толпы, которая все еще насчитывала двести тысяч воинов. Единственным условием было то, что они должны сложить оружие и отдать некоторых из своих детей в заложники, которых отправили в небольшие города Малой Азии. Варвары согласились на все. Но когда имперские чиновники увидели, что они разоружены, они продавали им продовольствие только по самым высоким ценам. Сначала они израсходовали все свои деньги, затем продали своих рабов, а потом и своих детей. Когда у них не осталось ничего, они были вынуждены силой брать то, что им отказывали, и стали грабить страну. Они не сдали всего своего оружия и изготовили еще. Алафей и Сафрак, которые примерно в то же время прорвали оборону на Дунае и присоединились к своим товарищам, увеличили как их число, так и их уверенность. Вся Фракия была отдана на разграбление. Даже гунны и аланы прибежали, чтобы разделить добычу.

Валенс собрал свои войска, чтобы сразиться с ними, и также обратился за помощью к своему племяннику. Грациан обещал помощь, но молодой аламанн из его охраны, уехавший в отпуск к своему народу, рассказал об этих приготовлениях, и аламанны сочли это благоприятной возможностью для нападения на опустошенные границы, и их движение заставило удержать войска, предназначенные для Валенса. Однако с каждым днем опасность для этого принца возрастала. Все варвары, поселившиеся в дунайских

провинциях, все германские пленники, которых туда перевезли императоры- , поспешили присоединиться к своим братьям. В течение целого года легионы тщетно пытались остановить разрушения. Наконец, в 378 году Валент прибыл с частью восточной армии. Грациан также был в походе, но Валент хотел предотвратить концентрацию варваров в одном месте и выступил против них.^c

Готские племена намеревались занять ущелья на пути из Константинополя в Адрианополь, но императорские войска действовали так умело и быстро, что беспрепятственно достигли последнего и укрепились в прочном лагере под его стенами. Был созван совет для принятия решения о дальнейших действиях.^e

ВАЛЕНТ ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ ГОТОВ

[378 г. н.э.]

Девятого августа, в день, который заслуживает быть отмеченным среди самых несчастливых в римском календаре, император Валент, оставив под сильной охраной свой багаж и военные сокровища, выступил из Адрианополя, чтобы атаковать готов, которые расположились лагерем примерно в двенадцати милях от города. Из-за какой-то ошибки в приказах или незнания местности правое крыло или колонна кавалерии оказались в поле зрения врага, в то время как левое крыло все еще находилось на значительном расстоянии; солдаты были вынуждены в знойную летнюю жару ускорить шаг, и боевой порядок был сформирован с утомительной путаницей и нерегулярными задержками. Готская кавалерия была откомандирована на поиски продовольствия в соседние земли, а Фритигерн продолжал применять свои обычные уловки. Он посылал гонцов с мирными предложениями, требовал заложников и тянул время, пока римляне, оставленные без укрытия под палящими лучами солнца, не были измучены жаждой, голодом и невыносимой усталостью. Императора убедили послать посланника в готский лагерь; ревность Рихомера, который единственный имел мужество принять опасное поручение, была встречена аплодисментами.

Готский воин

(По мотивам Хотмота)

Граф домашней стражи, украшенный великолепными знаками своего достоинства, прошел некоторое расстояние между двумя армиями, когда его внезапно отозвали тревожные сигналы с поля сражения. Поспешную и неосторожную атаку предпринял иберийский военачальник Бакурий, командовавший отрядом лучников и копьеносцев; и так же поспешно, как они наступали, они отступили, понеся потери и позор. В тот же момент летучие отряды Алафея и Сафракса, возвращения которых с нетерпением ждал генерал готов, как вихрь спустились с холмов, пронеслись по равнине и придали новый ужас бурной, но непреодолимой атаке варварского войска. Исход битвы при Адрианополе, столь рокового для Валента и империи, можно описать в нескольких словах: римская кавалерия бежала, пехота была брошена, окружена, и изрезана на куски. Самые искусные маневры, самая твердая храбрость едва ли достаточны, чтобы вырвать пехоту, окруженную на открытой равнине превосходящими силами конницы; но войска Валента, угнетенные тяжестью врага и собственными страхами, были скучены на узком пространстве, где им было невозможно расставить свои ряды или даже эффективно использовать мечи и копья.

Среди суматохи, резни и паники император, покинутый своей охраной и, как предполагалось, раненный стрелой, искал защиты среди ланцарии и маттиарии, которые все еще удерживали свои позиции, сохраняя некоторую видимость порядка и твердости. Его верные генералы, Траян и Виктор, осознав опасность, громко воскликнули, что все потеряно, если не удастся спасти императора. Некоторые войска, воодушевленные их призывом « », поспешили ему на помощь; они нашли только кровавое место, покрытое

грудой сломанного оружия и изувеченных тел, не сумев обнаружить своего несчастного принца ни среди живых, ни среди мертвых. Их поиски не могли увенчаться успехом, если верить обстоятельствам, с которыми некоторые историки связывают смерть императора. Благодаря заботе своих слуг Валент был перенесен с поля битвы в соседнюю хижину, где они попытались перевязать его рану и обеспечить его будущую безопасность. Но его скромное убежище было мгновенно окружено врагом; они пытались выломать дверь; их провоцировали стрелами, пущенными с крыши, пока, наконец, не терпя больше задержки, они не подожгли кучу сухих хворостов и не сожгли хижину вместе с римским императором и его свитой. Валент погиб в пламени; только один юноша, выпавший из окна, спасся, чтобы подтвердить эту печальную историю и сообщить готам о неоценимой добыче, которую они потеряли из-за своей опрометчивости. Большое количество храбрых и выдающихся офицеров погибло в битве при Адрианополе, которая по фактическим потерям сравнилась, а по фатальным последствиям значительно превзошла несчастье, которое ранее постигло Рим на полях Канн.

Гордость готов была возвышена этой памятной победой, но их алчность была разочарована унижительным открытием, что самая богатая часть императорской добычи находилась внутри стен Адрианополя. Они поспешили завладеть наградой за свою доблесть, но столкнулись с остатками побежденной армии, проявившей бесстрашную решимость, которая была результатом их отчаяния и единственной надеждой на спасение. Стены города и валы соседнего лагеря были уставлены военными машинами, которые бросали камни огромного веса и поражали невежественных варваров шумом и скоростью, даже больше, чем реальными последствиями выстрела. Солдаты, граждане, провинциалы, слуги дворца были едины в опасности и в обороне; яростная атака готов была отбита; их тайные уловки и измена были раскрыты; и после упорного многочасового сражения они отступили в свои палатки, убедившись на собственном опыте, что гораздо разумнее соблюдать договор, который их мудрый вождь молчаливо заключил с укреплениями больших и густонаселенных городов. После поспешной и недальновидной казни трехсот дезертиров, акта правосудия, чрезвычайно полезного для дисциплины римских войск, готы с негодованием сняли осаду с Адрианополя. Место войны и беспорядков мгновенно превратилось в безмолвную пустошь: толпа внезапно исчезла; тайные тропы лесов и гор были отмечены следами дрожащих беглецов, которые искали убежища в отдаленных городах Иллирии и Македонии; а верные офицеры императорской охраны () и казначейства осторожно отправились на поиски императора, о смерти которого они еще не знали. Волна готского нашествия прокатилась от стен Адрианополя до пригородов Константинополя.

Варвары были удивлены великолепным видом столицы Востока, высотой и протяженностью стен, мириадами богатых и испуганных граждан, которые толпились на валах, разнообразными видами моря и суши. Пока они с безнадежным желанием смотрели на недоступные красоты Константинополя, из одних из ворот выскочила группа сарацин, которые, к счастью, были на службе у Валента. Скифская кавалерия была вынуждена уступить перед восхитительной быстротой и энергией арабских лошадей; их всадники были искусны в маневрах нерегулярной войны, и северные варвары были потрясены и приведены в ужас бесчеловечной жестокостью южных варваров. Гогский солдат был убит кинжалом араба; и волосатый, обнаженный дикарь, приложив губы к ране, выражал ужасное удовольствие, сосая кровь своего поверженного врага. Армия готов, груженная добычей из богатых пригородов и прилегающих территорий, медленно продвигалась от Босфора к горам Эмпирика (), которые образуют западную границу Фракии. Важный перевал Суччи был предан из-за страха или проступка Мавра; и варвары, которые больше не опасались сопротивления со стороны разрозненных и побежденных войск востока,

распространились по плодородной и возделанной стране вплоть до границ Италии и Адриатического моря.^b

[378-382 гг. н. э.]

Грациан, которому повезло больше, в то же время разгромил аламаннов под Кольмаром. Но Восточная империя осталась без главы. Грациан не мог и думать о том, чтобы добавить эту тяжёлую корону к той, которую он уже носил, и, чтобы помочь ему в трудной задаче по устранению великой катастрофы, под гнетом которой стонала нация, он обратил свой взор на Феодосия, сына доблестного графа Феодосия.

ТЕОДОСИЙ НАЗВАН АВГУСТОМ

После несчастной кончины отца Феодосий удалился в Испанию, свою родную страну. Грациан отозвал его и 19 января 379 года присвоил ему титул Августа и две префектуры: Восточную и Иллирийскую. Феодосий смело приступил к делу. Азия была спокойна благодаря жестокой мере. Все готы, отправленные в качестве заложников в провинции, были созваны в один и тот же день в главные города, чтобы получить подарки в виде денег и земли. Но там их ждали войска; застигнутые врасплох и беззащитные, они были убиты. В Фракии их братья и отцы мстили за них. Феодосий должен был реформировать армию и, прежде всего, поднять боевой дух солдат. Ему удалось это сделать, дав им возможность сражаться в множестве небольших битв, в которых он тщательно следил за их успехом. Это была старая тактика Фабия Кунктатора против Ганнибала, и в данном случае она оказалась еще более успешной. Он не позволял ни одной крепости попасть в руки врага, численность которого он уменьшал, провоцируя дезертирство, так что, не одержав большой победы, он заставил готов пойти на переговоры.

[382-388 гг. н. э.]

Фритигерн, завоеватель Адрианополя, был мертв; его преемник, доблестный Атанарик, позволил заманить себя в Константинополь, где, ослепленный блеском роскошного двора, он убедил свой народ принять предложения императора (октябрь 382 г.). Феодосий, по сути, дал им то, что они хотели. Он поселил их во Фракии и Мезии, поручив им защищать переправу через Дунай. Сорок тысяч воинов-готов были зачислены в императорские войска.

Это означало фактически передачу империи в их руки, поскольку эти готы, оставаясь национальным образованием под руководством своих национальных вождей и имея собственную военную организацию, вскоре почувствовали в себе пробудившиеся инстинкты грабежа и потребность в приключениях. Еще через несколько лет они захватили бы Рим, разграбив Грецию и Италию, и война, которую они таким образом перенесли бы в самое сердце империи, сровняла бы с землей барьеры, через которые этот поток вторжения был предназначен пройти.

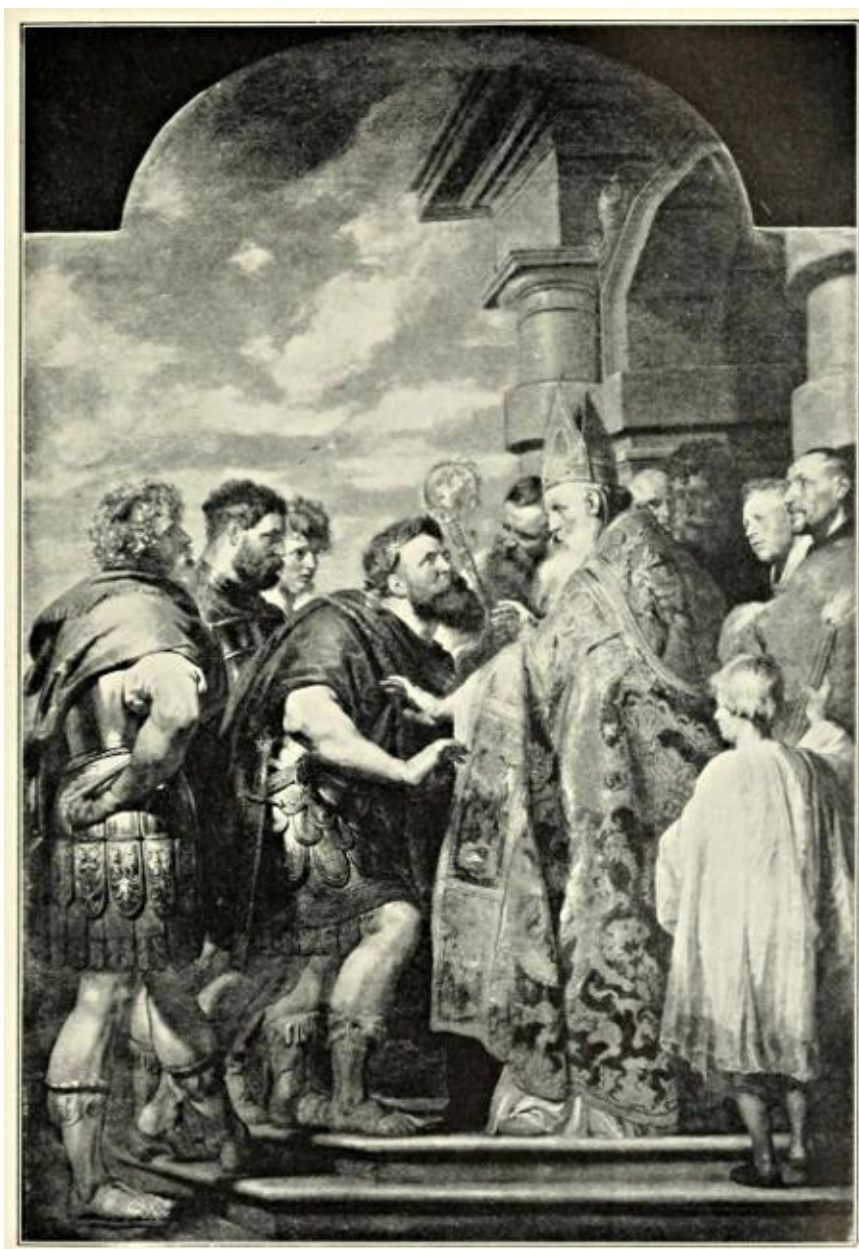
Однако на данный момент Феодосий положил конец плачевной ситуации, и империя, полагая себя спасенной, проявила свою благодарность. Те печальные события, которые произошли на Западе и привели к воссоединению всей империи Августа под его властью, на время усилили его славу. Церковь, избавленная им от арианства (), считала его вторым Константином, и эпитет «великий» остался присоединенным к имени последнего повелителя римского мира.

Грациан, активный, умный и храбрый, тем не менее был свергнут узурпатором. Страстно увлеченный охотой, он забыл о своих княжеских обязанностях и теперь обычно появлялся в

окружении аланских лучников. Это предпочтение раздражало солдат, и британские легионы провозгласили своим императором своего вождя Максима, одного из способных соратников графа Феодосия. Максим немедленно вторгся в Галлию. Грациан, брошенный своими войсками, пытался добраться до Альп, но, будучи настигнутым возле Лиона, был казнен (25 августа 383 года). Для этой экспедиции Максим вывел легионы из Британии. Остров, оставленный без защиты, вскоре был опустошен набегами пиктов и скотов, а также вторжениями саксов и фризов.

Феодосий с радостью отомстил бы своему благодетелю, но на Востоке еще не было восстановлено спокойствие, и гражданская война могла бы привести к потере всего. Он признал узурпатора правителем Галльской префектуры при условии, что тот оставит Итальянскую префектуру молодому Валентиниану II (385 г.). Мать последнего, Юстина, в своем рвении к арианству, стремилась распространять ересь в провинциях своего сына, которые отнюдь не были к ней благосклонны. В Медиолане оппозиция была очень сильна. Она пыталась преодолеть ее, угрожая изгнать архиепископа Святого Амвросия, но народ отразил ее варварскую стражу. Максим считал ситуацию благоприятной. Он пересек Альпы, и Валентиниан II бежал (387) к Феодосию в Фессалоники.

Этот принц уже заявил о своей решительной оппозиции арианам. Еще в 380 году он принял крещение, издал указы в пользу православия и изгнал Дамофила, патриарха Константинополя, из его кафедры, которая была передана Григорию Назианзинскому. Собор, собравшийся в Константинополе (381), вновь осудил ересь и подтвердил Никейский символ веры. Юстина обязана была своими несчастьями своему рвению в арианстве, но Феодосий женился на ее дочери, прекрасной Галле, поэтому императрица, несмотря на свою неосторожность, могла рассчитывать на поддержку своего зятя. Однако он колебался почти год, пока не узнал, что Максим своей жестокостью настроил против себя всех итальянцев.

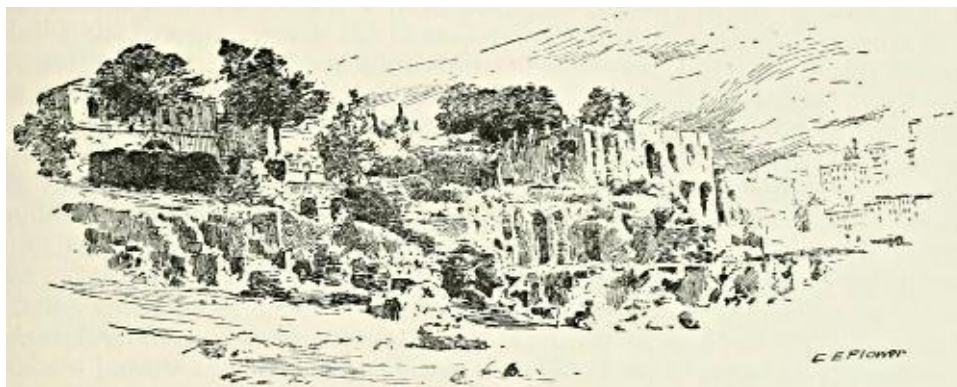

ТЕОДОСИЙ ЗАПРЕЩАЕТ СВЯТОМУ АМБРОЗИЮ ВХОД В ХРАМ

[388-395 гг. н. э.]

Теодосий вступил в Паннонию в 388 году и отвлек внимание Максима в Галлии с помощью саксов и франков. Максим использовал против него те же средства и подкупил его варварские войска. Если бы он не предусмотрел это и не принял строгих мер, то произошли бы опасные дезертирства. Узурпатор, побежденный на берегах Савы, был предан своими же солдатами и казнен в Аквилее. Феодосий не оставил себе ни одной части завоеванных земель, а передал их Валентиниану. Чтобы укрепить власть молодого принца и искоренить ересь и последние остатки язычества, которые еще сохранялись в западных провинциях, он пробыл три года в провинции своего зятя. При отъезде он оставил ему в качестве главного министра Арбогаста Франка, который только что освободил Галлию от германцев, и заполнил все гражданские и военные должности варварами. Валентиниан не долго терпел эту опеку; он хотел лишить графа всех его должностей. «Я получил свою должность от

Феодосия, — ответил Арбогаст перед всем двором, — и только он один может ее у меня отобрать». Валентиниан в ярости бросился на Арбогаста с мечом в руке. Через несколько дней его нашли мертвым (15 мая 392 года).

ПАЛАТИН, РИМ

Арбогаст не мог надеяться, что Феодосий оставит это убийство безнаказанным. Не осмеливаясь провозгласить себя императором, он накинул пурпурную мантию на плечи императорского секретаря, риторы Евгения. Феодосий, мститель православия, имел на своей стороне католическое духовенство. Арбогаст и Евгений пытались привлечь на свою сторону всех оставшихся язычников. Такое поведение вызвало против них восстание христианского населения. Одна битва, произошедшая недалеко от Аквилеи, положила конец этому правлению. Евгений был взят в плен и казнен; Арбогаст покончил с собой (394 г.). На этот раз победитель сохранил свои завоевания.

Эта победа удвоила рвение Феодосия к православию. Он под страшной карой запретил поклонение богам, которые, изгнанные из городов, укрылись среди сельского населения (*pagani*), и лишил еретиков не только всех почестей, но и права распоряжаться своим имуществом. С другой стороны, многочисленные и мудрые постановления свидетельствовали о постоянной озабоченности монарха поиском средств для исправления некоторых из зол, которые терзали этот умирающий социальный порядок. Он не мог добиться успеха, поскольку эти злы были неизлечимы, но, по крайней мере, он прославил последние дни империи, проявив на троне такую добродетель, которую подданные редко были вынуждены почитать. Мы видели его бескорыстность и благодарность семье своего благодетеля; добавим, что в его многочисленной семье всегда царил мир — что, если он и держал при дворе придворных, то у него были и друзья.

Перед смертью (17 января 395 г.) он разделил империю между своими двумя сыновьями Аркадием и Гонорием; это было необратимое разделение, которое до сих пор сохраняется в разных религиях и цивилизациях этих двух половин древнего мира.

Один великий поступок приносит честь Феодосию. Жители Фессалоник убили губернатора и нескольких имперских чиновников во время мятежа. В аналогичных обстоятельствах Феодосий помиловал жителей Антиохии (387 г.). На этот раз он впал в ярость и отдал приказ, который стоил жизни семи тысячам человек. Эта резня вызвала чувство ужаса по всей империи. Когда через некоторое время Феодосий явился у дверей миланского собора, святой Амвросий набрался мужества и остановил его. Перед всей толпой он упрекнул его в преступлении, запретив ему входить в собор и приближаться к Святому Престолу. Феодосий принял публичное покаяние, которое епископ наложил на него во имя Бога и оскорбленной человечности. В течение восьми месяцев он не переступал порога церкви.^c

ДОБРОДЕТЕЛИ ТЕОДОСИЯ

Оратор, который может молчать без опасности, может хвалить без затруднений и без нежелания; и потомки признают, что характер Феодосия может послужить предметом искренней и обширной панегирической речи. Мудрость его законов и успехи его войск сделали его правление уважаемым как в глазах его подданных, так и в глазах его врагов. Он любил и практиковал добродетели семейной жизни, которые редко встречаются во дворцах королей. Феодосий был целомудрен и умерен; он наслаждался, без излишеств, чувственными и общественными удовольствиями стола; и теплота его любовных страстей никогда не отвлекалась от законных объектов. Гордые титулы императорского величия были украшены нежными именами верного мужа, снисходительного отца; его дядя был возвышен его любящим уважением до ранга второго родителя. Феодосий принял как своих детей своего брата и сестру; и проявления его уважения распространялись на самые отдаленные и неизвестные ветви его многочисленного рода. Его близкие друзья были разумно выбраны из числа тех людей, которые в равных отношениях частной жизни предстали перед его глазами без масок. Сознание личных и высших достоинств позволяло ему презирать случайное отличие пурпура; и своим поведением он доказал, что забыл все обиды, в то время как с благодарностью помнил все милости и услуги, которые получил до вступления на престол Римской империи.

Серьезный или оживленный тон его разговоров соответствовал возрасту, положению или характеру людей, которых он допускал в свое общество, а приветливость его манер отражала его характер. Феодосий уважал простоту добрых и добродетельных людей; каждое искусство, каждый талант, полезный или даже просто невинный, вознаграждался его разумной щедростью; и, за исключением еретиков, которых он преследовал с неумолимой ненавистью, широкий круг его благожелательности ограничивался только пределами человеческого рода. Управление могущественной империей, безусловно, может занять все время и способности смертного; однако этот прилежный принц, не стремясь к неподобающей ему репутации глубокого ученого, всегда оставлял часть своего свободного времени для поучительного удовольствия чтения. История, которая расширяла его опыт, была его любимым занятием. Летописи Рима, охватывающие долгий период в одиннадцать сот лет, представляли ему разнообразную и великолепную картину человеческой жизни; и было особо отмечено, что всякий раз, когда он внимательно изучал жестокие деяния Цинны, Мария или Суллы, он горячо выражал свое великодушное отвращение к этим врагам человечества и свободы. Его беспристрастное мнение о прошлых событиях было полезно применять в качестве правила для своих собственных действий; и Феодосий заслужил особую похвалу за то, что его добродетели всегда казались расширяющимися вместе с его удачей. Период его процветания был периодом его умеренности, и его милосердие проявилось наиболее ярко после опасности и успеха гражданской войны. Мавританские стражники тирана были убиты в первом порыве победы, и небольшое число самых отвратительных преступников понесло наказание по закону. Но император проявил гораздо больше внимания к освобождению невиновных, чем к наказанию виновных. Угнетенные подданные Запада, которые считали бы себя счастливыми при возвращении своих земель, были удивлены, получив сумму денег, эквивалентную их потерям; а щедрость завоевателя поддерживала пожилую мать и воспитывала сирот-дочерей Максима. Такой характер мог бы почти оправдать экстравагантное предположение оратора Паката, что если бы старшему Бруту было позволено вновь посетить землю, суровый республиканец отрекся бы у ног Феодосия от своей ненависти к царям и искренне признал бы, что такой монарх был самым верным хранителем счастья и достоинства римского народа.

Однако пронзительный взгляд основателя республики, должно быть, разглядел два существенных недостатка, которые, возможно, ослабили его недавнюю любовь к деспотизму. Добродетельный ум Феодосия () часто расслаблялся от лени, а иногда воспламенялся страстью. В погоне за важной целью его активная смелость была способна на самые энергичные усилия; но, как только замысел был осуществлен или опасность преодолена, герой погружался в бесславный покой и, забывая, что время правителя принадлежит его народу, предавал себя наслаждению невинными, но пустыми удовольствиями роскошного двора. Естественный характер Феодосия был порывистым и вспыльчивым; и, находясь в положении, когда никто не мог противостоять и немногие могли отговорить его от фатальных последствий его гнева, гуманный монарх был справедливо встревожен осознанием своей слабости и своей власти. Он постоянно стремился подавлять или регулировать неистовые вспышки страсти, и успех его усилий усиливал достоинства его милосердия. Но мучительная добродетель, претендующая на заслугу победы, подвержена опасности поражения; и правление мудрого и милосердного князя было омрачено актом жестокости, который запятнал бы анналы Нерона или Домициана. В течение трех лет непоследовательный историк Феодосия должен рассказать о великодушном помиловании жителей Антиохии и бесчеловечной резне жителей Фессалоник.

БЕСПОРЯДКИ В АНТИОХИИ

Жизнерадостное нетерпение жителей Антиохии никогда не удовлетворялось их собственным положением или характером и поведением их сменяющих друг друга правителей. Арианские подданные Феодосия сожалели о потере своих церквей; и, поскольку три соперничающих епископа оспаривали трон Антиохии, приговор, который решил их претензии, вызвал ропот двух неудачных конгрегаций. Необходимость ведения войны с готами и неизбежные расходы, сопровождавшие заключение мира, вынудили императора увеличить бремя государственных налогов; а провинции Азии, поскольку они не были вовлечены в бедствие, были менее склонны вносить свой вклад в помощь Европе. Наступал благоприятный период десятого года его правления; праздник, более приятный для солдат, которые получали щедрые подарки, чем для подданных, чьи добровольные пожертвования давно превратились в чрезвычайное и угнетающее бремя. Указы о введении налогов нарушили покой и удовольствия Антиохии; и трибунал магистрата был осажден толпой просителей, которые, в патетическом, но сначала уважительном языке, просили исправить свои жалобы. Они постепенно возмущались гордостью своих высокомерных правителей, которые рассматривали их жалобы как преступное сопротивление; их сатирический ум деградировал до резких и гневных упреков; и от подчиненных властей упреки народа незаметно перешли к нападкам на священный характер самого императора.

РИМСКОЕ ОРУЖИЕ

Их ярость, вызванная слабой оппозицией, вылилась на изображения императорской семьи, воздвигнутые как объекты общественного почитания в самых заметных местах города. Статуи Феодосия, его отца, его жены Флациллы, его двух сыновей Аркадия и Гонория были нагло сброшены с пьедесталов, разбиты на куски или с презрением тасканы по улицам; и оскорбления, нанесенные изображениям императорского величия, достаточно ясно свидетельствовали о безбожных и изменнических желаниях народа. Беспорядки были почти сразу же подавлены прибытием отряда лучников, и Антиохия имела время поразмыслить о природе и последствиях своего преступления. В соответствии со своими служебными обязанностями губернатор провинции отправил подробный отчет обо всем

происшедшем, а дрожащие граждане доверили признание своего преступления и заверения в своем раскаянии ревностному епископу Флавию и красноречивому сенатору Иларию, другу и, скорее всего, ученику Либания, чей гений в этом печальном случае оказался полезным для своей страны. Но две столицы, Антиохия и Константинополь, были разделены расстоянием в восемьсот миль, и, несмотря на усердие императорской почты, виновный город был сурово наказан долгим и ужасным периодом неопределенности. Каждая слуха возбуждала надежды и страхи антиохийцев, и они с ужасом слышали, что их правитель, разгневанный оскорблением, нанесенным его собственным статуям, и особенно статуям его любимой жены, решил сравнять с землей город-нарушитель; и без разбора по возрасту и полу истребить преступных жителей, многие из которых, движимые страхом, действительно были вынуждены искать убежища в горах Сирии и прилегающей пустыне. Наконец, через двадцать четыре дня после мятежа, генерал Эллебик и Цезарий, глава канцелярии, объявили волю императора и приговор Антиохии. Гордая столица была лишена статуса города, а метрополия Востока, лишенная своих земель, привилегий и доходов, была подчинена под унижительным названием деревни юрисдикции Лаодикии.

Бани, цирк и театры были закрыты; и чтобы одновременно перекрыть все источники изобилия и удовольствий, по строгому распоряжению Феодосия было отменено раздавание зерна. Затем его уполномоченные приступили к расследованию вины отдельных лиц: тех, кто совершил, и тех, кто не предотвратил уничтожение священных статуй. Трибунал Эллебикуса и Цезария, окруженный вооруженными солдатами, был воздвигнут посреди Форума. Антиохийская аристократия () — самые знатные и богатые граждане Антиохии — предстала перед ними в цепях; допрос сопровождался применением пыток, и приговор был вынесен или отложен в соответствии с решением этих чрезвычайных магистратов. Дома преступников были выставлены на продажу, их жены и дети внезапно оказались в крайней нищете, лишившись богатства и роскоши; и кровавая казнь должна была завершить ужасы того дня, который проповедник из Антиохии, красноречивый Златоуст, изобразил как яркое подобие последнего и всеобщего суда над миром. Но министры Феодосия с неохотой выполняли жестокую задачу, которая была им поручена; они проливали слезы над бедствиями народа и с почтением выслушивали настойчивые просьбы монахов и отшельников, которые стекались толпами с гор. Эллебик и Цезарий были убеждены приостановить исполнение приговора; было решено, что первый останется в Антиохии, а второй как можно скорее вернется в Константинополь и еще раз попытается узнать волю своего повелителя.

Недовольство Феодосия уже улегло; представители народа, как епископ, так и оратор, получили благосклонную аудиенцию; и упреки императора были скорее жалобами на ущемленную дружбу, чем суровыми угрозами гордости и власти. Городу и гражданам Антиохии было даровано свободное и всеобщее помилование; двери тюрем были распахнуты; сенаторы, которые отчаялись спасти свои жизни, вернули себе свои дома и поместья; и столица Востока вновь обрела свое древнее достоинство и величие. Феодосий снизошел до похвалы сенату Константинополя, который великодушно заступился за своих страдающих братьев; он вознаградил красноречие Илария правительством Палестины и отпустил епископа Антиохии с самыми теплыми выражениями своего уважения и благодарности. В честь милосердия Феодосия было воздвигнуто тысяча новых статуй; аплодисменты его подданных были одобрены одобрением его собственного сердца; и император признался, что, если осуществление правосудия является важнейшим долгом, то проявление милосердия — самое изысканное удовольствие для правителя.

ВОССТАНИЕ В СОЛУНИ

Восстание в Фессалониках приписывается более постыдному поводу и имело гораздо более страшные последствия. Этот великий город, столица всех иллирийских провинций, был защищен от опасностей готской войны крепкими укреплениями и многочисленным гарнизоном. Ботерик, генерал этих войск и, как следует из его имени, варвар, имел среди своих рабов красивого юношу, который возбуждал нечистые желания одного из колесничих цирка. Наглый и жестокий любовник был брошен в тюрьму по приказу Ботерика; и он сурово отверг настойчивые вопли толпы, которая в день публичных игр оплакивала отсутствие своего любимца и считала мастерство колесничего более важным, чем его добродетель. Недовольство народа было усугублено некоторыми предыдущими спорами; и, поскольку силы гарнизона были отвлечены на службу в Итальянской войне, слабые остатки, число которых было уменьшено дезертирством, не смогли спасти несчастного генерала от их разнузданной ярости. Ботерик и несколько его главных офицеров были жестоко убиты: их изуродованные тела таскали по улицам, а император, который в то время проживал в Медиолане, был удивлен известием о дерзкой и бессмысленной жестокости жителей Фессалоник. Беспристрастный судья вынес бы суровое наказание виновникам преступления, а заслуги Ботерика могли бы усугубить горе и возмущение его господина. Пламенный и вспыльчивый характер Феодосия не терпел затяжных судебных разбирательств, и он поспешно решил, что кровь его лейтенанта должна быть искуплена кровью виновных.

Однако его разум все еще колебался между советами о милосердии и мести; рвение епископов почти вынудило неохотного императора дать обещание о всеобщем помиловании; его страсть вновь разгорелась под влиянием лестных советов его министра Руфина; и после того, как Феодосий отправил посланцев смерти, он попытался, но уже слишком поздно, предотвратить исполнение своих приказов. Наказание римского города было слепо возложено на неразборчивый меч варваров; и враждебные приготовления были согласованы с темным и вероломным уловкой незаконного заговора. Жители Фессалоник были вероломно приглашены от имени своего правителя на игры в цирке; и такая была их ненасытная жажда этих развлечений, что многочисленные зрители не обращали внимания на страх или подозрения. Как только собрание было завершено, солдаты, которые были тайно размещены вокруг цирка, получили сигнал не к началу гонок, а к всеобщей резне. Беспорядочная бойня продолжалась три часа, без различия между чужестранцами и местными жителями, по возрасту или полу, по виновности или невиновности; по самым умеренным подсчетам, число убитых составило семь тысяч; а некоторые авторы утверждают, что более пятнадцати тысяч жертв были принесены в жертву духам Ботерика. Иностранный купец, который, вероятно, не имел никакого отношения к его убийству, предложил свою жизнь и все свое богатство в обмен на жизнь одного из своих двух сыновей; но пока отец колебался, испытывая равную нежность, пока он сомневался, кого выбрать, и не хотел никого осуждать, солдаты положили конец его нерешительности, вонзив в одно и то же мгновение свои кинжалы в грудь беззащитных юношей. Оправдание убийц, что они были вынуждены доставить предписанное количество голов, только усиливает, создавая видимость порядка и замысла, ужасы резни, которая была осуществлена по приказу Феодосия. Вина императора усугубляется его длительным и частым пребыванием в Фессалониках. Ситуация в несчастном городе, вид улиц и зданий, одежда и лица жителей были ему знакомы и даже присутствовали в его воображении; Феодосий обладал быстрым и живым чувством существования людей, которых он уничтожил.

ТЕОДОСИЙ И АМВРОЗИЙ

Уважительная привязанность императора к православному духовенству располагала его к любви и восхищению характером Амвросия, который в высшей степени объединял в себе все епископские добродетели. Друзья и министры Феодосия подражали примеру своего правителя, и он с большим удивлением, чем недовольством, заметил, что все его тайные советы немедленно доводились до сведения архиепископа, который действовал из похвального убеждения, что каждая мера гражданского правительства может иметь какое-то отношение к славе Бога и интересам истинной религии. Монахи и население Каллиника, неизвестного городка на границе с Персией, возбужденные собственным фанатизмом и фанатизмом своего епископа, бурно сожгли молельню валентинианцев и синагогу иудеев.

Мятежный прелат был приговорен магистратом провинции либо к восстановлению синагоги, либо к возмещению ущерба; этот умеренный приговор был подтвержден императором. Но он не был подтвержден архиепископом Милана. Он продиктовал письмо с осуждением и упреком, которое, возможно, было бы более уместно, если бы император принял знак обрезания и отрекся от веры своего крещения. Амвросий считает терпимое отношение к иудейской религии преследованием христианской; смело заявляет, что он сам и каждый истинный верующий с готовностью будут спорить с епископом Каллиника о заслугах этого поступка и венце мученичества; и с глубокой скорбью сетует, что исполнение приговора будет фатальным для славы и спасения Феодосия. Поскольку это частное предупреждение не возымело немедленного эффекта, архиепископ с амвона публично обратился к императору на его троне; он также не согласился принести жертву на алтаре, пока не получил от Феодосия торжественное и категорическое заявление, гарантирующее безнаказанность епископа и монахов Каллиника. Отказ Феодосия от своих слов был искренним, и за время его пребывания в Милане его привязанность к Амвросию постоянно усиливалась благодаря благочестивым и дружеским беседам.

Когда Амвросий узнал о резне в Фессалониках, его душа наполнилась ужасом и мукой. Он удалился в деревню, чтобы погрузиться в скорбь и избежать присутствия Феодосия. Но поскольку архиепископ был убежден, что робкое молчание сделает его соучастником вины, он в частном письме описал всю тяжесть преступления, которое можно было искупить только слезами покаяния. Епископская энергия Амвросия была сдержана благоразумием; и он довольствовался косвенным отлучением от церкви, заверив, что ему было велено в видении не приносить жертву во имя или в присутствии Феодосия, и посоветовав ему ограничиться молитвой, не смея приближаться к алтарю Христа или причащаться Святых Даров руками, которые все еще были осквернены кровью невинного народа. Император был глубоко тронут собственными упреками и упреками своего духовного отца; и, оплакав пагубные и непоправимые последствия своей опрометчивой ярости, он приступил, как обычно, к исполнению своих обрядов в великой церкви Милана.

В притворе его остановил архиепископ, который тоном и языком посланника небес объявил своему повелителю, что частного раскаяния недостаточно, чтобы искупить публичную вину или умиловить справедливость оскорбленного Бога. Феодосий смиренно заявил, что, если он и виновен в убийстве, то Давид, человек по сердцу Бога, был виновен не только в убийстве, но и в прелюбодеянии. «Вы подражали Давиду в его преступлении, подражайте же и его покаянию», — был ответ неустрашимого Амвросия. Суровые условия мира и прощения были приняты, и публичное покаяние императора Феодосия было занесено в анналы Церкви как одно из самых почетных событий. Согласно самым мягким правилам церковной дисциплины, установленным в IV веке, преступление убийства искупалось покаянием в течение двадцати лет; и поскольку в течение человеческой жизни было невозможно искупить накопленную вину за резню в

Фессалониках, убийца должен был быть лишен Святого Причастия до самой смерти. Но архиепископ, руководствуясь принципами религиозной политики, проявил некоторую снисходительность () к своему прославленному кающемуся, который смирил в прахе гордость диадемы; и общественное назидание могло быть признано весомой причиной для сокращения срока его наказания. Достаточно было того, что император римлян, лишенный знаков королевской власти, предстал в скорбном и молитвенном положении и что в центре миланской церкви он смиренно просил, со вздохами и слезами, прощения своих грехов.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ТЕОДОСИЯ

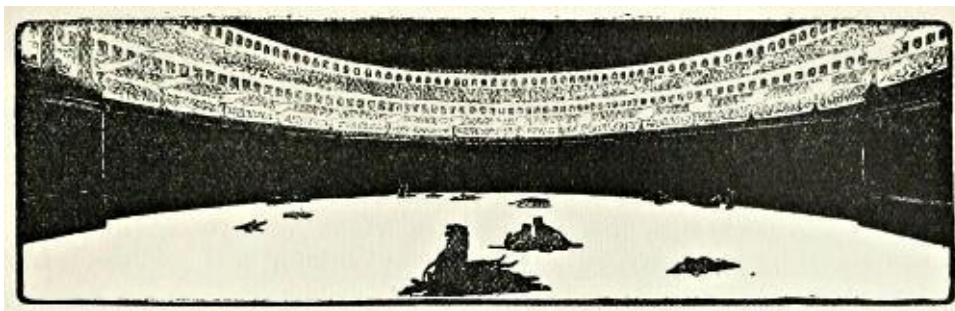
[390-395 гг. н. э.]

После поражения и смерти тирана Галлии римский мир оказался во владении Феодосия. Он получил от Грациана почетный титул правителя восточных провинций, а западные земли завоевал силой оружия. Три года, проведенные им в Италии, были с пользой использованы для восстановления авторитета законов и исправления злоупотреблений, которые безнаказанно процветали во время узурпации Максима и несовершеннолетия Валентиниана (). Имя Валентиниана регулярно вставлялось в публичные акты, но нежный возраст и сомнительная верность сына Юстины, по-видимому, требовали осторожной заботы ортодоксального опекуна; и его ложная амбиция могла бы без борьбы и почти без ропота исключить несчастного юношу из управления и даже из наследования империи. Если бы Феодосий руководствовался жесткими принципами интереса и политики, его поведение было бы оправдано его друзьями; но великодушие его поступка в этом памятном случае вызвало аплодисменты даже его самых закоренелых врагов. Он посадил Валентиниана на трон в Милане и, не оговаривая никаких настоящих или будущих преимуществ, вернул ему абсолютное господство над всеми провинциями, из которых он был изгнан войсками Максима. К возвращению его обширного наследства Феодосий добавил свободный и щедрый дар в виде земель за Альпами, которые его удачная доблесть вернула из рук убийцы Грациана. Удовлетворенный славой, которую он приобрел, отомстив за смерть своего благодетеля и освободив Запад от ига тирании, император вернулся из Милана в Константинополь и, мирно владея Востоком, незаметно вернулся к своим прежним привычкам роскоши и праздности. Теодосий выполнил свой долг перед братом, он потакал своей супружеской нежности к сестре Валентиниана; и потомки, которые восхищаются чистой и необыкновенной славой его возвышения, должны приветствовать его непревзойденную щедрость в использовании победы.^{[b](#)}

СНОСКИ

^[62] Евнапий восхваляет и преувеличивает страдания Максима, но при этом допускает, что этот софист или маг, виновный фаворит Юлиана и личный враг Валентиниана, был освобожден от наказания после уплаты небольшого штрафа.

^[63] [Зальцбах согласно Дюрю.]

ГЛАВА XLIV. РАЗДЕЛЕНИЕ ИМПЕРИИ (395)

АРКАДИЙ И ГОНОРИЙ НАСЛЕДУЮТ ФЕОДОСИЯ

[395-397 гг. н.э.]

Гений Рима угас вместе с Феодосием, последним из преемников Августа и Константина, которые появлялись на поле боя во главе своих армий и чья власть была всеобщим признанием () на всей территории империи. Однако память о его добродетелях по-прежнему защищала слабых и неопытных его двух сыновей. После смерти отца Аркадий и Гонорий были единодушно провозглашены законными императорами Востока и Запада, и клятву верности им с готовностью принесли все сословия государства — сенаты старого и нового Рима, духовенство, магистраты, солдаты и народ. Аркадий, которому тогда было около восемнадцати лет, родился в Испании, в скромном доме частной семьи. Но он получил княжеское образование во дворце Константинополя; и его бесславная жизнь прошла в этом мирном и великолепном королевском резиденции, откуда он, казалось, правил провинциями Фракии, Малой Азии, Сирии и Египта, от нижнего Дуная до границ Персии и Эфиопии. Его младший брат Гонорий в одиннадцать лет взял на себя номинальное управление Италией, Африкой, Галлией, Испанией и Британией; войска, охранявшие границы его королевства, с одной стороны противостояли каледонам, а с другой — маврам.

Великая и воинственная префектура Иллирик была разделена между двумя принцами; защита и владение провинциями Норик, Паннония и Далмация по-прежнему принадлежали Западной империи;^[64] но две большие епархии Дакии и Македонии, которые Грациан доверил доблести Феодосия, были навсегда присоединены к Восточной империи. Граница в Европе не сильно отличалась от линии, которая сейчас разделяет германцев и турок; и соответствующие преимущества территории, богатства, численности населения и военной мощи были вполне сбалансированы и компенсированы. Наследственный скипетр сыновей Феодосия казался даром природы и их отца; генералы и министры привыкли поклоняться величию королевских детей. Постепенное обнаружение слабости Аркадия и Гонория и повторяющиеся бедствия их правления не смогли стереть глубокие и ранние впечатления лояльности.

Феодосий запятнал славу своего правления возвышением Руфина, ненавистного фаворита, который в эпоху гражданских и религиозных распри заслужил от каждой партии обвинения во всех преступлениях. Сильный импульс амбиций и алчности побудил Руфина покинуть свою родную страну, неизвестный уголок Галлии, чтобы сделать карьеру в столице Востока: талант смелой и быстрой речи позволил ему преуспеть в прибыльной профессии юриста, а его успех в этой профессии стал естественным шагом к самым

почетным и важным должностям в государстве. Он был постепенно повышен до должности главы канцелярии. В ходе выполнения своих разнообразных функций, столь тесно связанных со всей системой гражданского управления, он завоевал доверие монарха, который вскоре обнаружил его усердие и способности в делах и долгое время не подозревал о гордости, злобе и алчности его характера.

Характер Феодосия навязывал его министру задачу лицемерия, которое маскировало, а иногда и сдерживало злоупотребление властью; и Руфин опасался нарушить ленивый сон принца, все еще способного проявить способности и добродетели, которые вознесли его на трон. Но отсутствие, а вскоре и смерть императора подтвердили абсолютную власть Руфина над личностью и владениями Аркадия, слабого юноши, которого властный префект считал скорее своим учеником, чем сувереном. Не обращая внимания на общественное мнение, он без угрызений совести и сопротивления предавался своим страстям, а его злобный и алчный дух отвергал всякую страсть, которая могла бы способствовать его собственной славе или счастьем народа. Его алчность, которая, по-видимому, преобладала в его развращенном уме над всеми другими чувствами, привлекала богатства Востока с помощью различных уловок частичного и всеобщего вымогательства: угнетательных налогов, скандального подкупа, неумеренных штрафов, несправедливых конфискаций, принудительных или фиктивных завещаний, с помощью которых тиран лишал законного наследства детей чужеземцев или врагов; и публичная продажа правосудия, а также благосклонности, которую он ввел во дворце Константинополя.

Амбициозный кандидат с готовностью добивался, за счет самой справедливой части своего наследства, почестей и вознаграждений от какого-нибудь провинциального правительства; жизни и судьбы несчастных людей были отданы на откуп самому щедрому покупателю; общественное недовольство иногда умиротворялось жертвованием непопулярного преступника, наказание которого было выгодно только префекту Востока, его сообщнику и судье. Судьба Лукиана провозгласила на Востоке, что префект, чья работоспособность значительно снизилась в ведении обычных дел, был неутомим в стремлении к мести. Лукиан, сын префекта Флорентия, угнетателя Галлии и врага Юлиана, потратил значительную часть своего наследства, плода грабежей и коррупции, на покупку дружбы Руфина и высокой должности графа Востока. Но новый магистрат неосторожно отступил от принципов двора и времени, опозорил своего благодетеля контрастом добродетельного и умеренного управления и осмелился отказаться от несправедливого поступка, который мог бы принести прибыль дяде императора.

Аркадий легко поддался на уговоры и возмущился предполагаемым оскорблением; префект Востока решил лично осуществить жестокую месть, которую он замыслил против этого неблагодарного представителя своей власти. Он с невероятной скоростью преодолел расстояние в семь или восемь сотен миль от Константинополя до Антиохии, въехал в столицу Сирии глубокой ночью и посеял всеобщее смятение среди народа, не знавшего о его замысле, но знавшего его характер. Граф пятнадцати провинций Востока () был притащен, как самый гнусный преступник, перед произвольный суд Руфина. Несмотря на явные доказательства его честности, которые не были опровергнуты даже голосом обвинителя, Лукиан был приговорен, почти без суда, к жестокому и позорному наказанию. Министры тирана, по приказу и в присутствии своего господина, били его по шее кожаными ремнями, укрепленными на концах свинцом; и когда он потерял сознание от сильной боли, его унесли в закрытой палатке, чтобы скрыть его агонию от глаз возмущенного города. Едва Руфин совершил этот бесчеловечный акт, единственную цель своей экспедиции, он вернулся из Антиохии в Константинополь под глубокие и безмолвные проклятия дрожащего народа; его усердие ускорялось надеждой без промедления осуществить брак своей дочери с императором Востока.

Но Руфин вскоре понял, что благоразумный министр должен постоянно удерживать своего королевского пленника сильной, хотя и невидимой цепью привычки, и что заслуги, а тем более благосклонность отсутствующих, вскоре стираются из памяти слабого и капризного правителя. Пока префект насыщал свою месть в Антиохии, тайный заговор любимых евнухов, возглавляемый великим камергером Евтропием, подрывал его власть во дворце Константинополя. Они обнаружили, что Аркадий не был склонен любить дочь Руфина, которая была выбрана без его согласия в качестве его невесты, и они ухитрились заменить ее прекрасной Евдоксией, дочерью Бауто, генерала франков на службе у Рима, которая после смерти отца воспитывалась в семье сыновей Промота.

Молодой император, чья целомудренность строго охранялась благочестивой заботой его наставника Арсения, с жадностью слушал искусные и лестные описания прелестей Евдоксии; он с нетерпеливым восторгом смотрел на ее портрет и понимал необходимость скрывать свои любовные замыслы от министра, который был так глубоко заинтересован в том, чтобы помешать осуществлению его счастья. Вскоре после возвращения Руфина о приближающейся церемонии королевской свадьбы было объявлено жителям Константинополя, которые готовились праздновать, с фальшивыми и пустыми возгласами, счастье его дочери. Великолепная процессия евнухов и офицеров вышла из ворот дворца в брачной пышности, неся на руках диадему, одежды и бесценные украшения будущей императрицы. Торжественная процессия прошла по улицам города, украшенным гирляндами и заполненным зрителями, но когда она достигла дома сыновей Промота, главный евнух с почтением вошел в особняк, надел на прекрасную Евдоксию императорские одежды и торжественно провел ее во дворец и к ложу Аркадия. Секретность и успех, с которыми был осуществлен этот заговор против Руфина, наложили неизгладимый отпечаток насмешки на характер министра, который позволил себя обмануть на посту, где искусство обмана и притворства составляют самое выдающееся достоинство. Он с чувством, смешанным из возмущения и страха, рассматривал победу амбициозного евнуха, который тайно завоевал благосклонность своего повелителя; а позор его дочери, чьи интересы были неразрывно связаны с его собственными, ранил нежность или, по крайней мере, гордость Руфина. Характер Руфина, казалось, оправдывал обвинения в том, что он замышлял заговор против своего повелителя, чтобы занять освободившийся трон, и что он тайно пригласил гуннов и готов вторгнуться в провинции империи и усилить общественную суматоху. Хитрый префект, чья жизнь прошла в дворцовых интригах (), противостоял с равными силами коварным мерам евнуха Эвтропия; но робкая душа Руфина была потрясена враждебным наступлением более грозного соперника — великого Стилихона, генерала, или, скорее, повелителя Западной империи.

Небесный дар, который получил Ахилл и которому завидовал Александр, — поэт, достойный воспевать подвиги героев, — был дан Стилихону в гораздо большей степени, чем можно было бы ожидать, учитывая упадок гения и искусства. Муза Клавдиана, преданная его служению, всегда была готова заклеить его противников, Руфина или Эвтропия, вечной позором или же изобразить в самых ярких красках победы и добродетели могущественного благодетеля. В обзоре периода, в котором мало достоверных материалов, мы не можем отказаться от иллюстрирования анналов Гонория из инвектив или панегириков современного писателя; но поскольку Клавдиан, по-видимому, пользовался самыми широкими привилегиями поэта и придворного, потребуется некоторая критика, чтобы перевести язык вымысла или преувеличения в правду и простоту исторической прозы. Его молчание о семье Стилихона можно считать доказательством того, что его покровитель не мог и не хотел хвастаться длинной чередой прославленных предков; а краткое упоминание о его отце, офицере варварской кавалерии на службе у Валента, кажется, подтверждает утверждение, что генерал, столь долго командовавший армиями

Рима, был потомком дикого и вероломного племени вандалов. С самого раннего юности он посвятил себя военной карьере; его благоразумие и доблесть вскоре стали заметны на поле боя; всадники и лучники Востока восхищались его превосходной ловкостью; и на каждой ступени его военного продвижения общественное мнение всегда опережало и одобряло выбор правителя. Теодосий назначил его для ратификации торжественного договора с монархом Персии; во время этой важной миссии он поддержал достоинство римского имени, а после возвращения в Константинополь его заслуги были вознаграждены тесным и почетным союзом с императорской семьей. Теодосий, движимый благочестивым мотивом братской любви, усыновил дочь своего брата Гонория; красота и таланты Серены вызывали всеобщее восхищение при льстивом дворе; и Стилихон получил предпочтение перед множеством соперников, которые амбициозно боролись за руку принцессы и благосклонность ее приемного отца. Уверенность в том, что муж Серены будет верен трону, к которому ему было позволено приблизиться, побудила императора возвысить судьбу и использовать способности пронзительного и бесстрашного Стилихона. Он прошел все ступени от мастера конницы и графа домашней стражи до высшего звания генерал-мастера всей кавалерии и пехоты Римской, или, по крайней мере, Западной империи; и его враги признавали, что он неизменно презирал обменять золото на награды за заслуги или обманывать солдат, лишая их жалованья и вознаграждений, которые они заслуживали или требовали от щедрого государства.

Добродетели и победы Стилихона заслуживали ненависти Руфина; и искусство клеветы могло бы увенчаться успехом, если бы нежная и бдительная Серена не защищала своего мужа от домашних врагов, пока он побеждал на поле боя врагов империи. Феодосий продолжал поддерживать недостойного министра, которому он поручил управление дворцом и Востоком, но когда он выступил против тирана Евгения, он привлек своего верного генерала к трудам и славе гражданской войны; и в последние минуты своей жизни умирающий монарх поручил Стилихону заботу о своих сыновьях и республике. Амбиции и способности Стилихона были не меньше, чем важное доверие, и он потребовал опеку над двумя империями, пока Аркадий и Гонорий были несовершеннолетними. Первая мера его администрации, или, скорее, его правления, продемонстрировала народам энергию и активность духа, достойного командования. Он пересек Альпы в разгар зимы, спустился по течению Рейна от крепости Базилия (Базель) до болот Батавии, проверил состояние гарнизонов, подавил предприятия германцев и, установив на берегах прочный и почтенный мир, с невероятной скоростью вернулся во дворец Медиоланума. Личность и двор Гонория подчинялись главнокомандующему Западу, а армии и провинции Европы без колебаний подчинялись законной власти, осуществляемой от имени их молодого правителя. Остались только два соперника, которые оспаривали права и провоцировали месть Стилихона. В пределах Африки Гилдо Мавр сохранял гордую и опасную независимость, а министр Константинополя утверждал свое равное правление над императором и империей Востока.

Беспристрастность, которую Стилихон проявлял как общий опекун королевских братьев, обязывала его регулировать равное разделение оружия, драгоценностей, роскошной одежды и мебели покойного императора. Но наиболее важной частью наследства были многочисленные легионы, когорты и эскадроны римлян или варваров, которых события гражданской войны объединили под знаменем Феодосия. Разнообразные народы Европы и Азии, раздраженные недавними враждами, были подавлены авторитетом одного человека, а строгая дисциплина Стилихона защищала земли граждан от грабежей разнузданных солдат. Однако, обеспокоенный и нетерпеливый избавить Италию от присутствия этой грозной армии, которая могла быть полезна только на границах империи, он прислушался к справедливому требованию министра Аркадия, объявил о своем намерении лично сопроводить войска Востока и ловко использовал слухи о готском восстании, чтобы скрыть свои личные амбиции и месть. Виновная душа Руфина была встревожена приближением воина и соперника, вражду которого он заслужил; он с нарастающим ужасом подсчитывал, как мало осталось его жизни и величия, и, в качестве последней надежды на спасение, прибег к авторитету императора Аркадия.

Стилихон, который, по-видимому, направлял свой поход вдоль побережья Адриатического моря, находился недалеко от города Фессалоники, когда получил категорическое сообщение с требованием отозвать войска с Востока и объявить, что его дальнейшее приближение будет расценено византийским двором как акт вражды. Быстрое и неожиданное повинование генерала Запада убедило простой народ в его лояльности и умеренности; и поскольку он уже завоевал любовь восточных войск, он рекомендовал их рвению осуществить его кровавый замысел, который мог быть выполнен в его отсутствие, возможно, с меньшей опасностью и меньшим позором. Стилихон оставил командование войсками Востока Гайну Готу, на чью верность он твердо полагался, по крайней мере, с уверенностью, что этот отважный варвар никогда не отклонится от своего намерения из-за страха или угрызений совести. Солдаты легко поддались на уговоры наказать врага Стилихона и Рима; и такая была всеобщая ненависть, которую вызывал Руфин, что роковая тайна, сообщенная тысячам, была верно сохранена во время долгого марша от Фессалоник до ворот Константинополя. Как только они решили казнить его, они снизошли до того, что стали льстить его гордости; амбициозный префект был соблазнен верить, что эти могущественные союзники могут быть склонены возложить на его голову диадему; а сокровища, которые он раздавал с нежеланием и неохотно, были восприняты возмущенной толпой скорее как оскорбление, чем как подарок. В миле от столицы, на Марсовом поле, перед дворцом Гебдомона, войска остановились; и император, а также его министр, согласно древнему обычаю, подошли, чтобы с почтением поприветствовать силу, поддерживавшую их трон.

Когда Руфин прошел вдоль рядов, скрывая свою врожденную гордость тщательно выученной вежливостью, крылья незаметно развернулись справа и слева и окружили преданную жертву кругом своих рук. Прежде чем он успел осознать опасность своего положения, Гайнас дал сигнал к казни; смелый и дерзкий солдат вонзил свой меч в грудь виновного префекта, и Руфин упал, застонал и испустил дух у ног испуганного императора. Если бы муки одного мгновения могли искупить преступления всей жизни, или если бы надругательства над бездыханным трупом могли вызвать сострадание, то, возможно, наше человеческое чувство было бы тронутو ужасными обстоятельствами, сопровождавшими убийство Руфина. Его изуродованное тело было брошено на произвол жестокой ярости народа обоих полов, который стекался толпами со всех концов города, чтобы растоптать останки высокомерного министра, перед чьим суровым взглядом они еще недавно

трепетали. Его правая рука была отрезана и в жестокой насмешке пронесена по улицам Константинополя, чтобы вымогать жертвования для алчного тирана, голова которого была публично выставлена на всеобщее обозрение, возвышенная на острие длинного копья. Согласно жестоким принципам греческих республик, его невинная семья должна была бы разделить наказание за его преступления. Жена и дочь Руфина были обязаны своей безопасностью влиянию религии. Ее святилище защитило их от яростного безумия народа, и им было позволено провести остаток своей жизни в христианском поклонении, в мирном уединении Иерусалима.

Даже Стилихон не получил от убийства своего соперника тех плодов, на которые он рассчитывал; и хотя он удовлетворил свою месть, его амбиции были разочарованы. Под видом фаворита слабость Аркадия требовала господина; но он, естественно, предпочитал льстивые уловки евнуха Эвтропия, который завоевал его доверие, и император с ужасом и отвращением смотрел на суровый гений иностранного воина. Пока их не разделила ревность к власти, меч Гайны и чары Евдоксии поддерживали благосклонность великого камергера дворца; вероломный гот, назначенный генерал-губернатором Востока, без зазрения совести предал интересы своего благодетеля; и те же войска, которые недавно истребили врагов Стилихона, были задействованы для поддержки независимости Константинопольского престола против него. На жизнь Стилихона неоднократно покушались кинжалы наемных убийц; и сенат Константинополя издал указ, объявляющий его врагом республики и конфискующий его обширные владения в восточных провинциях. В то время, когда единственная надежда отсрочить гибель римского имени зависела от прочного союза и взаимной помощи всех народов, которым оно постепенно было передано, подданные Аркадия и Гонория были проинструктированы своими соответствующими господами смотреть друг на друга как на чужеземцев и даже врагов, радоваться взаимным бедствиям и принимать в качестве верных союзников варваров, которых они подстрекали к вторжению на территории своих соотечественников. Коренные жители Италии презирали рабских и изнеженных греков Византии, которые осмеливались подражать одежде и узурпировать достоинство римских сенаторов; а греки еще не забыли чувства ненависти и презрения, которые их утонченные предки так долго питали к грубым жителям запада. Благоразумный Стилихон, вместо того чтобы настаивать на своих намерениях в отношении принца и народа, которые отвергали его правление, мудро оставил Аркадия на произвол его недостойных фаворитов; и его нежелание втягивать две империи в гражданскую войну продемонстрировало умеренность министра, который так часто проявлял свой военный дух и способности. Но если бы Стилихон дольше терпел восстание в Африке, он предал бы безопасность столицы и величие западного императора прихотливой надменности мавританского мятежника. Гильдо, брат тирана Фирма, сохранил и получил в награду за свою кажущуюся верность огромное наследство, которое было конфисковано за измену; долгая и заслуженная служба в армиях Рима возвысила его до достоинства военного графа; узколюбная политика двора Феодосия привела к принятию пагубного решения поддержать законное правительство с помощью влиятельной семьи, и брат Фирма был назначен правителем Африки. Его амбиции вскоре привели к тому, что он без отчета и контроля узурпировал власть в сфере правосудия и финансов и в течение двенадцати лет удерживал должность, с которой было невозможно сместить его без риска гражданской войны.

В течение этих двенадцати лет провинция Африка стонала под гнетом тирана, который, казалось, сочетал в себе бесчувственный характер чужака с пристрастными обидами внутренней фракции. Формы закона часто заменялись использованием яда; и если дрожащие гости, приглашенные к столу Гильдо, осмеливались выразить свои опасения, то наглое подозрение только возбуждало его ярость, и он громко вызывал слуг смерти. Гильдо попеременно предавался страстям алчности и похоти; и если его дни были ужасны для

богатых, то его ночи были не менее страшны для мужей и родителей. Образ республики был возрожден после долгого перерыва при правлении Гонория. Император передал римскому сенату точные и подробные сведения о жалобах провинциалов и преступлениях Гилдо, и члены этого почтенного собрания были обязаны вынести приговор мятежнику. Их единодушное голосование объявило его врагом республики, и декрет сената придал римским войскам священную и законную санкцию. Благоразумие Стилихона позволило ему без промедления принять и осуществить наиболее эффективные меры для помощи римскому народу. Большой и своевременный запас зерна, собранный во внутренних провинциях Галлии, был погружен на быстрый поток Роны и легко транспортирован по реке от Роны до Тибра. На протяжении всей африканской войны зернохранилища Рима были постоянно заполнены, его достоинство было защищено от унижительной зависимости, а умы огромного народа были успокоены спокойной уверенностью в мире и изобилии.

[397-398 гг. н. э.]

Дело Рима и ведение африканской войны были поручены Стилихоном генералу, активному и горячему в своем стремлении отомстить за личные обиды тирану. Дух раздора, царивший в доме Набала, вызвал смертельную ссору между двумя его сыновьями, Гилдо и Маскезелем. Узурпатор с неумолимой яростью преследовал своего младшего брата, чьей храбрости и способностям он боялся; а Маскезель, угнетаемый превосходящей силой, укрылся при дворе Медиоланума, где вскоре получил жестокую весть о том, что его два невинных и беззащитных ребенка были убиты своим бесчеловечным дядей. Страдания отца сдерживало только желание мести. Бдительный Стилихон счел целесообразным, чтобы Маскезель предпринял это трудное предприятие во главе отборного отряда галльских ветеранов, недавно служивших под знаменем Евгения.

РИМСКАЯ ЛАМПА

Гильдо был готов сопротивляться вторжению всеми силами Африки. Своей щедростью и обещаниями он пытался обеспечить себе сомнительную лояльность римских солдат, одновременно привлекая под свое знамя отдаленные племена Гаетулии и Эфиопии. Он с гордостью проинспектировал армию из семидесяти тысяч человек и хвастался, с опрометчивой самонадеянностью, которая является предвестником позора, что его многочисленная кавалерия растопчет под копытами лошадей войска Маскезеля и погрузит в облако горящего песка туземцев из холодных регионов Галлии и Германии. Когда Маскезель вышел на передний план с справедливыми предложениями мира и прощения, он встретил одного из первых знаменосцев африканцев и, когда тот отказался подчиниться, ударил его мечом по руке. Рука и знамя опустились под тяжестью удара, и все знамена

линии поспешно повторили этот мнимый акт подчинения. По этому сигналу недовольные когорты провозгласили имя своего законного правителя; варвары, потрясенные изменой своих римских союзников, рассеялись, как обычно, в беспорядочном бегстве, и Маскезель получил почести за легкую и почти бескровную победу. Тиран бежал с поля битвы к берегу моря и бросился в небольшое судно, с надеждой благополучно достичь какого-нибудь дружественного порта империи Востока; но упорство ветра загнало его обратно в гавань Табраки, которая, как и остальная часть провинции, признала власть Гонория и авторитет его лейтенанта. Жители, в знак своего раскаяния и верности, схватили и заключили Гилдо в темницу; и его собственное отчаяние спасло его от невыносимой муки присутствия обиженного и победоносного брата.

Завершив важную войну за одну зиму, Маскезель был принят при дворе Медиоланума с громкими аплодисментами, притворной благодарностью, и тайной завистью; а его смерть, которая, возможно, была результатом несчастного случая, была расценена как преступление Стилихона. При переходе через мост мавританский принц, сопровождавший главнокомандующего Запада, внезапно упал с лошади в реку; официальная спешка сопровождающих была сдержана жестокой и вероломной улыбкой, которую они заметили на лице Стилихона; и пока они задерживались с необходимой помощью, несчастный Маскезель безвозвратно утонул.

Радость африканского триумфа счастливо соединилась со свадьбой императора Гонория и его кузины Марии, дочери Стилихона; и этот равный и почетный союз, казалось, наделял могущественного министра властью родителя над своим покорным подопечным. Гонорию было всего четырнадцать лет; Серена, мать его невесты, искусством или убеждением отсрочила совершение королевской свадьбы; Мария умерла девственницей, прожив в браке десять лет; а целомудрие императора было обеспечено холодностью, а может быть, и слабостью его конституции. Его подданные, внимательно изучавшие характер своего молодого правителя, обнаружили, что Гонорий был лишен страстей и, следовательно, талантов, и что его слабый и вялый характер был одинаково неспособен как выполнять обязанности своего положения, так и наслаждаться удовольствиями своего возраста. В ранней юности он добился некоторых успехов в верховой езде и стрельбе из лука, но вскоре отказался от этих утомительных занятий, и развлечение в виде кормления домашней птицы стало серьезным и ежедневным занятием монарха Запада, который передал бразды правления империи в твердые и умелые руки своего опекуна Стилихона.

Опыт истории подтверждает подозрение, что принц, родившийся в пурпуре, получил худшее образование, чем самый простой крестьянин его владений, а амбициозный министр позволил ему достичь зрелого возраста, не пытаясь пробудить в нем мужество или просветить его разум. Предшественники Гонория были привычны воодушевлять своим примером, или, по крайней мере, своим присутствием, доблесть легионов; а даты их законов свидетельствуют о постоянной активности их действий в провинциях римского мира. Но сын Феодосия прожил свою жизнь в летаргии, пленник в своем дворце, чужой в своей стране, терпеливый, почти равнодушный зритель гибели Западной империи, которая неоднократно подвергалась нападениям и в конце концов была свергнута оружием варваров. В богатой событиями истории двадцативосьмилетнего правления редко приходится упоминать имя императора Гонория.

Аларик вторгается в Грецию

Если подданные Рима и могли быть не осведомлены о своих обязательствах перед великим Феодосием, то они слишком скоро убедились в том, насколько мучительно дух и способности их покойного императора поддерживали хрупкое и разлагающееся здание республики. Он умер в январе, и еще до конца зимы того же года готский народ поднялся на оружие.

Готы, вместо того чтобы поддаваться слепым и упрямым страстям своих вождей, теперь руководствовались смелым и хитроумным гением Алариха. Этот прославленный вождь происходил из благородного рода Балти, уступавшего только королевскому достоинству Амали; он просил о командовании римскими войсками, и императорский двор спровоцировал его продемонстрировать глупость своего отказа и важность своей потери. Какие бы надежды ни питались на завоевание Константинополя, рассудительный полководец Аларик () вскоре отказался от этого невыполнимого предприятия. В условиях раскола при дворе и недовольства народа император Аркадий был напуган силой готского оружия, но недостаток мудрости и доблести компенсировался прочностью города, а укрепления, как с моря, так и с суши, могли смело противостоять бессильным и беспорядочным ударам варваров. Аларик не хотел больше топтать лежащие в руинах страны Фракию и Дакию и решил искать славы и богатства в провинции, которая до сих пор избежала разрушений войны.

Характер гражданских и военных чиновников, которым Руфин передал управление Грецией, подтвердил подозрения общественности в том, что он предал древнюю столицу свободы и науки готским завоевателям. Проконсул Антиох был недостойным сыном уважаемого отца, а Геронтий, командовавший провинциальными войсками, был гораздо более подходящей фигурой для выполнения деспотических приказов тирана, чем для мужественной и умелой защиты страны, удивительно укрепленной самой природой. Аларик без сопротивления пересек равнины Македонии и Фессалии и дошел до подножия горы Эта, крутого и лесистого горного хребта, практически недоступного для его кавалерии.

Войска, которые были выставлены для защиты пролива Фермопилы, отступили, как им было приказано, не пытаясь помешать безопасному и быстрому проходу Алариха; и плодородные поля Фокиды и Беотии мгновенно покрылись потоком варваров, которые убивали мужчин, способных носить оружие, и уводили красивых женщин, а также добычу и скот из горящих деревень. Как только афиняне услышали голос готского глашатая, их легко убедили отдать большую часть своего богатства в качестве выкупа за город Минервы и его жителей. Договор был ратифицирован торжественными клятвами и соблюдался с взаимной верностью. Готский принц с небольшой избранной свитой был допущен в пределы города; он насладился освежающей баней, принял великолепный банкет, устроенный магистратом, и старался показать, что он не невежественен в обычаях цивилизованных народов. Но вся территория Аттики, от мыса Сунион до города Мегара, была опустошена его зловещим присутствием; и, если можно использовать сравнение одного из современных философов, сам Афины напоминали истекающую кровью и опустошенную кожу забитой жертвы.

Коринф, Аргос, Спарта без сопротивления сдались готам, и самые счастливые из жителей были спасены смертью от того, чтобы видеть рабство своих семей и пожар своих городов.

Последняя надежда народа, который больше не мог полагаться на свое оружие, своих богов или своего правителя, была возложена на мощную помощь генерала Запада; и Стилихон, которому не было позволено отразить, выступил, чтобы наказать захватчиков Греции.⁴

Стилихону было невозможно оставаться в стороне. Он поспешил опередить высадку в Италии и переправился со своими войсками на Пелопоннес. Аларик отступил перед ним в горы Аркадии, где был тесно окружен, но избежал угрожавшей ему гибели. Он либо воспользовался моментом невнимания со стороны римского генерала, либо тот позволил ему уйти по политическим соображениям. Готы перешли из Пелопоннеса в Иллирикум, и здесь, к удивлению всего мира, готский король был назначен главнокомандующим этой пограничной провинцией, а его войска объявлены вспомогательными силами Восточной Римской империи. Приняв такое решение, Эвтропий намеревался использовать готов против ненавистного Стилихона.

Восточная Римская империя тогда находилась в ужасном состоянии. Большинство провинций были опустошены готами; аланы и другие варвары были поселены в Азии для защиты северной границы, и, подстрекаемые Трибигильдом, одним из своих князей, они опустошили земли, вверенные их попечению. Трибигилдус был подталкиван к этому готом Гайной, который стремился свергнуть министра Эвтропия и для этой цели разработал заговор, в который он убедил вступить Трибигилдуса. Армия, посланная Евтропием против последнего, была разгромлена; население Константинополя подняло яростный протест против министра из-за этого поражения и опустошения Малой Азии, а Гайнас, который должен был выступить против Трибигильда со своими готскими войсками, отказался подчиниться, если Евтропий не будет отстранен от должности. Поскольку последний также поссорился с императрицей, он не мог больше избежать надвигающейся бури. Он был уволен и лишен не только своего имущества, но и жизни. Он искал убежища от своих врагов в одной из церквей столицы; в этом святилище святой Иоанн Златоуст, который тогда был патриархом Константинополя, тщетно пытался защитить его. Евтропий был вынужден сдаться, сначала был сослан на Кипр, а затем казнен (399 г.).

После его падения императрица Евдоксия продолжила управление государством; Гайнас теперь открыто объединился с Трибигильдом, и вместе они совершили такие страшные опустошения в Малой Азии, что правительство было вынуждено подчиниться, вести с ними переговоры и по их просьбе выдать трех видных чиновников на казнь. К счастью, Трибигильд вскоре умер. Гайнас со своими ордами нанес страшные страдания столице и окрестностям, пока наконец народ не набрался мужества и не убил более семи тысяч готов. Другой гот, Фравитта, который долгое время служил в Греции и был вызван из Азии на помощь против Гайнаса, полностью разгромил его, так что разрушитель был вынужден отступить со своими войсками в окрестности Дуная. Вскоре после этого он был убит в войне с гуннами.

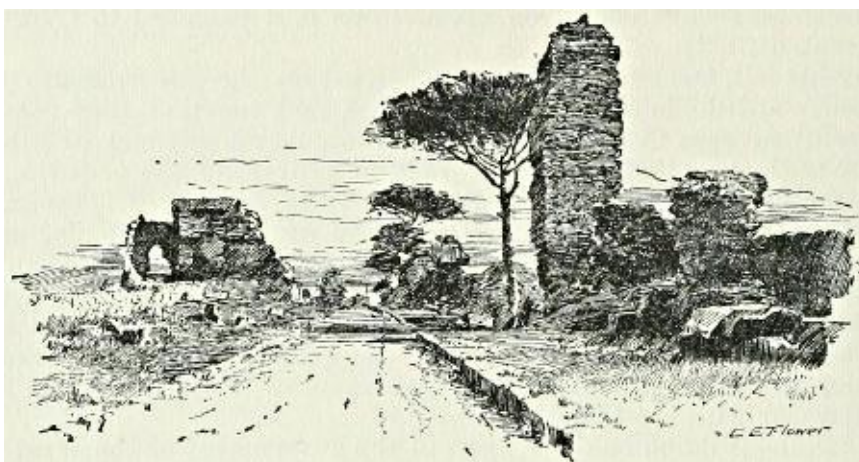
Тем временем Стилихон крепко держал в руках бразды правления Западом и прославился блестящими достижениями как государственный деятель и полководец. Он восстановил славу римского оружия в войне против франков и аламаннов и успешно и быстро подавил опасное восстание, в результате которого Гильдо, брат Фирма, провозгласил себя правителем Африки. Мы слишком мало знаем о частной жизни и характере Стилихона, чтобы определить, действительно ли он, как утверждают некоторые авторы, замыслил свержение императора Гонория, чтобы посадить на трон своего собственного сына.

Сразу после победы Гилдо Стилихону пришлось защищать империю от новой опасности, угрожавшей ей с другой стороны. Звание генерала Восточной Римской империи, присвоенное Алариху, было им использовано настолько удачно, что он полностью вооружил своих готов оружием из арсеналов в Иллирии, и теперь, подстрекаемый двором Константинополя, он вторгся в Западную империю, опустошая все на своем пути (400 г.). По неизвестным причинам он продвинулся только до Венеции, и Стилихон успел вооружиться.

Он собрал войска со всех сторон, и когда два года спустя Аларик снова появился (402 г.), только Стилихон не потерял мужества, в то время как вся Италия дрожала, а император бежал из Медиолана в крепость Равенну. Стилихо вел войну с большой осторожностью и не вступал в сражение, пока не мог атаковать в благоприятных условиях. Такая возможность представилась в городе Полленция в Лигурии, и здесь, весной 403 года, он принял сражение.

[403-406 гг. н. э.]

Обе стороны провозгласили свою победу, но главное преимущество, несомненно, было на стороне римлян, которые в этой битве освободили тысячи своих пленных соотечественников и разграбили багаж врага. Но готы ни в коем случае не были побеждены; на протяжении всего лета они удерживались в окрестностях Апеннин и держали город Рим в постоянном страхе. Только осенью они начали отступать из Италии, и Стилихон позволил им уйти с добычей, считая целесообразным строить золотые мосты для убегающего врага. Тем не менее он наблюдал за их маршем и пытался убедить отдельные племена, служивших под командованием Алариха, покинуть его; и устроил вторую битву при Вероне, которая оказалась для короля готов более катастрофичной, чем битва при Полленции, поскольку он достиг своей страны лишь с небольшой частью своей армии.

Аппиева дорога

В течение нескольких лет готы оставались спокойными, но вскоре после их ухода другие германцы посетили Италию, нанеся гораздо более страшные разрушения, чем они (406 г.). Радагайз, один из германских князей, сопровождавших Алариха в его первом походе в Италию, собрал к северу от верхнего Дуная множество частных авантюристов и целые племена, которым он пообещал привести их в сам Рим, сказав, что он слышал о возможности и способе добраться туда. Его экспедиция напоминала народное переселение, так как женщины и дети сопровождали армию, которая, по самым скромным подсчетам, насчитывала двести тысяч человек, а по другим, более вероятным, — вдвое больше. Стилихон не осмелился противостоять этому потоку, а скорее пытался сдержать его, разделив и расположив свои войска.

[407-411 гг. н. э.]

Под пристальным наблюдением со всех сторон варварские орды продвигались через Ломбардию и Апеннины к окрестностям Флоренции. Здесь Стилихон, который следовал за

экспедицией, занял все подступы к горам, направил подкрепление в города, снабдил свою армию провизией с моря и спокойно ждал, когда бесчисленная и беспорядочная толпа начнет испытывать нужду. Окруженные со всех сторон римскими войсками, варвары вскоре стали страдать от голода, болезней и всяческих лишений. Стилихон уничтожил часть этой огромной армии, а оставшаяся и более многочисленная часть погибла от нужды. Этрурия напоминала огромное кладбище; лидер несчастного роя тщетно пытался пробиться сквозь окружение — он был схвачен и казнен.

Лучшую службу здесь оказали аланские всадники, гунны, готы и другие варвары, которые были среди римских наемников. Это особенно заслуживает внимания, поскольку показывает нам, что жители самой прекрасной из стран, предки которых завоевали все народы земли, опустились настолько низко, что фактически призывали варваров защищать их от других варваров. Из-за своей слабости, любви к покою и удовольствиям они нарушили все законы своего собственного правительства, даже когда последнее пыталось заставить их служить в армии с помощью суровых наказаний. Они даже предпочитали калечить себя, как многие делали в то время, чтобы избежать службы на войне, чем рисковать опасностями и лишениями ради своей страны.

Второй раз Стилихон спас Италию; его заслуги были больше, чем у Камилла или Мария, поскольку ему не приходилось, как этим людям, вести воинственный народ в бой, а сначала нужно было создать свою армию. Кроме того, вся его жизнь была не только борьбой цивилизации с варварством, но и одновременно борьбой силы с подлыми интригами. По этой причине мы не можем сравнивать его личные качества с его политическими заслугами, как и в случае с другими римскими героями, особенно с Камиллом и Марием. Многие из того, что ему вменяется в вину, скорее следует считать его заслугой. Например, он держал своего императора под постоянной опекой, но сразу после смерти Стилихона стало очевидным преимущество лишения Гонория личного участия в правительстве.

Еще большей несправедливостью является то, что разрушение процветания Галлии и Испании в период, непосредственно последовавший за походом Радагаиза, было приписано ему как преступление. Стилихон привел римские войска из Галлии и оставил их у себя после освобождения Италии, поскольку намеревался выследить готов в Иллирии. Варвары в Германии воспользовались этой возможностью, чтобы вторгнуться в Галлию (407 г.). Квады, вандалы, свевы, аланы, герулы, саксы, бургундионы, франки и другие варвары вторглись в несчастную страну, опустошая ее по мере продвижения, в то время как гепиды, сарматы и гунны вторглись в дунайские провинции, которые до этого занимали некоторые из этих народов, и поселились там. Аргенторатум (Страсбург), Новиомагус (Шпайер), Борбетомагус (Вормс), Могонтиакум и другие города, которые до тех пор противостояли варварам, были разрушены, и, как бурный поток, захватчики хлынули по всей Галлии.

Такая же беда постигла провинцию Британию, откуда Стилихон только что отозвал римские войска. В 407 году войска этой страны, среди которых было лишь несколько римских солдат, оказавшись таким образом брошенными на произвол судьбы, провозгласили одним из своих императором Константина и под его руководством переправились в Галлию. Здесь Константин был всемирно признан правителем жителями, которые очень нуждались в помощи. Армия под командованием генерала Саруса, которую Гонорий послал против него, была разгромлена (), и Константин также успешно сражался с варварами. Поскольку из-за серьезности ситуации в Италии и Галлии Гонорий и его министры не могли на данный момент заниматься Испанией, Константин счел момент благоприятным для подчинения и этой страны. Религиозные разногласия, раздиравшие тогда Испанию, как и Африку, и гонения, которым подвергались донатисты и ариане со

стороны ортодоксального Гонория и его придворных церковников, облегчили предприятие Константина. Он разгромил римские войска и ополчение и завоевал почти всю страну. К сожалению, Константин заменил отважное национальное ополчение горцев, которые до тех пор защищали перевалы Пиренеев, наемниками из всех народов, и вскоре после этого они объединились с варварами, которые пересекали горы из Галлии, и стали их спутниками и проводниками.^c

Зосим^d сказал о Стилихоне, что за двадцать три года, в течение которых он командовал армией, он никогда не использовал средства для собственной выгоды и не прибегал к каким-либо нечестным средствам для продвижения интересов своего единственного сына. Однако этому сыну было всего двадцать лет, и, хотя Стилихон был верным подчиненным Феодосия и в первую половину правления Гонория, он мог позже поддаться коррупции, используя свое служебное положение. Несколько писателей обвиняли его в том, что он думал возвысить своего сына на престол за счет Гонория, своего принца, ученика и зятя, и с этой целью спровоцировал вторжение варваров, которое принесло столько зла римлянам. Олимпиодор^e и Зосим, оба язычники, защищают его в этом вопросе: они сделали это, потому что, возможно, были бы довольны, увидев, как Эухер узурпирует империю и восстанавливает язычество.

Зосим не колеблется сказать, что, поскольку его доверие сделало его министром юстиции, было необходимо купить его у него либо деньгами, либо благосклонностью; что «все лучшие и богатейшие земли империи попали в его руки либо из-за страха навлечь на себя его немилость, либо из желания опираться на его репутацию, чтобы грабить народ; что он приобрел огромные богатства, ограбив самые знатные семьи и разорив провинции». То же самое, написанное в более отвратительной манере, можно прочесть у Суидаса,^f который, по-видимому, позаимствовал это у Эвнапа, языческого историка того времени. Зосим также обвиняет Стилихона в том, что он развлекался «недостойными его и даже преступными удовольствиями, именно в то время, когда ему больше всего нужно было бережно распоряжаться своим временем».^h

В то время как происходили эти события, Италия также была жертвой варваров. Стилихон убедил готского короля Алариха покинуть службу Греческой империи и перейти на службу Латинской, и достиг с ним некоторого тайного соглашения, о котором мы ничего не знаем. Согласно весьма маловероятному сообщению, Стилихон хотел использовать готов Алариха против своего собственного господина; согласно другому, столь же ненадежному сообщению, он намеревался выступить с готами на Константинополь и посадить своего сына на греческий трон. Какими бы ни были факты, Стилихон и Аларик пришли к какому-то соглашению, потому что, когда первый с армией выступил против Константина, Аларик внезапно появился на границах Италии, жаловался, что его обманули, и требовал компенсацию. Римский сенат, которому было поручено вести это дело, крайне неохотно согласился выплатить этот позорный дань и только по настоятельной просьбе Стилихона дал на это согласие.

[408 г. н.э.]

Враги министра воспользовались этой возможностью, чтобы добиться его падения, и слабый Гонорий прислушался к жалким людям, которые из зависти к Стилихону воздействовали на робость императора, чтобы заставить его заподозрить единственного человека, который мог спасти империю.^c

Через четыре дня после прибытия императора в Павию солдаты, подстрекаемые Олимпиом, подняли восстание. Зосим преувеличивает это восстание настолько, насколько

это возможно. Созомен, говоря об этом, говорит, что все, кого считали соучастниками Стилихона, были убиты.

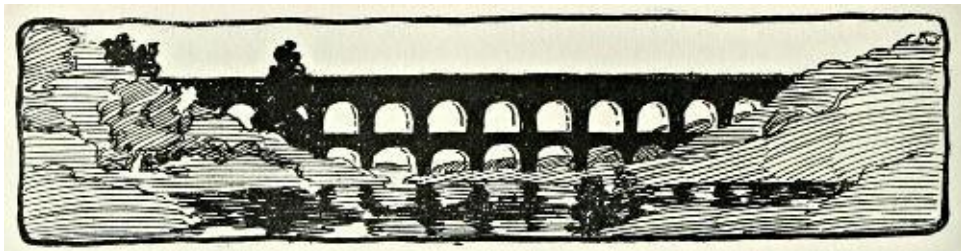
Зосим подробно описывает скорбь Стилихона, когда он узнал об этом восстании, известие о котором дошло до него в Булонь, и как он удалился в Равенну, куда Гонорий послал два отдельных приказа: один о его аресте, другой о его казни. Когда офицер, который их доставил, вручил первый, Стилихон укрылся в церкви. На следующий день он вышел и сдался солдатам, после того как они принесли клятву в присутствии епископа, что у них есть приказ только содержать его под стражей. Однако офицер передал второй приказ, и, согласно Зосиму, 23 августа он был обезглавлен. В этом утверждении его поддерживает история.

Еще до смерти своего отца Эухер удалился в Рим, где также нашел убежище в церкви, и, хотя был отдан приказ убить его, где бы он ни был найден, уважение к этому месту помешало офицерам применить насилие, пока не поступил специальный приказ от императора, предписывающий им вытащить его оттуда. Его вывели из Рима, вероятно, к императору, который приговорил его к смерти, после чего его отправили обратно в Рим для казни. По дороге его едва не спасли войска Алариха, которые, как мы увидим, захватили всю Италию. В конце концов, Эухер был казнен перед первой осадой Рима. «Таким образом, — говорит Орозий, ^g — император Гонорий и церковь (которая боялась Эухера) были избавлены от большой опасности и отомщены почти без шума и наказанием лишь нескольких человек». ^h Олимпий, который занял место павшего министра, с самого начала использовал свою власть, чтобы разрушить империю. Он заполнил должности в армии и государстве своими людьми, казнил всех членов семьи, друзей и клиентов Стилихона, на которых он мог положить руки, всячески пытался удовлетворить жажду власти церковников и зашел так далеко в своей лицемерной набожности, что, когда Аларик угрожал Риму, он назначил командирами не самых храбрых и опытных, а самых набожных людей.

В то время, когда единство было первой необходимостью, он убедил императора издать ряд нетерпимых указов. Было не только предписано, что ни один арианин не должен занимать государственную должность, но и преследование еретиков от имени государства было сделано обязанностью всех магистратов; более того, Гонорий даже передал расследование ересей в руки духовенства и создал для этой цели специальный инквизиционный трибунал. Эти меры привели арианских готов в римской армии в отчаяние, и поскольку после убийства Стилихона были казнены жены и дети варварских солдат, которых римляне держали в качестве залога их верности, многие тысячи готов, аланов и других иностранцев, принадлежавших к римской армии, бежали к Алариху и предложили ему свои услуги в качестве бойцов и проводников, чтобы отомстить римлянам. ^c

СНОСКИ

[64] [Юридически это разделение было такого же характера, как и то, которое произвел Диоклетиан; по-прежнему существовала одна империя, разделенная на два административных округа, и два Августа были коллегами, как и раньше. Разделение не было окончательным, и мы увидим (том VII), что на самом деле оно не было таковым; после отречения Ромула император в Константинополе не только претендовал на суверенитет над всей империей, но и временами фактически осуществлял свою власть над частями Запада].

ГЛАВА XLV. ГОТЫ В ИТАЛИИ

АЛАРИК ВТОРГАЕТСЯ В ИТАЛИЮ

Неспособность слабого и растерянного правительства часто может принимать форму и производить эффект изменнической переписки с общественным врагом. Если бы сам Аларик был введен в совет Равенны, он, вероятно, посоветовал бы те же меры, которые фактически были приняты министрами Гонория. Король готов, возможно, с некоторым нежеланием, вступил бы в заговор с целью уничтожить грозного противника, от рук которого он дважды терпел поражение как в Италии, так и в Греции. Их активная и заинтересованная ненависть привела к позору и гибели великого Стилихона. Доблесть Саруса, его слава в оружии и его личное или наследственное влияние на союзных варваров могли рекомендовать его только друзьям их страны, которые презирали или ненавидели никчемных Турпилио, Варана и Вигилантия. Под настойчивым давлением новых фаворитов эти генералы, показавшие себя недостойными звания солдат, были повышены до командования кавалерией, пехотой и внутренними войсками. Готский принц с удовольствием подписал бы указ, который фанатизм Олимпия продиктовал простодушному и набожному императору.

Гонорий исключил всех, кто был против католической церкви, из государственных должностей; упорно отвергал услуги всех, кто не разделял его религию; и опрометчиво лишил должностей многих из своих самых храбрых и умелых офицеров, которые придерживались языческого культа или приобщились к арианству. Эти меры, столь выгодные для врага, одобрил бы Аларик и, возможно, даже предложил бы сам; но

сомнительно, что варвар стал бы продвигать свои интересы ценой бесчеловечной и абсурдной жестокости, которая совершалась по указанию или, по крайней мере, с молчаливого согласия императорских министров. Иностранные вспомогательные войска, привязанные к личности Стилихона, оплакивали его смерть, но желание мести сдерживалось естественной опаской за безопасность их жен и детей, которые были удерживаны в качестве заложников в крепких городах Италии, где они также хранили свои самые ценные вещи. В тот же час, как по общему сигналу, города Италии были осквернены теми же ужасными сценами всеобщей резни и грабежа, которые привели к беспорядочному уничтожению семей и состояний варваров. Разгневанные таким оскорблением, которое могло пробудить даже самых кротких и покорных, они с возмущением и надеждой посмотрели на лагерь Алариха и единодушно поклялись вести справедливую и неумолимую войну против вероломного народа, который так подло нарушил законы гостеприимства. Из-за неосторожного поведения министров Гонория республика лишилась помощи и заслужила вражду тридцати тысяч своих самых храбрых солдат; и вес этой грозной армии, которая одна могла бы решить исход войны, перешел с чаши римлян на чашу готов.

[408-409 гг. н. э.]

В искусстве ведения переговоров, как и в искусстве ведения войны, готский король сохранил свое превосходство над врагом, чьи кажущиеся изменения были вызваны полным отсутствием совета и плана. Из своего лагеря на границе Италии Аларик внимательно наблюдал за революциями во дворце, следил за развитием фракций и недовольства, скрывал враждебный облик варварского завоевателя и принимал более популярный облик друга и союзника великого Стилихона, чьим добродетелям, когда они перестали быть грозными, он мог воздать справедливую дань искренней похвалы и сожаления. Настойчивое приглашение недовольных, которые призывали короля готов вторгнуться в Италию, подкреплялось живым чувством его личной обиды; и он мог правдоподобно жаловаться, что имперские министры все еще затягивают и уклоняются от выплаты четырех тысяч фунтов золота, которые были предоставлены римским сенатом либо в награду за его услуги, либо для умиротворения его ярости. Его достойная твердость подкреплялась искусной умеренностью, что способствовало успеху его замыслов. Он требовал справедливого и разумного удовлетворения, но давал самые твердые заверения, что, как только он его получит, немедленно уйдет в отставку. Он отказался доверять римлянам, если Этий и Иасон, сыновья двух великих государственных чиновников, не будут отправлены в его лагерь в качестве заложников, но в обмен на это он предложил передать нескольких самых благородных юношей готского народа. Скромность Алариха была истолкована министрами Равенны как верное свидетельство его слабости и страха. Они пренебрегли как переговорами о заключении договора, так и сбором армии и, с опрометчивой уверенностью, проистекающей только из их незнания крайней опасности, безвозвратно упустили решающие моменты мира и войны.

Пока они ожидали, что варвары покинут Италию, Аларик смелыми и быстрыми маршами перешел Альпы и По, поспешно разграбил города Аквилея, Альтинум, Конкордия и Кремона, которые сдались его войскам, увеличил свои силы за счет присоединения тридцати тысяч вспомогательных войск; и, не встретив ни одного врага на поле боя, продвинулся до края болота, которое защищало неприступную резиденцию императора Запада. Вместо того чтобы пытаться безнадежно осаждать Равенну, благоразумный вождь готов направился в Ариминум, продолжил свои грабежи вдоль побережья Адриатического моря и задумал завоевание древней госпожи мира. Итальянский отшельник, чья ревность и святость пользовались уважением даже у варваров, встретил победоносного монарха и смело осудил негодование небес против угнетателей земли; но сам святой был сбит с толку

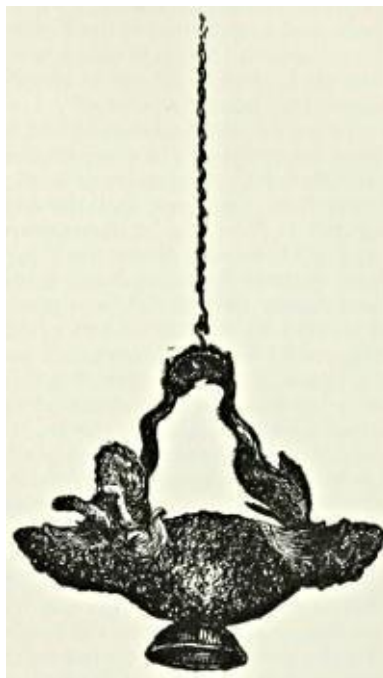
торжественным заверением Алариха, что он чувствует тайный сверхъестественный импульс, который направляет и даже заставляет его идти к воротам Рима. Он чувствовал, что его гений и удача равны самым трудным предприятиям; и энтузиазм, который он передал готам, незаметно устранил народное и почти суеверное почтение народов к величию римского имени. Его войска, воодушевленные надеждой на добычу, следовали по Фламиниевой дороге, заняли незащищенные проходы Апеннин, спустились в богатые равнины Умбрии и, расположившись лагерем на берегах Клитумна, могли безжалостно убивать и пожирать молочно-белых быков, которые так долго хранились для римских триумфов. Высокое расположение и своевременная буря с громом и молниями спасли маленький город Нарни (Narni), но король готы, презирая незначительную добычу, продолжал наступать с неослабевающей энергией и, пройдя под величественными арками, украшенными трофеями варварских побед, разбил лагерь под стенами Рима.

Умело расположив свои многочисленные войска, которые с нетерпением ждали момента штурма, Аларик окружил стены, захватил двенадцать главных ворот, перекрыл все пути сообщения с соседними странами и тщательно охранял судоходство по Тибру, откуда римляне получали самые надежные и обильные поставки продовольствия.

Первыми эмоциями знати и народа были удивление и возмущение тем, что подлый варвар осмелился оскорбить столицу мира; но их высокомерие вскоре было смирено несчастьем, и их немужская ярость, вместо того чтобы быть направленной против вооруженного врага, была подло вымещена на беззащитной и невинной жертве. Возможно, в лице Серены римляне уважали бы племянницу Феодосия, тетю, да даже приемную мать правящего императора; но они ненавидели вдову Стилихона и с легковой страстью слушали клеветнические рассказы, обвинявшие ее в тайной и преступной переписке с готским захватчиком. Движимый или устрешенный тем же народным безумием, сенат, не требуя никаких доказательств ее вины, вынес ей смертный приговор.

Серена была позорно задушена, и ослепленная толпа была удивлена, обнаружив, что этот жестокий акт несправедливости не привел к немедленному отступлению варваров и освобождению города. Этот несчастный город постепенно испытывал страдания от нехватки продовольствия и, в конце концов, ужасные бедствия голода. Ежедневная норма в три фунта хлеба была сокращена вдвое, затем втрое, а затем и вовсе отменена, а цена на зерно продолжала расти быстрыми и несоразмерными темпами. Бедные граждане, не имевшие возможности приобрести предметы первой необходимости, просили о милостыне у богатых, и на время общее бедствие было облегчено человечностью Лэты, вдовы императора Грациана, которая поселилась в Риме и посвятила на нужды бедных княжеский доход, который она ежегодно получала от благодарных преемников своего мужа. Но эти частные и временные пожертвования были недостаточны, чтобы утолить голод многочисленного народа, и голод проник даже в мраморные дворцы самих сенаторов. Люди обоих полов, воспитанные в комфорте и роскоши, обнаружили, как мало нужно для удовлетворения естественных потребностей, и растрачивали свои бесполезные сокровища из золота и серебра, чтобы получить грубую и скудную пищу, которую раньше они с презрением отвергали. Пища, наиболее отвратительная для чувств и воображения, продукты, наиболее вредные и опасные для здоровья, были с жадностью поглощены и яростно разграблены в порыве голода. Существовало мрачное подозрение, что некоторые отчаянные несчастные питались телами своих братьев, которых они тайно убивали; и даже матери (таков был ужасный конфликт двух самых сильных инстинктов, заложенных природой в человеческой груди), даже матери, как говорят, пробовали плоть своих убитых детей.

Многие тысячи жителей Рима умерли в своих домах или на улицах от недостатка пищи; а поскольку общественные могилы за стенами города находились во власти врага, зловоние, исходившее от стольких гниющих и непогребенных трупов, заражало воздух; и к страданиям от голода добавилась и усугубилась заразная эпидемия. Заверения в скорой и эффективной помощи, которые неоднократно поступали из двора Равенны, некоторое время поддерживали слабеющую решимость римлян, пока, наконец, отчаяние от любой человеческой помощи не побудило их принять предложения сверхъестественного спасения. Помпеян, префект города, был убежден искусством или фанатизмом некоторых тосканских гадателей, что с помощью таинственной силы заклинаний и жертвоприношений они могут извлечь молнии из облаков и направить эти небесные огни на лагерь варваров. Важная тайна была сообщена Иннокентию, епископу Рима; и преемник святого Петра обвиняется, возможно, безосновательно, в том, что он предпочел безопасность республики строгой суровости христианского культа. Но когда этот вопрос был поднят в сенате, когда было предложено, в качестве обязательного условия, чтобы эти жертвоприношения совершались на Капитолии, под властью и в присутствии магистратов, большинство членов этого уважаемого собрания, опасаясь либо божественного, либо императорского недовольства, отказалось присоединиться к действию, которое казалось почти равносильным публичному восстановлению язычества.

РИМСКАЯ ЛАМПА

Последним средством римлян было милосердие или, по крайней мере, умеренность короля готов. Сенат, который в этой чрезвычайной ситуации взял на себя высшую власть в государстве, назначил двух послов для переговоров с врагом. Это важное поручение было возложено на Василия, сенатора испанского происхождения, уже прославившегося в управлении провинциями, и на Иоанна, первого трибуна нотариусов, который был особенно подходящей кандидатурой благодаря своему деловому таланту, а также прежней дружбе с готским принцем. Когда их представили Алариху, они заявили, возможно, в более возвышенном стиле, чем того требовало их униженное положение, что римляне решили сохранить свое достоинство, будь то в мире или в войне, и что, если Аларик откажется от справедливой и честной капитуляции, он может затрубить в трубы и приготовиться к сражению с бесчисленным народом, обученным оружию и воодушевленным отчаянием.

«Чем гуще сено, тем легче его косить», — был лаконичный ответ варвара; и эта деревенская метафора сопровождалась громким и оскорбительным смехом, выражающим его презрение к угрозам невоинственного народа, ослабленного роскошью еще до того, как его истощил голод. Затем он снизошел до того, что определил выкуп, который он примет в качестве платы за отступление от стен Рима: все золото и серебро в городе, будь то собственность государства или частных лиц; все богатое и драгоценное движимое имущество; и всех рабов, которые могут доказать свое право на звание варваров. Министры сената осмелились спросить скромным и умоляющим тоном: «Если таковы, о царь, твои требования, что же ты собираешься оставить нам?» «Ваши жизни», — ответил высокомерный завоеватель.

Они задрожали и удалились. Однако перед тем, как удалиться, было объявлено о кратковременном прекращении боевых действий, что дало время для более умеренных переговоров. Суровые черты лица Алариха незаметно смягчились; он значительно смягчил свои условия и в конце концов согласился снять осаду при немедленной выплате пяти тысяч фунтов золота, тридцати тысяч фунтов серебра, четырех тысяч шелковых одежд, трех тысяч кусков тонкой алой ткани и трех тысяч фунтов перца. Но государственная казна была опустошена; ежегодные доходы от крупных поместий в Италии и провинциях были перехвачены бедствиями войны; золото и драгоценные камни были обменены во время голода на самые скудные средства к существованию; тайные запасы богатств по-прежнему скрывались из-за упорной скупости; и лишь некоторые остатки освященной добычи составляли единственный ресурс, который мог предотвратить надвигающуюся гибель города.

Как только римляне удовлетворили алчные требования Алариха, они в некоторой степени восстановили мир и изобилие. Некоторые ворота были осторожно открыты; ввоз продовольствия с реки и из соседних стран больше не препятствовался готами; граждане толпами устремились на свободный рынок, который проводился в течение трех дней в пригородах; и в то время как купцы, которые занимались этой прибыльной торговлей, получали значительную прибыль, будущее существование города было обеспечено обильными запасами, которые хранились в государственных и частных зернохранилищах. В лагере Алариха поддерживалась более строгая дисциплина, чем можно было ожидать, и мудрый варвар оправдал свое уважение к договорам справедливой строгостью, с которой он наказал группу разнузданных готов, оскорбивших нескольких римских граждан на дороге в Остию. Его армия, обогащенная пожертвованиями столицы, медленно продвигалась в красивую и плодородную провинцию Тоскана, где он намеревался разбить свои зимние квартиры; и готский штандарт стал убежищем для сорока тысяч варварских рабов, которые разорвали свои цепи и стремились под командованием своего великого освободителя отомстить за обиды и позор своего жестокого рабства. Примерно в то же время он получил более почетное подкрепление из готов и гуннов, которых Атавульф, брат его жены, по его настоятельной просьбе провел от берегов Дуная к берегам Тибра и которые с некоторым трудом и потерями пробились через превосходящие силы императорских войск. Победоносный полководец, соединивший в себе смелый дух варвара с искусством и дисциплиной римского генерала, стоял во главе ста тысяч воинов, и Италия с ужасом и уважением произносила грозное имя Алариха.

Спустя пятнадцать веков мы можем довольствоваться рассказом о военных подвигах завоевателей Рима, не пытаясь исследовать мотивы их политического поведения.

В разгар своего кажущегося процветания Аларик, возможно, осознавал какую-то тайную слабость, какой-то внутренний недостаток; а может быть, умеренность, которую он демонстрировал, была призвана лишь обмануть и обезоружить легковверных министров Гонория. Король готов неоднократно заявлял, что желает, чтобы его считали другом мира и

римлян. По его настоятельной просьбе трое сенаторов были отправлены в качестве послов ко двору в Равенну, чтобы добиться обмена заложниками и заключения договора; и предложения, которые он более четко сформулировал в ходе переговоров, могли только вызвать сомнения в его искренности, поскольку они казались несоответствующими его состоянию. Варвар по-прежнему стремился к званию главнокомандующего армиями Запада; он потребовал ежегодную субсидию в виде зерна и денег; и выбрал провинции Далмация, Норик и Венеция в качестве резиденции своего нового королевства, которое контролировало бы важную связь между Италией и Дунаем. Если бы эти скромные условия были отвергнуты, Аларик был готов отказаться от своих денежных требований и даже довольствоваться владением Нориком, истощенной и обедневшей страной, постоянно подвергавшейся набегам варваров из Германии. Но надежды на мир были разочарованы слабым упрямством или корыстными взглядами министра Олимпия. Не прислушавшись к благотворным предостережениям сената, он отпустил послов под военным конвоем, слишком многочисленным для почетной свиты и слишком слабым для армии обороны. Шесть тысяч далматинцев, цвет императорских легионов, получили приказ маршировать из Равенны в Рим через открытую местность, занятую грозными мириадами варваров. Эти храбрые легионеры, окруженные и преданные, пали жертвой министерской глупости; их генерал Валент со ста солдатами бежал с поля битвы; а один из послов, который больше не мог претендовать на защиту закона народов, был вынужден выкупить свою свободу выкупом в тридцать тысяч золотых монет. Однако Аларик, вместо того чтобы возмутиться этим актом бессильной вражды, немедленно возобновил свои предложения о мире; и второе посольство римского сената, которое черпало свой вес и достоинство из присутствия Иннокентия, епископа города, было охраняемо от опасностей дороги отрядом готских солдат.

Олимпий мог бы и дальше оскорблять справедливое негодование народа, который громко обвинял его в качестве виновника общественных бедствий, но его власть была подорвана тайными интригами во дворце. Любимые евнухи передали управление Гонорием и империей Йовию, префекту преторианской гвардии, недостойному слуге, который не смог искупить ошибки и несчастья своего правления личными заслугами. Изгнание или побег виновного Олимпия приготовили ему новые превратности судьбы; он пережил приключения безвестной и скитающейся жизни; он снова поднялся к власти; он во второй раз впал в немилость; ему отрезали уши; он скончался под плетью; и его позорная смерть стала благодарным зрелищем для друзей Стилихона. После удаления Олимпия, характер которого был глубоко заражен религиозным фанатизмом, язычники и еретики были освобождены от недальновидного преследования, которое лишало их государственных почестей. Храбрый Геннерид, воин варварского происхождения, который по-прежнему придерживался культа своих предков, был вынужден сложить военный пояс; и хотя сам император неоднократно уверял его, что законы не созданы для людей его ранга и заслуг, он отказался принять какое-либо частичное освобождение от наказания и упорно терпел почетную позорную участь, пока не вынудил римское правительство, находящееся в бедственном положении, принять общий акт справедливости. Поведение Геннерида на важной должности, на которую он был повышен или восстановлен, — генерал-губернатора Далмации, Паннонии, Норика и Реции — казалось, возродило дисциплину и дух республики. Из жизни, полной праздности и нужды, его войска вскоре привыкли к суровым упражнениям и обильному пропитанию; а его личная щедрость часто восполняла награды, которые были отказаны из-за скупости или бедности двора Равенны. Доблесть Геннерида, внушавшая страх соседним варварам, была самым надежным оплотом иллирийской границы, а его бдительная забота помогла империи с подкреплением в десять тысяч гуннов, которые прибыли на границы Италии в сопровождении такого количества провианта и

такого многочисленного стада овец и волов, которое могло бы быть достаточным не только для похода армии, но и для основания колонии.

Но двор и советы Гонория по-прежнему оставались ареной слабости и раздора, коррупции и анархии. Подстрекаемые префектом Джовием, гвардейцы подняли яростный мятеж и потребовали казнить двух генералов и двух главных евнухов. Генералы, под вероломным обещанием безопасности, были отправлены на корабль и тайно казнены, в то время как благосклонность евнухов обеспечила им мягкое и безопасное изгнание в Медиолан и Константинополь. Евнух Евсевий и варвар Аллобих унаследовали командование спальней и гвардией, и взаимная ревность этих подчиненных министров стала причиной их взаимного уничтожения. По надменному приказу графа домашней стражи великий камергер был позорно забит палками до смерти на глазах у изумленного императора; а последующее убийство Аллобиха посреди публичной процессии — единственное обстоятельство в его жизни, в котором Гонорий проявил малейший признак мужества или негодования.

Однако еще до своего падения Евсевий и Аллобих внесли свой вклад в гибель империи, выступив против заключения договора, который Йовий, движимый корыстными и, возможно, преступными мотивами, заключил с Аларихом во время личной встречи под стенами Ариминума. Во время отсутствия Йовия императора убедили принять высокомерный тон непреклонного достоинства, который не соответствовал ни его положению, ни его характеру; и письмо, подписанное именем Гонория, было немедленно отправлено преторианскому префекту, давая ему свободное разрешение распоряжаться государственными деньгами, но строго отказываясь протитуировать военные почести Рима перед гордыми требованиями варвара. Это письмо было неосторожно передано самому Алариху, и гот, который на протяжении всей сделки вел себя сдержанно и достойно, выразил в самых резких выражениях свое живое чувство оскорбления, нанесенного его личности и его народу. Переговоры в Ариминуме были поспешно прерваны, и префект Йовий по возвращении в Равенну был вынужден принять и даже поощрять модные мнения двора. По его совету и примеру главные должностные лица государства и армии были вынуждены поклясться, что, не прислушиваясь ни при каких обстоятельствах к каким-либо условиям мира, они будут и впредь вести непрекращающуюся и непримиримую войну против врага республики. Это опрометчивое обязательство стало непреодолимым препятствием для всех будущих переговоров. Министры поклялись священной головой самого императора самой нерушимой клятвой.

ГОНОРИЙ УХОДИТ В РАВЕННУ; АТТАЛ НАЗНАЧЕН ИМПЕРАТОРОМ

В то время как император и его двор с угрюмой гордостью наслаждались безопасностью болот и укреплений Равенны, они оставили Рим, практически без защиты, на произвол Алариха. Однако он по-прежнему сохранял или демонстрировал умеренность, и, продвигаясь со своей армией по Фламиниевой дороге, он последовательно отправлял епископов итальянских городов, чтобы повторить свои предложения о мире и убедить императора спасти город и его жителей от вражеского огня и меча варваров. Эти надвигающиеся бедствия были, однако, предотвращены, но не благодаря мудрости Гонория, а благодаря благоразумию или гуманности готского короля, который применил более мягкий, но не менее эффективный метод завоевания. Вместо того чтобы штурмовать столицу, он успешно направил свои усилия против порта Остии, одного из самых смелых и грандиозных сооружений римского великолепия. Несчастные случаи, которым постоянно

подвергалось существование города в зимнее плавание и на открытой дороге, подсказали гению первого Цезаря полезный замысел, который был осуществлен во время правления Клавдия. Искусственные молы, образующие узкий вход, далеко углублялись в море и надежно отражали ярость волн, в то время как самые большие суда безопасно стояли на якоре в трех глубоких и вместительных бассейнах, принимавших северную ветвь Тибра, примерно в двух милях от древней колонии Остии. Римский порт незаметно разросся до размеров епископского города, где африканское зерно складировалось в просторных зернохранилищах для нужд столицы. Как только Аларик овладел этим важным местом, он призвал город сдаться на его милость, и его требования были подкреплены категорическим заявлением, что отказ или даже задержка немедленно повлекут за собой разрушение складов, от которых зависела жизнь римского народа. Возмущение народа и страх голода покорили гордость сената; они без сопротивления выслушали предложение поставить на трон недостойного Гонория нового императора, и голосование готского завоевателя предоставило пурпурную мантию Атталу, префекту города. Благодарный монарх немедленно признал своего защитника главнокомандующим армиями Запада; Атавульф, имевший звание графа доместиков (), получил право охранять Атталу, и две враждующие нации, казалось, объединились самыми тесными узами дружбы и союза.

Руины триумфальной арки Друза

Ворота города были распахнуты, и новый император римлян, окруженный со всех сторон готским оружием, был проведен в шумной процессии к дворцу Августа и Траяна. Распределив гражданские и военные должности среди своих фаворитов и последователей, Аттал созвал сенат, перед которым в торжественной и красноречивой речи () он заявил о своем решении восстановить величие республики и присоединить к империи провинции Египта и Востока, которые когда-то признавали верховную власть Рима. Такие экстравагантные обещания вызывали у каждого разумного гражданина справедливое презрение к характеру невоинственного узурпатора, чье возвышение было самой глубокой и позорной раной, которую республика еще не понесла от наглости варваров. Но народ, с присущей ему легкомысленностью, приветствовал смену хозяев. Недовольство народа было благоприятно для соперника Гонория, а сектанты, угнетаемые его преследовательскими указами, ожидали некоторой поддержки или, по крайней мере, терпимости от принца, который в своей родной Ионии был воспитан в языческом суеверии и впоследствии принял таинство крещения из рук арианского епископа.

Первые дни правления Аттала были благоприятными и процветающими. Доверенный офицер был отправлен с незначительным отрядом войск, чтобы обеспечить повиновение Африки; большая часть Италии подчинилась террору готских сил; город Бонония оказал энергичное и эффективное сопротивление; жители Медиолана, возможно, недовольные отсутствием Гонория, с громкими возгласами приняли выбор римского сената. Во главе грозной армии Аларик провел своего королевского пленника почти до ворот Равенны; и торжественная делегация главных министров, претора префекта Йовия, магистра кавалерии и пехоты Валенса, квестора Потамия и первого нотариуса Юлиана была представлена с воинственной помпой в готском лагере. От имени своего повелителя они согласились признать законность избрания его соперника и разделить провинции Италии и Запада между двумя императорами. Их предложения были с презрением отвергнуты, и отказ был усугублен оскорбительной милостью Аттала, который снизошел к обещанию, что, если Гонорий немедленно отречется от престола, ему будет позволено провести остаток своей жизни в мирном изгнании на каком-нибудь отдаленном острове (). Ситуация сына Феодосия казалась настолько безнадежной тем, кто лучше всего знал его силу и ресурсы,

что Йовий и Валент, его министр и генерал, предали его доверие, позорно покинули тонущее дело своего благодетеля и посвятили свою вероломную верность служению его более удачливому сопернику. Потрясенный такими примерами внутренней измены, Гонорий дрожал при приближении каждого слуги, при прибытии каждого посланника. Он боялся тайных врагов, которые могли скрываться в его столице, дворце, спальне; а в гавани Равенны стояли готовые корабли, чтобы перевезти отрешенного монарха в владения его малолетнего племянника, императора Востока.

Но есть провидение (по крайней мере, так считал историк Прокопий), которое бдит над невинными и глупыми; и претензии Гонория на его особую заботу не могут быть обоснованно оспорены. В тот момент, когда его отчаяние, неспособное к какому-либо мудрому или мужественному решению, заставило его обдумать позорное бегство, в порт Равенны неожиданно прибыло своевременное подкрепление в виде четырех тысяч ветеранов. Этим доблестным чужеземцам, чья верность не была подкуплена придворными интригами, он доверил стены и ворота города; и сон императора больше не нарушался опасениями неминуемой внутренней опасности. Благоприятные известия, поступившие из Африки, внезапно изменили мнения людей и положение дел в государстве. Войска и офицеры, которых Аттал послал в эту провинцию, были разгромлены и убиты; а активное рвение Геракла сохранило его собственную верность и верность его народа. Верный граф Африки переслал большую сумму денег, что укрепило привязанность императорской гвардии; а его бдительность в предотвращении вывоза зерна и масла привела к голоду, беспорядкам и недовольству в стенах Рима.

АТТАЛ СНИМЕН С ТРОНА; РИМ РАЗГРАБЛЕН АЛАРИКОМ

[409-410 гг. н. э.]

Неудача африканской экспедиции стала источником взаимных жалоб и обвинений в партии Атталы, и ум его покровителя незаметно отдалился от интересов принца, которому не хватало ни духа командовать, ни покорности подчиняться. Были приняты самые неосторожные меры без ведома Аларика или вопреки его совету, а упорный отказ сената разрешить даже пятистам готам взойти на борт кораблей свидетельствовал о подозрительном и недоверчивом настроении, что в их положении было ни великодушным, ни разумным. Обида готского короля была усугублена злобными интригами Джовия, который был возведен в ранг патриция и который впоследствии оправдал свое двойное вероломство, беззастенчиво заявив, что он только притворился, будто отказался от службы Гонорию, чтобы более эффективно разрушить дело узурпатора. На большой равнине недалеко от Ариминума, в присутствии бесчисленной толпы римлян и варваров, несчастный Аттал был публично лишен диадемы и пурпура; эти знаки королевской власти были отправлены Аларихом в качестве залога мира и дружбы сыну Феодосия.

Смещение Атталы с трона устранило единственное реальное препятствие для заключения мира, и Аларик продвинулся на три мили к Равенне, чтобы оказать давление на нерешительных императорских министров, чья надменность вскоре вернулась вместе с возвращением удачи. Его возмущение разгорелось от сообщения о том, что соперничающий вождь, Сарус, личный враг Атавульфа и наследственный враг дома Балти, был принят во дворец. Во главе трехсот последователей этот бесстрашный варвар немедленно вышел из ворот Равенны, застал врасплох и разгромил значительное количество готов, вернулся в город с триумфом () и получил разрешение оскорбить своего противника через глашатая, который публично объявил, что вина Алариха навсегда лишила его дружбы и союза с императором.

Преступления и глупость двора Равенны в третий раз были искуплены бедствиями Рима. Король готов, который больше не скрывал своего стремления к грабежу и мести, появился с оружием у стен столицы; и дрожащий сенат, не имея никакой надежды на помощь, готовился отчаянным сопротивлением отсрочить гибель своей страны. Но они не смогли защититься от тайного заговора своих рабов и слуг, которые по рождению или из корысти были привержены делу врага. В полночь Саларийские ворота были тихо открыты, и жители были разбужены грозным звуком готской трубы. Через 1163 года после основания Рима имперский город, который покори́л и цивилизовал столь значительную часть человечества, был предан разгульной ярости племен Германии и Скифии.

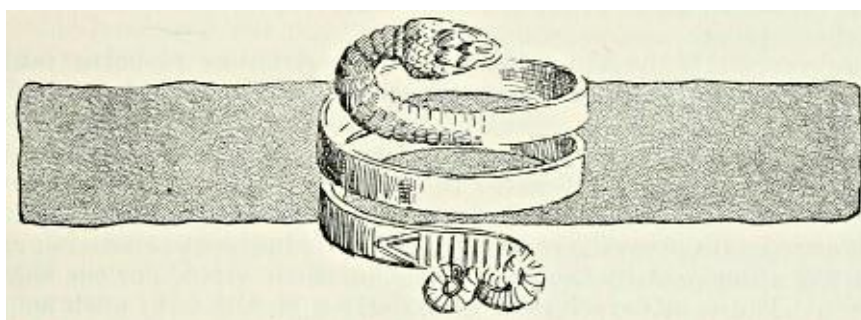
Прокламация Алариха, когда он ворвался в побежденный город, свидетельствовала о некотором уважении к законам человечности и религии. Он смело призывал свои войска захватывать награды за доблесть и обогащаться добычей богатых и изнеженных людей, но в то же время он увещевал их щадить жизни не сопротивляющихся граждан и уважать церкви апостолов Святого Петра и Святого Павла как святые и неприкосновенные святилища. Среди ужасов ночного беспорядка несколько христианских готов проявили пыл недавнего обращения в веру; некоторые примеры их необычной набожности и умеренности описаны и, возможно, приукрашены ревностью церковных писателей.

Пока варвары бродили по городу в поисках добычи, скромное жилище пожилой девы, посвятившей свою жизнь служению алтарю, было взломано одним из могущественных готов. Он сразу же потребовал, хотя и вежливым тоном, все золото и серебро, которое было у нее, и был удивлен готовностью, с которой она провела его к великолепному кладу из массивных серебряных изделий, изготовленных из самых дорогих материалов и с самой изысканной отделкой. Варвар с удивлением и восторгом рассматривал это ценное приобретение, пока его не прервало серьезное предупреждение, обращенное к нему следующими словами: «Это, — сказала она, — освященные сосуды, принадлежащие святому Петру; если вы осмелитесь прикоснуться к ним, это кощунственное деяние останется на вашей совести. Что касается меня, то я не смею держать то, что не могу защитить». Готский военачальник, пораженный благоговейным страхом, послал гонца, чтобы сообщить королю о найденном сокровище, и получил от Алариха категорический приказ, чтобы все освященные сосуды и украшения были без повреждений и без промедления перевезены в церковь Апостола. От самого края, пожалуй, Квиринальского холма до отдаленного квартала Ватикана многочисленный отряд готов, маршируя в боевом порядке по главным улицам, защищал сверкающим оружием длинную процессию своих набожных товарищей, которые несли на головах священные сосуды из золота и серебра; и воинственные крики варваров смешивались с звуками религиозных псалмов. Из всех соседних домов толпа христиан поспешила присоединиться к этой назидательной процессии; и множество беженцев, без различия возраста, положения или даже вероисповедания, имели счастье спастись в безопасное и гостеприимное убежище Ватикана. Ученая работа «О городе Божьем» была написана святым Августином, чтобы оправдать пути Провидения в разрушении величия Рима. Он с особым удовлетворением прославляет этот памятный триумф Христа и оскорбляет своих противников, вызывая их привести какой-нибудь подобный пример города, взятого штурмом, в котором сказочные боги древности смогли защитить либо себя, либо своих обманутых поклонников.

Во время разграбления Рима некоторые редкие и необычные примеры варварской добродетели были заслуженно встречены аплодисментами. Но священные пределы Ватикана и апостольских церквей могли принять лишь очень небольшую часть римского народа; многие тысячи воинов, особенно гуннов, служивших под знаменем Алариха, были чужды имени или, по крайней мере, вере Христа; и мы можем подозревать, не нарушая милосердия или искренности, что в час дикого разгула, когда все страсти были разжиганы и

все сдерживающие факторы были устранены, заповеди Евангелия редко влияли на поведение готских христиан. Писатели, наиболее склонные преувеличивать их милосердие, свободно признавали, что римляне подверглись жестокой резне и что улицы города были заполнены трупами, которые оставались непогребенными в общем смятении. Отчаяние горожан иногда превращалось в ярость, и всякий раз, когда варвары были спровоцированы сопротивлением, они распространяли беспорядочную резню на слабых, невинных и беспомощных. Частная месть сорока тысяч рабов () осуществлялась без жалости и угрызений совести; и позорные удары кнутом, которые они ранее получали, были смыты кровью виновных или ненавистных семей. Матроны и девы Рима подвергались оскорблениям, которые в их представлении о целомудрии были страшнее самой смерти; и церковный историк выбрал пример женской добродетели для восхищения будущих поколений.

Римская дама, обладавшая необыкновенной красотой и православной верой, возбудила нетерпеливые желания молодого гота, который, согласно проницательному замечанию Созомена, приверженец арианской ереси. Раздраженный ее упорным сопротивлением, он вытащил меч и в гневе влюбленного слегка ранил ее в шею. Кровоточащая героиня продолжала смело противостоять его гневу и отвергать его любовь, пока насильник не отказался от своих тщетных попыток, с уважением проводил ее в святилище Ватикана и дал шесть золотых монет стражникам церкви с условием, что они вернут ее нетронутой в объятия ее мужа. Такие примеры мужества и великодушия были не очень распространены. Жестокие солдаты удовлетворяли свои чувственные аппетиты, не спрашивая ни о склонностях, ни об обязанностях своих пленниц; и серьезно обсуждался тонкий вопрос казуистики: потеряли ли эти нежные жертвы, которые непреклонно отказывались дать согласие на насилие, которому они подверглись, в результате своего несчастья славную корону девственности? Конечно, были и другие потери, более существенные и вызывавшие более общее беспокойство. Нельзя предполагать, что все варвары были всегда способны совершать такие любовные надругательства; и отсутствие молодости, красоты или целомудрия защищало большую часть римских женщин от опасности изнасилования. Но алчность — это ненасытная и всеобщая страсть, поскольку наслаждение почти всеми объектами, которые могут доставить удовольствие различным вкусам и темпераментам человечества, можно получить, обладая богатством.

РИМСКИЙ ЗОЛОТОЙ БРАСЛЕТ

При разграблении Рима предпочтение отдавалось золоту и драгоценностям, которые содержат наибольшую ценность при наименьших размерах и весе; но после того, как эти переносные богатства были унесены более прилежными грабителями, дворцы Рима были грубо ограблены и лишены своей роскошной и дорогой обстановки. Массивные серванты и разноцветные шкафы из шелка и пурпура были беспорядочно сложены в повозки, которые всегда следовали за маршем готской армии. Самые изысканные произведения искусства были грубо обработаны или бездумно уничтожены; многие статуи были переплавлены ради

драгоценных материалов, а многие вазы при разделе добычи были разбиты на осколки ударом боевого топора. Приобретение богатств только стимулировало алчность хищных варваров, которые угрозами, ударами и пытками заставляли своих пленников признаваться в наличии спрятанных сокровищ. Видимое великолепие и расточительство считались доказательством богатства; внешний вид бедности приписывался скупости; а упрямство некоторых скряг, которые терпели самые жестокие мучения, прежде чем раскрыли тайну своих сокровищ, стало роковым для многих несчастных, которые умерли под кнутом за отказ раскрыть свои воображаемые сокровища.

Здания Рима, хотя ущерб был сильно преувеличен, все же понесли некоторые повреждения от насилия готов. При входе через Саларийские ворота они подожгли соседние дома, чтобы освещать свой путь и отвлечь внимание горожан; пламя, не встретившее никаких препятствий в ночной суматохе, поглотило многие частные и общественные здания; и руины дворца Саллюстия оставались в эпоху Юстиниана величественным памятником готского пожара. Однако современный историк заметил, что огонь едва ли мог поглотить огромные балки из твердой латуни, а сила человека была недостаточна, чтобы разрушить фундаменты древних сооружений. Возможно, в его благочестивом утверждении скрывается доля правды, что гнев небес восполнил несовершенство враждебной ярости и что гордый Форум Рима, украшенный статуями стольких богов и героев, был сравнен с землей ударом молнии.

Каким бы ни было число всадников или плебеев, погибших в массовом убийстве в Риме, с уверенностью можно утверждать, что только один сенатор лишился жизни от меча врага. Но было нелегко подсчитать количество людей, которые из почтенного положения и благополучного состояния внезапно оказались в жалком положении пленников и изгнанников. Поскольку варвары больше нуждались в деньгах, чем в рабах, они установили умеренную цену за выкуп своих неимущих пленников, и выкуп часто оплачивался из доброжелательности их друзей или милосердия незнакомых людей. Пленники, которые были проданы по обычной цене, либо на открытом рынке, либо по частному договору, по закону восстанавливали свою родную свободу, которую гражданин не мог потерять или отчуждать. Но вскоре выяснилось, что отстаивание своей свободы ставит под угрозу их жизнь и что готы, если их не побудить к продаже, могут быть спровоцированы на убийство бесполезных пленников; гражданское право уже было дополнено мудрым положением, согласно которому они должны были отслужить умеренный срок в пять лет, пока своим трудом не погасят цену своего выкупа. Народы, вторгшиеся в Римскую империю, гнали перед собой в Италию целые отряды голодных и испуганных провинциалов, которые меньше боялись рабства, чем голода. Бедствия Рима и Италии рассеяли жителей по самым уединенным, самым безопасным и самым отдаленным местам убежища. В то время как готская кавалерия сеяла ужас и опустошение вдоль побережья Кампании и Тосканы, маленький остров Игилиум, отделенный узким проливом от мыса Аргентария, отразил или уклонился от их враждебных попыток; и на таком небольшом расстоянии от Рима большое количество граждан было надежно укрыто в густых лесах этого уединенного места. Обширные владения, которыми многие сенаторские семьи обладали в Африке, побуждали их, если у них было время и мудрость спастись от разрушения своей страны, принять убежище в этой гостеприимной провинции. Итальянские беженцы рассеялись по провинциям, вдоль побережья Египта и Азии, вплоть до Константинополя и Иерусалима; а деревня Вифлеем, уединенное место жительства святого Иеронима и его обращенных в христианство женщин, была переполнена знаменитыми нищими обоих полов и всех возрастов, которые вызвали общественное сострадание воспоминаниями о своей былой удаче. Эта ужасная катастрофа Рима наполнила изумленную империю горем и ужасом. Такой интересный контраст величия и разрушения располагал легковверных людей к тому,

чтобы сожалеть и даже преувеличивать бедствия королевы городов. Духовенство, которое применяло к недавним событиям возвышенные метафоры восточных пророчеств, иногда поддавалось искушению смешать разрушение столицы с распадом земного шара.

В человеческой природе существует сильная склонность преуменьшать преимущества и преувеличивать недостатки современности. Однако, когда первые эмоции улеглись и был дан объективный оценка реального ущерба, более образованные и рассудительные современники были вынуждены признать, что молодой Рим ранее получил более существенный ущерб от галлов, чем он понес сейчас от готов в период своего упадка. Опыт одиннадцати веков позволил потомкам провести гораздо более необычное сравнение и с уверенностью утверждать, что разорение, причиненное варварами, которых Аларик привел с берегов Дуная, было менее разрушительным, чем военные действия войск Карла V, католического принца, провозгласившего себя императором римлян.

Готы покинули город через шесть дней, но Рим оставался в руках империалистов более девяти месяцев, и каждый час был омрачен каким-нибудь жестоким актом насилия, похоти и грабежа. Авторитет Алариха поддерживал некоторый порядок и умеренность среди свирепой толпы, но во время позднейшего захвата под командованием Карла V констебль Бурбона пал с честью в атаке на стены, и смерть генерала сняла все ограничения дисциплины с армии, состоявшей из трех независимых народов: итальянцев, испанцев и немцев. В начале XVI века нравы Италии представляли собой замечательную картину разврата человечества. Они объединили кровожадные преступления, преобладающие в нестабильном состоянии общества, с утонченными пороками, которые проистекают из злоупотребления искусством и роскошью; а распущенные авантюристы, которые нарушили все предрассудки патриотизма и суеверия, чтобы напасть на дворец римского понтифика, заслуживают того, чтобы считаться самыми развратными из итальянцев. В ту же эпоху испанцы были ужасом как Старого, так и Нового Света; но их высокомерная доблесть была опорочена мрачной гордостью, алчной жадностью и неумолимой жестокостью. Неутомимые в погоне за славой и богатством, они совершенствовались, благодаря многократной практике, самые изысканные и эффективные методы пыток своих пленников; многие из кастильцев, грабивших Рим, были знакомы со Святой инквизицией, а некоторые добровольцы, возможно, недавно вернулись из завоевания Мексики. Немцы были менее коррумпированными, чем итальянцы, и менее жестокими, чем испанцы; и деревенский или даже дикий облик этих воинов из Тромонтаны часто скрывал простое и милосердное нравом. Но они впитали в себя, в первом порыве Реформации, дух и принципы Лютера. Их любимым развлечением было оскорблять или уничтожать освященные предметы католического суеверия: они без жалости и угрызений совести предавались благочестивой ненависти к духовенству всех конфессий и рангов, составляющему значительную часть населения современного Рима; и их фанатичный рвение могло стремиться к свержению престола Антихриста, к очищению кровью и огнем мерзостей духовного Вавилона.

Отступление победоносных готов, которые эвакуировали Рим на шестой день, могло быть результатом осторожности, но оно определено не было следствием страха. Во главе армии, обремененной богатыми и тяжелыми трофеями, их бесстрашный вождь продвигался по Аппиевой дороге в южные провинции Италии (), уничтожая все, что осмеливалось противостать его проходу, и довольствуясь грабежом не сопротивлявшейся страны.

СМЕРТЬ АЛАРИКА; ПРЕЕМСТВО АТАВУЛЬФА

Независимо от того, была ли целью Алариха слава, завоевания или богатства, он преследовал эту цель с неутомимым рвением, которое не могло быть подавлено ни невзгодами, ни успехом. Едва достигнув крайней точки Италии, он был привлечен соседним перспективным плодородным и мирным островом. Однако даже владение Сицилией он считал лишь промежуточным этапом на пути к важной экспедиции, которую он уже обдумывал против африканского континента. Пролив между Регием и Мессиной имеет длину двенадцать миль, а в самом узком месте — около полутора миль в ширину; и сказочные чудовища морские, скалы Сциллы и водоворот Харибды могли напугать только самых робких и неумелых моряков. Однако, как только первая часть готов погрузилась на корабли, внезапно поднялась буря, которая потопила или разбросала многие транспортные суда; их мужество было подавлено ужасами новой стихии; и весь замысел был сорван преждевременной смертью Алариха, которая после короткой болезни положила конец его завоеваниям.

Храбрый Атавульф, шурин покойного монарха, был единодушно избран его преемником на троне. Характер и политическую систему нового короля готов можно лучше всего понять из его разговора с выдающимся гражданином Нарбо Мартиуса, который впоследствии, во время паломничества в Святую Землю, рассказал о нем святому Иерониму в присутствии историка Орозия. «В полной уверенности в своей доблести и победе я когда-то стремился, — сказал Атавульф, — изменить облик вселенной, стереть имя Рима, воздвигнуть на его руинах власть готов и приобрести, как Август, бессмертную славу основателя новой империи. Повторяя эксперименты, я постепенно убедился, что законы необходимы для поддержания и регулирования хорошо устроенного государства и что жестокий и неуправляемый нрав готов не способен вынести благотворное иго законов и гражданского правительства. С того момента я поставил перед собой иную цель славы и амбиций; и теперь я искренне желаю, чтобы благодарность будущих поколений признала заслуги чужеземца, который использовал меч готов не для разрушения, а для восстановления и поддержания процветания Римской империи». С этими мирными намерениями преемник Алариха приостановил военные действия и серьезно вел переговоры с императорским двором о заключении договора о дружбе и союзе. Министры Гонория, теперь освобожденные от обязательств своей чрезмерной клятвы, были заинтересованы в том, чтобы избавить Италию от невыносимого бремени готских сил, и они с готовностью приняли их на службу против тиранов и варваров, которые опустошали провинции за Альпами. Атавульф, приняв на себя роль римского полководца, направил свой поход из крайней Кампании в южную провинцию Галлии. Его войска, силой или по соглашению, заняли города Нарбо Мартиус, Толоза (Тулуза) и Бурдигала (Бордо); и хотя они были отбиты графом Бонифацием от стен Массилии, вскоре они распространили свои кварталы от Средиземного моря до океана. Угнетенные провинциалы могли воскликнуть, что жалкие остатки, которые пощадил враг, были жестоко разграблены их мнимыми союзниками; однако не хватало некоторых ложных оправданий, чтобы смягчить или оправдать насилие готов. Города Галлии, которые они атаковали, возможно, можно было считать находящимися в состоянии восстания против правительства Гонория; статьи договора или тайные инструкции двора иногда могли быть приведены в пользу кажущихся узурпаций Атавульфа; а вина за любой неправомерный, неудачный акт враждебности всегда могла быть с видимой правдоподобностью возложена на неуправляемый дух варварского войска, нетерпеливого к миру и дисциплине. Роскошь Италии была менее эффективна для смягчения нрава, чем для ослабления мужества готов; и они впитали в себя пороки цивилизованного общества, не подражая его искусствам и учреждениям.

Заявления Атавульфа были, вероятно, искренними, а его приверженность делу республики была обеспечена влиянием, которое римская принцесса приобрела над сердцем и разумом варварского короля. Пладиция, дочь великого Феодосия и его второй жены Галлы, получила королевское образование во дворце Константинополя. Брак Атавульфа и Пладиции был заключен до того, как готы ушли из Италии; и торжественный, возможно, годовщинный день их свадьбы был впоследствии отмечен в доме Ингена, одного из самых знатных граждан Нарбо Мартиуса в Галлии. Невеста, одетая и украшенная как римская императрица, была посажена на трон, а король готов, который по этому случаю надел римскую одежду, довольствовался менее почетным местом рядом с ней (414).

После освобождения Италии от гнета готов, некоторым тайным советникам было позволено, среди дворцовых интриг, залечить раны этой страдающей страны. Благодаря мудрому и гуманному постановлению, восемь провинций, которые пострадали больше всего — Кампания, Тоскана, Пиценум, Самниум, Апулия, Калабрия, Бруттиум и Лукания — получили пятилетнюю льготу; обычная дань была уменьшена до одной пятой, и даже эта пятая часть была предназначена для восстановления и поддержки полезного учреждения государственных постов. Другим законом земли, оставшиеся без жителей и возделывания, были переданы с некоторым снижением налогов соседям, которые должны были их заселить, или чужеземцам, которые должны были их запросить; новые владельцы были защищены от будущих претензий беглых собственников. Примерно в то же время от имени Гонория была объявлена всеобщая амнистия, чтобы списать вину и стеречь память о всех непреднамеренных преступлениях, совершенных его несчастными подданными в период общественных беспорядков и бедствий.

Достойное и уважительное внимание было уделено восстановлению столицы; граждан поощряли к восстановлению зданий, разрушенных или поврежденных вражеским огнем; с побережья Африки были ввезены чрезвычайные запасы зерна. Толпы, которые недавно бежали от меча варваров, вскоре были возвращены надеждами на изобилие и удовольствия; и Альбин, префект Рима, сообщил двору, что за один день он зарегистрировал прибытие четырнадцати тысяч чужеземцев. Менее чем за семь лет следы готского вторжения были почти стерты, и город, казалось, восстановил свое прежнее величие и спокойствие.

Это кажущееся спокойствие вскоре было нарушено приближением вражеского флота из страны, которая обеспечивала ежедневное пропитание римского народа. Гераклиан, граф Африки, который в самых трудных и тяжелых обстоятельствах активно поддерживал дело Гонория, в год своего консульства был соблазнен принять на себя роль мятежника и титул императора. Порты Африки немедленно заполнились военно-морскими силами, во главе которых он готовился вторгнуться в Италию; и его флот, когда он бросил якорь в устье Тибра, действительно превосходил флоты Ксеркса и Александра, если все суда, включая королевскую галеру и самую маленькую лодку, действительно составляли невероятное число в три тысячи двести.

Однако с таким вооружением, которое могло бы разрушить или восстановить величайшую империю на земле, африканский узурпатор произвел очень слабое и незначительное впечатление на провинции своего соперника. Когда он вышел из порта и двинулся по дороге, ведущей к воротам Рима, он был встречен, напуган и разгромлен одним из императорских полководцев; и повелитель этого могучего войска, покинув свою удачу и своих друзей, позорно бежал на единственном корабле. Когда Гераклиан высадился в гавани Карфагена, он обнаружил, что вся провинция, презирая такого недостойного правителя, вернулась к своей верности. Мятежник был обезглавлен в древнем храме Памяти; его консульство было упразднено, а остатки его личного состояния, не превышавшие скромной суммы в четыре тысячи фунтов золота, были переданы храброму Констанцию, который уже

защищал трон, который он впоследствии разделил со своим слабым правителем. Гонорий с безразличным равнодушием наблюдал за бедствиями Рима и Италии, но попытки Аттала и Гераклиана поднять восстание против его личной безопасности на мгновение пробудили в нем его вялый инстинкт. Вероятно, он не знал о причинах и событиях, которые уберегли его от этих надвигающихся опасностей; и поскольку Италия больше не подвергалась вторжениям со стороны иностранных или внутренних врагов, он мирно жил во дворце в Равенне, в то время как тираны за Альпами были неоднократно побеждены от имени и силами лейтенантов сына Феодосия.

КОНСТАНТИН И ГЕРОНТИЙ; КОНСТАНТИЙ

[411-413 гг. н.э.]

Узурпация Константина, получившего пурпур от легионов Британии, увенчалась успехом и казалась надежной. Его титул был признан от стены Антонина до колонн Геркулеса, и в условиях общественного беспорядка он делил власть и добычу Галлии и Испании с племенами варваров, чье разрушительное продвижение больше не сдерживалось Рейном или Пиренеями. Опаянный кровью родственников Гонория, он вынудил двор Равенны, с которым он тайно поддерживал переписку, ратифицировать его мятежные притязания. Константин торжественно пообещал освободить Италию от готов, продвинулся до берегов По и, скорее напугав, чем помогая своему малодушному союзнику, поспешно вернулся во дворец в Арле, чтобы отпраздновать свой тщетный и показной триумф с неумеренной роскошью. Но это мимолетное процветание было вскоре прервано и разрушено восстанием графа Геронтия, самого храброго из его генералов, который во время отсутствия его сына Констанса, принца, уже надетого императорской пурпурной мантией, был оставлен командующим в провинциях Испании.

По какой-то неизвестной нам причине Геронтий, вместо того чтобы надеть диадему на свою голову, возложил ее на голову своего друга Максима, который обосновался в Тарраконе (Таррагоне), а сам энергичный граф прорвался через Пиренеи, чтобы застать врасплох двух императоров, Константина и Констанса, прежде чем они успели подготовиться к обороне. Сын был взят в плен в Вене и немедленно казнен; несчастный юноша едва успел сожалеть о возвышении своей семьи, которое соблазнило или заставило его кощунственно покинуть мирную безвестность монашеской жизни. Отец удерживал осаду в стенах Арелата (Арля), но эти стены, вероятно, пали бы перед нападающими, если бы город не был неожиданно освобожден приближением итальянской армии.

Имя Гонория, провозглашенного законным императором, поразило враждующие стороны мятежников. Геронтий, брошенный собственными войсками, бежал в пределы Испании и спас свое имя от забвения благодаря римскому мужеству, которое, казалось, одухотворило последние мгновения его жизни. Посреди ночи большая группа его вероломных солдат окружила и атаковала его дом, который он тщательно забаррикадировал. Его жена, отважная подруга народа аланов, и несколько верных рабов по-прежнему были привязаны к его персоне (), и он с таким мастерством и решимостью использовал большой запас дротиков и стрел, что более трехсот нападающих погибли в этой попытке. Когда все метательное оружие было израсходовано, его рабы бежали на рассвете, и Геронтий, если бы его не сдерживала супружеская нежность, мог бы последовать их примеру, но солдаты, раздраженные таким упорным сопротивлением, подожгли дом со всех сторон. В этой смертельной ситуации он выполнил просьбу своего варварского друга и отрезал себе голову. Жена Геронтия, которая умоляла его не оставлять ее в жизни, полной страданий и

позора, с готовностью подставила шею под его меч; и трагическая сцена закончилась смертью самого графа, который, после трех безуспешных ударов, вытащил короткий кинжал и вонзил его себе в сердце.^[65] Незащищенный Максим, которого он облечил в пурпур, обязан был своей жизнью презрению, с которым относились к его власти и способностям. Каприз варваров, опустошавших Испанию, вновь возвел этого императорского призрака на трон, но вскоре они передали его правосудию Гонория, и тиран Максим, после того как его показали народу Равенны и Рима, был публично казнен.

Генерал Констанций, который своим приближением снял осаду с Арля и рассеял войска Геронтия, был родом римлянин, и это замечательное отличие ярко свидетельствует о упадке военного духа среди подданных империи. Сила и величие, которые были заметны в личности этого генерала, выделяли его, по мнению народа, как достойного кандидата на трон, на который он впоследствии и взошел. В повседневном общении в частной жизни он был весел и привлекателен: иногда, в разгуле веселья, он не гнушался соперничать с самими пантомимами в их смешном ремесле. Но когда труба звала его под знамена, когда он садился на лошадь и, наклонившись (такова была его странная привычка) почти до шеи, свирепо оглядывал поле битвы своими большими оживленными глазами, Констанций вселял ужас в своих врагов и вселял в своих солдат уверенность в победе. Он получил от двора Равенны важное поручение искоренить мятеж в западных провинциях; и самозванец-император Константин, насладившись коротким и тревожным перерывом, снова был осажден в своей столице войсками более грозного врага. Однако этот перерыв дал время для успешных переговоров с франками и аламанам, и его посол Эдобик вскоре вернулся во главе армии, чтобы помешать осаде Арля.

Римский полководец, вместо того чтобы ждать атаки на своих позициях, смело и, возможно, мудро решил перейти Рон и встретить варваров. Его действия были проведены с таким мастерством и секретностью, что, пока они сражались с пехотой Констанция на фронте, они были внезапно атакованы, окружены и уничтожены кавалерией его лейтенанта Ульфиласа, который незаметно занял выгодную позицию в их тылу. Остатки армии Эдобика были спасены бегством или капитуляцией, а их вождь сбежал с поля битвы в дом неверного друга, который слишком хорошо понимал, что голова его неприятного гостя будет приемлемым и выгодным подарком для императорского генерала. В этом случае Констанций проявил великодушие истинного римлянина. Подавив в себе всякую ревность, он публично признал заслуги и услуги Ульфиласа, но с ужасом отвернулся от убийцы Эдобика и строго приказал, чтобы лагерь больше не осквернялся присутствием неблагодарного негодяя, нарушившего законы дружбы и гостеприимства.

Узурпатор, который со стен Арелата наблюдал за гибелью своих последних надежд, был склонен довериться столь великодушному завоевателю. Он потребовал торжественного обещания о своей безопасности и, получив через возложение рук священный характер христианского пресвитера (), решился открыть ворота города. Но вскоре он убедился, что принципы чести и честности, которые могли регулировать обычное поведение Констанция, были заменены распущенными доктринами политической морали. Римский полководец действительно отказался осквернить свои лавры кровью Константина, но отрекшийся император и его сын Юлиан были отправлены под сильной охраной в Италию, и еще до того, как они достигли дворца в Равенне, они встретили палачей.

В то время, когда все признавали, что почти каждый человек в империи превосходил по личным достоинствам принцев, которые по случайности своего рождения заняли трон, продолжала возникать быстрая череда узурпаторов, не обращающих внимания на судьбу своих предшественников. Это зло особенно ощущалось в провинциях Испании и Галлии, где принципы порядка и послушания были уничтожены войной и восстаниями. До того, как

Константин отрекся от престола, и в четвертый месяц осады Арля, в императорский лагерь поступила весть о том, что Йовин, по наущению Гоара, короля аланов, и Гунтиария, короля бургундов, принял диадему в Могонтиакуме, в Верхней Германии; и что кандидат, которому они передали империю, продвигался с грозным войском варваров от берегов Рейна к берегам Роны. Все обстоятельства в короткой истории правления Йовина являются неясными и необычными. Было естественно ожидать, что храбрый и умелый полководец, стоящий во главе победоносной армии, отстаивал бы на поле битвы справедливость дела Гонория.

Поспешное отступление Констанция могло быть оправдано вескими причинами, но он без борьбы отказался от владения Галлией, и Дардан, префект претория, записан в истории как единственный магистрат, отказавшийся подчиниться узурпатору. Когда готы, через два года после осады Рима, обосновались в Галлии, было естественно предположить, что их симпатии могут быть разделены только между императором Гонорием, с которым они недавно заключили союз, и низвергнутым Атталом, которого они держали в своем лагере для того, чтобы он время от времени исполнял роль музыканта или монарха. Однако в момент отвращения (причину и дату которого нелегко определить) Атавульф связался с узурпатором Галлии и возложил на Аттала позорную задачу ведения переговоров по договору, который закрепил его собственное падение. Мы снова удивляемся, читая, что вместо того, чтобы считать готский союз самой прочной опорой своего трона, Йовин в темных и двусмысленных выражениях упрекнул Аттала в назойливой услужливости () что, пренебрегая советом своего великого союзника, он возложил пурпур на своего брата Себастьяна; и что он крайне неосмотрительно принял на службу Саруса, когда этот доблестный вождь, воин Гонория, был вынужден покинуть двор принца, который не умел ни вознаграждать, ни наказывать.

[413-415 гг. н. э.]

Атавульф, воспитанный среди воинов, которые считали долг мести самой драгоценной и священной частью своего наследия, выступил с отрядом из десяти тысяч готов, чтобы встретить наследственного врага дома Балти. Он напал на Саруса в момент, когда тот был беззащитен, в сопровождении лишь восемнадцати или двадцати своих доблестных последователей. Объединенные дружбой, одушевленные отчаянием, но в конце концов подавленные многочисленностью противника, эти герои заслуживали уважение, но не вызывали сострадания у своих врагов; и как только лев попал в сети, он был немедленно убит. Смерть Саруса распустила слабый союз, который Атавульф все еще поддерживал с узурпаторами Галлии. Он вновь прислушался к голосу любви и благоразумия и вскоре удовлетворил брата Плацидии, заверив его, что немедленно отправит во дворец Равенны головы двух тиранов, Йовина и Себастьяна.

Король готов без затруднений и промедления выполнил свое обещание; беспомощные братья, не имевшие никаких личных заслуг, были брошены своими варварскими союзниками, а кратковременное сопротивление Валентии было искуплено разрушением одного из самых благородных городов Галлии. Император, избранный римским сенатом, который был возвышен, низвергнут, оскорблен, восстановлен, снова низвергнут и снова оскорблен, был наконец брошен на произвол судьбы; но когда король готов отозвал свою защиту, он, из жалости или презрения, воздержался от применения насилия по отношению к Атталу. Несчастный Аттал, оставшийся без подданных и союзников, отплыл из одного из портов Испании в поисках безопасного и уединенного убежища, но был перехвачен в море, доставлен к Гонорию, проведен в триумфе по улицам Рима или Равенны и публично выставлен на обозрение толпы на второй ступени трона своего непобедимого завоевателя.

Та же мера наказания, которой в дни своего процветания он был обвинен в угрозе своему сопернику, была применена к самому Атталу; после ампутации двух пальцев он был приговорен к пожизненной ссылке на остров Липара, где ему предоставлялись приличные средства к существованию. Остаток правления Гонория прошел без восстаний; и можно заметить, что за пять лет семь узурпаторов уступили место принцу, который сам был неспособен ни к совету, ни к действию.

Важный подарок в виде голов Йовина и Себастьяна утвердил дружбу Атавульфа и вернул Галлию в подчинение его брату Гонорию. Мир был несовместим с положением и характером короля готов. Он с готовностью принял предложение направить свои победоносные войска против варваров Испании; войска Констанция перехватили его связь с морскими портами Галлии и мягко подтолкнули его к маршу в сторону Пиренеев; он перешел горы и, от имени императора, захватил город Барсино (Барселона). Ход его побед вскоре был прерван внутренней изменой. Он неосторожно принял на службу одного из последователей Саруса, варвара смелого духа, но небольшого роста, чье тайное желание отомстить за смерть своего любимого покровителя постоянно раздражалось сарказмами его надменного господина. Атавульф был убит во дворце Барселоны; законы наследования были нарушены бурной фракцией; на готский трон возшел Сигерик, брат самого Саруса, человек, не имеющий отношения к королевской династии (). Первым актом его правления стало бесчеловечное убийство шестерых детей Атавульфа, рожденных от предыдущего брака, которых он безжалостно вырвал из слабых рук почтенного епископа. Несчастливая Плацидия, вместо уважительного сострадания, которое она могла бы вызвать даже в самых жестоких сердцах, была подвергнута жестоким и бессмысленным оскорблениям. Дочь императора Феодосия, смешанная с толпой простых пленников, была вынуждена идти пешком более двенадцати миль перед лошадью варвара, убийцы мужа, которого Плацидия любила и оплакивала.

[415-418 гг. н. э.]

Но Плацидия вскоре получила удовольствие мести; вид ее позорных страданий мог возбудить возмущение народа против тирана, который был убит на седьмой день своего узурпаторского правления. После смерти Сигерика свободный выбор народа возложил готский скипетр на Валлию, чей воинственный и амбициозный характер в начале его правления казался крайне враждебным по отношению к республике. Он прошел с оружием от Барсино до берегов Атлантического океана, который древние почитали и боялись как границу мира. Но когда он достиг южного мыса Испании и с утеса Эль-Син-Аль-Аль (), ныне покрытого крепостью Гибралтар, созерцал соседнее плодородное побережье Африки, Валлия возобновил замыслы завоевания, прерванные смертью Алариха. Ветер и волны вновь помешали предприятиям готов, а умы суеверного народа были глубоко потрясены повторяющимися бедствиями штормов и кораблекрушений. В таком настроении преемник Атавульфа больше не отказывался слушать римского посла, чьи предложения были подкреплены реальным или предполагаемым приближением многочисленной армии под командованием храброго Констанция. Был заключен и соблюден торжественный договор, Плацидия была с честью возвращена своему брату, голодающим готам было доставлено шестьсот тысяч мер пшеницы, а Валлия обязался взять на себя службу империи.

Среди варваров Испании сразу же разгорелась кровопролитная война; и, как говорят, враждующие князья направили свои письма, послов и заложников к трону западного императора, призывая его оставаться спокойным зрителем их борьбы, исход которой должен был быть благоприятным для римлян благодаря взаимному истреблению их общих врагов. Испанская война упорно велась в течение трех кампаний с отчаянной доблестью и переменным успехом, а военные подвиги Валлия распространили по всей империи славу

готского героя. Он истребил силинг, которые безвозвратно разрушили изящное изобилие провинции Бетика. Он убил в битве короля аланов, а остатки тех скифских кочевников, которые спаслись с поля битвы, вместо того чтобы выбрать нового вождя, смиренно искали убежища под знаменем вандалов, с которыми они впоследствии слились. Сами вандалы и свевы поддались усилиям непобедимых готов. Разнородная толпа варваров, отступление которой было перекрыто, была загнана в горы Галлеции, где они по-прежнему продолжали, в тесном пространстве и на бесплодной земле, вести свои внутренние и непримиримые вражды. В гордости победы Валлия остался верен своим обязательствам; он вернул свои испанские завоевания под власть Гонория, и тирания имперских чиновников вскоре заставила угнетенный народ сожалеть о временах варварского рабства.

Его победоносные готы, через сорок три года после перехода через Дунай, были поселены, в соответствии с договорами, во второй Аквитании (), приморской провинции между Гармуной (Гаронной) и Лигером (Луарой), под юрисдикцией Бордо. Границы готской территории были расширены за счет дополнительного дара в виде нескольких соседних епархий, и преемники Алариха установили свою королевскую резиденцию в Толосе, которая включала пять густонаселенных кварталов, или городов, в пределах просторного кольца ее стен. Примерно в то же время, в последние годы правления Гонория, готы, бургунды и франки получили постоянное место жительства и власть в провинциях Галлии. Щедрая дарственная узурпатора Йовина его бургундским союзникам была подтверждена законным императором; земли Первой или Верхней Германии были уступлены этим грозным варварам, и они постепенно заняли, либо путем завоевания, либо по договору, две провинции, которые до сих пор сохраняют, с титулами герцогства и графства, национальное название Бургундия.

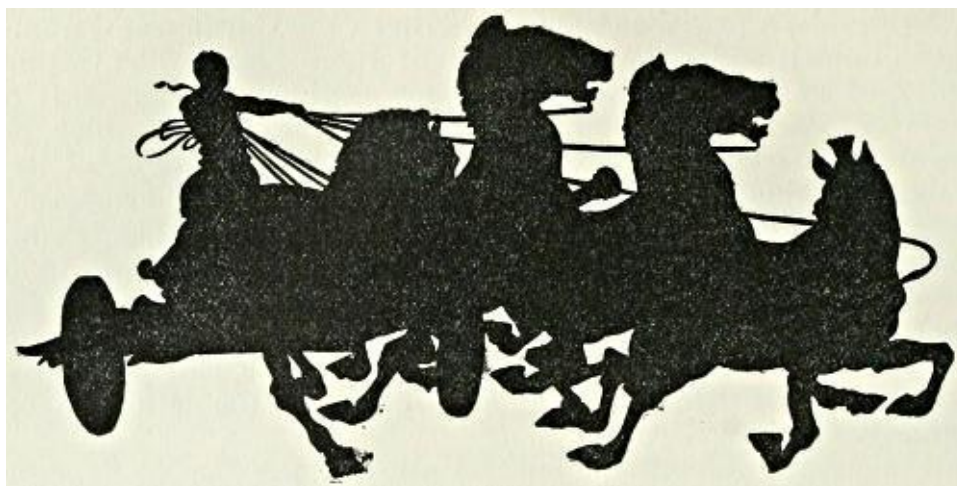
Франки, доблестные и верные союзники Римской республики, вскоре поддались искушению подражать захватчикам, которым они так храбро сопротивлялись. Августа Тревирорум, столица Галлии, была разграблена их незаконными бандами; и скромная колония, которую они так долго поддерживали в районе Токсандрии, в Брабанте, незаметно разрослась по берегам Мааса и Шельды, пока их независимая власть не охватила всю Вторую или Нижнюю Германию.

Гибель богатых провинций Галлии можно датировать установлением власти этих варваров, чей союз был опасен и угнетателен, и которые по прихоти, из интереса или страсти были склонны нарушать общественный порядок. Ненавистное имя завоевателей было смягчено до мягкого и дружеского названия «гостей» римлян; и варвары Галлии, особенно готы, неоднократно заявляли, что они связаны с народом узами гостеприимства, а с императором — долгом верности и военной службой.

В то время как Италия была разорена готами, а ряд слабых тиранов угнетал провинции за Альпами, Британский остров отделился от Римской империи. Регулярные войска, охранявшие эту отдаленную провинцию, были постепенно выведены, и Британия была оставлена без защиты на произвол саксонских пиратов и дикарей из Ирландии и Каледонии. Британцы, доведенные до крайней степени, больше не полагались на медленную и сомнительную помощь угасающей монархии. Они собрались с оружием, отразили захватчиков и ликовали, обнаружив свою силу. Пораженные подобными бедствиями и движимые тем же духом, провинции Арморики (название, которое охватывало приморские страны Галлии между Сеной и Луарой) решили последовать примеру соседнего острова. Они изгнали римских магистратов, действовавших под властью узурпатора Константина, и среди народа, который так долго подчинялся произволу господина, было установлено свободное правительство. Независимость Британии и Арморики вскоре была подтверждена самим Гонорием, законным императором Запада; а письма, в которых он поручал новым государствам заботу о своей безопасности, можно было истолковать как абсолютную и бессрочную отречение от осуществления и прав суверенитета (409).^{[b](#)}

СНОСКИ

^{[\[65\]](#)} Похвала, которую Созомен высказал в адрес этого акта отчаяния, кажется странной и скандальной в устах церковного историка. Он отмечает, что жена Геронтия была христианкой и что ее смерть была достойна ее религии и бессмертной славы.

ГЛАВА XLVI. ГУННЫ И ВАНДАЛЫ

Во время долгого и позорного двадцативосьмилетнего правления Гонорий, император Запада, был лишен дружбы своего брата, а затем и своего племянника, правившего Востоком; а Константинополь с явным безразличием и тайной радостью наблюдал за бедствиями Рима. Странные приключения Плацидии постепенно возобновили и укрепили

союз двух империй. Дочь великого Феодосия была пленницей и королевой готов; она потеряла любящего мужа, была уведена в цепях его оскорбительным убийцей, испытала удовольствие мести и была обменена в мирном договоре на шестьсот тысяч мер пшеницы.

После возвращения из Испании в Италию Платидия подверглась новым преследованиям в лоне своей семьи. Она была против брака, который был заключен без ее согласия; и храбрый Констанций, в качестве благородной награды за победу над тиранами, получил из рук самого Гонория сопротивляющуюся и неохотную руку вдовы Атавульфа. Но ее сопротивление закончилось с церемонией бракосочетания; Платидия не отказалась стать матерью Гонории и Валентиниана III, а также взять на себя и осуществлять абсолютное господство над умом своего благодарного мужа. Щедрый солдат, чье время до сих пор делилось между светскими удовольствиями и военной службой, получил новые уроки алчности и амбиций. Он вымогал титул Августа, и слуга Гонория стал соправителем Западной империи. Смерть Констанция, наступившая на седьмой месяц его правления, вместо того чтобы ослабить, казалось, усилила власть Платидии. Внезапно, в результате каких-то низких интриг, город Равенна был потрясен кровавыми и опасными беспорядками, которые можно было успокоить только принудительным или добровольным отступлением Платидии и ее детей.

Королевские изгнанники высадились в Константинополе вскоре после свадьбы Феодосия, во время празднования персидских побед. К ним отнеслись с добротой и великолепием, но поскольку статуи императора Констанция были отвергнуты восточным двором, титул Августа не мог быть достойно присвоен его вдове. Через несколько месяцев после прибытия Платидии быстрый гонец сообщил о смерти Гонория, умершего от водянки, но важная тайна не разглашалась до тех пор, пока не были отправлены необходимые приказы () о выдвижении большого отряда войск к побережью Далмации. Магазины и ворота Константинополя оставались закрытыми в течение семи дней, и смерть иностранного принца, которого нельзя было ни уважать, ни оплакивать, отмечалась громкими и напускными проявлениями общественного горя.

[423-424 гг. н. э.]

Пока министры Константинополя совещались, вакантный трон Гонория был узурпирован амбициозным чужеземцем. Имя мятежника было Иоанн. Он занимал доверительную должность *примицерия*, или главного секретаря, и история приписывает его характеру больше добродетелей, чем можно легко совместить с нарушением самого священного долга. Воодушевленный подчинением Италии и надеждой на союз с гуннами, Иоанн осмелился оскорбить посредством посольства величество восточного императора; но когда он понял, что его агенты были изгнаны, заключены в тюрьму и в конце концов изгнаны с заслуженным позором, Иоанн приготовился отстаивать оружием несправедливость своих притязаний.

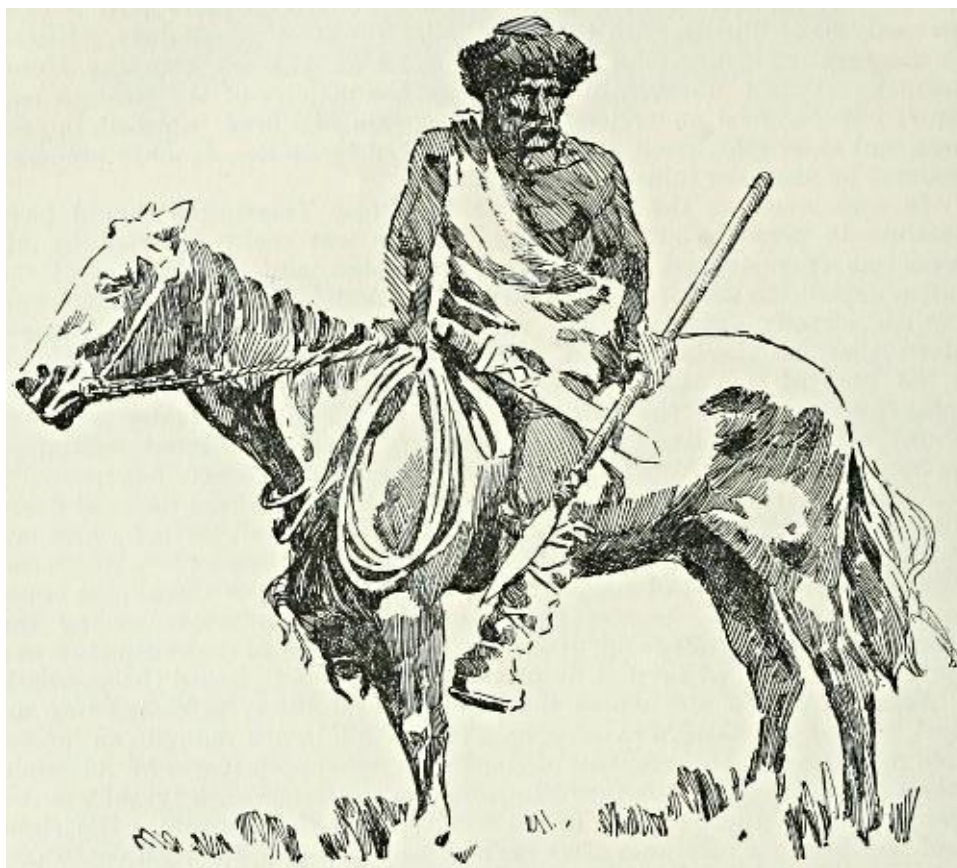
В таком деле внук великого Феодосия должен был выступить лично, но молодой император был легко отвлечен своими врачами от столь опрометчивого и рискованного замысла, и руководство итальянской экспедицией было благоразумно поручено Ардабурию и его сыну Аспару, которые уже прославились своей доблестью в борьбе с персами. Было решено, что Ардабурий должен высадиться с пехотой, а Аспар, возглавляя кавалерию, должен сопровождать Платидию и ее сына Валентиниана вдоль побережья Адриатического моря. Кавалерия двигалась с такой активной быстротой, что без сопротивления захватила важный город Аквилея; но надежды Аспара были неожиданно разрушены известием о том, что шторм рассеял императорский флот и что его отец, император Валентиниан (), имея всего две галеры, был взят в плен и доставлен в порт Равенны. Однако этот инцидент, каким

бы несчастным он ни казался, облегчил завоевание Италии. Ардабурий использовал, или злоупотребил, любезной свободой, которой ему было позволено пользоваться, чтобы возродить среди войск чувство лояльности и благодарности; и как только заговор созрел для осуществления, он пригласил частными посланниками и настоятельно просил Аспара приблизиться. Пастух, которого народная легковёрность превратила в ангела, провел восточную кавалерию по тайной и, как считалось, непроходимой дороге через болота Падуса (По); ворота Равенны после короткой борьбы были распахнуты, и беззащитный тиран был предан на милость, или, скорее, на жестокость завоевателей. Сначала ему отрубили правую руку, а затем, выставив его на всеобщее посмеяние, посадив на осла, Иоанна обезглавили в цирке Аквилеи.

В монархии, которая, согласно различным прецедентам, могла считаться выборной, наследственной или патримониальной, было невозможно четко определить сложные права наследования женщин и боковых родственников; и Феодосий, по праву кровного родства или завоевания, мог бы править как единственный законный император римлян. Возможно, на мгновение его глаза ослепила перспектива безграничной власти, но его ленивый характер постепенно смирился с диктатом разумной политики. Он довольствовался владением Востоком и мудро отказался от трудоемкой задачи ведения далекой и сомнительной войны против варваров за Альпами или обеспечения послушания итальянцев и африканцев, чьи умы были отчуждены непримиримыми различиями в языке и интересах.

[424-427 гг. н. э.]

Вместо того чтобы прислушиваться к голосу амбиций, Феодосий решил последовать примеру умеренности своего деда и посадить своего двоюродного брата Валентиниана на трон Запада. Королевский младенец был удостоен в Константинополе титула *nobilissimus*: перед отъездом из Фессалоник он был возведен в ранг и достоинство цезаря, а после завоевания Италии патриций Гелион, по поручению Феодосия и в присутствии сената, приветствовал Валентиниана III именем Августа и торжественно надел на него диадему и императорскую пурпурную мантию. По соглашению трех женщин, правивших римским миром, сын Плацидии был обручен с Евдоксией, дочерью Феодосия и Афинаиды; и как только жених и невеста достигли половой зрелости, этот почетный союз был верно заключен. В то же время, возможно, в качестве компенсации за расходы на войну, западная Иллирия была отделена от итальянских владений и передана под власть Константинополя.

Гунн

(Из картины)

Император Востока приобрел полезное владение богатой и приморской провинцией Далмация, а также опасное суверенитет Паннонии и Норикума, которые более двадцати лет были заполнены и опустошены разнородной толпой гуннов, остготов, вандалов и баварцев. Феодосий и Валентиниан продолжали уважать обязательства своего публичного и внутреннего союза, но единство римского правительства было окончательно разрушено. Положительным заявлением действие всех будущих законов было ограничено владениями их конкретного автора, если только он не сочтет целесообразным передать их, подписанные собственной рукой, на одобрение своему независимому коллеге.

Валентиниан, когда он получил титул Августа, был не старше шести лет, и его длительное несовершеннолетие было доверено опеке матери, которая могла бы заявить о правах женщины на престол Западной империи. Плацидия завидовала, но не могла сравниться с репутацией и добродетелями жены и сестры Феодосия, элегантным гением Евдокии, мудрой и успешной политикой Пульхерии. Мать Валентиниана завидовала власти, которой она была неспособна обладать. Она правила двадцать пять лет от имени своего сына, и характер этого недостойного императора постепенно подтверждал подозрение, что Плацидия развратила его юность распутным воспитанием и старательно отвлекала его внимание от всех мужественных и почетных занятий. На фоне упадка военного духа ее армиями командовали два генерала, Аэтий и Бонифаций, которых можно по праву назвать последними римлянами. Их союз мог бы поддержать гибнущую империю, но их раздор стал фатальной и непосредственной причиной потери Африки. Вторжение и поражение Атиллы увековечили славу Аэция; и хотя время затмило подвиги его соперника, защита Марселя и освобождение Африки свидетельствуют о военных талантах графа Бонифация.

Способности Аэция и Бонифация могли бы быть с пользой использованы против общественных врагов в отдельных и важных командованиях, но опыт их прошлого поведения должен был определить реальную благосклонность и доверие императрицы Плацидии. В печальное время ее изгнания и бедствий только Бонифаций поддерживал ее дело с непоколебимой верностью, а войска и сокровища Африки внесли существенный вклад в подавление восстания. Это же восстание поддерживалось рвением и активностью Аэция, который привел армию из шестидесяти тысяч гуннов от Дуная к границам Италии на службу узурпатору. Преждевременная смерть Иоанна вынудила его принять выгодный договор, но он по-прежнему, как подданный и воин Валентиниана, продолжал вести тайную, возможно, изменническую переписку со своими варварскими союзниками, чье отступление было куплено щедрыми подарками и еще более щедрыми обещаниями.

Но Аэций обладал преимуществом, имевшим особое значение в период правления женщины: он был рядом, он осаждал дворец в Равенне искусной и настойчивой лестью, скрывал свои темные замыслы под маской лояльности и дружбы и в конце концов обманул и свою любовницу, и своего отсутствующего соперника с помощью тонкого заговора, который слабая женщина и храбрый мужчина не могли легко заподозрить. Он тайно убедил Плацидию отозвать Бонифация из правительства Африки; он тайно посоветовал Бонифацию не подчиняться императорскому приказу. Одному он представил приказ как смертный приговор, другому — отказ как сигнал к восстанию; и когда доверчивый и ничего не подозревающий граф вооружил провинцию для своей защиты, Аэций похвалил его за прозорливость в предвидении восстания, которое вызвало его собственное вероломство.

Взвешенное расследование истинных мотивов Бонифация вернуло бы верного слугу к его долгу и республике; но хитрости Аэция продолжали предавать и разжигать, и граф был вынужден, под давлением преследований, принять самые отчаянные меры. Успех, с которым он уклонился от первых атак или отразил их, не мог вселить в него тщетной уверенности, что, возглавив неорганизованных и беспорядочных африканцев, он сможет противостоять регулярным войскам Запада, которыми командовал соперник, чью военную репутацию () он не мог презирать. После некоторого колебания, последних попыток проявить благоразумие и верность, Бонифаций послал верного друга ко двору, или, вернее, в лагерь Гондерика, короля вандалов, с предложением заключить прочный союз и выгодную и бессрочную сделку.

[427-429 гг. н. э.]

Опыт мореплавания и, возможно, перспектива Африки побудили вандалов принять приглашение, которое они получили от графа Бонифация; а смерть Гондерика только способствовала продвижению и оживлению этого смелого предприятия. На смену принцу, не отличавшемуся ни умственными, ни физическими способностями, пришел его внебрачный брат, страшный Гензерик, имя которого в истории разрушения Римской империи заслуживает того же места, что и имена Алариха и Аттилы. Король вандалов описывается как человек среднего роста, хромающий на одну ногу, которую он повредил в результате случайного падения с лошади. Его медленная и осторожная речь редко раскрывала глубокие намерения его души; он презирал подражать роскоши побежденных, но потакал более суровым страстям гнева и мести.

Амбиции Гензериха были безграничны и беспринципны; воин умело использовал темные интриги, чтобы привлечь союзников, которые могли бы помочь ему добиться успеха, или посеять семена ненависти и раздора среди своих врагов. Почти в момент своего отъезда он был проинформирован о том, что Германрик, король свевов, осмелился разграбить испанские территории, которые он был решил покинуть. Нетерпеливый от оскорбления (),

Гензерик преследовал поспешное отступление свевов до Аугусты Эмериты (Мериды); он сбросил короля и его армию в реку Анас и спокойно вернулся к побережью, чтобы погрузить свои победоносные войска на корабли. Суда, которые перевезли вандалов через современный Гибралтарский пролив, канал шириной всего двенадцать миль, были предоставлены испанцами, которые с нетерпением ждали их отправления, и африканским генералом, который умолял их о помощи.

Наше воображение, столь привычное к преувеличению и умножению воинственных полчищ варваров, которые, казалось, выходили с севера, возможно, будет удивлено рассказом о войске, которое Гензерик собрал на побережье Мавритании. Вандалы, которые за двадцать лет проникли от Эльбы до горы Атлас, были объединены под командованием своего воинственного короля; и он правил с одинаковой властью над аланами, которые за время одной человеческой жизни перешли от холода Скифии к чрезмерной жаре африканского климата. Надежды на смелое предприятие воодушевили многих отважных авантюристов из готского народа; и многие отчаянные провинциалы были соблазнены восстановить свою удачу теми же средствами, которые привели их к гибели.

Однако эта разнородная толпа насчитывала всего пятьдесят тысяч боеспособных человек; и хотя Гензерик искусно преувеличил свою кажущуюся силу, назначив восемьдесят *хилиархов*, или командиров тысяч, ложное увеличение числа стариков, детей и рабов едва ли могло увеличить его армию до восьмидесяти тысяч человек. Но его собственная ловкость и недовольство Африки вскоре укрепили силы вандалов присоединением многочисленных и активных союзников. Части Мавритании, граничащие с великой пустыней и Атлантическим океаном, были заселены жестоким и неукротимым народом, чей дикий нрав был скорее обострен, чем укрощен страхом перед римским оружием.

Странствующие мавры, постепенно осмеливаясь приближаться к побережью и лагерю вандалов, наверняка с ужасом и изумлением смотрели на одежду, доспехи, воинственную гордость и дисциплину неизвестных чужеземцев, высадившихся на их побережье; а светлая кожа голубоглазых воинов из Германии составляла очень странный контраст с смуглым или оливковым цветом кожи, который является результатом проживания вблизи тропической зоны. После того как были в некоторой степени устранены первые трудности, вызванные взаимным незнанием языков, мавританцы, не заботясь о будущих последствиях, заключили союз с врагами Рима; и толпа обнаженных дикарей вырвалась из лесов и долин Атласских гор, чтобы вдоволь насытить свою месть изысканным тиранам, которые несправедливо изгнали их из их родной земли.

[429-430 гг. н. э.]

Преследование донатистов было событием, не менее благоприятным для планов Гензериха. За семнадцать лет до его высадки в Африке по приказу магистрата в Карфагене была созвана публичная конференция. Католики были убеждены, что после неумолимых доводов, которые они привели, упрямство раскольников было непростительным и добровольным; и император Гонорий был убежден наложить самые суровые наказания на фракцию, которая так долго злоупотребляла его терпением и милосердием. Триста епископов и многие тысячи низшего духовенства были изгнаны из своих церквей, лишены церковных владений, сосланы на острова и объявлены вне закона, если они осмелятся скрываться в провинциях Африки. Благодаря этим суровым мерам, которые получили горячее одобрение святого Августина, большое число донатистов примирилось с католической церковью; но фанатики, которые по-прежнему упорствовали в своем противостоянии, были доведены до безумия и отчаяния; обезумевшая страна была наполнена беспорядками и кровопролитием. Вооруженные отряды циркумцеллионов

попеременно направляли свой гнев то на себя, то на своих противников, и число мучеников с обеих сторон значительно увеличилось. В этих условиях Гензерик, христианин, но враг православной церкви, предстал перед донатистами как могущественный освободитель, от которого они могли разумно ожидать отмены ненавистных и угнетательных указов римских императоров. Завоевание Африки было облегчено активным рвением или тайной поддержкой внутренней фракции; беспричинные надругательства над церквями и духовенством, в которых обвиняют вандалов, можно справедливо приписать фанатизму их союзников; а нетерпимый дух, который опозорил триумф христианства, способствовал потере важнейшей провинции Запада.

Суд и народ были потрясены странной новостью о том, что добродетельный герой, после стольких милостей и стольких услуг, отказался от своей верности и пригласил варваров уничтожить провинцию, вверенную его командованию. Друзья Бонифация, которые все еще верили, что его преступное поведение можно оправдать какими-то благородными мотивами, во время отсутствия Аэция попросили о свободной беседе с графом Африки, и Дарий, высокопоставленный офицер, был назначен для выполнения этой важной миссии. Во время их первой встречи в Карфагене были взаимно объяснены мнимые провокации; были представлены и сравнены противоположные письма Аэция, и обман был легко раскрыт. Платидия и Бонифаций сожалели о своей роковой ошибке, а граф проявил достаточно великодушия, чтобы довериться прощению своей повелительницы или подвергнуть свою голову ее будущему гневу. Его раскаяние было горячим и искренним, но вскоре он обнаружил, что уже не в его силах восстановить здание, которое он пошатнул до основания. Карфаген и римские гарнизоны вернулись со своим генералом к верности Валентиниану, но остальная часть Африки по-прежнему была охвачена войной и междоусобицами, а неумолимый король вандалов, пренебрегая всеми условиями урегулирования, строго отказался отказаться от своей добычи. Отряд ветеранов, шедший под знаменем Бонифация, и его поспешно набранные провинциальные войска потерпели поражение с значительными потерями; победоносные варвары опустошили открытую местность, и Карфаген, Цирта и Гиппо-Регуис были единственными городами, которые, казалось, поднялись над всеобщим наводнением.

[430-431 гг. н. э.]

Внезапно семь плодородных провинций от Тингиса (Танжера) до Триполиса были захвачены вторжением вандалов, чья разрушительная ярость, возможно, была преувеличена народной враждой, религиозным рвением и чрезмерными речами. Война, даже в самой справедливой форме, подразумевает постоянное нарушение человечности и справедливости, а враждебность варваров разжигается жестоким и незаконным духом, который непрерывно нарушает их мирное и домашнее общество. Вандалы, встречая сопротивление, редко давали пощаду, а смерть своих доблестных соотечественников они искупали разрушением городов, под стенами которых те пали. Не обращая внимания на различия в возрасте, поле или звании, они применяли всевозможные унижения и пытки, чтобы заставить пленников раскрыть свои тайные богатства. Суровая политика Гензериха оправдывала его частые примеры военных казней. Он не всегда был хозяином своих собственных страстей, ни страстей своих последователей; и бедствия войны усугублялись разнузданностью мавров и фанатизмом донатистов. Тем не менее, я не могу легко поверить, что вандалы обычно вырубали оливковые и другие фруктовые деревья в стране, где они намеревались поселиться; я также не могу поверить, что они обычно убивали большое количество пленных перед стенами осажденного города с единственной целью заразить воздух и вызвать эпидемию, первыми жертвами которой они сами должны были бы стать.

Щедрый ум графа Бонифация мучился от невыносимой боли при виде разрушений, которые он вызвал и быстрое продвижение которых он не мог остановить. После поражения в битве он отступил в Гиппо-Региус, где его сразу же осадил враг, считавший его настоящим оплотом Африки. Благодаря умению Бонифация и, возможно, невежеству вандалов, осада Гиппона затянулась более чем на четырнадцать месяцев; море оставалось открытым, и когда соседние земли были истощены беспорядочными грабежами, осаждающие были вынуждены из-за голода отказаться от своего предприятия. Регент Запада глубоко осознавал важность и опасность Африки. Плацидия умоляла о помощи своего восточного союзника, и итальянский флот и армия были усилены Аспаром, который отплыл из Константинополя с мощным вооружением. Как только силы двух империй объединились под командованием Бонифация, он смело выступил против вандалов, и поражение во второй битве безвозвратно решило судьбу Африки. Он отплыл с отчаянием, а жителям Гиппона было позволено вместе с семьями и имуществом занять место солдат, большая часть которых была убита или взята в плен вандалами. Граф, чья роковая доверчивость нанесла смертельный удар республике, мог войти во дворец Равенны с некоторым беспокойством, которое вскоре было развеяно улыбками Плацидии.

Бонифаций с благодарностью принял звание патриция и достоинство главнокомандующего римскими войсками, но, должно быть, покраснел при виде медалей, на которых он был изображен с именем и атрибутами Победы. Обнаружение его обмана, недовольство императрицы и выдающаяся благосклонность к его сопернику раздражали высокомерную и вероломную душу Аэция. Он поспешно вернулся из Галлии в Италию с свитой, или, скорее, с армией варварских последователей; и настолько слабо было правительство, что два генерала решили свою частную ссору в кровопролитной битве. Бонифаций одержал победу, но в ходе сражения получил смертельное ранение от копья своего противника, от которого скончался через несколько дней, проявив такие христианские и милосердные чувства, что убедил свою жену, богатую наследницу из Испании, принять Эция в качестве второго мужа. Но Аэций не смог извлечь никакой непосредственной выгоды из великодушия своего умирающего врага; он был объявлен мятежником по решению Плацидии; и хотя он пытался защитить несколько крепких крепостей, построенных на его родовом имении, императорская власть вскоре заставила его отступить в Паннонию, в шатры своих верных гуннов. Взаимная рознь лишила республику услуг двух ее самых прославленных полководцев.^[66]

[431-439 гг. н. э.]

Естественно было ожидать, что после отступления Бонифация вандалы без сопротивления и задержек завоюют Африку. Однако с момента эвакуации Гиппона до падения Карфагена прошло восемь лет. В середине этого периода амбициозный Гензерик, находясь на пике кажущегося процветания, заключил мирный договор, по которому он отдал своего сына Хуннерика в заложники и согласился оставить западного императора в спокойном владении тремя Мавританиями.^[67] Бдительность его врагов ослабла под влиянием заявлений о дружбе, которые скрывали его враждебные намерения, и Карфаген был в конце концов захвачен вандалами, спустя 585 лет после разрушения города и республики младшим Сципионом.

Царь вандалов жестко реформировал пороки сладострастного народа, и древняя, благородная, искренняя свобода Карфагена (эти выражения Виктора не лишены энергии) была превращена Гензериком в состояние позорного рабства. После того как он позволил своим разнузданным войскам насытить свою ярость и алчность, он установил более упорядоченную систему грабежей и угнетения. Был обнародован указ, который

предписывал всем лицам без обмана и промедления сдать свое золото, серебро, драгоценности и ценную мебель или одежду королевским чиновникам; а попытка скрыть какую-либо часть своего наследства неумолимо наказывалась смертью и пытками как акт измены государству. Земли проконсульской провинции, которые составляли непосредственный округ Карфагена, были точно измерены и разделены между варварами; а завоеватель оставил для себя плодородную территорию Бизация и прилегающие части Нумидии и Гаетулии.

Вполне естественно, что Гензерик ненавидел тех, кому он причинил вред; знать и сенаторы Карфагена подвергались его ревности и обиде, и все те, кто отказывался принять позорные условия, которые их честь и религия запрещали им принимать, были вынуждены арианским тираном принять условие вечного изгнания. Рим, Италия и провинции Востока были заполнены толпами изгнанников, беженцев и невинных пленников, которые просили общественного сострадания.

После смерти своего соперника Бонифация Аэтий благоразумно удалился в шатры гуннов и заключил с ними союз для обеспечения своей безопасности и восстановления власти (). Вместо мольбы виновного изгнанника он просил о прощении во главе шестидесяти тысяч варваров, а императрица Платидия слабым сопротивлением признала, что снисходительность, которую можно было бы приписать милосердию, была следствием слабости или страха. Она отдала себя, своего сына Валентиниана и Западную империю в руки наглого подданного; Платидия не смогла защитить зятя Бонифация, добродетельного и верного Себастьяна, от неумолимого преследования, которое гнало его из одного королевства в другое, пока он не погиб в бедственном положении на службе у вандалов. Удачливый Аэтий, который был немедленно возведен в ранг патриция и трижды удостоен чести консульства, с титулом главнокомандующего кавалерией и пехотой взял на себя всю военную власть в государстве; современные писатели иногда называют его герцогом или генералом западных римлян. Его благоразумие, а не добродетель, побудило его оставить внука Феодосия во владении пурпуром; и Валентиниану было позволено наслаждаться миром и роскошью Италии, в то время как патриций предстал в славном свете героя и патриота, который почти двадцать лет поддерживал руины Западной империи.

Варвары, поселившиеся в западных провинциях, незаметно научились уважать веру и доблесть патриция Аэция. Он успокаивал их страсти, учитывал их предрассудки, уравнивал их интересы и сдерживал их амбиции. Своевременный договор, который он заключил с Гензерихом, защитил Италию от грабежей вандалов; независимые бритты умоляли его о помощи и признавали его благотворное влияние; имперская власть была восстановлена и сохранялась в Галлии и Испании; он заставил франков и свевов, которых он победил на поле боя, стать полезными союзниками республики.

Исходя из принципа интереса, а также из благодарности, Аэтий усердно культивировал союз с гуннами. Проживая в их шатрах в качестве заложника или изгнанника, он близко общался с самим Аттилой, племянником своего благодетеля; и двух знаменитых противников, по-видимому, связывала личная и военная дружба, которую они впоследствии подтвердили взаимными подарками, частыми посольствами и воспитанием Карпилия, сына Аэция, в лагере Аттилы. Под видом благодарности и добровольной привязанности патриций мог скрывать свои опасения по поводу скифского завоевателя, который давил на две империи своими бесчисленными армиями. Его требованиям подчинялись или уклонялись от них. Когда он потребовал добычу из побежденного города — несколько золотых ваз, которые были незаконно присвоены, — гражданские и военные правители Норика были

немедленно отправлены, чтобы удовлетворить его жалобы; и из их разговора с Максимином и Приском в королевской деревне становится очевидным, что доблесть и благоразумие Аэция не спасли западных римлян от общего позора дани. Тем не менее, его ловкая политика продлила преимущества благотворного мира, и многочисленная армия гуннов и аланов, которых он привязал к себе, была задействована в обороне Галлии. Две колонии этих варваров были разумно размещены на территориях Валанса и Орлеана, а их активная кавалерия охраняла важные переправы через Рону и Луару. Эти дикие союзники были не менее грозны для подданных, чем для врагов Рима. Их первоначальное поселение было навязано с помощью незаконного насилия завоевания, и провинция, через которую они прошли, подверглась всем бедствиям вражеского вторжения. Незнакомые с императором или республикой, аланы Галлии были преданны амбициям Аэция; и хотя он мог подозревать, что в случае борьбы с самим Атилией они восстанут под знаменем своего национального короля, патриций старался сдерживать, а не возбуждать их рвение и негодование против готов, бургундов и франков.

[418-439 гг. н. э.]

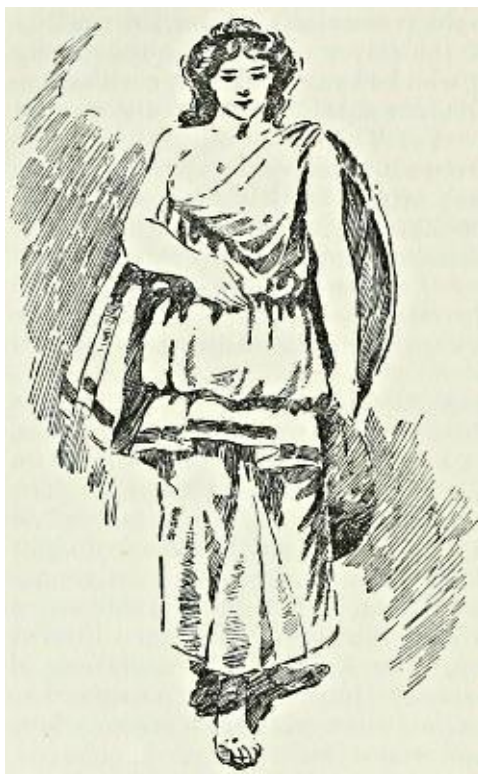
Королевство, основанное вестготами в южных провинциях Галлии, постепенно набирало силу и зрелость; и поведение этих амбициозных варваров, как в мирное, так и в военное время, требовало постоянной бдительности со стороны Аэция. После смерти Валлия готский скипетр перешел к Теодориху, сыну великого Алариха; и его процветающее правление, длившееся более тридцати лет, над буйным народом может служить доказательством того, что его благоразумие подкреплялось необычайной энергией, как ума, так и тела. Нетерпеливый в своих узких пределах, Теодорих стремился завладеть Арлем, богатым центром правительства и торговли, но город был спасен своевременным прибытием Аэция, и готский король, снявший осаду с некоторыми потерями и позором, был убежден за адекватную субсидию отвлечь воинскую доблесть своих подданных на испанскую войну. Однако Теодорих продолжал наблюдать и с нетерпением воспользовался благоприятным моментом, чтобы возобновить свои враждебные попытки. Готы осадили Нарбо Мартиус (Нарбонну), а бельгийские провинции были захвачены бургундами; общественная безопасность была угрожена со всех сторон явным союзом врагов Рима. Со всех сторон деятельность Аэция и его скифской кавалерии оказывала твердое и успешное сопротивление. Двадцать тысяч бургундов были убиты в бою, а остатки народа смиренно приняли зависимое положение в горах Савойи.

Стены Нарбо были потрясены ударными машинами, и жители перенесли последние мучения голода, когда граф Лориций, приблизившись в тишине и приказав каждому всаднику нести за собой два мешка муки, прорвался через укрепления осаждающих. Осада была немедленно снята, и более решительная победа, которая приписывается личным действиям самого Аэция, была ознаменована кровью восьми тысяч готов. Но в отсутствие патриция, который был поспешно вызван в Италию по каким-то общественным или частным делам, граф Лориус принял на себя командование; и его самонадеянность вскоре показала, что для командования крылом кавалерии и для руководства операциями в важной войне требуются совсем другие таланты. Во главе армии гуннов он опрометчиво продвинулся к воротам Толозы (Тулузы), полный беспечного презрения к врагу, которого несчастье сделало одновременно осторожным и отчаянным.

Предсказания авгуров вселили в Литория безбожную уверенность, что он торжественно вступит в готскую столицу; а доверие, которое он испытывал к своим языческим союзникам, побудило его отвергнуть справедливые условия мира, которые неоднократно предлагались епископами от имени Теодориха. Король готов в своем отчаянии продемонстрировал

поучительный контраст христианской набожности и умеренности; он не снял вретище и пепел, пока не был готов вооружиться для сражения. Его солдаты, воодушевленные воинственным и религиозным энтузиазмом, атаковали лагерь Литория. Сражение было упорным, гибель была взаимной. Римский полководец, после полного поражения, которое можно было приписать только его неумелой опрометчивости, был фактически проведен по улицам Толосы не в своем собственном, а в вражеском триумфе. [Его захватчики через несколько дней положили конец его позору и его жизни].

Такая потеря в стране, дух и финансы которой давно были истощены, не могла быть легко восполнена; и готы, в свою очередь, движимые амбициями и жаждой мести, установили бы свои победные знамена на берегах Роны, если бы присутствие Аэция не восстановило силу и дисциплину римлян. Обе армии ждали сигнала к решающему сражению, но полководцы, осознавая силу друг друга и сомневаясь в своем превосходстве, благоразумно оставили мечи в ножнах на поле битвы, и их примирение было постоянным и искренним. Теодорих, король вестготов, по-видимому, заслужил любовь своих подданных, доверие союзников и уважение всего человечества. Его трон окружали шесть доблестных сыновей, которые с одинаковой тщательностью были воспитаны в упражнениях варварского лагеря и в галльских школах; из изучения римской юриспруденции они приобрели, по крайней мере, теорию права и справедливости, а гармоничное чувство Вергилия способствовало смягчению суровости их родных нравов.

Костюм готской женщины

[439-450 гг. н. э.]

Две дочери готского короля были выданы замуж за старших сыновей королей свевов и вандалов, правивших в Испании и Африке; но эти знатные союзы были полны вины и раздора. Королева свевов оплакивала смерть мужа, безжалостно убитого ее братом. Принцесса вандалов стала жертвой ревнивого тирана, которого она называла своим отцом. Жестокий Гензерик подозревал, что жена его сына сговорилась отравить его;

предполагаемое преступление было наказано ампутацией носа и ушей, и несчастная дочь Теодориха была позорно возвращена ко двору в Тулузе в таком уродливом и изуродованном состоянии. Этот ужасный поступок, который в цивилизованную эпоху кажется невероятным, вызвал слезы у всех зрителей; но Теодорих, движимый чувствами родителя и короля, был вынужден отомстить за такие непоправимые обиды.

Имперские министры, которые всегда поощряли раздоры между варварами, были готовы снабдить готов оружием, кораблями и сокровищами для войны в Африке; и жестокость Гензериха могла бы стать для него роковой, если бы хитрый вандал не вооружил в свою пользу грозную силу гуннов. Его богатые подарки и настойчивые просьбы разжигали амбиции Атиллы, и планы Аэция и Теодориха были сорваны вторжением в Галлию.

[429-450 гг. н. э.]

Франки, чья монархия все еще ограничивалась окрестностями нижнего Рейна, мудро установили право наследственной преемственности в благородной семье Меровингов. Эти принцы возносились на щит, символ военного командования, а королевская мода на длинные волосы была знаком их происхождения и достоинства. Их льняные локоны, которые они с особой тщательностью расчесывали и укладывали, ниспадали струящимися кудрями на спину и плечи; в то время как остальные представители народа были обязаны, либо по закону, либо по обычаю, брить затылок, расчесывать волосы на лоб и довольствоваться украшением в виде двух небольших бакенбардов. Высокий рост франков и их голубые глаза свидетельствовали о германском происхождении; их облегающая одежда точно подчеркивала фигуру; на широком поясе висел тяжелый меч; их тела защищал большой щит. Эти воинственные варвары с ранней юности обучались бегать, прыгать, плавать, метко метать копье или боевой топор, без колебаний наступать на превосходящего врага и сохранять, живыми или мертвыми, непобедимую репутацию своих предков.

Клодион, первый из их длинноволосых королей, чье имя и деяния упоминаются в достоверных исторических источниках, проживал в Диспаргуме, деревне или крепости, местонахождение которой можно определить между Луваном и Брюсселем. Из докладов своих шпионов король франков узнал, что беззащитное состояние второго бельгийского племени при малейшем нападении приведет к поражению его подданных. Он смело проник через заросли и болота Карбонарского леса, занял Турнакум (Турне) и Камаракум (Камбре), единственные города, существовавшие в V веке, и распространил свои завоевания до реки Самара (Сомма), на пустынную местность, возделывание и заселение которой являются результатом более поздней деятельности (429).

В то время как Клодион расположился лагерем на равнинах Артуа и с тщетной и показной уверенностью праздновал, возможно, свадьбу своего сына, брачный пир был прерван неожиданным и нежелательным появлением Аэция, который переправился через Самару во главе своей легкой кавалерии. Столы, расставленные под сенью холма, вдоль берегов приятной реки, были грубо опрокинуты; франки были подавлены, не успев восстановить свое оружие и ряды; и их тщетная доблесть оказалась роковой только для них самих. Грузенные повозки, следовавшие за их походом, стали богатой добычей; а девственная невеста со своими служанками подчинилась новым любовникам, которые были навязаны им случайностью войны. Это преимущество, полученное благодаря умению и активности Аэция, могло отразиться на военной мудрости Клодиона, но король франков вскоре восстановил свою силу и репутацию и по-прежнему удерживал свое галльское королевство от Рейна до Самары.

При его правлении, и, скорее всего, благодаря предприимчивому духу его подданных, три столицы — Могонтиакум, Аугуста Тревирурум и Колония Агриппина — испытали на себе

последствия враждебной жестокости и алчности. Страдания Колонии Агриппины были продлены теми же варварами, которые покинули руины Августы Тревирурум; а Августа Тревирурум, которая за сорок лет была четыре раза разграблена, была готова забыть о своих страданиях в тщетных развлечениях цирка. Смерть Клодиона после двадцатилетнего правления подвергла его королевство раздорам и амбициям его двух сыновей. Младший, Меровеус, был убежден просить защиты у Рима; он был принят при императорском дворе как союзник Валентиниана и приемный сын патриция Аэция; затем его отпустили в родную страну с великолепными подарками и самыми твердыми заверениями в дружбе и поддержке. Во время его отсутствия его старший брат с не меньшим рвением добивался помощи Атиллы, и король гуннов заключил союз, который облегчил переход через Рейн и оправдал под видом благородного предложения вторжение в Галлию.

Когда Атила объявил о своем решении поддержать дело своих союзников вандалов и франков, в то же время и почти в духе романтического рыцарства, дикий монарх провозгласил себя любовником и защитником принцессы Гонории. Сестра Валентиниана воспитывалась во дворце Равенны, и поскольку ее брак мог представлять определенную опасность для государства, она была возведена в ранг Августы, превосходящий надежды самого самонадеянного подданного. Но как только прекрасная Гонория достигла шестнадцатилетнего возраста, она возненавидела назойливую величественность, которая навсегда лишала ее утешений благородной любви; в окружении тщетной и неудовлетворительной роскоши Гонория вздохнула, поддалась порыву природы и бросилась в объятия своего камергера Евгения. Ее вина и стыд (таков абсурдный язык властных мужчин) вскоре были выданы признаками беременности; но позор королевской семьи был обнародован благодаря неосторожности императрицы Плацидии, которая после строгого и постыдного заключения отправила свою дочь в отдаленную ссылку в Константинополь. Несчастливая принцесса провела двенадцать или четырнадцать лет в утомительном обществе сестер Феодосия и их избранных дев, к короне которых Гонория больше не могла претендовать и чью монашескую усердность в молитвах, постах и бдениях она с неохотой подражала. Ее нетерпение от долгого и безнадежного безбрачия подтолкнуло ее к странному и отчаянному решению.

Имя Атиллы было хорошо известно и внушало страх в Константинополе; его частые посольства поддерживали постоянные отношения между его лагерем и императорским дворцом. В погоне за любовью, или, скорее, мстью, дочь Плацидии пожертвовала всеми обязанностями и притворством и предложила отдать себя в объятия варвара, языка которого она не знала, фигура которого едва ли была человеческой, а религию и нравы которого она презирала. С помощью верного евнуха она передала Аттиле кольцо, залог своей любви, и искренне умоляла его взять ее в законные супруги, с которыми он был тайно обручен. Однако эти непристойные ухаживания были встречены холодностью и презрением, и король гуннов продолжал увеличивать число своих жен, пока его любовь не пробудилась под влиянием более сильных страстей — амбиций и алчности.

Вторжение в Галлию предшествовало и оправдывалось официальным требованием принцессы Гонории о справедливой и равной доле императорского наследства. Его предшественники, древние Танджусы, часто обращались с таким же враждебным и категоричным образом к дочерям Китая, и притязания Атиллы были не менее оскорбительными для величия Рима. Его послам был передан твердый, но сдержанный отказ. Право наследования по женской линии, хотя оно и могло быть обосновано недавними примерами Плацидии и Пульхерии, было решительно отвергнуто; и нерушимые обязательства Гонории противоречили притязаниям ее скифского любовника. После обнаружения ее связи с королем гуннов виновная принцесса была отправлена из Константинополя в Италию как объект ужаса. Ее жизнь была пощажена, но церемония ее

брака была проведена с каким-то неизвестным и номинальным мужем, после чего она была заточена в вечную тюрьму, чтобы оплакивать те преступления и несчастья, которых Гонория могла бы избежать, если бы не родилась дочерью императора.

Ученый и красноречивый Сидоний, уроженец Галлии и современник, который впоследствии стал епископом Клермона, пообещал одному из своих друзей, что напишет полную историю войны Атилы. Если бы скромность Сидония не отвратила его от продолжения этой интересной работы, историк рассказал бы с простотой правды о тех памятных событиях, на которые поэт в своих смутных и сомнительных метафорах кратко намекает. Цари и народы Германии и Скифии, от Волги, возможно, до Дуная, подчинились воинственному призыву Атилы. Из королевской деревни, расположенной на равнинах Венгрии, его знамя двинулось на запад и, после марша в семь или восемь сотен миль, достигло слияния Рейна и Никера (Неккара), где к нему присоединились франки, которые примкнули к его союзнику, старшему из сыновей Клодиона. Отряд легких варваров, бродивших в поисках добычи, мог выбрать зиму для удобства перехода через реку по льду; но бесчисленная кавалерия Атилы Гунна требовала такого количества фуража и провианта, которое можно было добыть только в более мягкое время года; Герцинский лес предоставил материалы для постройки моста из лодок, и вражеские мириады с непреодолимой силой хлынули в бельгийские провинции.

В Галлии царил всеобщее смятение, и различные судьбы ее городов были украшены традициями мученичества и чудес. Трикасса (Труа) была спасена заслугами святого Лупа; святой Серватий был удален из этого мира, чтобы не видеть разрушения Адуатака Тунгрорум (Тонгере); а молитвы святой Женевьевы отвлекли поход Аттилы от окрестностей Лутеции Парисиарум (Парижа). Но поскольку большая часть галльских городов была лишена как святых, так и солдат, они были осаждены и взяты штурмом гуннами, которые, следуя примеру Меттиса (Меца), применили свои обычные военные принципы. Они устроили беспорядочную резню, в которой погибли священники, служившие у алтаря, и младенцы, которые в час опасности были предусмотрительно крещены епископом; процветающий город был предан пламени, и только одинокая часовня Святого Стефана отмечала место, где он когда-то стоял. От Рейна и Мозеля (Мозель) Аттила продвинулся в сердце Галлии, пересек Секвуану (Сену) в Аутезиодоруме (Осер) и после долгого и трудного марша разбил лагерь под стенами Орлеана. Он желал закрепить свои завоевания, заняв выгодную позицию, которая контролировала переправу через Луару, и полагался на тайное приглашение Сангибана, короля аланов, который обещал предать город и восстать против империи. Но этот вероломный заговор был раскрыт и сорван. Орлеан был укреплен недавними фортификационными сооружениями, и атаки гуннов были энергично отбиты верными доблестными солдатами и гражданами, защищавшими город.

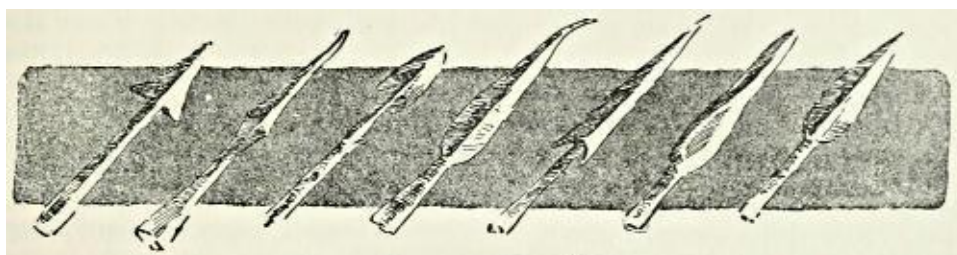
Пастырское усердие Аниана, епископа, отличавшегося первозданной святостью и совершенной мудростью, исчерпало все искусство религиозной политики, чтобы поддержать их мужество до прибытия ожидаемой помощи. После упорной осады стены были поколеблены таранами; гунны уже заняли пригороды, и люди, неспособные носить оружие, лежали ниц в молитве. Аниан, с тревогой считавший дни и часы, послал верного посланника, чтобы тот наблюдал с вала за далекой страной. Он возвращался дважды, не принося никаких известий, которые могли бы вселить надежду или утешение, но в своем третьем докладе он упомянул о небольшом облаке, которое он слабо разглядел на краю горизонта. «Это помощь Божья!» — воскликнул епископ с благочестивой уверенностью, и вся толпа повторила за ним: «Это помощь Божья!» Отдаленный объект, на который были устремлены все взоры, с каждой минутой становился все больше и отчетливее; постепенно стали различимы римские и готские знамена, а благоприятный ветер, развеявший пыль, открыл вид на стройные ряды нетерпеливых отрядов Аэция и Теодориха, которые спешили на помощь Орлеану.

Легкость, с которой Аттила проник в сердце Галлии, можно объяснить как его коварной политикой, так и страхом перед его оружием. Его публичные заявления умело смягчались его частными заверениями; он то успокаивал, то угрожал римлянам и готам; а дворы Равенны и Тулузы, взаимно подозревая друг друга в недобрых намерениях, с безразличным равнодушием наблюдали за приближением своего общего врага. Эций был единственным стражем общественной безопасности, но его мудрые меры срывались из-за фракции, которая после смерти Плацидии овладела императорским дворцом; молодежь Италии трепетала при звуке трубы, а варвары, которые из страха или привязанности склонялись к делу Аттилы, с сомнительной и продажной верностью ждали исхода войны. Патриций перешел Альпы во главе небольшого отряда, сила и численность которого едва заслуживали названия армии. Но по прибытии в Арелат, или Люгдунум, он был озадачен известием о том, что вестготы, отказавшись защищать Галлию, решили ждать на своей территории грозного захватчика, которого они якобы презирали.

Сенатор Авит, который после почетного исполнения обязанностей претора удалился на свою усадьбу в Оверни, был убежден принять важное посольство, которое он выполнил с умением и успехом. Он объяснил Теодориху, что амбициозному завоевателю, стремящемуся к господству над землей, можно противостоять только твердым и единодушным союзом сил, которые он стремится угнетать. Живая красноречивость Авита воспламенила готских воинов описанием обид, которые их предки понесли от гуннов, чья неумолимая ярость все еще преследовала их от Дуная до подножия Пиренеев. Он энергично настаивал на том, что долг каждого христианина — спасти от кощунственного осквернения церкви Божьей и мощи святых; что в интересах каждого варвара, поселившегося в Галлии, защищать поля и виноградники, которые возделываются для его нужд, от опустошения скифскими пастухами. Теодорих уступил очевидности истины, принял меру, которая была одновременно самой разумной и самой почетной, и объявил, что, как верный союзник Аэция и римлян, он готов рискнуть своей жизнью и королевством ради общей безопасности Галлии.

Вестготы, которые в то время были на пике своей славы и могущества, с готовностью откликнулись на призыв к войне, приготовили оружие и лошадей и собрались под знаменем своего пожилого короля, который вместе со своими двумя старшими сыновьями, Торисмондом и Теодорихом, решил лично возглавить свой многочисленный и доблестный народ. Пример готов повлиял на несколько племен и народов, которые, казалось, колебались между гуннами и римлянами. Неутомимое усердие патриция постепенно собрало войска Галлии и Германии, которые ранее признавали себя подданными или солдатами республики, но теперь требовали вознаграждения за добровольную службу и звание независимых союзников — лети, арморики, брейоны, саксы, бургундионы, сарматы или аланы, рипуары и франки, которые следовали за Меровеєм как своим законным князем. Такова была разнородная армия, которая под командованием Аэция и Теодориха быстрым маршем продвигалась, чтобы освободить Орлеан и дать сражение бесчисленному войску Атиллы.

Увидев их приближение, король гуннов немедленно снял осаду и отдал приказ отступить, чтобы отозвать передовые отряды своих войск, которые уже вошли в город и начали его грабить. Храбрость Атиллы всегда руководствовалась его благоразумием; предвидя роковые последствия поражения в сердце Галлии, он переправился через Сену и стал ждать врага на равнинах Шалона, чья ровная и гладкая поверхность подходила для действий его скифской кавалерии. Но в этом беспорядочном отступлении авангард римлян и их союзников постоянно давил, а иногда и вступал в бой с войсками, которые Атила разместил в тылу; вражеские колонны в темноте ночи и запутанности дорог могли столкнуться друг с другом без умысла; и кровопролитное сражение франков и гепидов, в котором было убито пятнадцать тысяч варваров, стало прелюдией к более общему и решающему сражению. Каталунские поля простираются вокруг Шалона,^[68] и, согласно приблизительным измерениям Иордана, занимают площадь 150 миль в длину и 100 миль в ширину по всей провинции, которая заслуживает названия равнинной местности.^b

ДРЕВНИЕ НАКОНЕЧНИКИ КОПИЙ

ГОТСКИЙ ИСТОРИК ЙОРДАНЕС О БИТВЕ ПРИ ШАЛОНЕ

Но прежде чем перейти к самому сражению, нам лучше здесь упомянуть некоторые предварительные детали, тем более что эта битва была не менее масштабной и сложной в деталях, чем знаменит день, в который она произошла. Сангибан, царь аланов, заботясь о своем будущем, пообещал Аттиле подчинение и передачу своей тогдашней резиденции, Аурелиани (Орлеан). Об этом вероломном шаге узнали Теодорих и Аэций, которые построили вокруг города большие укрепления, держа подозрительного Сангибана под наблюдением, и разместили его и его людей среди своих вспомогательных войск. В результате Аттила, впечатленный этим событием и не доверяя своей собственной силе, колебался, вступать ли в бой. Однако, боясь бегства так же, как смерти, он решил заглянуть в будущее с помощью гадания.

Как обычно, авгуры вскрыли внутренности овцы и осмотрели ее кости и вены, которые были видны на некоторых соскобленных костях, и в результате предсказали несчастье для гуннов. Однако в предсказании было добавлено немного утешения: главнокомандующий врага должен был умереть в час победы и запятнать свои лавры. Аттила, жаждущий смерти Аэция даже ценой собственной жизни и поражения своей армии, хотя и был встревожен прогнозом авгуров, но, будучи искушенным в тонкостях военной тактики, после некоторого колебания решил вступить в сражение около трех часов дня, чтобы таким образом избежать подозрений в уступчивости, полагаясь на темноту в случае поражения.

Поле, с пологим склоном, постепенно приобретало характер холма. Поскольку преимущества, предоставляемые такой конфигурацией, были отнюдь не незначительными, обе стороны сделали этот склон своей целью: гунны со своими вспомогательными войсками захватили правый фланг, римляне и вестготы — левый, оставив вершину холма « » для будущего решения. Сражение началось: Аэций с левой стороны со своими римлянами, с вестготами в качестве правой поддержки, и Сангибан, вождь аланов, между ними — военная мера предосторожности, благодаря которой они вдвойне окружили этого довольно сомнительного вождя, поскольку сражение более вероятно там, где бегство невозможно.

Боевой порядок гуннов был другим. Аттила со своими самыми храбрыми воинами занимал центр. Таким расположением он заботился о своей личной безопасности, полагая, что, находясь среди доблестных воинов своего народа, он, по крайней мере как король, будет защищен от неминуемой опасности. На флангах в беспорядке расположились многочисленные подчиненные народы и племена, главными среди которых были войска остготов под руководством трех братьев, Валамира, Теодомира и Видемира, более благородных, чем сам король, которому они служили, поскольку они были озарены наследственной славой рода Амалов. Впереди бесчисленных отрядов гепидов можно было увидеть их самого знаменитого короля Ардарика, который из-за своей чрезмерной лояльности к Аттиле входил в его ближний круг. Аттила, хорошо зная о его мудрости, ценил его и Валамира из остготов выше всех мелких королей — Валамира, сдержанного, приветливого, простодушного, и Ардарика, рыцарственного и верного. Не без основания Аттила доверял им наравне с их родственниками-вестготами.

Что же касается остальных — царской толпы, если я не проявлю неуважения, — и вождей тех или иных народов, скорее слуг, чем царей, то они следили за каждым шагом Аттилы; и если его взгляд привлекал их внимание, то они, безмолвные, испуганные и дрожащие, стояли наготове или, по крайней мере, подчинялись каждому его приказу. Однако, несмотря на то что Аттила был царем царей, он был одинок среди всех и заботился обо всех.

Битва началась за владение уже упомянутым хребтом. Ведя своих людей на захват этой вершины, Аттила был опережен Торизмундом и Аэтием, которые, из всех сил стремясь

достичь гребня, первыми его завоевали и с этой выгодной позиции легко рассеяли гуннов. Увидев, что его войска дезорганизованы этим событием, Аттила подумал, что речь в этот момент сможет их сплотить, и сказал:

«Вы, столь часто побеждавшие столь многие народы и владевшие миром, если сегодня не дрогните, я буду считать себя глупцом, если буду подбадривать вас речью, как будто вы неопытные новобранцы. Оставьте такое поведение юным генералам и неподготовленным ополченцам. Мне не подобает говорить банальности, как и вам слушать их. Вы воины или никто, и что может быть более удовлетворительным для таких, как вы, чем отомстить мечом? Ах! Мечь, первый дар природы и сладчайшее утешение души! Пусть же ваши ноги будут быстры в атаке, ведь всегда смелее тот, кто нападает первым! Не обращайтесь на эту смешанную толпу, говорящую на иностранном языке, которая только доказывает свой страх, собираясь в стадо. Посмотрите на них! Посмотрите! Как еще до нашей первой атаки они колеблются от страха; они бегут к холмам и возвышенностям; снова, слишком поздно для сожалений, возвращаются на поле битвы в поисках безопасности. Вам не нужно рассказывать о хрупкости римской обороны, или о том, как не рана, а просто пылинки сбивают их с ног. Будьте прежними, и пока они педантично выстраиваются в шеренги и скрепляют щиты, атакуйте их с непоколебимой храбростью, смейтесь над их «шеренгами». Вперед, против вестготов, и вниз с аланами! Там нас ждет быстрая победа, там лежит борьба. Разорвите сухожилия, и конечности рухнут; разрубите кости, и тело упадет!

«Мои гунны! Разбудите свою ярость и дайте волю своему гневу, как в старину! Сначала хитростью, а потом ударом меча! Пусть раненый ищет смерти среди врагов (), а неповрежденный сражается, пока не устанет от убийств! Детёныш победы не будет поражён дротиком, но судьба назначает обречённому смерть у стола. И не судьба дала гунну такую череду побед, как не для того, чтобы он радовался этой одной победе ещё больше. Кто раскрыл болото Мётик, секрет веков? Кто без оружия победил вооруженных? Эти изгнанники не осмеливаются противостоять гуннам! Что это будет моим новым полем победы, уверяет меня долгая история моей прежней! Да! И я буду первым, чей дротик полетит! И обречен тот, кто не сражается, когда Аттила ведет бой».

Воодушевленные этим дифирамбом, они бросаются в бой.

Этот момент был страшным, но присутствие короля преодолело страх даже у трусов. Вскоре дело дошло до рукопашной. Это была жестокая, запутанная, широкомасштабная, упорная битва. В древности не было ничего подобного. О таких деяниях рассказывают, что тот, кто не имел чести быть их свидетелем, хотя и видел много чудесного, все же всегда будет лишен чуда этого. Ибо, если верить преданию, ручей, слабый поток которого текла по уже упомянутой равнине, разбухший от крови раненых и увеличенный не как обычно дождями, а слишком редким наводнением, превратился в бурный поток благодаря этому кровавому вкладу. Кроме того, те, кто был измучен потерей крови и был загнан к его берегу, были вынуждены пить эту ужасную жидкость — пить по воле судьбы струи крови из своих собственных ран.

Затем король Теодорих, объезжая свои ряды и воодушевляя солдат, упал с коня и был затоптан собственными воинами, положив конец своей карьере в преклонном возрасте. Другая легенда гласит, что он пал от копья Андагиса, лейтенанта Аттилы. Так сбылось предсказание гадателей Аттилы, которое Аттила передал Аэтию.

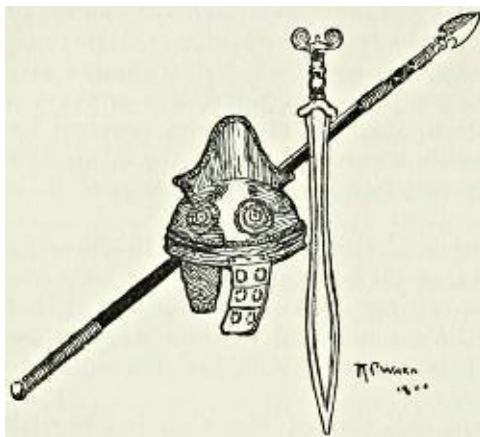
Затем вестготы, оставив аланов, с яростью набросились на гуннские отряды, и сам Аттила был бы мертв, если бы его благоразумие не побудило его укрыться со своими последователями в лагере и его укреплениях из повозок. Несмотря на слабость этого

укрытия, именно туда , чтобы защитить свои жизни, собрались воины, которым еще недавно не могло противостоять ни одно обычное препятствие.

Торисмонд, сын Теодориха, который вместе с Аэтием захватил холм и отбил врага с его вершины, полагая, что он возвращается к своим людям, и введенный в заблуждение ночной тьмой, вошел в ограду из повозок гуннов. Сражаясь отважно, он упал на землю с раненой лошади, но, хотя его спасли его люди, его убедили отказаться от дальнейших боев. Эций тоже в ночной суматохе заблудился среди врагов. Опасаясь беды для готов, он упорно искал правильный путь и наконец добрался до лагеря союзников, где под защитой щитов провел ночь.

На рассвете равнина была усыпана трупами, но гунны не осмеливались выйти из своего укрытия, и союзники посчитали победу своей. Они также посчитали, что Атиллы бежал с поля битвы не из-за обычной катастрофы. Однако его действия не были действиями человека, признавшего поражение.

Он проявил свою обычную храбрость, ибо в его лагере слышался шум оружия, звуки труб, постоянно угрожавшие вылазкой; как лев, когда его окружают охотники, рычит и бушует у входа в свою берлогу, не рискуя выйти, но тем не менее устрашая окрестности своим рыком, так и воинственный царь, находясь в безопасности в своем убежище, был источником страха для своих победителей. Последние решили измотать его осадой, поскольку у него не было провианта, а его лучники, находившиеся внутри барьера, могли обрушить на них град снарядов, если бы они попытались штурмовать лагерь силой. Однако сообщается, что король, высокомерный как всегда, даже в столь отчаянной ситуации, соорудил костер из седельных принадлежностей, решив броситься в его пламя, если враг прорвет его лагерь, чтобы никто не мог похвастаться тем, что ранил его, или тем, что повелитель стольких народов когда-либо находился во власти врага.

ГАЛЛЬСКОЕ ОРУЖИЕ

В то время как эта осада вызывала задержку, вестготы занялись поиском своего короля, отца Торисмонда, удивляясь его отсутствию, в то время как их оружие увенчалось успехом. Когда после долгих поисков они нашли его, как это нередко бывает среди храбрых людей, среди густой груды тел, они почтили его песней, унося его тело под глазами врага. Тогда можно было увидеть толпы готов, с грубым акцентом, разрывающим воздух песнями, совершающих последние и самые священные обряды по умершим, в то время как вокруг шла война. Были слезы, но такие, каких заслуживает воин. Смерть была нашей, конечно, но даже для гуннов она была славной, и гордость Атиллы не испытывала ничего, кроме смирения, видя, как готы с почестями несут на похороны тело могущественного короля. Эти готы, отдавая последнюю и заслуженную честь Теодориху (), в тот же час передали

королевское достоинство его сыну, и среди звона оружия храбрый и славный воин Торисмонд, как и подобает сыну, последовал за похоронными обрядами своего дорогого отца.

Завершив эти обряды, подталкиваемый горем по потере отца и движимый естественной доблестью, Торисмонд решил отомстить за смерть отца остаткам гуннов. По этому поводу он посоветовался с патрицием Аэтием, своим старшим по возрасту и более опытным, и попросил совета относительно своих действий. Тот, опасаясь, что полное уничтожение гуннов может оставить римскую власть на милость готов, посоветовал ему следующее:

чтобы он вернулся в свою страну и прочно укрепил трон, освободившийся после смерти отца, иначе его братья могут захватить королевское сокровище и узурпировать королевскую власть над вестготами, и в этом случае не останется иного выбора, кроме как вести изнурительную борьбу, которая будет тем более гнусной, что будет вестись между родственниками. Торисмонд прислушался к этому совету не как к двуличию, а как к тому, что отвечает его собственным интересам, и, оставив гуннов позади, вернулся в свою область в Галлии. Так слабость человека уступает место подозрению, и среди важных событий упускается подходящий момент.

В этой самой знаменитой битве, развернувшейся между самыми храбрыми народами, по сообщениям, погибло сто шестьдесят пять тысяч человек с обеих сторон, не считая пятнадцати тысяч гепидов и франков, которые за ночь до общего сражения случайно столкнулись друг с другом, франки на стороне римлян, а гепиды — на стороне гуннов.

Узнав об отступлении готов, Аттила поступил так, как принято в ненормальных обстоятельствах. Он заподозрил уловку и поэтому еще некоторое время скрывался в лагере. Но когда отсутствие врага соединилось с длительным затишьем, дух победителя вернулся к нему, веселье взяло верх, и размышления этого могущественного монарха вернулись на путь своего древнего предназначения.

Тем временем Торисмонд, унаследовавший трон, вступил в Тулузу, и никто не оспаривал его преемственность.^d

ВТОРЖЕНИЕ В ИТАЛИЮ: ОСНОВАНИЕ ВЕНЕЦИИ

[451-452 гг. н. э.]

Ни дух, ни силы, ни репутация Аттилы не пострадали от неудачи галльской экспедиции. Следующей весной он повторил свое требование о выдаче принцессы Гонории и ее отцовских сокровищ. Требование было снова отклонено или обойдено, и возмущенный возлюбленный немедленно выступил в поход, перешел Альпы, вторгся в Италию и осадил Аквилею с бесчисленным множеством варваров. Эти варвары не были знакомы с методами ведения регулярной осады, которая даже в древности требовала некоторых знаний или, по крайней мере, некоторой практики в области механических искусств. Но труд многих тысяч провинциалов и пленников, чьи жизни были безжалостно принесены в жертву, мог выполнить самую тяжелую и опасную работу. Мастерство римских мастеров могло быть испорчено для разрушения их страны. Стены Аквилеи подверглись нападению со стороны грозного обоза таранов, подвижных башен и машин, которые бросали камни, дротики и огонь; и монарх гуннов использовал сильный импульс надежды, страха, соперничества и интереса, чтобы разрушить единственную преграду, которая задерживала завоевание Италии.

В тот период Аквилея была одним из самых богатых, густонаселенных и сильных морских городов Адриатического побережья. Готские вспомогательные войска, которые, по-видимому, служили под командованием своих родных князей Алариха и Анталы, передали свой бесстрашный дух, а граждане Аквилеи () еще помнили славное и успешное сопротивление, которое их предки оказали жестокому, неумолимому варвару, опозорившему величие римской пурпурной мантии. Три месяца прошли безрезультатно в осаде Аквилеи, пока нехватка провианта и протесты его армии не заставили Аттилу отказаться от предприятия и с неохотой отдать приказ войскам снимать палатки на следующее утро и начинать отступление. Но, когда он ехал вокруг стен, задумчивый, сердитый и разочарованный, он заметил аиста, готовящегося покинуть свое гнездо в одной из башен и улететь со своими птенцами в сторону деревни. Он с прозорливостью государственного деятеля ухватился за этот незначительный случай, который случайность подарила суеверию, и громко и весело воскликнул, что такая домашняя птица, так привязанная к человеческому обществу, никогда бы не покинула свое старое гнездо, если бы эти башни не были обречены на грядущую разруху и одиночество.

Благоприятное предзнаменование вселило уверенность в победе; осада возобновилась и велась с новой энергией; в той части стены, откуда улетела аист, был пробит большой пролом; гунны с несокрушимой яростью бросились в атаку, и следующее поколение едва смогло обнаружить руины Аквилеи. После этого страшного наказания Аттила продолжил свой поход; и по мере его продвижения города Альтинум, Конкордия и Патавиум (Падуя) были превращены в груды камней и пепла. Внутренние города Виченция (Виченца), Верона и Бергомум (Бергамо) подверглись грабительской жестокости гуннов. Медиолан и Тицинум без сопротивления подчинились потере своих богатств и приветствовали необычную милосердность, которая уберегла от пламени как общественные, так и частные здания и пощадила жизни плененных. Народные предания Комума, Турина или Модены можно справедливо подвергнуть сомнению, однако они совпадают с более достоверными свидетельствами, доказывающими, что Аттила распространил свои разрушения на богатые равнины современной Ломбардии, которые разделены рекой По и ограничены Альпами и Апенниннами. Когда он овладел королевским дворцом Медиоланума, он был удивлен и оскорблен при виде картины, на которой были изображены цезари, сидящие на троне, и князя Скифии, лежащие у их ног. Месть, которую Аттила нанес этому памятнику римского тщеславия, была безобидной и изобретательной. Он приказал художнику перевернуть фигуры и позы, и на том же полотне были изображены императоры, приближающиеся в молящей позе, чтобы опустошить свои мешки с данью золота перед тронем скифского монарха. Зрители, должно быть, признали правдивость и уместность этой переделки и, возможно, были склонны применить в этом необычном случае известную басню о споре между львом и человеком.

Достоинство свирепой гордости Аттилы изречение о том, что трава никогда не росла на том месте, где ступала его лошадь. Однако этот жестокий разрушитель невольно заложил основу республики, которая возродила в феодальной Европе искусство и дух коммерческой промышленности. Знаменитое имя Венеции, или Венеции, ранее распространялось на обширную и плодородную провинцию Италии, от границ Паннонии до реки Аддуа и от По до Ретийских и Юлийских Альп. До вторжения варваров пятьдесят венецианских городов процветали в мире и благополучии; Аквилея занимала самое видное место, но древнее достоинство Патавиума поддерживалось сельским хозяйством и производством; а имущество пятисот граждан, имевших право на рыцарский чин, по самым строгим подсчетам, должно было составлять 1 700 000 фунтов. Многие семьи из Аквилеи, Патавиума и соседних городов, спасаясь от меча гуннов, нашли безопасное, хотя и малоизвестное убежище на соседних островах.

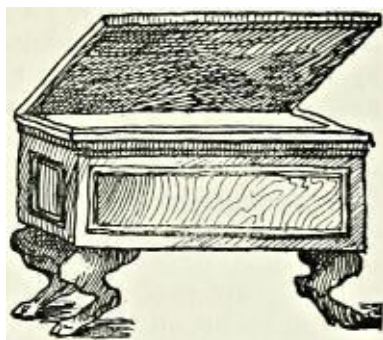
На краю залива, где Адриатика слабо имитирует приливы и отливы океана, около ста небольших островов отделены от материка мелководьем и защищены от волн несколькими длинными полосками суши, которые пропускают суда через некоторые секретные и узкие каналы. До середины V века эти отдаленные и уединенные места оставались не возделанными, с небольшим количеством жителей и почти без названия. Но нравы венецианских беженцев, их искусство и их правительство постепенно формировались под влиянием их нового положения; и одно из посланий Кассиодора, в котором описывается их положение примерно через семьдесят лет, можно считать первоначальным памятником республики.

ОТСТУПЛЕНИЕ АТТИЛЫ

[452-453 гг. н. э.]

Итальянцы, которые давно отказались от военного дела, были удивлены, после сорока лет мира, приближением грозного варвара, которого они ненавидели как врага своей религии и республики. Среди всеобщего смятения только Аэций не испытывал страха, но ему было невозможно в одиночку и без помощи совершить какие-либо военные подвиги, достойные его прежней славы. Варвары, защищавшие Галлию, отказались идти на помощь Италии, а обещанная помощь восточного императора была далекой и сомнительной. Поскольку Аэций, во главе своих внутренних войск, по-прежнему удерживал позиции и мешал или задерживал поход Атилы, он никогда не проявлял себя более великим, чем в то время, когда его поведение осуждалось невежественным и неблагодарным народом.

Если бы ум Валентиниана был способен на какие-либо благородные чувства, он бы выбрал такого полководца в качестве примера и руководства. Но робкий внук Феодосия, вместо того чтобы разделить опасности, спасался от шума войны; и его поспешное отступление из Равенны в Рим, из неприступной крепости в открытую столицу, выдавало его тайное намерение покинуть Италию, как только опасность приблизится к его императорской особе. Однако эта позорная отречение было отложено духом сомнений и промедления, который обычно сопутствует малодушным советам и иногда исправляет их пагубную тенденцию. Западный император вместе с сенатом и народом Рима принял более благотворное решение — с помощью торжественной и умоляющей посольской миссии умиловить гнев Атилы. Эту важную миссию принял на себя Авиен, который благодаря своему рождению и богатству, консульскому достоинству, многочисленной свите клиентов и личным способностям занимал первое место в римском сенате.

Римский сундук

Ловкий и хитроумный характер Авиена прекрасно подходил для ведения переговоров как по государственным, так и по частным вопросам; его коллега Тригетий занимал должность

претора Италии; а Лео, епископ Рима, согласился рискнуть своей жизнью ради безопасности своей паствы. Гений Леона проявился и продемонстрировался в общественных бедствиях; и он заслужил прозвище «великий» благодаря успешному рвению, с которым он трудился, чтобы утвердить свои мнения и свою власть под почтенными именами православной веры и церковной дисциплины. Римские послы были введены в шатер Аттилы, который расположился лагерем в том месте, где медленно извивающаяся река Минчиус теряется в пенящихся волнах озера Бенакус, и вместе со скифской кавалерией топтал фермы Катулла и Вергилия. Варварский монарх выслушал их с благосклонным и даже уважительным вниманием, и освобождение Италии было куплено огромным выкупом, или приданым, принцессы Гонории. Состояние его армии могло облегчить заключение договора и ускорить его отступление. Их воинственный дух был ослаблен богатством и ленью теплого климата.

Пастухи севера, чья обычная пища состояла из молока и сырого мяса, слишком свободно баловались хлебом, вином и мясом, приготовленным и приправленным по кулинарным искусствам; и прогрессирование болезней в некоторой степени отомстило за обиды итальянцев. Когда Аттила объявил о своем решении довести свои победоносные войска до ворот Рима, его друзья и враги предупредили его, что Аларик не прожил долго после завоевания Вечного города. Его ум, превосходящий реальную опасность, был атакован мнимыми ужасами; он не мог избежать влияния суеверий, которые так часто служили его замыслам. Настоятельная красноречивость Льва, его величественный вид и священнические одежды вызвали у Аттилы почтение к духовному отцу христиан. Явление двух апостолов, святого Петра и святого Павла, которые угрожали варвару немедленной смертью, если он отвергнет молитву их преемника, является одной из самых благородных легенд церковной традиции. Безопасность Рима, возможно, заслуживала вмешательства небесных существ, и следует проявить некоторую снисходительность к басне, которая была изображена кистью Рафаэля и резцом Альгарди.

Прежде чем король гуннов покинул Италию, он пригрозил вернуться еще более страшным и неумолимым, если его невеста, принцесса Гонория, не будет передана его послам в срок, оговоренный в договоре. Однако тем временем Аттила избавил себя от нежно-тревожных переживаний, добавив к списку своих бесчисленных жен прекрасную девушку по имени Ильдико. Их брак был отмечен с варварской пышностью и торжеством в его деревянном дворце за Дунаем, и монарх, утомленный вином и сном, поздно вечером удалился с банкета в брачное ложе. Его слуги продолжали уважать его удовольствия и покой большую часть следующего дня, пока необычная тишина не вызвала у них опасения и подозрения; и, после попыток разбудить Аттилу громкими и повторяющимися криками, они наконец ворвались в королевские апартаменты. Они нашли дрожащую невесту, сидящую у постели, скрывающую лицо под вуалью и оплакивающую свою собственную опасность, а также смерть короля, который скончался ночью. У него внезапно лопнула артерия, и, лежа на спине, Аттила задохнулся потоком крови, которая, не найдя выхода через ноздри, хлынула в легкие и желудок. Его тело было торжественно выставлено посреди равнины под шелковым шатром, и избранные отряды гуннов, кружась в размеренных фигурах, пели похоронную песню в память о герое, славном при жизни, непобедимом в смерти, отце своего народа, биче врагов и ужасе всего мира. Согласно своему национальному обычаю, варвары отрезали часть своих волос, наносили себе на лица непристойные раны и оплакивали своего доблестного вождя так, как он того заслуживал, не женскими слезами, а кровью воинов (453).

Останки Аттилы были помещены в три гроба — золотой, серебряный и железный — и тайно похоронены ночью; добыча народов была брошена в его могилу; пленники, которые копали землю, были безжалостно убиты; и те же гунны, которые так глубоко скорбели, устроили разгульное и безудержное веселье у свежей могилы своего короля. В Константинополе сообщали, что в счастливую ночь, когда он скончался, Марциан увидел во сне сломанный лук Аттилы; и это сообщение может служить доказательством того, как редко образ этого грозного варвара исчезал из сознания римского императора.

Революция, которая разрушила империю гуннов, утвердила славу Аттилы, чей гений в одиночку поддерживал огромную и разрозненную структуру. После его смерти самые смелые вожди стремились к королевскому титулу; самые могущественные короли отказывались признавать вышестоящего; а многочисленные сыновья, которых столько разных матерей родили умершему монарху, делили и оспаривали, как частное наследство, верховную власть над народами Германии и Скифии. Смелый Ардарик почувствовал и возмущился позором этого раболепного разделения; и его подданные, воинственные гепиды, вместе с остготами под руководством трех доблестных братьев, поддерживали своих союзников в отстаивании прав свободы и королевской власти.

В кровопролитном и решающем сражении на берегах реки Нетад в Паннонии копья гепидов, мечи готов, стрелы гуннов, пехота свевов, легкое оружие герулов и тяжелое оружие аланов столкнулись или поддерживали друг друга; и победа Ардарика сопровождалась убийством тридцати тысяч его врагов. Эллак, старший сын Аттилы, потерял жизнь и корону в памятной битве при Нетаде; его ранняя доблесть возвысила его на трон акациров, скифского народа, который он покорил, и его отец, который любил выдающиеся заслуги, позавидовал бы смерти Эллака. Его брат Денгисих с армией гуннов, все еще грозных в своем бегстве и разрушении, удерживал свои позиции более пятнадцати лет на берегах Дуная. Дворец Аттилы с древней страной Дакией, от Карпатских гор до Эвксинского моря, стал резиденцией новой власти, установленной Ардариком, королем гепидов. Паннонские завоевания, от Виндобоны до Сирмиума, были заняты остготами; а поселения племен, которые так храбро отстаивали свою родную свободу, были неравномерно распределены в соответствии с их силой. Окруженный и угнетаемый множеством рабов своего отца, Денгисих был ограничен кругом своих повозок; его отчаянная храбрость подтолкнула его к вторжению в Восточную империю; он пал в бою, и его голова, позорно выставленная на всеобщее обозрение на Ипподроме, стала благодарным зрелищем для жителей Константинополя.

Аттила искренне или суеверно верил, что Ирнак, его младший сын, был предназначен для продолжения славы своего рода. Характер этого принца, который пытался умерить опрометчивость своего брата Денгисиха, больше соответствовал упадку гуннов; и Ирнак со своими подчиненными ордами ушел в сердце Малой Скифии. Вскоре они были захлестнуты потоком новых варваров, которые следовали по тому же пути, который когда-то открыли их предки. Геугены, или аварцы, место жительства которых греческие писатели относят к берегам океана, подтолкнули соседние племена, пока, наконец, игуры с севера, выйдя из холодных сибирских регионов, где добывают самые ценные меха, не распространились по пустыне до Борисфена и Каспийских ворот и, наконец, не уничтожили империю гуннов.

Такое событие могло бы способствовать безопасности Восточной империи при правлении принца, который примирил дружбу, не утратив уважения варваров. Но император Запада, слабый и развратный Валентиниан, достигший тридцати пяти лет, не обретя ни разума, ни мужества, злоупотребил этой кажущейся безопасностью, чтобы подорвать основы своего собственного трона, убив патриция Аэция. Из инстинкта низкого и ревнивого ума он ненавидел человека, который был всемирно известен как ужас варваров и опора

республики; и его новый фаворит, евнух Ираклий, пробудил императора от ленивой апатии, которую можно было скрывать при жизни Платидии под предлогом сыновней почтительности. Слава Аэция, его богатство и достоинство, многочисленная и воинственная свита варварских последователей, его влиятельные вассалы, занимавшие гражданские должности в государстве, и надежды его сына Гауденция, который уже был обручен с Евдоксией, дочерью императора, подняли его выше ранга подданного.

Амбициозные замыслы, в которых его тайно обвиняли, вызывали страх и негодование Валентиниана. Сам Аэций, опираясь на сознание своих заслуг, своих услуг и, возможно, своей невиновности, по-видимому, вел себя высокомерно и неосторожно. Патриций оскорбил своего повелителя враждебным заявлением; он усугубил обиду, заставив его торжественной клятвой ратифицировать договор о примирении и союзе; он провозгласил свои подозрения; он пренебрег своей безопасностью; и из тщетной уверенности в том, что враг, которым он презирал, был неспособен даже на мужественное преступление, он опрометчиво рискнул своей жизнью во дворце в Риме. В то время как он, возможно, с неумеренной горячностью, настаивал на браке своего сына Валентиниана, он вытащил свой меч, первый меч, который он когда-либо вытаскивал, и вонзил его в грудь генерала, спасшего его империю; его придворные и евнухи амбициозно стремились подражать своему господину; и Аэций, пронзенный сотнями ран, упал замертво в присутствии короля. В тот же момент был убит префект претория Бозций; и прежде чем это событие могло стать достоянием гласности, главные друзья патриция были вызваны во дворец и по отдельности убиты. Это ужасное деяние, оправдываемое ложными названиями справедливости и необходимости, было немедленно доведено императором до сведения его солдат, подданных и союзников.

[454-455 гг. н. э.]

Народы, которые были чужды или враждебны Аэтию, великодушно оплакивали недостойную судьбу героя; варвары, которые были привязаны к его службе, скрывали свою скорбь и негодование; а общественное презрение, которое так долго питалось к Валентиниану, сразу превратилось в глубокое и всеобщее отвращение. Такие чувства редко проникают за стены дворца, но император был сбит с толку честным ответом римлянина, чье одобрение он не постеснялся выпросить: «Я не знаю, господин, ваших мотивов или причин, я знаю только, что вы поступили как человек, который отрезает себе правую руку левой».

Роскошь Рима, по-видимому, привлекала Валентиниана к долгим и частым визитам; в результате он был более презираем в Риме, чем в любой другой части своих владений. В сенате незаметно возродился республиканский дух, поскольку его авторитет и даже его ресурсы стали необходимы для поддержки слабого правительства. Величественное поведение наследственного монарха оскорбляло их гордость, а удовольствия Валентиниана наносили ущерб миру и чести знатных семей. Императрица Евдоксия была рождена в семье, равной по статусу его собственной, и ее очарование и нежная любовь заслуживали тех проявлений любви, которые ее непостоянный муж растрачивал на неопределенные и незаконные любовные связи.

Петроний Максим, богатый сенатор из семьи Анициев, дважды занимавший пост консула, имел целомудренную и красивую жену; ее упорное сопротивление только раздражало Валентиниана, и он решил достичь своей цели либо хитростью, либо силой. Азартные игры были одним из пороков двора; император, который случайно или умышленно выиграл у Максима значительную сумму, невежливо потребовал его кольцо в качестве залога долга и послал его надежным посыльным его жене с приказом от имени ее мужа немедленно явиться к императрице Евдоксии. Ничего не подозревающая жена Максима была доставлена

в своей паланкине в императорский дворец; посланцы ее нетерпеливого любовника провели ее в отдаленную и тихую спальню; и Валентиниан без угрызений совести нарушил законы гостеприимства. Ее слезы, когда она вернулась домой, ее глубокое горе и горькие упреки в адрес мужа, которого она считала соучастником своего позора, побудили Максима к справедливой мести; желание мести было подстегнуто амбициями; и он мог вполне обоснованно претендовать на трон своего ненавистного и презренного соперника благодаря свободному голосованию римского сената. Валентиниан, полагавший, что каждое человеческое сердце, как и его собственное, лишено дружбы и благодарности, неосторожно принял в свою стражу нескольких слуг и последователей Аэция. Двоих из них, варваров по происхождению, убедили выполнить священный и почетный долг, наказав смертью убийцу своего покровителя; и их бесстрашная отвага не заставила себя долго ждать благоприятного момента. Пока Валентиниан развлекался на Марсовом поле, наблюдая за военными состязаниями, они внезапно набросились на него с обнаженным оружием (), убили виновного Геракла и пронзили императора в сердце, не встретив ни малейшего сопротивления со стороны его многочисленной свиты, которая, казалось, радовалась смерти тирана.

Такова была судьба Валентиниана III, последнего римского императора из рода Феодосия. Он верно подражал наследственной слабости своего двоюродного брата и двух дядей, не унаследовав при этом их мягкость, чистоту и невинность, которые смягчали недостаток духа и способностей в их характерах. Валентиниан был менее оправдан, поскольку у него были страсти, но не было добродетелей; даже его религия была сомнительной; и хотя он никогда не сбивался на путь ереси, он возмущал благочестивых христиан своей привязанностью к профанным искусствам магии и гадания.^{[b](#)}

СНОСКИ

^{[\[66\]](#)} [Эта история вражды между Бонифацием и Аэтием была предметом жесткой критики со стороны Фримена, который называет ее «легендой Прокопия». Ходкин, однако, считает, что она «все еще имеет разумные основания для того, чтобы быть принятой как история». *Италия и ее завоеватели*, т. I, стр. 889-898].

^{[\[67\]](#)} [См. Прокопий, «*О войне с вандалами*», I, 1, с. 4, стр. 186. Валентиниан издал несколько гуманных законов, чтобы облегчить страдания своих нумидийских и мавританских подданных; он в значительной степени освободил их от уплаты долгов, уменьшил их дань до одной восьмой и дал им право обжаловать решения провинциальных магистратов перед префектом Рима.]

^{[\[68\]](#)} [Место, которое мы сейчас называем Шалон, вероятно, под властью римлян называлось Дуро-Каталаунум. Это было главное поселение каталаунов, племени, проживавшего рядом с суэссионами. По римским милям (10 из которых примерно равны 9 английским) и по римским дорогам Шалон находился в 170 милях от Меца и в 51 миле от Труа.^{[c](#)}]

РИМСКИЕ ТЕРРАКОТОВЫЕ ФИГУРКИ

ГЛАВА XLVII. ПАДЕНИЕ РИМА

Вандалы были низкогерманского происхождения и тесно связаны с готами. Впервые мы слышим о них во времена Плиния и Тацита как о народе, занимавшем территорию, почти соответствующую Бранденбургу и Померании. Оттуда, во II веке, они продвинулись на юг, к границам Богемии, где дали свое имя горам, ныне называемым Riesengebirge.

После столетия враждебных и бессистемных действий против Римской империи, потерпев сокрушительное поражение от Аврелиана (271 г.), они заключили мир с Римом, одним из условий которого было предоставление имперской армии двух тысяч *федератов*. Шестьдесят лет спустя они потерпели крупное поражение от готов под предводительством их короля Геберика, после чего они смиренно просили и получили разрешение от Константина поселиться в качестве римских подданных в провинции Паннония. Здесь они прожили семьдесят лет, и за этот период, вероятно, достигли некоторого прогресса в цивилизации и стали христианами арианского толка.

В 406 году, когда империя под властью Гонория приходила в упадок, они пересекли Рейн и вошли в Галлию. Стилихон, главный советник Гонория, который был выходцем из племени вандалов, был обвинен своими врагами в том, что он пригласил их в империю, но это, вероятно, было безосновательной клеветой. В Галлии они сразились в великой битве с франками, в которой потерпели поражение, потеряв две тысячи человек, а их король Годигисклус был убит. В 409 году его сын Гундерик повел их через Пиренеи. По-видимому, они поселились в Испании двумя отрядами. Один, асдингские вандалы, занял Галлецию, другой, силинские, часть Бетики (Андалусия). Затем последовало двадцать лет кровопролитных и бессмысленных войн с армиями империи и с их соплеменниками-варварами, готами и свевами. Вандалы-силинги были почти полностью истреблены, но их братья-асдинги (к которым теперь присоединились остатки туранского народа, аланы, которые были полностью разгромлены готами) прошли через Испанию и захватили Андалусию.

ГОНДАНЫ ПРИБЛИЖАЮТСЯ К РИМУ

В 428 или 429 году весь народ отплыл в Африку по приглашению, полученному их королем от Бонифация, графа Африки, который попал в немилость при дворе Равенны. Гундерик был уже мертв, и верховная власть находилась в руках его внебрачного брата, который в истории известен как Гензерик, хотя более правильная форма его имени — Гайзерик. Этот человек, невысокого роста и с хромотой, но обладавший большими природными способностями к войне и господству, безжалостный к человеческой жизни и не сдерживаемый совестью или состраданием, в течение пятидесяти лет был героем вандалов и ужасом Константинополя и Рима. В мае 428 года (?) он собрал весь свой народ на берегу Андалусии и, пересчитав всех мужчин, от седовласых стариков до новорожденных младенцев, обнаружил, что их число достигает восьмидесяти тысяч душ. Переправа была осуществлена на кораблях Бонифация, который, однако, вскоре вернулся к своей прежней верности и умолял своих новых союзников покинуть Африку. Те, конечно, отказались, и Бонифаций обратился против них, однако слишком поздно, чтобы исправить причиненный им вред. Несмотря на его сопротивление, продвижение вандалов было быстрым, и к маю 430 года только три города римской Африки — Карфаген, Гиппо и Цирта — оставались не взятыми.

[430-455 гг. н. э.]

Длительная осада Гиппона (с мая 430 по июль 431 года), запомнившаяся последней болезнью и смертью святого Августина, которые произошли во время ее хода, закончилась неудачей для вандалов. Наконец (30 января 435 года) между императором Валентинианом III и Гензериком был заключен мир. Император должен был сохранить за собой Карфаген и небольшую, но богатую проконсульскую провинцию, в которой он находился, в то время как Гиппо и шесть других провинций Африки были оставлены вандалам. Гензерик соблюдал этот договор только до тех пор, пока он отвечал его целям. 19 октября 439 года, без какого-либо объявления войны, он внезапно напал на Карфаген и захватил его. Вандальская

оккупация этого великого города, третьего по величине среди городов Римской империи, длилась девятью годами. Гензерик, по-видимому, считал годы своего правления с даты его захвата. Хотя большую часть оставшихся лет своей жизни Гензерик провел в войнах, целью его походов, по-видимому, было не территориальное завоевание, а грабеж. Фактически он сделал Карфаген крепостью пиратов, откуда он, как и позднее берберийские пираты, отправлялся на нападения, как он сам говорил, «на жилища людей, на которых гневается Бог», оставляя вопрос о том, кто эти люди, на усмотрение стихии. Почти единственный среди германских завоевателей империи, он взялся за создание мощного флота и, вероятно, в течение тридцати лет был ведущей морской державой в Средиземноморье.^b

Дворцовые перевороты, в результате которых Западная империя осталась без защитника и без законного принца, развеяли опасения и разбудили алчность Гензериха. Он немедленно оснастил многочисленный флот вандалов и мавров и бросил якорь в устье Тибра примерно через три месяца после смерти Валентиниана и возведения Максима на императорский трон.

Частная жизнь сенатора Петрония Максима часто приводилась в качестве редкого примера человеческого счастья. Он был родом из знатной и прославленной семьи Анициев, его достоинство подкреплялось солидным наследством в виде земель и денег; эти преимущества сопровождалось гуманитарными знаниями и благородными манерами, которые украшают или имитируют бесценные дары гения и добродетели. Роскошь его дворца и стола была гостеприимной и элегантной. Всякий раз, когда Максим появлялся на публике, его окружала свита благодарных и услужливых клиентов; и вполне возможно, что среди этих клиентов у него были и настоящие друзья. Его заслуги были вознаграждены благосклонностью принца и сената; он трижды занимал должность преторианского префекта Италии; дважды был консулом и получил звание патриция.

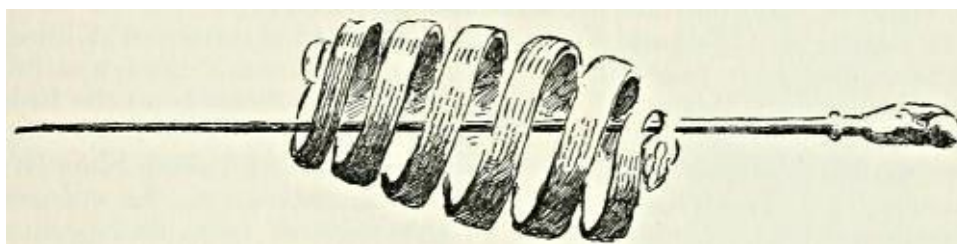
Эти гражданские почести не были несовместимы с наслаждением досугом и спокойствием; его часы, в соответствии с требованиями удовольствия или разума, были точно распределены по водяным часам; и эта скупость времени может служить доказательством того, как Максим относился к своему счастью. Оскорбление, нанесенное ему императором Валентинианом, по-видимому, оправдывает самую кровавую месть. Однако философ мог бы подумать, что, если сопротивление его жены было искренним, ее целомудрие все еще оставалось нетронутым () и что оно никогда не могло бы быть восстановлено, если бы она согласилась на волю прелюбодея. Патриот засомневался бы, прежде чем погрузить себя и свою страну в те неизбежные бедствия, которые должны были последовать за исчезновением царского дома Феодосия. Неосторожный Максим пренебрег этими благотворными соображениями; он удовлетворил свою обиду и амбиции, увидел истекающий кровью труп Валентиниана у своих ног и услышал, как сенат и народ единодушно приветствуют его как императора. Но день его инаугурации был последним днем его счастья. Он был заключен (так живо выражается Сидоний) во дворец; и, проведя бессонную ночь, он вздохнул, что достиг вершины своих желаний и стремился только спуститься с опасной высоты. Угнетенный тяжестью диадемы, он поделился своими тревожными мыслями со своим другом и квестором Фульгенцием; и когда он с бесполезным сожалением оглянулся на безопасные удовольствия своей прежней жизни, император воскликнул: «О счастливый Дамокл, твое царствование началось и закончилось одним и тем же обедом!» — известная аллюзия, которую Фульгенций впоследствии повторил как поучительный урок для правителей и подданных.

Правление Максима продолжалось около трех месяцев. Его часы, над которыми он утратил контроль, были нарушены угрызениями совести, чувством вины или страхом; а его трон был потрясен бунтами солдат, народа и союзных варваров (). Брак его сына Палладия с старшей дочерью покойного императора мог способствовать установлению наследственной преемственности его семьи, но насилие, которое он совершил по отношению к императрице Евдоксии, могло быть вызвано только слепым порывом похоти или мести. Его собственная жена, ставшая причиной этих трагических событий, была своевременно устранена смертью; и вдова Валентиниана была вынуждена нарушить приличную траурную церемонию, возможно, свою настоящую скорбь, и подчиниться объятиям самонадеянного узурпатора, которого она подозревала в убийстве своего покойного мужа.

Эти подозрения вскоре оправдались нескромным признанием самого Максима; он беззастенчиво провоцировал ненависть своей неохотной невесты, которая все еще сознавала, что она происходит из династии императоров. Однако с Востока Евдоксия не могла надеяться на какую-либо эффективную помощь; ее отец и тетя Пульхерия были мертвы; ее мать томилась в Иерусалиме в позоре и изгнании; а скипетр Константинополя был в руках чужака. Она обратила свой взор на Карфаген, тайно умоляя о помощи короля вандалов, и убедила Гензериха воспользоваться благоприятной возможностью, чтобы замаскировать свои хищнические замыслы под благовидными лозунгами чести, справедливости и сострадания. Какими бы способностями ни обладал Максим в подчиненном положении, он оказался неспособным управлять империей; и хотя он мог легко узнать о военно-морских приготовлениях, которые велись на противоположном берегу Африки, он с безразличным равнодушием ждал приближения врага, не принимая никаких мер по обороне, переговорам или своевременному отступлению.

Когда вандалы высадились в устье Тибра, император внезапно пробудился от своей летаргии под крики дрожащей и разъяренной толпы. Единственной надеждой, которая представилась его изумленному уму, было поспешное бегство, и он призвал сенаторов последовать примеру своего принца. Но едва Максим появился на улицах, как его засыпали градом камней; римский или бургундский солдат удостоился чести нанести ему первую рану; его изуродованное тело было с позором брошено в Тибр; римский народ ликовал, нанеся наказание виновнику общественных бедствий, а слуги Евдоксии продемонстрировали свою преданность госпоже.

На третий день после беспорядков Гензерик смело продвинулся из порта Остии к воротам незащищенного города. Вместо вылазки римской молодежи из ворот вышла безоружная и почтенная процессия епископа во главе со своим духовенством. Бесстрашный дух Лева, его авторитет и красноречие вновь смягчили ярость варварского завоевателя; король вандалов пообещал пощадить не сопротивлявшуюся толпу, защитить здания от пожара и освободить пленников от пыток; и хотя такие приказы не были даны всерьез и не выполнялись строго, посредничество Лева было славным для него самого и в некоторой степени полезным для его страны. Но Рим и его жители были преданы разврату вандалов и мавров, чьи слепые страсти мстили за обиды Карфагена.

(В Британском музее)

Грабеж длился четырнадцать дней и ночей; и все, что еще оставалось от общественного или частного богатства, от священных или профанных сокровищ, было тщательно перевезено на корабли Гензериха. Среди добычи великолепные реликвии двух храмов, или, скорее, двух религий, представляли собой памятный пример превратностей человеческих и божественных дел. С момента отмены язычества Капитолий был осквернен и заброшен, но статуи богов и героев по-прежнему уважались, и любопытная крыша из позолоченной бронзы была сохранена от грабительских рук Гензериха. Священные предметы иудейского культа, золотой стол и золотой семисвечник, изначально изготовленные по особым указаниям самого Бога и помещенные в святилище его храма, были торжественно продемонстрированы римскому народу во время триумфа Тита. Впоследствии они были помещены в храм Мира, а через четыреста лет добыча Иерусалима была перевезена из Рима в Карфаген варваром, происходившим с берегов Балтийского моря. Эти древние памятники могли привлекать внимание как любопытства, так и алчности.

Но христианские церкви, обогащенные и украшенные господствующим суеверием того времени, предоставляли более богатый материал для святотатства; и благочестивая щедрость папы Льва, который переплавил шесть серебряных ваз, подаренных Константином, каждая весом в сто фунтов, свидетельствует о том ущербе, который он пытался возместить. За сорок пять лет, прошедших после вторжения готов, пышность и роскошь Рима были в некоторой степени восстановлены; и было трудно либо уйти, либо удовлетворить алчность завоевателя, который имел свободное время для сбора и корабли для перевозки богатств столицы. Императорские украшения дворца, роскошная мебель и гардероб, серванты из массивного серебра были накоплены беспорядочным грабежом; золото и серебро составили несколько тысяч талантов; но даже латунь и медь были с трудом вывезены.

Сама Евдоксия, которая вышла навстречу своему другу и освободителю, вскоре пожалела о своей неосторожности. Ее грубо лишили драгоценностей, и несчастная императрица с двумя дочерьми, единственными выжившими потомками великого Феодосия, была вынуждена в качестве пленницы следовать за надменным вандалом, который немедленно поднял паруса и благополучно вернулся в порт Карфагена. Многие тысячи римлян обоих полов, выбранные за какие-то полезные или приятные качества, с неохотой погрузились на борт флота Гензериха; и их страдания усугублялись бесчувственными варварами, которые при разделе добычи разлучали жен с мужьями и детей с родителями. Единственным утешением и поддержкой для них была милосердия Деогратиаса, епископа Карфагена. Он щедро продал золотые и серебряные сосуды церкви, чтобы выкупить свободу некоторых, облегчить рабство других и помочь в нужде и немощи плененной толпе, здоровье которой было подорвано тяготами, перенесенными во время перехода из Италии в Африку. По его приказу две просторные церкви были преобразованы в больницы; больные были распределены по удобным кроватям и щедро снабжены едой и лекарствами, а пожилой прелат повторял свои визиты, как днем, так и ночью, с усердием, превосходившим ценность его услуг. Сравните эту сцену с полем битвы при Каннах и судите между Ганнибалом и преемником святого Киприана.

Смерть Аэция и Валентиниана ослабила узы, которые удерживали варваров Галлии в мире и подчинении. Морское побережье было заражено саксами; аламанны и франки продвинулись от Рейна до Сены; а амбиции готов, казалось, подталкивали их к более

обширным и постоянным завоеваниям. Император Максим мудрым выбором избавил себя от бремени этих далеких забот; он заставил замолчать просьбы своих друзей, прислушался к голосу славы и продвинул незнакомца на должность главнокомандующего войсками в Галлии. Авит, незнакомец, чьи заслуги были так благородно вознаграждены, происходил из богатой и уважаемой семьи в епархии Оверни. Смута того времени побудила его с одинаковым рвением посвятить себя гражданской и военной карьере; и неутомимый юноша совмещал изучение литературы и юриспруденции с занятиями оружием и охотой. Тридцать лет своей жизни он достойно посвятил государственной службе; он поочередно проявлял свои таланты в войне и переговорах; и солдат Аэция, выполнив самые важные посольские миссии, был возведен в должность преторианского префекта Галлии. Либо заслуги Авита вызвали зависть, либо его умеренность стремилась к покою, поскольку он спокойно удалился в поместье, которое он владел в окрестностях Клермона. В этом уединении, где Авит проводил свободное время за книгами, сельскими развлечениями, занятиями земледелием и общением с друзьями, он получил императорский диплом, который назначил его генерал-мастером кавалерии и пехоты Галлии. Он принял на себя военное командование; варвары приостановили свои яростные набеги; и какими бы средствами он ни пользовался, какими бы уступками ни был вынужден пойти, народ наслаждался благами настоящего спокойствия. Но судьба Галлии зависела от вестготов, и римский генерал, более заботящийся о общественных интересах, чем о своем достоинстве, не постеснялся посетить Тулузу в качестве посла.

Он был принят с вежливым гостеприимством Теодорихом, королем готов, но в то время как Авит закладывал основы прочного союза с этой могущественной нацией, он был потрясен известием о том, что император Максим был убит, а Рим разграблен вандалами. Вакантный трон, на который он мог взойти без вины и опасности, соблазнил его амбиции; и вестготы были легко убеждены поддержать его претензии своим непреодолимым голосованием. Они любили личность Авита, уважали его добродетели и не были равнодушны к преимуществам, а также чести, которые давало им предоставление императора Западу.

Приближалось время, когда в Арелате (Арле) собиралось ежегодное собрание семи провинций; на их решения, возможно, повлияло присутствие Теодориха и его воинственных братьев, но их выбор, естественно, склонялся к самому прославленному из их соотечественников. Авит, после достойного сопротивления, принял императорскую диадему от представителей Галлии, и его избрание было утверждено овациями варваров и провинциалов. Было запрошено и получено официальное согласие Маркиана, императора Востока, но сенат, Рим и Италия, хотя и смиренные недавними бедствиями, с тайным ропотом подчинились самонадеянности галльского узурпатора.

КОСТЮМ ВЕСТГОТА

Теодорих, которому Авит был обязан своим пурпуром, приобрел готский скипетр, убив своего старшего брата Торисмонда; и он оправдал это жестокое деяние тем, что его предшественник намеревался нарушить союз с империей. Такое преступление, возможно, не было несовместимо с добродетелями варвара, но манеры Теодориха были мягкими и гуманными; и потомки могут без ужаса созерцать подлинный образ готского короля, которого Сидоний внимательно наблюдал в часы мира и общественных отношений.

Когда король вестготов предложил Авиту принять пурпур, тот предложил свои услуги и свои войска в качестве верного солдата республики. Подвиги Теодориха вскоре убедили мир в том, что он не утратил воинственные добродетели своих предков. После того как готы обосновались в Аквитании, а вандалы перебрались в Африку, свевы, которые основали свое королевство в Галлеции, стали стремиться к завоеванию Испании и угрожали уничтожить слабые остатки римского господства. Жители провинций Карфаген (Картахена) и Таррако (Таррагона), страдавшие от вражеского вторжения, рассказали о своих страданиях и опасениях.

Граф Фронто был отправлен от имени императора Авита с выгодными предложениями о мире и союзе; Теодорих вступил в дело со своим весомым посредничеством, заявив, что, если его шурина, король свевов, не уйдет немедленно, он будет вынужден взяться за оружие во имя справедливости () и Рима. «Скажите ему, — ответил высокомерный Рехиар, — что я презираю его дружбу и его оружие, но что я скоро проверю, осмелится ли он ждать моего прибытия под стены Толосы». Такой вызов побудил Теодориха помешать смелым замыслам своего врага; он перешел Пиренеи во главе вестготов, франков и бургундов, служивших под его знаменем, и, хотя он провозгласил себя верным слугой Авита, в частном порядке

оговорил для себя и своих преемников абсолютное владение своими испанскими завоеваниями. Две армии, или, вернее, два народа, столкнулись на берегах реки Урбикус, примерно в двенадцати милях от Аугусты Астурики (Асторга); и решающая победа готов на время, казалось, уничтожила имя и королевство свевов. С поля битвы Теодорих продвинулся к Бракаре (Брага), их столице, которая все еще сохраняла великолепные следы своего древнего торгови и величия. Его вход не был осквернен кровью, и готы уважали целомудрие своих пленниц, особенно посвященных дев; но большая часть духовенства и народа была обращена в рабство, и даже церкви и алтари были разграблены в ходе всеобщего мародерства.

Несчастный король свевов бежал в один из портов океана, но упорство ветров помешало его бегству; он был выдан своему непримиримому сопернику, и Рехиар, который не желал и не ожидал пощады, с мужественной стойкостью принял смерть, которую он, вероятно, сам бы нанес. После этой кровавой жертвы политике и мести Теодорих пронес свои победоносные знамена до Аугусты Эмериты (Мериды), главного города Лузитании, не встретив никакого сопротивления, кроме чудодейственной силы святой Эулалии; но он был остановлен на полном взлете успеха и отозван из Испании, не успев обеспечить безопасность своих завоеваний. Во время отступления к Пиренеям он отомстил за свое разочарование стране, через которую проходил, и при разграблении Паллантии и Аугусты Астурики проявил себя как неверный союзник и жестокий враг.

В то время как король вестготов сражался и побеждал от имени Авита, правление Авита подошло к концу, и честь и интересы Теодориха были глубоко уязвлены позором друга, которого он посадил на трон Западной империи.

Настойчивые просьбы сената и народа убедили императора Авита установить свою резиденцию в Риме и принять консульство на следующий год. Авит, в то время, когда императорское достоинство было сведено к превосходству труда и опасности, предался удовольствиям итальянской роскоши; возраст не погасил его любовные наклонности, и его обвиняют в том, что он оскорблял нескромными и неблагодарными насмешками мужей, чьих жен он соблазнил или изнасиловал.^[69] Но римляне не были склонны ни оправдывать его недостатки, ни признавать его достоинства. Различные части империи с каждым днем все больше отдалялись друг от друга, и чужеземец из Галлии стал объектом народной ненависти и презрения.

Сенат отстаивал свое законное право на избрание императора, и его власть, которая изначально проистекала из старой конституции, была вновь укреплена фактической слабостью угасающей монархии. Однако даже такая монархия могла бы противостоять голосам безоружного сената, если бы их недовольство не было поддержано, а может быть, и разжечено графом Рицимером, одним из главных полководцев варварских войск, которые составляли военную оборону Италии. Дочь Валлия, короля вестготов, была матерью Рицимера, но по отцовской линии он происходил из народа свевов; его гордость или патриотизм, возможно, были раздражены несчастьями его соотечественников, и он с неохотой подчинился императору, о возвышении которого его не спросили. Его верные и важные услуги в борьбе с общим врагом сделали его еще более грозным; и после уничтожения на побережье Корсики флота вандалов, состоявшего из шестидесяти галер, Рицимер вернулся с триумфом под прозвищем «Освободитель Италии». Он выбрал этот момент, чтобы дать понять Авиту, что его правление подошло к концу; и слабый император, находясь вдали от своих готских союзников, был вынужден после короткой и бесплодной борьбы отречься от престола. Однако благодаря милосердию или презрению Рицимера ему было позволено сойти с трона на более желанную должность епископа Плацентии; но недовольство сената по-прежнему не было удовлетворено, и его неумолимая суровость

вынесла ему смертный приговор. Он бежал в сторону Альп, питая скромную надежду не вооружить вестготов для своей цели, а обеспечить безопасность своей личности и сокровищ в святилище Юлиана, одного из покровителей Оверни. Болезнь или рука палача остановили его на пути; тем не менее, его останки были достойно перевезены в Бривас или Бриуд, в его родную провинцию, и он упокоился у ног своего святого покровителя.

[456-457 гг. н. э.]

Преемник Авита представляет собой долгожданное открытие великого и героического персонажа, каким иногда бывает в упадочническую эпоху, чтобы отстоять честь человеческого рода. Император Майориан заслужил похвалу своих современников и потомков; и эта похвала может быть ярко выражена словами разумного и беспристрастного историка: «Он был мягок со своими подданными, он был страшен для своих врагов, и он превосходил всех своих предшественников, правивших римлянами, во всех добродетелях». Такое свидетельство может оправдать, по крайней мере, панегирик Сидония; и мы можем согласиться с уверенностью, что, хотя льстивый оратор с равным рвением льстил бы и самому никчемному из принцев, необычайные заслуги его объекта ограничились в данном случае пределами правды. Майориан получил свое имя от деда по материнской линии, который во времена правления великого Феодосия командовал войсками на иллирийской границе. Он отдал свою дочь замуж за отца Майориана, уважаемого офицера, который умело и честно управлял доходами Галлии и великодушно предпочел дружбу Аэция соблазнительным предложениям коварного двора. Его сын, будущий император, получивший военное образование, с ранней юности проявлял бесстрашную храбрость, преждевременную мудрость и безграничную щедрость при скудном состоянии. Он следовал за знаменем Аэция, способствовал его успеху, разделял, а иногда и затмевал его славу, и в конце концов вызвал ревность патриция, или, вернее, его жены, которая заставила его уйти со службы. После смерти Аэция Майориан был вновь призван на службу и получил повышение, а его тесная связь с графом Рицимером стала непосредственной причиной его восхождения на престол Западной империи. Во время вакансии, последовавшей за отречением Авита, амбициозный варвар, чье происхождение исключало его из императорского достоинства, правил Италией с титулом патриция; уступил своему другу видную должность генерал-мастера кавалерии и пехоты; и, после перерыва в несколько месяцев, согласился на единодушное желание римлян, чью благосклонность Майориан завоевал недавней победой над аламанными.

[457-461 гг. н. э.]

Общественные и частные действия Майориана известны очень неполно, но его законы, замечательные оригинальностью мысли и выражения, верно отражают характер правителя, который любил свой народ, сочувствовал его бедам, изучал причины упадка империи и был способен применять (насколько это было возможно) разумные и эффективные меры для устранения общественных беспорядков. Его постановления, касающиеся финансов, явно были направлены на устранение или, по крайней мере, смягчение наиболее невыносимых злоупотреблений.

(1) С самого начала своего правления он заботился (это его собственные слова) об облегчении тяжелой участи провинциалов, угнетенных накопившимся бременем индикций и супериндикций. С этой целью он объявил всеобщую амнистию, окончательную и абсолютную отмену всех задолженностей по дани, всех долгов, которые под любым

предлогом могли требовать от народа финансовые чиновники. Это мудрое отказ от устаревших, досадных и невыгодных требований улучшил и очистил источники государственных доходов; и подданные, которые теперь могли оглядываться назад без отчаяния, могли трудиться с надеждой и благодарностью за себя и за свою страну.

(2) В области оценки и сбора налогов Майориан восстановил обычную юрисдикцию провинциальных магистратов и отменил чрезвычайные комиссии, которые были введены от имени самого императора или преторианских префектов. Любимые слуги, получившие такие неправомочные полномочия, вели себя нагло и выдвигали произвольные требования; они презирали подчиненные суды и были недовольны, если их гонорары и прибыль не превышали вдвое сумму, которую они снисходительно платили в казну. Один из примеров их вымогательства показался бы невероятным, если бы он не был подтвержден самим законодателем. Они требовали полную оплату золотом, но отказывались принимать текущую монету империи и принимали только старинные монеты с изображением Фаустины или Антонинов. Подданные, не имевшие этих редких монет, были вынуждены идти на сделку с их алчными требованиями; а если им удавалось найти такие монеты, то их налог удваивался в зависимости от веса и стоимости денег прежних времен.

(3) «Муниципальные корпорации, — говорит император, — меньшие сенаты (так их справедливо называли в древности), заслуживают того, чтобы считаться сердцем городов и мускулами республики. И все же сейчас они настолько унижены несправедливостью магистратов и продажностью сборщиков налогов, что многие из их членов, отрекаясь от своего достоинства и своей страны, укрылись в далеком и неизвестном изгнании». Он призывает и даже заставляет их вернуться в свои города, но устраняет причину, которая заставила их отказаться от выполнения своих муниципальных функций. Им предписывается под руководством провинциальных магистратов возобновить сбор дани, но вместо того, чтобы нести ответственность за всю сумму, начисленную на их округ, от них требуется только представлять регулярные отчеты о фактически полученных платежах и о неплательщиках, которые все еще имеют задолженность перед государством.

(4) Но Майориан не был невежественен в том, что эти корпоративные органы были слишком склонны мстить за несправедливость и угнетение, от которых они страдали; поэтому он возрождает полезную должность защитников городов. Он призывает народ на полном и свободном собрании избрать человека, обладающего здравым смыслом и честностью, который осмелился бы отстаивать их привилегии, представлять их жалобы, защищать бедных от тирании богатых и сообщать императору о совершенных злоупотреблениях.

Зритель, с грустью вззирающий на руины древнего Рима, испытывает искушение обвинить в беде, которую они не имели ни времени, ни силы, ни, возможно, желания совершить, память о готах и вандалах. Буря войны могла снести некоторые высокие башни, но разрушение, которое подорвало фундамент этих массивных сооружений, происходило медленно и незаметно в течение десяти веков, а мотивы корысти, которые впоследствии действовали без стыда и контроля, были строго ограничены вкусом и духом императора Майориана.

Упадок города постепенно снизил ценность общественных сооружений. Цирк и театры все еще могли вызывать восторг, но редко удовлетворяли желания народа; храмы, уцелевшие от рвения христиан, больше не были обитаемы ни богами, ни людьми; уменьшившееся население Рима терялось в огромном пространстве его бань и портиков; величественные библиотеки и залы правосудия стали бесполезными для ленивого поколения, покой которого редко нарушался ни учебой, ни делами. Памятники

консульского или императорского величия больше не почитались как бессмертная слава столицы; они ценились только как неиссякаемый источник материалов, более дешевых и удобных, чем отдаленные карьеры. К легкомысленным магистратам Рима постоянно обращались с ложными прошениями, в которых заявлялось о нехватке камней или кирпичей для каких-то необходимых работ; самые прекрасные формы архитектуры были грубо испорчены ради каких-то ничтожных или мнимых ремонтов; и дегенеративные римляне, которые превращали добычу в свою выгоду, разрушали своими кощунственными руками труды своих предков. Майориан, который часто вздыхал над опустошением города, применил суровое средство против растущего зла. Он оставил за принцем и сенатом исключительное право рассматривать крайние случаи, которые могли оправдать разрушение древнего здания; наложил штраф в размере пятидесяти фунтов золота [2000 фунтов стерлингов или 10 000 долларов] на каждого магистрата, который осмелился бы выдать такое незаконное и скандальное разрешение; и пригрозил наказать преступное послушание своих подчиненных суровой поркой и ампутацией обеих рук.

В последнем случае законодатель, казалось бы, забыл о соразмерности вины и наказания, но его рвение проистекало из благородного принципа, и Майориан стремился защитить памятники тех веков, в которых он хотел бы жить и которых он заслуживал. Император считал, что в его интересах увеличить число своих подданных, что его долг — охранять чистоту брачного ложа; но средства, которые он использовал для достижения этих благотворных целей, были неоднозначными и, возможно, вызывали возражения. Благочестивые девушки, посвятившие свою девственность Христу, не могли принять постриг до достижения сорокалетнего возраста. Вдовы младше этого возраста были вынуждены вступать в повторный брак в течение пяти лет, в противном случае половина их имущества переходила к ближайшим родственникам или государству. Неравные браки осуждались или аннулировались. Наказание в виде конфискации имущества и изгнания считалось настолько несоразмерным вине в прелюбодеянии, что, если преступник возвращался в Италию, он мог быть, по прямому указанию Майориана, убит безнаказанно.

В то время как император Майориан усердно трудился, чтобы восстановить счастье и добродетельность римлян, он столкнулся с войсками Гензериха, который по своему характеру и положению был их самым грозным врагом. Флот вандалов и мавров высадился в устье Лириса или Гарильяно, но имперские войска застали врасплох и атаковали беспорядочно расположенных варваров, которые были обременены добычей из Кампании; их преследовали с убийствами до их кораблей, и их лидер, шурина короля, был найден среди убитых. Такая бдительность могла предвещать характер нового правления, но даже самая строгая бдительность и самые многочисленные силы были недостаточны, чтобы защитить протяженное побережье Италии от грабежей морской войны. Общественное мнение возложило на гения Майориана более благородную и более трудную задачу. Рим ожидал от него одного только восстановления Африки; и замысел, который он разработал, чтобы атаковать вандалов в их новых поселениях, был результатом смелой и разумной политики. Если бы бесстрашный император мог вдохнуть свой дух в молодежь Италии, если бы он мог возродить на Марсовом поле мужественные упражнения, в которых он всегда превосходил своих сверстников, — он мог бы выступить против Гензериха во главе римской армии.

Такое преобразование национальных нравов могло бы быть принято с восторгом подрастающим поколением; но несчастье тех правителей, которые с трудом поддерживают угасающую монархию, заключается в том, что для получения некоторой немедленной выгоды или для предотвращения надвигающейся опасности они вынуждены потворствовать и даже умножать самые пагубные злоупотребления. Майориан, как и самые слабые из его предшественников, был вынужден прибегнуть к позорному средству, заменив своих невоинственных подданных варварскими вспомогательными войсками; и его

выдающиеся способности могли проявиться только в энергии и ловкости, с которыми он владел опасным оружием, столь склонным отскакивать от руки, которая им пользовалась.

Помимо союзников, которые уже служили империи, слава о его щедрости и доблести привлекла народы Дуная, Борисфена и, возможно, Танаиса. Многие тысячи самых храбрых подданных Аттилы, гепиды, остготы, руги, бургундионы, свевы, аланы, собрались на равнинах Лигурии; и их грозная сила уравнивалась их взаимной враждой. Они пересекли Альпы в суровую зиму. Император шел впереди пешком, в полном доспехе, прощупывая своим длинным посохом глубину льда или снега и ободряя скифов, которые жаловались на сильный холод, веселым заверением, что они будут довольны африканской жарой. Жители Лугдунума осмелились закрыть свои ворота, но вскоре они умоляли о пощаде и испытали милосердие Майориана. Он победил Теодориха на поле боя и принял в друзья и союзники царя, которого считал достойным своего оружия. Благотворное, хотя и ненадежное воссоединение большей части Галлии и Испании было результатом как убеждения, так и силы; независимые багауды, которые избежали или сопротивлялись угнетению прежних правителей, были склонны доверять добродетелям Майориана.

Его лагерь был заполнен варварскими союзниками, его трон поддерживался рвением любящего народа, но император предвидел, что без морской мощи невозможно было завоевать Африку. В Первой Пунической войне республика проявила такое невероятное усердие, что через шестьдесят дней после первого удара топора в лесу флот из 160 галер гордо стоял на якоре в море. В гораздо менее благоприятных условиях Майориан равнялся по духу и настойчивости древним римлянам. Леса Апеннин были вырублены; арсеналы и мануфактуры Равенны и Мисена были восстановлены; Италия и Галлия соперничали друг с другом в щедрых пожертвованиях на общественные нужды; и императорский флот из трехсот больших галер, с достаточным количеством транспортных и небольших судов, был собран в безопасной и вместительной гавани Карфагена Нова (Картахена) в Испании.

Неустршимое лицо Майориана вселяло в его войска уверенность в победе; и если верить историку Прокопию, его мужество иногда заставляло его превышать пределы благоразумия. Стремясь собственными глазами увидеть положение вандалов, он, изменив цвет своих волос, отважился посетить Карфаген в качестве своего собственного посла; и Гензерик был впоследствии унижен, когда обнаружил, что он принимал и отпустил императора римлян. Такой анекдот можно отвергнуть как невероятную выдумку, но это выдумка, которая не могла бы быть придумана, если бы не жизнь героя.

Без личной встречи Гензерик был достаточно хорошо знаком с характером и планами своего противника. Он прибегал к своим обычным уловкам и уловкам, но без успеха. Его просьбы о мире с каждым часом становились все более покорными и, возможно, более искренними, но неуступчивый Майориан придерживался древней максимы, что Рим не может быть в безопасности, пока Карфаген существует в состоянии вражды. Король вандалов не доверял доблести своих подданных, которые были изнежены роскошью юга; он подозревал в неверности побежденный народ, который ненавидел его как арианского тирана; и отчаянная мера, которую он предпринял, превратив Мавританию в пустыню, не могла помешать действиям римского императора, который мог свободно высадить свои войска в любой части африканского побережья.

Но Гензерик был спасен от надвигающейся и неизбежной гибели благодаря предательству некоторых влиятельных подданных, завидующих или опасующихся успеха своего господина. Руководствуясь их тайными сведениями, он застал врасплох неохранный флот в бухте Картахены; многие корабли были потоплены, захвачены или сожжены, и трехлетние приготовления были уничтожены за один день. После этого события поведение двух противников показало их превосходство над судьбой. Вандал,

вместо того чтобы возгордиться этой случайной победой, немедленно возобновил свои просьбы о мире. Западный император, способный строить великие планы и переносить тяжелые разочарования, согласился на договор, или, скорее, на приостановку военных действий, будучи полностью уверенным, что до того, как он сможет восстановить свой флот, он получит повод для оправдания второй войны. Майориан вернулся в Италию, чтобы продолжить свою работу на благо народа, и, будучи уверенным в своей честности, он долгое время мог оставаться в неведении о темном заговоре, угрожавшем его трону и жизни.

Недавнее несчастье в Картахене запятнало славу, которая ослепляла глаза толпы. Почти все гражданские и военные чиновники были возмущены реформатором, поскольку все они извлекали какую-то выгоду из злоупотреблений, которые он пытался пресечь; а патриций Ричимер подстегнул непостоянные страсти варваров против принца, которого он уважал и ненавидел. Добродетели Майориана не смогли защитить его от бурных волнений, вспыхнувших в лагере под Тортоной, у подножия Альп. Он был вынужден отречься от императорской пурпурной мантии; через пять дней после его отречения поступило сообщение, что он умер от дизентерии ([170](#)), и скромная могила, в которой покоились его останки, была освящена () уважением и благодарностью последующих поколений. Личность Майориана вызывала любовь и уважение. Злобные клеветы и сатира вызывали его возмущение или, если он сам был их объектом, его презрение; но он защищал свободу остроумия, и в часы, которые император посвящал дружескому общению со своими друзьями, он мог предаться своему вкусу к шуткам, не унижая величия своего положения.⁴

ВАРВАРЫ-СОЗДАТЕЛИ ИМПЕРАТОРОВ

[456-461 гг. н. э.]

Разграбление Рима Гензерихом было лишь началом бедствий, поскольку в течение последующих шестнадцати лет Италия оставалась во власти своего собственного наемного вождя, графа Ричимера, по происхождению и семейным связям варвара, который сорвал все попытки восстановить законное правительство. После падения Аэция Ричимер получил командование западными войсками и патрицианское достоинство. Карьера Ричимера в некоторой степени напоминала карьеру Стилихона и Аэция, поскольку, хотя его проступки были более многочисленными и гораздо более серьезными, чем их, он, как и они, обладал большими военными способностями и, как и они, имел личные интересы, которые не могли быть совмещены с интересами «*Respublica Romana*». Престиж, который он завоевал благодаря своим заслугам в борьбе с вандальскими корсарами, позволил ему стать фактическим хозяином империи и императоров на почти двадцать лет (456-472). Нападение Авита на свевов в Испании обидело свева Ричимера; и хотя Авит выполнял имперский долг, противостоя посягательствам свевов, командующий римскими войсками нашел путь к своей гибели. В течение следующих десяти месяцев Ричимер правил под титулом патриция, который теперь был очень похож на тирана в греческом смысле этого слова или на нашего современного политического «босса». Он предпочел быть создателем императоров, а не императором сам, и таким образом инициировал политику, которая продолжалась до падения Западной империи. История этих последних лет — это не история теневых императоров, которые мелькают на сцене, бессильные сами по себе и в своих обстоятельствах, а история великих лидеров, таких как Ричимер Свевско-Готский, Орест Паннонский или Бауто Франкский.

Между тем на Востоке сложились условия, которые были не совсем непохожими. Смерть Маркиана после семи лет правления не оставила наследника восточного престола. а Самым влиятельным человеком в армии был генерал Аспар (*magister militum per orientem*), по

происхождению алан, который вместе со своим отцом Ардабурием тридцать пять лет назад прославился тем, что подавил узурпатора Иоанна и помог Валентиниану III занять законный престол. Положение Аспара на Востоке напоминало положение Рицимера на Западе. Он и его три сына, будучи арианами и иностранцами, не могли надеяться занять императорский трон; поэтому единственным выходом для Аспара было обеспечить возвышение того, на чью покладистость он мог рассчитывать. Он выбрал Лева, уроженца Дакии и православного христианина, который был управляющим его собственного дома. Таким образом, Аспар, как и Рицимер, был создателем королей.

Но когда Лев вступил на престол (7 февраля 457 года) — при этом впервые была введена церемония коронации патриархом Константинополя (тогдашним Анатолием) — он оказался не таким податливым влиянию, как надеялся Аспар; напротив, он принял меры по сокращению ресурсов семьи Аспара, которая благодаря своим тесным связям с армией обладала значительной властью и была центром большой фракции ариан и варваров. Фактически Аспар, хотя и был аланом, а не германцем, был представителем германского влияния в империи, и опасность, которая угрожала империи во время правления Аркадия из-за власти Гайны, теперь повторилась. Однако Лев решительно сопротивлялся агрессивности этого влияния и, чтобы нейтрализовать тот важный факт, который играл на руку Аспару, а именно то, что основная часть и цвет армии состояли из германцев, он разработал план набора в армию из числа коренных подданных. Для этой цели он выбрал выносливую расу исаврийских горцев, которые жили почти как независимый народ, мало подверженный влиянию эллинизма, в диких районах горы Тавр. Это великое оригинальное дело Льва, за которое он заслуживает титул «Великий» больше, чем за свою ортодоксальность, за которую он, вероятно, и получил его. Он зародил идею, реализация которой, начатая им самим и продолженная его преемником, противодействовала опасности германского превосходства, угрожавшей государству на протяжении всего V века.

Аспар, по-видимому, обладал всеми чертами необразованного варвара. Храбрый и активный на войне, он был ленив и легкомыслен в мирное время. Во время правления Маркиана, и, несомненно, также во время правления Льва, когда империя наслаждалась покоем, «он предался расслаблению и женской беззаботности. Его удовольствия состояли в актерах, жонглерах и всех сценических развлечениях, и, проводя время в этих дурной славой окруженных занятиях, он утратил всякое представление о том, что составляет славу». Но если он и не был больше активен как воин, то завоевал репутацию скромного энергичного гражданина и компетентного полицейского, поскольку во время великого пожара, который опустошил большую часть Константинополя в 465 году, Аспар, как записано, без устали трудился на благо общества.

Лев, по-видимому, во время своего возвышения пообещал возвысить одного из сыновей Аспара до звания цезаря и тем самым назначить его своим преемником, несмотря на то, что он был варваром. Когда он задержался с выполнением этого обещания, Аспар, как говорят, схватил его за пурпурную мантию и сказал: «Император, не подобает тому, кто носит эту мантию, говорить неправду», на что Лев ответил: «Но и не подобает ему быть удерживаемым и гонимым, как рабу».¹

После этой необычной сцены было невозможно, чтобы примирение императора и патриция было искренним или, по крайней мере, прочным и постоянным. Армия исаврийцев была тайно набрана и введена в Константинополь; и в то время как Лев подрывал авторитет и готовил позор семьи Аспара, его мягкое и осторожное поведение удерживало их от любых опрометчивых и отчаянных попыток, которые могли бы оказаться фатальными для них самих или их врагов. Эта внутренняя революция повлияла на меры мира и войны. До тех пор, пока Аспар унижал величие трона, тайная связь религии и

интересов заставляла его поддерживать дело Гензериха. Когда Лев освободился от этого позорного рабства, он выслушал жалобы итальянцев, решил искоренить тиранию вандалов и объявил о своем союзе с Антемием.^{[с](#)}

Даже гений и энергия Майориана бессильны против диктатуры Рицимера. Но очарование императорского достоинства по-прежнему было сильным, и командующий армией вскоре назначил другого на пурпур.^а

Север, как кандидат Рицимера, следующим занял пурпур, и указы регистрировались от его имени; но его назначение не было подтверждено в Константинополе, и узурпированная власть самого Рицимера никогда не выходила за пределы Италии. В Галлии и Далмации римские наместники Эгидий и Марцеллин продолжали управлять своими провинциями в интересах «*sancta res publica*», не признавая никого, кроме Льва, императором; и Лев назначил обоих консулами. После четырех лет хаоса и страданий Север умер; и когда Рицимер, как патриций, более года осуществлял исполнительную власть, он, по-видимому, пришел к выводу, что без совместных усилий, в которых должны были быть задействованы военно-морские ресурсы Востока, нашествие вандалов не может быть остановлено. Уступив, по-видимому, необходимости, он согласился с сенатом в просьбе к императору Леону назначить императора Запада (465).

В этой попытке установить более тесные отношения с Востоком сенат, по-видимому, действовал в соответствии с первоначальной конституцией двух империй и в то же время принял политику, которая при других обстоятельствах могла бы избавить римский мир от угрожавшей ему опасности, а именно от военного деспотизма со стороны людей, которые черпали свое богатство и влияние из римских источников, но при этом не испытывали никакой исключительной привязанности к римским интересам.

Выбор Леона пал на Антемия, который несколько лет назад занимал должность консула и чье наследственное влияние поставило его во главе восточных магнатов.^д Достоинства Антемия, возможно, были преувеличены, поскольку его императорское происхождение, которое он мог вывести только от узурпатора Прокопия, было преувеличено до линии императоров. Но заслуги его ближайших родителей, их почести и богатства сделали Антемия одним из самых прославленных подданных Востока. Его отец, Прокопий, после своего посольства в Персии получил звание генерала и патриция; а имя Антемия было взято от его деда по материнской линии, знаменитого префекта, который с таким мастерством и успехом защищал младенческое правление Феодосия. Внук префекта поднялся выше положения простого подданного благодаря браку с Евфимией, дочерью императора Маркиана.

Этот блестящий союз, который мог заменить необходимость заслуг, ускорил продвижение Антемия по служебной лестнице до графа, генерал-мастера, консула и патриция; а его заслуги или удача принесли ему честь победы, одержанной на берегах Дуная над гуннами. Не питая чрезмерных амбиций, зять Марциана мог надеяться стать его преемником, но Антемий с мужеством и терпением перенес это разочарование, и его последующее возвышение было всеобщим одобрением народа, который считал его достойным править, пока он не вззошел на престол.

За торжественной инаугурацией Антемия последовала свадьба его дочери и патриция Рицимера; это счастливое событие считалось самым надежным залогом союза и счастья государства. Богатство двух империй было в этот раз продемонстрировано самым показным образом, и многие сенаторы довели себя до полного разорения, пытаясь замаскировать свою бедность дорогостоящими усилиями. Все серьезные дела были приостановлены на время этого праздника; суды были закрыты; улицы Рима, театры, места общественного и частного отдыха оглашались брачными песнями и танцами; и королевская невеста, одетая в

шелковые одежды, с короной на голове, была проведена во дворец Рицимера, который сменил военную форму на одежду консула и сенатора.⁴

Беспрецедентная задача, возложенная на императора Льва, — выбрать человека, с которым он должен был бы разделить управление и защиту всего римского мира, — заставляет нас рассмотреть его фактическое положение. Лев достиг одиннадцатого года своего правления, которое с самого начала было сопряжено с трудностями. Аспар со своими варварскими соратниками устрашал восточный сенат, и только благодаря уступчивости, граничащей с двуличием, правительство могло продолжать свою деятельность. Лев мог лишь использовать любую возможность для расширения своего влияния. Когда гунны вторглись во Фракию, он одержал победу в сражении, в котором был убит один из сыновей Атилы; этот успех усилил его влияние. Привлекая на свою сторону исаврийского князя, чье варварское имя он изменил на стоическое Зенон, он наконец получил противовес Аспару. Исаврийский князь, хотя и не был философом и по своим манерам был варваром, имел в своем распоряжении значительное количество отважных воинов, чьи услуги Лев обеспечил, приняв их вождя в качестве своего зятя. Ресурсы Восточной империи были тогда свободно направлены на предприятие, от успеха или провала которого зависело благополучие или бедствие Италии.

Были отчеканены монеты с изображением двух императоров, сжимающих друг другу руки, и вновь зародились оптимистичные надежды, что их совместными усилиями удастся вернуть Африку и контроль над Средиземным морем.

[467-468 гг. н. э.]

На оснащение флота невероятных размеров Лео потратил более 5 000 000 фунтов стерлингов [25 000 000 долларов]. Марцеллин, под управлением которого Далмация процветала и который отказался подчиняться Рицимеру, объявил о своей верности Антемию, и успехи, которые его галеры одержали над галерами вандалов, позволили ему освободить остров Сардиния от их гнета. Примерно в то же время префект Ираклий высадился в Триполисе, отвоевал соседние поселения и начал свой поход, чтобы совместно с основной экспедицией атаковать Карфаген. Таковы были признаки непреодолимого превосходства, с которым началась война и которые настолько пошатнули уверенность Гензериха, что он заявил о своей готовности подчиниться любым условиям, которые могут диктовать два императора; и, по-видимому, нет никаких сомнений в том, что его опасения разделяли его единоверцы Рицимер и Аспар, для которых свержение арианского господства в Африке было бы фатальным. К счастью для них, главнокомандование было передано Василиску, брату императрицы Верины. Поскольку у Льва не было сына, Василиск, если верить Прокопию, уже претендовал на императорский престол и стремился завоевать расположение Аспара.

Высадка произошла в небольшом морском порту примерно в сорока милях от Карфагена; и пока шла выгрузка припасов и другого снаряжения, прибыли посланцы от Гензериха. Василиск, поддавшись желанию угодить Аспару, соблазну вандальского золота или собственному слабому суждению, с готовностью выслушал их заверения. Они попросили и получили пятидневное перемирие, в течение которого могли быть согласованы условия капитуляции.

Паника, которая сделала бы повторное завоевание Карфагена легкой задачей, улеглась, и Гензерик, имея время для тщательного изучения ситуации, обратил внимание на плотное расположение римского флота на якоре. Его брандеры, торпеды древней войны, были готовы к бою, поддерживаемые галерами, которые, хотя и уступали римским по количеству, были лучше укомплектованы и более эффективны.

С наступлением ночи брандеры были размещены так, что дрейфовали прямо в центр ничего не подозревающего врага, пламя распространилось, и когда смятение достигло своего апогея, смелая и своевременная атака сделала все остальное. Суда с провизией, от которых зависело пропитание армии, были захвачены или потоплены; и многочисленные акты индивидуального героизма со стороны римского полководца не принесли никакой пользы. Некоторое время продолжалось безнадежное сопротивление, но потери были непоправимы.

Василиск спасся, бежав рано. Прибыв в Константинополь, он укрылся в церкви Святой Софии, пока не получил отсрочку от смертной казни благодаря заступничеству своей сестры. Таков был катастрофический конец совместных усилий по восстановлению Африки. Их успех укрепил бы власть двух императоров; их провал избавил Рицимера и Аспара от их страхов, и их высокомерие стало еще больше, чем когда-либо. Лев считал необходимым умиротворить Аспара, присвоив его сыну Патрицию титул цезаря, который давал его обладателю право на престол.

[468-473 гг. н. э.]

Для Аспара и его семьи, которые и без того были очень непопулярны, получение этой опасной чести не принесло никакой выгоды, а только усилило враждебность, поскольку для ортодоксальных восточных римлян идея арианского императора была невыносимой. Из-за потерь, понесенных во время недавней катастрофической экспедиции, силы, на которые ранее полагался Аспар, больше не были в его распоряжении; и, справедливо или нет, он и его сын были обвинены в изменнических замыслах против правительства, над которым они долгое время господствовали, и против жизни императора.

Обстоятельства, предшествовавшие и сопровождавшие их убийство, описываются по-разному и неясны, но никакие доводы государственной необходимости не могут очистить память Леона от пятна участия в смерти его благодетеля. В Италии безрассудная энергия Рицимера привела к совершенно иному результату. Решив разорвать союзы императоров, он установил свою штаб-квартиру в Медиолане, набрал войска, в то время как Антемий, полагаясь на сердечную поддержку сената и большей части народа, оставался бездействующим в Риме.

Медиоланцы, желая предотвратить гражданскую войну, наняли Епифания, епископа Тицинума (Павии), в качестве переговорщика; и из рассказа Эннодия о посольстве епископа можно составить некоторое представление о трудностях, которые стояли на пути любой попытки западных римлян восстановить свою разрушенную империю.

Мирные призывы епископа привели к перемирию, которое дало Рицимеру время нанять необходимое количество свевов и бургундов. Сделав это, он сбросил маску и, сославшись на смерть Аспара, отказался признавать ни Льва, ни Антемия, провозгласил императором Олибрия, врага своего тестя, и начал свой поход на Рим.

Когда римский наместник Галлии привел армию на помощь Антемию, он был разгромлен и убит. Тем не менее, Рим мужественно сопротивлялся, пока не был ослаблен голодом, и тогда Рицимер, за исключением нескольких улиц, занятых его сторонниками, приговорил город к разграблению. Затем он добавил к списку императоров, которых он казнил, имя своего тестя и умер в том же году (472).^d

В то время как вакантный трон Италии был оставлен на произвол беззаконных варваров, в совете Леона велись серьезные дискуссии по поводу избрания нового коллеги.

Императрица Верина, стремящаяся к прославлению своей семьи, вышла замуж за одну из своих племянниц за Юлия Непоса, который сменил своего дядю Марцеллина на посту правителя Далмации, что было более солидным владением, чем титул императора Запада, который его убедили принять.

Но меры византийского двора были настолько вялыми и нерешительными, что прошло много месяцев после смерти Антемия и даже Олибрия, прежде чем их предначертанный преемник смог предстать перед своими итальянскими подданными с приличными силами. В этот промежуток времени Глицерий, малоизвестный солдат, был возведен в императорское достоинство своим покровителем Гундобальдом; но бургундский принц не смог или не захотел поддержать его назначение гражданской войной; стремление к внутренней власти вернуло его за Альпы, и его подопечному было позволено обменять римский скипетр на епископство Салоны. После устранения такого соперника император Непос был признан сенатом, итальянцами и провинциалами Галлии; его нравственные достоинства и военные таланты были громко прославлены, и те, кто извлек личную выгоду из его правления, провозгласили в пророческих тонах восстановление общественного счастья. Их надежды (если такие надежды и были) были развеяны в течение одного года, и мирный договор, по которому Овернь была уступлена вестготам, является единственным событием его короткого и бесславного правления.

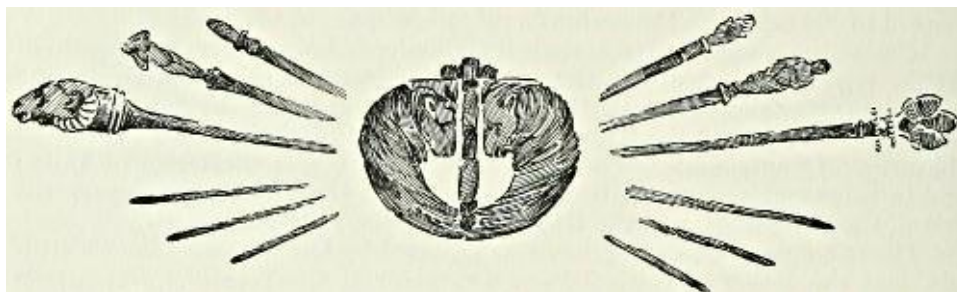
[473-475 гг. н. э.]

Самые верные подданные Галлии были принесены в жертву итальянским императором в надежде на внутреннюю безопасность, но его покой вскоре был нарушен яростным восстанием варварских союзников, которые под командованием своего генерала Ореста шли полным ходом из Рима в Равенну. Непос задрожал при их приближении и, вместо того чтобы справедливо довериться силе Равенны, поспешно бежал на свои корабли и удалился в свое далматинское княжество на противоположном побережье Адриатики. Этим постыдным отречением он продлил свою жизнь примерно на пять лет, находясь в очень неоднозначном положении между императором и изгнанником, пока не был убит в Салоне неблагодарным Глицерием, который, возможно, в награду за свое преступление, был переведен на архиепископство в Милане.

Народы, которые провозгласили свою независимость после смерти Аттилы, обосновались, по праву владения или завоевания, в бескрайних землях к северу от Дуная или в римских провинциях между рекой и Альпами. Но самые храбрые из их молодежи вступили в армию союзников, которые составляли защиту и ужас Италии; и в этой разнородной толпе, по видимому, преобладали имена герулов, скирров, аланов, турцилингов и ругов.

Примеру этих воинов последовал Орест, сын Татулла и отец последнего западного римского императора. Орест, о котором уже упоминалось в этой истории, никогда не покидал свою страну. Его происхождение и удача сделали его одним из самых прославленных подданных Паннонии. Когда эта провинция была уступлена гуннам, он поступил на службу к Аттиле, своему законному повелителю, получил должность его секретаря и неоднократно отправлялся послом в Константинополь, чтобы представлять личность и передавать приказы властного монарха. Смерть этого завоевателя вернула ему свободу, и Орест мог с честью отказаться следовать за сыновьями Аттилы в скифскую пустыню или подчиняться остготам, которые узурпировали власть в Паннонии. Он предпочел служить итальянским принцам, преемникам Валентиниана, и, обладая такими качествами, как мужество, трудолюбие и опыт, быстро продвигался по военной карьере, пока по благосклонности самого Непоса не был возвышен до достоинств патриция и главнокомандующего войсками.

Эти войска давно привыкли уважать характер и авторитет Ореста, который подражал их манерам, разговаривал с ними на их языке и был тесно связан с их национальными вождями благодаря давним привычкам знакомства и дружбы. По его просьбе они подняли оружие против неизвестного грека, который осмелился требовать от них повиновения; и когда Орест по каким-то тайным мотивам отказался от пурпура, они с той же легкостью согласились признать его сына Августула императором Запада. С отречением Непоса Орест достиг вершины своих амбициозных надежд, но вскоре, еще до конца первого года, он обнаружил, что уроки вероломства и неблагодарности, которые должен преподавать мятежник, обернутся против него самого, и что неустойчивый правитель Италии может только выбирать, будет ли он рабом или жертвой своих варварских наемников. Опасный союз этих чужеземцев угнетал и оскорблял последние остатки римской свободы и достоинства. С каждой революцией их жалование и привилегии увеличивались, но их наглость росла еще более безудержно. Они завидовали удаче своих братьев в Галлии, Испании и Африке, чьи победоносные войска приобрели независимое и вечное наследство, и настаивали на своем категорическом требовании, чтобы треть земель Италии была немедленно разделена между ними.

РИМСКИЕ БУЛАВКИ И БРАСЛЕТ

[475-476 гг. н. э.]

Орест, с духом, который в другой ситуации мог бы заслужить наше уважение, предпочел столкнуться с яростью вооруженной толпы, чем подписаться под гибелью невинного народа. Он отверг дерзкое требование, и его отказ пошел на руку амбициям Одоакра, смелого варвара, который заверил своих соратников, что, если они осмелятся объединиться под его командованием, то вскоре смогут добиться справедливости, которой были лишены их законные просьбы. Из всех лагерей и гарнизонов Италии союзники, движимые тем же негодованием и теми же надеждами, нетерпеливо стекались под знамя этого популярного лидера; и несчастный патриций, подавленный потоком, поспешно отступил в крепкий город Тицинум, епископскую резиденцию святого Епифания. Тицинум был немедленно осажден, укрепления были взяты штурмом, город был разграблен; и хотя епископ с большим рвением и некоторым успехом старался спасти имущество церкви и целомудрие плененных женщин, беспорядки удалось успокоить только казнью Ореста. Его брат Павел был убит в сражении под Равенной, а беспомощный Августул, который больше не мог пользоваться уважением, был вынужден умолять Одоакра о пощаде. Этот успешный варвар был сыном Эдекона, который в некоторых примечательных сделках был коллегой самого Ореста.

Посол должен быть свободен от подозрений, а Эдекон выслушал заговор против жизни своего повелителя. Но эта кажущаяся вина была искуплена его заслугами или раскаянием; он занимал видное и заметное положение, пользовался благосклонностью Атиллы, а войска под его командованием, которые в свою очередь охраняли королевскую деревню, состояли из племени скирров, его непосредственных и наследственных подданных. Во время восстания народов они по-прежнему оставались верными гуннам; и более двенадцати лет

спустя имя Эдекона с честью упоминается в их неравной борьбе с остготами, которая закончилась после двух кровопролитных сражений поражением и рассеянием скирров. Их доблестный вождь, который не пережил эту национальную катастрофу (), оставил двух сыновей, Онульфа и Одоакра, чтобы они боролись с невзгодами и поддерживали, как могли, грабежами или службой, верных последователей своего изгнания.

Онульф направился в Константинополь, где он запятнал свою славу, заработанную в боях, убийством щедрого благодетеля. Его брат Одоакр вел кочевой образ жизни среди варваров Норикума, с характером и состоянием, подходящими для самых отчаянных приключений; и когда он определился со своим выбором, он благочестиво посетил келью Северина, популярного святого этой страны, чтобы получить его одобрение и благословение. Низкая дверь не позволяла пройти высокому Одоакру. Он был вынужден наклониться, но в этом смиренном положении святой смог разглядеть признаки его будущего величия и, обращаясь к нему пророческим тоном, сказал: «Преследуй свой замысел, отправляйся в Италию, и вскоре ты сбросишь эту грубую одежду из шкур, а твое богатство будет соразмерно щедрости твоего духа». Варвар, чей смелый дух принял и утвердил это предсказание, был принят на службу в Западную империю и вскоре получил почетную должность в гвардии. Его манеры постепенно отшлифовались, его военные навыки улучшились, и союзники Италии не избрали бы его своим генералом, если бы подвиги Одоакра не создали высокого мнения о его мужестве и способностях. Военные приветствия вознесли его на престол с титулом короля, но он воздерживался на протяжении всего своего правления от использования пурпура и диадемы, чтобы не оскорбить тех князей, чьи подданные, случайно смешавшись, образовали победоносную армию, которую время и политика могли незаметно объединить в великую нацию.

Королевская власть была знакома варварам, и покорный народ Италии был готов безропотно подчиняться власти, которую он снизошел бы исполнять в качестве наместника императора Запада. Но Одоакр решил упразднить эту бесполезную и дорогостоящую должность; и настолько сильны были древние предрассудки, что потребовалась некоторая смелость и проницательность, чтобы обнаружить чрезвычайную легкость этого предприятия. Несчастный Авгутул стал инструментом собственного падения; он объявил о своей отставке сенату, и эта ассамблея, в своем последнем акте повиновения римскому принцу, все еще демонстрировала дух свободы и формы конституции. По единодушному решению сената было направлено письмо императору Зенону, зятю и преемнику Льва, который недавно, после короткого восстания, был восстановлен на византийском престоле. Они торжественно отреклись от необходимости или даже желания продолжать императорскую преемственность в Италии, поскольку, по их мнению, величие единого монарха достаточно, чтобы одновременно охватывать и защищать как Восток, так и Запад. От своего имени и от имени народа они соглашались на перенос столицы всемирной империи из Рима в Константинополь и подло отказываются от права выбирать своего повелителя, единственного остатка власти, которая когда-то давала законы всему миру. Республика — они повторяют это название без зазрения совести — может смело довериться гражданским и военным достоинствам Одоакра; и они смиренно просят императора наделить его титулом патриция и управлением епархией Италии.

Депутаты сената были встречены в Константинополе с некоторым недовольством и возмущением; и когда их принял Зенон, он строго упрекнул их за то, как они обошлись с двумя императорами, Антемием и Непосом, которых Восток последовательно предоставил молитвам Италии. «Первого, — продолжал он, — вы убили, второго изгнали; но второй все еще жив, и пока он жив, он является вашим законным правителем». Но благоразумный Зенон вскоре отказался от безнадёжного дела своего отрекшегося коллеги. Его тщеславие было удовлетворено титулом единоличного императора и статуями, воздвигнутыми в его

честь в нескольких кварталах Рима; он поддерживал дружескую, хотя и двусмысленную переписку с патрицием Одоакром и с благодарностью принял императорские знаки, священные украшения трона и дворца, которые варвар не был против удалить из поля зрения народа.

За двадцать лет, прошедших со смерти Валентиниана, сменилось девять императоров; и сын Ореста, юноша, известный только своей красотой, был бы наименее заслуживающим внимания потомков, если бы его правление, ознаменованное исчезновением Западной Римской империи, не оставило памятную эпоху в истории человечества. Патриций Орест женился на дочери графа Ромула из Петовио в Норикуме. Имя Августа, несмотря на ревность к власти, было известно в Аквилее как привычное фамильное имя; и таким образом, имена двух великих основателей города и монархии были странным образом объединены в последнем из их преемников. Сын Ореста принял и опозорил имена Ромул Август; но первое было искажено греками до Момил, а второе было изменено латинянами на презрительное уменьшительное Августул. Жизнь этого безобидного юноши была пощажена великодушной милостью Одоакра, который установил ему ежегодное пособие в шесть тысяч золотых монет и назначил замок Лукулла в Кампании местом его изгнания или уединения.^с

ОБЗОР НАСТУПЛЕНИЯ ВАРВАРОВ

[150-268 гг. н. э.]

У индогерманских племен было два пути в Европу — к югу и к северу от Черного моря. Сначала греческие и итальянские племена пересекли море и поселились в двух странах, расположенных рядом и соединенных островами, которые образуют юго-восточную границу одного континента — Греции и Италии.^[71] Народы этих прекрасных стран быстро достигли высокого уровня цивилизации, будучи более тысячи лет изолированными от северной Европы. Это был период классической античности, который благодаря своему искусству и литературе, государственному устройству и военной системе, не имеющим себе равных практически до наших дней, стал лучшей школой для последующих поколений человечества.

Второй путь из Азии в Европу пролегал к северу от Понта и был гораздо длиннее и более утомительным и опасным, чем первый; поэтому он был более подходящим для укрепления как тела, так и духа. В северо-западном углу Черного моря он разделялся на южную и северную дороги. По первой, вдоль Дуная между Альпами и Карпатами, мигрировали кельты; по второй, к северу от Карпат, в Западную Европу проникли германские племена, за которыми вскоре последовали славяне. Рим уже находился на пике своего мирового господства, когда произошел первый конфликт между римлянами и германскими племенами. Контакт между двумя расами был, конечно, контактом грубых первобытных людей с членами цивилизованного государства. Сначала Рим попробовал систему постепенного отпора путем нападения и подчинения германцев. Когда эта политика потерпела поражение в битве, которую вел Варус, он принял систему защиты границ, которая просуществовала почти два века.

Но судьбы будущего готовились иным образом. Замечательная способность германских народов к цивилизации заставила их рано осознать ценность римской цивилизации. Молодые дворяне получали образование в столице империи и проходили военную подготовку в армии; реальные коммерческие интересы, подчинение одного народа другому в странах друг друга привели к взаимным отношениям, самым мощным рычагом которых

была римская военная служба, в которую вступали тысячи германцев, удовлетворяя таким образом свою жажду войны и славы, а также свое стремление к денежной выгоде.

Таким образом, сам Рим подготовил офицеров и военачальников своих будущих врагов и окончательных разрушителей, от которых он уже серьезно пострадал во время восстания Цивилиса. Первый акт «варварского наступления» начался с войны, которую мы называем Маркоманнской.

В начале второй половины II века племена, жившие между Прегелем, Вислой и Балтикой — нынешними Восточной и Западной Пруссией — покинули свои неблагоприятные места обитания в поисках лучших вблизи римских границ. Первую миграцию совершила великая готская семья, которая увлекла за собой другие союзные народы, такие как вандалы и бургундионы. Масса расделилась; главное племя, готы, направилось к Черному морю между Доном и Днепром, куда они прибыли только через долгое время из-за большого расстояния и необходимости пробиваться через вражеские территории.

Вторичные племена поднялись по Висле через Карпаты к Дунаю. За этой рекой в 165 году шла одна из непрекращающихся войн между маркоманнами и римлянами. Давление новых завоевателей с севера придало новый вес и значение давлению германцев, проживавших на Дунае. Маркоманнская война длилась почти пятнадцать лет; ее ход был ужасающим и похожим на ход Пунической войны.

Однако Марк Аврелий оказался выше опасности; он стал ее хозяином. Ни один пядь римской территории не был утрачен; напротив, многие тысячи бездомных германцев поселились в империи как новые храбрые подданные. Теперь на полвека процесс разрушения, по-видимому, прекратился, но только его внешние проявления, а не внутренние усилия и приготовления к этой цели. Римская провинция (*agri decumates*) между Рейном и Дунаем, не защищенная никакими естественными границами, была первым полем германской оккупации. В какой день основная масса вандалов и бургундов вместе с лигиями мигрировала из своих поселений между Одером и Вислой к римским границам, нам неизвестно. Впервые мы встречаем их при Пробусе в 277 году, действующих в тылу более старых пограничных племен в качестве их союзников.

Более полувека, с 211 по 268 год, у Рима не было великого императора; более того, за исключением Максимиана (235-238), у него не было даже воина. Однако он был грубым варваром, который умел только сражаться и завоевывать, но не умел организовывать. Затем начался период упадка, в котором один император, Деций, пал на поле битвы, а другой, Валериан, был увезен в пожизненный плен. Одновременно на Востоке (около 226 года) возник новый страшный враг, могущественный Шапур, один из персидских Сасанидов, который сверг власть парфян и горел желанием стать вторым Киром. При Галлиене, сыне Валериана, 260-268 гг., страдания Рима достигли своего апогея. В ходе экспедиций невиданного доселе масштаба готы в течение десяти лет захватили Малую Азию и Грецию вплоть до Македонии; самые благородные и прекрасные города древности были охвачены пламенем.

[268-367 гг. н. э.]

Но самым большим злом, по крайней мере на Западе, была гражданская война. Девятнадцать тиранов, узурпаторов, восстали против правителя; однако двое из них, Оденат и его жена Зенобия, победоносно защищали империю от персов. В течение пятнадцати лет Запад страдал под властью тиранов, первый из которых, Постум, был, безусловно, более могущественным, чем законный император.

Уже не было и речи о том, чтобы отразить иностранного врага; тот факт, что большое количество германцев сражалось в обеих армиях друг против друга, лишь уменьшал опасность. Все новые районы Галлии постоянно присоединялись к империи и отвоевывались у варваров, а небольшое войско франков продвигалось в Испанию и через двенадцать лет исчезло в Африке. Казалось, что наступил не только конец начала, но и сам конец, когда Рим был вновь спасен и поднят почти до прежней славы благодаря ряду храбрых и великих императоров. Но истинным спасителем империи был Диоклетиан (285-305), самый мудрый, если не самый храбрый из них. Своими государственными реформами он построил империю на новом фундаменте, соответствующем потребностям своего времени. Его предшественники обезвредили самых опасных врагов империи, готов — Клавдий своей славной победой при Наиссе, а Аврелиан — уступкой большой провинции Дакии.

ВАРВАР

Однако новый Пробус настолько полностью победил народы Запада и их союзников, вандалов, бургундов и лигов, что смог объявить сенату: «Вся Германия, насколько она простирается, покорена. Девять королей разных народов лежат у ваших ног». Однако в следующие два года покоренные народы вновь подняли восстание, и казалось, что все вернется на круги своя, когда в 285 году Диоклетиан принес постоянную помощь.

Разделение имперского правительства между теми храбрыми и способными людьми, которых он назначил «цезарями», сдержало германскую угрозу. Его преемник и завершитель его дела, Константин Великий, принес (по крайней мере, в восточную часть империи) новую жизнь и более тысячи лет процветания, установив свою резиденцию в Константинополе. Но вновь, при правлении Констанция, слабого сына великого отца, жажда войны и грабежа пробудилась в варварах Запада в результате восхождения к власти нового тирана в Галлии и последовавшей за этим гражданской войны. Рейнские крепости, в том числе Колония Агриппина (Кёльн), уже были в их руках, когда на сцену вышел новый спаситель, молодой Юлиан.

Он, как и Цезарь, умел сражаться и побеждать. Салийские франки, захватившие землю между Шельдой и Маасом, Токсандрию, были подчинены; рипуары, даже саксы-хауки, были вынуждены заключить мир, а алеманы после четырех поход были принуждены к данью.

Валентиниан I продолжил дело Юлиана с железной рукой и волей. Во время этого более чем столетнего перерыва в миграции племен в Риме была одержана победа христианства, а также произошло его проникновение среди германских народов в форме арианства. Германцы получили новый импульс к просвещению () благодаря вторжениям гуннов, которые простирались от Крымской стены до Луары. Западные готы, которые уже находились в переходном состоянии от варварства к цивилизации, бежали от этих монголов к римлянам. Обманутые имперскими чиновниками, обиженные и обманутые, они взялись за меч; решающая битва при Адрианополе, в которой пал император Валент, сделала их господами европейских провинций Восточной империи. Объединенную империю вновь спас Феодосий, последний из великих императоров, который сумел умиротворить готов. Но когда в 395 году произошло последнее и окончательное разделение империи под властью Аркадия и Гонория, двух слабых сыновей Феодосия, которые еще были в юном возрасте, опасность для западного Рима вспыхнула снова, еще более страшная, чем прежде.

В течение почти восьмисот лет столица мира не видела завоевателей в своих стенах. Аларик Вестгот, бесстрашный воин, стал первым преемником галльского Бренна после того, как император приказал казнить своего лучшего полководца Стилихона.

Но двойная оккупация Рима Аларихом не имела большего значения как эпоха в варварском вторжении, чем более поздняя оккупация Гензерихом в 455 году. Аларик не хотел разрушать империю, а лишь править своим народом в ней и вместе с ней; вандалы же желали только грабежа. С момента перехода вандалов и свевов через Рейн в начале 406 года до вторжения вестготов в Галлию в 412 году был гораздо более важный период в варварском продвижении. В 409 году первые из них пересекли Пиренеи, а в 411 году окончательно обосновались в Испании. В 413 году бургунды захватили страну, которая теперь носит их имя; в 419 году император Гонорий наконец официально уступил вестготам юго-западную Галлию. Этот народ признавал определенное, хотя и номинальное, верховенство Рима. Рим, благодаря своему последнему великому полководцу Аэтию, подчинил себе всю остальную Галлию и большую часть Испании. Однако гораздо хуже было то, что он потерпел поражение от рук самого страшного из всех германских завоевателей, Гензериком, королем вандалов, который в 427 году лишил его далекой и богатой Африки, его житницы, а также островов Средиземного моря и основал пиратское государство, которое на протяжении полувека стало для него источником огромного богатства, а для Италии и других стран побережья — источником неописуемых разрушений.

Вандальская империя просуществовала сто семь лет, пока, после значительного упадка германцев, в 534 году она не была с легкостью свергнута генералом Юстиниана Велисарием. Только косвенно, в качестве рычага и движущей силы, вторжения гуннов с 375 года повлияли на миграцию племен, в частности на вторжение германцев в Галлию, Испанию и Африку.

Казалось бы, что ужасный Аттила, этот могучий бич Божий, решил завершить дело разрушения. Но империя Аттилы была построена на его личности; с его смертью она развалилась на части.

Поэтому его походы 451 и 452 годов в Галлию и Италию — с битвой при Шалоне, столь известной в мировой истории — были лишь замечательным интерлюдием в великой драме миграции народов и не имели решающего значения для ее реального прогресса. После смерти Аттилы, когда Валентиниан III лишил империю последней опоры, убив Аэция в 454 году, начался упадок Западной Римской империи, который продолжался в течение следующих двадцати лет.

Не внешнее давление, самый сильный удар которого, к счастью, удалось предотвратить, а внутренний зародыш смерти, растущая сила варваров внутри самой империи, привели к зрелости это событие, столь важное в мировой истории. На протяжении веков римская армия состояла в основном из иностранцев, главным образом германцев. С ростом потребности их число увеличивалось, и одновременно с этим росла их самоуверенность и притязания, а следовательно, и ненависть римлян к варварам. До тех пор, пока правили сын и внук Феодосия, великие полководцы, благодаря привычке к послушанию и магии законных прав, маскировали внутренние разногласия и слабость империи. Но когда Немезида отомстила за смерть Аэция Валентиниану III, убив его аналогичным образом, внутренняя коррупция государства проявилась под растущим давлением извне.

Смелый авантюрист суевского происхождения, патриций Рицимер, став вождем иностранных войск, приобрел высшую власть в государстве и в течение девятнадцати лет по своему усмотрению возводил на престол императоров и свергал их. За двадцать один год на престол взошли девять императоров. Даже самый способный из них, обладавший выдающимися талантами, Майориан, пал жертвой коварства и превосходства в военном деле варварских наемников. Их притязания росли, пока они не потребовали треть территории Италии; и в Одоакре, офицере телохранительной гвардии, они нашли человека, который осуществил их желание, после того как в 476 году он заставил отречься от престола последнего императора Рима, незрелого юношу, носившего гордые имена Ромул и Августул.

[476-568 гг. н. э.]

До 480 года император Непос, изгнанный из Италии, правил в Далмации; Одоакр принял от Зенона, императора Востока, титул администратора и правил Италией по старым обычаям.

По крайней мере, так было на первый взгляд. На самом деле на фундаменте Вечного города, правившего миром на протяжении семи веков, было возведено германское королевство. Поэтому мы считаем 476 год годом падения Западного Рима, который до этого момента в течение 109 лет, с небольшими перерывами, существовал как отдельная империя, по крайней мере, де-факто, если не де-юре. С его падением и возвышением Одоакра завершилось великое дело экспансии, дифференциации и нового строительства, которое мы называем миграцией народов. Теперь была подготовлена почва для германской колонизации на территории Рима, которая уже шла в различных точках с 411 года.

Свевы, вандалы и аланы, бургунды и вестготы основали новые королевства в Испании, Галлии и Африке, некоторые из которых были переходными, а другие — более постоянными, и чье происхождение и развитие были тесно связаны с историей Западного Рима. После падения Западной Римской империи возникло самое могущественное из всех германских племен — франки под предводительством сына Хильдерика Хлодвиг, который в 486 году уничтожил последний остаток римского господства в Западной Европе — власть Сиagriя над большей частью северной Галлии — в битве при Суассоне. Этот внешний край, насколько он имел какое-либо отношение к основной части, принадлежал империи Восточного Рима.

Остготы и лангобарды (ламббарды) приняли участие в разрушении Западного Рима только во втором и третьем периодах, а не в первом, что было для них в некоторой степени выгодно, поскольку они вновь изгнали своих бывших завоевателей и владельцев из сердца империи.

Момент их поселения наступил, когда, покинув свою прежнюю страну, они приготовились к колонизации на римской территории, то есть к завоеванию Италии; для остготов это произошло в 488 году, для лангобардов — в 568 году.^е [Ибо именно в апреле последнего года лангобарды под предводительством Альбоина вторглись в Италию. За пятнадцать лет до этого Нарсес нанес смертельный удар остготскому королевству, и Италия вновь стала частью Римской империи. Но теперь экзарху остался лишь небольшой район для управления, и полуостров навсегда перешел из-под единого римского правления].

СБЫВШЕЕСЯ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

[476 г. н. э.]

Невозможно представить, что падение Западной Римской империи вызвало столько шума среди современников, сколько оно вызвало в истории. К этому привело столетие постоянных неудач. Оно было предсказано религией, предвидено политиками и ожидаемо, как можно сказать, в определенную дату.

Необъяснимая роковая судьба висела над Римом с момента его зарождения. Нельзя отрицать, что крах города Ромула или упадок его могущества в конце двенадцати веков были предсказаны почти с момента его рождения. История о предзнаменованиях двенадцати стервятников, явившихся его основателю на Палатинском холме, воплощала эту инстинктивную веру, подкрепленную всем авторитетом наукой о предзнаменованиях. Тосканские предсказатели фактически объявили, что двенадцать стервятников означают двенадцать веков власти, после которых судьба Рима будет свершиться.

Эта политическая вера, уже сильная в самые светлые дни республиканской эпохи, передавалась из поколения в поколение: с гордостью, когда конец был далек, и со страхом, когда он приближался. Так же как и историческая дата основания города была спорной, так и его конец вызывал разногласия. Все предсказатели рассчитывали по-своему, как они сами это понимали, но все ожидали его.

Согласно наиболее общепринятой хронологии, Рим пережил середину XI века, когда Аларик захватил и сжег его. Можно было бы почти подумать, что предсказание сбылось — с погрешностью в несколько лет. После ухода готов надежда возродилась, и расчеты возобновились. После второго разграбления Рима Гензерихом, в 1207 году от его основания (455 г. н. э.), было объявлено, что наступил роковой и окончательный час. «Двенадцатый стервятник завершил свой полет. Теперь, о Рим, ты знаешь свою судьбу», — писал Сидоний Аполлинарий, убежденный христианин, но проникнутый, как и каждый римский подданный, суеверными традициями города на семи холмах. С этого момента началась настоящая агония империи, которая перешла к варварским правителям — от Рицимера к Гундобальду, от Гундобальда к Одоакру, становясь все более слабой, презираемой и раздавленной. Когда стали слышны имена, давно незнакомые номенклатуре цезарей, — имена Юлий и Август, выходящие из могилы истории, как призраки, возвещающие о последнем дне, и имя Ромул, умирающий в детском возрасте, — общественное смятение не знало границ. Эти случайные сочетания в своем фантастическом аспекте представляли собой нечто сверхъестественное и беспокоили даже самые сильные умы. Люди склоняли головы и молчали.

Похороны Рима проходили в скорбной тишине. В работах современных историков мы не находим ни оттенка сожаления или радости, ни прокламаций в прозе или стихах; лишь несколько дат и сухая хроника событий, и все. Можно было бы почти поверить, что в 476

году не произошло ничего важного. Лишь немного позже Иорданес трубит своей варварской трубой над могилой империи, но только для того, чтобы прославить приход готов.

ЗАМЕЧАНИЯ БРЕЙЗИГА О ПАДЕНИИ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Мы говорим здесь о смерти великой нации. Ведь не физическое, не духовное и уж тем более не чисто формальное политическое продолжение существования — как в случае с Византией — определяет историческое существование наций, а политическая независимость, одновременно материальная и мощная, содержащая в себе основные элементы цивилизации. И если мы вновь зададимся вопросом о причине такой гибели народов, то в конце концов не осмелимся назвать причиной какую-либо форму политической или социальной организации, какое-либо состояние половой морали, вторжение христианства (как полагал Ницше) и тем более прекращение механических изобретений, как предполагали некоторые естествоиспытатели, балующиеся историей, а исключительно угасание жизненной силы народа. Мы будем вынуждены рассматривать не мало политических, социальных, моральных и интеллектуальных явлений конца этого периода как симптомы этого упадка, как, например, дегенерацию цезаризма и его иерархии чиновников, социальную реакцию романтиков гильдий и каст, экстравагантную роскошь, полную апатию экономической деятельности и, более того, упадок интеллектуальной жизни. Но все это не могло быть причинами, а лишь признаками и следствиями одной и той же болезни, поражавшей самую суть.

Но кто может сказать, к каким конечным причинам следует отнести гниение и распад этой нации, которая в дни расцвета своей молодости и зрелости казалась обладающей вечной энергией. Римская нация, безусловно, не была столь недолговечной, как греческая. Если мы сравним периоды их развития, что является единственной возможной формой сравнения, то обнаружим, что с начала позднего средневековья до потери политической независимости греки прожили не *ganz halb*, а римляне почти целое тысячелетие автономной истории. Возможно, компактная и более континентальная конфигурация Итальянского полуострова существенно способствовала этой продолжительности; связующим звеном между двумя фактами — большой долговечностью римского народа и обширной площадью и менее изрезанными очертаниями их страны — может служить гораздо менее быстрое экономическое и особенно торговое развитие, гораздо более флегматичный интеллектуальный рост, а в сфере политики — гораздо более обширные владения государства, которые, следовательно, обеспечивали гораздо более прочную основу.

Но, действительно, если допустимо более подробно остановиться на этих антропогеографических предположениях, то море здесь не могло оказывать такого же оживляющего, но и возбуждающего, а значит, истощающего силы воздействия, как в Элладе, хотя, тем не менее, оно, возможно, оказывало достаточное влияние. Тот факт, что на земле Греции процветало необычайное богатство интеллектуального роста и чрезмерно утонченная политическая цивилизация, объясним так же, как и то, что Италия произвела на свет такую запоздалую, интеллектуальную и в то же время такую мощную и тщательно спланированную политическую организацию. Италия была, если говорить совершенно гипотетически, узкой и омываемой морем, но она также была солнечной и при этом не слишком раздробленной на мелкие участки, что позволило ей создать не только прочные, но и действительно проникнутые интеллектуальными идеями политические институты, а также сформировать свое искусство управления и свое право. Другими словами, этот полуостров повсюду предлагал настолько обширную поверхность, что был способен произвести государство более обширное, более сильное, более полное жизни и, прежде всего, менее угрожаемое естественным разделением интересов. Но он не был настолько

континентальным, чтобы позволить формирование деспотически управляемого государства, простирающегося по широкой равнине, как в обширных странах Востока. Море смогло оказать свое оживляющее воздействие настолько, что Италия достигла формы правления, действительно сильной, но в то же время свободной. И если ей не было присуще столь тонко организованное интеллектуальное развитие, то, по крайней мере, ее политические институты были интеллектуально проработаны в исключительной степени. Потому что во всех существенных аспектах они были столько же своеобразным продуктом ее в остальном менее заметного интеллектуального развития, сколько и ее политической цивилизации.

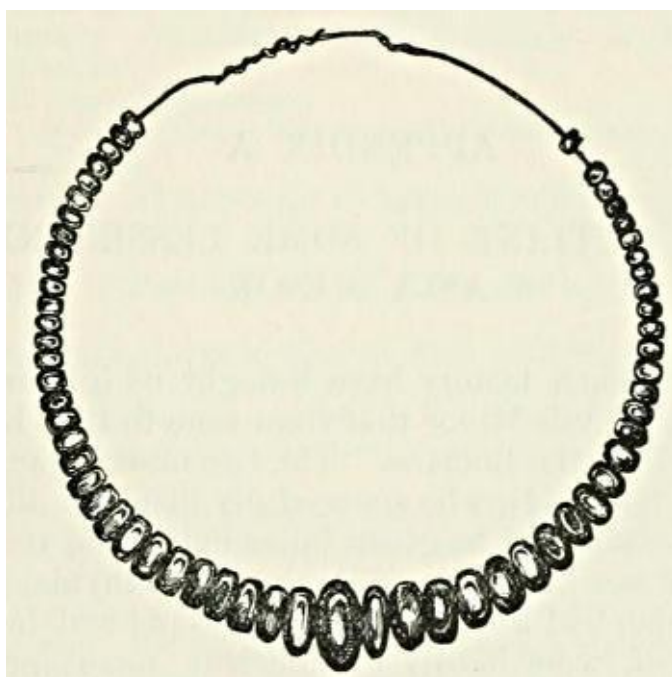
С другой стороны, Италия, как и Греция, обладает животворным, но в то же время сокращающим жизнь эффектом своего географического положения: мягким климатом. Возможно, его влияние на ускорение ее расцвета, но также и упадка, было здесь несколько сдержано другими территориальными условиями, но, возможно, в конечном итоге оно все же сумело проявить свое влияние. Иначе почему немцы и славяне, то есть единственные цивилизованные народы севера на земном шаре, сохранили свою силу настолько дольше, и почему они, и, возможно, только они, до сих пор имеют перспективу тысячелетий столь же активной политической и интеллектуальной жизни?^{[h](#)}

СНОСКИ

[69] [«Обвинения, выдвинутые Гиббоном, ... не имеют под собой никаких твердых доказательств; ... за исключением расплывчатого и слабо обоснованного обвинения в «роскоши», моральный облик Авита не имеет ни одного пятна». Ходкин.^a]

[70] [Способ, которым Майориан встретил свою смерть, является предметом споров. В то время как Гиббон^c придает верность сообщению о том, что он умер от дизентерии, Сэмюэл Дилл,ⁱ который говорит о Майориане как о «великом военачальнике и дальновидном государственном деятеле», говорит: «Майориан, «молодой Марцелл» последних лет Западной империи, со всем своим древнеримским духом и государственным прозорливостью, не справился со своей миссией и был вероломно убит Рицимером». Дж. Б. Берри,^j выражая ту же точку зрения, говорит, что «Майориан вернулся из Испании в Галлию и после пребывания в Арле перешел в Италию без армии. В Тортоне офицеры графа Рицимера, которые сочли его недостойным империи, схватили его, лишили императорской пурпурной мантии и обезглавили (7 августа 461 года)». Нибур,^k с другой стороны, сообщает нам, что «когда Майориан вернулся, по инициативе Рицимера против него был организован заговор; он был вынужден отречься от престола и умер через несколько дней».

[71] [Существует большая неопределенность в отношении этих доисторических миграций].

РИМСКИЙ БРАСЛЕТ

(В Британском музее)

ПРИЛОЖЕНИЕ А. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ НЕКОТОРЫХ МЕНЬШИХ НАРОДОВ МАЛОЙ АЗИИ

Изучая римскую историю, мы случайно столкнулись с несколькими народами Малой Азии, которые время от времени поддерживали дружеские или враждебные отношения с римлянами. Два наиболее важных из них, парфяне и сасаниды, которые успешно боролись с римлянами за господство на Востоке, будут более подробно рассмотрены в следующем томе. Однако меньшие царства Пергама, Вифинии, Понта и Каппадокии, каждое из которых имело довольно живописную и интересную историю, с точки зрения мировой истории не имели достаточного значения, чтобы быть рассмотренными отдельно в нашем тексте. Тем не менее, краткий обзор истории каждого из этих народов будет интересен и поможет читателю составить ясное представление о противниках Рима и о подлинных отношениях Римской империи с восточными народами. Такой хронологический обзор их истории приводится здесь.

ПЕРГАМСКОЕ ЦАРСТВО (283-133 гг. до н. э.)

до н. э.

- 283 **Филетар**, правитель греческой крепости Пергам в Мисии, поднимает восстание и основывает небольшое княжество. Благодаря беспорядкам, связанным с вторжением галлов в Грецию и Малую Азию, он не подвергается преследованиям.
- 263 Его племянник **Эвмен I** становится преемником. Его власть растет, и он наносит поражение Селевкидам в сражении.
- 241 г. **Аттал I** становится преемником. Он одерживает решительную победу над галлами и заключает союз с Римом. Пергам становится великим центром искусства.
- 197 **Евмен II** становится преемником. Расцвет королевства, которое теперь охватывает большую часть западной Малой Азии. Евмен становится союзником Рима в его войнах против персов и сирийцев. Строительство храма Зевса Сотера в честь великой победы над галлами.
- 159 **Аттал (II) Филадельф**, его брат, становится преемником.
- 138 **Аттал (III) Филометор**, сын Эвмена II, становится преемником.
- 133 Смерть Аттала III, который завещает свое царство римлянам. Они превращают его в провинцию Азия.

ЦАРСТВО БИТИНИЯ (278-74 гг. до н. э.)

- 278 **Никомед I** принимает титул царя и удерживает трон, несмотря на гражданские беспорядки и угрозу вторжения Антиоха I. Он вступает в союз с галлами, вторгшимися в Малую Азию.
- 250 Его сын **Зелас** наследует трон, отстояв свои права против сводного брата.
- 228 Его сын **Прусий I** становится преемником.
- 220 г. Прусий ведет войну с византийцами совместно с римлянами.
- 216 г. Прусий наносит поражение галльской армии, приглашенной в Азию Атталом.
- 207 Прусий помогает Филиппу Македонскому в войне с римлянами и вторгается в Пергам.
- 188 Прусий ведет войну с Эвменом II Пергамским. Ганнибал оказывает ему помощь.
- 180 **Прусий II** наследует престол своего отца.
- 156 Война с Пергамом. Поражение Аттала II.
- 154 Мир с Пергамом.
- 149 г. Прусий убит в восстании в пользу своего сына **Никомеда II**, который наследует престол.
- 131 Никомед помогает римлянам в войне против Аристоники.
- 102 Он объединяется с Митридатом VI Понтийским в завоевании вакантного трона Пафлагонии.
- 96 Никомед женится на Лаодике, вдове Ариарата VI Каппадокийского, и пытается захватить королевство. Рим заставляет его отказаться от этой затеи. Сенат также лишает его Пафлагонии.
- 91 **Никомед III** наследует престол своего отца.
- 90 Митридат VI Понтийский изгоняет Никомеда с трона.
- 84 Он восстановлен в престоле Римом.
- 74 Смерть Никомеда. Он завещает свое царство Риму, и оно становится провинцией.

ЦАРСТВО ПОНТ (337 г. до н. э. — 63 г. н. э.)

- Династия понтийских царей считается начавшейся с Ариобарзана I, примерно в начале IV века до н. э. Но и он, и его сын Митридат I, и внук Ариобарзан II были персидскими сатрапами, и только в
- 337 году Митридат II, сын последнего сатрапа, провозгласил себя независимым. Его правление не было непрерывным.
- 318 Примерно в это время Антигон I замышляет убить его, и он бежит в Пафлагонию, а затем поддерживает Эвмена против Антигона. Затем он восстанавливает свой трон и прочно удерживает его.

- 302 **Митридат III** наследует престол своего отца. Он присоединяет к своим владениям часть Каппадокии и Пафлагонии. Он вступает в союз с Гераклеянами и получает помощь галлов, чтобы свергнуть войска, посланные против него Птолемеем, царем Египта.
- 266 **Ариобарзан III** наследует престол своего отца.
- 240 **Митридат IV** наследует престол своего отца. Вскоре после своего вступления на престол он отбивает нападение галлов.
- 220 Неудачная попытка захватить Синопу.
- 190 **Фарнак I** наследует престол своего отца.
- 183 Захват Синопы. Границы Понта простираются до Вифинии.
- 181 Фарнак нападает на Эвмена Пергамского и Ариарата Каппадокийского.
- 179 Фарнак покупает мир, уступая все свои владения в Галатии и Пафлагонии, за исключением Синопы.
- 156 **Митридат (V) Эвергет** наследует престол своего отца.
- 154 Он помогает Атталу II Пергамскому против Прусия II Вифинского.
- 149-146 Во время Третьей Пунической войны Митридат заключает союз с Римом, поставляя корабли и людей.
- 131-129 Митридат помогает Риму против Аристоники, за что получает Фригию.
- 120 Убийство Митридата в Синопе. Его преемником становится его сын **Митридат (VI) Эвпатор Великий**. Римляне отбирают у него Фригию. В первые годы своего правления он подчиняет себе многие воинственные племена и включает Боспорское царство в свои владения. Он пытается получить контроль над Каппадокией и изгоняет Никомеда III из Вифинии с трона.
- 88 Вспыхивает война с Римом из-за престолонаследия в Вифинии. Митридат захватывает Малую Азию, убивая римских граждан.
- 84 Митридат заключает мир с Суллой.
- 83 Мурена без причины вторгается в Понт и на следующий год терпит поражение.
- 74 Возобновление войны с Римом.
- 72 Митридат бежит в Армению, где находит убежище у своего зятя Тиграна.
- 65 Полное поражение Митридата от Помпея.
- 63 Восстание войск. Восстание подавлено, но Митридат приказывает галльскому наемнику убить его. Его преемником становится его сын **Фарнак II**, который участвовал в восстании. Он подчиняется Помпею, который дарует ему королевство Босфор.
- 47 Смерть Фарнака при подавлении восстания Асандера, правителя Боспора.
- 36 год. Антоний ставит **Полемона I**, зятя Фарнака, правителем части Понта, известной как Понт Полемониакус. Около 2 года до н. э. его преемником становится его сын **Полемон II**, чья мать является номинальной правительницей до 39 года н. э., когда Калигула передает Полемону власть над царством.
- 63 Полемон отрекается от престола, и Понт становится римской провинцией.

КОРОЛЕВСТВО КАППАДОКИЯ (около 333 г. до н. э. — 17 г. н. э.)

Династия Каппадокии восходит к временам Александра Македонского, когда **Ариарат I** удерживает трон после падения Персидской империи.

322 г. Ариарат был захвачен Пердиккой и распят.

315 г. **Ариарат II**, его племянник, восстанавливает Каппадокию после смерти Эвмена. Его преемником становится его сын **Ариамн II**, а затем **Ариарат III** (дата неизвестна).

220 **Ариарат IV** наследует престол своего отца. Он присоединяется к Антиоху Великому в борьбе против римлян, а затем помогает Риму в борьбе против Персея Македонского.

163 **Митридат**, впоследствии названный **Ариарат V**, наследует престол своего отца.

158 Ариарат лишен своего царства Ороферном (Олоферном), ставленником Деметрия Сотера, но восстановлен римлянами.

154 Ариарат помогает Атталу II в его войне против Прусия II.

130 Смерть Ариарата в войне римлян против Аристоники. Его жена **Лаодика** убивает всех своих детей, кроме младшего, чтобы сама править. Народ казнит ее и возводит на престол выжившего ребенка, **Ариарата VI**.

96 Ариарат отравлен по наущению Митридата Великого из Понта, на чью дочь он женился. Никомед II из Вифинии захватывает Каппадокию, но Митридат вскоре изгоняет его и возводит на престол **Ариарата VII**, сына Ариарата VI. Этот принц вступает в войну с Никомедом и побеждает его.

93 Он ссорится с Митридатом, который убивает его ножом во время встречи. Каппадокийцы возвращают из изгнания брата покойного царя, **Ариарата VIII**, и провозглашают его царем. Митридат заставляет его покинуть свое царство. Римляне вмешиваются и назначают царем **Ариобарзана I**. Он несколько раз изгоняется Митридатом и Тиграном Армянским, но всегда возвращает свой трон.

63 Ариобарзан уступает Каппадокию своему сыну **Ариобарзану II**. Он, как и его отец, остается верным союзником Рима и казнен за отказ присоединиться к Бруту и Кассию. (Некоторые авторы утверждают, что это был Ариобарзан III, который сменил Ариобарзана II около 52 года.) Его преемником становится **Ариарат IX**, брат Ариобарзана II.

36 год. Антоний казнит его и назначает царем **Архелая**. Хотя Архелай был союзником Антония, Октавиан оставляет ему власть над царством и даже увеличивает его территорию.

14 Тиберий вызывает Архелая в Рим.

17 Смерть Архелая. Каппадокия становится римской провинцией.

ПРИЛОЖЕНИЕ В. РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РАННЯЯ ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

Д-РОМ АДОЛЬФОМ ХАРНАКОМ

Профессор Берлинского университета; член Императорской академии наук.

В период между правлением Диоклетиана и падением Западной Римской империи были заложены основы истории Средневековья; и наиболее важным из них было признание христианской церкви государством и предоставление ей привилегированного положения. Этот союз государства и церкви повлек за собой слияние их интеллектуальных сил, прав и полномочий, а также, в определенной степени, их систем управления. Возник тип культуры и литературы, который был одновременно светским и христианским, римско-христианская система права и установленная церковь. Был заключен союз, который до середины III века считался бы невозможным. Если бы Тертуллиану сказали, что наступит время, когда императоры будут христианами, он бы осудил это пророчество как безбожное; если бы кто-нибудь заявил Децию, что своим эдиктом о преследовании он борется против будущих столпов государства, он бы отверг это предположение как абсурдное. Даже в третьем веке государство и церковь казались непримиримыми противниками.

И все же решение Константина признать церковь и предоставить ей привилегии имеет долгую и хорошо заметную предысторию — и это касается обеих сторон, как государства, так и церкви. Если мы изучим эту предысторию, то поступок Константина предстанет в свете завершения исторического процесса развития, который не мог закончиться иначе, чем закончился. Этот факт не умаляет величия Константина; он осознал и осуществил единственное необходимое, и ни один государственный деятель не может сделать больше.

На следующих страницах мы попытаемся обрисовать эту предысторию союза между государством и церковью. Более чем простой набросок, в котором заголовки заменяют подробные изложения, не представляется возможным, поскольку подробные изложения потребовали бы объемного рассмотрения темы; но любой, кто знаком с историческими фактами, сможет легко восполнить этот краткий обзор. Наша главная задача будет заключаться в том, чтобы показать, как линия развития христианской церкви в течение первых трех веков () стремилась к согласию с государством; и в заключение мы кратко укажем, как государство, со своей стороны, по мере своего развития, тяготело к церкви.

I

Христиане первого века чувствовали себя чужими в этом мире и, следовательно, в государстве. Они верили в сверхъестественное послание, которое говорило им, что они являются гражданами небесного царства, что этот мир скоро придет к концу, и начнется

новое царство, видимое царствование Бога на земле. Какой интерес они могли еще иметь к мирским делам или к государству? Однако государство не было для них просто предметом безразличия. Поскольку оно защищало идолопоклонников и насаждало поклонение идолам, оно, очевидно, находилось под влиянием демонов; и, будучи самой сильной опорой многобожия, явно было главной резиденцией дьявола. Весь мир «лежит во зле», и государство не менее. Между церковью и государством, между Христом и Вельзевулом не могло быть никакого общения. Таков, например, дух, в котором Иоанн написал свое *Откровение*.

Но с самого начала это простое и уверенное мнение было опровергнуто в умах многих христиан другими мнениями, которые казались не менее верными: например, (1) это же государство, во главе с императором, наказывает злодеев и пресекает несправедливость в бесчисленных случаях; (2) это же государство нередко защищает христиан, друзей Бога, от вспышек жестокой ненависти со стороны безбожного народа иудеев; (3) разрушением Иерусалима и храма это же государство исполнило приговор, вынесенный иудейскому народу пророками и Христом, и отомстило ему за смерть Христа; (4) Иисус и его апостолы не позволяли людям восставать против государства, а скорее повелевали им повиноваться ему и добровольно подчиняться налагаемым им наказаниям: более того, апостолы фактически повелевали людям молиться за императора и назначенных им магистратов.

Таким образом, ранние христиане занимали аномальное положение по отношению к государству: с одной стороны, они считали его главным местом обитания демонов, а с другой — «служителем Бога»; они ненавидели его и молились за него; они умоляли Бога, чтобы «этот мир прошел», и молились о продолжении власти императора. Это было так, как будто им было велено попеременно принимать разные точки зрения. Они также, должно быть, с переменными чувствами наблюдали за расширением империи на «весь мир». Когда они увидели, как после Августа один правитель почитался на земле и прославлялся как царь и спаситель, да, как Господь и Бог, когда их вели на смерть за то, что они не поклонялись его образу, как они могли не прийти к выводу, что здесь открылась тайна греха и сатана воссел на престол Бога? И все же, с другой стороны, разве это правление единого монарха на земле не было прообразом правления Бога на небесах, благословенного соединения всех людей в одном теле, победы над разделениями и враждой между народами?

А как насчет культуры этого же государства с его предписаниями, учреждениями и обычаями? На первый взгляд все это казалось предосудительным, поскольку везде было проникнуто идолопоклонством, и не в последнюю очередь в философии и литературе. «Не дайте себя соблазнить философии» — таков был лозунг христиан; более того, люди пошли еще дальше, заявив, что христианину не нужны поиски и знания; в своей религии он обладал всем и держал ключ к разгадке загадок мира. Он должен был запереть свой разум в тюрьме и презирать знания язычников; он должен был читать Священное Писание, но не мирские книги. И все же, разве эти же знания не учат тому же, чему учит религия? Разве в Сократе, Платоне и поэтах можно было найти только ложь? Более того, разве нет естественного познания Бога, естественного понимания истины, и разве каждая душа не получила искру вечного света? Разве она не получила от Бога знание, свободу и бессмертие? Или это ложные учения? Но если они ложные, как можно привести людей к Богу? А если это не ложь, то человек должен читать и изучать то, что написали поэты и философы, и изучать внутреннюю жизнь, чтобы научиться познавать душу и видеть, что даровал ей Бог-творец.

Таким образом, и здесь мы снова имеем колеблющееся «да» рядом с бескомпромиссным «нет». То, что только что казалось тьмой, противостоящей свету, в другом аспекте предстает как слабый свет — нет, как ранний сумрак перед восходом солнца. Тем не менее, в течение первых двух или трех поколений дух отрицания был на подъеме. Мы можем только видеть,

что в сердце вещей были скрыты зародыши, предназначенные для изменения мнения. Религия, которая утверждает, что она не национальная, а универсальная, не может постоянно занимать полностью отрицательную позицию по отношению к истории человечества, равно как и не может упорно признавать свою собственную предварительную историю только в узких рамках истории нескольких пророков или одной маленькой нации. Павел, великий апостол язычников, учил, что Бог повсюду проявлял свое существование и свою волю, и в моменты высокого вдохновения и радости провозглашал своей маленькой пастве обращенных братьев: «Все ваше».

II

Во втором веке существования христианских общин (около 130-230 гг.) повсеместно прослеживается тенденция к примирению с государством и обществом. Я продемонстрирую это в отношении (1) конституции и организации общин; (2) их жизни; (3) их учения; (4) их литературы; (5) их формы поклонения; и (6) их оценки государства.

(1) Уже в 140 году большинство христианских общин имели систему управления, значительно отличавшуюся от их первоначальной организации. Вопрос о том, как она возникла, мы здесь рассматривать не можем. Она представляет собой сочетание монархического и коллегиального управления. Во главе общины стоял епископ, а рядом с ним — коллегия пресвитеров, в некоторых случаях равных ему по положению, а в других — его подчиненных; помощниками и исполнителями были диаконы. Обязанности и права этих священнослужителей распространялись на вопросы дисциплины, финансового управления, заботы о душах и помощи бедным, учения и публичного богослужения. Должностные лица избирались общиной, но, тем не менее, составляли высший класс, который с каждым десятилетием все больше и больше брал на себя опеку над «мирянами». Таким образом, из общины, в которой должны были господствовать только «Дух» и братская любовь, возникла юридически учрежденная община с постановлениями, во многих пунктах аналогичными постановлениям муниципального управления. Община приобретала имущество и управляла им; должностные лица под надзором епископа заботились о нуждающихся; и, наряду с надзором за дисциплиной, она осуществляла определенную юрисдикцию в семейных делах.

Но уставная организация не ограничивалась отдельным сообществом; различные сообщества одной провинции объединились в более тесные узы и образовали более крупную конфедерацию (). Возникли провинциальные синоды, соответствующие сейму провинций, которые собирались один или два раза в год и рассматривали вопросы, представляющие общий интерес, под руководством президента (митрополита). Но даже этого объединения было недостаточно. С самого начала христиане осознавали свою принадлежность к одному великому и святому сообществу, к одному всеобщему братству. Воспринимаемое в первую очередь как нечто идеальное и сверхъестественное, оно, тем не менее, поддерживалось сильными и живыми убеждениями, и на этом этапе была сделана попытка воплотить его на земле. Внешние условия были благоприятны для этого; христианское учение приняло много форм, многие из которых казались весьма сомнительными в глазах епископов и большинства церкви, и поэтому они хотели определить свою позицию в противовес этим «псевдохристианам». Поэтому после конца II века большое количество общин на Западе и Востоке объединились в единую конфедерацию и вскоре заявили, что только те, кто принадлежал к этой конфедерации, единой Святой Католической церкви, были настоящими христианами. В начале III века уже существовала не только небесная церковь — дети Бога, разбросанные по всему миру и ожидающие откровения царства, гражданами которого они были, — но и видимая церковь, простиравшаяся от Евфрата до Испании, основанная на строгих законах и постановлениях и,

таким образом, представлявшая собой политическую организацию в пределах, которые примерно совпадали с границами Римской империи.

Благодаря этому развитию церковь приблизилась к государству — сначала, правда, как его соперник, но соперники могут стать друзьями. Решающим фактором было то, что христианство приняло определенную политическую форму.

(2) Христианская жизнь должна была быть «незапятнанной от мира». Большинство христиан первоначального периода интерпретировали это как означающее, что они должны как можно меньше иметь дела с «миром». Это не было сложной задачей, поскольку большинство из них были людьми скромного положения, поведение которых практически не подвергалось внешнему контролю, если только они выполняли требуемую от них тяжелую работу. Немногие из них были «в обществе», и поэтому не имело значения, какую религию они исповедовали или какой образ жизни вели.

Однако постепенно ситуация изменилась, и миссионерская деятельность привлекла в церковь людей всех сословий. Уже во времена правления Адриана и Антонина Пия христиане были многочисленны во всех слоях общества, даже среди чиновников, ученых, аристократов и богачей. Вопрос о том, какое отношение следует принимать к миру, который до сих пор был сложной проблемой только в отдельных случаях, теперь стал актуальным для всего общества. Кроме того, государственная полиция и общественность (особенно толпа) стали уделять христианству гораздо больше внимания, чем раньше. Любой человек, открыто исповедовавший христианство, подвергал себя большой опасности, даже смерти. Что должна была делать церковь? Должна ли она была сказать верующим: «Вы должны исповедовать свою веру при любых обстоятельствах и избегать любого, даже самого поверхностного, контакта с идолопоклонством»? Последствия были очевидны: солдат был бы вынужден покинуть свою службу, поскольку на его мундире был языческий символ; магистрат должен был бы уйти в отставку, поскольку не мог протестовать против поклонения императору; учитель должен был бы прекратить преподавание, поскольку не мог избежать мифологических тем; плотник должен был бы бросить свое ремесло, поскольку не мог работать на крыше храма; ювелир, столяр, купец — все они рисковали пособничать идолопоклонству. Строгие члены общин действительно настаивали на том, что каждый христианин должен отказаться от своего призвания, если оно подвергает его риску даже самого отдаленного контакта с идолопоклонством. Тертуллиан прямо выдвигает это требование в своей брошюре «*De Idololatria*» и не дает себя сбить с толку ответом: «Мы умрем от голода». — «Кто обещал вам жизнь?»

Но подавляющее большинство христиан, и в первую очередь их лидеры — епископы, решили иначе. Человеку было достаточно хранить Бога в своем сердце и исповедовать Его, когда открытое исповедание требовалось магистральной властью — было достаточно воздерживаться от фактического идолопоклонства; в остальном христианин мог заниматься любым честным ремеслом, мог в процессе его осуществления вступать в контакт с внешними проявлениями идолопоклонства и должен был вести себя осторожно и осмотрительно, чтобы не осквернить себя и не навлечь преследования на себя и других. Церковь повсеместно приняла эту позицию после начала III века; и государство таким образом обогатилось множеством мирных, законопослушных и сознательных граждан, которые, далеко не создавая ему препятствий, были опорой порядка и мира в обществе. Тот факт, что христиане отличались высокой нравственностью, был признан Галеном, известным врачом, еще во времена правления Марка Аврелия. Таким образом, отказавшись от своей позиции бескомпромиссного неприятия «мира», церковь превратилась в силу, способствующую общественному порядку.

(3) В христианском учении, если рассматривать его по существу, не было ничего, что представляло бы опасность для государства или могло быть признано им опасным, за исключением его исключительности. Высказывания христиан о Христе, их «царе», действительно могли звучать революционно, но тот факт, что они были безвредны, скоро стал очевиден для всех наблюдателей. Не то, чему учило христианство, а то, что оно исключало — терпимость к другим религиям и поклонение императорам — вызывало обоснованные возражения. В остальном христианская доктрина, так сказать, показывала двойное лицо грекам и римлянам. Ее учение о Боге, мире, творении, божественном провидении, бессмертии, свободе, достоинстве и ответственности человека было одновременно возвышенным и сродни самым высоким интуициям уважаемых философов древности; но в него было вплетено многое, что звучало для них как миф или басня, или казалось отвратительным. Такой, прежде всего, была история Христа (его рождение от девы, чудеса, распятие и вознесение). Обычные христиане делали упор на последний элемент, и поэтому их религия казалась «странной», абсурдной и полной лжи. Однако после времени Адриана появились люди, которые истолковали и выдвинули на первый план философско-религиозный элемент в христианстве, в частности монотеизм, и пытались устранить возмущение, вызванное историей и поклонением Христу, представляя его как телесное проявление *Логоса*, существование и действие которого признавалось многими греками. В то же время они стремились заставить своих противников принять факты его истории, демонстрируя, что они являются исполнением пророчества; ибо то, что было предсказано, осуществляется самим Богом, и человеческая критика должна молчать перед этим.

В течение второго века христианское учение не утратило своей своеобразности, но все больше и больше ассимилировало идеи греческой философии и тем самым становилось более понятным. В начале третьего века великий греческий философ свидетельствовал об Оригене, самом выдающемся учителе церкви, что в отношении Бога и мира он мыслил как грек; философ только сожалел о смешении чуждых мифов. Когда этот же Ориген приглашается прочитать лекцию о бессмертии перед царицей-матерью в Антиохии, когда другой доктор церкви переписывается с императрицей по религиозным вопросам, а император Александр Север с восхищением и вниманием слушает слова Христа, мы не можем не заметить, как «доктрина» постепенно становится связующим звеном между эллинизмом и христианством. Такой факт не мог не иметь последствий для отношений между государством и церковью, поскольку ни одно государство не может постоянно сохранять враждебное отношение к духовному движению, которое высоко ценится большей частью его граждан.

(4) В этой связи нельзя игнорировать и литературу. Христианство никогда не было полностью лишено литературы, более того, с самого начала оно обладало литературным произведением высочайшего ранга в Ветхом Завете, которое оно узурпировало. Но его право собственности оспаривалось евреями и язычниками, и, кроме того, ранние христиане производили впечатление неграмотных людей. Это делало их притязания необычайно самонадеянными и неоправданными. Но в начале II века произошли изменения: христиане, которые сначала не хотели иметь ничего общего с искусством письма — зачем писать, если конец близок? — начали использовать этот метод.

Еще в первом веке для назидания прихожан были составлены краткие сочинения, евангелия, послания и апокалипсисы, но, будучи рассматриваемыми как *памятные вещи*, чтобы сохранить правду в памяти, и в некоторой степени как дар Святого Духа, они отличались по плану и стилю от того, что было известно как «литература». Теперь же начали появляться произведения, в которых христианство было облечено в одежды литературы. В период между 140 и 170 годами небольшая христианская партия, известная

как гностическая, вдруг начала использовать все литературные формы: научные монографии, комментарии, систематические изложения, научные диалоги, дидактические послания, полемику, исторические описания, романы, рассказы, оды, гимны и т. д. Великая церковь, менее склонная к изменениям и более осторожная, уступала место этому развитию медленно и нерешительно. Она полностью осознавала свою ответственность; она не была слепа к скрытой опасности — опасности осквернения религии; тем не менее, она постепенно признавала одну литературную форму за другой, пока в начале III века у нее тоже не появилась христианская литература со всеми средствами выражения, которые создали греческое искусство и наука. Но тот факт, что она была таким образом оснащена литературными формами, не мог не оказать влияния на отношения между государством и церковью, поскольку ни одно государство не может продолжать считать движение, которое взяло на вооружение литературу, незначительным явлением. Посредством литературы оно влияет на все политические условия, и в той мере, в какой государство само является проводником культуры, а не только закона и власти, такое духовное движение становится его частью по самому факту своего литературного существования.

(5) Хотя публичное богослужение по сути своей является эзотерическим и частным делом любой конкретной религии, тем не менее мы должны здесь принять во внимание его развитие. До тех пор, пока христианское богослужение состояло только из домашних молитв, грубой псалмопения и проповеди, а также простого празднования таинства Вечери Господней, оно настолько сильно отличалось от других форм богослужения, что противники христианства вообще не считали его богослужением. Некоторые греки, правда, были впечатлены этим чисто духовным богослужением, но большинство презирало его. Они не видели образов и, следовательно, приходили к выводу, что христиане были «атеистами»; они не видели священников и считали, что их богослужению не хватало законной власти, торжественности и достоинства; они не видели жертвоприношений и, следовательно, сомневались в их эффективности в отношении Божества. Многие из них считали, что христиане имеют другие религиозные обряды, которые они тщательно скрывают от других людей, и что там они совершают тайные «сакраменты», устраивают дикие оргии и пируют на ужасных банкетах. На самом деле, было несколько небольших христианских общин, которые тайно практиковали злые обряды. Но вряд ли именно они стали причиной гнусных клеветнических высказываний в адрес всех христиан; скорее всего, они возникли из-за злой тенденции, распространенной во все времена, считать приверженцев чуждой веры людьми, ведущими порочный образ жизни, и говорить о них и их собраниях самое худшее, что только можно сказать. Народ считает любую религию, которая отличается от его собственной и которую он не понимает, поклонением дьяволу.

Это представление о христианском богослужении не претерпело больших изменений во II веке, но к концу этого периода появились первые признаки перемен, и развитие христианского богослужения пошло навстречу этим переменам. В богослужении произошли три больших изменения, которые приблизили его к пониманию греко-римского ума: (1) после 190 года в христианской церкви появился отдельный класс священников (под этим названием); (2) Вечеря Господня была преобразована в торжественный жертвенный обряд; (3) Вечеря Господня и некоторые другие акты публичного поклонения были наделены ореолом таинственности. Благодаря этим изменениям, которые можно объяснить бессознательным влиянием окружающего мира, христианское богослужение приблизилось к обрядам греков и римлян. Правда, отсутствие поклонения изображениям по-прежнему отличало их, но не было недостатка в изображениях святых и символах святых вещей. Уже тогда вокруг сакраментальных элементов, воды крещения, знака креста и т. д. начало развиваться суеверие, не уступающее по своему размаху языческим фантазиям, и чувственный элемент неуклонно посягал на духовный. Эти изменения также не могли не

оказать определенного, хотя и косвенного влияния на отношения между государством и церковью: христианская религия приспособилась к условиям, в которых она могла действовать в максимально широком кругу, и в процессе этого изменила свою исключительность, которую она была решила сохранить.

(6) Но, пожалуй, наиболее примечательным моментом является то, что, несмотря на гонения, в течение II века христианское отношение к государству стало более благоприятным — конечно, не во всех кругах, но среди наиболее влиятельных учителей. Правда, подозрение, что Римская империя была царством антихриста, никогда полностью не исчезло и по-прежнему время от времени всплывало на поверхность; но череда замечательных императоров — Траян, Адриан, Пий и Марк Аврелий — произвела глубокое впечатление на христиан, а всемирная монархия, основу которой заложил Август, носила вид мира и, следовательно, исполнения божественной воли. Юстин был убежден — как и Тертуллиан — что «добрые» императоры не могли быть и не были враждебны христианам; оба верили, что только злые люди были настоящими противниками христианской религии и что для того, чтобы императоры проявили терпимость к их вере, требовалась лишь более полная информация. Возможно, что даже Лука смутно ощущал некую солидарность между империей и христианством, между Августом и Христом; апологеты эпохи Антонинов были более решительны в своих высказываниях, и самым решительным из них был епископ Мелит Сардийский. В *«Апологии христианства»*, посвященной Марку Аврелию, он пишет:

«Наша философия действительно сначала процветала среди чужого народа. Но когда она начала процветать в провинциях твоей империи под правлением твоего могущественного предшественника Августа, она принесла твоей империи богатые благословения необыкновенным образом. Ибо с тех пор Римская империя все более возрастала в величии и славе, и ты являешься и будешь желанным правителем ее, как и твой сын, если ты будешь защищать эту философию, которая зародилась при Августе и росла вместе с ростом империи, и которую твои предки также почитали среди других религий. И самым веским доказательством того, что наша религия возникла вместе с монархией, так счастливо начавшейся и приносящей ей пользу, является тот факт, что со времени правления Августа последняя не была поражена никаким бедствием, а напротив, все только усилило ее славу и величие, в соответствии с желаниями всех людей. Единственными императорами, которые, увлеченные злыми людьми, стремились очернить нашу религию, были Нерон и Домициан, и со времен их правления клеветнические ложные слухи о христианах распространялись за границей по злему обычаю простого народа, который верит всем слухам без проверки».

Мы читаем эти слова с изумлением, ибо они подразумевают не что иное, как утверждение, что империя и христианская религия являются родственными институтами. Сам Бог, как учит этот епископ, соединил их, ибо он создал их одновременно, как братьев, так сказать; и христианству принадлежит величие и слава монархии! Конечно, мы не должны забывать, что это слова апологета, причем азиатского апологета, а поклонение императору процветало в Азии больше, чем где-либо еще; но тот факт, что он зашел так далеко в своих смелых и лестных исторических спекуляциях, в высшей степени примечателен. «Бог», «Спаситель», «Князь мира» — такие титулы присваивались императору в Азии, и его появление там называли явлением Божества. Отсюда Мелит сделал вывод, что между императором и Христом, к которому применялись те же титулы, существовала «предварительно установленная гармония». Его «философия истории» была предзнаменованием будущего.

Мы видели, что вплоть до правления императора Александра Севера церковь приближалась к государству по всем направлениям развития, но в практической жизни они по-прежнему

были далеки друг от друга. Государство твердо придерживалось мнения, что по принципу невозможно проявить терпимость к нетерпимой христианской религии, хотя многие правители и некоторые императоры молчаливо ее терпели, а церковь была еще далека от того, чтобы серьезно отнестись к идее Мелитона.

III

В течение семидесяти лет, прошедших между смертью императора Александра Севера и восхождением на престол Константина, дела церкви продолжали развиваться в том же направлении, что и в предыдущем столетии. Я снова докажу это, опираясь на (1) ее устройство, (2) жизнь, (3) учение, (4) литературу, (5) богослужение и (6) ее оценку государства.

(1) Политическая организация церкви достигла своего полного развития, и в результате образовалась настолько стабильная, однородная и всеобъемлющая структура, что ни одна другая ассоциация в империи не могла с ней соперничать. В то время как структура государства становилась все более рыхлой, и отдельные ее части начинали проявлять признаки распада, здание церкви становилось все более прочным и крепким. Епископы, как преемники апостолов, повсеместно сосредоточили власть в своих руках и подавили все другие формы власти; церковь стала епископальной церковью. Но епископы были не только объединены между собой провинциальными синодами, они поддерживали активную и тесную переписку по всей империи с помощью писем и посланников, и даже в это время все важные вопросы решались по общему согласию. Если мы сопоставим провинциальные синоды с сеймами провинций, то организация церкви продвинулась на шаг вперед по сравнению с последними. Уже во второй половине III века в Риме проводились синоды, на которые съезжались епископы со всех концов Италии, а за шестьдесят лет до Никейского собора в Антиохии состоялся синод, на который стекались епископы из всех стран между Халисом и Нилом. Таким образом, епископальная конфедерация, правившая христианскими общинами, была государством в государстве. Этот факт не мог быть скрыт от главы государства. При Максимине Фраке епископы несли на себе всю тяжесть преследований; Деций, как сообщается, сказал, что он скорее потерпит соперничающего императора в Риме, чем христианского епископа; а преследования Галла, Валериана, Диоклетиана, Галерия и Максимиана Дазы были направлены в первую очередь против епископов. Галлиен и Аврелиан направили письма епископам, первый — египетским, второй — сирийским, и тем самым ясно дали понять, что они хорошо осведомлены об авторитетной позиции епископов в церквях.

Более того, Аврелиан ценил значение епископата, центром которого был Рим, как консервативного и патриотического элемента в государстве; поскольку, когда в Антиохии разгорелся спор о том, какой церковной партии по праву принадлежат церковные здания и, следовательно, церковное имущество, он проигнорировал теоретические ограничения церкви перед законом и решил, что владение принадлежит той партии, которая «ведет переписку с епископами Италии и города Рима». То есть он уже использовал церковь для укрепления римского духа на Востоке. Но какое право он имел вмешиваться? Вот какое: спорящие стороны в церкви сами обратились к нему с просьбой разрешить их спор. Таким образом, за сорок лет до времени Константина церковь обратилась к императору с просьбой выступить арбитром в вопросе канонического права, и император практически признал существование церкви и ее значение как опоры имперской власти.

Если в дополнение к этому мы учтем, что церковь уже владела зданиями, землей и имуществом во всех провинциях империи; что духовенство, по крайней мере в крупных городах, было очень многочисленным и представляло собой строго организованную

иерархическую структуру; что с их помощью епископы руководили и контролировали все дела общин вплоть до мельчайших деталей; что каждая община была также эффективной организацией по оказанию помощи бедным; и, наконец, что во многих провинциях сельские районы были покрыты плотной сетью провинциальных епископств и приходов, мы уже не будем удивляться тому, что даже император Александр смотрел на систему церковного управления с завистью.

Гражданская и военная система империи приходила в упадок, легионы были постоянными очагами революции, генералы — прирожденными претендентами на престол; но *milites Christi* повсюду были объединены в компактные отряды и, хотя среди этих войск могли преобладать многие внутренние разногласия, они противостояли государству как единая армия. У государства не было иного выбора, кроме как попытаться уничтожить эту армию, как хотели сделать Деций, Валериан, Диоклетиан и Максимин Даза, или вступить с ней в союз, как сделал Константин. После середины III века политика *laissez-aller* или слабой терпимости стала невозможной. Церковь, по-видимому, также была сильна численно, хотя этот вопрос еще не был исчерпывающе изучен. Еще в 251 году римский епископ Корнелий писал: «Помимо одного епископа, в Риме есть сорок шесть священников, семь диаконов, семь иподиаконов, сорок два аколита, пятьдесят два экзорциста, чтецы и остиарии, а также более полутора тысяч вдов и нуждающихся, всех которых поддерживает милость и доброта Господа».

(2) В последние десятилетия III века христианская жизнь практически слилась с мирской. Христиане, желавшие жить отдельно от мира, становились членами особого сословия, аскетами, или уходили в пустыню; остальные, *то есть* подавляющее большинство, примирились с миром. Не было такого класса, от сенаторов до ремесленников, в котором не было бы христиан, и в каждом классе они выполняли обязанности своего положения. Конечно, они были обязаны избегать определенных профессий (*например*, муниципальных должностей, которые были слишком тесно связаны с «идолопоклонством», театральной профессией и т. д.), но предостережения и наказания, которые были обнародованы и осуждены за нарушение этих запретов, показывают, что они не всегда соблюдались. Некоторые факты, такие как то, что в 255 году христианский епископ в Испании был одновременно членом языческого общества и похоронил своих детей на кладбище этого общества; что сирийский пресвитер был директором императорской фабрики по производству пурпурной краски в Тире; что митрополит Антиохии был *дуценарием*; что немалое число священнослужителей занималось торговлей и ездило на ежегодные ярмарки — дают нам ясное представление о слиянии христианской жизни с жизнью мира. И очень показательным, что Ориген в своей брошюре против Цельса проводит сравнение между христианскими и муниципальными общинами, чтобы подчеркнуть моральное превосходство первых, и просто требует признания их превосходства. То есть он настаивает только на разнице в степени и воздерживается от противопоставления христианских общин муниципальным общинам, как света тьме.

Таким образом, христианство больше не было отделено от «мира» в практической жизни, как ясно показывали все гонения, поскольку поначалу число отступников всегда превышало число исповедников. Христиане только набирали силу по мере продолжения гонений. Они практически перестали быть «исключительными», за исключением вопросов религии в строгом смысле этого слова. Почему государство не должно было их терпеть? Злобные нападки на их нравственный облик утихли. Разве не было безумием со стороны правительства продолжать преследовать людей, которые были более сознательными и мирными гражданами, чем многие другие, и не нарушали организацию и

функционирование общественной жизни? Если они не хотели отказываться от своей эксклюзивной веры, то правительство должно было дать им разрешение ее исповедовать — выход из сложной ситуации, настолько простой, что он был бы принят задолго до времени Константина, если бы христиане, со своей стороны, не выдвинули определенные условия. Их Бог должен был быть не просто терпимым, он должен был единолично царствовать в сфере веры. С миром они уже пришли к соглашению.

(3) Что касается доктрины, то поразительные труды Оригена привели подготовительную работу ранних христианских теологов к своеобразному завершению на Востоке; на Западе доктрина и наука никогда не играли более чем второстепенную роль. Ориген превратил доктрины христианства в религиозную систему, которая могла соперничать с системами неоплатоников и сражаться с ними на равных. Его школы в Александрии и Кесарии посещали даже языческие юноши и продолжали процветать после его смерти; его ученики и их ученики занимали епископские кафедры в самых важных городах. Христианство больше нельзя было считать религией для механиков, рабов и старух. Христианская «мифология», которая вызывала столько возмущения, на самом деле не изменилась, но была одухотворена благодаря применению аллегорического метода. В этой форме большинство философов и людей культуры нашли ее приемлемой, поскольку они были привыкли использовать аллегорический метод в интерпретации своих собственных религиозных традиций и преобразовывать низменные образы и отталкивающие рассказы в возвышенные концепции и историю идей. Даже торжественное исповедание Иисуса Христа было выражено философскими епископами так, что звучало как краткая философская диссертация.

Строго говоря, было только три момента, в которых христианское вероучение существенно отличалось от неоплатонического, которое тогда было на подъеме: первое учило о сотворении мира во времени, воплощении *Логоса* и воскресении плоти; второе отвергало все эти три доктрины. Тем не менее ученики Оригена понимали эти теологические положения таким образом, что утверждение было очень похоже на отрицание, и они объединились с неоплатониками в их борьбе с дуалистическо-пессимистической философской школой. Христианская философия находилась в центре интеллектуального движения, и поэтому было странным анахронизмом, что государство пока не могло заставить себя поставить тех, кто ее исповедовал, наравне с другими гражданами.

(4) Литература, создаваемая и читаемая христианами, к этому времени практически не отличалась от литературы в целом. Она отличалась только названием; дух был тот же, если не брать во внимание тексты Священного Писания, которые христиане вплетали в свои книги. Легенды об апостолах и мучениках заняли место старых рассказов о богах и героях и переняли от последних все элементы вымысла, которые могли им пригодиться. Формы эпистолярной и литературной переписки уже получили полное признание среди христиан; их посвящения, сюжеты, названия и заголовки были такими же, как и в языческой литературе. В связи с этим мы обращаем особое внимание на то, насколько церемонными стали «братья». Наконец, образованные христиане были знакомы со всем корпусом светской схоластической литературы, черпали из нее свою культуру и использовали ее в качестве примеров и цитат. Побег христианской литературы был привит на ствол эллинизма, и его сок текла по новой ветви.

(5) Что касается публичного поклонения, мы отмечаем следующие изменения в течение шестидесяти лет до времени Константина. Во-первых, ритуал стал более торжественным и таинственным; молитвы — более выверенными и риторическими; символы и символические действия умножились; во-вторых, усилилась тенденция идти на встречу политеистическим наклонностям, которые влияли на христианские массы. Об этом

свидетельствует, с одной стороны, постоянно растущее значение, придаваемое «посредникам» (ангелам, святым и мученикам) как в публичном богослужении, так и в частной жизни; а с другой стороны, «натурализация» и дифференциация религиозных обрядов по образцу языческих церемоний. Наблюдатель, смотревший на христианское богослужение около 300 года, вряд ли понял бы, что эти христиане были монотеистами и гордо провозглашали свой монотеизм и духовное поклонение. За исключением кровавых жертвоприношений, они переняли почти все части и формы языческих ритуальных церемоний; и, по сути, кровавые жертвоприношения не отсутствовали, поскольку смерть Христа и празднование Вечери Господней рассматривались в материалистическом ключе как кровавые жертвоприношения. Они любили ссылаться на Ветхий Завет, чтобы оправдать нововведения, и благодаря этой ссылке почти вся языческая система поклонения могла быть втянута в церковь.

Часовни были посвящены ангелам, святым и мученикам и украшались во время их праздников; появилась привычка спать в церквях или часовнях в ожидании святых снов или чудесных исцелений; праздничные дни умножались и все больше дифференцировались; суеверные церемонии, обычно связанные со святым крестом или освященным хлебом, вплелись в обыденную жизнь; не обходилось и без заклинаний во имя Иисуса или святых людей, и даже амулетов; устраивались поминки и банкеты в честь умерших; собирались и почитались мощи святых и т. д. Чего еще не хватало, чтобы завершить аналогию с языческими культами? Разве мудрый римский государственный деятель не был обязан признать, что эта церковь, с принятой ею формой божественного поклонения, удовлетворяла все религиозные потребности? И как же он мог не пожелать, чтобы бессмысленное состояние войны, царившее между государством и церковью, прекратилось? Монотеистическая форма учения в сочетании с таким разнообразным поклонением, настолько приспособленным к любым потребностям — лучшего устройства и придумать было невозможно.

(6) При рассмотрении оценки церкви в отношении государства следует обратить внимание на два важных момента. Во-первых, мы отмечаем, что христиане теперь начали заявлять, что те императоры, которые не проявляли активной враждебности по отношению к церкви или чья личная набожность имела некоторое сходство с набожностью христиан, на самом деле были тайными христианами. Епископ Дионисий Александрийский (около 260 г. н. э.) лишь повторяет широко распространенное мнение, когда заявляет, что Александр Север и Филипп Арабский были христианами; о Филиппе даже сообщалось, что однажды он совершил покаяние по велению епископа.

Такие легенды красноречивы; они раскрывают смелые желания христиан и показывают, что они больше не считали империю и христианство несовместимыми. Это также очевидно из того факта, что тот же Дионисий не стесняется применять мессианское пророчество из Ветхого Завета к императору Валериану. Галлиен отменил указ своего отца о преследовании христиан, и Дионисий поэтому применяет к нему пророчество Исаии и, кроме того, называет его «нашим освященным императором, угодным в глазах Бога». Именно такими словами христианские епископы описывали Константина шестьдесят лет спустя. Во-вторых, важным признаком перемен является то, что Ориген в своем великом труде против Цельса, написанном в конце своей жизни, во время правления императора Филиппа, выразил надежду, что благодаря постепенному прогрессу христианство достигнет победы в этом мире. Это прямо противоположно тому, во что верили и на что надеялись первые христиане. Ориген не смог бы выразить это ожидание словами, если бы, несмотря на все различия, которые все еще существовали между государством и церковью, эти две великие силы не приблизились бы значительно друг к другу. В сущности, единственным вопросом было

устранение «недоразумений»; на самом деле, ничто не препятствовало заключению мира, кроме требования церкви не простой терпимости, а исключительного признания.

IV

На предыдущих страницах мы показали, как церковь по мере своего развития сближалась с государством; теперь остается только указать, как во II веке, и еще в большей степени в III веке, государство со своей стороны сблизилось с христианской религией и церковью. Я ограничусь несколькими наводящими на размышления указаниями.

(1) В имперский период римское государство не оказывало реального влияния на религиозную жизнь граждан своих владений, за исключением поклонения императорам; другие римские культы имели лишь местное значение и постоянно оттеснялись на второй план чуждыми религиями. В этих условиях государство предприняло попытку превратить поклонение императору в фактическую всеобщую религию империи. Однако проникательные государственные деятели и религиозные политики были вынуждены признать, что этого культа, поклонения *secunda majestas*, было недостаточно. Соответственно, государство прибегло к уловке официального признания как можно большего числа чужеземных религий (фактически, оно было вынуждено признать их), чтобы эти чужеземные религии не становились преградой между ним и его подданными. Таким образом, в империи постепенно возникла смесь и разнообразие религий, которые сбивали с толку и делали невозможным проведение разумной религиозной политики.

Единая, новая, универсальная религия была насущной потребностью того времени. Казалось, что эту потребность можно было удовлетворить различными способами. Элагабал, Александр Север и Максимин Даза были императорами, которые пытались проложить новый путь до времени Константина. Элагабал хотел сделать это, возвысив одного сирийского божества до положения верховного бога империи и отдав подчиненное место всем другим культам; Александр — пытаясь обнаружить общий элемент во всех религиозных доктринах и формах поклонения и объединив их в мирном союзе (поскольку все они, в сущности, означают одно и то же); Максимин Даза — путем введения правил для административного объединения всех религий и культов одной провинции под руководством одного верховного жреца, назначаемого государством, и для контроля над этими жрецами со стороны гражданского правительства. Все это были попытки создать новую церковь, причем церковь государственную, и все они должны рассматриваться как предварительные шаги к достижению Константина.

В случае Элагабала и Александра наблюдалась определенная склонность к монотеизму; в первом случае — к восточному монотеизму. Диоклетиан, действительно, еще раз попытался заставить старую римскую религиозную систему служить этой цели; но поскольку он поставил политическое управление и правительство империи на совершенно новую основу и ввел новую восточную и деспотическую систему после распада древнего государства, его реакционная религиозная политика была серьезной ошибкой. Она была обречена на полный провал — новое государство не могло опираться на скудные основы старых культов, и Константин, ставший свидетелем его краха, сделал из этого единственно верный вывод. Новой основой государства должна быть монотеистическая религия — восточный монотеизм. Этого научил нас III век.

(2) Римское государство приблизилось к христианству и церкви благодаря постоянному процессу выравнивания изнутри и преобразованию из римского государства в государство провинций. Каракалла предоставил права римского гражданства жителям всех провинций; влияние старой римской аристократии неуклонно снижалось, государство стало

действительно космополитичным. Но церковь была столь же космополитичной; в действительности, христианство было единственной по-настоящему универсальной религией. Оно не было связано с иудаизмом, как религия Ветхого Завета, ни с Египтом, как поклонение Исиде, ни с Персией, как поклонение Митре; оно освободилось от всех национальных элементов. Поэтому каждый шаг, которым государство теряло что-то от своего исключительно римского характера, приближал его к церкви.

(3) Законодательство, начатое Нервой и Траяном и продолженное Антонинами и императорами первой половины III века под руководством великих юристов, ознаменовало огромный прогресс в области права. Стоические идеи «прав человека» и проникновение морали в право были введены в законодательство и реализованы в бесчисленных благотворных постановлениях. Таким образом, государство пошло навстречу чувству, которое преобладало в церкви как вопрос принципа. К началу IV века в римском гражданском праве осталось лишь несколько моментов, к которым церковь (которая, надо признать, несколько снизила свои моральные стандарты) могла справедливо высказать возражения, а многие другие, напротив, она приветствовала с радостным одобрением. Таким образом, развитие римского права следует признать предварительным шагом к слиянию государства и церкви.

(4) На первый взгляд кажется, что после середины III века государство относилось к церкви гораздо более враждебно и поэтому было гораздо менее способно ценить ее, чем в предыдущую эпоху. Но хотя верно, что систематическое преследование церкви впервые началось при Декии, вывод о том, что государство не могло ценить церковь, на самом деле несостоятелен. Скорее, гонения Деция и Валериана доказывают, как уже было сказано ранее, что эти императоры более четко, чем их предшественники, осознавали опасность, которую существование церкви представляло для старой политической системы. Соответственно, они пытались искоренить церковь, как это делал соправитель Диоклетиана. Но эти попытки следует рассматривать как отчаянные и (за исключением последней) недолговечные эксперименты. В первые годы правления Валериана и с 260 по 302 год церковь пользовалась почти абсолютным миром в империи; и, прежде всего, императорское правительство признавало важность епископов и церковной иерархии. Это доказывается не только преследовательскими эдиктами, но, как было сказано выше, мирными действиями. Галлиен и Аврелиан писали письма епископам, а последний даже пытался мирными средствами использовать их влияние для укрепления римского господства; более того, Максимиан Даза фактически пытался скопировать конституцию церкви и организовать языческую систему поклонения по аналогичному образцу. В этих условиях было гораздо проще объединить иерархию самой церкви с государством, чем предпринимать подобные попытки. Деспоты давно осознали, что сила церкви заключалась в иерархии. Соответственно, как только Константин принял решение в пользу христианства, он объединился с епископами. Он не только объединился с ними, но и оказал им честь и предоставил им привилегии, поскольку был заинтересован в обеспечении их власти для государства. Его успех был незамедлительным: иерархия поставила себя — можно сказать, без оговорок — в его распоряжение, как только он установил крест на своем знамени. Таким образом, государство в государстве было упразднено; самая сильная политическая сила, существовавшая в то время, а именно церковь, стала краеугольным камнем государства. Обе стороны, император и епископы, были одинаково довольны; история редко фиксирует подобные мирные соглашения, в которых обе стороны, заключающие договор, взрываются радостью. И обе стороны были полностью оправданы в своей радости, потому что то, к чему медленно готовился путь, теперь стало явным: империя получила сильную поддержку, а церковь была освобождена от недостойного положения, в котором она не могла свободно пользоваться имеющимися в ее распоряжении силами. Церковь IV века не только достигла

гораздо большего, чем церковь периода между 250 и 325 годами, но и воспитала людей, отличавшихся большим авторитетом и более властным характером.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква ^a зарезервирована для редакционных материалов]

ГЛАВА XXIX.

- ^b GEORG WEBER, *Allgemeine Weltgeschichte*.
- ^c ВИКТОР ГАРДТХАУЗЕН, *Augustus und seine Zeit*.
- ^d ЙОАХИМ МАРКВАРДТ (в соавторстве с Теодором Моммзеном), *Römische Staatsverwaltung*.
- ^e ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, «История римлян в эпоху империи».

ГЛАВА XXX.

- ^b Ф. К. ШЛОССЕР, «Всемирная история для немецкого народа».
- ^c ГЕОРГ ВЕБЕР, указ. соч.
- ^d ЭДУАРД МЕЙЕР, «Исследования о битве в Тевтобургском лесу».
- ^e CAIUS VELLEIUS PATERCULUS, *Compendium of the History of Rome* (перевод с латыни J. S. Watson).
- ^f ФЛОР, *Краткая история Рима* (перевод с латинского Дж. С. Уотсона).
- ^g КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ, «Анналы».

ГЛАВА XXXI.

- ^b VICTOR GARDTHAUSEN, *op. cit.*
- ^c ГЕОРГ ВЕБЕР, указ. соч.
- ^d КАРЛ ХЁК, «Римская история от упадка республики до завершения монархии при Константине».
- ^e *Monumentum Ancyranum*.
- ^f JOHANN HEINRICH KARL FRIEDRICH HERMANN SCHILLER, *Geschichte der römischen Kaiserzeit bis auf Theodosius den Grossen*.
- ^g ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, указ. соч.
- ^h Б. Г. НИБУР, *История Рима* (перевод с немецкого Дж. К. Хэра, К. Тирлволла, У. Смита и Л. Шмитца).
- ⁱ H. TAINE, *Essai sur Tite Live*.

ГЛАВА XXXII.

^b ГЕОРГ ВЕБЕР, *указ. соч.*

^c ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛИОН, *Жизнь двенадцати цезарей* (перевод с латинского А. Томсона).

^d ТОМАС АРНОЛЬД, *«История поздней римской республики»*.

^e ВИКТОР ГАРДХАУЗЕН, *указ. соч.*

ГЛАВА XXXIII.

^b ВИКТОР ДЮРЮИ, *Histoire Romaine jusqu'à l'invasion des barbares*.

^c ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛИОН, *op. cit.*

^d КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ, *указ. соч.*

^e ТОМАС КЕЙТЛИ, *«История Рима до конца Республики»*.

^f ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, *указ. соч.*

^g КАЙ ВЕЛЕЙ ПАТЕРКУЛ, *указ. соч.*

^h ФЛАВИЙ ИОСИФ, *«Труды Иосифа»* (перевод с греческого Уильяма Уистона).

ⁱ HERENNIUS BVBILIUS PHILON, *Περὶ τῆς Βασιλείας*.

^j ДИОН КАССИЙ КОККЕЙСКИЙ, *Ῥωμαϊκὴ ἱστορία*.

^k ПЛИНИЙ СЕКУНД, *Historia Naturalis*.

^l ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА, *Apocolocyntosis*.

^m Г. Ф. ГЕРЦБЕРГ, *Geschichte der Römer im Alterthum*.

ⁿ ТАРВЕР, *Тиберий*.

ГЛАВА XXXIV.

^b VICTOR DURUY, *op. cit.*

^c КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ, *op. cit.*

^d КАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛИОН, *указ. соч.*

^e ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, *указ. соч.*

^f ТОМАС КЕЙТЛИ, *указ. соч.*

ГЛАВА XXXV.

^b ОЛИВЕР ГОЛДСМИТ, *«История Рима»*.

^c КАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ, *указ. соч.*

^d Ф. К. ШЛОССЕР, *указ. соч.*

^e ТОМАС КЕЙТЛИ, *указ. соч.*

^f ДИОН КАССИЙ КОККЕЙСКИЙ, *указ. соч.*

^g ПЛИНИЙ, *указ. соч.*

^h УИЛЬЯМ ГЕЛЛ (в соавторстве с Джоном П. Гэнди), *Pompeiana: the Topography, Edifices, and Ornaments of Pompeii*.

ⁱ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ, *Historiæ*.

ⁱ АРТУР МЕРФИ, в приложении к книге V своего перевода «Сочинений Корнелия Тацита».

^k ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, указ. соч.

^l ФЛАВИЙ ИОСИФ, *op. cit.*

^m Г. В. БОТСФОРД, «История Рима».

ⁿ В. ДЮРЮ, указ. соч.

ГЛАВА XXXVI.

^b ОЛИВЕР ГОЛДСМИТ, указ. соч.

^c ВИКТОР ДЮРЮИ, указ. соч.

^d Ж. ЭРНЕСТ РЕНАН, *История происхождения христианства*.

^e ЭДВАРД ГИББОН, «История упадка и падения Римской империи».

^f Ф. К. ШЛОССЕР, указ. соч.

^g ДИОН КАССИЙ КОККЕЙСКИЙ, *op. cit.*

^h КСИФИЛИН, Ἐπιτομή τῆς Δίωνος Νικαέως ῥωμαϊκῆς ἱστορίας.

ⁱ R. W. BROWN, *History of Roman Classical Literature*.

^j ПЛИНИЙ, указ. соч.

^k Р. БЕРН, «Древний Рим: справочник по руинам города и Кампаньи».

^l ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, указ. соч.

^m Г. Ф. ГЕРЦБЕРГ, указ. соч.

ⁿ ДЖ. Б. БЕРРИ, «Римская империя для студентов».

ГЛАВА XXXVII.

^b ЖАН-ФРАНСУА ДЕНИ, *Histoire des théories et des idées morales de l'antiquité*.

^c ЭДВАРД ГИББОН, указ. соч.

^d BENJAMIN AUBE, *Les Chrétiens dans l'empire romain*.

^e ДИОН КАССИЙ КОККЕЙСКИЙ, *op. cit.*

^f ЭПИКТЕТ, в Диатрибах Эпиктета и Эгхейридионе Эпиктета Арриана.

^g КОККЕЙ ДИОН ХРИЗОСТОМ, Δόγοι περὶ βασιλείας.

^h СЕНЕКА, *Opera*.

ⁱ МАРК АВРЕЛИЙ, Μάρκου Ἀντωνίνου το αὐτοκράτορος τῶν εἰς ἑαυτὸν Βιβλία ιβ (перевод с греческого Джереми Коллиера).

^j ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ, *Epistolæ*.

^k КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ, *op. cit.*

ГЛАВА XXXVIII.

- ^b Ж. ЭРНЕСТ РЕНАН, *op. cit.*
- ^c ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, *op. cit.*
- ^d АУЛУС ГЕЛЛИЙ, «*Аттмические ночи*».
- ^e M. L. G. BOISSIER, *L'Opposition sous les Césars*.
- ^f JOACHIM MARQUARDT, *op. cit.*
- ^g A. BOUCHE-LECLERCQ, *Manuel des institutions romaines*.
- ^h M. L. G. BOISSIER, *La religion romaine d'Auguste aux Antonins*.
- ⁱ J. Y. SHEPPARD, *The Fall of Rome and the Rise of New Nationalities*.
- ^j H. S. WILLIAMS, *History of the Art of Writing*.
- ^k ВАЛЕРИЙ МАКСИМ, *De Factis Dictisque Memorabilibus Libri IX*.
- ^l В. А. БЕККЕР, «*Галл, или римские сцены из времени Августа*».

ГЛАВА XXXIX.

- ^b Г. Ф. ГЕРЦБЕРГ, *указ. соч.*
- ^c ТОМАС КЕЙТЛИ, *op. cit.*
- ^d ГЕРОДИАН, Ἡρωδιανοῦ τῆς μετὰ Μάρκον Βασιλείας ἱστοριῶν βιβλία ὀκτώ.
- ^e ДИОН КАССИЙ КОККЕЙСКИЙ, *указ. соч.*
- ^f ИСТОРИЯ АВГУСТОВ (*Historiæ Augustæ Scriptores*).
- ^g ГЕНРИ ФАЙНС КЛИНТОН, *Fasti Romani*.
- ^h ЗОСИМ, *История графа Зосима* (перевод с греческого).
- ⁱ КСИФИЛИН, *указ. соч.*
- ^j J. ERNEST RENAN, *op. cit.*

ГЛАВА XL.

- ^b Г. Ф. ГЕРЦБЕРГ, *указ. соч.*
- ^c ТОМАС КЕЙТЛИ, *указ. соч.*
- ^d ЗОСИМ, *указ. соч.*
- ^e ЙОХАННЕС ЗОНАРАС, Χρονικόν (*Летопись*).

ГЛАВА XLI.

- ^b Ф. К. ШЛОССЕР, *указ. соч.*
- ^c ЭДВАРД ГИББОН, *указ. соч.*
- ^d ЗОСИМ, *указ. соч.*
- ^e ТОМАС ХОДКИН, *Италия и ее завоеватели*.

ГЛАВА XLII.

^b ЭДВАРД ГИББОН, указ. соч.

^c С. РЕЙНХАРДТ, *Персидская война императора Юлиана*.

^d АММИАН МАРЦЕЛЛИН, «*Римская история Аммиана Марцеллина*» (перевод с латинского С. D. Yonge).

^e ТОМАС КЕЙТЛИ, указ. соч.

ГЛАВА XLIII.

^b ЭДВАРД ГИББОН, указ. соч.

^c ВИКТОР ДЮРЮИ, указ. соч.

^d АММИАН МАРЦЕЛЛИН, указ. соч.

^e ТОМАС КЕЙТЛИ, указ. соч.

ГЛАВА XLIV.

^b ЭДВАРД ГИББОН, указ. соч.

^c Ф. К. ШЛОССЕР, указ. соч.

ГЛАВА XLV.

^b ЭДВАРД ГИББОН, указ. соч.

ГЛАВА XLVI.

^b ЭДВАРД ГИББОН, указ. соч.

^c ТОМАС ХОДКИН, «*Италия и ее завоеватели*».

^d ИОРДАНЕС, *De Getarum origine et rebus gestis*.

ГЛАВА XLVII.

^b Т. ХОДКИН, статья «Вандалы» в девятом издании *Encyclopædia Britannica*.

^c ЭДВАРД ГИББОН, указ. соч.

^d Р. Х. РАЙТСОН, *The Sancta Republica Romana*.

^e ЭДУАРД ФОН ВИТЕРСХАЙМ, *Geschichte der Völkerwanderung*.

^f АМЕДЕ ТЬЕРРИ, «*Рассказы о римской истории в V веке*».

^g Т. ХОДКИН, «*Италия и ее завоеватели*».

^h КУРТ БРЕЙЗИГ, *Kulturgeschichte der Neuzeit*.

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО РИМСКОЙ ИСТОРИИ

Основана главным образом на работах, цитируемых, упоминаемых или использованных при подготовке настоящего труда; с критическими и биографическими примечаниями

[Для удобства ссылки здесь включены византийские историки, хотя их работы относятся в основном к периоду, рассматриваемому в томе VII. Дополнительные примечания по многим римским историкам можно найти выше (с. 15), а также в томах V (с. 25) и VII (с. 1)].

А. Классические и поздние латинские произведения

Элиан, Клавдий, Ποικίλη Ἱστορία, под редакцией Перизония, Лейден, 1701; перевод с греческого А. Флемингом, The Variable History of Aelian, Лондон, 1576. (Биографическая справка об этом писателе приведена в т. I, с. 295.) — **Агобард**, Сочинения, под редакцией Балуза, Париж, 1666; под редакцией Минье, в его Patrologiæ Latine, т. CIV, Париж, 1844-1855; под редакцией Шеваллара, Лион, 1869. — **Аммиан Марцеллин**, Rerum Gestarum Libri XXXI, под редакцией Аккорси, Аугсбург, 1532, 5 тт.; под редакцией Вагнера и Эрфурта, Лейпциг, 1808, 3 тт.; английский перевод К. Д. Йонга, The Roman History of Ammianus Marcellinus, Лондон, 1862.

Аммиан Марцеллин, по происхождению сирийский грек, много лет служил в императорской гвардии. Его история охватывает период в 282 года, от вступления на престол Нервы в 96 году н. э. до смерти Валента в 378 году н. э. Из тридцати одной книги сохранились последние восемнадцать. Они включают в себя события только двадцати пяти лет, но являются ценным источником информации благодаря добросовестным усилиям автора быть правдивым и его непосредственному знанию описываемых им событий.

Анастасий, см. Liber Pontificalis. — **Annales Alamannici** (741-779), основанные на Annales Mosellani. — **Annales S. Amandi** (708-810), основанные на Annales Mosellani. — **Annales Fuldenses**, записи монастыря Фульды. — **Annales Guelferbytani**, или Кодекс Вольфенбюттеля (741-805), основанные на Annales Mosellani. — **Annales Laurissenses** или **Laureshamenses** (741-829), составленные в Лорше. — **Annales Maximiani** (710-811), основанные на Annales Mosellani. — **Annales Mettenses**, составленные в Меце или Лаоне около конца X века. — **Annales Mosellani** (703-797), составленные в монастыре Святого Мартина в Кельне. — **Annales Nazariani** (741-790), основанные на Annales Mosellani. — **Annales Petaviani** (708-799), основанные на Annales Mosellani; оригинал с 717 по 799 год.

Вышеупомянутые анналы немецких монастырей имеют разную историческую ценность. Все они были отредактированы Перцем в Monumenta Germaniæ Historica, Ганновер, 1819, в процессе подготовки.

Аппиан Александрийский, Πρωαῖκή Ἱστορία, под редакцией Швейгаузера, Лейпциг, 1785, 3 тома; перевод с греческого Дж. Д(ансером), «История Аппиана Александрийского», Лондон, 1679. (См. Введение, т. V.) — **Апулей**, Луций, Metamorphoseon seu de Asino Aureo Libri XI, под редакцией Эндрю, епископа Алерии, Рим, 1469; перевод с латыни Томаса Тайлора, Лондон, 1822; и сэра Г. Хеда, The Metamorphoses of Apuleius, Лондон, 1851. — **Августовская история**, Historiæ Augustæ Scriptores (Элий Спартан, Юлий Капитолин, Элий Лампридий, Вулькаций Галликан, Требеллий Поллий и Флавий Вописк), Милан, 1475; Венеция, 1489; под редакцией

Касарабона, Париж, 1603; Салмазия, Париж, 1620; Шревелиуса, Лейден, 1671; Джордана и Эйссенхардта, Берлин, 1863. (См. также Дирксен, Паукер и Плеу.)

«*Августовская история*» — это название серии биографий римских императоров от Адриана до Карина, якобы написанных шестью вышеупомянутыми авторами во времена Диоклетиана и Константина. Последние исследования показывают, что сборник, по крайней мере « », в том виде, в каком он дошел до нас, является компиляцией конца IV или начала V века, а имена авторов, ранее приписанные ему, являются полностью вымышленными. Подвергается сомнению и подлинность содержащихся в нем официальных документов. Тем не менее, это важный, а по многим фактам почти единственный источник наших знаний об имперском Риме.

Августин, Святой, *De Civitate Dei*, Париж, 1679-1700: переиздание, 1836-1838. Под редакцией Стрэнджа, Кельн, 1850-1851, 2 тома; под редакцией Домбарта, Лейпциг, 1877.

Цезарь, Гай Юлий, *Commentarii de bello Gallico*; *Commentarii de bello civili*, Рим, 1440; под редакцией Юнгемана, Франкфурт, 1606; под редакцией К. Э. Моберли, с английскими примечаниями, 1871-1872; 1877; 1882 (перевод Эдмундса); Комментарии Цезаря о Галльской и Гражданской войнах, Лондон, 1609 (перевод W. Н. Макдевитта и W. S. Бона, Лондон, 1857).

Юлий Цезарь, который наряду с Александром и Наполеоном считается непревзойденным военным гением, родился 12 июля 100 года до н. э. или, по мнению Моммзена, в 102 году до н. э. Его заслуги и недостатки как полководца и государственного деятеля были подробно рассмотрены в томе V. Здесь следует только упомянуть его знаменитые сочинения — «Записки», в которых рассказывается об истории первых семи лет Галльской войны и ходе Гражданской войны вплоть до Александрийской, и главной целью которых было оправдание поведения автора в войне и политике. Вступительные слова «*De bello Gallico*» часто отмечаются как образец литературной ясности, и во всей работе строго исключены все выражения, для которых не было найдено стандартного авторитетного источника. Это высказывание человека, который, точно зная, что он хочет сказать, говорит это прямо и ясно. «*Записки*» действительно можно считать своего рода высококлассной классической журналистикой, написанной, как мы имеем основания полагать, день за днем под диктовку главного действующего лица описываемых событий.

Капитолин, Юлий, см. «Августовская история» — **Кассиодор**, сенатор Магнус Аврелий, *Variarum (Epistolarum) Libri XII*; *Libri XII De Rebus Gestis Gothorum*, Аугсбург, 1533; Париж, 1584; Руан, 1679, 2 тома.

Магнус Аврелий Кассиодор (около 480-575 гг. н. э.), хотя и был потомком знатной римской семьи, большую часть своей долгой жизни провёл на службе у готских королей и занимал самые важные должности при Теодорихе и его преемниках. В поздние годы, после ухода в монастырь, он не менее активно занимался литературной деятельностью и защищал науку. Его наиболее важная работа, *De Rebus Gestis Gothorum*, сохранилась только в варварской версии Иордана. *Variarum*, сборник писем и официальных документов, является лучшим источником информации о королевстве остготов в Италии.

Хроника Мойсиака (*Chronicon Moissiacense*), в *Monumenta Germaniæ Historica*, Ганновер, 1819-1904, в процессе подготовки.

Хроника Мойсиака, которая, по-видимому, возникла в Аквитании, представляет определенную ценность для истории южной Галлии в начале IX века.

Chronicon Cuspiniani, Базель, 1552.

Эти анналы, являющиеся продолжением консульских *фастов* и более позднее известные как *Fasti Vindobonenses* или *Consularia Italica*, важны благодаря своим точным хронологическим данным о IV и V веках.

Цицерон, Марк Туллий, *Orationes (Pro Sex. Roscio Amerino)*, под редакцией Эндрю, епископа Алерии, Рим, 1471; немецкий перевод Клотца, Лейпциг, 1835, 3 тома; английский перевод У. Гатри, Лондон, 1806, 2 тома; и К. Д. Йонге, Лондон, 1851-1852, 4 тома. Сочинения Цицерона, хотя и не являются в первую очередь историческими, предоставляют ценный материал для историков.—**Клавдиан (Claudian(us))**, Клавдий, Орега, Виченца, 1482; Вена, 1510; под редакцией Пальманнуса, Антверпен, 1571; Бурмана, Амстердам, 1760; английский перевод А. Хокинса, Лондон, 1817, 2 тома.

Клавдиан был последним латинским классическим поэтом. Он был уроженцем Александрии, но приехал в Рим примерно в конце IV века. Он пользовался покровительством Стилихона, который обеспечил ему богатство и почести, но, вероятно, разделил судьбу своего покровителя в 408 году. Клавдиан написал множество панегирических стихотворений, три исторических эпоса и много стихов на разные случаи жизни. Его эпосы имеют ценность как исторические источники, поскольку они точно следуют фактам истории.

Клуверий (Клувер), Филипп, *Germania Antiqua*, Лейден, 1616. — **Кохтенс**, Иоанн, *Vita Theodorici regis Ostrogothorum et Italiae*, с комментариями Дж. Перингскиольда, Стокгольм, 1699.—**Codex Carolinus** (Письма пап франкским королям), под редакцией Филиппа Яффе в его *Monumenta Carolina*, Берлин, 1867.

Codex Carolinus, Письма пап франкским королям, собранные по приказу Карла Великого, является одним из важнейших исторических источников.

Codex Gothanus, под редакцией Вайтца, в *Monumenta Germaniae, Historica, Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum*, Ганновер, 1819, в процессе подготовки.

Составлен, вероятно, около 810 года и приложен к рукописи лангобардских законов, которая сейчас хранится в герцогской библиотеке в Готе.

Codex Theodosianus, Париж, 1686; под редакцией Ханеля в *Corpus Juris Antejustinianum*, т. II, Бонн, 1842.

Сборник, составленный в 438 году, конституций римских императоров от Константина Великого до Феодосия II. Он лег в основу Кодекса Юстиниана и является важнейшим источником по социальной и политической истории того периода. Эти декреты с приложениями были официально признаны в Восточной империи, но на Западе они имели силу только в сокращенном варианте. Оригинальное произведение состояло из шестнадцати книг, расположенных в хронологическом порядке по темам, но по крайней мере треть всего произведения существует только в сокращенном виде.

Дион Кассий Коккейский, Ὀῤῥακῆς ἱστορία; латинский перевод Н. Леоницена, Венеция, 1526; под редакцией Леунклавия, Франкфурт, 1592; под редакцией Я. А. Фабриция и Г. С. Реймаруса, Гамбург, 1750-1752, 2 тома; Штурцем, Лейпциг, 1824, 8 тт.; английский перевод Мэннинга, *The History of Dion-Cassius*, Лондон, 1704, 8 тт.

Дион Кассий Коккейский, родившийся в 155 году н. э. в Никее, в Вифинии, был внуком Диона Хризостома. Он занимал многие официальные должности при разных римских императорах от Коммода до Александра Севера, но около 230 года вернулся в Никею, где прожил остаток своей жизни. Его великое произведение состоит из 80 книг, разделенных на десятилетия. Первоначально оно охватывало всю историю Рима от высадки Энея в Италии до 229 года н. э., но, к сожалению, до нас дошла лишь небольшая его часть. У нас есть книги 36-54 в полном виде, но от всего остального труда сохранились только фрагменты и сокращенные версии. Он был составлен с большим усердием и мудростью и является одним из важнейших источников по поздней республике и первым векам империи. У нас была возможность процитировать сокращенную версию Ксифилина.

Дион Хризостом Коккейский, λόγοι περὶ βασιλείας, под редакцией Д. Паравизинуса, Милан, 1476; и Рейске, Лейпциг, 1784, 2 тома.

Дион Хризостом, один из самых выдающихся риторов и софистов, родился в Прусе, в Вифинии, около 50 года н. э. Его первый визит в Рим был прерван указом Домициана, изгонявшим всех философов. После длительных путешествий по Фракии и Скифии он вернулся в Рим во время правления Траяна, который оказал ему заметное благоволение. Он

умер в Риме около 117 года н. э. (). Сохранилось 80 его речей, все из которых были написаны в поздние годы его жизни. Они имеют только форму речей, но на самом деле являются эссе на моральные, политические и религиозные темы. Они отличаются изысканным и элегантным стилем, созданным по образцу лучших писателей классической Греции.

Дионисий Галикарнасский, Ῥωμαϊκὴ Ἀρχαιολογία, под редакцией Ф. Сильбурга, Франкфурт, 1586, 2 тома; латинский перевод Л. Бирагуса, Тревизо, 1480; перевод с греческого на английский Эдварда Спелмана под названием «Римские древности Дионисия Галикарнасского», Лондон, 1758.—**Дюшесн**, Андре, «Современные историки франков от возникновения этого народа до времен Филиппа IV», Париж, 1636-1649, 5 тт.

Edictum Theodorici Regis, в издании Нивеллиуса Кассиодора, Париж, 1579. — **Евгиппий**, Vita Sancti Severini, в т. I Kirschengeschichte Deutschlands, а также в т. I Auctores Antiquissimi, в Monumenta Germaniæ Historica.

Египпий был аббатом монастыря Святого Северина в VI веке. Его работа ценна как картина жизни в римских провинциях после вторжений варваров.

Евсевий, ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, под редакцией Вазелия, с латинским переводом, Париж, 1659; под редакцией Диндорфа, Лейпциг, 1871; английский перевод Ханмера, 1584; К. Ф. Крузе, Нью-Йорк, 1865; Χρόνικόν, под редакцией А. Шоне, Берлин, 1866; 1875.

Евсевий, которого называют «отцом церковной истории», родился в Палестине около 260 года н. э. и умер в Кесарии в 340 году. В 313 году он был назначен епископом Кесарии, стал одним из лидеров ариан и заметной фигурой в церкви во времена Константина. Как его «Церковная история», так и «Хроника» являются важными источниками.

Евтропий, Breviarium Historiæ Romanæ, Рим, 1471; Базель, 1546-1552; под редакцией Гроссе, Лейпциг, 1825; переведено с латыни Дж. С. Уотсоном под названием «Краткая история Рима».

Флавий Евтропий, латинский историк IV века, был секретарем Константина Великого и сопровождал Юлиана в его персидском походе. Он написал краткое изложение римской истории в десяти книгах, начиная с основания города и заканчивая вступлением на престол Валента в 364 году н. э., по приказу которого оно было составлено и которому оно посвящено. Его достоинствами являются беспристрастность, краткость и ясность, но оно не имеет большой самостоятельной ценности.

Фаббретти, Рафаэль, Corpus Inscriptionum Italicarum, Рим, 1699 г. — **Фабриций**, Иоганн Альберт, Bibliotheca Latina, sive Notitia Auctorum Veterum Latinorum, quorumcunque scripta ad nos pervenerunt, Гамбург, 1697 г., 3 тома; Bibliotheca Latina mediæ et infirmæ ætatis, Гамбург, 1734-1736, 5 т.; Bibliotheca Græca, sive Notitia Scriptorum Veterum Græcorum, quorumcunque Monumenta integra aut fragmenta edita extant, tum plerorumque ex manuscriptis ac deperditis, Гамбург, 1705-1728, 14 т.; под редакцией Харлесса, 1790-1809 гг. — **Флор**, Луций Анней, Rerum Romanorum Libri IV (Epitome de Gestis Romanorum), Париж, 1471 г.; перевод с латинского языка Дж. С. Уотсона, Epitome of Roman History, Лондон, 1861 г.

Личность этого автора не установлена. Работа практически не представляет ценности как источник.

Фронтин, Секст Юлий, De Aquæductibus Urbis Romæ Libri II, под редакцией Бухелера, Лейпциг, 1858.

Секстус Юлий Фронтин был правителем Британии с 75 по 78 год н. э. В 97 году он был назначен *куратором аквеума*. Умер около 106 года. Фронтин обладал значительными знаниями в области инженерии и является главным авторитетом в вопросах водоснабжения Древнего Рима.

Геродиан, или Геродиан, Τῆς μετὰ Μάρκον βασιλείας ἱστοριῶν βιβλία ὀκτώ, под редакцией Ирмиша, Лейпциг, 1789-1805, 5 томов; и под редакцией Ф. А. Вольфа, Галле, 1792.

Родился около 170 (?) г. н. э., умер около 240 г. н. э.; греческий историк, проживавший в Италии, автор истории Рима за период 180-238 гг. н. э. (от Коммода до Гордиана).

Historia, Miscella, в Monumenta Germaniæ Historica, Ганновер, 1819, в процессе подготовки.

Сборник из трех частей; первая часть — версия Евтропия, приписываемая Павлу Диакону, вторая и третья части приписываются Ландульфу Мудрому (XI век). Включает выдержки из анналистов, а также из Иордана и Орозия.

Гормисдас, Папа, Epistolæ, в Patrologiæ latine Минье, т. LXIII, Париж, 1844-1855, 221 т.

Исидор Севильский, Historia Gothorum, Париж, 1580; Рим, 1797-1803, 7 тт., Chronicon, Турин, 1593.

Исидор, епископ Севильский, родился в 560 году в Картахене или Севилье; умер в последнем городе 4 апреля 636 года. Он был человеком обширной эрудиции и ревностно заботился о сохранении и распространении знаний классической эпохи. С этой целью он составил *Originum seu etymologiarum libri XX*, своего рода энциклопедию наук, известных в его время. Его исторические труды включают *Chronicon*, или серию хронологических таблиц, от сотворения мира до 627 года; *Historia Gothorum, Vandalorum et Suevorum*.

Jaffé, Philip, Monumenta Carolina, Берлин, 1867; Bibliotheca rerum Germanicarum, Берлин, 1864-1873, 6 тт.; Regesta pontificum Romanorum ad annum 1198, Лейпциг, 1881-1886.—**Иероним**, Святой, De Viris Illustribus, s. de Scriptoribus ecclesiasticis; в Patrologiæ latine Минье, Париж, 1844-1855; под редакцией Хердинга, Лейпциг, 1879; Epistolæ, Базель, 1516-1520.—**Иорданес** (Йорнандес), De Getarum origine actibusque, Аугсбург, 1515; Париж, 1679; под редакцией Моммзена, Берлин, 1882; De Regnorum ac temporum Successione, под редакцией Гроция, Амстердам, 1655.

О личной истории Йордана известно очень мало, кроме того, что он был готом, возможно, аланского происхождения, что он был нотариусом, а затем стал монахом. Его *De Getarum origine actibusque*, в значительной степени взятая из утраченной истории Кассидора, имеет большое значение для нашего знания о готском королевстве в Италии. Другая работа, упомянутая выше, практически не имеет никакой ценности.

Иосиф Флавий, Περί τοῦ Ἰουδαϊκοῦ ἡ Ἰουδαϊκῆς ἱστορίας περί ἀλώσεως (История Иудейской войны) и Ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία (Иудейские древности), Аугсбург, 1470; Базель, 1544; под редакцией Хадсона, Оксфорд, 1720; перевод с греческого Уильяма Уистона, The Works of Josephus, Лондон, 1737, 2 тома. Биографическая справка об этом авторе находится в томе II, стр. 232.

Ламберт фон Херсфельд (или Ашаффенбург), Annales, под редакцией Гессе, в т. V Monumenta Germaniæ Historica, Scriptores, Ганновер, 1819, в процессе подготовки.—**Лампридий**, Элий, см. «История Августа». —**Либаний**, Λόγοι, под редакцией Рейске, Альтенберг, 1791-1797, 4 т. —**Ливий**, Тит, Annales, Рим, 1469; под редакцией Дракенборха, Лейден, 1738-1746, 7 т.; английский перевод Филемона Холланда, History of Rome, Лондон, 1600; английский перевод, The Romaine History written in Latine, Лондон, 1686, английский перевод Д. Спиллана, К. Эдмундса и В. А. Макдевитта, Лондон, 1849, 4 тома. (См. т. V, Введение.) —**Лукан**, М. Анней, Фарсалия, под редакцией Эндрю, епископа Алерии, Рим, 1469; под редакцией К. Ф. Вебера, Лейпциг, 1821-1831; под редакцией К. Э. Хаскинса, с английскими примечаниями и введением У. Э. Хейтланда, Лондон, 1887.

Марцеллин, Comes, Chronikon, Париж, 1696.

Марцеллин был придворным чиновником Юстиниана в VI веке. Его хроника охватывает период с 379 по 534 год и посвящена главным образом делам Восточной империи.

Monumentum Ancyranum. (Это название надписи, сохранившейся в Анкире, текст которой был опубликован Моммзеном в 1865 году и Бергом в 1873 году; см. этих авторов в третьем разделе библиографии, стр. 661, 667). Текст также приводится в *Delphin Classics*, Лондон, 1827.

Notitia dignitatum omnium, tam civilium quam militarium, in partibus orientis et occidentis, под редакцией Э. Бокинга, Бонн, 1839-1853.

Эта работа представляет собой официальный справочник и список армии Римской империи, составленный примерно в конце V века и сохранившийся в (ныне утраченном) *Codex Spirensis*.

Олимпиодор, Ἱστορικοὶ λόγοι, сокращенное издание под редакцией Ф. Лаббе, в его *Eclogæ Historicorum de Rebus Byzantinis*, включенное в *Excerpta de Legationibus* Д. Хошелиуса, Париж, 1645.

Олимпиодор, уроженец Фив в Египте, жил в V веке. Его история, сохранившаяся только в сокращенном виде у Фотия, состояла из 22 книг и посвящена Западной империи при Гонории с 407 по 425 год. Это был скорее сборник исторических материалов, чем история. Олимпиодор написал продолжение Евнапия, одного из византийских историков.

Origo Gentis Longobardorum, под редакцией Ф. Блуме, в *Monumenta Germaniæ Historica*, Ганновер, 1819, в процессе подготовки.

Самый древний документ по истории лангобардов, приложенный к кодексу короля Ротари.

Орозий, Паулус, *Historiarum adversus Paganos Libri VII*: Вена, 1471; под редакцией Хаверкампа, Лейден, 1738; английский перевод под редакцией Д. Баррингтона и Дж. Р. Фостера, с англосаксонским текстом Альфреда Великого, Лондон, 1773.

Паулус Орозий, родился, вероятно, в Таррагонце в Испании: жил в первой половине V века н. э. По просьбе епископа Гиппона (св. Августина) Орозий в ранней молодости составил историю мира, запомнившуюся отчасти потому, что Альфред Великий перевел ее на англосаксонский язык.

Panegyrici Veteres latine, под редакцией Х. Й. Арнтцениуса, Утрехт, 1790; под редакцией Бэренса, Лейпциг, 1874. Сборник из одиннадцати хвалебных речей, произнесенных в Риме в честь различных императоров. Хотя эти речи являются замечательными примерами риторического мастерства, они, естественно, не представляют ценности для исторических исследований, поскольку были окрашены и искажены в соответствии с обстоятельствами. — **Патеркул**, Гай Веллей, *Historiæ Romanæ, ad M. Vinicius Cos. Libri II*, Базель, 1520; Лейден, 1789; (перевод Дж. С. Уотсона, Лондон, 1861).

Гай Веллей Патеркул, родился около 19 г. до н. э., умер после 30 г. н. э., современник Августа и Тиберия. Произведение Патеркула, по-видимому, единственное, которое он когда-либо написал, было, судя по всему, создано в 30 г. н. э. Начало произведения утрачено, а также отсутствует часть после восьмой главы первой книги. Оно, по-видимому, начиналось с разрушения Трои и заканчивалось 30 г. н. э.

Павел Диакон, *Historia Langobardorum*, под редакцией Лаппенбурга, в *Monumenta Germaniæ Historica*, Ганновер, 1819, в процессе подготовки.

Павел Диакон, «Павел Диакон», родился около 720-725 гг. н. э., умер в Монте-Кассино, Италия, до 800 г. н. э. Первый важный историк средневековья. Его главные работы — «История лангобардов» и продолжение римской истории Эвтропия.

Филосторгий, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, аннотация, под редакцией Ж. Годефруа, Женева, 1643; под редакцией Х. Валезиуса, Париж, 1673.

Филосторгий родился в Бориссе, Каппадокия, в 358 году н. э. Его история церкви, начиная с ереси Ария в 300 году н. э. и заканчивая вступлением на престол Валентиниана III в 425 году н. э., существует только в виде абстракта Фотия. Он обладал значительными знаниями, но был сильно предвзято настроен в пользу ариан и евномиян и безжалостно критиковал их противников.

Плиний (Младший), C. Cæcilius Secundus, Epistolæ, Венеция, 1485; Амстердам, 1734; под редакцией W. Keil, Лейпциг, 1853; 1873; английский перевод W. Melmoth, *The Letters of Pliny the Younger*, 1746; 1878.

Плиний «Младший» (Гай Плиний Цецилий Секунд). Родился в Комо, Италия, в 62 г. н. э.; умер в 113 г. Племянник Плиния Старшего. В 100 году был консулом, а позже (в 111 или 112 году) — правителем Вифинии и Понтики. Был другом Траяна и Тацита. Сохранились его «Письма» и панегирик Траяну. Наиболее известное из его писем — письмо Траяну о отношении к христианам в его провинции.

Плиний (Старший), Secundus C., *Historia Naturalis*, Венеция, 1469; под редакцией Силлига, Лейпциг, 1831-1836, 5 тт.; под редакцией Д. Детлефсена, Берлин, 1866-1873; 1882, 5 тт.; (перевод на английский Филемоном Холландом, Лондон), 1601.—**Полибий**, Καθολικὴ κοινὴ ἱστορία, Париж, 1609; английский перевод Х. Ширса, *The History of Polybius the Megalopolitan; containing a General Account of the Transactions of the World, and Principally of the Roman People, during the First and Second Punick Wars*, Лондон, 1693, 2 т.; Джеймс Хэмптон, *The General History of Polybius*, Лондон, 1772, 2 т. Примечания о *Полибии* см. в исследовании источников, в томе V. — **Поссидий**, *Vita Augustini*, Рим, 1731; 2-е изд. Аугсбург, 1768.

Поссидий или *Поссидоний* был епископом Каламы в Африке. Он дает описание осады Гиппона вандалами в 430 году.

Проспер Аквитанский, *Chronicon*, под редакцией ЛеБрюна и Манжана, Париж, 1711.

Проспер Аквитанский родился в Аквитании, вероятно, в последнем десятилетии IV века. Умер в Риме, дата неизвестна. Его хроника состоит из двух частей: первая, до 378 года, является выдержкой из сочинений Евсевия, Иеронима и Августина; вторая, до 455 года, является оригинальной.

Саллюстий, Гай Крисп, *Bellum Catilinarum*, *Bellum Jugurthinum*, Рим, 1470; под редакцией W. W. Capes, с английскими примечаниями, Лондон, 1884; (перевод на английский язык J. S. Watson, *The Conspiracy of Cataline; The Jugurthine War*, Лондон, 1861).—**Сальвиан** из Марселя, *De Gubernatione Dei*, 1530, под редакцией К. Хальма, Берлин, 1878.

Сальвиан, выдающийся церковный писатель V века, родился недалеко от Трира и прожил большую часть своей жизни в Марселе. Его сочинения в основном посвящены теологии, но ценны тем, что дают представление о жизни и нравах того времени.

Сенека, Луций Анней, Орега, Неаполь, 1475, под редакцией Гроновиуса, Лейден, 1649-1658, 4 тома; под редакцией Рухкопфа, Лейпциг, 1797-1811, 5 томов; английский перевод, *The Works of L. Annæus Seneca, both Morall and Naturall*, перевод Т. Лоджа, доктора физических наук,

Лондон, 1614 г. — **Сидоний, Аполлинарий** (К. Соллий), *Epistolarum Libri IX*, Париж, 1652 г.; Берлин, 1887 г.

Сидоний родился в Лионе около 431 года н. э. Он стал зятем императора Авиты, а затем фаворитом Антемия, который возвысил его до сенаторского ранга, сделал префектом Рима и поместил его статую в библиотеке Траяна. В 472 году, не будучи священником, он был назначен епископом Клермона в Оверни. Его сочинения содержат значительную историческую информацию.

Солин (Грамматик), К. Юлий Полихистор, Венеция, 1473; Салмазиус, Утрехт, 1689; английский перевод. Превосходные и приятные произведения *Юлия Солина Полихистора*, содержащие благородные поступки человеческих существ, тайны и провидение природы, описание стран, нравы народов и т. д. и т. п. (перевод с латыни Артура Голдинга, джентльмена), Лондон, 1587. (Произведение состоит в основном из отрывков из «Естественной истории» Плиния, а добавления автора практически бесполезны).

Созомен, Церковная история, под редакцией Вазезия, Париж, 1659.

История Созомена охватывает период с 323 по 439 год.

Спартан, Элий, см. «История Августа». — **Светоний**, Гай Транквилл, «Жизнь двенадцати цезарей», Рим, 1470; английский перевод Филемона Холланда, Лондон, 1606; английский перевод А. Томпсона, «Жизнь двенадцати цезарей», Лондон, 1796; 1855.—**Суидас**, «Словарь», под редакцией Кустера, Кембридж, 1705; под редакцией Гейнсфорда, Оксфорд, 1834.

О жизни Суидаса ничего не известно, но, вероятно, он жил в X или XI веке. Его «Словарь» представляет собой своего рода энциклопедию биографий, литературы, географии и т. д. Под заголовком «Адам» он приводит хронологию, охватывающую период до X века.

Симмах, *Epistolarum Libri IX*, под редакцией Сека, Берлин, 1883.

А. Аврелий Симмах был выдающимся ученым и оратором IV века, а также ярким приверженцем древней языческой религии Рима. Его письма содержат много мелких подробностей о жизни того периода.

Тацит, К., Корнелий, *Annales, Agricola, Germania, Historiæ*, Венеция, 1470; Цюрих и Берлин, 1859-1884, 5 томов; *Агрикола и Германия*, под редакцией А. Дж. Черча и У. Дж. Бродрибба, с английскими примечаниями, Лондон, 1882; *Анналы*, под редакцией Х. Фурне, с английскими примечаниями, Лондон, 1883; английский перевод Гринвея (*Анналы и Германия*), Лондон, 1598; английский перевод Сэвилла (*Истории и Агрикола*), Лондон, 1598.

К. Корнелий Тацит родился около 61 года н. э., умер, вероятно, после 117 года н. э. О происхождении Тацита ничего не известно. В первой главе своей истории он рассказывает, что «его карьера началась при Веспасиане, продолжилась при Тите и достигла гораздо больших высот при Домициане». Говорят, что его первой должностью была должность прокуратора в Галлии. По возвращении в Рим Тит повысил его до квестора, и мы имеем собственное свидетельство Тацита о том, что он был назначен претором Домицианом. Он стал консулом при Нерве. О его жизни мало что известно, кроме его брака с Юлией, дочерью Агриколы, о жизни которого он написал. Из писем Плиния Младшего мы узнаём о большом уважении и почитании, которое Тациту оказывали его современники, и прежде всего сам Плиний.

Тиетмар Мерзебургский, *Chronicon*, под редакцией Лаппенберга, в *Monumenta Germaniæ Historica*, т. III, Ганновер, 1819, в процессе подготовки; немецкий перевод Лорана, 1849.

Тьетмар Мерзебургский родился 25 июля 976 года, умер 1 декабря 1018 года. Стал епископом Мерзебурга в 1009 году. Особое значение имеют последние четыре книги его хроники, посвященные правлению Генриха II (1002-1018).

Требеллий Поллий, см. «Августовская история».

Валерий Максим, *De factis dictisque memorabilibus Libri IX*, Страсбург, 1470; под редакцией Террениуса, Лейден, 1726; под редакцией К. Кемпфа, Лейпциг, 1889; английский перевод У. Спиды, *The History of the Acts and Sayings of the Ancient Romans*, Лондон, 1678.— **Валезианский фрагмент « » (Anonymus Valesii)**. Это название происходит от имени Генрика Вalezия (Henri de Valois, 1603-1767), который первым опубликовал фрагментарные сочинения, носящие это название. Они обычно составляют приложение к изданиям Аммиана Марцеллина и посвящены истории Константина Великого и Италии в период между 474 и 526 годами. — **Валезий** (Валуа, Адриен де), *Gesta Francorum, seu de rebus Francis*, Париж, 1646-1658, 3 тома.

История Вalezия начинается с 254 года и заканчивается 752 годом. Она написана тщательно и изящным латинским языком, но представляет собой скорее комментарий к древним писателям, чем историю.

Виктор, Секст Аврелий, *De Cæsaribus*, Амстердам, 1733; под редакцией Шрётера, Лейпциг, 1831.

Секст Аврелий Виктор, латинский писатель IV века, прославившийся своими литературными способностями. Он был назначен правителем Паннонии Юлианом, префектом Константинополя Феодосием и, возможно, является тем самым Секстом Аврелием Виктором, который был консулом в 373 году.

Виктор Туннуненсис, *Chronicon*; под редакцией Скалигера, в *Thesaurus Tempori Eusebii*, т. II, Амстердам, 1658. — **Виктор Витенсис**, *Historia persecutionis Africanæ sub Genserico et Hunnerico*, в *Ruinart's Historia Persecutionis Vandalicæ*, Париж, 1694; под редакцией Печенига, Вена, 1881.—**Виргилий, П.**, или **Вергилий Марон**, *Opera*, Рим, 1469; Венеция, 1501.

Валафрид Страбус, *De exordiis et incrementis rerum ecclesiasticarum*, в *Hittorp's Scriptores de officiis divinis*, Кельн, 1568.

Валафрид Страбус был немецкого происхождения и в 842 году стал аббатом Рейхенау. Он умер 17 июля 849 года. Очень плодовитый писатель как на церковные, так и на исторические темы.

Випо, *Gesta Chuonradi II, imperatoris*, в *Pistorius' Scriptores Rerum Germanicarum*, Базель, 1582-1607, 3 тома. — **Витекинд**, *Res gestæ Saxonicæ*.

В. Византийские или позднегреческие истории

Агафий, Ἰστορία Ε, под редакцией Б. Вулкания, Лейден, 1594.

Агафий из Мирины в Этолии родился около 536 года н. э. и умер около 580 года н. э. Он был эпиграмматистом, редактировал поэтическую антологию, а также расширил и повторил историю Прокопия за 553–558 годы, короткий, но замечательный период, включающий подвиги Нарсеса и Велизария, начало войн с франками и персами, восстановление собора Святой Софии, землетрясения 554 и 557 годов и великую чуму 558 года, — все это изложено в приятной, развернутой и беспристрастной манере, но без особого проявления общих знаний. Это произведение человека, практически знакомого с делами своей эпохи, представленное с поэтическими воспоминаниями, но никогда не углубляющееся ниже поверхности. Эта работа была продолжена Менандром Протектором.

Акрополит, Георгий, Χρονικὸν, под редакцией Теодора Дузы, с латинским переводом, Лейден, 1614; под редакцией Лео Аллатиуса, Париж, 1651 (включено в венецианское переиздание, 1729).

Георгий Акрополита родился в Константинополе в 1220 году. Он учился в Никее у выдающихся ученых и работал дипломатом при императоре Иоанне Ватацесе Дуке. Его история начинается с взятия Константинополя в 1204 году и заканчивается его сдачей в 1261 году, после чего последовательность событий продолжает Пахимер. Акрополита, по видимому, подготовил свою историю в образовательных целях.

Анагност, Иоанн, Διήγησις περί τῆς τελευταίας ἀλώσεως τῆς Θεσσαλονίκης συντεθεῖσα πρὸς τινὰ τῶν ἀξιολόγων πολλακίς αἰτλήσαντα περί ταύτης, ἐν ἐπιτόμῳ, под редакцией Лео Аллация, в его Σύμμικτα, с латинским переводом, Рим, 1653.

Анагност, о жизни которого мало что известно, присутствовал при осаде своего родного города Фессалоники в 1430 году и написал рассказ о его завоевании Мурадом II.

Аноним,

Ἡ βασιλὶς τῶν πόλεων πῶς Ἰταλοῖς ἐάλω

Καὶ τοῖς Ῥωμαίοις ὕστερον τῶς ἀπεδόθη πάλιν,

Ἐγράφη κατ' ἀκρίβειαν, εἰ σὺ δὲ βούλῃ, μάθοις.

Стихотворение, состоящее из 749 «политических» стихов, обычно обозначаемое цитатой из первых трех строк, как выше, рассказывает о падении и повторном захвате Константинополя и других событиях до 1282 года, при этом автор в ходе стихотворения указывает, что оно было написано в 1392 году. Записанные факты основаны на работах Никиты Акомината и Георгия Акрополита и изложены в живописном стиле. Произведение было опубликовано Беккером в «*Abhandlungen*» Берлинской академии в 1841 году и Ж. А. Бушоном в его «*Recherches historiques sur la principauté française de Morée*» (Париж, 1845).

Атталиата, Михаил, Ἱστορία ἐκτεθεῖσα παρὰ Μιχαὴλ αἰδεσιμωτάτου κριτοῦ ἐπὶ τοῦ ἱπποδρόμου καὶ τοῦ Ἀτταλειάτου, переведено на латынь М. Фрехери, Франкфурт, 1596.

Михаил Атталиат, уроженец Атталии, служил судьей и проконсулом при императоре Михаиле Дуке, по приказу которого он подготовил сборник законов. Его история посвящена периоду 1034-1079 годов, который ознаменовался падением македонской династии и восхождением к власти семейств Комнинов и Дуков, дворцовыми переворотами и женскими интригами, сыгравшими большую роль в этих событиях.

Бриенний, Никифор, Ὑλὴ ἱστορίας, под редакцией П. Пуссинеса, Париж, 1661.

Бриенний, родившийся в Орестиасе в Македонии в середине XI века, был мужем Анны Комниной, дочери императора Алексея. Отличавшийся физическими и умственными способностями, Бриенний принимал активное участие в борьбе против крестоносцев. Его история была посвящена правлению императоров, начиная с Исаака Комнина и заканчивая Михаилом VII Дукасом, и представляет собой ясный рассказ, написанный с суждением и прямоотой лидера и очевидца тех времен. Его работу продолжила его жена.

Byzantinæ Historiæ Scriptores. Париж, 1644-1711. 42 тома.

Первое коллективное издание византийских историков, под редакцией Лаббе, Фабротуса, Комбефизиуса и других. Оно было переиздано в Венеции в 1729-1733 годах, но в настоящее время заменено Боннским «Корпусом», см.

Камениата, Иоанн, Ἰωάννου κληρικοῦ καὶ κουβουκλεισίου τοῦ Καμενιάτου εἰς τὴν ἄλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης (De excidio Thessalonicensi), под редакцией Лео Аллатиуса, с латинским переводом, в его Σύμμικτα, Рим, 1653.

Иоанн Камениата, посол епископа Фессалоник, был свидетелем захвата этого города арабами 31 июля 904 года. Сам Камениата был увезен в Тарс, и, находясь там в плену в ожидании обмена, он написал рассказ о падении Фессалоник, который отличается живостью и ценностью.

Кандид Исавр, Ἱστορία, фрагменты, сохранные Фотием и Суидой, изданные Лаббе в его Eclogæ Historicorum de Rebus Byzantinis, в Excerpta de Legationibus Д. Хошелиуса, Париж, 1648.

Кандид Исавр, чья византийская история сейчас существует только в фрагментах, был уроженцем Исаврии и жил во время правления императора Анастасия (491-518). Его история, по-видимому, относится к периоду 407-491 годов.

Цекаумен Περί παραδρομῆς πολέμου, под редакцией В. Васильевского, в его статье «Ratschläge und Erzählungen (Sovêty i razskazy) eines byzantinischen Magnaten des 11. Jahrhunderts», в Журнале министерства народного просвещения, Санкт-Петербург, 1881, т. 215-216.

Цекаумен был византийским аристократом XI века, который в позднем возрасте посвятил себя написанию трактата, предположительно в подражание Леону Диакону, посвященного военной тактике, морали, домашнему хозяйству, а также этнологическому и историческому описанию Византийской империи со времен Василия II до Романа Диогена.

Георгий **Кедренский**, Σύνοψις ἱστοριῶν (Compendium Historiarum ab Orbe Condita ad Isaacum Comnenum), под редакцией Г. Ксиландера, Базель, 1566.

Георгий Кедрен, греческий монах, жил в XI веке и составил, в основном на основе синопсиса Иоанна Сцилица, историческое сочинение, охватывающее период от сотворения мира до 1057 года н. э. Он был очень слаб в исторических знаниях, и к его работе следует относиться с большой осторожностью.

Халкондилес, Лаоникус (Николай), Ἱστορία, под редакцией Дж. Р. Баумбаха, с латинским переводом, Женева, 1615.

Халкондиль был уроженцем Афин, но о его жизни мало что известно, кроме того, что во время осады Константинополя в 1446 году он был послан императором Иоанном VII в качестве посла к султану. Десять книг его истории посвящены туркам и позднему периоду Византийской империи, с 1298 года до завоевания Коринфа в 1463 году. Автор выбрал для описания сложный период, когда византийские дела сливались с делами турок, франков, славян и греческих деспотов, а Константинополь больше не был главным центром, вокруг которого группировались события. Книга является одним из важнейших источников по истории того времени. Стиль интересный, но материал не очень хорошо организован. Часто вводятся посторонние замечания, а знания автора в области европейской географии забавно скудны. Согласно его описанию, Англия состоит из трех островов, объединенных под одним правительством, с процветающей столицей Λονδύνη; ее жители смелые, а лучники — лучшие в мире. Их манеры и привычки, по его словам, были точно такими же, как у французов, а их речь не имела сходства с каким-либо другим языком.

Cinnamus, Joannes, Ἐπιτομή τῶν каторθωμάτων τῷ μακαρ ἱτῇ βασιλεῖ καὶ πορφυρογεννήτῳ κυρῷ Ἰωάννῃ τῷ Κομνηνῷ καὶ ἀφήγησις τῶν πραχθέντων τῷ αἰοιδίμῳ υἱῷ αὐτοῦ τῷ βασιλεῖ καὶ πορφυρογεννήτῳ κυρῷ Μανουήλ τῷ Κομνηνῷ πονηθεῖσα. Ἰωάννη βασιλικῷ γραμματικῷ τῷ Κιννάμῳ, под редакцией Корнелиуса Толлиуса, с латинским переводом, Утрехт, 1652.

Иоанн Киннамус жил в XII веке. Он работал императорским нотариусом при Мануиле Комнине, правившем с 1143 по 1180 год, и сопровождал его в многочисленных военных походах по Европе и Азии (), поскольку должность нотариуса соответствовала должности современного государственного секретаря. Его история правления Мануила и его отца Коло-Иоанна является одной из лучших византийских историй.

Комнина, Анна, Ἀλεξίας, Аугсбург, 1610.

Анна Комнина, дочь Алексея I Комнина, родилась в 1083 году. Обладая редким талантом, она получила образование во всех областях науки. После вступления на престол Иоанна в 1118 году она была сослана за заговор с целью возвести своего мужа на престол. Во время изгнания она написала биографию своего отца. «*Алексиас*» — это история в форме художественного романа. Правда приукрашена в соответствии с целями автора, который стремился прославить отца и дочь, но, несмотря на все свои недостатки, это произведение остается одним из самых интересных и ценных произведений византийской литературы. Ее работа является практически продолжением работы ее мужа Никифора Бриенния, о котором уже упоминалось выше.

Комнин и **Прокл**, Ἱστορία Πρελούμπου καὶ ἄλλων διαφόρων Δεσποτῶν τῶν Ἰωαννίνων ἀπὸ τῆς ἀλώσεως αὐτῶν παρὰ τῶν Σέρβων ἕως τῆς παραδόσεως εἰς τοὺς Τούρκους, под редакцией Андреаса Мутоксидеса, в его Ἑλληνουμνῆμων (Корфу), 1843-1847; под редакцией Г. Дестуниса, с русским переводом, Санкт-Петербург, 1858.

Это фрагмент предполагаемой истории Эпира.

Константин VII, Флавий Порфирогенет, Ἱστορικὴ διήγησις τοῦ βίου καὶ τῶν πράξεων τοῦ Βασιλείου τοῦ βασιλέως (Vita Basilii), под редакцией Лео Аллатиуса, в его Σύμμικτα, с латинским переводом, Кельн, 1653.

Константин VII, Флавий Порфирогенет, единственный сын императора Льва (VI) Философа, родился в 905 году. Он номинально правил с 911 по 959 год, но с 912 по 944 год Восточная империя была узурпирована Лекапеном. В вынужденной отставке он посвятил себя науке и стал усердным писателем, составителем и покровителем науки. Помимо «*Жизни Василия*», он написал работы, посвященные имперскому и провинциальному правительству, военному и морскому делу, а также придворному этикету. Его прозвище «*Порфирогенет*» («рожденный в пурпуре») было взято от πόρφυρα, названия апартаментов в императорском дворце, в которых он родился, и отсюда произошло выражение, применяемое к королевской семье.

Корипп, Флавий Кресконий, Corippi Africani fragmentum carminis in laudem imperatoris Justini Minoris; Carmen panegyricum in laudem Anastasii quæstoris et magistri; de laudibus Justini Augusti Minoris heroico carmine libri IV, под редакцией Михаэля Руиса (Мадрид, 1579); Антверпен, 1581; Йоханнис, Милан, 1820.

Латинский поэт *Флавий Кресконий Корипп* оставил после себя два стихотворения, которые полезны для изучения истории его времени: одно, *Johannis*, повествует об истории войны Иоанна Патриция против мавров; другое, *De Laudibus Justini*, представляет собой экстравагантную панегирическую оду младшему Юстину (565-578 гг. н. э.). Примечательным фактом об этом произведении является то, что личность его автора, совпадающая с личностью автора *Johannis*, была установлена только спустя более двух веков после его публикации, поскольку Руис просто утверждал, что он скопировал книгу из древней рукописи, о которой он не дал никакого описания. Однако Корипп в предисловии упомянул, что ранее он сочинил стихотворение об африканских войнах, и в результате исследований в 1814 году в Королевской библиотеке в Буде была обнаружена утраченная книга «*Иоаннис*», которая была неправильно каталогизирована. О жизни Кориппа мы знаем очень мало,

кроме того, что он родился в Африке в 530 году н. э. и умер в 585 году. Его произведения в лучшем виде представлены в Боннском «Корпусе».

Corpus scriptorum historiæ Byzantinæ, Бонн, 1828-1878, 49 томов.

Эта великая работа была начата по рекомендации и под руководством Нибура, а после его смерти продолжена Королевской Прусской академией. Отдельные тома были отредактированы Беккером, Хазе, Диндорфом и другими выдающимися учеными.

Критобул из Имброса, Ἱστορία, под редакцией К. Мюллера в его Fragmenta Historicorum Græcorum, т. V, Париж, 1870 (перевод на венгерский язык К. Сабо, в Monumenta Hungariæ Historica, Scriptores, т. XXII, Будапешт, 1875).

Критобул из Имброса около 1470 года написал историю султана Мухаммеда II, охватывающую период 1457-1467 годов. Стиль Критобула размыт, он слабо имитирует манеру греческих классических писателей, и единственная ценность его произведения заключается в том, что оно отражает греческое мышление в период, когда оно примирилось с властью турецких завоевателей.

Дексипп, П. Геренний, фрагменты сохранились в Боннском «Корпусе».

Дексипп написал три исторических труда, из которых сохранились только фрагменты. Он был уроженцем Аттики и прославился во время готского вторжения в Грецию в 262 году н. э. Его историю продолжил Эвнапий.

Дукас, Михаил, «Historia Byzantina», в *корпусах* Парижа, Венеции и Бонна.

Историк *Михаил Дукас* жил в конце XV века. Его история охватывает период с 1391 года до захвата Лесбоса в 1462 году и ценна своим разумным, осторожным и беспристрастным изложением фактов. Однако он писал на весьма варварском греческом языке, используя довольно много иностранных выражений и, по-видимому, не зная греческих классиков.

Пасхальная летопись, Ἐπιτομή χρόνων τῶν ἀπο Ἀδὰμ τοῦ προτοπλάστου ἀνθρώπου ἕως κ' ἔτους τῆς βασιλείας Ἡρακλείου τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ μετὰ ὑπατεῖαν ἔτους ιθ' καὶ ιη' ἔτους τῆς βασιλείας Ἡρακλείου νέου Κωνσταντίνου τοῦ αὐτοῦ υἱοῦ ἰνδικτίωνος γ' (Chronicon Paschale), под редакцией М. Радери, Мюнхен, 1615.

Это исчерпывающая хронологическая таблица, первоначально охватывающая период от Сотворения мира до 629 года н. э. Она получила свое название от расчета пасхального канона, на котором основана христианская хронология. После Евсевия и Синкелла это самое важное и влиятельное произведение греко-христианской хронографии. Составитель хроники, в основном составленной из более ранних работ, был современником императора Ираклия (610-641). Сохранившийся текст обрывается на 627 году нашей эры.

Ефрем Константинопольский, Ἐφραζίου χρονικοῦ Καίσαρες, под редакцией Анджело Май, в его Scriptorum veterum nova collectio, Рим, 1828.

Ефрем написал хронику ямбическим стихом, в которой изложил римско-византийскую историю от Юлия Цезаря до повторного завоевания Константинополя в 1261 году.

Евнапий, Μετά Δέξιππον χρονική ἱστορία, под редакцией Д. Хошеля, Аугсбург, 1603; А. Май, в его Scriptorum veterum nova collectio, Рим, 1828.

Евнапий родился в Сардах в 347 году н. э. Он написал продолжение Дексиппа, но большая часть работы утрачена. Евнапий проявляет симпатии к язычеству, восхищается Юлианом и дает много информации о нравах и обычаях своей эпохи, охватывающей период с 270 по 404 год.

Евстафий из Эпифании, «Хроника», фрагменты сохранились в Боннском «Корпусе».

Евстафий жил во время правления Анастасия (491-521). Его история мира до 502 года н. э. известна только по фрагментам, сохранившимся у Евагрия.

Генезий, Иосиф, Βασιλειῶν Βιβλία Δ.

Генезий жил в середине X века и написал свою греческую историю по приказу императора Константина VII Порфирородного, о литературной деятельности которого только что упоминалось. Его работа включает в себя истории Леона V (813-820), Михаила II (820-829), Феофила (829-842), Михаила III (842-867) и Василия I Македонского (867-886). Работа была впервые напечатана в венецианском «корпусе».

Георгий Монах, «Βίοι τῶν Βασιλέων», под редакцией Г. А. Фабриция в томе VII его «Bibliotheca Græca», Гамбург, 1705-1728, 14 томов.

Георгий Монах (Георгий Монах), вероятно, жил в X веке и составил хронику, охватывающую период с 813 по 948 год н. э., которая является продолжением хроники Феофана Исавра.

Георгий Синкелл, Ἐκλογὴ Χρονογραφίας συνταγεῖσα ὑπὸ Γεωργίου Μοναχοῦ Συγκέλλου γεγονότος Ταρσίου Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ἀπὸ Ἀδάμ μέχρι Διολητιανοῦ, впервые напечатана в Боннском «Corpus».

Георгий Синкелл, Альбас или Монах, жил в VIII и IX веках и получил свое прозвище как личный слуга или *синкелл* патриарха Тарсасия, умершего в 806 году. Его летопись охватывает период от Адама до Диоклетиана, но была предназначена для продолжения до 800 года н. э., а Феофан Исаврийский фактически продолжил ее до 811 года. Хроника Синцелла, наряду с Евсевием, является наиболее важным трудом для изучения христианской хронографии.

Гликас, Михаил, Βίβλος χρονική (Анналы), под редакцией Дж. Мейриуса, Теодори Метохита, Historiæ Romanæ и др., Лейден, 1618; латинский перевод Леунклавиуса, Базель, 1572.

Михаил Гликас родился либо в Константинополе, либо на Сицилии, но ничего не известно о его личности и времени жизни. Его «*Летопись*» охватывает период от Сотворения мира до 1118 года, поэтому он, вероятно, жил после этой даты. Он пишет ясно и лаконично, демонстрируя знание иностранных языков. Мейриус в своем издании ошибочно приписал эту книгу Феодору Метохиту.

Григорий Никифор, Ῥωμαϊκὴ ἱστορία, под редакцией Х. Вольфа, с латинским переводом, Базель, 1562.

Григорий (1295-1359) вел литературную деятельность, охватывавшую почти все области византийской науки. Его история является продолжением работы Пахимера и начинается с захвата Константинополя латинянами в 1204 году и доходит до 1359 года.

Ханкиус, Мартин, De Byzantinarum rerum scriptoribus Græcis, Лейпциг, 1677. — **Гесихий Милетский**, Opuscula, под редакцией Юния, с латинским переводом, Антверпен, 1572; под редакцией Мерсия, Лейден, 1613; под редакцией Дж. К. Ореллиуса, Лейпциг, 1820.

Гесихий, называемый Прославленным, родился в Милете и жил во времена императоров Анастасия I, Юстина I и Юстиниана II. Сведения о его личности скудны, но известно, что он является автором следующих произведений: Ἱστορία Ῥωμαϊκὴ τε καὶ παντοδαπή, или Хρονική ἱστορία, краткий обзор мировой истории со времен Бела, предполагаемого основателя Ассирийской империи (1402 г. до н. э.), до смерти Анастасия I в 518 г.; Ὀνοματολόγος ἢ πίναξ τῶν ἐν παιδείᾳ ὀνομαστῶν, включающая биографии греческих писателей, но из которой сохранились только фрагменты; Πάτρια Κωνσταντινουπόλεως, книга о ранней истории города Византия, которая изначально была частью его истории.

Иоанн VI, Кантакзуэн, Ἱστορίων βιβλία Δ, опубликовано Грецером с латинским переводом Якоба Понтануса, Ингольштадт, 1603; под редакцией Пьера Сегье, Париж, 1645.

Иоанн Ангел Комнин Палеолог Кантакузен, император Константинополя с 1342 по 1355 год, иногда также называется Иоанном VI, поскольку его путают с его подопечным и соперником с таким же именем, который, номинально вступив на престол в 1342 году, фактически правил только до 1355 года. История Кантакузена охватывает период с 1320 по 1357 год, включая его собственное правление. Ее стиль легкий, достоин и разборчивый, но часто тщеславный и лицемерный, когда речь идет о его собственной жизни или друзьях. Ее следует сравнить с работой Никифора Грегораса, который пишет об том же периоде. Кантакузен также написал опровержение мусульманства.

Иоанн Антиохийский, Ἱστορία Χρονική ἀπὸ Ἀδάμ. (Historia Chronographica ab Adamo), под редакцией Вalezия в его Excerpta, Париж, 1634.

Иоанн Антиохийский написал хронику в период, который, по предположениям, приходится на 620 год н. э. О его личной жизни ничего не известно, но Гельцер склонен отождествлять его с патриархом Иоанном Антиохийским (631-649). Его история, начинающаяся с Адама, должна была быть написана после смерти Фоки в 610 году, поскольку он описывает этого правителя как «кровожадного», «ὁ αὐτὸς Φωκᾶς ὑπῆρχεν αἰμοπότης».

Иоанн из Эпифании, Ἰωάννου σχολαστικοῦ καὶ ἀπὸ ἐπαρχῶν Ἐπιφανέως περὶ τῆς τοῦ νέου Χοσρόου προσχωρήσεως πρὸς Μαυρίκιον τὸν Ῥωμαίων αὐτοκράτορα ἱστορίων τόμος α, под редакцией Б. Hase (с Лео Диаконом), Париж, 1819; С. Müller, в его Fragmenta Historicorum Graecorum, Париж, 1841-1870, 5 томов (новое издание 1883); L. Dindorf, в его Historici Graeci Minores, Лейпциг, 1870-1871, 2 тома.

Иоанн из Эпифании процветал в конце VI века, и его история посвящена византийским делам от Юстиниана до Маврикия. Рукопись его работы датируется XIII веком и хранится в Ватикане.

Иоанн Лаврентий, «Περὶ μηνῶν συγγραφή» (De Mensibus Liber), под редакцией Николауса Шоу, Лейпциг, 1794.

Иоанн Лаврентий из Филадельфии был византийским поэтом VI века, но его стихи не сохранились. Его исторический комментарий к римскому календарю, упомянутый выше, составлен из многочисленных источников, в основном неизвестных. Он также написал Περὶ ἀρχῶν τῆς Ῥωμαίων πολιτείας (De Magistratibus Reipublicae Romanae), в котором дает неблагоприятную характеристику императору Зенону.

Иоанн Сикулус, Die Chronik des Johannes Sikeliota, под редакцией А. Генриха, Грац, 1892.

Предполагается, что *Иоанн Сикулус* написал краткий обзор истории от сотворения мира до Михаила III, 866 г. н. э., или, возможно, 1204 г. Большая часть работы утрачена, сохранившаяся часть обрывается на середине Троянской войны, после изложения древней истории ассирийцев, египтян, греков, евреев, персов и птолемеев.

Иоиль, Χρονογράφια ἐν συνόψει, впервые изданная Леоном Аллатиом в парижском «Corpus».

Иоиль жил в XII и XIII веках и написал краткий обзор наиболее важных событий истории, известных ему, уделяя особое внимание византийским делам. Охват произведения — от Адама до 1204 года н. э.

Иоанн Эфесский, Ἱστορία ἐκκλησιαστικῇ, Третья книга «Церковной истории» Иоанна, епископа Эфесского, издана Уильямом Кьюртоном, Оксфорд, 1853 г. (другие фрагменты были изданы голландским историком Дж. П. Н. Лэндом в его «Anecdota Syriaca», Лейден, 1856 г., 4 тома).

Иоанн, епископ Асии, или Эфеса, родился в Амиде около 505 года. Он возглавлял монофизитскую партию и пользовался благосклонностью Юстиниана. Третья книга его истории начинается с гонений при Юстиниане в 571 году. Он рассказывает нам, что «большая часть этих историй была написана в то самое время, когда шли гонения, и в условиях трудностей, вызванных их давлением; и даже было необходимо, чтобы друзья убрали листы, на которых были написаны эти главы, и все другие части текста, и спрятали их в разных местах, где они иногда оставались в течение двух или трех лет. Поэтому, когда происходили события, которые автор хотел зафиксировать, он мог частично упоминать о них ранее, но у него не было бумаг или заметок, по которым он мог бы прочитать и узнать, были ли они описаны или нет. Поэтому, если он не помнил, что записал их, в какой-то момент впоследствии он, вероятно, снова приступал к их подробному описанию; и поэтому иногда одна и та же тема записывается в более чем одной главе; и впоследствии он так и не нашел подходящего времени, чтобы ясно и четко расположить их в упорядоченном повествовании». Этот отрывок объясняет причину запутанного состояния «Истории». Джон умер примерно в восьмидесятилетнем возрасте. Первая книга его истории утрачена, вторая сохранилась только фрагментарно, но рукопись третьей, хранящаяся в Британском музее, довольно полная.

Юлиан, Флавий Клавдий, *Orationes*, под редакцией П. Мартиниуса и К. Кантокларуса, в их издании произведений Юлиана, Париж, 1583; под редакцией Петавия, Париж, 1630; под редакцией Эзекиила Спанхайма, Лейпциг, 1696. (Речи также были опубликованы отдельно.)

Флавий Клавдий Юлиан, более известный как Юлиан Отступник, родился в Константинополе 17 ноября 331 года. Юлиан, великий император, был также выдающимся писателем. Он написал огромное количество тщательно проработанных произведений на различные темы, которые являются важными источниками информации о религии и философии его эпохи. *Речи* Юлиана имеют историческую ценность, особенно те, которые касаются семьи Константина. В них он также рассматривает платоническую философию и поклонение солнцу и во многих отношениях проявляет свою привязанность к язычеству в противовес христианству.

Лео Диакон, *Ἱστορία βιβλίους 4*, под редакцией С. В. Hase, с латинским переводом, Париж, 1818.

Лев Диакон жил в X веке и был уроженцем Калоз, недалеко от горы Тмол. В 966 году он был студентом в Константинополе, а в 986 году служил военным капелланом при Василии II в войне против болгар. Его история охватывает период между 959 и 975 годами. Честная и бесстрашная в отношении современных событий, эта история, хотя и плохо написана и неточна в географии и классической истории, имеет большое значение, поскольку автор является единственным современным писателем, описывающим один из самых блестящих и успешных периодов византийской истории — период Никифора Фоки и Иоанна Зимиска. Книга содержит ценные данные об истории и обычаях болгар и русских, по которым Лев является самым авторитетным источником.

Лев Граматик, *Χρονογραφία, τὰ τῶν νέων Βασιλέων περιέχουσα* (*Chronographia Res a Recentioribus Imperatoribus Gestas Complectens*), впервые напечатана в парижском «Corpus».

Лев Грамматик был одним из продолжателей Феофана. О его жизни ничего точно не известно. Его хроники охватывают период с 813 года до смерти Романа Лекапена в 948 или 949 году.

Малалас, Иоанн, *Χρονογραφία*, под редакцией Эдмунда Чилмида, с латинским переводом, Оксфорд, 1691.

Иоанн Малалас (Малалас) родился в Антиохии, вероятно, примерно в то же время, что и Юстиниан Великий (528-565), хотя некоторые авторитетные источники относят его к IX веку. Его объемная хроника изначально начиналась с сотворения мира, но начало утрачено, и сохранившаяся часть начинается со смерти Вулкана и вступления на престол его сына Сола, а заканчивается походом Марциана, племянника Юстиниана Великого. Малалас рассказывает много абсурдного, но его рассказ о Юстиниане ценен, и его работа чрезвычайно важна, поскольку она является первой, представляющей тип христианско-византийской монашеской хроники, которая так важна в истории литературы. Книга также является первым важным памятником популярного греческого языка и поэтому представляет большой филологический интерес. Влияние Малаласа на более поздних византийских, восточных и даже западных летописцев неизмеримо. На протяжении шести веков его произведение так часто копировали и переписывали, что оригинал стал ненужным, и сейчас существует только одна его рукопись.

Малх Филадельф, Βυζανταῖκα, напечатанное в Боннском «Корпусе» (Excerpta).

Малх Филадельф, родившийся в Сирии и ритор из Константинополя, написал историю, которая была использована в *Excerpta de Legationibus*, сборнике, составленном по приказу Константина VII Порфирогенета. Часть его работы, о которой нам известно, охватывает только период с 473 по 480 год н. э., эта часть была сохранена Фотием.

Манасс, Константин, Σύνοψις ἱστορικῇ, латинская версия Леунклавия, Базель, 1573; под редакцией J. Meursius, Лейден, 1616; переведено на славянский язык V. Jagić, в Archiv für slavische Philologie, Берлин, 1877; и J. Bogdan, в его Vechile cronice Moldovenesci pana la Urechia, Бухарест, 1891.

Константин Манассис жил при императоре Мануиле Комнине в середине XII века и написал несколько произведений в стихах и прозе. Его история, написанная в своеобразной ритмичной прозе («политическая поэзия»), представляет собой хронику от сотворения мира до вступления на престол Алексея I в 1081 году. Издание Мейриуса было посвящено Густаву Адольфу.

Менандр Протектор, Ἱστορία, под редакцией Анджело Май, в его Scriptorum Veterum nova collectio, т. II, Рим, 1825-1838, 10 тт.; под редакцией К. Мюллера, в его Fragmenta Historicum Græcorum, т. IV, Париж, 1841-1870, 5 тт., новое издание 1883; под редакцией Л. Диндорфа, в его Historici Græci Minores, Лейпциг, 1870-1871, 2 тт.

Менандр Протектор родился в Византии в середине VI века. Как историк, он написал продолжение Агафия, охватывающее период с 558 по 582 год, а его работу продолжил Феофилакт Симокатт. Менандр часто цитируется Суидой и является одним из лучших источников по истории VI века.

Михаил Панарет, Περί τῶν τῆς Τραπεζοῦντος βασιλέων, τῶν Μεγάλων Κομνηνῶν, ὅπως καὶ πότς καὶ πόσον ἕκαστος ἐβασίλευσεν, под редакцией Л. Ф. Тафеля, в его Eustathii Metropolitæ Thessalonicensis opuscula etc., Франкфурт, 1832; и Ф. Фальмерайером, в Abhandlungen Баварской академии, 1844.

Михаил Панарет жил в первой половине XV века и вел летопись империи Трапезундской с 1204 по 1426 год. Он был очевидцем многих описанных событий, что делает его работы особенно ценными.

Неофит, Νεοφύτου πρεσβυτέρου μοναχοῦ καὶ ἐγκλειστοῦ περὶ τῶν κατὰ τὴν χώραν Κύπρου σκαιῶν (Неофит Пресвитер Монах и Заключенный, De Calamitatibus Cypri), под редакцией Ж. Б. Котелье, в его Ecclesiæ Græcæ Monumenta, Париж, 1677-1686, 3 тома.

Неофит родился в 1134 году и жил священником и монахом на своей родине, Кипре. В своем послании, упомянутом выше, он рассказывает о захвате Кипра Исааком Комнином и о заключении Исаака Ричардом Львиное Сердце.

Никифор Каллист Ксантопул, *Historia Ecclesiastica*, латинская версия, под редакцией Й. Ланга, Базель, 1553; переиздано со школиями, 1560 (61); Антверпен, 1560; Париж, 1562, 1566, 1573; Франкфурт, 1588; греческий текст с переводом Ланга, Париж, 1630, 2 тома.

Никифор Каллист Ксантопул умер около 1350 года, а дата его рождения, по предположениям, приходится на 1290 год. В настоящее время сохранилось восемнадцать из двадцати трех книг его церковной истории, которая была составлена на основе трудов Евсевия, Евагрия и других авторов и охватывает период от времени Христа до смерти Фоки в 610 году. Работа отличается элегантным стилем, который намного превосходит стиль его современников. Однако доверчивость автора и отсутствие здравого смысла привели к тому, что книга изобилует баснями.

Никифор, Патриарх Константинопольский, *Ἱστορία σύντομος* (*Breviarum Historicum*), под редакцией Д. Патавиуса, с латинским переводом, Париж, 1616; перевод на французский язык Монтероле, Париж, 1618, и Ф. Морелем, Париж, 1634; *Χρονογραφικὸν σύντομον*, под редакцией Jos. Scaliger, в его *Thesaurus Temporum*, Лейден, 1606; J. Camerarius, в латинской версии, Базель, 1561.

Никифор, патриарх Константинополя с 806 по 815 год, когда он был свергнут Леоном Арменским, родился в 758 году и занимал должность нотариуса императора Константина VI. Его *Breviarum* начинается с убийства Маврикия в 602 году и продолжается до брака Льва IV в 770 году. Хронология начинается с Адама и доходит до года смерти автора, 828 года. Никифор иногда называют «Исповедником» из-за его решительного противостояния иконоборцам.

Никита Акоминат, «История», под редакцией Х. Вольфа, с латинским переводом, Базель, 1457, и Симона Гулартиуса, Женева, 1593.

Никита Акоминат родился в Хонах, Фригия, в середине XII века и умер в Никее, Вифиния, около 1216 года. Он занимал высокие должности при Исааке II Ангеле и был свидетелем взятия Константинополя в 1204 году, о чем он дает впечатляющее описание. Его история, являющаяся продолжением истории Зонареса, состоит из десяти приложений к 21 книге и посвящена восточным императорам с 1180 по 1206 год. Используя порой пафосный стиль, Никита выражает глубокое возмущение латинскими завоевателями, но остается беспристрастным в отношении фактов.

Ноннос, *Ἱστορία*, под редакцией К. Мюллера, в его *Fragmenta Historicorum Græcorum*, Париж, 1841-1870, 5 тт., новое издание 1883; под редакцией Л. Диндорфа, в его *Historici Græci Minores*, Лейпциг, 1870-1871, 2 тт.

Ноннос, который написал историю посольства, которое он предпринял к сарацинам в 533 году, жил при Юстиниане I. Его оригинальное произведение погибло и существует только в виде сокращенной версии, сохраненной Фотием.

Пахимер, Георгий, «*Historia Byzantina*», под редакцией П. Поссимуса, греческий и латинский тексты, Рим, 1666-1669, 7 томов.

Георгий Пахимер родился около 1242 года в Никее, куда его отец бежал после захвата Константинополя в 1204 году. После возвращения города Пахимер отправился туда, чтобы изучать богословие и право, и стал генеральным адвокатом Восточной церкви и главным судьей. Он также занимался дипломатической деятельностью и умер в 1310 или 1340 году. Его портрет, вырезанный на дереве, предположительно взятый из старинной рукописи,

находится в издании Вольфа «Никифор Грегорас», Базель, 1562 год. Пахимер написал ряд работ, в основном философских, но наиболее важной из них является его история, продолжающая историю Акрополита, в тринадцати книгах, включающая истории императоров Михаила Палеолога и Андроника Палеолога. Она написана спокойно, достойно и достаточно беспристрастно, но работа часто портится введением догматической теологии, которой автор, по-видимому, очень увлекался. Он действительно был первым византийским историком, который занимался историей высоко догматической эпохи. Пахимер был продолжен Грегором Никифором.

Петр Патриций, «Истории», под редакцией Л. Диндорфа, в его «Historici Græci Minores», Лейпциг, 1870-1871, 2 тома.

Петр Патриций родился в Фессалониках в 500 году. Он работал на дипломатической службе при Юстиниане I и умер около 562 года н. э. Предполагается, что его история охватывает период от второго триумvirата до немного более позднего времени, чем эпоха Константина Великого, хотя только часть, простирающаяся до правления Юлиана, явно приписывается ему. Остальная часть взята из отрывка *De sententiis*, заключение которого обычно называют *Anonymus post Dionem*. Сохранились только отрывки из него. Петр также написал работу под названием *περὶ πολιτικῆς καταστάσεως*, т. е. о государственной организации.

Фотий, Μυρίοβιβλου ἢ Βιβλιοθήκη, под редакцией Давида Хошелиуса, Аугсбург, 1601; латинская версия А. Шоттуса, Аугсбург, 1606; греческие и латинские переиздания, Женева, 1612, и Руан, 1653; переработанный греческий текст Л. Беккера, Берлин, 1821-1825.

Фотий был связан узами брака с императором Феофилом и в 858 году был неправоммерно избран патриархом Константинополя, что в конечном итоге привело к разделению восточной и западной церквей. Эти события будут подробно описаны в томе VIII, в нашем рассказе о папстве. Фотий был человеком с замечательными интеллектуальными способностями и занимал много высоких должностей. По этим причинам его сочинения чрезвычайно ценны. Его «Βιβλιοθήκη» представляет собой всеобъемлющий обзор существовавшей в то время греческой литературы, включая историков, гражданских и церковных деятелей, биографов, философов, ораторов, поэтов и писателей-рассказчиков. Таким образом, Фотий сохранил свидетельства о многих писателях и произведениях, которые в противном случае были бы утрачены, в том числе части произведений таких людей, как Демосфен, Диодор Сицилийский, Гиперид и Ликург. Фотий также написал ряд богословских и церковных трудов, лексикон и большое количество писем, все из которых ценны тем, что отражают менталитет той эпохи.

Францес, Γεωργίου Γεωργίου Φραντζή τοῦ πρωτοβεστιάριου ... Νῦν προῶτον ἐκδοθὲν ἐπιμελεία φραγκίστου Καρόλου Αλтер (Альтер), Вена, 1796; латинский перевод Якоба Понтануса, Ингольштадт, 1604.

Георгий Францес, последний из византийских историков, жил в XV веке и занимал высокую должность при Константине XIII. После захвата Константинополя турками он поступил в монастырь, где написал свою «Хронику», которая является ценным источником сведений о захвате Константинополя и охватывает период с 1259 по 1477 год. Он достоверен в описании современных ему событий, но склонен к длинным отступлениям. Издание профессора Альтера является стандартным; перевод Понтануса был охарактеризован Гиббоном как «недостаточный по точности и элегантности».

Приск, Ἱστορία Βυζαντικὴ καὶ κατὰ Ἀττίαν, фрагменты под редакцией Д. Хошелиуса, Аугсбург, 1603, латинский перевод К. Кантокларуса, Париж, 1609; оба переизданы Фабро в его *Excerpta de Legationibus*, Париж, 1648; и в *Protrephticon* Лаббе, Париж, 1648.

Приск, ранний византийский историк, родился во Фракии. Мы почти ничего не знаем о его жизни, за исключением 445-447 годов, когда он находился при дворе Атиллы в качестве посла Феодосия Младшего. Поэтому его рассказ об Атилле был из первых рук, но, к сожалению, сохранились только его фрагменты.

Прокопий, Ἱστορικὸν ἐν βιβλίοις ὀκτώ, под редакцией Петра Питоса, в его Codex Legum Wisigothorum, Париж, 1559; под редакцией Д. Хошелиуса, Аугсбург, 1676; под редакцией Б. Вулканиа, в его Scriptores Gothicarum, Лейден, 1597, 1617; латинская версия (заявленная как оригинальное произведение Леонардо Аретино), De bello Italico adversus Gothos gesto, Фолиньо, 1470, Венеция, 1471; перевод на английский язык Х. Холкрофта, Лондон, 1653; Ἀνέκδοτα (Historia Arcana), под редакцией Н. Аллеманнуса, с латинской версией, Лион, 1623; Кельн, 1669; под редакцией Й. Эйхелиусом, Хельмштадт, 1654; перевод на английский язык, Лондон, 1674; Κτίσματα (Libri VI de Aedificis conditis vel restoratis auspicio Justiniani), под редакцией Дж. Хервагиуса, Базель, 1531, Париж, 1543; с латинским переводом Ф. Креневельда, Париж, 1537.

Прокопий, самый важный позднегреческий византийский историк, родился в Кесарии в начале VI века. После обучения в Константинополе его природные способности принесли ему в 527 году должность секретаря Велizarия, которого он сопровождал в нескольких войнах. Он также с отличием служил при Юстиниане, который в 562 году назначил его префектом Константинополя. Его литературное творчество было обширным, и вокруг его имени разгорелись многочисленные споры: некоторые, например, утверждали, что он был врачом, поскольку он давал подробное описание чумы. Его «История» является, безусловно, его самым важным трудом, посвященным периоду 408-554 годов, в котором он достоверно и мастерски описывает свою эпоху. Говорят, что он вел дневник, когда сопровождал Велizarия в его походах против вандалов. Его историю продолжил Агафий. Ктисма — это интересное описание архитектурных начинаний Юстиниана, несколько льстивое для памяти императора, но написанное с полным знанием архитектурного искусства. Анекдота — это сборник остроумных и любопытных историй, в основном о придворных скандалах, авторство которых обычно приписывают Прокопию, хотя некоторые сомневаются, что это могло быть делом рук серьезного государственного деятеля и историка.

Сцилит, Иоанн, Σύνοψις ἱστοριῶν συγγραφεῖσα παρὰ Ἰωάννου κουροπαλάτου καὶ μεγάλου δρουγγαρίου τῆς Βίβλας τοῦ Σκυλίτζη (Synopsis Historiarum Scripta a Joanne Scylitze Curopalata et Magno Drungario Vigiliæ), перевод на латынь J. В. Габиуса, Венеция, 1570.

Иоанн Сцилит, прозванный *Куропалатом*, занимал высокие должности при византийском дворе еще в 1081 году. История, которая сейчас приписывается ему и полный греческий текст которой никогда не был опубликован, во многих отношениях напоминает историю Кедрена, и его притязания на авторство оригинала « » раньше горячо оспаривались. Однако сейчас общепризнанно, что Кедрен был переписчиком. Хроника охватывает период с 811 по 1079 год.

«**История Сицилии**», под редакцией Ф. Батиффоля с латинским переводом, в Comtes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres, Париж, 1890.

Эта работа неизвестного греческого автора описывает события в Сицилии с 827 по 965 год. Греческий текст сохранился в двух рукописях: Cod. Vatic. 1912 и Cod. Paris, suppl. gr. 920. Недавно было доказано, что старая арабская рукопись, хранящаяся в Кембридже, является переводом этой истории.

Симеон Метафраст, Χρονογραφία (Летопись), в «Корпусах» Парижа, Венеции и Бонна.

Симеон Метафраст, также известный как *Магистр* и *Логофет*, жил во второй половине X века и занимал должность главного государственного секретаря при Льве VI и Константине

VII. Он был плодовитым писателем и составителем, и его «*Sanctorum Vitæ*» содержит биографии почти семисот святых. Его «*Анналы*» охватывают период от Льва V (813 г. н. э.) до Романа II (960 г.). Его «*Хроника*», произведение, несколько отличающееся от «*Анналов*», никогда не публиковалась и содержится в ряде рукописей с разными названиями.

Темистий, Πολιτικοῖ λόγοι, под редакцией Альда, Венеция, 1534, и Диндорфа, Лейпциг, 1832; латинская версия Гермолауса Барбаруса, Венеция, 1481, и часто переиздавалась.

Темистий, философ и ритор, жил в Константинополе и Риме во время правления Констанция, Юлиана, Йовиана, Валента, Грациана и Феодосия, которые все относились к нему с благосклонностью. Он стал сенатором, а во время правления Феодосия был назначен префектом Константинополя. Его часто нанимали в посольства и для других государственных дел. Помимо различных философских трудов, сохранилось тридцать пять его речей, некоторые из которых являются поздравительными обращениями к императорам Констанцию, Валентиниану и Валенсу. Он умер около 390 года н. э.

Феодор Анагностис (Лектор), Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, под редакцией Р. Стивенса, в его Excerpta, Париж, 1544; Кристоферсона, с латинским переводом, Женева, 1612; Х. Валезиуса, Париж, 1673; переиздано, Кембридж, 1720; Турин, 1748.

Феодор Анагностис (Лектор) жил, вероятно, во времена правления Юстина I или Юстиниана I и написал краткий обзор истории церкви от Константина Великого до смерти Констанция II. Его «*История*» охватывает период от Феодосия Младшего до Юстина I или Юстиниана I, но сохранилась только в выдержках Никифора Каллиста (XIV век), Иоанна Дамаскина и других. Он является главным авторитетом в вопросах правления императоров Зенона и Анастасия.

Феодор, епископ Кизика, «*Хроника*».

Теодор из Кизика считался автором хроники мира от Адама до повторного завоевания Константинополя в 1261 году, но о его личности известно очень мало, а его работа существует только в фрагментах, которые никогда не были опубликованы.

Феодосий Сиракузский, Θεοδοσίου μοναχοῦ τοῦ καὶ γραμματικοῦ ἐπιστολὴ πρὸς Λέοντα διάκονον περὶ τῆς ἀλώσεως Συρακούσης, под редакцией Б. Хазе (с Леоном Дияконом), Париж, 1819.

Феодосий был монахом из Сиракуз, увезенным в плен в Панормо, когда сарацины захватили Сиракузы в 880 году. Пока события катастрофы были еще свежи в его памяти, он зафиксировал их в письменной форме в виде письма к Лео Диякону.

Феофан Византийский, Ἱστορικῶν λόγοι δέκα, фрагменты под редакцией К. Мюллера, в его Fragmentorum Historicorum Græcorum, т. IV, Париж, 1841-1870, 5 тт., новое издание, 1883; Л. Диндорф, в его Historici Græci Minores, Лейпциг, 1870-1871, 2 т.,

Феофан Византийский жил, вероятно, в VI веке. Его история посвящена Персидской войне при Юстине II, начиная с нарушения перемирия с Хосроем в 567 году и заканчивая десятым годом войны. Феофан сохранил запись о привезенных в Италию шелкопрядах, поскольку римляне ранее не знали, что шелк является продуктом жизнедеятельности насекомых.

Феофан Исавр, «*Хроника*», под редакцией Дж. Гоара, Париж, 1655.

Феофан Исавр, также называемый Исповедником, родился в знатной семье во время правления Константина V (741-775) и в юности женился на дочери патриция Льва. После выполнения различных государственных обязанностей он удалился от мира и основал монастырь, а его жена ушла в монастырь. Он участвовал в Никейском соборе в 787 году, где яростно защищал поклонение образам, и когда в 813 году его призвали отречься от своих

взглядов, он предпочел тюремное заключение и изгнание. Его история начинается с Диоклетиана, 284 г. н. э., с того момента, где остановился Георгий Синкелл, и продолжается до 813 г., времени его заключения, а его смерть наступила в 818 г. Это произведение не является высококачественным, но ценно в отсутствие более надежных источников информации. Его рассказы о делах Восточной империи гораздо более достоверны, чем те, которые касаются Западной империи, в отношении которой он допускает самые необычные ошибки. Продолжение *хроники* Феофана было подготовлено по приказу Константина VII Порфирогенета и дошло до нас под названием «Χρονογραφία συγγραφεῖσα ἐκ προστάγματος Κωνσταντίνου τοῦ φιλοχρησίου» δεσπότη καὶ αὐτοράτορος ... ἀρχομένη ὅπου ἔληξε Θεοφάνης ... τῷ βασιλεῖ Μιχαὴλ υἱοῦ Θεοφίλου τοῦ κουροπαλάτου, ἤγουν ἀπο τῆς βασιλεῆς Λέοντος τοῦ Ἀρμενίου (Scriptores post Theophanen), под редакцией Лео Аллатиуса, в его Σύμμκτα, Кельн, 1653; и Комбезиусом, в парижском «Corpus». Охватываемый период — 813–961 гг., а сборник составлен различными анонимными авторами. Георгий Монах и Лев Грамматик также взяли за основу его историю с 813 г.

Феофил Аббас, «Жизнь Юстиниана», под редакцией Джеймса Брайса, в Archivio Storico Società Romana de Storia Patria, Рим, 1887.

Теофил Аббас был упомянут Н. Аллеманнусом в его «*Anecdota*», опубликованной в 1623 году, как автор «Жизни Юстиниана». Однако ни о произведении, ни об авторе ничего не было известно до 1887 года, когда г-н Брайс обнаружил рукопись в библиотеке Барберини в Риме. Рукопись якобы является выдержкой из оригинальной славянской рукописи, но произведение носит настолько легендарный характер, что не представляет большой исторической ценности. Этого Феофила нельзя отождествлять с юристом Феофилом, который помогал Юстиниану в составлении его Кодекса.

Феофилакт Симокатта, Ἱστορία οἰκουμένης, под редакцией Б. Вулканиа, Лейден, 1596; под редакцией Якоба Понтануса, с латинским переводом, Ингольштадт, 1604; перевод на французский язык Ф. Мореля, Париж, 1603, 1608.

Теофилакт Симокатта был египетского происхождения, но родился в Локрии. Известно, что он занимал государственную должность при Ираклии примерно в 610-629 гг. н. э. Его история, являющаяся продолжением истории Менандра, посвящена жизни императора Маврикия, правившего с 582 по 602 г., и является старейшим и наиболее авторитетным источником по этому периоду. Сообщается, что когда автор прочитал отрывок из своего произведения после смерти императора, слушатели были тронуты до слез.

Ксифилин, Иоанн, Ἐπιτομή, под редакцией Леунклавия, Франкфурт, 1592; (см. также Дион Кассий, чьи работы были сокращены Ксифилином).

Ксифилин из Трапезуна, историк, был племянником патриарха с тем же именем и жил во второй половине XI века. По приказу Михаила VII Дука (1071-1078) он составил эпитомию Диона Кассия, которая, к сожалению, включает только книги 61-80, поскольку в копии Диона, использованной Ксифилином, отсутствовали более ранние книги. Его копия была неполной и в других местах. Это произведение ценно тем, что сохраняет основные факты оригинала, большая часть которого утрачена, поскольку из книг 61-80 «Истории Рима» Диона Кассия у нас есть только сокращение, сделанное Ксифилином, и некоторые другие эпитомы, которые, вероятно, были сделаны тем же человеком, который сократил часть от 55-й до 60-й книги.

Зонарас, Иоанн, Χρονικόν (Летопись), под редакцией Х. Вольфа, Базель, 1557, 3 тома.

Иоанн Зонарас жил в XII веке при императорах Алексее I Комнине и Кало-Иоанне. Его *хроника* состоит из восемнадцати книг и охватывает период от сотворения мира до смерти Алексея в 1118 году. Она составлена на основе трудов различных греческих авторов, таких

как Иосиф Флавий и Дион Кассий. Из первых двадцати книг Диона Кассия у нас есть только краткое изложение Зонараса. В последней части своего труда Зонарас писал как очевидец событий, которые он описывает. Зонарас, который также написал лексикон и другие труды, был продолжен Никетой Акоминатом.

Зосим, Ἱστορία νεα, под редакцией Ф. Сильберга, в его *Scriptores Historiæ Romanæ Minores*, Франкфурт, 1590; Людвиг Мендельсона Дорпата, 1887; латинский перевод Леунклавиуса, Базель, 1756; английский перевод, *The History of Count Zosimus*, Лондон, 1814.

Зосим жил в эпоху Феодосия Младшего (408-450) и, вероятно, проживал в Константинополе. Его история Римской империи в шести книгах, судя по записям того года, должна была быть написана после 425 года, хотя период, фактически охватываемый историей, простирается от смерти Коммода (192 г. н. э.) до 410 года. В основном это сборник работ предыдущих историков, но при вынесении суждений он явно предвзято относится к язычеству и отрицательно к Константину, Феодосию и другим защитникам христианства. Он очень любит все удивительное, и его хронология сбивает с толку.

С. Современные работы

Абель, Сигурд, *Der Untergang des Langobardenreichs in Italien*, Гёттинген, 1859. — **Адамс**, У. Х. Д., *Remains of Pompeii and Herculaneum*, Лондон, 1868; 2-е издание, 1878.—**Олкрофт**, А. Х., *The Making of the Monarchy*, Лондон, 1893; (в соавторстве с У. Ф. Масомом), *Rome under the Oligarchs*, Лондон, 1892; *Tutorial History of Rome to 14 A.D.*, Лондон, 1895.—**Али**, Ф., *Cicero, sein Leben und seine Schriften*, Берлин, 1891.—**Альзог**, Дж. Б., «Учебник всеобщей истории христианской церкви», Майнц, 1840. —**Ампер**, Дж. Дж. А., «Римская история в Риме», Париж, 1861-1864; «Римская империя в Риме», Париж, 1867, 4 тома.

Жан Жак Антуан Ампер, французский историк, родился в Лионе 12 августа 1800 года, умер в По 27 марта 1864 года. Он был профессором Колледжа Франции и членом Французской академии. В своей книге Ампер попытался реконструировать римскую историю на основе римских памятников, и первая половина книги посвящена периоду царства. Работа скорее изобретательна, чем убедительна, поскольку в значительной степени основана на предположениях, но она полна эрудиции и художественного энтузиазма.

Арнольд, Томас, «История Рима», Лондон, 1840-1843; 1882; «История поздней римской республики», Лондон, 1882, 2 тома; «Вторая Пуническая война», под редакцией У. Т. Арнольда, Лондон, 1886.

Томас Арнольд, родившийся в Вест-Каусе, остров Уайт, 13 июня 1795 года, получил образование в Винчестере и Оксфорде, будучи избранным членом Ориэля в 1815 году. Он проживал в Оксфорде до 1819 года, посвятив себя историческим и теологическим исследованиям. Покинув университет, он поселился в Лэйлхэме, где в свободное время занимался изучением Фукидида и новыми взглядами на римскую историю и исторический метод в целом, которые были выдвинуты в исследованиях Нибура. В августе 1828 года он вступил в должность директора школы в Регби. Под его руководством эта школа стала сферой интеллектуальной, нравственной и религиозной дисциплины, где формировался здоровый характер и готовились люди, способные выполнять обязанности и нести ответственность в жизни. В 1841 году он был назначен на кафедру современной истории в Оксфорде, где прочитал восемь лекций, а 12 июня 1842 года внезапно скончался.

В связи со смертью автора его «*История Рима*» не была завершена после испанской кампании во Второй Пунической войне (до 241 г. до н. э.). Основанная на теориях Нибура, которые в настоящее время уже не принимаются во внимание, книга была заменена несколькими более поздними изданиями, хотя ее описание Пунических войн остается одним из лучших на английском языке. Память об Арнольде была идеализирована в романе «*Школьные дни Тома Брауна*» Томаса Хьюза (1822-1896), который учился у Арнольда в Регби.

Арнольд, У. Т., «Римская система провинциального управления», Лондон, 1879.

Эта работа хорошо показывает величие римлян в управлении провинциальными делами. Автор был внуком Томаса Арнольда.

Ашбах, Йос., *Geschichte der Westgothen*, Франкфурт, 1827. — **Ассеманн**, В., *Handbuch der allgemeinen Geschichte*, Брауншвейг, 1853-1864, 6 тт.—**Обе**, Бартелеми, *Histoire des persécutions de l'Église*, Париж, 1875, 2 тт.—**Обе**, Бенджамин, *Les chrétiens dans l'empire romain de la fin des Antonins jusqu'au milieu du IIIme siècle*, Париж, 1881.

Бабелон, Э. К. Ф., Историческое и хронологическое описание монет Римской республики, Париж, 1885-1886, 2 тома. — **Бэр**, Дж. К. Ф., История римской литературы, Карлсруэ, 1828; 4-е издание, 1868-1873, 3 тома.—**Бэринг-Гулд**, С., Трагедия цезарей, Лондон, 1892.—**Бофор**, Луи де, Диссертация о неопределенности первых пяти веков римской истории, Париж и Утрехт, 1738; 2-е издание, 1866; английский перевод, Лондон, 1738; *Histoire de la république*

romaine, Париж, 1766. — **Беккер**, В. А., Handbuch der römischen Altertümer, Лейпциг, 1843-1846, 2 тома (продолжение Марквардта, см. там же); Gallus, oder römische Scenen aus der Zeit Augustus, Берлин, 1880-1882, 3 тома.; английский перевод, Gallus: Roman Scenes in the Time of Augustus, Лондон, 1882 (в *Gallus* Беккера римская жизнь представлена во многом так же, как греческая жизнь изображена в его *Charicles*).

Вильгельм Адольф Беккер родился в Дрездене в 1796 году и умер в Мейсене 30 сентября 1846 года. Его справочник удовлетворил потребность, которая остро ощущалась в середине прошлого века. Активность в исследовании древних римских древностей, вызванная Нибуром, требовала работы, дающей общий обзор подтвержденных результатов предыдущих исследований. Именно этим и был «Справочник». Отдельные элементы были тщательно изучены и помещены на свои места, а все произведение сопровождалось ценными примечаниями, в которых приводились наиболее важные источники, изучение которых привело автора к его выводам, а также мнения, отличающиеся от его собственных, так что книга служила руководством для дальнейшего самостоятельного изучения. Это произведение долгое время считалось незаменимым для специалистов, хотя в последние годы оно было несколько вытеснено работами Моммзена. Для биографических целей оно по-прежнему имеет большую ценность.

Бисли, А. Х., «Граки, Марий и Сулла», Лондон, 1877 г. — **Бисли**, Эдвард С., «Катилина, Клодий и Тиберий», Лондон, 1878 г. — **Беккер**, А., «Corpus Scriptorum Historiæ Byzantinæ»; см. «Византийская история». — **Белох**, Юлиус, Кампания, История и топография древнего Неаполя и его окрестностей, Берлин, 1879; Бреслау, 1890. — **Бергк**, Теодор, Критическая обработка *Monumentum Ancyranum*, Гёттинген, 1873. — **Бетман-Холвег**, М. А., Gerichtsverfassung und Prozess des sinkenden römischen Reiches, Бонн, 1834. — **Бикерстет**, А., Outlines of Roman History, Лондон, 1891. — **Бинд**, Карл, Geschichte des burgundisch-romanischen Königreichs, Лейпциг, 1868. — **Блок**, Г., Les origines du sénat romain, Париж, 1883. — **Блондель**, Ж. Э., Histoire économique de la conjuration de Catilina, Париж, 1893. — **Блюме**, Фридрих, Die Gens Langobardorum und ihre Herkunft, Бонн, 1868-1874, 2 т.; **Боиссье**, М. Л. Г., Cicéron et les amis, Париж, 1866; , 1872; La religion romaine, d'Auguste aux Antonins, Париж, 1874, 2 тома; 2-е издание, 1878; L'opposition sous les Césars, Париж, 1878; 2-е издание, 1885; La fin du paganisme, Париж, 1891, 2 тома.

Мари Луи Гастон Буасье, родившийся в Ниме 15 августа 1825 года, стал профессором риторики в Ниме и Париже, а в 1861 году — профессором латинского красноречия в Коллеж де Франс. Он является членом Академии и с 1888 года — командором Ордена Почётного легиона. Все работы Буасье представляют интерес, поскольку часто предлагают совершенно новую точку зрения. Работа о римской религии посвящена религиозной революции, произошедшей между временами Цицерона и Марка Аврелия. Изменение заключалось в переходе от общего скептицизма к периоду, когда даже философы были религиозны, и автор прослеживает причины этого изменения. Особенно интересна картина, показывающая положение низших классов. Также в своей книге о Цицероне автор дает восхитительную картину общества, в котором жил великий оратор.

Борсари, Л., Topografia di Roma antica, Милан. — **Ботсфорд**, Джордж Уиллис, A History of Rome, Лондон и Нью-Йорк, 1901; The Story of Rome as Greeks and Romans tell it, Лондон и Нью-Йорк, 1903. — **Буш-Леклерк**, А., Histoire de la divination dans l'antiquité, Париж, 1879-1882, 4 тома; Manuel des institutions romaines, Париж, 1886. — **Брэдли**, Генри, «Гот», Лондон, 1888, статья в «Академии», Лондон, 15 мая 1886 г. — **Брандис**, К. Г., «Исследования по истории римского управления», в «Гермесе», т. 31. — **Бреаль**, Мишель, «Таблицы Эгубины, текст, перевод и комментарий, с грамматикой и историческим введением», Париж, 1875. — **Брейзиг**, К., Kulturgeschichte der Neuzeit, Берлин, 1901, 2 тома. — **Брейзиг**, Теодор, Die Zeit

Karl Martels, в Jahrbücher der Deutschen Geschichte, Лейпциг, 1869.—**Брозиен**, Герман, Карл Великий, Берлин, 1885. —**Браун**, Р. В., История римской классической литературы, Лондон, 1884. —**Брунengo**, Г., Il Patriziato romano di Carlomagno, Прабо, 1893. —**Брайс**, Джеймс, Священная Римская империя, Лондон, 1862.

Книга Брайса показывает взаимоотношения Рима и Германии в средние века и имеет неоценимое значение для прояснения их сложностей. Автор показывает, что Римская империя продолжала существовать на протяжении всего средневековья, что является ключом к пониманию всего этого периода.

Будингер, Макс, Untersuchungen zur römischen Kaisergeschichte, Лейпциг, 1868-1871, 3 тома (содержит хороший обзор истории Августа).—**Банбери**, С. Х., «История древней географии», 1879, 2 тома.—**Бургер**, К. П., «Neue Forschungen zur alten Geschichte Roms», Амстердам, 1894.—**Берн**, Р., «Рим и Кампанья», Лондон, 1870; 2-е издание, 1875; Древний Рим: справочник по руинам города и Кампаньи, Лондон, 1880.—**Бэри**, Дж. Б., История поздней Римской империи, от Аркадия до Ирины, Лондон, 1889, 2 тома; История Римской империи, Лондон, 1893. (Биографическая справка об этом авторе приведена в томе I, стр. 295.)

Канина, Луиджи, Здания древнего Рима, Рим, 1848-1856, 6 тт. — **Кейпс**, У. У., Римская империя II века, или Эпоха Антонинов, Лондон, 1876; Ранняя империя: от убийства Цезаря до убийства Домициана, Лондон, 1876.— **Каппони**, Джино, «О господстве лангобардов в Италии», в «Опубликованных и неопубликованных сочинениях», Флоренция, 1877, 2 тома. — **Шампаньи**, Ф. Ж. Р., «Цезари: картина римского мира при первых императорах», Париж, 1841-1853; Les Césars du IIIme siècle, Париж, 1870. — **Шапо**, В., La classis prætoris Misenansis, Париж, 1896. — **Карл Великий**, Капитулярии, в Patrologiæ latinæ Минье, Париж, 1844-1855, 221 т. — **Черч**, А. Дж., Карфаген (Истории народов), Лондон, 1886; Картинки из римской жизни, Лондон, 1893.—**Черч**, Р. В., Начало средневековья, 500-1000 гг. н. э., Лондон, 1877.

Это хорошее введение в изучение средневековья, одна из лучших кратких историй того времени от падения Рима до распада Каролингской империи. Книга показывает пути, приведшие к объединению церкви и империи под властью Оттона Великого.

Клинтон, Х. Файнс, «Fasti Romani», Оксфорд, 1845-1850, 2 тома; «Краткая история гражданской и литературной хронологии Рима и Константинополя от смерти Августа до смерти Ираклия», под редакцией Х. Файнса Клинтона, Лондон, 1853.

Работы *Клинтона* являются стандартными изданиями по гражданской и литературной хронологии Греции, Рима и Константинополя и незаменимы для студентов, изучающих древнюю историю.

Клоссе, Леон де, «Очерк историографии римлян», Брюссель, 1850 г. — **Комин**, Роберт, «История Западной империи», Лондон, 1851 г., 2 тома. — **Коултон**, Дж. Дж., «Исследование значения названия «Рим»», Лондон, 1893 г. — **Крейтон**, М., «Рим», Лондон, 1875 г.— **Кривелуччи**, Амадео, Статьи по истории Ломбардии, в Studi Storici, Пиза, 1892. — **Крушон**, Г., Банки в древности, Париж, 1879. — **Краттвелл**, К. Т., История римской литературы от древнейших времен до смерти Марка Аврелия, Лондон и Нью-Йорк, 1877. — **Кумон**, Ф., «Textes et monuments figurés, relatifs aux mystères de Mithra», Брюссель, 1895, 1896, 2 тома.— **Кьюриос**, Дж. Г., «Vorgeschichte Roms», Лейпциг, 1878.—**Кертис**, А. М., « », «История Римской империи от смерти Феодосия до Карла Великого», Лондон, 1875.

Эта книга охватывает тот период средневековой истории, о котором у нас меньше всего информации. Кертис основывается в своей работе главным образом на Гиббоне, Милмане и Тьерри и дает, пожалуй, наиболее приемлемое описание этого периода.

Дан, Феликс, Die Könige der Germanen. Wesen und Geschichte des ältesten Königtums der germanischen Stämme, Вюрцбург, 1861-1871, т. 1-6; т. 7, Лейпциг, 1895; Прокопий Кесарийский, Берлин, 1865; Longobardische Studien, Лейпциг, 1876; Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker, Berlin, 1881-1890, 4 vols.—**Davidson**, J. L. S., Cicero and the Fall of the Republic, in Heroes of the Nations, London and New York, 1898.—**Дегень**, Жос., Histoire Générale des Huns, des Turcs, des Mongols, et des autres Tartares Occidentaux, avant et depuis Jesus Christ jusqu'à présent, Париж, 1756-1758, 3 тома.—**Дени**, Жак Франсуа, Histoire des Théories et des idées morales de l'antiquité, Париж, 1856, 2 тома.—**Деннис**, Джордж, Города и кладбища Этрурии, Лондон, 1848, 2 тома.—**Дежарден**, Э., Историческая и административная география Галлии, Париж, 1876-1893, 4 тома.—**Диндорф**, Людвиг Август, Меньшие греческие историки, Лейпциг, 1870-1871, 2 тома.—**Дирксен**, Х. Э., «Scriptores Historiæ Augustæ», Лейпциг, 1842. —**Додж**, Теодор А., «Ганнибал: Цезарь (Великие полководцы)», Бостон, 1892. —**Доесбург**, Дж. Дж., «Geschiedenis der Romenien», Амстердам, 1890.—**Дёллингер**, И. И. фон, Das Kaiserthum Karls des Grossen und seiner Nachfolger, в Akademische Vorträge, т. III.; The First Age of Christianity and the Church, Лондон, 1877.—**Домашевски**, А. фон, «Армии гражданских войн в 49-42 годах до н. э.», Neue Heidelberger Jahrbücher, 1894; 1895.—**Дрейфус**, Р., «Очерк о земельных законах в Римской республике», Париж, 1894.—**Друмманн**, В., Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung, 2-е издание, Берлин, 1899-1902, 2 тома (содержит отличное описание Суллы).—**Дю Канж**, Шарль дю Ф., Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français, Париж, 1657.

Шарль дю Фресн Дю Канж, французский лексикограф, родился в Амьене в 1610 году. Он посвятил свою жизнь изучению древности и средневековья и заслужил прозвище французского Варрона. Его работы очень ценны для студентов, изучающих древнюю или средневековую историю.

Дюммлер, Эрнст, «История Восточно-Франкской империи», Лейпциг, 1887-1888, 3 тома. — **Данхэм**, С. Астли, «История Европы в средние века», Лондон, 1837.—**Дюрюи**, Жан-Виктор, Histoire romaine depuis les temps les plus reculés jusqu'à la mort de Théodose, Париж, 1879-1885, 7 т.; Histoire romaine, Париж, 1889-1891; Histoire romaine jusqu'à l'invasion des barbares, Париж, 1899.—**Дайер**, Т. Х., История города Рима, его сооружений и памятников, от основания до конца средневековья, Лондон, 1865; История королей Рима, Лондон, 1868.

Томас Генри Дайер, родился в Лондоне 4 мая 1804 года, умер в Бате 30 января 1888 года. Некоторое время он работал клерком в Вест-Индийском доме, но в конце концов полностью посвятил себя литературе. В своей истории он критикует скептицизм таких писателей, как Нибур, сам склоняясь к тому, чтобы принять раннюю римскую историю как достоверную. Однако, когда он обращается к более поздним историческим временам, он становится рассудительным и заслуживающим доверия, но книга посвящена скорее древностям, чем институтам, и носит не столько политический, сколько археологический характер.

Эберт, А., Geschichte der christlich-lateinischen Litteratur, Лейпциг, 1874-1880, 2 тома; французский перевод тома II Аймериком и Кондамином, Париж, 1882, 2 тома.—**Айххорн**, Карл Фридрих, Deutsche Staats- und Rechts-Geschichte, Гёттинген, 1843-1845, 4 т.; **Энманн**, А., Zur römischen Königsgeschichte, Санкт-Петербург, 1892; **Эсмен**, Ж. П. Х. Э. А., Mélanges d'histoire, du droit et de critique, Париж, 1887.

Фабиа, П., Источники Тацита в историях и анналах, Париж, 1893. — **Фаррер**, Т., Язычество и христианство, Лондон, 1891. — **Фаве**, Ильдефонс, Древний Рим, Париж, 1880; Франкская

империя от ее основания до распада, Париж, 1889.—**Финлей**, Джордж, Greece under the Romans, Лондон, 1857; The History of Greece from its conquest by the Crusaders to its conquest by the Turks, and of the Empire of Trebizond, Лондон, 1851; History of the Byzantine and the Greek Empires from 716-1453, Эдинбург и Лондон, 1853-1854, 2 тома; История Греции от завоевания римлянами до наших дней, под редакцией Х. Ф. Тозера, Оксфорд, 1877, 7 тт. — **Фишер**, Г. П., Начало христианства, Нью-Йорк, 1877.—**Фиск**, Джордж Конверс, Политика патрициев Клавдиев, в Harvard Studies in Classical Philology, т. XII, Кембридж, Массачусетс, 1902. —**Флаш**, Ф. М., Константин Великий, Вюрцбург, 1891.—**Фёрстеманн**, Эрнст Вильгельм, «История немецкого языкового корня», Нордхаузен, 1874-1875, 2 тома. —**Форсайт**, Уильям, «Жизнь Марка Туллия Цицерона», Лондон, 1867. —**Фаунтин**, Ф. О., «Защита Нерона», Чизик, 1892. —**Фриман**, Э. А., Общий очерк европейской истории, Лондон, 1872; Корнелий, Сулла и Флавианские цезари (в сборнике «Очерки», серия II), Лондон, 1872; Иллирийские императоры (Очерки, серия III), Лондон, 1880; История федерального правительства в Греции и Италии, под редакцией Дж. Б. Берри, Лондон, 1893.—**Фридендер**, Людвиг, «Über den Kunstsinn der Römer in der Kaiserzeit» (О художественном вкусе римлян в имперский период), Кенигсберг, 1852; «Über die Spiele der alten Römer» (Об играх древних римлян), в «Römische Staatsverwaltung» (Римское государственное управление) Марквардта, Лейпциг, 1873-1878; «Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms» (Описание истории нравов Рима), Лейпциг, 1888-1890, 3 тома.

Работы *Людвига Фридендера* отражают скорее культурную, чем политическую сторону жизни Рима. Его «*Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms*» — одна из важнейших книг по этой теме. В ней мы получаем реалистичную картину наиболее важных аспектов римской цивилизации в первые два века империи.

Фроуд, Дж. А., «Цезарь», Лондон и Нью-Йорк, 1866. — **Фукс**, Дж., «Вторая Пуническая война и ее источники, Полибий и Ливий», Винер-Нойштадт, 1894.—**Фурххайм**, Ф., Bibliografia di Pompei, Ercolano e Stabia, Неаполь, 1892. —**Фюстель де Куланж**, Н. Д., La cité antique, Париж, 1864.

Гайар, Габриэль Х., Histoire de Charlemagne, Париж, 1782, 4 тома.—**Гарднер**, А., Julian and the last Struggle of Paganism, Лондон и Нью-Йорк, 1895.—**Гардтхаузен**, Виктор, Augustus und seine Zeit, Лейпциг, 1891, 2 тома.—**Геффкен**, Х., Staat und Kirche in ihrem Verhältniss geschichtlich entwickelt, Берлин, 1875; английский перевод, Church and State, their relations historically considered, Лондон, 1877. — **Гелл**, Уильям (в сотрудничестве с Джоном П. Гэнди), Pompeiana: the Topography, Edifices and Ornaments of Pompeii, Лондон, 1821.—**Гельцер**, Х., «Краткий обзор истории византийских императоров», в книге Карла Крумбаха «История византийской литературы», Мюнхен, 1897. —**Жерар**, «История франков Австразии», Брюссель, 1865, 2 тома.—**Гердес**, Генрих, «История немецкого народа», Лейпциг, 1891-1898, 2 тома.—**Герлах**, Ф. Д., «Историки римлян до Орозия», Штутгарт, 1855.—**Гфрорер**, Август Фридрих, «История восточно- и западнофранкских каролингов», Фрайбург, 1848, 2 тома; Byzantinische Geschichten, под редакцией Вайса, Грац, 1872-1874, 2 т.; **Гиббон**, Эдвард, История упадка и падения Римской империи, Лондон, 1776-1788, 6 т.; под редакцией Х. Х. Милмана, Лондон, 1838-1839, 12 т.; под редакцией английского священнослужителя, Лондон, 1853, 7 т.; под редакцией У. Смита, Лондон, 1854-1855, 8 т.; под редакцией Дж. Б. Берри, Лондон, 1896-1900, 7 т. (см. Прологомены).

Эдвард Гиббон, самый выдающийся из английских историков, родился в Путни в 1737 году. Его слабое здоровье мешало ему учиться в раннем возрасте, но в пятнадцать лет он поступил в Магдален-колледж в Оксфорде. В своей автобиографии он называет четырнадцать месяцев, проведенных там, «самыми праздными и бесполезными в своей жизни». В это время он принял католичество, и его отец отправил его в Лозанну,

Швейцария, где он пять лет учился у кальвинистского священника, который вернул его к протестантизму. В 1758 году он вернулся в Англию, а в 1761 году опубликовал свою первую работу «Очерк о изучении литературы» на французском языке, которым он в то время, как он сам говорит в своей автобиографии, владел лучше, чем английским. Его поездка в Рим около 1763 года впервые натолкнула его на мысль написать свою знаменитую историю. Работа была закончена в 1787 году, после того как автор потратил на нее восемнадцать лет. Она охватывает весь период от Траяна до завоевания Константинополя, рассказывая не только о политических событиях и ситуации, но и представляя все стороны жизни удивительно привлекательным, часто драматичным образом. Его сильная предвзятость по отношению к христианству — единственный момент, за который его критикуют. В остальном его исследования были настолько тщательными и точными, что, хотя книга была завершена более века назад, за столетие неустанных исследований в ней было обнаружено лишь несколько ошибок. В 1783 году он уехал в Лозанну, где прожил остаток своей жизни. Он умер в Лондоне в 1794 году, во время одного из своих визитов в Англию.

Гизебрехт, Ф. В. Б. фон, *Geschichte der deutschen Kaiserzeit*, Брауншвейг, 1855-1888, 5 тт. — **Гилберт**, Отто, *Geschichte und Topographie der Stadt Rom im Alterthum*, Лейпциг, 1883, 3 тт. — **Гилман**, А., *General History of Rome (Story of the Nations)*, Лондон и Нью-Йорк, 1886. — **Голдсмит**, Оливер, *История Рима, от основания города Рима до разрушения Западной империи*, Лондон, 1769; 1825, 2 тома. (Биографическая справка об этом авторе приведена в томе IV, стр. 631.) — **Грей**, Элизабет К. Гамильтон, *Путешествие к гробницам Этрурии*, Лондон, 1840. — **Гринидж**, А. Х. Дж., «Римская общественная жизнь», Лондон, 1901. — **Грегорович**, Фердинанд, «История римского императора Адриана и его времени», Кенигсберг, 1851, переиздана под названием «Император Адриан, картины римско-эллинического мира его времени», Штутгарт, 1884; *Die Grabdenkmäler der Päbste*, Лейпциг, 1857; *Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter*, Штутгарт, 1859-1873, 8 тт.; 4-е издание, 1886-1895; английский перевод, *History of the City of Rome in the Middle Ages*, Лондон, 1894, 6 тт.; итальянский перевод по заказу муниципальных властей Рима, *Storia della città di Roma nel medio evo*, Венеция, 1874-1876, 8 томов.

Фердинанд Грегоровиус родился в Найденбурге, Пруссия, 19 января 1821 года. Он изучал теологию в Кенигсберге, но путешествие в Италию в 1852 году побудило его посвятить свою будущую жизнь историческим исследованиям. За свою «*Историю Рима в средние века*» Грегорович был удостоен почетного гражданства этого города. Он умер в Мюнхене 1 мая 1891 года.

Гримм, Й., *Deutsche Rechtsalterthümer*, Гёттинген, 1828. — **Гриндл**, Г. Э. А., *The Destruction of Paganism in the Roman Empire*, Оксфорд, 1892. — **Гельденпеннинг**, А., *Geschichte des oströmischen Reiches*, Галле, 1885. — **Гийо**, К., *Droit public romain*, Майенна, 1895. — **Гиран**, П., *La différence entre César et le sénat*, Париж, 1878.

Хэдли, Дж., *Введение в римское право*, Нью-Йорк и Лондон, 1874. — **Хагенбак**, К. Р., *История церкви от древнейших времен до XIX века*, Лейпциг, 1885, 7 тт. — **Хан**, Х., *Jahrbücher des fränkischen Reiches 741-752*, в *Jahrbücher der Deutschen Geschichte*, Берлин, 1863. — **Халлам**, Х., *Взгляд на состояние Европы в средние века*, Лондон, 1818. — **Хаммер-Пургшталь**, Й. фон, *История Османской империи*, Вена, 1827-1834, 10 тт. — **Харди**, В. Р., *Характер и гений римского народа*, Лондон, 1895. — **Харнак**, А., «К критике источников истории гностицизма», Лейпциг, 1873; «*Время Игнатия и хронология антиохийских епископов*», Лейпциг, 1878; «*Монашество, его идеалы и история*», Гиссен, 1881; 4-е издание, 1895; *Geschichte der altschriftlichen Litteratur bis Eusebius*, Лейпциг, 1893; *Das Christentum und die Geschichte*, Лейпциг, 1896; **Орео**, Ж. Б., *Charlemagne et sa cour*, Париж, 1852-1855. — **Гегель**,

Г. В. Ф., Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte, Берлин, 1833, 8 тт.; английский перевод J. Сибри, Lectures on the Philosophy of History, Лондон, 1857. — **Гегель**, Р., Geschichte der Städteverfassung von Italien, Лейпциг, 1847, 2 тт. — **Хеманс**, К., Historical and Monumental Rome, Лондон, 1874. — **Герберт**, В., Аттила, король гуннов, Лондон, 1838. (Эпическая поэма в двенадцати книгах, содержащая также исторический трактат об Аттиле и его предшественниках.) — **Герцберг**, Г. Ф., Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer, Берлин, 1875; Geschichte des römischen Kaiserreiches, Берлин, 1880-1882; Geschichte der Byzantiner und des osmanischen Reiches, Берлин, 1882-1884; Geschichte der Römer im Alterthum, Берлин, 1885. — **Герцог**, Э. фон, Geschichte und System der römischen Staatsverfassung, Тюбинген, 1884-1891, 2 т. — **Гейд**, Вильгельм фон, Geschichte des Levantehandels im Mittelalter, Лейпциг, 1885-1886. — **Гейне**, К. Г., Antiquitates Byzantinae, 1808-1811. — **Хирш**, Ф., Das Herzogtum Benevent bis zum Untergang des Langobardenreiches, Лейпциг, 1847. — **Хиршфельд**, Х. О., Untersuchungen auf dem Gebiete der römischen Verwaltungsgeschichte, Берлин, 1877; Zur Geschichte des lateinischen Rechts, Берлин, 1879; Inscriptiones Galliae Narbonensis Latinae, Берлин, 1888; Timagones und die gallische Wanderung, в Sitzungsbericht der Berliner Akademie, Берлин, 1894.

Отто Хиршфельд, выдающийся немецкий историк и эпиграфист, родился 16 марта 1843 года в Кёнигсберге, Пруссия. После изучения филологии и истории в университетах Бонна и Берлина (), он занимался эпиграфическими и историческими исследованиями в Италии с 1865 по 1867 год. Он был профессором в Праге, Вене и Берлине, а также много лет занимал должность директора Института археологии в Берлине. Помимо нескольких важных исторических работ, написанных им самим, он сотрудничал с Моммзенем в работе над *Ephemeris epigraphica* и внес значительный вклад в *Corpus inscriptionum latinarum* и *Inscriptiones Gallicae Narbonensis latinae*.

Ходкин, Томас, «Вандалы», статья в девятом издании Encyclopædia Britannica; «Династия Феодосия», Оксфорд, 1889; «Италия и ее завоеватели», Оксфорд, 1880–1889, 7 томов; 1899, 8 томов; «Жизнь Теодориха», Оксфорд, 1891; «Карл Великий», Лондон, 1899. — **Хёк**, К., «Римская история от упадка республики до завершения монархии при Константине», Гёттинген, 1841. — **Хау**, В. В. (в сотрудничестве с Х. Д. Ли), «История Рима до смерти Цезаря», Лондон. — **Хауорт**, Х. Х., «Западное перемещение кочевников», статья в Журнале антропологического института, т. V, Лондон, 1874. — **Хуллман**, К. Д., Geschichte des byzantinischen Handels, Франкфурт, 1808.

Ине, В., «Римская история», Лейпциг, 1868-1890, 8 тт.; английский перевод автора, «История Рима», Лондон, 1871-1882, 5 тт.; «Рим: до его захвата галлами», Лондон, 1878.

Вильгельм Ине, немецкий филолог и историк-классик, родился 2 февраля 1821 года в Фюрте. Он провёл несколько лет в Англии в качестве учителя, а с 1863 года был профессором в Гейдельберге. История Ине посвящена раннему периоду Рима до того момента, когда Август стал единоличным правителем. Она адресована широкой аудитории, и поэтому автор пытается изложить свою позицию в общедоступной форме. Ему это удастся лучше, когда он опирается на более надежные традиции, где ему не приходится облекать сложный критический анализ в популярную форму. Автор занимает абсолютно беспристрастную позицию, рассматривая все доказательства, отделяя факты от догадок и оставляя читателю возможность сформировать собственное мнение. Работа отличается здравым смыслом.

Ине, В. Р., Общество в Риме при Цезарях, Лондон, 1888. (Хорошее популярное описание повседневной жизни того периода.)

Якоби, Р., Источники истории лангобардов Павла Диакона, Галле, 1877; **Яффе**, Филипп, История Германской империи при Лотаре Саксонском, Берлин, 1843; (см. , а также раздел

«Классика»)].—**Jäger**, O., Geschichte der Römer, Гютерсло, 1861.—**Jahn**, A., Die Geschichte der Burgundionen, und Burgundiens, 1874, 2 тома.—**Jay**, B., Synopsis of Roman History, Лондон, 1894.—**Jonson**, Ben, Tragedy of Catiline, Лондон, 1611.—**Jordan**, H., Topographie der Stadt Rom im Altertum, Berlin, 1871, 1878, 1885, 2 vols.—**Jung**, J., Geographie und politische Geschichte des klassischen Altertums, in Ivan Müller's Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, vol. 3, Nördlingen 1889.

Кёрст, Ф., Критические исследования по истории Второй Самнитской войны, в Новом ежегоднике по филологии, Луппе, т. 13.—**Кауфманн**, Г. Х., Deutsche Geschichte bis auf Karl den Grossen, Лейпциг, 1880-1881, 2 тома. — **Кейтли**, Томас, The History of Rome to the End of the Republic, Лондон, 1842. — **Киперт**, Х., Handbuch der alten Geographie, Берлин, 1878.—**Кингсли**, Чарльз, «Римляне и германцы», Лондон, 1875; 1889. — **Кляйн**, Й., «Административные чиновники провинций Римской империи», Берлин, 1878. — **Кёпке**, «Начало королевства у готов», Берлин, 1854. — **Корнеманн**, Э., Zur Stadtentstehung in den ehemals keltischen und germanischen Gebieten des Römerreiches, Гиссен, 1898.—**Кёрте**, Г., Ein Wandgemälde von Vulci als Dokument der römischen Königsgeschichte.—**Крашенинков**, М., Die Augustalen und das Sacral-magisterium, Санкт-Петербург, 1895.—**Крумбахер**, К., Byzantinische Zeitschrift, Лейпциг, 1892 (в соавторстве с А. Эрхардом и Г. Герцером); Geschichte der byzantinischen Litteratur, в I. Мюллера Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaften, т. 9, Мюнхен, 1897.—**Кун**, Э., Verfassung der Städte des römischen Reiches, Лейпциг, 1864.

Ла Барте, Ж., История искусств средневековья, Лондон, 1855. — **Ланчиани**, Родольфо, Воды и акведуки древнего Рима, Рим, 1880; Древний Рим в свете последних открытий, Лондон, 1889; Pagan and Christian Rome, Лондон и Бостон, 1892; Forma urbis Romæ, Милан и Нью-Йорк, 1893-1901; A Manual of Roman Antiquities, Лондон, 1894; New Tales of Old Rome, Бостон, 1901.—**Ланге**, Л., Römische Alterthümer, Берлин, 1876-1879, 2 тома.—**Лау**, Г. Дж. Т., Gregor I der Grosse, nach seinem Leben und seiner Lehre geschildert, Лейпциг, 1845.—**Лоран**, Ф., Études sur l'histoire de l'humanité, Париж, 1880.—**Лависс**, Э. (в сотрудничестве с Альфредом Рамбо), Histoire générale du IVme siècle à nos jours, Париж, 1893 и др., 8 тт. в процессе подготовки.—**Ле Бо**, Шарль, Histoire du Bas-Empire depuis Constantin, Париж, 1757-1779, 22 тт.—**Леки**, У. Э. Х., History of European Morals from Augustus to Charlemagne, Лондон, 1870. — **Лекуант**, Шарль, Annales ecclésiastiques de la France, Париж, 1665-1680, 8 тт. — **Леманн**, К. Ф., Beiträge zur alten Geschichte, 1902. — **Лейтон**, Р. Ф., A History of Rome, Нью-Йорк, 1880.—**Лемонье**, Г., Историческое исследование частного положения освобожденных рабов, Париж, 1887. —**Леннорман**, Ф., Великая Греция, Париж, 1881-1884, 3 тома; (биографическая справка об этом авторе приведена в томе I, стр. 588).—**Льюис**, Джордж Корнуолл, «Исследование достоверности ранней римской истории», Лондон, 1855, 2 т.

Джордж Корнуолл Льюис, государственный деятель и литератор, родился в Лондоне 21 апреля 1806 года. Получив образование в Итоне и Оксфорде, он был принят в коллегию адвокатов в 1831 году. Несмотря на то, что он почти постоянно занимался общественной деятельностью, он уделял много внимания литературе, писал многочисленные эссе и статьи для журналов, а также опубликовал несколько переводов с немецкого языка. Все его произведения отличаются ясными, трезвыми и оригинальными мыслями. Он умер в апреле 1863 года. В своем исследовании достоверности ранней римской истории Льюис подвергает раннюю римскую историю тем же испытаниям, которые применяются для определения достоверности в судебном расследовании. Применяя эти испытания к позициям Нибура, он решает, что многие из них основаны на недостаточных основаниях, и приходит к выводу, что все попытки прояснить раннюю римскую историю являются бесполезными, поскольку нет современных доказательств.

Лезардьер, Мари Полин де, *Théorie des lois politiques de la monarchie française*, Париж, 1844, 4 тома. — **Лидделл**, Х. Г., *A History of Rome from the earliest Times to the Establishment of the Empire*, Лондон и Нью-Йорк, 1865.

Генри Джордж Лидделл родился в Бинчестере 6 февраля 1811 года. Получив образование в Оксфорде, он стал преподавателем колледжа, а в 1846 году был назначен директором Вестминстерской школы. В 1834 году он приступил к работе над *греко-английским словарем* в сотрудничестве с Робертом Скоттом, что стало делом его жизни. В 1855 году он был назначен деканом Крайст-Черч в Оксфорде, и эту должность он занимал до 1891 года. История Лидделла — чрезвычайно ценная работа, которая, по словам г-на Адамса, является «хранилищем точной информации».

Либенау, В., «Городское управление в Римской империи», Лейпциг, 1900. — **Лилли**, В. С., «Древняя религия и современная мысль», Лондон, 1884. — **Линднер**, Теодор, «Так называемые дарения Пиппина, Карла Великого и Оттона I», Штутгарт, 1896.—**Липперт**, Юлиус, *Религии европейских культурных народов*, Берлин, 1881. — **Локхарт**, Дж. Г., *Велерий, римская история*, Эдинбург, 1821.—**Лонг**, Г., *Упадок Римской республики*, Лондон, 1864-1874, 5 тт. Эта книга охватывает период от разрушения Карфагена до смерти Юлия Цезаря.—**Лоренц**, Ф., *Частная и придворная жизнь Карла Великого*, в *Историческом карманном справочнике фон Раумера*, Лейпциг, 1832.

Маколей, Т. Б., «Песни Древнего Рима», Лондон, 1812. — **Макдермот**, Т. Б., «Краткая история Рима», Дублин, 1892.— **Маккензи**, лорд, «Исследования римского права с сравнительным обзором законов Франции, Англии и Шотландии», 5-е издание, под редакцией Джона Киркпатрика, Лондон, 1880. — **Маклир**, Г. Ф., «Апостолы средневековой Европы», Лондон, 1868. — **Мадвиг**, Дж. Н., *Конституция и управление римского государства*, Лейпциг, 1881-1882, 2 тома. — **Махаффи**, Дж. П., *Греческий мир под властью Рима*, Лондон, 1890. — **Махон**, Филип Генри Стэнхоуп, *Жизнь Велизария*, Лондон, 1848.—**Мансо**, Дж. К. Ф., *Geschichte des ostgothischen Reiches in Italien*, Бреслау, 1824.—**Мариони**, Дж., *I Papiri Diplomatici*, Рим, 1805 (сборник документов, папских булл, юридических документов о сделках между византийскими купцами, чиновниками, духовенством и т. д.).—**Марло**, Э., *Краткое изложение политических институтов Рима*, Париж, 1886. — **Марквардт**, К. Дж., т. 3–5 «Справочника по римской древности» Беккера, Лейпциг, 1849–1868; второе издание полного собрания сочинений (в соавторстве с Т. Моммзеном), Лейпциг, 1881–1886, 7 т.; *Römische Staatsverwaltung*, составляющие тома 4–6 *Handbuch der römischen Altertümer*, Лейпциг, 1873–1878; 1881–1885; *Privatleben der Römer*, составляющий том 7 *Handbuch der römischen Altertümer*, Лейпциг, 1879–1882; 2-е издание, 1886.—**Marrast**, А., *Esquisses Byzantines*, Париж, 1874.—**Martens**, W., *Politische Geschichte des Langobardenreiches unter König Luitbrand*, Гейдельберг, 1880.—**Martin**, Н., *Histoire de France*, Париж, 1838-1853; 1855-1860, 18 томов.—**Маркс**, Ф., *Die Beziehungen der klassischen Völker des Altertums zu dem keltisch-germanischen Norden*, Beilage der Allgemeinen Zeitung, 1897, № 162, 163.—**Маскоув**, Дж. Дж., *Geschichte der Deutschen bis zum Abgang der merovingischen Könige*, Лейпциг, 1726-1737, 2 т.—**Масом**, В. Ф., *Борьба за империю, 287-202 гг. до н. э.*, Лондон, 1894 (в соавторстве с Ф. Г. Плейстоу); *Краткая история Рима*, Лондон, 1891.—**Мейсон**, А. Дж., *Преследование Диоклетиана*, Кембридж, 1876.—**Мэйор**, Дж. Э. Б., «Библиография латинской литературы», Лондон, 1875. — **Мейцен**, А., «Поселение и земледелие западных и восточных германцев, кельтов, римлян, финнов и славян», Берлин, 1895, 3 т.—**Мельцер**, О., «История карфагенян», Берлин, 2 тома. — **Менцель**, В., «История немецкой литературы от древнейших времен до наших дней», Лейпциг, 1875, 2-е издание, 3 тома; английский перевод Хоррокса, «История Германии от древнейших времен до наших дней», Лондон, 1848, 3 тома.—**Меривейл**, Чарльз,

«История римлян при империи», Лондон, 1850-1862, 7 т.; «Падение Римской республики», Лондон, 1853; «Общая история Рима», Лондон, 1875; «Римские триумvirаты», Лондон, 1876.

Чарльз Меривейл родился 8 марта 1808 года и получил образование в Харроу, Хейлибери и Кембридже. В 1833 году он был избран членом колледжа Св. Иоанна. Помимо успехов в учебе, он прославился в спорте, участвуя в первой межуниверситетской гребной гонке в 1829 году. В 1833 году он был рукоположен в сан священника, в 1863 году назначен капелланом спикера Палаты общин, а в 1869 году стал деканом Эли. Он умер 27 декабря 1893 года. Книга Меривейла «История римлян в эпоху империи» внесла большой вклад в развитие изучения римской истории в период империи. Начиная со смерти Суллы, она с определенной степенью полноты описывает интеллектуальную и социальную жизнь того периода вплоть до смерти Марка Аврелия, хотя автор не затрагивает никаких более глубоких проблем, связанных с историей имперского периода.

Мейер, Эдвард, *Geschichte des Alterthums*, Штутгарт, 1884-1893, 2 тома; *Untersuchungen über die Schlacht im Teutoburger Walde*, Берлин, 1895; *Über den Ursprung des Tribunats*, в *Hermes*, т. 30, 1895. Биографическая справка об этом авторе приводится в т. I, с. 302. Второй том истории Мейера, который является последним из вышедших, охватывает период до Персидских войн. В соответствии с его общим характером, в нем дается обзор всего Запада, включая начало истории Италии и установление власти этрусков в Италии. Но, рассматривая Италию в целом, он проливает новый свет на историю Рима в частности, а также на этрусское господство в Лацио, характер патрицианского правления, систему землевладения и т. д. Старейшая итальянская и этрусская цивилизация также хорошо описана. **Meyer**, K., *Sprache und Sprachdenkmäler der Langobarden*, Paderborn, 1877.—**Мишо**, Ж. Ф., *L'histoire des croisades*, Париж, 1841, 6 тт.; английский перевод В. Робсона, Лондон, 1852, 3 тт.—**Мишле**, Ж., *Histoire romaine*, Париж, 1831, 2 тт.; английский перевод В. Хэзлитта, *History of the Roman Republic*, Лондон, 1847.—**Миддлтон**, Дж. Х., Древний Рим в 1888 году, Лондон, 1888; Статья о Риме в *Encyclopædia Britannica*, девятое издание; Остатки древнего Рима, Лондон, 1892, 2 тома.—**Милман**, Х. Х., История христианства от рождения Христа до отмены язычества, Лондон, 1867.—**Миспуле**, И. Б., Политические институты римлян, Париж, 1882-1883, 2 т.; —**Моммзен**, Теодор, Корпус надписей Неаполя, Лейпциг, 1851; Римская история, Берлин, 1853-1856, 3 т.; 8-е издание, 1888, 5 т.; *Die Rechtsfrage zwischen Cæsar und dem Senat*, Бреслау, 1857; *Die römische Chronologie bis auf Cæsar*, Берлин, 1858-1859; *Geschichte des römischen Münzwesens*, Бреслау, 1860; «Verzeichniss der römischen Provinzen um 297» (Список римских провинций около 297 года), Берлин, 1862; «*Römische Forschungen*» (Исследования по римской истории), Берлин, 1865-1879, 2 тома; переведено на английский язык У. П. Диксоном, «*History of Rome to Time of Augustus*» (История Рима до времени Августа), Лондон, 1868-1875, 4 тома; «*Römisches Staatsrecht*» (Римское государственное право), Лейпциг, 1871-1888, 3 тома. « » (Римские провинции) (в соавторстве с К. Дж. Марквардтом); второе издание «*Handbuch der römischen Altertümer*» (Справочник по римской древности), Лейпциг, 1881-1886, 7 томов; перевод на английский язык W. P. Диксона, *The Roman Provinces*, Лондон, 1887, 2 тома; *History of the Roman Republic* (сокращенное издание С. Брайанса и Ф. Дж. П. Хендрика), Лондон, 1888; *Abriss des römischen Staatsrechts*, Лейпциг, 1893.

Теодор Моммзен, немецкий историк и эпиграфист, был датского происхождения и родился в Гардинге в Шлезвиге 30 ноября 1817 года. Получив образование в Альтоне и Киле, он провел годы с 1844 по 1847 в археологических исследованиях в Риме. В 1848 году он был назначен профессором в Лейпциге, но лишился своей должности из-за участия в бурных политических событиях того года. В 1852 году он стал профессором в Цюрихе, а в 1858 году — в Берлинском университете. В 1874 году он был назначен пожизненным секретарем Академии наук в Берлине. С 1873 по 1882 год он был членом Палаты депутатов Пруссии. В

1881 году он отказался от избрания в Рейхстаг, протестуя против политики герцога Бисмарка и, в частности, против прогресса социализма в государстве. Эта критика вызвала гнев князя, и в 1882 году Моммзен был привлечен к ответственности за клевету. Дело приобрело широкую известность. Оправданный в первом судебном разбирательстве, он был осужден в апелляции, но во втором судебном разбирательстве, в котором он защищал себя сам, он снова одержал победу.

Работа профессора Моммзена знаменует важную эпоху в области римской истории. Его история Рима впервые появилась в 1854 году в серии томов, предназначенных для более широкой публики, поэтому в ней были представлены только результаты его исследования. Стил Моммзена заметно отличается от сдержанности классических историков. Он ни в коем случае не рассматривает описываемые им события со стороны, а принимает сторону тех или иных партий и ведущих персонажей. Например, он испытывает особую антипатию к этрускам, а также к Цицерону. Возможно, именно этот личный элемент делает всю работу живой. Персонажи и события представлены с максимальной живостью. Различные персонажи, такие как Гракх, Сулла и Цезарь, кажутся реальными, дышащими людьми, а не просто словами на странице. Но не только стиль был новым — был представлен совершенно новый материал, создавший новую главу в истории Италии, основанную на изучении самой страны, памятников древности, особенно на находках в гробницах Италии. Прежде всего, различные аспекты национального развития — экономический, художественный и литературный — объединены мастерской рукой. Книга сразу же вызвала новый интерес к классическим исследованиям по всей стране. Моммзен также внес неоценимый вклад в специальные области — эпиграфику, нумизматику и, прежде всего, конституционное право римлян, — все они получили отпечаток его гения.

Монталембер, К. Ф. де Т., *Les moines d'Occident*, Париж, 1860-1867, 7 тт.; английский перевод, *The Monks of the West from S. Benedict to S. Bernard*, Эдинбург и Лондон, 1860-1870, 7 тт. — **Монтиколо**, Г., *I Manoscritti e le fonti della Cronica del Diacono Giovanni*, Рим, 1889; *Cronache Veneziane Antichissime*, Рим, 1890; *Le Spedizioni di Luitprando nell' Escarto e la Lettera di Gregorio III al Doge Orso*, в *Archivio della Società Romana di Storia Patria*, 1892.—**Monumenta Germaniæ Historica**, Ганновер, 1826; в процессе подготовки.

Точные тексты всех наиболее важных исторических писателей о Германии до 1500 года, а также законы, архивы и письма этого периода. Под редакцией Перца с 1826 по 1874 год, в течение которого было опубликовано 24 тома. С 1874 года работу продолжили Вайтц, Ваттенбах, Дюммлер и другие.

Мюллер, К., *Fragmenta Historicorum Græcorum*, Париж, 1841-1870, 5 томов; новое издание, 1883. — **Мюллер**, И. фон, *Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*, Нёрдлинген, 1885, в процессе подготовки, 9 томов (часть 4 тома V появилась в 1902 году).—**Мюллер**, Д., «*Geschichte des deutschen Volkes*», Берлин, 1900. —**Мюллер**, Ф., «*Grundriss der Sprachwissenschaft*», Вена, 1876-1888, 3 т.; **Мюллер**, К. О., «*Etrusker*», Бреслау, 1828, 2 т.; под редакцией В. Деке, « », Штутгарт, 1877.—**Мунк**, Э., *Geschichte der römischen Litteratur*, Лондон, 1858-1861, 3 тт. —**Муратори**, Л. А., *Rerum italicarum scriptores præcipui ab anno 500 ad annum 1500*, Милан, 1723-1751, 29 тт.

Муратори родился в Виньоле в Модене в 1672 году. Он получил образование для служения в церкви, но в 1700 году был назначен библиотекарем герцога Моденского. Муратори был одним из самых выдающихся ученых XVIII века.

Мерфи, А., Английский перевод Тацита, Лондон, 1793. — **Мюррей**, А. С., Терракотовые саркофаги, греческие и этрусские, Лондон, 1898.

Наполеон III, Histoire de Jules César, Париж, 1865-1866, 2 тома; английский перевод, History of Julius Cæsar, Лондон, 1865, 2 тома.

В этой работе автор заявил, что она была написана, чтобы доказать, что когда Провидение возвышает таких людей, как Цезарь, Карл Великий и Наполеон, оно делает это для того, чтобы показать людям путь, по которому они должны следовать; по сути, это было оправдание наполеоновского абсолютизма.

Naudet, J., Histoire de la monarchie des Goths en Italie, Paris, 1810.—**Neumann**, C., Weltstellung des byzantinischen Reiches, Heidelberg, 1894; Die Grundherrschaft der römischen Republik, Strassburg, 1900.—**Niccolini**, G., Fasti tribunorum plebis ab anno 269 ad annum 731, Studi storici, 1895.—**Nichols**, F. M., The Marvels of Rome, Лондон, 1889 (английский перевод с латыни путеводителя XII века).—**Нибура**, Б. Г., Römische Geschichte, Берлин, 1811-1832, 3 тома; новое издание, 1873; английский перевод В. Смита, Л. Шмитца, Дж. К. Хэра и К. Тирлволла, The History of Rome, Лондон, 1859, 3 тома; Lectures on the History of Rome from the First Punic War to the death of Constantine, под редакцией Л. Шмитца по лекциям Нибура, Лондон, 1844, 2 тома; Vorträge über die römische Geschichte, под редакцией Ислера, Берлин, 1846-1848, 3 тома; Vorträge über alte Geschichte, под редакцией М. Нибура, Берлин, 1847-1851, 3 тома; Английский перевод Л. Шмитца, Lectures on Ancient History, Лондон, 1852; Vorträge über römische Altertümer, под редакцией Ислера, Берлин, 1858; статьи в Geschichte der Stadt Rom, под редакцией Бунзена, Платнера и других, Штутгарт, 1830-1843, 3 тома; Corpus Scriptorum Historiæ Byzantiæ, см. Византийская история.

Бертольд Г. Нибура родился в Копенгагене 27 августа 1776 года. В молодости он был секретарем министра финансов Дании, а затем директором банка. В 1806 году он переехал в Берлин, где в 1808 году стал государственным советником, а после основания Берлинского университета в 1810 году был назначен профессором истории. С 1816 по 1824 год он проживал в Риме в качестве посла Пруссии, воспользовавшись пребыванием там для проведения важных исследований в области римской истории и филологии. По возвращении он принял профессорскую должность в Боннском университете, где оставался до своей смерти 2 января 1831 года. Критические методы Нибура положили начало новой эре во всей истории науки или, как говорит Маколей, в «истории европейского интеллекта». Его «История Рима» впервые появилась в 1811 году и была составлена в основном из лекций, прочитанных в Берлинском университете зимой того же года. Достижения Нибура стали возможными благодаря совокупности различных факторов: его обширной эрудиции, опыту в политических, судебных, экономических и даже военных вопросах, знакомству с Римом, его землями и народом, знанию людей, приобретенному в ходе путешествий и работы на дипломатических должностях, и, прежде всего, его редкому дару комбинировать и всестороннему взгляду на вещи (). Работа Нибура навсегда останется примером истинной исторической критики; его цель лучше всего можно объяснить его собственными словами: «Мы должны стремиться выделять басни и фальсификации и тренировать свой взгляд, чтобы распознавать очертания истины, освобожденной от всяких прикрас. Критику может быть достаточно выявления басен и опровержения обмана; он желает только разоблачить вводящие в заблуждение рассказы. Историк нуждается в чем-то более конкретном; он должен, по крайней мере, обнаружить связь фактов с некоторой вероятностью и найти более вероятное повествование вместо того, которое принесено в жертву его убеждениям».

Niese, B., Grundriss der römischen Geschichte nebst Quellenkunde, 1896, 2-е издание; De annalibus Romanis, 2 программы, Мюнхен.—**Nisard**, D., Les quatre grands historiens latins, Париж, 1874.—**Nitzsch**, K. W., Die römische Annalistik, von ihren ersten Anfängen bis zu Valerius Antias, Berlin, 1873; Die Geschichte der römischen Republik, под редакцией Thouret, Berlin, 1884-1885, 2 тома.

Оберхаммер, Э., Bericht über Landes- und Völkerkunde. — **Эльснер**, Zur Chronologie der italienischen Ereignisse, в его Jahrbücher des fränkischen Reiches unter König Pippin, Лейпциг, 1871. — **Оман**, К. В. К., The Byzantine Empire (Story of the Nations), Лондон, 1892; A History of Europe from 476-918, Лондон, 1893. — **Озанам**, А. Ф., La Civilisation au Vme siècle, Париж, 1855; английский перевод, History of Civilisation in the Fifth Century, Лондон и Филадельфия, 1867, 2 т.

Пабст, Х., Geschichte des Langobardenherzogtums, в Forschungen zur deutschen Geschichte, 1862, 2 т. — **Паги**, Антуан, Critica historico-chronologica, Женева, 1689-1705, 4 т. — **Паис**, Этторе, Storia di Roma, составляющая часть II его Storia d'Italia dei tempi più antichi, Турин, 1894-1899. — **Палльманн**, Р., Geschichte der Völkerwanderung, Берлин, 1863-1864, 2 т.

Р. Палльманн, немецкий географ, историк и публицист, родился в Шпремберге 14 июня 1835 года. В своей *работе Völkerwanderung* он пытается доказать, что миграция народов, разрушивших Римскую империю, была гораздо меньше, чем предполагалось, и проводит очень тщательное исследование древних источников.

Папенсердт, Дж., Geschichte der Stadt Rom, Падерборн, 1857. — **Папенкордт**, Феликс, Geschichte der Vandalen, Падерборн, 1837. — **Паркер**, Дж. Х., The Archeology of Rome, Оксфорд, 1874-1880, 16 томов. — **Паукер**, К., De Latinitate Scriptorum Historiæ Augustæ malemata, Дорпат, 1870. — **Пелхэм**, Х. Ф., Outlines of Roman History, Лондон, 1893, 1895, 1903. — **Перрин**, Р., Marche d'Annibal des Pyrenées au Po, Мец, 1887. — **Перри**, Уолтер К., The Franks from their First Appearance in History to the Death of King Pepin, Лондон, 1857. — **Персон**, Э., Essai sur l'administration des provinces romaines sous la république, Париж, 1878. — **Перц**, Георг Генрих, Monumenta Germaniæ Historica, Ганновер, 1826-1874, 24 тома. — **Петер**, Карл Людвиг, «История Рима», Галле, 1853, 3 т., 4-е изд., 1881; «К критике источников древней римской истории», Галле, 1879. — **Петер**, Герман, «Historia Critica Scriptorum Historiæ Augustæ», Лейпциг, 1860; Exercitationes Criticæ in Scriptores Historiæ Augustæ, Познань, 1863; Die Quellen Plutarchs in den Biographien der Römer, Галле, 1865; Die Geschichtliche Litteratur über die römische Kaiserzeit bis Theodosius, 2 тома. — **Пейр**, Р., L'empire romain, Париж, 1894. — **Pierron**, A., Histoire de la littérature romaine, Париж, 1857. — **Plew**, J., Marius Maximus als Quelle der Scriptorum Historiæ Augustæ, Страсбург, 1878. — **Pohlmann**, R., Die Anhänge der Socialismus in Europa. — **Pollard**, A., Historische Zeitschrift, 1879-1880; Stories from Roman History, Лондон, 1892. — **Поттаст**, Авг., Bibliotheca historica Medii Ævi, 375-1500 A.D., Берлин, 1868. — **Прессенсе**, Э. де, Histoire des trois premiers siècles de l'Église chrétienne, Париж, 1887-1889, 3 тома. Английский перевод А. Хэрвуда Хохденда, The Early Years of Christianity, Лондон и Нью-Йорк, 1879, 4 т.; **Прево-Парадол**, Л. А., Essai, sur l'histoire universelle, Париж, 1890, 2 т.

Квишере, Ж., «Сборник по археологии и истории», Париж, 1885, 2 тома. — **Квидде**, Ф., «Калигула», Лейпциг, 1894.

Рамбо, Альфред Николя (в сотрудничестве с Эрнестом Лависсом), Histoire Générale du IVme siècle à nos jours, Париж, 1893, 8 тт. в процессе подготовки. — **Ranke**, Leopold von, Weltgeschichte, Лейпциг, 1880-1888, 9 тт. (тт. 7-9 под редакцией Dove, Wiedemann и Winter); 2-е издание 1896, 4 тт. — **Rawlinson**, George, The Seventh Great Oriental Monarchy, Лондон, 1876. Дает историю войн между Персией и империей. (Биографическая справка об этом авторе приведена в т. I, с. 571.) — **Рейнхардт**, С., Der Perserkrieg des Kaisers Julian, Гота, 1892. — **Ренан**, Жозеф Эрнест, Histoire des origines de Christianisme, Париж, 1887. (Биографическая справка об этом писателе приведена в т. II, с. 235.) — **Реумонт**, А. У., «История города Рима», Берлин, 1867-1870, 3 т. — **Ревиль**, Ж., «Религия в Риме при Северах», Париж, 1886. — **Рихтер**, Густав, «Анналы немецкой истории в средние века», Галле, 1873. — **Робинсон**, У. С., «Первая история Рима», Лондон, 1890. — **Родоканачи**, Э., «Рабочие корпорации в Риме после падения Римской империи», Париж, 1894, 2 т. — **Роллен**, Шарль, «История Рима», Париж, 1738-1741, 5

тт. — **Рёслер**, Э., «Римские исследования, исследования древней истории Рима», Лейпциг, 1871. — **Рот**, Пауль фон, «История благотворительности», Эрланген, 1850.

Сарториус, Георг, Versuch über die Regierung der Ostrogothen während ihrer Herrschaft in Italien, Гамбург, 1811. — **Солси**, Ф. Ж., Essai de classification des suites monétaires byzantines, Париж, 1836. — **Савиньи**, Фридрих Карл фон, «История римского права в средние века», Гейдельберг, 1834-1851, 7 тт. — **Саюс**, Пьер Андре, «Происхождение и языческая эпопея истории венгров», Париж, 1874; Histoire générale des Hongrois, Париж, 1877, 2 т. — **Шефер**, Арнольд, Abriss der Quellenkunde der griechischen und römischen Geschichte, Лейпциг, т. I, 4-е изд., 1889; т. II, 2-е изд., 1885. — **Шенк**, К., в Byzantische Zeitschrift, Лейпциг, 1896. — **Шиллер**, Иоганн Генрих Карл Фридрих Герман, Geschichte der römischen Kaiserzeit bis auf Theodosius den Grossen, Гота, 1886-1888, 2 т. (в соавторстве с М. Фойгтом), Die römischen Staats-, Kriegs- und Privataltertümer, в I. Мюллер, Handbuch der klassischen Altertumswissenschaften, Нёрдлинген, 1887. — **Шлегель**, К. В. Ф. фон, Лекции по истории литературы, Нью-Йорк, 1841. — **Шлоссер**, Ф. К., Geschichte der bilderstürmenden Kaiser des Oströmischen Reichs, Франкфурт, 1812; Weltgeschichte für das deutsche Volk, Оберхаузен и Лейпциг, 1874-1875, 19 тт. (Биографическая справка об этом писателе приведена в т. IV, стр. 637.) — **Шмидт**, Людвиг, Zur Geschichte der Langobarden, Дрезден, 1885. — **Шмидт**, О. Э., в Spanier's Illustrierte Weltgeschichte, т. II, von Alexander dem Grossen bis zu Beginn der Volkswanderung, 3-е изд. — **Шмитц**, Леонард, История Рима с древнейших времен до смерти Коммода, Лондон, без даты. — **Шмитц**, М., Quellenkunde der römischen Geschichte bis auf Paulus Diaconus, Гютерсло, 1881. — **Шнайдевин**, М., Die antike Humanität. — **Шонер**, Р., Рим, Лондон, 1898. — **Шён**, Г., Капитолийский список римских триумфов. — **Шредер**, В., О начале исторического искусства у греков и римлян, Йена, 1868. — **Шуберт**, Ганс фон, Покорение алеманов франками, Страсбург, 1884. — **Шукбург**, Э. С., История Рима до битвы при Акциуме, Лондон, 1894. — **Шварц**, Э., Die Berichte über die catilinarische Verschwörung, Hermes, т. 32, с. 554. — **Швеглер**, Альберт, Römische Geschichte, Тюбинген, 1853-1858, 3 т.

Альберт Швеглер, немецкий историк и теолог (1819-1857), находился под большим влиянием великих перемен, произошедших в Германии в середине XIX века, и горечи, вызванной разочарованием патриотических надежд, что отразилось на его творчестве, хотя это не так заметно в сдержанном стиле Швеглера, который обращается к « » скорее к ученым, чем в стиле Моммзена, который обращается к более широким кругам. История Швеглера охватывает только период до Лицинианских просьб, и автор не дожил даже до публикации третьего тома « ». Его целью было представить критическое исследование в самом широком диапазоне, и он превосходно справился с этой задачей, с удивительной уверенностью проводя читателя через лабиринты мифов и традиций, а также через противоречивые утверждения современных авторов. В то же время он объединяет подтвержденные результаты в целостную картину и описывает события с острым политическим чутьем. Он отличается от Нибура только в одном важном пункте, отказываясь признать, что история Древнего Рима является продуктом народных баллад, и считая, что она возникла из класса этиологических басен, которые были так широко распространены среди древних. Эта работа была затмлена вскоре после ее появления блестящими достижениями Моммзена.

Зек, О., Die Schätzungsordnung Diocletians; Gedichte des Untergangs der antiken Welt, Берлин, 1897, 2-е издание. — **Сили**, Дж. Р., Roman Imperialism, в его Lectures and Essays, Лондон, 1870. — **Сеньобос**, К., Histoire narrative et descriptive du peuple romain, Париж, 1894. — **Sellar**, W. Y., The Roman Poets of the Republic, Oxford, 1881, 1889; The Roman Poets of the Augustan Age, Oxford, 1883, 1892, 1897. — **Sergeant**, L., The Franks (Stories of the Nations), London, 1888. — **Сейфферт**, О., «Словарь классической археологии», Лейпциг, 1882; «Словарь классической археологии», под редакцией Генри Неттлшипа и Дж. Э. Сэндиса, Лондон, 1901. — **Шеппард**,

Дж. Й., «Падение Рима и возникновение новых национальностей», Лондон, 1874. (Автор не согласен с взглядами Гиббона, но основывает свою работу на оригинальных источниках.) — **Шумвей**, Э. С., День в Древнем Риме, Бостон, 1885. — **Сим**, Дж., статья о Германии в девятом издании Британской энциклопедии. — **Смит**, Р. Босворт, Карфаген и карфагеняне, Лондон, 1879; Рим и Карфаген, Лондон, 1881. — **Смит**, У., Словарь греческой и римской биографии и мифологии, Лондон, 1864-1866, 3 тома; Словарь греческой и римской географии, Лондон, 1866-1867, 2 тома; Словарь греческих и римских древностей, Лондон, 1869; Краткий словарь греческих и римских древностей, под редакцией Ф. Уорре Корниша, Лондон, 1898; — **Зом**, Р., Старогерманское имперское и судебное устройство, Веймар, 1871; — **Солтау**, В. Й., О возникновении и составе древнеримских народных собраний, Берлин, 1880; Римская хронология, 1889; К истории римской анналистики, в Nord und Süd, 20-й год (1896); Историческое произведение Ливия, его источники и композиция, 1877.—**Стамфорд**, Т. В., Поле битвы в Тевтобургском лесу, Кассель, 1892.—**Штолл**, Х. В., Герои Рима в войне и мире, Лейпциг, 1866; История римлян до падения республики, Ганновер, 1869, 2 т. — **Штольценберг-Луттмерсен**, фон, Следы лангобардов от Северного моря до Дуная, Ганновер, 1889.—**Штриттер**, Й. Г., Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, Paludem Mæotidem, Causasum, etc., incolentium, ex scriptoribus Byzantinis erutæ ac digestæ, 1771-1779. —**Штукельберг**, Э. А., Die Thronfolge von Augustus bis Konstantin.

Тейн, Х. А., «Эссе о Тит-Ливе», Париж, 1856 г. — **Тейлор**, Т. М., «Конституционная и политическая история Рима от древнейших времен до правления Домициана», Лондон, 1899 г.—**Теуффель**, В. С., Geschichte der römischen Litteratur, Лейпциг, 1868-1870, 5 тт.; английский перевод В. Вагнера, History of Roman Literature, Лондон, 1873, 2 тт.—**Тальхаймер**, М. Э., Mediæval and Modern History, Цинциннати, 1872.—**Тьянкур**, К., Причины и истоки второй Пунической войны (la seconde guerre punique), Париж, 1890. — **Тьерри**, Амеде, История Галлии под властью Рима (Histoire de la Gaule sous l'administration romaine), Париж, 1840, 3 тома; «История Аттилы», Париж, 1856; «Рассказы о римской истории в V веке», Париж, 1860; «Картина Римской империи от основания до конца правления», Париж, 1860; «Три министра сыновей Феодосия, Руфин, Эутроп, Стиликон», Париж, 1865.

Работы *Амеде Тьерри* по древней истории Галлии имеют огромное значение. Отношения Галлии с Римом и взаимное влияние цивилизации и варварства, пожалуй, нигде больше не были описаны так хорошо.

Тьерри, Огюстен, «Récit des temps Mérovingiens», Париж, 1847. — **Томас**, Э., «Rome et l'empire aux deux premiers siècles de notre ère». — **Тюэ**, «Römische Geschichte». — **Тиффенбах**, Р., «Über die Örtlichkeit der Varusschlacht», Берлин, 1891. — **Тильмон**, С., le Nan de, Histoire des empereurs et des autres princes qui ont régné pendant les six premiers siècles de l'Église, Париж, 1691-1738, 6 тт. — **Тирабоски**, Дж., Storia della letteratura italiana, Модена, 1772-1781, 13 тт.; английский перевод, Literary History of Italy, Эдинбург, 1835.—**Троллоп**, Энтони, The Life of Cicero, Лондон и Нью-Йорк, 1880-1881, 2 тома. (Троллоп защищает Цицерона от мнений Фроуда, Меривейла и Моммзена.)—**Тромсдорф**, П., Quæstiones duæ ad historiam legionum Romanorum spectantes, диссертация, Лейпциг.—**Троя**, К., Codice Diplomatico-Longobardo, Неаполь, 1852-1855. — **Тиррелл**, Р. Й., Цицерон в своих письмах, Лондон, 1891.

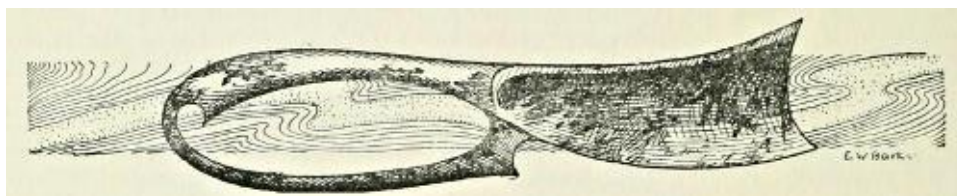
Ульрики, Х., Charakteristik der alten Historiographie, Берлин, 1833.

Вендеттини, Del Senato Romano, Рим, 1782. — **Вильардуэн**, Жоффруа де, Histoire de la conquête de Constantinople, Париж, 1657; новое издание, 1838.

Вахсмут, Курт, Введение в изучение древней истории, Лейпциг, 1895 (практически незаменимая работа для библиографии древней истории).—**Вайтц**, Георг, История

немецкой конституции, Киль, 1843-1878, 8 тт.—**Валлон**, Х. А., Histoire de l'esclavage dans l'antiquité, Париж, 1848, 3 тт. — **Вальцинг**, Ф. П., Étude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains. — **Ваттенбах**, Вильгельм, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, bis zur Mitte des 15. Jahrhundert, Берлин, 1858, 6-е издание, 1893-1894.—**Вебер**, Георг, Общая всемирная история, Лейпциг, 1857-1880, 15 тт. —**Вайзе**, Юлиус, Самая древняя история лангобардов, Йена, 1877; Италия и лангобардские правители с 568 по 628 год, Галле, 1887. —**Веструм**, А., Die Langobarden und ihre Herzöge, Целле, 1886. — **Вигандт**, Л., Julius Cæsar und der tribunische Gewalt, Дрезден, 1890. — **Витерсхайм**, Эдуард фон, Geschichte der Völkerwanderung, Лейпциг, 1880-1881, 2 тома. — **Вильгельм**, П., Le droit public romain, Лувен, 1883. — **Уильямс**, Х. С., The History of the Art of Writing, Нью-Йорк и Лондон, 1903. — **Вирт**, Иоганн Г. А., Geschichte der deutschen Staaten, Штутгарт, 1843-1845, 4 т. — **Вольфсгрубер**, К., Gregor der Grosse, Заульгау, 1890.—**Райтсон**, Р. Х., «Священная римская республика», Лондон, 1890.

Захария фон Лингенталь, Карл Соломон, Л. Корнелий Сулла, называемый Счастливым как организатор римского свободного государства, Гейдельберг, 1834. — **Цойс**, Иоганн Каспар, « Deutschen und die Nachbarstämme» (Древняя история германцев и соседних племен), Мюнхен, 1837. — **Циелински**, Т., «Cicero im Wandel der Jahrhunderte» (Цицерон в течение веков), Лейпциг.

КАРТА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

BORMAY & CO.

[назад](#)